

НАУЧНІ І ЛІТЕРАТУРНІ ПУБЛІКАЦІЇ « СТУДІОН »
СТУДИТСЬКИХ МОНАСТІРІВ Ч. III-V
PUBLICATIONES SCIENTIFICAE ET LITTERARIAE «STUDION»
MONASTERIORUM STUDITARUM № III-V

Диакон Василій ЧСВ

ЛЕОНИД ФЕДОРОВ

Жизнь и деятельность

Diaconus Basilius OSB

LEONIDAS FIODOROFF

De vita et operibus enarratio

НАУЧНІ І ЛІТЕРАТУРНІ ПУБЛІКАЦІЇ « СТУДІОН »
СТУДИТСЬКИХ МОНАСТИРІВ Ч. III-V
PUBLICATIONES SCIENTIFICAE ET LITTERARIAE « STUĐION »
MONASTERIORUM STUDITARUM N° III-V

Диякон Васи́лій ЧСВ

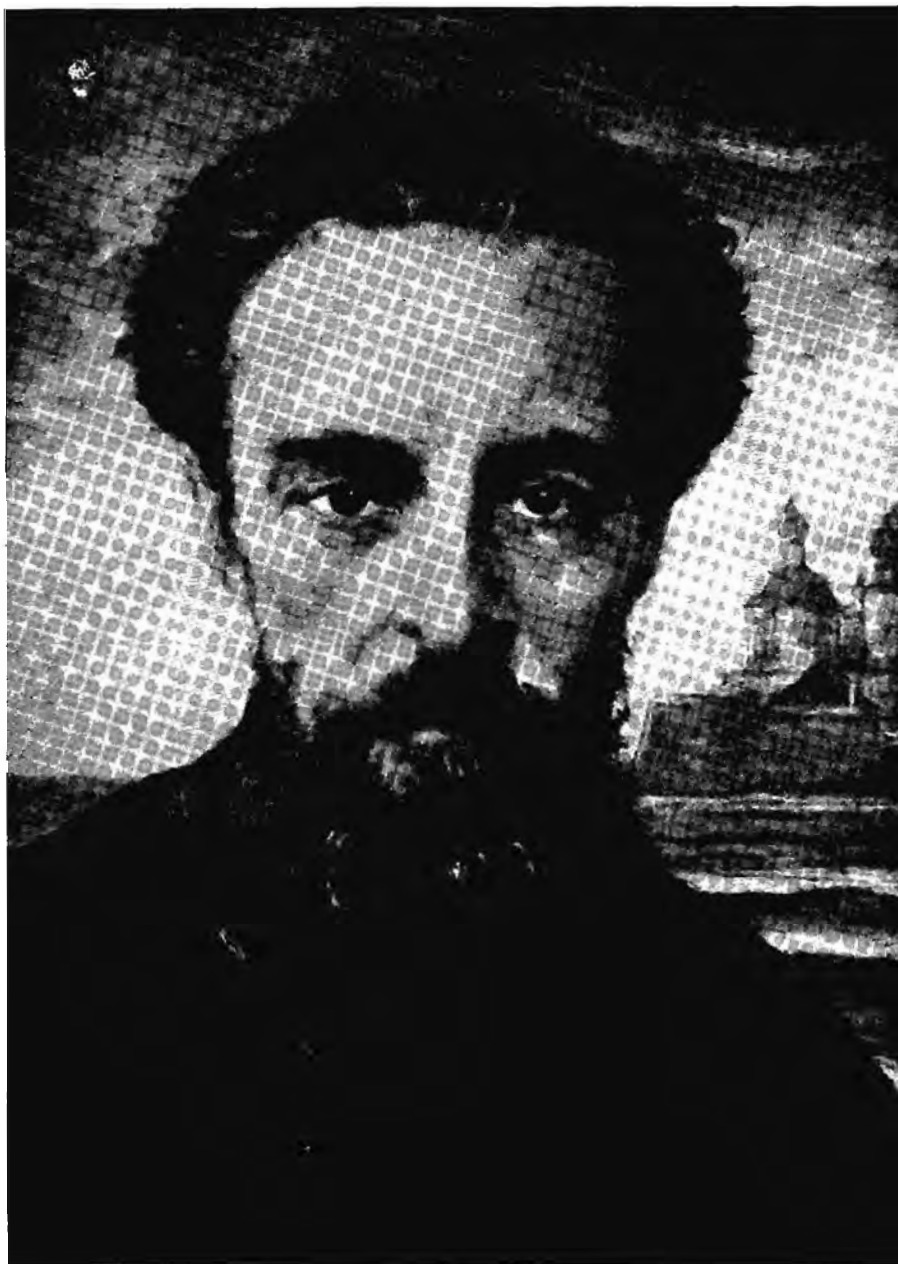
ЛЕОНИД ФЕДОРОВ

Жизнь и деятельность

Diaconus Basilius OSB

LEONIDAS FIODOROFF

De vita et operibus enarratio

ПОРТРЕТ ЭКЗАРХА О. ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА

с фотографии, святой на Соловках, написанный художницей Борисовой по просьбе
кн. П. М. Волконского и по указаниям Ю. Н. Данзас.

Диакон Васи́лій ЧСВ

ЛЕОНИД ФЕДОРОВ

Жизнь и деятельность

Рим

1966

Romae

Печатается за дозволом Церковної Влади.

Cum adprobatione ecclesiastica
die 26 Aprilis 1967

TIPOGRAFIA POLIGLOTTA VATICANA

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
От автора	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Глава I

Высокопреосвященнейший Андрей, митрополит Львовский и Галицкий	9
--	---

Призвание митрополита Андрея к служению единству Вселенской Церкви. - Его детские и школьные годы. - Юридический факультет. - Первая поездка в Россию и знакомство с Владимиром Соловьевым. - Вступление в орден Васильян. - Богословское образование и рукоположение в священники восточного обряда. - Деятельность его в ордене Васильян. - Епископ Станиславовский. - Митрополит Львовский и Галицкий. - Архипастырская работа в Галиции. - Учреждение ордена Студитов. - Научный Институт в Львове для апостольской работы в России.

Глава II

Детство, отрочество и юность о. Леонида	30
---	----

Его мать. - Смерть отца. - Вторая Петербургская гимназия. - Греческий классический мир. - «Милитаризм» Мольтке. - Действие Библии и стремление к монашеству. - Начало философского развития. - Буддизм. - Первая любовь. - Отречение от мира. - Желание стать священником. - У порога Петербургской Духовной Академии.

Глава III

«Все пути ведут в Рим»	45
----------------------------------	----

В Петербургской Духовной Академии. - О Иоанн Сциславский. - «Бесповоротный шаг» Леонида Федорова. - В Львове у митрополита Андрея. - Переход в католичество. - Четыре года в Папской Семинарии в Ананьи. - Начало борьбы за «Восточный обряд». - Отклики революционного движения в России. - Общение с матерью.

Глава IV

Начало активной работы	60
----------------------------------	----

Встреча Федорова в Риме с ассумпционистами Эзаром и Бореном. - Знакомство с о. Алексеем Зерчаниновым. - Первый Веллеградский съезд. - Юбилейные торжества в Риме в память св. Иоанна Златоуста. - Евгений Франце-

вич Шмурло. - Проект Сазонова об устройстве русской католической Церкви латинского обряда. - Разговор об этом Федорова с монсиньором Бенини. - Предложение Сазонова Федорову основать русскую латинскую Церковь в Белоруссии. - Работа Федорова по пересмотру литургических текстов. - Год в коллегии Пропанды. - Окончание богословского образования в Фрейбургском Университете в Швейцарии.

Глава V

Святейший Отец Папа св. Пий X 77

Мысли митрополита Андрея о проповеди католичества и апостольской работе в России; его канонические права. - Первая аудиенция у Папы св. Пия X в феврале 1907 г. и Его решение. - Назначение о. Алексея Зерчанинова наместником митрополита Андрея в России. - Аудиенции 14 и 22 февраля 1908 г. - Полномочия митрополита Андрея и пророческие слова св. Пия X.

Глава VI

« Медведь из лесной труппы » в столице 91

Переезд о. Алексея Зерчанинова в Петербург. - Его положение в столице. - Между двух огней: русского правительства и польского духовенства. - Первые шаги и устройство русской католической церкви. - Деятельное участие Н. С. Ушаковой. - Отношение П. А. Столыпина. - Первое архипастырское указание митрополита Андрея. - Его обращение к Н. С. Ушаковой. - Декрет Папы св. Пия X о полномочиях о. Алексея.

Глава VII

Первая русская католическая церковь восточного обряда в Петербурге 116

Митрополит Андрей инкогнито в Петербурге. - Старообрядческий священник Евстафий Сусалев и принятие его в католичество в сущем сане. - Помощь о. Сусалева в устройстве церкви на Полозовой улице. - Неожиданная поддержка со стороны Государя Императора. - Крещение еврейки.

Глава VIII

Две первые поездки Леонида Федорова в Россию 143

Федоров - префект Научного Института (Студиона) в Львове и его ежегодные поездки отсюда в Россию. - Первая поездка (1-30.1.1910): В Вильне у белоруссов. - Церковь на Полозовой улице. - Доминиканец о. Шумп. - Иезуит о. Урбан. - Ассумпционисты - отцы Буа и Борен. - Приезд в Петербург о. Викентия Ключинского и посвящение его в епископы. - Отношение нового митрополита к легализации русского католического прихода. - Вторая поездка (1-24.2.1911): Русская миссия. - О. Алексей. - О. Евстафий Сусалев. - Митрополит Ключинский. - Поездка Н. С. Ушаковой в Рим. - Москва: старообрядцы, дом Абрикосовых, обыск. - Рукоположение Леонида Федорова в священники.

Глава IX

Гроза в Петербурге 175

О. Дейбнер - снова « восточник ». - Влияние ассумпционистов. - « Крах » русской католической группы: подчинение ее польской иерархии и последствия этого. - Третья поездка о. Леонида Федорова в Россию (ноябрь 1911 г. - апрель 1912 г.): русская синодальная церковь. - Архиепископ Антоний Вольнский. - Русское общество. - Католическая Церковь. - Русская миссия. - Москва. - Новые веяния в Министерстве Внутренних Дел после убийства Столыпина. - Открытие новой « Православно-кафолической церкви » на Бармалеевой улице. - Русский католический журнал « СЛОВО ИСТИНЫ ». - Выступление православного духовенства против новой церкви и ее настоятеля о. Дейбнера. - Епископ Никандр, викарный Петербургского митрополита. - Закрытие новой церкви полицией. - Безуспешные попытки добиться ее открытия.

Глава X

Владыка Андрей 216

Его сокровенные мысли о положении русского католичества и защита русских католиков от возведенных на них обвинений: злоупотребление принципом Владимира Соловьева; наименование « Православно-кафолический »; почитание русских святых; неповиновение митрополиту Ключинскому; редактирование « Слова Истины » В. В. Балашовым, тайным католиком, а официально - православным. - Тяжелое положение русских католиков, как восточного, так и латинского обряда в Петербурге.

Глава XI

Иеромонах Леонтий 236

Поступление о. Леонида в Студитский « Скит св. Иосифа » в Каменце. - Письмо-исповедь митрополиту Андрею. - « Изолированность от мира, полное незнание всех его сует и мелочных забот ». - Бедность и простота жизни. - Низкий культурный уровень окружающей среды. - Стремление достичь личного совершенства в монашестве. - Рабочий день в Студитском монастыре. - Богослужение и работа. - Свидание с митрополитом Андреем в Каменце. - Сомнения о. Леонида и внутренние испытания; его верность призванию. - Взгляды о. Леонида на восточный обряд и вселенский дух католичества.

Глава XII

Ссылка о. Леонида в Сибирь 264

Четвертая поездка о. Леонида Федорова в Россию (январь-июнь 1914 г.): Состояние русского государства и общества. - Разпутин. - Синодальная Церковь. - Отношение департамента и синода к русским. - Митрополит Викентий Ключинский. - Московские католики. - Сараевское убийство и возвращение

о. Леонида в Россию. - Арест его и ссылка в Сибирь. - Два с половиной года в Тобольске. - Революция и освобождение.

Глава XIII

Пути Господни неисповедимы 285

Начало военных действий в Галиции. - Занятие Львова русскими войсками. - Митрополит Андрей в штабе командующего 8-й армией генерала Брусилова. - Первые дни русской оккупации. - Обыск у митрополита Андрея, его арест и высылка в Киев. - Рукоположение в епископы о. Боцяна в киевском отеле «Континенталь». - Архив и документы митрополита Андрея. - Переезд в Нижний Новгород. - Два года узником в Курске. - Судьба епископа Боцяна. - Заключение митрополита Андрея в Суздальской духовной тюрьме. - Брат Яков и старец Степан. - Попытка о. Трофима Семяцкого установить связь с митрополитом Андреем. - Запрос А. Ф. Керенского в Государственной Думе и ходатайство о смягчении участи митрополита Андрея. - Переезд в Ярославль и последние месяцы заключения. - Февральский переворот и освобождение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СОЛНЦЕ СВОБОДЫ

Глава I

Час, предсказанный Папой св. Пиетр X 311

Архив митрополита Андрея спасен от огня и ждет его в Петрограде. - Возвращение о. Леонида из ссылки. - Положение русских католиков в Петрограде. - Их «Преображение». - Пасха 1917 г. - Священнослужение о. Леонида. - Празднование в Петрограде освобождения митрополита Андрея. - Предсоборная комиссия. - Первый русский католический собор (1917) в Петрограде. - Первые распоряжения митрополита Андрея. - Общество поборников воссоединения Церквей. - Легализация русских католиков. - Переговоры митрополита Андрея с членами Временного Правительства. - В. Н. Львов и А. В. Карташев-друг русских католиков. - Митрополит Андрей в трех русских столицах. - Его отъезд из России. - Дальнейшая судьба архива. - Последняя клевета.

Глава II

«Вышел сеятель сеять» 345

Русская католическая Церковь после большевицкой революции. - Тяжелое материальное положение духовенства восточного обряда. - Распределение наличных священников. - О. Евстафий Сусалев - шпион и предатель. - Благожелательное отношение митрополита Эдуарда Ропша к русским католикам и неблагоприятное со стороны некоторых представителей польского духовенства. - Вопрос о возглавлении русского экзархата епископом. - Духовное одиночество о. Леонида. - Развитие и рост его миссии несмотря на внешние трудности. - Отклики православных. - «Слово Истины» в новых условиях. - Общественное движение в пользу церковного единства.

Глава III

« ... О том, что нас гонят и мучают, не беспокойтесь; мы твердо стоим на скале Петровой ... » 363

Появление иеромонаха Патапия Емельянова в Петрограде и его рассказ Экзарху о том, как ему открылась истина католической Церкви. - Проповедь католичества в селе Богдановке Харьковской губернии. - Постановление сельского схода принять унию. - Проклятие митрополита Антония. - Благословение Российского Экзарха и послание его к новообращенным. - Возвращение о. Патапия в Богдановку и радость его прихожан. - Попытки церковных властей восстановить православие: проповеди, карательная экспедиция. - Приезд в Богдановку о. Глеба Верховского с антимином митрополита Андрея. - Посещение Богдановки миссионерами и неудавшийся диспут. - Новый донос церковных властей и новое избиение о. Патапия и его прихожан. - Лечение о. Патапия в больнице. - Приезд в Богдановку епископа Неофита. - Новый донос командующему Добровольческой армией после ухода немцев с Украины. - Арест о. Патапия и тюремное заключение. - Снова донос и заключение в каторжной тюрьме. - Посещение прокурора и дальнейшие мытарства. - Освобождение о. Патапия большевиками и возвращение его в Богдановку. - Спор из-за пользования храмом и решение советского суда. - Пучительность повести об иеромонахе Патапии.

Глава IV

« Дух дышит, где хочет, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит » 381

Отрыв русского православия от официальной Церкви в России. - Подлинное православие и католичество. - Убеждения и сомнения русского духовенства, признававшего истинность католичества. - Тайное католическое согласие православных священников. - Обособленность его от латинского духовенства. - Общество св. Льва в Киеве. - « Евхаристические вечерни ». - Благословение Патриарха Тихона. - Движение к единению в Москве при его поддержке. - Характер общественного служения о. Леонида Федорова по свидетельству о. Д. Кузьмина-Караваева.

Глава V

Духовный путь Ю. Н. Данзас - от рационализма к Вселенской Церкви 397

Самообразование. - « Исповедь » св. Августина, Отцы Церкви и Иустин Философ. - Аггестат зрелости. - Полоса философских влияний. - Пессимизм Шопенгауера. - Эстетическая сторона христианства и русский церковный быт. - « Жизнь Иисуса » Ренана. - Оккультизм. - Первая книга: « Запросы мысли ». - Религиозно-философское общество. - Русское монашество. - Сектанство. - Вторая книга: « В поисках за Божеством ». - Религиозные собрания в Петербурге у Е. Г. Шварца и гр. Игнатъевой. - Епископ Анастасий,

ректор Петербургской Духовной Академии. - Сближение православия с англиканами и старокаатоликами. - Идея Рима в истории Церкви. - Русские мыслители. - На приеме паломников у Папы св. Пия X. - Мистика. - Разговоры с Гарнаком и Дюшеном. - Мысль об уходе из мира. - В Зосимовой пустыни у старца Алексея. - Переселение душ? - Война: два с половиною года в подвижном отряде Красного Креста. - Революция. - Встреча с о. Леонидом в «Доме ученых». - Воссоединение с католичеством в церкви на Бармалеевой улице. - «Община Св. Духа».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: БИЧ БОЖИЙ

Глава I

Зверь из бездны 433

После неудачной попытки уничтожить Церковь одним ударом, новая попытка большевиков привлечь духовенство на свою сторону и заставить работать в пользу советского правительства. - Протоиерей Иоанн Альбинский и священник Владимир Красницкий. - «ИСПОЛКОМДУХ». - Протоиерей Александр Введенский. - Изъятие церковных ценностей. - Епископ Антоний. - Послание Патриарха Тихона. - Послание митрополита Антония Храповицкого и его оттолоски в России. - Суд над противившимися изъятию церковных ценностей. - Заключение Патриарха Тихона в Донском монастыре. - «Церковная революция». - Агитация представителей новой церкви. - Что могло бы дать это движение католичеству? - Разрушение религиозного миросозерцания: антирелигиозная пропаганда; падение нравов и духовной культуры вообще; большевицкое правосудие. - Церковный раскол. - Автокефальные церкви. - «Церковное возрождение» епископа Антонина.

Глава II

Факты, итоги и выводы Российского Экзарха 452

Больше трех лет митрополит Андрей лишен возможности отправиться в Рим для доклада. - Мученичество митрополита Андрея. - «Плохое, никак не Римское католичество!» - 16.12.1920. митрополит Андрей наконец в Риме: подтверждение его полномочий, утверждение Российского экзархата и Папский (бreve) о назначении о. Леонида Федорова экзархом. - Радость о. Леонида и русских католиков. - Неблагожелательное отношение к правам экзарха со стороны латинского клира. - Личные отношения о. Леонида с латинским духовенством. - Причины, мешавшие латинскому клиру взглянуть здраво на дело и заставлявшие его превратно освещать проповедь восточного католичества. - В чем о. Леонид видел залог успеха своего дела в будущем? - Почему православные, воссоединяясь с католической Церковью, переходят в латинский обряд? - Равноправие обоих обрядов. - Заключение о. Леонида: польский клир не может работать в деле воссоединения православия с католичеством. - Наглядный пример: «биритуализм» митрополита Эдуарда Роппа.

Глава III

« Здесь терпение и вера святых » 485

О. Иосиф Белоголовый и его письмо к Папе Пию XI. - Приглашение о. Экзарху прибыть на Могилевские торжества 13 мая 1922 г. - « Вернулась УНИЯ ». - Мысли о. Леонида о белорусском церковном движении. - Его молитва о соединении Церквей. - « Дьявольские опыты » - Вторая поездка о. Леонида в Могилев. - Закрытие церкви на Бармалеевой улице. - Тайные богослужения « как в катакомбах ».

Глава IV

« Даны были зверю уста, говорящие гордо и богохульно, и дано было ему вести войну со святыми и победить их » 503

« Расписки » вместо « договора », запрещенного Ватиканом. - Памятная записка о. Леонида Петроградскому Исполкому. - Преследование католичества. - Протест католического духовенства перед центральной властью в Москве. - Открытая борьба большевизма с религией. - Меры, принятые о. Леонидом на случай ареста и его виды на будущее. - Вызов на суд в Москву по « делу архиепископа Цепляка ». - Отъезд католического духовенства из Петрограда. - Письмо о. Леонида митрополиту Андрею перед арестом. - Заключение священников в Бутырскую тюрьму и показательный процесс. - Приговор: десять лет тюремного заключения. - Перевод о. Леонида в « Сокольниковский исправдом » для отбывания наказания.

Глава V

КРАСНАЯ МОСКВА! « Как много горя в этом звуке для сердца русского слилось, как много скорби в нем отозвалось... » . . . 531

Перемена, которую внесли последствия революции в характер Московской католической группы. - Владимир Владимирович Абрикосов - настоятель Московского католического прихода. - Крут его деятельности, арест и высылка за границу. - О. Николай Александров - второй Московский настоятель. - Абрикосовская община сестер терциарок ордена св. Доминика. - Наблюдения Ю. Н. Данзас и ее суждения о Московской общине. - Мнение о. Д. Кузьмина-Караваева.

Глава VI

« Кто имеет мудрость, сочти число зверя, ибо это число человеческое » 559

Заключение в Сокольниковской тюрьме. - Отдых о. Леонида от тяжелой и ненормальной жизни на воле. - Спокойная работа в тюрьме и наблюдения отсюда за происходящим в России. - « Преддверие » к процессу Патриарха Тихона. - Ответ о. Леонида на новый призыв стать епископом. - Отзыв большевиков об о. Леониде и о восточном католичестве. - Последние сообщения,

завет и распоряжения о. Леонида из тюрьмы. - Четыре посещения Ю. Н. Данзас и ее намерение бежать за границу. - « Щекотливое поручение ». - Пятиминутное свидание Ю. Н. Данзас с о. Леонидом в Лефортовской тюрьме. - Новые условия заключения о. Леонида.

Глава VII

« Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен, кто мечем убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем » 588

1 - Разгром в Москве. 588

Под Домокловым мечем ожидания конца всякий момент. - Роковой день. - 12 ноября 1923 г. - Аресты, следствие, допросы, приговор, ссылка и каторга. - Оставшиеся в Москве.

2 - Разгром в Петрограде 596

Обыск и арест Ю. Н. Данзас. - Шесть месяцев в Лубянской тюрьме. - Приговор: десять лет тюремного заключения. - Путешествие этапным порядком в Иркутск. - В Иркутской мужской тюрьме. - Отправление в ссылку на Соловки.

3 - Восхождение Российского Экзарха на Голгофу 609

Освобождение о. Леонида. - Несколько дней в Москве. - О. Сергей Соловьев. - Поселение в Калуге. - О. Иоанн Павлович. - Новая деятельность о. Леонида. - Третья поездка в Могилев. - Арест и ссылка на Соловки.

Глава VIII

« И свет во тьме светит и тьма не объяла его » 620

Соловецкие острова: их славное прошлое; место пыток и смерти в настоящем. - Контингент заключенных. - Организация каторжных лагерей. - Начальство из осужденных чекистов и уголовных преступников. - Каторжные работы. - Соловецкая тюрьма - « Секирка ». - Женщины на Соловках. - « Продажа » заключенных. - Секретные агенты ГПУ. - Первые русские католики на Соловках. - Разрешение пользоваться Германовской часовней. - Церковная жизнь. - Латинское духовенство. - Прибытие о. Леонида. - Его службы и проповеди. - Настроение русских католиков. - О. Патапий Емельянов на каторге. - Прибытие епископа Слоскана. - Тайное рукоположение. - Прибытие Ю. Н. Данзас и ее первая встреча с о. Леонидом. - « Музей Соловецкого общества краеведения ». - Последнее свидание Ю. Н. Данзас с о. Леонидом в антирелигиозной секции этого музея. - Ю. Н. Данзас в женской больнице. - Начало преследования « церковников ». - Повальный обыск у католического духовенства. - « Катакомбная жизнь ». - Высылка католиков на остров Анзер. - Литургии на камне в лесу и на чердаке. - Освобождение о. Леонида.

Глава IX

Честна пред Господом смерть преподобных Его 673

После освобождения с Соловков - ссылка о. Леонида в Пинегу. - Арест его в 1931 г. и полгода заключения в Архангельской тюрьме. - Ссылка в Котлас осенью 1931 г. - Освобождение о. Леонида и переезд в Вятку в январе 1934 г. - Последний год земной жизни о. Леонида в доме Калинина. - Смерть о. Леонида 7 марта 1935 г.

ЭПИЛОГ 681

Дальнейшая судьба Студитов. - Последние годы митрополита Андрея. - Участь о. Климента Шептицкого. - Крестный путь Анны Ивановны Абрикосовой. - Освобождение Ю. Н. Данзас, ее жизнь и смерть за границей. - Ссылка и смерть о. Алексея Зерчанинова. - Несколько слов об о. Трофиме Семяцком. - О. Глеб Верховский в Праге. - Краткие сведения о судьбе остальных католических священников после конца экзархата.

ОГЛАВЛЕНИЕ 825

ПОСЛЕСЛОВИЕ 835

Як дальші томи III-V печатаємо життєпис і діяльність Отця Леоніда Фйодорова. Він був студитом на Західній Україні і недовгий час в Камениці на границі Славонії і Боснії (Югославія).

Митрополит Андрей іменував його в 1917 р. першим Екзархом Російської Католицької Православної Церкви. Він, без сумніву, був найчільнішим її представником. Після його смерті на засланні у Вятці, Слуга Божий Андрей робив вже всі заходи, щоби Церква проголосила його блаженним і святым та й в тому напрямі він приготавляв написання його життєпису. Запрошений ним князь Волконський з Парижа до Львова, прибирав багато матеріялу, передусім переписку Митрополита Андрея з Отцем Фйодоровом, одначе життєпису він не встиг написати, тому що смерть перервала його працю. Призбирані матеріяли лягли в основу написання обширного життєпису, на тлі тодішних церковних і державних умовин. Автором його є диякон Василь бенедиктинець з Нідеральтайх в Німеччині.

З рамени цьої опатії був оснований монастир Св. Прокопія в ЗДА. Туди переїхав диякон Василь, Бенедиктинець, і там помер в жовтні 1959 р. а монастир передав «Студіонові» його рукопис, який печатаємо як матеріяли до беатифікації, і як свідоцтво погляду минулого 50 - ліття на церковні справи, а зокрема на святе Зєдинення в Росії. Подекуди вони вже перестарілі і пережиті, передусім з огляду на постанови Вселенського Собору Ватиканського II, який в багатьому являється одначе завершенням і признанням за правильні нуртуючі тоді в церковному житті напрями. Не диво тому, що ці матеріяли дають незвичайно важний і цікавий огляд діяння Католическої Церкви в Росії, Білорусі і на Україні.

Редакція

Рим, в свято св. Теодора Студита
II ст. ст. і 24 н. ст. 1964.

Мне кажется, что наше дело доступно пониманию умов практических и прежде всего ДАЛЬНОВИДНЫХ, видящих гораздо дальше своего носа и не увлекающихся временным, легким успехом. Вся наша миссия, ОСНОВАННАЯ НА СОЗДАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И НА ПРИОБРЕТЕНИИ ДОВЕРИЯ У ОБЩЕСТВА, требует к себе вдумчивого отношения, которое может быть только у дельца с крупным размахом.

Леонид Федоров

20-12-1922

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЕРЕД ЗАРЕЙ

ГЛАВА I

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ АНДРЕЙ, МИТРОПОЛИТ ГАЛИЦКИЙ И АРХИЕПИСКОП ЛЬВОВСКИЙ

Призвание митрополита Андрея к служению единству Вселенской Церкви. - Его детские и школьные годы. - Юридический факультет. - Первая поездка в Россию и знакомство с Владимиром Соловьевым. - Вступление в орден Васильян. - Богословское образование и рукоположение в священники восточного обряда. - Деятельность в ордене Васильян. - Епископ Станиславский. - Митрополит Галицкий и Архиепископ Львовский. - Архипастырская работа в Галиции. - Учреждение ордена Студитов. - Научный Институт в Львове для апостольской работы в России.

История графов Шептицких, начало которой связано с небольшой деревней Шептице в окрестностях Перемышля, восходит к XII веку.

Митрополит Андрей был наделен не узко-национальным сердцем вождя, а широко-вселенским сердцем пастыря. Такой национальной религиозности он был не только чужд, но и казался враждебным ей; подняться до него представители ее не умели и главным образом по этой причине не могли и не хотели ни понять, ни признать его духа. Все конфликты с ним, как в дореволюционной России, так и в послевоенной Польше происходили именно по этой причине.

В числе предков митрополита Андрея были известные в свое время иерархи восточного типа: Варлаам, епископ Львовский (1710-1715); Афанасий, епископ Перемышльский (1762-1779); другой Афанасий (1715-1746), начавший в 1744 г. постройку кафедрального собора св. Георгия Победоносца в Львове по плану итальянского архитектора Бартоломея Растрелли; закончил ее Лев (1778-1779), назначенный после его смерти на Львовскую кафедру; последние два, Афанасий и Лев, имели даже титул митрополита Киевского. Тем не менее, следуя течению, которое началось в XVII веке и усилилось в XVIII, весь род графов Шептицких перешел в латинский обряд и в нем стал постепенно польским в силу укоренившегося принципа, по которому религия или, во всяком случае, обрядовая ее сторона, смешивалась с национальностью, как бы подменяя ее. Трудно оспаривать, например, « ополяченность » гр. Иеронима Шептицкого, епископа Плоцкого (1759-1773). Это тоже важно установить для правильного подхода к призванию и духовному величию митрополита Андрея. Его брат Станислав, был

генералом польской армии.⁸ Как всякий рожденный в польской семье, по своему церковному воспитанию, он был римо-католик. Мать владыки Андрея, гр. София, урожденная Фредро, была полька.

Призвание митрополита Андрея к служению единству Вселенской Церкви, пусть даже и неосознанное еще до конца в юные годы, но явно руководившее им и заставлявшее считаться с существующим положением вещей, с разделением, соотношением сил, с возможными практическими путями воссоединения, побудило его стать « восточником » и, для начала, направить свои усилия туда, где уже теплился очаг церковного единения. Вполне естественно, что народ, которому он в силу своего пастырского служения должен был уделять больше всего забот, занимал в его пастырском сердце первое место. Митрополит Андрей стал по-преимуществу духовным отцом галичан, хотя это не влияло нисколько на любовь, которую он питал и к великоруссам, нуждавшимся в ней, может быть, еще больше. Впрочем, это не мешало ему, в его отношениях к тем и другим, проводить строгую границу и считаться с существовавшими различиями. Отсюда и любовь митрополита Андрея ко всему русскому, к России, которая в те времена, - во всяком случае та официальная Россия, с которой ему приходилось иметь дело и считаться, - сама по себе и своим отношением к нему, таких чувств, естественным путем, вызывать и питать никак не могла. Между тем, обращение России в духе Христовой любви и включение ее во вселенскость христианства, в единую католическую Церковь, было конечной целью его апостольских и пастырских стремлений.⁹

⁸ До войны 1914 г. он был австро-венгерским военным атташе в Риме; после отступления русской армии в 1915 г. - генерал-губернатором оккупированной австрийскими войсками Польши и помогал украинцам.

⁹ Когда митрополит Андрей, по окончании первой войны, принял в своем доме в Львове русского митрополита Евлогия, и они беседовали о разных им обоим близких делах, последний задал вопрос:

— Как вы, представитель польского аристократического рода, возглавляете украинское движение, которое ведет борьбу с поляками?

Митрополит Андрей улыбнулся:

— Вы хотите обвинить меня в ренегатстве? Ну нет, я буду защищаться. Позвольте заметить, что род Шептицких - род русский, но в XVII веке окатоличился и ополячился. Предки наши изменили русскому имени. Я исправляю ошибки предков.

На эту тему оба митрополита разговорились более подробно. В конце концов, из их беседы митрополит Андрей сделал следующее заключение:

— Наше с вами горе - мы оба слишком любим русский народ.

— Любим, но по разному, - заметил митрополит Евлогий.

— Ну, это со временем сгладится, - ответил митрополит Андрей.

Митрополит Евлогий свидетельствует, что « митрополит Андрей не кривил душой. В его речах чувствовалось искреннее стремление на Восток. Он говорил

* * *

Митрополит Андрей родился 26 июля 1865 г. в Прилбичи, украинском местечке, недалеко от Равы Русской, в 10 км. от Яворова (Перемышльской епархии), где у его отца, графа Яна Шептицкого, было имение, являвшееся центром земельных владений графов Шептицких. В доме была латинская часовня; тем не менее, согласно семейной традиции, граф был попечителем местной приходской церкви византийского обряда. Третьего сына его нарекли в святом крещении Романом.¹⁰ Граф Ян был человек строгих правил, набожный, образованный и очень энергичный. Он с любовью собирал старинные вещи, имевшие отношение к роду Шептицких, и хранил у себя довольно богатый семейный архив. От него Владыка Андрей унаследовал свою любовь к книгам и к коллекционерству.

Детские годы Романа прошли в родительском доме, в красивой, лесистой и холмистой местности Прилбичей. Христианская семейная традиция - общая молитва, общее Причастие всех членов семьи, прекрасный домашний учитель и, в особенности, материнское влияние - помогли Роману легко найти свое призвание в жизни. Девяти лет он доверил матери свое желание стать священником.

Мать его, графиня София, была женщина высокой духовной культуры, очень набожная и редких нравственных качеств. Она владела свободно французским и немецким языком и обладала незаурядным литературным и художественным талантом, унаследованным от отца, Александра Фредро, известного польского драматического писателя (1793-1876). Очень добрая от природы, спокойного и уравновешенного характера, она выражала всегда и во всем преданность воле Божией. С детских лет « Подражание Христу » Фомы Кемпийского было ее на-

убежденно. « Восточное православие », Украина, древняя Киевская Русь, все это было его « святое святых »; он считал их подлинной, ничем не замутненной русской стихией, которую нельзя этнографически отождествлять и политически сочетать с Великокорсией. Исторические судьбы и пути Украины и Великокорсии различны ». (Из воспоминаний митр. Евлогия: « Путь моей жизни », стр. 331-332).

¹⁰ У гр. Яна Шептицкого было семь сыновей: Стефан - род. в 1862 г., ум. в 1864, Георгий - род. в 1863 г., ум. в 1880 г.; РОМАН-АЛЕКСАНДР-МАРИЯ (Митрополит Андрей) - род. 26.7.1865, ум. 1.11.1944; Казимир (Архимандрит Климент) - род. в 1869 г., ум. между 1950 и 1952 г. в концентрационном лагере; Александр - род. в 1867 г., скоропостижно скончался в немецком аресте; Станислав (генерал польской армии) - ум. в 1945 г.; Лев - род. в 1876 г.; в сентябре 1939 г. (во время первой советской оккупации) убит большевиками в Замостье, вместе с женой, после того как они заставили его вырыть себе могилу.

стольной книгой. Особое место в духовной жизни графини Софии занимало почитание Божией Матери. Стремление к монашеской жизни, так рано пробудившееся в Романе, было несомненно навеяно тем живым примером, который у него, в лице матери, был перед глазами; в нем сильно сказались унаследованные от нее черты характера.

Когда Роману шел пятый год, мать начала его учить Закону Божию. При живом нраве Романа и его склонности к забавам и шуткам, занятия шли не всегда гладко, но схватывал он преподаваемое легко. Пяти лет Роман уже говорил, а к шести годам - стал писать по-французски. Графиня умела сочетать любовь к детям со строгостью. Воспитание их было всецело в ее руках; по сравнению с ней, влияние наставников было незначительным. Она сама читала с ними избранные произведения и учила их рисованию. Уже в детстве характер Романа выявлял храбрость и мужественность, которые отражались на его играх и развлечениях. В то же время он обращал на себя внимание своей любовью к слабым и бедным. Он был всегда благодарен за оказанное ему внимание. В отношении всех он проявлял неизменно доброжелательность.

В 1789 г. родители отправились в Львов навестить Александра Фредро и взяли с собою двух старших сыновей к их деду по матери. Графиня София находила тогда, что Роману еще рано идти к Первому Причастию; ей хотелось подождать, пока он не разовьется больше духовно. Однако, сам он выражал свое желание так настойчиво, что его пришлось отвести на исповедь к о. Самуилу Пясецкому, монаху-бернардинцу, духовнику графини Софии. После этого, (17.5.1876), Роман принял Первое Причастие. Мать, вообще, хорошо знала и понимала своих сыновей, зорко следила за ними, но Роман особенно привлекал ее внимание. Наблюдая за ним, она пришла к убеждению, что он находится под особым покровительством Царицы Небесной. Из-за своей чистоты и святости, он казался ей ангелоподобным существом, удостоенным свыше совсем особенной любви к Богу. Она замечала, например, с каким усердием Роман читает Богородичный розарий по четкам; это казалось ей несомненным действием благодати, так как никто из окружающих не мог привить ему таких высоко набожных чувств. Во всем этом материнское сердце усматривало печать несомненного призвания. Графиня была убеждена, что Роман будет принадлежать одному Богу. Как Он призовет ее сына, она, конечно, не знала, но готова была со своей стороны всячески содействовать этому.

В раннем детстве Роман много болел, но оставался неизменно живым и жизнерадостным мальчиком. Здоровья он был скорее нежного, но развивался, и духовно и физически, вполне хорошо. С 1875 г. Роман

проходил гимназический курс дома и каждый год сдавал переходные экзамены в гимназии Франца Иосифа в Львове. Учился он очень прилежно и в 1879 г. успешно закончил курс первых четырех классов. После этого, его, вместе с братьями Георгием и Александром, отдали в гимназию св. Анны в Кракове. Жили они у преподавателя этой гимназии и находились под наблюдением француза-воспитателя. 3-го ноября 1879 г. местный епископ преподавал Роману таинство Миропомазания в своей домово́й церкви. За время пребывания в гимназии Роман был неизменно первым учеником. В эти годы в нем особенно развились его отличительные черты характера: сила убеждений и безразличное отношение к суждению других, если их мнения противоречили его убеждениям. В то же время, при своих выдающихся способностях, Роман был органически чужд гордости и тщеславия. Недостатки его вытекали главным образом из несколько буйного характера и проистекали от слишком большой живости. Он легко воспламенялся, возмущался и бывал несдержан в суждениях.

18 февраля 1880 г. вся семья погрузилась в большое горе, хотя и пережила его в полном подчинении воле Божией: умер старший сын Георгий, так много обещавший своей одаренностью. После его смерти, надежды родителей перенесли на Романа, и он занял с этого времени первое место в семье.

11 июня 1883 г. он получил аттестат зрелости. По окончании гимназии, желание стать священником связалось у него со стремлением к монашеской жизни. В этом сказывалось отчасти и некоторое влияние иезуитов, бывавших в родительском доме. Роман заговорил о своем желании с отцом. Граф Ян, человек основательный и решавший все вопросы серьезно, не удовлетворился одним признанием сына и, прежде чем дать согласие, нашел нужным его испытать. Он поставил Роману условием - сначала кончить юридический факультет и получить ученую степень доктора. Роман подчинился, убежденный, что выдержит испытание. Родители предполагали, конечно, что он имел в виду стать, как это подобает поляку, священником латинского обряда. Мысль об этом особенно радовала графиню. Когда же Роман объяснил матери, что хочет быть священником восточного обряда, признание сына причинило ей большое горе. Ей, как матери, трудно было примириться с мыслью, что ее сын будет другого обряда, чем она. Для нее не имело тогда значения то великое, что привлекало Романа и лежало в основе его решения - проблемы церковного единства, обращение Востока, Восточная Церковь... Все сводилось у нее к личному чувству в отношении к сыну. Восточного обряда она не знала. Как польке, ей было лишь известно то пренебрежение, с каким в обществе относились к

этому духовенству; ему ставили в вину недостаток образования, невысокую нравственность и даже сребролюбие. К тому же она слышала, что это духовенство вербовалось из низших социальных слоев и относилось враждебно к латинянам и полякам.

Тем не менее, любовь к сыну заставила графиню примириться с его решением. Она стала думать над тем, как примет это решение граф. Перед ней вставал неизменно один и тот же мучительный вопрос, как и когда сказать об этом ему. Начала она с того, что однажды, как бы вскользь, заметила мужу:

— По всему, что я вижу, мне кажется, что Роман хочет стать непременно священником...

Граф ей ответил:

— Ну что же, если у него действительно есть призвание, то в этом ему нельзя отказать...

В принципе отец не имел ничего против, но он думал только о сани польского священника. На этот раз графиня не пошла дальше и дала Роману совет - выжидать подходящего момента.

В начале августа она заболела. Ее посетил духовник, о. Генрих Яцковский, провинциал иезуитов. Графиня сказала ему, что о намерении Романа рано еще говорить с графом. Однако, несмотря на это, на другой день, при втором его посещении, она сама спросила его в присутствии мужа:

— Скажите, отец мой, что вы думаете о призвании Романа поступить в орден Васильян?

О. Яцковский не смутился и ответил спокойно:

— Я думаю, что это призвание настоящее и что год отбывания воинской повинности, предстоящий теперь Роману, будет достаточным, чтобы его испытать.

При этих словах, граф Ян мог только воскликнуть:

— Никогда я не допущу этого!

Для отца, успевшего уже примириться с уходом Романа в монастырь, намерение его идти к Васильянам явилось теперь полной неожиданностью и создало положение, возможности которого он до этого не учитывал. Вступление Романа в орден Васильян было бы равносильным его разрыву с поляками, с их влиянием в Восточной Галиции, с тем положением, какое занимали в ней графы Шептицкие, несмотря на то, что он всегда чувствовал себя русином. Допустить это - значило для графа утратить сына совсем. По крайней мере, так ему казалось тогда. В его воображении быстро обрисовался целый заговор, задуманный для того, чтобы отнять у него сына. Он усмотрел в этом прежде всего интриги иезуитов, игравших на фанатизме матери, решившей ради них

пожертвовать сыном. В его глазах главным виновником был, конечно, о. Яцковский, занятый теперь реформой Васильян. Граф прекрасно знал, что в прошлом году Папа удовлетворил просьбу провинциала Васильян, о. Климента Сарницкого, реформировать этот орден и что эту задачу поручили его другу, иезуиту о. Генриху Яцковскому.¹¹ Он был убежден, что о. Яцковский хочет использовать для своего дела и имя графов Шептицких, и способности и набожность его сына. А это опять-таки значило, что призвание последнего было не от Бога, а от людей. А если так, то он знал, что ему теперь следует сделать...

Первым движением графа было заставить о. Яцковского повлиять на Романа в обратном смысле. Однако тот ответил, что может только дальше его наблюдать и испытывать; предпринять же что-нибудь сверх этого - он не считал себя в праве. Вскоре он уведомил графа о своем намерении отдалиться от его семьи. Жертвой всех обвинений стала тогда и без того больная графиня; упрекам и семейным сценам не было конца. В начале сентября врачи посоветовали графине Софии отправиться в Венецию и Меран. Граф проводил жену до Венеции, где она осталась с сыновьями Романом и Львом. Роман использовал свое пребывание в Венеции, чтобы изучить памятники итальянского искусства. Матери он пообещал, что не уйдет в монастырь, пока отец не даст разрешения. Граф же надеялся, что военная служба, может быть, повлияет на сына в желательном смысле. Однако, надеждам его не было суждено оправдаться. Роман и дальше стремился к поставленной цели.

* * *

1 октября 1883 г. гр. Роман Шептицкий начал отбывать воинскую повинность в Кракове. Вскоре он заболел. 8 января следующего года

¹¹ Св. Василий Великий не полагал основания монашескому ордену. Его устав содержит лишь аскетические советы и правила жизни для уже существовавших монастырей. Последние были тогда независимы один от другого и подчинялись епархиальным епископам.

Орден Васильян возник в Средние века и устроен по западному образцу. В 1780 г. он имел три провинции (в Литве, в Белоруссии и в Польше, входившей в состав Российской Империи) и насчитывал 132 монастыря и около 1300 монахов. В 1832 г., при Николае I, началось закрытие монастырей и, как следствие этого, секуляризация монахов. В 1885 г. в России уже не было Васильян.

В 1780 г., галицийские монастыри, входившие раньше в Польшу, образовали отдельную провинцию, получившую в 1803 г. особый статут. В восьмидесятых годах прошлого века в ней оставалось всего несколько монастырей, почти опустевших; число монахов было совсем незначительным, и орден находился в полном упадке. 25.12.1881, о. Климент Сарницкий, провинциал Васильян, просил Папу Льва XIII реформировать орден. 12.5.1882 реформа была разрешена. Реформатором Васильян стал провинциал иезуитов о. Генрих Яцковский, друг о. Климента Сарницкого.

его отправили из казармы домой. У него оказалась сильная скарлатина, усложнившаяся воспалением суставов и сопровождавшаяся заражением крови. Состояние его было настолько серьезно, что он находился буквально между жизнью и смертью. Однако, в начале февраля опасность все же прошла, и началось выздоровление. Вместе с жизнью к нему вернулось с новой силой желание осуществить свое намерение. Однажды Роман сказал матери:

— Не могу больше... Мне не остается ничего другого, как бежать из дому!

Врачи нашли, что Роману нельзя продолжать военную службу, так как понадобилось бы несколько лет, чтобы избавиться от последствий скарлатины. После долгих хлопот, графу удалось добиться освобождения сына от военной службы. Таким образом, на очередь стал опять тот же вопрос о монашеском призвании Романа.

Во второй половине мая семья вернулась в Прилбичи из Кракова. Ради Романа решено было провести это лето в Кринице. Выехали туда 9 июня. Там Роман написал отцу длинное письмо, в котором подтверждал свое намерение вступить в орден Васильян, объяснял причины решения и уверял отца, что без его согласия он сам ничего не предпримет. Роман выражал готовность подвергнуться на год-два испытанию и просил отца верить ему, что он останется верным сыном и в содружестве с иезуитами не станет ему чужим.

На это письмо граф ничего не ответил. Не раз он принимался писать, но каждый раз рвал написанное, не отправив сыну письма. По приезде в Криницу он сказал жене, что хочет обо всем переговорить с ним лично. Разговор состоялся в соседнем лесу. Отец и сын договорились до определенного заключения. Граф не запрещал больше сыну следовать призванию, как тот его понимал, но для своего спокойствия и для его блага настаивал на том же испытании - получить законченное юридическое образование и не сторониться общества. Это значило для Романа, что решение рокового вопроса откладывалось на целых четыре года...

* * *

Осенью 1884 г., Роман и Александр отправились вместе в Германию и поступили в Бреславле на юридический факультет. Там они оказались в совсем новой среде, относившейся довольно безразлично к религиозным вопросам. Роман сразу же показал себя в среде товарищей ревностным католиком, и в принципах и на практике. В университете было много польской молодежи из Восточной Пруссии, да и немецко-католиков было тоже немало. Последние, по немецкому обычаю, были

объединены в ассоциации. Под влиянием Романа образовалась другая такая же группа из поляков. В комнате братьев Шептицких происходили собрания, на которых студенты вели дискуссии по разным вопросам. При этом хозяева не забывали и угощать приходивших товарищей. В своих частых письмах домой Роман не переставал просить родителей присылать ему побольше съестного. Соблюдая во всем непоколебимую верность призванию, Роман, внешне, ничем не отличался от сверстников. Он не чуждался товарищей, всячески поддерживал с ними дружеские отношения, стараясь, сколько мог, оказывать хорошее влияние; он даже посещал вечеринки, которые те устраивали.

Вернувшись домой на летние каникулы в 1885 г., Роман был так переутомлен и находился в столь угнетенном состоянии, что родители обратились к врачу, чтобы выяснить, не могла ли большая печаль быть причиной физической слабости. Врач, не колеблясь, ответил утвердительно. Тут же было решено, что Роман не вернется больше в Бреславль, а продолжит занятия в Кракове. Его вид так повлиял на отца, что у того исчезло теперь всякое сомнение в подлинности призвания Романа; а это, в свою очередь, вызвало в нем перемену в отношении к сыну. Поняв теперь, что Роман действительно принадлежит Богу, он усматривал свой родительский долг прежде всего в том, чтобы всячески его укреплять, обогащать для будущего и в научных занятиях и в общественных связях, которые могли бы ему пригодиться со временем.

Все эти заботы и волнения отозвались тяжело на состоянии здоровья графини Софии. В результате, у нее сделался на нервной почве паралич ног. Врачи послали ее снова на юг. Она поехала с братом и сыном Львом в Аббаццо. Роман и Казимир остались в Кракове, но на Рождественские каникулы (1885) они тоже поехали к матери. Приехал в Аббаццо и Станислав, бывший тогда на первом курсе военного училища в Вене. Вскоре он заболел воспалением суставов, продержавшим его в постели два месяца, в течение которых Роман с большой любовью ухаживал за ним. Аббаццо он покинул 19 января 1886 г.

К этому времени относится данное ему отцом разрешение поступить под руководство о. Яцковского. Тут было положено начало настоящему искусству: Роман стал делать все по его указаниям и без его разрешения не предпринимал ничего. С согласия духовника, он принял и предложение отца отправиться весной 1886 г. в Рим. Это была его первая поездка в Вечный Город. Он поселился в польском колледже. Снабженный рекомендательными письмами, Роман посетил ряд выдающихся лиц, побывал на лекциях известных тогда богословов, осмотрел римские храмы и музеи. 9 апреля он присутствовал на литургии, которую

служил папа Лев XIII, был представлен ему и получил благословение. На аудиенции он сказал Папе, что стремление к монашеской жизни привело его к решению поступить в орден Васильянов. Папа ответил: — Ты избрал себе лучшую часть, которая не отнимется у тебя.

В устах « христианско-социального » папы, как называют Льва XIII, сделавшего немало для сближения христианского Востока с Римом, эти слова были многозначительны, и Роман убедился в этом впоследствии.

Осенью в Кракове Роман продолжал среди университетской молодежи тот же апостолат, который он начал так успешно в Бреславле. Каждую среду у него собирались лучшие из его товарищей; приходили к нему и пожилые люди послушать дискуссии, какие вела молодежь. Сам Роман принимал в них живое участие и подготавливал интересные темы. К его словам на собраниях стали серьезно прислушиваться. Чтобы дать домашний уют сыновьям, жившим и принимавшим гостей у чужих, графиня в начале зимы 1886-7 г. переехала в Краков. Благодаря этому могла восстановиться нормальная семейная жизнь графов Шептицких.

Летом 1887 г. Роман закончил занятия в университете, а осенью нужно было сдать первый экзамен. Ему не хотелось уезжать из Кракова, где условия для занятий казались более благоприятными, так как в Прилбичи в это время было всегда большое общество. Граф предложил Роману провести несколько дней в Хирове, где у иезуитов был большой колледж, а потом поехать и в Добромиль к Васильянам, чтобы ознакомиться там с их уставом и образом жизни. У первых Роман пробыл до II августа, а в Добромиле остался до конца месяца, после чего отправился домой в Прилбичи.

Граф Ян действительно примирился с решением сына. Чтобы дать Роману возможность лучше узнать мир перед тем как покинуть его, он предложил ему во второй половине октября совершить поездку в Россию. Роман согласился очень охотно. Он часто думал уже о России. Мечтой его было работать для воссоединения христианского Востока с католической Церковью. Роману было ясно, что как Христос спас нас любовью, так и нам надлежит любовью и только любовью продолжать Его дело. Роман любил русских, знал, что они в большинстве верующие. Он начал свое путешествие с Подольской губернии, где у графов Шептицких было немало знакомых. Оттуда он направился в Первопрестольный Киев, мать городов русских. Русская древность, которая открылась ему здесь на берегу величественного Днепра, монастыри и церкви, которые он с интересом осматривал, произвели на него неизгладимое впечатление. В Киеве он познакомился и завязал сношения с местными деятелями и представителями интеллигенции,

стоявшей ближе всего к тем кругам в Галиции, среди которых должна была вскоре начаться его апостольская работа. Но привлекали его внимание также и православные, чисто русские церковные круги.

После Киева, 10 ноября 1887 г., молодой граф Шептицкий приехал в Москву. Тут ему удалось познакомиться с Владимиром Соловьевым. Встреча их состоялась вскоре после того, как Соловьев сделал свой решительный шаг в направлении Рима. Последние годы он работал над « Великим спором и христианской политикой », который печатался тогда отдельными статьями. Соловьев только недавно вернулся из Хорватии, где он виделся в Дьякове с известным епископом Штротсмайером, имел с ним ряд беседований, и в письме, обращенном к нему (См. прил. 2), формулировал основные положения, без принятия которых соединение Церквей представлялось ему невозможным. Соловьев указывал на необходимость делать различие:

1) между верою - в ее целом - восточной Церкви, которая остается православной и католической, и частными мнениями православных богословов, которые могут быть ошибочными, антикатолическими и еретическими, и

2) между властью Папы, как Преемника св. Петра, и его административной функцией, как Западного Патриарха; это различие очень важно, чтобы обеспечить восточной Церкви необходимую ей автономию.

Соловьев настаивал на сохранении и неприкосновенности не только восточного обряда, необходимость которого для восточной Церкви казалась ему совершенно очевидной, но и на той автономии, какой Восток уже обладал до разделения Церквей.¹²

Таким образом, гр. Роман Шептицкий посетил Владимира Соловьева и познакомился с ним в тот период его творчества, когда мог услышать от него много важного и созвучного с собственными стремлениями и призванием. Беседа их, естественно, носила задушевный характер. Роман поведал Соловьеву и о своем желании уйти в монастырь. Разговор затянулся; они просидели весь вечер за самоваром. Соловьев отдал молодому графу визит, посетив его в гостинице « Париж », где тот остановился. Личные отношения, которым они положили начало, гр. Шептицкий поддерживал и тогда, когда его апостольская работа

¹² Епископ Штротсмайер переслал письмо Влад. Соловьева вместе со своим препроводительным письмом Государственному Секретарю Ватикана Кардиналу Рамполло через Папского Нунция в Вене Ванутелли. Восемь лет спустя, во французском журнале « *Revue des deux Mondes* » появилась статья, содержащая ответ Соловьеву и написанная по поручению Папы Льва XIII бенедиктинцем о. Ван Калунном; он принял все изложенное в письме Влад. Соловьева и указал на практический путь, которым можно было бы провести его пожелания в жизнь (См. прил. 3).

по воссоединению с Римом приняла уже более или менее определенную форму.

Через Вильну и Варшаву Роман вернулся в конце ноября в Краков. 11 декабря он сдал здесь последний экзамен. После России, следующее путешествие его было опять в Рим. Роман продолжал здесь вести тот же образ жизни, что и во время своего первого пребывания: осматривал достопримечательности и знакомился с выдающимися лицами. 8 февраля его представили Льву XIII на общей аудиенции. Папа благословил его намерение стать священником. После этого Роман совершил поездку в Монте Кассино. 4 марта в Рим прибыла графиня с младшим сыном Львом. Роман устроил их жить в квартире, которую снял перед этим. Он сопровождал мать при выходах в город; сердце говорило ему об уже близкой разлуке с родными. Графине посоветовали испросить личную аудиенцию у Льва XIII. После некоторого колебания, она согласилась. В тот же вечер ей прислали билет на прием, назначенный на следующий день.

Папа принял ее с сыновьями очень благосклонно. Он снова оказал особенное внимание Роману, которого расспросил об его намерениях, призвании, возрасте, реформированном ордене Васильян, о новициате, открытом теперь в Добромиле; Папа вспомнил и о Яцковско-го, с которым говорил обо всех этих делах во время его долгого пребывания в Риме. На прощание Папа благословил Романа с особым оттенком и оказал ему большое внимание. Прием этот произвел на него сильное впечатление. Однако, Папа тоже не забыл Романа и доказал это спустя 11 лет.

Через четыре дня после аудиенции, в Рим приехал граф Ян с сыном Александром. Однажды, после вечера, проведенного в римском обществе, у него завязалась особо душевная беседа с Романом, затянувшаяся до глубокой ночи. На другой день, граф признался жене:

— Впервые я заглянул так глубоко в душу Романа. Только теперь я понял вполне его призвание. Никогда не смогу выразить свою благодарность Богу за вчерашний разговор. Даже если бы я мог дать моему сыну весь мир, то и этого ему было бы мало; ему нужно другое...

27 апреля семья Шептицких была уже в Кракове. Через три недели Роман стал доктором права. Путь в монастырь был ему широко открыт; ни с чьей стороны не было больше никаких возражений. Роман привел перед отъездом в порядок свои книги, бумаги, заметки; распределил все, что ему хотелось оставить на память о себе родным или близким.

29 апреля родители проводили его до самого монастыря в Добромиле, где должен был начаться его монашеский путь. Бодро, исполненный упования, Роман перешагнул здесь на глазах у родителей через

порог новой жизни. Они пробыли с ним еще около часа. Это было прощание. Потом родители уехали. Когда проезжали под колокольней, граф велел остановиться у часовни. Он вошел в нее, повергся на землю и долго молился, благодаря Бога за то, что Он принял Романа на службу к Себе, за то, что Роман таков, каким он его видел теперь. Себя самого граф признал здесь недостойным Романа. Он ясно понял, что его сын должен принадлежать одному Богу. Это сознание дало ему теперь радость.

* * *

Итак, Роман стал кандидатом в реформированном ордене Васильян. Настоятели признали, что для него время этого вступительного испытания (постулата) может быть сокращено с шести месяцев на один, так что уже в августе 1888 г. он начал послушнический искуc (новициат) и закончил его в сентябре 1889 г. Свои первые монашеские обеты на три года Роман принес 13 сентября в Добромиле. При этом ему дали монашеское имя Андрея ПЕРВОЗВАННОГО, того Апостола, который, согласно преданию, побывал на берегу Днепра. В октябре 1889 г. его поместили в иезуитском доме в Кракове, чтобы он мог учиться в университете. В то время духовное образование длилось четыре года и начиналось сразу богословием; одновременно проходилcя и сокращенный курс философии.

3 августа 1891 г., по возвращении в Добромиль, у брата Андрея сделалось кровохаркание, повторившееся и на другой день. Это было последствием сильного кашля, от простуды, после купания в реке. Настоятели отправили его для лечения в родительский дом. Сначала диагноз врача был скорее благоприятный, и первые три недели в состоянии брата Андрея не было никаких перемен, но потом поднялась температура, продержавшаяся несколько дней. Врач нашел, что у больного задеты легкие; опасности еще не было, но малейшая неосторожность могла ухудшить его состояние. К тому же на брата Андрея влияла еще и тоска, которую он испытывал по монашеской жизни, боязнь вызвать у собратьев соблазн вследствие длительного пребывания в родительском доме; кроме того, ему было мучительно сознавать, что болезнь неизлечима и его призвание становится в силу этого невозможным.

В начале сентября, бр. Андрей смог подняться с постели и выйти в сад, но там у него сделался внезапно сильный озноб, не прекращавшийся после этого в течение трех дней. Жар поднялся до 40°. Граф Ян вызвал к сыну трех врачей из Львова и Кракова. Осмотрев больного, они нашли тиф и сказали, что если организм осилит болезнь, то тиф спасет

его от туберкулеза. Все же положение бр. Андрея было настолько серьезным, что родные ждали скорее смерти, чем полного выздоровления. Тем не менее, 4 октября, врачи сказали, что всякая опасность миновала, и посоветовали отправить больного на зиму в Закопане, надеясь, что там он совершенно поправится. Действительно, после этой зимы в высоких Татрах, легкие оказались в полном порядке, и 17 мая 1892 г. бр. Андрей вернулся опять к себе в Добромиль.

Принимая во внимание все, что бр. Андрей пережил, настоятели решили допустить его немедленно к рукоположению, с тем, что он закончит уже после этого свое богословское образование. 11 августа бр. Андрей принес свои пожизненные обеты в Краснопильском монастыре, а 3 сентября, в Перемышле, его рукоположили в священники. 11 сентября он отслужил в Прилбичи свою первую литургию. В доме гр. Шептицких собралось к этому дню около шестидесяти человек близких семье, в том числе немало иезуитов и васильян. Для литургии был сооружен огромный белый шатер возле деревенской церкви, у кладбища предков семьи. Все было поистине праздничным в этот торжественный день; родители позаботились и о богатом облачении для молодого иеромонаха. В память этого события, в тот же вечер, на месте шатра, водрузили крест.

Дальнейшие годы (1892-1894) о. Андрея были посвящены богословскому образованию, которое он продолжал в Кракове. В течение следующих лет о. Андрей получил ряд последовательных назначений в своем ордене. Одновременно с этим он продолжал и научные занятия. Об исключительных способностях его свидетельствуют три ученые степени: доктора права, богословия и философии; он был « трижды » доктором. У васильян, он исполнял сначала должность наставника послушников в Кристинополе. В 1895 г. о. Андрей стал субприором (помощником настоятеля) монастыря в Добромиле, библиотекарем и преподавателем греческого языка, а в следующем году ректором. В 1896 г. он был уже в Львове игуменом монастыря св. Онуфрия. В 1897 г. он начал издавать ежемесячный религиозный журнал « Миссионер », предназначенный для распространения его идей в популярной форме среди местной читающей публики. В 1898 г. о. Андрея назначили профессором нравственного и догматического богословия в Кристинополе, где он пробыл только год, т. к. уже в 1898 г. состоялось его назначение на епископскую кафедру в Станиславове, созданную в 1885 г. Папа Лев XIII не забыл впечатление, какое произвел на него в свое время молодой гр. Роман Шептицкий и теперь остановил свой выбор на нем. Он стал на этой кафедре третьим епископом, после того как его предшественник, владыка Юлиан Куиловский, был назначен митрополитом

Львовским и Галицким. 17 сентября состоялась хиротония, а 20 сентября епископ Андрей вступил в управление вверенной ему епархией, насчитывавшей к тому времени 336 приходов и 79 благочиний. Новому епископу было тогда 34 года. Первое его послание, озаглавленное « Христианская работа », обрисовало целую программу будущей пастырской деятельности и социальной работы. За вторым посланием « Христианская родина » последовало вскоре третье - « О вере ». Оно было обращено к населению Буковины, где было много православных. В этом послании, епископ Андрей развил в общедоступной форме учение о примате св. Петра, о божественном установлении католической Церкви, хранительницы истинного Православия, и о практической жизни на основе ее.

4 мая 1900 г. скончался престарелый митрополит Куиловский. В том же году, епископ Андрей был в Риме с группой паломников Станиславовской епархии. 29 октября, на аудиенции, Папа сообщил ему о своем желании видеть в его лице заместителя умершего митрополита. Назначение владыки Андрея на новую кафедру состоялось 19 декабря. Несмотря на кратковременность своего пребывания в Станиславове, длившегося немного более года, он оставил по себе двойной след, прежде всего, конечно, духовный: проповедуя, он буквально изъездил всю епархию. Однако, не менее значителен был и материальный вклад владыки Андрея. Он положил основание духовной семинарии в Станиславове, получил землю и деньги на постройку, которая была закончена в 1907 г. В епископском доме он успел устроить библиотеку, собрал около 4000 книг и обеспечил ее капиталом для содержания и пополнения. Позаботился он и об отделке кафедрального собора в восточном стиле. Пред отъездом из Станиславова, владыка Андрей обратился к своей пастве с посланием о любви и в тот же день прибыл в Львов, где был торжественно встречен и принят. Здесь первое послание нового митрополита было о Церкви, которую он рассматривал и как вещественное строение, разъясняя символическое значение ее отдельных частей, и как духовное и иерархическое целое. В Львове митрополит Андрей быстро снискал общую любовь, которая не ограничилась его католической паствой. Митрополита высоко ценили и почитали и местные православные и даже мало церковные люди. Вскоре его имя, как ревностного борца за церковное единство, приобрело известность во всем христианском мире.

Архиепископ Львовский был одновременно и митрополитом Галицким, так что ему были подведомственны все три галицкие епархии - Львовская, Перемышльская и Станиславовская. Галицкая епархия образовалась вследствие распада Киевской митрополии, последо-

вавшего за третьим разделом Польши; административный центр ее числился только номинально в Галиче, бывшем в средние века местопребыванием митрополита, независимого от Киева и подчиненного непосредственно Константинополю. Когда польский король Казимир Великий завоевал Червонную Русь (Восточную Галицию) в 1340 г., то он пожелал, чтобы за переменой политической власти последовала и церковная автономия. Титул митрополита Галицкого был восстановлен лишь в 1807 г. Папой Пием VII, признавшим митрополита Галицкого, в отношении Австро-Венгрии, наследником прерогатив, пожалованных Климентом VII Киевскому митрополиту - выбирать и назначать себе суфраганов; сам же митрополит Галицкий должен был быть обязательно утвержден Римом. В то же время митрополит Галицкий был не только архиепископом Львовским, но и епископом КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИМ. Этот город находился на территории Российской Империи и оставался центром епархии, существовавшей теперь только на бумаге.

Ко времени назначения митрополита Андрея на Львовскую кафедру, его епархия, насчитывавшая 752 прихода и 30 благочиний и имевшая без малого 1000 священников, была самой большой из всех епархий восточного обряда, находившихся в единении с Римским Престолом. Однако народ был здесь очень ослаблен в своем культурном развитии почти поголовным переходом дворянства в латинский обряд и, как следствие этого, - полонизацией его. Поэтому одной из первых забот митрополита было улучшение условий обучения в Духовной Семинарии, служившей для подготовки кадра русинских священников. В 1901 г. она была им совершенно реорганизована. Кроме того, он стал посылать своих кандидатов учиться в Вену и Инсбрук. Положение митрополита Андрея на Львовской кафедре было далеко не легким; ему приходилось работать в атмосфере непрекращавшейся борьбы, интриг и вражды. Однако, на деле, это только усиливало его авторитет и создавало ему то исключительное положение, какое он завоевал себе на этом фоне обаянием своей личности. Из соприкасавшихся с ним не было никого, кто не испытал бы на себе этого обаяния, независимо от своей веры, общественного положения и национальности.

Митрополит Андрей посвящал и здесь два-три месяца в году объезду епархии; он посещал последовательно все приходы, и проезд его сопровождался говением прихожан и проповедью иерарха. Тут тоже он обращался время от времени к своей пастве с посланиями. При всей простоте и общедоступности содержания, они всегда были проникнуты глубиной пастырской мысли и силой апостольского авторитета. Он не оставлял своим попечением и эмигрировавших русинов в Северной и

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ АНДРЕЙ, МИТРОПОЛИТ ГАЛИЦКИЙ
И АРХИЕПИСКОП ЛЬВОВСКИЙ

« ...Я всем сердцем русский православный, но только не из числа тех, которые повинуются светским людям в делах церковных; ибо пастыри, по слову Божию, должны управлять овцами, а не наоборот ».

(Из письма митрополита Андрея к старообрядческому епископу Иннокентию - 1-VII-1907).

он шел туда просто потому, что в миру, как говорили, « без греха не прожить ».

Случай помог убедиться в правильности этого суждения, когда оно только начало зарождаться. В 1898-9 г., у васильян, на хуторе Кристинопильского монастыря, собралось несколько молодых крестьян, которые хотели жить совместно, руководясь началами монашеской жизни. В бытность свою в Кристинополе, будущий митрополит Андрей познакомился с ними и помог им своими указаниями. Позже, уже как епископ, объезжая в 1901 г. свою епархию, он встретился с другой такой же группой крестьян в Олеске, недалеко от Красно и Злочива. Их было 5-6 человек; при них не было священника, и они обращались за своими духовными нуждами к настоятелю ближайшего прихода и ходили к нему в церковь. Владыка Андрей, прибывши в Злочив, поговорил с ними, и они рассказали ему о своих нуждах и желаниях. В обоих случаях, в зародыше было уже налицо как раз то, что хотел создать митрополит и что подтверждало вполне его мысли. Он поддержал этих людей и задумался над тем, как притти галичанам на помощь в соблюдении евангельских советов. В следующем году он перевел своих пионеров в Вулку, недалеко от Львова, и дал им краткий устав, заключающий в себе два основных пункта монашеской жизни: молитву и работу. Так эти крестьяне и начали подвизаться, молясь и занимаясь обработкой окрестных полей. В 1903 г. митрополит собрал их в деревне Скнилов, в нескольких километрах от Львова, у первой железнодорожной станции, дал им земли и приступил к постройке монастыря. Для начала это были всего лишь простые деревянные домики, в которых и зародился новый монашеский чин Студитов. Строго говоря, называть студитских монахов чином или орденом даже неправильно. Студитство было призвано стать на Западе монашеством, как таковым, в отличие от существовавших орденов, конгрегаций и прочего в латинском церковном мире. Мыслью митрополита было создание монашеских обителей. Целью монахов, обитавших в них, должно было быть подражание Христу: ничего специального им не нужно было искать. Весь их день должен был быть заполнен молитвой и работой; порядок дня отвечал бы, конечно, потребностям места и времени и соответствовал бы характеру занятий монахов. Поэтому каждый монастырь мог иметь свой особый *типик* (устав), применительно к условиям жизни данной общины, но при непременно условии содержать в себе самое существенное и общее для всех монахов в связи с их обетами.

20 октября 1905 г. митрополит Андрей дал своей новой монастырской общине такой типик, составленный по образцу студитского устава св. Федора, а 30 октября следующего года его утвердили все галиций-

ские епископы восточного обряда. Типик устанавливал общую молитву согласно церковному уставу Восточной церкви. Участие в ней он делал обязательным для всех монахов, поскольку этому не препятствовали работы, возложенные на них в этот день. Все в монастыре вели одинаковую жизнь. Работа, какую нес монах, являлась для него не целью жизни, как в миру (профессия), а средством к совершенствованию. В общем, образ жизни иеромонаха мало чем отличался от жизни простого монаха, так как все принимали участие и в молитве и в работе. Последняя могла быть самой разнообразной, начиная с физического труда и до научных занятий включительно. В то же время, если благо Церкви требовало этого, монах должен был выходить на время из монастыря и идти работать в миру среди людей. Такой образ монашеской жизни сохранился только у православных; восстановить его на Западе, по мысли митрополита Андрея, должны были студиты.

Постепенно, в деревне Скниливо, у них выросла Лавра св. Антония Печерского, киевского святого, одного из основоположников монашеской жизни в Древней Руси. Все в образе жизни студитов было здесь как у восточных монахов, и в то же время все оживлялось католическим духом. Церковные службы совершались полностью, без всяких наслоений латинского происхождения, распространившихся за последнее время в Галиции. Священников было очень мало. Только в 1908 г. митрополит Андрей решил рукоположить одного из студитов в священники после того, как тот прошел краткую подготовку. Особенное внимание обращалось на богослужение. Митрополит тщательно устранил у Студитов обрядовую мешанину, привившуюся в Галиции, как отголосок той латинизаторской тенденции, которая в свое время толкала галицких дворян и интеллигенцию в латинский обряд и, при посредстве его, ополячивала церковный быт. Митрополит отбрасывал все, чего не было ни в греческом, ни в чисто славянском богослужении. Хотя эти наслоения, засорявшие и искажавшие восточный обряд, и нравились многим в Галиции, но они являлись серьезным препятствием к воссоединению православных с католической церковью восточного обряда. К сожалению, искажения обряда, бывшие для православного мира предметом соблазна, на чем особенно играло русское правительство, не ограничивались одними русинами, но распространялись и вне их этнографических границ в строгом смысле. Как известно, против этого решительно восстал Папа Лев XIII.

Митрополиту Андрею было ясно, что противодействие такой латинизации должно быть сколь решительным, столь и осторожным. Устраняя эти наслоения в своем студитском монастыре, он восстанавливал одновременно и утраченные древние обычаи. Так например, он ввел

опять ношение бороды, оставленное только в XVIII веке. Сам отпустив бороду, митрополит Андрей показал этим пример братии. Однако, всеми этими мерами, которые должны были оживить былые традиции св. Федора Студита, митрополит Андрей имел в виду образовать не только очаг или даже рассадник святости и аскетической жизни. Мысли его шли дальше: он думал основать здесь научный центр. Современем, возле Скниливской Лавры должна была возникнуть духовная академия, во главе которой стояли бы избранные монахи, имевшие для этого врожденное дарование и более пригодные для такого рода деятельности, будучи подготовленными к ней соответственным образованием. Если сравнивать таких ученых студитов, в их общей массе, с западными монахами, то они походили бы скорее на бенедиктинцев, чем на траппистов. В основе этой мысли лежало убеждение митрополита Андрея, что Восточная Церковь окажется способной совершить великое дело воссоединения с Римом только тогда, когда она будет располагать духовенством, стоящим по своим научным знаниям и подготовке на одной высоте с западными народами, и когда она будет в состоянии обходиться собственными силами, без помощи западного духовенства. В те годы, эта помощь была еще необходима. Митрополит считал народы восточной Европы наиболее одаренными в этом смысле. Поэтому они и должны были стать на этот путь первыми. Начав возглавлять значительную часть Церкви восточного обряда, и по численности ее и по силе влияния, какое она могла бы иметь, митрополит Андрей, в своей пастырской деятельности, никогда не упускал из виду этой задачи.

Находясь во Львове, он уделял много времени заботам о студитах и даже сам их исповедовал. Однако, перегруженный делами огромной епархии, митрополит Андрей не мог постоянно руководить лично Скниливским монастырем. Везде, начиная со студитов, ему нужны были новые люди. Где было их взять? Митрополит Андрей начал с собственной семьи. Младший брат его, гр. Казимир, оставшийся холостым, стал к этому времени видным адвокатом и членом парламента. Ему митрополит мог бы доверить руководство студитами, если бы и он захотел посвятить себя Богу. Гр. Казимир ответил согласием на призыв брата принять на себя эту задачу. 43-х лет он оставил мир, поступил к бенедиктинцам в Бейрон и отбыл у них послушнический искуc. Оттуда он перешел через год в Инсбрукский университет и прошел там философию и богословие. В 1915 г. епископ Дионисий рукоположил его в священники у себя в Крижевцах. Гр. Казимир принял монашеское имя Климента. Тотчас же он взялся за руководство общиной, насчитывавшей уже до полусотни монахов. Как игумен, о. Климент пользовался у

студитов большим авторитетом. Они ему обязаны в значительной мере строгостью своей монашеской жизни, действительно приближавшейся к ордену траппистов. После прибытия в монастырь о. Климента, митрополит Андрей сохранил за собой звание архимандрита.¹³

В ожидании будущего, в которое он так верил, митрополит Андрей стал делать первые шаги. Свою «бурсу», учреждение, созданное им в Львове, недалеко от собора, на улице Петра Скарги, для подготовки псаломщиков сельских церквей, он предназначил стать местом будущего Научного Института, и отдал ее в распоряжение студитов, чтобы здесь могли получать образование наиболее одаренные монахи. До сих пор Студиты, предназначенные к священническому сану, проходили курс в Духовной Семинарии. В соответствии с этим бурсу переустроили. Митрополит, создавая Институт, имел в виду и будущую апостольскую деятельность в России, когда придет для нее Богом определенное время. Была устроена домовая церковь в старом русском стиле. Митрополит позаботился, конечно, снабдить этот центр библиотекой, в которой были собраны все русские произведения, касавшиеся религиозных вопросов на Востоке. Перед самой войной начали развиваться и другие начинания митрополита Андрея, преследовавшие ту же цель.

¹³ Малое число студитских монахов может показаться незначительным, если сравнивать начинание митрополита Андрея в Галиции с тем, что представляли собою тогда русские лавры и большие монастыри, не говоря уже о «Росстиконе» - монастыре св. Пантелеймона на Афонской горе, в котором перед войной было около 1800 иноков, а все население его, вместе с вольнонаемными служащими, достигало двух с половиною тысяч человек. К тому же, студитское «малое стадо» сразу начало страдать. Первым испытанием для него была мировая война. Во время последовавшей за ней польско-украинской гражданской войны (1918-1919), когда шли бои вокруг Львова, Скниливский монастырь был сожжен до тла и от детища митр. Андрея остался один только домик. Студиты перешли тогда в Унив, ставший их центром.

ГЛАВА II

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ О. ЛЕОНИДА

Его мать. - Смерть отца. - Вторая Петербургская гимназия. - Греческий классический мир. - « Милитаризм » Мольтке. - Действие Библии и стремление к монашеству. - Начало философского развития. - Буддизм. - Первая любовь. - Отречение от мира. - Желание стать священником. - У порога Петербургской Духовной Академии.

Графу Роману Шептицкому шел уже пятнадцатый год, и он был учеником пятого класса Краковской гимназии св. Анны, когда Леонид Федоров, будущий Русский Католический Экзарх увидел впервые свет в городе Санкт-Петербурге. Это было в воскресенье 4 ноября 1879 г. в 6 часов утра. Можно предполагать, что его родители снимали тогда квартиру в Казанской части, одного из наиболее старых и заселенных районов северной столицы. В ней жили по-преимуществу купцы и чиновники среднего и ниже среднего круга. Дед Леонида, Федор Захарович, был крепостным. Отец его, Иван Федорович, был поваром и принадлежал к петербургской поварской артели. Он держал в этой части города ресторан « Малоярославец », памятный старым петербуржцам и характерный именно для Казанской части.

В этой же части города, на Казанской улице, на углу Демидова переулка, находилась 2-я петербургская гимназия, в которой учился Леонид Федоров. Это - то и говорит в пользу предположения, что его семья жила тоже в Казанской части, так как в старом Петербурге мальчиков помещали чаще всего в ту гимназию, которая была ближе других к их дому. Поэтому можно сказать, что будущий Российский Экзарх с раннего детства дышал тем же самым воздухом, который так поражает иностранных читателей в произведениях Достоевского. Действительно, Казанская часть Петербурга, занимает в русской литературе особое место. Достоевский, хотя и уроженец Москвы, но проведший в Петербурге главные годы своей жизни и самый петербургский из всех русских писателей, знал северную столицу насквозь и умел подбирать подходящие улицы для своих литературных произведений. Кроме « Бесов » и « Братьев Карамазовых », где дело происходит в провинции, и « Игрока », где события развиваются за границей, местом действия остальных романов является Петербург. В частности, в Петербурге живут и действуют герои « Преступления и наказания », « Идиота » и « Подростка ». Главные события происходят на улицах, распо-

ложенных в Казанской части, неподалеку от 2-й гимназии: в Столярном переулке Раскольников убил ростовщицу; на Гороховой, в собственном доме купца Рогожина, князь Мышкин и Рогожин провели ночь у трупа зарезанной Рогожиным Настасьи Филипповны; на одной из Подъяческих (их было три) Версилов философствовал в своей незаконной семье о воображаемом блаженстве неверующего человечества.

В голодные годы, захватившие Россию после октябрьской революции, о. Леонид вспоминал пирожки в родительском доме и шутя говорил, что самые трудные приступы искушения, которым он подвергался в то время, проистекали от пристрастия к вкусным вещам, так как в детстве его сильно баловали разными лакомствами, в особенности отец. Однако, контакт с отцовским рестораном был для Леонида недолгого века. Отец его, обладавший хорошим достатком, разорился и вскоре умер, не пережив потери своего состояния. Таким образом, Леонид рано лишился отца и остался на попечении матери; он был у нее единственным ребенком. Когда именно умер отец, нельзя установить на основании имеющихся материалов; во всяком случае, ко времени первой исповеди Леонида, Иван Федорович был еще жив.

Мать его, Любовь Дмитриевна, была греческого происхождения и при своей русской душе « греческую кровь » всегда чувствовала в себе и забыть не могла. « Хотя мы и не принадлежим к земному царству писала она (1905) митрополиту Андрею о своих христианских чувствах, - но « отечество (т. е. Россия) приросло к сердцу », а « моя греческая кровь вопиет ». Она была художницей, писала очень недурно и, вместе с врожденным чутьем, передала сыну и тот византийский дух, который в нем так удивительно сочетался с чисто русским складом души. О. Иоанн Дейбнер, в написанном им некрологе Л. Д. Федоровой, засвидетельствовал, что « все, кто знали эту незаурядную христианку, не могли не отметить в ней черты той крепкой и сильной женщины, о которой говорит Библия. Здоровый, чисто-русский ум, честность и прямота сердца, ревностное благочестие и вера отличали цельную натуру этой недюжинной женщины ».¹⁴ В его словах нет преувеличения. Дневник, который она вела годами, и глубоко содержательная и обширная переписка с сыном и митрополитом Андреем ярко отражают упомянутые духовные черты матери о. Леонида. Сыну своему она дала много по существу и в то же время не очень много по содержанию. Уж слишком ясно ей была видна рука Божия, ведшая сына, и кроме того она доверяла ему, зная, что он сам, с помощью благодати Господней, во всем разберется лучше ее. Однако, это отнюдь не умаляло твердости

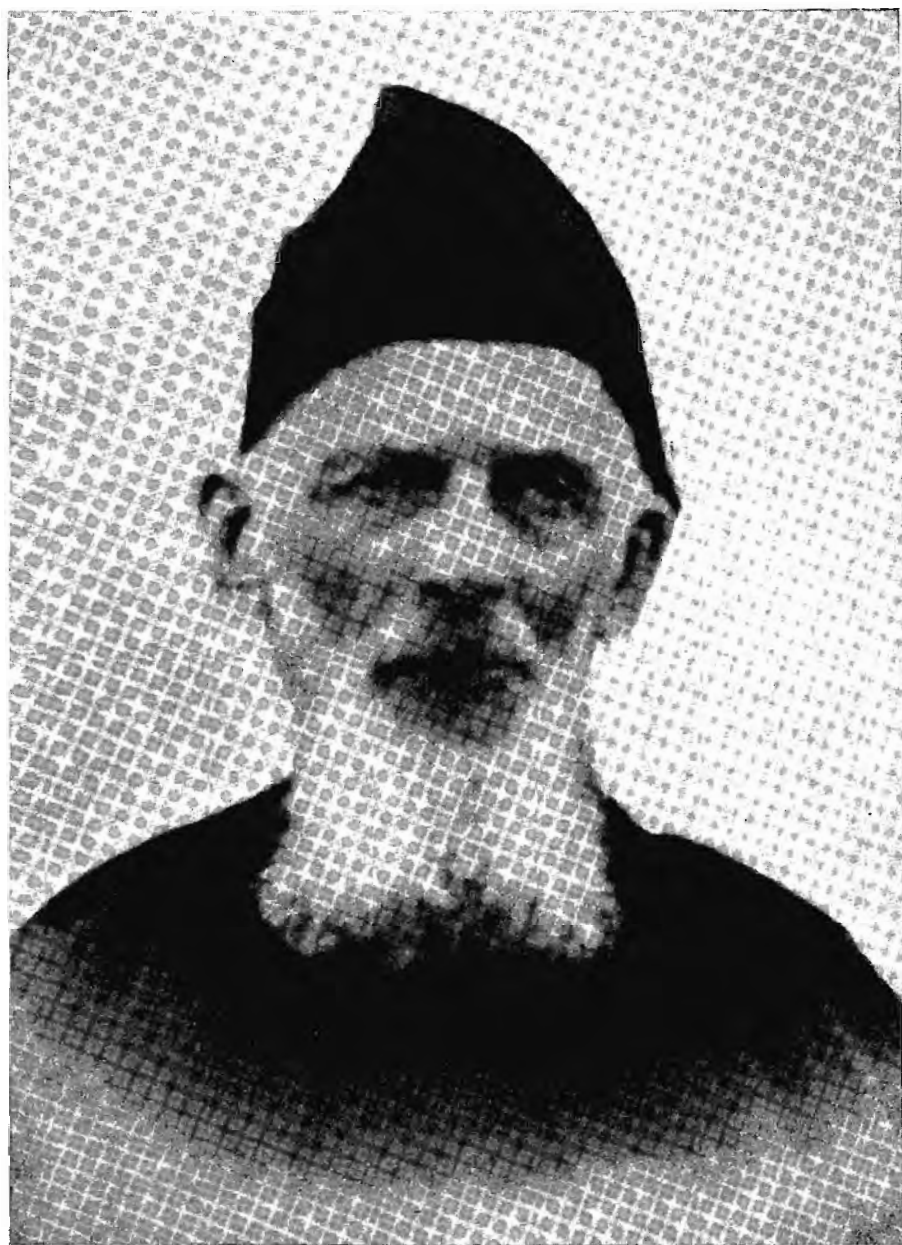
¹⁴ « Слово Истины » - И 64-65, апр.-май 1918 г.

и решительности характера Любови Дмитриевны в воспитании сына, с которыми так прекрасно сочетались ее мягкость и деликатность. Она крепко держала в руках бразды правления в доме, и к сыну относилась, в общем, довольно строго. Он отзывался о ней всегда с сыновним почтением, говоря, что всем лучшим, что в нем есть, он обязан именно ей. « Верен был мой материнский инстинкт, - вспоминала Любовь Дмитриевна в 1905 г., - недаром я своего сына посылала в лавочку и знакомила со всеми житейскими нуждами. Сердце говорило: это ему пригодится. - Только плаванию и верховой езде не обучила, глубоко скорблю », добавляла она в шутку.

Как художница, Любовь Дмитриевна стремилась облагородить его натуру, привить ему эстетический вкус, пробудить любовь к прекрасному. Она сама приготовила сына к первой исповеди. « Со страхом и трепетом » Леонид пошел исповедаться к священнику Богдановскому, как это значится в сделанной рукой Любови Дмитриевны приписке к « Дневнику » Лениного дедушки - Федора Захаровича. Эта исповедь была первым контактом будущего католического Экзарха с русским синодальным духовенством. Он ее не забыл и даже после всего пережитого вспоминал о ней в своих рассказах на Соловках. Что спросил его тогда духовник? Решительно ничего. Что сказал в назидание? Велел передать отцу - приготовить в такой-то день к обеду два любимых кушанья. Первое отпущение грехов подействовало на юного раба Божьего Леонида удручающе. Однако, не будем делать из этого тех обобщений, которых сам он не сделал, и приписывать этому событию большее значение, чем оно имело в действительности, тем более, что в гимназии его законоучителем был известный тогда в Петербурге священник К. Смирнов.¹⁵

¹⁵ О. К. Смирнов был строгим и требовательным к ученикам, но справедливым и ласковым с ними и пользовался большим уважением и любовью в гимназии. Оставил он гимназию в 1900 г., когда был назначен кладбищенским священником в Кронштадте. Вскоре после этого он овдовел и постригся в монахи. Был миссионером на озере Ван в Персии у группы Несториан, воссоединившихся с православной церковью. Затем был назначен викарным епископом в Петербурге и уже во время первой войны - архиепископом Тамбовским. После Собора 1917 г., был выбран митрополитом Казанским. Патриарх Тихон наметил его первым из трех кандидатов в свои преемники. Впоследствии он стал одним из вождей « катакомбной церкви », выступил против обновленчества и обличал своими посланиями митрополита Сергия за самовластные действия. За активное участие в катакомбной церкви заплатил жизнью (или умер в ссылке или расстрелян в Москве).

В те годы, митрополиту Кириллу, бывшему законоучителю 2-ой Петербургской гимназии, пришлось увидеться со своим бывшим учеником, ставшим русским католическим Экзархом. Они встретились очень сердечно; митрополит был с ним

О. КЛИМЕНТ ШЕПТИЦКИЙ,
Игумен, впоследствии Архимандрит и Экзарх.

ЛЕОНИД ФЕДОРОВ СЕМИНАРИСТОМ В АНАНЬИ

На обороте фотографии сделана надпись рукой Федорова: сверху: « 19 - 31/VII - 02 » (день его присоединения). В середине: « Да даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит ». Внизу: « Дорогому Отцу духовному от вечно благодарного сына Леонида Федорова 19-4/IX-02 »

Quoniam causa illis phaenomeni antiquitus erat assignata?
 Magia et in specie necromantiae apud omnes populos aetiam rudior viget?
 Un S^r. Lev. 20, 6 dicitur quod Deus adversatur et interficit animam, quae de-
 clinaverit ad magos et arctos, et in Dent. 18, 10-12 habentur quod Deus praeci-
 pit nec invocari, in populo electo, qui arctos sacrificatur, et obsecrat som-
 nis atque auguria, nec sit maleficus, nec incantator, nec qui pythones consulat,
 nec divines, aut quaerat a mortuis veritatem. Omnis enim haec abominabili sum-
 nus, ergo causa istorum phaenomenorum erat mala, quae scelus Dominus ill.
 adversari non potuit. Prophecia omnibus, in quibus pythones, vel divinatio-
 nis fuerit spiritus (Lev 20, 27) praena mortis velle quae, morte moriantur.
 Haec illis obviavit cor: sanguis eorum sit super illis (ibid.). Exemplum mortuum
 invocationis invenimus in 1 Reg. 28, quando Saul pythoneum in Endor ha-
 bitantem adit, et exitum praeculi cum Philisthaecis commissura, ab anima
 Samuelis prophetiae quaerat. Generationem omnes ecologiae et theologiae convenient
 in hoc casu dicitur vel praesens ex parte pythoneum locum non habuere et Deus
 permittit ut anima Samuelis regi appareret. Haec interpretatio ex ipso casu cor-
 tu lignet (et nos 11 et 12, 15 sq.). Non obstante vero praecipue Leviticus et Sa-
 tironomi magis apud Hebraeos nunquam cepit, sed semper viget, et hoc
 patet in eo quod prophetiae omnes de magis et arctos loquantur.

Imper, ut ubi iam videmus (pp. 88-89) S^r. acquirere legibus de possessis a diabolo,
 ita et de fide est videtur hominum et oblatum commercium inire posse, in quo
 diabolus hominem sanguinem instrumento abadi, ita in Job. 16, 16 sq. ap. Paulus op-
 rimum matum acceit ei puella quondam, quae dicitur habere spiritum pythoneum.

1) Les Chaldéens avaient la prétention de savoir conquérir les morts. Leur effrayants des né-
 cromancs, le sol se crevait, l'âme de mort on jubilaient, on oit de tout et reproduit aux que-
 stions posées. Cf. P. Boissac, La divination et la science des présages chez les Chaldéens, Paris, 1915,
 p. 151-152; Depero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, Paris, 1875, t. 1, p. 388-389, 491. La
 cation se pratiquait en Egypte, In B. 2, et les Chananéens y étaient fort adonnés. Dent. 18, 11. Chez
 les Grecs et les Romains, la necromancie s'exerçait de préférence dans des lieux qui leur assigna-
 tion particulière semblait mettre en communication directe avec les enfers, l'écluse et le va-
 rias d'Iderne, en Epire, Héradée, sur la Propontide, la région volcanique du lac Averno, en
 Campanie, la caverne du Tivoli en Latonie, etc. Hérodote I, 84; Diodore de Sicile II, 22; Strabon
 I, 249; III, 162; Cicéron, Tuscul., I, 16, etc.; Döllinger, Paganisme et judaïsme, trad. J. de P. Bou-
 selles, 1878, t. II, p. 243-246. 2) L'invocation se faisait au moyen d'adjurations magiques, et les
 mânes étaient considérés répondre d'une voix faible et presque inarticulée. Sicut, III, 16, dit que les
 mortes évoqués, posaient des soufflements et des soupies, et il ajoute, III, 4, que la voix du spectre
 sort de terre et que le son s'en fait entendre comme à travers la possessière. Dans ces cas, les ob-
 signés, les mânes ne peuvent se rencontrer directement, s'élever ou se lever. Sicut, III, 16, Deper, III, 16,
 Diodore II, 18; Ovidius, Staez, Thebaid., II, 170; Claudius, In Rufus, I, 126; et Virgile, Aeneid., II,
 39, II, 462. (Juchonière de la Bible par P. Vigoureux, t. 2 p. 2122, Invocation des morts, Paris 1879).

3) La necromancie, pratiquée par le Ch. 20 qui tout d'abord signifie, entre d'autres, aussi à minimum
 sceler et d'après qui s'inspire, d'après tout et dit que Saul a chargé les Ch. Les esprits qui croquent les
 morts et s'inspirent et d'après une femme Egypte en Ch. 21, qui, par la voie de l'âme, s'inspire
 d'après de lui des manifestations de Reg. III, 6; I. Reg. III, 6; Dent. 18, 10, par les manifestations qui
 leur adresse, et il montre l'invocation des morts présent en vers de terre, comme les Ch. II, 2, 3. Les
 Septuagintes traduisent rudimentairement de moi d'après par l'invocation, velle quae; magis, pytho-
 nes, beaucoup d'actions divines se courent de la velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,
 velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae, velle quae,

СНИМКИ СО СТУДЕНЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА

Из тетради: Praelectiones Dogmaticae quas in Collegio Leonino Anagninae Silvius Fabbri S. J.; Annus Scholasticus 1905/6 fecit. 89-я страница; текст на латинском и французском языке; в тетради 339 страниц.

Учиться грамоте Леонид начал шести лет. Восьми лет его отдали в школу к некоему Аккерману, а во 2-ю Петербургскую гимназию, в I-ый класс, во второе отделение, он поступил одиннадцати лет, в 1892 г. (когда инок Андрей Шептицкий был рукоположен в священники). Смерть отца внесла полную перемену в материальное положение семьи. Правда, кое-что он оставил; по словам о. Леонида, отец его был « человек предусмотрительный » и скопил 15.000 рублей, которые мать получила после его смерти. Повидимому деньги были в процентных бумагах государственной ренты, о чем имеется упоминание в переписке Л. Д. Федоровой с сыном. Это давало ей с капитала около 50 рублей в месяц; жить на это, даже бедно, в Петербурге было нельзя, и ей пришлось самой зарабатывать, чтобы обеспечить известный прожиточный минимум и дать сыну образование. По всему видно, что жизнь их была очень скромной, приходилось экономить и сильно рассчитывать, но о. Леонид однажды сказал о себе, что ему « никогда не пришлось испытывать горя нищеты ». Навык к такой жизни остался у него с детства, и неприхотливость стала его отличительным свойством. В ранней молодости у него даже развилась жадность к деньгам. Сам он впоследствии затруднялся объяснить ее происхождение: « не было ли это глухим протестом против расточительности моих товарищей? Трудно сказать что-либо положительное ».¹⁸ Может быть в этом было немного и врожденной склонности: ведь отец его все-таки был дельцом-коммерсантом и сразило его разорение. Во всяком случае, Леонид сознавал свою « жадность к деньгам », боролся с нею, считая пороком, и с годами это зло исчезло в нем совершенно, так что ему трудно было даже представить себе, как он мог « отдаваться такой постыдной страсти ».

* * *

Когда Леонид поступил в гимназию, во главе русской школы стоял уже десяток лет Министр Народного Просвещения гр. И. Д. Делянов, армянин, старый друг обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева, тогдашнего всеильного теоретика и доктринера русского абсолютизма. По его мысли, гр. Делянов должен был проводить эту теорию в

ласков, говорил ему « ты » и называл попрежнему « Леня ». Однако, ни в записях, ни в письмах, ни в разговорах о. Леонида нет нигде упоминания о каком-либо влиянии законоучителя на его духовное развитие в гимназические годы.

¹⁸ В дальнейшем, в основу этой главы положено автобиографическое письмо-исповедь о. Леонида митрополиту Андрею перед поступлением в монастырь. Все цитаты и отдельные выражения в кавычках, без указания источника, заимствованы из него.

области народного просвещения. Система школьного « классицизма » оправдывалась тогда соображениями не столько педагогического, сколько, до некоторой степени, полицейского свойства. Гимназисты прекрасно это понимали и знали, что начальство держит их на латинских и греческих склонениях и спряжениях, чтобы отвлекать молодые умы от того, о чем им не полагалось думать, а главное, чтобы отбить у них охоту интересоваться политикой. Латинский язык преподавался во всех классах гимназии, начиная с первого, а в третьем к нему присоединялся греческий. Однако Федоров вряд ли когда-нибудь пожалел о школьном классицизме своего времени. Благодаря ему он имел возможность изучить в гимназии очень основательно древние языки, столь необходимые для дальнейших научных занятий. К тому же, в его школьные годы, официальная доктрина абсолютизма, с обязательной « народностью по Иловайскому » и « православием по Филарету », значительно ослабела в способе ее насаждения в юных умах по сравнению с еще недавним прошлым, какой она была во времена предшественника Делянова, гр. Д. А. Толстого. Теперь уже мало интересовались тем, проникались ли кончавшие гимназию этим влиянием. Для начальствующих было важно знать, что в бытность в гимназии находившиеся на их попечении молодые люди ни в чем предсудительном замечены не были. Обостренное в прежние годы соотношение между семьей и обществом с одной стороны, (которые добивались, чтобы дети воспитывались на началах гуманистического идеализма), и школьного начальства с другой стороны, для которого гимназия служила орудием внедрения в детские души победоносцевской доктрины, сменилось теперь своего рода перемирием. Все как-будто оставалось по-старому: запретное в интеллигентском радикализме 80-х годов не перестало и дальше быть запретным (оно, конечно, не было ни национальным ни православным), но доктрину Победоносцева, хотя и продолжали преподавать, но перестали внушать.

Между тем, как это ни может показаться странным на первый взгляд, для подростков, такое послабление оказалось пагубным. О. Дмитрий Кузьмин-Караваев, учившийся тоже во 2-й Петербургской гимназии, но несколькими годами моложе Федорова, отмечая сказанное выше, обращает внимание на своеобразное последствие этого явления. Между семьей-обществом и школьным правительством образовалась как-бы некая пустота или, так сказать, « ничья полоса », которая в значительной мере обуславливала ту моральную атмосферу, в которой росли гимназисты в школьные годы Федорова. Такая школа понималась в семье как неизбежная необходимость, которой надо поневоле подчиняться, тогда как влияние семьи в школе не всегда поощрялось

начальством. Обсуждать в школе, например, прочитанные дома « толстые » журналы и другие современные издания - не полагалось; беседовать же с товарищем о том, что готовишь к уроку, было скучно. Нетрудно догадаться, что делалось предметом разговоров подростков от 12 до 16 лет при условии, что победоносцевский идеализм им оставался чужд, а радикальный, которым они невольно заражались вне школы, был в стенах гимназии запрещен. Сам Федоров, как увидим сейчас, был в своем суждении еще более категорическим: « Наши гимназии, - говорит он, - можно без преувеличения назвать клоаками порока ». Политический климат петербургской гимназической молодежи того времени определялся поэтому двумя факторами, проистекавшими с одной стороны из сознания, что с начальством, как и со всем тем, что тогда существовало, можно и даже должно было не соглашаться, а с другой стороны - из убеждения, что бороться со всем этим каким бы то ни было образом и бесполезно и безнадежно.

На этом довольно сумрачном фоне, с которым гармонировал даже внешний вид 2-й гимназии, типичного казенного здания постройки Александровских времен, выкрашенного в однообразный шоколадно-коричневый цвет, протекала внутренняя жизнь Леонида-гимназиста. Тем не менее школьная « ничья полоса », со всеми искушениями, какие она таила в себе, не только не повредила ему, но, напротив, оказалась весьма благоприятной, чтобы по ней проложить свой путь и пробиться к цели, намеченной Богом. Леонид отлично учился, все ему давалось легко; в этом смысле он взял от гимназии, в особенности от ее « классицизма », все, что она могла дать. О. Кузьмин-Караваев вспоминает, что Федоров был тогда гибкий и стройный, ходил с характерно откинутой назад головой, и младшие его даже побаивались. Товарищи звали его почему-то « Евой ». Об этом он сам напомнил о. Димитрию в после-революционные годы.

* * *

Еще до поступления в гимназию, в девятилетнем возрасте, греческий классический мир овладел Леонидом: в нем сильно сказалась материнская кровь! Уже тогда он читал мифологию и историю и втянулся в древний мир, начав изучать его до мельчайших подробностей. Постепенно он сжился, внутренне сроднился с этим миром прекрасного. Древняя Греция стала « вечным сном » его юности, « недостижимым, но дорогим сердцу идеалом », отказаться от которого у него не хватило бы сил. Любовь к прекрасному, которую он в себе сознательно развивал, не раз спасала его в гимназические годы от нравственных падений, не дав опуститься, изменить идеалу. Но вместе с тем она вызывала в

нем и определенное отвращение к окружающей действительности, стоявшей, при всем « классицизме » школьного дела, в таком резком противоречии с его идеалом прекрасного. « Там в далеком прошлом » для него было « искусство, красота, жизнь, полная грации, благородных стремлений еще юного ума, а здесь – пошленькая, фабрично-мещанская обстановка, погоня за наживой, тупость, грубость, низменные инстинкты, золотой телец и т. д. ». Все это, неизбежно касаясь юной души, отталкивало ее от себя, вызывая отвращение к этой окружающей обстановке, вследствие ее контраста с увлекавшим его прекрасным миром. Ему « оставалось только скорбно вздыхать о невозвратно потерянном рае... ». В этом смысле гимназическая среда и вся школьная атмосфера не могла ему дать ничего положительного. Ни в ком и ни в чем он не находил созвучия. У него был один единственный друг, оставшийся ему верным и по окончании гимназического курса, но и тот оказался слишком слабым, чтобы продвигаться по духовному пути юного Леонида, и кончил тем, что пошел по избитой дороге. « Так как наши гимназии, – свидетельствует о. Леонид, – можно без преувеличения назвать клоаками порока, то молодые люди, выступающие на защиту сверхъестественных идеалов, слишком редки и клеймятся общим презрением большинства. » – « Правда, – говорит он еще, – меня все любили за мой покладистый характер, но не могли простить моего идеализма. Поэтому я был чужим в кружках моих товарищей, да и сам крайне неохотно посещал их. Пьянство, распутство, грубость, были всегда неразлучны с каждой вечеринкой, с каждым собранием. И хотя я был тогда так же груб, циничен и пошел в словах и обращении, как и мои друзья, но никогда не позволял себе реализовать мои слова и помышления ».

До четырнадцати лет Леонидом владело стремление, которое в нем может больше всего удивить; но в то же время оно как-то вытекало из его идеализма и отражалось в рыцарских чувствах и решительности характера, искавших себе внешнего выражения в какой-нибудь форме. Леонид вздумал сделаться « солдатом », но, конечно, « идеальным » солдатом, солдатом-рыцарем, « настоящим солдатом, преданным до самозабвения своему призванию ». Но и тут действительность его тоже отталкивала. Он восставал против нее, ибо ненавидел « офицеров кутил, картежников, беспутников: они грязнили святое дело своими мерзкими лапами ». Как характерно и здесь для юного Леонида это слово « святое »! Конечно, это детское стремление, нелепо само по себе и еще далеко от неосознанного тогда настоящего призвания, от того, к чему он был предназначен, однако и тут уже искание святости выступает на первый план, тогда как в той среде, в которую он должен

был бы неизбежно войти, (ибо другой на этом пути в действительности не было), он сейчас же видит отталкивающее его противоречие. Однако это не смущает юного Леонида. Он опять отрывается от реальной среды, уходит в мир, до некоторой степени тоже идеальный. Он с наслаждением зачитывается ... записками Мольтке! Немецкий полководец начинает питать его мысли. Под его влиянием он задает себе ряд вопросов: « Разве не нужно иногда очищать мир от негодных отбросов человечества? Разве война не встряхивает нашу обыденную будничную жизнь, не вызывает в нас благородных порывов? » Где-то, в подсознании, уже зарождаются первые, слабые аккорды той трагической симфонии, которая стала современем его жизненным уделом. На все эти вопросы сама действительность дала ему в свое время наглядный ответ, создав такое положение, какое ничей ум не мог тогда предвидеть. Но теперь, в связи с этими мыслями, в душе Леонида нарастает ненависть к людям. Фантазия рисует ему « иногда страшные картины: уничтожение всей современной цивилизации и восстановление первобытной чистоты ». Аккорд святости опять прорывается. И здесь Леонид хочет видеть прежде всего путь к освящению, обожествлению, хотя бы в аспекте « первобытной чистоты », которая сгладит страшное противоречие между идеальным в мечтах и низменным в окружающей действительности.

Леонид начинает отдавать себе отчет в том, что обладает необычайно впечатлительным характером. К окружающим людям и событиям, лежащим в поле его духовного зрения, он относится со все более обостренным вниманием. Он сам замечает, что его взор заглядывает и даже проникает в такие уголки человеческой совести, какие недоступны другим, « даже взрослым ». Он видит потрясающие картины зла в том мире, который изображал Достоевский; ведь с раннего детства он дышит одним воздухом с ним. Две гениальности, столь разные и по призванию и по делам, какие они совершили, зарождаются и развиваются в той же атмосфере, но по разному реагируют на нее.

- * * *

Четырнадцать лет Леонид в первый раз прочитал Библию. Некоторые книги, в особенности Иова, Екклезиаста, Премудрости Соломона, произвели на него неотразимое впечатление. Он уже совсем созрел для этого чтения, и оно положило конец его детским мечтам о военной карьере. Правда, образы, с которыми он уже свыкся, оставили его не сразу. Преодолеть в себе прежнее влечение ему удалось лишь постепенно. Он сам признался, что все « касающееся милитаризма » про-

должало его интересовать. Спустя много лет он как-то сказал: « даже теперь не могу еще равнодушно смотреть на проходящих солдат »! Однако, при всем этом, неясные стремления к религии, « затерявшиеся раньше в нахлынувших кровожадных инстинктах », вспыхнули в его сознании и указали на настоящую дорогу. Вместе с тем, « блеск мира, его приманки » - словно какое-то « беганье белки в колесе » - выступают перед ним в подлинном свете и он видит в них одну только « суету сует ». Дышать петербургским воздухом ему становится уже легче, но нападает невыразимая тоска, доходящая временами до какого-то « тупого отчаяния ». « Зачем, - спрашивает он себя, - куда-то стремиться, преследовать какую-то цель, напрягать силы и нервы, когда мое существование не оставит никакого следа на земле, ничего не исправит, не даст мне никакого удовлетворения после смерти? » К таким мрачным взглядам Леонид был немного расположен с самого детства. Они только всколыхнулись теперь сильнее, ибо, при его необычайной чувствительности, картины глубокого горя и тленности мира, « так гениально изображенные в Библии », подействовали на него с исключительной силой. Он сам отметил словом « гениально » свое первое впечатление, действие этих великих страниц на свою четырнадцатилетнюю душу. Да, Леонид тонко воспринимал великое, гениальное, он его чувствовал. Обмануть его посредственностью, пошлостью, глупостью, - невозможно. Великое - нельзя ничем подменить. Он предохранен от разлагания в петербургском моральном болоте, он ему уже не опасен. Мать, художница, питавшая в нем стремление к идеальному, прекрасному, помогает ему теперь своей глубоко христианской душой быть « не от мира сего ». Леонид признает, что она поддерживала его в эти годы « как могла », но тут же замечает, что « все-таки этого было мало ». Нужно было ему самому сделать большое усилие, чтобы пойти дальше. Благодать ждала его, приоткрывала путь, которым он призван был следовать. Но надо было еще немало потрудиться, ничто не давалось ему без борьбы, без усилий. Они очищали его, в них он креп. Недаром Федоров любил повторять слова Водсворта: « Битва - дочь Бога », но, конечно, не в интерпретации Мольтке.

И снова зазвучали в его ушах слова Екклезиаста: « Кто умножает познания, умножает скорбь ». Федоров умножал свои познания очень быстро, и поэтому чувствовал так ясно преумножение скорби. Но для него она была даром благодати. Она толкнула его, и он сделал правильный шаг, правда, пока только смутно, в виде решения, принятого в принципе. Леонид решил стать монахом или, вернее, как он сам говорит, стать « на путь монашества ». Монахом в полном значении слова он никогда не был, да и быть им не мог. Его призвание не укладывалось

в строго размеренные монастырские рамки. Но монашеским путем он шел всегда, ибо только на нем мог осуществить свое призвание. Правда, его никогда не оставляла готовность стать в каком-нибудь монастыре строгим монахом, коль скоро для него окажется невозможным следовать тому, к чему он считал себя призванным. Однако, стремление, пробудившееся в четырнадцать лет под непосредственным впечатлением первого чтения Библии, не было еще стремлением уйти от греховного мира, а просто от скучного и пошлого; это было желание « закрыть глаза на калейдоскоп жизни и открывать их только для созерцания вечности ». Конечно, для ученика пятого класса второй петербургской гимназии и это значило уже много; и в этом была великая благодать.

* * *

Когда интерес к богословским вопросам окреп в Леониде, подошло время философского развития. Он читал наперерыв Канта, Гегеля, Фихте, Якоби, Моллешота и других. Мать его была того мнения, что он должен читать все и сам во всем разбираться без посторонней помощи. У нее, видимо, была полная уверенность, что ее сын сам пробьется, сам выберется на прямой путь к жизненной цели. « Не было поэтому, - повествует об этих годах о. Леонид, - книги настолько атеистической и грязной, которую я не мог бы прочитать: ничто мне не запрещалось. Я всласть зачитывался французскими романистами от Золя - до Мопасана и Дюма. Не минула меня и итальянская эпоха возрождения со своей разлагающей литературой (Бокаччио, Ариосто и др.), и период немецкого *Zerstreuung*-а был мне также известен; одним словом, моя голова стала похожа на помойную яму, куда сливаются отбросы ».

Позже, Леонид увидел и понял причину многих своих затруднений: в России ему была неизвестна гармония жизни и веры. Научить ей не мог его в те годы никто, а сам он обрел ее много позже. Поэтому он мог тогда отдаваться одновременно чтению Поль-де-Кока и задумываться над Якоби и восхищаться творениями Иоанна Златоуста. Это был умственный хаос, в который он погрузился на время. К нестройности человеческих взглядов и мыслей присоединилась еще буря человеческих страстей и испорченность заговорившей природы. В период от 16 до 20 лет, по его собственному признанию, чувственность бушевала в нем « как ураган ». Не скорбь в нем умножалась теперь от познания, а ненависть к миру, страх перед жизнью. Энергия слабела... Отсюда - новый толчок, стремление, с некоторым надрывом, « уйти

куда-нибудь подальше, остаться наедине с самим собою! » Теперь, в этом хаосе, Леонид ищет себя...

В 17 лет, когда Шопенгауер и Гартман были уже позади, ему попадают в руки буддийские книги. Самосознание Леонида пришло в такое состояние, что при чтении индийского философа ему казалось, будто он читает собственные мысли: « К чему эта бесцельная жизнь? К чему вся деятельность, благородные порывы, стремления к цели? Не лучше ли вечный покой небытия? » - « Лучше стоять, нежели ходить; лучше сидеть, нежели стоять; лучше лежать, нежели сидеть; лучше спать, чем бодрствовать; лучше всего-смерть »!

Несомненно, подобное настроение семиклассника поддерживалось еще, как он сам говорит, « чисто философской усталостью юноши, всю жизнь проводящего среди громадного города, обращающего ночь в день и день в ночь ». Этот духовный климат « петербургского болота », на фоне которого он развивался умственно и рос духовно, специфический « воздух » Достоевского, которым он дышал, нельзя никак упустить из виду, следя за последовательными переменами во внутренней жизни Леонида. Чисто физическая слабость тоже давала себя знать. Ему казалось, что он страшно устал и должен отдаться « долговому отдыху, похожему на непробудный сон ». При этом всего тяжелее для него была его же отзывчивость к чужому горю. Малейшее несчастье с человеком, даже совершенно незнакомым, угнетало его « до отчаяния »; но не менее тяжело ему было и « яркое выражение радости и общественного веселия ». Впоследствии у него сохранилось полностью заложенное в его природе это сострадание к горю ближнего, тогда как праздничная толпа производила на него всегда самое удручающее впечатление. И он продолжал себя спрашивать: « Зачем веселиться, когда смерть стоит за плечами, и притом такая смерть, которая не даст успокоения, а приведет к еще большему горю? » В своем заключении Леонид, конечно, тогда ошибался. Свою крестную ношу он, может быть, и предвосхищал в подсознании, но крестная смерть, к которой привел его жизненный путь, была блаженной и в ней он несомненно обрел вечный покой. Но все же тогда, под гнетом таких мыслей, у него был момент, когда образ живого Бога почти затуманился и превратился в какую-то абстракцию высших идеалов. К счастью, идеализм не позволил ему перейти сознательно в разряд атеистов и материалистов. Божественное Откровение защищало в нем все те же столь дорогие ему идеи правды, добра и красоты, с которыми он совсем сжился; но работали они и в другом направлении, все больше отдаляя от общества и делая нелюдимым.

Леонид находил, что и первая любовь его - а таковая была и в его

жизни - « носила характер чего-то, так сказать, ожесточенного ». Он полюбил одну девушку, простую и добрую, но некрасивую и своенравную, именно за то, что другие смеялись над ней и называли ее «дикой дурой». « Вам дуракам, - думал он, - нравится только смазливая рожица и болтливый язык, потому что ваши мозги неспособны думать о чем-либо ином; хорошо, я покажу вам, кого и как нужно любить ». Позже, повествуя об этом, он сам себе улыбался, но тогда думал именно так. Ему даже казалось, что по этому случаю у него впервые промелькнула фарисейская мысль: « я не такой, как другие », однако без прибавления: « благодарю Тебя, Господи », ибо все это Леонид считал еще делом личной воли и независимости своего характера. « Стоит ли вращаться с такими людьми, тратить свои драгоценные духовные дарования в борьбе с собаками? » - продолжал он раздумывать. « Лучше возрастить этот плод путем уединения и созерцания, достигнуть того квиэтизма, который не знает ни любви ни ненависти ». - « Зло - потеря любимого », говорит Будда; отсюда для него следовал вывод: « пусть же человек ничего не любит ».

Однако, сказать это, и даже написать, было легче, чем сделать. Голова Леонида могла в те годы размышлять о таких ужасных постулатах, но его от природы доброе и нежное сердце не давало ему никакой силы провести их в жизнь. Ему самому было ясно, что он обладает ценным даром любить и привязываться к дорогим существам. И потом у него была мать, и как бы ни были своеобразны их отношения, она никогда не переставала делать для него то, что могла; и Леонид, как умел, отвечал ей на это. Вот что она впоследствии написала о нем владыке Андрею: « Если по наружному впечатлению он кажется сух, а иногда может быть груб, то по этому не заключайте, что он таков и в душе. Меня он глубоко любит, но разве это видно? С малых лет он такой; бывало я захвораю, он скучает, бледнеет, но никогда не приласкается; такая уже натура »!

Заглядывая в свой внутренний мир, оглядываясь на свое отношение к окружающим и думая о будущем, Леонид пришел к сознанию, что его духовному миру были совершенно чужды два порока - гордость и самолюбие; по совести, при самом строгом отношении к себе, он не мог тут ни в чем себя обвинить, прежде всего потому, что с самого начала его сознательной жизни оба эти порока были ему особенно противны. « Я не выносил и не выношу, - говорит он, - гордых людей. Гордость ведет за собой грубость и нахальство, с которыми неразлучна обида слабого сильным, следовательно, вопиющая несправедливость. Гордость

порождает эгоизм, ведущий к отвратительной эксплуатации всех и всего в свою пользу. Человек делает себя идолом, перед которым склоняются другие. Он пользуется их несчастиями для своего счастья, делается отвратительным, окаменелым злодеем, достойным проклятия в этой и будущей жизни. Да и чем может гордиться бедный человек? Умом? Но он ему ежеминутно изменяет, может навлечь на него горе, так же, как и счастье. Да и вечно ли это торжество? Со временем все будет забыто и стерто, все канет в пучину бесконечности. Богатством? Славой? Но разве можно все это взять с собою в гроб? Какое счастье в том, чтобы умирать, зная, что мое имя будет жить в истории, если сам-то я, мертвый, не буду чувствовать этого? А чего стоит временное достижение всего того, чем может гордиться человек? Сколько времени, сил, труда, здоровья? А часто, в результате, пустая погоня за призраком славы награждается хилой старостью, болезнями, ввергает в несчастья, заставляет совершать преступления. И все это ради каких-то жалких восьмидесяти, самое большее ста лет, этой нудной тоскливой жизни! Не глупость ли быть гордым? Не жалкая ли это немощ человеческого ума и, еще более, жалкой воли, которая не в состоянии бороться с этим жалким призраком? В верующем человеке - гордость греховна, в неверующем - смешна. Первый, гордясь, забывает, что он не имеет ничего своего, кроме греха, которым он не может гордиться; другой, не признавая ни Бога ни души, восхищается обожанием таких же двуногих зверей, как он сам, от которых, как и от него, не останется впоследствии даже следа! Отсюда мне чужды всякие стремления к наградам, почестям, блестящей карьере. «Посмотри на колесницу Мары, - говорит Будда, - в нее впряглись глупцы, а мудрый не прикоснется к ней?»

* * *

Итак, отречься от мира! Кажется, что это решение уже созрело совсем, так как иначе нельзя осуществить заветную мысль - стать монахом. Но как это сделать? Леониду пришло было в голову последовать за каким-то дьяконом-болгариним, чистым браманистом (!), и уехать в Индию. Однако и эту «мечту» пришлось скоро оставить. «Попытаюсь, - думал Леонид ко времени окончания гимназии, - найти подходящий монастырь, а если нет, то жить в миру, руководясь правилами стоиков». Он объясняет это намерение тем, что «хотел покрыть свою душу такой броней, сквозь которую не могло бы проникнуть никакое чувство».

Однако, Господь судил об этом иначе. В то самое время, когда Его юный избранник стал было совсем терять веру, благодать Божия вне-

запно осенила его и произвела такой переворот, что он оказался окончательным и решил судьбу всей дальнейшей жизни. Сам Господь напомнил ему о Себе. Перед Леонидом встал живой образ Христа-Спасителя мира, пролившего Свою драгоценную кровь ради грешных людей, предавших Его. Этот образ запечатлелся в нем тогда очень ярко, и с тех пор не покидал его уже никогда. Леонид стал сознательным верующим и, как следствие этого, апологетом христианства. Отсюда был уже один шаг до того, чтобы посвятить всего себя Церкви. Целостная натура Леонида, чуждая двойственности, приняла решение стать священником. Он начал усердно читать и изучать творения св. Отцов, соборов и историю Церкви. Его уму не понадобилось много времени и труда, чтобы прийти к убеждению в истинности католичества.¹⁷ Таким образом, истина открылась Леониду из этих источников без внутренней борьбы, так же просто и ясно, как и Владимиру Соловьеву, с той только разницей, что у Федорова это произошло в юном возрасте и он в своей духовной жизни не имел такого руководителя, каким был для Владимира Соловьева его отец, историк Сергей Михайлович Соловьев.¹⁸

¹⁷ Нет никакого основания связывать его убеждение с влиянием на него Владимира Соловьева, т. к. в оставленном о. Леонидом материале нет нигде не только намека на это, но и самое имя Соловьева в нем совсем не встречается. В упомянутом уже автобиографическом письме исповеди он прямо говорит митрополиту Андрею: «...путем усердного чтения и изучения св. Отцов, соборов и истории я пришел к убеждению в истинности Вселенской Церкви».

¹⁸ Ко времени обращения Федорова, Владимир Соловьев опубликовал уже свой знаменитый « Великий спор и христианскую политику » и в ответ на возражения оппонентов (главным образом протоиерея А. М. Иванцова-Платонова) - свои не менее знаменитые « основные вопросы », на которые и по сей день никто из них не дал прямого ответа: « 1) Постановления Вселенских Соборов о неприкосновенности Никейской веры относятся ли к содержанию этой веры, или же к букве символа Никео-Константинопольского? 2) Слово филиокве, прибавленное к первоначальному тексту Никео-Константинопольского символа, содержит ли в себе непременно ересь, и если да, то на каком Вселенском Соборе эта ересь подверглась осуждению? 3) Если сказанное прибавление (появившееся в начале VI века, а около половины VII века ставшее известным на Востоке), заключает в себе ересь, то каким образом бывшие после сего два Вселенские Собора - шестой в 680 г. и седьмой в 787 г. - не осудили эту ересь и не отлучили принявших ее, но пребывали с ними в церковном общении? 4) Если нельзя с достоверностью утверждать, что прибавление филиокве есть ересь, то не позволительно ли всякому православному следовать в сем деле мнению св. Максима Исповедника, который в послании к пресвитеру Марину оправдывает сказанное прибавление, толкуя его в православном смысле? 5) Помимо филиокве, какие другие учения Римской Церкви и на каких Вселенских Соборах осуждены как ересь? 6) В случае если должно признать, что Римская Церковь виновна не в ереси, а в расколе, - раскол же по точнейшим определениям св. Отец бывает тогда, когда

Наконец пришло и давножданное время окончания гимназии. Леонид Федоров блестяще сдал экзамены, получил аттестат зрелости и золотую медаль. Труднее было решить вопрос, как быть дальше. А решить его надо было немедленно. Присоединиться к католической Церкви он еще боялся. Ему хотелось сначала окончить духовную академию и пробыть два-три года священником, чтобы написать магистерскую диссертацию. Но тут перед ним встало серьезное препятствие: в русской церкви, чтобы быть рукоположенным, надо сначала жениться, тогда как мысль о браке была ему совершенно чужда. Единственным выходом из положения являлось монашество. В данном случае факт пострижения в монахи являлся почти формальностью, так как «ученое» монашество в России освобождалось тогда от послушнического искуса (того, что на Западе называется «новициатом») и от внешних строгостей жизни (подвижничества). «В один месяц студент третьего курса Академии постригается в монахи, делается через неделю дьяконом, а потом живет как вольная птица без всякого контроля». Тем не менее, при всей серьезности стремлений Леонида, надо сказать, что тогда такое монашество его привлекало, не только тем, что освобождало от брака, но и тем, что давало ему полную свободу. Эта последняя, в его понимании, должна была охватить совокупность трех дорогих ему элементов духовной жизни: уединения, отсутствия связывающих обязанностей по отношению к людям и возможности вести духовную жизнь по своему усмотрению. Конечно, он сознавал при этом, что жизнь такого «ученого монаха» – не более как «жалкая карикатура истинного монашества». Творения восточных аскетов убеждали его со всей очевидностью, что настоящее монашество далеко от буддизма, что оно не только в самоуглублении в духе Григория Паламы, а также в усовершенствовании себя путем долгой и мучительной борьбы, в подражании Христу и в соединении с Ним.

Вот мысли, с которыми Леонид Федоров стоял у порога Петербургской Духовной Академии:

«Монах, – этот *vir perfectionis*, переходящий “из силы в силу”, должен иметь мягкое и отзывчивое сердце, полное сознания собствен-

часть Церкви (духовные и миряне), ради каких-нибудь вопросов обряда или дисциплины, отделяются от своего законного начальства, – то спрашивается: от какого своего церковного начальства отделилась Римская Церковь? 7) Если Римская Церковь не виновна в ереси, а в расколе виновна быть не может, не имея над собою никакого церковного начальства, от которого она могла бы отделиться, то не должно ли признать, что эта Церковь пребывает нераздельною частью единой Вселенской Церкви Христовой, а так называемое разделение Церквей, не имея никаких истинно-религиозных и церковных причин, есть лишь дело человеческой политики?

ного ничтожества и величия Творца. Он должен смотреть на себя, как на инструмент воли Божией и прислушиваться к голосу Господа и Спасителя. Квиэтизм чужд ему, ибо его цель - реализовать слова Христовы: будите убо вы совершенни, яко совершен Отец ваш Небесный!»!

« Все это было мне ясно, но слабая воля подсказывала совсем иное. Сделай только первый шаг, думал я, остальное придет само по себе. Ты сумел выдержать и вытерпеть столько искушений: неужели тебе будет трудно привести в гармонию и твой стоицизм и смиренное отречение монаха?»

Тут «слабая воля» подсказывала Леониду не «первый», а неверный шаг. Но сделать его будущему Российскому Экзарху Господь не позволил. Он внушил ему тот решительный шаг, который нужно было сделать, чтобы выйти на прямой путь, предназначенный Провидением. Вторая Петербургская гимназия которая не помешала ему стать целостным человеком, вполне уравновешенным, закаленным борьбой, - теперь была уже позади, и, что самое главное, не произвела никакой внутренней «трещины», столь характерной для героев Достоевского из той же петербургской среды. Короткое пребывание в Духовной Академии только помогло Леониду Федорову уяснить себе до конца, что от него требовалось, и в связи с этим, со свойственной ему решительностью, принять бесповоротное решение.

ГЛАВА III

« ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В РИМ »

В Петербургской Духовной Академии. - О. Иоанн Сциславский. - «Бесповоротный шаг» Леонида Федорова. - В Львове у митрополита Андрея. - Присоединение к Римско-католической Церкви. - Четыре года в Папской Семинарии в Ананьи. - Начало борьбы за «Восточный обряд». - Отлики революционного движения в России. - Общение с матерью.

Леонид Федоров поступил в Петербургскую Духовную Академию в 1901 г. Незадолго перед этим, в том же году, владыка Андрей занял кафедру митрополита Львовского и Галицкого.

Федоров сразу же выдвинулся в академии и стал в ней одним из лучших учеников. Он продолжал усердно изучать историю Церкви и творения св. Отцов. Он читал их в подлиннике, и это не только утвердило его еще больше в истине католичества, но и показало наглядно, что не все в толкованиях академии соответствует учению св. Отцов

Церкви. Пытливый ум Федорова, занятый непрерывно работой и всегда доводивший спорные вопросы до полной ясности, был поставлен здесь перед серьезной задачей. Он часто обращался за разъяснениями к профессорам и даже в классе задавал им вопросы, которые товарищи его называли «каверзными». Отделаться от Федорова общими словами было нелегко; случалось, что он своими доводами ставил профессора в затруднительное положение («припирал к стенке», как говорили о нем). В таких случаях, спор обрывался обыкновенно словами: «ну довольно, садитесь, садитесь, католик»...

По счастливому стечению обстоятельств, в том же 1901 г., в Петербург прибыл прекрасный священник-миссионер, о. Иоанн Эдуардович Сциславский, бывший каноник Житомирской епархии, которого архиепископ Могилевский Аполлинарий Внуковский взял с собой в Петербург и назначил настоятелем главной католической Церкви св. Екатерины на Невском проспекте.¹⁹ Как и все польские священники, О. Иоанн был, конечно, тоже глубоким патриотом, но это не мешало ему тогда, как мало кому из его соотечественников, в тяжелое для них время, быть сначала католиком, а потом уже поляком. В этом была несомненно его апостольская сила и тайна успеха в среде русских; во всяком случае, так было вначале петербургской деятельности о. Иоанна. Обладая врожденным даром миссионера, он сумел раскрыть русским любящее сердце католического пастыря, быстро снискал их доверие и таким путем привлек к себе немало душ. Этому много способствовало и то обстоятельство, что в первые годы своего пребывания

¹⁹ О. Иоанн Сциславский, родился в 1842 г. в Подольской губернии, учился в гимназии и в духовной семинарии в Каменец-Подольске. После рукоположения, начал священническую службу в Морахве, Ямпольского уезда. Однажды имел несчастье отслужить в царский день заупокойную мессу в черном облачении, за что был сослан в монастырь Бернардинцев в Заславии на Вольни, где пробыл четыре года. Здесь напутствовал князя Сангушко и присутствовал при его смерти. После этого, сыну его Роману удалось устроить о. Иоанна на приходе у себя в Словуце. Однако, свадьба князя Романа с княжной Турн-Таксис вызвала какой-то конфликт; в результате, о. Иоанна перевели в Берездов - одно из самых глухих мест на Вольни. Оттуда ему удалось выбраться на приход в Немирово, но вскоре, по проискам недоброжелательных и мало достойных лиц, его перевели в Фастов - местечко в 60 км. к югу от Киева, а оттуда в Каменец-Подольск. К этому времени, перед самым назначением его в Петербург настоятелем церкви св. Екатерины, относится знакомство о. Иоанна с митрополитом Галицким и Архиепископом Львовским Андреем. На этом видном приходе о. Иоанн оставался недолго. Повидимому, и здесь у него нашлись недоброжелатели; в 1903 г., через два года, его перевели в придворную Мальтийскую церковь св. Иоанна Крестителя при Пажеском корпусе на Садовой улице, а потом - в 1905 г. в Крым. Скончался он в 1910 г. в имени Стрыжавцы, в семье Гороховских, в Подольской губернии.

в Петербурге, он всегда указывал русским на их право, при воссоединении со Вселенской Церковью, сохранять в полной неприкосновенности сокровища восточного обряда. Самая мысль о возможности использовать воссоединение для « латинизации » русских была ему в то время, повидимому, совершенно чужда.

Еще в бытность в Немирове о. Иоанн привлекал к себе сердца учащейся молодежи. В Петербурге он стал вскоре известен среди студентов (православной) Духовной Академии. В определенные дни они собирались у него в кабинете, уставленном со всех сторон доверху полками с книгами чуть ли не на всех европейских языках. Пили чай, беседовали. София Алексеевна Лихарева,²⁰ тоже имевшая доступ на эти собрания, свидетельствует, что темы собеседований были самые разнообразные, но всегда жизненные и интересные.

В числе других студентов, посещал о. Иоанна и Леонид Федоров. Знакомство их вскоре перешло в личную дружбу. В лице о. Иоанна Федоров нашел человека, в котором он в то время нуждался больше всего. О. Иоанн помог ему разобраться в создавшемся положении, сделать правильный вывод и предпринять тот шаг, к которому Федоров был уже подготовлен. Благодаря его помощи, он стал на новый жизненный путь и смело и без оглядки пошел к поставленной цели. В течение нескольких лет о. Иоанн поддерживал его потом даже материально.

« Наконец я решил сделать бесповоротный шаг и уехать за границу с целью сделаться католиком, - пишет Федоров о себе в уже цитированном письме-исповеди. Господу и на этот раз было угодно спасти Своего негодного раба и вытащить его раз навсегда из грязного болота ». В этих словах он сам подводит итог последним годам своей жизни и дает им оценку. Чтобы правильно понять, почему Федоров сначала

²⁰ Она познакомилась с о. Иоанном в Риме на погребении папы Льва XIII; о. Иоанн снабдил ее входным билетом на заупокойное богослужение. Через него произошло и ее воссоединение со Вселенской Церковью. Когда высшие учебные заведения в Петербурге были закрыты после студенческих забастовок и протестов (1905), ей удалось устроиться при помощи о. Иоанна в Кракове и там продолжить учение. По свидетельству С. А. Лихаревой, благодаря о. Иоанну, не один студент Петербургской Духовной Академии нашел путь ко Вселенской Церкви. Она называет, например, некоего Юрия Покровского, который остался в Италии. Личное влияние о. Иоанна сказалось и на ней, вызвав горячее желание служить делу Единства. Мы встретим ее в 1917 г. опять в Петербурге, куда она прибыла из Манчжурии. С. А. Лихарева, прекрасный знаток древних языков, проявила тогда деятельное участие в начавшейся духовно-просветительной работе под руководством о. Экзарха. В эмиграции, своими статьями и воспоминаниями, она обогатила материал, который собирал кн. П. М. Волконский о восточном обряде в России.

боялся открыто перейти в католичество, надо принять во внимание два обстоятельства, делавшие этот шаг « бесповоротным »:

1) Федорову, при его выдающихся способностях, по окончании Духовной Академии, была бы несомненно обеспечена блестящая духовная карьера в России. От нее нужно было теперь отказаться. Делаясь католиком, ему приходилось отречься от всего, на что он, как и всякий русский, по своим заслугам, мог иметь право на родине. Как католик, он должен был стать на путь совершенно бескорыстного и жертвенного служения Богу, Церкви и родному народу, приняв на себя все политические последствия, проистекавшие из сделанного им шага, а они были нелегкими.

2) До обнародования закона о веротерпимости в 1905 г.,²¹ « отпадение от православной веры », как говорится в этом законе, « подлежало преследованию » и « влекло за собою невыгодные в отношении личных и гражданских прав последствия » (конфискация имущества, ссылка или высылка за границу; потеря права воспитывать своих детей; телесные наказания в последнее время больше не применялись). Таким образом, присоединение к Риму до 1905 г. значило для Федорова разрыв со всем, к чему он принадлежал как русский; последнее было для него еще большее, чем отказ от будущей духовной карьеры в своем государстве. Лишаясь родины, Федоров ставил себя впоследствии, как священник восточного обряда, в нелегальное положение.

В этом вопросе надо было, действительно, много раз примерить, прежде чем один раз - и навсегда! - отрезать. Тем не менее, « грязное болото » было бессильно засосать Федорова; напротив, как только у него явилась необходимая опорная точка в лице о. Иоанна Сциславского, это болото только побудило его действовать, и притом очень решительно. В единстве Церкви Федоров ясно увидел первое условие оздоровления и спасения России от нависшей над нею опасности. Поэтому, служение делу воссоединения стало как бы само собой единственной целью его жизни. Ради него он не задумывался пожертвовать всеми возможными благами и, став на путь жертвенности, не боялся

²¹ Вот самое существенное, что говорится в этом законе: « П. с. з. № 26125 - « Церковные Ведомости » 1905 г.: « XXVI - ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ: 1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежат преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало ».

Подписано: НИКОЛАЙ. Дано в Царском Селе - 17 апреля 1905 г.

che i greci appena toccato il suolo patrio ritornarono tutti concordemente ed in massa alla scisma, e il popolo fiorentino ha questo ricordo - proverbio del Consiglio. "I greci bastarono il pistello (ovvero) al Ponte Rosso". È un ponte sul Mugnone poco più in là di Ponte S. Gallo da cui ussirono i Greci. Un A. B. ha stampato che ciò non è vero, che la colpa fu del Tirachi (divide et impera) che vi sono indulgenze pontificie del secolo XIII concesse ai monaci di Patmos ecc. ecc.

Ubbine si rassegni ad essere trattato da parso come lo sono chiamare a Galata; si rassegni a vedersi negato il celebret da qualche curia latina in Grecia perchi tratto coi popoli e coi calvari, ma ciò che V. S. neppare osa di accennare e lascia intendere o indovinare è stato detto apertamente un secolo e mezzo fa da due Cardinali gesuiti dottissimi e questo loro sentimento è stato mandato come norma ad un brocciaro latino in Grecia da un papa domenicano santo e dotto e pratico dei greci. V. B. se parla anche più chiaro è in buona compagnia.

Di tutto ciò V. A. si potrà convincere cercando in Roma, e vi deve essere, Fel.^{mo} Querini Cardinalis Commentarii. Volume II, Libro I, capo II, Brixiae Rizzardi 1741, ma specialmente l'altra opera del Querini, Primi. dia Corovrae Appendix, Brixiae Rizzardi 1738; El più è nell'Appendice. Appendix (1)

Il Querini (come sopra accadde ai Venetii Patrixi Veneti) fu dal medesimo Benedetto XIII trasferito a Brescia da Corfu e fu il Cardinale, tanto quel santo e dotto Papa stimava il Querini e il suo modo di fare.

Intanto il Querini, il modo di trattare i Latini coi greci ritornò quello che era stato, cioè il più barocco, irragionevole ed essenziale, cioè: 1° ritenere i greci per scismatici e dirli tali; eppure comunicare con essi in divinis perchi ciò voleva per la sua politica il Governo Veneto; 2° non far nulla, non muovere neppure un dito per avvicinarsi i greci, per dissipare i loro errori, per migliorarne i costumi, per predicare, ecc.

(1) Ecco alcuni brani della corrispondenza del Querini col Papa Benedetto XIII. Dice che i Greci aspettano il Papa, quod quidem certo constat a Sanctitate Vestra Graecum ritum singulari dignatione praerogatione honoris obsequi. II) Comperitum habeo (nam Jo. amet narcha re dignata est) Spasiletem suam olim per Episcopum suum Comperitum vocali. Comperitum the. hanc ritum, duos esse gradus: uno. hanc obsequi, ne videri, alicuius cum Baptismo ammitti, et alioque nonnulli patris in hoc loco. III) ne unquam in scriptis aut sermone quod Latine. Spasiletem Graecum subinde ter minatione. di. hanc ritum hanc obsequi, ne per unquam di. obsequi. obsequi. Romani ad S. de. in. obsequi. hanc obsequi.

СНИМКИ СО СТУДЕНЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА

Из тетради « L »: разбор « Bessarion-a » (1902); текст на итальянском языке; страница 29-я.

122. А также было бы то, в нем и состоит: наша
 грехи и грехи... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

123. На Пасху наша... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

А. Федоров

1030. In quo... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

condem in... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

Epistolaum lib. II

111. Peris... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

112. De... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

113. Ad... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

114. De... (латинский текст) ...
 ... (греческий текст) ...
 ... (русский текст) ...

СНИМКИ СО СТУДЕНЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА

Из тетради № 5 - Патристика; текст на русском, латинском и греческом языке; страницы 118 и 119-я.

ЛЕОНИД ФЕДОРОВ В АНАЬИ

в 1902-3 г. Фотография, увеличенная с группы семинаристов.

уже никакого мученичества и был, действительно, готов пролить свою кровь. Об этом Федоров говорил неоднократно и в 1923 г. заявил во всеуслышание в своей защитительной речи на большевицком « суде ».

Решив оставить Духовную Академию на втором курсе и ехать за границу, Федоров подал инспектору прошение об отпуске в Италию для поправления здоровья. Инспектор, епископ Феофан (тогда - Ямбургский), « человек редкой и святой жизни », по словам Федорова, ставившего его очень высоко,²² сказал, когда тот явился к нему:

— Знаю, куда едешь, знаю, зачем. Ну, Бог с тобой!

С этим напутствием Федоров покинул Россию и в сопровождении о. Иоанна Сциславского направился в Рим.

Любовь Дмитриевна Федорова осталась в Петербурге одна с бывшей « Лениной няней », служившей у нее теперь прислугой и разделявшей ее одиночество. « Величие ее души, - по свидетельству о. Иоанна Дейбнера, - особенно проявлялось у нее в тех жертвах, какие Господу было угодно потребовать от нее и которые она несла с неизменной духовной силой и сердечной ясностью. У нее был единственный сын, единственное сокровище на земле, и того она отдала Богу. Он уехал за границу на целые годы, она осталась одинокой. Это была ее первая жертва ». О ней она позже (в 1909 г.) сама написала митрополиту Андрею: « С первого же дня я вручила Леонида воле Божией. Я воспитала его для Бога и для Него рассталась с ним ».

* * *

« Все пути ведут в Рим », но для русского сердца, чувствовавшего призвание к служению святому делу единения Церквей, дорога из России в Рим лежала тогда через Львов, где было местопребывание

²² Впоследствии, в связи с гонением, которому епископ Феофан подвергся во времена Распутина-Саблера, его удалили из столицы. Сначала перевели в Астрахань, где он, по слабости здоровья с трудом переносил тамошний климат. Епископ Феофан попросил о переводе отсюда, и его назначили в Симферополь, а позже в Полтаву, которую он уже как архиепископ покинул во время гражданской войны при отступлении Добровольческой армии, а потом эвакуировался из России. Церковная смута в эмиграции и все нестроения действовали на него очень тяжело. Сначала он стал сторониться активного участия в церковных делах, а в тридцатых годах, с переездом во Францию, и совсем от них отошел, сделавшись затворником. При этом он прекратил переписку даже с самыми близкими людьми. Пользуясь молчанием, которое он принял на себя, некоторые лица распространили слух об его помешательстве. Есть основание думать, что внутренние архиепископ Феофан был убежден в истинности католичества. Скончался он незадолго до второй мировой войны и эту тайну, повидимому, унес с собою в могилу, если только не открыл в предсмертных записках.

митрополита Андрея Шептицкого; так высказался в одном из своих докладов кн. П. М. Волконский.

Леонид Федоров, расставшись с Петербургом, тоже начал свой путь с того, что отправился в Львов и пробыл там восемь дней у владыки Андрея, который буквально пленил его исключительной сердечностью и простотой обращения. Оказанный прием произвел на него особенно сильное впечатление по сравнению с официальной сухостью петербургских епископов, которую Федорову-самому пришлось наблюдать. Через два с лишним года он написал владыке Андрею:

« Вспоминая дни, проведенные мною в покоях Вашего Высокопреосвященства в Львове в 1902 году, я всегда испытываю глубокое чувство благодарности к Вам, Владыко, за то сердечное и теплое внимание, которое Вы уделяли мне с первого же дня моего приезда ».

На Федорова произвел в те дни сильное впечатление один эпизод, который помог ему сразу оценить величие личности митрополита Андрея и правильно подойти к ней. Однажды митрополит вернулся из сейма усталым и разбитым; разговор за обедом не клеился. О. Сциславский объяснил Федорову, что митрополит получил в этот день много неприятностей и болел душой. Федоров успел уже так его полюбить, что и сам начал страдать. Вечером, возвращаясь из сада, он зашел вместе с о. Сциславским в домовую церковь и задержался перед святыми Дарами. Тут, в темноте, при свете лампы, он увидел митрополита безмолвно распростертого на полу. Федоров понял, что он отдает в этот момент свои скорби Богу, приносит себя в жертву и набирается сил. Смотря на эту мощную фигуру, лежавшую так неподвижно, Федоров как-то инстинктивно воспринял, что митрополит Андрей - человек страдания, что оно - его удел. И в то же время ему стало ясно, что это страдание не сможет никогда поработить митрополита Андрея, что оно бессильно загасить в нем хотя бы искру того « Фаворского света », который он созерцал в его душе. На другой день, смотря на митрополита, Федоров невольно вспомнил мифического Антея, получившего новые силы от всякого соприкосновения с землей-матерью, и ему открылась тайна обаяния митрополита, притягивавшего к нему сердца окружающих. В его глазах он увидел « Царство Небесное » и почувствовал, что митрополит, при всей его мягкости и доброте, как бы родился духовным вождем, наделен его свойствами от природы.

Повидимому, с первого же взгляда, митрополит Андрей тоже правильно оценил исключительные качества Федорова. Он сразу принял его под свое покровительство, стал ему духовным отцом, руководителем научных занятий, а впоследствии и непосредственным иерархическим начальником. В своем отношении к Федорову, митрополиту

Андрею было так легко и приятно выражать любовь к русскому народу и христианскому Востоку. Федоров не мог не чувствовать этого, и в нем отвечало митрополиту русское сердце:

« Верю твердо, - писал он в 1909 г., - что настанет время, когда тысячи обращенных с благоговением на устах будут произносить ваше имя ».

Немного позже, когда их отношения стали особенно близкими, он признался ему:

« Видно сам Господь вел меня к Вам, указывая на Вас, как на светильник, в свете которого я сам направляюсь к « незаходимому свету » и спасу мою душу ».

В том же 1909 г. Л. Д. Федорова написала митрополиту Андрею о своем Леониде:

« У меня хранится его письмо из Львова, где он описывает первую встречу с Вами; по его восторженному тону я думала, что он останется у Вас; но во втором письме он говорит, как грустно ему расставаться с Вами. Я недоумевала, зачем же он не остался? Прошли три года; тогда-то я поняла, что не по своей, а по Вашей воле он засел в Риме. Ему было назначено все увидеть, все испытать, все оценить ».

Материнское сердце, « воспитавшее Леонида для Бога », следило с большой чуткостью за влиянием на него митрополита Андрея. Мать могла только радоваться, что ее сын оказался на его духовном попечении.

« В течение семи лет (т. е. со времени его отъезда из Петербурга), - пишет она, - я зорко следила за ним, и видела, как рука Божия вела его по жизненному пути ».

« Благодарю Вас за честь, которую Вы мне оказываете Вашим доверием дать добрый совет Леониду. Но рискованно поправлять работу хорошего мастера, а Леонид - Ваше духовное творчество, так что мой резец может его только испортить. В нравственном отношении он безупречен; те зачатки, которые показались у него в 14 лет, теперь, под Вашим влиянием, развились в большие размеры и прочно окрепли. Я с удивлением смотрю на этого нового человека ».

Мы сильно забежали вперед, но это лишь для того, чтобы отметить исключительное значение встречи этих людей, раскрывшееся им самим только впоследствии по тем плодам, которые произошли из нее. Невольно хочется усмотреть здесь большее, нежели событие, касавшееся только судьбы и призвания двух избранных душ. Не является ли эта встреча в некоторой мере и символом, неисповедимых путей Божиих? Не олицетворяет ли исполненное отеческой любви великое ЗАПАДНОЕ сердце митрополита Андрея ПЕРВОЗВАННОГО, раскрывшееся в лице

Леонида Федорова христианскому ВОСТОКУ, России, - подлинный Римский Запад, ожидающий, зовущий, принимающий, воссоединяющий в единстве веры, под одним Пастырем, Христовым Наместником? А сердце Леонида Федорова, трепещущее от радости, что выбралось из « грязного болота », не знаменует ли оно и не предвосхищает ли пробуждение русского Востока от многовекового сна недоразумений и заблуждений, воздвигавшихся столетиями не во славу Божию, - стремление к Единству христиан во Вселенской Церкви? Во всяком случае, в дальнейшем повествовании о Российском Экзархе, нельзя не признать лежащей на них обоих печати креста, которой Господь обычно удостоверяет подлинность земной миссии своих избранных.

* * *

Из Львова Федоров отправился в Рим. Здесь, 31 июля 1902 г., в храме del Gesù он воссоединился со Вселенской Церковью. Сразу же она сделалась для него, как он сам говорит, « не только источником познаваемой истины, но и новой силоамской купелью », из которой он вышел совершенно обновленным. Вскоре после этого события, о. Иоанн Сциславский удостоился аудиенции у Папы Льва XIII и представил ему Леонида Федорова. Папа направил его в основанную им в 60 км. от Рима семинарию « Leonianum » в Ананьи. К этому времени прибыл в Рим и митрополит Андрей и выхлопотал Федорову папскую стипендию. 20 октября, под именем Leonidas Pierre, он поступил в семинарию, в которой протекли в усиленной работе первые четыре года его подготовки к священническому служению. « Годы учения, в особенности в Ананьи, были для меня почти новым откровением, - пишет Федоров в своем письме-исповеди. Строгая регулярная жизнь, ясная, светлая умственная работа, жизнерадостные окружающие меня товарищи, не испорченные современной атеистической культурой, даже самый народ, живой, умный, пропитанный насквозь истинно-христианской цивилизацией, все это подняло меня на ноги и вдохнуло новую энергию ».

Начало учения в совершенно новых и непривычных условиях было для Федорова, конечно, делом нелегким, главным образом из-за недостаточного знания языков; итальянского - Федоров не знал совершенно. Не было у него и навыка изъясняться по-латински. Однако, его усидчивость и настойчивость превозмогли постепенно все трудности. Чтобы получить представление о добросовестности Федорова, достаточно просмотреть его студенческие тетради, в которых сотни страниц исписаны на пяти языках ровным, красивым, четким, мелким почерком. Федоров исполнял очень усердно и в точности все предписания, каса-

шиеся порядка жизни и работы в семинарии. Епископ Атти, его бывший товарищ и приятель, рассказывает²³ в числе прочего маленький эпизод, характеризующий исполнительность Федорова, но вызвавший, наверное, не одну улыбку у его товарищей в семинарии. По правилам, после обеда, полагался «*riposo al tavolino*» - «отдых за столом». Новичек Федоров, еще мало знакомый с итальянским языком, понял это предписание по-своему и стал в точности его исполнять. Однажды, во время «отдыха ЗА столом», к нему в комнату вошел префект и застал его лежащим НА столе, с которого он предварительно убрал свои многочисленные книги.

Федоров быстро оценил своих новых наставников-иезуитов и искренне к ним привязался. В 1922 г. он написал тогдашнему Генералу ордена Иезуитов о. Владимиру Ледоховскому, хотя и поляку, но дружелюбно расположенному к русскому католицизму восточного обряда: «Возвожу очи мои к Вам, досточтимый Отец, как представителю того святого ордена, благодаря которому я получил мое церковное воспитание и которому я обязан за все, что есть хорошего в моей душе». Эти слова несомненно искренни и выражают то, что думал Федоров спустя много лет, когда мог взглянуть более критически на учебные годы в Ананьи. Однако, сказанное нисколько не умаляло в Федорове, в те годы сознания своего личного призвания и связанной с этим самостоятельности характера. В семинарии Федоров послушно и жадно вбирал в себя все, что ему преподавалось, но усваивал он это и перерабатывал в себе, имея всегда в виду свое особое призвание. Он брал, воздавая должное тому, что давали, и тем, кто давал, но при всем этом оставался духовно независимым, не поддавался неизбежным влияниям, которые могли бы отклонить его в сторону, указать на другой, по-человечески, может-быть, более заманчивый путь, на другую, тоже интересную и полезную область работы. Единственным руководителем его и наставником, строго говоря, был и оставался только митрополит Андрей. Вообще, чтобы правильно судить о Федорове, надо понять до конца его идеи, призвание, миссию. Нельзя брать у него из этого целого что-нибудь одно, оставляя без внимания другое и даже отбрасывая то, что почему-либо не нравится. В то же время нельзя винить Федорова иной раз за слишком строгую прямооту и определенность суждений, как человека, которому компромис был органически чужд. Надо правильно

²³ В письме, написанном им в 1935 г. польскому иезуиту о. Иоанну Урбану, из которого мы заимствуем и некоторые другие подробности о пребывании Федорова в Ананьи.

учитывать и его пламенность и ревность в служении делу, к которому он считал себя призванным и в котором его поддерживал своим авторитетом митрополит Андрей.

* * *

Может быть, на первых порах, рассказанный случай с «отдыхом на столе» не был единственным в своем роде; ведь надо учитывать всю ту перемену, какую пережил Федоров за короткое время. Правда, внутренне, он уже достаточно созрел для нее и был к ней хорошо подготовлен. К тому же, ясная цель впереди, которой он все подчинял, побуждала его, шаг за шагом, мужественно преодолевать все затруднения. Однако, это нисколько не сглаживало разницы, между окружающей средой и обстановкой и Петербургом, второй гимназией и Духовной Академией, с его бывшим законоучителем о. Смирновым, инспектором владыкой Феофаном и даже с о. Сциславским в его рабочем кабинете на Невском проспекте. Ничто, происходившее в душе Федорова, не могло ослабить степень новизны и необычности для него новых условий жизни и занятий. В иную, не столь сильную и закаленную душу, могла закрасться сама собой нотка тоски, пусть по «грязному», но все же привычному «болоту». В своем письме-исповеди Федоров сам дает заглянуть в тайники своей души и показывает, как его внутренний мир реагировал на происшедшую перемену:

«Здесь я горячо полюбил не только вообще народ, но и в частности наш русский народ. Национальный патриотизм был мне всегда чужд, да и теперь я,²⁴ говоря по совести, совершенно не понимаю, как можно согласовать с ним христианство. Но сделать что-нибудь для бедного, смиренного русского народа-аскета, или поднять хоть немного дорогих моему сердцу эллинов, стало необходимой потребностью. Свобода итальянской культуры, ее естественность и простота, в соединении с тончайшим эстетическим чутьем, заставили меня почти позабыть страх перед обществом и жизнью. Я сделался порядочным болтуном и искал каждого случая для проповеди и апологетики христианских идей. Византийская снисходительность и терпимость ко злу уступили во мне место римскому «*pereat mundus-fiat justitia*».²⁵ С этой точки зрения я взглянул и на обрядовые несогласия в Церкви и несправедливое отношение римских латиноманов к восточным народам. Остюда желание борьбы и деятельности, желание во что бы то ни стало пробить дорогу, хотя бы даже ценой собственной головы».

²⁴ Другими словами в 1912 г., когда, повидимому, писалась эта исповедь, о чем речь впереди.

²⁵ «Пусть погибнет мир, но совершится справедливость».

Эти строки дают ключ к пониманию Федорова в его отношении к « Восточному обряду ». Не тоска по прошлому говорит в нем теперь, а разлитая вокруг « истинно христианская цивилизация », которая помогла ему стать на ноги и дала вдохнуть новую, еще неизвестную энергию. Отсюда первое движение Федорова - работать для родного народа - аскета; а это значит, что Федорову нет места в латинстве, как и латинству в его миссии. Таким образом, не связавшаяся с национальностью обрядовая форма влечет к себе его сердце, а его - Федорова - миссия, русская миссия, несовместимая с латинизацией. Личный, легкий успех, если поддаться « латинomanам », не может его соблазнить; стать на этот путь было бы для него равносильным измене.

В августе 1903 года Федоров был в Риме, стоял на площади св. Петра при оглашении имени новоизбранного Папы св. Пия X; он присутствовал и при его коронации. Торжественные латинские церемонии произвели на него глубокое впечатление, но не поколебали несколько утвердившейся привязанности к восточному обряду. Давление, которое в этом смысле оказывали свыше, хотя и ставило его, как он признался в этом митрополиту Андрею (27-7-1905), в « неопределенное положение », но не могло отвлечь его от восточного обряда. Напротив, при характере Федорова, несправедливое отношение « латинян » к « восточникам » только побуждало его работать, бороться, пробивать себе путь.²⁶ Да, он учился в латинском мире, назидался в нем и обогащался, рос духовно, времени не терял, но все это делал с целью стать хорошим восточником, чтобы привести восточных христиан к воссоединению, в котором они были бы равноправны латинянам в единстве католической веры. Латинизация его лично не могла соблазнять уже потому, что она подрывала в корне идею, за которую он, совместно с митрополитом Андреем, готов был отдать свою жизнь.

Таким образом, в Ананьи у Федорова была ясная цель - учиться; особенно хорошо он старался изучить « контроверзу », чтобы, во все-

²⁶ Эти подробности, относящиеся к тому времени, имеют теперь, слава Богу, только исторический интерес для биографа Леонида Федорова. Тем не менее, они важны, чтобы установить существенный факт: восточный обряд не был никем навязан Федорову для каких-либо целей. Напротив, он сам за него боролся. Полвека, протекавшие с тех пор, сделали свое дело. Восточный обряд приобрел во Вселенской Церкви *равноправие* наравне с латинским, и печальное наследие прошлого уже изжито в значительной мере. Восточный обряд не считают больше, как это бывало во времена Федорова, особенно в Польше и в польской среде, обрядовой стороной « схизмы », от которой, при воссоединении с католической церковью, нужно будто бы прежде всего отрешиться, чтобы стать, как говорили тогда, « настоящим католиком ».

оружии знания, быть в состоянии преодолевать вековые заблуждения и ошибки. Повидимому, схоластика потребовала от него больше труда, чем все остальное. Он начал, как обычно, с философии, а после нее, с 1905 г., три года изучал богословие. Фабри был его любимым профессором. Федоров делал для него даже переводы с русского языка на итальянский: переводил ему русских классиков, богословов. Сам он при этом успел перечитать немало русских произведений, главным образом по религиозной философии. Можно предположить, что его знакомство с творчеством Владимира Соловьева относится тоже к этому времени.

Федоров не отдалялся в Ананьи и от о. Иоанна Сциславского; он всегда отзывался о нем с глубоким уважением и благодарностью за помощь, оказанную в подготовке к принятию католичества. Тот его тоже не оставлял, продолжал поддерживать материально и присылал по его просьбе русские книги из Петербурга. Однажды, - надо думать, что это было вскоре после погребения Папы Льва XIII, на котором о. Иоанн присутствовал в Риме, - он даже приехал в Ананью навестить Федорова. О. Иоанн хорошо знал и любил итальянский язык; он пожелал послушать профессора Фабри, который, ради гостя, вместо обычной лекции, сделал доклад об отношении католической Церкви к отделенным от нее восточным христианам. Когда Фабри кончил, о. Иоанн зааплодировал; слушатели его поддержали, устроив шумную овацию любимому профессору Федорова.

* * *

Постепенно, Федорову удалось добиться официального признания себя « восточником », практикующим лишь временно латинский обряд. О своих намерениях он говорил в семинарии открыто, излагая свои планы и мечты о будущем. Он не скрывал при этом, что русский народ знает о религии, вообще, очень мало. Однако Федоров верил, что русские пойдут за выдающимся человеком; чтобы достичь этой цели, необходимо дать народу ясное и объективное представление об учении Церкви, раскрыть главные пункты истории расделения, показать подлинный дух католической Церкви. Федоров много говорил в семинарии о восточном богослужении. Епископ Атти был тогда его соседом по комнате. Ему приходилось не раз слушать упражнения Федорова в церковном пении. Атти признался, что ему, как итальянцу, слышались в нем какие-то погребальные напевы, но Федоров, сожалея о непонимании, какое встречал в среде товарищей, превозносил свое пение и даже сожалел, что не наделен голосом « восточного диакона ».

Мечтая о работе в России, особенно среди духовенства и интеллигенции, он считал, что надо начинать с них, а за ними пойдет и народ. При этом он ясно сознавал, какие трудности и опасности сопряжены с этой работой. Он указывал товарищам, что на родине его ожидают Сибирь и тюрьмы. Он не раз говорил им, что *« обращение России станет возможным только тогда, когда она пройдет через красное море крови своих мучеников и через многие сугубые страдания своих апостолов »*. Призвание, заставлявшее Федорова неутомимо работать, готовиться к своей миссии, предрекавало ему уже тогда период преследования и кровопролития; он предвидел, что от народа потребуется большое число мучеников. К предстоящим ему испытаниям, Федоров, по свидетельству товарищей, сознательно готовился подвигами и духовной жизнью, *« чрезвычайными умерщвлениями плоти »*.

Тут существенно меняются и его прежние мысли о монашестве. Оно перестает быть для него *« самоцелью »*, а делается, по его словам, *« средством для достижения цели в святой борьбе за погрязшие права и для миссии на Востоке »*.

« Внутренний голос говорил мне, - повествует Федоров, - что первая цель монашества - это внутреннее совершенство, без которого другая цель, как бы она ни была свята, не может быть достаточным основанием для вступления в ряды отречшихся от мира, а миссия, даже самая святая, хотя не от мира сего, однако же в мире, с которым монах, при своем вступлении в монастырь должен порвать совершенно, ибо даже направление к святой цели зависит не от него, а от его руководителей ».

Таким образом, Федорову становится ясно, что тот выдающийся ученый миссионер, за которым пошел бы *« народ-аскет »*, должен быть непременно человеком святой жизни. Чтобы трогать сердца людей, мало умения их убеждать, доказывать им очевидные истины; надо носить эти истины в сердце, раскрывать их в любви; нужно действовать силою личного авторитета, который был бы заключен в святости самого проповедника-миссионера. Идея миссии сливается теперь у Федорова с идеалом личного совершенства. Так, постепенно, мысль о монашестве, зародившаяся в четырнадцатилетнем уме, развивается в нем рука об руку с духовным ростом и переходит в стремление использовать силу иночества для дела миссии.

Кажется, что первым видимым успехом Федорова-миссионера и литератора-проповедника было большое письмо, написанное матери в октябре 1905 г. Она сейчас же отнесла его о. Иоанну Сциславскому. *« И вот, - пишет она сыну, - когда я зашла к нему через несколько дней после того как у него были студенты (из Духовной Академии), -*

пришла я к нему во время обеда - он усадил меня за стол. Этот неутомный старик стал рассказывать с величайшим восторгом, как восхищались студенты, когда читали Твое письмо. Они говорят: это так современно и хорошо, что надо было бы напечатать ». Может быть, здесь для Леонида Федорова прозвучал впервые отклик русских душ, задетых за живое живым словом...

* * *

Во все годы учения за границей, Федоров, через посредство матери, оставался в духовном соприкосновении с Россией, главным образом с Петербургом. В своих письмах, Л. Д. Федорова подробнейшим образом оповещала его обо всех событиях первой революции, захватившей Россию в 1905 г. и бушевавшей особенно сильно в Петербурге. Она описывала происходившее на городских улицах, сообщала о заседаниях Государственной Думы, которую ради сына посещала регулярно, посылала газеты, вырезки, статьи, касавшиеся текущих происшествий.

« У меня, - пишет она сыну, - осталась привычка от прежнего осведомлять Тебя обо всем. И я так сильно озабочена, боюсь пропустить что-либо. Может быть, и почти наверно, Тебя-то это и не интересует, но Ты должен знать все; хотя мы и не принадлежим земному царству, но тут задет и смысл духовный, и участь христианской Церкви ».

Любовь Дмитриевна радуется за сына, что он в мирном краю, вдали от смуты и волнений, захвативших все слои столичного населения. Особенное впечатление произвел на нее бунт Кронштадского гарнизона, когда « солдаты и матросы разоряли все, что принадлежит казне, хулиганы и босяки грабили все и всех, пьяные стали сжигать дома ». « Я не удивляюсь, пишет она, - зверствам нашего народа. Помнишь, ты сказал: если в России будет революция, то французская окажется игрушкой. Твои слова оправдались ».²⁷

В те дни, многих, даже совершенно не причастных к правительству и не имевших никакого отношения к вершителям судеб Российского государства, которым революция угрожала непосредственно, охватила тревога за собственную судьбу перед разбушевавшейся темной стихией. У Любови Дмитриевны, в связи с пребыванием сына за границей, тоже возник было вопрос, что делать, но она его быстро решила раз навсегда:

« Я ни за что не уеду из России, и буду испытывать все то, что будет

²⁷ Увы, это были пока только « цветочки »; « ягоды » же, к которым относились слова Федорова, ждали еще впереди. Однако, не забудем, что это « пророчество » Федорова относится к тому времени, когда он еще был гимназистом!

испытывать мой народ. « Ни один волос не упадет с вашей головы, если на то нет воли Отца Небесного ». Недаром я ношу на своем кресте изречение: « да будет воля Твоя ». Я твердо, бесповоротно решила, да будет все так, как захочет Отец мой Небесный. Если мне суждено мучение, то оно будет мне дано для очищения грехов; если прольется моя кровь, то она останется на земле вместе с грехами. Я верю, непременно пролитая кровь очищает дух. И Ты должен будешь радоваться о такой моей смерти. Люди из Царства Божьего не должны смущаться телесной смертью близких; хотя кровь погрузит, но нет таких печалей, которые бы не проходили, потому что земная печаль не может долго тяготить свободный дух; она ему чужда по существу, память сохранится до конца земной жизни. И если эта память чиста, то свободный дух найдет в ней как бы свое второе « Я » и сольется с ней воедино. Мы, кажется, так знаем друг друга, что и после меня ты будешь слышать меня и думать за меня. Как я счастлива, что могу умереть с такой мыслью; в себе я вижу Тебя, и в себе я знаю Тебя (конечно, исключая Твоей чистоты) ».

Разлука с сыном давала матери возможность самой видеть в их отношениях то, что при повседневном общении, даже самых близких людей, все-таки заслоняют разные житейские пожелания. Ей было несомненно легче выражать свои чувства в письменной форме, чем высказывать на словах. Много из написанного ею за эти годы разлуки, очень ценно теперь, ибо позволяет заглянуть в материнское сердце, увидеть тончайшие его излучения и уловить самое нежное, а потому и сокровенное в их отношениях. Достаточно взять оттуда несколько отрывков, чтобы войти в мир отношений, связывавших духовно сына и мать, и понять, что матери удавалось в разлуке с сыном оставаться неразлучной с ним и продолжать его охранять.

4-9-1905.

« Поздравляю с днем Твоего рождения и Тебя и себя. Величит душа моя Господа и возрадовался дух мой, что в рожденном плотью снова родился человек духа. С этим-то вторым рождением я и поздравляю Тебя и молю, чтобы до конца моих дней в земной жизни всегда могла поздравлять Тебя с этим новым рождением ».

25-12-1905.

« Сегодня у нас Рождество Христово. Сегодняшнюю ночь я видела Тебя во сне, будто Ты восходишь на какую-то белую мраморную высоту. Она была так высока, что упиралась прямо в чистое, дивное, голубое небо. Я будто была в гостях у Тебя; сижу у окна и ужасаюсь,

куда Ты идешь! А Ты говоришь мне: « Не бойтесь, я не упаду, дорога прекрасна! » Проснувшись, я молилась, чтобы Господь благословил Твой путь; я твердо уверена, что ты идешь по белому пути, и не свернешь с него, и не остановишься. Эта мысль держит нить моей жизни и дает ей цель и смысл; меня не могут поразить земные несчастья, они для меня слишком бессильны. На все эти страхи и ожидания бедствий, какие нам теперь пророчат, я смотрю как бы одним глазом; не беда, если из полной чаши прольется несколько капель, чаша от этого не опустеет ».

« Если прекратится вражда, христианство окрепнет, и разум старшего брата возьмет верх, и от младшего он возьмет все хорошее и оценит его по достоинству. Нужно непременно, чтобы он оценил, это принесет ему мир, откроет путь к сердцу ».

22-5-1906.

« Сегодня день Сошествия Св. Духа, для нас с Тобой - святой и благодатный день. В этот день я как-то вся меняюсь, какой-то внутренний свет меня озаряет, я как бы чувствую новое рождение и ясно сознаю, что я уже не та, что была прежде - робкая, страдающая, боящаяся земной человеческой жизни. В этот день мои глаза поминутно смачиваются слезами; но какие это благодатные и радостные слезы! Все житейское, и мелкое и крупное, от меня отходит, и я чувствую, что дух мой не на земле. Как счастлив человек, который знает, что он не умрет никогда духом ».

ГЛАВА IV

НАЧАЛО АКТИВНОЙ РАБОТЫ

Встреча Федорова в Риме с ассумпционистами Эзаром и Борэном. - Знакомство с о. Алексеем Зерчаниновым. - Первый Велеградский съезд. - Юбилейные торжества в Риме в память св. Иоанна Златоуста. - Перемена в отношении о. Сдиславского к восточному обряду. - Евгений Францевич Шмурло. - Проект Сазонова об устройстве русской католической Церкви латинского обряда. - Разговор об этом Федорова с монсьёром Беннини. - Предложение Сазонова Федорову основать русскую латинскую церковь в Белоруссии. - Работа Федорова по пересмотру литургических текстов. - Год в коллегии Пропаганды. - Окончание богословского образования в Фрейбургском Университете в Швейцарии.

Усердные занятия Федорова в Папской Семинарии в Ананьи увенчались полным успехом. В 1905 г. он сдал экзамен на лауреата философии, а через два года получил ученую степень бакалавра богословия. Весной

1907 г. он перешел в коллегию de Propaganda Fide на третий курс богословия.

В конце мая этого же года Федоров встретил неожиданную поддержку своим мыслям о будущем католичества восточного обряда в России. Два французских ассумпциониста, о. Эрар из Москвы и о. Борэн из Петербурга, вызвали его в Рим. С первым из них он имел уже случай познакомиться два года тому назад, второго же знал только по письмам матери и о. Сциславского. Из беседы с ними Федоров вынес теперь впечатление, что они, как и вообще все ассумпционисты, хорошо разбираются в русских делах и знают, какими средствами там лучше всего пользоваться для приготовления воссоединения. Если эти ассумпционисты все еще оставались в латинском обряде, то, по их словам, только для того, чтобы лучше укрепить свое положение в России и не возбуждать подозрения поляков. 24 мая, оба они, вместе с генералом их ордена, имели аудиенцию у Папы св. Пия X, который выразил свое удовлетворение их образом действий и открыто заявил, что единственный путь работы для присоединения России - это через священников русского восточного обряда. Эти знаменательные слова очень обнадежили Федорова, показав, что в Ватикане начали понимать важность восточного обряда для этой работы среди русских.

Федоров не замедлил уведомить об этом разговоре митрополита Андрея и со своей стороны попросил его принять меры против перехода русских в латинский обряд без разрешения на то Папы в каждом отдельном случае. Он находил, что если такие разрешения будут даваться легко, без уважительной причины, то тогда « снова повторится история Брестской Унии. Зло надо задушить, пока оно не развилось ».

« Теперь, - пишет дальше Федоров, - оба миссионера направляются во Францию и через несколько недель возвращаются в Россию. Кажется, поляки поняли ту опасность, которая будет грозить им, если все русские католики будут собираться около Вас. Из слов ассумпционистов можно заключить, что поляки стараются внушить русским, что они де должны основать свою великорусскую церковь своими силами, и что Ваше влияние отразится на обряде и его чистоте. Я, конечно, поспешил рассеять эти страхи и просил их познакомиться с Вами. Узнав, что Вы принимаете такое горячее участие в судьбе русской церкви, они были очень удивлены; видно было, что они раньше были о Вас совсем противоположного мнения » (27-5-07).

* * *

В середине июня Федоров познакомился с приехавшим в Рим о. Алексеем Зерчаниновым.²⁸ Цель его приезда заключалась главным

²⁸ О. Алексей Зерчанинов родился 9 марта 1848 г. в Большом Мурашкине, Нижегородской губернии, где отец его был настоятелем церкви. В августе 1858 г. он поступил в Нижегородскую Духовную Семинарию, которую окончил в июне 1871 г. с правом поступления в Духовную Академию. Он сознательно не воспользовался этим правом, чтобы скорее стать священником и отдаться пастырской работе, к которой чувствовал призвание. 10 сентября он женился и 15 октября 1871 г. был рукоположен в священники Нижегородской епархии. За время священнической службы, о. Алексей был законоучителем в шести училищах, из которых одно было устроено на его собственные средства, был противораскольничьим миссионером, имел звание председателя церковно-приходских школ и благочинного. Миссионерская работа побуждала о. Алексея тщательно изучать учение православной церкви. Творения св. Отцов, история соборов и литургические сочинения, преимущественно православного издания, заставили его усомниться в истинности официального русского православия и вскоре он, без чьего-либо влияния, собственными усилиями, пришел к твердому убеждению в истинности католической Церкви. Один польский священник, о. Мариан Фульман, высланный из Влоцлавска в связи с делом о закрытии Духовной Семинарии в Кельцах, находился в это время на поселении в Нижнем Новгороде. 9 января 1896 г. он принял втайне о. Алексея в своем сане в католическую Церковь, о чем и составил акт, пересланный затем Петербургскому митрополиту Симону Козловскому. Не зная, как поступить с таким необычным актом, митрополит приказал вшить его в «дело» о своей службе; он полагал, что там для него будет самое безопасное место. Принять же о. Алексея в свою юрисдикцию он никак не мог, так что о. Алексей и после перехода в католичество остался, как и был, благочинным села Борисова, Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Однако, своих католических убеждений он не скрывал; на него донесли, и в результате, в ночь на 3 июля 1898 г., в его доме был произведен обыск, за которым последовал арест о. Алексея; библиотеку его уничтожили, а все книги и журналы католического издания конфисковали. Самого о. Алексея, распоряжением духовных и гражданских властей, без всякого суда и следствия, препроводили в Суздальскую тюрьму при Спасо-Евфимиевском монастыре для духовных «преступников». Там он, лишенный возможности священнодействовать, пробыл под надзором духовного начальства и полиции до января 1901 г.

В начале 1900 г., русская католичка Наталия Сергеевна Ушакова, просила Императрицу Марию Федоровну заступиться за о. Алексея. По воздействию Императрицы на обер-прокурора К. П. Победоносцева, о. Алексей был выпущен из тюрьмы на свободу, но под условием проживать безвыездно в Нижегородской губернии, на хуторе, который он приобрел на свои сбережения незадолго до ареста. Жена его должна была остаться в селе Борисове на положении вдовы священника. На хуторе о. Алексей завел себе небольшое хозяйство, сам работал на огороде, питался с него картофелем и репкою; устроил домашнюю часовню и даже тайную школу и снова занялся чтением. К нему переехал старший сын Юлий, бывший уже приходским

образом в том, чтобы исходатайствовать у Папы разрешение для русских католиков оставаться в своем обряде. О. Алексей удостоился аудиенции у св. Отца, во время которой Папа св. Пий X высказал вполне ясно, что *Ecclesia sine magna difficultate nunquam permittet*

священником. О. Алексей тайно перевел его в католичество. Жена и остальные дети не последовали его примеру и остались православными. Федоров, еще в бытность свою в коллегии Пропagанды, стал переписываться с одним из его православных сыновей. О. Юлий выразил желание познакомиться с Федоровым, но не дожид до этого, т. к. вскоре заболел чахоткой и умер.

О. Алексей любил не только много читать для собственного назидания, но и много писать для назидания других. Первое его произведение озаглавлено « ЦАРСТВО БОЖИЕ В МИРЕ », с подзаголовком: « Компиляция материалов, прочитанных деревенским диллетантом ». Этот труд, написанный во время заключения в Суздальской тюрьме (о. Алексей писал там гусиным пером и самодельными чернилами, пользуясь каждым клочком бумаги, какой только удавалось достать), представляет собою опыт апологии католичества на основании материалов, появившихся в русской религиозной печати, и распадается на 12 частей. Вследствие своей разнородности и множества дополнительных примечаний, разбросанных и внизу страниц и в конце книги, компиляция эта представляет собою довольно нестройное целое, что, впрочем, не укрылось и от самого автора, который « вместо предисловия » счел нужным сделать следующую оговорку: « ...Настоящее сочинение не есть в собственном смысле сочинение, т. е. связанное, логически-последовательное изложение мыслей об известном предмете, но только более или менее удачная компиляция материалов, находящихся в разных анти-католических сочинениях, относящихся к учению о Царстве Божием, то есть Христовой Церкви ». Тем не менее труд о. Алексея свидетельствует об его начитанности и показывает наглядно, как он, совершенно самостоятельно, изучая и сопоставляя написанное против католичества, пришел к убеждению в его истинности и из антикатолического материала составил своего рода апологетику католичества.

Другое большое произведение о. Алексея, беллетристического характера, « НЕПОКЛАДНЫЕ ЛЮДИ », издано (в 1904 г. в Кракове) под псевдонимом А. Н. Звездина. Напечатали тогда только первый том, продолжение так и осталось в рукописи. В предисловии о. Алексей уверяет, что « изобразил почти фотографически жизнь православного русского духовенства, на которую сам смотрел или с которой ознакомился - по рассказам отца, матери и родных. В сочинении сем изображена голая правда без всяких увеличений и прикрас... Жизнь православного духовенства снята здесь прямо с натуры и показывает, к чему это духовенство приводит светская власть или цезаропapизм ». Для автора, как русского священника, было бы, пожалуй, лучше, если бы его « голая правда » совсем не увидела свет. Хотя она и свидетельствует об его литературной работоспособности, но в то же время немало говорит и об его слишком своеобразной одаренности. Пережитое гонение, конечно, не могло не оставить в его душе очень горького следа; оно выявило ему наглядно печальное состояние многого в дореволюционной синодальной церкви и дало испытать на себе темные стороны церковного управления. Но все же, в своей « голой правде », о. Алексей зашел довольно далеко, много дальше, чем Гусев-Оренбургский.

Печатали и распространяли его книгу поляки. Да и вывез рукописи о. Алексея из России тоже польский иезуит о. Генрих Подынковский, которому удалось не-

переходить из восточного обряда в латинский (т. е. что этот переход будет сопряжен с большими затруднениями). На прощание Папа подарил о. Алексею две медали со своим изображением и преподал ему благословение. О. Алексей остался в восторге от приема. Его глубоко тронула и поразила доброта и даже добродушие, с каким его принял Наместник Христа, до того это было непохоже на знакомое ему отношение русских архиереев к православному клиру.

Во время пребывания о. Алексея в Риме, Федоров постарался тоже выяснить как можно лучше положение русских католиков. Так как в книге о. Алексея « Царство Божие в мире » было много ошибок, то он воспользовался случаем указать ему на сделанные промахи. При этом он ожидал, что о. Алексей станет защищать свои мнения. Однако вышло наоборот: он сам признал, что допустил в своем произведении немало ошибок и неточностей, и сказал, что будет рад, если ему на них укажут. В общем, собеседование с о. Алексеем показало Федорову, что в отношении к восточному обряду они сходятся в существенном. « Именно эта-то книга в связи с польскими возражениями и создала ему репутацию латинника », - пишет Федоров по этому поводу митрополиту Андрею (21-6-07). Все толки о наклонности о. Алексея к латинству Федоров считал тогда чистой выдумкой, хотя и не скрывал, что его все же смутило отношение о. Алексея к вопросу о чистоте и единообразии восточного обряда. В разговоре с ним о. Алексей стал высказывать суждение о том, что в Петербурге должен быть почему-то старо-униатский обряд, в Москве же - чисто восточный, а у старообрядцев еще какой-то древний. Из этого можно было вывести заключение, что если сделать о. Алексея главой русских католиков, то он станет « кроить обряд по-своему » и являлось опасение, не выступит ли он при этом в роли никем непрощенного реформатора. Сам же о. Алексей как-будто удивлялся слухам о нем:

сколько раз пробираться в глубину запретного для иезуитов края России. В одну из своих поездок он посетил о. Алексея в его заточении на хуторе и взял с собой заграницу, как рассказывает об этом иезуит о. Урбан, « полные портфели рукописей », изданием которых и занялись австрийские поляки.

В 1905 г., революционное движение и общее брожение в России, вызванное неудачной войной с Японией, позволило Н. С. Ушаковой выписать о. Алексея в Петербург. Сначала ему пришлось все же скрываться и проживать вне столицы, в пограничном с Финляндией местечке Белоострове, где у Н. С. была дача. После манифеста 17 октября 1905 г., о. Алексей перебрался в Петербург. В 1907 г. Н. С. устроила ему возможность поехать за границу. О. Алексей побывал тогда в Риме, где имел аудиенцию у Папы св. Пия X, в Лурде, в Львовe у митрополита Андрея, и провел некоторое время в Закопане; здесь он служил в иезуитском костеле литургию по восточному обряду.

— Откуда это взяли, что я хочу перейти в латинский обряд?

Отрицательную сторону о. Алексея Федоров уже тогда видел в некоторой излишней самобытности его характера и, конечно, в недостатке систематического научного образования. В этом он был несомненно прав.

* * *

К тому же времени относятся два события, связанные с восточным обрядом. Для Федорова они представляли собою как бы новый шаг вперед к осуществлению заветных желаний, принимавших в его сознании все более ясный и определенный характер, - привести русский Восток к Риму не как бывало раньше, путем компромиссных соглашений (в которых Восток третировался как низшее и второстепенное, а латинство - как призванное придать ему постепенно более европейский облик и поднять на высшую культурную ступень!), а воссоединением на началах полного *равноправия* восточного обряда с латинским в единстве веры.

Первым событием был Велеградский съезд на земле святых Кирилла и Мефодия, созванный летом 1907 г. под покровительством св. Игнатия.²⁹ Федоров принял в нем участие под именем Теодора Леонини.

²⁹ Группа западных богословов, главным образом чехов, начала издавать в 1905 г. журнал на латинском языке « Slavorum litterae theologicae », задачей которого было ознакомление западного мира с современной славянской духовной литературой. Журнал помещал статьи о различиях между католичеством и православием, давал библиографические обзоры, печатал рецензии и т. п. Центром этой работы была Прага. В 1907 г., в Моравии, у могилы св. Мефодия, состоялся первый конгресс богословов, стремившихся к развитию духовных отношений между Востоком и Западом; второй последовал в 1909 г. и третий в 1911 г. Участниками конгрессов были почти исключительно католики; впрочем, на третьем конгрессе фигурировали уже православные, участвовавшие лично в работах или приславшие свои заявления и приветствия. Отчеты об этих съездах печатались на двух языках - латинском и русском. На третьем съезде присутствовал корреспондент петербургской церковной газеты « Колокол » (издававшейся известным тогда синодским чиновником, церковным публицистом-миссионером В. М. Скворцовым) Леонтий Воронин, доцент русского языка в Венском университете, человек крайне правого направления (« идеальный черносотенец » по выражению Федорова). Руссофильство чехов и торжественная восточная литургия, которую служил преосвященный Елифаный в сослужении 10 священников и 2 диаконов в присутствии более 3000 молящихся, произвела на него очень сильное впечатление. Л. Ф. Воронин подружился с Федоровым, много говорил с ним об унии, даже пел в хоре во время обедни. В « Колокол » он послал прекрасную статью о съезде, но редакция искажила ее до неузнаваемости. После съезда у Воронина завязалась личная переписка с Федоровым.

Католический епископат поддерживал съезды и принимал участие в заседаниях.

Свой отъезд из Рима он постарался обставить « дипломатически » и в строгом « инкогнито ». Кроме двух-трех друзей, посвященных в его тайну, всем остальным говорилось, что он едет на каникулы в Галицию. Перед отъездом Федоров зашел в Посольство, поблагодарил за паспорт и справился о формальностях. Чтобы отклонить, насколько

Митрополит Андрей был в числе инициаторов и председательствовал на первом конгрессе. В своем вступительном слове он объяснил цели, которые ставят себе Велеградские конгрессы, и принципы, которыми руководствуются последователи Кирилло-Мефодиевской идеи. Он особенно подчеркнул два существенных пункта: 1) Эти съезды - собрания ученых, задавшихся целью исследовать, всесторонне и с полной объективностью, спорные вопросы, разделяющие Восток и Запад; участники их отнюдь не являются группой миссионеров, готовящихся к походу на русскую церковь; митрополит выразил сожаление, что некоторые русские богословы поняли задачи конгресса превратно. 2) В некоторых польских журналах появились ложные слухи о задачах съезда, якобы стремящегося к пропаганде панславянских идей, а не к церковному единению, тогда как всякая мысль о такой пропаганде в корне чужда этому конгрессу. Если славяне и составляют на нем подавляющее большинство, то причина этого должна быть понятной всякому непредубежденному уму. « Ведь не наша вина в том, - сказал митр. Андрей, - что соединение Восточной и Западной Церкви стало как бы славянским делом; если восточные славяне, по числу верующих, составляют подавляющее большинство в Восточной Церкви, не соединенной с Римским Престолом, и не малую часть среди тех, которые находятся в единении с ним, то что же странного в том, что дело церковного единения славяне считают как бы своим собственным. А если западные славяне, тесно связанные с восточными языком и культурой, помогают своим восточным братьям, то и это слишком понятно. Да не будет того, чтобы к священному делу вселенской веры, к делу единения Церкви, стали примешиваться политические вопросы ». Речь митрополита Андрея, вызвавшая общее одобрение участников, явилась как бы декларацией съезда.

Последующие съезды дали не только возможность вести обмен мыслей по ряду жизненно важных вопросов, но и установить контакт с представителями православного мира (на втором съезде председателем восточной комиссии был известный протоиерей Мальцев). Отдельные ветви Восточной Церкви, находящиеся в единении с Римом, получили здесь возможность поддерживать друг с другом более тесную связь. Орган конгресса « Велеградский Вестник » печатался в числе 3000 экземпляров.

На всех трех конгрессах участвовал Леонид Федоров. О третьем конгрессе он написал интереснейший отчет митр. Андрею, который на нем не присутствовал. Здесь мы забегаем вперед, чтобы отметить значение этого отчета для суждения о самом Федорове в те годы. Отчет обнаруживает его знание и понимание людей, умение завязывать и поддерживать отношения с ними, проводить свои мысли, где нужно и можно - сглаживать расхождения, где нельзя - смело и решительно восставать против неправильно мыслящих и действующих, вредящих делу, которому Федоров себя посвятил. Смелость и решительность его суждений, характеристики участников и группировок, какие он дает, показывают в то же время, как близко он успел подойти к митр. Андрею, как тесно был связан с ним в общем деле, а также и то, как митр. Андрей доверял Федорову, как ценил его и считался с ним в той части своей работы, которая становилась по-преимуществу Федоровской.

возможно, подозрения русского посла при Ватикане С. Д. Сазонова (будущего Министра Иностранных Дел), он нашел полезным высказать ему в самых неопределенных выражениях свои мысли и предположения о будущем. Выходило так, что если Федоров и заедет в Львов, то только чтобы попросить митрополита Шептицкого, который так хорошо относится к русским, помочь ему как-нибудь устроиться. Может быть там найдется и для него какое-нибудь место, например, учителя русского языка и истории, которое позволило бы ему продолжить занятия по истории и археологии в одном из славянских или немецких университетов. Федоров подчеркнул в письме к митрополиту Андрею, что тут не было ни слова неправды, так как это были только мысли и предположения о будущем, высказанные к тому же без всякого обязательства придерживаться их. Другой вопрос, конечно, что думал про себя Сазонов, тоже дипломат, слушая и наблюдая молодого и пылкого Федорова! Впрочем, он вскоре ему приоткрыл свои мысли.

Федоров прибыл « инкогнито » в Велеград 20 июля. Его выбрали в исполнительный комитет десяти, сразу поставив этим Теодора Леонини в ряд таких известных деятелей того времени как Пальмиери, Жюжи, Гривец, Урбан, Стоян, Шпальдак, Ниаради, Салавиль, Грагье, Ширауб, Франко (албанец) и др. Леонини-Федоров мог здесь действительно радоваться: участники съезда показали полное понимание важности вопроса о восточном обряде, которому был посвящен специальный доклад. В нем говорилось главным образом о принципе сохранения чистоты обряда и ограждения его от латинских форм, нередко искажающих его символику. Было отмечено, что новые проявления католической набожности, появившиеся за последнее время в латинской Церкви (например, культ Сердца Иисусова), могут применяться с успехом и большой духовной пользой и в восточном обряде, однако под неперменным условием быть выраженными в формах именно этого обряда, а не в латинских. Как на яркий пример, указывали на культ св. Евхаристии: в то время как мельхиты и албанцы, введя благословение св. Дарами обособленно от литургии, выразили его в чисто восточной форме, русины, под влиянием польского клира, переняли это благословение в чисто латинском виде. Было указано, что и здесь одним из препятствий является незнакомство западных христиан с восточным обрядом, а это нередко приводит к довольно печальным последствиям. По мнению Пальмиери, подобные заблуждения и ошибки происходят оттого, что народу не дается ясного представления о разнице между догматом и обрядом, и что с давних пор укоренились странные воззрения на обряды: латинский обряд считается почему-то аристократическим, а восточный - плебейским. Поэтому на восточного священ-

ника латиняне смотрят как на представителя какой-то низшей расы. Пальмиери подчеркнул что такое положение идет вразрез с учением католической Церкви. Участники конгресса особенно настаивали на проповеди единения и взаимного сближения в духе любви и мира, рекомендуя священникам, сочувствующим этим идеям, совершать хотя бы раз в месяц литургию с молитвами об уничтожении церковного расделения. Помимо этого, все высказались единодушно за необходимость иметь центр для будущей работы католичества в России; и таковой они усматривали в начинаниях митрополита Андрея Шептицкого.

Участие Федорова в работах конгресса имело большое значение и для него самого, так как он познакомился с рядом выдающихся лиц и мог продумать и переработать с ними ряд вопросов, имевших прямое отношение к его будущему служению. Кроме того, он начал здесь более деятельно помогать митрополиту Андрею в его трудах, связанных с Россией.

Вторым радостным событием в том же году были для него юбилейные торжества в Риме в память св. Иоанна Златоуста († 14 сентября 407 г.) по случаю 1500-летия со дня его смерти. Но по ряду обстоятельств празднество было отложено и состоялось 12 февраля 1908 г. Торжественную литургию в *Sala Beatificationis*, над входом в собор св. Петра, в присутствии Папы св. Пия X, совершил Антиохийский (мелхитский) Патриарх Кирилл VIII, в сослужении шести восточных епископов, в том числе и митрополита Андрея, и двадцати архимандритов и священников. Федоров принимал участие в этом богослужении в качестве иподиакона.

* * *

Перед самым отъездом в Велеград, когда материальное положение Федорова было особенно незавидным (у него оставалось 270 лир, ровно столько, чтобы кое-как дотянуть до конца каникул), он получил письмо от о. Иоанна Сциславского, в котором тот уведомил, что впредь не сможет оказывать ему никакой помощи. Федорову, который никак не ожидал этого именно в данный момент, отказ о. Иоанна был особенно неприятен еще потому, что сопровождался, сообщением о его полной перемене к восточному обряду, с которым якобы «сопряжено все возмутительное и отсталое в России». По его словам, «настоящие русские питают непреодолимое отвращение к византизму и татарщине»; «только люди, столь далекие от народного быта, как наши французы,³⁰ видят все вверх ногами». «О. Зерчанинов чуть не плачет»; «просто

³⁰ Повидимому, намек на петербургских ассумпционистов о. о. Буа и Борена.

не хотят этого обряда ». « Полонизм оказался отличным проводником католицизма ».

« Дальше этого итти уже некуда! », - воскликнул Федоров в письме к митрополиту Андрею (10-6-07). « О. Сциславский совершенно потерял голову и не думает ни о чем другом, как только об обращении русских в латинский обряд. Он понимает все совершенно наыворот и, как видно, повсюду старается разрушать идею о восточном обряде ». При создавшемся положении и в виду приближавшегося времени отъезда в Велеград (как на беду, будущий « Теодор Леонини » должен был сшить себе штатское платье и прикупить белья), Федорову не оставалось ничего другого, как написать откровенно о своих материальных делах митрополиту Андрею. Не прошло и двух недель, как он уже благодарил владыку за скорую и отеческую помощь, « вполне его обеспечившую и освободившую от всяких тревожений за свою участь ».

Но было бы неосновательным винить о. Иоанна за его перемену мыслей. Как ни печально было это само по себе, но он в итоге только стал на общую польскую линию и перестал быть исключением. Федоров же имел от этого двойную пользу. Во-первых, о. Иоанн подготовил его к тому, с чем ему вскоре пришлось самому встретиться в Петербурге, а во-вторых он от этого еще больше приблизился к митрополиту Андрею. Всякая тень компромисса на этой почве отпала; Федоров стал совершенно свободен и независим; теперь не было больше никого между ним и митрополитом Андреем, и отныне никто не мог влиять на отношение Федорова к последнему. Но было бы несправедливым забыть из-за этого или хотя бы умалить ту важную роль, какую о. Иоанн сыграл в свое время в жизни юного Леонида.³¹

* * *

Занятия в коллегии Пропанганды начинались только 20 ноября. По возвращении из Велеграда и Львова, Федоров решил использовать оставшееся у него свободное время, чтобы посетить некоторых лиц и

³¹ Федоров просил Н. С. Ушакову высказать ему свое мнение об о. Иоанне, которого та хорошо знала в Петербурге. Вот что она написала в ответ: « У меня к нему непреодолимое недоверие. Я верю, что он умный и очень добрый человек, отличный и даже редкий священник, но я не верю в его любовь к России и к русским. Он поляк до мозга костей и проникнут, может быть, и бессознательно презрением ко всему русскому, в том числе и к русской церкви. Для поляка все это очень понятно, и я его не осуждаю. Эти чувства созданы и оправдываются ходом истории, но все же с ними надо считаться, а в данном деле особенно; вот почему полагаю, что о. Сциславский не может быть нам полезен, а при случае окажется даже вредным ».

поговорить с ними о вопросах, связанных с католичеством восточного обряда в России. Первый визит был к профессору Евгению Францевичу Шмурло, официальному представителю в Риме русской Академии Наук. Тогда это был уже седой человек, лет под шестьдесят, однако еще вполне бодрый. Он принял Федорова очень радушно и сейчас же повел разговор на религиозные темы. Е. Ф. Шмурло как раз изучал сношения Польши с Россией, обращая особенное внимание на развитие Унии. В завязавшемся разговоре, Федоров, не выступая открыто за католичество, проводил только идею, что разделение Церковей зависит больше от взаимного непонимания и исторически сложившихся условий, чем от догматической разницы, и что все сочувствующие соединению Церковей должны путем научных работ стремиться к достижению сближения Востока с Западом. Шмурло с восторгом слушал эти слова и заявил себя горячим поборником церковного единства. Он имел разрешение работать в архивах Пропаганды, за что был очень признателен; в кабинете у него висел портрет Папы. Расстался он с Федоровым вполне дружески, предложив ему пользоваться своей собственной, интересной и довольно богатой библиотекой.

Следующий визит Федорова был к Сергею Дмитриевичу Сазонову. Он принял Федорова очень ласково и познакомил со своим помощником Шиллингом. Последний произвел на Федорова впечатление человека даже «более хладнокровного и дипломатичного, нежели Сазонов, но не особенно верующего»: «некто вроде петербургского чиновника, только формально числящегося в православной церкви». Федоров выяснил, что русское правительство совершенно оставило мысль об унии, а хочет решить вопрос о католичестве устройством русской католической Церкви латинского обряда, в которой внелитургические богослужения - «*officia supletoria*» («дополнительные богослужения»), так же как и проповеди в церкви, были бы на русском языке, подобно тому как поляки и литовцы имеют их на своем родном языке. Этим правительство устранило бы унию с ее восточным обрядом и, при существовавшем тогда положении вещей, проводившуюся полонизацию русских католиков латинского обряда. Такое решение вопроса, конечно, не могло быть несколько опасным для православия, так как в латинский обряд не перешел бы никто из народа, кроме разве нескольких десятков тысяч человек в западных губерниях. Более того, в умах русских еще сильнее утвердилось бы убеждение, что католичество остается латинством, даже если из него исключить польский элемент.

Чтобы достигнуть своей цели, правительству были нужны русские священники латинского обряда, которые в латинско-католической церкви сумели бы отстаивать свою национальность от полонизации. Са-

зону, повидимому, было ясно, что если бы у русских католиков латинским священником был литовец или поляк, то он неминуемо старался бы парализовать в своем приходе влияние русского языка, да к тому же, что самое главное, и сам не был бы в состоянии хорошо проповедовать по-русски. Словом, Сазонов предложил Федорову, не более и не менее, как приход, если только он выразит желание сделаться священником латинского обряда в России. Когда Федоров противопоставил этому плану Восточный обряд для русских католиков, то Сазонов ответил:

— Это никому не нужно, этого никто не спрашивает, все равно это ведет к латинству.

Федоров, как мог, принялся доказывать всю неосновательность подобного взгляда, и тогда Сазонов, не удерживаясь больше, сказал:

— Что вы думаете, разве мы враги самим себе? Разве мы не понимаем, что такая уния будет органом пропаганды украинофильства?

В связи с этим, вопросу о рукоположении Федорова Сазонов давал другой оборот: он советовал ему подать прошение о рукоположении в России и отнюдь не делать этого в Галиции.

Сообщая об этом разговоре митрополиту Андрею (4-11-07), Федоров просил его посетить в Риме Сазонова, чтобы самому объяснить ему всю неосновательность высказанных опасений и указать, что если из Галиции будут отправляться в Россию, в качестве приходских священников, только « москвофилы », ³² то они не только не будут распространять украинофильских идей, но, напротив, как противники « украинофилов », будут стараться парализовать их влияние.

Под впечатлением разговора с Сазоновым, у Федорова возникло опасение, как бы церковные круги в Риме, плохо осведомленные о положении дел в России, не попали в устроенную здесь ловушку, польстившись на надежду латинизировать русскую церковь. Вскоре Федорову пришлось убедиться, что римская прелатура, действительно, относится сочувственно к Сазоновскому проекту. Благодаря Вере Константиновне Белен, уроженке русской Украины, бывшей замужем за французом и работавшей на литературном поприще над сближением и ознакомлением западного общества с Россией и русской церковью, хорошо знавшей кардинала Рамполлу, считавшегося другом России и Франции, и других римских прелатов, Федоров встретился у нее на

³² Иначе говоря, « руссофилы », имевшиеся в Галиции главным образом среди довольно многочисленных консерваторов-москвофилов; оставаясь верными католичеством, они симпатизировали тогдашней официальной России.

квартире, вечером, за чашкой чаю, с монсиньором Бенини.³⁸ Еще до отъезда в Велеград, Федоров посещал его на квартире, имея в виду привлечь Бенини к участию на конгрессе, от чего тот тогда отказался, сказав, что у него нет никаких сношений с восточными и что он совсем не занимается вопросами их обряда. Однако теперь он сам заговорил о Велеградском съезде и с большим удовольствием слушал рассказ Федорова, останавливаясь на разных подробностях. Повидимому, желая захватить его врасплох, Бенини неожиданно задал вопрос:

— А скажи-ка мне, любезнейший Федоров, правда ли это, что митрополит Щептицкий хотел бы главенствовать со своими украинцами?

— В каком смысле, монсиньор?, - спросил в свою очередь Федоров.

— Да не знаю; скажем, чтобы устроить патриархат или что-нибудь в этом роде!

Когда зашла речь об обряде и присутствующие - Федоров, В. К. Белен и ее муж - стали доказывать, что нельзя говорить о возвращении России к единству Церкви без сохранения восточного обряда и что, прежде чем заниматься этим вопросом среди русских, надо узнать их со всех сторон, то есть с культурной, религиозной, психологической стороны и т. д., то Бенини стал уверять, что теперь Россией занимаются. Тем не менее, у Федорова создалось впечатление, что в руководящих кругах Рима все-таки склонны смотреть на католичество в России глазами Сазонова и русских аристократов. Бенини думал, что латинский обряд, если он не будет проводником полонизации, не встретит среди русских такого противодействия как среди греков, армян и сирийцев, так как русские уже давно вошли в западно-европейскую семью и в значительной мере потеряли свой «*восточно-азиатский*» облик:

— Те из русских, которые хотят остаться в восточном обряде, пусть остаются, но и те, которые хотели бы перейти в латинство, не должны быть удерживаемы, так что и волки будут сыты и овцы целы. Кто захочет стать латинянином, пойдет в приход «А», где проповедь и дополнительные богослужения будут на русском языке; кто захочет быть восточником, пойдет в приход «Б», где господин Федоров отслужит ему обедню со всей восточной помпой.

На замечание Федорова о вредном последствии смешения обрядов,

³⁸ Монсиньор Умберто Бенини был профессором в «Пропаганде» и написал известную в свое время книгу «*Storia sociale della Chiesa*»; очень талантливый человек, хотя и немножко склонный в своей деятельности к интригам. Будучи помощником секретаря в Конгрегации Чрезвычайных Дел, по своей инициативе организовал информационный центр и издавал информационный бюллетень. Благодаря этому был прекрасно осведомлен обо всем, происходившем в мире. В 1911 г. на его место был назначен монсиньор Пачелли, будущий Папа Пий XII.

о повторении печальной истории Брестской Унии с переходом аристократии в латинство, Бенини ответил уклончиво, что « все сгладится само собою », и на этом разговор кончился. К тому же он был, несомненно, беспредметен в части, касавшейся прихода « Б » с Федоровым во главе, так как русское правительство, высказавшееся устами Сазонова за « А », ни при каких условиях не согласилось бы на « Б », которое рисовалось тогда воображению Бенини. Федорову стало ясно, что Бенини « пел с чужого голоса »:

— Какие-нибудь русские интеллигенты, раболепствующие перед западными идеалами, представили ему русский народ таким, каким они хотели бы его видеть. Очевидно, что эти лица, купно с поляками, стараются уверить ватиканских прелатов в единоспасающем значении латинского обряда в России.

Таково было заключение Федорова, которое он не преминул сообщить владыке Андрею. К чести Бенини он подчеркнул, что тот добросовестно взвешивает все *pro* и *contra*, так как в тот вечер было условлено, что Федоров снова посетит монсиньора Бенини, и тогда разговор о проекте Сазонова будте продолжен.

Федорову было совершенно ясно, что русское католичество латинского обряда не только не опасно правительству, но даже очень полезно. Прежде всего оно воспользуется им для борьбы с действительным « конкурентом » православия, - с католичеством восточного обряда, а затем создание латино-русской церкви, явится противовесом латино-польской. Наученное историей Брестской Унии, русское правительство отлично понимало, что оба направления - русско-восточное и русско-латинское - не будут мирно развиваться бок-о-бок, а вступят в соперничество. Начнется, по выражению Федорова, « душехватство », а вместе с ним и ослабление силы католического движения в России. И вот, когда русские ксендзы и восточные попы-католики будут вырывать друг у друга русские души, правительство будет спокойно за судьбу синодального православия.

С Федоровым, Сазонов потерпел тут явную неудачу. Однако, он на этом не остановился и при случае пошел дальше, выступив с новым предложением. Сазонов пообещал Федорову « все блага земные, вплоть до епископства, за основание католической церкви латинского обряда в Белоруссии ». Этим он, конечно, не мог ни смутить ни соблазнить Федорова, которому сразу же стало ясно, чего правительство хочет достичь этим путем. Федоров понял, что в интересах правительства сто́ит даже возвеличивать латино-русскую церковь, играя на том, что католичество стоит вне национальных предрассудков, и что государство будет строго следить за тем, чтобы эта церковь не ополчилась и

уж, наверно, не поскупится на деньги и ордена, чтобы привязать к себе русских ксендзов, сделав их верными слугами департамента иностранных исповеданий.

Федоров предвидел, к чему все это поведет. В Рим будут поступать правительственные донесения, одно другого лучше, о русских ксендзах, будет проводиться та мысль, что они не только не опасны правительству, но являются действительно преданными отечеству и царю. Ясно, что всякий русско-латинский ксендз всегда будет иметь на своей стороне правительство в своих столкновениях с польской иерархической властью, а если будет основано русско-латинское епископство, то, выбрав себе человека («по сердцу своему»), правительство весьма легко переработает его в нового Сестренцевича.³⁴ В каком же положении окажется польская духовная власть при столкновении с русскими ксендзами шовинистического характера? Ведь за плечами русских ксендзов будет стоять правительство, готовое забить клин в тело Церкви!

Федоров понимал, что правительство могло бы сделать то же самое и с униатами; но тогда будет угрожать опасность распада православия, а тут: «І Богу свічка і чортови огарок». Что же будет с честными русскими ксендзами, которые не захотят плясать под правительственную дудку? Поневоле они будут ближе тесниться к полякам и потянут за собой свою паству, и в конце концов все это потонет в польском море...

Нет, Федоров крепко стоял на своем пути, и поколебать его Сазонову было не по плечу. Однако, тем самым Федоров предрешал и свою дальнейшую судьбу в царской России. Какую роль мог сыграть впоследствии Сазонов, в качестве министра Иностранных Дел, в ссылке Федорова в Сибирь, - нам неизвестно.

³⁴ Станислав Сестренцевич Богуш, имя которого сделалось почти нарицательным, был Белорусским викарным епископом Виленской епархии, к которой принадлежала большая часть католиков, перешедших к России по первому разделу Польши. Человек в высшей степени честолюбивый, заботившийся прежде всего о своей карьере и личном благополучии, он относился безразлично к интересам Церкви и был послушным орудием в руках русского правительства. Им воспользовалась Екатерина II чтобы подчинить себе латинскую Церковь. Не испрашивая согласия Рима, она назначила Сестренцевича епископом всех католиков в России и подчинила ему католические монашеские ордена. После этого она отделила Белорусский викариат от Вильны и образовала самостоятельную Белорусскую епархию (1773/4), с кафедрой в Могилеве и с управлением по образцу православных консисторий. Во всем этом Сестренцевич был послушным ее исполнителем.

* * *

В Риме Федоров закончил начатую еще в Львове работу по пересмотру литургических текстов. В Пропаганде он нашел старинные венецианские и римские издания, на основании которых, по его мнению, некоторые места было необходимо исправить. При этом он старался сохранить текст синодального издания по возможности неприкосновенным, удалив из него лишь произвольные вставки и чисто русские наслоения (отклонения от древнего текста; лишние рубрики, заключающие в себе явное заблуждение, как, например, запрещение причащать частицами святых; изобилие « царесловия » и т. п.) и приблизив к греческим евхологиям, как древним, так и новейшим. Федоров тщательно избегал всего, что могло бы хоть сколько-нибудь навести на подозрение в латинизации и остерегался вводить рубрики из униатского служебника, (хотя некоторые из них он считал очень хорошими), чтобы в будущем не оказаться связанным предписаниями, неизвестными русской церкви. Он использовал для своей работы и труд лучшего русского литургиста Петровского, составившего для юбилейного года « Историю славянской редакции литургии св. Иоанна Златоустого ».

Практически, предложенные Федоровым поправки, сохраняя за литургией строгую древность, уничтожали « царесловие » и, в общем, сокращали ее минут на двадцать. Он думал, что русские это одобряют, ибо они уже давно жалуются на длительность службы и на непрерывное поминовение « благочестивейшего, самодержавнейшего... ».

Эта работа, которую Федоров выполнил для митрополита Андрея, имея в виду будущих русских католических священников, была, несомненно, очень полезна и ему самому, так как дала возможность основательно изучить восточный обряд. Все им написанное он переслал митрополиту Андрею 25-1-08, за несколько дней до начала римских торжеств.

* * *

Федоров начал занятия в коллегии Пропаганды 20 ноября 1907 г. Вспоминая впоследствии этот переход, он заметил (1-8-21): « Когда я из Ананьи попал в Пропаганду, то мне показалось, что я из гимназии попал в сельскую школу ». Однако, уже в мае следующего года, Федоров был вынужден прекратить занятия в Пропаганде. В посольстве ему дали ясно понять, что если он будет и дальше учиться в « иезуитских учреждениях », то ему запретят обратный въезд в Россию. Федоров, видевший единственную цель своей жизни в будущей работе на родине,

даже если это окажется связанным для него с мученичеством, конечно, не мог не принять во внимание такую угрозу. По совету митрополита Андрея, он оставил коллегия Пропанды и направился продолжать учение в Фрейбургский университет в Швейцарии, которым ведали доминиканцы. Там его зачислили в ноябре 1908 г. под именем американца Антонио Кремони.

Жизнь Федорова в Фрейбурге протекала тихо и мирно. Он находил Фрейбургский университет очень хорошим в воспитательном смысле, так как будущим священникам давалась здесь прекрасная пастырская подготовка. Между тем, для желающих подвизаться на чисто научном поприще, постановка дела у доминиканцев имела по его мнению и свои слабые стороны. Дисциплина, особенно по сравнению с Пропандой, была здесь не из строгих. В Пропанде, согласно правилам, Федоров мог писать только четыре письма в месяц; он даже просил митрополита Андрея не присылать ему книг прямо в коллегия, а через третье лицо, для передачи ему, «а то», говорил он, «у нас боятся всяких внешних книг и журналов, и часто получающих их склонны подозревать в модернизме»! Тем не менее, несмотря на то, что дисциплина была здесь слабее, в Фрейбурге царил строгая нравственность, и соблазнов городской жизни не было никаких. Митрополит Андрей мог написать матери Федорова такие слова:

«С радостью могу сообщить Вам самые лестные сведения о Вашем сыне: занимается он усердно, ведет себя благородно, и потому все относятся к нему с вниманием и любовью».

Федоров использовал годы пребывания в Швейцарии, чтобы изучить немецкий и французский языки; по-французски он говорил уже довольно хорошо. 18 июня 1909 г. он отлично сдал последний экзамен и закончил свое семилетнее духовное образование. Если оглянуться назад, то какой путь был у него уже позади со времени отъезда из Петербурга!

ГЛАВА V

СВЯТЕЙШИЙ ОТЕЦ ПАПА СВ. ПИЙ X

Мысли митрополита о проповеди Единства Церкви и работе в России; его канонические права. - Первая аудиенция у Папы св. Пия X в феврале 1907 г. и Его решение. - Назначение о. Алексея Зерчанинова наместником митрополита Андрея в Росии. - Аудиенции 14 и 22 февраля 1908 г. - Полномочия митрополита Андрея и пророческие слова св. Пия X.

В те годы, когда владыка Андрей занял кафедру митрополита Галицкого, всякому католику, знакомому с положением духовных дел в Российской Империи не могло не быть ясно, что абсолютизм формы правления был одним из главных препятствий, мешавших России вернуться к единству католической Церкви. В России православие было государственной или, как митрополит Андрей его называл, «казенной» религией, которой государственная власть покровительствовала и которую она защищала всеми имевшимися в ее распоряжении средствами, не исключая, конечно, и полицейского аппарата. До обнародования закона о веротерпимости в 1905 г., давшего русскому народу некоторую свободу совести, отпадение от православной веры подлежало строгому наказанию: «виновные» лишались права воспитывать детей, подвергались ссылке или высылке за границу, телесному наказанию (в последние годы оно, правда, перестало уже применяться), имущество их подлежало конфискации и т. д. Но уже тогда казалось несомненным, что такое ненормальное положение не может длиться долгое время. Рано или поздно, под давлением внутренних или внешних причин, безграничный абсолютизм должен будет смениться более либеральной формой правления, и свобода совести восторжествует и в России над нетерпимостью и преследованием.

Митрополит Андрей окидывал духовным взором необозримые возможности, которые откроются тогда в России для работы воссоединения Церквей. При этой мысли у него сам собою являлся вопрос: готово ли к ней католичество?³⁵ Обладает ли оно уже теми людьми, которые, когда придет время, примут на себя задачу проповедовать в России

³⁵ Мысли митрополита Андрея, положенные в основание этой главы, заимствованы главным образом из его статьи в сборнике проф. д-ра Берга «*Ex Oriente*» - Берлин, 1927.

единство Вселенской Церкви и вести в нее русских людей? Изучены ли, продуманы ли вопросы, относящиеся сюда, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, когда пробьет этот давно жданный час? Ведь католичество должно будет неизбежно считаться и с наследием прошлого, с предубеждениями, укоренившимися в русском сознании, с той ролью, которую играли в судьбах русского православия некоторые общественные и церковные элементы. Уже одно это настоятельно побуждало его серьезно считаться с особыми условиями в России в смысле выбора средств и людей для проповеди Единения. Совершенно независимо от взгляда на этнографическое соотношение отдельных частей Российской империи и на их взаимоотношения в составе целого - это касалось, конечно, прежде всего великоруссов и украинцев, реформированные васильяне и созданные им студиты, как он думал тогда, могли бы взяться за апостольскую работу в Российской Краине и, вообще, в западных краях России. Для русских же в более тесном смысле слова нужно было найти что-то другое. Митрополиту Андрею казалось, что об этом пришло уже время серьезно подумать, чтобы подготовиться к предстоявшей великой задаче. О том, что для этого не делалось в сущности ничего созидательного, положительного, красноречивее всего говорили редкие индивидуальные воссоединения русских с католической Церковью. И по необходимости, и по недостатку руководства, воссоединявшиеся принимали латинский обряд и этим, бессознательно, только углубляли ров, отделявший православных русских от единой Вселенской Церкви.

Этот вопрос встал перед митрополитом Андреем во всю свою величину не только потому, что он практически подошел уже к нему вплотную в малом масштабе у себя в Галиции, но и в силу своего особенного положения, как митрополита Галицкого. Мы уже говорили, что на территории Российской империи, после гонений на Унию, от нескольких бывлых униатских епархий остался только жалкий след в виде КАМЕНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ, канонически связанной с Львовом, на которую русское правительство в свое время не обратило внимания, считая, вероятно, что епископ Каменецкий не будет в состоянии проявить свою деятельность в России. ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛИЯ, восстановленная в начале XIX века, была также канонически подчинена Львову. Как наследница Киевской митрополии, с которой она была соединена в течение столетий, она приняла, во время преследования униатов и уничтожения их епархий в России, и Каменецкую епархию под каноническую власть архиепископа Львовского и митрополита Галицкого. А ведь епископ Каменецкий и его епархиальный центр находились на русской территории! При этих условиях, митрополит Галицкий ста-

новился как бы призванным заместить униатам их епископов на уничтоженных русским правительством, но в действительности, канонически, лишь вакантных епископских кафедрах в русских епархиях.

Исходя из этого, владыка Андрей, в качестве митрополита Галицкого и епископа Каменецкого, считал себя обязанным принимать под свою пастырскую защиту всех русских католиков, как мирян, так и православных священников, присоединившихся к католической Церкви, так как почти все они входили в состав его епархии. Такое положение вещей заставляло его считать себя также и единственным представителем канонического права и власти в рассеянных епархиях, никем более не управляемых, потому что по каноническому праву, если кафедра остается незаемщенной после смерти епископа, то епархия продолжает существовать канонически еще целое столетие.

На основании этого, митрополит Андрей находил, что униатские епархии, фактически уничтоженные русским правительством, канонически тем не менее еще существуют. Более того, он считал, что обязан видеть в себе единственного заместителя изгнанных епископов, так как ближайшие латинские иерархи не могли управлять католическими церквами восточного обряда.

Признать это - значило поставить вопрос, какой способ следовало избрать митрополиту Андрею, чтобы начать работать над воссоединением православной русской Церкви со Вселенской? Вообще говоря, в этой работе, как и во всякой миссионерской деятельности, можно начинать с постепенного образования приходов и общин и уже потом объединять их в епархии. Но можно действовать и в обратном порядке - сначала создать иерархические рамки, путем установления «диалога» с верхами Православной Церкви для того чтобы, создав атмосферу взаимного доверия и понимания, постепенно придти к согласию. Этот подход к делу Единения был указан Папой Иоанном XXIII-им. Митрополит Андрей полагал, что способ создания иерархических рамок подходит ближе к тому, что делал Христос, создавая Свою Церковь. По этому пути прошла христианизация почти всей Европы: к обращаемым посылались сначала священники и епископы, имевшие полномочие не только крестить народ, но и устраивать одновременно молодую церковь. Св. Августин был уже епископом, когда его послали в Англию; то же самое можно сказать о св. Бонифации в Германии и св. Адалберте в Богемии. Такая система работы, по мнению митрополита Андрея более походила бы на то, как действовал Спаситель и Апостолы, хотя сам он, конечно, не считал ее в какой-либо мере основанной на божественном Откровении и не упускал из виду сказанного

в Деяниях Апостолов, что сначала диаконы проповедовали Евангелие самаритянам, а затем уже пришли Апостолы и увенчали все дело.

Что касается формы работы в России для воссоединения Церквей, то и тут митрополит Андрей считал, что можно действовать двумя способами. Можно терпеливо дожидаться, пока число присоединившихся к Риму станет достаточным для образования самостоятельной церковной общины восточного обряда со священником во главе, который сначала был бы подчинен настоятелю ближайшей католической церкви латинского обряда, а впоследствии сделан независимым от него. Если такой приход будет численно возрастать, то по мере своего роста он образует со временем епархию, с епископом во главе, независимую от латинских епископов и даже митрополитов. Владыка Андрей признавал, что можно привести веские доказательства в пользу такого образа действия, но все же не ослабляется обоснованность работы и по противоположному плану. Нельзя никак упускать из виду, что православные, воссоединившись со Вселенской Церковью, будут оставаться христианами другого типа и другой культуры, так как принадлежность к восточному обряду поставит их в другие условия по сравнению с западными католиками. Настоятелю церкви латинского обряда было бы тяжело освоиться с этой, в общем, чуждой ему культурой. Вследствие незнакомства со всеми деталями восточного обряда или из-за незнания языка своих новых прихожан, ему было бы трудно идти навстречу их желаниям и правильно удовлетворять их потребности. А это естественным образом привело бы к тому, что настоятель невольно стал бы приспособлять своих новых прихожан к себе, вместо того, чтобы самому применяться к ним, в особенности в отношении обрядовой стороны. Между тем совершенно естественно желание православных, присоединяющихся к католической Церкви, сохранить свой восточный обряд неприкосновенным; да и сама Церковь неоднократно указывала, что в ее стремление к единству *отнюдь не входит желание навязывать новообращенным православным латинский обряд*. В то же время, нельзя не считаться с тем, что священникам латинского обряда, вообще говоря, обряды восточной Церкви будут всегда более или менее чужды. Как настоятели и руководители, они станут в какой-то мере, даже помимо своей воли, а часто и бессознательно, приучать своих новых прихожан к латинским обрядам, если не просто - навязывать их. Такое явление нельзя не считать совершенно естественным, так как церковные обряды, среди которых священник с детства растет и в которых воспитывается, срастаются с его религиозной психологией, с пастырской работой, и ему очень трудно меняться,

приспосабливаясь к чуждым обрядам, знакомым до этого времени, может быть, только по наблюдениям со стороны.⁸⁶

В этом вопросе митрополит Андрей стоял категорически на том, что нужно принимать во внимание не личные стремления тех или других прихожан и даже не желания какого-нибудь отдельного прихода, а общее благо Церкви, которое требует, чтобы восточные христиане, т. е. православные, возвращаясь к церковному единству, не чувствовали себя в католической Церкви чужими, а с самого начала ощущали одинаковую для всех ее чад материнскую любовь и заботу. Эта активная любовь Вселенской Церкви должна быть ясно видна и братьям, от нее отделенным. До тех пор пока православные должны будут при воссоединении с Нею приспосабливаться к латинским обрядам, чаще всего в силу разных местных причин и других обстоятельств, тем самым отдаляясь от восточного обряда, не-католики будут вправе говорить, что католичество ведет к латинизации и потому опасно восточному духу, так как уничтожает его характерные особенности и психический склад. А это в свою очередь поведет к тому, что они, забывшая о вселенскости католической Церкви, будут смотреть на нее с узкой точки зрения обрядовой стороны. О Вселенской Церкви у них образуется неверное, искаженное представление, они будут видеть в ней противника своей национальности и своих традиций. В результате, даже проникнутые идеей вселенскости, как таковой, и будучи в душе сторонниками *церковного единства*, они оттолкнут себя от католической Церкви из законного и понятного желания сохранить унаследованные ими обычаи и традиции своих предков. Им будет казаться, что существует огромная разница между идеей всеохватывающей вселенскости и тем, что они видят на деле. Они будут говорить: « Следует ли судить о Церкви по официальным заверениям или по неоспоримым историческим фактам? » Им будет трудно понять, что они основывают свои суждения только на противоречащих общим принципам Церкви единичных случаях, которые надо расценивать именно как местные и временные недостатки, не имеющие ничего общего с духом Церкви, и вину за которые нужно приписывать не Церкви, как таковой, а отдельному приходу, епархии или даже народу, так как ведь, в конце концов,

⁸⁶ Эту трудность митрополит Андрей несомненно хорошо знал по личному опыту и мог наблюдать на примере своего брата гр. Казимира. Ее знают все латинские священники, переходящие в восточный обряд; даже несмотря на искреннее желание, им все-таки трудно освоиться с ним до конца и проникнуться им.

Переход из восточного обряда в латинский, если только лежит к этому сердце, совершается сравнительно легче; латинский обряд более прост, всем доступен и усваивается без затруднений.

все имеют одинаковое право отстаивать особенности своего характера и психического склада. Все это верно и понятно. Однако, беда в том, что не-католики не станут разбираться в причинах, вызывающих единичные случаи и в своих суждениях о них не станут подниматься до общих и основных принципов вселенской Церкви, а будут склонны приписывать каждое подмеченное ими противоречие - якобы лицемерию католичества.

Дабы избежать этой опасности и дать не-католикам ясное представление об идее вселенскости, этого основного и важнейшего признака Церкви Христовой, митрополит Андрей считал необходимым сделать все, что только возможно, чтобы обеспечить воссоединяющимся с католической Церковью то место в ней, какое они имели бы, если бы не произошло рокового разрыва между Западом и Востоком и церковное единство не было нарушено. Он был убежден, что только тогда не-католики смогут понять, какой источник духовной жизни заключен в действительном единении всех членов Таинственного Тела Христова!

* * *

С этими мыслями, в феврале 1907 г., митрополит Андрей предстал перед Святейшим Отцом Папой св. Пием X и изложил ему свои соображения о том, что можно было бы сделать в России, однако при обязательном условии действовать СЕКРЕТНО, чтобы об этом не было ничего известно ни латинским епископам в России, которых подобные начинания могли бы скомпрометировать в глазах русских властей, ни Государственному Секретариату в Ватикане, ввиду его официальных сношений с русским правительством. По мнению митрополита Шептицкого, в вопросе о рукоположении русских священников следовало бы усвоить себе тактику старообрядцев, которым, несмотря на все преследования правительства, все же удалось устроить свою церковь. Митрополит Андрей высказал убеждение, что для начала это было бы единственным способом действовать. Он считал, что имел на это право, как митрополит Униатской Церкви.

В ответ на это св. Пий X сказал:

— *Utere jure tuo* (Пользуйся своим правом).

Это решение он высказал устно, не закрепив его никаким документом.

На основании данного разрешения, митрополит Андрей сделал свой первый шаг. Приняв 3 июня 1907 г. докладную записку от о. Алексея Зерчанинова, единственного русского священника, подлежавшего его юрисдикции, обращенную к нему, как непосредственному начальни-

ку,³⁷ митрополит Андрей подписал 29 июня 1907 г. грамоту о назначении его своим заместителем в Каменецкой епархии. Она давала о. Алексею Зерчанинову широкие полномочия и по отношению к остальным униатским епархиям. Митрополит предлагал ему устроить свое управление в Петербурге. Вот текст этой, для русского католического дела исторической грамоты:

« Божией милостью и благословением Святого Апостольского Престола, смиренный Андрей, Митрополит Галицкий, Архиепископ Львовский, Епископ Каменецкий.

Всечестнейшему иерею о. Алексею Евграфовичу Зерчанинову мир в Господе и наше архиерейское благословение.

³⁷ Его Высокопреосвященству

Митрополиту Галицкому и Епископу Каменецкому

А н д р е ю Ш е п т и ц к о м у

грекокатолического священника в

Российской Империи

Алексея Евграфовича Зерчанинова

всеподданнейшая докладная записка.

Вследствие религиозного движения, возникшего в России в пользу католической Церкви в 90-х годах прошлого столетия, здесь образовалась община русских католиков, состоящая из нескольких священников и около 1000 верующих (главным образом в столицах и больших городах), принявших католическое учение по латинскому и грекокатолическому обрядам. Первые, особенно из числа русской аристократии, владея языками, приписались к церквам польской, французской и немецкой национальности; остальные же, в том числе и я недостойный, не имея при себе объединяющего административного центра, остались как овцы без пастыря, потому что священники греко-восточного обряда руководствуются в деле веры большей частью своими личными соображениями, производя иногда между собой несогласия во вред церковному единству из-за предметов незначительных для веры.

Болея об этом душевно и всем сердцем желая церковного преуспеяния для распространения католического света в России, осмеливаюсь я недостойный утруждать Ваше Высокопреосвященство сею докладною запиской, как своего непосредственного начальника в делах веры, на предмет канонического восстановления грекокатолической епархии в России для католиков греко-католического обряда с правом его полной свободы по существующим здесь местным обычаям, не вредящим единству католической Церкви; чтобы главный представитель восстанавливаемой иерархии, применяясь к этим обычаям, заботился о религиозных нуждах новообразованного маленького стада Христова для соединения его во Христе Иисусе с Его Апостольским Наместником и земною Главою видимой Церкви Христовой для ее вящего преуспеяния и спасения верующих.

Вашего Высокопреосвященства смиренный и недостойный послушник священник Алексей Зерчанинов.

21 мая (3 июня) 1907 года.

Когда Провидение Божие устроило так, что число верных в пределах Российской Империи греко-католиков умножается в настоящее время с каждым днем, между тем как нам, находящимся вне границ Империи, нет возможности управлять самолично нашею Каменецкой епархией, находящейся под державою Его Величества Императора Николая II, то рассудили мы усмотреть мужа Божия и ревнителя святой веры, чтобы ему, как нашему главному наместнику, могли бы мы вверить управление греко-католическими священниками и верными, находящимися в пределах Империи и нашей Каменецкой епархии. Зная же о Вашей ревности о соединении с Апостольским Престолом Божиих Церквей, о твердости в святой вере, о мужестве и благоразумии, мы избрали Вас на сей весьма важный пост, уповая на Бога, что Вы пожелаете всецело предаться святому делу, которому Вы посвятили уже всю свою жизнь. Посему во славу Единого Бога во Святой Троице и для пользы вверенных нам овец словесного стада Христова, мы нарекаем и назначаем Вас нашим главным наместником, поручая Вам пастьерство душ в нашей Каменецкой епархии.

Но кроме Каменецкой епархии в пределах Российской Империи находятся еще другие наши греко-католические епархии, для управления которыми по древним обычаям нашей Русской³⁸ Греко-католической Церкви, в случае, когда не имеется надлежащего и в силу канонов избранного или нареченного и подтвержденного через Апостольский Престол пастыря, мы, как Русьский Митрополит,³⁹ обязаны изыскивать способы. Все эти Богоспасаемые епархии не имеют пастыря. Положение же Российской Империи в настоящее время таково, что Святейший Отец, желая для ее блага (как говорил мне это Он Сам на аудиенции несколько раз) так устроить дела церковной иерархии, чтобы удовлетворить нужды греко-католических верных, в этом отношении ничего не мог сделать. Равным образом и епископы католические латинского обряда по своему положению не в состоянии заведывать делами Греко-католической Церкви в России. Вследствие сего, Мы, как единственный русский греко-католический Митрополит, как епископ Каменецкий и как единственный начальник, занимающий греко-католическую епископскую кафедру на территории, находящейся в пределах Империи, по долгом размышлении перед Богом и нашей совестью, решились принять заведывание всеми вышеупомянутыми епископскими

³⁸ В латинском тексте, представленном на утверждение Папе св. Пию X: «... nostrae Ruthenae Ecclesiae graeco-slavi ritus».

³⁹ «... tamquam Metropolitanum Ruthenorum».

кафедрами.⁴⁰ Когда же на аудиенции у Святого Отца мы представили Ему и наше мнение, Святой Отец устно соизволил одобрить сие наше мнение и утвердить. А так как это дело чрезвычайной важности, то в удостоверение сего факта мы подтверждаем его нашим архиерейским словом.

Посему, как администратор праздных епископий, мы поручаем Вам, нашему главному Каменецкому наместнику, заведывать всеми духовными делами этих епархий, посещать все собрания верующих, наблюдать за деятельностью всех наших священников и заведывать всем, что необходимо для блага святой католической веры. В удостоверение же всего этого мы выдаем сию грамоту за нашей подписью с приложением нашей печати.

Дана в Львове при храме св. великомученика Георгия в праздник Верховных Апостолов Петра и Павла 29 июня 1907 года.

Смирренный Митрополит Галицкий Андрей

* * *

В феврале 1908 г. митрополит Андрей снова был в Риме. Там его поставили в известность, что отношения Ватикана с русским правительством еще более обострились; проявляла себя реакционная политика Столыпина. Митрополит подумал было, что в разговоре с Папой ему не придется коснуться подробностей этого дела. Поэтому на аудиенции, состоявшейся 14 февраля, он сначала его не затрагивал, но под конец, ободренный милостивым вниманием Папы, митрополит Андрей позволил себе сказать:

— Вы помните, Святейший Отец, что год тому назад, когда мы обсуждали вопрос о том, что можно было бы сделать в России, Вы мне сказали слова: «*Utere jure tuo*»?

— Конечно помню, - ответил Папа, - я их сказал и повторяю: пользуйтесь вашими правами.

Тогда митрополит Андрей вынул из портфеля латинскую копию с грамоты, выданной им о. Алексею Зерчанинову, и, передавая ее Папе сказал:

— Святейший Отец, вот, что я сделал.

Папа внимательно прочитал грамоту до конца и сказал:

⁴⁰ «*His omnibus mature coram Deo et conscientia perpensis tamque Metropolitanus Haliciensis et Episcopus Podoliae Camenecensis, jure nostro uti et vacantes dioeceses administrare statuimus*».

— Хорошо.

— Но есть люди, Святейший Отец, которые не хотят верить; благоволите подписать эту грамоту.

Тогда Папа св. Пий X, сказав: *Ah, bene, per quelli che non vogliono credere.* (А, хорошо, для тех, которые не хотят верить), взял перо и собственноручно написал следующие слова:

« *Cuncta vidimus et approbamus fausta quaeque et salutaria Venerabili Archiepiscopo eiusque vicario in spiritualibus Generali et cunctis fidelibus et clero et populo cum Apostolica Benedictione a Domino adprecantes* ».

(« Мы все пересмотрели и одобряем. Мы испрашиваем у Господа всякого спасительного благоденствия досточтимому Архиепископу, Его Генеральному Викарию по духовным делам, всем верующим, клиру и народу и Мы преподаем им Апостольское благословение »).

В силу этого подтверждения, митрополит Андрей становился теперь фактически администратором всех русских греко-католических епархий, упраздненных правительством, но существовавших канонически. Таким образом Святейший Отец одобрял работу, которая велась бы втайне, и право руководить ею Он оставлял исключительно за собой.

Митрополит Андрей обратился за советом к о. Франциску Ксаверию Вернцу, тогдашнему генералу ордена иезуитов, как лучшему знатоку церковных канонов, которого он знал, прося указать, что, по его мнению, следовало бы теперь предпринять в таком исключительном положении. Государственный секретариат Ватикана не мог ничего решать в этом деле. Какие полномочия следовало ему теперь испросить? Основываясь на правах, признанных за Маронитским патриархом, о. Вернец посоветовал митрополиту Андрею испросить себе тоже возможно более широкие полномочия, какие ему могут понадобиться и которые он тут же ему указал. В течение восьми дней митрополит Андрей готовился к новой аудиенции. В основу его полномочий ложилось мнение Папы св. Пия X о том, что русская католическая Церковь должна представлять собою патриархат с наиболее широкой автономией, допустимой в католической Церкви; примером могла служить Маронитская Церковь.⁴¹

⁴¹ Восточные патриархаты всегда пользовались известной автономией, соответствующей идее национальной Церкви, но, конечно, в границах, допустимых во Вселенской Церкви. Восточные патриархаты, не ведущие свое начало от времен Апостолов, подобно Антиохийскому, Александрийскому и Иерусалимскому, являются не более как своего рода национальными приматами. Среди всех восточных патриархов, Маронитский обладает наибольшими правами и самой широкой автономией; он сохранил все свои старинные привилегии со времени воссоединения со Вселенской Церковью. Как сохранившие католическую веру дольше, чем другие

Чтобы не подчеркивать слишком сильно разницу между русской православной и русской католической Церковью, главой последней предполагалось сделать не патриарха, а экзарха, который, в случае воссоединения православной Церкви с Римом, уступил бы свои права патриарху.

22 февраля митрополит Андрей удостоился новой аудиенции у св. Отца. Он доложил Ему, каким образом положил начало выполнению его предначертаний, и при этом заметил:

— Обыкновенно администраторы епархий обязываются принести присягу верности Святейшему Престолу и изложить свое исповедание веры. Так как я не имею возможности выполнить это требование иначе, как перед Вашим Святейшеством, то разрешите мне это сделать.

Святейший Отец изъявил согласие. Тогда митрополит Андрей, став на колени, прочел написанное им исповедание и, подписав его, передал св. Отцу. После этого он перешел к изложению своих просьб. Прежде всего он испросил разрешения посвятить от имени Его Святейшества присоединенные епархии и всю Россию Святейшему Сердцу Господа Иисуса. Св. Отец протянул было руку за пером, намереваясь подписать прошение, но митрополит Андрей остановил его словами:

— Боюсь, что Вашему Святейшеству придется подписывать сегодня слишком много документов. Что касается этой первой милости, то для меня достаточно Вашего слова.

Затем митрополит Андрей перешел ко второму полномочию, прося

— « ... чтобы помимо всех почетных прав, титулов, привилегий, преимуществ, почестей, также при исключении всякого права на прецедент в каком-либо случае, по какой-либо причине, званию или поводу, Ваше Святейшество удостоило даровать ему на территории всей Российской Империи власть и делегированную юрисдикцию, осуществляемую только именем Апостольского Римского Престола, такую же, какую имеет на своей территории Патриарх Маронитский ».

Св. Отец прочел просьбу и удивился:

— Почему? - спросил он.

Митрополит Андрей изложил в ответ свои доводы:

— Надо иметь возможность посвящать епископов, имеющих полноту епископской юрисдикции, без того, чтобы Государственный Секретариат знал что-либо об этом. Неблагоприятная тень не может быть брошена на Св. Престол. Затем необходимо, чтобы юрисдикция могла

воссоединившиеся позже с католической Церковью патриархаты, марониты с правом считают себя старшими сынами Вселенской Церкви на Востоке, и поэтому им даны исключительные по сравнению с другими права и привилегии.

простирается за пределы прежних границ униатских епархий. Наконец, надо пользоваться тем же оружием, каким пользуются русские: действовать на основании канонического права Восточной Церкви.

Св. Отец, согласившись с приведенными доводами, собственноручно подписал на прошении « Placet » (« Угодно ») и, передавая документ митрополиту Андрею, сказал:

— Это - каноническая форма, к которой прибегают в самых серьезных и торжественных вопросах Церкви.

Прелат Брессан, личный секретарь Его Святейшества, приложил к документу печать Св. Отца, так же как и к документу о назначении о. Зерчанинова. Кардинал Копп сделал засвидетельствованную копию с этого документа и со всех остальных.

Год спустя, Св. Отец взял этот документ у митрополита Андрея и еще два других, но в то же время подтвердил содержащиеся в них полномочия. Это было в декабре 1908 г. Он вновь подтвердил их в 1909, 1910 и 1914 г. В 1909 г. (или 1910 - митрополит Андрей не мог впоследствии этого точно припомнить), Св. Отец сказал ему:

— Подтверждаю еще раз все данные вам полномочия, но прошу вас не пользоваться ими. Русское правительство делает затруднения, может сделать и еще более серьезные. Поэтому прошу вас пока воздержаться от пользования ими. ПРИДЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ОНИ ВАМ ПОСЛУЖАТ.

В 1914 г., Св. Отец в последний раз подтвердил митрополиту Андрею данные ему полномочия и даже расширил их, и при этом вторично сказал:

— Подтверждаю все ваши полномочия, но еще не время их применять. Я даже прошу вас в настоящий момент об этом. НАСТУПИТ ЧАС, КОГДА ВАШИ ПОЛНОМОЧИЯ ПОНАДОБЯТСЯ И КОГДА ВЫ СМОЖЕТЕ ИХ ПРИМЕНЯТЬ.

Митрополит Андрей попросил Св. Отца, чтобы эти полномочия были дарованы не только лично ему, но и его преемникам (т. е. будущим митрополитам Львовским и Галицким). Он хотел, чтобы полномочия, предусмотренные для устройства и управления в Восточной Церкви и в Российской Империи, которые Его Святейшество даровало ему в 1908 г., как администратору вакантных епархий в России, собственноручно начертан тогда на его прошении слово « Placet », были Им же распространены и на его преемников « *jure ordinario et proprio in posterum competant* » (« Чтобы впредь принадлежали по обычному и собственному праву »).

Св. Отец на это сказал:

— Вам - да, я их даю, пусть они послужат вам « *jure ordinario et proprio* », но не вашим преемникам.

Через шесть дней после этой аудиенции, митрополит Андрей испросил дополнительно через одного из *cameriere participanti* (действительный камергер - почетное звание) таких же полномочий для России (без упоминания вакантных епархий), какими Св. Престол снабжает делегатов в Южную Америку. Св. Отец даровал и их митрополиту Андрею, написав на прошении: « согласно просьбе о Господе ».

Таким образом, в общей сложности, митрополит Андрей располагал тринадцатью документами в форме прошений с резолюциями, написанными на них Папой св. Пием X, которыми определялись теперь его канонические права и полномочия в отношении России. Среди этих тринадцати резолюций имеется и одна знаменательная:

— « При обязательстве тайны, под страхом отлучения, снимаемого только Папой ».

Говоря об этом, необходимо отметить особо всю необычность происшедшего и достигнутого на этих памятных аудиенциях митрополитом Андреем у Папы св. Пия X:

1) Св. Пий X даровал эти полномочия митрополиту Андрею в такое время, которое могло казаться самым неблагоприятным и даже исключавшим мысль о возможности их применения в ближайшем будущем. Несмотря на это, он дважды, пророчески, сказал митрополиту Андрею, что **НАСТУПИТ ЧАС, КОГДА ЭТИ ПОЛНОМОЧИЯ ПОНАДОБЯТСЯ И ОН СМОЖЕТ ИХ ПРИМЕНЯТЬ**. Мы увидим дальше, как и когда это пророчество исполнилось.

2) Эти полномочия он даровал лично только митрополиту Андрею, исключив его преемников, митрополитов Львовских и Галицких. Будущее тоже показало, в какой мере это было обосновано.

3) Он сделал это помимо Государственного Секретариата, в той канонической форме, к которой прибегают в самых важных вопросах. В архиве Ватикана это не оставило никакого следа. Сам митрополит Андрей должен был хранить тайну данных ему полномочий под страхом отлучения, снимаемого только Папой.

Отношения с русским правительством, зорко следившим за католической Церковью в России и особенно за всем и всеми, имевшими отношение к митрополиту Андрею, были в то время весьма обостренными. Благоразумие, руководившее Государственным Секретариатом Ватикана, настоятельно диктовало последнему заботиться в первую очередь хотя бы о самых существенных правах католической Церкви в России, чтобы сохранить тамошние епархии латинского обряда и обеспечить признание русским правительством вновь назначенных ка-

толических епископов. Все, о чем просил митрополит Андрей св. Пия X и что он утвердил по его просьбе, могло казаться «реалистам» практически неприменимым к политической действительности в России и не только ненужным в данное время, но и заключающим в себе немалые опасности для уже существующего. Поэтому не приходится удивляться, что Государственный Секретариат Ватикана поспешил оградить Св. Престол от возможных дипломатических осложнений на этой почве. Но в то же время на решение св. Пия X это не оказало влияния, и оно осталось неизменным. Дальнейшее развитие дела не лишено интереса.

* * *

В Ноябре 1908 г. митрополит Андрей узнал, что декретом Конгрегации *Negotiis Ecclesiae Extraordinariis* (по чрезвычайным церковным делам) от 22 мая 1908 г., о. Алексей Зерчанинов назначен главой миссии для русских католиков восточного обряда. В этом декрете, в числе прочего, точно указаны его права:

- 1) разрешать от прещения по ереси и расколу,
- 2) освящать домовые церкви восточного обряда,
- 3) освящать чаши и церковную утварь восточного обряда,
- 4) исповедовать верующих,
- 5) разрешать во время Великого поста употребление мясной пищи четыре раза в неделю под условием, чтобы воздержание от мяса соблюдалось всегда по средам, пятницам и субботам ».

Далее в декрете говорится еще нижеследующее:

« Кроме того вышеупомянутому священнику Зерчанинову Его Святейшество приказывает *неуклонно соблюдать греко-славянский обряд во всей чистоте, не позволяя себе вводить какие-либо добавления латинского или иного обряда, а также заботиться, чтобы то же самое исполняли подчиненные ему священники и прочие католики* ».

Как ни необходимо было последнее указание, но все же этот декрет говорил совсем о другом, чем грамота митрополита Андрея о назначении о. Зерчанинова его « главным наместником » в Российской Империи. Вопросов постной пищи она не касалась, и они вместе с другими, подобными им пунктами находились как-то вне того существенного, что имел в виду владыка Андрей.

Одновременно с этим известием, он получил и письмо от главного Государственного Секретаря, уведомлявшего митрополита, что он не может иметь в России никакой юрисдикции.

Естественно, что следующим шагом митрополита Андрея было новое обращение к Св. Отцу. Когда он вернулся по этому делу в Рим, то св.

Пий X дал ему *oraculum vivae vocis* (выраженное живым словом) следующее уверение:

« Все полномочия, дарованные митрополиту Шептицкому ранее, а именно на аудиенциях 14 и 22 февраля 1908 г. согласно его просьбе, Его Святейшество изволило вновь утвердить, не взирая на декрет Святейшей Конгрегации *Negotiis Ecclesiae Extraordinariis* от 22 мая 1908 г. и на письмо Кардинала Государственного Секретаря от того же числа ».

Кардинал Копп засвидетельствовал и этот « *oraculum* ».

Через несколько дней, Св. Отцу представился случай повидаться с о. Ледоховским, будущим генералом ордена Иезуитов (тогда еще ассистентом генерала), и сказать ему, что он дал эти полномочия митрополиту Андрею, который может пользоваться ими.

По возвращении в Львов, митрополит Андрей получил из Государственного Секретариата новое уведомление о том что его звание епископа Каменецкого является лишь почетным титулом и что он не имеет в России никакой юрисдикции.

В следующий приезд в Рим (это было по всей вероятности в ноябре 1909 г.), митрополит Андрей был опять на аудиенции у Св. Отца. Он снова получил от него заверение на словах о действительности данных ему полномочий, несмотря на последнее письмо Кардинала Государственного Секретаря.

На этом тогда все остановилось. Папа св. Пий X все видел, все хорошо понимал и знал, что делает. Его преемник, Папа Бенедикт XV, уже после войны, 24 февраля 1921 г., со своей стороны, подтвердил сделанное тогда св. Пием X.

ГЛАВА VI

« МЕДВЕДЬ ИЗ ЛЕСНОЙ ТРУЩОБЫ » В СТОЛИЦЕ

Переезд о. Алексея Зерчанинова в Петербург. - Его положение в столице. - Между двух огней: русского правительства и польского духовенства. - Первые шаги в устройстве русской католической церкви. - Деятельное участие Н. С. Ушаковой. - Отношение П. А. Столыпина. - Первое архипастырское указание митрополита Андрея. - Его обращение к Н. С. Ушаковой. - Декрет Папы св. Пия X о полномочиях о. Алексея.

В июле 1907 г. о. Алексей Зерчанинов покинул гостеприимный Львов и через Житомир-Смоленск направился в Петербург. На русской границе у него отняли большую французскую книгу, подарок карме-

литок, и потребовали 75 копеек за пересылку книги в цензуру. Но это было только началом его дорожных приключений.

« У самого Бердичева, - пишет он митрополиту Андрею, - шесть мошенников завели меня под предлогом душеспасительной беседы в уединенное место и вынудили отдать все деньги, так что по приезде в Житомир оставалось всего несколько копеек для отдачи извозчику и покупки чаю ».

В Житомире о. Алексей должен был исполнить первое поручение митрополита Андрея - вручить его письмо епископу Антонию (Храповицкому).⁴² О. Алексей не застал его в городе: епископ оказался где-то в отъезде. Не дожидаясь его возвращения, о. Алексей отдал письмо « в надежные руки ». Повидимому он был этому рад, так как ему сказали, что личная передача письма могла бы быть даже рискованной: « подобных ему епископ Антоний предает суду, который без рассуждения отправляет в тюрьму ».

В Смоленске о. Алексей присутствовал на литургии, которую служил тамошний епископ Петр. После обедни он отправился в архиерейский дом и передал письмо митрополита Андрея ему через швейцара.⁴³ Прождав час, о. Алексей был принят епископом, который велел ему поблагодарить митрополита за письмо и выраженное внимание и передать об « его сильном сочувствии нашей идее ». Кроме того епископ Петр попросил выписать для него « *Osservatore Romano* » (ежедневную церковно - политическую газету, орган Ватикана). Таким образом и второе поручение было тоже благополучно исполнено. В Смоленске о. Алексей услышал неблагоприятные отзывы об епископе Антонии: « его черносотенные листки не пользуются хорошим авторитетом ». - « Значит, - заключил о. Алексей, - это не нашего поля ягода ». Об епископе Петре, напротив, он отозвался как об « образованном и любознательном человеке », заявившем себя « католиком по убеждению ». О. Алексей посоветовал митрополиту Андрею уговорить его приехать во Львов « посмотреть на все поближе ».

Август и сентябрь о. Алексей прожил в Белоострове на даче Н. С. Ушаковой и в начале октября переехал в Петербург согласно указанию митрополита Андрея. Здесь он поспешил исполнить его третье и последнее поручение, добился свидания со старообрядческим епископом Иннокентием и вручил ему письмо владыки Андрея.⁴⁴ По поводу этого

⁴² Копии этих писем, снятые с черновиков, сохранившихся у митрополита Андрея, напечатаны в приложении (См. прил. 5).

⁴³ См. прил. 5.

⁴⁴ О. Ян Урбан (польский иезуит, тайный миссионер среди бывших униатов,

посещения о. Алексей сообщил, что « письму Вашему он был рад и с удовольствием слушал мою беседу о разных вещах. Просил являться и на будущее время ». Однако, вскоре после этого о. Алексей установил, что епископ Иннокентий « ведет себя очень странно » и « в издаваемом им органе печати пришлось прочесть мало утешительного по этому вопросу ». - « Зато, - говорит он дальше, возвращаясь к своим смоленским впечатлениям, - многого я ожидаю от епископа Петра ».

Свое личное отношение к иерархическому начальнику о. Алексей резюмировал тогда восторженным отзывом о митрополите Андрее:

« Видеть его, быть несколько времени под его крылом и не любить его - это было бы вопиющим преступлением. Это радость наша, а не человек »!

К сожалению чувство любви к митрополиту Андрею мало отразилось у о. Алексея на направлении его воли - быть на высоте оказанного ему доверия и строго исполнять все предписанное. Воля у о. Алексея отличалась, вообще, большой независимостью. Руководило ею скорее своеобразие упрямой натуры, чем сыновнее послушание тому, кого он, действительно, имел полное основание любить и почитать как отца. Впрочем это сказалось не сразу, а развилось постепенно, отчасти под давлением обстоятельств, которых сам он не учел, приняв от митрополита Андрея указания, изложенные в грамоте о своем назначении.

В Петербурге о. Алексей произвел благоприятное впечатление на русских католиков, начиная с Н. С. Ушаковой, искренно его полюбившей. К тому же он подкупал всех еще и ореолом мученичества, которое претерпел, как католический исповедник. Последнее было тоже заложено в натуре о. Алексея. Познав истину, проникшись убеждением в

игравший одно время немалую роль и в Петербурге и в конце концов арестованный и высланный из России; (благодаря ему « Царство Божие в мире » о. Алексея Зерчанинова было напечатано в Жовкве у Васильяя) посвятил о. Алексею, после его смерти, пространную статью в виленском журнале « К соединению » (№ 9-10 за 1934 г.), в которой он говорит, что « имел удовольствие причислиться к его близким друзьям »; заканчивается эта статья такими словами: « Имя его когда-нибудь запишется на почетном месте в истории русского католичества ». Тем не менее, через 2-3 месяца (15-12-1934), он же написал о. Павлу Майе: « Вообще я думаю, что лучше не писать о покойном о. Алексее, как образцовом работнике в Церкви... Поэтому я бы советовал Вам избрать другую тему, а о. Алексея оставить в покое. Вечная ему память! » В разговоре с С. А. Лихаревой о. Урбан не отрицал того, что о. Алексей был « очень любезный человек », но высказал мнение, что « может быть, лучше, вообще, не давать его биографии ». Не входя в обсуждение причин, побуждавших о. Урбана так действовать (« Вечная ему память! »), биографу о. Леониду и историку « Восточного обряда » придется все-таки задерживаться на личности о. Алексея, и притом, пожалуй, даже больше того, чем это казалось бы справедливым.

ее непреложности, он не знал ни сомнений ни колебаний. Совратить его с пути нельзя было ничем. Когда, после указа о веротерпимости, нижегородская консистория, через третьих лиц, стала зазывать о. Алексея обратно в православие, соблазняя лучшим местом в епархии, и через полицию возвратила ему священнические документы, заменив ими имевшуюся у него бумагу о лишении сана, о. Алексей на это никак не реагировал. На него не подействовала и прямая угроза Нижегородского епископа Назария «вытащить о. Алексея из Петербурга». Правда, предупрежденный своевременно о грозившей ему опасности, о. Алексей принял меры предосторожности и некоторое время даже скрывался. Упорный до упрямства, терпеливый до стоического равнодушия к ударам судьбы, неприхотливый, с детства привыкший жить бедно, наделенный от природы огромной выдержкой, о. Алексей оставался всегда верен тому, что крепко вошло в его сердце. Таким он был в тюрьмах и ссылках в царской России, таким же остался в тюрьмах и ссылках в советской России. Сломить его не удалось никому. Крайне осмотрительный и осторожный, «обстреленный воробей», как он себя называл, о. Алексей говорил, что у него «в решительности и смелости не было никогда недостатка». Благообразная наружность, длинная седая борода, величественная осанка, низкий голос, все это могло только внушать уважение его прихожанам, особенно простым людям, которых он привлекал своей сердечностью и доступностью. По словам С. А. Лихаревой, о. Алексей был очень добрым, при всей своей бедности помогал нуждавшимся («чем иногда злоупотребляли»), был очень приветлив и «молитвенно-благочестив». Л. Д. Федорова написала однажды митрополиту Андрею:

«Несмотря ни на что, я все-таки дорожу о. Алексеем. Его почтенная наружность придает нашей церкви солидность, народ любит стареньких священников, и его уважают за седые волосы и старческий голос».⁴⁵

⁴⁵ *Наталья Сергеевна Ушакова*, родственница Михаила Дмитриевича Жеребцова и Николая Авсеевича Толстого, была в свое время под сильным влиянием кн. Елизаветы Григорьевны Волконской и стала одним из главных деятелей русского католичества в начале XX века. Этому делу она была предана всей душой и отдала на него свое состояние. Жила она то в Петербурге на Миллионной 11, то на своей даче в Белоострове (около часа езды от Петербурга по Финляндской железной дороге), где у нее была школа-приют для девочек. Широко образованная и преданная Церкви и родине, при независимом положении в петербургском высшем обществе Н. С. Ушакова широко использовала имевшиеся у нее возможности для создания русской католической общины восточного обряда. Н. С. Ушакову глубоко любил и уважал ее двоюродный брат и давнишний друг П. А. Столыпин. Она упорно добивалась у него признания этой общины. Однако, Столыпин, так же упорно не соглашался,

У о. Алексея было одно особенно привлекательное свойство, которое осталось почему-то мало отмеченным - его душевная чистота. Гораздо больше бросалась в глаза окружающим физическая нечистоплотность и неаккуратность о. Алексея. Сам же он, повидимому, мало замечая это, хорошо знал свою внутреннюю чистоту, ценил ее и воздавал

ответчая: «существуйте, как существуете, делайте, что делаете, я буду смотреть сквозь пальцы». Только благодаря влиянию и престижу Столыпина (Министра Внутренних Дел и Председателя Совета Министров), русскую католическую общину, официально не признанную, все же как-то терпели.

М. Д. Жеребцов принадлежал к высшему кругу петербургского общества, был близок ко двору и влиятелен в чиновном мире; стал католиком после тщательного изучения истории Церкви. Написал две книги: 1) под псевдонимом Сергея Асташкова: «*Исхождение Св. Духа и Вселенское Первосвященство*» (полемика с догматическим богословием митрополита Макария), изданную в Фрейбурге в 1886 г.; 2) под псевдонимом Василия Ливанского: «*Протопресвитер Янышев и новый докринальный кризис русской церкви*» (полемика с православным богословом Богородским), изданную там же двумя годами позже. Произведения М. Д. Жеребцова, хотя и страдают некоторой резкостью в полемических местах, отличаются замечательной ясностью богословской мысли. Жеребцов был очень близок к Владимиру Соловьеву и княгине Е. Г. Волконской.

Н. А. Толстой, сын обер-гофмаршала А. Н. Толстого, воспитанный в религиозной семье, с детства был склонен к священству, а позже, под влиянием Владимира Соловьева, - к католицизму. Хотел поступить в Духовную Семинарию, но родители отдали его в Пажеский Корпус, где он прислуживал в алтаре и исполнял обязанности псаломщика. Перед окончанием корпуса был рукоположен петербургским митрополитом в чтецы. Толстой вышел офицером в Гвардию, но через несколько месяцев, при поддержке матери, ушел с военной службы и поступил в Московскую Духовную Академию, где изучал особенно тщательно патрологию, историю соборов и все, имевшее отношение к католической Церкви. Ректором Академии был епископ Антоний Храповицкий, тогда еще не настроенный столь враждебно к католицизму, как впоследствии. Богословским образованием Толстого руководил частным образом Владимир Соловьев. После окончания Академии в 1893 г. и рукоположения в священники он отправился в путешествие, объехал главные миссионерские пункты католической Церкви в Азии, Америке, Австралии, и из Палестины направился в Рим. Здесь в ноябре 1894 г. Толстой принес Папе Льву XIII исповедание католической веры. По распоряжению Папы, католический Антиохийский Патриарх Кирилл VIII, находившийся тогда в Риме, зачислил о. Николая Толстого в свой патриархат и возвел в звание протопресвитера Иерусалимской церкви Гроба Господня. По возвращении в Москву, о. Николай устроил в своем доме часовню, посвященную Лурдской Божией Матери, куда приходили московские тайные католики. 18 февраля 1896 г., в день св. Льва Великого, в этой часовне присоединился к католицизму (прочитав Тридентский символ веры и формулу принятия учения о папском примате), исповедовался и причастился Владимир Соловьев. Свидетелями были Д. С. Новский и кн. Долгорукая. Обер-прокурор К. П. Победоносцев начал против о. Николая судебный процесс и добился применения действовавших законов, каравших за переход в католичество. Толстой был взят под надзор полиции и ему запретили выезд из Москвы; православные церковные

за нее должную благодарность своему отцу, так хорошо его воспитавшему. Правда, иной раз он писал об этом на своем образном языке в таких выражениях, что лучше их не цитировать. Тем не менее внутренняя чистота о. Алексея, несмотря на многие странности характера, привлекала к нему сердца; люди охотно и легко шли к нему

власти сняли с него сан и запретили священнослужение в его домово́й церкви. О Николай бежал в Петербург и скрывался на квартире своего дяди *Ушакова*. Он подал прошение на Высочайшее имя, в результате которого, при попустительстве петербургской полиции и пограничных жандармов, ему дали возможность бежать за границу. Через два года удалось выхлопотать ему разрешение вернуться обратно и поселиться в Москве, где он, лишенный по закону всего состояния, вынужден был жить очень скромно и зарабатывать средства литургическим трудом.

Княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (1838-1897) обладала исключительным для женщины богословским образованием; еще в юности она серьезно изучала историю и подошла к католицизму со стороны его исторического развития. Установив неправоту византийского отделения от Рима, стала глубже изучать церковную историю, и это привело ее к Римской Церкви. В 1887 г. кн. Е. Г. Волконская приняла католицизм и с этого времени отдалась апостольской работе в той единственной форме, какая была тогда возможна в России. Всякий компромисс был ей по существу чужд. Проверяя по первоисточникам все спорные вопросы между Византией и Римом, она находила, одно за другим, искажения текстов деяний Соборов и творений св. Отцов в русских переводах по сравнению с оригиналами. Результатом ее упорных трудов явились два историко-богословских сочинения: 1) «*О Церкви*» напечатанное в 1887 г. в Берлине (вторым изданием эта книга вышла в Петербурге уже после манифеста 1905 г.). Этот труд, излагающий правдиво историю Восточной Церкви, главным образом в ее сношениях, столкновениях и разрыве с Римом, вызвал в русском официальном церковном мире целую бурю. По поручению обер-прокурора Победоносцева, профессора-богословы (Беляев, Катанский и Лебедев) должны были выступить с критикой и опровержениями. 2) «*Церковное предание и русская богословская литература*» - вышло по воле княгини уже после ее смерти в 1898 г. в Фрейбурге у Гердера. В этом капитальном труде, охватывающем 600 страниц, содержится неопровержимое обличение русского официального богословия в недобросовестности; до сегодняшнего дня никто еще не решился выступить с возражениями против кн. Е. Г. Волконской. Опровергать написанное ею православным богословам невозможно уже потому, что ее мировоззрение построено не на отрицании чего-либо в православии, а на утверждении того, что истинно православно и поэтому тождественно католицизму. Первыми защитниками католической правды у кн. Волконской выступают сами же Отцы Восточной Церкви.

Как свидетельствует об этом ее сын кн. Петр Михайлович Волконский, его мать соединяла с Владимиром Соловьевым «многолетняя духовная дружба, начавшаяся с его первого появления в Петербурге, когда он в Соляном городке выступил со своими чтениями о Богочеловечестве. На пятнадцать лет старше его, она, если можно так выразиться, с материнской попечительностью следила за его работой и направляла ее... Она знала и любила Родину и русский народ; всякое резкое и оскорбительно выраженное осуждение даже действительных недочетов нашего строя претило ее патриотическому чувству, и не раз упрекала она Соловьева за излишнюю резкость критики, особенно в его заграничных изданиях. Он принимал это спокойно.

НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА УШАКОВА

« Однажды один православный спросил русскую католичку - заслуги ее перед русской католической Церковью так велики, что с радостью пользуюсь случаем назвать, исполненный благодарности и уважения, ее имя - Наталия Сергеевна Ушакова, ныне покойная:

— Вы разве православная?

— Конечно, - ответила она, - еще больше и лучше, чем вы! »

Митрополит Андрей Шептицкий

(Заимствовано из его статьи в сборнике « Ex Oriente » - Берлин, 1927)

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ВОЛКОНСКАЯ

исповедоваться. Немало латинян, а среди них и священников, имели своим духовником о. Алексея. В то же время он был чрезвычайно своеобразен, даже чудаковат. Он и сам это признавал, но в своей простоте не смущался некоторыми «странностями», которые других ставили иной раз просто в тупик. «Ведь не даром же я родился медведем!» - написал он однажды в свое оправдание владыке Андрею. «В Петербурге надо образованного человека, т. е. академика или университетца, а не медведя из лесной трущобы», - заключил он, ознакомившись немного с жизнью в столице. «Молитесь за наше общее дело, а особенно за меня, старого дурака», - просил он поэтому с особым оттенком владыку Андрея.

Все это, конечно, кроме последнего, надо иметь в виду, говоря о роли и деятельности о. Алексея в нарождавшейся русской католической общине. К тому же, оказавшись в Петербурге, он сразу почувствовал себя не только слабым, но и далеко не свободным, чего тоже не учитывали ни в Львове ни в Риме, вверяя ему этот пост. Держался он первое время главным образом благодаря связям покровительствовавшей ему Н. С. Ушаковой. Правительству он был слишком хорошо известен, как недавно выпущенный из тюрьмы, в которой сидел за переход из православия в католичество. Правда, П. А. Столыпин обещал Н. С. Ушаковой, что о. Алексея не арестуют и что он может служить литургию у себя дома, но о. Алексей хорошо понимал, что даже слово всемогущего тогда министра могло быть только относительной гарантией при господствовавшем в Петербурге положении дел. В новых условиях быстро сказался преклонный возраст о. Алексея, имевшего за плечами уже без малого шестьдесят лет, его усталость от жизни, полной испытаний и тяжелых переживаний, бедности, затруднений всякого рода, с которыми ему приходилось непрестанно бороться. Огромная задача, возложенная на него митрополитом Андреем по управлению и руководству русской католической миссией, оказалась ему уже не по силам. Двенадцать лет жизни на положении гонимого сделали свое дело и наложили отпечаток на о. Алексея. Он не мог не чувство-

«Ради Бога, не думайте, - писал он в 1888 г., - что я могу обижаться Вашей материнской опекой, я понимаю и чувствую ее сердечный источник»...

«Влад. Соловьев и кн. Волконская являются действительными родоначальниками католического движения в России; в них выявились две грани русской католической мысли, как бы два параллельных течения к одной и той же цели, два взаимно восполняющих друг друга психологических подхода к одной и той же истине, подход синтетический у первого и аналитический у второй, и оба они до сего дня живут в католичестве. Они вовсе не исключают друг друга, как думают некоторые, но, напротив, взаимно восполняют и совершенствуют один другого».

вать, что ему отказывает энергия, поддерживавшая его раньше. Автор «Непокладных людей», который как тип просится иной раз на страницы Лескова и Писемского, старался сначала держать себя в тени, опасаясь возможной высылки из столицы, а потом стал искать помощи и защиты у тех, кто могли ее дать. А это все больше отдаляло о. Алексея от митрополита пославшего его в Петербург, побуждало пренебрегать его указаниями, так что в результате он оказался неспособным поддерживать даже чистоту восточного обряда, того основного, чему был призван служить. Для этого ему нужно было найти какое то оправдание, и вот, в его старческой голове, одновременно с ростом уклонений от обряда, стала расти и какая-то идеология, все это обосновывавшая и объяснявшая, и столь же запутанная, как и отличавшее его своеобразие. Отпечаток последнего можно найти, кажется, во всех словах и делах о. Алексея, к которым мы теперь перейдем с большой грустью, ибо с его приездом в Петербург собственно и началась та - по словам Ю. Н. Данзас - «очень печальная повесть» русской католической общины восточного обряда, в которой было «противопоставлено друг другу столько взаимной борьбы, вековых столкновений и человеческого лицемерия», что писать ее, лично у нее, не было совершенно охоты.

* * *

Русских католиков восточного обряда было тогда в Петербурге очень немного. Но от этого их стремление, будучи католиками, сохранить русский обряд, делалось только более сильным. Естественную опору себе они искали в устройстве хоть какой-нибудь церковки. После манифеста 1905 г. о свободе совести у них явилась надежда, что это станет возможным. В первую очередь им нужен был, конечно, русский католический священник восточного обряда. Такого они, в конце концов, приобрели в лице о. Алексея, испытанного борца за католичество и к тому же снабженного столь много обещавшими полномочиями митрополита Андрея, их нового иерархического начальника, лучше которого, кажется, и желать было трудно. Вверенное дело показалось о. Алексею тоже нетрудным, раз имелся манифест о свободе совести. Он считал, что ему нужно начать с того, чтобы испросить законным путем разрешение открыть хотя бы домовую церковь, а дальше будет видно, что делать. Однако, очень скоро ему пришлось убедиться, что: «объявленная Высочайшим манифестом свобода вероисповедания для русских новокатоликов имеет свою главную силу только на бумаге, хотя протестантам и другим сектантам здесь живется гораздо легче».

Таковым было первое впечатление о. Алексея, немало его смутившее

и сильно затруднившее решение основного вопроса - открыть русский католический храм в Петербурге. Старый петербуржец того времени сказал бы ему в ответ на все его недоумения:

— Да, у нас действительно провозглашена свобода совести, но своеобразная. Можно, например, закладывать мечети, синагоги, протестантские молитвенные дома, можно открывать масонские ложи. В Петербурге построили даже буддийскую пагоду! Но открыть русский католический храм восточного обряда, хотя бы самую скромную домовую церковку, правительство не позволит. Тут уж ничего не поделаешь!

* * *

Вот, дословно, как о. Алексей охарактеризовал в своих первых письмах к митрополиту Андрею трудное положение, в котором он оказался:

С одной стороны:

« По наведенным справкам оказывается, что этих католиков (явных и тайных) во всей России имеется чуть ли не полмиллиона... ведь это целая епархия! »

« В одном только костеле св. Станислава за три минувшие года значится более 150 душ мужского пола, перешедших в католичество. Всех же русских католиков по сообщению ксендза-пробоща, недавно определенного деканом при костеле св. Екатерины на Невском, Казимира Будкевича, считается более 1500 душ мужского пола в Петербурге ».

« Прислушиваясь к голосу народа, осторожно зондируя его почву и наблюдая за течением мыслей новой для меня среды, не могу не утешить себя надеждой, что дело Божие не останется здесь бесплодным. Тем не менее при настоящем тревожном состоянии русской политики приходится дело Божие вести осторожно весьма ».

« С некоторого времени мне боязно открыть рот в защиту католичества, из опасения шпионов и особенно шпиенок, рассыпанных повсюду. Так, например, недавно мне сообщили, что в Петербурге у властей хорошо знают, что я делаю, говорю и куда хожу; так что иные опасаются иметь со мною дело, чтобы не попасть в беду. А органы печати бывшего моего духовного ведомства науськивают на меня полицию, и если меня доселе еще не арестовали, так это во-первых потому, что знают о моих сношениях с некоторыми аристократами, а во-вторых потому, что я держу себя осторожно. Долго ли продержится у нас такое состояние, неизвестно; но жить здесь при настоящих условиях очень тяжело, и я с удовольствием воротился бы к себе в усадьбу сажать в огороде овощи, если бы на то была воля свыше... ».

« У нас ... все атеисты, революционеры и сектанты с жидами имеют свои органы печати, в которых осуждают поведение правительства и издеваются над самою господствующей церковью, а наши католики (кроме разве ложных между поляками), ничего не желающие России, кроме добра одного, доселе не смеют рта разинуть. Разве не дико »?

С другой стороны :

« Здесь полонофильство господствует... ». « Всматриваясь и вслушиваясь во все окружающее, я не мог не заметить, что местная католическая среда сильно полонизована... и что местные католические ксендзы занимаются не столько окатоличиванием русских, сколько ополячиванием их. Исключением из этого могут быть лишь немецкие, французские и некоторые литовские священники, а из польских можно указать лишь на прелата ДЕНИСЕВИЧА и еще... не знаю хорошо, на кого... Все же остальные, по русской пословице, и спят и видят о превращении России в Польшу. О некоторых ее патриотах выражаются, что если бы вся Россия обратилась в католичество по греко-католическому обряду, то они желали бы перейти в протестанство ».

« Здесь поляки ненавидят, например, немецких священников-доминиканцев Иоанна Шумпа, Иоанна Френи и вытеснили из Петербурга ксендза Родзевича за проповеди на русском языке, подведя под ответственность через русскую полицию. Очевидно поляки хозяйничают здесь, как у себя дома ».

« Конечно, с устройством в России греко-католической общины многое должно измениться в хозяйничании ксендзов; а этого им не хочется: ведь теперь они - господа положения! Отсюда и борьба с ново-возникающей общиной, подкрепленная нашим правительством, ослепленным предрассудками против нее ».

« К несчастью нашему, русское правительство, под руководством узких наших шовинистов, само помогает полякам при их узко-национальной работе ».

« Жаль мне своей родины, а помочь пока нечем... ».

При своем несвободном положении в Петербурге, о. Алексей не мог не чувствовать себя особенно беспомощным между этих *двух огней - русского правительства и польского духовенства*. Ему положительно не на кого было опереться, особенно при отсутствии почти всяких материальных средств у тех, кто должен был бы его поддерживать. Не приходится поэтому особенно удивляться, что гонимый « медведь из лесной трущобы » пошел в Петербурге по линии наименьшего сопротивления и стал искать помощи у тех, которые склонны были ее дать, но в своих интересах и на известных условиях. Польское духовенство, за

очень немногими исключениями, действительно не хотело, чтобы в России был восточный обряд для русских католиков. Единодушие поляков в этом вопросе показывает, что у них было на это серьезное основание. По существу, все они были солидарны в отрицательном отношении к восточному обряду в католической Церкви. Вся разница была только в степени личной благожелательности к русским католикам, определявшей форму отношения к этому больному вопросу.

В своем действительно тяжелом положении о. Алексей не нашел другого решения, как приспособиться к «власть имущим латинникам». С. А. Лихарева, в письме к о. Павлу Майе (22-11-1934), оправдывает в этом о. Алексея, но в то же время указывает, что «по его пути не могли (не смели!) идти другие»:

«Не из политических мотивов, (так как все русские католики желали свободной Польши), старое и новое поколение русских, желавших единения, решило во что бы то ни стало отстаивать волю Рима и собственные идеалы и требования, с этой волею полностью совпадавшие. Мы в это верили и это решили отстаивать, не боясь быть осмеянными «католиками высшего сорта». Будучи сторонниками свободного единения с Римом, мы знали, что верующий народ, при благоприятных условиях, пошел бы за нами. И мы сознавали бремя ответственности, которое несли на себе перед своими собратиями; мы должны были серьезно думать о культуре народа и Церкви, имевшей за собою более нежели тысячелетнюю традицию. Перед католиками-латинянами мы стали в положение старообрядцев, непримиримых с духом всякого посягательства на наше духовное «Я». Это сознание оформилось из среды кн. Елизаветы Григорьевны Волконской, Наталии Сергеевны Ушаковой...».

Дух Рима, главным образом дух Папы Льва XIII, успел тогда овладеть лишь отдельными умами, поднимавшимися выше национального восприятия католичества. То обстоятельство, что подавляющее большинство католического духовенства в России составляли поляки, делало теперь неизбежным столкновение восточного обряда с русским католичеством, особенно в связи с общим напряженным и обостренным политическим настроением. Создавалось весьма драматическое положение, сущность которого С. А. Лихарева, сама его испытывавшая, передает правильно. Для русского католического дела оно усугублялось еще тем, что вся тяжесть его на первых порах легла почти целиком на старые и усталые плечи о. Алексея, так что приходится удивляться не столько его ошибкам и более чем своеобразному руководству общиной, сколько тому, что он, вообще, как-то держался на своем посту.

Польское духовенство, действительно, оказало материальную под-

держку о. Алексею, сначала «интенциями», дававшими ему около тридцати рублей в месяц (в дополнение к тем пятидесяти, которые высылал ему ежемесячно, в качестве субсидии, из своих личных средств, владыка Андрей), а потом и кое-каким литературным заработком. Он писал статьи, и о. Около-Кулак печатал их в своем журнале для русских «Вера и Жизнь». ⁴⁶ Этим о. Алексей ставил себя, конечно, в зависимость от поляков, те влияли на него, внушая, что восточный обряд, чтобы быть католическим, должен непременно перенять кое-что из латинского. ⁴⁷ Он подпадал под это влияние и с течением

⁴⁶ Священник А. Около-Кулак окончил в Петербурге католическую Духовную Академию. Он был искренне расположен к русским и относился с живым участием к присоединению их к католической Церкви. Вместе со священником О'Рурком он издал для русских (латинского обряда) молитвенник «Господу помолимся»; его делом был и журнал «Вера и Жизнь». В 1913 г. о. Около-Кулак поехал на два года в Рим для получения докторской степени. После революции, когда митрополит Эдуард Ропш был выслан из России, он состоял при нем в качестве секретаря; был прелатом Св. Престола; приглашался на Велеградские съезды. Много помогал русским в советской России через польский Красный Крест; имея возможность сноситься с ними таким путем, делал много добра.

Священник О'Рурк стал в Польше епископом Данцигским.

⁴⁷ По приглашению о. Урбана, о. Алексей перебрался на время жить при церкви св. Екатерины. Поляки хорошо его обеспечили, и он ни в чем не нуждался. Л. Д. Федорова описала в своем дневнике одну сценку, свидетельницей которой она была. Ее рассказ проливает свет на закулисную сторону помощи, оказанной поляками о. Алексею.

Однажды, когда Л. Д. Федорова сидела в его комнате, к нему зашел ксендз, «небольшого роста, с роскошной шевелюрой, очень живого характера». - «С первых же слов, - рассказывает Л. Д. Федорова, - он начал его расспрашивать, поминутно повторяя:

— Пожалуйста рассказывайте мне все, что вы намерены делать.

По пылкости темперамента, он, вероятно, меня не заметил или не удостоил внимания, так как откровенно продолжал свой разговор. Речь зашла об обряде.

Ксендз: Вам непременно надо вводить в службу латинские элементы, а то знаете, это может быть: восточную службу схизматики со временем обратят в настоящую схизму!

О. Алексей: Да, да, это может быть.

— Поэтому необходимо, чтобы наш ксендз почаще говорил проповеди у вас в церкви. Есть у вас в церкви образ «Сердца Иисусова»? О! Это великий культ! Служите Ему, читайте акафисты, и Ему, Ему одному. Он обогатит вашу церковь. Посмотрите, что сделалось с моей церковью, когда я приобрел этот образ! Так все и полилось! Но непременно постарайтесь о ксендзе.

— Я уж об этом думаю, это необходимо.

В голосе о. Алексея было что-то подневольное, вероятно, он стеснялся меня, но я не уходила и с любопытством рассматривала этого юркого вдохновителя...

И вот у нас начались акафисты Сердцу Иисуса».

времени стал со всем соглашаться. В результате он и сам проникся расположением поляков к восточному обряду. Если судить по той мешанине, в которую все больше и больше обращались его службы, то постороннему человеку было бы даже трудно понять, к какому обряду принадлежит сам о. Алексей: - к восточному или к латинскому.

* * *

Вот как все это постепенно сложилось.

По приезде в Петербург, о. Алексей поселился на Петербургской стороне, на Полозовой улице № 12, в доме, принадлежавшем католической латинского обряда, сестре милосердия Варваре Антоновне Тимофеевой. Она приняла его радушно и дала комнату в нижнем этаже, с окном, выходящим на улицу. О. Алексей думал было, что ему удастся устроить здесь домовую церковь и общину сестер милосердия во имя Св. Духа. Основываясь на манифесте 17 апреля 1905 г., он подал прошение об утверждении общины и о разрешении открыть при ней церковь. Ответ он почему-то надеялся получить к Рождеству. Однако, время шло, прошло Рождество, а разрешения все еще не было. В ожидании ответа, о. Алексей служил каждый день литургию в своей крошечной комнате, на маленьком столе, перед Распятием, с двумя пятикопеечными свечками. Чтобы не привлекать внимания прохожих, окно в его комнате затягивалось плотной занавеской; служба совершалась совсем тихо. На литургии присутствовали только две сестры милосердия и один-два человека из посторонних, да и то было тесно. Несмотря на меры предосторожности, серьезно побаивались, как бы не явилась неожиданно полиция. Учитывая эту возможность, сестра Варвара переселила о. Алексея на третий этаж, где она жила с сестрами.

Новое помещение было просторнее и к нему еще примыкала передняя. Комната имела два окна; здесь стоял латинский престол, принадлежавший сестре Варваре, и над ним висел образ Сошествия Св. Духа. Проскомидийным столом (жертвенником) служил комод, в ящиках которого находилась ризница. Церковные принадлежности пожертвовал один француз-мирянин Пари, большой друг русских и приверженец восточного обряда, о чем будет еще речь впереди (в X главе). Тут же в комнате была поставлена фисгармония; стоял в ней и письменный стол о. Алексея (спал он в другой комнате). В итоге, «восточного» не было ничего, даже в мелочах. Престол был украшен цветами и статуэтками. О. Алексей имел обыкновение служить в латинском облачении и только в праздничные и воскресные дни надевал фелонь, но на кружевной латинский подризник. Приобщал он облатками. Перенял он и

ряд других латинских обычаев: звонки, фисгармонию, заменявшую у него орган. Вместо вечерни и всенощной, в 6 часов вечера, он совершал «набоженства») - «Salus» и Розарий. Служил он при этом с таким усердием, что русским делалось даже досадно; говорили: «если бы он так же служил и обедни!» На замечания, которые ему стали делать, о. Алексей отвечал неизменно:

— Дайте мне стать на ноги, тогда я все переверну по иному!

Но именно этого власти не хотели позволить. Весной 1908 г. прошение об открытии церковки вернулось обратно от градоначальника с указанием, что оно написано не по правилам. Первый неуспех произвел на всех особенно тяжелое впечатление еще потому, что о. Алексей в своем положении «опального» не мог решиться что-нибудь предпринять. Ответ градоначальника давал это понять между строк. Все же, хотя разрешения о. Алексею не дали, но не было и формального запрещения совершать церковные службы. Поэтому, не предпринимая никаких дальнейших шагов, о. Алексей продолжал, как и раньше, втайне служить у себя литургию. На первых порах помогало и то, что околоточный в этом полицейском участке был католик, и жена его ходила на службы. Околоточный сказал однажды дворнику дома, тоже католику:

— Смотри, чтобы больше двенадцати человек на молитве не было!

Это была первая негласная помощь властей будущей русской католической общине.

Видя полную беспомощность о. Алексея, Н. С. Ушакова, со свойственной ей решительностью и смелостью, решила использовать свое влияние и родственные связи и сама начала хлопоты об открытии общины. Ей удалось добиться более или менее благосклонного отношения Столыпина. Он сказал ей, что община может быть утверждена, если на прошении подпишутся пятьдесят русских католиков. Тут явился новый и, как оказалось, довольно серьезный вопрос: где взять этих русских католиков, или вернее, как найти их? В Петербурге их было, наверное, много больше пятидесяти, но они не знали ничего о задуманном на Полозовой улице, а там принуждены были скрываться, и о. Алексей не раз говорил:

— Чем меньше к нам ходит людей, тем лучше!

С точки зрения личной безопасности, он, конечно, был прав; с русскими ему приходилось, вообще, быть осторожным, но при этом условии дело не могло развиваться. В отношении приходивших поляков этого опасения не было. Они были простые, набожные люди, которые молились и жертвовали на церковь, кто что мог. Им нравилась служба о. Алексея, и все были готовы подписать прошение. Однако, и вместе с

ними, много еще не хватало до пятидесяти. В среднем, службы о. Алексея посещало около пятнадцати человек. Из них русских католиков было четверо взрослых и двое детей. Бывали тут и потомки бывших униатов, сохранивших еще в душе верность католичеству. Певчие все были поляки. Пели они под фисгармонию и выходило это недурно, но русским не нравилось, обостряло их отношение к о. Алексею, который, не считаясь ни с просьбами ни с указаниями, явно уже не желал соблюдать чистоту обряда. Он отделялся теперь возражениями вроде того, что в восточном обряде будто бы много лжи, которую внесли греки, а они по его мнению - самый низкий народ. Так, постепенно, в маленькой католической группе, которая должна была бы стать ядром зарождавшегося русского католичества, начались разногласия, и надо признать, что главной причиной их был никто другой, как сам о. Алексей. Особенно резко восставал тогда на него за пристрастие ко всему латинскому ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕЙБНЕР,⁴⁸ ярый приверженец чистоты восточ-

⁴⁸ И. А. Дейбнер происходил из высшей петербургской бюрократии: получил образование в Императорском Училище Правоведения. В последних классах вошел в кружок почитателей Владимира Соловьева, проникся его мирозозерцанием, стал изучать католическое богословие; хорошее знание латинского языка дало ему возможность познакомиться с латинскими трудами по догматическому и нравственному богословию и схоластической философией.

В 1899 г. Дейбнер тайно присоединился к католической Церкви и женился на бельгийке, Марии Иосифовне, женщине очень набожной и любившей восточный обряд. Служа чиновником особых поручений при Саратовском губернаторе П. А. Столыпине, Дейбнер продолжал свое богословское образование; почувствовав призвание к священству, по совету своего духовника, вступил в переписку с митрополитом Андреем. По его приглашению приехал к нему и был тайно рукоположен во Львове.

Вернувшись в Россию, остался на службе при Саратовском губернаторе; литургию совершал тайно у себя на дому. О рукоположении Дейбнера знали только его духовник и Саратовский епископ барон Эдуард фон Ропп. Жизнь все время на виду у начальства показалась Дейбнеру в новых условиях очень стеснительной, и он попросил перевести его куда-нибудь в глухое место. Его назначили земским начальником в Западную Сибирь, в Тюменский уезд Тобольской губернии. Там его жизнь стала более свободной, и он мог уделять больше времени изучению богословия.

Во время революционного брожения в 1905 г., о. Дейбнер переехал с семьей (у него было два сына - Александр и Иван и дочь - Надежда) в Петербург и здесь получил место в Ведомстве учреждений Императрицы Марии. После манифеста о веротерпимости, он заявил о своем переходе в католичество, продолжая и дальше скрывать священнический сан. О рукоположении его знали сначала только о. Алексей и Н. С. Ушакова. Перед всеми остальными в русской католической группе о. Дейбнер выступал как мирянин. Когда устроили церковь на Полозовой улице, он начал открыто служить и говорить проповеди, и таким образом его тайна стала известна всем посетителям храма. Сведения об этом дошли до начальства, и о. Дейбнеру пришлось оставить службу. Начальство ценило его. Об обстоятельствах дела доложили Госу-

ного обряда. Не раз, облачившись в латинский « орнат », чтобы служить « на свой манер » восточную литургию, о. Алексей, смеясь, говорит Л. Д. Федоровой:

— Если бы Дейбнер увидал меня в этом облачении, он поднял бы целую бурю!

Митрополит Андрей был в курсе происходившего в Петербурге. Там получалось далеко не то, что он имел в виду, посылая о. Алексея, который явно не оправдывал его ожиданий. Поэтому митрополит не замедлил ему написать, чтобы уточнить свои предписания и потребовать отчета. В начале декабря (1907 г.) о. Алексей получил следующее письмо от владыки Андрея:

« Дорогой о. Алексей,

Доносят мне, что Вы при служении литургии отступаете кое-в-чем от предписанных обрядов. Поэтому я пишу это письмо, чтобы Вам поручить возможно точное и строгое соблюдение всех предписаний обряда, как они напечатаны в русских официальных Требнике, Служебнике и Молитвослове. Всякую перемену, вводимую незаконно частными лицами, считаю прямо опасной, тем более, что при таком поведении каждый может вводить на собственную руку непопозволительные перемены обряда. Наши и Ваши настоятели требуют решительно самого строгого соблюдения обряда до всех мелочей. Православный, присутствующий на Вашей службе, не должен заметить во внешней форме ни малейшей перемены. На это письмо прошу Вас ответить мне и сообщить обо всем, что с Вами происходит ».

Казалось бы, письмо иерархического начальника оставляло мало места раздумью о том, что следовало делать, а призывало стать на путь послушания. Однако о. Алексей был не такой человек, и в этом митрополиту Андрею вскоре пришлось убедиться. Письмо его только дало повод о. Алексею пуститься в пространное рассуждение о правильности своего поведения. Он действительно приложил все старание, чтобы убедить в этом владыку Андрея. В своем ответе о. Алексей утверждает, что возведенное на него обвинение « не столько неосновательно, сколько недобросовестно ». Он находит, что придерживается имеющегося у

дарю, и он, как утверждает кн. П. М. Волконский, « по собственному почину » приказал уволить о. Дейбнера с пенсией в 960 рублей в год. Благодаря этому он мог всецело отдаться церковному делу. М. И. Дейбнер пела в церковном хоре. Она прониклась большой любовью к русскому богослужению.

него образца в лице « святого архиоригинала Апостола Павла ». Ссылаясь на его пример, о. Алексей обращает внимание митрополита Андрея на то, что « в крайних случаях и мы не обязаны исполнять законных предписаний во всей их скрупулезности ». Все, что он делает, имеет свое разумное основание. Так как русская община еще не утверждена, то он избегает обращаться в просфирню, а пользуется *облатками*, чтобы не навлечь на себя подозрение. Служит он по будним дням в *латинском облачении* из-за внимательности к нерусским католикам, посещающим его богослужение. По той же причине, чтобы угодить им, он завел у себя *фисгармонию*. И в результате:

« Тактика моя достигла намеченной цели: среди католиков всех наций (!) разнеслась молва, что новый греко-католический священник - человек толерантный, а не фанатик, и посыпались отовсюду заявления католиков быть моими прихожанами ».

« Оказалось, ... что новообращенные русские посещают костелы главным образом потому, что там играют на органе, а в русских церквях его нет. Тогда и для нашей каплицы мы проибрили хорошую фисгармонию, и можно надеяться, что путем разных всевозможных компромиссов удастся оттянуть русское католичество от костелов и привлечь русских... ».

В своем заключении « толерантный человек » все-таки совершенно категоричен и подчеркивает митрополиту Андрею, что именно так и « придется совершать богослужение впредь до утверждения общины. Когда мы здесь почувствуем под ногами более твердую почву, то будем поступать совсем иначе » (11-12-07).

Через три недели о. Алексей снова взялся за перо и вернулся к этой теме, чтобы еще больше убедить митрополита Андрея в правильности его поведения и объяснить ему то, что, повидимому, ускользало от его понимания:

« ... Посему приходится создавать совершенно свежую почву. Это-то обстоятельство и заставляет меня прибегать к разным компромиссам, чтобы, уступая мелочи лицам, имеющим полную возможность затормозить наше дело, взять перевес в самом важном... И святые Апостолы применялись иногда к обстоятельствам, а нам в наших трудных обстоятельствах это даже необходимо » (1-1-08).

Дальше письма следуют одно за другим. Мы опускаем написанное через два дня после предыдущего. Заглянем сразу в последовавшее за ним:

« Я оказался предусмотрительнее, чем сам думал... Мы постараемся жить здесь подольше, и я думаю, что скоро меня отсюда не выгонят. Вообще я веду дело с большими предосторожностями и являюсь только

туда, куда просят меня неотступно. Посему покорнейше прошу полного сочувствия моим планам, а планы мои состоят главным образом в том, чтобы никого не раздражать и не обижать. Я далек от партийности, особенно в важных делах » (23-1-08).

На другой день о. Алексей принялся опять за письмо. Как будто он вполне доволен собою:

« В конце концов оказалось, что мое поведение здесь было образцовым... Вот почему я просил и снова настойчиво прошу разрешить мне некоторые, уже известные Вашему Преосвященству, оригинальности при моем богослужении, потому что нам теперь приходится протаскивать верблюда сквозь игольные уши... Полезно бы было даже ходатайствовать об этом в Риме, если бы Вы не решались принять на себя (!). Теперь предстоит нам выдержать гонение великое и в то же время утонченное (?). Но если Бог послал меня сюда из моей берлоги, то, конечно, Он ведал, что творил. Благодаря моей осторожности, в настоящее время у меня нет ни одного врага среди польской партии, едва было не разрушившей наше дело в самом начале » (24-1-08).

После этого следует трехнедельный перерыв. Молчание владыки Андрея, видимо, несколько не смущает о. Алексея. Собравшись с силами, он принимается снова его убеждать:

« Политика моя достигла намеченной цели, и они готовы всемерно помогать нам, но в то же время они стремятся « поглотить » нас в своей массе, а это не входит в наши планы... Посему, если бы не моя политика, поляки давно, может быть, сплавляли бы меня отсюда или заперли в своей ячейке (?) ».

« Таким образом волей-неволей приходится делать именно то, что я делаю, до тех пор, пока наше дело не окрепнет настолько, что мы будем твердо стоять на ногах. Все, что я доселе делал, было обдуманно, и благодаря именно этому обстоятельству я держусь здесь пока твердо, а там, что будет дальше, известно одному Богу » (12-2-08).

В следующих письмах о. Алексей повторяется, возвращаясь на все лады к той же теме. Три месяца переписки не дают нам ничего нового.

Затем тон его становится еще более авторитетным и местами даже поучительным.

« Дело наше, по милости Божией, я веду надлежащим путем, но на каждом шагу я должен применяться к обстоятельствам... ».

« Что же касается чистоты нашего обряда, то в последнее время даже в русской печати являются требования во многом изменить его и приблизить к тому состоянию, в каком он находился до разделения Церквей, а над усилиями западных - сохранить его в так называемой точности - смеются. Ведь век обрядовых церковных споров для России

уже прошел, и даже самые старообрядцы ныне во многом думают совершенно иначе, и мне, как прожившему в этой среде более четверти столетия, все это известно, как нельзя лучше ».

« Во всем нужно сообразоваться с обстоятельствами. Ведь многие даже важные церковные заповеди не исполняются в безвыходных обстоятельствах, а мое положение как раз напоминает собой предсказание Божие о ветхозаветном Измаиле: « он как *дикий осел*, и руки его на всех и руки всех на него »... Когда поживет здесь Федоров и увидит все на практике, во многом он изменит свои взгляды на чистоту нашего обряда и свою о нем ревность... В настоящее время для упреков места не должно быть... Фантазии и шовинизм приносят всегда один вред. Это внутренние враги Церкви, производящие в ней ереси и расколы » (10-5-08).

Митрополит Андрей попрежнему не возражал ничего, даже когда принял к Новому Году (1908) пространный реферат от о. Алексея о желательной по его мнению системе церковного управления, « чтобы создать новую, совершенно свежую почву ».

« Вдумываясь в состояние нашего Греко-Католического отдела Вселенской Церкви, я находил бы полезным иметь для него прочный центр вблизи Св. Престола в лице собственного патриарха или кардинала, который бы всегда имел возможность отстаивать перед лицом Главы св. Церкви на земле интересы этого отдела. Тогда и наше дело будет распространяться повсюду более прочно и надежно... » и т. д.

Митрополит Андрей не только все это терпеливо читал, но и складывал в своем архиве, продолжая регулярно высылать субсидию о. Алексею. Впрочем, вскоре после новогоднего послания о. Алексея, он написал откровенно Н. С. Ушаковой о своем взгляде на дело:

Милостивая Государыня
Наталья Сергеевна,

Прошу извинить меня, что, не имея чести знать Вас, затрудняю Вас деловым письмом. Извинением мне служит то, что делу, которым, как я слышал, весьма интересуетесь и Вы, грозит большое затруднение. Позвольте непосредственно приступить к изложению обстоятельств.

Как Вам, Наталья Сергеевна, известно, о. Алексей послан в Россию с известными полномочиями. На него мы, желающие святого церковного единения, возлагали надежды. Он и сам весьма опытный и коренной русский священник и испытанный в вере, за которую пострадал и сидел в тюрьме, и написал в защиту святого единства целую серию сочинений; словом, казалось бы, нельзя найти более подходящего апостола святой веры. Между тем, вот что случилось.

Прелат Денисевич, управляющий Российскими латинскими церквами, донес в Рим, что малообразованный русский священник по имени Зерчанинов говорит проповеди с содержанием, противным католическому учению, и не признает его, Денисевича, авторитета. Таким образом поставленный вопрос грозит тем, что Рим может подчинить греко-католических священников юрисдикции латинских епископов, а такое подчинение может весьма неблагоприятно отозваться на миссии:

1) это подтвердит в глазах русских и без того вредящие делу толки о том, будто Рим желает нас латинизировать - дает в руки врагов оружие против св. единства.

2) затруднит миссию, потому что иерархия латинская, боясь перед правительством за свои латинские епархии, будет действовать слишком боязливо;

3) это будет весьма неудобно для греко-католических священников, т. к. латинские епископы, не зная восточного обряда и своеобразного богословского мышления, во многом не смогут давать указания им;

4) дает повод в иных случаях на самом деле проводить латинизаторские тенденции - а это не может не отразиться печальным образом на расширении св. веры, ибо 10 человек будут облатинены, а 10.000 из-за этого ожесточатся и не примут единства.

Так как латинская партия весьма сильна, то мы должны, во славу Божию и ради расширения св. единства Церкви, употребить все дозволенные совестью средства для устранения грозившей опасности.

Поэтому прошу Вас ради славы св. Матери нашей Церкви Кафолической:

1) употребить в Риме свое личное или других знакомых лиц влияние на то, чтобы миссия и греко-латинские священники (их 7 человек) не были подчинены латинской иерархии;

2) разъяснить в Риме кому следует, что о. Алексей - выдающийся русский священник, и что если он для латинской иерархии плох, то кто же будет хорош? Что же, обращающихся русских священников выгонять вон из Церкви, что ли?

3) Употребить решительно все свое влияние на кузена Вашего (т. е. П. А. Стольпина), чтобы нашему священному обряду была дана не меньшая свобода, чем латинскому. Между тем, когда в Житомире Хондру (православный священник, перешедший в католичество) стал служить в костелах, ему запретил губернатор, и Хондру снова вынужден служить в семинарской каплице.

4) Спросить у кузена, на что могут надеяться русские восточного обряда современем (т. е. какие законы предполагается ввести) и на что

они могут рассчитывать теперь - узнанное прошу подробно не отказать сообщить.

5) Употребить свое влияние на то, чтобы о. Алексей был весьма осторожен с поляками, с которыми лучше не иметь дела (хотя и не ссориться, конечно) и чтобы он не примешивал ничего инородного к нашему прекрасному обряду и не портил его, т. к. всякое небольшое изменение может много повредить.

6) Настоящее к Вам письмо прошу сохранить в совершенной тайне, принимая между прочим во внимание, что моя юрисдикция негласная, а потому ее надо хранить в тайне; в Риме не настаивают на том, чтобы она была официальная, а только на том, чтобы все оставалось в теперешнем положении, так как юрисдикция предоставлена мне Св. Отцом устно и неофициально; официальной же юрисдикции не дадут, ибо будут бояться правительства. Лучше всего о моей юрисдикции совсем в Риме не упоминать.

Наталия Сергеевна! Дело идет о весьма важном; если Россия сохранит свой великолепный обряд, и постепенно обратится к единству, то и св. Церковь будет украшена и Россия будет влиять через Рим на весь мир и обновит весь Восток, ибо от России зависит все на Востоке. Затем действуйте энергично, осторожно.

Пользуясь случаем, прошу Вас, Наталия Сергеевна, принять мои искренние пожелания всего хорошего на Новый Год. Да благословит Вас Господь наш Иисус Христос и Его Пресвятая Матерь.

С искренним уважением и совершенной преданностью
смиранный митрополит Андрей.

Свой ответ Н. С. Ушакова отправила княжне М. М. Волконской в Рим,⁴⁹ а та переслала его митрополиту Андрею (на ее письме имеется сделанная им пометка карандашом: « 12-11-1908 »):

« Преосвященнейший Владыко,

Простите за карандаш. Я очень больна. Воспаление печени. В Рим

⁴⁹ Княжна Мария Михайловна Волконская, дочь Елизаветы Григорьевны. Последовав примеру матери, перешла в католичество и с 1901 года проживала почти бесвыездно в Риме при больном отце. Имея доступ к Папе св. Пио X и к кардиналу Мерри дель Валь, она могла поддерживать ходатайства Н. С. Ушаковой и других лиц. Кроме того княжна Мария Михайловна помогала русскому католическому приходу в Петербурге денежными пожертвованиями. Переписка с ней Н. С. Ушаковой (1909-1913 и 1917) показывает, какой большой поддержкой была ее моральная помощь и лично для Н. С. и вообще для русского католического дела в России. Можно сказать, что она была живой связью между зарождавшейся в Петербурге церковной общиной и Святейшим Престолом.

по Вашему приказанию поручила написать верному человеку. Столыпину все скажу, если поправлюсь.

Пишу Вам через Рим, лучше, чтобы здесь не знали, что у меня сношения со Львовом.

Поручаю себя Вашим святым молитвам и прошу благословения.

Преданная Вам

Н. Ушакова ».

К матери Леонида Федорова, в ответ на ее письма, владыка Андрей обратился с такими словами:

« По-моему не следует никоим образом прекращать сношения с о. Алексеем, так как все-таки по-дружески можно будет его повоздерживать от одного и к другому уговорить. У меня много надежды, что все эти препятствия не задержат дела в его историческом развитии. Пишу о. Алексею и постараюсь разъяснить ему, что все перемены вредны. Сомневаюсь однако в успехе... ».

Получив его ответ, Л. Д. Федорова написала через несколько дней сыну (а тот переслал ее письмо митрополиту Андрею):

« О. Алексей ставил выше идеи - авторитет своего индивидуального взгляда на вещи и, при самолюбии всех посредственных людей, был убежден, что он правее всех. Но тут еще на грех подвернулись *умные люди*, которые поняли его и оценили, как следует. Они отстранили его от дела, суля ему золотые горы, т. е. околпачили. Ничего подобного не было бы, если бы не это несчастное полномочие. Оно укоренило его мелкое самолюбие и заставило много мнить о своих достоинствах. « Я Ваш начальник, и вы должны мне повиноваться »; такое письмо он написал недавно Наталии Сергеевне. И если это глупое полномочие с него не снимут, то он сделается орудием против нас в руках ксендзов. Он мне говорит: « Я послал письмо Папе, в котором заявил, что русские не любят свой обряд и совсем его не желают ». Вот за это его следует строго судить! Какое право он имеет отвечать за других? Ведь это уже явная клевета! И это не внушение его друзей, а его собственное убеждение и желание стереть наш обряд с лица земли. Он хочет выдумать свой, не московский, а скорее, как в Львове, и еще с какой-то прибавкой ».

« Полномочие », полученное о. Алексеем в силу декрета от 22 мая 1908 г., ставившего его в независимое положение от митрополита Андрея, произвело, действительно, нехорошее действие на старика. Он как-то или просмотрел или не принял всерьез предписания « НЕУКЛОННО СОБЛЮДАТЬ ГРЕКО-СЛАВЯНСКИЙ ОБРЯД ВО ВСЕЙ ЧИСТОТЕ,

НЕ ПОЗВОЛЯЯ СЕБЕ ВВОДИТЬ КАКИЕ-ЛИБО ДОБАВЛЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ИЛИ ИНОГО ОБРЯДА», а понял его скорее как предоставленную ему возможность делать все, что покажется правильным, требуя послушания от своих подчиненных. Такого результата, конечно, не ожидала Н. С. Ушакова, по чьей инициативе немецкий доминиканец о. Шумп, тоже строго осуждавший теперь о. Алексея за его литургические вольности, выхлопотал это полномочие в Риме. Правда, ими руководило убеждение в необходимости сделать о. Алексея и русских католиков, хотя бы официально, независимыми от Львова, ибо таковым было категорическое требование Столыпина.⁵⁰

«Конечно, - пишет Л. Д. Федорова в своем дневнике, - Рим не знал, кому он дает полномочие, но раз это бывший православный священник, то можно ли было сомневаться, что он дорожит своим обрядом? Папа высказал свое пожелание и строго подтвердил, чтобы русские, переходя в католичество, оставались в своем обряде. Так у нас и начались распри...»; «буря в стакане воды», а «поляки над нами посмеиваются».

⁵⁰ П. А. Столыпин высказал это однажды совершенно откровенно в разговоре с Н. С. Ушаковой. Она была поражена тем невероятным страхом, какой митрополит Андрей вызывал в русском правительстве. Столыпин был убежден, что митрополит Андрей поддерживает сепаратизм украинцев в России, и разуверить его в этом было невозможно. Отношение к митрополиту Андрею еще больше обострилось с назначением Сазонова (зятя Столыпина) товарищем министра Иностранных Дел (Извольского). Сазонов был тогда очень влиятелен в Петербурге и настроен явно враждебно к русским католикам.

Если принять это во внимание, то не может удивить отказ Н. С. Ушаковой посетить митрополита Андрея во Львове в ответ на приглашение, переданное ей через княжну Марию Волконскую.

«Что касается моего приезда в Львов, то он совершенно невозможен, т. к. если бы узнали как-нибудь, что я была там, тогда то малое, что я могу сделать для нашего дела в России, было бы бесповоротно кончено. Пока мы держимся только добрым или равнодушным отношением ко мне Столыпина. Против Львова и особенно Владыки он и все правительство очень враждебно настроены и несмотря на мою горячую защиту митрополита, мне не удалось поколебать недоверие Петра Аркадьевича к нему, и он мне сказал очень резко: «Если хотите, чтобы дело шло, не надо никаких отношений с Львовом». Скрыть на этом свете ничего нельзя, и вот почему я приехать не могу, несмотря на мое личное благоговейное чувство к митрополиту Андрею».

При всем этом не нужно терять из виду и того, что Галицкая Церковь не была отделена от государства, как, например, Белокриницкая старообрядческая. Это создавало очень деликатное положение, так как Митрополит Галицкий был сановником Австрийского двора и по своему положению в государстве являлся для русских властей как бы высоким чиновником Австро-Венгерского правительства.

В ряде писем к митрополиту Андрею она же отзывается с болью на происходящие нелады среди русских католиков:

« Хотя у нас и раньше не было единения, но теперь пошли постоянные ссоры. О. Алексею, как старшему, конечно, неприятно было слышать, что ему указывали на некоторые неправильности, упрекали в симпатии к людям, относящимся к нам недоброжелательно. Он, видимо, сердился и страдал, но уничтожить своих симпатий не мог или не хотел. Напротив, он рельефно старался заявить свой авторитет ».

« Возникают вечные споры, доходящие до ссор ».

« Кто виноват? - Виноваты все! »

О. Алексей, « погруженный в свое литераторство, не обращает ни малейшего внимания на практическую сторону дела ». - « В настоящее время не то досадно, что он пишет день и ночь, но то, что его труды не принесут нам ни малейшей пользы ». - « Всякий раз с трудом выжимаешь из него каждое слово, ему некогда, он до самой обедни сидит и пишет какое-нибудь обличение, в настроении кого-нибудь как можно язвительнее продернуть ».

« Мои преклонные годы выработали во мне то душевное спокойствие, которое не может быть нарушено делами или распрями человеческими; на все эти разбушевавшиеся страсти я смотрю, как на временную игру подрастающих детей; они часто спорят о том, в чем все убеждены одинаково, и со скорбью сознаем, что всему этому виной национальная рознь; это одна из казней египетских, перед которой кажется бессильным и Слово Божие. Между тем видишь, что эти враждующие ищут Царствия Божия, и есть уже принадлежащие к нему; но неуравновешенность характера портит все дело ».

Однажды, когда о. Алексей был у Л. Д. Федоровой, ей стало его жаль, и она откровенно высказала свое мнение:

— Скажите, пожалуйста, для чего вы себя ломаете? Ведь я отлично знаю, видела и вижу, что вы, не любя, взялись за это дело. А где нет любви, там ничего не может создаваться, а затем, - как бы не ответить за это Богу.

Он возразил:

— А вы думаете, что только то можно делать, что любишь? Нет, надо делать то, что приказывают. Еще недавно одно высокопоставленное лицо, теперь уже умершее, велело исполнить этот обет. Я ведь неохотно ехал к вам, меня тащили.

— Неужели это лицо было так несправедливо, что при вашем зая-

влении несочувствия, оно все же настаивало? Но вы теперь попытались исполнить ваш долг, ничего не вышло, и значит в этом смысле ваша миссия кончена. Как же вы будете ее продолжать, когда вы ее не любите?

— Мало того, что не люблю, но и умом считаю несправедливой.

— А если так, то и вернитесь в прежнее положение и успокойте вашу совесть.

— Да, я так и сделаю, напишу, чтобы мне дали одно из двух: или учить и служить, как я наметил, или вернули к прежнему состоянию.

Спустя некоторое время, о. Алексей опять пришел к Федоровой и сказал:

— А ведь я написал и послал, о чем вам говорил, и еще прибавил, что русские не сочувствуют этому делу.

« Вот уж последнее заявление его недобросовестно, - заметила Л. Д. Федорова в письме к митрополиту Андрею; как можно говорить за всех? Вот, что значит непонимание идеи и узость кругозора. Но и здесь он не виноват, ведь чего нет, того и требовать нельзя ».

Хотя полномочие, данное о. Алексею и позволяло утверждать официально, что митрополит Андрей не покровительствует больше русским католикам (именно так они поняли происшедшую перемену), но все были огорчены, тем более, что не понимали причины всего этого. Толкуя же между собою, приплетали политику. Говорили, например, что между Россией и Австрией происходят какие-то недоразумения, что у митрополита Андрея много врагов в Галиции, что клевета набросила на него тень. Повидимому, Н. С. Ушакова держалась в стороне и была очень сдержана, прислушивалась ко всему, но сама не говорила ненужного. Однако, отношений русских к митрополиту Андрею происшедшая перемена не коснулась, так как их нельзя было оторгнуть от владыки Андрея, которого все любили и почитали. В симпатии к нему русские католики сходились в трогательном единодушии.

Митрополиту Андрею продолжали писать регулярно о. Алексей, Л. Д. Федорова, Н. С. Ушакова, о. Дейбнер и еще другие. Время от времени ему посылались отчеты, а когда возникало какое-нибудь затруднение, обнаруживалось резкое расхождение во взглядах, то в таких случаях решение всегда было готово заранее:

— Нужно написать митрополиту...

Все радовались, если от него приходило что-нибудь, и его словами делились друг с другом. Впрочем, здесь мы уже немного забежали вперед, чтобы подробнее обрисовать положение дел в Петербурге; пришлось воспользоваться и некоторыми цитатами из более поздних писем, в которых говорится об этом. Между тем, во второй половине 1908 г.,

примерно через год после прибытия в столицу о. Алексея, произошло событие, о котором мы пока умолчали: среди русских католиков в Петербурге появился неожиданно ... владыка Андрей! ⁵¹

ГЛАВА VII

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Митрополит Андрей инкогнито в Петербурге. - Старообрядческий священник Евстафий Сусалев и принятие его в католичество в сущем сане. - Помощь о. Сусалева в устройстве церкви на Полозовой улице. - Неожиданная поддержка со стороны Государя Императора. - Крещение еврейки.

Митрополит Андрей решил на поездку в Россию, чтобы повидать в Петербурге свою малую паству и вступить в личные отношения с рядом людей, с которыми он до этого только переписывался и не был знаком (в числе их были два православные архиерея и один старообрядческий). Конечно, он был хорошо осведомлен о недоверии к нему и даже враждебном отношении русского правительства. Поэтому поездка в Россию была сопряжена для митрополита Андрея с большим риском и являлась самопожертвованием с его стороны. Кроме того, ему приходилось быть очень осторожным, чтобы не поставить в неприятное положение преданных ему в России людей. Учитывая все это, митрополит решил ехать под чужим именем.⁵² Он достал себе паспорт у своего друга, адвоката Ледницкого, имевшего с ним внешнее сходство, и выдал себя за поверенного в делах митрополита Шептицкого; в отношении Ледницкого это была чистая правда. Как цель поездки были выставлены хлопоты о разрешении его доверителю, графу Шептицкому, купить лесное имение в Минской губернии, что тоже интересовало владыку Андрея. Выступить в качестве адвоката, если бы это понадобилось, ему, как доктору гражданского права, конечно, было бы не тру-

⁵¹ Декрет о полномочиях о. Алексея был подписан в Риме 22-5-1908, но митрополиту Андрею о нем сообщили только в ноябре, т. е. по возвращении его из России. Значит, там этот декрет был ему еще неизвестен, во всяком случае официально; конечно, не исключено, что в Петербурге ему могли об этом сказать.

⁵² Сведения об этой поездке, в общем, довольно скудны. Кроме записей в дневнике Л. Д. Федоровой и написанного ею сыну в дни пребывания митрополита Андрея в Петербурге, имеются лишь отрывочные сведения, записанные впоследствии с его слов кн. П. М. Волконским, о. Коралевским и митрополитом Евлогием.

дно. Однако, это обстоятельство несколько не умаляло риска поездки, и нельзя было сказать заранее, как кончится задуманное предприятие.

Леонид Федоров это хорошо понимал. « Не перестаю думать и молить Бога о благополучном исходе Вашей самоотверженной поездки в Россию, - писал он митрополиту из Львова в его летнюю резиденцию (15-8-08), - непременно выкрасите себе волосы и бороду; помните, что благодаря своему росту и телосложению Вы выделяетесь из всех, и молва о Вас идет по всей Галиции, заметить Вас легко ». В следующем письме (23-8-08), Федоров послал список книг по истории русской Церкви, которые нужно было купить в известном тогда книжном магазине Тузова, и сообщил, что он « с завтрашнего дня начинает читать канон Иисусу Христу за успех путешествия ». В последнем письме (2-9-08), перед самым отъездом, он к этому добавил: « Молю Архангела Рафаила за Ваше опасное путешествие ». Федоров знал достаточно тогдашнее положение вещей в Петербурге, чтобы правильно оценить угрожавшее владыке Андрею, который тем не менее все-таки тронулся в путь.

Владыка направился сначала в Москву, чтобы лично переговорить со старообрядческим епископом Иннокентием (Усовым) о переходе в Унию. Тот, однако, ответил, что хотя сам он и не усматривает никакой ереси в католичестве, но народ наверно за ним не пойдет, а отделяться от своих ему не хотелось бы. Из Москвы митрополит Андрей поехал в качестве туриста-богомольца в Новый Иерусалим (монастырь недалеко от Москвы). Здесь проживал теперь, заточенный пожизненно, бывший епископ Смоленский Петр. Его лишили кафедры за католические убеждения. В молодости он ходил молиться в католический храм, и это оказало на него большое влияние и явилось началом его положительного отношения к католической Церкви. Владыка Андрей хотел повидать епископа Петра и поговорить с ним. Он уведомил его о приезде запиской: « Я митрополит Шептицкий и предлагаю Вам свое посредничество, чтобы вступить в сношения с Римом ». На беду, как раз в этот день, в монастыре был губернатор. Епископ Петр побоялся принять у себя митрополита Андрея, но не выдал его. Встретиться им пришлось позже, через девять лет, в 1917 г. Тогда епископ Петр не опасался уже свободно говорить с митрополитом Андреем.

Жил в Новом Иерусалиме еще другой епископ - находившийся здесь на покое (бывший викарный) епископ Трифон. Митрополит Андрей посетил его и заговорил с ним откровенно о воссоединении с католической Церковью. Основываясь на том, что ему говорили, он был склонен предложить епископу Трифону стать в России первым католическим епископом восточного обряда. Однако, из ответов его владыка

сразу увидел, что сведения о близости епископа Трифона к Риму сильно преувеличены; он был еще очень далек от понимания католичества. Правда, после революции, епископ Трифон, вместе с епископом Петром, вошел в число учредителей общества поборников воссоединения Церквей.

Из Москвы митрополит Андрей отправился в Петербург и остановился в меблированных комнатах на углу Невского проспекта и Литейной улицы. Сначала все шло как-будто хорошо, но вскоре он обнаружил неприятную вещь: у него украли паспорт и деньги. Получилось непредвиденное осложнение. Нужно было немедленно обзавестись новым паспортом, но уже на другое имя. Между тем, митрополиту были высланы в Петербург деньги на имя Ледницкого. Для получения их Ледницкий выдал доверенность тому лицу, на чье имя митрополит получил второй паспорт. « Как они все это устроили, для меня непонятно », — сказал с улыбкой митрополит Андрей князю Волконскому о тех, кто помогал ему выйти из неприятного положения. Этим путевые приключения его не закончились. После Петербурга, митрополит Андрей прожил еще несколько дней в Витебской губернии у своего друга графа Красинского под видом торговца скота.

Есть основание думать, что пребывание митрополита Андрея в России было известно правительству. Н. С. Ушакова это категорически утверждает в письме к Федорову:

« Во Львове и во всей Галиции масса наших агентов тайной полиции. За митрополитом Андреем зорко следят; мне достоверно известно, что о его путешествии знали, где он был, сколько времени и пр ».

Федоров вывел такое же заключение из разговора с Шиллингом в Риме. Он даже высказал предположение, что кто-нибудь из небольшого числа посвященных в секрет, проболтался и выдал его в русском посольстве. Поэтому не исключено, что паспорт и деньги украл у владыки не обыкновенный профессионал, а специально подосланный вор. Когда митрополит Андрей благополучно вернулся домой, все вздохнули свободно. Федоров приветствовал его словами:

« Слава Святейшему Сердцу Иисуса, сохранившему Вас здоровым и невредимым *ex dentibus leonum* (в львиной пасти). Мы уже начали беспокоиться за Вас: в голову лезли всякие страхи и ужасы, но Ваше письмо заставило нас вздохнуть с облегчением » (8-10-08).⁵³

⁵³ Без малого четыре года спустя, в Суворинском « Новом Времени » (№ 12977 от 29-4-1912) появилась очередная « Заметка », подписанная « А. Ст-нь ». Начинается она так: « Митрополит с фальшивым паспортом ... Не правда ли, эти слова похожи на заглавие для бульварного романа? Между тем, недавно, кажется неделю

* * *

Вот как Л. Д. Федорова рассказала в письме к сыну (5-9-08) о неожиданном появлении митрополита Андрея у нее на квартире:

« Есть много земных радостей, хотя и вполне безгрешных, но всегда затрагивающих какой-либо земной интерес. Но есть радости, не содержащие в себе ничего земного. Такая радость, как легкое дуновение будто с крыльев пролетевшего Ангела, оставляет навсегда свой аромат в душе человека. Вот этой-то радостью я и хочу с Тобой поделиться, ведь Ты это так понимаешь.

Сегодня в четвертом часу к нам кто-то постучал. Нянька пошла отворять, я выглянула из своей комнаты: вижу входит господин очень могущественного вида. Подумала было, что кто-нибудь из наших; но нет, этого я не знаю, вероятно, снова приезжий. Он подает мне письмо, говоря: « От Леонида ». Я гляжу на него и думаю: « как этот господин похож на карточку митрополита, и рост, и выражение лица, удивительно, какое может быть сходство ». Взяв письмо, я положила на стол и обратилась к нему: « Вы, вероятно, из заграницы? » - « Я - из Львова ». - « Ах, вот откуда... ». И только хотела спросить о митрополите, приехал ли он туда, как он мне заметил: « Вы не прочитали записки Леонида ». Я развернула записку и при первом Твоем лаконическом « Прошу не удивляться » меня точно кольнуло... Но что я прочитала дальше...

При всем моем умении анализировать свои впечатления, на этот раз

или две тому назад, из России благополучно отбыл в Австрию митр. Шептицкий, устраивавший у нас свои униатские и иезуитские делишки под чужим именем и с подложным паспортом. Пробыл он в Росии, сколько ему было нужно, и никто его не тревожил, хотя всякое начальство русское с Департаментом Духовных Дел включительно, если не ошибаюсь, прекрасно было осведомлено о его пребывании. В Галиции с русскими поступают как раз наоборот: их сажают в тюрьмы, а с православным простонародьем совсем не церемонятся - расстреливают без суда и следствия...) и т. д.

К копии этой « Заметки » кн. П. М. Волконский сделал такую приписку:

« Два слова об авторе: Александр Аркадьевич Столыпин, младший брат министра, человек просвещенный, талантливый; около 10 лет сотрудничал в « Новом Времени » и составил себе имя публициста своими « Заметками », всегда интересными, остроумными, злободневными. Недоумеваю, как угораздило его разразиться приведенной выше « Заметкой », во всех отношениях площадной? К сожалению во время ее появления, я был за границей, ничего о ней не знал и не мог воспользоваться нашими дружескими отношениями, чтобы узнать правду. Познакомился я с ней только в 1934-м году при разборе архива митрополита. Моего приятеля уже не было в живых ».

я отказываюсь объяснить... Что-то дико-несообразное завертелось у меня в голове, и, вероятно, мысль о сходстве спасла меня от столбняка. И вдруг светлая радость - не осветила, нет, а ослепила и оглушила и привела в какое-то пассивное состояние. Мне ничего не хотелось говорить, а только смотреть на него и сознавать, что он действительно присутствует здесь у меня. Я даже забыла, как его следует называть. Он был для меня точно бесплотный дух, который вот-вот может исчезнуть. Знаешь, случается иногда, что ущипнешь себя, когда не веришь в действительность. Я этого, правда, не сделала, но, чтобы удостовериться, что не брежу, позвала няньку; она тоже убедилась, что это правда. Так поразила меня неожиданность!

Он говорил, и я его отлично понимала. Его речь производит такое же впечатление, как и его наружность, - силы и мягкости. С ним говоришь, хотя не о легких предметах, но на душе как-то необыкновенно легко. Этого уже нельзя отнести ни к уму, ни к характеру, а к дару благодати. Так наверно говорили Апостолы, и этим облегчали людям понимать и принимать истину. Удивительно, когда он даже смеется, то в его смехе чувствуется какая-то сердечная чистота, чего в других нет: смех, как бы он ни был невинен, всегда есть продукт сарказма; а у него иногда уста улыбаются, а глаза смотрят печально. Да, он всех жалеет и всех любит, и, смотря на него, думаешь: вот где Царство-то Божие... Чистейший аристократ и простой человек Божий.

Он называет Тебя своим другом; какая высокая награда за Твое безропотное терпение и, хотя недолгую, но исполненную тяжелых испытаний жизнь. У меня не нашлось слов его благодарить; я сказала ему, что один Бог может его отблагодарить. Сколько отрадного я услышала от него про Тебя.

Прощаясь со мной, он сказал: « Помолитесь обо мне ». Я уже давно молюсь о нем и верую, как говорит мне Евангелие: « Что ни попросите у Отца Моего во Имя Мое, даст вам ». Он не умрет до тех пор, пока не окончит своего святого дела. Мы все нашими молитвами огордим его от смерти телесной, а говорить так мы имеем право. Помнишь, что сказал ап. Павел: « Мы хвалимся, но не собой хвалимся, а Господом ».

Рассматривая мои картины, он сказал, что и сам когда-то рисовал и очень любит живопись. И знаешь, в нем живет истинный художник; несмотря на верные замечания, он ищет в живописи не только общей видимой красоты; он ценит и ищет в ней душу живую. Вот почему ему понравилось мое произведение - Христос с чашей. Он сказал, долго смотря на него: « В этих глазах очень много любви ». Он - по наружности гигант, крепкий и могучий, как дуб - обладает такой тонкостью чувств,

что как-то невольно удивляешься и приходит на память стих Лермонтова: « Творец из легкого эфира их нити тонкие соткал ».

В следующем письме (11-9-08), Любовь Дмитриевна говорит сыну о своем воссоединении с католической Церковью, совершившемся в дни пребывания митрополита в Петербурге. Он сам присоединил ее к католицизму. Большого, конечно, ни она, ни ее сын желать не могли. Хотя внутренне Любовь Дмитриевна была уже давно подготовлена к этому шагу, но она все ждала « своего обряда » и вот теперь дождалась, получив его прямо из рук митрополита Андрея, К тому же он снял у нее с души большое сомнение. Кто-то уверил ее, что после присоединения ей нельзя будет ходить в православные храмы, так как там служат « схизматики ». А отказаться от родных церквей было трудно; уж очень она любила восточное богослужение!

« Тебе известен мой взгляд и сердечное стремление к этому акту, - говорит она в том же письме, - и, конечно, тебя не удивит мое воссоединение. Но ты можешь спросить, почему же это так долго не совершалось? Конечно, были причины уважительные, но не они исключительно на меня влияли. Я ждала своего обряда, глубоко скорбела и думала, что не дождусь..., но втайне надеялась на милость Божию. Велика была моя радость, когда разрешилось это препятствие. Но, заглядывая в глубину моей души, я услышала там тоску по церквам, в которые, как мне говорили раньше, я уже не имею права ходить. Я делала над собою опыты: один раз не ходила месяц, другой - два. Но это подействовало на меня так разрушительно; я, что называется, истаяла, меня спрашивали, не больна ли я. А что делалось на душе!... Трудно даже объяснить. Потом я стала надеяться, что, может быть, мне разрешат. Когда я начала ходить в нашу крохотную церковь, она меня совершенно удовлетворяла, но много церковных служб в ней не могло совершаться, и опять начала грызть тоска. Это продолжалось долго, я не смела задавать вопроса по этому поводу и о. Алексею, боясь, что он сочтет меня за колеблющуюся. И вот, как благодатный дождь орошает засохшую ниву, приехал к нам дорогой гость митрополит. Видя его ангельскую доброту, я ободрилась и стала его просить разрешить мне посещать чужие храмы, высказав ему мою привязанность ко всем церковным службам. Я просила разрешения ходить только для молитвы, даже не принимать по большим праздникам миропомазание и не прикладываться к Евангелию и ко Кресту.

При последнем моем заявлении, он с удивлением посмотрел на меня. « Но почему же вы не можете принимать св. Миро, Евангелие и Крест, ведь это же Божие? Нет, вы можете ходить в храмы молиться, принимать миро, целовать Крест и Евангелие ».

Ты не можешь представить себе, как я была обрадована. От церкви св. Владимира я не шла, а летела, я чувствовала полное удовлетворение; это было какое-то духовное торжество, будто земля и небо уже побратались и не находят в себе никакой разницы. Но неужели эта радость была только личного моего удовлетворения? Если подумаешь так, то ошибешься.

В этом, на первый взгляд неважном разрешении, сказалось великое слово мира и любви. Тут не было ни кастового, ни национального предубеждения. Человек, который дал это разрешение, не имел ни политического ни материального расчета. Он только руководился словами Евангелиста Иоанна: « Дети, любите друг друга ». Он не говорил, как Х: « Зачем я пойду в тот храм, где служат схизматики? » Он верил, « что из камней сих Бог может сделать детей Авраама ». Во мне укрепилась вера, что соединение возможно, если католическое духовенство будет смотреть глазами митрополита. Вот я уже соединила эти две Церкви; не с враждой, но с дружелюбием перешагну я порог чуждой мне церкви, и в ней я буду молиться за нее. Если мне придется дожить до открытия нашего храма, то мне не будет надобности ходить в чужие храмы, да и теперь ведь не постоянно же я буду ходить в них, а только по какой-нибудь необходимости, так как службу просидеть дома я не могу.

О. Алексей смотрит так же, как и митрополит. Когда я его спросила, могу ли побеспокоить митрополита просьбой о разрешении, он сказал: « Думаю, что разрешит; да вот я сам вчера был у всенощной, я тут греха не вижу, ведь храм строится для Бога, а молитвы-то там читаются такие же, как и у нас ».

Вот уже два дня подряд, 10-го и 11-го сентября, как в нашей крохотной церкви происходят великие духовные торжества. 10-го воссоединился старообрядческий священник, а 11-го - я.

Ты узнаешь от митрополита, каким путем пойдет этот священник, я описывать не стану, но скажу только о его личности. Этот молодой человек среднего роста, блондин. Вообще его лицо и выражение такое, какое у св. Архидьяконов на северных вратах. Он скромн и кроток, как человек, имеющий только небольшое церковное образование. Но ум у него простой и ясный, и если он попадет к хорошему наставнику, то выйдет из него сильный, надежный ревнитель Церкви. Советую Тебе обратить на него особое внимание. Но с ним надо быть осторожным относительно некоторых разоблачений, касающихся печальных фактов прошлого в католичестве. Надо щадить в нем детское сердце. Он благоговееет перед верующими людьми...

О воссоединении митрополит не говорил мне ни слова. Но в его

присутствии я только и думала, как бы поскорее этот акт совершился, и не находила себе покоя; оно явилось для меня необходимой потребностью; вот, когда можно сказать, что сама душа открылась для восприятия Вселенской Церкви.

После Причащения прошло несколько часов, но я все еще нахожусь под радостным впечатлением совершившегося, совершенно успокоилась, точно освободилась от какого-то груза, и к чему-то прислушиваюсь. И все вокруг меня точно радуется; душа моя окрепла, а дух мой стал еще свободнее прежнего. Благодарю Создателя, даровавшего мне сердечный покой ».

* * *

За несколько месяцев до приезда митрополита Андрея, о. Иоанн Дейбнер, по возвращении из Львова, выразил мысль об объединении русских католиков. Он предложил образовать кружок ревнителей восточного обряда, который, хоть раз в неделю, собирался бы для обсуждения текущих дел. О. Дейбнер нашел для этой цели и подходящее помещение. Отцы-ассумционисты Буа и Борен, относившиеся с исключительным сочувствием к русским католикам восточного обряда, предоставили в их распоряжение комнату в своем учреждении « Добрый Пастырь » на Васильевском острове, в Донском переулке, при котором была домовая латинская церковь. У них имелось и восточное облачение и вся необходимая церковная утварь. Они приняли на себя заботу по устройству церковных служб, давали от себя просфоры, вино и т. п.

« Здесь, - пишет Федорова в своем дневнике, - мы чувствовали себя как дома, радушие их было полное; эти два патера были люди уравновешенные, серьезные, спокойные; у нас было к ним полное доверие. После обедни нас приглашали на чай и на завтрак, и вот тут-то мы знакомились друг с другом и трактовали о нашем деле ».

« У нас богомольцы распределились так: в Полозову к обедне ходил больше простой народ, в Донской переулок - одна только интеллигенция. В Полозову - по воскресеньям, в Донскую - по пятницам; в обеих обеднях служил о. Алексей. В Полозовой мы после обедни тоже собирались пить чай у сестры Варвары; она нас принимала радушно. Как мы ни трактовали, как ни изыскивали средства к открытию нашей церкви, но наше дело не подвигалось »...

« Прошел слух, что польское духовенство хочет устроить часовню для русских католиков, где дополнительные службы и проповеди будут на русском языке. Об этом говорил нам ксендз Урбан и предлагал: « Мы откроем часовню для русских католиков, а как бы в качестве гостя у меня может жить о. Алексей и иногда говорить проповеди и служить

восточные обеды на славянском языке ». Мы жили тогда одной только мечтой о нашей церкви, нам понравился этот проект, хоть что-нибудь да начнется! Ушакова говорила: « Смотрите, пропадет наш о. Алексей в этой часовне ». Дейбнер также не доверял. Он подозревал о. Алексея в пристрастии к полякам ».

Митрополит Андрей, знавший по словам Федоровой « наши неурядицы, надеялся внести мир и что-нибудь обосновать ». У ассумпционистов в Донском переулке состоялось собрание русских католиков под его председательством. Он сам возбудил вопрос о церковке, которую предлагало польское духовенство. Владыка просил всех присутствовавших высказаться откровенно: желают ли они принять это предложение или нет. О. Ян Урбан присутствовал на собрании в качестве представителя польского духовенства.

« Много ему пришлось перенести разных уколов, в особенности со стороны Дейбнера, - записала Федорова в своем дневнике. Ему ставили строжайшие условия по разным пунктам и грозили, что если увидят хоть малейшее поползновение нас облатинивать, мы все уйдем из часовни. Хотя под конец все согласились принять эту часовню, но в воздухе царило недоверие. Митрополит был беспристрастным председателем, и осталось неизвестным, как он отнесся к этому вопросу: был ли он за часовню или против нее »?

« Этой же осенью мы получили извещение, что часовня для русских католиков откроется в церкви св. Екатерины, такого-то числа, в отделе, где крестят детей. Урбан написал мне письмо, чтобы я постаралась привести и еще кого-нибудь из русских. Я собрала троих; были еще там Дейбнер и Пари. Хотя помещение было невелико, но не было тесно. Мессу служил профессор из духовной католической академии. После мессы была проповедь на русском языке. Проповедь была прекрасная: в ней было много искренности; русских он называл своими дорогими братьями, так как они родились в духе и вере. Потом было нечто вроде молебна с акафистом. Все мы уходили с довольным видом, так как впечатление было приятное. На следующей неделе я опять получила письмо от Урбана, в котором он убедительно просил меня быть в воскресенье в часовне и, по возможности, привести побольше народа, так как надо показать духовенству, что русские католики идут охотно в часовню. Когда мы пришли, месса еще не началась. Служил настоятель Будкевич. Потом была проповедь, в которой Будкевич административным тоном объяснил, какое великое значение заключает в себе месса; каждый обязан слушать ее непременно хотя бы в воскресный день, иначе он не может считаться католиком. Полезно слушать проповедь, но она не может заменить мессы, без проповеди может быть

месса, но без мессы не может быть проповеди; итак русским католикам надо интересоваться не одной проповедью, а стараться изучать мессу. Потом он объявил, что сегодня здесь последняя служба, так как помещение очень мало, а через три месяца они соберут пожертвования и устроят отдельную часовню для русских католиков. После проповеди Будкевич раздавал молитвенники всем тем, кто пожелал. С разочарованным недоумением публика выходила из часовни. Урбан был в отчаянии. Дейбнер побежал к нему и с тех пор он стал часто его посещать ».

★ ★ ★

Во время пребывания митрополита Андрея в Петербурге, на Полозову пришел к обедне некто, видом и одеждой похожий на инока. Он оказался священником-старообрядцем Евстафием Акимовичем Сусалевым, состоявшим духовником при Морозовской мануфактуре в г. Богородске, Московской губернии; о нем и упомянула Л. Д. Федорова в письме к сыну. Через неделю он заявил о желании присоединиться к католической Церкви. О. Алексей воссоединил его 10 сентября. Митрополит Андрей успел познакомиться с ним, и после его отъезда о. Евстафия послали к нему в Львов. Митрополит не мог взять на себя решение об его дальнейшей судьбе и представил дело о Белокриницкой иерархии Святейшему Отцу. Специальная комиссия, которой Папа передал на рассмотрение возбужденный вопрос, признала Белокриницкую иерархию действительной, так что о. Евстафий Сусалев был принят на основании этого в сущем сане. Через три месяца он вернулся в Петербург. Приезд его совпал с отсутствием о. Алексея, уехавшего хоронить сына; семейные дела задержали его дольше месяца в Нижегородской губернии. О. Евстафий не знал, что ему следовало теперь предпринять. О. Алексей предложил ему отправиться на его хутор, где он мог бы « священствовать », а митрополит Андрей сказал ехать в Петербург и там оставаться.

О. Евстафий показал себя очень строгим в соблюдении обряда, и было ясно, что на латинизацию он не поддастся; казалось даже, что после воссоединения его строгость к обряду только усилилась.

« Тип это был чисто русский, - пишет о нем Федорова, - убежденный восточник, хотя и необразованный, но что у него раз засело в уме, того не выбьешь ничем. Показал он себя энергичным; человек молодой, он смело смотрел на жизнь; с такими людьми трудно бороться ».

« Образование его было, вообще, какое дают старообрядцы: умей хорошо читать « четыре-миней », да и писать с грехом пополам, вот и все, и священник считается готовым совершать богослужение. Одно

в нем несимпатично: он не желает учиться, но современем, может быть, сама жизнь встряхнет эту русскую лень. Много в этом виноват и о. Алексей; он успокаивает его, что и неуч может быть попом. Однако, нам нужен не «поп», а священник».

Л. Д. Федорова порекомендовала о. Евстафия Ушаковой, та прослушала его служение, он ей понравился, и она приняла его тоже под свое покровительство. О. Алексей, вернувшись, не возразил ничего против того, чтобы о. Евстафий остался вторым священником в Петербурге. Понемногу он освоился в новой среде. Не раз ему приходилось слышать сетования русских католиков, что дело с открытием церкви не подвигается вперед. Однажды, когда об этом заговорили в присутствии Н. С. Ушаковой, о. Евстафий вмешался в разговор:

— Вам не позволяют открыть церковь, а мне, как старообрядцу, не принадлежащему к синоду, позволят; мне надо будет только заявить.

Ушакова удивилась:

— Да верно ли это?

— Верно, старообрядцам позволили теперь и строить и открывать запертые храмы; по вере я теперь хотя и католик, но по-граждански - старообрядец, и мне не могут запретить в моем отечестве иметь церковь. Я не был православным, и закон, запрещающий восточный обряд в России, меня не касается; я католик, но остался в своем обряде, какой у меня был.

Ушакова согласилась:

— Что же, надо попытать счастье, но где же нам найти помещение?

Сестра Варвара нашла выход из затруднения:

— У нас есть мансарда, хотя небольшая и невысокая, а для церкви, говорят, годится; не угодно ли посмотреть?

Все отправились осматривать помещение и нашли его подходящим. Это была квартира, состоявшая из трех маленьких комнат: одна из них служила бы о. Алексею спальней и приемной; в двух других, если сломать перегородку, можно было устроить церковь. Ушакова справилась о цене; сестра Варвара спросила недорого - 23 рубля в месяц без дров. Сев за стол, Наталия Сергеевна попросила о. Евстафия начертить план алтаря и иконостаса. Тот изобразил иконостас по старообрядческому образцу, глухой до потолка, с невысокими царскими воротами, так, что во время службы видно голову священника у престола.

О. Алексей слушал молча и ни во что не вмешивался. На вопрос Ушаковой, одобряет ли он этот план, о. Алексей ответил:

— Что же делайте, как знаете.

Но все же его план был другим. Он посоветовал сделать походный иконостас, вроде ширм, чтобы можно было их снимать и ставить, когда

угодно. Но Ушакова не согласилась, и был принят план о. Евстафия. Оставалось еще решить практический вопрос, как устроить все подешевле. О. Евстафий предложил сделать иконостас из деревянных рамок, обшитых шерстяной материей, а квартиру оклеить новыми обоями. Вместо обычного престола - поставить простой деревянный стол, какой можно купить на рынке за три рубля. У Л. Д. Федоровой нашлись и готовые «местные» образа (Спасителя и Божией Матери, справа и слева от царских врат), написанные на бумаге пастелью, как этюды для картин масляной краской. Оба были одинакового размера, поясные, в натуральную величину. Любовь Дмитриевна проработала над ними до глубокой ночи в Великий Четверг, подправила и украсила золотой обклейкой, чтобы заменить рамы, на которые не хватало денег. Взглянув на образа, о. Алексей пришел в восторг:

— Да это художественные вещи... Это вроде Васнецовских образов...

Хоругви дали отцы-ассумпционисты. Все работали, не покладая рук, и оставались при твердом решении - устраивать церковь и совершать в ней церковные службы, не взирая ни на что, не заявляя полиции и не испрашивая разрешения.

Вспоминая впоследствии эти дни, Л. Д. Федорова занесла следующие строки на страницы своего дневника:

« В настоящее время мы с недоумением смотрим на этот отчаянный шаг: как мы на это решились? Но тогда подобные мысли не приходили в голову, все казалось так просто и естественно, так велико было желание иметь свою церковь, что об ней одной мы только и думали; вся наша осторожность, страх доносов, полиции, куда-то исчезли, одна мысль встретить приближающийся праздник Воскресения Христова в новой церкви жила в нас и давала нам бодрость и уверенность в ее осуществлении. Глубже всматриваясь в это явление, ясно сознаешь волю Божию. Он и повелевал нашим умом и давал нам бодрость духа, потому что мы ничего и никого не боялись ».

25 марта, в Великую Среду, на Полозову приехала Ушакова, дала 100 рублей на расходы и просила поторопиться с устройством церкви, чтобы закончить все к Светлому Воскресению. В мансарде было немало всякого хлама; надо было начинать с того, чтобы все это убрать. Работа, действительно, закипела. Когда Л. Д. Федорова пришла сюда в Великую Пятницу, прошла через чистую светлую переднюю в одно окно и из нее открыла дверь направо, то увидела перед собой настоящую церковь. Она вошла в нее и осмотрелась. На всем была печать бедности, но ни в чем не было недостатка. Иконостас был аккуратно обит желтоватой материей, над царскими вратами - бумажный образ Тайной Вечери,

справа и слева - местные образа в ее бумажных обклейках... На покупку рам не хватило денег! Хоругви были хорошие, настоящие... В алтаре стоял престол, украшенный красивой пеленой, кем-то принесенной; жертвенник заменял комод, тоже покрытый пеленою; ризница помещалась в ящиках. На престоле стояли два подсвечника, лежали крест и Евангелие; паникадило заменяли небольшие лампочки на стене.

« Но нам вся эта обстановка казалась великолепной, - записала тогда Федорова свое впечатление. У нас будет настоящая заутреня Светлого Воскресения! Сколько счастья было в этих словах!

Если милосердие Божие нас не покинет и русская католическая Церковь восточного обряда станет на твердую почву, то пусть знают наши будущие поколения, что этим они обязаны верным сынам Вселенской Церкви. Пусть они вспоминают молитвенно Папу Пия X и митрополита Андрея Шептицкого и тех, которые способствовали, и поддерживали идею возникновения Восточного обряда в России в трудные для него времена ».

В Великую Субботу до 10 часов вечера посреди церкви все еще стоял столик со свечами, за которым сидела Ушакова и торопливо дошивала воздух и покровцы. С ней работали сестра Варвара и еще некоторые католички. В 10 часов, к приходу о. Алексея и о. Евстафия все было кончено и прибрано. Они освятили церковь и окропили св. водой. Плащаницы не было, ее заменял антиминс. Началась полунощница, а за нею заутреня. Пели о. Алексей, Любовь Дмитриевна и многие из публики. О службе не было специального извещения, но набралась полная церковь; многие принесли с собой пасхи. Крестный ход пришлось, конечно, ограничить передней.

Федорова записала в дневнике впечатление, произведенное, вероятно, не на нее одну этой Пасхальной службой:

« Свет множества свечей, аромат фимиама, пение радостных молитв верующими людьми, так щедро обогатили эту убогую маленькую церковь, что все великолепие храмов столицы казалось уже ненужным и лишним. Когда запели « Плотию уснув » и слова « Тридневен воскрес еси, Адама воздвиг от тли », я подумала: Господь и нас воздвиг от тли посредством вот этого молодого священника о. Евстафия, что теперь служит за диакона, и этой худенькой, небольшого роста женщины - Ушаковой. Это две силы: один более похож на инока, другая - олицетворение физической слабости ».

После литургии пошли разговляться к сестре Варваре. Ушакова и Дейбнер оказались на диване рядом с о. Евстафием. Они стали совещаться вполголоса и, улыбаясь, вопросительно поглядывали на о. Евстафия, который повторял с серьезным видом:

— Да... да... непременно послать...

О. Дейбнер взял карандаш и бумагу и написал текст телеграммы на имя Государя Императора:

« В Светлый праздник Христова Воскресения русские старообрядцы, приемлющие общение со Святейшим Римским Апостольским Престолом, возносят молитвы о здравии Вашего Императорского Величества и Государя Наследника Цесаревича ».

Инициатором телеграммы был о. Евстафий; о. Дейбнер составил лишь текст. Сам собой явился, конечно, вопрос, ответит ли Государь, а если ответит, то как. Ушакова посмеивалась:

— А как вместо ответа, возьмет да и прихлопнет нашу церковь!

На это о. Евстафий отвечал уверенно и серьезно:

— Не прихлопнет!

Телеграмму за подписью о. Евстафия и Ушаковой, как « попечительницы общины » он сам сейчас же отнес на телеграф. Три недели длилось после этого томительное ожидание. Наконец пришел, переданный через Градоначальника, ответ от Министра Двора, барона В. Б. Фредерикса, в котором говорилось, что « Его Величество благодарит русских старообрядцев, находящихся в общении со Святейшим Престолом за молитвы ».

С тех пор, когда в церковь на Полозовой заглядывала полиция - справиться о причине необычного скопления народа, и задавался вопрос:

— Кто разрешил? На каком основании? —

показывали всегда этот ответ Министра Двора. Полицейский чин читал телеграмму и в недоумении удалялся. Она была единственной юридической опорой, на которой держалась тогда в Петербурге первая русская католическая церковь восточного обряда.

* * *

Между тем росло и число подписей на прошении об открытии церкви. Ассумпционисты собрали 23 подписи и передали их о. Евстафию. В общей сложности, подписавших прошение было уже больше требуемого числа. Тем не менее устройства церковной общины не разрешили; сказали: « молитесь, сколько вам угодно, мы вам не запрещаем, но легализовать вашу общину мы все же не можем ». Столыпин не разрешал никаких репрессивных мер против существовавшей фактически общины, так как старообрядческая церковь, после 1905 г., пользовалась в России правом законного существования; правительство не вмешивалось больше во внутренние дела разных толков и течений,

существовавших в старообрядчестве. Предоставленные теперь сами себе, они могли жить и развиваться по собственному усмотрению.

Основываясь на этом, русские католики решили начать хлопоты об утверждении церкви восточного обряда. Прошение на имя Столыпина подал лично о. Евстафий. Столыпин отослал его прошение в департамент иностранных исповеданий. Чиновники из этого департамента заходили не раз наведаться, что делается в церкви на Полозовой. Так как никакого ответа на прошение не приходило, о. Евстафий, спустя некоторое время, пошел в департамент справиться о положении дела. По его словам, « начальник Петров » принял его благосклонно. Он сказал о. Евстафию, что прошение действительно у него, но выдать его он не мог, так как на нем имелась собственноручная резолюция Столыпина: « Оставить эту церковь неприкосновенной до прибытия польского митрополита в Петербург » (в то время как раз ждали прибытия нового). О. Евстафию дали такое объяснение: « Так как в России не было до сих пор католиков восточного обряда, то не было для них и закона. Теперь их надо причислить к существующему общему католическому закону. Департамент снесется по этому вопросу с митрополитом и тогда выдаст разрешение церкви восточного обряда в Петербурге. О. Евстафию будто бы пообещали даже денег из сумм, предназначенных на католиков. Все, кому он об этом рассказывал, радовались, но Н. С. Ушакова говорила:

— Уж что-то очень хорошо и не верится.

О. Евстафий передал свой разговор с Петровым в департаменте исповеданий следующим образом:

— Я сказал, чтобы меня представили ихнему главному начальнику; меня попросили обождать в гостинной. Немного погодя приходит главный начальник, очень вежливый. Сперва он хмуро спросил меня:

— Что? Вы затеваете открыть унию?

Я отвечаю:

— Какая такая уния, вы разве не видите мою бороду, а вот и длинные волосы, какая же здесь может быть уния? Я, русский старообрядец, перешел в католичество, но своему обряду не изменил, не изменю ему, как и Государю, а вы говорите - уния! Мы хотим молиться по-нашему и на родном языке. Неужели же нам русским наши же русские власти этого не позволят? Мы политикой не занимаемся, и нас уловить нечем.

— Но вы служите при открытых царских дверях?

— Это так служит наш старший священник, которому Рим дал епископские права, а я служу при закрытых, как простой священник

— Кто же к вам ходит в церковь?

— Да все, кому угодно, милости просим, и поляки и русские. Мы не читаем пропаганды и не гоним никого из церкви Божией.

— И много ходит поляков?

— Очень много, костелов у них мало, вот и ходят помолиться.

— Вы и в Вильне были?

— Да, и даже служил там обедню.

— И они вам не препятствовали?

— Даже очень были мне рады... Вы говорите « уния »; какая же может быть уния у старообрядца? Я старообрядец; и еще есть священники, русские и старообрядцы, которые тоже хотят идти к нам, ведь их не остановить. Они же хотят не унии, а восточного обряда.

— А бороду и волосы вы так и оставите?

— Конечно, разве мертвому только сбреют. Сам Папа запретил бриться и стричься. Я, как был русским, так и иду в свой обряд, а вы говорите нам про какую-то унию.

— По каким книгам вы служите?

— По синодальным.

— А какое у вас Евангелие?

— Синодальное.

— Разве нет разницы у старообрядцев?

— Никакой; разница только в том, что мы не поминаем синод. На ектениях мы поминаем Папу и Государя, а в последней молитве на литургии молимся за Папу, Государя, царствующий дом и всех православных христиан.

— Скажите, пожалуйста, почему вы сделались католиком?

— Потому что стремился к католикам с пятнадцати лет.

— Но почему вам казалось там лучше?

— А потому, что я хорошо разобрал, что католическая Церковь - истинная Церковь Христова.

Потом ихний начальник опять стал выпытывать у меня:

— Ведь вам покровительствует митрополит Галицкий Шептицкий?

— Да, жаль, прежде это было, а теперь он отступился от нас.

— Так это правда?

— А чего мне вас обманывать-то?

С этого момента я заметил, что он стал говорить по другому. Тогда я поскорее спросил о помещении, так как зимой в теперешней церкви будет душно и неудобно:

— Было бы очень желательно снять помещение побольше или перенести церковь в другой дом.

На это господин Петров сказал:

— Я бы не советовал этого. Лучше, что вы помещаетесь наверху.

Внизу к вам будут соваться люди, для вас нежелательные, и станут напрасно вас беспокоить. Потерпите немного, хоть несколько месяцев, а там уж устроитесь, как следует.

Господин Петров обещался мне побывать в церкви на Полозовой, но только на моей службе и на прощание сказал:

— Я еще позову вас к себе.

Полиция тоже не оставляла о. Евстафия без внимания. Н. С. Ушакова написала об этом княжне Марии Волконской:

« О. Евстафия поминутно таскают в сыскное отделение, но он, как старовер, привилегирован; к тому же он не скрывал с самого начала ни католичества, ни священства⁵⁴; у него телеграмма от Государя - от него отстают... ».

Воодушевленный первым успехом, о. Евстафий решил посетить Петербургского митрополита Антония. Он направился к нему, чтобы узнать, не будет ли ему покровительствовать русская иерархия. По его словам, митрополит показал себя « человеком очень гуманным », принял его благосклонно и уверил, что русская иерархия препятствовать ему не будет. Тогда о. Евстафий попросил митрополита благословить « наше дело », но тот только улыбнулся и сказал:

— Дать вам благословение не позволяет мне совесть.

Свой на Полозовой разъяснили потом о. Евстафию, почему митрополит Антоний не мог преподать ему благословения. Он, повидимому, понял и протянул:

— Э-ге, значит благословение его было бы « нас против вас »?

* * *

Итак, на Полозовой было теперь два священника. Они чередовались: один служил раннюю обедню, другой - позднюю. О. Евстафий служил правильно по-восточному, о. Алексей делая свои неизменные отступления. В его обедне семисвечник снимался с престола, подризника он не носил, а надевал латинскую кружевную « альбу », что очень не шло к восточной фелони. Царские врата у него, как правильно заметил осведомленный г. Петров, не закрывались; на это у о. Алексея была тоже своя отговорка:

— Это всегда бывает при епископском богослужении, а он, как

⁵⁴ Намек на о. Иоанна Дейбнера, которому это в глазах правительства очень вредило.

уполномоченный Рима над петербургскими католиками восточного обряда - даже больше епископа!

Церковной завесы совсем не было в церкви.

— Если, - говорил о. Алексей, - она разорвалась в Иерусалимском храме в час смерти Спасителя, то и у нас ее не должно быть.

Отсутствие завесы на царских вратах смущало всех прихожан и было предметом постоянных толков и пересуд. О. Евстафий не решался ее повесить, как подчиненный, обязанный послушанием старшему. Чтобы не вызывать спора из-за завесы, дождались отъезда о. Алексея и в его отсутствие повесили ее на свое место. По возвращении, о. Алексей промолчал, вероятно, тоже, чтобы не затевать ссоры.

Свои права « больше епископских » о. Алексей понимал иной раз черезчур своеобразно. Вот небольшой пример. О. Евстафий сказал однажды Любовь Дмитриевне:

— Мне была дана бумага от митрополита Андрея, в которой говорится, чтобы я строго соблюдал все священнические обязанности, а также и восточный обряд. Митрополит велел бумагу держать при себе, а о. Алексей взял ее у меня и не отдает.

Любовь Дмитриевна отправилась к о. Алексею и стала просить, чтобы он возвратил эту бумагу по принадлежности. Он обещал ей, что отдаст. На другой день она осведомилась у о. Евстафия, получил ли он бумагу обратно.

— Да, получил, но только он отрезал печать и подпись и оставил у себя.

Таков был о. Алексей. Новый выпад против него русских церковных властей, относящийся к этому времени, дал ему лишнее основание выступить в свою защиту и, конечно, оповестить обо всем митрополита Андрея. Невольно представляешь себе владыку, с его доброй, мягкой улыбкой, за чтением строк о. Алексея, стилю которых, пожалуй, позавидовал бы и сам Горбунов. Он начинает сообщением о том, что Нижегородская Духовная Консистория прислала в канцелярию Петербургского Градоначальника отношение от 2 ноября с. г. за № 15327 следующего содержания:

« Нижегородская Духовная Консистория имеет честь просить канцелярию С. Петербургского Градоначальника сделать распоряжение об объявлении бывшему священнику Нижегородской Епархии Алексею Зерчанинову, проживающему в Петербурге по Полозовой ул. № 12, что решением Нижегородского Епархиального начальства от 6-31 октября с. г. постановлено: « Лишенного священного сана Алексея Зерчанинова, обнаруживавшего неповиновение епархиальному начальству и самовольно отлучившегося в С.Петербург из села Борисова, назна-

ченного ему местом постоянного жительства, согласно указу Св. Синода от 26 мая с. г. за № 7453, исключить из духовного звания и уведомить, что Зерчанинов в недельный срок должен выразить довольство свое или недовольство означенным решением и, если выразит недовольство, то в месячный срок должен представить апелляционный отзыв, в противном же случае решение это будет приведено в исполнение ». (Следуют подписи).

О. Алексей усмотрел в этом « духовно-консistorский маневр »: « взять его из Петербурга через возобновление дела о лишении священного сана и исключения из духовного звания, потому что лишенным сана и исключенным из духовного звания закон запрещает жить в столицах семь лет по объявлении кары ». Поэтому « на последнюю консistorскую выходку » о. Алексей ответил так:

« На Ваше отношение от 2 мая с. г. за № 15327 сим имею честь объяснить следующее:

1) При своем формальном переходе в католическую (или по церковно-славянской терминологии - кафолическую) Церковь в 1896 г. я был принят в сане священника, т. е. духовного лица; значит и доселе состою в этой Церкви духовным лицом или священником, которого теперь никто не может лишить сана, кроме католического епископа. А т. к. господствующая в России Церковь признает католических священников духовенством же, то я совершенно не понимаю, что значит увольнение меня из духовного звания консисторией, потерявшей надо мною духовную власть со времени моего перехода в католическую Церковь?

2) По подозрению в этом переходе господствующая в России церковная власть 3 июля 1898 г. отправила меня в Суздальскую крепость, где я пробыл до 21 февраля 1901 г.; после чего, я, как упорный католик, передан был в ведение гражданской власти, которая вследствие объявления Высочайшего манифеста о веротерпимости, по моей просьбе выдала мне 1 февраля 1907 г. бессрочный паспорт для свободного проживания во всех городах Российской Империи. Спрашивается, о каком неповиновении епархиальному начальству и о какой моей самовольной отлучке говорит консистория в предъявленном мне отношении? - Посему:

3) ни довольства ни недовольства на предъявленное мне консistorское решение предъявить не могу: я просто не понимаю его ».

В препроводительном письме к митрополиту Андрею, о. Алексей не упустил, конечно, случая снова коснуться своей излюбленной темы:

« При таких обстоятельствах, посудите сами, будет ли у меня симпатия к византизму или синодализму? Теперь я живу исключительно

латинопольскими милостями и, конечно, не могу питать антипатии к латинополякам по капризу гордого молодого французского монаха и Ушаковой, подсунувшей мне своими интригами в командиры этого интригана, вторгшегося в наше дело через ее хитрую проделку. Но все подобные обстоятельства прибавляют мне лишь еще более энергии, и я до последней крайности буду бороться за русско-униатский обряд, обильно политый мученической кровью русских исповедников XVI и XIX веков. Я не стал бы бороться за это дело, если бы не чувствовал под собою твердой почвы... Нужно по Апостолу быть всем для всех, чтобы спасти по возможности больше народа, а не дрожать над каждым изветшалым византийским или синодальным лоскутком (семисвечник, подризник и церковная завеса?). Мы не антиквариум, а живые дети Живого Отца Небесного... ».

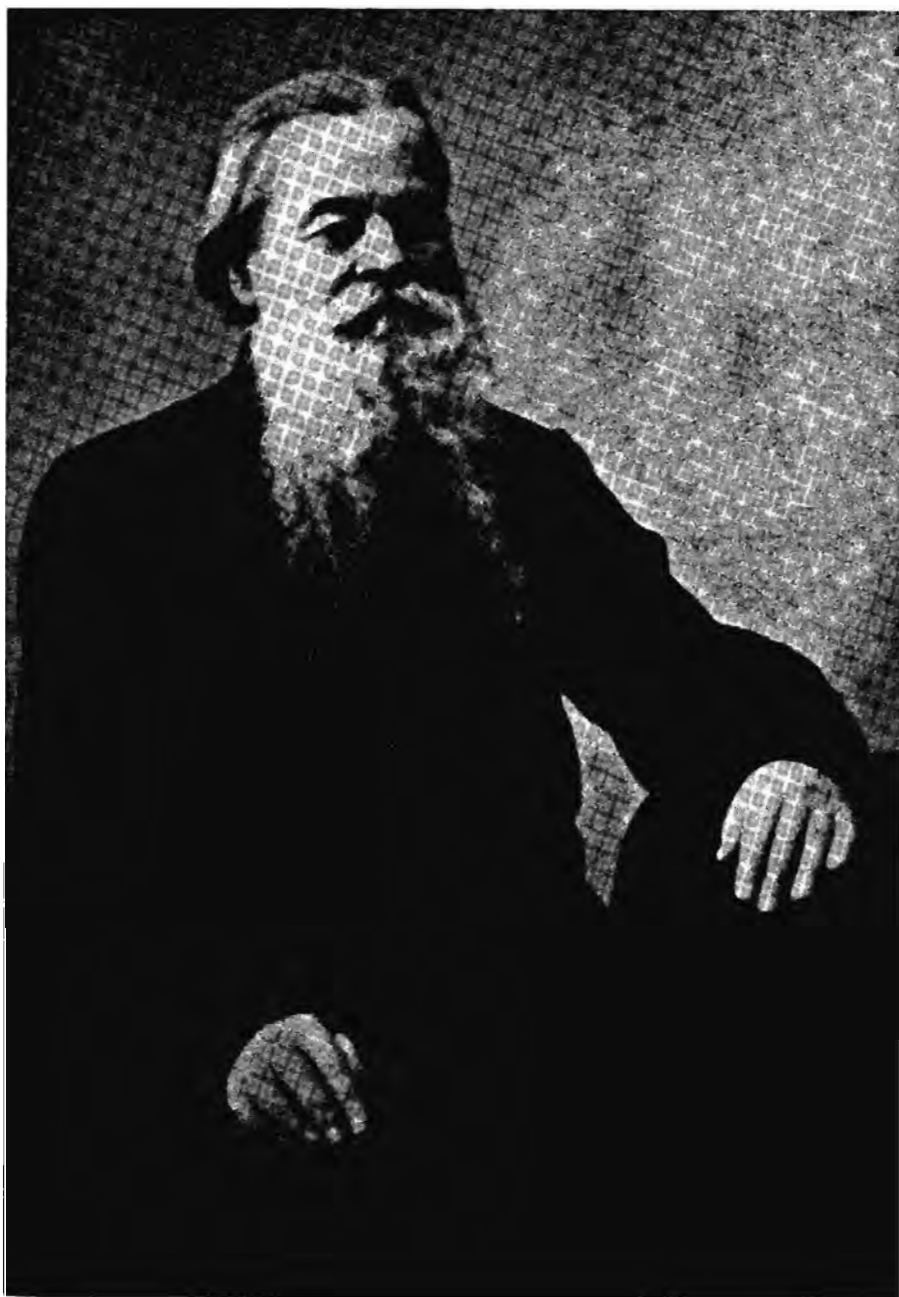
« Гордым молодым французским монахом », « вторгшимся интриганом », на которого жалуется о. Алексей в заключительной части своего послания (написанного, по сравнению с некоторыми другими письмами этого времени, в довольно мягких тонах), был ассумпционист о. Буа. Чтобы правильно понять запутавшийся здесь и, к сожалению, очень характерный для о. Алексея клубок личных недоумений, нужно сказать сначала несколько слов об о. Дейбнере, каким он стал под влиянием о. Яна Урбана. Посещение им последнего после разочаровавшего русских католиков выступления о. Будкевича и закрытия только что открытой для них польской часовни, оказалось при неустойчивости о. Дейбнера роковым. Оно положило начало его сношениям с о. Урбаном, под влиянием которого он совершенно изменился в отношении восточного обряда. Это перешло у него сейчас же на личную почву. К о. Евстафию, восточнику, он относился с нескрываемым недоверием; в этом, по существу, как увидим дальше, он был совершенно прав. Хуже было то, что к недоверию была примешана личная неприязнь, повидимому, на почве зависти к успехам о. Евстафия и под влиянием польского духовенства, настроенного против него, что тоже было не без основания. Вследствие этого о. Дейбнер начал сблизиться с о. Алексеем и из прежнего противника его обратился теперь в друга и даже секретаря. И это было бы тоже неплохо, так как о. Дейбнер хорошо говорил и писал и, помогая о. Алексею, мог в его « своеобразии » многое сглаживать. Однако, беда была в том, что перемена личных отношений, как говорит Л. Д. Федорова,

«... совершенно переродила и ум и душу Ивана Александровича; из прежнего ярого восточника он сделался ярким западником... Прежде Урбан был для него врагом, теперь никто не смеет сказать чего - либо не в пользу последнего: из себя выйдет от гнева. Страстное желание про-

вести в восточный обряд и латинскую обрядность не дает ему покоя, и нельзя не заключить, что он и Урбан мыслят одно, а если так, то идут против нас. Приняв на себя роль непрощенного защитника о. Алексея, он только ронял его в глазах нашего общества. По его совету и, вероятно, под влиянием о. Урбана, о. Алексей стал мешать вечерние богослужения с латинскими; начнет вечерней и всенощной, а кончит рожанцем. Так что и не понять, по какому обряду идет служба. Это очень волновало Ушакову; она прямо высказывала свое неодобрение и этим восстановила против себя тех, кому они нравились ».

« Ассумпционисты были латинского обряда, но принимали горячее участие в восточном и, чем только могли, содействовали его распространению. Между ними и польским духовенством была вечная (лучше сказать « хроническая ») вражда. О чем они спорили и чего не могли поделить, нам было неизвестно. Знаменателем этой вражды был Дейбнер. Когда он был восточником, то дружил с французами, когда стал западником, то прекратил с ними всякое общение. Эти корректные, образованные люди сделали для нас много полезного. Они снабжали нас церковными принадлежностями, выхлопотали субсидию из Рима. В дела наши не вмешивались, но по богослужению, если оно уклонялось от восточного, иногда делали замечания. Это не могло нравиться тем, кто хромал на латинскую ногу, и наше общество разделилось: за французов и против них. Как ни старалась каждая сторона скрыть свои убеждения, но это не удавалось. И вот, начали появляться разные легенды, будто они хотят над нами властвовать, быть нашими начальниками. Другие отрицали, ничего не видя в них, кроме миссионерской деятельности и участия, которое они проявляли к восточному обряду ».

У отцов-ассумпционистов, действительно, не было никакого желания вмешиваться во внутренние дела русской католической группы. Но они прекрасно понимали, что дальше самое дело не может так продолжаться. О. Алексей нуждался в руководителе, который, в роли тактичного « ассистента », был бы посредником между ним и Римом. Кроме того, они видели, что, церковная община и, в частности, оба священника нуждались в какой-нибудь, хотя бы скромной, но постоянной денежной помощи. Решение этих двух вопросов они в конце концов приняли на себя. Составили смету расходов по церкви (плата за помещение, масло для лампады, свечи, просфоры и вино), вознаграждение певчим и псаломщику и, наконец, жалованье двум священникам. С этой сметой о. Буа поехал в Рим хлопотать. У него были там связи и своей прежней деятельностью на Востоке он успел уже зарекомендовать себя с лучшей стороны. Результатом предпринятых шагов, было то, что осенью 1909 г. о. Буа вернулся из Рима с особыми правами. Его

О. АЛЕКСЕЙ ЗЕРЧАНИНОВ

назначили « советником » при о. Алексее, вменив последнему в обязанность - вести дело, согласуясь с советами о. Буа. Субсидию для русской церкви тоже утвердили, но с тем, что присылаемые деньги будут находиться в распоряжении о. Буа и выдаваться им по собственному усмотрению. Ему же было поручено наблюдение за церковью.⁵⁵

Одновременно с ассумпционистами, польский епископ Цепляк послал в Рим предложение, выражавшее его желание принять русских католиков под свое покровительство. Однажды он даже посетил церковь на Полозовой. Ему устроили там подобающую епископу встречу - с крестом, свечей и кадиллом; о. Алексей пропел « Достойно ». Конечно, это посещение могло не иметь прямого отношения ни к хлопотам ассумпционистов ни к предпринятому им самим шагу, а быть простым выражением сочувствия и личного расположения к русским католикам и большой доброты, которую он проявлял им неоднократно. Тем не менее, остается фактом, что, на сделанное предложение епископ Цепляк получил отрицательный ответ, и инициатива поляков на этот раз не имела успеха.

О. Алексей оказался в положении, которого он, вероятно, менее всего ожидал. Находиться в зависимости от о. Буа ему не могло никак улыбаться. Он сразу же восстал против своего « советника »:

— Что же, мы пьяницы, что за нами будет следить?

Решение Рима усилило нерасположение о. Алексея к о. Буа. Мысль, что он будет теперь властвовать над ними, не давала покоя и о. Дейбнеру, тогда как Ушакова радовалась, что помощь из Рима обеспечит существование церкви. Трудно сказать, почему именно о. Алексей так не любил о. Буа и избегал сотрудничества с ним. Намерение, которое он ему приписывал - сделаться епископом и подчинить себе русских, нельзя, конечно, считать серьезным основанием прежде всего потому, что его у о. Буа не было. О. Алексей восставал и против Ушаковой, обвиняя ее в том, что она хочет отдать русских католиков во власть французам:

— И что же тогда будет с нами? Уж лучше пусть поляки над нами владычествуют, все-таки славяне!

О. Алексей и о. Дейбнер решили действовать против французов тайне. Они написали пространное прошение и просили митрополита

⁵⁵ Принимая во внимание традиционную работу ассумпционистов на Востоке, нельзя считать совсем исключенным, что в назначении о. Буа « советником » при о. Алексее был заключен намек на тайную юрисдикцию в России. Открыто сделать это было, конечно, нельзя из-за русского правительства, которое воспротивилось бы тогда самым решительным образом.

Андрея переслать его в Рим от себя. Суть его сводилась к просьбе о разрешении поставить в русской церкви орган, ввести галицийский обряд и запретить кому бы то ни было вмешиваться в их распоряжения; они просили утвердить их самостоятельность в этом смысле. О. Евстафий сначала не хотел подписаться под прошением, но потом согласился при условии, что сам отвезет его в Львов. После некоторого колебания о. Алексей с Дейбнером приняли его предложение; по крайней мере так рассказала жена о. Евстафия Федоровой об участии в этом деле ее мужа. От русских католиков скрыли причину внезапного отъезда о. Евстафия. Всем, не исключая Федоровой, говорилось, что он поехал к тестю устраивать будущее сына, и все этому верили.

Вскоре после отъезда о. Евстафия заболела его жена. Л. Д. Федорова стала ее навещать, а та показала ей открытку, полученную от мужа с итальянской маркой и штемпелем «РИМ». Секрет отцов Алексея и Дейбнера открылся. Но никто не мог объяснить, как и почему о. Евстафий оказался в Риме. Его жена сама этому искренно удивлялась. Решили было, что его послали туда из Львова. Однако пребыванию о. Евстафия в Риме там поразились еще больше, чем в Петербурге.

Из рассказов о. Евстафия по возвращении в Петербург можно вывести следующее заключение. Из Львова он отправился в Краков к знакомому ксендзу. Тот спросил его, был ли он уже в Риме. Получив отрицательный ответ, добрый ксендз дал ему денег на дорогу и научил, как нанять по-итальянски извозчика и сказать адрес Веригина (русского католического священника в Риме).⁵⁶ Повидимому, для начала, отцу Евстафию этого было достаточно. У Веригина он почувствовал себя «как дома», и при его посредстве попал вскоре к Бенини, а потом к Св. Отцу, познакомился с рядом кардиналов и представителей духовенства и с некоторыми представителями русской колонии в Риме. Папа подарил о. Евстафию нагрудный крест и дал благословение. На вопрос, с какой собственно целью он отправился в Рим, о. Евстафий скромно ответил, что хотел показать себя, чтобы его знали там лично,

⁵⁶ О. *Сергий Веригин* родился 11/24 марта 1867 г. По окончании Московской Духовной Академии рукоположен 2-2-1889 в священники. В 1905 г. возведен в сан протоиерея. 28 августа 1908 г. в *Grottaferrata* воссоединился со Вселенской Церковью. С этого времени проживал постоянно в Риме. В ноябре 1909 г. стал там настоятелем русского католического прихода восточного обряда, насчитывавшего тогда не более десятка человек. Благодаря содействию монсиньора Тибергиена (каноника Латеранского Собора и духовника Папы Бенедикта XV), о. Сергию была предоставлена небольшая церковь *San Lorenzo ai Monti* (впоследствии ее снесли, чтобы проложить улицу *via del Mare*). В конце 1931 г., по слабости здоровья, был освобожден от должности настоятеля. Скончался о. Сергий 16 февраля 1938 г.

а не только по фамилии. Правда, позже выяснилось, что у него была и более конкретная цель - выпросить себе прибавку. Это ему тоже удалось. Приняв во внимание его семейное положение, о. Евстафию дали бумагу, что о. Буа будет ему выплачивать не 40, а 50 рублей в месяц. Про судьбу прошения, доверенного русскими отцами, он умолчал. Так как впоследствии оно было обнаружено кн. П. М. Волконским в архиве митрополита Андрея, то можно с большой достоверностью предполагать, что владыка оставил его без всяких последствий.

В общем, поездка в Рим, по словам Федоровой, оставила заметный след на о. Евстафии. Вот, что она записала по этому поводу у себя в дневнике:

« О. Евстафий, ... как русский мужичек, ... возгордился. Из Рима к нам приехал не прежний смиренный о. Евстафий, а индюк с распущенным хвостом... Но увы, образования не привез и по-прежнему говорит « не можем ». Крест-Распятие, подаренное Папой, носит везде, где могут видеть люди ».

Эта поездка в Рим произвела, кажется, самое сильное впечатление на Н. С. Ушакову, которое она определила словом « отчаяние ». Этому можно поверить, если принять во внимание, что из Кракова о. Евстафий ей написал, что едет в Рим « поправить там то, что напортил о. Буа », а перед отъездом и он и о. Алексей уверяли ее, что поездка эта - к гостю, который желает усыновить его сына.

« Обезумели они, - написала она сейчас же княжне Марии Волконской, - посылать в этот центр ума, дипломатии, знания и терпения, человека с запасом ума, знания и речи, годных только, чтобы отбоариться от полицейского участка на Петербургской стороне. Петр (т. е. Столыпин) поставил условием, чтобы не путать Галицию в наши дела, а этот сумасшедший поехал в Львов, кишащий русской тайной полицией ».

Через месяц, по возвращении о. Евстафия, она снова ей написала:

« Допотопное создание, которое у Вас, вернулось. Говорит оно задками и неохотно, но с дуру утверждает, что не будь он, то субсидию задержали бы еще на шесть месяцев. Это его единственный положительный ответ. Остальное все в таком роде:

— Да вы, собственно, зачем ездили?

— Не могу сказать.

— Но вы что-нибудь устроили?

— Может быть да, а может быть нет.

По словам патера Буа, о. Алексей в июне писал в Рим, прося польской юрисдикции, а в сентябре я ездила с его ведома к Столыпину

заявить, что мы не желаем быть под латинопольской юрисдикцией,⁵⁷ и с тем же ездил в мае Буа в Рим. Как Вам это нравится? Как они последовательны, правдивы и умны и как радостна совместная работа ».
(24-10-09)

Враждебное отношение о. Алексея к о. Буа еще больше усилилось, когда он узнал, что субсидия будет присылаться из Рима не лично ему, а отцу Буа для выдачи русским священникам. В довершение всего он узнал, что о. Евстафий будет получать 50 руб., а он - только 40:

— Как, старшему священнику, да еще уполномоченному, дают меньше, чем о. Евстафию?

О. Алексей категорически заявил отцу Буа, что денег у него он брать не будет, хотя бы пришлось и умереть с голоду. Напрасно его убеждали, что субсидия всего лишь помощь, а не жалованье по рангу, что о. Евстафий семейный. О. Алексей ничего не хотел слушать и твердо стоял на своем; присылаемой субсидии не брал, говоря, что ему помогают « поляки из св. Екатерины ».

Прошло три месяца. Однажды на собрании зашла речь о том, кому следует ходить за субсидией к о. Буа, так как получать ее должен был старший священник. О. Евстафий попросил слова и сказал, что у него есть бумага из Рима, в которой говорится, чтобы о. Буа выдавал ему, как семейному, 50 руб. в месяц.

— Так что же вы молчали до сих пор! - воскликнул о. Алексей. Если это приказание из Рима, то я, конечно, покоряюсь и буду брать 40 руб.

В конце концов дело уладили взаимными уступками. Сговорились на том, что не о. Алексей будет ездить за деньгами к о. Буа, а о. Буа сам привозить деньги и сдавать их о. Алексею. О. Евстафий согласился делить субсидию пополам, так что каждому приходилось по 45 руб. О. Алексей примирился с о. Буа, и ссора окончилась.

⁵⁷ Об этом Н. С. Ушакова сообщила митр. Андрею:

« Шаги, предпринятые мною у правительства, привели к следующему: Столыпин гарантировал мне, что церковь будет существовать. Он сказал мне, что так как мы не хотим быть под польской юрисдикцией, он начнет переговоры по этому поводу с Римом. Я была поражена, как ужасно боится Вас, Владыко, русское правительство, и в особенности осложнений с Австрией. Столыпин сказал это совершенно откровенно (*en toute lettre*). Он воображает себе, что Вы поддерживаете украинские сепаратистские тенденции, и, как я ни старалась побороть это абсурдное мнение, это не привело ни к чему ».

* * *

Раз как-то, в июне 1909 г., уже около полуночи, к Л. Д. Федоровой прибежали две ученицы сестры Варвары:

— Ради Бога, идите к нам ночевать, у нас завтра будут крестить еврейку по греко-католическому обряду. О. Алексей уехал на свою сторону, остался о. Евстафий, он и будет крестить. Сестра Варвара не знает, что надо приготовить, а о. Евстафий пришел уже в десять часов вечера. Мы не успели притти к вам раньше, так как только сейчас об этом узнали.

Утром Любовь Дмитриевна спросила сестру Варвару:

— Есть у вас ведро или лохань?

— Нет.

Начались поиски, и к восьми часам принесли кадку из под огурцов. Укутали ее простыней, постлали ковер, поставили ширмы и, приготовив все нужное для крещения, стали ждать. Пришли двое: крестный отец, адвокат, лютеранин, уже пожилой, и еврейка, молодая, красивая и интеллигентная.

Федорова спросила:

— А где же крестная мать?

О. Евстафий ответил:

— Да вот, к обеду придет Ушакова, так я думаю, она будет матерью.

Однако Ушакова наотрез отказалась. А без матери крестить невозможно. Что делать? Федорова согласилась быть крестной. Спросила будущего кума:

— Крест привезли?

— Кому?

— Да крестнице.

— Нет, я этого не знал.

У Любовь Дмитриевны крест был на медальоне с образком. Обратились к присутствующим. Ни у кого не оказалось, а, может быть, просто дать не хотели. Ушакова сняла с себя золотой крест и дала. Началось оглашение, потом исповедь, а за нею - крещение. Символ веры пришлось читать крестной матери, а еврейка повторяла за нею, так как не выучила почти ничего. О. Евстафий сказал ей в назидание:

— Если ты принимаешь святое Крещение ради земных интересов, то знай, что этим ты уже обрекла себя на вечную гибель, лучше бы тебе было остаться в твоей прежней вере.

Лицо еврейки выражало при этом подлинный страх. Чего именно

она боялась, сказать было трудно. Крестный отец, лютеранин, как оказалось впоследствии, человек совершенно неверующий, заявил, что он уже раньше перешел в католичество и за обедней причастился вместе с новокрещеной еврейкой. Народу было много, все были воодушевлены, веря, что « заблудшая душа действительно обрела здесь спасение ». После обедни, участники церковного торжества отправились к сестре Варваре пить чай. Тут же привели в порядок бумаги о крещении. Все были весело и радостно настроены, как вдруг появился о. Ян Урбан. Присутствующие принялись ему восторженно рассказывать, « какое Господь сподобил совершить важное дело ». Недовольный вид о. Урбана без слов говорил, что он не разделяет этих чувств и к крещению относится иначе. Однако, поправить сделанное о. Евстафием было нельзя: о. Урбан опоздал! Ему пришлось ограничиться строгой нотацией, которую он тут же прочитал о. Евстафию, указав, что нельзя крестить так поспешно, на подготовку полагается по крайней мере шесть месяцев. О. Евстафий выслушал поучение и подчинился, но внутренне остался при своем мнении. Он ссылался на пример Апостолов: те не подготавливали шесть месяцев, а пользовались минутой благодати, когда у человека являлось желание креститься.

— Если, говорил он потом, - человек крестится ради земного корыстного расчета, то приготовление его не только в течение шести месяцев, но и целого года не произведет в нем ничего, и он останется при своем убеждении.

* * *

Все, происходившее у русских католиков в Петербурге доходило до митрополита Андрея и, конечно, не могло радовать его архипастырское сердце. Не написал ли он сам Н. С. Ушаковой:

« С большой грустью я наблюдаю издаലെка за тем, что происходит у Вас; однако, несмотря на все, продолжаю надеяться, что окончится это время раздоров, смуты, подлинного хаоса, и что восторжествует идея воссоединения Церквей ». (19-12-09)

Словно чувствуя его мысли, Л. Д. Федорова (в конце декабря 1909 г.) выразила владыке свое личное отношение к тому, что нам не может казаться здесь особенно грустным, но что, по ее мнению, в тогдашних условиях, должно было быть неизбежно таким:

« Когда всматриваешься в домостроительство Божие, то при всей вере в Его Премудрость, все-таки поражаешься бесконечным Разумом Божиим. Вот о. Алексей приехал к нам и с первых шагов сошел на ложный путь. Стал подражать полякам, игнорируя восточный обряд.

Ксендзы, видя в нем своего приверженца, не могли считать его опасным и даже в некоторых случаях покровительствовали ему; но при всем искажении, наша литургия носила название восточной и потихоньку делалась известной, а это уже успех. Но если бы о. Алексей, как ревностный восточник, с самого начала своей деятельности, повел бы себя круто с ксендзами, не имея в России никакой опоры и покровительства и сам находясь в подозрении, озлобленные ксендзы не простили бы ему этого; началась бы вражда, и о. Алексей должен был бы бросить свою миссию. Таким образом, то, что мы считали худшим, оказалось лучшим.

Потом приехал к нам неизвестный старообрядец; над ним смеялись и не обращали на него внимания; в полной изолированности от ксендзов, он молча стал делать свое дело ... и в результате - открылась домовая церковь восточного обряда. До такой системы не мог бы дойти человеческий ум. Вам, как избраннику Божию, было указано на этих двух людей »).

Месяц спустя, она же написала митрополиту Андрею:

« Я с удивлением констатирую, что католицизму у нас сочувствуют все более и более. Видно, на то есть воля Божия, и не удержать людям этой невидимой силы. Несмотря на наши неурядицы и неудачи, в моей душе живет светлая надежда на будущее нашей Церкви »).

« Н. С. Ушакова говорит и пишет, что надо терпеливо ждать, и только этим можно достичь желаемого »).

ГЛАВА VIII

ДВЕ ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА В РОССИЮ

Федоров - префект Научного Института (Студиона) в Львове и его ежегодные поездки отсюда в Россию. *Первая поездка* (1-30.1.1910): В Вильне у белоруссов. - Церковь на Полозовой улице. - Доминиканец о. Шумп. - Иезуит о. Урбан. - Ассумпционисты отцы Буа и Борен. Приезд в Петербург о. Викентия Ключинского и посвящение его в епископы. - Отношение нового митрополита к легализации русского католического прихода. *Вторая поездка* (1-24.2.1911): Русская миссия. - О. Алексей. - О. Евстафий Сусалев. - Митрополит Ключинский. - Поездка Н. С. Ушаковой в Рим. - Москва - старообрядцы, дом Абрикосовых, обыск. Рукоположение Леонида Федорова в священники.

По окончании Фрейбургского университета, Федоров пробыл около двух месяцев в Риме и оттуда поехал в Львов к митрополиту Андрею. Там, возле кафедрального собора, была устроенная им БУРСА, об-

щежитие для певческих учеников, названная теперь СТУДИОН. Митрополит думал о своих студитских иноках, которые под его руководством начали уже восстанавливать в Скниливе монашескую жизнь по восточным традициям. Но наряду с этим митрополит Андрей имел в виду и другое. Он создал в Студионе довольно большую библиотеку, в которой были собраны русские и иностранные религиозные книги о Востоке и Восточной Церкви. Здесь же он устроил и домовую церковь, построенную и украшенную согласно традициям. При одном взгляде на иконостас Федоров пришел в восторг и написал митрополиту Андрею:

« Образа поразительны; это идеальные образчики византийского искусства, далеко оставляющие за собой старообрядческую живопись ».

Много личных переживаний связалось у Федорова с этим детищем Владыки Андрея. Он написал ему:

« При освящении церкви нашего Института, я, читая слова « На рамо Христа... » и т. д. (при облачении омофора), молился Господу, чтобы Он помог Вам поднять на свои плечи всех русских овец, блуждающих без Верховного Римского Пастыря ».

Два года спустя, он признался владыке Андрею:

« Институт я даже вижу во сне... Заниматься научными и популярными трудами в пользу Унии - вот, что захватывает меня всецело... Меня не оставляет надежда, что нам удастся устроить из Института такое гнездо, из которого орлята-студиты будут вылетать во все стороны ».

Но тогда это были только зачатки Студитского Научного Института, префектом которого и преподавателем митрополит Андрей назначил Федорова. В Институте было несколько русских студентов, в числе их ГЛЕБ ВЕРХОВСКИЙ, будущий католический священник и сотрудник Федорова-Экзарха.⁵⁸ Молодому префекту пришлось приняться за дело очень энергично, так как порядки у студитов в Институте успели уже установиться довольно своеобразные. « Но с моим приез-

⁵⁸ Отцом его был русский изобретатель Евгений Верховский. Он изобрел касовую машину « Универсал », которую можно было видеть тогда в России почти во всех больших магазинах; по его словам, вероломный друг-бельгиец похитил у него чертежи и нажил на его машине целое состояние. Мать его, рожденная Бульмеринг, была из Прибалтики. Глеб родился в Костромской губернии. Обладая большими способностями к живописи, поступил после гимназии в Академию Художеств, где стал учеником Академика Ционглинского. Был одним из основателей « Мира Искусства ». Из Львовского Института отправился в Бельгию, где учился в Духовной Семинарии в Ангиене и закончил духовное образование в Католическом Университете в Инсбруке. Рукоположен в священники в 1914 г. в Константинополе.

дом, - пишет Федоров, - все это моментально изменилось ». Он описывает подробно, что застал и что предпринял, делая « очень энергичные представления » и вступая « в крупные разговоры », даже « пригрозил пожаловаться » митрополиту.

« Ваше Высокопреосвященство видите из этого необходимость строгой, до мельчайших подробностей регламентировки нашей коллегии, с полным и абсолютным запрещением нашему настоятелю так или иначе изменять раз установленные правила и мешаться в жизнь студентов, иначе у нас никогда не останется жить человек интеллигентный ».

О. Леонид искренне привязался к этому учреждению митрополита Андрея, сулившему, как ему казалось, так много хорошего в будущем. Вот, что пишет Л. Д. Федорова митрополиту Андрею об его отношении к Институту и учащихся - к нему:

« С каким удовольствием он рассказывает о Вашем Институте: проговорил о нем до трех часов ночи. Как скоро он успел полюбить там всех, даже какого-то повара-буяна, не говоря уже о Ваших приближенных; они его друзья. Большое впечатление на меня произвело письмо, которое прислали ему его учащиеся; это совсем не наши петербургские люди, я даже не подозревала, что такие существуют на свете. Сколько глубокой, чистой искренности! Из родной семьи не всегда получишь такое письмо; неудивительно, что он их любит. Это уже настоящее Царство Божие ».

Из этого « царства », в период 1910-1914 г., Федоров совершал по поручению митрополита Андрея ежегодно поездки в Россию. Митрополит посылал его туда поддерживать связь с людьми, причастными к зарождавшемуся русскому католичеству, и информировать о происходившем в России, в особенности в той области, которая была для него наиболее интересной в связи с апостольской работой. Кроме того владыка давал Федорову и отдельные поручения. О каждой поездке он писал Митрополиту подробный отчет. Историк русских предреволюционных лет найдет в них немало ценных замечаний. Но они интересны и для биографа о. Леонида, так в них отражалось в живой форме все, что ему приходилось видеть и слышать в России; и кроме того, отчеты обрисовывают и самого Федорова во всех его впечатлениях и высказанных мыслях. Эти поездки имели несомненно большое значение и для него лично, так как знакомили со средой и условиями, в которых должна была вскоре начаться его миссия.

В дальнейшем, мы приводим из отчетов Федорова только выдержки, касающиеся главных действующих лиц и наиболее характерные для общественной среды того времени. На второстепенном и менее значи-

тельном мы не задерживаемся, чтобы не загромождать нашу повесть ненужными подробностями и мелкими происшествиями, в общем, всегда неизбежными в русских начинаниях такого рода.⁵⁹

* * *

Первое пребывание Леонида Федорова в России продолжалось ровно месяц - с 1 по 30 января 1910 г.; почти три недели он прожил в Петербурге, шесть дней пробыл в Москве и один - в Богородске. Остальное время прошло в дороге, считая остановку на один день в Вильне. Здесь он посетил редакцию журнала «Наша Нива» и познакомился с деятелями национально-религиозного возрождения Белоруссии - Власовым и братьями Луцкевичами. Своей энергией и беззаветной преданностью делу Унии, все трое произвели на него самое благоприятное впечатление. При отсутствии хороших помощников, им приходилось работать буквально не покладая рук, целыми днями и притом с большой осторожностью, так как малейшая оплошность вызывала тотчас репрессии со стороны правительства и противодействие поляков. Редакционное помещение (одна большая комната) обращалась по вечерам в школу и читальню. Рабочие и служащие приходили сюда после трудового дня учиться и читать. Постепенно дело Унии приобретало себе новых сторонников даже среди латинского духовенства, не забывшего еще своего белорусского происхождения.

Первый день пребывания Федорова в Петербурге был посвящен переговорам с местными белоруссами-католиками в связи с делом о покупке лесов митрополитом Андреем, как предприятием, могущим обеспечить материальное и моральное положение униатов. Чтобы осуществить это, нужно было добиться отмены закона, запрещавшего иностранцам покупку земельных угодий в России. Однако, поверенный митрополита Андрея надеялся на успех благодаря благожелательному отношению министра Столыпина.⁶⁰

⁵⁹ Сокращения в отчетах Федорова обусловлены более этим соображением, чем желанием выбросить из них что-либо для кого-нибудь не совсем приятное и этим дать обрисованным событиям и лицам другое освещение. Наоборот, нам казалось, что прошедшие с тех пор трагические годы позволяют взглянуть на минувшее уже глазами истории и из ошибок того времени извлечь уроки для лучшего будущего, которое начинает теперь чуть брезжить в еще туманной дали.

⁶⁰ Александр Аркадьевич Столыпин, младший брат министра, в уже цитированной «Заметке» из «Нового Времени» (от 29-4-1912), говорит о покупке митрополита Андрея, как уже совершившемся факте: «...сей проповедник веры обзавелся в России именем, приносящим ему доходы и создающим прочную связь с намеренным духовным покорением страны».

На другой день Федоров отправился вместе с о. Дейбнером на Полозовую улицу.

« Там, - пишет он, мы застали вместе о. Алексея и о. Евстафия. Мой приход поверг их в неописанное изумление. После короткого приветствия, о. Алексей оставил меня с Евстафием и Дейбнером, а сам быстро прошел в церковь и начал там поспешно убирать монстранцию и другие атрибуты латинского обряда. Когда я вошел в церковь, то там не было другого света, кроме лампадки перед св. Дарами; завеса у царских врат была отдернута. Когда я заметил об этом о. Алексею, то он ответил: « А сегодня были полотеры, так вот и отдернули завесу », и сам сейчас же задернул ее. Я с трудом удержался от смеха...

Престол в самом деле очень мал, так что когда семисвечник стоит на престоле, то антиминс свешивается вниз. Поэтому семисвечник ставится на престол только во время вне-литургийных служб, когда антиминс не раскрывается. У дверей ризницы висят две котты, в которые одеваются прислужники. Котты сделаны родителями этих прислужников (оба белоруссы), и о. Алексей уверяет, что народу это нравится и он привык к этому. Конечно, нравится это только полякам и некоторым тайным униатам из белоруссов, а прежде всего самому о. Алексею. Для проскомидии особого престола нет; совершается она на комод, в котором хранится церковная утварь и облачения. Все облачения чисто русского синодального покроя, за исключением одной униатской галицкой фелони. Вместо диаконского ораря употребляется почему-то латинская стола, носимая через плечо, как орарь. Вид довольно комичный.

На проповедь о. Алексей выходит иногда в белом священническом стихаре с эпитрахилью на шее. После (читанной) обедни он преклоняет колена и читает « Angelus » по-русски. При чтении символа веры преклоняет голову на « Господа Иисуса Христа » и на « воплотившегося от Духа Свята ». Царские врата никогда не закрываются. На « Яко свят еси Боже наш » распростирает руки ладонями к народу, как латинский священник. Вообще служит вполне по галицкому обряду со всеми собственными добавками латинского характера. Проповеди его состоят из чтения Евангелия на русском языке и объяснений к нему. Эти комментарии сухи, вялы и безжизненны, без всякой логической связи, с нелепыми потугами на оригинальность и популярность. Пение ведется иногда при помощи наемных певчих, иногда же собственными прихожанами. Конечно, стройности мало, зато много воодушевления. Все молитвы за всюнощной читает обыкновенно о. Алексей, оставляя о. Евстафию только кафизмы и еще кое-что из молитв. Читает он очень скверно и крайне быстро, как самый обыкновенный православный

дьячек. Когда я упрекнул его за такое небрежное отношение к богослужению, он старался оправдаться тем, что язык его « околотился », и потому без книги он не может наблюдать за смыслом слов, да к тому же еще и устает. Читать Евстафию он не дает, как кажется, для того, чтобы показать, что все в церкви делает он и только он, так что без него церковь не могла бы существовать. Сусалев читает и служит превосходно, и о. Алексей, очевидно, боится позволять ему слишком выдвигаться, тем более, что некоторые открыто хвалят о. Евстафию. Какого-нибудь раз заведенного порядка для всенощной у о. Алексея нет: один раз служит полную (от 6 до 10 часов), как это было в навечерие Крещения, а другой раз - ускоренную, по синодальному обычаю (от 6 до 8 часов). Ясного распорядка в распределении тропарей, кондаков и ирмосов тоже нет: иногда певцы поют одно, а он затягивает другое. Постоянно извиняется тем, что обряд слишком расплывчатый и что в нем нет ничего определенного. Пристрастие ко всему латинскому доходит до смешного, так например, латинское кропило ему кажется более « католическим », чем греческое. Только в Крещение он пользовался нашим кропилом, очевидно, для того, чтобы снискать мое расположение.

Вопрос об органе буквально не дает спать о. Алексею. Хотя теперь его нет, но он намеревается ввести его снова.

— Когда я играл на органе, - говорит он, - церковь была полна народу, а теперь никого нет, я же при пустышке служить не желаю, я снова заведу себе орган.

— Но ведь церковь битком набита народом?

— Да это ведь не прихожане, а случайные люди.

— Однако, большая часть - латиняне, значит и им орган вовсе уже не так нужен, если они приходят в нашу церковь?

На это он, конечно, ничего не ответил. Большинство посетителей за литургией - латиняне. Это - или поляки, которым слишком далеко ходить до своей церкви, или же белоруссы, сочувствующие унии. Наоборот, за всенощной, можно видеть несколько человек православных, заходящих сюда, иногда, просто из любопытства. Таким образом они сами пропагандируют нашу церковь, разнося повсюду известия, что появилась какая-то « новая вера », в которой все, как у православных, но вместо синода поминают Римского Папу...

* * *

О. Шумпа пришлось видеть два раза. Он был очень обрадован моему приезду и сейчас же начал жаловаться на ассумпционистов. Он раздражен главным образом против Буа, а Борена называет хорошим

человеком. Однако, от дел нашей церкви он совсем в стороне, не хочет больше интересоваться ими.

В общем Шумп производит впечатление доброго старика, но очень горячего. Относится с большим уважением и любовью к митрополиту Андрею. Уважает также Урбана и находит, что « он, хотя и иезуит, однако обладает широким умственным горизонтом ». При всем том он для нас мало полезен, так как не имеет абсолютно никакого понятия о Восточно-Католической Церкви. К полякам относится с крайним недружелюбием. О Дейбнере не говорит ни худого, ни хорошего, а только смеется. Сестру Варвару называет сумасшедшей и бесполезной, существом, из которого не выйдет никакого толку.

* * *

О. Урбан принял меня, как и раньше, с распростертыми объятиями. Сейчас же заговорил о Сусалеве и об ассумпционистах. Против них, как и против Сусалева, Урбан настроен настолько враждебно, что даже пускает в ход крепкие слова (вроде: « обманщик », « шпион », « доносчик » и т. д.).

— Я не могу работать заодно с людьми, которые ставят себе целью травить одну национальность на другую, - говорил он об ассумпционистах, - потому что это противно христианской любви. Русские и поляки должны жить в мире и сообща работать над соединением Церквей. Они же (т. е. ассумпционисты) заботятся только о своих интересах, чтобы захватить здешнюю миссию в свои руки.

— Ну, а что, каков Сусалев?

— Мне кажется, что этот человек примкнул к нам просто из-за корыстных расчетов и в конце концов предаст нас. Это уж слишком ясно.⁶¹ Перед католиками он называет себя католиком, а перед старообрядцами отрекается от католичества. Об этом уже писано в журнале.

— В каком?

— Не помню. Однако, скоро этому будет положен конец: на него уже послана жалоба в Рим, и он будет отлучен от Церкви. Он уже грозил мне донести на меня в полицию.

— А какая там была история с крещением еврейки?

⁶¹ В том же месяце, когда происходил этот разговор, Н. С. Ушакова написала митрополиту Андрею, что считает о. Евстафия предателем. Хотя у нее не было достоверных доказательств, но ей казалось весьма вероятным, что он стал доносчиком. Глеб Евстафьевич Верховский, доставивший лично ее письмо владыке, должен был информировать его обо всем на словах.

— Самая скверная. Эта еврейка - артистка, она не имела права проживать в столицах, и один адвокат, лютеранин, человек ни во что не верующий, взялся за это дело. Для этого он предложил еврейке креститься. Та, как такая же атеистка, разумеется, согласилась. Адвокат стал искать православного попа, который согласился бы окрестить ее как можно скорее, но ни один не хотел сделать этого. Случайно он встретился в вагоне трамвая с Сусалевым, поговорил с ним, соблазнил его деньгами и уговорил крестить еврейку. Евстафий сделал это без малейшего приготовления. Разумеется ни тот ни другой не посещают большие церкви на Полозовой и не имеют с тех пор никаких сношений с самим Евстафием. Кроме того, этот адвокат причащался, будучи протестантом и неверующим, так что было нанесено тяжкое оскорбление св. Тайнам.

— В каких отношениях находится Сусалев с ассумпционистами?

— Он исполняет для них роль шпиона. Сначала я считал его за простого человека, но потом убедился, что он обманщик, так как все мои слова передавал ассумпционистам. Когда я открыл его подлость, то он клятвенно обещался мне не ходить более к ассумпционистам, но в тот же день снова пошел и пересказал им все, о чем я говорил с ним. С тех пор он не осмеливается ко мне больше являться, так как отлично понимает, что я выброшу его за дверь. Я даже хотел его учить, предполагая пройти с ним уроков в двадцать всю мораль в самом кратком виде, потому что иначе он неспособен исповедовать даже простых людей.

Затем разговор зашел о возможности для латинян, посещающих нашу церковь, причащаться под двумя видами. Позволяя таковым причащаться у нас, мы способствуем и облегчаем им исполнение христианского долга и вместе с тем даем наглядную картину универсальности католической Церкви. Когда я изложил эти соображения Урбану, то получил ответ, что все это было бы хорошо, но к сожалению запрещено церковными законами. Тогда я указал ему на «*Orientalium dignitas*», где разрешается латинянину, живущему в городе, не имеющем латинской церкви, причащаться по восточному обряду и обратно. Хотя в данном случае мы находимся в одном городе, однако, благодаря его величине, расстояние от некоторых улиц Петербургской стороны до Невского проспекта достигает шести верст и создает в сущности то неудобство, какое и имелось в виду в папской булле.

— Нет, нет, - быстро возразил Урбан, - этого нельзя допускать! (Однако, всем известно, что раньше, когда он имел надежду захватить нашу церковь в свои руки, это допускалось).

Во время моего второго посещения у нас зашла речь о нашей миссии.

— Я думаю, - сказал Урбан, - что восточный обряд только тогда

будет стоять крепко и развиваться, когда латинский обряд поступится чем-нибудь в его пользу.

Я вытаращил глаза от удивления: выходило так, что к латинскому обряду должны быть примешаны восточные формы! Но мое недоумение скоро рассеялось.

— Как же это вы хотите сделать, и что, собственно говоря, подразумеваете под этим? - спросил я.

— А вот что. Русские переходят в латинский обряд, или, по крайней мере, выражают желание видеть латинские обычаи в своем обряде, но так как они ни за что не согласятся оставаться при формах чистого греческого обряда, то необходимо ввести в восточное богослужение некоторые латинские девиции и обычаи, например, розариум, культ Сердца Иисусова, благословение св. Дарами.

— И это вы называете « уступкой латинского обряда в пользу восточного? » - воскликнул я.

— Конечно, - был ответ, - латинская церковь даст вам своих верных. Кроме того можно будет устроить вас всех в тесно сплоченное общество и ввести в состав латинской церкви как ее интегральную часть. Для наблюдения над чистотой обряда и священниками вам можно будет дать какого-нибудь латинского епископа, например Жарковецкого, хорошо знающего русских, их нравы и обычаи.

От такого проекта меня покорило.

— Но, дорогой отец, ведь это снова выходит, что мы будем находиться под польской опекой. Какое же доверие будет иметь к нам русское общество?

— Это пустяки. Все уладится. Нужно понять, что между поляками есть много чистосердечно расположенных к русским и к восточному обряду. Они готовы помогать вам и требуют, чтобы вы согласились на их участие в деле пропаганды.

— Все это хорошо, но если они расположены к нам так прекрасно, как вы говорите, то почему же тогда требуют от нас таких уступок за свою помощь? Почему не хотят помогать нам без всяких условий?

— Как же это?

— Очень просто: вы можете помогать нам материально, учить наших священников, писать книги апологетического содержания и т. д. Вот та почва, на которой вы можете нам помочь! В остальном же предоставьте нас самим себе.

— Ну нет, на это нельзя согласиться. Тогда между нами не будет истинного единения.

— Значит истинное единение должно выражаться в главенстве поляков над нашей общиной?

— Ах нет, не в главенстве, а только в активном участии.

— А разве народ, видя активное участие поляков и их открытое выступление не почувствует к ним недоверия?

— Это зависит от того, как будет поставлено дело. Если народу не будет внушаться ненависти к полякам и к латинянам, то все пойдет хорошо.

— А староверы?

— Ну, их можно предоставить самим себе.

Как я ни пытался доказать, что введение латинских отличий возбudit подозрение в народе и правительстве, он стоял на своем. Видя, что это не помогает, я зашел с другого боку.

— Ведь вы знаете, батюшка, как правительство боится митрополита Андрея и галицкой унии; а если оно теперь увидит, что мы примешиваем к нашему обряду именно галицкие отличия, то разве не явится у него само собой подозрение, что мы находимся в связи с митрополитом и галицкой унией с ее украинофилами?

— Но скажите ради Бога, - воскликнул он, - чего же латинского в культе Св. Сердца Иисусова или выставления св. Даров? Ведь это же логически вытекает из самого восточного богослужения!

— Хорошо бы, дорогой отец, - ответил я, - если бы правительство смотрело на это вашими глазами, но ведь вы знаете, что оно так не рассуждает и никогда рассуждать не будет!

Это его немного смутило.

— К тому же, - добавил я, - стремление подчинить русских польской иерархии напрасно, и все старания Цепляка не приведут ни к чему: Рим не согласится на это. Ассумпционисты слишком крепко завладели своей позицией и склонили на свою сторону весь секретариат Ватикана. Они прямо заявляют: «*Nous rions de toutes ces démarches des Polonais à Rome*» («Мы смеемся над всеми этими хлопотами поляков в Риме»). Бенيني открыто заявил мне, что никогда не позволит полякам иметь русскую церковь под своей юрисдикцией.

Лицо Урбана омрачилось...

— Ну посмотрим, - проговорил он сквозь зубы, - смеется тот, кто смеется последним. Как ни сильны ассумпционисты, но и наши епископы могут сделать кое-что!

-- Что же они могут сделать?

— Даже выпереть ассумпционистов из Петербурга, если это потребуется. Епископы, видя такое отчуждение восточных от латинской католической церкви, могут запретить своим верным общаться с ними и ходить в их церкви. Епископы должны следить за своими верными и оберегать их от вредных влияний и потому не могут допустить, чтобы

они исповедовались у восточных священников, людей необразованных и сомнительной нравственности, стоящих к тому же вне всякого влияния епархиального начальства. (Очевидно, это уже намеченный путь, которым поляки пойдут в случае укрепления нашей миссии).

Я старался доказать Урбану, что такая обрядовая мешанина не приведет ни к чему. Настоящий восточный в ней не нуждается, а тот русский, который стремится к латинским обычаям, ею не удовлетворится, а будет попрежнему ходить в костел.

— Но что же делать? - воскликнул он. Я не могу сидеть сложа руки и спокойно смотреть, как несчастный народ уходит в различные секты!

— Кто же вам мешает работать?

— Но ведь эти люди приходят ко мне и просят в латинский обряд!

— Ну и принимайте их: пусть будут латинянами. Те же, которые захотят стать восточными, пойдут к нам!

На это он ничего не ответил, а только пожал плечами.⁶²

* * *

У Ассумпционистов я был несколько раз. Сначала говорил только с Бореном (т. к. Буа был в отсутствии), а потом с обоими вместе. Приняли меня очень радушно, в особенности Борен. Из разговоров с этим последним я увидел, что главным их противником является Урбан: он считает его поляком самой чистой воды. Буа же высказывает взгляд совершенно другого сорта. Он считает, что Урбан - это передовой иезуит, старающийся захватить русскую миссию в свои руки. Конечно, они недовольны отцами Алексеем и Евстафием. Лучше всего характеризует о. Алексея Борен: « *c'est un artiste qui rêve dans sa chambre* » (« это артист, мечтающий в своей комнате »). Мне кажется, что лучшего определения дать невозможно. Хотя Борен и старается защищать Буа от всех нападков, однако, он делает это не искренне, а только как подчиненный защищает своего начальника, так сказать, по обязанности. Очевидно он сам сознает, что поведение Буа не вполне корректно. Их раздражение против поляков не поддается описанию: они утратили всякую меру и теперь только занимаются собиранием всевозможных фактов против поляков и польского клира и, кажется, собрали их достаточное число. Епископ Цепляк в освещении Буа представляется в довольно неприглядном виде.

Буа решительно отвергает все обвинения, возводимые на него о. Алексеем из-за неправильного распределения пособий, присылаемых

⁶² О. Урбан позже перешел на восточные позиции и начал в Варшаве издавать *Oriens* в восточном духе.

Римом.⁶³ Рим дает не пенсию, а милостыню, распределение которой зависит вполне от них, ассумпционистов. Если они дают Сусалеву 50 рублей, а о. Алексею только 40, то потому, что Сусалев - человек семейный; о. Алексей, хотя и семейный, однако же живет один, жена от него отеклась, а сыновья уже взрослые и сами могут себе зарабатывать на пропитание.

Речь у нас зашла вообще о тех слухах, по которым ассумпционисты представляются как люди, стремящиеся втихомолку захватить все в свои руки и сделаться здесь в Петербурге и даже во всей России руководителями русской греко-католической миссии. Я постарался показать, насколько начальство ассумпционистов в русской миссии было бы вредно для русского дела.

— Мы всегда были того мнения, что русская миссия должна быть независима, - восклицали оба наперерыв, - мы ничем не давали повода так думать о нас...

Мой приезд и связанное с ним движение заставили их понять, что теперь нельзя еще думать о каких-либо шагах к приобретению влияния в русской миссии. Соглашаясь с ними вполне относительно обрядовых пунктов, я высказал им горькие истины о печальных плодах, которые принесла политика ассумпционистов на Востоке и может принести и здесь, если русские узнают, что делом унии заправляют « иностранцы ». В ответ на это Буа сумел только уверить меня, что миссия ассумпционистов назначена помогать о. Алексею и быть посредницей в его сношениях с Римом.

— Если же, - добавил он, - мы требуем отчета в деньгах, посылаемых Римом, то исполняем этим нашу обязанность, потому что Рим будет требовать с нас отчета. Теперь же мы просто не знаем, что делать? О. Алексей ничего не предпринимает, чтобы организовать общину и своими латинизаторскими тенденциями отталкивает от себя тех русских, которые ищут чистого греко-славянского обряда. Если нас спросят из Рима, что сделано на эти субсидии, то мы не знаем, что и ответить, и может случиться, что Рим прекратит их выдачу.

По их словам, уже несколько русских изъявляло им готовность перейти в католичество с тем условием, чтобы обряд оставался неповрежденным. Они давно просили о. Алексея составить список членов общины, однако тот об этом и не думает; список же, составленный им для легализации общины, не выдерживает критики, так как представляет из себя серию польских и немецких имен, то есть католиков

⁶³ Эти строки писались за несколько недель до состоявшегося соглашения и примирения.

латинского обряда. (Конечно, такая русская община могла вызвать только смех у русских чиновников).

Положение у ассумпционистов самое незавидное. В Риме ожидают от них многого, а они не могут сделать самого необходимого благодаря противодействию поляков и о. Алексея. Последнего они считают только препятствием для миссии (что совершенно верно) и думают, как бы только избавиться от него. На Дейбнера не обращают никакого внимания, но признают, что он опасен болтливостью и непостоянством характера. Они даже предпочитают, чтобы миссия была уничтожена на время и открыта уже потом со способными людьми.

— Мы самые верные друзья митрополита, восклицали они оба, когда у нас зашла речь об отношениях русской общины к Его Высокопреосвященству.

Насколько искренни подобные восклицания? Мне кажется, что ассумпционисты чувствуют необходимость установить известный *modus vivendi* (определить взаимные отношения) с митрополитом Андреем. (Все это довольно понятно. О. Алексей уже стар, Дейбнер - никуда не годен. Евстафий слишком необразован. Поневоле перед ассумпционистами встает вопрос: откуда мы достанем священников? Они чувствуют, что почва под их ногами колеблется, и желают пока держаться митрополита, тем более что им известны горячие симпатии к нему русских католиков. В обрядовом отношении они, конечно, вполне симпатизируют Владыке, но боятся вместе с тем его влияния на дела русской миссии, ибо тогда миссия ассумпционистов будет играть второстепенную роль).

Собственно, деятельность ассумпционистов не особенно широка. Она захватывает только научные сферы и аристократию. Они говорили мне (в особенности Борен), что знакомы с немалым числом студентов Духовной Академии, которые приходят к ним и спокойно рассуждают о соединении Церквей, о необходимости единоличной церковной власти и т. п. Бывают также у них и некоторые священники; так, например, Аксенов - их постоянный гость и глубоко им симпатизирует. Кроме того они знают несколько русских интеллигентов, готовых уже перейти в католичество, но которых останавливают латинские замашки о. Алексея.

Их отношения ко мне довольно неопределенны. Борен хотел бы искренно видеть меня в Петербурге, но Буа и не заикался об этом. Быть может он вел себя так потому, что знал лучше Борена неисполнимость такого проекта. Что они возлагали на меня большие надежды и желали сделать меня своим *affilié* (примкнувшим к ним), это теперь уже не подлежит сомнению. Но все-таки приятно отметить, что Борен представляет из себя редкий тип человека благоразумного, доброго, и

благочестивого. Они сохраняют наилучшие отношения с Ушаковой, и она, пожалуй, с полным правом называет их « единственными разумными людьми », хотя не скрывает опасений и боится их тенденций. Некоторые обстоятельства заставили их войти в более тесные сношения друг с другом.⁶⁴

В 1910 г. произошло, наконец, в Петербурге событие, которого давно ждали католики, не только латиняне, но и восточные: они дождались обещанного правительством митрополита. 16 мая о. Викентия Ключинского торжественно посвятили в епископы в церкви св. Екатерины. На о. Алексея и о. Евстафия, при представлении ему, он произвел благоприятное впечатление, обошелся с ними приветливо. Он разрешил им произвести 22 мая сбор во всех католических храмах Петербурга в пользу русской католической церкви. Нужно было таким путем достать денег, чтобы быть утвержденными и получить разрешение на постройку церкви восточного обряда. У о. Евстафия вышел на этой почве инцидент в церкви св. Екатерины с настоятелем о. Будкевичем. И в других церквях сбор прошел не совсем гладко. Некоторые поляки не без основания смотрели косо на русских, собиравших у них на свой храм, но многие, несмотря на это, жертвовали и притом довольно щедро. Создавалось, конечно, для русских католиков не только странное, но и тягостное положение. Чтобы добиться у русского правительства, в своем же отечестве, права на постройку собственного храма, они были вынуждены обеспечить себе хотя бы половину нужного капитала

⁶⁴ Н. С. Ушакова несомненно знала петербургских ассумпционистов лучше, чем кто-либо из русских. Почти одновременно с отчетом Федорова, она написала о них митрополиту Андрею (3-1-10; оригинал на французском языке):

« Мне кажется, что они искренне преданы делу воссоединения Церквей. Они разумны, у них есть план действий и они не устают повторять на все лады, что иностранец, даже живущий в России, не может стоять во главе русской миссии; мне кажется, что это правда. (Через год Н. С. написала Федорову из Рима: « Иностранцы, как бы умны они ни были, не поймут нашего омота. Надо его перестрадать, как мы, чтобы в нем не утонуть и от него не отшатнуться »). Трудно, конечно, копаться в чужой совести. Может быть они работают прежде всего для славы Божией, а потом уже для собственного ордена, но я не вижу в этом никакого основания не пользоваться их помощью. Факт тот, что поляки их ненавидят, а о. Шумп, которого я очень уважаю, их тоже не любит. Возможно, что о. Буа привлекает в будущем епископский сан; может быть, он хотел бы стать и заместителем монсиньора Бенини. Однако, в настоящее время, у меня почти полная уверенность, что он искренен в вопросе о невозможности передать наше дело в руки иностранца. Он показал мне бумаги, которые ему дали в Риме. Ему поручили помогать нам своими советами; что же касается субсидий священникам, то деньги ему посылают с приказанием распределять в соответствии с тем, как он найдет нужным. Вот и все ».

церковным сбором у поляков! Запись, сделанная Федоровой в своем дневнике, говорит о том, как переживала это русская душа:

«Теперь мы сидим с клочком бумаги, которая дает нам право просить на построение храма, и только в одном Петербурге и только в католических церквях, словно мы какие-то приехавшие в Россию иностранцы, желающие устроить себе здесь свою церковь. А так как у нас тут есть единоверцы-католики, то говорят - просите у них, а в другие города России, хоть и к своим единоверцам, не смейте обращаться! Одним словом, нас заставляют забыть, что мы русские! Несчастливая нация! Что ты делаешь? Не сама ли ты разрываешь узы родства и гонишь от себя своих только за то, что они хотят прекратить пагубную вражду, существующую между христианами. Мудрые правители! Наша идея неуязвима; она терпелива, а потому и могуча. Вас уничтожит время, а нас оно не может уничтожить, потому что мы ВЕЧНЫ!».

В ночь на 7 июля, во втором часу ночи, к о. Алексею пришел полицейский с предписанием произвести обыск.

«Все перерыли у меня, - рассказывает о. Алексей, - и даже у отсутствующего о. Евстафия. Отобрали бумаги и письма, хотели даже захватить святые мощи, но я сказал, что они не имеют права этого брать, и они их оставили. Когда околоточный читал приказ об обыске, то он, прочитав, перегнул лист, и я увидел там еще слова: «Если... то... арестовать...», т. е., если найдут, что ищут, то арестовать. Но у меня ничего такого нет, правда, были три бумаги и одно письмо, которые могли бы навести на подозрение, но они их подержали в руках и оставили. Взяли наши спорные письма с Ушаковой; конечно, хотя дело личное, но все же неприятно».

Через неделю о. Алексей успокоился и на этот счет. Оказалось, что у него остались нетронутыми все письма, написанные Н. С. Ушаковой, в которых он уличается ею «как латинец и подражатель поляков» (так, по крайней мере, резюмировал их содержание о. Алексей). Пропали только черновики его статей: «Против атеистов» и «Защита католической Церкви». Это обстоятельство его даже рассмешило:

«Они будут переписывать последнее, и это пройдет через несколько рук, и, таким образом, сами будут пропагандировать».

11 августа, на собрании русских католиков был снова поднят вопрос об открытии церковной общины, так как год тому назад Столыпин сказал Ушаковой, что они получают разрешение на приход, когда будет назначен митрополит. Тут же решили идти к нему всем вместе-просить

похлопотать. Однако, от митрополита пришел ответ, что он примет одну Н. С. Ушакову. Во время аудиенции, она подчеркнула, что русские католики хотели притти к нему « в полном составе », чтобы приветствовать его, как « своего старшего ». В ответ на это, митрополит Ключинский заметил, что « русским он не митрополит ». Ушакова позволила себе возразить:

— Мы, правда, другого обряда, но как верные католики, мы вас признаем, так как вы - митрополит всех католиков в России.

— Это хорошо, - сказал митрополит, - что вы меня признаете, но не имея ни от Рима ни от правительства никаких указаний и полномочий, я не могу ничего для вас сделать.

На выраженное Н. С. Ушаковой желание русских иметь в Петербурге свой отдельный приход, митрополит ответил вопросом, брошенным как-бы вскользь:

— Нужно ли это?

Со своей стороны он посоветовал вместо этого открыть школу. В принципе, Ушакова не имела ничего против школы, но обратила внимание митрополита, что для этого нужны средства.

— Ну, не большие...

— Как, а квартира, учителя, школьная мебель? А где и как вербовать учительский персонал и детей? И потом, как посмотрит правительство на русскую католическую школу? Кому ее подчинить?

— Да, конечно, это может быть... Привлеките Сипягина из Саратова,⁶⁵ постарайтесь нанять даровые силы. Все это должны делать вы сами...

Дальнейший разговор протекал в том же духе. В конце аудиенции, Н. С. Ушакова, высказав предположение, что митрополиту, вероятно, успели уже сообщить о ее якобы ненависти к полякам, нашла полезным воспользоваться случаем, чтобы высказаться об этом совсем откровенно:

⁶⁵ О. Александр Сипягин - родился в Тифлисе в 1875 г. Был профессором Харьковского Университета и членом I Государственной Думы. Приняв католичество, пожелал стать священником (латинского обряда). Для этого окончил Католический Университет в Инсбруке, после чего был назначен преподавателем в (католической) Духовной Семинарии в Саратове, где его застала революция. Эмигрировав из России, стал в Константинополе во главе коллежа для русских мальчиков, с которым переехал потом в Бельгию. На Пасху 1925 г., по указанию Рима, перешел в восточный обряд и был при коллеже священником. Смененный иезуитами, в чье ведение перешел этот коллеж, о. Сипягин был вызван в 1928 г. в Рим, где принял участие в качестве члена комиссии по кодификации восточного церковного права и был преподавателем русского языка в Восточном Институте и Руссикуме. Умер 17 января 1941 г. и похоронен на кладбище Верано в склепе Греческой Коллегии.

— Это ложь. В области политической я их жалею, часто им сочувствую и понимаю прекрасно всю тяжесть их положения, но в церковном отношении я относилась, отношусь и буду относиться враждебно к их национализму.

На это митрополит Ключинский заметил:

— Да ведь и вы русские страдаете тем же: кто не православный, тот по-вашему не русский.

Ушакова ответила:

— Схизматическая церковь неизбежно делается национальной, так как церковные понятия суживаются, а для Вселенской Церкви - это грех.

— Да, да, конечно, но лучше бы никому этим не страдать, - сказал митрополит Ключинский и этим закончил беседу.

Вернувшись домой, Наталия Сергеевна написала директору департамента иностранных исповеданий Харузину, что митрополит, по его словам, не имея полномочий от правительства, не может способствовать открытию русского католического прихода. Вследствие этого она попросила его указать способ, каким можно было бы добиться, во исполнение обещанного ей Столыпным, разрешения прихода русским католикам. Три дня спустя Ушакова сама заехала к нему за ответом и узнала, что Харузин, по содержанию ее письма, имел разговор с митрополитом Ключинским:

— Не могу от вас скрыть, - сказал он, - что митрополит недоброжелателен к вашим русским католикам. Он говорит, что ваши священники лишены сана, что Рим смотрит неодобрительно на этот приход. Я ответил ему, что нас это не касается. Если он согласен, мы не будем делать никаких препятствий. Поэтому ваша группа должна подать прошение, а мы зарегистрируем приход.

Наталия Сергеевна вспомнила, как о. Алексей говорил ей, что сначала нужно выхлопотать разрешение на приход и только потом можно будет говорить о работе. Она поспешила сообщить ему радостное, как ей казалось, известие и была очень удивлена, что он принял его довольно холодно и ограничился неопределенным обещанием сходить к митрополиту.

— Да не ходить надо к митрополиту, - сказала Наталия Сергеевна, - а написать прошение, собрать нас всех, и мы подпишем его.

Не получив от него никакого ответа, она написала о. Буа и при его помощи добилась того, что о. Алексей, в конце концов, написал прошение; 30-8-10 оно было послано.

« По всему видно, - написала Н. С. Ушакова княжне Марии Волконской, - митрополит не желает русского католического прихода. Я не

знаю, лжет ли он, когда говорит, что Рим не дал ему указаний. Я видела бумагу, написанную занимающему должность, пока митрополит не был назначен, я читала, что « *on le prie d'accorder sa protection* » (« его просят оказать поддержку »). Может быть эту бумагу его поляки ему не показали, но я решила, что через три недели, если он не утвердит нас, я опять к нему поеду и скажу, что знаю о существовании бумаги. Ну, если это не подействует, доберусь до Пия, но приход будет. Ведь я не умру, пока этого не сделаю ».

Тут, как говорит русская пословица, « нашла коса на камень ». Тем не менее, Ушаковой пришлось, вероятно, не раз вспомнить свои же слова: « надо терпеливо ждать, и только этим можно достичь желаемого ». С прошением начались мытарства, всю тяжесть которых и передать трудно. Целая сеть проволок, безмолвного отпора, мелких интриг и разных подкопов, почти год тормозила дело на каждом шагу. Душой противодействия оказался никто другой, как сам же о. Алексей. В ноябре 1911 г. он был однажды поставлен в тупик, и это заставило его показать свое истинное лицо больше обычного. Он прямо заявил, что не хочет идти против поляков, так как в России господствующая церковь - латино-польская. Приблизительно в то же время, митрополит Ключинский сказал в разговоре с о. Дейбнером:

— Берите пример с о. Алексея; ему вошло католичество в плоть и кровь. Это удивительно, как он переработался в католическом духе. Он понимает его, он наш.

А Н. С. Ушакова написала о нем же владыке Андрею:

« Мне кажется, что вся беда проистекает от того, что бедный о. Алексей стал марионеткой в руках поляков, которые возбуждают его то против ассумпционистов, то против меня; и так как они его поддерживают материально, то это становится каким-то заколдованным кругом ».

* * *

1 февраля 1911 г. Леонид Федоров приехал опять в Петербург, волейневолей тоже « инкогнито », т. е. с чужим паспортом. Пребывание его в России было на этот раз короче, чем в первый приезд. Все время, от 1 до 24 февраля, кроме пяти дней, (проведенных в общем благополучно, хотя и с неожиданным осложнением в Москве), он прожил в Петербурге. Отчет его о второй поездке охватывает ряд текущих дел и недоразумений, которые он старался уладить, вызывавших недовольство петербургской общиной в Риме, главным образом по вине о. Алексея, к чему присоединилось и предосудительное поведение о. Николая Толстого в Москве, за которое он также, как глава русских католиков,

являлся ответственным. Во всех этих делах Федорову нужно было разобраться и, переговорив с рядом лиц, обстоятельно оповестить митрополита Андрея.

« Существенных перемен в нашей церкви, - пишет он во втором отчете, - не произошло никаких. Каждое воскресенье происходят торжественные обеды, на которые собираются русские и поляки. Всех католиков греко-восточного обряда, постоянно пребывающих в Петербурге, считается теперь 27, вместе со священниками (Сусалева и его семью исключаю ввиду скорого переезда в Москву). Церковь уже не может вместить всех молящихся, так как не только белоруссы, но и поляки посещают ее весьма охотно. Сбор на церковь, как во время службы, так и вне ее, происходит регулярно. Набранными суммами теперь пользуются для содержания священников (после прекращения римских субсидий).

Самый дом уже составляет чужую собственность. Сестра Варвара продала его и купила новый деревянный, на Крестовском острове (на самой окраине города). В ее способность устроить что-либо полезное для миссии я окончательно разуверился. Это - женщина больная, сумасбродная, с характером крайне неуживчивым и непокладистым. Жить у нее никто не будет, потому что она никого не умеет привязать к себе. Хозяйство вести она тоже не умеет. С одной стороны я даже доволен, что ее на Полозовой больше не будет, потому что она часто вмешивалась не в свое дело и ссорилась поочередно со всеми. Переносить церковь на Крестовский остров нельзя: это слишком далеко от центра города. Новый домохозяин пока еще позволяет жить о. Алексею и держать церковь в его доме. Кажется, что это человек добрый и нет оснований опасаться с ним какого-нибудь конфликта.

* * *

О. *Алексей* остается таким же, как и раньше: упрямым и инертным, воздыхающим о латинских новшествах. Только последние горькие пилюли - отнятие субсидий и выговор из Рима - заставили его немного опомниться. Рожанцы прекращены и, если ведутся, то в частной форме. Он начал закрывать в известные моменты во время литургии царские врата и перестал делать латинские жесты, в виде складывания ладоней и размахивания руками. Сначала он никак не хотел поверить, что одной из главных причин лишения его субсидий была латинизация обряда, но потом, услышав все это от меня, понял, что Рим более не шутит. Теперь он уже сам стал просить дать ему в руки *εὐχολόγιον*, по которому он мог бы поправить синодальный служебник. К счастью Ушакова

привезла из Рима от Веригина *εὐχολόγιον* Пропанды и Киевский служебник с его отметками. Целых пять часов отсидели мы с о. Алексеем и наконец выработали из синодального издания - католическое. О. Алексей обещал в точности сохранить предписанную форму. Однако, до последнего момента, он пускался в чисто детские хитрости и уловки, чтобы хоть немного латинизировать церковную обстановку. Так, немедленно же по отъезде Ушаковой в Рим, завеса на царских воротах упала. На мой вопрос, отчего нет завесы, о. Алексей с большим замешательством стал выдумывать какую-то историю, что шнурок перетерся, а прут, которым поддерживалась завеса, взяла сестра Варвара и т. п.

— Почему же вы до сих пор не повесили?

— Да что ж вешать, если нас еще, может быть, с квартиры выгонят?

— Когда это будет - еще неизвестно, а пока не нужно соблазнять народа.

Я призвал Трофима, дал ему немного денег и велел, чтобы на другой же день завеса была бы на месте.⁶⁶ Увидя, по тону моего голоса, что я шутить не намерен, Трофим немедленно купил шнурок и завеса была водворена на место. Этот случай наглядно показывает, что о. Алексей до самой смерти останется неисправимым латинофилом.

⁶⁶ Трофим Иванович Семяцкий, родился в 1859 г. в Гродненской губернии. Был дьячком где-то в Холмской епархии у епископа Евлогия. Любил странствовать по монастырям. Его очень верно описал под именем о. Кулика Алексей Ремизов в рассказе «*La Matière*» («*Современные Записки*» за 1926 г., XXVII, стр. 101-157): «*В своей страннической жизни ... он переменял 80 монастырей, нигде не ужился. Он пешком прошел не только Россию от Соловков до Киево-Печерской Лавры, он побывал и на Афоне и в Иерусалиме; он прошел по тем камушкам-тропкам, по каким идут отчаявшиеся в нашем грешном мире, чающие мира и чуда для своего неумиренного, неумирающего сердца...*» О. Леонид в своей характеристике был более трезвым и простым: «*Оригинал, оделенный неотделимыми от него чудачествами*». Вероятно это и было главной причиной сближения Трофима с о. Алексеем; они как-то понимали друг друга в своем «своеобразии». О. Абрикосов, тоже хорошо знавший его, выразился о нем в разговоре, как о типе «*неунывающего русского человека*», добавив: «*в особенности, когда он бывал навеселе*». Друзья звали его почему-то «*Федей*»). По его словам, Трофим пробовал в Петербурге даже шоферствовать, но неудачно, и потерпел на этом деле убыток. Был преподавателем в школе *гр. Платер* (устроенной на тех же основаниях, что и школа Н. С. Ушаковой в Белоострове, с той только разницей, что там дети жили при школе, а у *гр. Платер* все были приходскими). Вскоре Трофим должен был оставить и эту школу, начав преподавать в школе *Яновской*, официально православной, но по духу католической, на подобие тогдашних французских школ в Константинополе. Католиком Трофим сделался в 1909 г. и устроился псаломщиком в церкви на Полозовой. Впоследствии его пришлось отставить и от этого дела.

Обвинения, предъявленные на него Бенини и самим Св. Отцом, как: а) латинизация, б) подчинение юрисдикции латинского митрополита и в) молчание относительно недостойного поведения о. Толстого, - о. Алексей, конечно, считает несправедливыми. Тогда я попросил его дать мне формальный ответ на эти обвинения, что он и сделал”.

Федоров сообщил митрополиту Андрею его ответ полностью, заметив при этом, что:

« во всей этой словесной тираде справедливым можно признать только первый пункт, все же остальное - одни увертки и давно известные своеобразности о. Алексея ».

В качестве примера достаточно привести из его ответа только несколько строк:

« Наше дело свыше поставлено так странно, что не разберет и сам квартальный. Сделали меня каким-то начальником, а повиноваться этому начальнику никто свыше не внушил... А тут вмешались еще и бабы, и вышел суший кавардак... Вместо того, чтобы поддержать меня, тем, кому сие ведать надлежит, все они, как сумасшедшие, напали на меня, чуть не с намерением, чтобы разорвать меня на куски. Даже Рим восстановили против меня... Наша аристократия, привыкшая своими попами подтирать полы в своих гостинных, с своими привычками лезет и в католичество. Но то время, когда русские попы приготавливали св. Дары для больных бояр в сенях и только с этими Дарами осмеливались ходить в боярскую ложницу - уже давно прошло. Я ни у кого не домогался своего настоящего супериорства и не буду плакать, если его отнимут у меня. Но я, пока стою на своем посту, не поступлюсь своими убеждениями ни на шаг, ибо эти убеждения добыты потом и кровью и тюремным заключением, и, кто знает, быть может в нем закончу свое поприще ».

« Увертки » о. Алексея имеют действительно лишь весьма отдаленное отношение к ясно поставленным о. Леонидом вопросам и сути дела мало касаются.

« Только одним качеством обладает он в совершенстве, - продолжает Федоров об о. Алексее, - терпением. Никакие пертурбации не в состоянии возмутить его духа и привести в отчаяние. Проповедует теперь немного лучше, хотя к проповедям все-таки не готовится. Высказывает полную преданность Вашему Высокопреосвященству:

— Скажите Владыке Андрею, - говорил он мне, - что хотя я и не поминаю гласно его имени на ектениях, однако же в душе молюсь только за него.

Прихожане относятся к нему с полным уважением, хотя некоторые и удивляются его « странностям ». Реальную пользу церкви на Поло-

зовой, да и вообще делу, приносит Трофим Семяцкий, энергичный, неунывающий ни при какой беде, довольный самым малым, он золотой человек в нашей общине. В нем о. Алексей приобрел постоянного хорошего дьячка ».

* * *

Я видел о. ЕВСТАФИЯ раза три на Полозовой улице и посетил его на квартире, где пробыл более трех часов. Из разговора с ним я вынес то впечатление, что о. Евстафий принадлежит к числу людей замечательно твердых, непреклонно и упрямо идущих к своей цели. В этом случае природная сметливость и знание людей восполняют у него недостатки образования. Сделать из него образованного человека кажется невозможно: он ленив учиться; на уроках спит и зевает; его внимание не выдерживает более получаса. Зато в умении вести себя он сделал большой шаг вперед. Старообрядцы, видимо, начинают относиться к нему с уважением. Голубин принимает его весьма почтительно и называл его « батюшкой », что старообрядцы делают весьма редко по отношению к лицам, не принадлежащим к их церкви, а Мельников, вне себя от удивления, говорил мне:

— Да скажите, что вы сделали с о. Евстафием? Ведь это совсем другой человек.

« Хмельное питье » им, кажется, совсем оставлено... Только один грех не дает ему покоя: корыстолюбие. С течением времени, когда он все-таки будет более понимать свое назначение, эта страсть не будет его уже более так мучить. Чтобы обеспечить нашу миссию от его жадности, надо его самого обеспечить, дав ему квартиру и приличное жалованье.

Я заметил, что о. Евстафия что-то тяготило, и он не раз порывался спросить меня о чем-то. Наконец, путаясь и мешаясь, он спросил:

— А что, Леонид Иванович, как в Риме обо мне судят?

— Очень плохо, о. Евстафий, - ответил я, - вам вовсе не нужно было туда показываться. Сознаться теперь, ведь вас туда ехать подговорил Моль?

— Да, он самый.

— Как вы не подумали о том: зачем ему нужна была ваша поездка?

— Да, ведь, он мне денег дал.

Вот - *ultima ratio omnium rerum* (т. е. последний, решительный довод во всех делах) для о. Евстафия, и это самое опасное в нем. Семьянин он хороший и умсет воспитывать своих детей: его сын, мальчик лет двенадцати, учится отлично в католической гимназии св. Екатерины, прекрасно знает церковное пение и участвует каждое воскресенье в богослужении на Полозовой улице.

* * *

У Митрополита Ключинского я был два раза. Говорили о разных делах. К о. Алексею Ключинский питает большое расположение и искренно сожалеет, что в Риме с ним обошлись так сурово, лишив его субсидии.

— Ни он не подчинился моей юрисдикции, - говорил митрополит, - ни я не требовал от него этого шага, так как такая юрисдикция была бы для меня лишней тягостью. Все было сделано для того, чтобы спасти русскую миссию, так как если бы правительство узнало, что о. Алексей - самостоятельный начальник миссии, то его уже давно не было бы в России. Должен же я был выдать ему паспорт католического священника, ибо иначе русское правительство считало бы его « расстригой » и не позволило бы ему жить в столице.

Митрополит уверял меня, что он принимает это с большой неохотой, как излишнюю тяготу, взваленную на его плечи. Вообще, личность Ключинского остается до сих пор весьма загадочной для живущих в России католиков, как для самих поляков, так и для других представителей католической Церкви. Когда я спросил Борена:

— Что представляет из себя митрополит?

тот, смеясь ответил:

— C'est la question qui trouble tout le monde (это вопрос, смущающий всех).

Быть может он хочет до всего доходить без посторонней помощи, сам? Бойся выдать себя лишним словом и ведет себя крайне осторожно? Иногда он кажется очень хитрым человеком, который только прикидывается простачком, чтобы лучше выведать дело. С другой стороны — он похож на крайне недалекого человека, заядлого бюрократа. Некоторые говорят, что правительство именно потому и утвердило его избрание, что видело в нем золотую середину, послушное орудие своей воли. Кто знает? В разговоре со мной он выражался очень почтительно о правительстве и не называл Государя иначе, как: « Государь Император » или « Его Величество Государь »... Чтобы испытать его еще больше, я вставил в разговор такую фразу: « принимая во внимание бездонную глупость нашего правительства »... Бедный митрополит буквально подскочил в своем кресле и поднес руку ко рту, как бы желая защитить себя от удара.

* * *

Наталья Сергеевна Ушакова вернулась в Россию из Рима почти одновременно с моим посещением Петербурга. Она была у Бенини, Мерри дель Валь и у Папы. О Бенини она говорит, как об очень

умном человеке, великолепно осведомленном обо всем происходящем в России. Только об его воспитании она выражается довольно резко... На все просьбы Ушаковой о продлении стипендии, он отвечал решительным и резким отказом:

— У нас в Китае есть такие миссионеры, которые чуть не умирают с голоду и однако работают как апостолы, а вы хотите, чтобы мы поддерживали каких-то безобразных людей, которые ничего не делают кроме интриг и не хотят слушаться наших приказаний.⁶⁷

Мерри дель Валь обошелся с ней гораздо лучше, « по благовоспитанному », но в вежливо-дипломатической и холодной форме дал понять, что в Риме крайне недовольны русской католической миссией.

На аудиенции у Папы Ушакова стала оправдывать поведение о. Алексея и других, обращая внимание на их недостаточную осведомленность в вопросах католической веры и нравственности, на особенность их положения и т. п. Папа выслушал ее благосклонно, но потом сказал, внушительно постукивая пальцем по столу:

— На первый раз я прощаю, но пусть они не повторяют больше подобных вещей.

Все обвинения концентрировались на двух главных пунктах: латинизирование обряда и подчинение юрисдикции латинского митрополита.⁶⁸

* * *

Собираясь теперь говорить о *Дейбнере*, я заранее извиняюсь перед Вами, Владыко, за мой резкий тон и раздражительность, которую

⁶⁷ Еще из Петербурга, перед отъездом в Рим, Н. С. Ушакова написала княжне М. М. Волконской: « За что будет Рим платить? Три года живет о. Алексей здесь и не привлек никого, упирается против всего, явно ослушивается Рима, вводя латинские церемонии в восточный обряд и явным с поляками возбудил недоверие православия. Что в самом деле платить таким людям? Рим прав, как всегда ».

⁶⁸ Вот дословно написанное Н. С. Ушаковой из Рима Леониду Федорову в Львов (он получил ее письмо перед самым отъездом в Россию): « Рим очень разгневался на жителей Полозовой улицы и отнимает у них выхлопотанную отцом Буа субсидию; махнули на них рукой, пусть мол пропадают естественной смертью, а надо ждать, чтобы были священники поумнее, сформированные в Риме, и тогда видно будет. По мне этот взгляд ошибочен, не потому, чтобы мы были хороши (Вы видели сами, чего мы стоим), а оттого, что мы, хотя и убогая дверь, но все же калитка, через которую легче будет проникнуть следующему поколению на ниве Господней. Я просила здесь всех, начиная со Святейшего Отца, который тоже предубежден против них. Он очень строго сказал; « что прощает их, но чтобы они не смели повторять своих действий ». Кардинал Мерри дель Валь недоволен также. Но кто рвет и мечет против о. Алексея, так это монсеньор Бенини ».

я испытываю, когда говорю об этом человеке.⁶⁹ Я понимаю, что Вашему Высокопреосвященству неприятно выслушивать горькие истины о Вашем первом русском ставленнике, который, к тому же разделяет все Ваши воззрения на католическое благочестие. Но я не могу умолчать о вредном его образе действий для нас и его болезненном характере, не позволяющем ему рассуждать о вещах толково и спокойно. Я охотно признаю, что Дейбнер добрый, благочестивый и честный человек, но вместе с тем вспоминаю латинскую поговорку: *sanctus es – ora pro nobis, prudens – gubernans nos* (если ты свят – молись за нас, если благоразумен – руководи нами); а так как *prudentia – mater virtutum* (благоразумие – мать добродетелей), то отсутствие ее у священника, стремящегося к самой горячей деятельности во славу Божию и на благо св. Церкви, является большим недостатком, чем отсутствие святости. Я ценю и уважаю Дейбнера, как личность, как священника вообще, и каждый день поминаю его на св. литургии, вынимая за него и его семью частицу, но вижу в нем злейшего врага нашей миссии. Всех удивляет та стойкость, с которой он вынес свалившееся на него несчастье. Это правда; здесь виден перст Божий и Его святая благодать, не оставившая смиренно-верующего человека без своей помощи, но и все это ничего не говорит в его пользу, как миссионера греко-католического обряда в России. *Predica calda – testa fredda* (проповедай горячо – холодной головой) – вот чего должен держаться всякий наш священник в России. Нужно спокойно взвешивать *за и против* во всех предполагаемых возможностях, нужно научить людей и потихоньку осведомлять их о нашей идее, нужно быть чуждым всякой мистики, так как последняя неприложима к начинающим, а есть венец совершенных. Нужно, наконец, и это самое главное, *забыть самого себя даже в проявлениях своего благочестия*, как это делают отцы бенедиктинцы в греческой коллегии, не навязывающие никому столь дорогих им практик латинского благочестия. Но у о. Иоанна нет даже намека ни на одно из этих качеств. Теперь даже Ушакова говорит, что он изменился к лучшему. Отчасти это правда. Он стал держать себя спокойнее, более сдерживаться в обществе, не столь легко поддаваясь своему горячему темпераменту, стал более строгим в своих взглядах и перестал менять их как перчатки. Но на этом все и оканчивается. Старая закваска – бестолковость, легкомыслие, духовный эгоизм, сентиментальность и нетерпение – осталась прежней. Дейбнер *origine* имеет уже два

⁶⁹ Страницы об о. Дейбнере взяты из отчета Федорова о 3-ей поездке. Они помещены здесь, так как Федоров касается в них главным образом латинского уклона о. Дейбнера, относящегося именно к этому времени.

(врожденных) недостатка: а) он наполовину немец, б) воспитан в атмосфере петербургского полурусского общества и напитан петербургским салонным благочестием. Ему поэтому чужда восточная мистика и восточное благочестие. Ему нравятся петербургские церкви с их итальянской натуралистической живописью, короткая петербургская служба с ее роскошью и внешними эффектами, горластые дьяконы и т. д. Все это было бы еще полбеда, но беда в том, что он, как русский иностранного происхождения не знает ни русской культуры, ни связанных с нею византийских традиций. Он принадлежит к числу тех типов, которых у нас называют « европейцами » (западниками). Такие люди ругают у нас все русское бытовое, византийскую культуру и Восток вообще и часто доходят до полной денационализации. Дейбнер, националист в душе, после принятия католицизма постепенно теряет это качество. Как это происходит? Он видит, что западная форма католицизма вполне удовлетворяет его религиозным вкусам (до этого он дошел постепенно), видит, что представителями этой религиозности в России являются поляки, знакомится с ними, посещает латинские церкви, в которых орган, деланные цветы, выставление св. Даров, мальчики - прислужники в белоснежных комжах (« как будто ангелы! » - восклицают обыкновенно наши петербургские дамы), священники бритые и прилизанные в сутанах (« а не наши косматые попы в дурацких рясах! » - *idem*) и т. п. - приводят его в телячий восторг. Но старое нерасположение к полякам еще владеет его душой. Начинается конфликт: или сделаться поляком - католиком или остаться православным русским. На счастье Господь приводит его в Галицию, где конфликт счастливо разрешен. С этих пор галицкая уния делается милой его сердцу. Все практично, коротко, удобно. Так же, как и в латинской Церкви - шкаплеры, розарии, Сердце Иисусово, Крестная дорога, « мша шептана » (т. е. « тихая месса »), священники в сутанах, грубые латинские молитвы новейшего образца, в которых нет и следов восточной мистики и т. п. Возгорается пламенное желание обратить « схизматиков » в лоно св. Церкви и притом как можно скорее. Это сделать очень легко: стоит только посвятить Россию Сердцу Иисусову, молиться Ему и повсюду распространять Его культ!... Оказалось, однако, что практика не соответствует теории. Русские не бросились, как стадо баранов, в открытую дверь Церкви. Пришлось приступить к терпеливой миссионерской подготовительной работе. Пылкая душа нашего « иерея-дилетанта » к такой работе органически неспособна.

Сегодня - восточник, завтра - западник; сегодня - друг французов, завтра - их враг; сегодня превозносит о. Алексея, завтра - оплевывает его и т. д. без конца. Некоторые умиляются тем, что он сейчас же просит

прощения у того, кого он обидел, и не помнит зла. Это - правда, но что бы Вы сказали о таком слуге, который ежечасно ломал бы мебель, а потом со слезами просил бы прощения? Наверное Вы бы сказали ему: « Милый друг, у тебя очень доброе сердце, но этого еще слишком мало, чтобы быть хорошим слугой; поэтому - получи расчет и иди с Богом »!

Москва.

1 - Старообрядцы.

Мне пришлось много говорить с *Николаем Матвеевичем Востряковым*. Это человек еще молодой (лет 25), не глупый; его живо интересуют вопросы религии и культуры. Он принадлежит к молодому старообрядческому поколению, которое уже не относится с слепым доверием к заветам старины, а критикует их. Когда он спрашивает о различных различиях, то как-то конфузится, очевидно сознавая мелочность подобного рода вопросов. Его внимание занимает более культурно-религиозный прогресс Запада, вопросы просвещения темной массы народов, согласование науки и веры, одухотворение внешних обрядовых форм религии, проповедь и т. п. Он не увлекается внешней святостью и стойкостью старообрядчества:

— Не обманывайтесь, - сказал он мне, - ведь у нас много лицемерия. Ведь вот, религия-то кажется нам такой простой вещью: сходил в церковь, помолился, да и делу конец. А как поговоришь, например, с вами, то и ясно, что религия-то вещь не такая простая.

Сознание зависимости старообрядчества от « кулаков » и сильных мира сего, а также приниженность духовенства перед мирскими властями тяготит его. С сердечной болью рассказывал он мне, как однажды, во время архиерейской литургии, архиепископ Иоанн, в полном облачении, поднявшись со святительского трона, поклонился вошедшему губернатору.

В его магазине пришлось мне вступить в краткую беседу с одним полуинтеллигентным старообрядцем. Речь шла о двоеперстии. Известие о том, что Папа благословляет двоеперстно произвело настоящий фурор. С неменьшим удивлением слушал он рассказ о студитских монастырях. Прощаясь со мной, выразил сожаление, что наше знакомство было столь кратковременным.

Нетерпимость современных старообрядцев к господствующей русской церкви объясняется не столько ненавистью к « новым обрядам », сколько грубостью и нетерпимостью, с которой приверженцы православия обращаются со старообрядцами. С людьми, почитающими их традиции, они обходятся совсем иначе. Привыкнув слушать только

брань, порицания и грубые окрики, они с удовольствием слушают человека, говорящего с уважением об их обряде, обычаях, приветствующего свободу их церкви и желающего им и впредь широкого и свободного развития.

У Мельникова я просидел почти четыре часа. Принял он меня вежливо, ласково, беседовал в высшей степени снисходительно и с удовольствием отвечал на мои вопросы.

В беседе с православными, Мельников пользуется довольно остроумными приемами. Так, он выбирает какую-нибудь антикатолическую тему, но, громя католиков, обвиняет в тех же « ересь » и грехах православную церковь. Получается поражающая картина: православные оказываются виноваты во всех грехах католичества. Католики признают « непогрешимость » Папы, а православные « непогрешимость » своих иерархов и синода; католическая церковь ввела инквизицию в Испании, а православная гнала и мучила старообрядцев и т. д.

— Под покровом католиков, - сказал я, - вы бьете православных.

Мельников засмеялся...

Он сознает недостаток образования среди старообрядцев, в особенности богословского.

— Догматика у нас не разработана. Многие еще не определены.

Я побуждал его заняться изучением иностранных языков, в особенности же греческого и латинского, как необходимых для изучения и чтения святых Отцов.

— Иначе, - говорил я, - вам придется все время итти в хвосте у господствующей церкви и питаться теми крошками учености, которые она кидает вам со своего стола.

— Что же делать, - отвечал он, - у меня нет времени, приходится слишком много работать над газетным материалом.

— Попробуйте изучить хоть латинский язык.

— Тогда, пожалуй, латинянином сделаешься, - сказал Мельников, - и на его лице мелькнула хитрая усмешка.

Со старообрядцами нужно обращаться с большой осторожностью. Свое теперешнее положение они ставят выше всего и смертельно боятся попасть в немилость у правительства. Поэтому во всех распускаемых про них слухах они подозревают скрытые махинации своих врагов, желающих повредить им во мнении правительства. Слухи же о их склонности к католицизму являются для них самыми опасными, так как правительство, основываясь на этих слухах, будет иметь повод подозревать их в политической неблагонадежности. Чтобы зарекомендовать себя горячими патриотами, они примыкают к консервативному

лагерю (хотя и не сочувствуют ему) и стараются показать себя заядлыми приверженцами самодержавия.

— Разве вы не боитесь, - сказал я Мельникову, - что ваш журнал могут прихлопнуть за резкий полемический тон?

— Чего же нам бояться, ведь мы революционных идей не распространяем. Старообрядцы всегда верны отечеству и престолу, - и на его умном лице снова мелькнула саркастическая улыбка...

2 - Дом Абрикосовых.⁷⁰

Про эту семью можно сказать словами ап. Павла: «Приветствую домашнюю их церковь». Редко где можно встретить молодых людей в цвете сил, столь преданных делу Церкви и столь религиозных. Они

⁷⁰ Супруги Абрикосовы - Владимир Владимирович и Анна Ивановна, оба родом из очень богатой купеческой семьи.

Владимир Владимирович (род. 22-10-1880) окончил в Москве историко-филологический факультет; интересовался в молодости, главным образом, западной и древней философией. По собственному признанию, историю знал в те годы только формально, смысла ее не понимал. С православием был совершенно незнаком, даже не ходил в церковь. Религиозные симпатии его были на стороне протестантов. Католики представлялись ему «обскурантами» и «ретроградами». Эти взгляды он провел в теме государственного экзамена о причинах реформации. В этом, конечно, не было ничего исключительного; такое умонастроение характерно для русских «культурных кругов» того времени. Политические симпатии Абрикосова были на стороне революционеров.

Анна Ивановна, по окончании гимназии в Москве, поступила в Гартовский женский колледж при Кембриджском университете. Окончив его, вернулась в Москву и вышла замуж за своего двоюродного брата Владимира Владимировича.

Супруги Абрикосовы были «свободомыслящими»: Бога, правда, не отрицали, но и не верили; в жизни обходились без Него. В то же время они находились под влиянием западной христианской культуры, которая и привела их к католицизму. Посещая во время путешествий по Европе музеи и монастыри, созерцая памятники духовной культуры, они усвоили западно-латинскую форму христианства. Предрасположения к этому у них не было; по унаследованной русской традиции, своего рода духовному атавизму, они чувствовали скорее отталкивание от Рима, если не просто отвращение к «папизму» и католикам, но не к католицизму, даже не к «папству», как таковому. Между тем именно католическая форма христианства ответила им на нерешенные до сих пор вопросы о смысле жизни. Тут они нашли решение, которого раньше тщетно искали в философских теориях, и это-то и привело их к католической Церкви.

Первой присоединилась в 1908 г. Анна Ивановна; ее подготовили к этому о. Турнадэ, викарный священник церкви Мадлен в Париже, и настоятельница находившейся при ней же общины сестер милосердия св. Викентия-Поля. Желания последовать примеру жены у Владимира Владимировича тогда не было; он присое-

распространяют католичество всеми зависящими от них средствами: знакомством, влиянием, материальной помощью и т. п. Жена Абрикосова, Анна Ивановна, с утра до вечера занимается с детьми русских католиков, ездит к знакомым и принимает их у себя с единственной целью обращения в католичество. То же делает и ее муж Владимир

динился лишь год спустя, в 1909 г. Супруги посвятили этот год изучению католического богословия в Риме и затем занимались еще немного богословскими вопросами с генеральным прокурором « Св. Сульпиции » в Париже. Анна Ивановна прониклась убеждением, что только латинские священники могут влиять на русские души. Еще в Париже у нее было желание перейти в латинский обряд, но такое решение отклонил тогда о. Maurice Rivière, настоятель церкви Мадлен. В Риме супруги попросили о том же, через одного прелата, Папу св. Пия X, но и Он отказал им, сказав, что они могут по-необходимости практиковать временно латинский обряд, но должны вернуться снова в восточный, как только это станет возможным в России.

К русскому Рождеству Абрикосовы уже были в Москве. В январе 1910 г. они впервые встретились и познакомились с Леонидом Федоровым, который пробыл тогда шесть дней в Москве. На Абрикосова он произвел впечатление талантливого человека, остроумного собеседника, обладавшего большим даром оратора. Он увидел в нем глубоко духовного, религиозного и - до фанатизма - церковного человека, пронизанного идеей соединения Церквей в восточном понимании этого. В те годы, на фоне политического брожения, в Москве господствовал, вообще, высокий подъем духа; немало фанатиков-активистов было и в революционной среде. Поэтому Абрикосов не нашел в унастроении Федорова ничего исключительного; оно казалось ему скорее созвучным общему московскому духу.

В 1913 г. Абрикосовых принял в новициат доминиканцев о. Либерсье при французской церкви в Москве. Лето в этом году они не провели, как обыкновенно, в своем подмосковном имении, а отправились за границу. Побывали и в Риме. Тут они принесли обеты в качестве доминиканских терциариев; их принял в орден генеральный прокуратор о. Декеру. Они удостоились и частной аудиенции у Папы св. Пия X, который, как рассказывал об этом о. Владимир, дал им свой портрет с собственноручной подписью и благословил их будущую деятельность в России.

В Москве Абрикосовы были членами латинского прихода св. Петра и Павла; они бывали ежедневно у мессы, причащались, читали строго католические книги. Анна Ивановна хорошо владела французским, английским, итальянским и немецким языками. Довольно серьезные для мирских людей знания из области богословия и философии позволили им играть видную роль среди русских католиков в Москве, тогда, правда, еще очень немногочисленных. Конечно, способствовало этому и богатство Абрикосовых, обеспечивавшее им полную независимость и отсутствие всяких материальных забот. Квартира Абрикосовых на Пречистенском бульваре, в пятом этаже нового здания Иерусалимского подворья, сделалась центром распространения католических идей среди москвичей. В своем домашнем кругу, Владимир Владимирович имел обыкновение говорить на философские и догматические темы; Анна Ивановна выступала по вопросам аскетике, мистики и истории Церкви. Собрании в их доме носили всегда простой, непринужденный, чисто московский характер; беседы кончались « чашкой чая ».

Все это было далеким от той бедности, страданий, преследований и борьбы, в

Владимирович. Он сообщил мне даже по секрету о своем желании сделаться священником и просил указать нужные учебники. Он хорошо говорит по-французски, знает немецкий, итальянский, латинский и немного греческий язык. Благочестие обоих и строгая жизнь с соблюдением всех церковных предписаний, делают их редкими людьми в наше время.

В их религиозной деятельности им помогает *Наталья Сергеевна Розанова*,⁷¹ живущая теперь со своими детьми в Москве. Она тоже очень благочестивая женщина, отдающая всю свою жизнь католической миссии.

В доме Абрикосовых *Верцинский*⁷² собрал самых ревностных русских католиков (преимущественно женщин) и образовал из них марианскую конгрегацию, которая хранится в строжайшем секрете.

В Москве я пробыл пять дней и все это время проживал у Индриха.⁷³ Уже в Петербурге, за два дня до отъезда, можно было читать в газетах о посылке чиновника в Богородск и Москву для расследования дела о « иезуитской пропаганде », но я никоим образом не предполагал, что

которых зарождались основы русского церковнокатолического строительства в Петербурге, как зачатки миссии будущего Экзарха восточного обряда. Все в Москве были латинянами, подчинялись местной латинской юрисдикции и, в сущности, сами шли тем путем, который поляки тщетно старались проложить в Петербурге и которому правительство не было склонно препятствовать. Таким образом, до образования Российского Экзархата, католики-москвичи имели лишь отдаленное и только косвенное отношение к миссии о. Леонида. Отсюда проистекало и в этой области обычное петербургско-московское расхождение и взаимное непонимание, к тому же усиленное всегдашним антагонизмом двух русских столиц, под духовным и культурным влиянием которых находились обе группы русских католиков.

⁷¹ Вдова хирурга Розанова, проживавшая в Москве с двумя дочерьми.

⁷² О. Феликс Верцинский, очень деятельный и почитаемый в Москве католический священник, из ордена иезуитов. В то время, в связи с переездом о. Сусалева в Москву, у Абрикосова был план устроить домовую церковь восточного обряда, в которой он был бы приходским священником; о. Сусалев получил от властей формальное разрешение на открытие такой церкви в Москве. Абрикосов собирался учить его разным наукам, тогда как общее руководство священнической деятельностью о. Сусалева брал на себя о. Верцинский. При этом он хотел остаться совершенно в тени и даже не показываться в церкви, чтобы не испортить дела своим видом латинского священника. Осуществиться этому плану не было суждено. Вскоре о. Феликс Верцинский был выслан из России (как и о. Ян Урбан) за принадлежность к ордену иезуитов.

⁷³ Карл Иванович Индрих, чех, австрийский подданный, католик, то, что в России определяли словом « полунинтеллигент », женатый на православной, работал в типографии Кушнерева. Поездки Федорова могли быть только конспиративными. В Москве он останавливался у Индриха.

и Индрих будет затянут в эту историю. Оказывается, что Сторожев,⁷⁴ по личной злобе на Индриха за разоблачение этим последним его некрасивых сплетен и проделок, указал на него, как на сообщника Верцинского. К счастью, во время самого обыска, я находился у Абрикосовых. Самый же обыск длился по крайней мере часа четыре и происходил при участии полицейских, дворников и сыщиков. В первый момент я, конечно, подумал, что дело идет о моей грешной особе. В этом сначала были уверены и Абрикосовы, тем более, что Мария Карловна, старшая дочь Индриха, телефонировала, что мой чемодан, стоявший на самом видном месте в кабинете Индриха, остался нетронутым. Это было так невероятно, что мы сочли это ловушкой, устроенной с целью заманить меня на квартиру Индриха и арестовать там. Наконец, после общего консилиума и долгих колебаний, я решил идти к Индриху. Все согласились, что нельзя было подводить семейного человека, гостеприимно принявшего меня под свой кров. Но прибыв туда, я увидел, что дело идет о другом, что Индрих замешан в расследование о « иезуитской пропаганде ». Конечно, обыск рисковал раскрыть мое инкогнито: если бы сыщики обыскали мой чемодан, то нашли бы там панагию, купленную для Вашего Высокопреосвященства, письмо митрополита Ключинского к Мерри дель Валу и письмо Верцинского к Ледоховскому. Только помощью Божией я могу объяснить себе тот странный факт, что полицейские, переискав во всех комнатах и перевернув все вверх ногами, не тронули моих вещей. Жена Индриха говорила мне, что один из сыщиков три раза обращал внимание на чемодан, но каждый раз остальные находили ненужным производить его освидетельствование. Я уже хотел было выехать на другой день, но, опасаясь, чтобы мой выезд не был похож на бегство, отложил его еще на два дня, для чего должен был одолжить 10 рублей у Абрикосовых. Все-таки полиция отнеслась ко мне с подозрением, потому что один шпик (очень наивный) ехал со мной до самой границы.

* * *

Вскоре после возвращения Леонида Федорова из России, митрополит Андрей отправил его для рукоположения в Константинополь. Сам он посвятил Федорова только в чтеца и иподиакона. Учитывая

⁷⁴ О. Михаил Сторожев, греко-католический священник, на которого о. Николай Толстой имел дурное влияние. Поэтому на него падает и ответственность за иные неблагоприятные поступки о. Сторожева. Последний даже признался, что действовал против о. Верцинского по наущению Толстого. Федоров был убежден, что сам по себе, при всех своих отрицательных свойствах, о. Сторожев вряд ли решился бы выступить открыто против о. Верцинского.

отношение к себе русского правительства, митрополит Андрей решил воздержаться от рукоположения Федорова в священники. Ему казалось, что для его будущего апостольского служения в России лучше избежать могущих быть на этой почве осложнений с правительством и не создавать затруднений. Предосторожность эта, однако, не имела большего действия, чем попытки Федорова скрываться от наблюдения русских шпионов при помощи « псевдонимов », к которым он прибегал в студенческие годы. Тем не менее митрополиту Андрею казалось все-таки лучшим, чтобы рукоположение Федорова состоялось не в Галиции, а в Константинополе. Болгарский католический епископ Михаил Милов рукоположил его в болгарской католической церкви Пресвятой Троицы в Галате, 22 марта 1911 г. - в дьяконы, а 25 марта - в священники. Федоров сообщил об этом радостном событии своей жизни телеграммой митрополиту Андрею:

« ГОСПОДЬ БЛАГОСЛОВИЛ! ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА НИЖАЙШИЙ ПОСЛУШНИК ЛЕОНИД ФЕДОРОВ ».

В августе русское консульство в Риме пригласило его по вопросу о продлении заграничного паспорта. Из Рима он написал митрополиту, что консул принял его очень любезно, и в разговоре с ним не было даже намека о поездке в Россию с чужим паспортом и об обыске в Москве на квартире Индриха.

ГЛАВА IX

ГРОЗА В ПЕТЕРБУРГЕ

О. Дейбнер - снова « восточник ». - Влияние ассумпционистов. - « Крах » русской католической группы - подчинение ее польской иерархии и последствия этого. *Третья поездка Леонида Федорова в Россию* (ноябрь 1911 г. - апрель 1912 г.): Русская синодальная церковь. - Архиепископ Антоний Вольнский. - Русское общество. - Католическая Церковь. - Русская миссия. - Москва. - Новые веяния в Министерстве Внутренних Дел после убийства Столыпина. - Открытие новой « Православно-католической церкви » на Бармалеевой улице. - Русский католический журнал « СЛОВО ИСТИНЫ ». - Выступление православного духовенства против новой церкви и ее настоятеля о. Дейбнера. - Епископ Никаандр, викарный Петербургского митрополита. - Закрытие новой церкви полицией. - Безуспешные попытки добиться открытия.

В апреле 1910 г. о. Ян Урбан покинул Петербург. Отъезд его совпал с болезнью о. Иоанна Дейбнера. После болезни он зашел повидать Любовь Дмитриевну Федорову. Она записала в дневнике свои впечатления от этого посещения:

« Неизвестно, чему приписать его новое перерождение: болезнь ли его отрезвила или Урбанский гипноз прошел, но он снова стал таким, каким я знала его, когда с ним познакомилась. Опять восточник, опять человек, с которым можно, не споря, рассуждать. Он снова стал самим собой ».

Доказательством того, что старушка Федорова правильно понимала людей и о. Дейбнер не был в этом отношении исключением, служит ряд его же собственных записей, в которых он сам себе дает оценку, а затем его донесения митрополиту Андрею об устройстве в Петербурге второй церкви восточного обряда, где он стал в качестве настоятеля снова ревностным и строгим восточником, (к сожалению, не надолго). Вот, что он пишет:

« И правительство, и духовенство православное, и часть латинского, и поляки, и некоторые русские католики, и общество, словом все кругом нас, казалось, сплотилось против нашего предприятия. Поэтому мы должны были ценить на вес золота всякую помощь, какую Бог нам посылал. Такой помощью являлась для нас, между прочим, Конгрегация Успения Богоматери в лице тех отцов ассумпционистов, которые проживали в Петербурге. По правде сказать, мы недостаточно ценили ту поддержку, которую они нам оказывали. Но к чести их надо сказать, что несмотря на все выходки, часто весьма обидные, со стороны членов нашего кружка, отцы ассумпционисты терпеливо и выдержанно помогали нашему восточному делу, как только могли. От них исходила не только материальная помощь, но и нравственная; последняя была для нас еще ценнее. Среди латинских священников только они (и за последнее время каноник Каревич) не только интересовались нашим делом, но и воодушевляли нас к строгому следованию по восточному пути. Нашим это было крайне необходимо, так как во многих умах схизма столь тесно сроднилась с восточным обрядом, что было полезно чтобы не мы, восточные священники, резко проводили демаркационную линию между латинским обрядом и католической верой, но сами латинские священники, воспитанные на Западе, католики от рождения, делали это; часто им было больше веры, чем нам.

Русские, как все славяне, отзываясь на минутные впечатления, иногда бывают готовы уступить то или иное из своего родного обряда, не думая ни о будущем ни о широкой массе народа. Французские ассумпционисты с их строго ясным и прямым западным умом, не упускали никогда из виду ни будущее, ни то, как могут отозваться на народе разного рода изменения, и эта западная методичность и практичность сыграла важную роль. Я только теперь вполне оценил это; в свое время в увлечении западными формами богослужения, я не замечал той не

суразности, той мертвящей своеобразности, в которую был бы заведен наш обряд, если бы с самого начала миссии он был скромсан на подобие латинского. В самый критический момент ассумпционисты энергично восстали против нашей (о. Алексея и - увы! - моей) попытки обрезать таким образом обряд. Благодаря им вмешался Рим и дал настоящее направление нашей миссии, велел под строгими угрозами:

1) священникам служить так, как служат в синодальной церкви, (« *nes plus, nes minus, nes aliter* »)⁷⁵ - подлинные слова кардинала Мерри дель Валь в письме латинскому ординариату в Петербурге.

2) Запретить латинскому духовенству распоряжаться в нашем обряде. Если впоследствии нашу общину отдали под юрисдикцию латинского ординариата (хотя, во-первых, юрисдикция над нами была дана *лично* Ключинскому, и, во-вторых, без права вмешиваться в обряд), то это случилось не только без вины ассумпционистов, но, напротив, вопреки их настояниям, по просьбе о. Алексея.

Воздавая им должное, я не говорю, что они не делали ошибок; я только хотел указать, что благодаря здоровому и разумному направлению эти ошибки были ничто в сравнении с тем положительным, которое они давали. Притом же эти ошибки были чисто личного свойства и не касались ни принципа их деятельности, ни направления. О. Буа имел характер бесцеремонный, *il était cassant*, как говорили про него; происходили инциденты, о. Алексей обижался. Эти личные промахи о. Буа, может быть, много способствовали конечному торжеству польской иерархии, стремившейся подчинить себе миссию. Умный и сильный волею о. Буа, очевидно, глядел в ширь и в даль, но не смотрел под ноги. В чужой стране, при враждебном правительстве, при наличности вековой латинской организации, представители которой только и ждали, чтобы отбить себе во власть римско-католическое дело, о. Буа должен был привязывать к себе людей, а не отталкивать от себя. Отношения обострились.

В октябре 1909 г. возник вопрос, читать ли нам с народом розарий, выставлять ли св. Дары на поклонение. Мы устраивали торжественное выставление Даров, пели униатские супликации, читали розарий. Церковь была полна народа. Правда, посетителями были обрусевшие поляки, бывшие униаты и т. д., а не коренные россияне. Тут-то и произошел крупнейший инцидент из-за этих добавочных богослужений. Шумел Буа, шумели некоторые ревнители строго - восточного богослужения, шумели мы (о. Зерчанинов и я); все перессорились

⁷⁵ « Ни больше, ни меньше, ни иначе », т. е. ничего не добавляя, не убавляя, и не изменяя.

и в Рим полетели письма. Результатом этого было письмо кардинала Мерри дель Валь латино-польскому ординариату в Петербурге:

1) о том, что юрисдикция ординариата не распространяется на греко-русский кружок католического исповедания (это последовало в ответ на ходатайство пр. Денисевича, тогда управлявшего архиепархией, подкрепленное прошением о. Алексея);

2) что обряд и дисциплина греко-русской церкви не подлежат изменению (остаются *ut sunt, nec plus, nec minus, nec aliter*); ⁷⁶

3) что добавочные богослужения, хотя и полезны, но могут быть вводимы только с согласия Рима в каждом отдельном случае, но не самими священниками, кои *potam prudentiae minime praestaverunt*); ⁷⁷

4) что за нарушение этих постановлений священникам угрожают строгие взыскания.

Письмо было резко в отношении ординариата; в письме было высказано явное недоверие к тому, что писал пр. Денисевич в Рим: «от мужей, достойных веры», Рим узнавал совсем другое чем то, что доносил преосвященный. Поведение мое и о. Алексея в смысле введения латинских новшеств в литургию, резко порицалось (Денисевич же писал в Рим, что латинский обряд вводился греко-восточными священниками только в добавочные богослужения)... Все это было несомненно в пользу нашего православно-католического дела, но увы! - мы тогда были ослеплены. Несмотря на ясное указание Рима, вместо послушания, мы противились и, наконец, пришел *крах*, когда нас подчинили польской иерархии». ⁷⁸

⁷⁶ ... см. примечание 75.

⁷⁷ ... «ради благоразумия да вносят возможно меньше перемен».

⁷⁸ О. Урбан оперирует с фактами немного свободно и чересчур упрощает дело, когда пишет в уже цитированной статье, напечатанной в виленском журнале «К соединению» (№ 9-10 за 1934 г.): «Около этой церковки собралась небольшая группа восточных католиков, из которых, однако, вследствие разных юридических препятствий, формального прихода создать было нельзя. Вся эта группа, следовательно, юридически принадлежала к латинскому приходу св. Екатерины. Неопределенна была также и церковная юрисдикция над зарождающейся общиной. Одно время о. Алексей выступал как делегат митрополита Шептицкого, потом, по воле Святой Столицы, власть над ним и, вообще, над католиками восточного обряда принял Могилевский Митрополит, проживавший в Петербурге. Апостольская работа в трудное время столыпинской реакции была почти невозможна; росту этой слабой былинки, каковой была группа восточных католиков в Петербурге, мешали также и внутренние трения и мелочные споры между работающими для нее священниками о разных особенностях обряда, об отношениях к латинскому духовенству и т. д. Во всех этих мелких неприятностях о. Алексей исполнял роль миротворца и был любим и уважаем всеми. В особенности любили симпатичного старца латинские священники».

* * *

Наталья Сергеевна Ушакова была очень расположена к о. Дейбнеру, а с его женой ее связывала близкая дружба; впоследствии она даже поселилась у них. Несомненно и она была права в своем отзыве, когда писала митрополиту Андрею (19-12-09), что « считает о. Дейбнера вполне надежным, глубоко преданным, ревностным, исполненным веры и доброй воли, но нуждающимся в руководстве ». Однако, беда о. Дейбнера, при его вспыльчивости, впечатлительности, неустойчивости, была не только в отсутствии у него хорошего руководителя, но и в неспособности признать над собой авторитет достойного лица и сознательно ему подчиняться. В данное время сказывалось, пожалуй, больше всего отсутствие подходящего руководителя, ибо о. Буа (да и Борен), при всех своих хороших намерениях, не мог руководить апостольской работой о. Дейбнера среди русских. Впоследствии, когда его иерархическим начальником сделался Российский Экзарх, выявилась и неспособность и даже какое-то неумение повиноваться. О. Дейбнер то и дело « срывался », становясь жертвой своего характера. Правда, жена его, Мария Иосифовна, по словам о. Леонида « умная, стойкая, энергичная », к тому же стоявшая на стороне ассумпционистов и очень дружная с о. Бореном, многое сглаживала своим тактом, и о. Дейбнер ее даже побаивался; но, конечно, не такого рода влияние и руководство было нужно католическому священнику в тогдашних условиях, при его неспособности быть в вверенном ему деле самостоятельным. Об этом ясно высказался о. Леонид в цитированном нами отчете. В дальнейшем о. Дейбнер сам доказал правильность его строгого суждения о себе. Теперешняя перемена ориентации была у него далеко не последней. Та же Н. С. Ушакова сказала однажды о нем: « Запишите число и месяц теперешних убеждений Дейбнера ».

Правда, нужно принять во внимание, что о. Дейбнеру, при его характере, было теперь не легко с таким начальником, какого он приобрел в лице митрополита Ключинского. Жалобы о. Дейбнера сходятся вполне с отзывами всех русских (кроме, конечно, о. Алексея), имевших с ним дело. Митрополит Ключинский был типичный бюрократ, дрожавший перед правительством, не только слепо исполнявший все приказания, но и сам еще забегавший вперед, чтобы угодить департаментским чиновникам. Про него говорили, что он ставил служебную бумагу выше живого дела. Пропаганда католичества бледнела совершенно в его глазах перед всемогущей бумагой. Осторожный до боязливости, он даже боялся этого слова и в разговоре с глазу на глаз сказал однажды: « О пропа-

ганде можно про себя думать, но этого слова нельзя произносить». Когда его просили, ссылаясь на распоряжения Рима, дать указание подведомственному ему духовенству, чтобы оно разъясняло переходящим из православия их обязанность оставаться в восточном обряде и направляло таковых в русскую католическую общину, он отвечал: « Мы живем в России; Рим думает по-римски, а мы думаем по нашему ». - « Вы понимаете Рим одним способом, а мы - другим ». С самого начала он заявил, что будет иметь над русскими католиками только внешнее наблюдение; остальное же - вне его компетенции: « мне запрещено всего этого касаться, все это должно остаться, как было до меня ». Однако, на практике, он вмешивался и давал указания, поддерживая латинизацию о. Алексея и называя ее « смягчением восточного обряда »: « В Петербурге и так достаточно схизматических православных церквей и без вашей ». - « Вы враждебны полякам », « вы служите по-схизматически ». - « Вы говорите как русский, а не как католик ». Митрополит Ключинский избегал давать русским точные указания, раз данные - отменял, противоречил себе же.

До весны 1911 г. церковь на Полозовой все еще оставалась незарегистрированной; священники не были легализованы. Весной о. Алексей возбудил ходатайство о легализации, своей и о. Евстафия. Из департамента иностранных исповеданий (« Пилатовой конторы » по выражению о. Алексея) пришел ответ: так как в России восточного обряда по закону не существует, то Зерчанинов и Сусалев должны быть внесены в списки латинского духовенства. Митрополит же истолковал эту бумагу так, что министерство запрещает восточный обряд и тотчас распорядился запретить богослужение и закрыть церковь на Полозовой. Русские католики отправили депутацию в Департамент, где Харузин им прямо заявил, что имел в виду только эту форму легализации духовенства, но против церкви ничего не имеет; сказал - подать прошение и церковь будет легализована. Русские так и сделали. Благодаря этому была, наконец, **УЗАКОНЕНА В РОССИИ ПЕРВАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА**. Вскоре был легализован и о. Дейбнер и зачислен в римско-католические священники Могилевской архиепархии.

В сентябре 1911 г. убили Столыпина, на « добром или равнодушном » отношении которого к Н. С. Ушаковой до этого времени как-то держалась русская католическая группа. В конце сентября пришла из Департамента бумага на имя митрополита Ключинского, запрещавшая о. Дейбнеру богослужение и проповеди, так как он, хотя и легализован как священник Могилевской архиепархии, но не назначен специально в церковь на Полозовой улице, а потому не может служить в ней. Ми-

трополит вызвал Дейбнера к себе и сначала хотел запретить ему совсем отправлять службу, но потом согласился, что он может все-таки и дальше служить. Между тем, когда на место Столыпина был назначен министром Внутренних Дел Виктор Викторович Макаров, митрополит Ключинский письменно запретил о. Дейбнеру совершать богослужение и уведомил об этом министра. Видя, что с Ключинским ничего не поделаешь, Дейбнер сам отправился к преемнику Столыпина. Там началось снова:

— Мы вам не доверяем, с самого начала тут были какие-то прятки, мы ничего не знаем о русском отделе, мы знаем только один лагинский и больше никакого... и так далее в том же роде.

★ ★ ★

В ноябре 1911 г. в Петербург приехал о. Леонид. Его третья поездка была из всех самой длительной; он пробыл в России полгода, до апреля 1912 г. Впервые он был в России в сане священника, что, конечно, меняло его положение в обществе и благодаря этому увеличивало круг его наблюдений, давая возможность глубже проникнуть в ту среду, в которой должна была протекать его будущая миссия, и лучше изучить ее. Отчет об его третьей поездке-самый содержательный из всех и наиболее интересный. О. Леонид рассказывает в нем немало о Петербурге перед катастрофой, надвигавшейся на Россию.

На этот раз у самого о. Леонида было важное дело в России. В январе 1912 года ему сообщили в римском консульстве, что его прошение о продлении срока заграничного паспорта отклонено и поэтому нужно поехать в Россию и уплатить там 250 рублей пошлины. О. Леонид воспользовался этой поездкой, чтобы уладить дело, и оно его сильно задержало. Оказалось, что за паспорт требуется уплатить одновременно 285 руб. Это превышало его материальные возможности, и он, в поданном градоначальнику прошении, предложил внести одновременно 105 руб., а остальное выплачивать по 10 руб. в год. В ответ ему сообщили, что эти деньги поступают в Красный Крест и Александровский комитет о раненых, и потому о снятии пошлин надлежит хлопотать в названных учреждениях. Наведенные справки показали, что прошение там или не удовлетворят совсем или будут рассматривать по крайней мере полгода. Эта перспектива повергла о. Леонида, как он выразился, « в ужас » и побудила искать выхода из трудного положения не совсем легальным путем. При помощи добрых знакомых и взятки 50 руб. околоточному, дело его сразу же приняло благоприятное направление. Отцу Леониду простили все пошлины. Ободренный этим, он решил

довести свои хлопоты до конца и получить еще католическую метрику и паспорт. Свидетельства, выданного ему консульством, оказалось недостаточно; понадобилась официальная регистрация о. Леонида в качестве католика. В конце концов ему удалось получить паспорт на имя русского католического священника, но подтвердить его « ставленную грамоту » (о посвящении) митрополит Ключинский категорически отказался. О. Леониду пришлось удовольствоваться католической метрикой и новым заграничным паспортом. Это давало ему впредь возможность свободно и законно жить за границей, приезжать в Россию и проживать в ней.

В январе 1912 г. он написал владыке Андрею:

« Находящееся у меня в распоряжении время стараюсь употребить с возможной пользой. Сижу в библиотеках, возобновляю и завожу знакомства (скоро предстану пред грозные очи Антония Вольинского). В Львов отправил целую кучу книг, кадило, скуфью, бубенцы на Ваш саккос, губочки, илтон, малое копие для частиц, кропило и т. д. Познакомился с Пари, приезжавшим на несколько дней в Петербург; подружились весьма сильно. Перед Вами прямо благоговеет и в знак своего глубокого уважения послал Вам лампаду (золоченая бронза), мне подарил икону Богоматери в серебряной ризе в память моего рукоположения. Конечно, за столь короткий промежуток времени я не мог узнать его, однако его заслуги перед униатской церковью в России и в особенности в Румынии - весьма велики. При мне он отправил в Бухарест роскошную плащаницу, великолепные покровы, священнические облачения, церковную утварь, стоившую сотни и тысячи рублей - и все на свой счет! К восточному обряду он привержен до слепого фанатизма и нетерпим к малейшему отклонению от него в сторону латинства. Он также купил все для нашей часовни в Петербурге (а вовсе не ассумпционисты!). Нашу часовню я застал в печальном и грязном виде и купил для нее целый ряд различных церковных принадлежностей, выкидывая вместе с тем латинские аксессуары о. Алексея »!⁷⁹

⁷⁹ В своем отчете о. Леонид возвращается к подробностям своей встречи с этим замечательным человеком, сделавшим так много для русского католического дела в России. Наш долг - достойно отметить его заслуги на этих страницах. Вот, как охарактеризовал его о. Леонид:

« ...Красивый молодой человек лет тридцати. Прекрасно говорит по-русски с чуть заметным французским « р ». Это совершенно обрусевший француз, так что ни по лицу, ни по привычкам, ни по разговору его никак нельзя отличить от русского. По любви к нашему обряду превосходит даже принца Максимилиана: готов сделать для нас все возможное. Великолепно знает наш устав и пение. Как бывший ученик Московского Лазаревского Института отлично знает восточные языки: сирийский,

Позже, в подробном отчете об этой поездке, о. Леонид говорил главным образом о русской синодальной Церкви и русском обществе, о католической Церкви в России, о русской миссии в Петербурге и положении дел в Москве.

Русская синодальная Церковь

В эту поездку мне пришлось столкнуться со многими из моих знакомых священников и товарищей по Академии. Почти о каждом я вынес различное впечатление. Но в общем, все интересующиеся церковными и духовными вопросами, резко делятся на три класса.

армянский, греческий и др. С Россией и Грецией знаком отлично. Изъездил большую часть нашего отечества, повсюду приглядываясь к выполнению нашего обряда и усердно изучая его в мелочах. Теперь он только и хочет освободиться от своих светских занятий и отдаться делу миссии в сане священника. Богословие он уже прошел в школе у ассумпционистов. Все церковные вещи нашего обряда, хранящиеся временно у ассумпционистов, приобретены им; однако, он не хочет отдавать их о. Алексею, возмущаясь его латинскими замашками (только плащаницу позволено давать на время св. Пасхи). Теперь Пари должен еще продолжать свои светские занятия на Донецких копях, так как он хочет обеспечить, как следует, будущность своих сестер. Однако и теперь апостольский дух побуждает его работать на пользу Церкви. Повсюду он строит каплицы, помогает католическим священникам удовлетворять духовным нуждам рабочих-католиков, сам старается поддержать нравственность среди рабочих, как католиков, так и православных, раздавая им книжки для чтения, молитвенники, евангелия. Чтобы отвратить их от пьянства, он устраивает им по воскресеньям различные игры, чтения с туманными картинками и т. д. Как видно из того, что он устраивает на Урале, т. е. ассоциации рабочих, столовые, гуляния и т. п., он обладает солидным административным талантом. Одним словом, дай Бог каждому священнику иметь такую ревность, какую имеет этот светский человек. Ему приходилось часто встречаться с польскими священниками и вступать с ними в коллизию. Много рассказывал он мне про дикий фанатизм, ненависть к русским и к нашему обряду, а также про ненормальность их жизни... Противно даже вспоминать... Главным недостатком Пари является его чисто французская горячность - *furia francese*, которая делает ему немало вреда. Желание резать «правду - матку» прямо в глаза переходит у него в несдержанность и грубость: так Ключинского за его холодность к нашему обряду (несмотря на видимое участие) он назвал «волком в овечьей шкуре». Он восхваляет Вас до небес, только и желает видеть Вас, просит Вашего благословения и в знак своего почитания посылает Вам лампаду для образов. Просит прислать антиминс, чтобы иметь возможность принимать у себя священников нашего обряда (все остальное - книги, утварь и облачение - у него есть)».

А вот, что написала о нем же митрополиту Андрею мать о. Леонида:

« Это замечательный тип: представьте себе молодого, цветущего и вполне образованного человека, танцующего, рассказывающего (приличные) анекдоты, жизнерадостного. Но эта внешность - только для избранного круга людей. Когда же он

К первому принадлежат воинствующие националисты, вроде Антония Вольнского, тесно сливающие национальный вопрос с церковным. Для них православие неотделимо от русской народности и гибель первого влечет за собой гибель второго. Русская же народность в свою очередь понимается как совершенно исключительное явление среди других народов. Русский народ - это современный Израиль, резко выделяющийся среди других наций своим чисто духовным складом жизни, таким, в котором каждая самонаименьшая черта проникнута религиозностью. Поэтому все проявления русской государственной и социальной жизни, как, например, самодержавие, бесконтрольность властей, отсутствие коммунального управления и т. п., - являются продуктом этой священной обособленности русского народа, политическими догматами, вытекающими из самого характера русского человека. Запад для таких мыслителей - это олицетворение дьявольской гордости и грубого утилитаризма. Все эти теории не новы, они уже разрабатывались славянофилами середины прошлого столетия. Разница только в том, что теперь подобные взгляды сделались достоянием массы и потому потеряли свою оригинальность, льстящую национальному самолюбию. Они сделались крикливой рекламой для « истинно » русских людей, из которых многие представляют из себя таких же атеистов как наши новокурсники или украинские прогрессисты.

К другой группе принадлежат многие молодые священники. Пылкие

встречает среди толпы, даже среди своего избранного круга, людей своей внутренней жизни, он сбрасывает эту светскую внешность, и Вы видите перед собою монаха или аскета, и притом чисто восточного. Он не пьет вина, не курит, по средам и пятницам постится. В короткий срок нашего знакомства, мы так сроднились душой, что он почитает меня как мать или бабушку, не скрывая тончайших интимных движений души. Наши беседы сосредоточены на самоусовершенствовании души, и удивительно, как он опытен. Он часто признается, как на исповеди, про свои искупления и говорит о дьяволе: « уж как он донимал меня вчера. А я возьму да лягу крестом на пол, он и отойдет ». Как велика его живая, твердая вера! Сам он не имел и не имеет нужды, он очень много зарабатывает и все деньги отдает или на бедных, которых непременно откопает где-нибудь, или на нужды Церкви. Он устраивает целые алтари, я видела фотографии и благодарности. Теперь он пропустил свои деньги и поехал на завод вновь зарабатывать.

Вас он видел и по наслышке от других - любит. На праздниках он прислал мне свой адрес, и, если Вам не составит труда, то в моем письме напишите ему на клочке бумаги свой привет, я отошлю его со своим письмом; перед такими людьми нельзя проходить холодно; на любовь их надо отвечать любовью. Ведь он принимает горячее участие в нашем церковном деле, и, если оно разовьется, то будет нам большим жертвователем и даже большим помощником. Его имя Франц Эдуардович Пари. Я не могу надивиться, почему Вас так любят, даже не выдавши, не слышавши Вашего голоса. Это - сила Провидения ».

головы, мечтающие о свободе, равенстве и братстве, о новых путях в христианстве и т. д. Представителем их может служить наш бедный Аксенов. Среди них начинает распространяться масонство под личиной пацифизма, социализм всех оттенков и даже анархизм. Теперь они не проявляют себя ничем особенным (как это было в 1905-1906 годах), так как чувствуют, что не найдут себе адептов и просто будут выкинуты за борт. Модернизм, представителями которого они являются, не привился к русской почве. Только небольшая кучка ученых и интеллигентов заинтересованы идеями западных модернистов, но большинство увлекается мистикой и ищет сильных проявлений непосредственной, свежей веры (как папример Илиодор, братец Иванушка и т. д.).

Наконец, к третьему разряду нужно отнести индифферентов. Они нисколько не изменились и остаются такими же, как и до 1905 г. Как и раньше, они ставят паруса по ветру и плывут туда, куда он подует. Теперь все они, конечно, примыкают к « Союзу русского народа », ибо на эту партию изливаются милости от царского престола. Вопрос о патриаршестве и соборе им не нравится, так как это мешало бы их мирной спячке и заставило бы работать над собой и другими.

Совсем в стороне держатся серьезные простые священники и епископы, не имеющие в голове никаких идей и планов, а работающие непосредственно над духовным усовершенствованием своей паствы. На окружающую их атмосферу порока и застоя в церковных делах, они смотрят, как на наказание Божие за грехи и как на испытание, ниспосланное свыше для праведников. Иные даже не заботятся о положении современной церкви, искренне полагая, что все это пройдет в свое время и снова настанет мир и спокойствие. Только такими священниками удерживаются все те позитивные начала Св. Предания и трезвой догматики, которые спаивают православие с католицизмом. К сожалению все подобного рода священники не имеют никакого влияния на ход церковных дел. Некоторые потому, что их, как у нас выражаются, « затирают » (т. е. не дают им ничего делать), другие - потому, что сами не вмешиваются ни во что, довольствуясь порядочным исполнением (отчасти механическим) своих священных обязанностей.

Среди священников националистов можно различать два течения. Одно - чисто национальное, довольствующееся утверждением, что « русский » и « православный » - одно и то же, что русская церковь процветает, полна святости и благодати и т. д. Другое течение, во главе которого стоит Антоний Вольнский, не довольствуется такой формулой; архиепископ Антоний хочет пересоздать русское общество на основах русского допетровского строя. Отсюда его стремление привлечь старообрядцев - и непосредственно и при помощи единоверцев - к

православию. Вместе с тем он хочет оторвать русских верующих от Запада и от всего, что так или иначе носит на себе печать большей религиозности. Отчаянный шовинизм часто уживается в нем вполне спокойно с проповедью высокого смирения, презрения мирских дел, любви ко всем и т. п. Учение архиепископа Антония Волынского разделяют очень немногие, по большей части поклонники и друзья, его непосредственные ученики и некоторая часть его епархии. Оно не популярно, потому что признаки « православия », выдвигаемые Антонием в корне подрывают всю догматику теперешней синодальной церкви...

Ничего хорошего для синодальной церкви не обещает новый обер-прокурор *Владимир Карлович Саблер*. Ученик Победоносцева, он не менее не обладает ни его умом, ни его умением править « кутейниками », ни его честностью...

У *Антония Волынского* я был два раза. Скоро перешли на религиозно-политические темы, а потом и на чисто религиозные. Антоний стал жаловаться, что на Западе совсем нет веры, что даже в Галиции, среди униатов, она падает все более и более. Он был в Галиции три дня и видел этот упадок... В России тоже повсюду господствуют западные языческие идеалы, но народ еще вполне православен. Далее выяснилось, что неверие на Западе больше всего видно из укороения и практического приспособления обрядов, облегчения постов и несоблюдения дисциплинарных постановлений шестого вселенского и девяти поместных соборов. Постановления соборов, даже дисциплинарного характера, не могут быть отменены. Они относятся к области веры, и разграничение между каноном догматическим и дисциплинарным - выдумка латинян. Следовательно, все правила девяти поместных соборов и Трульского собора, подтвержденные седьмым вселенским собором, так же святы и неотменяемы, как и постановления семи вселенских соборов. Потому-то католическая церковь и прячет их от своих богословов и верных. Когда я осмелился заметить, что Лаббе, Манзи, Гардуин, Гефеле и др. достаточно поработали над соборами и сделали их общеизвестными и доступными, то мне было отвечено, что это все только сухие научные труды, а у православных - постановления соборов - сама жизнь, самый православный катехизис.

Я заметил, что тогда половину русского народа придется отлучить за несоблюдение этих правил, на что Его Высокопреосвященство, не моргнув бровью, ответил, что уже давно нужно было так сделать. Но когда я обратил его внимание на то, что даже среди простого народа и искренно верующих не имеют и понятия о соборных постановлениях, Антоний сказал, что это будет сейчас же исправлено, как только поя-

вится патриарх. Тогда будет произведена коренная реформа церкви, т. е. будут установлены длинные уставные богослужения и посты.

— Но Владыко, - воскликнул я в ужасе, - ведь даже старообрядцы тяготятся теперь уставной службой! Что же будет с остальными?

— Пусть идут; куда хотят: с нас довольно 4-5 миллионов!

— Но ведь и этого не будет!

— Что же, - был ответ, - Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле!

И в сладкой мечте о будущей церкви, он вместе с моим другом, ярким православным, стал толковать о том, какой клубок будет носить будущий патриарх всея России...

Затем коснулись большого вопроса о таинствах. Их вовсе не семь - это латинская выдумка, а гораздо больше (например чин омовения ног, мироварения, посвящения церкви и т. п.) Разделения на *sacramenta* и *sacramentalia*⁸⁰ - тоже вздор. Я заметил, что православная церковь, как русская, так и греческая, уже с XIII столетия, непрерывно, официально и под клятвой, на соборах и в символических книгах, учит о семи таинствах. Антоний снисходительно улыбнулся.

— Вот то-то и есть благо, что наше официальное церковное богословие никогда не проникало в народ, потому он и остался чужд католических заблуждений, в то время как наша иерархия и богословы заразились ими.

— Зачем же тогда Церковь, владыко, если она не гарантирует своим учительством чистоту учения для верных?

— Это чисто латинское понятие. Мы верим, что Дух Божий невидимыми путями сохранит Свою Церковь!

Я боялся быть невежливым, показав, что Высокопреосвященный богослов проповедует чистый протестантизм и потому промолчал. Когда же Антоний сказал какую-то нелепицу, я не выдержал:

— Да скажите же, наконец, владыко, откуда и из каких католических источников вы черпаете такие изумительные сведения?

— Да на что мне католические источники? Вполне достаточно наших православных богословий. Ведь они же списаны с ваших!

Гордиев узел был рассечен одним взмахом. Сам Антоний обещал вскоре издать свое богословие: на этот раз, конечно, уже чисто православное. В нем будут указаны все заблуждения латинян, вкравшиеся в православную церковь, в особенности же догмат об удовлетворении Иисусом Христом правде Божией за грехи мира.

— Это нечестивый, латинский догмат, возникший в феодальные

⁸⁰ Таинства и тайнодействия.

времена. Он делает из Бога « самолюбивого дурака » и восточного деспота, удовлетворяющего чувству своей гордости сознанием того, что другой своими мучениями искупает чужую вину. Разве человек может оскорбить Бога и нарушить закон справедливости по отношению к нему? Воплощение - это единственно акт милосердия Божия: Бог хочет, чтобы мы очистились сами сознанием нашей греховности, а не то, чтобы мы удовлетворяли Его правосудию; Бог хочет блага нам, а не Самому Себе.

Я попытался указать на то, что мой собеседник смешивает догмат с теорией, с богословской системой, что понятие об удовлетворении не исключает понятия о милосердии и усовершенствовании человека путем удовлетворения правде Божией. Антоний не соглашался, видя в этом противоречие: к чему тут божественное правосудие? Я указал, что правосудие составляет один из атрибутов Божества. Оказалось, что и это латинская выдумка. Латиняне считают Бога каким-то самодовлеющим Существом, а святое Писание говорит, что Бог скорбит, радуется, негодует, даже смеется... Меня это ошеломило. Заикнулся было о том, что по основным правилам герменевтики, все эти эпитеты и выражения о Боге только антропоморфизация, приспособленная к человеческим представлениям. Антоний только улыбнулся и сказал:

— Ну, вот еще!

Говорить с таким « богословом » трудно еще и потому, что он непрерывно перескакивает с предмета на предмет. Заговорили о Сердце Иисусове. Я пытался объяснить, что тут нет ничего преступного; здесь не страдает обряд, так как новый культ облечен в восточно-греческую форму.

— Положим, что и так, - отвечал Антоний, - но зачем ваш митрополит Андрей так старательно навязывает его галичанам? Неужели же он им так нужен? Неужели же вне Сердца Иисусова нет набожности?

Признаться, я затруднялся ответить, так как отчасти сочувствовал ему и сказал только, что этот культ приносит прекрасные плоды, а потому и заслуживает того, чтобы его пропагандировали повсюду. В заключение я указал на пример почитания пяти язв Христовых, распространенного с начала XVII столетия по всей юго-западной России.

— И это мне не нравится, - поморщился Антоний, - слишком материально, пахнет Западом.

Не пишу об остальных духовных лицах, с которыми мне пришлось сталкиваться в Петербурге: все это - вполне обычные личности. Столичное духовенство такое же, каким было и прежде: сыто, довольно, спокойно и благодушствует. Распространение сект (в особенности баптистов) и увеличивающееся распутство среди народа, повидимому,

их мало заботит. Лучшие из них надеются на собор, который сразу должен все переделать. Испуганные симптомами революции и общего церковного развала, они не знают, где искать спасения и по крайней мере стараются использовать для себя существующий режим.

Без сомнения архиепископ Антоний Волынский человек умный, честолюбивый, большой оргинал, но с изрядной примесью легкомыслия. Как богослов и философ он ниже критики. Сила его в изумительном искусстве обобщения и обрисовки всего, чего бы он ни касался. Как оратор, он обладает несомненным и большим дарованием. В разговоре умело пускает в ход много хлестких выражений и юмора. Он подкупает своей видимой простотой и искренностью: кажется, что у него нет задней мысли. Он например открыто сознает, что православная церковь управляется неканонично, что она полна нестроений, что нуждается в реформах, лишена жизни и духа. Он часто говорил: « наш глупый синод », ругал правительство и цезарепапистский строй русской Церкви. Но во всем этом скорее слышалось желание быть оригинальным, бравировать независимостью своих убеждений. Вполне искренен он только в том, что от всей души ненавидит Запад и любит древне-русское и византийское благочестие. Это для него - сон его жизни, его заповедная мечта, к которой он стремится... « Настоящим православным рыцарем без страха и упрека может быть только русский »...

Русское общество представляет из себя зрелище безотрадное, близкое к тому « болоту », которое мастерски обрисовал Чехов. Говорят, что революция продолжает свою работу, но она ведется очень скрытно и не затрагивает общественной жизни. Центральное правительство бездействует и дает полную свободу действий отдельным администраторам и полиции, так что говорить о свободе личности теперь не приходится. Губернатор или градоначальник, даже какой-нибудь земский начальник, могут запрятать кого им угодно по ничтожнейшему предлогу в тюрьму или ссылку. Не знаю, что чувствует деревня, но обе столицы, в особенности Петербург, сделались совершенно безвольными, опустившимися. В Москве настроение серьезнее, благодаря большему развитию промышленности и однородности национального элемента, но в общем та же апатия и распущенность. Повсюду усиливающаяся склонность к веселому времяпрепровождению вызывает к жизни массу театров, кинематографов, скетинг-рингов и других нелепых quasi - развлечений, на которых *punctum saliens* (т. е. главным пунктом) является неизменно охота за женщиной. Эта последняя в обеих столицах сделалась очень дешевым товаром...

Понятно, что духовные интересы в такой среде обречены на гибель. Короткое увлечение сектанством 1906-1910 годов начинает проходить:

игрушка наскучила. Секты находят себе поклонников среди ремесленников и рабочего люда, отчасти и среди буржуазии. Только в хлыстовщину чаще других попадает аристократия и дворянство. Конечно, секты продолжают производить опустошения среди православных, но уже с гораздо меньшей интенсивностью, чем раньше. Много простых крестьян, в особенности в Сибири, переходит в старообрядчество. «Только мы об этом не пишем, - сказал мне Мельников, - чтобы не возбуждать излишних разговоров и преследований». Но в общем, простой народ и в синодальной церкви остается религиозным, и говорить о полной потере религиозного чувства в народе - нельзя. Если в 1905-1906 годах было нечто похожее на это, то это было скорее болезненным симптомом, теперь же здоровое сознание снова ищет выхода для своего религиозного чувства. Отрядным явлением, хотя и на протестантской почве, можно считать «христианский» союз интеллигентной молодежи. Все это трезвые, разумные, хорошие юноши, ищущие Царства Божия и правды Его.

Когда-то гремевший Философско-богословский кружок теперь едва влачит свое бесцветное существование. При помощи Дейбнера мне удалось познакомиться с одним из представителей этого мира, мечтательным мистиком, полубуддистом, очень добрым и тихим человеком, некими *Сюнненбергом*. Слушал я две лекции: одну *Андрея Белого*, другую некоего *Иванова*. Первая была довольно интересна, вторая же - типичным образчиком того хаоса, который царит в головах нашей интеллигенции. Лектор преподносил своим слушателям что-то невыразимо скучное, туманное, до тошноты напыщенное, загадочное. После лекции устраиваются рассуждения в том же духе. Некоторые говорят только для того, чтобы сказать чтонибудь «умное», показать себя «богоискателями» и при этом рисуются невероятно. В числе слушателей - несколько священников - либералов, студенты университета и духовных Академий, курсистки, публицисты, личности неопределенных профессий и, наконец, изящно одетые и даже декольтированные барышни, явившиеся, очевидно, за женихами. Видны *Розанов* и *Вячеслав Иванов*.⁸¹

⁸¹ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ родился в Москве 28 февраля 1866 г. Пяти лет он лишился отца и остался на попечении матери, женщины глубоко религиозной и набожной, давшей ему высоко христианское воспитание. Совместное посещение Церкви, чтение Нового Завета, акафистов, оставили в его душе неизгладимый след. Благодаря этому В. Иванов еще мальчиком заучил ряд молитв, тропарей, канонов, и это помогло ему впоследствии вникнуть в молитвенный дух христианского Востока и проникнуться им. 10-12 лет он часто вставал по ночам и при свете лампы молился и клал земные поклоны перед старинным семейным образом Пресвятой Богородицы. Тем не менее это не предохранило его от тлетворного влияния

С последним познакомился через Сюнненберга. В его же квартире состоялся у нас религиозно-философский диспут. Говорили от 8 часов вечера до 4 часов ночи. Вячеслав Иванов оказался сторонником католической Церкви и очень интересовался греко-восточным обрядом. Однако его симпатии к Риму и многих ему подобных основываются на

гимназической среды. К пятнадцати годам в его душе обозначился перелом; набожность исчезла; потеря веры привела его в глубокое отчаяние, доведившее до мысли о самоубийстве. Оказавшись перед духовной пустотой он поддался и революционным идеям. Однако, запечатлевшийся в детской душе образ Христа-Спасителя сдержал ко времени совершеннолетия верх над атеизмом. В эти годы В. Иванов стал снова верующим, вернулся к религии; недавний скептик сделался теперь даже листиком. Правда, его религиозные представления были тогда еще очень расплывчатые.

Позже, в его взгляды внесла перемену завязавшаяся дружба с Влад. Соловьевым. Мысли Соловьева оказали большое влияние на религиозное мировоззрение В. Иванова. Душа его, освободившись от религиозного партикуляризма, открылась Вселенности, чему немало способствовало и долгое пребывание за границей после вухлетских занятий на историко-филологическом факультете Московского Университета. Жизнь в Берлине, Лондоне, Париже и итальянских городах чередовалась поездками в Грецию, Египет, Палестину. Знаком Ницше, ученик Момзена, В. Иванов отдался теперь целиком философии, поэзии, археологии, истории религии. Из этого начал выработываться крупный поэт и глубокий мыслитель, который к тому же был и знатоком древнего мира.

В 1905 г. В. Иванов окончательно обосновался в России и поселился в Петербурге. Позже он переехал в Москву. Его петербургская квартира сделалась вскоре итятигательным центром, где по средам собирались представители самых различных течений русской интеллигенции до Мейерхольда включительно. Особенно тесные сношения связали его с Бердяевым, Булгаковым, Эрном, кн. Евгением Юбецким, Флоренским, Бальмонтом, Блоком и многими другими. К этому петербургскому периоду жизни В. Иванова относится и его встреча с о. Леонидом, о которой последний говорит в отчете о своей третьей поездке в Россию. Естественно, общение с элитой русской интеллигенции не могло пройти для В. Иванова бесследно. Он испытал на себе немалое влияние этих лиц. И обстоятельства жизни и та, в которой он жил и вращался, вовлекли его в целый водоворот человеческих стражданий. Противоречивое умствование духовно беспочвенных интеллигентов с неоспоримой «проблематикой» грозило привести и его внутренний мир тоже в ничтожное состояние. Однако личная одаренность помогла В. Иванову не только возвыситься над этой средой, но даже извлечь из дурного - благое. Как характерно для него, что, например, Ницше, своим отрицанием, в конечном итоге помог ему глубже понять Христа-Спасителя; влияние же Момзена способствовало немало тому, что он нашел истинную Вселенскую Церковь. Языческий мир древней Греции углубил в нем универсализм, тогда как Достоевский, своим «анализмом», сделал его убежденным сторонником «папства».

В 1920 г. В. Иванов уехал в Баку. В местном университете он получил кафедру сической филологии. В 1924 г. его вызвали в Москву на celebration 125-летия со дня рождения Пушкина. На торжественном собрании в Большом театре, он

мотивах эстетического и мистического характера, весьма туманных и самых причудливых фантазий. Расстались мы друзьями. Он просил даже указать ему на источники, из которых он мог бы почерпнуть сведения о схоластической философии и богословии.

Церковная столичная миссия работает крайне слабо. Все ограничивается брошюрами против сектантов, издаваемых *Скворцовым* и несколькими другими жиденькими изданиями. Только в церкви общества

и Луначарский выступили с докладами. Тогда же ему удалось добиться разрешения выехать за границу. Он поселился в Италии и прожил в ней четверть века. Здесь его внутренний мир развивался и дальше. Через религиозный символизм (в борьбе с иррелигиозным, чисто эстетическим, так называемым « декоративным » символизмом), через сравнительное изучение религий, после ряда колебаний, раздумий, топтания на месте, В. Иванов пришел к чистому христианству, полноту которого он нашел во Вселенской Церкви. Духовный путь от Ницше завершился переходом в католичество. Никто из латинского мира не оказал на него в этом никакого влияния; ни о ком нельзя сказать, чтобы он его привлекал или завлекал. К тому же прозелитизм такого рода скорее бы оттолкнул Иванова. Прямое и сильное влияние на его церковную ориентацию имел один Влад. Соловьев, тоже, как и он, поэт-мыслитель, к которому он до конца своей жизни сохранил глубокое чувство любви, почитания и признательности. Соловьев во-время помог В. Иванову и предохранить себя от уклона в сторону Достоевского и решить для себя лично церковную проблему Востока-Запада. Он же своими произведениями и личным примером, показал наглядно В. Иванову, что православному русскому, чтобы стать католиком, нет надобности *отречься* от положительных и здоровых начал собственной религии, а *нужно осуществить в себе полноту православия*. Все же, В. Иванов воссоединился со Вселенской Церковью тридцать лет спустя после Соловьева, сам все продумав, взвесив и переоценив до конца.

В частности, В. Иванова предрасполагала к католичеству его склонность к универсализму, та полнота истины, которую он нашел здесь в гармоническом синтезе всех известных ему частичных истин. В последнем периоде жизни, его религия утратила совершенно свойственную ему раньше « метафизичность », философский оттенок, и абстрактность; она стала у него конкретной, реальной. Он преодолел церковный партикуляризм, которым были заражены славянофилы в их узко-национальном религиозном сознании. В. Иванов глубоко проникся убеждением, что единая Церковь Христова должна быть единой и в своей структуре. В то же время, универсализм отнюдь не умалил в нем ЕГО ПРАВОСЛАВИЯ. Любь к восточному обряду, все навеянное ему благочестием « Святой Руси » и воспринятое в детстве от матери, а впоследствии подогретое и поддержанное женой, человеком тоже глубоко православным, не потерпело никакого ущерба от ЕГО КАТОЛИЧЕСТВА.

— Я всегда ненавидел всякий сепаратизм, всякие схизмы, эти духовные самоубийства, — заметил он однажды в беседе с о. Станиславом Тышкевичем.

Сделавшись католиком, В. Иванов не раз говорил:

— Теперь я стал вполне православным, а раньше я дышал только одним легким. В католичестве я нашел свободу дыхания во единении со святыми.

И Евангелие (« Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою... ») — « И дам тебе ключи Царства Небесного... » — « Утверди братьев твоих ») и Отцы и Учители

религиозно-нравственного просвещения работа подвигается успешно. Тут проповедают, устраивают религиозные чтения и беседы. Здесь при мне читал свою лекцию и Антоний Вольнский, в которой старался не только реабилитировать личность патриарха Никона, но и выставить его, как святого (очевидно, как противовес готовящейся у старообрядцев канонизации Аввакума).

Католическая церковь

Если бы я был склонен к патетическим излияниям, то непременно начал бы этот отдел словами: « Кто даст главе моей воду и очесам моим источник слез »?

При внешней благопорядочности польская католическая церковь заражена тем же самым, что и остальная православная Россия: индифферентизмом и распущенностью; специально польской язвой является национальный шовинизм, подгачивающий самые устои католической Церкви. Конечно, для православных, положение польской католической церкви кажется недостижимым идеалом, так как в ней они видят ту организацию, которой они лишены сами, и тот апостольский дух, который сохраняется все-таки среди лучших предста-

Церкви (св. Ириней, Афанасий, Иоанн Златоуст и др.) и церковная история ясно указали ему, что нужно сделать, чтобы дышать обоими легкими. Найдя выражение подлинного православия в признанном Отцами и Учителями Церкви примате Апостола Петра, живущего в его пресмниках - Римских Первосвященниках, В. Иванов обратился в марте 1926 г. к Св. Престолу с просьбой о принятии его в лоно католической Церкви. 17 марта, в день праздника св. Вячеслава на Востоке, он принес исповедание веры в соборе св. Петра у престола св. Вячеслава и потом приобщился за восточной литургией, служившейся у гроба св. Петра.

— Впервые я почувствовал себя православным в полном смысле слова, в полном обладании священным сокровищем, принадлежавшим мне с момента Крещения. Я испытал доселе мне неизвестную великую радость мира и свободы... » - так выразил он свои ощущения в эти минуты.

Последовавшие годы Иванова прошли довольно замкнуто в Риме, в его небольшой квартире, где он жил вместе с сыном и дочерью. Сидя за письменным столом, он мог из своего окна созерцать открывавшийся ему купол собора св. Петра. В. Иванов давал уроки русского и славянского языка и русской литературы воспитанникам русской католической Духовной Семинарии и кроме того преподавал в Восточном Институте, пока физические силы его не оставили. Педагогическая деятельность была связана с рядом ценных услуг, которые он оказывал в издательских вопросах, в переводах трудных текстов и, наконец, в справках по самым разнообразным вопросам, с которыми к нему обращались. В числе прочего ему принадлежит и славянский текст тропаря и кондака св. Терезе Младенца Иисуса. 16 июля 1949 г. он тихо скончался. Погребли его в Вечном Городе (на кладбище Верано).

вителей клира (и таких, слава Богу, еще достаточно!). Это сознают и те немногие молодые священники, с которыми я свел знакомство, или воспитавшиеся за границей, или получившие хорошее домашнее воспитание, или не воспитывавшиеся исключительно в семинарии, а прошедшие перед тем правительственную гимназию (это явление мне пришлось наблюдать уже среди польских студентов в Фрейбурге). К такому разряду в Петербурге можно отнести О'Рурка, проф. Лозинского, проф. Бучиса, о. Василевского, о. Около-Кулака и некоторых других, имен которых не помню. Все эти молодые силы сознают, что положение польской церкви ненормально. Среди них также можно найти людей, совершенно чуждых шовинизму (напр. О'Рурк, Бучис, каноник Каревич).

Если бы у польской Церкви была здоровая голова (как например покойный митрополит Клопотовский) или железная рука (как например митрополит Шембек), то можно было бы кое-что исправить, но при наличии митрополита Викентия Ключинского всякий прогресс немислим. Все священники, как польские, так и других национальностей, открыто высказываются о нем или с небрежением, или с гневом, или с насмешкой. Кто он такой в политическом отношении, понять трудно. Несомненно только, что он поляк-националист; однако он не увлекается слишком патриотизмом. Над всем остальным в нем преобладает деловитый бюрократ, желающий прежде всего сохранить благоволение правительства.

Правительство давно уже ввело в систему поддерживать беспутных и негодных ксендзов, чтобы таким образом подрывать польский клир и его влияние. Ключинскому, как бывшему члену коллегии, это прекрасно известно, однако же он, ни мало не задумываясь, принимает всех бродяг, рекомендуемых департаментом, и притом без малейшего протеста. Что он сам - креатура правительства, это теперь вне всяких сомнений. Понятно, что никакой энергичный, молодой священник не найдет в митрополите Ключинском поддержки для своей пастырско-просветительной работы. При первом же конфликте с властями, митрополит выдаст такого молодого пастыря головой правительству и даже сам его засудит.

Был у него два раза. Один раз он мучил меня битый час, другой - целых два, и просил непременно зайти еще раз. Я пообещал и, конечно, не зашел. Наш разговор оба раза вертелся все на одном заколдованном месте: о моей деятельности в России. Митрополит усиленно настаивал на этом, торопил меня переезжать в Петербург навсегда и подавать прошение о легализации. На все мои возражения и указания на затруднения он отвечал всегда множеством ничего не значущих слов. Все

те же старые погудки на новый лад, что де указ о свободе совести дан, что «Его Императорское Величество» хорошо относится к католикам, что нужно действовать и т. п. Когда же я преподнес ему мою ставленную грамоту (о посвящении), чтобы он подтвердил ее, то Высокопреосвященный Владыка упорно и наотрез отказался.

— Я не могу, я тут не при чем, уж вы меня не впутывайте в это дело.

Точно так же он поступает и со всеми. Любит говорить и слушать других. Сам же никогда не указывает ничего определенного, оставляя собеседника в тягостном недоумении: сам не знаешь, о чем шла речь.

Понятно также, что он окружает себя такими же бюрократическими тупицами, как и он сам. Достаточно поговорить хотя бы десять минут с обоими его секретарями.

Познакомился с епископом *Цепляком*. Я приходил просить его за Индриха. Он обещал сделать все возможное и поговорить даже с некоторыми знакомыми ему членами Государственного Совета. Со мной был весьма ласков и любезен, показывая себя ревностным сторонником восточного обряда. Хотя и он звал меня в Петербург, однако же согласился, что в настоящую минуту мое присутствие не только не принесло бы пользы, но даже повредило бы всему делу. Беседа на этом и кончилась.

Литовский вопрос обостряется все сильнее. Литовский клир, хотя тоже с пошатнувшимися нравственными устоями, тем не менее изобилует свежими молодыми силами, воспитанными в заграничных университетах и составляющими хороший контингент для будущих ученых. Правительство их поддерживает, а они платят за это симпатией. Хорошо ли это для самой Церкви — другой вопрос.

Иностранные священники сидят смиренно. Некоторые занимаются научными исследованиями, другие же просто — исполнением своих обязанностей. Нас совсем оставили в покое. Даже Буа и Борен не предпринимают больше никаких мер для того, чтобы заинтересовать публику русским католичеством. И слава Богу, своими силами, хоть и хромя «на плесне и глезне», мы будем потихоньку продвигаться вперед, никому не обязанные, кроме как самим себе.

Среди латинских священников особенно расположены к нам, как я уже заметил, литвины: *Каревич* (каноник) и *Бучис*, инспектор католической Духовной Академии. Каревича Вы уже знаете. Что до Бучиса, то это редкий священник, как по своему благочестию, так и по замечательной выдержке характера. Прекрасно владеет русским языком, он усердно изучает русское православное богослужение и старается осведо-

мать о нем своих учеников. На дело нашей миссии он смотрит серьезно и сочувствует ей, как делу святому. Меня принял очень любезно.

— Рассчитывайте на меня, - сказал он на прощание, - я всегда готов помочь вашему делу.

Он познакомил меня с профессором св. Писания *Честисом* (тоже литвин). Этого последнего я видел еще в Фрейбурге. Добрый, милый и ученый молодой человек лет двадцати шести. Также вполне разделяет идеи Бучиса.

Наша миссия.

Посетив сейчас же по приезде нашу церковь на Полозовой, я убедился, что жизнь в ней течет тихо, равномерно; нет особенного оживления, но нет и скандалов. Внешность церкви находилась в плачевном состоянии. Ни о. Алексей, ни Беляшев не отличаются свойствами чистоплотности и даже не понимают, зачем нужно стирать пыль, паутину и т. п. Я принялся за чистку. Научил их чистить и приводить в порядок церковные вещи, складывать священнические облачения на престол после богослужения, обчищать свечи, выводить воск, капающий на престол и т. д. Не знаю, насколько моя « наука » произвела на них впечатление. Я заметил, что в те дни, когда меня не было на Полозовой, все приходило в прежний порядок. Все-таки стало чище и приличнее.

Теперь о. Алексей приносит нам существенную пользу. Трудно представить себе человека более упорного и стоически равнодушного к ударам судьбы. Преследования сделали его железным, даже извратили отеческое чувство. В короткий промежуток времени (за прошлый год) умерли у него два сына (между ними любимый Юлий). Ни слезинки не пролил старик. Таково же у него патриотическое чувство, чем он сильно настраивает против себя русских католиков-патриотов. Против такого человека, оружие департамента, очевидно, не имеет никакой силы. Все придирки чиновников встречает он с иронической улыбкой, беспощадно издевается над ними, мастерски парирует все их удары. Старик решил взять их « измором » и взял. Чуть ли не восемь месяцев тянулось дело о его легализации. Чиновники пустили в ход такой прием, на который легко пошли бы наши, но старый, травленный волк понял в чем дело. Его старались убедить, что ему нужно подать прошение о переходе в католичество только, якобы, для проформы, чтобы в департаменте осталась официальная « бумага » о его переходе в католичество. О. Алексей понял, что это - не что иное, как крючок для уловления « рыбы », сиречь его самого. Как ни просили, ни ругали его наши за нежелание подчиниться распоряжениям департамента, но не

могли поколебать его решимости. Было ясно, как день, что, получив засвидетельствованное его подписью прошение о переходе в католичество, департамент сейчас же подаст на него жалобу в полицию, как на священника, пятнадцать лет незаконно проживавшего по православному виду и постарается выслать из Петербурга с запрещением въезда в обе столицы. Совести на это у департаментских чиновников всегда хватает. Один из них, друг о. Алексея, рассказал ему, что опасения нашего старика вполне справедливы и что с ним будет поступлено именно так, как он сам предполагал. О. Алексей воспользовался представившимся ему случаем сотрудничать в «Петербургских Ведомостях» (кн. Ухтомский любит нашего старика и охотно принимает его статьи), чтобы поднять «гвалт» против синода и департамента, описывая самыми ужасающими красками современное положение русского духовенства и способ действия духовных властей. Чтобы хоть отчасти заткнуть горло неукротимому старцу, департамент решил легализовать его. Помогло, конечно, и своевременное вмешательство Ушаковой.

В самый день легализации, при полной церкви, о. Алексей отслужил торжественный молебен с многолетием за Царя и Папу и сказал прочувствованное слово, в котором превозносил «властей» и увещевал всех христиан принимать от них со смирением и доброе и злое. Если на проповеди присутствовал «шпик», то он должен был остаться доволен благонадежностью старца. Однако, радость была преждевременной: и после легализации запрещение служить торжественные обеды и говорить проповеди не было снято. Нам объяснили, что теперь департамент «наводит справки» об о. Алексее. Очевидная проволочка: департамент отлично знает о. Алексея и хочет только навести туман официальным путем и протянуть время.

Сначала, после трех-четырёх обеден, приходил окологочный надзиратель и спрашивал о. Алексея: кто я такой и по какому праву они позволяют мне служить? О. Алексей ответил, что я - русский католический священник, а они не могут такому отказать служить в церкви обеду. Тем дело и кончилось. Очевидно, полиции надоело следить за нами. Зато на нас обратили внимание попы окрестных приходов. На проповедях, некоторые священники стали предупреждать народ, чтобы никто не ходил в нашу церковь. На некоторых такое внушение подействовало обратно: стали заходить на Полозовую ул., чтобы поглядеть на новоявленных католиков в православных облачениях.

По отношению к о. Алексею поляки всегда сохраняют полную корректность и дружелюбие. Епископ Цепляк поручил нескольким девоктам наблюдать, чтобы особа нашего старца была в полном порядке и чтобы он не походил в своих грязных и заплатанных одеяниях на

ночлежника. С искренним и теплым чувством относятся к нашей церкви простые люди из поляков и белоруссов. Они не только наполняют по воскресеньям нашу церковь, но и делают еще подарки о. Алексею. Некоторым наше богослужение очень нравится, главным образом потому, что оно им отчасти понятно, тогда как на латинской службе, говорят они, « стоишь как истукан и ничего не понимаешь ».

Кроме того, на Полозовую улицу являются люди разного сорта. Поляки, из среднего класса общества, приходят часто за советами к о. Алексею; некоторые православные приходят посмотреть, побеседовать, попросить какую-нибудь книжечку « из божественных » для прочтения; более же всего бедных, с которыми о. Алексей делится последними деньгами и последним куском хлеба. Ходил некоторое время один молодой человек, последователь какого-то сумасшедшего генерала, проповедующего кончину мира в 1913 году, и старался обратить нас на путь истины, но через два месяца сам перешел в католичество. Приходил какой-то баптист, бывший католический семинарист, и пытался совратить о. Алексея; приходил православный иеромонах жаловаться на своего архимандрита и просил меня походатайствовать за него перед православными архиереями и т. д. Как видите - публика разношерстая. Навещают о. Алексея и старики из униатов, почтенные генералы и статские советники. Все они искренно сочувствуют делу.

Правительство понимает опасность, грозящую ему от нашего обряда, понимает, что поминание Папы и от « Сына » не задержит православных от посещения нашей церкви. Правительству нужен какой-нибудь внешний, видимый, вещественный знак нашей принадлежности к латинскому обряду, т. е., по понятию правительства, к « католичеству ». В самом деле: поставить например латинские скамьи или ввести орган или комжу, и сразу правительство разрешает нам все. Но тогда вся наша идея разлетается в прах, тогда убеждение русского народа, что у католиков должно быть хоть что-нибудь латинское, еще более укрепляется. Они понимают, что наша идея потому и трудна, что в корне подрывает православие.

Москва

В Москве пробыл всего неделю, так как была уже пора ехать домой. За это время виделся с Абрикосовыми, с о. Игнатием Чаевским, новым настоятелем церкви св. Петра и Павла, с Сусалевым и с старообрядцами.

Сердце миссии бьется в доме *Абрикосовых*. Господь Бог воздаст этим смиренным труженикам на своей ниве. У них можно постоянно встретить целый кружок русских католиков (по преимуществу женщин),

делающих все от них зависящее, чтобы только распространять свет истинной веры. Неподдельное, серьезное благочестие, неутомимое рвение, с которым эта достойная чета работает во славу Божию, сделали бы честь любому миссионеру св. Церкви. Высылка Верцинского и история со Сторожевым не испугала их, не лишила бодрости и энергии. Попрежнему, каждое воскресенье, у них ведется деятельная работа в духе просвещения новообращенных истинными католическими понятиями. Уже мне пришлось вместе с Абрикосовым увещевать троих, колебавшихся формально присоединиться к католической Церкви. Жена Абрикосова - Анна Ивановна - постоянно занята переводом католических мистических трудов на русский язык. Все новообращенные - люди религиозные, желающие внутренне переродиться после своего вступления в католическую Церковь. Они просят указать им что либо для духовного чтения, для медитаций, для духовных упражнений. Редкие из них владеют иностранными языками, а по-польски никто не захочет и читать, хотя бы и знал этот язык. Нужны, следовательно, русские католические книги аскетического содержания. Задача эта не особенно трудна, потому что можно будет ограничиться переводом наиболее известных популярных трудов по аскетике, а потом постепенно составлять и собственные. Урбан пытается делать нечто подобное, но его переводы - ниже всякой критики, да и выбор книг крайне неудачен.

Новый настоятель католической церкви, о. *Игнатий Чаевский*, мой старый знакомый (я познакомился с ним в Петербурге у о. Сциславского). Все русские им довольны. Абрикосовы говорят про него, как про незаменимого духовника и талантливое проповедника. Главное то, что в нем нет польского шовинизма, что он привык к русским, сжил с ними, умеет с ними говорить и понимает их религиозные потребности. По его приказанию в церкви Петра и Павла сохраняются всегда наготове три восточных священнических облачения и необходимая церковная утварь. Ему же поручил митрополит Ключинский заботиться о приготовлении Сусалева к священническому экзамену.

Сусалев попрежнему живет около Москвы, в Ново-Гирееве. Сначала я видел его в Москве у Чаевского, а потом посетил и на дому. Живет довольно хорошо. Снимает верх чистой и хорошо построенной дачи. В одной из комнат - образная с престолом. Служит каждый день обедню. Облачение куплено Абрикосовым. Этот последний относится к нему очень хорошо и хочет добротой и христианским милосердием исправить извилистые пути, по которым привык ходить наш «старобрядческий-католический иерей». Абрикосов просил меня ничего не говорить Сусалеву о Петербургских делах, так как очевидно у него желание забыть о них и начать новую жизнь (на него, кажется, сильно

подействовала смерть дочери). Принял меня о. Евстафий очень ласково, но о петербургских делах вопреки обыкновению даже не заикнулся. По всему видно, что его мучат угрызения совести... Застал я его за кучею книжек, среди которых он чувствует себя совершенно беспомощным. Все это - учебники: по богословию, по гомилетике, по св. Писанию и т. п. - католические и православные на польском и русском языках. По ним он должен подготовиться к священническому экзамену. Это - *conditio sine qua non* - без которой митрополит Ключинский не хочет записать его на какое-либо должностное место.

— Да, - с тяжким вздохом произнес о. Евстафий, - нужно учиться.

Грустно и смешно было глядеть на его смиренные глаза, недоумевающие перед той « бездной премудрости », которую ему предстояло одолеть. Я, конечно, дал ему всевозможные советы относительно его научных занятий, показал ему, что и как нужно учить. Об этом сверх того заботится Абрикосов, который теперь один протягивает ему руку помощи... Сусалев, очевидно сознает это, поняв, что у нас дела ведутся иначе, нежели у старообрядцев и православных... Он уже больше не говорит о различных предприятиях, но ограничивается только своим предстоящим экзаменом. О Вас также ничего не говорили, только при отъезде о. Евстафий тихонько сказал: « Кланяйтесь митрополиту »!

Прекрасный прием встретил меня в обеих старообрядческих семьях - *Востряковых* и *Мельниковых*. У первых меня уже принимают как хорошего знакомого, как своего человека. Это делается не только ввиду коммерческих расчетов и родственных связей с Свенцицким, но и в силу редкой любознательности, отличающей молодых старообрядцев, а также по старой московской моде: не жалеть ничего для хорошего приятеля. Два раза сидел я подолгу в лавке у Ильинских ворот, а потом провел целый вечер у них на дому. Разговор все время шел на религиозные темы. Соглашались, что между старообрядцами и католиками есть несколько общих черт, не только по форме, но и по духу. Богородичная лестовка, хотя и признается ими, но считается нововведением. Ясно, что она пришла к ним или в древнюю Русь с Запада, может быть с Киевщины, или прямо из Западного края.

У Мельниковых провел более пяти часов. Здесь я тоже на этот раз был введен в семью и принят со всяким радушием. Жаль только, что нам помешал в беседе редактор журнала « Старообрядческая Мысль », пришедший навестить Мельникова: большой говорун и спорщик. От этого типа я узнал о прогрессивном движении среди старообрядцев. Молодежь лезет напролом. Среди них есть и кадеты, и трудовики, и революционеры. Мельников серьезно озабочен такими порывами. В беспоповщинском журнале уже рекомендуют читать Дарвина, Гегеля

и Канта, а на окне единоверческого магазина выставляется на продажу « Жизнь Иисуса » Ренана! Все исследователи русского раскола указывают на этот замечательный феномен: переход от закаменелого обрядоверия и слепого консерватизма к самым резким рационалистическим формам. И это - черта не только староверов, но и всего русского народа. Моя статья об англиканской церкви произвела ошеломляющее впечатление на читателей « Церкви ». ⁸² Не подозревая истины, старообрядцы гордятся тем, что и среди них есть люди, пишущие « по ученому ». Мельников благодарил меня за готовность принимать участие в сотрудничестве для « Церкви » и обещал доставить мне новые темы. Много говорили о религиозном вопросе, в особенности же католической Церкви. Когда поднимается разговор о последней, Мельников превращается в слух, стараясь не проронить ни слова. Часто он тонко иронизирует над старообрядчеством, но сквозь его смех слышатся слезы. Несравненно выдающийся по уму среди остальных старообрядцев, Мельников понимает слабость старообрядчества и предвидит, что при столкновении с новыми веяниями и при свободном развитии оно должно неминуемо пасть или эволюционировать во что-то другое.

* * *

Дело с назначением о. Дейбнера не подвигалось вперед; утверждения его так и не удавалось добиться. В департаменте отговаривались тем, что митрополит не хочет этого. Наталия Сергеевна Ушакова решила попытать счастья и отправилась лично к заместителю Столыпина в министерстве Внутренних Дел. После долгого ожидания, министр Макаров назначил ей день приема. Со свойственной ей ясностью и определенностью суждений, Ушакова высказала ему, что русские католики желают иметь те же права, какими пользуются инородные католики - немцы, поляки и французы, т. е. они хотят иметь свою церковь, своих священников и свою проповедь. Однако Макаров с такой же ясностью ответил на это:

— Зерчанинов будет легализован, а Дейбнера нельзя, потому что он скрывал свое священство.

— Не скрывал, когда его спросили об этом, а раньше - не объявлял, это разница. Тогда не было церкви, не было манифеста, не было даже теперешней призрачной свободы, так зачем же ему было объявлять? Но теперь, когда он легализован, мы желаем иметь его священником.

⁸² За эту статью о. Леонид « выручил » 80 руб. (« Этим только и живу, да интенциями »), написал он из Петербурга митр. Андрею (январь 1912 г.).

— Отчего же вы не идете во французскую церковь?

— Потому что там нам нечего делать, нам нужно свою.

Макаров встал, давая этим понять, что довольно. Встала и Ушакова и стоя продолжала с ним говорить:

— Что нас поляки гонят и на нас доносят, это понятно, мы существуем, чтобы препятствовать полонизации наших братьев русских католиков, но отчего нас гонит правительство, когда мы верноподданные, в политику не вмешиваемся и желаем, сохраняя русских для России, только молиться Богу, по нашему, как мы привыкли!

— Так что же это - уния?

— Не знаю, как вы это называете в России, во всем мире это называется католичеством восточного обряда. Я прошу от имени нашей группы оказать нам содействие. Мы живем при открытых дверях, пусть за нами следят, мы этого не боимся, но мы требуем того, на что имеем право.

— Да, я это знаю и рассмотрю подробно этот вопрос.

Сказав это, министр поклонился, и разговор был закончен.

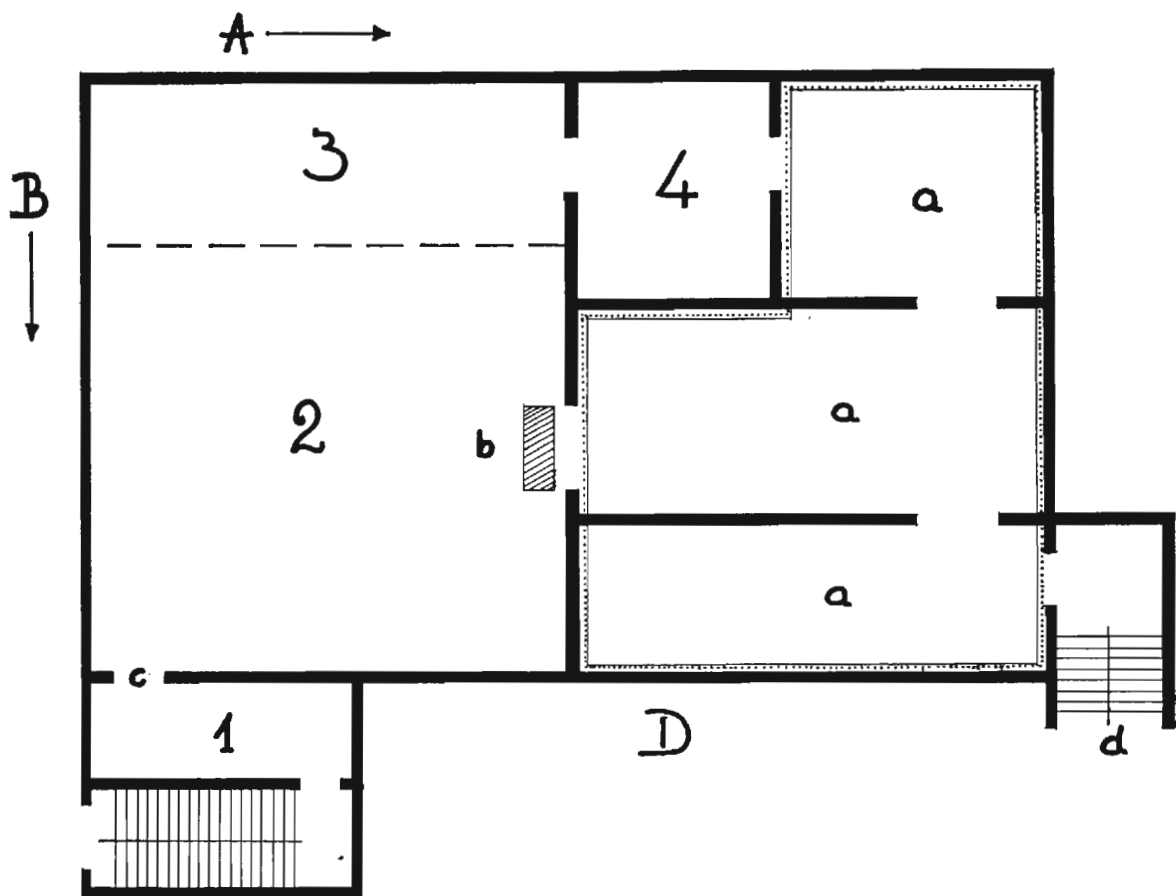
В Министерство Внутренних Дел послали два прошения: одно написал Дейбнер о назначении его священником на Полозовую, а другое было о том же от группы русских католиков. Митрополит Ключинский дал совет о. Дейбнеру - уехать из Петербурга в Галицию.

« Мешает он им, не то, что тот польский угодник (Зерчанинов). Как все это тяжело »! — написала Ушакова княжне Волконской (3-1-12). Через два с половиной месяца пришел ответ на прошение: « Надо навести справку о политической благонадежности ». Ушакова опять написала княжне (19-3-12): « Это просто невероятно глупо. Всякое терпение лопнуло. Надо будет с будущего года требовать через Думу. Скандал, так скандал. Не мы его хотели... ».

Тем не менее, спустя еще несколько месяцев, летом 1912 г., назначение о. Дейбнера все-таки состоялось. На очередь встал теперь другой вопрос. Надо было найти новое помещение для церкви. В старом (как его называли - « на вышке ») было тесно, потолок стал протекать, на полу, во время дождя, были лужи воды. Принялись искать. Нашли прекрасное помещение: нижний этаж французской посольской церкви в Ковенском переулке. Вносить плату обязалась княжна Мария Волконская. Митрополит Ключинский восстал:

— Это помещение невозможно. Русские скажут, что вот мол, только свяжетесь с латинянами, они и посадят вас сейчас же в подвал, и на головах ваших будут ходить!

Всем было ясно, что он не хотел, чтобы русские снимали помещение у французов, а о. Алексей не желал трогаться с Полозовой улицы.

ПЛАН КВАРТИРЫ НА БАРМАЛЕЕВОЙ УЛИЦЕ

- A - Пушкарская улица
- B - Бармалеева улица
- 1 - Прихожая
- 2 - Церковь
- 3 - Алтарь
- 4 - Ризница
- aaa - Квартира о. Дейбнера
- b - Шкаф перед дверью в квартиру о. Дейбнера
- c - Вход в церковь
- d - Черный ход

В сентябре нашли другое помещение, прекрасное - по сравнению с прежним. На Бармалеевой улице был маленький деревянный дом № 48/2, в два этажа. Нижний этаж занимали жильцы, которых никогда не было видно. Верхний этаж (квартира № 1) имел отдельный ход с улицы. Лестница вела в маленькую прихожую, где устроили свечной ящик, и через которую входили уже в самую церковь. Она занимала две комнаты, обращенные в одну. Иконостас соорудили в глубине, против входа. Четыре окна выходили на Бармалееву улицу, а два другие, в алтаре, - на Пушкарскую; церковь помещалась в угловом доме. Еще одна комнатка, вправо от алтаря, служила ризницей.

Митрополит был в отъезде. Замещавший его епископ Цепляк разрешил перенести сюда церковь, собирався даже сам ее освятить. По возвращении в Петербург, Ключинский выразил неудовольствие, но было уже поздно. Освятить церковь он не решился:

— Никакого торжества я не допускаю, это не церковь, а квартира. Всего этого я не одобряю и платить за помещение не буду.

О. Дейбнер сказал, что на это русские и не рассчитывали; платить будут прихожане, а церковь он сам освятит. Ассумпционисты дали денег, на которые можно было перенести церковь и оборудовать новое помещение. Одна благочестивая женщина, недавно умершая, завещала перед смертью на русское католическое дело около ста рублей. Деньги ее пришлось теперь очень кстати. Некто Мургин, ревностный прихожанин, усердно читавший и певший тоже очень недурно, владелец мелочной лавки, продал ее и уехал в Вологду; он оставил новой церкви свои ценные образа и красивое Распятие. Чтобы облегчить уплату за помещение, Н. С. Ушакова сняла для себя одну комнату в этой квартире. Она ликвидировала свою квартиру на Миллионной 11 и предоставила свое имущество церкви. Другая комната рядом служила канцелярией. Для о. Алексея не нашлось комнаты, чем он был очень недоволен. Прихожане же о. Дейбнера, наоборот, не горевали о том, что о. Алексей не будет жить больше при церкви и что к нему не будут ходить сюда люди, относившиеся к ним враждебно.

«Поляки гложут себе пальцы, что не на их деньги, а о. Иоанн Дейбнер им говорит: мне не нужно, помогайте о. Алексею и устраивайте его. Хитрый, противный старец...; он очутился между двух стульев».

Так написала о новых церковных делах Ушакова княжне Волконской (10-10-12).

«Церковь обставили тщательно в восточном духе, насколько хватило средств и умения, - написал о. Дейбнер владыке Андрею. Ничто не резало глаз православных», которые сюда приходили. «Соответственно и богослужение совершалось строго по-православному».

Единственным исключением явилась икона Сердца Иисусова. Св. Отец отнесся милостиво к ходатайству прихожан и разрешил повесить ее в церкви. Все же, кардинал Мерри дель Валь посоветовал не противиться местной церковной власти, если бы она нашла неуместным подобное нововведение в церкви восточного обряда. Однако митрополит Ключинский не возразил против этого ничего.

Открытие церкви состоялось 30 сентября, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день было освящение с водосвятием, а на следующий - служили литургию. На открытие пришло много народа. Присутствовали и два латинских священника, которые простояли всю службу и приложились ко кресту вместе со всеми.

Начинание о. Дейбнера, названное им « пробным и образцовым периодом русской католической миссии в Петербурге », по его же признанию, нравственно вдохновляли ассумпционисты. Сам он, повидимому, подпал теперь целиком под их влияние, увидев воочию, насколько были в свое время правы они, а не о. Урбан. Этот период был для о. Дейбнера временем внутреннего просветления; хотя болезненная неуравновешенность характера попрежнему не оставила его, но сказывалась она теперь не так резко. Н. С. Ушакова написала свое впечатление княжне Марии Волконской (23-12-12):

« Дейбнер молится часами в алтаре, но очень неровен; вообще, характер чуть-чуть тяжел. А все-таки все искупает удивительным смирением и тем, что личности не существует; в этой душе Бог всецело властвует ».

Русские люди откликнулись на это простое и искреннее начинание, не преследовавшее никаких личных целей, а искавшее одну правду. Они откликнулись как-то легко и доверчиво и стали ходить в эту церковь, где их не лишали никакой родной им святости, ничего из того, с чем русские сроднились за долгие годы. Враждебное отношение к католичеству становилось им само собой чуждым. Ни обрусевшие поляки, ни потомки униатов, как на Полозовой, а самые настоящие православные делались теперь прихожанами о. Дейбнера и наполняли его церковь. В своих проповедях и воскресных беседах, он разъяснял им католические истины, оставаясь всегда на строго русской почве, пользуясь образами и цитатами, заимствованными из восточных богослужебных книг, и поясняя общепринятые католические выражения русскими. Так например, « чистилище » о. Дейбнер объяснял им как « временный ад », исходя из канона 8-го гласа панихиды: « Слез и вздыхания во аде сущие рабы твои свободы, Спасе », и противопоставлял его « аду вечному » или « геенне огненной ». Церковный народ начинал постепенно понимать, что такое естественное объяснение сводит весь спор

Востока с Западом только к взаимному недоразумению. О. Дейбнер всегда говорил им о себе: « Я тоже, как и вы, православный, разница только в том, что я принял в Риме полноту православной веры, а вы остались на полпути ». У о. Дейбнера это были не просто слова, ибо он доказывал из православных же книг, что все его расхождение с православными основывается на соблюдении им истины православия. Это производило на слушателей сильное впечатление. Принимая это положение, православные прихожане о. Дейбнера становились сами апостолами воссоединения с Римом. От воссоединявшихся о. Дейбнер требовал только признания католических догматов и подчинения Св. Отцу, как Вселенскому Архиепископу. Во всем остальном они не ощущали никакой перемены. Все, с чем они срослись в русском православии и что стало для них таким привычным, своим, родным, оставалось неизменным.

* * *

По настоянию ассумпционистов, о. Дейбнер начал издавать в 1913 г. русский католический журнал « СЛОВО ИСТИНЫ ». У него самого давно уже была эта мысль, но осуществление ее он все откладывал. О. Борен повлиял на него; внешняя форма журнала с восьмиконечным крестом и наименование его « православно-католическим журналом » - обязаны ему. Кроме того, о. Борен помог о. Дейбнеру и материально. Издание номера обходилось около пятидесяти рублей. Продажную цену за номер установили пять копеек. На издание журнала обязались давать регулярно по пяти рублей в месяц о. Борен, Н. С. Ушакова и Пари, но помогали пожертвованиями и другие, кто сколько мог. М. И. Дейбнер приняла на себя техническую часть издания - подписку, рассылку и т. д. Издавался журнал Владимиром Васильевичем Балашовым, тайным католиком, официально православным, ревнующим о соединении Церквей. О. Леонид оценил его, как глубокого мыслителя и высокого идеалиста. На одном из собраний русской католической группы, Балашов прочитал в его присутствии доклад на тему: « Через Толстого и Достоевского к Соловьеву ». « Вещь редкая по глубине философской мысли », - заметил по этому поводу о. Леонид. Балашову принадлежит первый перевод на русский язык « России и Вселенской Церкви » Владимира Соловьева.

Выходил журнал при ближайшем участии о. Борена, который имел над ним, косвенно, некоторое наблюдение, благодаря своему влиянию на о. Дейбнера. В числе прочих статей, его перу принадлежат прекрасные очерки о жизни святых Пап. Кроме о. Дейбнера, писал В. В. Балашов. Печатались в журнале и произведения православных авторов

как например профессора церковного права Суворова, признавшего в своей статье, что власть Римского Папы в период Вселенских Соборов не оспаривалась даже настроенными враждебно против нее. Впоследствии о. Леонид организовал в журнале своего рода справочный отдел, притянув к участию в нем всех читавших какие-либо журналы и газеты. Всякий обязывался сообщать редактору то, что находил в них интересного о православной и католической Церкви.

Православные сразу откликнулись на это издание; провинция дала ряд подписчиков из числа работавших в ней священников и учителей. Редакция получила сочувственный отклик из Болгарии, указывавший, что издание такого журнала на Востоке - верный путь к соединению Церквей. В том же смысле высказался ряд выдающихся миссионеров, работавших на Востоке. Один из них написал о. Борену, что он долго искал подходящего названия для своей миссии, пока тоже не остановился на тех же словах: « православно-кафолическая ».

* * *

Вскоре после открытия церкви на Бармалеевой улице Святейший Синод начал переписку с министерством Внутренних Дел, чтобы добиться распоряжения о закрытии ее. Синод настаивал на этом, но министерство не соглашалось. Как-никак манифест о веротерпимости оставался в силе, и было неудобно нарушить его черезчур грубо. У министерства не было никакого законного основания закрыть эту церковь, раз старообрядцы и разные сектанты пользовались в России полной свободой; к тому же русские католики строго придерживались сделанного ими заявления о своих целях: вести дело в строго восточном духе и охранять русских от ополячивания, внушая им полную совместимость здорового патриотизма и преданности Царю с католической верой. Хотя правительство и не понимало их, но в этом отношении поступало с ними справедливо. Менкин, ставший теперь директором департамента, не раз говорил о. Дейбнеру и другим представителям русской католической группы, что относится к ним сочувственно, давая предпочтение перед баптистами и другими сектантами, которые до этого пользовались особым благоволением правительства. Последних он обвинял в том, что они способствуют потери русскими основных черт своей народности и приучают их к свободомыслию через самостоятельное толкование св. Писания и независимость от церковного авторитета. Однако, при всем этом, нельзя было поколебать его убеждения, будто русский, принимая католичество, тем самым уже ополячивается. Он не раз справлялся о Дейбнере:

— Неужели он действительно так тверд в своем национальном чувстве и не перешел на сторону поляков?

Министерство не уступило первому натиску Синода, но некоторая реакция была в то же время заметна. Несколько раз полиция - то в лице полицейского надзирателя, то пристава - заходила в новую церковь, расспрашивала и не скрывала, что священники из ближайших православных церквей чуть ли не ежедневно жалуются на пропаганду, которая ведется здесь. В своих храмах они начали выступать с проповедями против русских католиков, тем самым способствуя их популярности.

Однажды пришел пристав и потребовал снять с двери расписание богослужений, а к Рождеству велел и совсем закрыть церковь. О. Дейбнер, как юрист, спокойно оставлял эти требования без внимания, так как в них не указывалась статья закона, на основании которой отдавалось приказание. В январе 1913 г. полиция потребовала закрыть церковь в течение трех дней, угрожая судом вследствие технических недочетов в здании. «Разумеется, - заметил по этому поводу о. Дейбнер, - мы не стали сами себя закрывать». Тогда полиция, действительно, подала в суд. Одновременно с этим, о. Дейбнер обратился с заявлением в департамент, прося защиты от агрессивных действий полиции. В департаменте выразили удивление по поводу нападок полиции и сказали чтобы подали жалобу министру; по словам чиновников, тут было заметно влияние сверху какой-то скрытой силы.

На Новый Год о. Дейбнер пошел поздравить митрополита Ключинского. Учитывая характер создавшихся отношений, он устроил так, что оказался у него вместе с о. Бореном. По его словам, они были приняты «*comme des chiens dans un jeu de quille*» (как собаки в кегельбане). Когда зашла речь об армянских священниках, приехавших в Петербург из Тираспольской епархии и служивших в католической церкви, митрополит оборвал о. Дейбнера:

— Это не ваше дело, а мое и о. Алексея.

Дейбнер заметил:

— Я считал долгом сообщить Вам о том, что смутило русских католиков, потому что Вы, как митрополит, имеете над нами юрисдикцию.

— А вот о том, что меня смущает, вы не заботитесь.

Дейбнер попросил митрополита указать точнее, что он имеет этим в виду, так как совесть его ни в чем не упрекает.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

— Нет, не знаю и прошу судить меня, если я не прав.

— А то, что вы не исполняете моих приказаний.

— Каких именно?

— Да много было таких приказаний, - ответил митрополит и не указал ни одного. О. Дейбнер стал повторять, что русские католики обижаются, что « их обряд вгоняют в угол, вместо того чтобы предоставить ему подобающее место в Церкви ». Митрополит сказал уже совсем резко:

— Вы говорите со мной как русский, а не как католик.

— Но и вы, Ваше Высокопреосвященство, говорите со мной не как с Вашим священником; сказали ли бы вы ксендзу, что он поляк, а не католик? А мне вы это говорите постоянно!

— Вы не умеете говорить со мной, как духовное лицо; вы говорите как светское!

О. Борен позволил себе вмешаться в разговор:

— Ваше Высокопреосвященство, я бы тоже считал себя обиженным на месте о. Дейбнера тем, что католичество противопоставляется народности.

Митрополит обернулся к нему со словами:

— Вы, господин аббат, мне не нужны и можете себе ехать во Францию. Здесь в России я ваш начальник.

Обращаясь к о. Дейбнеру, он добавил:

— А на ваш счет я устрою так, чтобы больше не иметь дела с вами.

Таковыми пожеланиями закончился новогодний прием отцов Дейбнера и Борена у митрополита Ключинского.

Незадолго до Нового Года о. Алексей переехал в дом при церкви св. Екатерины. « Слава Богу уходит от нас подальше... », - заметила по этому поводу Н. С. Ушакова в очередном письме к княжне Волконской.

* * *

В воскресенье 23 февраля 1913 г. православное духовенство решилось на крайний шаг. Церковь в этот день была полна народа. Кончилась проскомидия. О. Дейбнер кадил престол, собираясь вслед затем выйти из алтаря, чтобы совершить каждение храма. В алтарь быстро вошел мальчик и сообщил, что в церковь прибыл епископ. Вслед за ним вошел монах в шубе, закутанный с ног до головы, и спросил о. Дейбнера:

— Какая это церковь?

— Православно-кафолическая, - ответил он и в свою очередь спросил вошедшего незнакомца:

— Вы священник?

— Нет, епископ.

— Благословите, владыко.

— Я не могу благословить, пока не знаю, какой вы священник.

— Православно-кафолический.

— Кто вас рукоположил?

— Высокопреосвященный Андрей Галицкий.

— Тогда значит вы не православный священник.

— Мы православные и считаем себя православными.

— Считайте себя чем хотите, да мы - то вас православными не считаем.

— Владыка, это разделение - плод исторического недоразумения; лучше помолимся вместе.

— Я не могу молиться в церкви неправославной, - сказал он и вышел к народу.

С самого начала епископ говорил в повышенном тоне; потом его речь стала нервной, он видимо волновался; при последних словах лицо его даже подергивалось. Выйдя же из алтаря, он обратился к присутствующим со словами:

— Православные! Вас обманывают. Я ехал мимо и вижу наш крест на здании, читаю надпись: « православно-кафолическая ». Вошел, смотрю, церковь как-будто православная. Но вот я вошел в алтарь и вижу, что там все по римски-католически (?). Вас обманывают. Тут происходит запрещенное законом униатское богослужение. Тот, кто участвует здесь в богослужении и молится, находится под анафемой, анафемой, анафемой... (это слово епископ повторил трижды). Православные, идем же отсюда вон, здесь вам не место, а полицию прошу составить протокол!

Пока он говорил, какой-то субъект в штатском, из числа присутствовавших, кланялся епископу, повторяя:

— Прости, батюшка, я не знал, я уйду...

Как только епископ кончил, вышедший из алтаря о. Дейбнер в свою очередь обратился к народу:

— Владыка, вероятно, говорит так по незнанию. Эта церковь разрешена властями, духовной и светской. Не бойтесь, стойте твердо в вере, и Господь вас не оставит. Помолимся все вместе о наших братьях православных, не получивших еще полноту веры, которой, по милости Божией, мы обладаем. Врагам же нашим простим, чтобы Господь и нам прощал. И за них тоже помолимся.

Пока о. Дейбнер еще говорил, владыка, закутавшись в шубу, быстро вышел из церкви и спустился с лестницы. Тот же субъект в штатском подошел к о. Дейбнеру и сказал:

— Да, батюшка, это обман, я уйду.

Ему ответили из народа:

— Не время теперь припираться, после обедни поговорим!

О. Дейбнер окинул присутствующих вопросительным взглядом. Никто больше не тронулся с места, а наполняли-то церковь почти сплошь православные. В этот момент его пронзила мысль:

— Да ведь это - наше торжество!

Оказалось, что пришедший епископ был Никандр, викарный Петербургского митрополита. После обедни, В. В. Балашов рассказал, что, когда он поднимался по лестнице, там стояли три «разночинца», которые ему сообщили, что «пришли на помощь епископу (Никандр был еще в церкви), потому что наша ОРАРХИЯ - настоящая». Они же вышли потом вместе с ним из дома. Сопровождала епископа, конечно, и полиция, неизменная спутница синодального православия.

Когда епископ Никандр удалился, городской подошел к стоявшей в церкви Н. С. Ушаковой и сказал:

— На кого же мы будем составлять протокол? Кричал-то ведь он один... Разве на него, за нарушение общественной тишины?...

Когда он вышел, о. Дейбнер снова обратился к народу:

— Это, братья, православная церковь, потому что мы признаем нашей главой Апостола Петра и его преемников - Пап Римских. Только тогда можно быть настоящим православным, когда стоишь на камне св. Петра... Теперь, братья, как всегда, спокойно помолимся, отслужим Божественную Литургию, так как это церковь, разрешенная правительством.

После Евангелия, о. Дейбнер сказал проповедь о главенстве Римского Первосвященника и при этом особенно подчеркнул доказательства, какие можно извлечь из восточных Отцов Церкви, из православного богослужения и из восточно-церковной практики. Среди слушавшей публики были священники из окрестных православных церквей и несколько полицейских.

В следующее воскресенье, едва кончилась обедня, как в церковь снова вошли полицейские, на этот раз во главе с приставом. Народ был еще в церкви и заволновался. Раздались выкрики против полиции. Кто-то из женщин заплакал. Произошло смятение, хотя пристав не проронил ни слова о том, зачем, собственно, пришел в церковь. Видя, что народ не расходится, он попросил о. Дейбнера выйти вместе с ним в канцелярию. Там он вручил ему для прочтения отношение министра Внутренних Дел к митрополиту Ключинскому, которым предписывалось удалить о. Дейбнера от должности настоятеля церкви для русских католиков. Дейбнер заметил приставу, что бумага эта адресована не ему, а митрополиту, и пока духовная власть не отдаст ему приказания, он останется при своей церкви. В ответ пристав заметил, что раз министр уволил его от настоятельства, то церковь будет полицией опе-

чатана, если он осмелится совершать в ней богослужение. Несмотря на это, о. Дейбнер отказался подписать протокол о прочтении ему министерской бумаги. Он решил выждать, чтобы посмотреть, как митрополит выскажется об ее содержании; ждать ему пришлось очень недолго: не входя в суть дела, митрополит просто санкционировал распоряжение светской власти.

Министерство поставило в вину о. Дейбнеру название церкви - « православно-кафолическая ». Можно, конечно, привести немало доводов в пользу этого названия, но в то же время нельзя отрицать того факта что Дейбнер (юрист!) совершил большую ошибку, поместив его на самой церкви. Раз в прошении об открытии ее это название не фигурировало, то выходило, что правительство не разрешало открытия церкви под этим названием. Конечно, в данном случае, сути дела это не меняло, и слова « православно-кафолическая » явились лишь поводом для законной придирки. Не было бы его, нашли бы другой, а не оказалось бы никакого, все равно закрыли бы церковь. Этим о. Дейбнер мог себя утешать, ибо это было действительно так, но нетактичность его поступка, как настоятеля, остается, тем не менее, очевидной. (Ее строго осудил о. Леонид в IV отчете митр. Андрею. См. ниже: « Русская миссия », в XII гл. I части).

Другим и немалым утешением во всем происшедшем явилось для него то, чего он, вероятно, меньше всего ожидал. Этим утешением было отношение к нему православных, начавших посещать « православно-кафолическую » церковь. Вечером, в день закрытия, они собрались на лестнице и решили подать жалобу на Высочайшее имя. О. Дейбнер, по существу, не возразил ничего, но объяснил им, что решать об этом нужно не здесь, в церкви и не у него в канцелярии, так как в таком случае скажут в ответ, что он сам побудил их жаловаться.

В департаменте о. Дейбнера сначала, как-будто, обнадежили. Менкин сказал что все опять образуется, когда утихнет волнение и в печати ⁸³ и

⁸³ Сообщение о закрытии церкви обошло петербургские и московские газеты 7-8 апреля 1913 г. (ст. ст.). Мы приводим здесь для примера известие, напечатанное в московской газете « Русские Ведомости » (№ 81 от 7-4-1913) под заглавием: « Доклад митрополита Владимира »:

« В одном из последних заседаний св. Синода митрополит Владимир представил доклад о посещении епископом Никандром римско-католической церкви на Пушкинской улице. Высокопреосвященный Владимир, на основании расследования епископа Никандра, сообщил Синоду, что существовавшая раньше церковь, под названием греко-католической, является рассадником римско-католического учения среди петербургского населения. Церковь эта, как известно, закрыта по распоряжению администрации. Обсудив доклад митрополита Владимира, св. Синод постановил,

в публике. Он даже добавил, что, может быть, было бы лучше, первое время, служить не самому о. Дейбнеру, а кому-нибудь другому. Однако, под давлением синода, светская власть была вынуждена уступить. После этого депутации прихожан уже ничего не удалось достичь в департаменте. Там требовали теперь не только устранения уличной надписи, но и внутренних изменений в устройстве и убранстве церкви. В конце концов Менкин стал предъявлять совершенно несуразные и явно неприемлемые требования: убрать иконостас, служить в латинском облачении и только римско-католическую литургию на русском языке.

Несколько раз подавали прошение на Высочайшее имя. В комиссии по приему прошений говорили, что Государю известно о деле, но он не вмешивается, так как является покровителем официальной церкви. Поэтому прошения русских католиков отсылаются к министру Внутренних Дел. В комиссии по приему прошений были на стороне русских католиков и сочувствовали им. Когда Н. С. Ушакова, в разговоре с главноуправляющим бароном Будбергом (лютеранином) сослалась на манифест о свободе вероисповеданий, тот только засмеялся и сказал ей:

— Вы все еще верите в этот манифест?

Нельзя сказать, чтобы в правительственных кругах отношение к синоду было вполне сочувственным. В обществе открыто говорили, что крутые меры приняты « под давлением »; передавали слова жены Менкина, сказавшей одной даме, что с католиками « поступили возмутительно » и что обер-прокурор Саблер наговорил о них Государю несправедливых вещей. Было ясно, что она повторяла слова мужа.

* * *

Строго говоря, в закрытии церкви нужно различать два момента: увольнение настоятеля на основании предписания министра и самое закрытие, сделанное городской полицией под давлением каких-то сил « свыше », якобы из-за технических несовершенств здания. Поэтому во всех прошениях, на Высочайшее имя и Министру, русские католики ходатайствовали отдельно о восстановлении о. Дейбнера в правах настоятеля и об открытии церкви. Ни на одно из поданных прошений не

как сообщает « Речь », поручить об. прокурору Саблеру довести до сведения министра Вн. Дел о необходимости принятия неотложных мер к недопущению римско-католической пропаганды в столице и молитвенных домов, подобных закрытой ныне церкви. Католики, по мнению синода, пользуются греко-католическим обрядом для распространения своего учения в России ».

пришло никакого ответа. Просьба об аудиенции у министра осталась тоже без результата.

Прежде чем закрыть церковь, полиция привлекла о. Дейбнера к суду за самовольное служение. Мировой судья стал на сторону обвиняемого и приговорил о. Дейбнера только к 50 коп. штрафа. Однако, приняв во внимание, что полиция действовала на основании приказа начальства, судья все-таки утвердил постановление, согласно которому церковь закрывалась впредь до исправления технических недочетов. О. Дейбнер обжаловал приговор в столичный мировой съезд. Он доказывал уже не стесняясь, что церковь закрыта не по техническим соображениям, а по проискам православной епархиальной власти. Мировой съезд отнесся к делу тоже сочувственно, и после долгого обсуждения, по формальным основаниям, утвердил решение мирового судьи.

Закрытие церкви, якобы по техническим соображениям, после того как она беспрепятственно существовала полгода, сделалось предметом нового обсуждения и в печати и в обществе. Заговорили об этом и в Государственной Думе. Лидер фракции прогрессистов, Владимир Николаевич Львов (будущий обер-прокурор синода при Временном Правительстве), прибыл лично « на место происшествия ». Он хотел собрать нужные справки, чтобы предъявить запрос правительству. Ради этого он провел на Бармалеевой несколько часов, расспрашивая и записывая все подробности, отобрал нужные документы и сказал в заключение, что данное происшествие даст возможность подвергнуть строгой критике образ действий правительства в делах веры:

— Это дело казовое. В нем, как в зеркале, отразился характер отношения правительства к неправославным русским. Вы, может быть, не знаете, как уродовали, коверкали души русских униатов на Западе. Я этим специально занимался. Доходило ведь до того, что расстреливали в храмах коленопреклоненных молящихся!

В. Н. Львов обещал дать прочесть свои записки по этому вопросу, уже готовые для печати. Однако, даже сочувственное отношение фракции прогрессистов к русским католикам не могло помочь делу. Как только они ознакомились с решением митрополита Ключинского, пришлось отказаться от предъявления запроса:

— Кому мы теперь будем его делать? Если правительству, то скажут, что митрополит Ключинский санкционировал его решение. Митрополиту? Но мы стоим за автономию Церкви и потому не вмешиваемся в церковные распоряжения.

В конце концов В. Н. Львов сказал о. Дейбнеру:

— Знаете, митрополит вас предал. Мы обсуждали этот вопрос, и все наши юристы пришли к заключению, что митрополит своим ре-

шением сделал наш запрос невозможным. Если бы он обождал хоть немного!

Таким образом, новогоднее пожелание митрополита Ключинского в отношении о. Дейбнера исполнилось быстро. Но и о. Борену не пришлось долго ждать. Вскоре после закрытия церкви на Бармалеевой, правительство выслало его из России.

* * *

Русским католикам было все-таки любопытно узнать, какие именно технические недостатки полиция нашла у них в церкви. Если таковые действительно имелись, то комиссия, при осмотре здания, должна была на них указать в протоколе. Чтобы ознакомиться с ним, католики попросили Н. С. Ушакову отправиться к градоначальнику и осведомиться, чего именно не хватает в помещении, занимаемым церковью. Однако, никакого протокола по этому делу в градоначальстве не нашлось, хотя градоначальник и утверждал, что такой протокол был составлен комиссией. Между тем, за все время существования церкви ее ни разу не осматривала никакая комиссия. Ушакова пожаловалась градоначальнику, что участковая полиция, состоящая из поляков, относится недоброжелательно к русской церкви. На это градоначальник заметил:

— Тут дело не в технических недочетах здания...

Для виду он обещал Ушаковой разобрать это дело. Впрочем, ни для кого тогда не было тайной, что градоначальник Драчевский, женатый на польке, поддерживал прекрасные отношения с польским духовенством. По странному совпадению, закрывали церковь на Бармалеевой и наложили печати тоже полицейские-поляки.

Однако, несмотря на это, церковная служба в ней все-таки совершалась и дальше, но только для домашних. Дело в том, что кроме запечатанного входа с улицы, имелся еще другой, внутренний, из квартиры о. Дейбнера. Обычно он был заставлен шкафом со стороны церкви. Полиция не обратила внимания, что за этим шкафом есть дверь. Пользуясь ею, о. Дейбнер приходил сюда каждый день в 9 часов служить литургию. Первое время должность псаломщика исполняла Н. С. Ушакова, а пели - жена и дети о. Дейбнера.

На Пасху, в 1914 г., когда в Петербурге был о. Леонид, решили устроить богослужение в закрытой церкви. Окна и двери завесили коврами. Приходящих впускали с черного хода. С такими мерами предосторожности удалось совершить службы в Страстную Пятницу и в Пасхальную ночь. Отслужили Утреню и Литургию, затянувшуюся

до четырех часов утра. Правда, на третий день Пасхи, перед церковным домом дежурили уже четыре сыщика; два стояли со стороны Пушкарской и два - со стороны Бармалеевой улицы (церковь помещалась в угловом доме). За о. Леонидом сыщики ходили буквально по пятам, следя за каждым его шагом. Оказались они и перед домом, где он тогда проживал у знакомых.

Всех дальнейших мытарств в связи с закрытием и надеждой на новое открытие, хотя бы в другом помещении, без « технических недочетов », не пересказать; однако сказанного, и так более, чем достаточно.

« Кругом нас сыщики, точно мы заговорщики какие-то, - написала Н. С. Ушакова княжне М. М. Волконской (7-3-13). Было бы смешно, если бы не было так невыразимо тяжело ».

ГЛАВА X

ВЛАДЫКА АНДРЕЙ

Его сокровенные мысли о положении русского католичества и защита русских католиков от возведенных на них обвинений: — злоупотребление принципом Владимира Соловьева; — наименование « Православно-кафолический »; — почитание русских святых; — неповиновение митрополиту Ключинскому; — редактирование « Слова Истины » В. В. Балашовым, тайным католиком, а официально - православным. Тяжелое положение русских католиков, как восточного, так и латинского обряда в Петербурге.

В архиве митрополита Андрея сохранился собственноручно написанный им, датированный 22-12-1913, черновик его письма Государственному Секретарю Кардиналу Мерри дель Валь в ответ на запрос последнего о русских католиках в Петербурге. Нетрудно догадаться, кто своими обвинениями вызвал этот запрос. Спустя двадцать с лишним лет, в 1936 г., владыка Андрей дал прочитать это письмо кн. П. М. Волконскому и позволил переписать; с копии его и сделан наш перевод. Вряд ли возможно лучше, чем словами этого письма, показать интерес митрополита Андрея к тяжелой и печальной судьбе его малого петербургского стада, духовным отцом которого, несмотря на все внешние перемены, он не мог себя не считать. Каждая строка говорит здесь о любви к русскому католичеству и глубоком понимании тогдашней русской среды и условий работы в России. Немало ценных мыслей и суждений, полезных и для будущего, заключено в страницах письма владыки Андрея.

«Nec plus nec minus nec aliter»

Этими словами Папа св. Пий X ответил на вопрос Н. С. Ушаковой, заданный ею во время аудиенции, которой она удостоилась в начале 1911 года; говоря Ему о положении русской католической группы в Петербурге, она просила указать, следует ли русским католикам строго придерживаться существующего в России синодального обряда.

Почти одновременно с этим, Государственный Секретарь Ватикана Кардинал Мерри дель Валь, теми же словами дал указание латинопольскому клиру в России о недопустимости вносить какие-либо изменения в восточный обряд русской католической Церкви.

22.12.1913.

Ваше Высокопреосвященство!

Я очень признателен Вашему Высокопреосвященству за знак расположения, которое Вам было угодно выразить мне сообщением об упреках, сделанных петербургской группе русских католиков, и о вызванном в отношении меня подозрении. Прежде всего прошу Ваше Высокопреосвященство выразить Августейшей Особе Вселенского Архиерея мою смиренную благодарность за великую доброту, с которой Святейший Отец своим одобрением дал возможность уведомить об этом меня.

Подозрение в наличии тайных сношений между этой группой и мною основано на совершенно ложных сведениях. После письма Вашего Высокопреосвященства от 14 июля 1909 г. (№ 18661), я тщательнейшим образом не только прекратил всякие официальные или официозные отношения, но старался избегать и малейшего намека на вмешательство в этот вопрос, зная, что он принадлежит всецело и исключительно юрисдикции Высокопреосвященнейшего Архиепископа Могилевского. Я ограничился тем, что старался быть в курсе происходившего, и, в большинстве случаев, даже не отвечал на письма, которые мне посылались. В этих письмах никто не высказывал мне, что считает меня своим церковным начальством; они ограничивались тем, что осведомляли меня.

Каждый раз, когда в них выражалось желание получить от меня совет - а это бывало очень редко - я старался отклонить их просьбу. При всяком удобном случае я подчеркивал тот факт, что не имею никакого права вмешиваться в петербургские дела.

Если делались намеки на секретные указания и разрешения, то, говоря искренне, дело шло только о распоряжениях или заявлениях, исходивших неоднократно от Государственного Секретариата. Действительно, имеются ссылки на письма монсиньора Бенини, адресованные доминиканцу о. Шумпу, потом на подписанный Бенини декрет Государственного Секретариата о. Зерчанинову, потом на письма, которые писались отцам ассумпционистам, затем монсиньору Денисевичу и, наконец, на письма митрополиту Ключинскому, на которые ссылается и Ваше Высокопреосвященство. В этих письмах имелось будто бы указание, что предполагается считать их совершенно секретными. По этой причине, когда говорилось о полученных указаниях, не решались сказать, кто их дает. Отсюда могли зародиться подозрения, что указания исходят от меня. Я же таковых не давал никогда, придерживаясь добросовестнейшим образом линии поведения, намеченной мне письмом Вашего Высокопреосвященства от 19 июля 1909 г.

Не могу отрицать, что условия, в которых находится эта группа, дают повод всевозможным, даже самым неосновательным подозрениям. Подчиненные последовательно о. Зерчанинову, затем ассумпционистам, потом, кажется, управляющему епархией, не имевшей епископа и, в конце концов, митрополиту Ключинскому, который со своей стороны заявил, что не хочет и не может заниматься их делами, русские католики в Петербурге, прежде всего, сбиты с толку. Не будучи хорошо осведомлены о бумагах, менявших их положение, так как о них им сообщали только вкратце и устно, они считают еще имеющими силу все решения и указания, предшествовавшие письму Вашего Высокопреосвященства от 13 февраля 1911 г. (№ 19016), которые, в отношении обряда, вероятно, остаются все еще в силе.

Перехожу к высказанным упрекам:

I - *Русской католической группе в Петербурге приписывают принцип Соловьева, что православному, чтобы стать католиком, достаточно присоединиться к католической Церкви «*mere interne*», оставаясь в то же время членом синодальной Церкви. Журнал «Слово Истины» будто бы является доказательством этого.*

Прежде чем ответить, я перечитал, страницу за страницей, все 11 номеров журнала, вышедшие до сих пор, и должен признать, что нигде, кроме одной фразы, которую можно понять в этом смысле, не нашел никакого следа этого тезиса. Нигде не оспаривается обязанность отречься от схизмы и ереси и не порицается церковный закон, предписывающий это. В одной статье, во втором номере, порицаются конвертиты, переходящие в латинский обряд. В ней содержится призыв не покидать «родную Церковь», но весь смысл статьи показывает, что тут речь только о том, чтобы не уходить из обряда восточной Церкви. В статье говорится об единой Вселенской Церкви, о западных русских и о тех, кто, будучи католиком, не порывает совсем узы, связывающие с родной Церковью и восточным обрядом.

В том же номере (в статье: «Почему мы православные») излагается тезис, что католическая вера - вера Римской Церкви - единственное полное православие и что непризнающие этого уподобляются протестантам, отвергающим часть учения о благодати (Священное предание).

Обвиняющие группу высказывают предположение, что позиция, занятая Соловьевым, стала принципом и его сторонников. В этом они ошибаются. Все члены группы принесли исповедание католической веры. К тому же, самый принцип, который ставится в упрек группе, был у Соловьева только его личным убеждением, а отнюдь не теоретическим принципом; все номера журнала доказывают правильность взя-

того направления и большое наличие доброй воли. В нем находится ряд статей о римских первосвященниках, почитаемых в восточной Церкви святыми; при помощи богослужебных книг и восточного предания доказывается примат ап. Петра и его преемников; совершенно определено и неоднократно (начиная с программы журнала) заявляется о подчинении и желании быть без каких-либо ограничений послушными Вселенскому Архиерею. При всяком удобном случае говорится, что их вера определяется всеми догматами католической Церкви.

II - Группе ставят в упрек, что она присваивает себе наименование « православно-кафолической », принятое официально в русской схизматической Церкви.

Прежде всего должен заметить, что хотя в официальных документах и катехизисах русская синодальная Церковь, действительно, претендует иногда так называться, тем не менее, ни в научных трудах, ни в социальной и духовной жизни, она не решает себя так называть и никогда не называет своих верных, даже в официальных документах, « православно-кафоликами ».

У меня под рукой каталог духовных книг (Тузова) на 1913 г.; в числе обозначенных в нем более 9000 русских духовных книг, я нашел только одного автора, пользующегося термином « православно-кафолическая церковь »; он добавляет к нему еще третье наименование - « восточная ». Этот автор - живущий в Берлине протоиерей Мальцев⁸⁴ - пользуется этим неупотребительным словом для пропагандных целей; благодаря своим произведениям, написанным на немецком языке и сношениям с Западом, он лучше других понимает, какое значение имеет слово « кафолический ».

Точно также я не нахожу ни одного русского историка, который называл бы синодальную схизматическую церковь « православно-кафолической ».

В общепринятом обиходе русского языка это слово не употребляется; им никогда не называют христиан. Всякому, кто услышит теперь это слово, сразу же становится ясным, что оно обозначает нечто новое, чего еще не было, нечто глубоко отличающееся от православия официальной церкви.

Название « православно-кафолический », введенное простыми и

⁸⁴ Протоиерей Мальцев, единственный русский православный священник, принимавший участие в I Велеградском конгрессе.

бедными людьми, было принято группой по причинам, которые кажутся мне достаточно вескими:

а) Слово « православный » - прежде всего - **БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ТЕРМИН** для обозначения « верных ». Греческое богослужение предписывает служащему священнику называть христиан « православными » всякий раз, когда он их поминает, и это повторяется неоднократно во время литургии и на других церковных службах. Священник произносит вслух возгласы, обращенные к верным, и весь народ слышит, что его так называют. Даже у нас в Галицкой церкви, находящейся в единении с Римским Престолом, богослужебная практика осталась та же, и Конгрегация de Propaganda Fide (Пропаганды веры) не разрешила ее изменять.

Кардинал Симеони, Префект Пропаганды, в своем письме от 19 мая 1887 г., написал митрополиту Сембратовичу о богослужебном употреблении этого слова: « Em. Patres in generali conventu d. 16 currentis mensis decretaverunt prius vocabulum (православный = orthodoxus) prorsus esse retinendum cum passim in Ruthena liturgia occurat, ad tempora satis remota ascendat ». (« На общем собрании, состоявшемся 16-го с. м. Высокопреосвященные Кардиналы решили, что первое выражение / православный / должно быть сохранено, так как оно не раз встречается в русинской литургии и оно довольно древнего происхождения »). (Это решение было подтверждено Св. Отцом; см. Synodus provincialis Ruthenorum a. 1891: Romae appendix стр. 324).

Это верно.

б) Это слово древнее схизмы и находится также в латинском богослужении (в литургии: Te igitur... offerimus pro Ecclesia tua sancta... una cum famulo tuo Papa nostro... et omnibus Orthodoxis atque catholicae et apostolicae fidei cultoribus). (« Итак, Тебе ... приносим в жертву за Церковь Твою святую ... совместно с рабом Твоим, Папой нашим ... и всеми ПРАВОСЛАВНЫМИ и последователями католической и апостольской веры). Поэтому не может быть сомнения в том, что это слово имеет за собою католическую традицию, отрицать которую нельзя.

Раз Церковь одобрила употребление этого слова в богослужении, и верные привыкли, что их так называют в самой Церкви, так как служащий священник замещает Христа и Его Церковь, то легче, а также и правильнее, из пастырских соображений, сохранить это слово и в апостольской работе, добавив к нему слово « католический », чем избегать его или же заменять другим.

Наша пастырская практика (у галицийских униатов) ограничила

потребление слова « православный » - богослужением; однако, следует признать, что эта практика имеет много неудобств, что и было причиной просьбы, обращенной в Рим, заменить слово « православный » (*orthodoxos*) - « правоверным » (*orthodoxos*); между тем, как это видно из вышеупомянутого письма кардинала Симеони, эта просьба важна не была.

Неудобства же нашей практики нижеследующие:

а) Схизматики пользуются нашим богослужением, чтобы убеждать простой народ, что мы такие, какими нас называют в литургии, т. е. просто православные, и что мы не отличаемся ничем от православных ие-униатов.

б) Уния должна была принять для наименования своих верных менее точные и не гибридные термины. В Польше был раньше принят термин - « униаты », а в Австрии - « греко-католики », введенный, кажется, правительством.

Первый - словно говорит о неполном католике, о пути к католицизму, тогда как второй - почти неправилен, особенно если им пользуются, чтобы выразить отличие от термина « римо-католики », так как католичество, *вселенскость*, не может быть греческой.

в) Нам довольно трудно объяснять нашему народу, почему мы православные (в богослужении) и в то же время почему мы не православные; такое объяснение даже предписано в упомянутом письме.

г) Несмотря на это, ревнителям, думающим о себе, что они большие монархисты, чем сам монарх, все такие объяснения кажутся покровительством, которое мы будто бы оказываем схизматикам.

Вернуть этому слову, такому знакомому и популярному, его подлинный смысл, значит в некоторой степени вырвать из рук противника то знамя, которое он нес слишком долго. Показать русским, что истинное православие кафолично, значит убедить их, что синодальное православие, с примесью ереси и схизмы, не более как псевдоправославие, что католичество представляет собою логический и исторический результат первоначальной и апостольской веры, которую русские приняли в свое время под именем православия, или, лучше сказать, что оно представляет собою ту же самую веру. Для католичества нельзя сделать ничего лучшего.

Восстановить это первоначальное, истинное и католическое значение слова в глазах общественного мнения в России, может показаться трудным и рискованным, но в действительности это не так.

Чтобы доказать это, я должен еще изложить и рассмотреть в отдельности разные значения, которые в самой России придают слову

« православный » в связи с разными понятиями о том, что такое православная вера.

Один русский автор, которого цитирует Пальмиери (*Theologia dogmatica orthodoxa d. J. Florentiae 1911, p. 10*), говорит, что в России не одно, а несколько православий; Пальмиери показывает, в чем русское православие отличается от греческого православия.

Помимо богослужебного значения, о котором я говорил, одинакового и в Церквах, находящихся в единении с Римом, и в Церквах от него отделенных, надо различать **КАНОНИЧЕСКОЕ** или **ДОГМАТИЧЕСКОЕ** значение этого слова, т. е. то значение, какое ему дают восточное догматическое богословие и церковное право. Восточные Церкви определяют православие как « первоначальную веру семи Вселенских Соборов », а церковное право не разрешает называть догматом то, что не было утверждено таковым на одном из Вселенских Соборов. На основании этого определения, нельзя считать « православными » те отрицательные тезисы, которые противоречат определениям Флорентийского, Тридентского и Ватиканского Вселенских Соборов. Восточные не могут их обратить в догматы, обязательные для православных. Самый принцип, которого они придерживаются, заставляет смотреть на их отрицательные тезисы, как на нововведение, как на запрещенные добавления. В этом одна из слабых сторон отделенных церквей и тем самым хороший аргумент в руках католических апологетов.

Догматическое значение « православия » не слишком удалено от **ПОПУЛЯРНОГО ПОНЯТИЯ** людей из простого народа, искренне верующих, с чистой совестью и в простоте сердца, людей действительно православных. Если таких спросить об их религии, то они скажут, что быть « православным » значит быть крещеным по-христиански, поклоняться Пресвятой Троице и Господу Иисусу Христу, молиться « Пренепорочной » Пресвятой Богородице и святым, не работать в праздничные дни и поститься, как это положено по традиции, почитать священнодействие епископов и священников, принимать Таинства и бывать в церкви на богослужении.

Совсем иное понятие **БОГОСЛОВСКИХ ШКОЛ** (наполовину протестантских) и петербургского Синода; оно не имеет ничего общего с верой Вселенской Церкви и с православием народной массы и не содержит в себе никакого положительного элемента: все это не более как произвольные отрицания, проистекшие из предвзятой политики и ех пропитанные; очень легко доказать, что эти отрицания не могут быть законно названы, с восточной точки зрения, « православием », так как они не имеют за собой решительно никакой духовной санкции и не опираются ни на какую церковную власть, которая для православных

считалась бы обязательной и непогрешимой. Никакой Вселенский Собор не осуждал и даже не рассматривал католические учения и догматы, которые русскими богословами и Синодом предаются анафеме.

Называть это ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ богословие « православием », как это делает синод, является претензией, переходящей все границы⁸⁶ и проистекающей из невежества или недобросовестности. Догматические принципы и ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ понятие добросовестных православных показывают, что это синодальное православие - всего лишь

⁸⁶ К сожалению, замечание митрополита Андрея не утратило своей силы и в наши дни. Чтобы убедиться в этом, не приходится далеко ходить за примерами. Достаточно раскрыть хотя бы вышедшую в 1957 г. « АПОЛОГЕТИКУ » прот. В. Зеньковского. На стр. 159 у него говорится: « ...в римском католицизме стало постепенно утверждаться, а на Ватиканском Соборе было и закреплено, учение о « беспорочном зачатии » самой Божией Матери, - чего не признавало и не признает Православие. Если бы Пресвятая Дева сама была зачата в « непорочном зачатии », тогда Сын Ее, Иисус Христос, не обладал бы всей полнотой человеческой природы. По православному учению, Христос родился от Приснодевы Марии, но Она сама пришла в мир через естественное рождение от Ее родителей, Иоакима и Анны ». Сказанным автор ясно обнаруживает *полное незнакомство* с тем католическим догматом, который он объявляет неприемлемым для православия. Согласно этому догмату, Пресвятая Богородица получила особую благодать Святого Духа, сохранившую Ее с первого момента зачатия от всякой скверны греха, чем отнюдь не отрицается естественность Ее зачатия и рождения от родителей.

На стр. 226 той же книги имеется еще более замечательное утверждение: « ...властолюбивые замыслы римских пап привели постепенно к тому догматическому положению, которое на соборе 1854 г. (?) было оглашено под названием « догмата о непогрешимости папы, когда папа провозглашает новые догматы *ex cathedra* ». Этот неестественный (??) догмат понадобился для того, чтобы провести будто бы законным путем догмат о Божией Матери (1870 - о « непорочном зачатии »). Автор, видимо, слышал что-то об этом соборе, но даже не потрудился правильно записать даты. Ватиканский собор, установивший догмат о БЕЗОШИБОЧНОСТИ (конечно, не подразумевающий личную безгрешность Папы), не мог предшествовать провозглашению догмата о Непорочном Зачатии, так как он состоялся в 1870 г. (а не в 1854, как утверждает автор), т. е. спустя 16 лет после провозглашения догмата о Непорочном Зачатии (1854). А на этой перестановке дат автор как раз строит свою аргументацию!

Квалифицировать такой метод научного исследования мы предоставляем ему самому. Кроме того, автору не может быть неизвестным, хотя он об этом и не упоминает, что учение Русской Церкви о непричастности Божией Матери к первородному греху, господствовавшее в России до конца XVII века, согласуется в основном с католическим догматом о Непорочном Зачатии.

Автор этой « Апологетики » состоит профессором православного Богословского Института в Париже. Сколько людей, еще менее осведомленных об учении католической Церкви, примут его утверждения на веру, не проверивши их! Это-то и есть то « злое семя », которое веками сознательно сеялось в душах простых православных, чтобы отвращать русских людей от истины католической Церкви.

псевдоправославие. Нельзя одобрить злоупотребление этим названием, так как одобрить его значило бы предоставить схизматикам монополию называться « православными ».

В католическом значении слова можно говорить восточным, что они должны оставаться православными; в литургическом же и догматическом значении это нужно непременно им говорить, так как, несомненно, что при воссоединении их с католической верой, нет надобности, да и нельзя им отречься от веры первых соборов. Вера X века, в которую обратилась Россия, вполне католическая. Она обладает в полноте апостольским преданием, которое достаточно только развить и углубить, чтобы привести русских ко всем католическим догматам и к полному подчинению Верховному Первосвященнику.

Однако, вот в чем опасность. Говоря русским: « оставайтесь православными », мы можем быть поняты в еретическом смысле, словно мы говорим: « оставайтесь схизматиками ». Вот почему петербургская группа не говорит упрощенно: « оставайтесь православными », но: сохраняйте православие, восполнив его католичеством, станьте « православными католиками »; (дословно): « римская вера - полнота православия ». Впрочем, и этот тезис может вести к разномыслию. Если те, для кого православие - лишь схизма и ересь, допустят логическую подмену и будут читать « схизма и ересь » везде, где автор говорит о православии (в католическом значении слова), тогда ясно, что такие читатели увидят всюду абсурдные или опасные тезисы.

Поэтому, если бы журнал был предназначен полякам, для которых « православие », « схизма » и « ересь » являются синонимами, то он был бы вредным. Будучи же предназначен русским, он должен предотвращать еще худшее разномыслие. Итак, если бы журнал говорил: « нужно отречься от православия », то была бы опасность быть понятым русскими в том смысле, что « нужно отречься от первоначальной и апостольской веры семи первых соборов ». Ясно, что при этом журнал не имел бы больших шансов на успех. Может быть именно в этом причина, почему русским, отделенным от католической Церкви, трудно обратиться и принять католическую веру. Они думают, что для того, чтобы стать католиком, нужно отречься от всех русских традиций и сделаться латинянином и поляком.

В этом также причина, почему приказ сохранять неприкосновенным весь восточный обряд, сообщенный Вашим Высокопреосвященством в письме монсеньору Денисевичу, был хорошо задуманным начинанием и, будучи проведен в жизнь с надлежащей тонкостью, которой можно было бы пожелать, он наверно уже принес и принесет еще отличные результаты.

До недавнего времени, только люди высокой духовной культуры могли понимать тонкости, требуемые при обращении в католичество, принимая его как отречение от упрощенного («*simpliciter*») православия. После того как, согласно приказу Вашего Высокопреосвященства, обращающимся позволено сохранять неприкосновенным весь их обряд, после того как католический священник за божественной литургией продолжает их называть « православными », трудность, суживавшая возможность обращения просвещенных людей, отпала; обращение в католичество сводится к объяснению слова « православие » в католическом смысле и к отречению от ошибок, портящих православие и являющихся незаконными нововведениями; такое объяснение делается легким, так как чисто католическое значение слова « православие » очень близко к тому положительному значению, в каком его понимали благочестивые и добросовестные православные; оно гораздо ближе к нему, чем то отрицательное и антикатолическое значение, какое в него вкладывают восточные церкви и петербургский синод, вопреки традиции и догматическим принципам.

Из всего сказанного следует, что полезно и уместно сохранить термин, освященный богослужebным употреблением и добрыми традициями Востока и называть русских католиков греко-славянского обряда « православными католиками ».

Нужно добавить, что эти слова, выражая вкратце идею того, что католичество, в своих католических догматах и в признании Апостольского Престола, есть восполнение, полнота, преобразование православия, отвечает также, как нельзя лучше, психологии русского православия. Если в русской Церкви действительно существует общая потребность, общая ей идея, так это, без сомнения, идея преобразования всего, что можно и желательно понимать как русское православие; все в нем - народная религия, клир, богословие, учреждения, церковь, иерархия, церковное право - все это, по мнению огромного большинства русских, нуждается в преобразовании. Эта идея владеет всем русским обществом.

Искание пути преобразования русского православия стало одной из величайших проблем современной России. Этого преобразования ищут в восстановлении патриаршества, в унии со старокатоликами и англиканами, в протестантском либерализме; сотни сект ищут новой жизни; ищут, но желают преобразования.

Католическая группа противопоставляет такому желанию свою хорошо сформулированную, ясную и простую программу, выраженную одним словом « католическое православие »: сохранить все, что в нем имеется от древности и подлинного предания, устранить еретические

нововведения, восполнить православие - вселенскостью кафоличества, и единением с Римским Престолом, всеми догматами католической Церкви и подчинением Вселенскому Архиепископу.

III - Группе ставится также в упрек, что журнал печатает в церковном календаре и СВЯТЫХ СХИЗМАТИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, включая и тех, которые боролись за схизму против Рима.

Это - факт. В каждом номере « Слова Истины » имеется календарь, заключающий в себе смесь из « святых » отделенной церкви (11 святых, из которых трое празднуются дважды в году), святых католической Церкви, праздников латинской Церкви (праздник Тела Господня, Святейшего Сердца), памятных дней Императорского Дома и католической Церкви (избрание Св. Отца Пия X, Его Коронация, праздник 19 марта).⁸⁶

Повидимому, таким смешением и добавлением гражданских праздников, редактор хотел придать календарю нецерковный характер; в то же время текст журнала доказывает, что почитание русских святых входит в программу (см. № 1: « мы почитаем наши исторические святые, наших святых »; № 2, стр. 9, слова: « любить наших святых »).

Этот упрек был сделан группе устно. Вот ответ, который они дают на него:

« В письме Его Высокопреосвященства Государственного Секретаря монсеньору Денисевичу нам определенно указывалось сохранять весь обряд Синодальной Церкви; правда, текст его был нам только прочитан, но в нем говорилось дословно: « *nes plus, nec minus, nec aliter* ». Выпустить службу русским святым и не упоминать их на богослужении было бы после этого равносильным непослушанию. В связи с празднованием этих святых у нас были сомнения, и мы писали в Рим, спрашивая, как нам надлежит поступить, но ответа оттуда не получено никакого ».

Мне кажется, что в данном случае было бы полезно сообщить им желание или совет Вашего Высокопреосвященства - не печатать больше этого календаря.

Что касается категорического запрещения русским конвертитам почитать русских святых, то, мне кажется, что для этого время еще не пришло, и теперь было бы некстати решать этот вопрос. Вот на чем основано мое мнение:

а) Запрещение почитать русских святых наделало бы много шума,

⁸⁶ 19 марта - праздник св. Иосифа, день Ангела Папы св. Пия X.

и для православных, настроенных антикатолически, явилось бы аргументом, которым они воспользовались бы для доказательства того, что католическая Церковь противится русскому патриотизму.

б) Было бы трудно выполнить это без длительного изучения вопроса, чего до сих пор не было сделано.

в) Среди русских святых есть много таких, которые почитаются в церквах, находящихся в единении с Римом, как например Император Константин (признаюсь, что несмотря на службу этому святому, которая во всяком случае допускается Римом, лично я никогда его не призывал, особенно после того, как прочитал историю Евсевия), Владимир, Князь Киевский (а хроника Нестора!), Борис и Глеб и другие, почитание которых Церковь допускает и которых сохранила практика русской Церкви.

г) Единственное исследование греко-славянского календаря было сделано иезуитом о. Мартыновым (*Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus, Bruxelles 1868*).⁸⁷ Он приводит всех святых, упомянутых в календаре этого журнала, и еще сотни других. Для всех, исключая Григория Паламы, у него только слова похвалы. Серафима Саровского (2 января) Мартынов еще не знал, но это совсем простодушный отшельник, который, повидимому, был очень благочестивым.

Вот список святых, упомянутых в журнале (со ссылкой на страницы в книге Мартынова):

9 января - Филипп, митрополит Московский (перенесение мощей - 3 июля) (Март., стр. 55 и 67).

28 января - Федор Тотимский (Март., стр. 56).

⁸⁷ О. Мартынов, из ордена иезуитов, родился в Казани 7 октября 1821 г. и воспитывался в Гатчинском Сиротском Институте. В 1845 г. поступил в новициат иезуитов в Saint Acheul близ Амьена. Впоследствии из него выработался главным образом кабинетный работник. Он был одним из советников Пропаганды по вопросам восточного обряда. После смерти, труды его обратили на себя большее внимание, чем при жизни; тогда они могли заинтересовать лишь нескольких ученых, работавших в той же области. Главным трудом о. Мартынова является упомянутый митрополитом Андреем том «*Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus*», изданный in folio Болландистами в Брюсселе в 1863 г. В нем находится перечень по дням всех святых, почитаемых в различных церквах восточного обряда, как находящихся в единении со Св. Престолом, так и отделенных от него. Во многих случаях автор приводит краткие жизнеописания святых и указывает на славянские и русские произведения, в которых имеются более подробные сведения. С течением времени труд о. Мартынова вызвал заслуженную оценку, как ценная справочная книга для изучения житий святых, почитаемых в разных восточных церквах.

- 12 февраля - Алексей, митрополит Киевский (Март., стр. 70).
22 мая - обретение его мощей (Март., стр. 133, см. 20 мая).
26 июня - Стефан Пермский (Март., стр. 115).
13 августа - Тихон Задонский (Март., стр. 156).
30 августа - Александр Невский (Март., см. 23 ноября, стр. 286);
(о нем ничего, кроме похвального).
25 сентября - Сергия Радонежского - (*die vero*), 5 июня - обретение
мощей (Март., стр. 232).
29 октября - Авраамия Ростовского (Март., стр. 265).
Мартынов отзывается похвально обо всех этих святых.

Что может и должно удивить, так это упоминание журналом (в № 10 от 10 марта) Григория Паламы. *Acacius (De consensu II, cap. XII)* называет этого человека: « *hominem execrabilem, non tantum sacerdotio spoliatum et perpetuae depositioni subjectum, sed et ferro dignum... improbitatis auctorem perditissimum* ».

(« Мерзостный человек, не только лишенный священства и подвергнутый бессрочному лишению сана, но заслуживший быть наказанным огнем и мечем; ... виновник пагубнейшего бесчестия »). Отзыв редактора нельзя никак оправдать; правда, сам он не кажется человеком осведомленным; однако, подобную ошибку все-таки можно объяснить тем, что Рим долгое время допускал упоминание Паламы, и единственным доводом в пользу редактора является церковная практика в этом вопросе.

После Брестской Унии 1596 г., у русинов, все богослужебные книги остались без изменений. Не было никакого декрета, которым Св. Престол запрещал бы русинам почитание святых, как это было до Унии. Предоставили науке, епископам, практике - заботу исключить из календаря и из церковных книг, что они найдут нужным. Надо сказать, что тогда проявили много терпения, так что только в 1720 г., т. е. через 125 лет после окончательного проведения Унии в жизнь, собор в Замостье объявил: « *Georgium (sic!) Palamam non solum uti sanctum coli aut festo die celebrari, verum etiam eum in nostra Ecclesia nominari deinceps prohibet sancta Synodus (Titulus XVII)* ». (« Св. Собор запрещает не только почитать Георгия (*sic*) Паламу как святого и праздновать его день, но и просто упоминать его в нашей Церкви »).

Поэтому-то мне кажется более целесообразным не запрещать русским почитать их святых, предоставив « *disputationibus eorum* » (« их прениям ») решение о том, не окажется ли нужным выпустить того или другого святого, и ждать просьбы об этом с их стороны. Можно было бы дать им совет не « *offendere aures* » (не « коробить слух ») тех, кого это смущает, чтобы не возбуждать излишних споров и критики.

IV - Группе ставится в упрек, что она НЕ ПОВИНУЕТСЯ МЕСТНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ в лице митрополита Ключинского, который является в то же время особоуполномоченным Его Святейшества, и приступила к изданию журнала без разрешения церковных властей.

На этот упрек группа отвечает: они просили о разрешении и в епархиальной консистории получили ответ (называют и священника, который его дал), что разрешение требуется только для книг и брошюр, но не для журналов, и что если в журнале окажется что-нибудь, чего митрополит не одобрит, то об этом уведомят редактора и т. д.

Фактически, выходит много периодических журналов без формального и предварительного разрешения для каждого номера, и епархиальные епископы этого не требуют.

Так как в данном случае дело касается духовной цензуры в Петербурге, то, кажется, трудно обойти молчанием тот факт, что цензоры, которых выбирает митрополит Ключинский, заботятся, повидимому, больше о гражданских законах, нежели о церковных. Никогда цензура не разрешит печатания брошюры, которая рискует не понравиться правительству, даже если написанное находится в совершенном согласии с верою и моралью и не дает правительственным цензорам никаких оснований выступать в защиту последней. Часто духовные цензоры бывают более правительственными, чем само правительство. Для примера можно указать, что они запрещают печатать на русском языке одобренную церковью литанию⁸⁸ Святейшему Сердцу или переводы духовных книг, известных и одобренных во всех странах Европы.

Неудивительно, что лучшие католические священники латинского обряда спрашивают себя, может ли их обязывать духовная цензура, которая вредит делу католической веры. Русские добавляют к этому и другое сомнение: они спрашивают себя, обязывает ли восточных католиков церковный закон, требующий епископской цензуры и имеющий чисто дисциплинарный характер. В этом они, конечно, неправы. Однако, имея одобрение и поощрение со стороны других католических епископов Российской Империи и молчаливое одобрение митрополита Ключинского, они считают, что имеют тем самым и требуемое в таких случаях формальное разрешение. Пожалуй, в отношении предписаний закона, который требует, чтобы печатание было дозволено цензурой того места, где находится типография, можно еще сомневаться, обязывает ли она и восточных католиков, так как эта подробность, может быть, не является абсолютным принципом,

⁸⁸ Краткий акафист.

который был бы и для них обязательным. Однако, если они, несмотря на эти теоретические сомнения, все же просят одобрения у митрополита Ключинского, то можно ли им сделать упрек, что они не считаются с епископской властью? И если епископ, уведомивши их, что он, в случае надобности, потребует исправления того, чего не одобрит, потом не требует этого, то можно ли упрекнуть группу в том, что она не оказывает ему должного повиновения?

V - Группе ставят в упрек, что она выбрала редактором некоего г. Балашева, тайного католика, который значится в метрической книге официальной церкви.

Это верно, но дело в том, что воссоединение его с католичеством не было совершено священниками этой группы. Его духовник, согласно установившейся практике, которая, повидимому, довольно распространена в Петербурге и во всей России и молча одобряется митрополитом Ключинским, позволил ему не вычеркивать своего имени в официальной метрической книге. Причиной такой практики являются часто затруднения, которым мог бы подвергнуться обращающийся, а также, нередко, и безопасность самого священника, так как сохранилось еще многое от прежнего положения вещей; воссоединение со Вселенской Церковью часто все еще навлекает на священника опалу правительства. Если же при этом самое обращение можно квалифицировать, как акт пропаганды, то за это может последовать, а часто и следует, строгое наказание.

Нужно добавить, что до указа о веротерпимости, ни один священник, принимая новообращенного схизматика, никогда не обязывал его к официальному переходу в католичество, (переход был запрещен правительством), и не испрашивал у епископа разрешения принять схизматика « *in sinum ecclesiae* » (в лоно Церкви), так как епархиальные консистории, послушные прежде всего законам и распоряжениям правительства, никогда не давали таких разрешений. Священники, поступавшие так, формировали свою совесть на принципах морали: « *lex dubia* » ... « *lex nociva* » (« сомнительный закон »... « вредный закон »).

In foro externo все эти обращения оставались тайными.

После указа о веротерпимости, в некоторых случаях, несомненно, не было ни целесообразным ни необходимым прибегать к прежним мерам предосторожности; однако, встречается еще и теперь много случаев, когда священники полагают, что имеют полное основание считать себя обязанными соблюдать все меры предосторожности времен, предшествовавших веротерпимости, так как практически Императорский указ о веротерпимости сведен на совсем незначительное. Так

например, по закону, несовершеннолетние не имеют права менять религию; может ли ревностный католический священник принять в католическую веру еще несовершеннолетнего, желающего этого? Если он спросит об этом в епархиальной консистории, то там ему этого не позволят. Я знаю случаи, когда выданное епископом разрешение было взято обратно и прием в католичество был запрещен вследствие несовершеннолетия, на которое сначала не обратили внимания.

Люди, зависящие от правительства, находятся в таком же положении. Официальный переход в католичество мог навлечь на конвертита или на его семью большие неприятности. Возьмем для примера жену священника или чиновника, государственного чиновника, офицера и т. д.

Для официального перехода в католическую Церковь закон предписывает сообщить губернатору не о состоявшейся уже перемене религии, а о намерении ее переменить. Губернатор уведомляет об этом духовную власть, которая со своей стороны предпринимает попытки помешать переходу: изучаются побуждения, причины, пробуют отговорить, защитить, напугать. Только после того, как все эти средства будут испытаны и окажутся безуспешными, правительство разрешит епископу принять кандидата.

Когда священника просят о приеме в Церковь, может ли он рассматривать переход в католичество с точки зрения гражданского закона? Может ли он допустить опасность опроса конвертита схизматической властью, что представляет собою, несомненно, немалое искушение? Может ли он предоставить бюрократии, враждебной католической Церкви, заботу судить об искренности кандидата, желающего перейти в католичество?

Епископ же, не имея права принять прошение о переходе в католичество без разрешения губернатора, разве не должен разрешать или, по крайней мере, допускать практику - принимать конвертитов, часто и без официальной и бюрократической формы? Неужели священник не имеет права принять молчание епископа за молчаливое разрешение? Существует католический принцип, по которому все христиане подчиняются Церкви, все обязаны повиноваться, православные не меньше, нежели католики. Не является ли противоречием, приняв этот принцип, делать тем, кто ему подчиняется и становится католиком, все затруднения, какие только можно им причинить; ведь, действительно, трудно допустить что-нибудь худшее, чем оставить за преследующей властью и за схизматиками право решать вопрос о том, когда, как и кто может быть допущен « *in sinum ecclesiae* ».

Такой способ действия был бы также и заменой законов католи-

ческой Церкви - гражданским законом, церковного права - гражданским правом.

Епископы могли бы уладить все это; для этого им достаточно иметь две канцелярии, одну для официальных дел, другую, главным образом, для церковных и пастырских. В тех случаях, когда это возможно, переходы в католичество рассматривались бы в официальных канцеляриях; через посредство официальных канцелярий, епископы могли бы давать священникам общие и специальные полномочия; *это не могло бы подвергать их опасности, так как вся ответственность падала бы на священника и на конвертита*. Тогда никто не думал бы об уклонении от церковного закона и от власти епископа. Между тем, поскольку епископская канцелярия представляет собою филиальное отделение департамента иностранных исповеданий и думает только о законах Империи, поскольку епископ, подобно митрополиту Ключинскому, сознает себя, не скрывая этого, более послушным указам департамента иностранных исповеданий, чем законам Церкви и декретам Апостольского Престола, поскольку он терпит такое раболепное подчинение не против своей воли, а совершенно убежденно и добровольно, мне кажется вполне естественным, что священники не очень уважают его начальнический авторитет.

Если латинские священники высказывают положения, подобные тем, которые я старался воспроизвести, то разве может удивлять, что русские конвертиты им подражают? Нельзя доказать, что петербургская группа ослушалась, так как митрополит Ключинский не может указать ни одного распоряжения, которое не было исполнено, кроме разве приказа, находящегося в полном противоречии с указаниями Вашего Высокопреосвященства, изменить и латинизировать восточный обряд, сопровождавшегося заявлением: « В Риме думают и пишут законы по-римски, а мы должны действовать по-другому » (sic).

Если высказывают предположение, что выбор группы пал на Балашова, чтобы уклониться от церковной власти, то это - произвольное подозрение или утверждение, которое еще нужно доказать. Группа формально и неоднократно заявляла, что намерена повиноваться и ждет распоряжений, сожалея только о том, что местная церковная власть не дает таковых.

Митрополит Ключинский заявлял много раз, что он всего только « промежуточная инстанция между правительством и католической группой » и что он « не является митрополитом для русских католиков ». - « Какой же я вам епископ! Епископ на бумаге! Чисто формально »! (Привожу эти слова *ad verbum* дословно).

Митрополит Ключинский не интересуется русскими католиками; он

просто боится вмешиваться в их дела; в отношении конвертитов у него только одна забота, как бы не иметь беспокойств. Он торопился передавать распоряжения правительства и, повидимому, остался очень доволен приказом о закрытии домового церковки. Он так торопился выполнить его, что помешал этим выступлению членов Государственной Думы в защиту католической группы.

Говоря с русскими католиками, он никогда не решается сказать ясно, что думает. Никогда не знают, чего же он хочет; он никогда не дает совета. Когда он говорит что-нибудь, не знают точно, шутит ли он или же это серьезно. Часто он забывает, что сказал раньше, и немного позже говорит противоположное. Его лозунг - страх. Когда он говорит об Императоре, често употребляет при этом его официальные титулы, и когда слышит что-нибудь могущее не понравиться правительству, он бледнеет от волнения.

Нельзя отрицать того, что русские католики, одним фактом своего существования, являются для митрополита Ключинского большим затруднением, но нельзя и слишком удивляться, если священники этой группы не знают, чего им нужно держаться, когда митрополит Ключинский говорит, что « в Риме думают по-римски, а мы думаем по-нашему ». - « Мы живем не в Риме »... « Я должен быть лояльным в отношении правительства ». - « В Риме думают и пишут законы по-римски, а мы должны действовать по-другому ».

Положение католиков восточного обряда одно из самых тяжелых.

Окруженные противниками, гонимые правительством, имея среди латинских священников всего лишь несколько друзей, понимающих их и помогающих им, подозреваемые в схизме теми, которые считают схизматическим все подлинно восточное (много есть таких византийцев наизнанку, для которых более или менее латинские формы важнее исповедания католической веры и послушания Верховному Первосвященнику), не признанные своими же соотечественниками, которые, перейдя в латинский обряд, не ценят восточного или боятся его, думая, что их не примут никогда за настоящих католиков, пока они будут оставаться восточными, несчастные русские католики восточного обряда имеют очень трудную задачу - повиноваться Св. Отцу, соблюдая в полноте русский обряд, и не быть заподозренными в схизме по причине обряда.

То же самое, что было в свое время несчастьем Галицкой Унии, мы видим теперь, как некий призрак, и в краткой истории Петербургской Унии. Большинство латинских католиков не понимает ее. Есть много людей, неспособных возвыситься над формами и принимающих их за сущность веры; они не в состоянии отдать себе отчета в том, как это

католический священник может соблюдать обряд схизматической церкви и быть в то же время действительно католиком. Из этого проистекает, что католических священников считают еретиками только за то, что они повиновались повторенным неоднократно приказам Верховного Первосвященителя, за то, что они соблюдали обряд, не допускали латинизации, которую им навязывали и о защите от которой они несколько раз безуспешно просили в Риме.

Поскольку группа эта произвольно изменяла обряд и не повиновалась Св. Отцу, она была хорошо принята и ей благоволили, считали ее католической; но с тех пор как, ради послушания, они стали точно соблюдать обряд, не допуская в него добавлений, заимствованных из латинского богослужения и чуждых русскому обряду, начались подозрения, обвинения и даже клевета.

С другой стороны, косвенно, русские католики восточного обряда чувствуют и тяжелое положение русских католиков латинского обряда, так как епархиальные церковные власти не думают о своих русских верных, рожденных и крещенных в католической вере; напротив, церковные власти мешают работе священников, которые хотели бы что-нибудь сделать для них. Инициатива этих священников встречает неблагоприятное к себе отношение.

Так например, несколько лет тому назад в одной маленькой церкви⁸⁹ ввели проповедь на русском языке, следуя в этом не только апостольской традиции, требующей проповеди Евангелия на языке данного народа, но и желанию Вашего Высокопреосвященства. Этой проповеди ставили всевозможные препятствия, пока, в конце концов, все начинание не потерпело полную неудачу. Продержалось оно лишь короткое время.

Прошло уже два-три года, как русские католики восточного обряда, число которых, как говорят, достигает нескольких тысяч человек, не имеют ни уроков катехизиса, ни церкви, ни пастыря-проповедника; никто не думает о них; может ли быть хорошо настроен этот народ?

Могут ли русские католики обоих обрядов питать доверие к церковным властям?

Мне кажется, что нужно приписать Святейшему Сердцу, Которому посвящена русская миссия⁹⁰ и Которое было очень почитаемо в закры-

⁸⁹ Митрополит Андрей имеет в виду Мальтийскую церковь при Пажеском корпусе на Садовой улице, где благое намерение о. Яна Урбана вести проповедь на русском языке разбилось довольно быстро о сопротивление других польских священников, помешавших осуществиться его начинанию.

⁹⁰ По благословению Папы св. Пия X, митрополит Андрей посвятил всю Россию Святейшему Сердцу Господа Иисуса, о чем говорится выше в пятой главе.

той теперь русской церковке, что до сих пор не было ни скандала, ни отступничества, и что, несмотря на все, идея единения русских с Римом сделала большие успехи.

Г. Тяжельников⁹¹ сказал одной даме, русской аристократке,⁹² которая это мне повторила, что при такой работе, какую ведет о. Дейбнер, все православные в Петербурге сделаются через несколько лет католиками (sic). Не является ли самый факт закрытия церкви по приказанию правительства доказательством того, что не дух схизмы руководил работой священников, но вполне католический дух?

Ваше Высокопреосвященство соблаговолило закончить Свое письмо разрешением мне заниматься этим делом частным образом. За это разрешение я очень благодарен и всегда готов служить делу Унии. Готов всегда и во всем быть «*di valido aiuto alla Santa Sede*» («быть действительно полезным Св. Престолу»). Боже мой, чего бы я не дал, чтобы оказать какую-нибудь услугу Святейшему Престолу и доказать свою верность, свое сыновнее послушание и любовь, свою веру в священные догматы, предметом которых и их Августейшим представителем является Святейший Отец!

Разрешите мне, Ваше Высокопреосвященство, закончить это слишком длинное письмо тем же заявлением, которым оно начинается. Бог мне свидетель, что я был послушен и никогда не сходил с пути той святой добродетели, быть верным которой я поклялся, принося свои пожизненные монашеские обеты. Я буду повиноваться во всем, посредством всего и всегда; мой идеал - умереть за католическую веру и за послушание Наместнику Христа.

Да будет мне свидетелем в этом Господь!

⁹¹ Директор Департамента Духовных Дел Министерства Внутренних Дел.

⁹² Наталии Сергеевне Ушаковой.

ГЛАВА XI

ИЕРОМОНАХ ЛЕОНТИЙ

Поступление о. Леонида в Студитский «Скит св. Иосифа» в Каменице. - Письмо-исповедь митр. Андрею. - «Изолированность от мира, полное незнание всех его свет и мелочных забот». - Бедность и простота жизни. - Низкий культурный уровень окружающей среды. - Стремление достичь личного совершенства в монашестве. - Рабочий день в Студитском монастыре. - Богослужение и работа. - Свидание с митр. Андреем в Каменице. - Сомнения о. Леонида и внутренние испытания; его верность призванию. - Взгляды о. Леонида на восточный обряд и вселенский дух католичества.

Монашество привлекало Федорова с четырнадцатилетнего возраста. Состоявшееся рукоположение побуждало его теперь осуществить давнишнее желание; оставаться мирским священником он не хотел. Это как-то не согласовалось с его призванием, как он его ощущал. Митрополит Андрей назначил ему пройти искуc в монашеском послушании (новициат) в Студитском монастыре в Босанской Каменице, в родственной его русскому аскетическому духу среде тамошних русинов.⁹³

Задерживали теперь о. Леонида в миру лишь дела, которыми он

⁹³ Появление здесь галицких русинов находилось в связи с намерением австрийского правительства умерить стремление босанских сербов к соединению с Сербией. Оно стало вкрапывать сюда многочисленные хорватские колонии, рассчитывая на то, что разница в вере и обряде возбудит в населении рознь, благоприятную для нейтрализации сербского национального движения. Митрополит Андрей решил использовать открывавшуюся здесь возможность для иммиграции русинов, чтобы таким путем уменьшить возраставший с каждым годом поток галицких эмигрантов в Северную и Южную Америку. В сербской Крижевачкой епархии, издавна считавшей себя хорватской, несмотря на восточный обряд, было устроено последовательно пять русинских (украинских) колоний. Окармливать их духовно должен был по мысли митр. Андрея студитский монастырь, основание которому он положил в Каменице у Приевора (в 30 км. от Баньялуки), примерно в центре этих колоний. В 1908 г. он купил здесь большой участок земли с деревянным домом, возле которого построили небольшую деревянную церковь. Так возник в Каменице «скит св. Иосифа».

Как ни скромен был этот католический монастырь, но православные сербы не мирились с нахождением его здесь и относились враждебно к начинанию митр. Андрея. После войны, когда скит св. Иосифа оказался на территории новообразованного «Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев» (переименованного впоследствии в Югославию), они делали столько затруднений всякого рода, что его пришлось оставить. В 1924 г. там не было уже никого из студитов, хотя весь этот участок оставался и дальше во владении митр. Андрея.

был связан, прежде всего по должности префекта новооснованного Львовского Института. « До полного установления порядка мне нечего и думать вступать в новициат, - писал он митрополиту Андрею (18-8-11), - ибо иначе монахи будут делать все, что им взбредет в голову ». Однако и тут все в конце концов вошло в свою колею, умиротворилось и « прижимистые монахи », ведавшие в Институте хозяйственными делами, подчинились установленному порядку. После этого произошла другая задержка из-за новой поездки в Россию, куда митрополит Андрей опять послал о. Леонида. Он выехал в ноябре 1911 г., а мог вернуться только в апреле следующего года. Но и это теперь было уже позади. О. Леонид не медлил и не задерживался даже чтобы закончить обширный отчет о последней поездке. В мае он был уже в Каменице и оттуда послал его митрополиту Андрею.

К поступлению в монастырь о. Леонид относился очень серьезно. Этот решительный шаг он выносил в своем сердце. Желание стать монахом крепло в нем и развивалось вместе с общим духовным ростом. Таким образом, уход из мира созрел в нем вполне и принятое решение не вызывало ни сомнений, ни колебаний. Затруднения были лишь внешнего характера и сводились к тому, как и когда выбраться из мира, освободиться от связывавших обязанностей. Тем не менее, как ни стремится человек в монастырь, как ни подготовлен к этому, последний решающий шаг включает в себе всегда нечто значительное, бывает сопряжен с сильным переживанием. Если отрыв от мира и прошел для о. Леонида безболезненно (не теряя из виду самого главного - будущую деятельность в России, он все же в монастырь поступал не ограничивая ничем срок пребывания в нем), то вступление в совсем новую жизнь оказалось для него все-таки немалым событием. Одно дело - правильно представлять себе монашескую жизнь, стремиться к ней, находить привлекательной, даже любить ее в принципе, а другое - войти в монастырскую среду, фактически стать в ней монахом, утратить свою волю, сузить жизненный горизонт до границ весьма монотонной и прозаической повседневности, примириться с тем, что останешься навсегда в той же обстановке, с теми же людьми, (« в четырех стенах »), без существенных перемен. Ведь вся тяжесть монашеского подвига не столько во внешних делах, все-таки вносящих некоторое разнообразие в серенькие монастырские будни, сколько именно в этом.

В прошлом году, после Пасхи, о. Леонид сделал, так сказать, генеральную репетицию, начав жить по-монашески в Институте: перестал есть мясо, ходил на все церковные службы, спал на деревянной постели. Все это, по его признанию, давалось ему необычайно легко, даже самая трудная работа была для него развлечением. Неудовлетво-

ренная чувственность не являлась больше предметом сколько-нибудь трудного испытания: с нею он и раньше справлялся, а теперь стали исчезать даже самые отдаленные ее отголоски. Желание наград, почестей, карьеры, способное немало смутить столь богато одаренную натуру и руководить ее действиями - было органически чуждо о. Леониду. Он ясно говорит о себе, что гордость и связанное с ней себялюбие ему просто противны. Гордость в верующем человеке он находил греховной, а в неверующем - смешной. Словом, к поступлению в монастырь о. Леонид считал себя готовым *вполне*; последнее слово он даже сам подчеркнул. На этот счет у него не было сомнений. Между тем, являлся другой вопрос - достаточны ли его силы к прохождению великого монашеского подвига? « Дело, предстоящее нам, - писал он митрополиту Андрею, - слишком велико и свято, чтобы к нему могли прикасаться грязные руки ». Эти слова, поскольку о. Леонид оценивал себя самого, могут казаться преувеличением, гиперболическим оборотом, но в то же время они выражают очень ярко, какую абсолютную чистоту, по его мнению, требовало величие святой задачи, стоявшей перед ними обоими. Он находил, что нельзя считать себя для нее - достаточно чистым. Поэтому, прежде чем сделать последний шаг к принятию на себя монашеского подвига, о. Леонид обратился к « Святильнику », как он однажды назвал владыку Андрея, в свете которого он видел себя направлявшимся « к незаходимому свету », и в письме-исповеди⁹⁴ изложил ему весь путь своей жизни, чтобы митрополит Андрей увидел его без прикрас, каков он на самом деле, и решил, по силам ли ему нести монашеский подвиг. О. Леонид считал, что сношения их были до сих пор больше делового характера, которые давали митрополиту Андрею возможность видеть в нем только внешнюю оболочку. Он же хотел показать ему, « каковы были его стремления, с чем они смешивались и каков был субъект этих стремлений ».

⁹⁴ Это письмо - без даты, вероятно, потому, что оно писалось в течение некоторого, более или менее продолжительного времени и являлось плодом глубокого самоанализа и размышления об удивительном пути, каким Господь вел его с самого детства. О. Леонид хотел даже как-нибудь озаглавить свое произведение, но не нашел для него подходящего названия (может быть: « Путь, истина и жизнь юного Федорова »?). Слова - « в прошлом году я начал после Пасхи вести монастырскую жизнь » - как-будто говорят в этом письме о пребывании о. Леонида в Львовском Институте, где внешние условия благоприятствовали такой жизни; там он провел Пасху в 1911 г. Если это предположение правильно, то на основании его можно заключить, что он писал свою исповедь в 1912 г., незадолго до поступления в монастырь. Это заключение оправдывается психологически, так как все размышление о. Леонида построено на мысли о монашестве, которая и побудила его пересмотреть свой внутренний мир и открыть его до конца митр. Андрею.

По отношению к митр. Андрею, вероятно, о. Леонид несколько ошибался; можно думать, что за последние годы владыка, сквозь внешнюю оболочку, заглядывал в его внутренний мир глубже, чем он предполагал. Тем не менее, письмо-исповедь, раскрывшая ему самое сокровенное в о. Леониде, внесла в их отношения новый оттенок. Возможно, что, прочитав ее, владыка Андрей, обладавший уже, и по своему возрасту и по свойствам характера, тайной внутренней простоты в большей мере, нежели о. Леонид, подумал, что ему будет полезно, в качестве длительного духовного упражнения, пожить среди простых монахов-русинов в более чем примитивных условиях их монастырского быта в Каменице. Но об очень длительном его пребывании там митрополит Андрей вряд ли мог думать. Уж слишком ясно было выражено подлинное призвание о. Леонида. Он должен был непременно стать монахом, чтобы выполнить свою миссию; монашество являлось для него не самоцелью, но лишь средством. Ему нужно было поработать над собою в монастыре, чтобы потом быть монахом в миру, подобно тому, как он до сих пор работал над собою в миру, чтобы стать монахом в монастыре. Да, о. Леонид должен был сделаться совершенным монахом, чтобы выполнить свою миссию, но в то же время он не смел потерять себя, своего призвания, в монастыре, в котором ему поэтому не следовало слишком долго задерживаться. Отсюда проистекал ряд противоречий, которые о. Леонид находил в себе и которые, временами, доходили до некоторой двойственности в его внутреннем мире. Они смиряли его и в силу этого были благодетельны, поскольку таким путем от него скрывалось его личное совершенство, и в то же время не были опасны, поскольку он сам их сознавал и они не ускользали от его наблюдения.

О. Леонид правильно называл гордость « дьявольским пороком ». Очень хорошо сказано кем-то, что в аду представлены все добродетели, кроме одной - смирения, а в раю - все пороки, тоже кроме одного - гордости. Видя себя совершенно непричастным этому пороку, о. Леонид искренне считал себя « чистым и блаженным » и в этом, несомненно, был прав; можно лишь чистому, ощутить свою чистоту и отдалиться от земного и поправить мирскую суету и значит вкусить блаженство уже здесь на земле. Однако, ошибкой о. Леонида было то, что он как-то недосмотрел в себе дело Божие и все внимание перенес на себя самого. Естественно, что в результате этого у него началось « самоуслаждение собственными совершенствами ». Дьявол быстро подвел итог достижениям о. Леонида и показал их ему в такой привлекательной форме, что тот возгордился:

« Другие стараются и боятся за приобретение богатства, славы,

положения в обществе, а я смеюсь над этой суетой, я жалею и презираю этих жалких глупцов, не понявших жизни, я бесконечно выше их... Я стремился только к одному: показать всем, что я не горд, что я презираю самолюбие, честь, блеск и славу ».

Из этого о. Леонид сделал совершенно правильный вывод, который, несомненно, никак не входил в расчеты дьявола. Он признался:

« Я гордился тем, что не имею гордости. Отсюда оставался уже один шаг до сверхчеловека ».

Тем не менее, о. Леонид все-таки не сделал этого шага. Озарившая его благодать раскрыла ему лукавый маневр отца гордости. Он сказал о себе:

« Сделавшись сознательным христианином, я понял, что здесь нет даже и следа смирения, потому что нет благодарности Богу за данный Им мне дух отречения от мира, ибо только Его благодать произвела во мне такую перемену ».

О. Леонид ясно увидел зло и стал с ним бороться; к сказанному выше он добавил:

« Я начал стараться и стараюсь проникнуться этим духом, но пока, кажется, тщетно: сознание своего превосходства все еще туманит мне рассудок ».

Но тут уже не было опасности, раз это смиряло о. Леонида. Ведь в сознании своей немоги человек утверждается опытом, теми очевидными, но не опасными падениями, в которых он сам кается. О. Леониду была понятна ошибка, которую он допускал, восхищаясь совершенством своей природы, так легко побеждавшей все препятствия, вместо того, чтобы благодарить Бога, облегчавшего ему монашеский подвиг. Свою природу о. Леонид ценил по достоинству; она была в нем, действительно, совершенна, была великим даром Божиим. Однако, сознание человеческого ничтожества стало от него ускользать, и Господь давал не раз случай болезненно его ощущать. Тогда « *Übermensch* » - сверхчеловек в Федорове, побеждавший силой действительной благодати « величайшие духовные препятствия », « падал перед самыми ничтожными искушениями », коль скоро оказывался предоставленным самому себе, одной своей, пусть даже и « совершенной », природе.

« Правда, - признается он, - весьма часто Господь давал и дает мне почувствовать мое ничтожество... Иногда самолюбие проявляется в болезненно-острой и смешной форме. Вот яркий пример: когда я надел кожаный пояс и приступил к отправлению монашеского режима (в Львовском Институте), это, конечно, не могло пройти незамеченным. Все подумали, что я уже вступил в монашество. Тогда я услышал, как обо мне говорят, что я « недурной хлопец », что я « асикуровал » (обе-

спечил) себе « митру ». Вся кровь бросилась мне в голову! Как! Обо мне могут думать, что я, как и остальные, стремлюсь к славе и почестям! Как зверь ходил я по комнате, сорвал с себя злосчастный пояс и два дня не надевал его. Здесь-то и обнаружилась вся слабость моего духа, ибо, думая, что я не дорожу мнением людей, я оказывался слишком зависимым от них. И добро бы от людей действительно достойных уважения, а то от каких-то quasi - человеческих существ, обладающих скудными мозгами и болтливый языком! Истинно смиренный человек принял бы с благодарностью к Господу Богу такое умерщвление, тем более благодатное, чем более оно задевало самые глубокие струны его самолюбия. Смирение - его высшая степень - именно и состоит в том, чтобы не стараться обратить на себя внимание других, как на смиренного. Наоборот, пусть люди думают, что я гордый человек: тем сильнее и обильнее благодать, тем больше моя награда »!

Истина открыта здесь о. Леониду, он знает ее, но не достиг еще этой высокой степени совершенства. Он сам признается:

« Даже в этом случае, самоуслаждение не оставляет меня, а преследует по всем закоулкам моего сознания. Сознать, что я человек смиренный, а люди этого не понимают, это тоже ведь своего рода удовольствие! Я снова ставлю себя выше общественных рамок, я знаю, что стою выше других силою моего духа ».

В то же время ему уже понятно, что:

« ... монах, как раз наоборот: чем он совершеннее, тем он считает себя недостойнее, слабее и несчастнее самого последнего грешника, ибо душа его настолько утончилась под непрерывным воздействием благодати Господней, что он видит самые микроскопические недостатки и несовершенства своей природы ».

Это, действительно, так. Монах не притворяется, будучи смиренным; ложное смирение, « унижение паче гордости », ему органически чуждо. Он не думает вовсе о своем совершенстве. Он видит свою поврежденную человеческую природу, со всеми ее немощами, наклонностью ко злу, неспособностью дать от себя что-нибудь положительное. В то же время он видит в себе не менее ясно и действие благодати Божией, высоко ценит всякий дар ее, умиленно благодарит и еще больше смиряется, зная свое недостойнство. Ведь высшая цель духовной жизни - жить в Боге и для одного только Бога: не хотеть больше ничего, не знать больше ничего и не обладать больше ничем, как одним только Богом. Такая жизнь, своим участием в божественной жизни, ведет человека к удивительной простоте, особенно в аффективной области. Все великое всегда просто, а жизнь человека в соединении с Богом - самая простая. Душа становится неспособной желать каких-либо вре-

менных (земных) благ. Это-то и утверждает ее в нерушимом мире. Но в то же время, пока длится процесс преобразования души - освящения ее или обожествления - она делает еще немало ошибок. Но это ей уже не опасно, ибо, укрепляя в смирении, только способствует дальнейшему совершенствованию. Делаемые ошибки расстраивают душу и останавливают на себе ее внимание не больше, чем достигнутые добродетели. Душа находится как бы в точке соприкосновения двух бездн, говоря языком западных мистиков: бездны человеческого убожества и бездны божественного милосердия. Соприкосновение этих бездн питает упование, исполненное смирения, и благодарность Богу, полную радости. Да, сознание своего ничтожества наполняет душу радостью, ибо, по слову Апостола, « сила совершается в немощи ». « И потому, говорит ап. Павел, - я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах...; ибо, когда я немощен, тогда силен » (2 Кор. 12, 9). Такая душа, на фоне своего убожества, только яснее видит величие и благодать Божии. Опыт жизни научил ее понимать Христовы слова: « без Меня не можете делать ничего » (Иоан. 15, 5). Она полна благодарности и упования, « потому что Бог производит в нас и хотение и действие » (Фил. 2, 13).

« Хотение » Бог несомненно уже давно произвел в душе о. Леониды. « Желание взойти на высоту духовную осталось прежним », - говорит он о себе. В то же время о. Леонид видит ясно, что его хотение не очищено до конца, и потому действие Христово не достигло в нем своей полноты. В душе его еще нет полного соприкосновения бездны милосердия с бездною убожества. В хотении о. Леонид слишком полагается на свое личное действие, слишком занят сам своим освящением, желает его ощущать, услаждается своими достижениями; от своего « Я » он еще не вполне отрешился. Он слишком активен аскетически и недостаточно пассивен мистически, много рассуждает и мало созерцает. Он признает, что им руководит « не столько стремление к Царству Небесному в его реально-христианском смысле, сколько желание одухотвориться, подняться до той захватывающей степени духа, где уже царствует вечность ». Это - то и тянуло его к монашеству, но являлся вопрос: « удастся ли переплавить себя и скинуть ветхую кожу? Удастся ли избавиться от этого буддийского стоицизма и от самоуслаждения »?

Как увидим дальше, упорная работа над своим освящением в условиях монастырской жизни помогла о. Леониду сделать большой шаг вперед - значительно освободиться от связывавшего его « Я » и этим еще больше созреть для ждавшего впереди миссионерского дела. Но высшей цели монашества - совершенной жизни в Боге - он не достиг еще тогда в полноте. Слишком опутывало его призвание к активной

работе в миру, и мешало стать на путь чистого созерцания. Кроме того, жизнь в монастыре не была для него тем пожизненным заключением, в котором умирает во Христе ветхий человек, а скорее - рядом длительных, очень назидательных и плодотворных, но временных духовных упражнений. Не прошло и двух лет, как митрополит Андрей послал его снова в Россию. Иные, более сильные и без промедления ведущие к цели средства ждали о. Леонида еще впереди, а с ними и полнота освящения. В замысле Божиим монастырь в Каменице был лишь первой фазой духовной шлифовки о. Леонида. После нее последовала вскоре вторая, которую Господь оставил за Собою. Она вся окутана тайной. О. Леонид хранил ее в себе и не любил говорить о ней даже с самыми близкими.

Не осталось никакого следа от сказанного или написанного митрополитом Андреем в ответ на исповедь о. Леонида, но нельзя сомневаться в том, что он (без колебаний) благословил его на монашеский подвиг. В одном из первых писем в монастырь о. Леониду, митрополит Андрей говорит: « готов отдать половину жизни, чтобы вымолить Тебе счастье и удовлетворение в монашеском чине и устойчивость в Твоем призвании ». Эти слова показывают наглядно, как велика была любовь владыки Андрея к своему духовному сыну, и в то же время они говорят о том, что митрополит Андрей отделял личное призвание - миссию о. Леонида - от его нахождения в монашеском чине. Да иначе и быть не могло.

* * *

В Каменице, в этом благодатном уголке Боснии, так обильно оделенном всеми благами умеренного климата, первым ощущением о. Леонида была радость.

« Мне кажется, - пишет он,⁹⁵ - что только теперь я начинаю жить для самого себя, жить так, как я уже давно хотел. Слаще всего - сознавать свою изолированность от всего мира, полное незнание всех его суев и мелочных забот... ».

Какой благодетельный и заслуженный отдых!

« О. Настоятель - монах от чрева матери своей, и к тому же русский монах, счастливо соединяющий в себе греческий аскетизм с славянской добротой и мягкостью ».

В своем первом письме из монастыря о. Леонид просит митрополита Андрея:

⁹⁵ Все цитаты в этой главе заимствованы из писем о. Леонида к митрополиту Андрею.

« Из писем, присылаемых на мое имя, прошу пересылать мне только письма матери ».

Благоволение Божие кажется ему разлитым в обители. О. Леонид чувствует это на себе, воспринимает отраженным в своем внутреннем состоянии:

« Встаю на полунощницу каждую ночь свежим и бодрым и чувствую какое-то особенное благоговейное ощущение (если можно так выразиться) от всех предметов, находящихся в церкви, по которой бродят огромные тени, бросаемые свечами, стоящими на клиросах... ».

Простота жизни, простота людей, в соединении с простой физической работой, оказывают на него самое благотворное действие, тем более, что эта работа не просто полезна, но и осмысленна по своему практическому назначению. Тем не менее и тут сказывается нрав о. Леонида. Он наблюдает себя в новых условиях и в новой среде не без доли своего характерного юмора:

« Как Гоголевский богослов Халева, после многотрудного курса наук, был сделан пономарем на самой высокой Киевской колокольне, так и Ваш покорнейший слуга, после громких титулов, полученных на поприще « философских хитростей » и богословских наук, « упокояется » на столярне под руководством брата Исидора. Кроме того работаю в винограднике и сожалею только о том, что пришлось начать работу слишком поздно. После обеда мою посуду... ».

« Вилки не признаем, салфеток тоже. Воду пьем из общих кружек. Кушанья - самые природные. Наш повар, смиренный брат Иоахим, руководствуется духом земли. Он берет всякие травы и корни, кладет их в горячую воду - обед готов. Его профессиональную тайну составляет напиток, который он подает нам на « снадание » под громким именем « кавы » (кофе). Но можно ли обращать внимание на все эти мелочи, когда все кругом напоено таким бальзамическим воздухом и согрето таким солнцем! После работы в винограднике я готов съесть не только блюдо о. Иоахима, но, кажется, и старую подошву »!

« Плохо идет с умерщвлением очей; немислимо воздержаться, чтобы не любоваться на окружающую роскошную природу, но думаю, что это не запрещено, потому что иначе как могли бы пустынноики восхвалять Творца в делах Его... ».

« Вы писали настоятельно, чтобы я имел только от двух до трех часов работы в день, но я сам прошу его давать мне как можно больше работы. Просто становится совестно смотреть, как девять человек моих собратьев выбиваются из сил от непосильной работы, особенно во время тяжелых пахотных работ; когда есть полевая работа, на которой работают все, то и я работаю целый день. Загорел, как арабченок, хожу

босой, столярничаю, плотничаю, молочу, пашу, работаю в винограднике и на огороде, исполняю домашние работы. Никакой усталости не чувствую и всем доволен ».

« Монастырь крайне беден; нужно работать изо всех сил (в буквальном смысле слова), чтобы прокормиться ».

Однако не все давалось о. Леониду сразу легко. Тут были и трудности внешнего характера: они тоже давали себя знать:

« Суровость обстановки и строгость жизни переношу легко, обладая крепким здоровьем и уживчивым характером. Сначала, конечно, давал себя знать недостаток питания вместе с тяжелой ручной работой. Приходилось иногда скрипеть зубами... ».

« В церкви так холодно, что коченеют ноги и руки ».

Все же, при наличии доброй воли, к тяжелым условиям жизни, в конце концов, можно привыкнуть, особенно, если видишь в этом высший смысл. Становится труднее, это сочетается с осложнениями внутреннего порядка, когда приходится привыкать к необычности и даже чуждости окружающей среды, в которой живешь. О. Леонид говорит об этом откровенно митрополиту Андрею:

« Товарищество, пожалуй, умерщвляет меня больше всего. Недостаток обмена мыслей с образованными людьми и отсутствие научных бесед сказывается. Но я думаю, что Господь хочет, чтобы я научился более обращаться с простыми людьми, у которых нам, интеллигентным, можно многому научиться. Главное затруднение, – как и чем заинтересовать их во время разговоров и на рекреациях; нужно плыть между Сциллой и Харибдой, искусно мешая « сладость божественных словес » в солью мирской мудрости. В обществе светских и духовных, но образованных людей, это не так трудно, но в компании простых монахов из селян – довольно тяжело. Однако стараюсь приспособить себя к их образу мыслей. Это приучает меня к сдержанности и терпению ».

К последнему о. Леонид не раз возвращается, повторяя, что « ему особенно тяжело привыкать к новому обществу ». Он пишет:

« Правда, нет недостатка среди наших схимников в умных и развитых людях, но все-таки их кругозор не подходит к моему: мне нужно входить в их оболочку, чтобы понять их и чтобы они меня поняли; приходится выслушивать всякие нелепые истории о святых и их невероятных чудесах. Я кусаю себе губы, чтобы не засмеяться, но иногда берет досада на их религиозное невежество и некультурность ».

« Проектированные Вашей Святыней уроки или, вернее, беседы по церковной истории на рекреациях – неосуществимы. Во-первых потому, что наши рекреации совершенно не имеют характера отдыха по причине постройки и недостатка в людях; во-вторых, уровень интеллигентности

братьев слишком низок для того, чтобы иметь какую-нибудь пользу от таких разговоров »).

На постороннего наблюдателя, который только соприкасается с этим бытом короткое время, он производит иное впечатление и даже действие, чем на того, кто длительно, если не пожизненно, принадлежит ему, кто за пределами его не видит больше ничего или кому кажется, что вне этого для него уже нет ничего. Надо внимательно вслушаться в то, что рассказывает о. Леонид о своих трудностях, испытаниях, искушениях, вдуматься в то, как реагировало на них его духовное « Я », вникнуть в содержание его работы над собою, понять предмет его внутренних усилий, чтобы оценить, какой путь он успел пройти в монастыре за короткое время. Этим объясняется чувство, связавшее навсегда о. Леонидом с этим благодатным уголком студитов в Боснии. Сердце в нем говорило, когда он писал игумену Клименту (12-7-1923) из Московской тюрьмы:

« О если бы Господь удостоил меня снова пожить среди Вас, пасть ниц к ногам Ваших старцев. Мои наилучшие воспоминания, самый светлый период моей жизни, самое полное единение с Богом, всегда связаны у меня с воспоминаниями о Каменницком монастыре ».

Вот ряд выдержек из писем о. Леонида:

« Слова нашего Типикона: Монашеское житие - это то житие, в котором человек старается во всем итти по стопам Христа » - кажутся мне чем-то необычным. Когда я ехал в Боснию, мне все казалось ясным и определенным, теперь же я целыми часами думаю над тем шагом который я сделал. Тогда меня охватывает безотчетный страх: как, неужели же я действительно хочу отречься от мира и итти за Христом? Неужели я хочу себя сделать аскетом, человеком духа? Мне кажется, подобная мысль никогда еще мне не приходила в голову во всей ее поражающей ясности. Я начинаю понимать, что жизнь монаха - другая, не земная, « ангельская » жизнь, в которой все укладывается иным способом, нежели в миру, о которой даже священник, прошедший хорошую аскетическую школу, не имеет надлежащего понятия. Я вижу, что окружающие меня монахи, несмотря на их низкий уровень культуры, стоят неизмеримо выше меня в понимании этой жизни, потому что их простая душа, как *tabula rasa* (т. е. как нечто чистое, нетронутое) восприняла на себя все то, что Христос захотел написать на ней. Да, я вижу, что они « иноки », ибо у них все иное, чем у светских людей. И вот, в мою душу вкрадывается сомнение: способен ли я быть таким « земным ангелом »?

А вот, что рассказывают отцы и братья-студиты об о. Леониде:

« Он был образован, но не превозносился этим ».

« Говорил он всегда очень мягко. Никогда он не выражал в разговоре нетерпения. Хотя крест его был нелегким и он много страдал, но в его настроении это не отражалось; говорил он всегда кротко. Характер его всегда был очень ровный ».

« Он обращал на себя внимание своим послушанием; никогда он ничем не похвастался и не возвышал себя над другими. Он был всегда кротким и старался всегда вносить ясность в запутанное положение других ».

« О монахах он отзывался очень почтительно. Особенно почтительным он был в отношениях с настоятелем. Наше объединение его очень радовало и он от всего сердца желал, чтобы оно развивалось. Его общество очень любили. В разговоре он был сдержан, чтобы никого не задеть ».⁹⁶

О. Леонид продолжает в своих письмах раскрывать митрополиту Андрею сокровенное своего внутреннего мира:

« Когда я говорю, что стремлюсь к совершенству, то и тут подстерегает меня мое старое искушение: достичь состояния полного бесстрастия, полного квиэтизма. Не совершенство Творца, не любовь к Нему двигают мною в данном случае, а желание насладиться собственным совершенством, дойти до того момента, когда человек чувствует себя полным господином своего « Я ». Чтобы думать по-монашески, нужно было бы прибавлять к этому всегда интенцию: « Бога ради ». Однако беда в том, что об этой интенции я часто забываю. Самоуспокоение всегда стоит на первом плане... ».

А монахи-студиты говорят другое о своих наблюдениях:

« Он еще не был монахом, а обладал уже монашеским духом, в особенности в отношении того, что касается необходимых предметов. Он старался, чтобы все совершенно необходимое ему было простым и не выделялось ничем. Ряса, которую он привез с собою из Рима, была старой, поношенной, короткой, и тем не менее он не хотел согласиться, чтобы ему сшили новую. Когда нужно было заменить какой-нибудь

⁹⁶ После смерти о. Леонида, монахи-студиты, знавшие его в Каменице (иеросхимонах Никон, иеромонах Иосафат, иеродиакон Никифор, схимонахи Иоаким и Мирон) и о. Ковч, настоятель в Капуцинцах, написали краткие воспоминания о пребывании его в их среде: « Обычно известие о смерти вызывает грусть, - пишут они; известие же о смерти о. Леонтия (монашеское имя о. Леонида) доставило нам радость, т. к. мы были убеждены, что имеем на небе исповедника-мученика, вышедшего из нашей среды, из нашей семьи, который будет нам помогать ». Из этих заметок об о. Леониде заимствованы приведенные здесь суждения, без указания имени, в отдельности, каждого свидетеля, т. к. все студиты, в общем, сходятся в одинаковой оценке личности о. Леонида.

предмет новым, он просил всегда самое дешевое и простое. Тоже было и за столом: он никогда не соглашался на улучшение пищи ».

« Он строго соблюдал правила, особенно же те, которые относились к молчанию. Он не допускал никогда, чтобы в его келью приносили пищу. Он приходил всегда в трапезную независимо от того, ел ли он вместе с другими или один, когда приходил с урока, после того, как братия уже отобедала. В то время у нас был еще вольнонаемный повар, который, подав обед, уходил потом в город. Поэтому, когда о. Леонтий приходил после обеда, еда была уже всегда холодной. Не раз ему приходилось есть холодную пищу, но никогда нельзя было заметить ни тени неудовольствия ».

О. Леониду кажется, что он все еще стоит в стороне от монашества, не живет его содержанием, что сущность его от него ускользает:

« Чисто психологической опасностью считаю еще до сих пор оставшееся во мне православно-русское понятие о монашестве, как о тихой, спокойной жизни вдали от мира и его соблазнов. Понятие о монашестве, как о непрерывной духовной борьбе вплоть до гробовой доски, я воспринял только рассудочной частью моего « Я », сердце же мое не чувствует еще этой истины ».

Студиты же, окружавшие о. Леонида, созерцали иную картину, о которой сам он умалчивает:

« Жил он так свято, что никому никогда не сказал обидного слова. Основу его жизни составляли кротость и подчинение ».

« Жил он и одевался очень бедно. Всегда считал себя последним. У него была очень старая ряса, и он не носил воротничка. Он имел вид нищего ».

« Отличался он также своим большим послушанием, умерщвляющими подвигами, терпением и энергией ».

« Все поведение его обнаруживало, что он живет внутренней и духовной жизнью ».

* * *

О. Леонид проходил свой послушнический искуc под руководством старца Иосифа; закончил он его 12 февраля 1913 г. Об этом он сообщил владыке Андрею открыткой следующего содержания:

« Сегодня Господь сподобил меня принять на себя первые знаки ангельского образа. В сердце наступил какой-то неожиданный покой. Дай, Господи, чтобы этот мир душевный остался невидимо со мной, а не был только мимолетным аффектом ».

О. Леонид стал в этот день рясофорным монахом. При постриге ему дали монашеское имя Леонтия. С этого дня он начал подписывать свои

письма митрополиту Андрею новым именем, ибо так звали его теперь в монастыре. Тем не менее, в жизни, это имя к нему не пришло; для всех он остался, как и был, о. Леонидом и даже просто - Леонидом Ивановичем. По выходе из монастыря он подписывался всегда прежним именем. Поэтому и мы здесь будем и дальше называть иеромонаха Леонтия - отцом Леонидом.

Теперь он перестал быть послушником, стал монахом. Этот переход всегда знаменует большое событие в иноческой жизни. Оно побудило его пристально заглянуть в свой внутренний мир, чтобы определить свое душевное состояние. Он выражает его простыми словами:

« Мне хорошо, вот и все. Но почему же мне хорошо, - спрашивает он себя, - почему « мне добро здесь бытьи »? Я ищу, - признается он, - и не нахожу сверхестественной причины в этом состоянии довольства и отрады. Источники моего спокойствия - чисто стоические, ничего общего не имеющие с монашеским смирением и духовным убожеством. Наоборот, духовная гордость, радостно-горделивое сознание от того, что я обладаю сильным духом, - вот те принципы, которые облегчают мне работу и монашеское делание ».

На вопрос, что же именно служит ему в жизни наибольшей утехой, о. Леонид говорит, не колеблясь:

« Конечно - богослужение. Но это не новая утеха, а старая потребность души, когда я еще был схизматиком. Теперь эта потребность только усилилась, сделалась, так сказать, регулярной. Из меня вырабатывается « очередной » иеромонах, правящий свою седмицу « со умилением и великими слезами ». Правда, слез мне еще не хватает, но душа умиляется все более и более. Главной же моей утехой является удаление от мира, полная тишина и спокойствие. Я живу только в Каменницком скиту и для Каменницкого скита ».

Монахи дополняют эти слова свидетельством о том, что они наблюдали и как воспринимали служение о. Леонида:

« На церковных службах он держал себя чрезвычайно набожно. Слова он произносил благоговейно, ясно, медленно и внимательно, так что было действительно приятно присутствовать на его службе, особенно на литургии, на объяснении Священного Писания и на его проповедях; своим словом он трогал слушателей. Все слушавшие его наставления получали от него большое духовное назидание. Мирские тоже очень любили его слушать. С ними он говорил очень мягко, спокойно, медленно и почтительно, так что все его понимали, восхищались им и интересовались его разговором. Все, что он говорил, всегда имело отношение к Богу ».

Послушаем дальше, что говорит о. Леонид о своем внутреннем мире:

« Не мало удовольствия доставляет мне то, что я могу переносить легко тяжелые условия монастырской жизни; боюсь этой утехи, боюсь, что она идет не от Господа ».

« Слова Екклезиаста после первого же чтения глубоко запали в мою душу и постепенно произвели глубокий и основной переворот: я интересуюсь всем лишь постольку, поскольку это может служить на пользу Церкви и Царства Божия ».

« Теперь я больше, чем когда-либо вижу, что мое счастье в монашестве, и тем сильнее меня тревожат сомнения: буду ли я достоин этого счастья? Буду ли достоин этой великой благодати? Моментами, правда, бывает нечто вроде ревности, нечто похожее на сверхъестественный образ жизни, но все это бывает только редким лучем солнца из-за дождевых туч, освежающих мою бедную духом жизнь. Что для меня значит спартанский образ жизни? Я его люблю. Что для меня всякие испытания и внешние умерщвления? Я всегда смеялся над гордыми людьми и над мирской спесью. В монашестве я ищу внутреннего освящения, горения духа, того Иоаннова орла, которого кладут под ногу епископу « да горняя мудрствует ». Тут-то и приходится констатировать свое убожество. Хочется света, хочется взойти на Илиину колесницу, а воля так слаба, что едва хватает силы вытаскивать ноги из болотной тины ».

« Когда мне дают какую-нибудь работу, где нужно что-либо сообразить и работать мозгами, то она идет у меня плохо и я чувствую себя каким-то несвободным. Зато при механической работе чувствую себя великолепно; не чувствую утомления там, где мне не нужно ни о чем думать. Отсюда стремление избежать своей самостоятельной работы. Не влечет ли меня монашеская жизнь именно с этой стороны? Сиди, молись, работай и не заботься ни о чем. Не здесь ли кроется боязнь принять на себя миссию в России? Ведь нужно столько хлопотать, заботиться, думать, изворачиваться на все бока. А тут - полное спокойствие... Остаются только спокойные богослужебные « стояния » и « хождения », где под звук церковных песнопений человек забывает обо всем на свете и переселяется в рай сладости духовной. А там, недалеко, - дойти и до духовной спячки, до « прелести », т. е. самого страшного, что только может постигнуть монаха... ».

« Бывают отдельные моменты (в особенности в церкви во время богослужения), когда моя душа вдруг как бы молодеет, наполняется необычайной энергией и бодростью. Хочется сделаться действительно последователем Христа... Но увы, скоро такое настроение пропадает и снова берет верх духовная леность. Тогда хочется на все махнуть рукой и итти путем среднего индифферентизма, главный принцип которого:

лишь бы зла не наделать и в ад не попасть, а с другой - всеми силами души хочется духовной работы, потому что в лености все житие мое изжих »).

А вот опять несколько слов из того, что воспринимали монахи, смотря на о. Леонида:

« Служил он с большим благоговением. Во время литургии, его благоговение было так велико, что оно действительно притягивало к Богу »).

« Во время духовных упражнений, он так был погружен в молитву, что выглядел мертвым. Он очень радовался, встречая достойного монаха; о таком он говорил “ из него выйдет что-то хорошее ” »).

Говоря о своем внутреннем состоянии, о. Леонид отмечает недостаток сосредоточенности и сетует, что у него:

« Мысли все уносятся куда-нибудь в сторону. Или, - говорит он, - я витаю в области философии и апологетики, или строю планы на будущее русской жизни, или думаю, вообще, о судьбах России и т. д. »).

Монахи понимали эту рассеянность о. Леонида иначе; вот, что они говорят по этому поводу:

« Что бы он ни делал, молился или исполнял что-нибудь, всегда легко было заметить, что все сводилось к одной цели: принести пользу воссоединению своих братьев с католической церковью »).

« Он очень страдал от того, что его народ отделен от Апостольского Престола. Никакая работа для дела воссоединения его не страшилась. За него он готов был пролить свою кровь »).

Наличие таких « слабостей » у будущего миссионера, которому не было дано заглушить в себе это призвание, более чем понятно; да и слабостями-то они являлись только в отношении монастырской обстановки и монашеской среды, не имевшей прямого отношения к интересам и обязанностям о. Леонида, со всеми связанными с ними большими и мучительными вопросами, которые не могли его покинуть и здесь. Миссия была для него тем « Иерусалимом », о котором он имел право плакать, сидя « при реках Вавилона ». С чистой совестью он мог себе сказать словами псалмопевца: « Если я забуду тебя, Иерусалим, - забудь меня десница моя; прильпни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего » (Пс. 136, 4-5).

Отец Леонид жалуется, что этот « Иерусалим » мешает ему достичь ближайшей цели монашества в той мере, в какой он хотел бы: « молитвенное настроение при подобных мыслях не держится ». К тому же он не без грусти отмечает, что и воля-то у него « по-прежнему слаба ». Правда, крупным испытаниям ему не приходилось подвергаться в этом скиту, а его маленькие « падения » говорят не столько о нем самом,

сколько о круге интересов и понятий, в котором он находился. У мирских людей, не знающих и не понимающих монастырского уклада жизни, да еще в таком сугубо захолустном скиту, иные признания о. Леонида могут даже вызвать улыбку. Но для него самого все это было тогда очень серьезно, и он делал немалые усилия над собою, чтобы сосредоточиться по-монашески и таким путем совершенствоваться:

« Не могу дойти до того, чтобы прилично стоять на клиросе: не расставлять ног, иметь руки всегда сложенными на груди, не ошибаться при чтении. Когда я увидел, что у нас в субботу едят с “набелом” (т. е. принимают в пищу молочные продукты, противно тому, что было в русских монастырях), то решил есть мало (т. е. поститься не качеством пищи, а количеством), чтобы только утолить голод, но уже после первой ложки молочного супа, благое намерение исчезло и я наелся на славу. Стыдно и горько. С одной стороны непреодолимая гордость, с другой - слабость духа и ничтожество... ».

Не говорил ли о. Леонид, беседуя с матерью, что « слабость у человека, от желания поддержать ее, обращается в привычку »? всю жизнь о. Леонид боролся со слабостями, чтобы не дать развиваться в себе нехорошим, как он думал, привычкам. Правда, старушка Федорова, в своей простоте и не без юмора, возражала сыну: « по-твоему выходит, что есть досыта - привычка, и спать - привычка, и зябнуть - привычка; вероятно, по-твоему, и умирать - тоже привычка »! Студиты были другого мнения о привычках о. Леонида. И наблюдали в нем они тоже другое:

« Он обладал большим терпением в своих отношениях с людьми. За столом он всегда был очень умеренным, так что настоятель не раз обращал его внимание на то, что он должен заботиться о себе. В таких случаях он всегда отвечал: « мне довольно ».

Однако, в своем самоуглублении, о. Леонид искренне не замечал этого. Он пишет убежденно митрополиту Андрею:

« Я начинаю подсчитывать результаты. Что же? Сделался я лучше? Проникся сознанием своего призвания? Если бы я сам был судьей в этом деле, то дал бы отрицательный ответ. Перенес ли я все труды монашеской жизни? Да. Понял ли я сущность внутренней духовной жизни? Сделался ли я монахом не только телом, а также и душой? Нет. Оковы « мира сего во зле лежащего » слишком дают себя знать. Все та же мирская гордость, те же взгляды, понятия, вкусы, та же привычка все взвешивать и ценить не по внутреннему достоинству вещи, а по ее внешнему виду. Та же « многопопечительность » и забота о завтрашнем дне, хотя бы и в вещах чисто духовных (что будет с Институтом в случае войны, что сделается с монастырем, что будет с орденом, если ми-

трополит умрет?). В результате все тот же недостаток надежды на Бога, какой был у меня и раньше... Не могу сказать с Апостолом: « Мы же имеем ум Христов ».

« Нет и того, на что я всегда претендую, т. е. покаянного настроения. Моя любимая молитва: « Господи и Владыко живота моего », моя любимая практика - Канон Андрея Критского. А между тем покаяния-то мне и недостает. Недостаток сознания, что я пришел в монастырь вздохнуть, как мытарь, и обливаться слезами, как блудница... ».

Вот как протекал день о. Леонида в скиту св. Иосифа. Он вставал в 3 ч. 45 м. В 4 ч. начиналось получасовое богомыслие. В 4 ч. 30 м. - утренняя и обедня, в 7 ч. 45 м. - завтрак. От 8 ч. до 11 ч. 45 м. он был на работе, после которой полагалось 15 м. на испытание совести. В 12 ч. - шестой час. От 12 ч. 15 м. до 12 ч. 40 м. - обед и после него до 1 ч. 15 м. - рекреация, а затем до 5 ч. вечера снова работа. Сразу после нее, полчаса - пение и катехизис и полчаса - духовное чтение. В 6 ч. вечерня и в 6 ч. 45 м. - ужин. После него, от 7 ч. 5 м. - 20 м. свободного времени. От 7 ч. 35 м. до 8 ч. 5 м. - повечерие, после которого 15 м. - испытание совести и 10 м. - свободное время. В 8 ч. 30 м. - отход ко сну. В полночь - полунощница до 12 ч. 35 м.

Это давало в общей сложности:

- 6 ч. 50 м. молитвы (считая богомыслие и испытание совести);
- 8 ч. работы (считая пение и катехизис);
- 1 ч. 15 м. отдыха;
- 1 ч. на еду;
- 15 м. на туалет;
- 6 ч. 40 м. на ночной сон.

Нужно признать, что режим жизни здесь был довольно суровый и в него нужно было, даже при наличии доброй воли, втянуться. В одном из своих писем митрополиту Андрею, о. Леонид говорит, что начал писать ему 7 мая, а кончил 12 июня: « тому причиной работа; приходилось писать только урывками, по получасу в день, а то и через 3-4 дня ». « Видите, Владыка святей, как пишутся письма в Каменницком скиту ».

После нескольких лет, проведенных вблизи митрополита Андрея и в совместной работе с ним, теперь, оторванный от дорогого ему мира, в котором он жил и трудился, о. Леонид еще яснее увидел, что значит

для него личность дорогого владыки. Моментами он просто тоскует по нем и этого не скрывает:

« Я уподобляюсь теперь псаломскому оленю, который желает к потокам воды; так и я хочу слышать Ваших слов, хоть на бумаге, если не устно ».

« Прошу Вас, Владыка святой, в обращении со мной писать и говорить мне « ты ». Я не могу ничем выделяться из среды остальных монахов и иметь над ними какое-нибудь преимущество. Да и Вы сами будете со мной искреннее и там, где нужно, выругаете меня без деликатности и стеснения ».

« Благодарю Господа, сподобившего меня утешаться Вашими короткими, но полными правдивой отеческой любви письмами. Каждое Ваше слово придает мне бодрости духа. Я чувствую, что не один иду по избранному пути, но кто-то сильный и мощный духом поддерживает мои слабеющие руки и подкрепляет гнущиеся колени ».

Митрополит Андрей сообщил о. Леониду о своем намерении посетить его в ближайшее время в Каменице. Узнав об этом, о. Леонид пишет ему:

« Сохрани, Господи, чтобы только ради меня, дорогой Владыко и Отец души моей, Вы предприняли такой далекий путь; конечно, Ваше присутствие было бы для меня, как дождь для сухой земли ».

После отъезда владыки, о. Леонид изливается ему в длинном письме:

« Выплакал я перед Вами, дорогой Владыко, мою духовную скорбь, а Вы, как добрый отец, утешили меня и влили в меня новую силу, окрылили меня надеждой. Стало легче дышать. Через день после Вашего посещения серый смутный день сменил яркое солнце, пошел дождь и точно мокрым серым пологом отделил меня от Вас. Снова стало смутно на душе, какая-то фаталистическая покорность судьбе и печаль стали одолевать меня, лишили меня и физических и нравственных сил: читать не хотелось, пропала охота к молитве, аппетит исчез, руки опустились. Так продолжалось два-три дня, потом жизнь пошла своим обычным порядком. Я начал анализировать это переживание и напал на след. Оно не окончилось, но продолжается и теперь, только с меньшей интенсивностью. Я спрашивал себя: почему мы не можем до сих пор понять друг друга. Ответ получился весьма тяжелый для меня. Я увидел, что мое нравственное ничтожество не позволяет мне следить за полетом Вашей мысли и Вашего духа. Заметили ли Вы, дорогой Владыко, как во всех моих идеях я следую только за природным разумом, как я не могу подняться выше обыденных соображений, как у меня даже и мысли нет о Божественном Провидении! Какой я в сущности неверующий человек, скрытый атеист!... Дело Божие - Цер-

ковь, я понимаю только, как цепь случайностей, как взаимодействие воли одних индивидуумов на других, а руководящий перст Божий для меня не видим. Глубокая тайна строения Божия, то, что волос с нашей головы не упадет без воли Отца Небесного, остается для меня египетской тьмой, в которой не вижу ни зги, но в которую в сущности не верю, хотя и пытаюсь заставить себя верить. Я жадно слушал, как Вы говорили о различных случаях Вашей архипастырской деятельности, в которых Вы усматривали столько божественного, дивного, провиденциального... Я жадно слушал Вас и хотел перенять Ваш дух, но, вдруг, точно кто-то ⁹⁷ перевернул ход моих мыслей и шепнул мне: « Владыка наивен, как ребенок! » И снова прежняя тьма легла на ум и на сердце, Владыко святыи! За свое ли дело я взялся? Где же та живая вера, которая убеждает других, заставляет их верить в правоту своего дела, в истинность своего идеала? Мое зрение слишком коротко: я вижу только то, что делается теперь в данную минуту. По этой минуте я сужу обо всем и окрашиваю в тот колорит, который господствует в моем воображении. Не будет ли со мной по пословице: « Ни Богу свечка, ни черту кочерга! » Все сильное, катастрофическое меня пугает. Я не могу представить себе, чтобы что-нибудь страшное, поражающее служило для славы Божества. Что будет, если Уния в Галиции исчезнет под напором России? Где же слава Божия? Где кровь св. Иосафата? Где кровь холмских и других мучеников? Где бесчисленные Евхаристические жертвы? Все это пропадет, исчезнет как дым! И я слышу голос искусителя: зачем тебе впутываться в такое ненадежное « предприятие », оно лопнет! Не гордость ли снова показывает свои рога из-за всех этих сомнений? Я стараюсь представить себе дело так: уния, это духовный пережиток, она более не нужна, лучше работать для Церкви

⁹⁷ Этот « кто-то », которого Апостол Петр назвал « противником нашим дьяволом, который ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить » (I Пет. 5, 8), мог своей диалектикой доводить мыслящего о. Леонида чуть ли не до Карамзинского раздвоения (в диалоге с чертом), особенно в минуты неизбежной временами духовной депрессии и « сухости ». Тем не менее, « кто-то » не мог поколебать о. Леонида, который, преодолевая последовательно противоречия, все больше очищался в этой борьбе и утверждался в истине, лежавшей в основе его миссии. Духовная простота и гармония, ставшая с юных лет неотъемлемым достоянием митрополита Андрея, была отнюдь не наивностью, как нащептывал « кто-то » о. Леониду в те минуты, когда в нем шла « невидимая брань » за обладание этими ценнейшими свойствами. О. Леониду они достались лишь как результат долгой и упорной работы над собою и тяжелых внутренних потрясений. Тогда только, в спасительном уединении, ему удалось изжить в себе последние остатки « буддийского стоицизма » и связанной с ним нездоровой атмосферы гнилого Петербурга дней своей юности.

на другом поле. Но, кажется, что это только предлог с моей стороны, чтобы уклониться от тяжелой работы и перейти на более легкую. Чтобы быть униатом, надо часто играть глупую, жалкую, смешную роль, постоянно изворачиваться между своими и чужими, постоянно видеть крах своих планов. Вот, что возмущает меня, кажется, больше всего, а не вопрос о пользе Церкви, как я стараюсь себя уверить ».

« Только один светлый проблеск промелькнул в моей жизни после Вашего отъезда. Однажды мне бросилось в глаза, что один из братьев пользуется моим носовым платком, на другом я увидел мое старое пальто. Меня охватило чувство совершенно неизъяснимой радости. Счеты с миром покончены: у меня нет больше ничего своего, я нищий, я монах, я живу вверх ногами, смеюсь над людской глупостью и попираю ногами блага мира сего. Стало радостно до слез. Что это? Неужели же это подарок Отца Небесного? Неужели и мне дано почувствовать радости святых, показано хоть отчасти, что чувствуют « земные ангелы ». Или, может быть, это только новизна впечатления, в зависимости от эксцентричности моей натуры »?

* * *

Так, день за днем, в непрерывной духовной борьбе и глубоких, все охватывавших размышлениях, формировалось здесь мирозерцание будущего Российского Экзарха. Он переоценивал последовательно свои заветные ценности и продумывал до конца то, с чем готовился выступить вскоре. Как и когда, этого, разумеется, тогда никто не мог предвидеть.

В благодатной тиши, о. Леонид рос духовно, закаляя себя для предстоявшего подвига. Переписка с митрополитом Андреем, благодаря близости, которая прочно установилась в их отношениях, позволяет не только заглянуть во внутренний мир о. Леонида, всегда открытый владыке, но и ознакомиться с его взглядами по многим вопросам. Повод высказаться давал ему не раз сам же владыка Андрей. Так например, по поводу отчета о третьей поездке, он написал о. Леониду, что не видит никакой разницы в их взглядах на восточный обряд в России. О. Леонид ответил ему, что этот вопрос охватывает не только отношение к восточному обряду, но и знание самого обряда. « Конечно, - пишет он, - когда мы говорим о необходимости чистоты обряда для Востока и о необходимости устранения всяких попыток латинизации, - между нами нет различия ». Между тем из этого общего положения не вытекало еще тождества в отношении к самому обряду, основанного на знании его. Это-то дало повод о. Леониду высказаться, чтобы быть правильно

понятым митрополитом Андреем. *Многое из написанного тогда относилось к условиям, даже борьбе того времени и теперь утратило свою злободневность после почти полувека, протекшего с тех пор.* Доказывать иные положения в наши дни, значило бы, пожалуй, ломиться в широко раскрытую дверь. Поэтому мы останавливаемся только на некоторых выдержках из этих замечательных писем о. Леонида, поскольку они говорят об его взглядах и напоминают о том, чего никак нельзя упускать из вида в этом сложном и все еще больном вопросе, и против чего - увы! - попрежнему слишком много грешат вследствие недостаточной ясности и смешения разных понятий.

« Вы неправы, - пишет он владыке Андрею, - когда говорите, что синодальный обряд более испорчен, чем галицийский. Правда, укорочены всенощные, царесловие, ревущие диакона, лохматый клир, широкие рясы и камилавки разных цветов и рангов и т. п. - все это искажения, однако, искажения свои, родные, выросшие на нашей русской почве, налет татаро-русской грубости на благородстве и изяществе греческой формы. Эти искажения не затрагивают сущности обряда, а галицкий *волятюк* выработался из смеси народно-русской и польской культуры. Восточные черты, которые еще сохранились, уже представляют из себя мертвый балласт, например: самый иконостас фигурирует только как украшение церкви, как знамя русской национальности на польской земле; он не необходимая пища, как у нас, а только десерт после обеда ».

« Не смотрите на меня, как на дикого восточного фанатика, который слепо ненавидит все латинское. Я говорю так, потому что вижу ясно весь вред смешения латинских религиозных практик с нашими: я вижу и боюсь раздвоенности религиозной жизни среди монахов. Что же получается? То, что уже теперь центр их религиозной жизни лежит не в правиле церковном, а именно во всех этих девициях, набоженствах, адорациях и т. д. Церковное же правило, которым они должны жить и питаться, как манной небесной, для них только « тягар ». Посмотрите на латинские ордена. Разве бенедиктинец будет отправлять иезуитские « набоженства », а доминиканец - францисканские? Даже почитание святых одного ордена доведено до такой степени исключительности, что монахи одного ордена никогда не будут окружать особенным почтением святого из другого ордена. И это делается не из одного слепого соревнования и орденского фанатизма, а из явного сознания того, что дух ордена можно сохранить только тогда, когда он будет преподноситься умам монахов в идеальных образцах его святых и его религиозных практиках, приспособленных к задачам и стремлениям ордена ».

« Отношение к священным предметам на Западе сравнительно с

Востоком неуважительное, самое примитивное. С престола, кто хочет, берет крест, Евангелие; под престолом устроен склад огарков, мощи лежат в какой-то железной трубке в шкафу; в ризнице на малый престол кладут, что попало. Иногда мне кажется, что я снова попал в мое дорогое Ананьи, где сакристан собора свободно расхаживает по престолу».

« Для понимания истинного благоговения к св. престолу и уважения к обряду нужен иконостас, роскошный престол с ковром, капетазма, лампы. Только такая обстановка способна удержать восточную и, особенно, развихлявшуюся русскую натуру в страхе Божиим, внушить ей мистический трепет перед алтарем и храмом. Отсюда уже будет вытекать любовь к богослужению и правилу, чем и процветает Афон ».

Отдавая все должное восточному обряду, другими словами, не возражая ничего по существу о. Леониду, митрополит Андрей предостерег его в то же время от обрядового шовинизма. Это опять-таки дало повод о. Леониду заговорить с ним о вселенскости христианства, о подлинном духе Вселенской Церкви, католичества, вне которого не может быть правильно решен вопрос о восточном обряде. Чтобы отклонить всякое подозрение в обрядовом шовинизме. о. Леонид задает владыке Андрею вопрос:

— Как Вы думаете, куда я пойду, если опыт со студитским орденом мне не удастся?

Он даже подчеркнул в письме свой ясный и определенный ответ:

— *Прямо в латинский обряд!*

« Я даже выбрал себе орден Сильвестринцев,⁹⁸ как последний этап моих идеальных исканий. Только что-нибудь *особенно важное* заставит

⁹⁸ Конгрегация Сильвестринцев является реформированной ветвью ордена Бенедиктинцев. Основателем ее был св. Сильвестр Гуццолини (1177-1267; в 1598 г. причтен к лику святых); по образованию юрист, будучи уже священником, в 1227 г., при виде открытой могилы, пришел к внезапному решению покинуть мир и стал отшельником в Гротте (30 км. от Осимо). В 1231 г. основал монастырь в Монтефано близ Фабриано, утвержденный папой Иннокентием IV и послуживший началом конгрегации, насчитывавшей в период своего расцвета 56 монастырей в Италии. Сам св. Сильвестр сочетал в монашеской жизни молитву и научные занятия с проповедью и исповедью в служении ближнему. Отличительными свойствами этой конгрегации, принявшей устав св. Венедикта, является усиление его строгости в отношении иноческого нестяжания и поста. Кроме того, генеральный капитул ордена в 1543 г. заменил пожизненно избираемых аббатов - настоятелями на определенный срок. В отличие от обычных, « черных », бенедиктинцев, сильвестринцы носят одежду синего цвета. Молитва, научные занятия, проповедь, попечение о душах ближних, в связи с общей строгостью монашеской жизни и были теми элементами, которые, притягивая в эту конгрегацию Леонида Федорова, побудили его остановить

меня воздержаться от этого шага. Скажите же теперь, что боитесь для меня духа обрядового шовинизма и недостатка идеи вселенскости. Трудно, я думаю, найти другого такого восточного, который так спокойно относился бы к вопросу об обряде. Но где бы я ни был, в восточном обряде или в латинском, я всегда буду *обрядовец до мозга костей* и никогда не буду представлять из себя латино-восточного бастарда (помесь двух различных пород или видов животных). *Sentire cum ecclesia* - это мой принцип, который я воспринял в себя всеми фибрами своего существа и именно на основании этого принципа не хочу жить иной жизнью, как только той, на которую указывает мне св. Церковь ».

« Я потому так долго останавливаюсь на этой теме, что вижу ошибку, которую делает подавляющее большинство униатов: они идентифицируют Вселенскую Церковь с провинциальной латино-римской и дух этой последней принимают за дух Вселенского христианства. Хотя римская Церковь в догматическом отношении и *mater omnium ecclesiarum*, однако этот ее авторитет не распространяется на субъективные стороны религиозного уклада каждой отдельной церкви. Мы должны и в этом отношении сообразоваться с ее религиозным прогрессом и с величайшим уважением прислушиваться к ее материнскому голосу, но на столько, на сколько это не нарушает основных черт нашего религиозного самосознания и специфического характера нашей Церкви. И это тем более потому, что римская Церковь совершенно не знает Востока, живет своей замкнутой жизнью. Она считается только с традициями остальных западных церквей и совершенно игнорирует наши. Наши же греко-католики обыкновенно привыкли смотреть на латинскую церковь, как на выразительницу голоса Вселенского предания. Они забывают, что всякая Церковь, после своего присоединения к римской, имеет такую же благодать и так же, как латинская Церковь, является представительницей Вселенской Церкви, имеет с нею во всем равные права, как и все провинциальные Церкви - итальянская, испанская, польская и другие.

Следовательно для того, чтобы жить духом Христовым, духом Вселенской Церкви, не нужно брать религиозных практик других провинциальных латинских Церквей или особенным образом почитать их святых: нам достаточно только прислушиваться к голосу Вселенского Архиепископа и Вселенских Соборов, как выразителей духа Вселенской Церкви. Мы уже не блудные сыны, а возлюбленные дети Невесты

свой выбор на ней. В настоящее время сивестринцы сохранили в Италии семь монастырей; общее число монахов, по преимуществу иеромонахов, едва ли достигает и сотни.

Христовой и должны жить так, как живет каждая отдельная провинциальная Церковь. Ни одна из этих Церквей даже и не думает заимствовать что-либо с Востока или проникаться духом наших святых.

Вы скажете, что не должно следовать дурным примерам; но здесь дело не в дурных примерах, а в коренном различии Востока и Запада. Так что я особенно и не обижаюсь на латинских критиков нашей церкви: они должны так критиковать, потому что никогда не поймут нашей духовной жизни, построенной на совершенно иных психологических условиях. Дух Христов и дух Вселенской Церкви тут совершенно не причем. Папы и соборы епископов и кардиналов римской церкви, как выразители голоса Вселенской истины, не могут уничтожить ни нашего обряда, ни нашей Церкви. Мы прошли их школу и знаем, какой прогресс сделала латинская часть Вселенской Церкви в области развития христианских идей (философия, богословие, исповедь, культ св. Евхаристии, монашеские ордена, культ Св. Сердца, развитие догматов). Здесь мы их смиренные ученики и берем от них то, что нам нужно. Но вместе с тем мы замечаем и недостатки нашей великой сестры, произошедшие в силу долгого отчуждения ее от святого и мистического Востока, как-то: недостаток аскетизма, упадок обрядовой эстетики, недостаток простой и живой веры, утилитаризм, изнеженность.

Кто как не греко-католики призваны для того, чтобы поднять эти идеи, раздуть тлеющую искру? А если это так, то мы не должны ослаблять отличительных черт нашей мистики и аскезы принятием тех именно западных элементов, которые отдаляют Восток от Запада. Из этих элементов самым для нас нежелательным был бы, именно, западный практицизм и рационализм.

Нужно всегда различать вселенскую идею Церкви от ее формы. Дух Христов, дух чистого католицизма не только не требует одной определенной формы, а даже может идти по различным направлениям. Наклонность подражать всюду латинскому и ценить все латинское выше восточного, я считаю только за признак восточного раболепства и нашего русского самобичевания, того рода смирение, которое «паче гордости». Не мало тут, конечно, влияет и низшая степень нашей культуры, как и приниженное положение греко-католического клира. Обрядство считается почему-то показателем недостатка Духа Христова и вселенского. Забывают, что латиняне гораздо больше нас держатся своих обрядов и обычаев и что каждый хороший латинский священник тем самым и строгий обрядовец.

Я во многом наглупил в мою бытность в Италии, благодаря отсутствию выдержки и горячности моего темперамента. Но более всего каюсь в том, что всегда старался оправдать *raison d'être* нашего обряда

только оппортунистическими идеями, что без него-де нельзя надеяться привлечь православных. Теперь коренным образом изменил свою тактику: я требую нашего обряда во имя вселенской идеи Церкви; не потому что он нужен для обращения, а потому, что он мой, нравится мне, нужен мне и признан Церковью. Только таким образом можно нам заставить латинян уважать себя. Теперь я всеми силами буду бороться против ложного взгляда некоторых богословов, что единство Церкви требует также единства обряда.

С другой стороны мы должны проникнуться действительным вселенским духом блаженной памяти папы Бенедикта XI, который тем только и жил, только того и хотел, чтобы восточные католики не по форме только, но и по духу сохраняли свой обряд и свои традиции. Он хотел сделать так, чтобы не униаты учились чистоте обряда у православных, а эти последние у униатов. А для этого нам не достаточно только производить научные изыскания, а нужно выучиться жить идеалами восточной церкви, так, чтобы забытый аскетизм Востока проник в среду священников и заставил их бросить своих « баб » и политиканство. Вот ясно выраженный дух Церкви устами одного из величайших ее представителей.

В самосознании восточного человека (будь то христианин, магометанин или язычник) - немислимо разделение между обрядом и верою. Если восточный исповедует веру, выражающуюся во внешне-обрядовом богослужении, то он будет всегда верить в свой обряд, как в часть веры. Если же в его уме произойдет разделение между средством и целью, как между вещью второстепенной и первостепенной, тогда он совершенно выкинет обряд из своего религиозного самосознания, как вещь совершенно ненужную, а свои внешние религиозные потребности ограничит молитвой и проповедью (русские сектанты, магометане, буддисты Бирмана, Сиамы и Цейлона). Вот почему и наш русин, даже после трехсотлетней католической культуры, принимает внешне обрядовые формы за самую веру. Только холмские униаты, совершенно ополяченные, понимают обряд по-западному и совершенно отказываются от него. Нужно помнить, что восточный человек - человек крайностей, которому недоступна холодная рассудочность Запада; ему неизвестно западное *distinguo* (умение различать), он знает только *affirmo* и *nego* (утверждение и отрицание). Только путем культурного перевоспитания можно нашего русина заставить думать так, как его собратья по вере: поляки, чехи, хорваты... »).

* * *

« Это письмо - результат рефлексий всех моих « деяний ». Здесь в Каменицкой тиши я подвожу итоги всей моей жизни и делаю переоценку всем моим идеалам.

Я теперь чувствую, как:

“ Минувшее проходит предо мною...
 Давно ль оно несло, событий полно,
 Волнуясь, как море-океан.
 Теперь оно спокойно и безмолвно ”.

И вот, в этом-то спокойствии и безмолвии, я начинаю холодно и беспристрастно вглядываться в нашу работу на поле св. Унии.

Как черная туча, встают передо мною вопросы:

А что, если все то, что ты защищаешь, не имеет реальной подкладки?

Что, если уния, действительно, лишена вселенской благодати и духа?

Что, если все попытки оживить ее подобны вливанию нового вина в « мехи ветхие »?

Что, если ты хочешь соединить несоединимое?

Что, наконец, если для того, чтобы дать Унии жизнь, тебе придется отречься от своих идеалов?

А тогда, не будешь ли ты только наемником, работающим за плату на чужом поле?

Не лучше ли тебе, пока не поздно, бросить все и самому разрушить воздвигнутый замок твоих идеалов?

Я думаю, что и сделаю так, если Господь не укрепит меня. Повторяю, что, потеряв студитский орден, я уже не захочу сделать такую жертву ради чего-нибудь особенного, в чем я не мог бы видеть хоть искру надежды. Если же этого не будет, то я сделаюсь настоящим латиняном и скромная отрасль великого Ордена св. Венедикта даст мне желанный мир. Лучше отдать свои силы реальной Церкви, нежели воздушной, если наша бедная Уния такова.

Раздумывая над этим последним, я задаю себе вопрос:

Откуда выплыли эти *lamentationes*? (« горестный плач »).

Являются ли они результатом познания очевидной реальной действительности или только слабости духа?

Почему же раньше даже мысль о чем-нибудь подобном не приходила мне в голову?

Быть может все это « покуса » (искушения)? Духовная леность, страх перед будущей работой?

Куда же пропала та энергия, с которой я *opportune et importune* (кстати и некстати) защищал Унию, ругался за нее с монсиньорами, прелатами и даже кардиналами?

Куда девалось то неутомимое горло, которое кричало на Велеградских съездах, куда пропало перо, что писало без отдыха в защиту той же самой Унии? ⁹⁹

Не делается ли со мной то же, что с Иовом; не ко мне ли относится укоризна Елифаза: « Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. А теперь дошло до тебя и ты изнемог: коснулось тебя и ты упал духом ».

И это, может быть, правда. Я чувствую себя таким мелочным и ничтожным, что даже не могу разобраться в своих чувствах ».

Мы заканчиваем главу об иеромонахе Леонтии этим отрывком, чтобы показать всю силу, глубину и, так сказать, « диапазон » той всесторонней борьбы, какую он прошел здесь, в монастырской тиши. Не было, кажется, такого сомнения, возражения, такой беспощадной критики, которая его не задела бы в ту пору духовного созревания и формирования. Не было как-будто того, чего он сам не преодолел бы в себе, не выносил, прежде, чем выступить перед людьми с обличением и защитой. В общем, и в личном совершенствовании и в формировании мирозозерцания, о. Леонид шел одним и тем же путем « невидимой брани », и за освящение души и за свой церковно-общественный идеал, весь проникнутый той же святостью. Не нужно удивляться, что « кто-то » преследовал его на каждом шагу, возражал на все в этом диалоге и, конечно, особенно пользовался моментами усталости, душевной сухости, когда человеку кажется, что благодать его совсем покидает и он видит одну свою немощь, « мелочность и ничтожество ». « Кто-то » отнюдь не недооценивал о. Леонида, уделяя ему столько внимания. Тем не менее, борьба, которую он вызывал в душе о. Леонида, только закаляла, углубляла и в конечном итоге освящала будущего исповедника и « почти мученика ». Таким путем он продвигался все дальше к полной ясности, простоте и гармонии, и, когда достиг, наконец, поставленной ему цели, « кто-то » умолк, ибо нашептывать ему было уж нечего и внутренняя борьба « отца лжи » с о. Леонидом стала как-будто совсем беспредметной. Как увидим дальше, после ряда внешних

⁹⁹ Под псевдонимом « Д-р Леони » и « Кремони » о. Леонид напечатал ряд богословских и исторических трудов в Пражском журнале « *Slavorum litterae theologicae* » (издание Велеградской Академии) и в « *Roma e l'Oriente* » (издававшимся в Гротта-Феррата).

явлений, « зверю из бездны » оставалось только обрушиться на бречное тело о. Леонида и, обессилив физически, довести его до того, что жизнь в изможденном Экзархе тихо угасла. Однако не сломив духа, он только помог исповеднику стать, по выражению владыки Андрея, « почти мучеником ».

Глава XII

ССЫЛКА О. ЛЕОНИДА В СИБИРЬ

Четвертая поездка о. Леонида в Россию (январь-июнь 1914 г.): Состояние русского государства и общества. - Распутин. - Синодальная Церковь. - Отношение департамента и синода к русским католикам. - Митрополит Викентий Ключинский. - Московские католики. - Сараевское убийство и возвращение о. Леонида в Россию. - Арест его и ссылка в Сибирь. - Два с половиной года в Тобольске. - Революция и освобождение.

В конце 1913 г. о. Леонид стал готовиться к поездке на Афон, чтобы изучить там жизнь православного монашества в русских и греческих монастырях. В качестве пособия он намеревался использовать синодальный типикон и просил митрополита Андрея прислать ему таковой. В связи с указаниями, полученными от лиц, хорошо знавших Афон, о. Леонид составил себе план поездки, которая должна была начаться русским монастырем св. Пантелеймона. Там он собирался пробыть около полутора месяца на положении послушника, а затем ознакомиться последовательно с рядом греческих монастырей. После Афона предполагалась опять очередная поездка в Россию. Рождество 1913 г. о. Леонид провел в Баньалуке у тамошних траппистов, ожидая решения митрополита Андрея о поездке на Афон, сулившей столько поучительного и интересного.

Между тем, по ряду причин, этому плану не было суждено осуществиться. Митрополит Андрей направил о. Леонида прямо в Россию, откуда он написал ему первое письмо в январе. Почти все время о. Леонид провел в Петербурге, но побывал и в Москве, а оттуда съездил в Нижний Новгород и Саратов. В Петербурге ему удалось примирить обе партии - « алексеевцев » и « дейбнерианцев ». « Старик (т. е. о. Алексей) принужден был примириться, так как увидел, что все его приверженцы пошли за мной », - написал о. Леонид в первом же письме. В Петербурге он посодействовал более широкому распространению « Слова Истины » и в мартовском номере поместил свою статью « Рим и иконоборческая ересь ». Своим присутствием о. Леонид под-

держал регулярные собрания (по пятницам) русских католиков и посетил ряд лиц. В общем о. Леонид пришел к заключению, что петербургская группа, несмотря на наличие в ней некоторых личных счетов и трений, держится хорошо и относится к католическому делу ревностно. Заккрытие церкви на Бармалеевой не сопровождалось упадком духа, хотя, конечно, всех опечалило. После закрытия, о. Алексей начал служить в латинской часовне при церкви св. Екатерины, и туда стало приходить много народа, так что, в конечном итоге, правительство само рекламировало русскую католическую общину больше, нежели она сама себя. О. Леонид занялся было собиранием подписей для прошения об устройстве церкви на новом месте, но этим путем достичь не удалось ничего. О московских католиках он сообщил митрополиту Андрею, что «прямолинейность и фанатизм их прямо ужасающие»: они оказались целиком в руках ксендза Чаевского.

О. Леонид использовал свое пребывание в Петербурге и для того, чтобы познакомиться ближе с латинским клиром. С русским священником латинского обряда о. Сергием Грумом¹ у него сразу же уста-

¹ О. Сергей Грум-Гржимайло происходил из семьи, прославленной знаменитым русским путешественником и исследователем Азии. По окончании Императорского Училища Правоведения он поступил на службу по судебному ведомству в Петербурге. Грум был либерального направления. Воспользовавшись однажды случаем, когда его начальник, после приятного обеда, находился в особо благодушном настроении, он испросил у него разрешения освободить из тюрьмы группу толстовцев. Полученное в устной форме разрешение, Грум немедленно передал по назначению официально, и оно было тоже немедленно приведено в исполнение. Будучи при этом сам в здравом уме и твердой памяти, Грум не стал дожидаться перехода начальника от послеобеденного настроения в нормальное и, чтобы избежать последствий, которые интервенция в пользу толстовцев должна была неминуемо оказать на его дальнейшую карьеру в России, поспешил занять место в первом поезде, отходившем в Германию. Таким образом, в один прекрасный день, Грум, неожиданно для самого себя, оказался в Гейдельберге, поступил в университет и прошел курс философских наук под руководством Куно Фишера. Из свободомыслящего русского интеллигента он стал строгим католиком и решил сделаться священником. Для этого Грум поступил в католический университет в Инсбруке. Тут ему показалась заманчивой перспектива вступить в орден иезуитов. Чтобы осуществить это нужно было, кроме университетского диплома, подвергнуться дополнительному испытанию по богословским наукам. Это тоже ему удалось. Однако, получив письменное согласие на прием в орден, Грум передумал и уехал из Инсбрука. О. Леонид говорит дальше о его появлении (но не надолго!) в предвоенные месяцы в Петербурге. Первая мировая война застала о. Грума уже капелланом при Герцогине Люксембургской. Во время войны он оказался в Швейцарии и выполнил там ряд дипломатических поручений, возложенных на него Ватиканом, доверием которого он заслуженно пользовался. После войны была попытка привлечь о. Грума к более оседлой деятельности - возглавить русское католическое дело в Берлине, но такая задача не пришлась ему по натуре. Характерно,

новились очень сердечные отношения. Два раза он побывал у митрополита Ключинского, «старался просветить это несчастное, беспомощное существо и удостоился даже благословения и поцелуя в лоб»; митрополит снова усиленно просил его легализоваться в Петербурге. Из латинского духовенства о. Леонид считал теперь «безусловно нашими», т. е. искренне сочувствующими восточному обряду для русских католиков, пр. Каревича, Бучиса, Чесниса и Петкевича; «почти нашими» — О' Рурка, Лозинского и Василевского (петербургского, но не московского). О пр. Цепляке о. Леонид сказал, что тот, хотя и относится благодушно к восточному обряду, но в душе только и носится с идеей русских католиков латинского обряда.

Свое пасхальное письмо из Петербурга о. Леонид закончил словами: «Страшно соскучился по Каменице».

Состояние русского государства и общества. - Распутин.

Последние заседания Государственной Думы и разыгравшиеся на них скандалы, в особенности во время прений о бюджете, и выступление Горемыкина, показали русскому обществу, что в сущности свободы уже нет никакой, а вся оппозиция прогрессистов сводится на целую серию совершенно бесполезных протестов и заявлений. Депутатов левых партий третируют просто как расшалившихся школьников. Правительство совершенно не скрывает своих реакционных целей, радуется падению Думы и действует заодно с черносотенцами с наглой и грубой откровенностью. На манифест 17 октября не обращают уже никакого внимания. Все ссылки на него или игнорируются или просто высмеиваются.

Над всем царствует и владычествует «старец» Григорий Ефимович Распутин. Неизвестно, как долго будет продолжаться его «владычество», но теперь его положение при дворе весьма прочно. Министры и епископы считают за счастье пожать ему руку. Печать не осмеливается

что после революции он сохранил дружественные отношения больших времен с Чичеряным, ставшим Наркоминделом. Когда тот, тоже отдавая дань привычкам прошлого, приезжал в Париж и останавливался в своей любимой гостинице «Континенталь», где повар хорошо готовил русские кушанья, он приглашал к себе о. Грума, и они вместе приятно проводили время. Последние годы о. Грум прожил в Вене. Он пробыл там всю вторую войну и умер вскоре после занятия Вены советскими войсками. Жил он тогда в доме для престарелых священников.

О. Сергей Грум был прекрасным, умным и остроумным собеседником. У него была довольно богатая библиотека, главным образом по вопросам мистики. Этот предмет интересовал его и был ему особенно дорог.

выступать решительно против такого порядка вещей. Появляются только или беглые заметки, в которых не всегда даже упоминается имя «старца», или же официальные сообщения. Когда епископ Андрей Ухтомский (из рода князей Ухтомских) выступил с горячим обличением Распутина, то, хотя и не назвал его по имени (он называет его предателем), едва-едва жестоко не поплатился за свою смелость и не отправился преждевременно на покой. Еще более читать историю с преосвященным Феофаном Полтавским, имевшую место всего две недели тому назад. Этот епископ - человек редкой святой жизни и старый аскет - был когда-то моим инспектором в Петербургской Духовной Академии.

Синодальная церковь.

Про нее мало можно сказать нового. Развал продолжается, в чем со слезами на глазах признавались мне многие самые ярые поборники синодального православия. При прениях о церковном бюджете в Государственной Думе как правые, так и левые говорили о безотрадном положении господствующей церкви и о необходимости выйти из него, чтобы избежать полной гибели. Над возражениями Саблера все смеялись.

О церковном соборе говорят смутно. Синодалы обещают его в скором времени, а затяжку мотивируют тем, что, де, не окончены еще подготовительные работы. О восстановлении патриаршества скорее мечтают, нежели говорят.

С единоверцами отношения сильно обострены. Несмотря на собор 1912 г. и на заигрывания во время приезда Антиохийского патриарха, они упорно требуют себе отдельного епископа и уничтожения клятв собора 1667 г. Брат епископа Андрея Уфимского, Алексей Алексеевич Ухтомский, профессор физиологии и ктитор единоверческой церкви св. Николая в Петербурге, сказал мне, что пока еще единоверцы терпят, но потом будет уже поздно...

Интереснее всего попытки синода привлечь к себе мариавитов. Дело в том, что мариавитизм падает; в нем остаются только фанатики первоначальной формации. Несколько девок даже просили Ковальского распять себя на кресте, чтобы таким образом обратить всю Польшу; бедняга едва спасся от своих почитательниц. Теперь, видя, что им некуда деваться, они лезут к синодалам. Те, конечно, принимают их с восторгом, надеясь на дешевую победу над католической церковью. Во время Великого поста, в доме обер-прокурора, Ковальский читал лекцию о католичестве в присутствии всех членов синода. Замечалось

трогательное единение душ; мариавитские попы подходили под благословение к митрополиту Владимиру. Распространился даже слух, что вскоре присоединится к православию чуть ли не пятьдесят тысяч мариавитов, но слух так и остался слухом.

Однако, несмотря на всю эту милую гниль среди господствующей Церкви, ей все-таки удалось поднять народный дух, хотя бы отчасти. Постоянные открытия мощей, новые канонизации (вскоре ожидается канонизация Питирима), крикливое рекламирование черносотенцами «русского православия» против жидов и иноверцев, сделали свое дело; замечается сильный подъем духа в некоторых местах. Люди, никогда не занимавшиеся церковными вопросами, встают в ряды борцов за православие; строится много монастырей на частные средства, богословские популярные сочинения для народа расходятся в десятках тысяч экземпляров. Делаются даже попытки практиковать частое Причащение и исповедь. Все это показывает, что глубокие народные слои не деморализованы и родное православие им дорого и мило, в особенности теперь, когда оно, благодаря шовинистической рекламе, еще более, чем когда либо, делается «русской религией» и теснейшим образом переплетается с традициями народности и государственности (напр. канонизация Гермогена и отрока Гавриила). Обряд видимо облагораживается чисто византийскими формами и сильно сокращается (в Рязани архиерейская всенощная продолжалась всего 2 часа 45 минут).

Конечно, все это не может служить залогом правильного развития, но сильно останавливает разложение.

Русская миссия

При моем приезде, для всех неожиданном, наши обращенные делились как бы на две партии: одна примыкала к о. Алексею, другая к о. Дейбнеру (отсюда даже были в ходу термины: «Алексеевцы» и «Дейбнериане»). Раскол начался еще по поводу перенесения часовни с Полозовой на Бармалееву улицу. Против этого был о. Алексей и митрополит Викентий. Здесь нужно констатировать тот факт, что митрополит оказался прав, говоря, что если церковь будет перенесена, то ее закроят. Однако, желание иметь приличную церковь превозмогло, тем более, что обещания митрополита оказались толко обещаниями (он обещал нашим каменный дом и поддержку). Церковь решили перенести на Бармалееву. Тут снова произошла история: о. Алексея оставили одного на Полозовой и не дали ему помещения при новой церкви. Этой обиды старик не может простить до сих пор. «Дейбнериане» мотивировали такой образ действий тем, что знали латинский образ мыслей о.

Алексея и предвидели, что он и в новой церкви будет действовать по-прежнему. К личным недоразумениям присоединился еще нетактичный поступок Дейбнера. Когда некоторые из «Алексеевцев» увидели дощечку у входа в церковь с надписью: «православно-кафолическая» церковь, то подняли крик о схизме. И в самом деле, подобный выпад не свидетельствовал о применении принципа, освящающего средства. Мы можем называть себя православно-кафоликами в журнале, где хотим отвоевать это принадлежащее нам по праву наименование, но не можем оглашать его публично, как название католической общины, отлично зная, что простой народ никогда не поймет этого наименования иначе, как в чисто синодально-православном смысле. Вот почему синод и правительство с полным основанием обвинили руководителей общины в желании путем обмана и подтасовки распространять католицизм в Петербурге. Помимо всего, такой поступок был совершенно не нужен. Чтобы привлечь народ достаточно было поставить над входом крест и прибить дощечку с надписью: «Церковь Св. Духа». Даже до последнего времени некоторым из наших только с трудом можно было объяснить значение термина «православно-кафолический», что стоило мне немало времени и труда. В этот тяжелый момент епископ Никандр налетел как «орел пустыни» на Бармалееву и она была закрыта. Несчастье понемногу стало объединять обе партии. Стали совещаться, как быть и как начать дело об открытии церкви. Но тут снова пошли пререкания и личные счеты.

В это время, по воле Божией, я приехал в Петербург. Давно уже там ходила молва о превращении Леонида Ивановича в о. Леонтия; все, и знавшие меня и не знавшие, окружили уже мое имя ореолом самого сурового аскетизма. Весть о моем приезде разошлась моментально по всей общине. Уже на четвертый день я был знаком со всем и со всеми, если не лично, то по рассказам других. Дейбнер составил план общего собрания, на которое удалось созвать не только всю общину, но даже и о. Алексея с Новским.² В первый раз старик появился на Бармалеевой,

² Дмитрий Сергеевич Новский - окончил два факультета Московского университета - физико-математический и историко-филологический. В 1896 г. присоединился к католицизму. По словам Федорова, «у него хватило характера настолько, чтобы ради Церкви оставить службу и смело взглянуть в глаза ожидавшей его нужде». Вскоре после назначения митрополита Андрея на Львовскую кафедру, Новский поехал к нему, и владыка посвятил его в иподиаконы. Вместе с кн. Долгорукой, Новский был свидетелем при воссоединении Владимира Соловьева с католической Церковью. В 1910 г. он сделал сообщение об этом в печати. При о. Алексее Новский стал псаломщиком, заменив Трофима Семяцкого. К сожалению, своим участием в петербургских церковных делах он обострял расхождения, показал себя слабоха-

удостоил осмотреть церковь и нашел, что она « очень миленькая » (и это уже много!). Помолился вместе с нами и открыл собрание. Слово было предоставлено мне, как гостю. Я прежде всего выразил удовлетворение по поводу душевной бодрости всей общины, которая не теряет надежд на лучшее будущее, несмотря на печальную действительность, и работает на благо св. Церкви и во славу Божию. Затем я стал призывать всех к единению и братской любви, доказывая, что только таким путем можно достичь намеченной цели. Господь помог моей немощи. Все благодарили меня, некоторые были тронуты до слез. О. Алексей, видя, что я овладел умами общества, сам дипломатично пошел на уступки и в присутствии всех облобызался со мной троекратно.

С этого времени началась новая зра в жизни общества. На « пятницы » собирались уже все без различия. Приходил о. Алексей, хотя и неохотно; сидел только до десяти часов, Эти собрания прекрасно поддерживают дух общества. На них читается и объясняется Евангелие, предлагаются прихожанам недоуменные вопросы в области вероучения и пропаганды и рассматриваются и обсуждаются дела миссии. Одним словом, русская католическая община живет приходской жизнью в самом лучшем значении этого слова. Члены общины начали действительно помогать друг другу, как морально, так и материально. Конечно, осталось много несовершенного, еще далеко до святости, хотя бы и относительно всех наших « братьев и сестер », но добрая воля уже есть, а вместе с ней и горячая ревность о деле Божиим. Вот почему все так и просили Ваше Высокопреосвященство отпустить меня в Петербург, надеясь, что я успешно поведу и дальше начатое дело.

рактерным и к тому же любителем выпить. Он пристал к сторонникам о. Николая Толстого и поддерживал сношения с ним. Это обстоятельство удержало о. Леонида от личного знакомства с Новским.

В 1917 г. Новский стал членом образовавшегося в Москве русского католического прихода. Одновременным пребыванием в Москве его и кн. Долгорукой воспользовались, чтобы составить акт о присоединении Владимира Соловьева к католической Церкви. Летом 1918 г. о. Леонид, в бытность свою в Москве, повидал Новского. Он написал о нем тогда нижеследующее: « Этот жалчайший человек превратился в развалину, вызывающую жалость. Оказывается, что он увлекся большевизмом и одно время совершенно забросил церковь и перестал исповедоваться и причащаться. Теперь эта дурь прошла, и он недавно покаялся перед о. Владимиром. Мне он повторил тоже самое, прибавив еще, что порвал окончательно с преступной связью, и просил дать ему возможность окончить свою жизнь в монастыре, чтобы загладить покаянием все свои проступки и беззакония. Я сказал ему, чтобы он ждал конца войны. Думаю, что и он не жилец на белом свете ». Вскоре после этого Д. С. Новский умер, и о. Владимир Абрикосов похоронил его.

Кроме « активных » католиков, составляющих русско-католический приход и живущих его жизнью, есть и другой разряд католиков, являющихся по отношению к ним « пассивными ». Это все те же русские православные, которые переходят в католичество исключительно по брачным делам. Раз о. Алексей сам сознался, что за два месяца перевел более 117 человек в католичество по брачным делам. Спрашивается, где они? Это никому неизвестно. Старик относится к делу как чиновник. Спрашивает их имена, записывает в книгу; если нужно, то разъясняет главные догматы веры - и дело кончено. Он ни слова не говорит им об обряде и о том, что они принадлежат к греко-католической общине; не старается связать их с собой, не объясняет им их положения, не говорит им о том, что перемена религии не заставляет их делаться латинянами и поляками, даже ни одним словом не упоминает им, что они могут слушать свою литургию и проповедь у св. Екатерины. Латинское духовенство, конечно, довольно таким оборотом дела. О том, что такие католики *de facto* принадлежат к восточному обряду, никто (кроме Каревича и Тржесяка) не упоминает, а все смотрят на них, как на русских латинского обряда. Все уже сделано для того, чтобы основать для них в Петербурге отдельный католический приход. Сразу нашлись средства и помещение (даже предполагают выстроить отдельную церковь и дом). В особенности преследует эту идею епископ Цепляк. Сначала в разговоре со мной он как бы интересовался русской восточной общиной, а потом, видя во мне человека спокойного и умеренного, без фанатических замашек, он постепенно сошел на обсуждение проекта русско-латинского прихода. Это - вожделенная мысль не только Цепляка и митрополита, но и таких наших друзей, как Василевского и О'Рурка. Давно уже все они ждали приезда Грума, и день его прибытия был для них великой радостью. Пока он живет у св. Станислава, а потом, по всей вероятности, будет проповедовать в Мальтийской церкви. Поэтому никто из них не остановил Колпинского от перехода в латинский обряд и польскую коллегию в Риме, надеясь и его видеть впоследствии в числе латинских священников русского латинского прихода.³ Они на-

³ Диодор Валерьянович Колпинский родился 10-1-1893. В 1911 г. окончил первый Петербургский кадетский корпус. В том же году 9 сентября перешел в католичество. В 1915 г. окончил и Петербургский университет и католическую Духовную Семинарию, после чего был рукоположен в священники латинского обряда, но уже в следующем году перешел в восточный обряд; был близок к старообрядческим кругам. Покинув Россию в 1921 (или 1922) году, прошел через полосу тяжелых физических и душевных испытаний. В 1928 г. возобновил свое служение как католический священник восточного обряда и был назначен в Миссионерский Институт в Люблине (основанный в 1924/25 и закрытый в 1933/34 г.), но в том же году

деются, что благодаря огромному перевесу сил им удастся не только организовать русских католиков латинского обряда в одном приходе, но и существующих восточных перетянуть на свою сторону. Конечно, кто же захочет слушать о. Алексея или Дейбнера, когда рядом с ними окажутся Грум и Колшинский (очень способный юноша).

Правительство сейчас же откликнулось на желание митрополита основать русско-латинский приход и позволило Груму приехать в Россию. Понятно, что католицизм латинского обряда правительству не только не опасен, но даже весьма полезен. Некоторые из поляков и литовцев (Каревич, Тржесяк, Бучис, Глебовский) понимают опасность этого для них же самих. Однако, наши латинские благодетели оправдываются тем, что де восточный обряд преследуется, а латинский нет, и потому лучше уже удовлетворять религиозным потребностям русских католиков в латинском обряде. Ясно, что это лишь отговорка.

Отношение департамента и синода к русским католикам восточного обряда

В данное время, как синод, так и департамент, относятся к нам чрезвычайно враждебно. Опыт с церковью на Бармалеевой улице показал им, какая сила заключается в католичестве восточного обряда. Им не только не нравится католицизм в восточном обряде, но, в особенности, та чисто синодальная обстановка, в которую он был облечен на Бармалеевой улице. Они видят в этом пропагандистскую тенденцию. Когда я объяснял некоторым синодальным со всею ясностью наше историческое право на восточный обряд, ссылаясь на Южную Италию и Сицилию, даже на остатки бывших васьильянских монастырей в самом центре Италии и около Рима, никогда не бывших православными, мне отвечали: « Ну и служите так, как служат там, или как Румыны, или как ваши несчастные униаты (т. е. в Галиции), а не подлаживайтесь под нас и не туманьте народ ». Конечно, их не трудно опровергнуть, и понятно, что они боятся больше всего такой обрядовой обстановки, но я все-таки позволю себе остановиться на этом предмете, как очень для нас важным.

В России и в недрах синодальной церкви давно уже существуют три обрядовые направления: а) ригористическое, б) сентиментальное и в) среднее между тем и другим.

а) К первому принадлежат строгие исполнители и любители устава (напр. Антоний Волынский, Сергей Финляндский, Кирилл Тамбовский). Некоторые монастыри (напр. Валаамский) особенно славятся

оставил его и уехал в Харбин к архимандриту Ф. Абрантовичу (белоруссу), настоятелю русского католического храма в Харбине. Умер 8-7-1932 в Тяньцзине.

чистотой уставного богослужения. Вообще говоря, это направление теперь, видимо, падает благодаря сильному распространению западных культурных веяний. Только среди старообрядцев обрядовый ригоризм соединяет в себе все свои необходимые элементы, т. е. соблюдение внешности церковной по уставу и христианскую жизнь, вполне соответствующую хотя бы по внешности требованиям строгого православного уклада. Но уже среди них молодежь постепенно выходит из этой колеи и тяготится строгим отеческим режимом.

б) Противоположное ригористическому направлению я называю «сентиментальным», как родившееся в России по уничтожении патриаршества в эпоху псевдо-классицизма (Анна Ивановна, Елизавета Петровна, Екатерина II). В этом направлении господствует в обряде: эффектность и легкость. Старая традиция и символизм приносятся в жертву чисто внешнему блеску и лоску. Уже после Никоновской реформы начались сокращения в богослужении, которыми уже и без того ослабленный устав был совершенно обезображен. К этому направлению принадлежат столичные и городские священники с академическим значком и те из семинаристов, которые или ни во что не верят или считают себя священником «современного» типа. Сюда относятся все священники-карьеристы, вращающиеся в салонах ревнителей синодального православия, военного и придворного ведомства и новый тип священников-государственных деятелей, вроде думских депутатов.

в) Средним направлением я называю то, представителями которого являются или священники старого закала или же верующие и идейные, строго относящиеся к своим обязанностям (таких особенно много наблюдается в средней полосе России, напр. в Москве, Владимире, Ярославле и т. д.) Они понимают, что жизнь по уставу и строго уставное богослужение - невозможны при современных жизненных условиях и потому принимают сложившиеся формы сокращенного синодального обряда, однако дальше не идут. Наоборот, стараясь по мере возможности держаться устава, они даже иногда возвращаются к более старым чистым формам и стремятся провести их в жизнь.

Какого же направления должна держаться наша миссия? Ответ может быть только один: разумеется последнего. Мы не должны подражать недостаткам священников-модернистов или загоразиваться от общества дремучим лесом ригоризма. Пусть у нас будет все синодальное, однако без внешних эффектов и слащавой сентиментальности.

Настроение департамента в данное время самое грозное и только перемена министров и влиятельных лиц принесет нам облегчение.

— Передайте Мерри де Валю, - сказал Менкин Груму, - что восточного обряда мы не знаем и никогда не допустим.

Относительно новых священников тот же государственный муж изрек:

— Ну, нашему дорогому старичку о. Алексею мы дадим дожить век, да и бедному Дейбнеру тоже, но уж новых-то ни за что не допустим.

Поэтому относительно моей легализации чисто правовым путем и думать нельзя, тем более, что я вырос в страшное пугало:

— Личный секретарь митрополита Андрея Шептицкого, иеромонах Федоров!

Митрополит Викентий Ключинский

... Я бы разумеется не стал тратить времени на бесплодные разговоры с этим бесцветным существом, если бы одна особа, сейчас же после собрания, не побежала доложить о моем приезде митрополиту. Встреча очень радушная:

— Приезжаете в Петербург, а ко мне не заходите?

Пришлось, конечно, сделать умиленную физиономию и уверять в своей сыновней преданности. Затем началось толчение воды в ступе и переливание из пустого в порожнее. Оказывается, что митрополит готов отдать свою душу « за русское дело », но сами же русские ему мешают. Не слушаются его, поступают самовольно. Издают какой-то журнал, который соблазняет хороших католиков (то есть московских), не советуются с ним, а все делают сами без его благословения. Часовню не нужно было открывать, так как был уже готов « каменный домик » (ложь!) и соответствующие фонды (ложь!).

— Ну и помогите мне, оставайтесь тут и легализуйтесь. Ведь вы же будете меня слушаться. Вот, - продолжал он, - вы говорите, что у вас там бывают по пятницам какие-то собрания, а я об этом ничего не знаю. Почему же меня не приглашают?

Много говорили, конечно, о преследовании католиков и о трудностях вращаться в современной бюрократической обстановке.

— Да, владыко святой, вам трудно, - сказал я.

С большой радостью он говорит о своей отставке...⁵

⁵ Митрополит Ключинский подал в отставку в 1913 г. В июле 1914 г. она была принята в Риме. Капитул выбрал администратором архиепархии епископа Цепляка. На кафедру митрополита Могилевского и всех католических церквей в России был назначен архиепископ барон Эдуард фон Ропп. Митрополит Викентий Ключинский скончался в 1923 г. в возрасте 56 лет.

Московские католики

Слившись воедино, петербургские католики хотели, конечно, быть в живом общении со своими московскими братьями и просили меня поспособствовать этому. Разумеется, я и сам не желал ничего другого. Мы отправились в Москву втроем: я, Харичева и Ушакова.⁶ (Харичева ехала по своим делам, а Ушакова отправлялась к своим родным). Приняты мы были у Абрикосовых сердечно и ласково. Харичева была им представлена и произвела на них хорошее впечатление. С Наталией Сергеевной они говорили сравнительно мало, спорили с ней, но, по-видимому, не были вполне искренни. Настоящие диспуты начались тогда, когда, по отъезде Харичевой и Ушаковой, мы остались «с глазу на глаз» и говорили в течение целой недели. Ушакова, уезжая, сказала мне с обычным юмором, что «они» (т. е. Абрикосовы) или не дозрели или перезрели:

— Нужно их оставить в покое, чтобы не кусались.

Чтобы понять психологию московских собратьев, нужно, прежде всего, понять их цель, уяснить себе, как они понимают нашу миссию. Итак:

— Целью католичества является освящение людей, т. е. личная святость каждого отдельного члена католической Церкви. К этой-то святости своих членов должна прежде всего стремиться и русская миссия.

— Мы хотим, чтобы наши католики были святыми! Это наша цель! Так вы и скажите нашим петербургским братьям!

Кто будет с этим спорить? Но вот Абрикосовы обвиняют нас в том, что мы, петербургские католики, мало понимаем, какие средства ведут к этой цели, ибо:

1) Мы не повинемся церковной власти, так как наш журнал выходит без ее одобрения.

⁶ Екатерина Ильинишна Харичева, русская католичка, сотрудница графини Платер, именшей в Петербурге свое учреждение (на Широкой улице, на Петербургской стороне); состояло оно из мастерской, находившейся под надзором самой Е. И. Харичевой, и школы, которой руководил одно время Т. И. Семяцкий. Учреждение графини Платер было основано на тех же основаниях, что и приют Н. С. Ушаковой в Белоострове, с той разницей, что девочки не жили у нее в школе, а только приходили учиться. В школе они впитывали в себя католические понятия и благочестие. Дело это было сопряжено тогда с большими трудностями и нужно было вести его очень осторожно. Графиня была не только душой этого начинания, но и оказывала помощь русской католической группе; не раз она выступала примирительно, когда обострялись трения между «алексеевцами» и «дейбнерианцами».

2) Этот журнал ни по названию, ни по методу не соответствует своей цели, т. е. быть апологетическим органом русского католичества. Когда московские католики узнали, что в Петербурге будет издаваться такой журнал, то были очень рады. Они не были, однако, предупреждены ни о том, в какой форме выйдет журнал, ни какая его цель, ни о том, как на него глядит церковная власть. Еще за два месяца перед тем Ушакова говорила, что Дейбнер настаивает на слове « православно-кафолик », но что она этому противится, так что нельзя было и ожидать появления этого термина в новом журнале. И вдруг появился какой-то странный журнальчик с наименованием « православно-кафолический », со схизматическими святыми в календаре и без *approbatur* высшей церковной власти. В результате - громадный соблазн. Все шесть ревностных католичек, подписавшихся на журнал, пришли в ужас (одна даже истерически зарыдала!). Обратились за разъяснениями сомнений к Чаевскому, а он только пожал плечами и обратился с запросом к митрополиту в Петербург, но никакого ответа не последовало.

3) Наконец самое поведение русских католиков по отношению к высшей церковной власти - возмутительно.

Я, конечно, долго и пространно отбивал все эти атаки. Объяснил, что митрополит не мог дать свой *approbatur*, что он поступил очень странно, когда не ответил на запрос Чаевского и что сам Чаевский при его постоянном « русско-восточном направлении и любви к России » не должен был бы отрицательно отнестись к журналу. Если внешний облик и термины резали уши московским католикам, то содержание журнала должно было их убедить, что он является самым резким проводником центрального догмата единства Церкви. Не извиняя резкости наших петербургских католиков и находя ее предосудительной, я постарался показать им, что всему виной - самый ужасающий бюрократизм.

Постепенно наши прения свелись на вопросы принципиального характера. Тут-то выяснилась вся трудность моего положения. На все мои заявления о том, что слово « православно-кафолический » одобрено, что и сам журнал также одобрен, на все указания примкнувших к нам епископских авторитетов и латинского клира - ответ был один:

— Мы никому не верим, потому что сами имеем противоположные известия из Рима. Нам надоело слушать: один скажет одно, другой - другое. Пока вы не предъявите нам официальной бумаги - мы не сделаем никакого решительного шага и будем только оберегать наших католиков от сомнительных влияний.

Тщетно пытался я втолковать им, что в нашем положении официальная бумага невозможна, так как мы находимся в положении самом

отчаянном, в котором открытие такой бумаги правительством будет равносильно убийству миссии. Они не могут этого понять и думают, что жизнь современных русских католиков может и должна протекать в таких же условиях, как жизнь какого нибудь благоустроенного католического прихода. В этом их, конечно, поддерживает Чаевский, на которого они чуть не молятся:

— А если он ни во что не вмешивается, то зачем же он ездил в Рим и представил наш журнал в самых мрачных красках?

Стрела попала в цель: почтенная чета смутилась и не знала, что ответить (ибо и у них «рыльце в пушку»).

⁷ По словам о. Иоанна Дейбнера, давшего повод к расхождению московской группы с петербургской, весь этот спор, в который вмешали поляков, рисуется в следующем виде:

До 1913 г. московские католики не возражали против принципа восточного обряда, строгого сохранения его от латинизации и необходимости дать самостоятельное устройство католичеству восточного обряда в России, независимо от юрисдикции местных латинских властей. На практике они следовали циклу латинского богослужения и выражали свою связь с Римом послушанием во всем местному ординариату в лице Могилевского архиепископа Ключинского через подчинение местному латинскому настоятелю ксендзу Чаевскому, имевшему для них непререкаемый авторитет.

Когда о. Дейбнер начал проводить восточные принципы на деле, симпатии москвичей оказались на стороне о. Зерчанинова. Главными причинами были: усвоенное в Петербурге название « православно-католический », почитание русских и восточных святых и направление журнала « Слово Истины ». После выхода первого номера, от А. И. Абрикосовой пришло письмо с выражением недоумения: она находила дух журнала странным, непонятным. Вскоре после этого, к о. Дейбнеру пришел настоятель церкви св. Екатерины о. Будкевич и просил разъяснить ему некоторые вещи; у него в руках был журнал, присланный московскими католиками, с подчеркнутыми местами; он сказал, что митр. Ключинский приказал ему навести нужные справки. После этого митрополит потребовал в официальной форме объяснений у о. Дейбнера; тот отправился к нему вместе с В. В. Балашовым. Митрополит сказал, что московские католики спрашивают его, могут ли они читать журнал, и повторил от себя те упреки, которые они сделали, посылая ему журнал. Поднялся спор, в котором Балашов доказывал, что дело идет не об удовлетворении «вкусам московского кружка», а о пропаганде католичества среди православных. Митрополит же сказал на это, что журнал будет притягивать католиков к православию; есть русские, которые не хотят восточного обряда и будут читать журнал, если даже он не будет иметь восточного характера. В заключение он заявил, что даст по епархии распоряжение, запрещающее чтение «Слова Истины».

Когда церковь на Бармалеевой закрыли, и «шум достиг крайних пределов», митрополит Ключинский поехал в Рим. Княжна Волконская вызвала туда телеграммой Н. С. Ушакову. Та поехала в сопровождении графини Платер и Е. И. Харичевой. По возвращении из Рима митрополит не издал никаких распоряжений, направленных к изменению или прекращению журнала, и «Слово Истины» продолжало издаваться и дальше, пока большевики его не запретили.

Замкнувшись в своем тесном кружке, изолировавшись от народа, не имеющие ни малейшего понятия о его духе и потребностях, они похожи на изящные, чистенькие, фарфоровые статуетки, которыми дамы времен Людовика XV украшали свои воздушные этажерки. «Святость, святость», - повторяют они как попугаи. Фанатизм доходит до крайности. Нельзя читать синодальных книг, нельзя читать католических книг, переведенных на русский язык, если на них есть синодское разрешение. Войти в схизматическую церковь - это значит запачкать себя и приобщить себя к «еретическому скопищу». Что это позволено - в то не хотят верить. Не верят даже в существование приказания строго придерживаться обычаев синодальных, как это выражено в письме Мерри дель Валя к Денисевичу. На благоприятное отношение епископов и священников к «Слову Истины» смотрят косо и находят это вполне естественным в «эпоху модернизма». Ведь некоторые журналы выходят целыми годами, а потом их запрещают.

«Слово Истины»

Бедный журналчик похож на утлое суденышко, колеблемое грозными волнами. Одни его хвалят, другие проклинают; самое интересное то, что более всего ему достается от самих же русских католиков, т. е. в большинстве случаев от московских. Латинский клир относится к нему различно. Старики и руссофобы или с ужасом отвертываются от него или же ворчат и сердятся, называя его «глупостью», «опасной игрушкой», «провокацией» и т. д. Но молодой клир и ученый элемент встречает его с восторгом. Я пропагандировал его, как только мог. Епископ Кесслер рекомендует его своему клиру, епископ Ропп прислал Дейбнеру свое благословение и одобрение, епископ Каревич не только рекомендует и защищает его, но обещал мне при первом же посещении Рима открыто защищать его перед Папой. Его выписывает даже армяно-католический апостольский викарий.

Православные тоже вполне доступны для понимания «Слова Истины», нужно только предварительно объяснить им его название, терминологию и цель. Часто мне удавалось заинтересовывать моих знакомых настолько, что они с удовольствием прочитывали целые номера.

Едва успел о. Леонид вернуться из России в Галицию, как весь мир потрясло Сараевское убийство (28-6-1914). Находясь в это время в Австро-Венгрии, не трудно было понять, какие последствия для

мира всего мира может иметь этот роковой выстрел. О. Леониду не пришлось долго раздумывать над тем, что предпринять при создавшихся условиях. Он считал долгом немедленно вернуться в Россию, чтобы находиться на месте своей будущей апостольской деятельности. Ехать он решил через Констанцу-Константинополь, наивно думая, что его возвращение из Галиции не вызовет благодаря этому подозрения у русских властей.

В Констанце пришлось задержаться дольше предвиденного в ожидании парохода. Был воскресный день, и о. Леонид побывал в румынской церкви у вечерни и обедни. Вечерня продолжалась ровно 14 минут; в церкви, кроме него, не было никого. Ему объяснили причину:

— Народ не ходит потому, что это не в обычае. Вот на литургию придут!

Несмотря на прекрасную внешность замечательного храма, литургия произвела на о. Леонида « безотрадное и тяжелое впечатление ». Верующих собралось довольно много, пришел и кое-кто из интеллигенции, но большинство составляли женщины. Сознательное отношение к службе проявляли только старики, старухи и деревенские бабы. Все остальные поразили о. Леонида своим поведением в церкви: разговаривали, смотрели по сторонам, зевали, машинально крестились. Большая часть сидела на « стасидиях » по бокам церкви. Во время Пресуществления Даров и при появлении священника с чашей в царских вратах, все продолжали совершенно безучастно сидеть и стоять. Никто даже не перекрестился и не наклонил головы.

« Сам поп, — заметил о. Леонид, — образец деревянной бесчувственности и полного индифферентизма ».

« Сейчас видно, что румынское общество крайне безразлично и ни во что не верит. В церквях или пусто или мало народа, а вечером в казино не пройти от стульев. Играют в рулетку и бакара, жрут, пьют и бесцельно болтаются по берегу моря ».

В Константинополе о. Леониду пришлось задержаться больше десяти дней. Консул не скрыл от него, что положение крайне серьезно и война почти неизбежна; в Севастополе погашены маяки. Дело со « ставленной грамотой » (о посвящении) о. Леонида отлично устроилось. Сначала консул недоумевал, как ему следовало поступить в таком необычном случае, но в конце-концов согласился засвидетельствовать грамоту после того как ее подтвердил местный католический делегат. Таким образом все нужные документы были теперь у о. Леонида в полном порядке.

Консул правильно оценивал политическое положение. Объявление

войны застало о. Леонида еще в Константинополе. Он выехал с последним пароходом, уходившим в Одессу, а оттуда направился прямо в Петербург, только что переименованный в Петроград. Там его ждало большое горе: он нашел свою мать разбитой параличем, без всякой надежды на выздоровление. Еще в начале января 1911 г. Н. С. Ушакова написала Федорову о состоянии его матери:

« Я видела ее перед отъездом (в Рим). Она не хороша. В парализованных членах нет движения, речь очень невнятна ».

Последнюю запись в своем дневнике старушка Федорова сделала 15 августа 1910 г. 27 апреля того же года она написала свое последнее письмо - поздравление с праздником Пасхи - митрополиту Андрею. С этого времени имя ее больше не упоминается в текущих церковных делах. Повидимому, из-за недостатка здоровья, Любовь Дмитриевна должна была совсем отойти от жизни русской католической группы. Таким образом, происшедшее с ней теперь не было полной неожиданностью для о. Леонида, и ему пришлось примириться с тем, что его мать останется до конца жизни прикованной к постели.

Приезд сына домой был для больной большим утешением. Однако вскоре на нее обрушилось новое испытание. Не прошло и двух недель, как о. Леонида арестовали и объявили, что он ссылается на жительство в город Тобольск, под надзор полиции. Русское правительство смотрело на митрополита Андрея как на заядлого врага России. Ни для кого не была секретом близость к нему о. Леонида. В глазах властей он являлся « агентом митрополита Шептицкого ». Война с Австрией придавала теперь этому обвинению особый оттенок. Правительство не замедлило воспользоваться случаем удалить из Петрограда нового католического священника восточного обряда, тем более, что оно могло считать его опасным шпионом.

Этим арестом началось апостольское служение о. Леонида на родине. Неожиданного для него и в этом не было ничего; он подготовил себя к многому худшему. Тяжелее пережила это испытание его мать при невозможности сопровождать сына в ссылку и принять на себя заботу об его жизни в Сибири. Им предстояла разлука, конец которой тогда было трудно предвидеть.

Между тем, сам по себе, Тобольск не представлял для жизни ничего особенно неприятного. Это был довольно большой губернский город на берегу судоходного Иртыша, административный и торговый центр, насчитывавший около тридцати тысяч жителей. В те годы Тобольскую кафедру занимал пресловутый епископ Варнава, « усердный царский прихлебатель и друг Гришки Распутина », как выразился о нем о. Леонид. В Тобольске был кафедральный собор, 23 православные цер-

кви, одна католическая и одна лютеранская, довольно известный в России Знаменский мужской монастырь. В городе можно было жить вполне нормально и найти себе достаточный заработок в правительственном учреждении или частном предприятии, чтобы обеспечить скромную жизнь.

В условиях административной высылки тоже не было ничего ужасного при царском режиме. Правда, ехать на казенный счет с партией осужденных, «этапным порядком», было не очень приятно, но это не было обязательно. Всякому желавшему разрешалось отправиться одиночным порядком, на собственный счет, хоть в первом классе. На назначенном ему месте ссыльный имел право поселиться и работать по собственному усмотрению. Он не подвергался принудительным работам; ему не угрожали ни аресты, ни тюремное заключение. Он только не мог покидать место жительства и раз в месяц должен был заявляться в полицейское управление. Ему разрешалось свободно видаться и поддерживать отношения с местными жителями. Интеллигенция относилась к ссыльным с участием, даже явно симпатизировала им, а простой народ в этом не разбирался и не отличал их от местной интеллигенции. При тогдашнем политическом режиме, ссылка на поселение не заключала в себе ничего позорного в общественном смысле.

О. Леонид поехал в Тобольск в назначенный ему срок совершенно свободно и на собственный счет, и в общем, это не причинило ему большого материального затруднения, так как стоимость проезда по железной дороге была сравнительно невелика, и тариф убывал в соответствии с увеличением расстояния. По приезде в Тобольск, о. Леонид снял комнату в скромной квартире, где ему был обеспечен сравнительный покой. Сведения об его жизни в ссылке крайне скудны. Сам о. Леонид не вел никаких записей, а переписка с митрополитом Андреем прекратилась из-за войны. В разговоре с близкими, о. Леонид почти никогда не вспоминал эти годы, может быть потому, что последовавшие события их изгладили, поглотив все его внимание, и ему было уже не до Тобольска. Большевизм и небывалые ужасы новых гонений заставили, естественно, побледнеть все неприятные переживания, связанные с первой ссылкой. Из сохранившегося материала можно вывести только кое-какие заключения о внешней стороне жизни о. Леонида в Тобольске, тогда как все касающееся его внутреннего мира осталось в тайне. Ведь открывал-то он свою душу одному митрополиту Андрею! Все же, если судить об о. Леониде по тому, каким он выступает на страницах своих обширных посланий из Каменицкой обители и каким он открылся русскому миру после освобождения из ссылки, можно утверждать, что тобольский период жизни будущего Экзарха, при всей

своей сокровенности, был по внутреннему содержанию довольно значительным. Господь, видимо, завершил здесь в подготовке о. Леонида к его миссии то, что в Каменнице осталось только намеченным.

Вскоре по приезде в Тобольск о. Леонид поступил писцом в одно из местных правительственных учреждений; есть основание думать, что он служил в Губернском Управлении. Жизнь его была очень тихой и замкнутой. Каждый день, у себя в комнате, он тайно совершал Литургию. Сношения с внешним миром были для него не совсем безопасны. Нужно было серьезно считаться с тем, что кроме нелегального общественного положения, как католического священника восточного обряда, над ним тяготело подозрение чуть не в шпионаже, как секретаря митрополита Шептицкого. Чтобы облегчить его жизнь и обеспечить возможность более свободных с ним сношений, петроградские друзья о. Леонида, на собранные средства, отправили в Тобольск верного человека, русскую католичку Капитолину Николаевну Подливахино, которой по ее профессии акушерки легче других было тронуться с места и устроиться в Тобольске. Она была по тому времени типичной русской мещанкой среднего культурного уровня.⁸ О. Леонид

⁸ К. Н. Подливахина была вдова средних лет, по профессии акушерка и имела двух дочерей. Нашумевшее в те годы дело Мацоха привело ее к католической Церкви. Она пошла на этот процесс из интереса к сенсации и неожиданно для самой себя пришла к убеждению, что « такое море грязи может переплыть целой и невредимой только истинная Церковь Христова ». Вскоре после процесса она стала католичкой; весьма вероятно, что это был единственный случай обращения под влиянием Мацоха. Как и все петербургские акушерки, она жила раньше абортками. Теперь ей объяснили, что акушерке-католичке не подобает добывать себе средства производством абортов. Она это поняла и твердо усвоила, хотя и осталась почти без всякого заработка. Подливахина стала действительно ревностной католичкой, не только на словах, но и на деле. Впрочем, своих дочерей она не перевела в католичество даже после учреждения Русского Экзархата. Свойственный ее профессии практический ум и такт оказались полезными в зарождавшейся, несколько болезненно, жизни русского католического прихода. Весь круг вопросов, волновавших, объединявших и разъединявших тогда петербургских католиков, не превышал ее культурного уровня, и вмешательство ее в церковно-общественные дела оказывало не раз даже полезные услуги общему делу. К сожалению, у Подливахиной выявились при этом свойства, встречающиеся иногда у женщин, не находящихся полного удовлетворения в личной жизни. Они бывают склонны привязываться больше, чем нужно, к внешней и, особенно, так сказать, « закулисной стороне » церковности; они входят в нее, хотят играть в ней роль, сближаются с духовными лицами, оказывают им ряд чисто женских услуг, вмешиваются на этой почве в их отношения с окружающими, начинают оказывать влияние, интригуют и, кто знает, как далеко это иной раз может зайти, даже при отсутствии чего-нибудь явно греховного и внешне предосудительного. При большевиках, когда у многих, под влиянием ненормальных условий жизни, сдерживающие начала как-то ослабели, иные свойства Подливахиной стали выяв-

знал ее хорошо еще в Петербурге. В своем отчете митрополиту Андрею о третьей поездке, он отозвался о ней, как о деятельном члене католической группы, считая ее « женщиной умной, дельной, практичной, с природным тактом и умением обращаться с людьми ».

К. Н. Подливахина поехала в Тобольск с двумя дочерьми и действительно сумела там быстро устроиться. Она наняла подходящую квартиру, часть которой предоставила в пользование о. Леониду. Через Подливахину шла вся переписка с ним. На ее имя адресовались посылки - продукты, лекарства. Как хозяйка квартиры, она избавила о. Леонида от домашних забот, за что он, конечно, был ей весьма благодарен. Правда, при своем практичном характере, она не забывала себя со своими. Но все же, при всей обоснованности иных упреков, нельзя забывать, что благодаря ей, о. Леонид мог вести в Тобольске действительно тихую, замкнутую, сокровенную жизнь и спокойно священнодействовать у себя в комнате.

Можно думать, что у о. Леонида были свои основания не служить в местном костеле. Некоторый свет на это проливает одно из писем о. Алексея Зерчанинова из Тобольска, куда и он был впоследствии сослан большевиками. Он написал оттуда:

« Здесь мне пришлось жестоко разочароваться в местных католиках, которые не имеют никакого понятия о церковных обрядах, кроме латинского, и никакой проповеди не желают слушать, кроме польской; несмотря на мои старания найти себе квартиру в католическом доме, не пустили меня ни в один... ».

При этих условиях, о. Леонид мог опасаться враждебно настроенных прихожан, и для него было вернее не показываться в костеле; открытое служение по запрещенному восточному обряду грозило бы ему большими неприятностями. Последуй донос, его взяли бы наверно под наблюдение и могли бы даже переселить из Тобольска, по красочному выражению того же о. Алексея, « поближе к тюленям и белым медведям ».

Не оставило никаких следов и знакомство о. Леонида с местными обывателями. Вероятно, среди мирян и духовенства он не нашел тут никого, кто интересовался бы вопросами Унии. Впоследствии, донося митрополиту Андрею об униальном движении в Западной Сибири, он говорил об Уфе, Челябинске, Томске, но о Тобольске не упомянул ни

латься заметнее, и, в частности, на ее совесть в отношении Ю. Н. Данзас легло немало такого, о чем можно только искренне сожалеть. Тем не менее, католичкой она осталась до конца, не изменив своей вере и пострадала за это, хотя и много меньше других.

одним словом. Повидимому, и по этой причине, Тобольск был подходящим городом, для того чтобы о. Леониду отойти в нем на время от людей и житейской суеты и отдаться как бы длительному духовному «деланию», предшествовавшему непосредственно началу его общественного служения. Единственно, о чем о. Леонид любил впоследствии вспоминать, это - о нетронутой еще человеческой рукой, величественной и богатой сибирской природе, о девственных хвойных лесах, не утративших своей первобытной прелести даже в ближайших окрестностях Тобольска. О. Леонид часто отправлялся с местными рыбаками на рыбную ловлю. Он легко сходилась с простыми людьми, и они отвечали ему симпатией. Уже раньше его мать замечала в нем стремление удалиться куда-нибудь в глушь, на лоно природы. Вспоминая дни, проведенные в Униве (в Галиции, у студитов), он сказал ей однажды:

— Заберешься в лес, природа, Бог, да я.

— В чем же дело, - заметила мать, - так и иди в отшельники.

— А как же восточный обряд? Нет, я должен бороться в нем до конца жизни.

«И вдруг, - говорит она, - из смиренного инока он обратился чуть не в разбойника. Я очень смеялась». В Тобольске, уединение и даже своего рода затворничество не было в этом смысле «запретным плодом», оно было дано о. Леониду, чтобы свободно пользоваться духовными благами уединения.

В общем, надо признать, что сама по себе ссылка не была для о. Леонида тяжелой. Пожалуй, труднее всего он переносил суровый климат Сибири после стольких лет, прожитых в Италии и Галиции. Его здоровье заметно пострадало от долгих сибирских зим. На беду, в первый же год, поздней осенью, он имел неосторожность выкупаться в холодной воде Иртыша и от этого начал страдать суставным ревматизмом, от которого не мог уже после избавиться. В последние годы жизни, при скитании по советским тюрьмам и каторгам, ревматические боли очень обострились. Но в Тобольске ему могла помочь Подливахина, имевшая хороший опыт в уходе за больными и обладавшая кое-какими знаниями из медицины. Об ее услугах о. Леонид отзывался всегда с чувством живой благодарности.

Вот наиболее существенное, что можно сказать о первой ссылке о. Леонида. В 1917 г., немедленно после переворота, Н. С. Ушакова обратилась к министру Юстиции А. Ф. Керенскому с просьбой освободить о. Леонида. Ходатайство было быстро уважено, и в конце марта, на Страстной неделе, о. Леонид, высланный из столицы по Высочайшему повелению, мог свободно вернуться к своим русским католикам. По странному совпадению, как раз в этот день, почти одновременно с при-

бытием в Петроград о. Леонида, Государь Император отправился из столицы в ссылку в тот же Тобольск.

А в Петрограде радостно ждал о. Леонида... сам владыка Андрей!

ГЛАВА XIII

ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВЕДИМЫ

Начало военных действий в Галиции. - Занятие Львова русскими войсками. - Митрополит Андрей в штабе командующего VIII армией генерала Брусилова.¹ - Первые дни русской оккупации. - Обыск у митрополита Андрея, его арест и высылка в Киев. - Рукоположение в епископы о. Боцяна в киевском отеле «Континенталь». - Архив и документы митрополита Андрея. - Переезд в Нижний Новгород. - Два года узником в Курске. - Судьба епископа Боцяна. - Заключение митрополита Андрея в Суздальской духовной тюрьме. - Брат Яков и старец Степан. - Попытка о. Трофима Семяцкого установить связь с митрополитом Андреем. - Запрос А. Ф. Керенского в Государственной Думе и ходатайства о смягчении участи митрополита Андрея. - Переезд в Ярославль и последние месяцы заключения. - Февральский переворот и освобождение.

С самого начала войны Галиция стала театром военных действий. Война принесла ей много горя. Австрийские военные власти произвели многочисленные аресты среди местных русофилов. Между ними было немало желавших политической унии с Россией; вопросы религии их мало интересовали. В результате это привело к массовому преследованию всего, что было украинским. Арестованных высылали в кон-

¹ Изложенное в этой главе основывается главным образом на очерке Д. Дорошенко «Арест и ссылка митрополита Шептицкого» («На чужой стороне» - Прага, 1925 № 13), автор которого, в начале апреля 1917 г. был назначен областным комиссаром Галиции и Буковины и на этом посту имел возможность изучить и использовать архив с секретным отделением временного Генерал-губернатора Галиции графа Г. А. Бобринского. Здесь, среди различных документов, он нашел «Дело о епископе Шептицком», из которого мы приводим ряд цитат. Кроме того использованы записи о. Кирилла Каралевского, опубликованные в «Roma e l'Oriente» (1919-1920) и собранные в его книге «Le Métropolitain André Szeptycky», Grottaferrata, 1921, напечатанной всего в ста экземплярах. (Автор ее - француз; настоящее его имя - Пьер Шарон, под которым его знал о. Леонид и под которым он фигурирует в переписке с митр. Андреем). Эту книгу прочитал и одобрил митр. Андрей; автор пользовался экземпляром со сделанными им лично некоторыми исправлениями и пометками. Приняты также во внимание свидетельства Н. С. Ушаковой, князей П. М. и В. М. Волконских и, наконец, самого митр. Андрея, записанные кн. П. М. Волконским.

центрационные лагеря (Таллерхов в Штирии и Гмюнден в северной Австрии), едва их вмещавшие, где их держали в очень тяжелых условиях. До ноября 1914 г. заключенные оставались под открытым небом, несмотря на то, что ночи были очень холодные и выпал уже первый снег. Тысячи стали жертвою тифа и других болезней. Особенно дурно власти обращались с духовенством. В первые месяцы было арестовано больше трехсот священников; их назначали в лагерях на самые грязные и унижительные работы. Фактически все эти несчастные были отданы на милость и немилость венгерским солдатам, которым было вверено наблюдение за интернированными. Стража была далека от проявления какой-либо гуманности.

Как только о. Климент Шептицкий, поступил к студитам, - его обитель постигло тяжелое испытание. Поляк-офицер сделал на монахов донос, обвинив в русофильстве. По распоряжению властей все студиты были поголовно арестованы и с большими унижениями выселены из Скнилова. Их отправили в Esztergom в Венгрии, где держали сначала просто на пастбище. Монахи были лишены даже возможности укрыться в какомнибудь помещении от ночного холода. Несколько студитов призвали в армию, а большую часть правительство интернировало в концентрационном лагере Таллерхов. Впоследствии их перевели в иезуитский дом св. Андрея в Каринтии, а оттуда - в бенедиктинский монастырь Мартинсбигель. В конце концов, когда им разрешили вернуться в Скнилов, они нашли свой монастырь разоренным.

Митрополит Андрей делал все, что было в его силах, чтобы добиться облегчения участи заключенных, но предпринятые им шаги привели к освобождению всего только нескольких священников. Быстрое продвижение русских войск усилило еще больше общее замешательство. Кто мог бежал из Львова, и беспорядок овладел постепенно Галицией. Окружавшие митрополита Андрея просили его тоже уехать. Представители духовенства особенно настаивали на том, чтобы он покинул Львов вместе с отступавшими австрийскими войсками. Однако, несмотря на все просьбы, владыка Андрей был непреклонен в решении оставаться на своем посту и не удаляться от вверенной ему паствы. « Пастырь не должен покидать своего стада », - отвечал он уговаривавшим его уехать. При отрицательном отношении к нему русского правительства, такое решение митрополита Андрея нельзя не признать весьма мужественным.

* * *

4 сентября 1914 г. войска генерала Брусилова заняли Львов. Русское командование вело войска в Галицкую Русь, которая теперь, благодаря победе России, должна была вернуться к ней и войти в состав Российской Империи. Войскам был дан приказ воздерживаться от насилия. Все прошло, в общем, в порядке, если не считать еврейских погромов в окрестных местечках и арестов среди украинцев, духовенства и мирян.

Когда в штабе генерала Брусилова закончились переговоры с представителями городской управы, состоявшей сплошь из поляков, назначенный военным губернатором генерал Шереметьев прибыл в Львов еще до занятия его русскими войсками и сейчас же посетил митрополита Андрея. Было уже около полуночи. Разговор протек, казалось, в дружественном тоне. При выходе генерала из митрополичьих покоев, к нему обратились только что прибывшие офицеры из штаба и доложили что-то на словах. Митрополиту показалось, что их сообщение произвело на генерала неприятное впечатление. После его ухода, прибывшие предложили митрополиту отправиться вместе с ними в штаб командующего VIII армией генерала Брусилова, находившийся тогда в Бобрке, около пятидесяти километров к юго-востоку от Львова. Митрополит Андрей подумал было, что оттуда он вряд ли вернется домой.

Утром, генерал Брусилов принял его и сообщил, что произошло недоразумение: он не получал никакого приказа об аресте митрополита Шептицкого, а хотел только ему сообщить, что делает его ответственным за поведение населения в отношении русских властей. Тут же ему было дано разрешение отслужить литургию в Бобрке, после которой митрополит вернулся к себе в Львов. В пути автомобиль обогнал двигавшиеся к городу русские войска.

6 сентября, в первое воскресенье после занятия Львова, приглашенный настоятелем Успенской церкви, одной из самых старых в городе, митрополит отслужил молебен и по окончании службы обратился к народу со следующей проповедью: ²

² Текст ее (перевод на немецком языке), заимствован из книги: Dr. Gregor Prokoptshuk: «Der Metropolit».

« Возлюбленные мои!

Мы собрались здесь, чтобы благодарить Всевышнего за - смею сказать - чудесное избавление нашего стольного Львова от угрожавшего ему разрушения и даже от возможности полного уничтожения. Нам предстояло необозримое бедствие. Достаточно только бросить взгляд на местность, по которой прошла ужасная буря войны, чтобы понять, от какой участи мы избавились благодатью Господа нашего Иисуса Христа, удостоившись ее по молитвенному предстательству Пресвятой Богородицы, в Чьем храме мы сегодня возносим наши молитвы. Вокруг мы видим страшное опустошение. Целые деревни разрушены, а многие из них сметены совсем с лица земли. Сожжены хаты, уничтожено имущество, погибли тысячи семей. Многие из нас поддались панике и бежали, и теперь родители не знают, куда девались их дети. Народ постаовлял свои родные, насиженные места и разбежался. Многих-многих недостает теперь среди нас.

Поэтому мы, уцелевшие, должны особенно благодарить Господа, ибо Он нас защитил среди этого ужасного моря огня. Свою благодарность Ему мы воздадим благочестивой и благоугодной жизнью и нашими молитвами. Мы должны быть настороже и горячо молиться, так как не знаем дня и часа, когда Господь призовет нас.

Уже в мирное время каждый христианин должен так жить, чтобы всегда быть готовым к смерти. Теперь же она со всех сторон витает над нами. С одной стороны - мечем и пулями, этими ужасными орудиями уничтожения, с другой - болезнями и эпидемиями, этими неизбежными спутниками всякой войны. Мы не знаем и не можем предвидеть, какая беда нас еще ожидает. Поэтому-то, возлюбленные мои, мы и призываем вас возносить усердные молитвы к небу, молиться за свои семьи и за св. Церковь. Молитесь за те миллионы людей, которые с оружием в руках стоят друг против друга, смотрят смерти в лицо. Многие из них должны будут отдать свою жизнь, многие из них умрут нераскаянными, в смертоносном грехе, исполненные ненависти и мщениа. Прошу вас, молитесь за всех, также и за тех, которые сражаются, независимо от того, на чьей они стороне, ибо, возлюбленные мои, все мы - братья во Христе и все мы нуждаемся в милосердии Божиим.

Теперь, когда попущением Божиим пали границы, используем представившуюся нам возможность познакомиться ближе друг с другом; может быть, мы будем даже в состоянии, кое-что дать одни другим. Вы можете, например, поделиться с нами своей набожностью и глубоким благочестием. И мы тоже не останемся у вас в долгу. Но прежде

всего мы должны подойти поближе друг к другу, хотя во многом мы и так уже близки. У вас то же богослужение, что и у нас. Вы называете себя « православными », и у нас тоже православная вера. Однако, наше « православие » - церковное, а ваше - государственное и, так сказать, « казенное ». Это значит, что вы делаете опорой своего православия государственную власть. Мы же, напротив, черпаем духовную силу из нашего единства со Святой Католической Церковью, через которую исходит благодать Божия и в которой заключен подлинный источник спасения. Это-то мы и можем вам дать. Сам я - говорю это перед вами открыто - готов на всякую жертву; и если вам будет угодно, то во мне вы найдете во всякое время преданного пастыря, готового отдать свою жизнь.

Вы же, возлюбленные мои, как дети Святой Католической Церкви, пребывающие в единении с ней и из нее черпающие свое благо, ибо она и есть источник всякого блага, храните верность ей, даже если от вас потребуют чего-нибудь тяжкого, будь то даже и вашей жизни! Молитесь об этом и в любви будьте ко всем снисходительны! Блюдите верность своим идеалам! Если будете так молиться, то скоро придет время мира, которого все мы жаждем так сильно и которое миру так необходимо »!

А вот что донес об этой проповеди жандармский ротмистр Ширмо-Щербинский военному губернатору Львова:

« 23 августа с. г. (ст. ст., т. е. 6 сентября н. ст.) мною были получены сведения о том, что в городе Львове, в униатской церкви, митрополит Шептицкий произнесет проповедь. Прибыв в означенную церковь, я выслушал проповедь митрополита Шептицкого, в которой последний, призывая народ к молитве за сражающихся на поле брани, указал на то, что пришедшие из России тоже православные, но православие их далеко не то, которое исповедуют греко-католические православные; наше православие, - говорил далее митрополит, - есть православие свободное, чистое, под главенством Папы Римского, православие же пришедших к нам - православие синодальное, казенное, а насколько хорошо все казенное, вы сами знаете. Об изложенном докладываю. Ротмистр Ширмо-Щербинский. (« Дело о епископе Шептицком », № 12, дон. вход. 122).

Военный губернатор, генерал Шереметьев, под впечатлением полученного донесения, посетил митрополита Андрея и спросил его, почему он возбуждает население против русской армии. В ответ на это, владыка мог только в точности повторить сказанное им в церкви. И правда, был ли бы митрополит Львовский и Галицкий католическим пастырем,

если бы он не оберегал свою паству от пропаганды, приближение которой он уже чувствовал?

Несколько дней митрополит Андрей пользовался полной свободой. Он обходил госпиталя, способствовал передаче управления новым властям и принимал некоторые меры на случай, если его вынудят покинуть Львов. Митрополит назначил викария, который должен был тогда его заменить. В разговорах с посторонними, митрополит избегал даже намеков на политику и только призывал всех хранить верность католической Церкви.

* * *

11 сентября Жандармское Управление Военного Генерал-Губернаторства получило из ставки Верховного Главнокомандующего следующую телеграмму:

« Гофмейстер Маклаков ³ сообщает, что Ватикан пытается восстановить Унию в России с помощью униатского митрополита гр. Шептицкого, участника совещания деятелей католицизма в Риме. Шептицкий вербует в России слушателей курсов богословия во Львове, скрытно приезжал в Россию, выдал грамоты подчиненным ему католическим священникам на священнодействия по восточному обряду. Переписка, касающаяся причастности Шептицкого и Ватикана в развитии униатского движения в России, хранится в делах митрополичьего управления во Львове. Министерство Внутренних дел просит изъять из дел Шептицкого подлинную упомянутую переписку и передать в Министерство ».⁴

³ Министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков.

⁴ Желание Гофмейстера Маклакова удалось исполнить только 12 февраля (ст. ст.) 1915 г., о чем говорит следующая телеграмма Начальника Жандармского Управления, помеченная 12 февраля:

« Ввиду получения сведений, что в подвале дворца митрополита Шептицкого замурованы им в августе месяце прошлого года различные документы и переписка его особо конспиративного характера с пропагандистской комиссией в Риме, 11 с. февраля в означенных подвалах был произведен тщательный обыск. По данным секретной агентуры, работу по замурованию ценностей производил некий австрийский подданный Лев Гец. По розыску упомянутого Геца, последний на допросе объяснил, а затем и указал то место в подвале, где он, по приказанию митрополита Шептицкого, замуровал какое-то помещение. В результате обыска, по открытии замурованного подвального помещения, в таковом обнаружено 28 мест. Все сундуки и бумаги отправлены в Департамент Полиции ».

Д. Дорошенко был первый, кто после переворота имел возможность ознакомиться с этим архивом, когда он оказался в Академии Наук. Он высказался категорически: « ...Бумаги, захваченные у митрополита, были архивные документы, имеющие большую историческую ценность, официальная и частная переписка митро-

12 сентября в митрополичьем доме был произведен обыск, продолжившийся и 14 сентября, но ничего подозрительного обнаружено не было.⁵ На следующий день, 15 сентября, митрополиту Андрею было объявлено, что он находится под домашним арестом. Ему предоставили в пользование его личные покои - три комнаты в верхнем этаже митрополичьего дома. У каждой двери стоял часовой. Дом оцепили войсками. Так митрополит прожил во Львове еще три дня.⁶

полита, не содержащая даже намека на какую-либо « революционно-террористическую деятельность »... « Удостоверилось в этом и само Охранное Отделение, давшее в Министерство отзыв, что найденные у митрополита документы не свидетельствуют о том, чтобы гр. Шептицкий преследовал какие-либо политические цели ».

⁵ Хотя впоследствии жандармы и утверждали, будто при обыске у митрополита найдены документы, изобличавшие деятельность некоей « революционно-террористической группы », собиравшейся на квартире у митрополита (См. « Отчет о деятельности Жандармского Управления военного Генерал-Губернатора Галиции » - Киев, 1915, стр. 6-7), а самого митрополита аттестующие как « самого главного и выдающегося руководителя мазепинского движения, не только в Галичине, но и в Российской Краине », но нечего и говорить, - утверждает Дорошенко, - что это была, как уже указано выше, чистейшая выдумка.

⁶ По окончании войны, когда начало образовываться польское государство, оказавшиеся на его территории митрополиты Евлогий (бывший епископ Холмский, архиепископ Житомирский и Волынский, возглавлявший православную Церковь в Галиции во время ее оккупации русскими войсками) и Антоний (Храповицкий), арестованные властями, после тяжелых переживаний и дурного обращения, в котором поляки дали волю выражению своей ненависти к царскому режиму, были доставлены в резиденцию митрополита Андрея, находившегося опять у себя во Львове, в тех же самых покоях. Вот как описывает митрополит Евлогий свое появление тогда в его доме:

« По приезде в резиденцию митрополита, не успели о нас доложить, - он сам вышел навстречу и сказал радушно: « Пожалуйте, пожалуйста... У меня есть свободные комнаты, будьте моими гостями ». Нас ввели в просторное помещение и предоставили каждому по комнате. К ужину пригласили наверх, в покои митрополита. Он был приветлив, гостеприимен, извинялся, что неожиданность нашего приезда лишила его возможности дать заблаговременно нужные распоряжения относительно трапезы... Однако, все и так было хорошо.

Обстановка митрополичьих покоев была выдержана в восточном стиле. Изумляло количество картин, икон, всевозможных художественных старинных вещей. Это был подлинный музей древне-русской и византийской старины.

— Я люблю иконопись и восточное церковное искусство, - сказал нам митрополит, - оно чище воплощает христианскую идею, чем западное.

— Как вам жилось в русском плену? - спросили мы митрополита.

— С вами у нас обращались плохо, да и со мной у вас не лучше, - ответил он и рассказал, как фактически сложилась его жизнь в плену ».

Тогда только что вышла из печати книга « Царский вязень » (Царский узник). Она была посвящена митрополиту Шептицкому и заключала в себе повествование о

19 сентября, в 10 часов утра, митрополита Андрея предупредили, что он будет перевезен в Киев. Ему разрешили взять с собой три чемодана и отправиться в сопровождении духовника, секретаря и слуги. Митрополит Андрей остановил свой выбор на ректоре Духовной Семинарии о. Иосифе Боцяне, мажордоме, каковым у него был Иосиф Гроцкий, монах из ордена Васильян, и на юном слуге. Их всех отвезли на автомобиле через Злочов в Броды, а оттуда отправили в Киев в салон-вагоне, в сопровождении жандармов. 20 сентября вечером, митрополита с его свитой доставили в гостиницу «Континенталь».⁷

За протекшие часы с момента ареста, митрополит Андрей успел обдумать создавшееся положение и взвесить все обстоятельства. Его, митрополита Галицкого, Архиепископа Львовского, Епископа Каменицкого, Администратора вакантных греко-католических епархий, упраздненных русским правительством, но канонически еще существовавших, русские власти доставили теперь в Киев. Разве Пий X, имея в виду его будущие действия в России, не дал ему исключительные полномочия, велел только временно воздерживаться от пользования ими и сказав, что придет время, когда они понадобятся и можно будет их применять? Не пришло ли это время теперь? Ведь фактически, Галиция, во всяком случае большая ее часть, кроме еще державшейся крепости Перемышль, была присоединена к России. И сам он сослан тоже в Россию, и трудно было сказать, как долго эта ссылка продолжится.

том, что он претерпел в русском плену. Митрополит Евлогий успел ознакомиться с ней и заговорил на эту тему с митрополитом Андреем:

— « В книге о вашем пребывании в России много внимания отводится мне. Но считаю долгом моей иерейской совести заявить, что все произошло без меня и помимо меня.

— Я знаю, вы ни при чем, это ваши чиновники..., - сказал митрополит.

— Но в книге останется след, а фактически было не так...

— Ну кто же будет читать!...

— Во всяком случае, я облегчил свою совесть, сказав вам правду о прошлом ».

« Мы разговорились, и понемногу у нас пошло на откровенность... Такого рода искренние беседы сближали нас... » (Из книги «Путь моей жизни» митрополита Евлогия. Стр. 330-332).

⁷ Как видно из «Дела о епископе Шептицком», арест и высылка были произведены по распоряжению командующего VIII армией генерала Брусилова. 19 сентября гр. Бобринский отправил на имя Киевского губернатора Суковкина следующую телеграмму: « Седьмого вечером (ст. ст.) прибудет в Киев в особом вагоне арестованный епископ Шептицкий, высланный под конвоем из Львова в сопровождении секретаря и двух слуг. Предполагается дальнейшее следование Нижний Новгород, но возможно изменение маршрута Румынию. До получения Вами распоряжения Главнокомандующего прошу принять меры временному пребыванию его в Киве ».

Одним из данных ему полномочий предусмотрено право рукополагать епископов при наличии известных условий, которые имелись теперь. Мог ли он, обладая этими полномочиями, оставить свою обширную епархию без пастыря, а греко-католиков по эту сторону бывшей границы, которой больше не было, лишить своего верховного попечения, имея возможность притти им на помощь?

Митрополит Андрей быстро принял решение. Не без задней мысли он взял с собой в качестве духовника именно о. Иосифа Боцяна. Утром 21 сентября, в одной из комнат, предоставленных в его распоряжение, митрополит Андрей отслужил литургию, за которой прислуживал мажордом, в то время как слуга стоял в коридоре на страже. За этой обедней, которая была, можно думать, единственной в киевском Континентале» за все время его существования, митрополит Андрей рукоположил о. Боцяна в епископа. Согласно полномочиям, он совершил хиротонию один, без положенного по канонам сослужения еще двух епископов. После литургии он дал ему грамоту, говорившую о границах его юрисдикции, которая охватывала все кафедры, упраздненные русским правительством в 1839 и 1875 г., но канонически еще существовавшие: Полоцкую, Смоленскую, Владимир-Волынскую, Холмскую, Туровскую, Пинскую, Брест-Литовскую и Луцкую. Боцян получил титул епископа Луцкого, вероятно, потому, что там уже были католики. Все было совершено в полной тайне. Снабдив новорукоположенного епископа грамотой, удостоверявшей его права, митрополит Андрей, не теряя времени, заявил начальнику охраны, что отказывается от присутствия возле себя духовника и секретаря и отправляет их обратно во Львов. Оба вернулись благополучно домой; русские власти не заподозрили ничего и не обыскивали их в пути. При митрополите остался только слуга; он верно служил Владыке до самого заточения в Суздале, а после его освобождения нашел возможность вернуться к нему.⁸

⁸ «Репрессии, постигшие главу греко-католической (униатской) Церкви в Галиции, митрополита графа А. Шептицкого, - говорит Д. Дорошенко в своем очерке, - находились в связи с общим курсом русской тогдашней политики относительно Галиции. Предполагалось не только «слияние» оккупированной области с остальными российскими областями, но и объединение ее населения с населением России также на почве религиозной. Уния должна была быть уничтожена, униаты - обращены в православие. Правда, официально, такая программа не высказывалась; наоборот, назначенный генерал-губернатором в Галицию гр. Г. А. Бобринский издавал объявления к населению, в которых «строго обещал не допускать попыток к нарушению веротерпимости путем насильственного обращения в православие», но такие намерения соответствовали разве намерениям самого гр. Бобринского, утверждавшего, что он лично не сочувствует насилию в области религиозных убеждений.

10 сентября, один из полицейских чинов, приставленных к митрополиту Андрею, предупредил его, что его перевезут в другое место, но куда именно, он не мог указать. В 11 часов вечера митрополиту велели тронуться в путь. Ему предоставили обычное купе в вагоне 11 класса и предложили самому заплатить за билет до Москвы. В пути, сопро-

Фактически же политика насилия в этой области начала проводиться с первых же шагов русской оккупации ».

Приведенное выше суждение Дорошенки интересно сопоставить с отзывом тогдашнего французского посла в Петрограде Мориса Палеолога, который лично знал гр. Бобринского. В своей книге « *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre* » Том I, Париж 1921) Палеолог дает о нем такой отзыв: « Человек он интеллигентный, честный, симпатичный, но, пожалуй, самый большой реакционер из всех националистов ». В отношении религии, « основу его доктрины представляла ненависть к униатской религии... Он имел обыкновение говорить: « В восточной Европе я признаю только три религии: православную, католическую и еврейскую. Униаты изменили православию, они ренегаты, вероотступники. Их нужно вернуть силой на путь чистой истины ».

« Вот что рассказывает сам гр. Бобринский в « Отчете временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1-ое июля 1915 г. (издано « строжайше секретно », Кисв, 1916 г.), - продолжает Д. Дорошенко: « В некоторых кругах русского общества и духовенства в Империи господствует убеждение, что слияние греко-униатского населения с общей массой русского народа должно произойти прежде всего на почве обращения первого в православие, почему даже в период оккупации края, крути эти считали необходимым вести деятельную пропаганду православия, опираясь на поддержку и распоряжения русских властей. Удобный прием пропаганды усматривался в назначении на приходы в Галицию православных священников по ходатайству хотя бы небольшой группы прихожан. Такого, видимо, взгляда держался и архиепископ Евлогий, коему Святейшим Синодом поручено было общее руководство православной церковью в Галиции. Мною лично этот взгляд не разделяется », - добавляет автор отчета (стр. 67).

« Действительно, между гр. Бобринским и архиепископом Евлогием образовался некоторый антагонизм на почве неограниченного стремления архиепископа Евлогия вести в крае политику воинствующего православия. Но за Евлогием стояли значительные влиятельные силы, и гр. Бобринскому пришлось капитулировать. Достаточно сказать, что врагом униатов являлся сам руководитель внешней политики, министр Сазонов. Когда французский посол в Петрограде М. Палеолог « полуофициально » заявил Сазонову, что политика насилия повлечет за собой компрометирование русской власти в Галиции, последний ответил, по словам Палеолога, таким признанием: « Я признаю, что политика гр. Бобринского часто бывает неосторожна, а у наших чиновников слишком тяжелая рука; но не надейтесь на то, что я выступлю защитником униатов. Католиков я уважаю и сожалею, что они находятся в заблуждении, но я ненавижу и презираю униатов, потому что они ренегаты ».

« Если просвещенный и либеральный министр иностранных дел так смотрел на вещи, то неудивительно, что большинство русской администрации, имевшей « тяжелую руку », и православное духовенство с фанатичным архиепископом Евлогием во главе, использовали все преимущество людей, стоящих у фактической власти, в целях насильственного насаждения православия в Галиции.

вождавший митрополита жандармский офицер сообщил, что имеет приказание доставить его в Нижний Новгород. В митрополите Андрее заговорил библиофил; он подумал о Нижегородской ярмарке, где среди всего прочего продавались и старинные книги. При этой мысли у него невольно вырвалось восклицание:

— Как я рад, что попаду в Нижний Новгород!

Между тем жандармский офицер понял это восклицание по-своему и не преминул донести о нем начальству. В газетах появилось сообщение, что митрополит Шептицкий, поддерживающий тайные сношения со старообрядцами в Нижнем Новгороде, не мог удержаться от выражения радости при мысли оказаться в их среде. Церковная газета

« Вначале гр. Бобринским было издано распоряжение, чтобы православные священники присылались в униатские села лишь в том случае, если будут просить 75% прихожан; вместе с тем воспрещалось возвращение в свои приходы униатских священников, временно бежавших при вступлении русских войск. Вновь назначить на приходы униатских священников можно было только с разрешения каждый раз генерал-губернатора. Но архиепископ Евлогий не очень считался с распоряжениями гр. Бобринского. Когда в его интересах было, чтобы занятый униатским священником приход « опустел », то не было ничего легче, как накинуть на такого священника подозрение в « мазепинстве », т. е. в принадлежности к украинскому национальному направлению. Достаточно было самого легкого намека со стороны какого-либо из недовольных священником прихожан, или же просто каприза местного уездного начальника, как заподозренный немедленно, без всякого расследования, высылался этапным порядком в глубь России, чаще всего в Западную Сибирь. Таким образом было выслано более сотни униатских священников. В конце концов гр. Бобринскому пришлось уступить в требовании, чтобы православные священники присылались даже по желанию меньшинства прихожан.

« Архиепископ Евлогий, - говорит в своем отчете гр. Бобринский, - неоднократно и настойчиво добивался отмены распоряжения о закрытой баллотировке вопроса о приглашении православных священников...; были случаи, когда архиепископ Евлогий находил возможным совсем не считаться с моими распоряжениями и назначал священников в приходы без моего ведома...; отношение населения к назначенным православным священникам было чуждо каких-либо враждебных выступлений, но они не снижали к себе любви и уважения прихожан. Причиной тому являлись с одной стороны невысокие их личные качества по сравнению с священниками униатами, с другой стороны - материальные условия, в которые они были поставлены и о чем духовные власти своевременно не позаботились » (« Отчет », стр. 43).

« Для того, чтобы дезорганизовать униатскую церковь в Галиции и сделать униатское духовенство более податливым, представлялось необходимым устранить главу Церкви, митрополита », - заключает Д. Дорошенко.

В итоге, митрополиту Евлогию удалось овладеть всего сотней приходов Галиции. Если принять во внимание, что в трех галицких епархиях, по данным 1906 г. (в Львовской - 752, в Перемышльской - 688 и в Станиславовской - 433), было 1873 католических прихода, то достижение митрополита Евлогия не превышает 9% общего

« Колокол » (издававшаяся в Петрограде В. М. Скворцовым), сообщая о проезде митрополита Шептицкого через Москву, добавила, что он формировал легионы добровольцев и лично командовал ими при обороне Львова.

По прибытии в Нижний Новгород у митрополита Андрея оставалось около 30 рублей. С таким капиталом, конечно, нечего было и думать о жизни в гостинице. Кончили тем, что ему нашли в городе маленькую сырую комнату, в которой он пробыл три дня взаперти, пока не пришло новое приказание собираться опять в путь. На этот раз его отправляли в Курск (подалее от старообрядцев?), и ехать надо было опять через Москву. Тут, в ожидании поезда, митрополиту Андрею пришлось просидеть целый день в жандармской комнате.

В Курске он получил неожиданно довольно значительную сумму денег,⁹ и это позволило ему снять две небольшие, низкие комнаты в

числа приходов в Галиции. Однако и эта цифра не говорит еще ничего об успехе пропаганды православия, и это не значит, что все в этих приходах стали поголовно православными, т. к. сюда входят и приходы, в которых не оказалось униатских священников. Русские застали немало пустовавших приходов: некоторые священники были арестованы австрийцами, другие были эвакуированы властями вследствие военных действий, а были и бежавшие из страха. Русская администрация назначала православных священников всюду, где приходы оказались без настоятелей. Среди католического духовенства оказалось всего 29 апостатов, которые, соблазненные обещаниями митрополита Евлогия, перешли в православие. Только двум из них удалось увлечь за собою приходы; все остальные были изгнаны прихожанами и принуждены удалиться в Россию. Надежда русских властей обратить всю страну в течение нескольких недель в православие не оправдалась, так как даже русофильские священники, несмотря на преследования, остались верными католичеству.

⁹ Гр. Бобринский телеграфировал главнокомандующему, что о. Боцян просит разрешения вернуться к митрополиту, привезти ему деньги и оставаться при нем в качестве духовника. На это главнокомандующий генерал Н. И. Иванов ответил: « Деньги переслать, а ехать Боцяну рано, соберите сведения о Боцяне ». Сведения были собраны, и Иванову на другой день послана телеграмма: « Священник Боцян состоял ректором униатской духовной семинарии, вел ее в украинском направлении, близкое, доверенное лицо Шептицкого ». Понятно, после такой аттестации, ехать о. Боцяну в Курск не было разрешено.

Митрополит просил прислать ему некоторые книги. Просимые книги были направлены для цензуры редактору « Львовского военного слова », капитану Наркевичу. Заключение цензора гласило: « Препровождая при сем три тома книг, предназначенных для отправки графу Шептицкому, сообщаю, что « Вечерня » и « Утренняя » - представляют из себя сборник молитв на Малороссийском языке, по ритуалу так называемой « униатской » церкви. « *Epitome Theologiae Moralis Universae* » представляют из себя сокращенное изложение так называемой нравственной теологии (как по учению католической церкви достигнуть вечной жизни). « *Compendium Theologiae Moralis* » Lemkuhl - я - представляет из себя подробное изложение

пристройке к гостинице Полторацкого. В ней митрополит прожил около года, до середины лета 1915 г., когда представилась возможность снять отдельный домик, служивший ему местом заключения до самого переезда в Суздальскую тюрьму в сентябре 1916 г.

Тем временем, епископ Боцян, как рассказывает Дорошенко, снова возбудил ходатайство, прося разрешить ему к Пасхе навестить митрополита Андрея и исповедовать его. Гр. Бобринский запросил генерала Иванова. Пришел ответ: « Могу разрешить при условии, если свидание будет в присутствии жандармского офицера и без права исповеди ». На основании этого, епископ Боцян получил разрешение отправиться в Курск, о чем немедленно было сообщено курскому губернатору Муратову, который сейчас же ответил телеграммой, « что преподанные указания (относительно условий свидания) в точности будут исполнены ». Епископ Боцян побывал в Курске, повидался с митрополитом и возвратился в Львов. Но уже в июне 1915 г. Владыку отправили по этапу с партией арестантов в Енисейскую губернию, в Нарымский край (« поближе к тюленям и белым медведям », по образному выражению о. Зерчанинова), где он и пробыл в ссылке, в глухой деревушке, до весны 1917 г.

* * *

Митрополит Андрей проживал в Курске под строгим надзором полиции. Всякая переписка и, вообще, сношения с внешним миром ему были запрещены. Первые три месяца он не мог даже выходить из дому. Ему позволялось читать русские газеты, а также и книги, если он желал приобретать себе таковые, но после предварительной цензуры в полиции; ходить же в католическую церковь и исповедоваться было запрещено, но разрешалось служить у себя дома.

28 марта 1916 г. митрополиту Андрею все же удалось послать из Курска о. Каралевскому открытку следующего содержания:

« Шлю Вам из своего заточения наилучшие пожелания к празднику Пасхи. Чувствую себя сносно, могу служить литургию, но не могу ни

той же теологии. Хотя последняя книга принадлежит перу иезуита, тем не менее, во всех предложенных просмотру сочинениях нет ничего предосудительного, тем более, что теологические размышления как нельзя более соответствуют созерцательному настроению адресата », - не без иронии заканчивает свое заключение цензор-капитан ». (« Дело о епископе Шептицком ». вх, № 644).

Д. Дорошенко добавляет к изложенному выше: « Книги были посланы по назначению, а вместе с тем отправлено курскому губернатору 1000 рублей для вручения пленному митрополиту ».

с кем видется и ходить в церковь. Все, что здешние газеты пишут о митрополите Андрее, сплошная ложь. С ним обращались очень плохо, и он попрежнему лишен всякой свободы »).

Однажды, когда митрополит Андрей страдал особенно сильно от своей изоляции, он попросил сослать его на жительство в какую-нибудь, пусть даже самую отдаленную деревушку Сибири, лишь бы ему дали право свободно выходить из дому хотя бы в назначенный для прогулок район. Однако, и в этой просьбе ему отказали.¹⁰

Впоследствии этот режим был немного смягчен: митрополиту позволили выходить в город в сопровождении жандарма, бывать в католической церкви и там исповедоваться. Настоятелем церкви был поляк; он относился к митрополиту Андрею очень хорошо и сказал жандарму, что епископу подобает исповедоваться не иначе, как в ризнице (сакристии). Стража стала отпускать митрополита во-внутрь, оставаясь ждать его у дверей. Митрополит воспользовался несколько раз представившейся ему таким образом возможностью передать настоятелю письма, адресованные св. Отцу. Вероятно, у стражи возникло все-таки подозрение. Однажды полицейский сказал митрополиту, что он должен наблюдать за ним и во время исповеди. Это было как раз в тот день, когда у митрополита лежало в кармане приготовленное к отправке письмо. К счастью, вблизи оказалась в эту минуту большая богослужебная книга (миссале). Улучив момент, когда полицейский повернулся к нему спиной, митрополит протянул руку с письмом и быстрым движением вложил его в книгу. После этого оставалось только шепнуть настоятелю, куда он спрятал письмо. Это было последнее сообщение, которое ему удалось отправить в Рим из России.

Летом 1916 г. Н. С. Ушакова сделала попытку добиться разрешения на свидание с митрополитом Андреем. Однако в Петрограде, несмотря на хлопоты и все ее связи, ей не удалось ничего устроить. Тогда она отправилась попытать счастья в Курске, но и тут ей не дали просимого разрешения. Тем не менее, Наталия Сергеевна решила что-нибудь предпринять. Переодевшись простенькой мещанкой, с платочком на голове, она несколько дней подряд приходила на задворки дома, где содержался митрополит Андрей и вполголоса напевала ему песенки.

¹⁰ Митрополит Евлогий рассказывает о митрополите Андрее в своей книге «Путь жизни» (стр. 331): «Когда в юго-западном крае усилились украинские течения, его препроводили в Курск (из Нижнего Новгорода?). Епископ Курский Тихон, человек грубый, давал ему почувствовать, что он узник инославного вероисповедания, и во время литургии, когда диакон возглашал «оглашенные изыдите...», посылал к нему иподиакона сказать, что этот возглас относится к нему...».

Слова были французские; она импровизировала, чтобы передать митрополиту Андрею о том, что делалось у них в петроградском приходе, сказать ему, что верные прихожане не забывают владыку и принимают меры к облегчению его участи. Впоследствии, вспоминая эти дни в беседе с князем Волконским, в ответ на его сообщение об Ушаковой, митрополит Андрей сказал, что действительно до него иногда доносилось какое-то странное пение, но слов он не мог разобрать. Во всяком случае Владыка был очень далек от мысли, что оно обращено к нему и что певицей на задворках могла быть Наталия Сергеевна.

Князю И. В. Бярятинскому, Курскому губернскому предводителю дворянства и члену третьей Государственной Думы, удалось то, чего не могла достичь Н. С. Ушакова. Человек крайне правых убеждений, он решил сделать визит митрополиту Андрею. Ему это позволили. Посещение его было совершенно «аполитичным»; повидимому в его намерение входило лишь оказать личное внимание митрополиту Андрею. Он произвел на него вполне благоприятное впечатление и оставил по себе хорошее воспоминание.

* * *

В июле 1916 г. в составе правительства произошли перемены, и политический курс стал «крайне правым». Митрополиту Андрею пришлось это почувствовать на себе. Дело его перешло в ведение св. Синода, который доверил охрану митрополита Владимирскому архиепископу Алексею. Тем самым был решен вопрос о заточении митрополита Андрея в «духовную тюрьму» при суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре, служившую для наказания провинившихся православных священников.¹¹ (В свое время (1898-1901), в ней отбывал заключение о. Алексей Зерчанинов). Вот, как это произошло и как сложилась дальнейшая жизнь владыки в ссылке.

В сентябре 1916 г. Митрополита Андрея перевезли под стражей в отделение вагона 111 класса из Курска, через Москву, во Владимир на Клязьме. Тут его встретили на вокзале: два протоиерея, полицмейстер и 15 жандармов. При выходе митрополита из вагона, к нему по-

¹¹ Спасо-Евфимиевский монастырь, расположенный на окраине города Суздаль Владимирской губернии, население которого не превышало тогда 8000 человек, был основан в 1352 г. св. Евфимией Суздальской (+ 1-4-1404) по желанию князя Бориса Константиновича. Перед войной в монастыре было больше 30 монахов и около 70 служащих. При монастыре имелась тюрьма, в которой отбывали заключение как миряне за преступления против веры, так и представители клира за поведение, неподобающее духовному званию. Тюрьма была отделена от монастыря и имела свою особую церковь.

дошел полицмейстер и объявил, что согласно полученному приказанию, он поступает под начало архиепископа Владимирского Алексея,¹² назначившего ему местом пребывания Спасо-Евфимиевский монастырь, и сдал его двум протоиереям.

Настоятелем был там епископ Муромский Павел, vicарный архиепископа Алексея, живший в том же монастыре. Чтобы предупредить попытку бегства, митрополита Андрея поместили в передней епископа. Комната была проходная и вела в его помещение. Часть передней отгородили перегородкой высоты 2 1/2 метра. Пространство за ней разделили пополам; в одной половине была спальня митрополита, в другой - его часовня. В соседней комнате дежурили неотлучно полицейские. Багаж митрополита не подвергли осмотру. Это дало ему возможность оставить у себя облачение, необходимые книги и даже пару бутылок вина. Позже он сделал было попытку пополнить этот запас, но в просьбе о покупке вина ему отказали. Однако, пользуясь очень экономно вином при совершении литургии, митрополит смог растянуть свой запас почти на все время пребывания в Суздальском заключении. Кроме того, ему удалось однажды его немного пополнить совсем неожиданным образом. Пищу, довольно скудную, каждый день неизменные щи с кашей, митрополиту приносил из монастырской трапезной брат Яков. Он же доставлял и просфоры для совершения литургии. Кроме того, митрополит мог свободно пользоваться самоваром и пить чай, сколько хотел. Иногда ему давали немного молока.

Архиепископ Алексей мог, конечно, разговаривать сколько хотел с заключенным, охрана которого была ему вверена. Однако за все три месяца заключения митрополита Андрея он ни разу не поинтересовался встретиться с ним.¹³ Вот что говорит митрополит Евлогий об его заточении здесь: « Особых неприятностей (?!) в Суздале ему не чинили:

¹² Митрополит Евлогий говорит в своем « Пути жизни »: « Из Курска его переселили в Суздаль (Владимирской губернии), в Спасо-Евфимиевский монастырь - духовную тюрьму. Тут он попал под начальство архиепископа Владимирского Алексея Дородицына, который впоследствии следовал по фарватеру Петлюры, а тогда еще был заядлым « москалем » (стр. 331).

¹³ Тогда архиепископ Алексей наверно не думал, при каких обстоятельствах им все-таки придется впоследствии встретиться, а еще меньше - о том, что произойдет с ним самим в скором времени. Не прошло и двух лет, как он, спасаясь от большевиков, перешел на сторону поляков наступавших на Киев; польские власти отправили архиепископа Алексея в Львов и просили митрополита Андрея временно приютить его у себя. Тут ему уже пришлось познакомиться с митрополитом Андреем, который принял архиепископа Владимира со свойственным ему радушием и оставил его пребывание в своем доме так, как это подобало сану невольного гостя.

монашеская братия, простая и доброжелательная, относилась к нему сочувственно, но ей было запрещено с ним общаться »...« В монастыре ему жилось неплохо » (стр. 331). Во всяком случае, брат Яков любил митрополита, и у них завязались дружественные отношения. Митрополит Андрей снискал его расположение особенно тем, что слушал, ничего не возражая, рассказы Якова о разных чудесных явлениях, в которые тот искренне верил. С первых же дней он стал говорить с митрополитом шопотом, чтобы не привлекать внимания полицейских находившихся в соседней комнате. Это придавало их разговорам особый оттенок. В числе прочего он поведал митрополиту много интересного о жизни одного суздальского монаха, старца Степана Подгорного (малоросса, уроженца Харьковской губернии), три года тому назад блаженно преставившегося. Яков был его любимым учеником, и называл старца Степана « отец ».¹⁴

« Отец » был во всем примерным монахом, отдавался молитве, делам милосердия и разным подвигам. Часто он проводил целые ночи в молитве. Он имел очень большое влияние на народ, приходивший к нему послушать его рассказы из священной истории и разъяснение катехизиса. Много слушателей назидалось этим и обращалось на путь истины. Учение « отца » в некоторых вопросах приближалось к католическому: он защищал непорочное зачатие Пресвятой Богородицы, отстаивал нерасторжимость брака, требовал независимости Церкви от гражданской власти, был также убежден в истинности и святости католической Церкви и считал соединение Церквей необходимым и уже близким. Брат Яков утверждал, что « отец » дважды его исцелил. Он был свидетелем и других чудес, какие тот совершал, в числе их, например, следующего. Харьковские крестьяне привели к нему девочку, от рождения немую. « Отец » спросил, как ее зовут. В ответ она сама внятно назвала свое имя и выговорила его совсем правильно. Так же ответила она и на другие вопросы. Тогда « отец », всегда очень смиренный, обратился к людям, приведшим девочку, с такими словами: « Да вы ошибаетесь смотрите, ведь она говорит совсем хорошо »!

« Отец » прожил до девяноста лет. Умирая, он предсказал, что через три года после его кончины, в России произойдет чудесное событие, которому удивится весь мир. Он указывал и время: в конце февраля (митрополит Андрей перевел это на новый стиль). Ученики его верили, что пророчество исполнится, и думали, что старец воскреснет.

¹⁴ Рассказ этот заимствован из французского текста лекции митрополита Андрея о роли монашества в соединении Церквей, прочитанной им 17 февраля 1921 г. в Риме, в Восточном Институте.

Между тем, как раз в те дни началась революция. « Отец » предсказал также и отречение Императора Николая II. Он еще сказал, что в его комнате - это была та самая, в которой поместили митрополита Андрея, - будет церковь. (Действительно, митрополит Андрей устроил себе в ней престол, на котором совершал каждый день литургию).

Викарный епископ Павел оказался по отношению митрополита Андрея более общительным, чем архиепископ Алексей. 2-3 раза он навестил митрополита и пытался даже завязывать с ним прения по богословским и историческим вопросам, но успеха не имел и после сам же старался их прекращать поскорее. Он был « типичный чиновник в рясе », как определил его владыка Андрей. Как и всякий заключенный в тюрьме, митрополит не имел права держать у себя деньги, но мог распоряжаться принадлежащими ему денежными суммами при посредстве тюремной администрации. Таковым являлся в Суздале епископ Павел. Однажды митрополиту Андрею понадобилась какая-то мелочь - два-три рубля. Не зная хорошо, под какую рубрику подвести этот расход, епископ Павел добрых четверть часа обдумывал этот вопрос. Когда обитель посещал кто-нибудь из посторонних монахов, епископ Павел приглашал митрополита Андрея пить чай вместе с ним. Разговор с приезжими шел обычно о синодальных сплетнях, о том, как тот или другой сделался епископом, какую он дал взятку прокурору синода Владимиру Карловичу Саблеру. Раз как-то была названа сумма - 10.000 рублей!

* * *

Место заключения митрополита Андрея стало известно петроградским католикам. Священник о. Трофим Семяцкий,¹⁵ решил сделать попытку добраться до митрополита. Сам по натуре тип неунывающегоо

¹⁵ Знакомый уже нам Трофим Иванович Семяцкий, в числе четырех русских конвертитов, получил духовное образование в Бельгии, в семинарии Антверпена, под руководством о. Михаила Дэрбиньи. В июле 1914 года его рукоположил в священники болгарский католический епископ Михаил Мирон в Константинополе. В Петербург он попал в 1915 г. вместе с несколькими украинскими священниками, высланными в Сибирь из Галиции. В пути они скрылись и нелегально прибыли в Петроград. Всем им помогала, чем только могла, русская католическая группа. В течение нескольких месяцев, о. Трофим ежедневно служил литургию в казенной квартире княжны Анастасии Николаевны Грузинской, ревностной католички, приверженной к восточному обряду. Она жила в доме лютеранского училища св. Петра, где, как казалось, « восточники » могли себя считать хорошо укрытыми от наблюдения полиции. Благодаря о. Трофиму, петербургской группе русских католиков удалось установить связь с митрополитом Андреем, томившимся тогда в заключении.

русского странника и вечного паломника, исходивший на своем веку чуть ли не всю Россию, побывавший не в одном десятке монастырей и нигде не ужившийся, о. Трофим отправился в Суздаль к митрополиту Андрею. Скрыв, конечно, свой сан католического священника, он проник в монастырь под видом пильщика дров; вскоре его приняли послушником. В монастыре о. Трофим не вызвал ни в ком подозрения, чему несомненно способствовал его своеобразный жизненный опыт. Однажды ему удалось устроиться так, что он оказался в тюремном садике за высокими стенами, как раз в то время, когда там гулял митрополит Андрей под наблюдением полицейского. Приблизившись к нему и, улучив удобный момент, о. Трофим сделал многозначительный знак и положил под камень записку, после чего, незамеченный полицейским, благополучно выбрался из садика. Митрополит Андрей сначала даже не узнал о. Трофима. Выбрав тоже подходящий момент, он незаметно поднял записку. В ней о. Трофим указывал ему « тайник » для переговоров - в одной из башен монастырской стены, служившей складом дров и огородных инструментов. В тот же вечер митрополит написал два письма, одно в Рим, а другое - русским священникам в Петроград. На другой день он направился к указанной башне, где уже ждал спрятавшийся там о. Трофим. Однако на этот раз маневр митрополита Андрея не укрылся от внимания полицейского. О. Трофима нашли, схватили, арестовали, посадили в тюрьму и выгнали вон. Тем не менее, приготовленные к отправке письма все таки попали во-время в его руки: доставил их о. Трофиму все тот же брат Яков. Более того, он принес митрополиту Андрею и письма, присланные из Петрограда через о. Трофима, а вместе с ними вино для служения лутургии. Таким путем удалось пополнить его драгоценный запас.

О заключении митрополита Андрея в тюрьме для духовных преступников стало известно широким кругам русского общества, и всюду это вызвало возмущение. В декабре 1916 г., А. Ф. Керенский сделал в Государственной Думе запрос, почему католический митрополит содержится в тюрьме для православных священников, и ходатайствовал о смягчении его участи. Писатель В. Г. Короленко выступил в печати с резкой статьей, строго критиковавшей действия правительства. Одновременно с запросом Керенского в Государственной Думе, в Министерство внутренних дел обратились с просьбой об облегчении участи митрополита Андрея два графа Велепольских, оба - члены Государственного Совета по выборам. Принял их товарищ министра Степанов, в ведении которого находилась полицейская часть всего государства. Произошло это в присутствии князя Владимира Михайловича Волконского, и одновременно - товарища министра внутренних дел, зашедшего

к нему по какому-то поводу. Граф Ксаверий Велепольский заговорил со Степановым о митрополите Шептицком и о необходимости перевести его из Суздальской тюрьмы куда-нибудь в другое место. Степанов, правда в очень мягкой форме, но упорно не соглашался. Графы Велепольские добились все же обещания, что дело митрополита будет пересмотрено. После их ухода, князь В. М. Волконский, человек крайне правый и убежденный антикатолик, заметил Степанову, что следовало бы пойти навстречу выраженной просьбе. В ответ на это Степанов сказал:

— Ты так говоришь, потому что не знаешь сути дела.

Тем ни менее в конце концов, дружеская беседа на эту тему двух товарищей министра привела к решению переменить место ссылки митрополита Андрея. Несомненно, запрос Керенского в Государственной Думе тоже оказал немалое действие.

* * *

Вечером 18 декабря 1916 г., митрополиту Андрею сообщили о предстоявшей ему перемене места жительства. По распоряжению архиепископа Алексея, настоятель Суздальского монастыря и полицейский пристав проводили митрополита Андрея через Владимир на Клязьме в Ярославль, в 150 км. к северу от Суздаля. Участь митрополита, во всяком случае внешне, была действительно смягчена. Ему даже назначили годовой оклад содержания в 4000 рублей, из которого, правда, он не получил ни копейки, и предоставили в его распоряжение квартиру из четырех больших, кое-как обставленных комнат с кухней в частном доме, но с тем, что он будет ее оплачивать сам. Назначенный городской исполнял обязанности повара. Жандармы наблюдали за домом только снаружи. За жизнью митрополита не следили больше, как это было до сих пор, ни полицейские, ни земские стражники. Правда, без разрешения полицмейстера митрополит Андрей не смел выходить из дому, но с его позволения мог гулять по всему городу, сколько хотел. Сопровождал его при этом, и то на «почтительном расстоянии», только агент тайной полиции. Митрополиту было разрешено принимать у себя посетителей и читать газеты. Каждое утро повар-городовой приносил ему свежий номер «Русского Слова». Митрополит мог также ходить в местную католическую церковь, но литургию он служил у себя дома. Конечно, по сравнению с Суздальской тюрьмой, где ему не чинили только «особых неприятностей», все это было большим облегчением. В митрополите даже пробудился опять библиофил, и он использовал свою относительную свободу, чтобы приобрести немало интересных

старообрядческих книг. Сначала на это смотрели немного косо, но потом - махнули рукой.

В таких условиях митрополит Андрей прожил последние дни царского режима в России. О перевороте он узнал от жандармов, сообщивших ему в один прекрасный день, что их разоружили. Наблюдение за митрополитом сразу совсем ослабело, им перестали интересоваться. Он сам начал покупать себе свободно газеты, а стража читала и обсуждала их вместе с ним. Пятнадцать жандармов, наблюдавших за домом, внезапно исчезли. Недавние представители власти оказались теперь сами в тюрьме. Митрополит Андрей отправился туда навестить их и утешить. Деньги его хранились попрежнему в полицейском управлении; до переворота он мог получать их только с разрешения полицмейстера. Теперь, когда не было больше никакой стражи, он пожелал взять свои деньги из полицейского управления. Однако, там ему сказали, что хотя он и свободен, а полицмейстер сидит в тюрьме, все же деньги могут быть выданы не иначе, как по предъявлении законного документа в прежнем порядке, и посоветовали обратиться по этому делу в тюрьму к полицмейстеру. Митрополит Андрей пошел в тюрьму, легко добился свидания с заключенным полицмейстером, который тут же подписал требуемые документы и при этом попросил «замолвить за него словечко господину Керенскому».

16 марта Временное Правительство объявило полную амнистию всех политических заключенных и провозгласило свободу вероисповедания. Этим митрополит Андрей делался тоже свободным. Однако, ему пришлось ждать еще три недели после переворота, пока не пришло официальное сообщение о последовавшем освобождении, предоставившее ему право, если угодно, пересечь в Петроград. Время ожидания митрополит Андрей использовал, чтобы посетить в Ярославле несколько православных священников, о которых ему сказали, что они не отнесутся безразлично к его мыслям о церковном единстве. Митрополита удивило, как странно они держали себя, начиная разговаривать с ним. Казалось, что они не знали, как им относиться теперь к этому *униату*, о котором наслышались столько дурного. Кроме того, было видно, что с их церковным воспитанием как-то не вязалась возможность простоты в общении с высоким иерархом, столь характерной в отношениях подведомственного клира с митрополитом Андреем. Добрых полчаса уходило у него на то, чтобы овладеть настроением собеседников и помочь им перейти на привычный ему задушевный тон разговора. Расставались с ним священники просто и по дружески.

Среди них оказался тогда в Ярославле и о. Сергей Михайлович Соловьев, племянник Владимира Соловьева (сын его брата Михаила Сергеевича), побывавший в Галиции в 1914 г. и сам бывший свидетелем того, как русские оккупационные власти обращались с тамошними униатами и чинили им - по словам митрополита Евлогия - « особые неприятности ». О. Сергей признался владыке Андрею, что тогда же решил не быть никогда соучастником применения « столь притеснительных и возмущающих совесть мер ». В разговоре с ним о. Сергей заметил, что среди знакомых ему студентов православных Духовных Академий в России того времени он встречал три уклона: один - вел их к католичеству, другой - к старообрядчеству, третий - к протестанству. Между тем, он не нашел до сих пор ни одного студента, стремившегося к чистому православию.

* * *

Главной посредницей освобождения митрополита Андрея была все та же Ушакова. Можно сказать, что оно было последним памятным делом в ее жизни, ибо вскоре после этого Наталия Сергеевна умерла. Вот как она сама рассказала об этих знаменательных днях в своем последнем письме к княжне Марии Волконской (16-9-1917):

« Как только Керенский был сделан министром юстиции, я ему написала о том, что пора освободить митрополита Андрея и о. Федорова, а сама поехала с о. Иоанном (Дейбнером) в Ярославль. В день нашего приезда туда, Керенский телеграфировал снять его стражу, а на другой день мы свиделись. Этот святой человек был радостен и спокоен. Первые слова его были: « Да я бы миллион лет провел в заточении, чтобы церковь у вас была бы свободна »!

Он уверял, что ему было все время очень хорошо, и только мало по малу я от него вытянула рассказ о том, как его таскали из города в город, как затем в Курске он прожил около двух лет в таких мансардах, что почти не мог выпрямиться. Никого к нему не впускали, не давали ни газет ни писем. В Суздальском монастыре он был несколько месяцев в прихожей настоятеля. А когда я сказала: « да ведь целый день шмыгали мимо вас », он ответил: « Да ведь нельзя не ходить через прихожую, но мне поставили ширму, так что не было так худо ».

Когда мы на другой день вернулись домой, Иван Александрович Дейбнер пошел к другу Керенского и добыл мне рекомендательное письмо к нему. Со страхом и трепетом поехала я в Государственную Думу, подружилась с преображенским солдатом, который очень любезно проводил меня в какую-то комнату, где выдавались пропуски:

там я узнала, что министра в Думе нет, а он в министерстве юстиции. Я туда.

Вот тут была заметна разница со старым режимом. Все были удивительно любезны. Керенский председательствовал в какой-то комиссии, принять меня не мог, но приказал выдать мне освободительный документ для митрополита; и через два часа я уже ехала в Ярославль.

Митрополит через неделю был в Петрограде, а через две недели вернули Федорова из Тобольска. Преосвященный жил у нас, 10 дней, рукополагал священников галичан (в церкви на Бармалеевой), конфирмовал, венчал одну чету, одним словом, было все хорошо. Он уехал в Рим и оставил нам экзархом о. Федорова... »).

Однако, тут мы уже забегаем вперед...

Да, воистину неисповедимы пути Господни! ...

« Наступила весна 17-го года, - говорит митрополит Евлогий в своей книге, - и « оковы спали ». Временное Правительство его (т. е. Митрополита Андрея), освободило. Со всех сторон посыпались приветственные телеграммы (между прочим и от П. Н. Милюкова),¹⁶ а весь одному плена лег на Саблера и на архиепископа Евлогия... » (стр. 331).

По поводу своего ареста и изъятия личного архива, митрополит Андрей сказал однажды князю П. М. Волконскому:

— Я рад, что это дало возможность убедиться правительству и другим лицам в том, что я никакой политикой не занимался и всегда преследую исключительно интересы Церкви. Это и нашему делу оказало большую услугу ».¹⁷

¹⁶ Министра Иностранных Дел Временного Правительства.

¹⁷ После войны, в течение пяти лет, с 1931 по 1937 год, кн. П. М. Волконский четыре раза ездил в Львов и в общей сложности провел там около полутора лет, работая в архиве митрополита Андрея над разборкой и копированием документов, писем, отчетов, докладов и т. п. материалов по истории русской католической Церкви восточного обряда. Это дало ему возможность, с согласия митрополита, составить свой собственный архив, который, как уже сказано, был широко использован автором этой книги.

В те годы, кн. Петр Михайлович был одним из самых близких митрополиту русских людей. Об этом красноречиво говорит их оживленная переписка, также включенная кн. Волконским в архив (копии его писем к митр. Андрею и подлинники писем последнего). У митрополита не было « секретов » от князя. Частые беседы с ним давали ему ценные дополнения к документам и разъяснения, иногда конфиденциального характера, по таким вопросам, решение которых требовало специальных знаний. Живя у владыки Андрея, князь Волконский имел возможность познакомиться со всеми сотрудниками митрополита, деятельность которых так или иначе касалась предмета его работы и изучения. Главным из них - епископу Чарнец-

кому, протоигумену Клименту (родному брату митрополита Андрея), о. Слипию, о. Донату Новицкому, о. Петру Табинскому, о. Костельнику, князь посвятил прочувствованные строки в своих воспоминаниях. Он свидетельствует, что и среди лиц, посещавших тогда митрополита, он не встретил ни одного политического деятеля с «самостийными» тенденциями, не говоря уже о «мазепинцах» или представителях некоей «революционно-террористической группы», которая мерещилась царскому жандармскому управлению.

«Конечно, - говорит кн. П. М. Волконский, - воссоединение с Киевщиной составляет заветную мечту всех галичан; они видят в ней единственный способ освободиться от засилия немецкого, польского и еврейского, но как это освобождение завершится, когда именно, да и, вообще, завершится ли когда-либо, - об этом я не слышал никаких разговоров. А митрополит никогда, вообще, не касался этого вопроса».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

ЧАС, ПРЕДСКАЗАННЫЙ ПАПОЙ СВ. ПИЕМ X

Архив митрополита Андрея спасен от огня и ждет его в Петрограде! - Возвращение о. Леонида из ссылки. - Положение русских католиков в Петрограде. - Их « Преображение ». - Пасха 1917 г. - Священнослужение о. Леонида. - Празднование в Петрограде освобождения митрополита Андрея. - Предсоборная комиссия. - Первый русский католический собор 1917 г. в Петрограде. - Первые распоряжения митрополита Андрея. - Общество поборников воссоединения Церквей. - Легализация русских католиков. - Переговоры митрополита Андрея с членами Временного правительства. - В. Н. Львов и А. В. Карташев, друг русских католиков. - Митрополит Андрей в трех русских столицах. - Его отъезд из России. - Дальнейшая судьба архива. - Последняя клевета.

После переворота, разбушевавшаяся толпа громила и жгла Охранное отделение Министерства Внутренних Дел. Уничтожалось и сжигалось тогда без разбора все, что ни попадалось под руку.

Кто-то, *случайно*, обратил внимание на большой деревянный ящик, полный старых рукописей, документов и разных бумаг. Достаточно было бросить беглый взгляд на его содержимое, чтобы понять, что оно не имеет ничего общего с прошлым горевшего учреждения. Этому лицу, никому неизвестному, удалось не только спасти заинтересовавший его ящик от огня, но и доставить в Академию Наук и там сдать известному слависту, академику А. А. Шахматову (сотруднику князя П. М. Волконского по работам в Саратовском Губернском Земстве).

В ящике оказался весь *Архив митрополита Андрея Шеншицкого*, ценные документы, его официальная и частная переписка. Все это, три года тому назад, было « изъято » из митрополичьего дома в Львове чинами русского жандармского управления по распоряжению министра Внутренних Дел Н. А. Маклакова. Здесь, в Академии Наук, с этим архивом ознакомился Д. Дорошенко и по возвращении митрополита Андрея из ссылки вернул ему его собственность.

Таким образом, ко времени прибытия митрополита в Петроград, архив был уже на месте и ждал его там. Благодаря этому, в нужный момент, в руках митрополита Андрея оказались все документы, подтверждавшие полномочия, данные ему Папой св. Пием X на устройство русской католической Церкви. Не сказал ли Он дважды митрополиту Андрею, что « *Наступит час, когда ему эти полномочия понадобятся и когда он сможет их употребить* »?

Что другое выполнял Гофмейстер Маклаков со своими жандармами, как не волю Провидения, которому было угодно, чтобы папские полномочия оказались в Петрограде к тому времени, когда наступит предсказанный час?

А выславшие владыку из оккупированной части Австро-Венгрии в Российскую Империю, и Саблер, и митрополит Евлогий, на которых, по его же словам, падал теперь « весь одиум плена », о чем другом позаботились они, как не о пребывании митрополита Андрея в Петрограде как раз в тот час, к которому относились пророческие слова св. Пия X?

А чиновники, которые, действуя по указанию начальства, на основании тщательного изучения архива, неожиданно для себя *должны были* реабилитировать митрополита от обвинений, возводившихся на него русским правительством?

А рука случайного свидетеля, спасшая папские полномочия за несколько минут до предания их огню вместе с бумажным хламом царской « охранки »?

В начале этой повести нам представился уже случай заметить что, задуманное Провидением иной раз как-будто « висит на волоске »: еще минута, еще небольшое усилие, и кажется, что вот-вот, все дело сорвется. В действительности же « волосок » Провидения не обрывается никогда, и Оно никуда не опаздывает, обнаруживая свое вмешательство в наши дела подчас при посредстве самых неожиданных орудий, которые служат Его целям. Всё в мире совершается только по божественной воле и все в мире творят только ее, какими бы замыслами от лукавого они ни руководствовались.

* * *

Митрополит Андрей прибыл в Петроград 1 марта (ст. ст.). На вокзале его встретил администратор Могилевской архиепархии епископ Иоанн Цепляк с духовенством и группой верных. Вскоре после приезда владыка простудился и заболел воспалением легких. Около месяца он проболел, оставаясь безвыходно дома, на Фонтанке № 118. Только после Пасхи здоровье позволило ему показать епископу Цешяку полномочия Папы св. Пия X, дававшие право назначить русского католического экзарха восточного обряда; он сообщил, что таковым предназначен быть о. Леонид Федоров. Русские католики уже знали об этом. Они ждали с нетерпением его возвращения из Тобольска; заказали ему митру и золотой наперстный крест старинного образца по ри-

ОТЕЦ ЛЕОНТИЙ

монах

О. ЛЕОНИД
Экзарх

сунку о. Глеба Верховского. О. Леонид приехал к самой Пасхе, в Страстную Субботу.

Запечатанную церковь на Бармалеевой открыли в середине марта. Понятны чувства, с которыми прихожане готовились отпраздновать в ней эту Пасху особенно торжественно. В прошлом году, несмотря на то, что церковь была официально закрыта, они все же решились отслужить Светлую Заутреню. Окна были тщательно закрыты картоном и пледами, чтобы не было видно снаружи, а в церковь стали пробираться поодиночке еще засветло. Как раз на углу Пушкарской и Бармалеевой стоял на посту городской. В этот вечер надзор его оказался не очень бдительным, и всем удалось благополучно войти с черного хода, через кухню о. Дейбнера. Но, конечно, крестный ход мог пройти только по его квартире.

* * *

Ко времени возвращения о. Леонида положение русских католиков в Петрограде оставляло желать много лучшего. После его высылки они опять разделились и сгруппировались сначала вокруг двух, а потом трех священников. Первую группу составляли «алексеевцы», прихожане о. Алексея, причисленного официально к причту церкви св. Екатерины, что делало его теперь и обеспеченным материально и еще более независимым от чисто русской линии. Он служил по будним дням в самом храме, чаще всего на престоле Лурдской Божией Матери, а по воскресеньям и праздникам - в небольшой часовне, (в начале коридора, ведущего в помещение причта), которой пользовались когда-то еще петербургские иезуиты, а потом - доминиканцы. Сюда приходило на службы о. Алексея в среднем человек 30-40, но не одних только русских. Как рассказывает об этом в своих воспоминаниях о предреволюционных днях в Петербурге княжна Анастасия Николаевна Грузинская, «заходили туда и благочестивые бабы из латинского прихода и наблюдали не без ужаса за тем, что творилось в капличке» (т. е. часовенке). В особо торжественные дни, но это бывало редко, служение о. Алексея допускалось в самом храме, в боковом приделе Благовещения. Жил о. Алексей при церкви, вместе с причтом. Таким образом тут сосредоточилось объединение русских католиков из числа группировавшихся раньше в церкви на Полозовой, теперь тоже закрытой. Можно сказать, что место это, в самом центре города, «стратегически» было очень благоприятным. К латинским священникам сюда приходило много народа, и среди них русские не были слишком заметны. После литургии, всякий, кто хотел, мог свободно зайти в комнату о. Алексея

я побеседовать с ним за стаканом чая. К нему любили приходить его « алексеевцы ».

Другую группу составляли приверженцы о. Дейбнера - « дейбнериане », пробиравшиеся тайком с черного хода, через его квартиру, в запечатанную полицией церковь на Бармалеевой. Здесь царило своего рода « катакомбное » настроение. Тем не менее, несмотря на все грозные запрещения, литургия здесь совершалась все-таки ежедневно. На ней присутствовала неизменно Н. С. Ушакова, жившая у Дейбнера и дружившая с его женой.¹

Третья группа образовалась около о. Глеба Верховского, прибывшего в Петроград в 1915 г. после рукоположения в Болгарии. На первых порах положение его было довольно трудным. В то время как о. Алексей и о. Дейбнер числились уже официально в списках католического духовенства Могилевской архиепархии, о. Глеб не был легализован, а управляющий архиепархией, епископ Цепляк, при всей своей благожелательности, опасался что-нибудь предпринять из-за затруднений, которые могли бы возникнуть в департаменте вследствие рукоположения о. Глеба за границей. На беду, его, как русского подданного, родившегося в России, занесли в список подлежащих отбыванию воинской повинности, и предстоял призыв запасных как раз того разряда, к которому он был причислен.хлопоты об его судьбе приняла на себя княжна А. Н. Грузинская, грузинка, католичка восточного обряда. Ей пришел на помощь в мобилизационном отделе Генерального Штаба полковник князь Туманов, тоже грузин и католик. Он перенес о. Глеба из списка лиц, подлежащих призыву, в список лиц, неподлежащих призыву, и ободрил епископа Цепляка на счет легализации. Тот сделал нужное представление, но ездить по этому делу в « Пилатову контору » (департамент иностранных вероисповеданий) пришлось самой княжне. Директором этого департамента был тогда, по ее выражению, « пресловутый » Менкин, имевший секретарем « не менее знаменитого Вандерфляса, трижды менявшего свое вероисповедание ». В конце концов ей удалось добиться легализации о. Глеба. Оставалось еще найти место, где он мог бы служить. Сначала он совершал литургию в частных квартирах, в том числе и у княжны Грузинской. Она жила в здании лютеранского училища св. Петра (на

¹ Из трех детей, при родителях жили только дочь (Надежда) и младший сын (Иван); старший (Александр) воспитывался в Константинополе у ассумпционистов; впоследствии он стал священником восточного обряда, но духовная карьера его кончилась довольно печально.

Большой Конюшенной и Невском проспекте); здесь, на казенной квартире, полиции было трудно выследить католическую ячейку.

Отличительным свойством о. Глеба, которым не обладали ни о. Дейбнер ни о. Алексей, было его твердое и непреклонное стремление строго сохранять восточный обряд в полной неприкосновенности. В этом он нашел поддержку среди многих русских католиков, и около него объединилась значительная группа. Его сторонники занялись приисканием места, где можно было бы совершать богослужение по восточному обряду. Они нашли полное понимание, сочувствие и помощь у о. Сигизмунда Лозинского, настоятеля храма св. Иоанна Крестителя при Пажеском корпусе (на Садовой улице), заменившего на этом посту о. Иоанна Сциславского. Это была так называемая « Мальтийская церковь », построенная по повелению Императора Павла I, бывшего Гроссмейстером Мальтийского ордена рыцарей. Преимуществом этой церкви в сравнении со всеми другими было то, что она считалась придворной и не была приходской, т. е. не содержалась на польские средства. О. Сигизмунд, « Великий Христианин », как его однажды назвали в печати, широко открыл дверь своего храма русским католикам. Литургия восточного обряда стала обычно совершаться в часовне-усыпальнице герцога Максимилиана Лейхтембергского. Вот что говорит С. А. Лихарева об отношении о. Сигизмунда к русским католикам:

« О. Сигизмунд был поистине для нас больше, чем настоятель вверенного ему храма; он был нашим старшим другом, советы которого имели силу внутренне связывающих постановлений. Его поступки не вытекали из каких-либо земных побуждений, угождения кому-либо, а только из католического духа и широкого римско-католического сердца. Поэтому он не держал восточную литургию « под спудом », но показал « де факто » равноправие восточной литургии - с литургией латинской. Он сделал героический шаг, объявив в своем храме, что по воскресеньям, литургия, обязывающая верных, будет совершаться попеременно по латинскому и греко-славянскому обряду. Дабы сделать службу понятной латинским католикам, он на свои средства издал на польском языке, с иконкой Божией Матери Остробрамской,² объяснение частей и последовательности священнодействия славянской литургии. Более того, согласно с духом декрета Папы Пия X (1912), он объяснил своим верным латинского обряда, что если они хотят, то

² Образ Остробрамской Божией Матери - святыня города Вильно, почитаемая одинаково как католиками, так и православными.

могут приступать ко св. Причастию и во время восточной литургии».³

В Мальтийской церкви не было ни постоянных певчих ни даже чтецов; обязанности тех и других исполняли сами прихожане. Однако это не мешало им особенно ценить совершавшиеся здесь службы, ибо у них было сознание, что только они одни «*православно величают*» Бога во всей чистоте восточного обряда. В своей ревности о чистоте обряда, «мальтийцы» были, конечно, правы, но, как заметила по этому поводу княжна Грузинская, «из-за этого не стоило отмежеваться *китайской стеной* от иначе мыслящих. Для нас же, «мальтийцев» они (т. е. «алексеевцы» и «дейбнериане») становились чуть ли не «инако верующими». Самое худшее в распре было то, что не к кому было обратиться в качестве высшей инстанции... Русские католики и их пастыри были без духовного руководителя и шли вразброд».⁴

Чтобы как-нибудь сглаживать расхождения, была сделана попытка устроить объединение русских католиков на подобие духовно-просветительного братства. В это хорошее начинание вложила много труда София Александровна Лихарева, прибывшая в Петроград из Манчжурии летом 1915 г. Русские католики стали собираться регулярно на квартире княжны Грузинской. Все же и это не меняло самого существенного в тогдашнем положении из-за отсутствия объединяющего авторитета, руководителя, которому все *должны* были бы подчиниться. И в то же время у всех было сознание необходимости иметь такового и готовность ему подчиниться. Таким образом, приезд о. Леонида психологически назрел и был подготовлен. Особенное впечатление произвело то, что он приехал перед самым праздником Пасхи. Вот что записала С. А. Лихарева о пережитом ею в эти светлые дни:

«Пасха 1917 г. была нашим торжеством. В божественном домостроительстве она была моментом «Преображения». Уже было извест-

³ Когда о. Сигизмунд покидал Петроград, направляясь в Пинск, чтобы занять там епископскую кафедру, русские католики, несмотря на крайнюю нужду, в которую их ввергла революция, поднесли ему на память серебряный мальтийский крест в благодарность за его отношение к ним.

⁴ В Петрограде находился на нелегальном положении еще священник - о. *Трофим Семляцкий*, о котором речь была выше, но это как-то даже гармонировало с его склонностью к страннической жизни (или, просто, «бродяжничеству», по выражению о. Леонида). В течении нескольких месяцев он тоже служил на квартире кн. Грузинской, являвшейся таким образом четвертым, «катакомбным», центром русских католиков.

Во время войны, число русских католических священников в Петрограде увеличилось еще переходом в восточный обряд о. *Диодора Колтинского*, рукоположенного поляками по латинскому обряду.

но, что владыка Андрея назначит о. Леонида нашим экзархом. Долгие годы испытаний Рим увенчал признанием правоты нашей русской идеи, которая зародилась и могла зародиться только в духе великой для Востока хартии Папы Льва XIII.

Церковь на Бармалеевой была открыта! Крестный ход был совершен по улице: вышел из ворот на Бармалееву и обратно вошел, пройдя через вторые ворота, выходящие на Пушкарскую. Соборную службу совершал о. Леонид. На богослужении присутствовал архиепископ Ропп.⁵ Поистине, служба, вместе с возвращением о. Леонида, создала среди присутствующих глубокое пасхальное настроение. Каждый из нас действительно чувствовал себя участником этого великого торжества. По окончании заутрени, о. Леонид, как полагается по уставу, читал слово св. Иоанна Златоуста. После двух-трех слов с легким заиканием, о. Леонид целиком вошел в свою превосходную дикцию, его громкий мелодичный голос звенел нотами радости... После этого было христосование, затем была Божественная литургия с Евангелием, прочитанным на разных языках. О. Леонид читал по-гречески, другие на латинском, славянском и русском. Радостно было разговляться уже при восходе солнца, после Литургии, за которой все причащались ».

« Пасхальная заутрени и следовавшая за ней литургия была воистину единением всех. Причащались все. Было много православных. Целью всего было - создать атмосферу любви... ».

Эта светлая и радостная Пасхальная служба и явилась тем « *преображением* » русских католиков, о котором говорит С. А. Лихарева. Многие впервые увидели о. Леонида в облачении у престола; многие с ним только здесь познакомились. Сохранилось немало свидетельств о том, какое впечатление производил о. Леонид своей службой. Правда, они относятся уже к тому времени, когда он был экзархом. Написавшие

⁵ Архиепископ Эдуард Ропи заменил митрополита Ключинского на кафедре Могилевской архиепархии. Он родился 2-12-1851, окончил Петербургский университет и Ковенскую Духовную Семинарию, после чего продолжал духовное образование за границей (в Инсбруке и Фрейбурге). Рукоположен в священники в 1886 г., хиротонисан в 1902 г. и назначен епископом Тираспольским с резиденцией в Саратове. В 1903 г. был избран членом Государственной Думы от города Вильно. Ревностная деятельность епископа Роппа послужила причиной высылки его в октябре 1907 г. во внутреннюю часть Империи на 10 лет. Освобождение его последовало только после февральского переворота. 29 апреля 1919 г. он был арестован большевиками и в течение двух месяцев побывал в пяти тюрьмах; 10 июля освобожден при участии Апостольского нунция в Варшаве Ахилла Ратти (будущего Папы Пия XI); прибыл в Варшаву 27 ноября.

нижеследующие строки еще не присутствовали в эту Пасхальную ночь на его богослужении.⁶

Самая «внешность о. Леонида сразу бросалась в глаза. Он был высок ростом, силен и худощав, широк в плечах и вместе с тем строен. Рыжеватые волосы у него слегка вились, особенно по бокам головы. Борода была небольшой и редковатой».

«О. Леонид служил изумительно... Во время «Верую», когда он простирал покров над святыми Дарами, у него дрожали руки, и за этим дрожанием как бы слышалось трепетание веры перед непостижимой и в своей непостижимости очевидной истины Церкви».

На Бармалеевой, «иконостас и все иконы были сделаны любителями; на всей церкви лежал отпечаток крайней бедности. Но тем не менее, во время службы, в особенности по воскресеньям и большим праздникам, церковь всегда была переполнена, так как помимо небольшой церковной общины восточного обряда, сюда стекались в большом числе не католики - православные русские, говорившие, что церковная служба здесь благолепнее, чем в их церквях. Поражала их, конечно, не внешняя красота, ибо все здесь было так бедно, но то, как служил о. Леонид, благолепие и глубокая вера, которую отражало каждое его движение, выражало каждое слово, и которые так отличались от небрежности, которую можно встретить нередко в приходских русских церквях».

«Служение обедни составляло средоточие всей духовной жизни о. Леонида. С момента произнесения возгласа «Благословенно царство», в церкви сразу наступала настороженная тишина, производившая впечатление даже на православных, не знавших о. Леонида; в один голос они все отзывались: «служит изумительно».

«Однажды сам о. Леонид объяснил, что при этом возгласе он сам чувствует необычайный подъем, «взлет», как он выразился. Он считал, что именно в этих начальных словах литургии сказывается основная разница западного и восточного подхода к величайшему из таинств. Латинский священник восходит по ступеням алтаря с молитвой «*Aufer a nobis, ...Domine*», («остави нам наша согрешения»), т. е. с просьбой об очищении от грехов для приступления к совершению таинства, а в восточной литургии в этот момент сознание греховности мира как бы отбрасывается, поглощенное сиянием присутствия Божества».

«На время Пресуществления Даров, о. Леонид удалял прислуживающих из алтаря и, вообще, никого из мирян в это время в алтарь не

⁶ Д. К. Кузьмин-Караваев и Ю. Н. Данзас.

допускал, считая достойными присутствовать только клириков не ниже иподиакона ».

« Всю службу на Страстной неделе он проводил с особенным благоговением; смотрел на нее, как на вершину своего служения. Двенадцать Евангелий в Великий Четверток он читал столь проникновенно, что при словах « испустил дух » сам преклонялся с таким трепетом, что вся переполненная церковь замирала. Никто из слышавших раз его чтение Двенадцати Евангелий никогда этого впечатления не забудет. На вынос плащаницы он смотрел, как на мистика Великой Пятницы, и был положительно проникнут ею; сам все устраивал и прибирал на плащанице и допускал мирян только прикладываться к ней. Скорбел о том, что в русском сознании мистика Пасхальной ночи затемняется явными заботами о земных благах (куличи, пасха и т. п.). »

« Всегда после обедни, разоблачившись в ризнице и отдав распоряжение, о. Леонид возвращался в алтарь и подолгу оставался там и молился. Заходил он туда для молитвы и днем и по вечерам. Молился он в продолжение часа-двух, пока его не вызовут по какому-нибудь делу... Выходил он тогда после молитвы с радостным лицом; из глаз исходило какое-то сияние; говорил он о радости, утешении, притоке сил, которые дает ему молитва. Однажды он признался, что когда во время молитвы приклонишь голову к престолу, так и притягивает какая-то сверхъестественная сила и погружаешься в радостное созерцание...

« Без таких минут, - говорил он, - трудно выдерживать испытания; такая молитва ограждает от всех бед... ».

А в другой раз он сказал, что ему случается чувствовать во время молитвы присутствие « *кого-то* », кто берет сзади за локти, точно старается оттянуть от алтаря. Очевидно бывали у него и явления иного порядка ».

С этого дня церковь на Бармалеевой улице стала официальной приходской церковью петроградской группы русских католиков, как бы « кафедрой » о. Леонида. Здесь сослужили о. Иоанн Дейбнер, о. Диодор Колпинский, о. Глеб Верховский. Много православных приходило сюда на все церковные службы.

* * *

Из-за болезни митрополита Андрея, празднование его возвращения из плена и ссылки могло состояться только в апреле. Казалось, что для торжественной встречи владыки в столице нельзя найти ничего лучше придворной Мальтийской церкви. Об этом событии было объяв-

лено в русских газетах. Митрополит Андрей совершил архиерейское служение. В качестве диаконов с ним служили отцы Глеб и Диодор. Пел хор из церкви Главного Почтамта, один из лучших в Петрограде, под управлением регента - свободного художника консерватории. Церковь не могла вместить в этот день всех молящихся. В момент, когда прозвучало торжественное многолетие: « «ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ НАШЕМУ, СВЯТЕЙШЕМУ ВСЕЛЕНСКОМУ АРХИЕРЕЮ, БЕНЕДИКТУ, ПАПЕ РИМСКОМУ, И ГОСПОДИНУ НАШЕМУ ... И ВСЕМ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ ... МНОГАЯ ЛЕТА! » - исстрадавшиеся русские католики сочли себя более чем вознагражденными за все пережитое.

Первой заботой митрополита Андрея в России было, конечно, каноническое устройство русской католической Церкви. В особую комиссию для подготовительных работ вошли, кроме о. Леонида, о. Глеб Верховский и о. Диодор Колпинский. Им было предоставлено право привлекать к работе и других лиц, знавших православный церковный устав; в числе их оказалась и С. А. Лихарева, как знаток древних языков.⁷ При благосклонной и дружественной помощи товарища обер-прокурора Антона Владимировича Карташева (будущего министра Исповеданий в кабинете А. Ф. Керенского), были пересмотрены более древние издания греческих и славянских литургикон в Публичной библиотеке. Существенную помощь комиссии оказали научные труды протоиерея Никольского, Скабаллановича, Орлова, Мансветова, Лисицына, Дмитриевского. Комиссия установила контакт с ученым литургистом, знатоком православного богослужения, профессором Тураевым и его другом и сотрудником, иеромонахом Иосифом, уставщиком одного из первоклассных монастырей (из Киевского подворья в Петрограде), а также и со старообрядцами. Был пересмотрен чин литургий св. Василия Великого, Иоанна Златоуста и Преждеосвященных Даров, а также и всенощной, и внесены соответствующие изменения, так как теперь отпало поминовение царствующего дома, а высшей церковной властью для русских католиков являлись Вселенский Архиерей - Папа Римский и митрополит Андрей; было предусмотрено и обязательное поминовение местного латинского митрополита и его замести-

⁷ О. Алексей Зерчанинов был несомненно тоже знатоком православного церковного устава. Тем не менее решили не привлекать его к активному участию в работах комиссии; уж слишком хорошо были известны его латинизаторские тенденции и другие свойства, затруднявшие совместную работу с ним. Повидимому, о. Леонид счел более благоразумным не усложнять деловой работы комиссии участием в ней о. Алексея и воздержаться от привлечения его даже ценою обиды, которую этим нанесли старику.

теля. Комиссия ввела несколько дополнений, касающихся каждения и других подробностей, не вполне ясно указанных в синодальных изданиях. Плодом этой работы явился устав, озаглавленный « Литургия » и заключающий в себе 49 богослужебных правил; исполнение их было признано обязательным.⁸

Собору предшествовало говение участвовавших в нем священников. 11 июня, в воскресенье « Всех Святых », была торжественная архиерейская литургия в Мальтийской церкви, за которой митрополит Андрей рукоположил в священники Владимира Владимировича Абрикосова. После литургии, он собрал всех русских католических священников под своим председательством на *Первый Русский Католический Собор*, состоявшийся в актовом зале католической гимназии св. Екатерины. Митрополит Андрей открыл собор, основываясь на данных ему полномочиях Папой св. Пием X. Участниками собора были: о. Леонид Федоров, о. Алексей Зерчанинов, о. Иоанн Дейбнер, о. Евстафий Сусалев, о. Глеб Верховский, о. Трофим Семяцкий, о. Диодор Колпинский и новопосвященный о. Владимир Абрикосов. На последнем заседании, 13 июня, присутствовали, кроме них, представители латинского духовенства: архиепископ Эдуард Ропп, епископ Иоанн Цепляк, епископ (Луцкий) Иосиф Боцян, каноник Сигизмунд Лозинский, профессор Духовной Академии Тржесяк и др. Представителями мирян на соборе были инженер-технолог Владимир Васильевич Балашов и (на последнем заседании) директор католической гимназии св. Екатерины - Цибульский.

Заседания собора были обставлены очень торжественно. В часовне были выставлены св. Дары. О. Колпинский прочел на русском и латинском языке грамоту об установлении экзархата в России. Своим представителем на всю Россию, за исключением Малороссии и Белоруссии,

⁸ Приводим из этого устава три параграфа, *характерные для того времени*:

§ 13. На время продолжения смут и беспорядков в России постановлено читать на великих ектениях два прошения после « О плавающих... »:

а) « О еже воцаритися в державе Российстей любви Христовой, яже устроет вся и всех пасет, Господу помолимся ».

б) « О еже искоренити в нас ненависти же, зависти и рвення и вся прочия страсти, братолюбие разрушающие, и нелицемерную любовь сеяти усердно, Господу помолимся ».

§ 14. Вслед за поминовением епископа на великой ектении возглашаем прошение: « О богохранимой державе Российстей и о спасении ее, Господу помолимся ».

§ 15. Абсолютно недопустимы, как на литургии, так и на других богослужениях, общественных и частных, в церкви и на дому, какие бы то ни было поминовения и прошения за мирских властей и армию.

митрополит Андрей назначил о. Леонида Федорова с титулом экзарха. Ему была пожалована митра и титул протопресвитера. Акт о назначении его был скреплен подписями всех присутствовавших, в том числе и представителей латинского клира, а также присягой восточного духовенства Папе и Экзарху.⁹

Митрополит Андрей хотел было сейчас же посвятить о. Леонида в епископы, подчинить его непосредственно Риму и таким путем, в соответствии с мыслями св. Пия X, закончить возложенную на него задачу. Однако ему пришлось уступить настойчивой просьбе о. Леонида - сначала урегулировать окончательно в Риме положение о русском экзархате, и тем временем дать ему самому испытать свои силы и приготовиться к епископскому служению. О. Леонид обещал митрополиту Андрею не отказываться от епископства, когда это окажется действительно необходимым. В качестве экзарха он остался подчиненным митрополиту Андрею лишь временно, впредь до утверждения экзархата Римом.

Митрополит Андрей положил таким образом основание официальной, каноничной и открытой организации русских католиков восточного обряда. Они были выделены в особую группу и имели теперь свою каноническую иерархию.¹⁰

⁹ Порядок, царивший на соборе, и общее настроение немного нарушил о. Трофим Семейский своим отказом присягнуть экзарху. Как оказалось впоследствии, причиной этого было его недовольство назначением о. Леонида вместо старейшего священника о. Алексея Зерчанинова, которому, по его мнению, надлежало занять этот пост. Кроме того о. Трофим находил, что о. Леонид, как он выразился, «терроризировал» митрополита Андрея и «продиктовал» ему постановления собора.

¹⁰ В Восточной Церкви экзархом именуется священник или епископ, назначенный центральной церковной властью и получивший полномочия для особой миссии. В России титул экзарха давался, по упразднении в ней патриаршества, местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Стефану Яворскому, а со времени присоединения Грузии к России - первоиерарху Грузии, архиепископу карталинскому и кахетинскому (с 1811 г.). При определении иерархических прав и полномочий экзарха, православная Церковь руководилась в новейшее время теми понятиями о власти экзарха, какие существовали во времена Вселенских Соборов, и давала этот титул предстоятелям или небольших самостоятельных государств, как Болгария (в IX веке), или больших областей с гражданским устройством, отличным от общего устройства государства (как напр. Грузия).

Наименование экзарха, как церковно-иерархической степени в восточной Церкви упоминается в исторических документах с 445 г., но объем власти и юрисдикции экзарха в них не определен с точностью, вследствие чего мнения по этому вопросу расходятся. Экзархи были председателями собиравшихся по мере надобности и по их почину так называемых больших соборов диоцеза, юрисдикции которых были подвластны митрополитам. Когда впоследствии и эти диоцезы были подчинены

Решения, предложенные на утверждение собора, читал экзарх, а митрополит Андрей спрашивал:

— Угодно ли принять?

Члены собора отвечали:

— Угодно, владыко.

Мы приводим здесь полный текст «*Постановлений епархиального собора Греко-католической Церкви, состоявшегося в Петрограде 29-31 мая 1917 г. под председательством Высокопреосвященнейшего-Андрея, Митрополита Галицкого*».

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА

1. Веруем и исповедуем, что Вселенский Архиерей, Папа древнего Рима, есть видимый глава Церкви и наместник Христа, Пастырь и Учитель всех христиан, и считаем нашим священным долгом оказывать ему безусловное послушание во всем.

2. Признавая Верховного Архиерея верховным законодателем всех церквей и руководителем христианской жизни, принимаем все его указания и советы и все рекомендованные им культы, строго сохраняя в их богослужебной форме греко-восточный обряд, согласно его же указаниям.

3. Не принимаем никакой богослужебной формы латинского обряда, хотя она была бы принята в других церквях, соединенных с Апостольским Римским Престолом, без его прямого разрешения.

4. Введение новых культов должно происходить лишь по прошению множества верных, поданному экзарху.

5. Признаем и почитаем всех святых, канонизованных западной католической Церковью, в особенности же небесного покровителя св. Соединения, священномученика Иосафата, архиепископа Полоцкого.

6. Впредь до разрешения Апостольского Римского Престола не запрещается присоединяющимся братьям признавать и почитать тех русских святых, которые издавна пользовались всенародным почитанием, так как всенародный долголетний культ был во Вселенской Церкви в течение целого ряда столетий единственной формой канонизации и теперь еще в западной церкви считается равнозначущим беатификации.

7. Считаем нашей священной обязанностью впоследствии акты

верховой юрисдикции константинопольского патриарха, титул экзарха вышел из употребления и не встречается больше в церковно-исторических документах; однако позже, в конце XII века, он снова приписывается некоторым митрополитам.

этих угодников Божиих предложить на суд Святой Римской Церкви и ходатайствовать о скорейшем введении для них литургического почитания.

8. До разрешения же Апостольского Римского Престола не воздаем этим угодникам Божиим литургического почитания.

9. Отдавая под Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Непричастной первородному греху всю землю Великой Руси и все епархии, находящиеся в ней, хотя еще и занятые диссидентами, умоляем Всевышнего сделать эти престолы послушными Церкви Древнего Рима, Матери всех православных церквей.

10. Помня завет Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа: « молитесь господину жатвы, яко да изведет делателя на жатву свою » (Мат. IX, 30), просим Его о даровании нашей Церкви как можно большего числа великих святых, апостолов, мучеников и исповедников для совершения воссоединения всех христиан земли нашей со святой Вселенской Церковью.

11. Всем священникам вменяется в обязанность ежедневно просить о даровании этой благодати.

12. Соблюдая по завету Апостола « единение духа в союзе мира » с нашими братьями во Христе, священниками других обрядов, охотно готовы помогать им нашей священнической деятельностью.

13. Мы придерживаемся восточного канонического права, выраженного в правилах св. Апостолов, вселенских и поместных соборов, св. Отцов, настолько, насколько оно во всей Восточной Церкви, при современных условиях, является обязательным и выполнимым.

14. Дисциплинарные каноны и правила западной католической Церкви, установленные после 7-го Вселенского Собора, как на Вселенских, так и на поместных соборах, а также и особенными декретами, буллами и бреве Римских Архиепископов, по принципу католической Церкви, не признаются для нас обязательными.

15. Дисциплинарные постановления Римского Архиепископа и Вселенских Соборов обязательны для нас только в том случае, когда в этих постановлениях ясно указано, что они обязывают Восточную Церковь и вводят в ней новый закон.

16. Для управления русской католической Церковью восточного обряда временно назначается экзарх в сане протопресвитера, которому подчиняются все епархии в пределах Государства Российского за исключением епархий Малой и Белой Руси в их этнографических границах.

17. Экзарх, по принадлежащему ему праву, имеет на всей вышеозначенной территории епископскую власть.

18. Экзарх имеет право пользоваться теми привилегиями, которые

Апостольский Римский Престол предоставляет епископам на трехлетние и пятилетние сроки.

19. Экзарх имеет право наблюдения и ревизии над имуществом церковным, всеми храмами, часовнями, кладбищами, духовными приютами и школами, богадельнями, денежными вкладами и кассами и всеми прочими церковными учреждениями.

20. При издании новых епархиальных законов, экзарх обязан предложить их на обсуждение своего совета и выслушать его мнение.

21. Впредь до особого разрешения Апостольского Престола, новые епархиальные законы, издаваемые экзархом, не действительны без одобрения преосвященного Андрея Митрополита Галицкого.

22. Экзарх может пользоваться поместным законодательством русской, греческой и других воссоединенных и не воссоединенных церквей, как западного, так и восточного обряда, а также законодательством латинской Церкви для временного разрешения недоуменных вопросов ежедневной практики.

23. Экзарху принадлежит право предварительной духовной цензуры над всеми печатными произведениями подведомственного ему клира.

24. Впредь до особого разрешения Апостольского Престола апеллировать на приговор и распоряжения экзарха можно только к преосвященному Андрею, Митрополиту Галицкому, а на него к Апостольскому Престолу.

25. Считаю для нас в настоящее время необходимым полную независимость Церкви от государства.

26. Однако, считаю нужным легализацию общим явочным порядком.

27. По предписанию Апостольского Римского Престола употребляем тот обряд, который существует в настоящее время в России, не допуская никаких изменений.

28. Избегая всякого произвола, мы обязаны стремиться к полному единообразию в служебной практике.

29. Можем соблюдать безразлично древне-русскую или новую форму нашего обряда, не смешивая однако одной формы с другой.

30. Недопустимым произволом является различная каждодневная богослужебная практика.

31. Согласно декрету Папы Пия X разрешаем и благословляем верным нашего обряда причащаться в латинских церквах и, наоборот, верным латинского обряда в наших.

32. Запрещаем всякую публичную критику, как письменную, так и устную нашего обряда, как одобренного Апостольским Римским Престолом наравне с другими обрядами святой Вселенской Церкви.

33. Все братства, устав которых утвержден Римским Апостольским Престолом, принимаем и учреждаем по прошению верных, однако так, чтобы обрядовая сторона этих братств соответствовала греко-восточному обряду.

34. Мы не признаем права патроната мирян над церквями, в какой бы форме это право ни выражалось.

35. Мирянин, пожертвовавший какую-нибудь вещь или недвижимую собственность для церкви, теряет всякое на нее право.

36. Крещение совершается через погружение. С крещением соединяем таинство миропомазания и вслед за сим питаем младенцев таинством Евхаристии.

37. Крещение может совершаться дома, а не в церкви, лишь нужды ради. Миропомазание же совершается обязательно в церкви.

38. Относительно таинства брака придерживаемся греко-восточного церковного права, вопрос же брака между верными разных обрядов подлежит будущему решению Апостольского Римского Престола.

39. Посты соблюдаем по всей строгости канонических предписаний греко-восточной церкви. Однако, всем священникам дается право на исповеди делать послабления закону, если кающийся действительно нуждается в таком послаблении.

40. Верных нужно приучить возможно чаще приступать к таинству св. Евхаристии. Что же касается таинства Покаяния, то необходимо напоминать им о древнем законе, по которому верные приступали к исповеди по крайней мере четыре раза в год.

41. Среди верных необходимо выбирать лиц, способных к апостольской работе, организовывать их в отдельные кружки, созывать их съезды и руководить их работой.

42. Желательно издание апологетических произведений, пособий по нравственному богословию для клира и популярных изданий по таинству Покаяния и Евхаристии. Хотя в этом направлении желательна самостоятельная работа, однако для экономии сил рекомендуются переводы и переработки хороших католических изданий.

43. В сношениях с паствой священник должен руководствоваться духовной пастырской любовью.

44. Работа пастырей над верными должна быть всегда соединена с духом молитвы и с созерцательной жизнью. Мы никогда не должны забывать, что весь успех апостольского дела зависит от Божией благодати и нашей святости. Священник, забывший эту истину, приносит скорее вред, нежели пользу.

45. Первым требованием нашего сана и нашей Христом данной миссии, есть сохранение чистоты своей совести от всякого греха и жи-

тейской скверны. Поэтому, как мы сами учим верных, что нельзя без исповеди приступать к св. Причастию, если на совести есть смертный грех, так должны поступать и мы сами, если не хотим услышать от Господа нашего Иисуса Христа: « И вам, законникам горе, яко накладаете на человеки бремена неудобноσιма и, сами единым перстом вашим не прикасаетея бременем » (Лук. XI, 46).

46. Руководясь во всем духом св. Церкви, священник должен стараться благоговейным и строго литургическим богослужением, соединенным с евангельской простотой, учить верных благочестию.

47. Хотя правило церковное вне церковной службы не является обязательным, однако священник, желающий служить литургию, обязан перед нею прочитать девятый час, вечерню и утреню. Можно заменять правило вервицами и чтением псалтири.

48. Кроме того весьма рекомендуется духовным лицам предписанные в иерейском молитвослове утренние и вечерние молитвы, а также правило к св. Причастию.

49. Благословляем всякого, желающего исполнять все церковное правило по уставу.

50. Духовные лица настолько должны ценить Слово Божие и прилежать к чтению св. Писания, чтобы прочитывать Новый Завет по крайней мере один раз в год, а Ветхий - один раз в три года.

51. Священникам вменяется в обязанность, в особенности молодым, тщательно готовить проповеди, для чего необходимо изучение, кроме св. Писания, Отцов Церкви, житий святых и церковной истории.

52. Вменяется в обязанность произносить проповеди догматического, морального и литургического характера. В проповедях прежде всего нужно излагать положительную часть католического вероучения, касаясь полемики лишь в редких случаях. В частности в литургических проповедях нужно стараться объяснять верным обряды св. Церкви так, чтобы их символическое значение объясняло учение Церкви и ее дух.

53. Для священников, назначенных к слушанию исповеди верных, необходимо как можно более старательное и усиленное изучение нравственного богословия.

54. Священники должны приучить народ к сознательному и деятельному участию в богослужении и по возможности заводить всеобщее пение.

55. Духовные лица совершают раз в три года общее говение - « духовные упражнения ». К таким же общим говениям должны мы приглашать и верных.

56. Отличительный признак во внешнем поведении духовного лица - его скромность, благоразумие. Поэтому духовенству должны быть чужды все светские манеры и замашки, привычки и обычаи.

57. Духовенству безусловно воспрещается посещение театров, кинематографов, кафе-шантанов, загородных увеселительных садов и всяких других подобного рода собраний.

58. Нужды ради допускается посещение всяких скромных ресторанов и столовых.

59. Разрешается посещать научные и популярные собрания (если они заведомо не направлены против Церкви), а также серьезные концерты с музыкой и пением.

60. Духовенство по мере возможности должно всячески избегать появляться на светских обедах, даваемых по случаю какого-нибудь торжества, как семейного характера (напр. свадьбы, именины и т. п.), так и общественного.

61. Появление духовных лиц с женщинами на улицах и в общественных местах - не желательно.

62. Для участия духовных лиц в светских или некаатолических журналах требуется разрешение со стороны экзарха на основании постановления Папы Пия X.

63. Также необходимо разрешение экзарха для вступления в качестве члена или постоянного гостя в некаатолические философско-религиозные и религиозные общества.

64. Духовенство должно ходить в одежде, присвоенной его сану, не допуская никакого отступления от предписанной нормы, каковой до времени, будет подрясник и ряса обыкновенного русского покроя, однако с более узкими и короткими рукавами.

65. В случае нужды, вызываемой потребностями миссии и заграничными поездками, духовенство может носить светское платье.

66. Каждый священник поверх рясы носит серебряный крест. В торжественных случаях ношение креста обязательно.

67. По древнему обычаю носим бороду, волос же по предписанию апостольскому не отпускаем, удаляя от себя всякую светскую суету, напр. различные прически, духи и т. п.

68. Курение духовенством табаку запрещается.

Дано в Петрограде,
в доме католической
мужской гимназии
при церкви св. Екатерины
31 мая 1917 г.

Подлинные постановления подписал
АНДРЕЙ МИТРОПОЛИТ ГАЛИЦ-
КИЙ.

Скрепил Леонид Федоров, Экзарх русской
греко-католической Церкви.

* * *

За несколько дней до открытия собора, группа прихожан о. Дейбнера использовала имевшуюся еще возможность снестись с митрополитом Андреем помимо ближайшего иерархического начальника и, верная себе, просила его в поданном ему заявлении ввести в практику русской католической Церкви культ Сердца Иисусова и некоторые добавочные богослужения, заимствованные из Западной Церкви. Прощение от имени прихожан о. Дейбнера («дейбнериан») передала владыке Н. С. Ушакова, очень сблизившаяся за последнее время с семьей Дейбнер. Это было ее последним общественным выступлением.

Одновременно с этим русские католические священники представили митрополиту Андрею свои соображения по возбужденным в этом прощении вопросам в следующей докладной записке:

«Благодатию Божией и безмерным Его благоволением к нам недостойным и грешным, ныне святая католическая Церковь в Государстве Российском получила полную свободу исповедывать свое божественное учение и устроить духовную жизнь своих верных. Эта великая задача слишком превосходит наши силы, чтобы мы могли идти к нашей святой цели без предварительной подготовки, а главное без единства действий; нам необходимо представлять из себя единую корпорацию не только внешним образом являющуюся клиром, объединенным под единым главою нашего обряда в России, но и внутренне руководиться единым планом в развитии нашей духовной миссионерской деятельности. Эта последняя должна быть *тесно связана неразрывными узами* не только с внешней формой, но с духом нашего обряда. Она должна носить характер всепроникающей духовной цельности, чтобы с одной стороны удовлетворять потребностям тех русских людей, которые ищут у нас той гармонии и порядка, каковых они не находят в синодальной церкви, а с другой стороны - предохранить наш обряд и его внешнюю форму от всего, могущего дать диссидентам подозрение в его латинизации. Поэтому введение всякого нового культа и религиозной практики должно быть обусловлено лишь абсолютной необходимостью, и именно лишь тогда, когда среди *многочисленных верных* наростет стихийная потребность такого культа или религиозной практики.

В частности, мы считаем необходимым остановиться на культе Сердца Иисусова.

1. Как сыны католической Церкви, мы признаем этот культ, считаем его спасительным и никому не препятствуем исповедовать его.

2. Как священники восточного обряда, считаем однако его непосредственное введение теперь в наш обряд абсолютно нежелательным,

как соблазн для диссидентов, которые примут такое нововведение, как явный признак латинизации.

3. Тот факт, что крайне ограниченный кружок лиц, группирующихся вокруг о. Иоанна Дейбнера, настаивает на введении этого культа, еще не доказывает духовной потребности для русских вводить этот культ теперь же. Нет ничего удивительного, если несколько человек, связанных с о. Иоанном узами дружбы и привязанности и находясь в постоянном общении с ним, могли проникнуться его идеями, тем более, что эти идеи доминировали в его проповедях и беседах даже в ущерб другим сторонам католической доктрины. На русских же людей другого склада ума и характера такая проповедь производит гнетущее и неприятное впечатление. В особенности это касается тех, которые понимают свой родной обряд и стремятся к возможно полному проникновению его мистической сущностью.

4. Поэтому культ Сердца Иисусова, к сожалению уже публично введенный о. Дейбнером в его приходской церкви на Бармалеевой улице, должен быть непременно ограничен *этой только церковью* впредь до того времени, когда насущная потребность *множества* верных не заставит сделать этот культ в той или иной форме всеобщим.

5. То же самое мы утверждаем относительно других культов, при чем почтительнейше обращаем внимание Вашего Высокопреосвященства, что ни молебны Сердцу Иисусову, ни тем более чин выставления св. Даров, изложенные в книге «Источник Милосердия», не соответствуют духу нашего обряда».

Естественно, что о. Дейбнер не мог быть в числе священников подписавших эту записку (Федоров, Верховский, Колпинский, Абрикосов, Сусалев и Семяцкий), ибо она была направлена против него. Можно также понять и о. Зерчанинова, не давшего своей подписи. Старик оставался неизменно верен себе; сломить или даже просто переубедить его не удалось никому. К тому же он под внешним благодушием затаил в себе недовольство тем, что не занял в экзархате подобавшего ему положения и не был привлечен к участию в работах предсоборной комиссии. В этом незначительном инциденте по вопросу, заранее обреченному на неуспех, сказалось уже в зародыше будущее расхождение между экзархом и двумя старейшими священниками.

Митрополит Андрей ответил прихожанам кратким письмом на имя Н. С. Ушаковой, выразив ей этим внимание, которое она несомненно заслужила в годы борьбы за устройство русской общины. В тех ненормальных условиях, непосредственное участие женщин в церковных делах могло казаться даже естественным. Однако, теперь, когда полагалось основание нормальным условиям церковной жизни, оно ста-

новилось в такой форме неприемлемым, и о. Леонид дал это вскоре ясно понять. К тому же, и Н. С. Ушакова и Л. Д. Федорова уже доживали свой век. Не прошло и года, как у первой открылись язвы в желудке и всем стало ясно, что дни ее сочтены; вторую паралич безнадежно приковал к постели. Обе эти души Господь отозвал из нашего мира еще на пороге грозного лихолетия, надвигавшегося на Россию. Им дано было покинуть его прежде, чем бич Божий поразил нашу родину.

Вот текст письма митрополита Андрея:

« Высокочтимая Наталия Сергеевна,

Отвечая на поданное через Вас прошение прихожан церкви Св. Духа, что на Бармалеевой улице, довожу до Вашего сведения ниже следующие принятые мною резолюции:

1) Культ Сердца Иисусова одобряю в той форме, которая принята теперь, впредь до опубликования нового молебна Сердцу Иисусову, больше соответствующего духу нашего обряда.

2) В мае месяце разрешается служить ежедневный акафист к Пресвятой Деве.

3) Октябрьские четки одобряю, как частную религиозную практику, употребление которой относится к частной жизни.

4) Для благословения св. Дарами существующую практику отменяю и предлагаю заменить в ближайшем будущем практикой Сицилийской или Мельхитской церкви.

Устав братства, обещанный мною, я не был в состоянии написать. Постараюсь выслать его Вам из Рима » (и. т. д.).

Тон письма дает ясно понять сказанное выше, тем более, что свое решение по этому поводу митрополит Андрей сообщил официально в распоряжении № 1 новоназначенному экзарху:

« БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ И АПОСТОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА БЛАГОСЛОВЕНИЕМ АНДРЕЙ, МИТРОПОЛИТ ГАЛИЦКИЙ

Экзарху нашему греко-католической Церкви
в Державе Российской

Разрешаем верным и приходскому настоятелю Петроградской Церкви Сошествия Святого Духа, что на Бармалеевой улице, согласно их прошению:

1. Совершать добавочные в этой церкви богослужения, принятые из практики Западной Церкви, как-то: молебны Пресвятой Богоро-

дице, совершаемые ежедневно в мае месяце, богослужения в честь Св. Сердца Иисусова и выставление св. Даров с подобающим сему случаю молебствием.

2. Богослужение в честь Сердца Иисусова разрешается во все дни года, кроме навечерия св. Петра и Павла, Успения Пресвятой Богородицы, Преображения Господня, Рождества и Богоявления; в навечерие и самый праздник: а) Воздвижения Честного и Животворящего Креста, б) Усекновения главы Иоанна Предтечи.

3. Богослужения в честь Сердца Иисусова не разрешаются в первую, четвертую и последнюю седмицу св. Четырдесятницы,

4. Богослужение с выставлением св. Даров разрешается только в форме принятой или у Мельхитов или кафоликов восточного обряда, живущих в южной Италии и Сицилии.

В прежней форме богослужение с выставлением св. Даров не допускается.

Если настоятель церкви Сошествия С. Духа или кто-либо другой представит нам проект нового богослужения в честь св. Даров, вполне отвечающего духу восточного обряда, то мы охотно утвердим его и благословим его устав ».

Одновременно с первым, митрополит Андрей издал распоряжение № 2, определяющее чин воссоединения православных со Вселенскою Церковью:

**« БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ И АПОСТОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА
БЛАГОСЛОВЕНИЕМ АНДРЕЙ, МИТРОПОЛИТ ГАЛИЦКИЙ**

Экзарху нашему греко-католической Церкви
в Державе Российской

Мирян доброй веры, возвращающихся в лоно св. Вселенской Церкви, предписываем принимать по следующему чину:

После св. Исповеди и разрешения грехов, приходящий к св. Церкви присутствует на Божественной литургии и сам читает символ веры перед Причастием с прибавлением следующих слов:

« Также святому Апостольскому Престолу и Римскому Архидиакону на весь мир держати Первоначальство, и самага Архидиакона Римского приемника быти блаженнаго Петра верховнаго Апостолом, и истинна Христова Наместника, и вся Церкви Главу, и всех христиан Отца и Учителя, и ему в блаженном Петре от Господа нашего Иисуса Христа полную дану быти власть, еже пасти, рядити и правити соборную Церковь ».

Затем приходящий сподобляется приятия св. Таин.

Читая Символ веры добавляет в члене о Духе Святом « И СЫНА ».

* * *

Вечером, в день открытия собора, состоялось торжественное заседание «*Поборников Воссоединения Церквей*» в доме гр. Зубова на Исаакиевской площади. Сюда собрались русские католики и группа православных. Под председательством митрополита Андрея, в присутствии архиепископа Роппа и епископа Цепляка, было положено основание «*Общества Поборников Воссоединения Церквей*». Душой этого начинания был кн. Петр Михайлович Волконский, отдавший этому делу со свойственной ему энергией, не покидавшей его до конца жизни. К сожалению, никто не предполагал тогда, какая страшная зима надвигалась на Град св. Петра. Многие, начиная с самого князя Волконского, принуждены были вскоре покинуть столицу. Вследствие совершенно невозможных условий жизни в Петрограде, «Общество поборников» совершенно заглохло, но в Москве дело их продолжало некоторое время еще развиваться. Там к числу поборников присоединились Котляревский и Булгаков. Таким образом здесь можно упомянуть лишь о начале, которое успели положить нижеследующие учредители общества:

Члены католики:

Митрополит Андрей Шептицкий; архиепископ Эдуард барон Ропп; епископ Иоанн Цепляк; Каноник о. Сигизмунд Лозинский (преподаватель Петроградской Семинарии); о. Игнатий Свирский (тоже); о. Леонид Федоров; о. Алексей Зерчанипов; о. Глеб Верховский; о. Диодор Колпинский; Мариан Здоховский (профессор Краковского университета); Стефан Цыбульский (директор мужской гимназии при церкви св. Екатерины); о. Евстафий Сусалев; о. Иоанн Дейбнер; о. Франциск О'Рурк (настоятель церкви св. Станислава).

Члены православные:

Епископ Петр (бывший) Смоленский; епископ (на покое) Трифон; архимандрит о. Арсений; иеромонах о. Игнатий Жебровский; иеромонах о. Иоанн Демьянович; епископ Иннокентий Нижегородский и Костромской; епископ Геронтий Петроградский; Федор Ефимович Мельников (старообрядец); кн. Петр Михайлович Волконский; кн. Алексей Дмитриевич Оболенский; кн. Эспер Эсперович Ухтомский; Кн. Евгений Грубецкой; Григорий Алексеевич Рачинский (председатель московского религиозно-философского общества); о. Сергей

Соловьев; профессор Глубоковский (Петроградской Духовной Академии); Евгений Перфецкий.

К подписавшим воззвание первым (14 июня) присоединился новгородский протоиерей Александр Устьянский, магистр богословия (Десятинный женский монастырь).

Мысли учредителей при образовании общества ясно выражены в воззвании, с которым они обратились « ко всем верующим в Церковь Божию, ко всем признающим и чтущим Св. Писание и Св. Предание »:

« Все мы веруем в Церковь Христову — единую, и не потому только, что так читаем в символе нашем, но и потому, что не можем иначе понимать основанную Спасителем мира Церковь — Тело Христово — разделенным, а не единым.

Однако, в исторической жизни народов, не говоря уже о христианских обществах, порвавших со Св. Преданием, — восточные и западные христиане, все одинаково верующие в единую, святую, соборную и апостольскую церковь, делятся на два церковных лагеря, взаимно исключаящих друг друга.

Этот величайший исторический грех не мог, конечно, иначе возникнуть, как особым попустительством Божиим по недостатку веры и любви ко Христу в человечестве, а потому и может быть окончательно побежден лишь действием милости Божией, требуя от нас самопожертвованного подвига любви и веры. Поэтому рассчитывать на выполнение такой задачи одними человеческими силами мы не можем и не должны; но мы можем и должны посильно содействовать, хотя и в малой мере, этой великой цели. Верующий христианин не может оставаться равнодушным при виде того соблазна раздиранья Тела Христова, какой существует от векового разлада восточной и западной Церкви. Верующие обеих Церквей тратят свои силы на братоубийственную борьбу вместо того, чтобы ополчиться вместе на общих врагов христианства. Тем временем в мире растут и множатся всепроникающее неверие, грубый материализм и всевозможные подделки под истину Христову, либо невежественные, либо злостные и коварные. Между тем весьма часто самая основа этой борьбы и этой розни лежит в невольном непонимании друг друга, а иногда и вольном, и покоится на ставшем издавна привычном настроении подозрительности и недоверия. На устранение прежде всего этих основ междуцерковной розни, не имеющих действительных корней в сердечных убеждениях, и направляется наша деятельность.

Если еще недавно в отечестве нашем стеснения в обнаружении религиозной мысли могли служить некоторым оправданием бездействия

в этой области, то ныне, когда все пути открыты, мы не вправе молчать.

Всех болеющих и страждущих душою по объединению христиан мы зовем поэтому в Общество Поборников Воссоединения Церквей.

Общество это образуется на следующих основаниях:

1) Общество имеет целью, во имя Христово и братской любви, содействовать устранению розни между христианскими церквами.

2) Ближайшими задачами Общества служат выяснение и распространение посредством докладов, чтений, проповедей, издания книг, устройством особых собраний, съездов и всякими иными не противными закону способами основ христианской мысли и христианской любви, служащих к объединению верующих в исполнение заповеди Христовой: « Да будет едино стадо и един пастырь ».

3) Общество образуется из лиц, верующих в святую апостольскую Церковь и признающих источником Божественного откровения Св. Писание и Св. Предание. Посему членами Общества могут быть православные, старообрядцы, католики западного и восточного обряда, англикане и пр. (Насколько верование вступающего в Общество члена на самом деле отвечает указанному требованию, предоставляется суду его совести).

4) Общество управляется собранием его членов, советом и особым правлением, выделяемым из состава Совета для исполнительных действий.

5) Так как Общество стремится возгревать в своих членах дух любви Христовой и горячее желание собрать воедино всех христиан, то дела и вопросы в собраниях должны решаться единодушно и по возможности единогласно, избегая принимать решения одним лишь большинством против искренне убежденного меньшинства.

Правление помещается в Петрограде: Карповка 25, кв. 5.

При первой возможности Общество предполагает выпустить « Сборник статей », а затем приступить к изданию периодического « Журнала ».

Кроме этого воззвания сохранился еще черновой набросок карандашом, сделанный рукой о. Леонида и озаглавленный им: « ПРОЕКТ ВОЗЗВАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОБОРНИКОВ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ »:

« Неисповедимыми путями Божественного Провидения, много раз обещанная, но никогда неосуществимая свобода совести и вероисповедания сделалась, наконец, совершившимся фактом.

Множество людей, страдавших молча, может теперь открыто испо-

ведовать свои убеждения. В прежние темные времена раздавались лишь немногие и редкие голоса лучших людей земли Русской о правах христианина и о судьбе единой Вселенской Церкви. Времена эти канули в вечность.

Права христианина уже не стеснены в нашем государстве. Каждый христианин может теперь удовлетворять свои наболевшие потребности. Главная из них — разобраться в вековом разладе двух главных ветвей христианства: Церкви Восточной и Церкви Западной. Этот разлад губит все лучшее, что созревает на ниве Христовой.

Вместо того, чтобы общими силами бороться против всепроникающего неверия и грубого материализма, представителям обеих Церквей приходится тратить свои лучшие, дорогие силы на междоусобную, братоубийственную борьбу. Главным корнем разделения является взаимное непонимание, даже больше того — нежелание понять друг друга. В начале разделения этого раздора искали, упорно стремились к нему. Разделения искали и разделение состоялось.

Но горчичное зерно любви Христовой, посеянное Началовождем нашего спасения, с веками выросло в пышное дерево. Сознание общности человеческих интересов и братское чувство заставляют людей ценить, уважать и помогать друг-другу. Кому же, как не верным сынам Церкви Христовой не отбросить причины временной вражды и на началах вечной любви приступить к великому и святому делу воссоединения Церквей?

« Возлюбим друг-друга, да единомыслием исповемы » — и воссоединение состоится.

Всех болеющих и страждущих душой о судьбах Церкви мы зовем в наше Общество: « Союз поборников воссоединения Церквей ». Союз поставил себе целью... ».

* * *

После того, как положение о русской католической Церкви было утверждено на соборе, оставалось еще добиться легализации экзархата Временным Правительством. Митрополит Андрей как только занялся вопросом, как следовало осуществить это законным порядком, чтобы достичь возможно скорее желанного результата, так пришел ему на помощь ряд, словно случайно сложившихся, обстоятельств.

С начала войны князь П. М. Волконский работал на фронте в одной из организаций Всероссийского Земского Союза и в Петрограде бывал только короткое время. В один из своих наездов он решил посетить митрополита Андрея и о. Леонида. Пришел к ним с рекомендательным письмом Н. С. Ушаковой. Между ними завязалось зна-

комство, о значении и содержании которого никто из них в те дни наверно не думал. В первых числах июня кн. Волконский снова навестил митрополита и экзарха, и они заговорили при нем о необходимости войти в сношения с правительством по делам русской католической церкви. Их видимо беспокоил ряд вопросов:

— Что следует теперь предпринять? Да выйдет ли из всего этого толк? Не начнется ли опять, на новый лад, старая канитель?

Князь Волконский предложил митрополиту использовать для этого дела дружественные отношения, связывавшие его с князем Георгием Евгеньевичем Львовым (премьером и министром Внутренних Дел, стоявшим до февральского переворота во главе Всероссийского Земского Союза). Он тут же протелефонировал ему наугад в министерство Внутренних Дел, в надежде, что тот окажется там. Князь Львов действительно был в этот момент в министерстве. Князь Волконский объяснил ему вкратце, в чем дело. Князь Львов попросил подождать несколько минут, пока он не наведет необходимые справки. Минут через десять он вызвал князя Волконского и поручил ему попросить митрополита и отца экзарха быть у него завтра в определенный час.

На другой день, в министерстве Внутренних Дел состоялось совещание, на котором принял участие приглашенный князем Львовым товарищ обер-прокурора А. В. Карташев. Митрополит Андрей представил документы, удостоверявшие наличие полномочий, данных ему Папой св. Пием X. А. В. Карташеву не понадобилось много времени, чтобы убедиться в их действительности. Полномочия митрополита Андрея тут же были признаны совершенно достаточными для легализации русского католичества. Все сделанные митрополитом распоряжения по устройству русской католической Церкви были немедленно утверждены в министерстве. В течение нескольких часов было достигнуто соглашение, которого больше столетия тщетно добивались у царского правительства. Этот знаменательный день не прошел бесследно для самого князя Волконского. Он положил начало его связи с митрополитом Андреем и о. Леонидом. Как он сам засвидетельствовал, вся его дальнейшая жизнь «направилась на посильное служение им в святом деле».¹¹

¹¹ Кн. П. М. Волконский был тогда православным; он воссоединился с католической церковью в Константинополе, уже после эвакуации из России. Последующие обстоятельства сложились так, что его «служение» свелось главным образом к работе в архиве митрополита Андрея в Львове (1931-1937); все письма, донесения, отчеты, все касающееся русского католического дела было им скопировано,

* * *

После того как все возложенное Папой св. Пием X в отношении России было исполнено, естественно, что у митрополита Андрея, так много пережившего в последнее время, явилось желание вернуться к себе в Львов возможно скорее. И без того болезнь, нарушившая его планы, продержала его почти месяц в постели. А теперь явилась новая задержка с получением паспорта, который дал бы ему возможность еще во время войны съездить в Рим и вернуться домой. Положение митрополита Андрея оказалось совсем необычным. Ему, подданному воевавшей с Россией страны, нужно было получить паспорт от русского правительства, чтобы отправиться в Италию, а оттуда в Австро-Венгрию через ряд нейтральных государств и Германию! Митрополиту пришлось обращаться по этому делу к нескольким министрам Временного Правительства: Милюкову (иностранных дел), Керенскому (юстиции), Терещенко (финансов) и князю Львову (внутренних дел). В конце концов, эти встречи с русскими министрами оказались полезными, так как разговоры с ними давали митрополиту Андрею случаи касаться вопросов католичества и единения России с Римом. А это, в свою очередь, создавало благоприятную почву, чтобы укрепить в новых условиях положение молодой католической группы.

Князь Г. Е. Львов хорошо знал, что в России немало католиков, глубоко почитавших митрополита Андрея. Вопрос его юрисдикции в России казался ему вполне естественным, тем более, что в России жило тогда много галичан, не говоря уже о потомках бывших униатов. Последние также хотели восстановить теперь церковные права, отнятые у них в свое время царским правительством.

Особый интерес для митрополита Андрея, представляло, конечно, знакомство с новыми лицами, возглавлявшими теперь синод православной Церкви. Обер-прокурором был тогда Владимир Николаевич Львов, человек глубоко верующий и церковный, тот самый, который в 1913 г. собирался выступить в Государственной Думе в защиту русской католической группы после закрытия церкви на Бармалеевой улице. Товарищем его был уже упомянутый Антон Владимирович Карташев. Однажды, в разговоре с митрополитом Андреем, В. Н. Львов выразил опасение, что русское духовенство, воспитанное в синодальном режиме, не сможет сразу освоиться с новыми условиями независимости от

разработано, дополнено, систематизировано и, с согласия митрополита Андрея, составило главную часть личного архива, переданного им незадолго перед смертью доминиканцу о. Христофору Дюмону в его учреждение « ИСТИНА ».

государства, которую Церковь приобрела в России после падения царской власти. В. Н. Львов считал, что православное духовенство не сумеет использовать блага этой свободы; по его мнению оно нуждалось в серьезных реформах, которые облегчили бы устройство Церкви на началах ее независимости в демократическом государстве.

В частности, митрополита Андрея интересовал вопрос о большом числе сирот, вывезенных русскими властями из Галиции, которых правительство определило в правительственную гимназию в Таганроге. При приеме, их спрашивали о вероисповедании, задавая вопрос: « ты поляк? ». Дети отвечали « нет », и их записывали православными и, соответственно этому, воспитывали. Между тем, по мнению митрополита, так ставить вопрос было нельзя, ибо русины не делают разницы между поляком и католиком; для них это одно и то же. Естественно, что дети давали отрицательный ответ; ни один русин не скажет никогда о себе, что он поляк. Митрополит Андрей решительно протестовал против того, чтобы этих детей отрывали от их веры и делали православными. Однако, В. Н. Львов возражал, не соглашаясь с его доводами. Присутствовавший при разговоре А. В. Карташев, напротив, поддерживал митрополита Андрея.¹² В конце концов, директор Таганрогской гимназии помог решить более или менее удовлетворительно вопрос о галицких сиротах, учащихся у него.

* * *

В бытность свою в Петербурге, митрополит Андрей, кроме Мальтийской церкви, служил и в других латинских церквях. Он провел духовные упражнения на польском языке в католической Духовной Академии. В церкви св. Екатерины он дважды сказал проповедь на польском языке. В начале мая, с разрешения епископа Цепляка, митрополит совершил рукоположение в священники в его личной домовой церкви. Через несколько дней после этого, служа в часовне гимназии св. Екатерины, митрополит Андрей сказал проповедь по-французски. Выступление же его в том-же помещении на собрании священников произвело на некоторых поляков неблагоприятное впечатление: экзарху о. Леониду пришлось слышать отзывы некоторых

¹² В это переходное время, особенно после октябрьской революции, А. В. Карташев, оставаясь строго православным, стал другом многих русских католиков; по свидетельству С. А. Лихаревой, хорошо знавшей его в Петрограде, он бывал на католических собраниях, относился к католикам благожелательно и пользовался их доверием и искренней симпатией.

поляков находивших, что система церковной деятельности митрополита Андрея « безрелигиозна » (!) и что он будто бы даже проговорился об этом на состоявшемся собрании.

* * *

В ожидании паспорта, митрополит Андрей воспользовался имевшимся у него временем, чтобы побывать и в двух других русских столицах и ознакомиться там лично с начавшими уже образовываться католическими центрами восточного обряда. Поэтому он направился из Петрограда снова в « мать городов русских » - в стольный Киев, памятный ему еще из дней молодости, когда он посетил его в 1887 г., а в 1913 г. ставший первым этапом его мьгтарств и крестного пути по России. В этой поездке у владыки Андрея была и чисто личная цель — повидать своего брата, гр. Александра, и побывать в его имении в Волынской губернии. Гостя у него, митрополиту представился случай посетить съезд православных священников одного благочиния. Тут тоже зашла речь о соединении Церквей; потолковали о том, каким путем оно могло бы теперь осуществиться. Собеседование на эту тему, как и вообще все, что говорилось и делалось в присутствии митрополита, протекло в дружественном и спокойном тоне. Один из священников заявил о своем желании принять участие в работе по воссоединению Церквей. В Киеве митрополит служил в латинской церкви и сказал проповедь на двух языках: начав ее по-украински, он кончил по-польски. Полякам и это не понравилось: почему он не говорил только по-польски?

Из Киева митрополит Андрей поехал в Москву, познакомиться с домом Абрикосовых, (которому, благодаря рукоположению о. Владимира, суждено было теперь занять видное место в жизни католической Москвы), также и с теми русскими, которые к нему примыкали. В Москве митрополит прожил около недели. Отсюда, как и в 1908 г., владыка опять съездил в Новый Иерусалим навестить престарелого епископа Смоленского Петра, доживавшего свои последние дни в заточении; через год он скончался. Теперь епископ Петр не боялся уже встретиться и говорить с митрополитом Андреем. Напротив, он с радостью принял дорогого гостя, расспрашивал его о Риме, о теперешних кардиналах, приезжавших в свое время в Россию прелатами, а также и о тех, о которых он что-нибудь слышал и запомнил. Он называл владыке Андрею имена Алиарди, Рамполлы, Ванутелли, Орелья ди Сан Стефано. Воспоминания епископа Петра относились к давно прошедшему времени, но свидетельствовали о неизменном интересе,

который он питал к Риму, и об его искренней симпатии и даже склонности к католицизму. Тем не менее это свидание показало митрополиту Андрею, что у епископа Петра, даже в тогдашних условиях не хватил гражданского мужества на открытое воссоединение с католицизмом.

* * *

По возвращении в Петроград, митрополит Андрей получил наконец паспорт. Временное правительство как будто начало даже считать желательным, чтобы он поскорее уехал, опасаясь последствий затянувшегося его пребывания в России. Боялись, как бы выступления митрополита Андрея в трех столицах и раздававшаяся в них проповедь католицизма не вызвали некоторых осложнений в связи с условиями военного времени. Тем не менее, все, что митрополит Андрей имел в виду, он успел сделать и все в России было благополучно закончено. Через Финляндию он отправился в Швецию¹³ и первую остановку в пути сделал в Стокгольме, желая повидать там настоятельницу Урсулинок, мать Ледоховскую, сестру генерала ордена Иезуитов. Отсюда владыка намеревался поехать прямо в Рим, чтобы представить Св. Отцу доклад обо всем, что он делал, видел и слышал. Но вместо этого для него опять начался ряд новых мытарств.

Через несколько дней после приезда митрополита Андрея в Стокгольм, Суворинская газета «Вечернее Время» напечатала (15-7-1917) сообщение, проливавшее некоторый свет на характер опасений Временного Правительства и косвенно говорившее о том, что именно его беспокоило:

УКРАИНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОВЕТ В СТОКГОЛЬМЕ

Когда Львовский митрополит граф Шептицкий, разработавший план мятежа на Украине и отделения ее от России, покинул пределы нашего отечества, в Стокгольме он был горячо приветствуем украинцами. Известно ли нашему Министерству Иностранных Дел, какое

¹³ Покидая Петроград, митрополит не мог взять с собою архив. Он оставил этот огромный ящик с бумагами на хранении в Академии Наук. Впоследствии, по мирному договору с Польшей, советское правительство возвратило архив. Спустя четырнадцать лет он водворился обратно на своем старом месте. На конверте с письмами о. Леонида из Каменецкого монастыря митрополит Андрей сделал своей рукой пометку: «Архив был выдан Советами в 1928 году Д-ру Свенцинскому, а мне возвращен в январе 29 г., несколько листов из них и много других пропало».

совещание украинских деятелей происходило в присутствии графа Шептицкого и почему на этом совещании присутствовал прибывший встретить митрополита барон Гн-нен? По сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, совещание было устроено украинским революционным комитетом. На совещании была произнесена речь, в которой граф Шептицкий был назван «творцом украинского активизма». После встречи в Стокгольме митрополит удостоился «высокомилостивого» приема и долгой беседы у императора Вильгельма II.

Посылая вырезку из «Вечернего Времени» с этим сообщением, о. Леонид написал митрополиту Андрею (17-7-17):

«Эта подлая газета вместе с «Новым временем» начинает клеветать на Вас, не стесняясь ничем. Так как Вы запретили писать что-либо в Вашу защиту, то мы молчим и терзаемся... Конечно, ни одна порядочная газета не перепечатала этих мерзостей».

Клевета клеветой, но следует все же заметить, что в Стокгольме действительно был тогда *украинский комитет*. Находился он именно там потому, что Стокгольм, во время войны 1914-1918 г., был одним из главных центров германской пропаганды. Германия признала тогда Украину и покровительствовала лицам, работавшим в этом комитете, умело пользуясь для своих целей влиянием, которое она на них оказывала. Все эти лица были прекрасно известны митрополиту Андрею. Они посетили его в Стокгольме, и он принял их у себя. Это было вполне естественно, так как все они были его соотечественниками, хотя он сам являлся подданным страны, воевавшей против России, Франции и Англии. Однако из этого отнюдь не следует, что митрополит Андрей после свидания с ними, стал на скользкий политический путь, который ему здесь, может быть, открывался, если бы он захотел перестать быть тем, чем он был и остался. Любовь владыки Андрея к дорогим и родным ему галичанам отнюдь не приняла после свидания с представителями «украинского революционного комитета» того характера, какой не замедлили приписать ей агенты держав согласия, тоже не дремавшие в Стокгольме. Отголоском их донесений о состоявшемся свидании и явилась инспирированная заметка в газете Бориса Суворина, подержанная роственным ей, тоже Суворинским «Новым Временем». Сообщение о приеме у императора Вильгельма является, конечно, чистейшим вымыслом. Митрополит Андрей направился из Стокгольма прямо в Швейцарию и проехал, не останавливаясь нигде, Данию и Германию. Другого пути, ведущего в Рим во время войны, у него, как австрийского подданного, тогда не было.

* * *

Вскоре после переворота, еще в марте месяце, Временное Правительство образовало комиссию для выработки нового положения католической Церкви в России. Она начала свои работы в апреле под председательством правительственного комиссара иностранных исповеданий проф. Котляревского. В работах принимал участие и сам премьер Г. Е. Львов. Представителем польско-латинской группы католиков был епископ Цепляк с рядом сотрудников. После легализации русского экзархата, правительство немедленно пригласило о. Леонида быть в комиссии представителем католиков восточного обряда. «Мы все, конечно, благодарим Котляревского за его честную благородную поддержку», — написал о. Леонид митрополиту Андрею в первом же письме после его отъезда из России.

Сношения русских католиков с Временным Правительством до самого октябрьского переворота были прекрасно налажены. Правда, немало затруднений доставляла та неопределенность, в которой продолжал находиться экзархат. Правительство, через Котляревского, не раз официально запрашивало о. Леонида, скоро ли он будет утвержден в должности экзарха. Хотя он и отговаривался тем, что поездка митрополита Андрея в Рим не могла состояться, но все же, это ставило о. Леонида в неловкое положение. Поэтому перед самой октябрьской революцией, он написал митрополиту Андрею (8-10-1917):

«Необходимо как можно скорее провести дело о моем утверждении Римом... Дело в том, что Министерство Исповеданий начинает недоумевать, почему так долго нет ничего из Рима? Почему Рим не выражает желания видеть меня на посту экзарха? Я отвечал, что Вы, к сожалению, не были допущены в Италию и не могли лично представить Папе нашего дела.¹⁴ Все-таки необходимо поторопить Рим, так как отношение к нам и лично ко мне Правительства очень хорошее, да и дело развивается сильно».

¹⁴ В Швейцарии куда прибыл митрополит Андрей, чтобы получить там у итальянских властей разрешение на поездку в Рим, находились уже представители Украины. Ожидая решения, митрополит посетил ряд швейцарских городов по приглашению своих соотечественников, знавших об его освобождении из русского плена. Эти поездки показались агентам держав Согласия подозрительными, и они установили наблюдение за митрополитом Андреем.

Так как итальянские власти задерживали выдачу просимого разрешения, владыка Андрей поселился в бенедиктинском монастыре Einsiedeln и здесь (в августе 1917 г.) занялся составлением памятных записок, которые намеревался представить лично Св. Отцу. В одной из них он изложил свои взгляды на возможность воссоеди-

Благодаря всему этому, о. Леониду удалось добиться признания за экзархатом права на жалованье и на церковь в Петрограде. Жалованье было положено в размере высших окладов правительственного духовенства: о. Экзарху — 4000 руб. в год, женатым священникам — 1500, неженатым — 1200, псаломщикам — 350. Правительство склонялось отдать под церковь второй этаж величественного здания на углу Екатерининского канала и Итальянской улицы (бывший Иезуитский дом), недалеко от церкви св. Екатерины. Министр исповеданий А. В. Карташев взялся лично хлопотать об этом, так как дом принадлежал бывшему Придворному Ведомству. К 23 октября (ст. ст.) смета жалованья прошла уже через Министерство Исповеданий, финансов и контроля, и была таким образом обеспечена.

« Мы думали, — написал в одном из следующих писем о. Леонид, — что вздохнем свободно, но 25 октября все полетело вверх дном, и мы остались при разбитом корыте. Слава Богу за все! С большевиками, конечно, ни в какие сношения не вступаю ».

нения России с Римом и на путь, который следовало избрать для достижения этой цели. В связи с этим, в другой записке, митрополит Андрей развил мысль о желательности образования ветвей восточного обряда в западных монашеских орденах.

Между тем, Итальянское правительство медлило с ответом. Отказать совсем митрополиту Андрею, конечно, было нельзя, так как поездки в Рим разрешались не раз во время войны немецким и австрийским иерархам. Тем не менее, на повторные просьбы митрополита пришло сообщение, что при существующем положении итальянское правительство не может отвечать за последствия, какие имело бы признание митрополита Андрея на территорию одной из держав Согласия. Намек на то, что итальянское правительство интернирует митрополита Андрея, был выражен достаточно ясно, очевидно и здесь делала свое дело легенда, созданная вокруг имени митрополита Шептицкого. Естественно, что перспектива быть снова интернированным мало улыбалась владыке и ему пришлось временно отказаться от поездки в Рим. Из Швейцарии он поехал в Львов. Вследствие этого вопрос об утверждении экзархата оставался открытым до 1921 г., когда представилась, наконец, возможность сделать личный доклад Св. Отцу. Последнее было совершенно необходимо, так как митрополит Андрей действовал на основании тайных полномочий Папы св. Пия X. Прежде чем утвердить решения, принятые в России на основании их, весь этот вопрос пришлось заново рассмотреть в Ватикане.

ГЛАВА II

« ВЫШЕЛ СЯТЕЛЬ СЯТЬ »

Русская католическая Церковь после большевицкой революции. - Тяжелое материальное положение духовенства восточного обряда. - Распределение наличных священников. - О. Евстафий Сусалев - шпион и предатель. - Благожелательное отношение митрополита Эдуарда Роппа к русским католикам и неблагоприятное - некоторых представителей польского духовенства. - Вопрос о возглавлении русского экзархата епископом. - Духовное одиночество о. Леонида. - Развитие и рост его миссии несмотря на внешние трудности. - Отклики православных. - « Слово Истины » в новых условиях. - Общественное движение в пользу церковного единства.

« Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный »¹ — сказал своему народу тот, к кому в самые страшные годы русского лихолетия, по его же предсказанию, никогда не заростёт « народная тропа ».

« Неужели мы только взбунтовавшиеся рабы? » — воскликнул А. Ф. Керенский в те дни, когда накипь бушевавшей черни уже явно угрожала выступить из демократического русла, в котором он тщетно силился ее удержать.

« Делается у нас что-то невообразимое. Шляются по улицам растегнутые и сытые до мерзости солдаты, все говорят о политике. Глухость стоном стоит в воздухе. Вот уж по словам Алексея Толстого: « Как люди гадки: начнет, как Бог, а кончит как свинья ». Так писала Н. С. Ушакова в своем последнем письме к княжне М. М. Волконской.

« Никто не выдержал экзамена. Царь смотрел из рук Распутина, генералы изменяли. Церковь молчала и кадила всякой дряни. Купцы наживаются на голоде. Солдаты, подлые трусы, бегут с фронта, зверствуют, грабят и покрывают себя неувядаемым позором. Крестьяне грабят помещиков и своим же братьям не дают хлеба в армию. Одним словом, никто долга не хочет исполнять... »

« Все мое страдание происходит от того, что я презираю всем существом эту Россию, которую так люблю... »

« Что нам дала революция, так это освобождение Церкви... ».

Увы, экзарх Федоров был ближе к истине, когда через-два три

¹ Пушкин: « Капитанская дочка », глава XIII.

месяца после этого написал владыке Андрею: « Все полетело вверх дном, и мы остались при разбитом корыте. Слава Богу за все »

Дальнейшего же он, как и никто тогда, не мог, конечно, предвидеть. « *Зверь из бездны* » успел показать свой страшный лик, но движения его были еще связаны, а поступь — медленной, словно и само он был вынужден озираться, не зная как обернется задуманное им богомерзкое предприятие. Кто не хотел видеть его страшный облик, тот мог до поры до времени закрывать глаза, укрываясь в случайном убежище.

Русская католическая Церковь могла тоже продолжать пока свою жизнь, звериный « октябрь » не сразу ударил по ней. Затруднения ее и испытания были сначала большей частью внешнего характера. Экзарх мужественно боролся с грозной стихией, не сдавал позиций. Был полон мыслей и планов. Надеялся на лучшее будущее. Ждал обещанного приезда о. Климента Шептицкого. Просил владыку Андрея прислать с ним побольше денег, чтобы как - нибудь сводить концы с концами. Сам собирался ехать в Рим для доклада.

Остро встал тогда вопрос о хлебе насущном. Вот ряд отрывков из донесений экзарха митрополиту Андрею в конце 1917 и в начале 1918 года:

« Каждый день десятки людей падают от истощения на улицах и умирают голодной смертью. Царствуют голодный тиф и сыпной. Нищета доходит до крайних пределов. Интеллигенция продает с себя все. Масса антикварных вещей продается за бесценок ».

« Дороговизна сказочная, легендарная. В особенности тяжело будет 1 сентября (1918 г.), когда придется вносить 1000 рублей за Бармалевскую церковь ».

« Дело миссии тормозится ужасающей обстановкой, в которой мы живем, полная анархия, грубейший произвол « властей », голод, грабеж наглый и открытый и полное отсутствие какой бы то ни было карающей за преступления руки — создает отчаянный тупик, из которого нет выхода. Никто из нас не знает: будет ли он сегодня жив или нет? Кто выходит на улицу вечером, должен быть готовым к грабежу или смерти, а то и к тому и другому. Каждую минуту кто угодно может быть арестован, посажен в тюрьму и ограблен. Жаловаться некому, так как « буржуи » вне закона. Теперь подымается анархическая волна, которая, может быть, сметет большевиков, и тогда нам будет еще хуже ».

« Положение миссии в Петрограде очень плохое. Над городом висит призрак голодной смерти, люди мрут, как мухи, а ко всему этому массовый красный террор... От голодной смерти и нежелания попасть

в число кандидатов на расстрел, люди бегут из Петрограда куда попало и наша северная Пальмира становится пустыней».

« Все новообращенные спешат, как можно скорее, уехать куда-нибудь в другое место, лишь бы избежать необходимости пухнуть от голода. Цены дошли до легендарных размеров... люди падают на улице от истощения... Дальше уже кажется идти некуда... Я знаю два случая, когда интеллигентные девушки продали свою честь за фунт хлеба... ».

« Средства на пропитание священников и на церковь получаю только из организованного мною совместно с епископом Цепляком сбора на нужды Унии. До сих пор собрано 15.969 руб. (из них 5000 пожертвованы княгиней Радзивилл). Сумма не малая, но при неимоверной дороговизне жизни едва ли хватит до весны. Положение духовенства очень тяжелое, приходилось голодать ».

Общая разруха, конечно, особенно больно отозвалась на католическом духовенстве восточного обряда, материально менее всего обеспеченном. Сравнительно сносно было в то время самому о. Леониду и о. Алексею, жившим при церкви св. Екатерины, и о. Трофиму, которого удалось устроить при Выборгском кладбище. В особенно « отчаянном » (по выражению о. Леонида) положении оказались отцы Глеб и Диодор; им приходилось голодать в буквальном смысле слова. После Рождества 1917 г. их положение несколько улучшилось благодаря сборам. У о. Леонида явилась была надежда, что с собранными суммами можно будет начать правильную миссионерскую работу, избежать голодовки и поддерживать церковь хотя бы в течение года. Тем не менее, уже летом 1918 г., он был вынужден предоставить своим священникам возможность делать что угодно, освободив их от несения каких-либо церковных обязанностей. Очень тяжелым оставалось по-прежнему положение о. Диодора.

* * *

К этому времени, о. Леонид охарактеризовал подчиненных ему русских священников следующим образом:

а) « О. Алексей продолжает, конечно, служить попрежнему, но я его не беспокою. Подчиняется во всем остальном охотно и никаких каверз не строит, даже иногда выступает в мою защиту ». « Старик ведет себя тихо, спокойно и покорно ».

б) Первое время, после установления экзархата, о. Иоанн Дейбнер тоже притих и стал относиться к экзарху « вполне дружелюбно, спрашивая во всем совета ». « Вообще, подозрительное настроение,

кажется, прошло вполне ». Однако, с течением времени, невозможные условия жизни стали сказываться на о. Дейбнере очень заметно, усиливали все больше его нервность и раздражительность, вследствие чего « несурзности и дикие выходки » тоже возросли соответственно. « Пастырские собрания протекают только тогда спокойно, когда на них нет о. Иоанна; с его появлением создается атмосфера крупного скандала, разряжающаяся иногда безобразными выходками ». (Последнее замечание относится к осени 1918 г.) О. Леонид даже предупредил митрополита Андрея, что « когда все войдет в норму, и работа миссии сделается планомерной », он будет вынужден уволить о. Иоанна с места настоятеля Святодуховской церкви (на Бармалеевой улице), так как, — говорит о. Леонид, — « по совести, не могу позволить одному психически ненормальному человеку портить дело миссии ».

в) « О. Глеб, как систематический работник, никуда не годен, а кроме того болезненно подозрителен. Никак нельзя выбить из него аристократизма. Единственная польза от него в том, что умеет заводить знакомства и привлекать людей, хотя и тут нет достаточной выдержки. Его может увлечь только та работа, которая ему нравится или какое-нибудь оригинальное и выходящее из ряда вон дело ». Местом его постоянной службы осталась Мальтийская церковь. « Однако, — продолжает экзарх, — деятельность его ограничивается шатанием по аристократам и болтовней, при чем он искренне уверен, что работает. Он может быть хорошим монахом, давать реколлекции (т. е. короткие духовные упражнения), исповедовать, разъезжать по разным местам с легкими поручениями, но больше ничего ».

г) « В о. Диодоре тот же недостаток и, кроме того, слабость воли (вполне поддается влиянию о. Глеба). Но все это выкупается богатейшими способностями и добрым сердцем. Есть также и истинно апостольский дух. Оба, как Глеб, так и Диодор, нуждаются в укреплении нервов, строгом надзоре и воспитании, чего здесь получить не могут ». Работал о. Диодор в Лигове (под Петроградом), служил в Лиговской церкви; проповедовал по-русски и по-польски; ему отделили особый престол с дарохранительницей. Между ним и настоятелем о. Петкевичем произошло было недоразумение, но потом все быстро уладилось. Православные живо заинтересовались его службой и сами добровольно составили хор. Миссия в Лигове стала успешно развиваться. О. Диодор нашел для себя подходящее дело и освободился в значительной мере от влияния о. Глеба.

д) О. Трофим служил на Выборгском кладбище панихиды, заупокойные обедни и погребал усопших, главным образом тех, которые происходили от смешанных браков, иногда и латинян, но всех по вос-

точному обряду. О. Леонид говорит об этом священнике совсем откровенно: « С о. Трофимом плохо. Сказывается цыганская, бродяжническая жизнь, соединенная с удивительным легкомыслием и оригинальностью ». Скрытое недовольство экзархом прорвалось у него однажды « так грубо и дерзко, что пришлось прибегнуть к суровой мере наказания. Но к счастью, на другой день он смирился и был прощен ».

О. Трофим, так же, как о. Глеб и о. Диодор, был склонен смотреть на экзарха, как « на старшего товарища », т. е. с « обычным русским разгильдяйством ». О. Леониду пришлось однажды, на священническом собрании, « сурово напомнить о своем начальничестве », хотя это — по его признанию — и « стоило ему ужасных мук ».

е) О. Владимира Абрикосова экзарх сделал благочинным Москвы и Московской губернии. О нем он говорит, что о. Владимир « делается настоящим восточным священником, с привкусом старообрядчества. Обращения непрерывные, дисциплина в приходе образцовая ».

ж) У о. Евстафия дела шли сначала как-будто недурно. Вдруг, как гром среди ясного неба, открылась его провокаторская деятельность. О. Леонид, разбирая бумаги, спасенные из « охранки » и находившиеся вместе с архивом митрополита Андрея в Академии Наук, нашел среди них папку « Дело священника Сусалева », где он значился, как соглядатай Охранного Отделения при русских католиках. О. Леонида тяжело потрясла эта печальная новость. Предоставленные ему для просмотра документы из Департамента Духовных Дел подтвердили, что действительно « Сусалев шпион и провокатор ». « Он доносил на нас царскому правительству с 1911 года и следил за каждым нашим шагом ». Так резюмировал о. Леонид сделанное им открытие. В июне или июле 1918 г. он написал митрополиту Андрею под непосредственным впечатлением:

« Молитесь, молитесь, дорогой Владыко, за нас несчастных! Мы сгнили, как подмоченная резина, и смердим, как труп. Благодарю Создателя, что Он карает нас еще слишком мало ».

Повидимому, « Дело священника Сусалева » изучил только экзарх. Осенью 1918 г. он выразил владыке Андрею надежду, что им получено « письмо с подробным описанием предательской и провокаторской деятельности о. Евстафия Сусалева ». Между тем, в архиве митрополита этого письма не оказалось, и никакого следа где-либо об этих подробностях не осталось. По всей вероятности, это письмо до него не дошло. Вследствие этого, известно лишь последствие сделанного о. Леонидом открытия — вынужденный уход о. Евстафия из состава русской католической миссии.

« Теперь он запрещен мною в священнослужении навсегда, как

клятвопреступник. К сожалению, он до сих пор не постигает ужаса своих поступков и еще не покаялся », — написал о нем о. Леонид своему другу Борису Кропшу (19-8-18).

1-8-1921 он же написал митрополиту Андрею:

« Сусалев ушел обратно в старообрядчество », « не найдя ни в Москве ни в Риме подлинного благочестия ». « Туда и дорога преступному негодяю ».

По сведениям о. Алексея Зерчанинова, (о чем имеется указание в одном из его писем), в 1922 году Евстафий Сусалев состоял уже на советской службе.

* * *

Приведенные выше данные о священниках восточного обряда ясно говорят о неотложной задаче, стоявшей перед экзархом, — пополнении кадра духовенства. В нормальных условиях этот вопрос, несомненно, мог быть решен вполне удовлетворительно. Кандидаты были и в Петербурге и в Москве. Одними из первых заявили о себе два человека, оба — вполне интеллигентные, с законченным средним образованием: один (Довгялло) — обрусевший литвин, другой (Позняк) — из бывших униатов, ревностный сторонник « нашего дела ».

По ходатайству экзарха, митрополит Ропп посвятил трех диаконов: Николая Леонтиевича Волинца-Долю, Августина Августиновича Студницкого-Гизберта и Николая Львовича Траге. (О состоявшемся посвящении о. Леонид уведомил владыку Андрея 11-5-18). Последний из них, Траге, сделался по словам о. Леонида, особенно аккуратным и трудолюбивым работником. Имея согласие митрополита Андрея, экзарх подготавливал его к рукоположению в священники, надеясь приобрести в его лице хорошего секретаря.

« Но Господь судил иначе. Да будет Его святая воля! ». « Вечная память дорогому собрату, не выдержавшему адских условий ».

Через несколько месяцев после посвящения в диаконы, Траге « умер от голода и простуды (голодный тиф). Хорошая пища и спокойная жизнь, конечно, восстановили бы его силы, но этого не было; жизненные условия стали невозможными ».

* * *

В начале 1918 года, по инициативе Ивана Михайловича Лысковского,² экзарху удалось образовать « РУССКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ

² Действительный статский советник И. М. Лысковский служил до революции в различных пароходных обществах. Снискал себе глубокое уважение среди сослуживцев.

БРАТСТВО ИМЕНИ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА », объединившее в своем составе, как католиков восточного обряда, так и тех из латинского, которые желали помогать русской миссии. Братство ставило себе целью укреплять в русских католиках религиозно-нравственное просвещение, а также помогать церквам восточного обряда, способствуя совершению в них богослужения (постройка церквей, забота об их благолепии, содержание храмов, организация хоров). Собрания братства происходили два раза в месяц в актовом зале гимназии св. Екатерины, том самом, где заседал русский собор. Начинались они молебном св. Иоанну Златоусту, после которого следовала лекция апологетического, церковно - исторического или литургического характера. Девиз братства был: « Слава Богу за все! » Три раза в году (14 сентября, 13 ноября и 27 января) было обязательное Причащение всех членов братства, а также - на Рождество, Пасху и Пятидесятницу. В субботу вечером, в воскресенье утром и вечером, члены братства читали молитву варнавита Шувалова ³ о соединении Церквей. Все принимали на

живцев и в обществе; имел большие связи также и в правительственных кругах. Католик-белорусс, но совсем обрусевший, он был человек большого ума, с громадным опытом, прекрасный советник во всех делах, касавшихся сношений с правительством. Ему было тогда уже 77 лет, но держался он еще бодро. До революции был очень богат, но, как жертвователь весьма экономен. Одно время находился в числе самых ярых сторонников о. Алексея. О. Леонид знал его еще раньше, со времени своих поездок в Петербург.

³ Граф Григорий Петрович Шувалов родился 25-10-1804 в Петербурге. Воспитывался сначала в Петербургском иезуитском коллеже, потом в Швейцарии и закончил образование в университете в Пизе. Вернувшись в Россию, стал гвардейским гусаром. После женитьбы на кн. Софии Салтыковой, оставил военную службу и уехал за границу. Жил главным образом в Италии и во Франции. Жена Шувалова перешла в католичество в Венеции в 1840 году и в следующем - умерла, потеряв незадолго перед тем единственного сына. Смерть сына, а потом - жены оказала сильное влияние на Шувалова; из человека равнодушного к религии он стал верующим и тоже перешел в католичество. В 1856 г. Шувалов решил вступить в орден варнавитов (основанный в 1530 г. с целью бороться с нравственным упадком и проповедью способствовать духовному подъему клира и нравственному возрождению мирян) и в январе следующего года начал у них новициат в Монце, приняв монашеское имя Августина-Марии. Став монахом, прежде чем принести обеты, распорядился своим состоянием; на его средства в Париже должен был быть построен коллеж для подготовки миссионеров, посвящавших себя работе в России. Вскоре после принесения обетов, был принят Папой Пием IX, которому изложил свои мысли и выразил готовность отдать жизнь за обращение родины. После рукоположения в священники был послан в Париж по делам будущего коллежа. В 1859 г. вышла из печати написанная им повесть о своем обращении и призвании (« *Ma conversion et ma vocation* »); второе издание книги последовало в 1864 г. Шувалова занимала мысль основать большую молитвенную ассоциацию, чтобы вымолить соединение России с Римом.

себя обязанность содействовать соединению Церквей всеми доступными средствами.

Братство просуществовало пять лет. В то время как « Общество поборников воссоединения Церквей » замерло в Петербурге, главным образом вследствие тяжелых условий жизни, братство св. Иоанна Златоуста, несмотря на это, непрерывно росло и пополнялось новыми членами в самом Петрограде. Аресты их начались в 1923 г. Пострадали от советской власти все поголовно, одни раньше, другие позже.

* * *

Несмотря на совершенно ненормальные условия экзарх находил все же возможность сноситься довольно регулярно со своим иерархическим начальником, пользуясь, конечно, разными обходными путями, нередко через иностранные посольства и миссии. Все это по советским понятиям считалось чуть ли не государственным преступлением. С местным латинским митрополитом, Эдуардом Роппом у него установились самые лучшие отношения. О нем о. Леонид написал владыке Андрею в одном из своих первых писем после занятия большевиками власти:

« Он знает и понимает великолепно наше дело. Его старания обратить на нас внимание настолько энергичны, что поляки начинают поговаривать о том, что Ропп занимается не своим делом ».

После отъезда из Петрограда о. Лозинского, митрополит Ропп предложил экзарху занять освободившееся место первого настоятеля Мальтийской церкви, чтобы иметь возможность совершать там праздничные богослужения и иметь хорошую квартиру. Для латинян оставались бы при этой церкви еще два капеллана. Как ни могло казаться тогда заманчивым подобное предложение, о. Леонид все же не решился перенести свою « кафедру » в Мальтийскую церковь, главным образом потому, что в ней нельзя было поставить иконостаса. Более заманчивым казалось получить, согласно обещанию митрополита Роппа, в полное пользование ораториум — часовню при церкви св. Екатерины и поставить там хоть маленький иконостас, чтобы придать церковным службам чисто восточный характер.

Впредь до установления правильных сношений с Римом, о. Леонид выработал с митрополитом Роппом временное соглашение по обрядовым вопросам. В основу его был положен принцип — уничтожить обрядовые перегородки, разделявшие до сих пор верующих, пре-

Исполниться его планам не было суждено. Он умер 2 апреля 1859 г., через несколько недель после выхода его повести из печати.

КРЕСТНЫЙ ХОД В ПЕТРОГРАДЕ В ПРАЗДНИК « БОЖЬЕГО ТЕЛА »
30 МАЯ 1918 Г.

(Снимок сделан на Невском проспекте около Пассажа)

За хоругвью с изображением св. Николая идут: о. Глеб Верховский, о. Трофим Семяцкий, о. Алексей Зерчанинов.

За хоругвью с изображением Крещения Господня - о. Диодор Колпинский (в тени), о. Евстафий Сусалев, о. экзарх Леонид Федоров (в митре).

30 мая 1918 г., в праздник Тела Господня, в Петербурге состоялась торжественная процессия. Она была последней, которую допустило советское правительство. Пройдя главными улицами, по Невскому и Литейной, процессия вышла на Выборгское кладбище. Здесь уже несколько дней покоилось тело недавно умершей Наталии Сергеевны Ушаковой. Кроме латинского духовенства, в процессии принимали участие все священники восточного обряда во главе с экзархом. Митрополит Ропп нес св. Дары в монстранции, усыпанной бриллиантами. Братство св. Иоанна Златоуста шло с четырьмя хоругвями, как отдельная конгрегация. Много православных примкнуло по дороге к группе русских католиков. На измученное население Петрограда эта процессия произвела сильное впечатление. Очевидцы-католики, назвавшие Пасхальную Заутреню 1917 г. своим « Преображением », сравнили ее со « Входом Господним в Иерусалим », после которого для них началась Голгофа со всеми крестными муками. На Выборгском кладбище о. экзарх отслужил литургию в сослужении отцов Иоанна и Трофима и двух диаконов. Молящихся было около 2000 человек, среди них много православных.

доставив им возможность, по своему желанию, принимать участие, как в богослужении по латинскому обряду, так и по восточному, обязав их отправлять в своем обряде только некоторые таинства, как Крещение, Миропомазание, Священство и говение на Пасху.

Конечно, подобное соглашение могло носить только временный и даже частный характер благодаря отношениям, которые связывали еще тогда митрополита Роппа с экзархом. Слабым местом католиков восточного обряда являлось то, что булла «*Orientalium dignitas*», на которой главным образом основывалось это соглашение, была утверждена для России Папой св. Пием X не официально, а посредством тайных полномочий, данных им в свое время митрополиту Андрею. У о. Леонида осталась копия полномочия; копию с этой копии он удостоверял своей подписью и печатью, но московский декан о. Зелинский был первым, который заявил, что этого слишком мало. Кроме того, он истолковал буллу в неблагоприятном для русских смысле, доказывая, что она дает право всякому, при переходе в католичество выбирать обряд по своему усмотрению. Ксендз Чаевский утверждал, что булла не запрещает переводить в латинский обряд православных при их обращении, а лишь обратившихся раньше, другими словами, что она возбраняет переводить только восточных католиков в латинский обряд. Спорить об этом и что-либо доказывать было бесполезно, так как, по словам экзарха, такое толкование носило у декана Зелинского явно предвзятый характер. Зелинский не скрывал своего убеждения, что восточный обряд - только неизбежное зло и впоследствии должен замениться латинским. С его точки зрения, являлось нежелательным, чтобы русские католики-латиняне причащались и присутствовали на богослужениях в церквях восточного обряда, даже соединенных с Римом.

«Повторяется история Брестской Унии, - восклицает о. Леонид в письме к митрополиту Андрею; себе Зелинский оставляет интеллигенцию и прямо сбивает их к переходу в латинский обряд, а к о. Владимиру посылает «холопов». Такой же дух (хотя в меньших размерах) обнаруживают в Петрограде: Кавинский, Яндржеевский (монах-паулин) и, конечно, Чаевский. В более скрытой форме обнаруживается он у Мацевича».

Поэтому о. Леонид умолял митрополита Андрея о том, чтобы булла «*Orientalium dignitas*» была не только утверждена для России, но и «объяснена в самом благоприятном для нее смысле».

* * *

Митрополит Ропп, хорошо понимавший тогда положение русской католической миссии, видел так же ясно и другое ее слабое место, а именно, что она не возглавляется епископом. В этом была несомненно одна из причин, почему экзарх не имел достаточного авторитета среди подчиненного ему духовенства. По своему характеру и церковному воспитанию, русские священники были недостаточно дисциплинированы, а личный авторитет о. Леонида им говорил мало в этом смысле, они его плохо понимали. Надо думать, что это было достаточно ясно и самому о. Леониду. Тем не менее, сознание необходимости иметь во главе русской миссии епископа не приближало его нисколько к тому простому решению, какое имел в виду митрополит Андрей и какое казалось вполне естественным митрополиту Роппу. Последний - да и не он только один! - намеревался поддержать кандидатуру в епископы о. Леонида, ибо это казалось тогда действительно необходимым. И правда, можно ли было считать нормальным, что экзарх запрашивал согласия митрополита Андрея на посвящение диаконов, называя ему имена совершенно незнакомых людей, а потом, ссылаясь на его разрешение, просил латинского митрополита посвятить их для служения в восточном обряде? Естественно, что от этого не мог не умаляться престиж экзарха даже в глазах посвящаемых; одновременно с этим усиливалось значение латинской иерархии, которую без всякой нужды вмешивали в русские дела, ставя себя в зависимое от нее положение. Что должны были отвечать русские католики православным на их вполне естественный вопрос: « А какой епископ вас возглавляет? » Приходилось говорить, что русские католики не имеют епископа. - « А почему? Разве Рим не дает? » - « Нет, это наш экзарх не хочет быть епископом, считает себя недостойным, неспособным к епископскому служению... » Все это усложняло положение экзарха и не создавало благоприятной почвы для развития дела, за которое о. Леонид был готов отдать свою жизнь и пролить свою кровь. Здесь как-то накапливался ряд противоречий и недоразумений, начинающих тяготеть над судьбой экзархата.

Поэтому обратимся к самому о. Леониду и послушаем, как он выражал свои мысли митрополиту Андрею, чтобы объяснить свое нежелание быть посвященным в епископы. О. Леонид выставлял два довода:

1) Разростается большое церковно-научное движение, требующее от представителя русской католической церкви ума, смелости, решительности и в особенности умения привлекать людей. О себе же о. Леонид искренне думал, что он ... не обладает этими качествами! По его словам, « нужен человек с широким кругозором, чего у меня нет ».

2) Главным же образом нужен « свежий » человек, даже, если он не будет отличаться вышеупомянутыми качествами.

« Несмотря на то, что мне удалось соединить всех, атмосфера осталась все же насыщенной. Духовенство мне не доверяет; достаточно малейшего неосторожного шага или даже слова, чтобы вызвать позорение. Меня находят холодным (может быть так оно и есть) и « депотичным ». Последнее объясняется желанием внушить всем аккуратность и « *gravitas sacerdotalis* » (сознание достоинства священнического сана) ».

« Это вопрос очень серьезный », - подчеркивает в заключение о. Леонид, повторяя: « Нужен человек свежий, ни с кем не связанный ни услугами, ни идеями, ни дружбой ».

Свое положение среди окружающих он резюмировал словами: « Единственный человек мне вполне преданный - это о. Владимир ». Кратко, но ярко он выразил этим то духовное одиночество, в котором томился на своем посту, без всякой вины, и за которое сам же был склонен себя обвинять. И что меняло в его положении присутствие в Москве единственного, пусть даже и очень преданного, человека (которого к тому же он вскоре лишился) перед наличием той огромной задачи, которая с каждым днем росла и усложнялась, настоятельно требуя новых людей?

Все это было совершенно ясно митрополиту Андрею. Зная всех, окружавших экзарха, он, конечно, не мог не предвидеть его затруднений. Необходимый начальнический авторитет и поддерживающее его умение держать себя на некотором отдалении от окружающих, не могли образоваться сами собой после многих лет общей борьбы и унижений в годы преследования, которому все совместно подвергались при царском правительстве. Ненормальные условия церковной жизни не могли правильно воспитать этих, в конце концов, случайных сотрудников, если не просто спутников о. Леонида, и подготовить их к нормальной апостольской работе подобно тому, как сам он в течении десятка лет учения и нормальной работы на Западе мог воспитаться и подготовиться к своей миссии. Если в лице о. Леонида перед нами выступает подлинный избранник, отмеченный особой печатью свыше, то у иных его соратников на ниве Христовой не хватало даже простого чутья, чтобы почувствовать это.

Несомненно, епископский сан способствовал бы начальническому авторитету о. Леонида, и владыка Андрей сделал все, чтобы убедить его в этом. Потерпев неудачу, он положился в дальнейшем на волю Божию. Только впоследствии ему открылось, что русский экзархат, канонически так правильно задуманный, должен был стать личной

миссией о. Леонида, одинокого, всеми оставленного, силы которого буквально таяли от изнеможения и мучения под тяжестью ноши. Теперь она едва обозначилась, и одиночество только слабо наметилось...

О. Леонид не замедлил смириться, принять вину на себя. Попросил назначить другого, хотя бы просто *свежего* человека, если уж нельзя было найти обладавшего нужными качествами. О. Леонид понимал свое затруднение в этом случае; но он твердо знал, что тем не менее поспешит на помощь новоназначенному, что тот не пожалуется на свое одиночество... Правда, в письме к митрополиту Андрею, он об этом умолчал, но владыка знал своего духовного сына, был твердо уверен, что может всегда и во всем на него положиться.

О. Леонид не был призван к епископской власти, и бремя ее нельзя было ему навязывать. Убеждение в этом было сильнее всех объяснений, доказательств, которыми он думал убедить митрополита Андрея, все видевшего, все понимавшего, всех любившего и за все и всех много страдавшего.

« Вся надежда на Ваши святые молитвы. Не оставляйте - крайне тяжело! » (11-5-1918).

« Безмерную радость доставило мне Ваше письмо! Значит Вы все-таки живы, иными словами - я стою на твердом камне и, как глубоко убежден, чувствую силу Ваших молитв за себя и нашу церковь ». (июль 1918).

Таков фон, на котором завязалась трагедия одинокой души, призванной Богом.

* * *

Поступь *зверя из бездны* была все еще медленной; озираясь, он собирался с силами, набирал себе слуг, устраивал с ними свое сатанинское дело. Между тем, внешние трудности « отчаянного положения », которое водворилось в России, в конечном итоге были благотворны для русского католичества. Возможности же, которые то тут, то там открывались, заставляли неизменно страдать одинокого миссионера. Он мужественно разрывался на все стороны, стараясь сеять, сколько хватало сил. Но он был один, безнадежно один. Не было людей, некого было послать, куда надо, некому было поручить, что нужно... Всюду перед ним « вставал призрак голодной смерти; люди мрут, как мухи, а ко всему этому - массовый красный террор... ».

Несмотря на то, что: « обе церковные общины (Бармалеевская и св. Екатерины), уже осенью 1918 г. уменьшились на три четверти своего состава и скоро, пожалуй, совсем исчезнут, так как новообращенные спешат, как можно скорее уехать куда-нибудь в другое место,

лишь бы избежать необходимости пухнуть от голода, - по словам о. Леонида, - Господь дает непрерывный приток обращенных ».

« Несмотря на такое положение, дела миссии подвигаются ».

« Началось довольно серьезное унионистическое движение ».

« Обращения растут. Главный контингент, конечно, брачущиеся, но есть и присоединяющиеся по убеждению. Более всего отраднo, что уже удастся группировать вокруг себя тех, которые переходят по брачным делам. Таким образом увеличивается мещанский и крестьянский элемент. Литовцев и белоруссов, не знающих никакого языка, кроме русского, становится у нас все более и более ».

« Сношения со старообрядцами не прекращаются ».

« Я завел сношения с беспоповцами ».

« Познакомился также с представителями кружка христианской студенческой молодежи. Скоро меня пригласят на их собрания ».

« Придется ехать в Петрозаводск, Вологду и Архангельск, так как там образовались значительные кучки русских католиков, которые требуют своего священника. В особенности многочислен кружок в Петрозаводске (Олонецкой губернии) ».

« В Челябинске просят священника. Думаю послать о. Трофима ».

« В Ярославле латинским настоятелем теперь о. Михаил Рутковский. Он просит меня прислать какого-нибудь священника, обещая дать ему помещение и поделиться доходами. Но кого же можно послать? Только о. Трофима. Но ведь с о. Трофимом они через неделю разругаются, и « миссия » кончится... ».

« Сильное движение заметно в Вологде. Вся беда в том, что делателей мало ».

« На хуторе о. Алексея образовалось движение в пользу присоединения к Церкви. Тамошний латинский священник (для беженцев) зовет его туда. Конечно, с наступлением весны (1918), постараюсь отправить его туда, да и сам съезжу посмотреть и все устроить, теперь же нeмыслимо, так как проезд по железной дороге или невозможен или сопряжен с опасностью грабежа и убийства ».

« В Киеве обратился какой-то молодой человек Мецеринов (очевидно великоросс) и хочет составить содружество учащейся молодежи для работы на пользу соединения Церквей ».

« Господь посетил меня: скончалась матушка.⁴ В результате ее похорон обратилось целое семейство ».

⁴ В некрологе, написанном о. Иоанном Дейбнером (« Слово Истины » - № 64-65 за апрель-май 1918 г.) сказано о покойной:

« Л. Д. Федорова утасла тихо, как Божия свеча перед иконой, в весьма пре-

« Имеются три священника Патриаршей Церкви, готовые хоть сейчас перейти к нам, но все они обременены семьями; имеют много детей. Приходится пока утешать их и оставлять на местах ».

Таковы отдельные штрихи, заимствованные из писем о. Леонида за первую половину 1918 года.

* * *

В начале 1887 г. кн. Е. Г. Волконская задала Владимиру Соловьеву вопрос, какие меры должны быть приняты, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело соединения Церквей в России. Ответ Соловьева предусматривал простой и легкий план, состоявший всего из двух пунктов:

1) Отмена уголовных законов, карающих за переход из господствующего вероисповедания в другое;

2) Упразднение духовной цензуры, как принудительного учреждения.

При этом, по мнению Соловьева,

« Правительство не вышло бы из пределов своей компетенции, а напротив, употребило бы свою власть самым справедливым и благородным образом ».

« Это духовное освобождение России было бы гораздо важнее, а вместе с тем и несомненно легче, нежели материальное освобождение крестьян в 1861 году ».

« Пока этот справедливый и легкий шаг не сделан, никакого практического разговора о соединении Церквей быть не может ».

Первый пункт этого плана царская власть была вынуждена исполнить 17 апреля 1905 г., под давлением мятежей, охвативших Россию: свободу вероисповедания правительство утвердило в те дни, как принцип. Духовная же цензура сама собой как бы растаяла в лучах восшедшего и показавшегося на короткое время в России солнца свободы. Простой план Соловьева оказался исполненным, и таким образом, как казалось, мог начаться практический разговор о соединении Церквей.

клонном возрасте, как древние патриархи, насыщенная долгими годами. Все, кто знал эту незаурядную христианку, не могли не отметить в ней черты той крепкой и сильной женщины, о которой говорит Библия »... « Паралич разбил эту твердую духом женщину и приковал ее к одру болезни, дабы она сделалась истинной жертвой до конца, за наше святое дело, которому отдал жизнь и ее сын »... « Замечательно, что спокойствие и ясность духа не покидали ее даже тогда; она не только молилась и занималась духовным чтением, но продолжала, как могла, заниматься живописью, работая левой рукой, составляя молитвы Св. Сердцу Иисусову и т. д. Преставилась она под вечер 2/15 апреля 1918 г., тихо-тихо отойдя ко Господу. »

Действительно, для работы католиков в России открылись тогда широкие горизонты. Октябрьская революция сначала ей не мешала, занятая более насущными делами. А когда « звериный лик » революции показал себя открыто в безбожной пропаганде и глумлении над христианством, интерес к соединению Церквей у христиан мог только усилиться, ибо у них естественным образом явилось стремление к объединению христианских сил перед лицом грозившего им всем « зверя из бездны ».

Разговор о соединении начался на страницах « Слова Истины », существовавшего уже благодаря стараниям отцов Борена и Дейбнера. Конечно, разруха в стране и дороговизна коснулись и его. Журналу была необходима серьезная материальная поддержка, чтобы покрывать невероятно возросшие расходы на типографию. О. Леонид доставал деньги путем добровольных пожертвований, и « Слово Истины » выходило, пока большевики его не закрыли в августе 1918 г.⁵

« На поддержку « Слова Истины » пришлось дать 1000 рублей, - пишет о. Леонид, - да наверно придется дать еще столько же, так как типографские цены и бумага напоминают сказки из « Тысячи и одной ночи ». « Как ни скромны были по нужде размеры и внешность журнала, но пользу он мог принести для католического дела огромную. Это показало вскоре выступление на его страницах протоиерея Устиньского. В № 55-56 была помещена его статья « Основы для соединения », содержащая ясный и определенный призыв к единению, выраженный в форме условий, на котором оно могло бы состояться. В следующем номере экзарх ответил православному автору пространной статьей « Да будут все едино ». ⁶ Прямое и смелое выступление в печати протоиерея Устиньского обратило на себя внимание. В нем увидели нечто совсем новое и значительное, и многие с полным основанием спрашивали, куда это ведет. Московская Духовная Академия прислала письмо в редакцию, прося высылать ей журнал для студенческой библиотеки. Православный « Всероссийский Церковно-Общественный Вестник » (№№ 151, 158 и 162) напечатал ряд статей на ту же тему. В № 158, в статье « Великое искушение », проф. С. Троицкий поспешил подчеркнуть опасность (?!) нового движения, указав, что « важен и знаменателен самый факт опубликования подобного явно безнадежного проекта православным священником в униатском журнале ». Комменти-

Похоронили Л. Д. Федорову в Петрограде на Митрофаньевском кладбище. Чин погребения совершал о. Леонид соборне с другими священниками.

⁵ Всего было выпущено 68 номеров, из которых некоторые были двойные.

⁶ Текст этой статьи помещен полностью в приложении 5.

руя ответ экзарха протоиерею Устиньскому, проф. Троицкий предостерегает православных от «искушения». В статье «Соединение Церквей», напечатанной в № 162 того же журнала содержится указание, что теперь действует не только «римская пропаганда», но что и «у нас есть церковное течение, положительно дружественное Риму, которое не только признает постановку вопроса о соединении Церквей благовременной, но и склоняется к определенному разрешению этого вопроса в духе, чрезвычайно приятном основным принципам Рима». Более того, автор этой статьи констатирует, что теперь приходится говорить «не только о римских стремлениях подчинить русскую Церковь, но и о русском тяготении к Риму».

Нужно признать, что в последнем утверждении, по существу, не было никакого преувеличения, хотя автор, не зная ничего о том, как далеко идет это русское «тяготение», мог отметить лишь его начало, которое не могло не быть очевидным. Заслуга же проф. Устиньского была в том, что он одним из первых решился выступить открыто в «Слове Истины» и дал этому тяготению определенное выражение уже летом 1917 г. На этом он не остановился. На Московском Соборе, после избрания Патриарха Тихона, он же выступил с докладом о необходимости примирения между христианскими вероисповеданиями и высказал при этом следующие пожелания:

«... Избрание Патриарха Тихона дает прекрасный повод к тому, чтобы русская православная Церковь, хотя бы слабо, протянула руку примирения к инославным Церквам. Пусть Патриарх, наравне с известительными грамотами о своем избрании восточным Патриархам, отправит таковую же Святейшему Папе Бенедикту XV.

«Как бы это было приятно Святейшему Папе! Как это смягчило бы его Отеческое, весь мир обнимающее, сердце! Как много радости и утешения доставило бы ему!

«Отнесемся и мы, православные, с подобающим почтением, к Римскому епископату, как к высшему Первосвятителю всего христианского мира и, без всякого сомнения, он не останется неоткликнувшимся на этот наш братский почин соответственным образом.

«И кто знает? Не послужит ли этот шаг началу новой эры во взаимных отношениях между католиками и православными? Неужели нам еще не надоела эта взаимная вражда? Скоро ли придет конец ее? И когда же мы радостно и братски падем друг-другу в объятия? О счастливый день...» и т. д.

Сам Патриарх Тихон, на приеме представителей духовенства ⁷

⁷ Это было 16 июня 1920 г., в день Ангела Патриарха (память св. Тихона Ама-

сказал, что очень сочувствует идее единения, постоянно об этом молится и со своей стороны готов содействовать успеху дела и благословляет православный клир на совместную дружную работу с католиками.

К этому же времени относится выход из печати книги проф. Л. П. Карсавина «*Католичество*», вызвавшей тогда много шума. Появление ее отметил и о. Леонид, высказав следующее суждение: « Эта книга - замечательный труд, на девяносто процентов католического характера. Никто еще так смело и открыто не защищал католического богословия и философии ». Карсавин как-будто колебался еще тогда относительно десяти процентов, остававшихся ему до принятия полноты католической истины. Он сказал О. Глебу Верховскому, что « ждет божественной благодати для обращения ».⁸ Разговор на эту тему происходил в новообразованном « Обществе св. Филиппа Митрополита Московского », главной целью которого было « углубление православия » в смысле искания *действительного православия* и соединения Церквей. Естественно, что автор «*Католичества*» был тоже приглашен участвовать в нем. Общество ставило себе целью бороться с тенденциями иерархов Антония Храповицкого и Андрея Уфимского. Как представители русских католиков, в этом обществе работали о. Глеб Верховский и о. Диодор Колпинский.

сунтского), когда его посетила депутация представителей главных приходов Москвы, среди которых был приглашенный принять участие в поздравлении настоятель русского католического прихода о. Владимир Абрикосов с прихожанами Н. Н. Александровым и В. В. Балашовым.

⁸ Лев Платонович Карсавин учился в Петербургской театральной школе. После нее окончил Петербургский университет и посещал лекции на « Православных богословских курсах », учрежденных вместо закрытой большевиками Петроградской Духовной Академии. Смелый и открытый защитник католичества в 1918 г., он уже в 1921 г. отозвался о своей книге «*КАТОЛИЧЕСТВО*» как о грехе молодости, сказав при этом: « Грех юности моя и неведения моего не помяни » С тех пор, в своих общественных выступлениях, Карсавин стал высказывать взгляды скорее враждебные католичеству. Тем не менее, перед смертью, в советской ссылке (в лагере Абезь недалеко от Воркуты), проф. Карсавин удостоился « божественной благодати для обращения » и пришел к убеждению, что « факторы, разделяющие обе Церкви, не имеют силы помешать объединению перед общей опасностью, угрожающей христианству » и что « только католическая Церковь по-настоящему противостоит коммунистическому безбожию ». Правда, его предсмертная рукопись, озаглавленная «*Основные тезисы метафизического миропознания*», (автор читал ее в Риме), в которой он в 1950-1951 г. подвел итог своего духовно-философского пути, не выражает еще полной ясности и чистоты католического мирозерцания. Тем не менее, чувствуя приближение смерти, Л. П. Карсавин просил напутствия у католического священника, несмотря на присутствие подле него православного. У него он приобщился, принял Таинство Елеосвящения, воссоединившись со Вселенской Церковью, и умер 20 июля 1952 г. католиком.

« Интеллигентные круги обнаруживают все более интереса к нам », - написал экзарх митрополиту Андрею. « Неделю тому назад, проф. А. В. Карташев, читая лекцию о Церкви, открыто заявил: « Западная католическая Церковь стоит выше православной по своему умению проводить через церковные культы в народ благодатную жизнь Церкви. Как на пример, он указал на культ св. Евхаристии и праздник Тела Господня ». « У о. Леонида явилось даже желание напечатать лекцию А. В. Карташева в « Слове Истины ».

С каждым днем, миссии о. Лелнида открывались новые горизонты, сулившие немалые возможности в будущем... И в то же время у него не было денег напечатать уже давно составленный им популярный катехизис, в котором чувствовалась большая нужда. Вслед за катехизисом о. Леонид принялся за составление молитвенника. « Но когда напечатает, Бог весть! » вздохнул он в очередном письме к митрополиту Андрею.

« Катехизис - хлеб насущный. Его требуют со всех концов ».

« Печатать катехизис нет абсолютно никаких средств (будет стоить не менее 5000-6000 рублей), а он нужен больше хлеба ».

Этими словами сказано очень много в Петрограде того времени, где люди умирали от голода. Однако, в конце концов, нашлась возможность напечатать и катехизис о. Леонида. На помощь пришли молодые латинские священники. Имена их нигде не упомянуты. Это особенно обязывает нас отметить с благодарностью их жертву для правильно понятого ими общего католического дела. Они принесли ее во время, трудности которого со стороны и представить себе не может тот, кого судьба пощадила от участия в этом поистине « Апокалиптическом часе ».

Вот несколько характерных отрывков из писем экзарха Борису Кроппу, который поддерживал его время от времени посылками из провинции:

« У нас формальный голод и люди валяются на улицах от истощения ».

« Самое главное для нас - это пшеничная мука для выпечки просфор ».

« Господь ведет нас трудными и тернистыми путями, но тот, кто встал на этот путь, взялся за « рало » (т. е. плуг) и не оборачивается назад, придет к тому вечному жилищу, которое уготовил Христос... » (18-6-1918).

« Посылку давно получил... Благодаря таким посылкам моя вечерняя работа кипит, и руки не опускаются от истощения, как раньше. Когда будет возможно, пришлите еще ».

« У нас все попрежнему; хотя холера сильно упала, однако голод

становится все сильнее; повсюду аресты и расстрелы...» (19-8-1918).

В это трудное время, о. Леонид отметил одно немалое утешение, которое неожиданно было послано ему. О. Николай Толстой, наконец, образумился и принес ему «повинную», как экзарху. Так как его донос семь лет тому назад не ограничивался одним о. Феликсом Верцинским, а затрагивал весь орден Иезуитов, то о. Леонид поставил ему условием принести письменное покаяние митрополиту Эдуарду Роппу, как возглавляющему латинский обряд в России, и написать такое же письмо Генералу Иезуитов о. Владимиру Ледоховскому. Принимая во внимание, что о. Николай Толстой не был запрещен в служении, о. Леонид разрешил давать ему стипендии за обеды, чтобы помочь ему хоть чем нибудь в его крайне бедном положении. Он считал, что на этот раз о. Толстой «образумился окончательно и не будет больше повторять прежних выходов».

ГЛАВА III

**« ... О ТОМ, ЧТО НАС ГОНЯТ И МУЧАЮТ, НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ;
МЫ ТВЕРДО СТОИМ НА СКАЛЕ ПЕТРОВОЙ... »**

Появление иеромонаха Патапия Емельянова в Петрограде и его рассказ Экзарху о том, как ему открылась истина католической Церкви. - Проповедь католичества в селе Богдановке Харьковской губернии. - Постановление сельского схода принять унию. - Проклятие митрополита Антония. - Благословение Российского Экзарха и послание его к новообращенным. - Возвращение о. Патапия в Богдановку и радость его прихожан. - Попытки церковных властей восстановить православие: проповеди, карательная экспедиция. - Приезд в Богдановку о. Глеба Верховского с антимином митрополита Андрея. - Посещение Богдановки миссионерами и неудавшийся диспут. - Новый донос церковных властей и новое избиение о. Патапия и его прихожан. - Лечение о. Патапия в больнице. - Приезд в Богдановку епископа Неофита. - Новый донос командующему Добровольческой армией после ухода немцев с Украины. - Арест о. Патапия и тюремное заключение. - Снова донос и заключение в каторжной тюрьме. - Посещение прокурора и дальнейшие мьтарства. - Освобождение о. Патапия большевиками и возвращение его в Богдановку. - Спор из-за пользования храмом и решение советского суда. - Поучительность повести об иеромонахе Патапии.

В конце июня 1918 г. - точное число осталось неотмеченным (надо думать, что все даты в этой главе приведены по старому стилю) - на квартиру к о. Леониду при церкви св. Екатерины пришел неожиданный посетитель, некий ему неизвестный священник и назвал себя иеро-

монахом Патапием Емельяновым. Его рассказ о причине, побудившей его в ту трудную пору совершить опасное путешествие в Петроград из слободы Нижней Богдановки, Старобельского уезда, Харьковской губернии, был, может быть, самым удивительным из всего, что о экзарху пришлось услышать за все время своего пребывания на этом посту. О посещении о. Патапия он написал вскоре одному другу:

— У нас радость...

Да, это была радость, большая светлая радость для экзарха, которую он принял, как дар, посланный свыше. Его радовало каждое слово в удивительном рассказе о. Патапия, который открыл о. Леониду все о себе. Ему было лишь 29 лет. Родился он в Уфимской губернии, в крестьянской семье. При крещении его нарекли Петром. Отец его, Андрей, был старообрядческим начетчиком беспоповского толка. Когда в Уфимской губернии был епархиальным епископ Антоний Храповицкий, он обратил все семейство в православие. После этого епископ Антоний стал покровительствовать семье Емельяновых. Мальчик Петр особенно обратил на себя благосклонное внимание владыки, и когда того перевели на кафедру архиепископа Вольнского с пребыванием в Почаевской Лавре, он взял и его с собою в качестве послушника. По его желанию, его постригли в монахи совсем юным с именем Патапия. Архиепископ Антоний его любил, заботился о его воспитании и образовании и через некоторое время отправил в Житомир на устроенные им пастырские курсы.

Вот тут-то и началось удивительное в жизни монаха Патапия. На курсах он увлекся писаниями св. Отцов церкви и историей вселенских соборов. Там его поразили больше всего святоотеческие свидетельства, говорящие в пользу главенства Римского епископа. Так, постепенно, молодой Патапий проникся идеей воссоединения с Римом. Это кажется тем более удивительным, если принять во внимание резкий антикатолический дух, господствовавший и в Почаевской Лавре и на пастырских курсах, а также враждебное отношение самого архиепископа Антония к католицизму. В своей жизни Патапий не встречался до этого времени ни с одним католиком; поэтому не могло быть речи ни о каком католическом влиянии на него со стороны. Повидимому, инок Патапий правильно понял положение, какое в связи с этим складывалось теперь для него в отношении окружающей среды и начальства; сделанные открытия он тщательно скрывал от братии, а намерения свои затаил до поры до времени, положившись во всем на Божию волю.

Еще на пастырских курсах, когда ему было 22 года, его рукоположили в священники. По окончании курсов, он оставался в Почаевской Лавре на положении иеромонаха, пока архиепископ Антоний, пере-

веденный на кафедру в Харьков, не взял его с собою туда и не назначил настоятелем одной из Харьковских церквей. В марте 1917 г., после переворота, он послал о. Патапия на время Великого поста в единоверческий приход села Богдановки, где священник отсутствовал. Нужно заметить, что слобода Нижняя Богдановка - огромное село, которое тянется несколько километров вдоль почтового тракта, столь характерного для этой степной полосы Украины. Находится оно на самой восточной границе в южной части Харьковской губернии, в нескольких километрах от границы Области Войска Донского. От Нижней Богдановки около 40 км. до уездного города Луганска и около 300 км. до Харькова. Жители Богдановки - великороссы, потомки выходцев из Московской Руси, направленных в конце XVII века на эту далекую окраину в качестве постоянной пограничной стражи против набегов Крымских татар. Эти великороссы, даже по внешнему виду - все народ коренастый, длиннобородый, степенный, - сохранили свой московский облик, обычаи, говор и обряды, чем они заметно отличались от соседних украинских селений. Богдановцы заметно выделялись своей высокой нравственностью, привязанностью к старине и крепким, патриархальным семейным укладом. Тогда еще можно было встретить у них избы с неразделившимися семьями душ в сорок, где мирно уживались три-четыре поколения. Богдановцы никогда не знали помещичьего крепостного права; они были « казенными » крестьянами и их отпустили на волю с большими земельными наделами. До самой революции они оставались зажиточными. Преступность в селе была совсем незначительная; распутства, убийств, воровства, пьянства, вообще, не было и в помине. Население достигало 50.000 человек, из которых около 8.000 семей было православных и около 1.000 старообрядческих и единоверческих.¹ В Богдановке было три приходских храма - православный, старообрядческий и единоверческий и три церковно-приходские школы.

Архиепископ Антоний отправил о. Патапия в единоверческий приход села Нижней Богдановки. Здесь он сразу завоевал симпатии всего населения. Богдановцы были очень набожны, любили длинную уставную службу и проповеди. О. Патапий был хорошим проповедником и умел увлекать народ своими яркими, содержательными и всем понятными проповедями. У него был хороший голос и он знал в совершенстве церковное пение, начиная с древних старообрядческих напевов и до современной церковной музыки; Почаевская Лавра с ее долгими цер-

¹ Единоверцы - старообрядцы, принимающие православных священников от законных епископов, но удерживающие старину в обрядах и церковных книгах.

ковными службами была для него в этом смысле прекрасной школой. О. Патапий быстро поставил хор; в хороших голосах не было недостатка, а сам он мог исполнять альтовые, теноровые и басовые партии. Стройное церковное пение способствовало благолепию церковных служб; богдановцы были довольны.

Пользуясь правом, предоставленным Московским собором выбирать себе настоятеля, богдановские единоверцы, на мировом сходе, выбрали единогласно о. Патапия настоятелем вместо прежнего, нелюбимого и бездеятельного священника о. Василия. Они подали прошение архиепископу Антонию об удалении о. Василия и назначении на его место о. Патапия. Архиепископ Антоний охотно исполнил их просьбу, и о. Патапий стал в Богдановке приходским священником. В своих проповедях он сразу же начал готовить своих прихожан к воссоединению с Римом. Народ настолько успел уже полюбить его за бескорыстную и самоотверженную пастырскую деятельность, за его благолепную, строго - уставную службу, что ему не стоило большого труда овладеть умами и душами прихожан. Но мало того: на его воскресные и субботние проповеди люди стекались не только из всей Богдановской слободы, но и из соседних сел, отстоящих на 25-30 км. только для того, чтобы послушать о. Патапия.

Излюбленными его темами были тексты из Священного Писания об ап. Петре, о Церкви, о необходимости вселенского единения во главе со Вселенским Архиереем, Папой Римским. Наличие в русских святцах четырнадцати святых Пап давало о. Патапию возможность подойти просто к вопросу о римском примате. Героями его проповедей были главным образом Папы Лев Великий и Григорий Двоеслов, имеющие свое особое богослужение. После года такой апостольской работы, о. Патапий достиг того, что в июне 1918 г. его прихожане постановили воссоединиться с Римом.

Теперь являлся вопрос, как это сделать? О. Патапий вспомнил, что в уездном городе Луганске была римско-католическая церковь. Он поехал туда. Настоятелем оказался грузин, добрейший о. Михаил Ягулов. Он отнесся к о. Патапию очень радушно и направил его в Харьков к декану латинского прихода о. Антонию Квятковскому, чтобы получить практические указания для дальнейшего. О. Патапий отправился в Харьков и у о. Квятковского узнал об учреждении Российского экзархата восточного обряда, состоявшегося в Петрограде в мае 1917 г. на русском католическом соборе. О. Квятковский сказал, что о. Патапию надлежит обратиться по вопросу о воссоединении к русскому экзарху, протопресвитеру Федорову, проживающему в Петрограде. Лучшего о. Патапий не мог ничего ожидать. Обрадованный, он поспе-

шил вернуться в Богдановку. В церкви он сообщил народу с амвона великую новость.

— В России существует русский католический экзархат с протопресвитером Леонидом Федоровым во главе!

Прихожане с восторгом приняли эту весть, немедленно собрали сельский сход и составили приговор:

— Принять унию и уполномочить настоятеля о. Патапия совершить этот акт от их лица у Российского Экзарха.

Они снабдили о. Патапия деньгами на дорогу и отправили его в Петроград. По пути он остановился в Харькове и зашел к митрополиту Антонию, показал ему приговор схода и сказал об общем решении принять католичество. Митрополит Антоний, при виде этого документа в руках у своего ученика, от изумления, не мог выговорить ни слова. Как рассказал о. Патапий об этой жуткой минуте, «он был очень удивлен неожиданностью сего поступка, так как я был очень православен по его мнению». Потом митрополит встал с кресла, отвернулся от того, кого когда-то так любил, и резким голосом произнес:

— Будь ты трижды проклят!²

² Вспышка митр. Антония, хотя и объясняется свойственной ему пылкостью, но все-таки не может быть оправдана только этим. Впрочем, чтобы правильно понять его, надо уяснить себе, что именно в его церковном мировоззрении оправдывает *проклятие*, которое он изрек на своего духовного сына и которое, как нам кажется, никак не могло лечь на чистую и ни в чем неповинную голову иеромонаха Патапия. Чтобы ознакомиться со взглядами митр. Антония на этот вопрос, достаточно прочтите хотя бы отчет об его лекции 5 августа 1923 г. в Белграде на тему: «*Современные толки о соединении церквей*», напечатанный в «Церковных Ведомостях» № 19-20 (1/14-15/28 октября 1923 г., Сремски-Карловцы. Канцелярия Русского Архиерейского Синода):

«Владыка указал, что Церковь едина и никогда не разделялась, но от нее отпали с первого века и будут отпадать до второго Пришествия Господня еретики и раскольники. Поэтому может быть речь не о соединении с еретиками и раскольниками, но о воссоединении их с Церковью, от которой они отпали.

«Во второй части лектор указал, что «если бы римско-католики отказались от своих измышлений, то их воссоединение с Церковью было бы величайшей радостью для верующих людей и для святых ангелов не только ради спасения их душ, но и ради существенного восполнения церковной жизни, в которую наши западные братья внесли бы свойственную им церковно-общественную энергию. Под этим условием отказа католиков от ложных догматов и в частности от самого нелепого из них о непогрешимости папы в делах веры, Св. Церковь, воссоединив их с собою, наверно возвратила бы Римскому первосвященнику не только то административное первенство, которое принадлежало ему до его отпадения в раскол, но, вероятно, усвоила бы ему и такую власть во всей Вселенской Церкви, которая доселе ему никогда не принадлежала, ибо она ограничивалась до времени раскола Западной Европой и Северо-Западной Африкой.

О. Патапий молча повернулся, вышел и поехал к Российскому Экзарху, нашел его в Петрограде при храме св. Екатерины и вручил ему приговор схода. Экзарх подробно расспросил его обо всем, испытал и оставил пожить несколько дней подле себя. О. Патапий произвел на него хорошее впечатление, и о. Леонид нашел возможным исполнить его просьбу. 29 июня он принял о. Патапия в лоно католической Церкви, дал ему грамоту, благословение и послание к новообращенным, а самому о. Патапию - необходимые указания на первое время. Он обещал отправить ему на помощь о. Глеба Верховского и отпустил с миром домой.

Обо всем этом экзарх послал доклад митрополиту Андрею, но тот его не получил. В следующем письме, написанном в августе, о. Леонид сообщил в дополнение к изложенному ранее:

« Однако эта предполагаемая власть возвратившегося в православие папы должна будет основываться вовсе не на *римских сказках об Апостоле Петре, как начальнике над всеми апостолами, о преемстве папами полноты его мнимой власти* ». Неужели митр. Антонию незнакомы хотя бы такие тексты *Православного богослужения*: « Днесъ нам основание Церкви, Петр, камень веры, предлагает честные свои вериги... Законы Христовы утвердил еси ... яко апостолов верховный, яко догматов основание недвижимо. Апостолов верховниче блаженнейше Петре... Рима не оставль к нам пришел еси честными веригами, яже носил еси апостолов первопрестольне » (Мин. Мес.16 января). - « Петр, наставник апостолов, начало православия... Петр - Церковь Божия, вождь апостолов, твердый камень веры, пастырь владычный всех апостолов »? (Пролог 30 июня) - « Верховное основание Апостолов... Рима же ты был еси первый епископ, превеликого градов слава и похвала, и Церкви Петре утверждение: и врата адава не одолеют воистину ея... » (Стихира на хвалитех 30 июня) Может быть митр. Антонию не было знакомо и учение Папы св. Льва, именуемого в тропаре « *православия наставником, вселенной светильником, ученьями своими всех просветившим* », память которого празднуется в Православной Церкви 18 февраля? А ведь он мог его прочитать на русском языке у *православного* профессора церковной истории В. В. Болотова в 3-м томе его « Лекций по истории древней Церкви » (СПБ, 1913) на стр. 284-285: 1) « Так как вся Церковь основана на твердости Петровой, то удаляющийся от этой твердыни ставит себя вне таинственного тела Христова - Церкви ». 2) « Кто посягает на авторитет римского епископа и отказывает в повиновении апостольскому престолу, тот не хочет подчиняться блаженному апостолу Петру. » 3) « Кто отвергает власть и первенство, *inspiratim* апостола Петра, тот ничуть не может уменьшить его достоинства, но, надменный духом гордости, низвергает самого себя в преисподнюю ».

« Мы допускаем в будущем, - говорит Владыка, - единоличное возглавление Церкви, с самым широким сохранением соборности, но с тем, чтобы это возглавление не претендовало ни на какие измышленные предания, а только на церковно-практические потребности жизни ». (Другими словами, митр. Антоний согласен признать за Римским Папой « такую власть во всей Вселенской Церкви, которая доселе ему никогда не принадлежала », но при условии, что он откажется от ее *богоустановленности* и в основание ее положит принцип « *церковной практичности* » и сообразования строя Церкви с « потребностями жизни »). (1)

« На помощь к о. Патапию в Харьковскую губернию, как я уже писал, отправился о. Глеб. Как он, так и о. Патапий, проезжали в Харьковскую губернию через Курскую. Теперь прошло уже почти два месяца, а ни о том ни другом ничего не слышно, несмотря на то, что почта между Украиной и Великокороссией уже налажена. Я смертельно боюсь за обоих, т. к. путь, по которому они проехали, очень опасен: на самой черте переезда между Курской и Харьковской губернией грабят и убивают разбойничьи банды ».

Однако, как опасения Экзарха за их судьбу, так и прихожан Богдановки за о. Патапия, оказались напрасны. Через месяц с лишним, в начале августа, он благополучно добрался до дому, а вскоре, цел и невредим, приехал в Богдановку и о. Глеб. Поездка их была действительно сопряжена с большими затруднениями, главным образом из-за большевицкого правительства в Москве и германской оккупации в ставшей от него независимой Украине. Советские владения простирались до Курской губернии, тогда как Харьков занимали немцы.

Богдановцы встретили о. Патапия с большой радостью; с его появлением исчезли опасения на его счет, успевшие было закрасться в иные, более слабые души. Вот что сам о. Патапий написал об этом впоследствии митрополиту Андрею:

« Когда я вернулся в приход с католическим благословением экзарха, грамотой и посланием, и прочитал его после молебного пения, то духовной радости и слезам умиления не было границ, ибо послание было преисполнено самой горячей отеческой любви и назидания ».

Богдановцы рассказали своему настоятелю о том, что происходило у них за время его отсутствия. Сейчас же после отъезда о. Патапия, представители православного духовенства собрались под председательством викарного епископа Андроника в уездном городе Старобельске на совещание, чтобы решить, какие принять меры против унии в уезде. Для начала пустили в ход клевету: о. Патапий подкуплен поляками и хочет обратить свой приход в латинство. Им, вероятно, казалось, что нет лучшего средства оттолкнуть русских людей от католической Церкви, как припугнув их латинством и зависимостью от поляков. Священники из окрестных сел, не на шутку встревоженные апостольской работой о. Патапия и его популярностью, которая росла с каждым днем - среди них сильнее всех старался недовольный о. Василий, бывший настоятель Богдановки, - принялись за дело. Чуть ли не ежедневно кто-нибудь из них приезжал в Богдановку, собирал сход и уверял народ, что их обманывают « поляки », что скоро у них начнется постепенное искажение обрядов, которое закончится неминуемой латини-

зацией. Как ни нелепы были их утверждения, но им все-таки удалось посеять в некоторых сердцах недоверие к настоятелю.

После этого в Богдановку приехал проповедывать сам епископ Андроник, но с ним прихожане о. Патапия поступили довольно решительно: не пустили в храм. Старики прямо заявили ему, что не признают его больше своим епископом, а знают теперь только экзарха Леонида Федорова и своего настоятеля.

Следующим шагом православного духовенства было обращение за содействием к германским оккупационным властям и к полиции гетмана Скоропадского. Для этого им понадобилась новая клевета: они заявили, что о. Патапий Емельянов и его прихожане - большевики, и поэтому в Богдановку следует послать карательную экспедицию. И те и другие не замедлили отклониться на просьбу духовных властей и снарядили отряд, который, прибыв в Богдановку, собрал сход и перепорол всех нагайками.

Полагая, вероятно, что после таких аргументов, народ здесь убедился, что их *Орархия*, действительно, настоящая, из Харькова отправили в слободу нового настоятеля. Однако Богдановцы вынесли из происшедшего с ними обратное убеждение и еще больше прониклись необходимостью подчиниться Риму. Нового настоятеля они не пустили ни в церковь ни в приходский дом. Так тот и уехал обратно ни с чем.

О. Патапий, приняв бразды правления в свои руки, уведомил официально свое бывшее духовное начальство о выходе из подчинения. Через короткое время прибыл благополучно в Богдановку и о. Глеб Верховский. В числе прочего ему надо было устранить неправильность, допущенную в Петрограде. Личное вмешательство экзарха могло быть только временной мерой, так как Украина не подлежала его юрисдикции. Экзарх поручил о. Глебу ознакомиться с делом на месте, а затем отправиться в Львов к митрополиту Андрею с просьбой утвердить его распоряжения и самому снабдить о. Патапия необходимыми документами. О. Глеб передал о. Патапию новый антиминос, освященный митрополитом Андреем.

В Богдановке о. Глеб пробыл пять дней. Почти все время прошло в долгих беседах с крестьянами, которые произвели на него самое хорошее впечатление. Новообращенные просили научить их быть настоящими католиками, дать им хорошую школу, книги, чтобы учились не только дети, но и старики. К сожалению тогда не было еще католической литературы на русском языке и негде было найти учителя-католика. Некоторые свойства богдановцев привлекли внимание о. Глеба. Так например, когда о. Патапий предъявил сходку грамоту экзар-

ха, написанную от руки на обыкновенной бумаге, с печатью митрополита Галицкого, крестьяне были смущены.

— А почему такая самодельная грамота? Почему на ней такая странная, не русская печать?

Печать митрополита Андрея была, хотя и со славянской надписью, но с архиерейским гербом западного образца, т. е. со шляпой с висящими кистями, а в середине с родовым гербом графов Шептицких — конская подкова, пронзенная стрелой. Богдановцы с любопытством рассматривали эти документы, определявшие их принадлежность к католической Церкви и с недоумением спрашивали:

— А зачем же тут шляпа? Разве архиерей ходит в шляпе? И для чего подкова на священной бумаге? Отчего бумага писаная, а не печатная?

Людам, привыкшим к двуглавному орлу на печати, все это казалось странным. Им объяснили, что эта печать не экзарха, а одного епископа, хотя и заграничного, но все же русского, а за границей иначе нельзя; бумага же писаная потому, что большевики печатать не дают.

Богдановцы осведомлялись еще у о. Глеба:

— Правда ли что обряд и дальше останется неприкосновенным? Верно ли, что к ним не пустят поляков?

* * *

По их понятиям, « поляками » были, вообще, все латиняне. Впрочем, на последний вопрос лучший ответ давал сам о. Патапий. Ему лично было легче всего их успокоить и устранить все сомнения. Строгий восточник и горячий патриот, он являлся для них живой гарантией того, что все в смысле обряда останется, как было раньше, и что учить их будут только истинно православно-кафолической вере св. ап. Петра и Отцов Церкви. О. Глеб мог наблюдать, как был популярен о. Патапий и в соседних приходах, как на его проповеди люди стекались иногда из мест, отдаленных от Богдановки на 15 км и больше. В единоверческую церковь о. Патапия стали ходить даже старообрядцы, чего раньше здесь никогда не было. О. Глеб слышал заявления и из других приходов, что если в Богдановке « все пойдет гладко », то и они присоединятся к католической Церкви. Старообрядцы, во главе с их священником, сказали ему то же самое.

О. Глебу пришлось выслушать и такие опасения богдановцев:

— А что нам делать, если о. Патапий захворает или помрет. Ведь никто из окружающих попов исповедовать и причащать нас не станет!

Самым трудным для их понимания был вопрос иерархии. Для них

стало, повидимому, ясно лишь одно: теперь богдановцы подчинены другой иерархии, которую они называли « Андреевой иерархией », тогда как прежняя « Неофиткина иерархия » не имеет больше никакой власти над ними.

* * *

Простившись с о. Патапием и его паствой, о. Глеб выехал 14 августа из Богдановки в Киев, направляясь в Львов к митрополиту Андрею.³ На следующий день после его отъезда последовал наконец ответ православных властей из Харькова. Приехали два миссионера в сопровождении полицейской стражи, « чтобы произвести устрашающий эффект на прихожан », как пишет об этом о. Патапий. Сначала миссионеры приступили к о. Патапию « со всякого рода увещеваниями », а затем укорили его, почему он, думая присоединиться к католицизму, не сообщил об этом своему епископу.

— Потому, - ответил о. Патапий, - что я узнал о нахождении себя в неправоте, а в принципе моей души - не противиться истине; с их стороны были бы всякие преграды, и я счел за лучшее без всякого посредничества направиться к свету истины.

Видя, что ни увещания, ни укоры не действуют, миссионеры вызвали о. Патапия на публичный диспут и устроили его на другой день на площади около самой церкви. Народу собралось до пяти тысяч человек; пришли сюда и православный и старообрядческий священники. Была, конечно, налицо и полиция. Вот как описал о. Патапий этот диспут митрополиту Андрею:

« Цель диспута была у них не та, чтобы выяснить истину; она для них очевидна; а просто - только лишь оторвать от меня народ. А потому орудием их борьбы было одно лукавство.

Привезли они с собой старопечатные старообрядческие книги, в которых всякого рода апокрифические сказания против латинян. Книжки же сами по себе очень объемистые, старые, выдавались ими чуть ли не за оригиналы св. Отцев, чем хотели произвести эффект на простой народ. Но все их лукавство оказалось бессильным против одного слова « католик »).

³ 2 сентября 1918 г. он представил ему в Львове докладную записку. Сам о. Патапий тоже написал впоследствии митр. Андрею доклад « О состоянии греко-католической миссии в слободе Богдановке с 1918 г. 29 июня и по 1924 г. июля 26 дня », помеченный 26.7.1924. (ст. ст.) Из последнего заимствован ряд цитат с личными показаниями о. Патапия. - Со слов о. Глеба Верховского, кн. П. М. Волконский написал в 1922 г. в Риме краткий биографический очерк о. Патапия, напечатанный в журнале « Вера и Родина » № 8-9 за 1924 г.

Вступительное слово говорил миссионер и изображал католичество страшной ересью, в которой царят всякого рода заблуждения. Особенно напирал он на непогрешимость папы, и из этой непогрешимости вытекало такое нелепое учение, как отпущение грехов за деньги в виде продажи индульгенций.

— А потому, - говорили они, обращаясь к народу, - вы должны подумать, что значит одно название « католик », а не православный; вы так легковерно пошли за вашим пастырем, который возмечтал своей духовной гордостью, что он даже умнее наших архипастырей.

А когда он, т. е. миссионер, был вынужден объяснить слово « католический » на понятном русском языке, и при вопросе, какую Господь создал Церковь - национальную, провинциальную, государственную или вселенскую, - он заметался и стал называть себя, т. е. православную свою церковь - истинно-католической, а нас только псевдокатоликами.

А перед тем только отрекся от католичества. И таким образом совершенно смешал все понятия относительно себя, кто он - православный или католик.

Когда по его адресу из толпы стало слышно, что он лжец и т. п., он поднял те толстые книги и сказал: « Вот отсюда я докажу вам ереси католичества »; но из толпы ему возразили: « Ведь вы сейчас говорили, что вы католик, а как же вы будете доказывать ереси о себе? », и не захотели его слушать.

Тут местный старообрядческий священник, увидев, что миссионер хотел оправдывать свою Церковь старообрядческими книгами, попросил разрешения сказать слово слушателям. Миссионер, желая несколько опереться на него, разрешил ему говорить.

— « Православные, - обратился к народу священник, - видели сейчас справедливость синодальных миссионеров? За эти самые книги три века преследовали старообрядчество, как за еретические, а сейчас ими оправдываются перед католиками ».

И таким образом миссионер получил полное обличение своей сознательной кривды ».

Провал духовной власти, даже при полицейской поддержке, был полный. Не оставалось ничего другого, как снова обратиться за помощью к немцам и к стражникам гетмана Скоропадского. Повторили ту же самую клевету: обвинили всех в большевизме. Им поверили. 17 августа в Богдановку приехали немцы и избили о. Патапия и некоторых особенно ревностных и сознательных католиков из его прихожан. Избили на этот раз так основательно, что о. Патапия пришлось отправить в больницу в г. Луганск. Там его посетил католический священник о.

Михаил Ягулов, и принял в его судьбе горячее участие. Он отправился к немецким властям и объяснил им, что их ввели в заблуждение, и сообщил, что о происшедшем он донес митрополиту Андрею. Немцы посмотрели было на дело сначала серьезно, но потом его как-то замяли. Все же о. Патапия они оставили совершенно в покое и даже выдали ему, по его словам, « как бы охранительный документ ».

Тем не менее православные духовные власти не хотели сдаваться. 25 сентября в Богдановку прибыл из Харькова епископ Неофит, викарный митрополита Антония, в сопровождении еще нескольких духовных лиц и около полусотни охраны. Богдановские католики разбежались в страхе, так как среди них пронесся слух, что с епископом приехал карательный отряд и, если его увещание не подействует, то над ними тут же будет произведена « экзекуция ». Однако, более стойкие и смелые явились по требованию епископа в церковь. Со слезами на глазах он стал увещевать их, прося одуматься. На это ему ответили из народа:

— Мы у своего пастыря видели не только слезы, но и кровь от побоев, нанесенных по вашим приказам.

Когда, после бесплодного увещания, епископ Неофит вышел из церкви, на паперти стояла большая группа прихожан. При его появлении, богдановцы упали на колени и тоже со слезами стали просить:

— Оставьте нас в покое при наших убеждениях и при нашем пастыре!

Епископ Неофит ответил народу:

— Анафема всей церкви на вашем пастыре, а за ваше упорство и на вас ляжет, если не покаетесь.

Тут, у всех на глазах, произошло нечто совсем неожиданное. В тот момент, когда владыка, произнеся эти страшные слова, начал спускаться с церковной лестницы, ему вдруг сделалось дурно и пришлось его немедленно увезти. В Харькове он серьезно заболел и через несколько дней умер, « даже без всякого христианского напутствия ».

— А для нас послужило сие, - рассказывает о. Патапий, - как Божие указание.

Никакой экзекуции на этот раз не было: власти ограничились лишь арестом нескольких стариков, которых отправили в Старобельскую тюрьму. О. Патапия не тронули.

Около месяца ничто не нарушало мирного течения жизни в Богдановке. Поражение Германии на Западном фронте положило конец оккупации Украины, а вместе с тем и правительству гетмана Скоропадского. Добровольческая армия заняла с Дона ту часть гетмановской Украины, где лежала Богдановская слобода. На короткое время в ней

установилась новая « государственная власть », которую в народе почему-то называли « кадетской ». Православное духовенство не преминуло использовать и ее, чтобы снова выступить против о. Патапия. Повторили старое обвинение, что он большевик, добавив, что немцы при гетмане сначала били его, но потом, узнав об его католичестве, стали ему покровительствовать (покровительство их было условное и не шло дальше того, что они перестали его бить и слушать доносы православных владык). В результате этих происков, утром 30 октября в Богдановку прибыл отряд добровольческих войск и, даже не дав о. Патапию закончить литургию, схватил его и отправил в Старобельскую тюрьму. Здесь он просидел с 30 октября до 27 декабря 1918 г. Большевики вытеснили с этой территории добровольцев и освободили всех заключенных в тюрьме, в том числе и о. Патапия.

До августа 1919 г. жизнь в Богдановке опять текла тихо и мирно, и о. Патапий не подвергался никаким новым нападениям. Были, правда, недоразумения и неприятности, но лишь внутреннего, характера. Возникали они на почве пользования храмом, так как оставшиеся православными не желали, чтобы им владели католики, а те, в свою очередь, естественно, не хотели отдавать своего храма. На богослужение и проповеди о. Патапия часто приходили казаки с соседних хуторов Донской области, заходили к нему в дом, брали книги и, по его словам, выражали « самые горячие чувства ». Соседние священники зорко следили за всем происходившим в слободе и, в частности, за каждым шагом о. Патапия. Когда накопилось достаточно материала, они донесли на него своему архиерею. Последний, повидимому, понял, что богдановская « уния » может легко проникнуть в казачество. Так как « государственная власть » на Украине оказалась опять в руках добровольческой армии генерала Деникина, то архиерей счел нужным обратиться к нему и указать на о. Патапия как на « католического политика », ведущего « иезуитскую пропаганду », опасного не только православной церкви, но и могущего мешать устройству « государственного порядка » (!). О. Патапия, после таких обвинений, государственная власть не преминула арестовать и заключить снова в Старобельскую тюрьму. Там он просидел, без всякого суда и следствия с 20 августа по 19 ноября 1919 г., когда его перевели в Луганск, в каторжную тюрьму, где он пробыл до 24 декабря. Здесь о. Патапий удостоился посещения « прокурора юстиции ». Вот что он сам рассказывает о свидании с ним и о своих дальнейших мытарствах:

« Последний (г. е. прокурор), объезжая тюрьмы и приехав из Старобельска в Луганск, осведомился о месте моего заключения; пришел ко мне в камеру и стал спрашивать меня, каким это образом могло

случиться, что русское духовное лицо попало в тюрьму. Я рассказал ему все чистосердечно и просил справедливости, а он, сожалея о моем жестоком положении, сказал, что удивляется, почему я не могу, как русский человек, отказаться от иезуитской политики, в которую, как он думает, я вовлечен сознательно; он не может допустить, чтобы в русскую душу так крепко вошло католичество. Он посоветовал мне письменно заявить о моей роковой ошибке, и тогда, как он надеется, положение мое может измениться к лучшему. Я ему ответил:

— Никакой мирской политики у меня нет. Мое стремление лишь содействовать распространению Царства Христова и указывать желающим войти в него - тот камень, на котором оно основано. Если вы называете это политикой иезуитов, то это ваше дело, я вам лишь скажу, что это заповедь Христа, Царя нашего; если бы мне пришлось, и укрепил бы Господь, пострадать, то я не только не откажусь от этой политики, но согласен тысячу раз подписать ее своей кровью. Вот мои намерения и цель, а если угодно, называйте это политикой.

Тогда он заключил, что во мне говорит католический фанатизм, а потому он очень за меня боится, чтобы я не стал слепой жертвой иезуитства, ибо вся моя идея - не русского человека и навеяна иезуитами. Я ответил ему, что в Царстве Христовом нет ни русского, ни германца, ни какого бы то ни было привилегированного человека, но все во Христе новая тварь. Уходя от меня, он сказал:

— Как хотите, но я не советовал бы губить себя.

Вскоре после этого разговора, о. Патапий узнал, что его участь - совершенно безнадежная, так как на него возвели самые тяжкие обвинения до принадлежности к коммунизму включительно. Начальник тюрьмы объявил однажды о. Патапию, что на другой день его отправят с партией каторжан, под надежной охраной, этапным порядком, в Харьков. О. Патапий успел уже хорошо ознакомиться с тогдашними порядками каторжных тюрем. « Важных преступников » выделяли в отдельную партию и с « надежной охраной » отправляли якобы в более отдаленный город. Доведут до какого-нибудь леса или луга и прикажут расстрелять, а потом объявят в газетах, что такая-то партия арестованных, отправлявшаяся туда-то, покушалась на жизнь стражи или на побег, за что и была расстреляна. После этого дело предавалось забвению.

Наученный горьким опытом, о. Патапий, не долго думая, стал убедительно просить начальника тюрьмы заковать его по рукам и ногам в кандалы. На его вопрос, почему ему это так необходимо, о. Патапий ответил:

— Может быть стражник не захочет возиться со мной и расстре-

ляет меня, а потом заявит, что я покушался на его жизнь или хотел бежать; между тем этот позор может лечь на Церковь. Пусть цепи на ногах свидетельствуют, что я бежать не мог, а на руках, что я не мог покушаться на чужую жизнь. И всем будет ясно, что я умер не как злодей, а за идею Церкви.

Начальник тюрьмы сказал:

— Хорошо, я доложу начальству и, если прикажут заковать, исполню вашу просьбу.

На следующий день, когда вызывали всех по списку для отправления в Харьков, о. Патапия почему-то оставили. А отправленную партию, действительно, расстреляли. Это было 12 декабря 1919 г., а 24 декабря Старобельск заняли большевики. О. Патапий, вместе с другими арестованными, был выпущен на свободу. Прямо из тюрьмы он отправился к местному католическому священнику, своему другу и покровителю о. Михаилу Ягулову. У него он привел себя немного в порядок после четырехмесячного тюремного заключения. Тут его ждало и немалое утешение. О. Михаил вручил ему грамоту от 6 октября, подписанную митрополитом Андреем, которой он назначался настоятелем католического прихода в Нижней Богдановке. Было для него и письмо от о. Глеба Верховского, утешавшего его и выражавшего сожаление, что трудно найти подходящую католическую литературу для богдановцев. Грамота митрополита Андрея несказанно обрадовала о. Патапия, как « драгоценный подарок ». В своем письме к о. Глебу он « слезно молил позаботиться о приискании учительского персонала, книг и учебников », а в ответ на его утешительные слова написал:

— « А О ТОМ, ЧТО НАС ГОНЯТ И МУЧАЮТ, НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ: МЫ ТВЕРДО СТОИМ НА СКАЛЕ ПЕТРОВОЙ ».

Вот что рассказал дальше о. Патапий о своем возвращении в Богдановку:

« Явление мое показалось им словно воскресением из мертвых, слезы радости текли неудержимо. Все старые и малые старались как бы осязанием убедиться, что я действительно жив, ибо их давно уверили, что я не существую. А священник-схизматик, который был прислан на мое место, узнав о моем освобождении, бежал тайно из прихода, ибо он знал, что его поступки нечестны и его пребывание у моей паствы оставило за собою дурной след. Наводнив приход противокатолической литературой Почаевского издания, он отторгнул от Церкви некоторых еще слабо утвержденных людей. Но с Божией помощью, по моем возвращении, жизнь потекла мирным путем ».

Однако, положение, какое о. Патапий застал в Богдановке по своем возвращении, было далеко не блестящим. Его личное имущество и

частью церковное оказалось раскраденным во время его арестов. Даже антиминс, привезенный о. Глебом, унес один из миссионеров; куда именно, установить было трудно, так как самого миссионера потом кто-то убил. Не было никакой надежды поправить материальное положение, ни церковное ни личное. Общая большевицкая разруха давала себя с каждым днем чувствовать все сильнее и в мирной Богдановке. Началось полное обнищание еще недавно зажиточных крестьян.

Самым печальным явлением в жизни прихода оказался спор из-за пользования храмом. Православные не хотели, чтобы им пользовались « униаты »; последние же не соглашались уступить, так как они представляли из себя большинство, и на проповеди о. Патапия попрежнему стекалось из окрестностей много народа. Не оставалось ничего другого, как обратиться в народный комиссариат юстиции. Решение его настолько удивляет своей беспристрастностью, что, кажется, никакой североамериканский апелляционный суд не мог бы вынести более обоснованного постановления. Вот дословно, что решил этот орган советской юстиции 3 мая 1922 г. за № 155:

« Рассмотрев заявление униатского священника ... и т. д. ... и принимая во внимание: 1) что в слободе Нижней Богдановке 160 семей принадлежат к униатам и лишь 62 семьи к православным, 2) что в Нижней Богдановке имеется другая православная церковь, 3) что спорной церковью униаты пользуются с 1918 г., 4) что 62 православных семейства имеют полную возможность удовлетворять свои религиозные потребности в другой церкви, которая отстоит от спорной около полверсты в той же слободе, 5) что униаты не имеют возможности удовлетворять свои религиозные потребности иначе, как в спорном храме, т. к. в противном случае им пришлось бы ходить в город Луганск за 40 верст от своей слободы, - Ликвидационный отдел Наркомюста постановил передать церковь в слободе Нижней Богдановке местным униатам, о чем объявить им через местный исполком ».⁴

Тем не менее, решение суда еще больше ожесточило противников о. Патапия, и были даже угрозы с их стороны сжечь храм, чтобы не было « ни им, ни нам ». « Это настроение, - пишет о. Патапий митропо-

⁴ Мы не касаемся здесь мотивов, которыми руководился советский суд, принимая это решение в пользу униатов. Весьма возможно, что в поддержке, оказанной им, сыграла роль тактика большевиков поддерживать вообще всякие мелкие религиозные группы в ущерб большинству и этим усиливать среди христиан разделение. Тем не менее, этим нисколько не умаляется объективная справедливость и обоснованность решения, самого по себе, независимо от мотивов суда. Здесь речь идет только об этой стороне вопроса; даже советский суд был вынужден признать неосновательность притязания православных.

литу Андрею, - мешало христианской идее, и мы сочли за лучшее уступить храм, а самим собираться на молитву в частном, довольно плохом домике; но все-таки, - заключает он, - лучше променять неживой предмет на более живое дело. Кроме того надеялись собственными средствами построить храм »).

Этой надежде в те времена, конечно, не суждено было сбыться, но зато сам о. Патапий удостоился стать в полном смысле, по слову Апостола, храмом живущего в нем Святого Духа, которого он имел от Бога. Чтобы не забегать слишком вперед, мы расстанемся здесь с ним и с его так удивительно возникшей и продержавшейся, несмотря на все испытания, « Общиной богдановских униатов ». По тщательно составленному им списку, в ней числилось мужского пола 394 и женского пола 434, всего 828 человек к тому времени, когда богоборческая власть окончательно оторвала о. Патапия от его прихожан и бросила на Соловецкую каторгу.

* * *

Таким встает перед нами во весь свой рост этот русский богатырь, иеромонах Патапий Емельянов, простой человек из крестьянской семьи, духовный самородок, избранный Богом для того, чтобы слезами и кровью выявить и искупить ошибки своих предков против Церкви и тут же, в миниатюре, раскрыть целую программу апостольской работы в России, увенчавшейся у него массовым обращением населения слободы. Целый русский церковный организм, находившийся вне церковного католического единства и ведомый человеком, имевшим на себе печать подлинного пастыря, в подавляющем большинстве пришел у нас на глаза, по сверхприродным побуждениям, к воссоединению со Вселенской Церковью. Мы видим здесь наглядно, на живом примере, какое влияние в этом смысле имеет на народ хороший православный священник и каким авторитетом он может обладать, будучи наделен качествами о. Патапия, искавшего прежде всего Царства Божьего и правды его.

Ведь он сам, без влияния каких-либо ученых католиков, исключительно благодаря добросовестному изучению исторической и литературной литературы Востока, по *первоисточникам*, будучи двадцатидвухлетним иеромонахом, самостоятельно пришел к убеждению в Богостановленности примата, то есть к истине о первенстве Римского Первосвятителя, а отсюда уже, естественно, и к необходимости войти во Вселенскую Церковь. Раз познав эту истину, он отдался ей всем своим русским сердцем и никогда ей не изменил, несмотря на угрозы,

страдания, гонения, тюрьмы. Он остался ей верен до конца и стал католическим исповедником, сказав:

— « А о том, что нас гонят и мучают, не беспокойтесь: мы твердо стоим на скале Петровой! »

Нужна была именно такая сильная и цельная личность, исполненная простоты, без всякой « бездны премудрости », чтобы на фоне этой жизненности католичества тем ярче лишний раз показать духовное убожество и бессилие режима, опиравшегося на полицию и карательные отряды. Какая жуткая тень недоброго старого времени проходит в этой краткой повести о страданиях иеромонаха Патапия!

А этот прокурор, назвавший переход в католичество изменой родине и неспособный понять, что такое решение могло быть принято по внутреннему побуждению, а не под давлением *иезуитов*, которых, кстати сказать, о. Патапий *отроду никогда не видал!* Этот русский юрист не мог даже осмыслить права русского человека не быть православным и веровать так, как велит ему совесть.

Какую страшную живучесть показывает тут болезнь, разъедавшая государственный строй России и отвергавшая основные условия для нормального развития народа: свободу совести и свободу вероисповедания. Ни крушение старого строя, ни ужасы гражданской войны, повидимому, не успели еще научить власть имевших такой простой и очевидной истине. А ведь тогда уже надвигался на Россию с сокрушающей силой « бич Божий »! Великое *попущение* свыше, позволившее *зверю* выйти *из бездны* и обрушиться на русский народ, имевший как будто все задатки от Бога быть подлинно *богоносцем*, попущение, которое, надо думать, входит в планы Промысла Его для осуществления великого Дела Единения всех христиан во Вселенской Церкви.

ГЛАВА IV

« ДУХ ДЫШЕТ, ГДЕ ХОЧЕТ, И НЕ ЗНАЕШЬ,
ОТКУДА ПРИХОДИТ И КУДА УХОДИТ »

Отрыв русского православия от официальной церкви в России. - Подлинное православие и католичество. - Убеждения и сомнения русского духовенства, признававшего истинность католичества. - Тайное согласие с католичеством православных священников. - Обособленность его от латинского духовенства. - Общество св. Льва в Киеве. - Евхаристические вечерни. - Благословение Патриарха Тихона. - Движение к единению в Москве при его поддержке. - Характер общественного служения о. Леонида Федорова по свидетельству о. Д. Кузьмина-Караваева.

Обращение православного священника Патапия Андреевича Емельянова, завершившееся в селе Богдановке воссоединением целого прихода, если и является наиболее ярким и назидательным примером движения к католичеству в послереволюционные дни, тем не менее было далеко не единственным. И Экзарх и митрополит Андрей получали не раз заявления от православных священников, желавших присоединиться к Вселенской Церкви. Только невероятно тяжелые условия церковной жизни, недостаток людей и отсутствие материальных средств лишали возможности откликнуться на их зов и оказать им нужную поддержку. А сколько таких желаний осталось невысказанными, отчасти из-за боязни того, что пришлось выстрадать о. Патапию, отчасти потому, что священники были женаты, связаны в своих благих намерениях заботой о своих семьях; при приеме их в единение с Римом нужно было в первую очередь заботиться об их материальном обеспечении и устройстве где-нибудь в приходе, что в то время было почти неосуществимо.

Антирелигиозная пропаганда большевиков, перешедшая в открытое преследование религии, в общем, только усилила в православной среде, движение к католичеству, пробившееся наружу в краткий период религиозной свободы после февральского переворота. Вскоре большевики совершенно остановили его в потоке гонения на религию и на все, так или иначе, духовное. Повесть о Патапии Емельянове тем более поучительна, что она показывает наглядно силу и жизненность этого движения к истине, несмотря на все внешние противодействия. Правда, здесь перед нами всего лишь малый очаг, зажженный искрой только одного человека. Однако, кто может сказать, не обратился ли бы он в бушующую

щее море пламени при благоприятном ветре, встретить он на своем пути легко загорающийся материал? Увы, благоприятного ветра - свободы веры, свободы проповеди - тогда не было; напротив, применили со всех сторон все возможные средства, чтобы угасить это малое пламя. Эта повесть так и осталась только показательным опытом. Русский народ искал в своих церквах родное ему богослужение. Духовенство: епископат, священство - было для него, за некоторыми исключениями, только совершителем таинств; духовными же учителями, которым верующий народ открывал свою совесть, были Божии люди, старцы. Народ дорожил благолепием храмов, следил за ними; если в них ничего не менялось, то он относился довольно безразлично к тому, что происходило у иерархов, во что они верили или не верили, с кем ладили, с кем ссорились. На народной вере это мало отражалось, если, конечно, не служило ей слишком явным соблазном.

Русское сельское духовенство, в своем большинстве, мало чем отличалось от простого народа в отношении Церкви. Оно тоже жило своей, так сказать, частной или субъективной религиозностью, своими обрядами, благочестивыми традициями, мало мысля и рассуждая. К внешней церковной действительности оно относилось, как к чему-то второстепенному и имевшему мало общего с тем, чем, по их мнению, являлось *истинное православие*. Конечно, те священники, которые были более образованы - относились более или менее критически к русской церковной действительности. Их мысли невольно обращались к далекому прошлому, к святоотеческим временам, когда создавалось православное богослужение, питавшее теперь русское благочестие. Внимание их останавливалось на разделении церковей, и часто, благодатная интуиция, как это выявилось с особенной силой в о. Патапии, помогала им почувствовать и понять всю трагедию отпадения христианского Востока от Запада.

В некоторых случаях это их побуждало к серьезному пересмотру деяний соборов, творений отцов Церкви, житий святых, богослужебных текстов. Добросовестное изучение первоисточников раскрывало таким людям глаза и приводило к признанию главенства Римского Престола и к сознанию необходимости воссоединения с Западной Церковью. Однако, в тогдашних условиях, от сознания, убеждения и до решительного шага или, хотя бы, определенной деятельности в этом направлении, было еще очень далеко. При царском правительстве было невозможно заявить о своих взглядах на этот предмет без риска попасть в положение преступника (как о. Алексей Зерчанинов и Николай Толстой до указа о веротерпимости; а сколько священников кончило свои дни в Суздальской тюрьме за католические убеждения!) или гонимого

(как епископ Петр Смоленский, лишенный кафедры и пожизненно заключенный в монастыре не за переход в католичество, а только за убеждение в его истинности; или епископ Кирион Полоцкий, попавший за это же в долголетнюю опалу).¹ Все эти священники, в большинстве, представляли себе католичество, как полную гармонию между Востоком и Западом в обязательном подчинении престолу св. Петра, как центру Вселенской Церкви, в единстве веры, любви и благодати, но с сохранением восточных канонов и полной чистоты восточного или греко-русского обряда.

С другой стороны - это ясное и простое убеждение сопровождалось тягостными сомнениями о духе всеобъемлющей вселенскости Римской Церкви. Они рождались на основании изучения истории всех уний, в особенности самой недавней - Брестской. Перед ними вставал неизменно один и тот же « трудный вопрос » - осуществимо ли на деле то идеальное воссоединение, которое они безоговорочно принимали в принципе? У них не было сомнения в том, что Римская Церковь обладает полнотой, какой не доставало отделенным от нее церквам - т. е. кафедрой Св. Петра. Но вместе с тем, она им казалась только « латинской Церковью » не могущей больше преодолеть своего латинства и навязывавшей его всем христианам, желающим воссоединиться с Нею.

О. Николаю Толстому и о. Глебу Верховскому мы обязаны тем, что от них узнали о большом числе священников, мысливших так в последние годы дореволюционной России, ибо все они до этого времени тщательно скрывали свое мировоззрение. Постепенно, сама собой, выросла в недрах русской православной церкви как бы грандиозная духовная конспирация, сила которой заключалась именно в ее неуловимости: никто ее не возглавлял и никто не руководил ею. Об ней можно было узнать только случайно, войдя в полное доверие того или иного участвовавшего в этом движении священника. Раскиданные по разным епархиям Российской Империи, все они тем не менее как-то находились в связи между собою, знали друг друга и в сокровенных беседах поверяли один другому свои убеждения. Все они поминали Папу на проскомидии: первая частица, которую они вынимали за живых, была за Римского Первосвятителя. Однако, они делали это так, чтобы никто этого не заметил, ни дьякон, ни псаломщик, и не донес на

¹ Кончилась эта опала только после переворота 1917 г., когда Грузинская церковь, отделившись от русской, провозгласила его патриархом-католикосом. Тем не менее, ему не удалось привести в исполнение своей мечты о воссоединении Грузинской церкви с Римским Престолом. В 1920 г., во время красного террора в Тифлисе, он пал мученической смертью от большевиков.

них в консисторию. В пастырской деятельности их образ мыслей выражался в чрезвычайно миролюбивом отношении к католикам. В случае открыто обращенного обвинения, им приходилось или притворяться враждебными католичеству или делаться жертвой преследования со стороны синода и полиции. Поэтому такие тайные сторонники соединения Церквей пускали в свою среду непосвященных с большой осторожностью.

О. Николай Толстой принадлежал в свое время к числу участников этого движения. Ставши католиком, он сохранил дружественные связи со своими прежними православными единомышленниками-унионистами в разных епархиях, а через них - почти со всем русским духовенством католического направления в Европейской и Азиатской России. Благодаря о. Толстому, приехавшему в 1919 г. в Киев, после нескольких месяцев пребывания в Курской губернии, о. Глебу Верховскому удалось ознакомиться с этим движением среди местного православного духовенства и лично соприкоснуться с ним (это было во время оккупации Украины Добровольческой армией, когда о. Глеб жил в Киеве). О. Глеб узнал от Толстого, что почти все духовенство Курской епархии, как городское, так и сельское, принадлежало к сторонникам церковного единения. Все они поминали Римского Папу и теперь, не стесняясь, говорили о своих католических убеждениях. Времена переменялись, и им некого было больше бояться, тем более, что епископ Курский Арсений сам разделял их взгляды.²

Доказательством правдивости рассказа о. Толстого о католическом настроении в Курской епархии было то, что он привез оттуда специальный пароль и имена нескольких единомышленников в Киеве, о которых о. Глебу, знавшему их, не приходило в голову, что они могут быть унионистами. Однако, в справедливости этого ему вскоре пришлось убедиться. Пароль делал свое дело и все они стали ему открываться. Это свидетельство о. Глеба Верховского относится к 1923 году (сам он умер в Нью-Йорке в 1935-м) и опубликовано им в 1924 г. в «*Europa Orientale*»; поэтому естественно, что он воздержался назвать их имена, а просто указал, что это были самые популярные в Киеве священники; среди них было, например, два благочинных, несколько профессоров Киевской Духовной Академии и видных настоятелей городских приходов, два архимандрита Киево-Печерской Лавры. Все они были люди пожилые, очень серьезные, культурные, любимые прихожанами, имев-

² В том же году, после ухода Добровольческой армии, вернувшиеся большевики повесили епископа Арсения на царских вратах кафедрального собора и перебили в Курске почти все духовенство.

шие большое влияние на народ. Было характерно, что они решительно сторонились местного латинского духовенства и не поддерживали с ним никаких сношений. В то же время, несколько молодых священников, с которыми перед этим сблизился о. Глеб, как с интересующимися католичеством и которые часто навещали и его и других латинских священников, пароля не знали и не принадлежали к тайному католическому согласию священников и даже не подозревали об его существовании.

Естественно, что все это не могло не заинтересовать о. Глеба. Он вошел в их среду и стал к ним присматриваться, главным образом, чтобы выяснить, почему они так чуждаются католического духовенства и опасаются сношений с ним. В этой их отчужденности он нашел выражение именно того недоверия, какое они чувствовали к латинянам в силу того, что представители их в России были почти исключительно поляки. К ним церковно-православные люди относились всегда с непреодолимым предубеждением, основанным отнюдь не на ненависти, а на каком-то недоверии. Это было веками органически укоренившееся духовное отчуждение, бессознательно присущее почти каждому русскому человеку. О. Верховский (сам этим, повидимому, отнюдь не зараженный и потому только старавшийся объективно разобраться в том, что он наблюдал среди православного духовенства), в числе причин временного характера, которые со временем, по его мнению, могли сгладиться, отмечает одну, которую нельзя упразднить никакими историческими событиями и переворотами. Это - полная противоположность духовных и культурных начал у русских и поляков, сказывающаяся с особенной силой в делах веры. Различие обрядов играло исключительную роль в вековой борьбе между Польшей и Москвой; латинский обряд стал для России как бы польской верой. От такого понятия в России об обряде стало неотделимым представление русских о католичестве. Все психологические особенности поляков православные стали приписывать латинству, как первопричине, воспитавшей их таковыми. Отсюда-то и проистекал страх перед латинством у русских священников и мирян и в этом о. Глеб увидел главную причину того, почему принадлежавшие к тайному союзу священников, признававших истину за католической Церковью, как сохранившей *древнее истинное православие*, боялись оказаться под властью латинства. Наученные примером Брестской унии, когда поляки-латиняне, вопреки воле Св. Престола, изуродовали восточный обряд, русские сторонники католичества подозревали теперь Ватикан в тайном сочувствии польской латинизаторской политике и потому оставались глухими к призывам и

обещаниям Римского Первосвященителя. О. Глебу приходилось выслушивать, например, такие возражения:

— Пусть даже Папа и искренен в своем отношении к восточным сокровищам, но латиняне в своем политиканстве сильнее его, и ему с ними не справиться. (!) Из всего западного духовенства ведь только ему одному, как *Отцу всего христианства*, стоящему выше обрядов, одинаково близки и дороги святыни и сокровища Запада и Востока.

Эти-то русские священники, твердо веровавшие в главенство Римского престола и в правоту католического учения, говорили о. Глебу, что они предпочитают *вы ж и д а т ь*, пока не будет доказано на деле, что Восток, в своем положительном содержании, унаследованном от великих Отцов и Учителей Церкви, не пострадает от воссоединения со Св. Престолом. О. Глеб установил далее, что недоверие этих убежденных католиков побуждало их чуждаться не только польско-латинского клира в России, но даже и русско-католического духовенства восточного обряда, поскольку оно поддерживало тесную связь с латинским. Наглядный пример этого о. Глеб мог наблюдать по отношению к самому себе. До приезда о. Толстого он не мог и заподозрить с существованием в Киеве тайной католической группы православного духовенства и не мог войти в общение с ней потому, что был в их глазах *полонофилом и латиноманом*: ведь он жил при латинском женском монастыре и служил литургию в латинском храме! Напротив, о. Толстой, как бывший православный священник, сторонившийся латинского клира, считался у них независимым и поэтому пользовался полным доверием. Только благодаря Толстому и привезенному им из Курска паролку, о. Глебу удалось войти в соприкосновение с тайной группой этих священников, в значительной мере преодолеть их недоверие и начать совместную работу, которая приняла вскоре характер явного общественного движения в Киеве.

По инициативе двух профессоров Киевской Духовной Академии, единомышленники стали собираться для научного обсуждения всех спорных вопросов, постепенно привлекая к себе и священников иного образа мыслей. Эти последние тоже делались унионистами и число их в Киевской группе быстро росло. В обсуждении разных вопросов стали принимать участие и некоторые видные киевские миряне, профессора и члены местного религиозно-философского общества. Совместными усилиями был разработан ряд вопросов в области догматического и нравственного богословия, по которым все пришли к соглашению и, сплотившись в группу, решили расширить круг своей деятельности. Своим покровителем они избрали Папу св. Льва Великого и установили временное правило: все священники, примыкающие к обществу св.

Льва, обязуются поминать Римского Первосвященника на проскомидии, говорить проповеди на тему о сближении и соединении Церквей, способствовать усиленному почитанию Таинства Евхаристии и исповедывать верных по правилам католического нравственного богословия.

Члены общества св. Льва считали, что единственный верный путь к воссоединению - это путь созидания, но не разрушения; не полемический и не политический, а путь благодатно-мистический через св. Евхаристию. С этой целью они ввели в Киеве совершенно новое богослужение, названное *евхаристической вечерней*. Каждый четверг, в одном из приходских храмов Киева, в котором был настоятелем один из членов общества св. Льва, в 4 часа пополудни, при открытых царских вратах и при полном освещении храма, служилась повседневная рядовая вечерня, и в том месте, где в великую праздничную вечерню вставляется чтение Ветхого Завета (паремии), пелся канон к св. Причащению с акафистом св. Тайнам. После третьей песни канона, один священник говорил догматическую проповедь на тему «Святейшая Евхаристия и единство Христовой Церкви»; по окончании акафиста и канона, другой священник, тоже из членов Общества св. Льва, говорил вторую проповедь нравственного содержания на ту же тему. В этих проповедях верующие призывались к почитанию св. Тайн и любви к Евхаристическому Иисусу, к частому Причащению; в них излагалось и учение о таинстве Евхаристии и Покаяния.

Евхаристические вечерни, служившиеся по-очереди в разных приходских храмах, сразу же стали известны в Киеве и привлекали множество молящихся, с жадностью слушавших слово Божие, преподносившееся им здесь в такой необычной форме. Новый для них культ Евхаристических Тайн не мог не приттись им по сердцу, так как форма его была в духе восточного обряда и богослужения и отличалась от принятой в Западной Церкви. Члены общества св. Льва нашли внешнюю форму культа, отвечавшую мыслям профессора Забугина, как он изложил их без малого десятка лет тому назад в «*Roma e l'Oriente*»:

«Почитание, которое мы, восточные, воздаем св. Тайнам, по благочестивым преданиям наших Отцов, совершенно внутреннее, мистическое, скрытое, субъективное. Его прогресс кроется в глубине души и христианском сознании, и потому он не может выражаться внешним развитием способов хранения св. Даров. Единственным внешним и всенародным проявлением Евхаристического богослужения является у нас литургия, где каждый раз после Причастия мы получаем благословение св. Дарами и где, всякий раз, когда служится литургия Преждеосвященных Даров, совершается великое и торжественное Евхаристическое шествие. Наше внутреннее почитание может двигаться

вперед, развиваться, совершенствоваться внутри нас; никто этого не заметит тут на земле, кроме одного Бога, скрытого в святом кивоте, в алтаре, недоступном для мирян, Бога, на присутствие Которого указывает верным только тихий свет лампы, висящей у царских врат. Так учили нас наши отцы, так мы будем учить наших детей».³

Можно предположить, что никто из членов Киевского Общества св. Льва не читал этих слов профессора-востоковедов. Они были обращены в свое время к Западу в порядке обмена мнений и полемики в печати по поводу реферата латинского епископа Нейгаммера на Евхаристическом Конгрессе в Вене в 1912 г.; этот епископ выразил осуждение восточных христиан за недостаточное почитание св. Таин. Тем знаменателен этот факт, что общество св. Льва в Матери городов русских давало теперь ответ не словом, а делом, найдя для почитания св. Таин возвышенный и прекрасный культ в формах восточного обряда. Здесь славянская душа, в родной ей духовной стихии, тихо и просто, сама нашла для этого культа то, над чем иные западники ломали себе голову, сиюсья пересадить его с Запада на Восточную почву. Можно отметить и большее: мистические четверги, словно сами собой, родились из потребности как-то действовать, что-то созидать для единства, к которому члены общества св. Льва стали стремиться, может быть даже и не отдавая себе вполне отчета в том, какую сверхприродную силу они сообщали посредством почитания таинства св. Евхаристии хотя бы экарху на его жертвенном и мученическом пути служения тому же самому делу. Какие возможности и здесь открывались, в среде этих избранных киевлян, если бы «звериная» работа не задушила и не затоптала их первых свободных стремлений к единению с Римом! Все-таки и тут, как и у о. Патапия, особенно знаменательным остается то явление, что возвращение к подлинным истокам православия было движением, никем со стороны не навешанным; никто из латинского клира и, вообще, ни один иноплеменный, как это подчеркивает о. Глеб, не принимал в нем участия, не влиял на его рост и развитие. Без всякого сомнения был прав проф. Троицкий, «присяжный оппонент» по словам о. Леонида, утверждавший, что теперь существует течение, положительно дружественное Риму, а также и е тяготение к нему. Да, *« дух дышити, где хочет, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит »*...

Часто эти Евхаристические вечера служил викарный епископ Киевской митрополии. Участие его в этом начинании, с течением времени, стало менее редким, так как он имел на него благословение Па-

³ Перевод Леонида Федорова, черновик которого сохранился в архиве митр. Андрея.

триарха Тихона. Один из киевских мирян, член общества св. Льва, принявший впоследствии священство, личный друг Патриарха, ездил в Москву и просил у него благословения для всех православных сочленов - священников и мирян - на дальнейшую деятельность. Патриарх Тихон ответил, что благословляет их от всего сердца, обещает молиться за успех дела и очень, очень сожалеет, что сам не может, по политическим соображениям, стать членом общества св. Льва, но принадлежит к нему сердцем и душой.

Благожелательное отношение Патриарха Тихона к работе по воссоединению стало известно широким кругам духовенства; своего благожелательного отношения к русским католикам он не скрывал. У о. экзарха завязались с Патриархом дружественные отношения. Бывая в Москве, он обычно посещал его и подолгу с ним беседовал. Однако, в то же самое время, его ближайший помощник, епископ Илларион Троицкий, не разделял вполне мыслей патриарха и относился к католичеству с предубеждением, в чем его тогда упрекали и многие православные. Об одном из своих посещений о. Леонид написал митр. Андрею:

« Патриарх принял меня очень ласково, угощал чайком и медом и обещал успокоить расходившихся петроградцев (речь идет о некоторых священниках, мешавших работе о. Леонида в Петрограде вопреки указаниям Патриарха). Сам он искренно желает единения, но сделать ничего не может, так как слишком слаб и не имеет авторитета, на что жаловался уже не раз перед духовенством и мирянами. Московский собор так урезал его власть, что про него можно сказать: « святейший » патриаршествует, но не управляет ».

Правда, в самой Москве, благодаря личному влиянию Патриарха, условия для унияльной работы были несравненно лучше, чем в Петрограде. Успеху немало способствовал один из священников вышеуказанного тайного союза, протоиерей Петр Сахаров, настоятель одного из видных приходов на Варварке, близ Красной площади. Он настойчиво проводил доброжелательное отношение к католичеству в гущу старой торговой Москвы. По почину одного из замоскворецких благочинных было устроено открытое собрание для обсуждения вопроса о сближении и соединении православной и католической Церкви, на которое пригласили и настоятеля московского католического прихода о. Владимира Абрикосова с теми католиками, которых он пожелал бы привести с собою (обычными спутниками его были Н. Н. Александров, будущий священник и настоятель московского прихода, и В. В. Балашев, бывший редактор « Слова Истины »). Собрание состоялось в Марфо-Мариинской общине, и на нем участвовало около сорока пред-

ставителей православного духовенства и несколько человек мирян. Председательствовать на собрании Патриарх прислал своего делегата, вышеупомянутого епископа Иллариона. Он произнес вступительную речь от имени Патриарха, указал в ней на важность сближения, на необходимость выяснить разногласия, мешающие сближению, и найти почву для соединения. Результат этого собрания был, в общем, благоприятный, несмотря на довольно резкое выступление протоиерея Хотовицкого, викарного священника при храме Христа Спасителя; хотя он и был поборником соединения церквей и не возражал против униальной работы, но считал ее практически бесполезной:

« Я сам, - заявил он, - родом с Вольни, долго жил в Америке и лично видел, что обещания св. Престола о сохранении восточного обряда - только фикция и заманка и что латинизация неизбежна... Эта латинизация направляется не только со стороны латинского клира и особенно польского, но даже и самих Пап. Латиняне смотрят на вас, как на что-то второстепенное и презренное, дальше подвала вас не пускают и рано или поздно, прямо или косвенно, вас олатинят и ополчат. Может быть вы, о. Владимир, готовы и хотите нести это мученичество, это ваша добрая воля и ваш подвиг, но не все согласятся и готовы идти этим путем. Что же касается до сохранения восточного обряда и его религиозного уклада, то это безнадежная мечта, в которой вы скоро разочаруетесь. Вот если бы вы были католиком латинского обряда, тогда вы были бы равноправным членом в католической Церкви, не терпели бы притеснений и презрения »...

Второе собрание состоялось тоже под председательством епископа Иллариона в замоскворецкой церкви « Николы на Наливках ». Оно было многочисленнее первого. На него прибыл из Петрограда экзарх и прочел доклад: « Почему православные переходят в католичество ». Об этом выступлении экзарха о. Д. Кузьмин-Караваев говорит в своих воспоминаниях:

« Содержание доклада я, к сожалению, не запомнил, так как был тогда поглощен чувством тревоги: в самом приглашении была несомненно западня, и я очень боялся, что, во время доклада, о. Леонида поймут на неудачном выражении и этим воспользуются для враждебной демонстрации. Нечего говорить, о. Леонид блестяще выдержал испытание и явственно овладел аудиторией. Только по окончании доклада (прений не было) раздались истерические выкрики; как раз мой старый знакомый по православным богословским курсам (имени его не помню) начал с большим возбуждением кричать о торжестве православия, которое он видел, - до Москвы об этом уже докатилась молва, - в недавнем образовании чешской национальной церкви. Довод

мог бы быть сильным, но кричавший явно потерял равновесие и успеха не имел».

Тем не менее, среди присутствовавших священников раздавались голоса:

— К чему переходить в католичество, когда вот в Чехии сотни тысяч уходят из католичества в православие?

Один из мирян, бывших на собрании, ссылаясь на деятельность польского духовенства в России, обратился к экзарху с такими словами:

— Кто же поверит в благосклонное отношение Рима к восточной миссии? Теперешний Папа не высказывается; это все говорите вы, довольно жалкие и очень одинокие в своем деле; ну, а если Рим смотрит не как вы, а как польское духовенство?

Второе собрание показало организаторам сделанную ими ошибку. Стало ясно, что открытым собраниям должна предшествовать подготовка; при участии мало компетентных лиц на многочисленных собраниях, трудно ожидать положительных результатов, даже при наличии добрых намерений у организаторов. Было решено ограничить в будущем число участников только избранными лицами и собираться для собеседований на квартире Абрикосовых. Патриарх Тихон дал благословение и на эти собрания.

* * *

Теперь, после всего сказанного о *пропасти*, разделявшей восточников и латинян в России, русских и поляков, будет своевременным определить позицию, которую занял экзарх по отношению к ней. Эта пропасть порождала противоречия и вызывала трения, мешала правильной апостольской работе. В дореволюционное время, в связи с направлением политики русского правительства, при наличии пресловутой «Пилатовой конторы», у нее был фундамент, который, после переворота, потерял свою прочность. Однако, на смену им выступили новые и, может быть, более серьезные расхождения и недоразумения, связанные с коренным вопросом апостольской работы в России, тех перспектив, какие ей, как казалось тогда, открывались, и неведомых дотоле возможностей, которые эта работа, как-будто сулила. Момент казался многим исторически важным и решающим для будущего католической России. Можно, конечно, сказать, что о. Леониду повредили в Петрограде, в глазах православных, его сношения с латинским клиром, чуть ли не зависимость от него, тогда как у о. Абрикосова дела пошли в Москве лучше с того момента, как он, круто изменив свое отношение к этому клиру, не захотел с ним иметь никаких дел. На это были, у о. Леонида конечно, тоже свои временные, преходящие при-

чины. Мало кто понимал его до конца, о. Абрикосов, может быть, не более других. Строго говоря, « на одном языке » он говорил только с митрополитом Андреем, которому было открыто вполне все сокровенное в о. Леониде. В дальнейшем, очень близко подходила к нему, по своей « конгенности », Ю. Н. Данзас. Ей мы обязаны поистине замечательными свидетельствами о мученичестве и крестном пути о. Леонида, заслужившими высокую оценку со стороны митрополита Андрея. Но, в конечном итоге, все же, не будет преувеличением сказать, что самые ценные суждения об экзархе были высказаны о. Дмитрием Кузьминым-Караваевым,⁴ слушавшим и наблюдавшим его в общественных выступлениях и в личных беседах как раз в это время в Москве и в Петрограде. С его разрешения мы заимствуем из предоставленных нам его воспоминаний несколько отрывков. Они являются здесь как бы ответом на ряд затронутых выше вопросов и помогут нам правильно понять и уловить то существенное, что лежит в основе мыслей и суждений о. Леонида, его критических замечаний, указаний, упреков и пр., которые мы будем рассматривать в следующих главах.

« О. Леонид был прежде всего образцовым священником. С кем бы он ни говорил, вы всегда замечали, что он хочет и может говорить с собеседником на его языке и, вместе с тем, что он с изумительной простотой переводит на язык этого собеседника ранее ему недоступную или мало понятную вселенско-церковную истину. Эта способность говорить об одном и том же с каждым на его языке была у о. Леонида даром, ниспосланным свыше, печатью священства в точном значении слова. То, что он делал, может и должен делать каждый священник, и, в частности, ни для кого нет ничего непостижимого в переложении на русский язык вселенских истин римско-католической Церкви.

Священник есть всегда посредник между общим и частным в тех пределах, в которых и то и другое встречается на его пастырском поприще, и потому русский католический священник не может не быть посредником между Римом и Россией. Но для того, чтобы быть посредником между одним и другим, нужно любить одно и другое и притом

⁴ Сам о. Леонид говорит о нем в письме к митр. Андрею (-1-8-21): « Из других присоединившихся заслуживает внимания сын известного экономиста Кузьмина-Караваева, Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев, также известный публицист и один из виднейших российских интеллигентов. После бурной жизни и бесцельного болтания, Господь привел его в общину о. Владимира. Прежний образ жизни сменился глубоким смирением и благочестием. Он, слава Богу, не женат и потому легко подклонит свою выю под иго Господне ». О нем же о. экзарх сказал в письме к Папе Пию XI (30-7-22): « Он ревностный католик и высоко талантливый человек, довольно влиятельный в культурных кругах московского общества ».

любовью, исходящей из одного и того же источника, из одного и того же сыновнего послушания Богу. Именно так любил о. Леонид и Рим и Россию. Он любил Рим оттого, что Богу было угодно сделать древний Вечный Город средоточием Церкви, и он любил Россию оттого, что Богу же было угодно, чтобы он, о. Леонид, работал в России.

От одной и той же причины могут и даже должны истекать различные последствия, и если любовь к римскому католицизму и любовь к русскому православию исходили у о. Леонида из одного и того же источника, то это не значит, что там и здесь этот источник приводил к одним и тем же последствиям. О. Леонид любил и Рим и Россию, но Рим он любил иначе, чем Россию, и Россию любил иначе, чем Рим.

Это, казалось бы, отвлеченное различие между одной и другой любовью, несмотря на их исхождение из одного и того же источника, было для о. Леонида опытным различием; он иначе держал себя в обществе католическо-польского клира и в обществе православного духовенства.

Люди легче всего идут нам навстречу, когда мы понимаем и разделяем с ними чувства обиды от несправедливого к ним отношения; чтобы говорить с человеком на его языке, нужно соглашаться с ним, что он был обижен и несправедливо обижен; поэтому не легко посредничать между теми, для кого взаимное отношение есть прежде всего отношение взаимной несправедливой обиды. О. Леонид отлично знал, как болезненно ощущает православное духовенство все то, что приходит к нему с латинской стороны под видом высокомерного презрения; но он знал не меньше того, сколько оснований имеется и у польского клира, чтобы жаловаться на такое же высокомерное отношение еще недавно « господствовавшей » Церкви. Тем не менее, беседуя с православными и настойчиво свидетельствуя перед ними, что латинское высокомерие есть нечто переходящее и случайное, тогда как уважение к восточному благочестию неотделимо от самой сущности католицизма и вдохновляет собой всю папскую политику последнего времени, - он никогда не забывал о том, что все католики без изъятия, латиняне или восточные, высокомерны они или нет, были его братья по вере. Вот почему вместе с ним можно было сожалеть, даже возмущаться пренебрежением к восточному обряду и к восточному священству, но издеваться над ксендзами было немислимо.

По той же причине, о. Леонид всегда соглашался, когда вместе с ним вспоминали или недавние гонения или никогда не исчезавшие в Москве нападки на « папистов », и был далек от того, чтобы сводить все отношения православия к католицизму к добросовестному заблуждению или к политическим разногласиям; но несмотря на это, в его

обществе чернить попов было так же невозможно, как издеваться над ксендзами, и притом не потому, что православные священники уже сейчас были для него такие же братья по вере, как католические, а потому, что они могли и должны были стать этими братьями в ближайшем или отдаленном, но нравственно необходимом будущем.

Одно дело - любовь к тому, что уже совершенно, другое дело - любовь к тому, что имеет стать совершенным. Первой любовью о. Леонид любил римское католичество, второй - русское православие; но эти чувства восходили у него к одному и тому же источнику, к сыновней любви к Господу Богу, который одинаково хочет, чтобы все без изъятия, в том числе поляки и русские, принадлежали к одной и той же пастве Христова Наместника.

Будучи посредником, священник должен идти по средней, как говорят богословы, « царской дороге », не уклоняясь сверх меры ни в ту ни в другую из возможных сторон. На этой средней дороге строится, как известно, и церковная аскетика и церковная догматика. По этой причине умение находить середину там, где она еще не обозначилась, и вместо нее, в действительности, преобладает борьба кричащих течений, может быть показателем глубокой церковности и благодатного дара. Этим даром о. Леонид обладал в изумительной степени, и потому в области римско-католического апостолата он шел по дороге, которую нельзя назвать иначе, как средней дорогой.

Единоличные обращения или подготовка всей совокупности православных к чиновачальному возвращению? Многим работникам восточного апостолата это противоположение представляется с большой остротой. Надо работать, говорят в таких случаях, или в одном или в другом направлении; раз все усилия направляются на единичные обращения, тем самым замедляется возможное возвращение в будущем православной иерархии, так как подобные обращения ничего кроме раздражения не вызывают. Точно также, настаивая на возможности и осуществимости в ближайшем будущем всеобщего возвращения, тем самым, если не исключаются, то затрудняются единоличные обращения, так как люди уже близкие к католичеству, на этом основании будут откладывать свое решение до того времени, когда иерархия возьмет почин на себя.

Между тем о. экзарх с одинаковой силой и одинаковой убедительностью работал и в том и в другом направлении. Каждое единичное обращение было для него воистину радостью, и он с исключительным умением подготовлял к последнему решению всех тех, кто так или иначе поддавался его влиянию. Но в то же время он никогда не терял надежды на возвращение иерархии и с наименьшей настойчивостью

создавал и расширял свои связи среди православного духовенства, убеждая его представителей в необходимости и осуществимости примирения с Римом. Очевидно, ни доводы сторонников исключительного прозелитизма, ни доводы сторонников такого же иринизма, на него не действовали; он шел и здесь своею средней дорогой.

Надо думать, что те соображения, которыми он руководствовался, сводились к глубокой вере в то, что русское католическое дело есть прежде всего Божие дело, а потом уже наше. Поэтому нельзя отказываться ни от единичных обращений среди тех, кого Господь к нам приводит, уповая на то, что Провидение Божие сумеет устранить тот соблазн, которого мы подчас чрезмерно боимся, и нельзя точно так же подавлять в себе и в других надежду на всеобщее возвращение, так как эта надежда тоже исходит от Бога, и для тех, кому действительно суждено уже теперь перейти в католичество, препятствием к переходу не будет и быть не может.

Впрочем, в отношении православного духовенства, кроме общего упования на Провидение Божие, у о. Леонида были свои глубоко-продуманные расчеты. Сводились они, насколько я могу судить по его отдельным высказываниям, к следующему: весьма многие из православного духовенства и, в частности, из православного епископата никогда не мирились с синодальным порядком вещей и приняли патриаршество, как восстановление законного преимущества духовной власти над светской. Между тем, в действительности, произошло лишь замещение единоличного правительственного и по своим политическим убеждениям чаще всего реакционного обер-прокурора множеством выборных, если не революционных, то демократических обер-прокуроров в лице представительства мирян и епархиальных и в самом патриаршем совете. Наиболее чуткие из представителей духовенства стали уже замечать, - как полагал о. Леонид, - что новое движение не лучше, если не хуже прежнего; все же они не решались высказаться в виду общего положения, обусловленного наличием советской власти. Зато в будущем, православная церковь по необходимости должна будет выбирать между восстановлением синодального режима или сохранением церковной демократии. Тут-то, по крайней мере для наиболее чутких и церковных людей, станет ясным, что только примирение с Римом при любом политическом режиме, который создастся, сумеет обеспечить духовной власти действительное преимущество перед светской.

Иначе говоря, принятое о. экзархом направление было по самому существу аполитичным. Он строил свои расчеты на раскрытии в самой иерархии убеждения в том, что святителям подобает повиноваться

Первосвятителю, раз они не хотят, чтобы пастыри оставались во власти у паствы.

С этим глубоким церковным аполитизмом был связан и своеобразный патриотизм о. экзарха. Он любил родину глубокой, воистину сыновней любовью, свободной от какого бы то ни было самомнения и заносчивости. Русская история представлялась ему, в отличие от многих других национальных деятелей, еще не законченной и не завершенной, и самое завершение этой истории мыслилось ему в виде вхождения России в общую семью католических государств. Так, благо Церкви и благо народа совпадали для него с возвращением России в паству св. Петра, и потому для него римское католичество и русский патриотизм не были и не могли быть противоположны.

К этим трем заветам о. Леонида:

а) любовное и вместе с тем разное отношение к католическому и православному пастырству,

б) также любовное и разное отношение к единичным обращениям и к подготовке общего возвращения (в глубине души он отдавал несомненно предпочтение всецелому возвращению пастырства перед частичным полнением паствы) и наконец,

в) все то же любовное и разное отношение к Российской державе и Римской Церкви (для него, как для каждого настоящего католика, Церковь была первой родиной, а Россия - второй), мне остается добавить немного.

Мои личные воспоминания позволяют мне сказать, что о. экзарх был нравственно целостным человеком. Что бы и о чем бы он ни говорил, он говорил всегда так, что все, что он говорил, представлялось ему и его собеседнику одинаково важным и ценным. В его философских высказываниях никогда не проскальзывали те личные и для собеседника всегда затруднительные подчеркивания и углубления, которые так характерны для каждого, у кого некогда был в его нравственной жизни одинокий и подпольный период.

Душевное равновесие о. экзарха, в котором не было ни безразличия, так как все, что он говорил, было ему важным и ценным, ни безобщественности, так как все, что он говорил, было церковно, а потому и общественно важно, - конечно не могло не быть делом Божией благодати. Больше того, о. экзарх не только всегда говорил обо всем, как важном и ценном, но он всегда знал и помнил, с кем и зачем говорил ».

ГЛАВА V

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ Ю. Н. ДАНЗАС - ОТ РАЦИОНАЛИЗМА К
ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Самообразование. - « Исповедь » св. Августина, Отцы Церкви и Иустин Философ. - Аттестат зрелости. - Полоса философских влияний. - Пессимизм Шопенгауера. - Эстетическая сторона христианства и быт русской Церкви. - « Жизнь Иисуса » Ренана. - Оккультизм. - Первая книга: « Запросы мысли ». - Религиозно-философское общество. - Русское монашество. - Сektанство. - Вторая книга: « В поисках за Божеством ». - Религиозные собрания в Петербурге у Е. Г. Шварца и гр. Игнатьевой. - Епископ Анастасий, ректор Петербургской Духовной Академии. - Сближение православия с англиканами и старокаатоликами. - Идея Рима в истории Церкви. - Русские мыслители. - На приеме паломников у Папы св. Пия X. - Мистика. - Разговоры с Гарнаком и Дюшеном. - Мысль об уходе из мира. - В Зосимовой пустыни у старца Алексея. - Переселение душ? - Война: два с половиной года в подвижном отряде Красного Креста. - Революция. - Встреча с о. Леонидом в « Доме ученых ». - Воссоединение с католичеством в церкви на Бармалеевой улице. - « Община Св. Духа ».

Юлия Николаевна Данзас родилась 9 мая 1879 г. в Афинах, где ее отец, Николай Карлович, был поверенным в делах русского правительства. Николай Карлович был внук французского эмигранта, Карла Данзас, второй сын которого, Константин, был товарищем Пушкина по лицу и впоследствии его секундантом. Третий сын, Карл, Харьковский губернатор, через брак с Ю. В. Зарудной стал богатым помещиком Харьковской губернии; его единственным сыном был Николай, отец Юлии Николаевны. Как сын православной, он был крещен православным, и дети его были тоже православными.

Мать Юлии Николаевны, Евфросиния Эммануиловна, рожденная Аргиропуло, была из Византийского рода, происходившего по прямой линии от императора Романа Аргира (XI в.), женившегося на последней представительнице Македонской династии - императрице Зое. После объявления независимости Греции, одна ветвь этого рода приняла греческое подданство, другая - русское; из последней происходила мать Юлии Николаевны. Она была строго воспитанная светская дама, ничем особенным не отличалась, жила исключительно для мужа и семьи, но влияния на детей почти не имела.

Отец Юлии Николаевны скоропостижно скончался в 1888 г. После его смерти, мать с двумя детьми, сыном Яковом двенадцати лет и до-

черью Юлией девяти лет (старший сын Эммануил умер незадолго до смерти отца в том же году, в возрасте 13 лет), переехала в имение Харьковской губернии, где прожила безвыездно около четырех лет; траура она не снимала до конца жизни.

В деревне Юлия Николаевна росла без всякого умственного влияния со стороны семьи. Воспитали ее исключительно книги. В доме была огромная библиотека, занимавшая два зала и насчитывавшая около 20.000 томов. Видя интерес дочери к книгам, мать заперла на ключ шкаф с французскими романами, а об остальном уже не заботилась. Внимание Юлии Николаевны привлек шкаф с фолиантами XVIII века, и она стала брать из него книги без разбора и всякого руководства. В возрасте от 10 до 15 лет она перечитала не только всех историков (к истории у нее пробудилось влечение уже в раннем детстве), но и философов: Декарта, Дидро, Вольтера, Руссо, всю Энциклопедию.¹ Несмотря на невообразимую смесь, которая образовалась от всего этого в детской голове Юлии Николаевны, постоянное чтение дало ей навык к упорной работе мысли и развило в ней врожденную семейную черту - прекрасную память.

Учение давалось Юлии Николаевне очень легко, но протекало тоже своеобразно. Брата ее по слабости здоровья не могли отдать в учебное заведение и он проходил дома программу средней школы, готовясь к поступлению в университетские классы Училища Правоведения. Юлия Николаевна занималась совместно с братом, и ко времени его поступления в Правоведение, тринадцати лет, окончила гимназический курс. К этому времени семья Данзас переехала в Петербург.

¹ Речь здесь о французской *энциклопедии* Дидро и Даламбера, печатавшейся в течение двадцати лет (1751-1772), не считая дополнений и систематического указателя. По мысли Дидро она должна была охватить в объединенном целом всю совокупность завоеваний разума, сделанных за последнее время. Как культурно-историческое явление, энциклопедия является воплощением рационалистических идей XVIII века. Осуществлению этой задачи способствовал ряд таких сотрудников, как Вольтер, Монтескье, Бюффон, Жан-Жак Руссо и мн. др. Эти *энциклопедисты* были, в общем, людьми разных политических взглядов; философские их воззрения тоже были неодинаковы, но их связывало враждебное отношение к католической Церкви. Это последнее, главным образом, объединило и организовало свободных мыслителей того времени и их разнородные воззрения обратило как бы в единую доктрину, несмотря на то, что сама Энциклопедия в своем целом представляет собою собрание самых разнообразных материалов. Об этом высказался Вольтер в письме к Дидро: « Наш труд - вавилонское столпотворение; добро и зло, истина и ложь, серьезность и легкомыслие - все перемешано здесь... Самые страшные дерзости встречаются наряду с удручающими пошлостями ». В более широком смысле, *энциклопедистами* принято называть, вообще, писателей и мыслителей, близких по духу сотрудникам французской Энциклопедии.

Дальше Юлия Николаевна хотела заниматься только историей и историей литературы. Преподавателем к ней пригласили будущего профессора и академика В. Н. Переца. Кроме того она училась рисованию (в школе Григоровича «Поощрение Художеств») и музыке. Наряду с этим продолжалось все то же беспорядочное чтение. «Исповедь блаженного Августина» дала Юлии Николаевне первый толчок к пробуждению религиозных интересов. До этого религиозные вопросы представлялись ей только в форме каких-то бытовых подробностей жизни. «Исповедь» раскрыла перед тринадцатилетней девочкой философскую сторону христианства, о которой ей до этого никто не говорил. После этого она достала (в родительском доме это было не так легко!) и прочитала Евангелие; однако, еще детский ум, поврежденный слишком ранним и серьезным чтением, оказался невосприимчивым к евангельской простоте. Африканский ритор заставил Юлию Николаевну задуматься над тем, что же такое христианство, раз оно привлекает и таких сильных людей. Под влиянием «Исповеди» она решила перейти к чтению отцов Церкви.² В книжном магазине Тузова она приобрела восемь томов творений св. Иоанна Златоуста, издание Казанской Духовной Академии. Однако, после попытки читать, - последовало разочарование. Риторика в тяжеловесном русском переводе показалась ей нестерпимой, а добраться до сути она еще не могла. Решив, что другие Отцы, может быть, более интересны, и вспомнив, что Церковь, наряду с Иоанном Златоустом, почитает Василия Великого и Григория Богослова, Юлия Николаевна снова отправилась к Тузову в сопровождении неизменной англичанки. Пока прикащик доставал требуемые книги, взгляд Юлии Николаевны упал на скромный томик с заголовком «Тво-

² Как раз тогда подошло время ежегодного говения на Страстной неделе. Говели при церкви Правоведения, куда вся семья ходила из-за учившегося там брата Юлии Николаевны. Законоучителем и духовником был профессор Духовной Академии протоиерей Рождественский. На исповеди он задал Юлии Николаевне обычные вопросы о здоровье матери и прочих членов семьи, чем большей частью и ограничивалась ежегодная исповедь. На этот раз Юлия Николаевна решилась обратиться к священнику с волновавшими ее вопросами. Протоиерей растерялся от неожиданности и с изумлением сказал:

— Ну что же, есть книжки... Да, да, много хороших книжек... Вот в библиотеках посмотрите по каталогу, выберите, почитайте, дело хорошее...

Последовало молчание; затем увещание слушаться мамы и - отпущение грехов.

Вспоминая об этой единственной попытке обратиться с таким вопросом к духовнику, Юлия Николаевна, спустя сорок лет после этой памятной исповеди, заметила:

— Только и всего. Не так бы ухватился за молодую душу католический священник!...

рения св. Иустина Философа и Мученика », находившийся среди прочих книг, разложенных на прилавке. Мелькнула мысль: « Раз философ, должно быть интересно! » Святого Иустина присоединили тоже к покупке.

С него-то и началось чтение новых приобретений. Оно явилось поворотным пунктом в жизни молодой мыслительницы, каковой уже тогда стала Юлия Николаевна. Рассказ св. Иустина о своих исканиях, о разных философских учениях, не удовлетворявших его, показался ей таким близким, а путь его - таким понятным. А изумительные беседы на шестоднев св. Василия Великого, его же - о Св. Духе, или глубокая метафизика Григория Богослова! Перед юным умом раскрылся целый мир метафизических представлений, в котором он буквально был готов захлебнуться. Какими пошлыми и бездарными показались после этого все издевательские описания христианской космогонии Вольтера и Энциклопедистов! На пятнадцатом году жизни, Юлия Николаевна пережила действительное откровение христианства. Однако, всему этому не хватало еще самого существенного: отсутствовала живая личность Самого Иисуса Христа. Все оставалось в области философских умозрений, и в этом для искательницы истины таилась немалая опасность.

Шестнадцати лет Юлия Николаевна блестяще выдержала экзамен на аттестат зрелости при шестой Петербургской (классической) гимназии. По всем предметам она получила полный балл - пять. Ввиду ее юных лет потребовалось даже специальное разрешение Попечителя Округа на право держать экзамен.

* * *

Вопрос о мировом зле, в какой-то смутной форме, тревожил Юлию Николаевну еще в ранней юности. При здоровом организме, нормальном физическом развитии и спортивной жизни в деревне (лошади, собаки, охота), у нее не было никаких болезненных исканий, но были странные явления. Началось это, когда ей было около десяти лет. Она просыпалась по ночам с чувством, что слышит какие-то вопли: крики боли, скорби. Крики подступали отовсюду, и в них ей чудился какой-то странный, безотчетный отклик мирового страдания. На яву все эти видения исчезали, а к 14-15 годам совсем прекратились; из области подсознательного они перешли в область сознательного мышления. В философских умозрениях она стала как-то инстинктивно искать ответа на смутные, еще не оформленные вопросы о мировом зле. В христианской философии ее поражало глубокое отношение к сущности мирового

ПАПА СВ. ПИЙ X

бытия, но в то же время, чем глубже она вдумывалась в эту философию, тем больше у нее возникало чувство неудовлетворенности от избытка в ней какого-то оптимизма. Молодой душе, не прошедшей через горнило испытаний, не была еще понятна до конца идея благодати Божией на фоне земного страдания.

На этой почве пессимизм Шопенгауера явился своего рода откровением, и постепенно христианская философия стала ей казаться недостаточно глубокой. Результатом нового и более глубокого увлечения безотрадным пессимизмом XIX века, явилось разочарование в жизни, влечение к самоубийству. Молодая Юлия Николаевна, баловень судьбы, имевшая все для личного счастья и никаких поводов для личного горя, была несколько раз близка к самоубийству. Несколько раз оно было предупреждено в последнюю минуту.

Такого рода переживания еще сильнее толкали Юлию Николаевну на путь философского углубления. Ей начало казаться, что христианство уже пройденный этап. Оно представлялось ей какой-то прекрасной, лучезарной, оптимистической философией, которая все же не давала ответа на сущность бытия. Ей казалось, что даже такие высокие умы, как Иустин философ и Василий Великий, и те многого не понимали из-за недостатка научной подготовки. Словом, Юлии Николаевне дано было испытать на себе, к чему приводит вера в необычайный прогресс науки, свойственная людям ее поколения. Решение напрашивалось само собой: нужно изучить в точности строение мира на основе новейшей науки и уже на этом основании решить вопрос о происхождении страдания. Для Юлии Николаевны настала теперь пора увлечения Дарвинизмом и, вообще, естественными науками XIX века. Самое сильное влияние на ее психологию оказывал Геккель. Его книги стали для нее как бы новой Библией.³ В этом Юлия Николаевна пошла по стопам своего отца, увлекавшегося исследованиями в области естественных наук, личного друга Геккеля, поддерживавшего с ним переписку и собравшего у себя почти полную библиотеку научных книг

³ ГЕККЕЛЬ (род. в 1834 г.) - один из известнейших зоологов Германии, решительно высказавшихся в пользу теории Дарвина. Своими исследованиями он уточнил ее в чисто материалистическом духе. Опираясь на нее и на данные эмбриологии, сделал попытку дать рациональную систему животного царства, основанную на происхождении различных групп животных одних от других. Многие взгляды и обобщения Геккеля выходили за пределы точного знания и оказались впоследствии научно опровергнутыми, как односторонние и неверные. Более того; в своей попытке создать материалистическую систему, основанную на достижениях науки, Геккель, ради проповеди атеизма, не останавливался и перед недопустимой для ученого исследователя недобросовестностью.

XIX века. Этот этап длился у Юлии Николаевны довольно долго. Правда, у нее он как-то сочетался с шестодневом Василия Великого, но при мнении, что он многого не знал, а если бы жил в наше время, то был бы более глубоким. Христианство же, как таковое, являлось ей чем-то вроде красивой сказки, с которой, хотя и с сожалением, но все же было необходимо расстаться во имя высших потребностей разума.

Наряду с этим Юлия Николаевна не оставляла занятий искусством, благодаря которым она, ко времени своего совершеннолетия, восприняла эстетическую сторону христианства. Она очень любила церковную службу, прекрасно знала весь обиход пения, запомнила наизусть молитвы, тропари, кондаки, сама пела, увлекалась церковной музыкой, настолько, что устроила в деревне церковный хор. Однако, соприкосновение с бытовым христианством, с буднями церковного быта, только повлекло за собой новое разочарование в возможности проведения в жизнь идеала христианства. Вместе с этим, более близкое знакомство с русским духовенством тоже влияло отрицательно на отношение Юлии Николаевны к Церкви. Все же, от холодного эстетического любования несбыточным, по ее мнению, христианством ее спасло изучение истории. Историческая добросовестность заставляла ее признать, что христианство было в мировой истории реальностью. Но в чем состояла эта реальность, как она вошла в плоть и кровь человечества, на это сама история не давала никакого ответа.

Неожиданное влияние оказала книга, случайно попавшая ей в руки, - « Жизнь Иисуса » Ренана. Юлия Николаевна знала уже Ренана, как историка, очень любила его « Марка Аврелия », знала, в общем, и другие его труды. Между тем, просмотрев однажды, в ранней молодости, « Жизнь Иисуса », она пренебрежительно отбросила ее, неприятно ощутив что-то фальшивое в тоне этой книги. Теперь же, в период мучительных вопросов о сущности мирового бытия и человеческого духа, ей почувствовалось в книге Ренана другое: живой облик Богочеловека, точно осветивший внезапно темные места ее психологии. Конечно, не Ренану было дано сказать ей здесь последнее слово, и восприняла у него Юлия Николаевна несомненно больше того, что он говорил в действительности, но все-таки, при его помощи, она впервые почувствовала, чем Христос является для христианства, оставшегося у нее в области отвлеченных умозрений. Все это в ее сознании было тогда достаточно хаотично. Однако, со страниц книги Ренана, на Юлию Николаевну взглянул живой Христос. Она прочувствовала всю справедливость слов Ренана о Нем: « Кто раз почувствовал на себе взгляд Христа, тот забыть его больше не может ». Забыть этот взгляд Юлия Николаевна действительно не смогла, но понять его вполне ей было

тогда не под силу. Для этого у нее не доставало еще достаточно глубоких внутренних переживаний. Но к этому времени они как раз начались.⁴

* * *

Юлия Николаевна полюбила несвободного человека. Но она не

⁴ Благотворное влияние «Жизни Иисуса» на Ю. Н. Данзас не приходится оспаривать. Кардинал Дюбуа тоже не отрицает возможности такого действия этой книги Ренана. «Может быть, - говорит кардинал, - он действительно, как утверждают некоторые, помог иным верующим проникнуться религиозным сознанием; однако, с уверенностью можно сказать, что он убил веру во многих верующих душах, и сам же радовался этому. Не написал ли (кощунственно) Ренан: «Храмы живого Иисуса разрушатся; дарохранительницы, где якобы хранится Его Тело и Кровь, будут разбиты». Лагранж говорит о Ренане («Revue Biblique» июль-окт. 1918): «Возможно, что он и был искренен в своем отрицании божественности Иисуса Христа. За это судья ему один Бог. Но он несет ответственность, как писатель. Читая его со вниманием, нельзя не сказать, что он неискренен, восторгаясь Христом, характер которого он так тщательно изучил». «Под видом почитания, у него ироническое и вероломное отрицание». Ренан умер 2 октября 1892 г. Ему устроили гражданские похороны на казенный счет. Этим хотели прославить рационалиста, явного врага христианства, *sedo* которого содержит только один догмат - отрицание сверхприродного и почти все произведения которого числятся в списке запрещенных католикам книг.

Если и приходится немного удивляться положительному действию именно Ренана на молодую Ю. Н. Данзас, то скорее всего это было потому, что Ренан, исследователь Палестины, знаток Востока, историк еврейской религии, не мог убить в ней христианскую веру, которой у нее тогда еще не было. Не имея же в этом смысле почти ничего, она восприняла кое-что у этого поэтически все-таки привлекательного писателя, подкупающего творческой свободой своей фантазии, почувствовав несомненно больше того, что он в действительности мог ей сказать, и пройдя мимо того, что в его книге явилось бы подлинным ядом для еще незрелой, но уже верующей христианской души.

В 1941 г., за год до смерти, в своем последнем труде «Католическое богопознание и марксистское безбожие», Юлия Николаевна посвятила такие строки Ренану, которого она называет «знаменитым французским историком»: «Ряд его трудов по истории первобытного христианства начался, лет пятнадцать после «трудов» Бауэра (немецкий ученый Бруно Бауэр, высказавший около середины XIX века мысль, что все относящееся к личности Христа выдуманно первыми христианами для обоснования своего учения и по аналогии с разными языческими мифами о богах), с книги «Жизнь Иисуса», в которой он задался целью доказать, что Христос был простым человеком: книга написана в форме простой биографии. Но эта книга, оскорбительная для христианского чувства, как отвергающая божественность Христа, имела то значение, что покончила с фантазиями Бауэровского типа. Жизнеописание Христа, хотя бы лишенное религиозного освящения, но написанное во всеоружии исторических данных, предстало в этой книге с несокрушимой жизненной правдой, в обрамлении самых точных мельчайших подробностей быта, среды, исторической обстановки.

захотела строить личное счастье ценой разрушения чужой семьи и поэтому от него отказалась, хотя это и стоило ей немалой внутренней борьбы и тяжелых переживаний. С другой стороны, светская жизнь, которой она, по свойствам своей цельной натуры, тоже отдавалась не без увлечения, занимала ее мысли бесполезными вещами и отвлекала от серьезных занятий. Юлия Николаевна нашла выход этому положению, поступив вольнослушательницей в Сорбонну. Это помогло ей оторваться от связывавшего ее в Петербурге. Ее любимый профессор Люшер не раз попрекал Юлию Николаевну за то, что она рассеивается, занимаясь искусством и спортом, вместо того, чтобы отдаться всецело науке. Он не мог не видеть, что из нее вырабатывается серьезный историк. Она же понимала, какое значение имели для нее уроки Люшера и занятия с ним помимо лекций, раскрывавшие ей роль христианства в Западной Европе и, в частности, воплощение его идеала в папстве. Юлия Николаевна вполне усвоила воззрение на католическую Церковь, как на стержень мировой истории; как историк, она уже с него никогда не сходила.

Еще большее впечатление произвело на нее знакомство с Дюшеном.⁵ От него Юлия Николаевна усвоила убеждение, что историю нельзя понять без глубокого изучения религиозных и философских идей, которыми жило человечество. Юлия Николаевна стала с этого времени специализироваться на истории религий и сект больше, чем на истории внешних событий. Интерес к средневековым сектам натолкнул ее на изучение оккультистов и кабалистов; в связи с этим она заинтересовалась и современными оккультными течениями, сблизилась с группами оккультистов и с « магами »; несколько лет спустя она уже состояла в ордене « мартинистов ». Однако, трезвый ум помешал ей пойти путем темной и нездоровой мистики. Присутствуя на магических опытах и

⁵ Аббат *Луи Дюшен* (1843-1922) - выдающийся французский ученый, главным образом в области христианской археологии и древней истории Церкви. Занимался археологией в Риме, участвовал в ученых экспедициях на Афоне и в Малой Азии. По возвращении во Францию стал профессором на богословском факультете в Парижском университете, а с 1910 г. - членом Французской Академии. Человек исключительной эрудиции, тонкий критик, описания и характеристики которого исполнены большой живости. Основанным в 1880 г. журналом « *Bulletin Critique* » проложил новые пути церковно-историческим исследованиям, применив современные методы исторической критики к истории начала христианства. Среди его главных трудов видное место занимает книга « *Origines du culte chrétien* ». Из многочисленных статей по церковной литературе и истории замечателен его этюд о догмате Св. Троицы у до-Никейских Отцов Церкви. Этот труд вызвал целое движение, направленное против Дюшена, не имевшее впрочем успеха, с целью лишить его богословской кафедры.

спиритических сеансах, она оставалась неизменно на почве научного изучения этих явлений. В этот период изучения таинственной природы человеческого духа, занятий вопросами психики и животного магнетизма, Юлия Николаевна состояла членом корреспондентом Лондонского общества психических исследований. Немецкая философия, распространенная среди русских интеллигентов, и Гегель, и Фихте, стали казаться ей теперь, при свете этих знаний, лишенными жизненности. Из философов большое влияние имел на нее в это время Ницше с его страстным индивидуализмом. Его влияние сильно сказалось на ее первой книге «Запросы мысли», напечатанной в Петербурге в 1906 г. под псевдонимом «Юрий Николаев». В этой глубоко пессимистической книге она разбирала идеалы, которыми живет человечество (искусство, наука, религия и т. д.) и находила их всех по существу недостаточными для удовлетворения пытливого ума. Книга имела большой успех, была раскуплена в несколько месяцев и в следующем году потребовалось второе издание. Восторженные письма, которые она стала получать, в которых говорилось о безысходности жизни и о самоубийстве, как единственном разумном выходе, испугали ее. Она почувствовала угрызение совести за то, что, разочаровывая людей, внесла свою долю в усиление мирового страдания.

Ужас перед событиями, развернувшимися в России в 1905 г., тоже наталкивал Юлию Николаевну на поиски какого-нибудь практического выхода, каких-то устоев среди общего хаоса: мысль ее должна была претвориться в какое-то реальное действие. Шарлатанство и темные замыслы, которые она не могла не установить при близком знакомстве с оккультистами, побудили ее оставить мысль о магической власти над толпой. Взгляды Юлии Николаевны естественно обратились к религии. Изучение средневековой Церкви дало ей представление о том, чем Церковь может быть в мире. Желая изучить движущие силы православной Церкви, она вступила в члены Религиозно-философского общества в Петербурге. Впечатление получилось отталкивающее. Либеральные батюшки типа Петрова, Асеева и др., интеллигенты, вносившие в прения о религиозных вопросах свое поверхностное представление о Церкви, как о каком-то интеллектуальном ордене, при полном незнакомстве с ее историей, ложная мистика отнюдь не церковного происхождения, все это могло внушить только отвращение человеку, хорошо изучившему патристику и подлинную церковную мистику.

Когда Юлия Николаевна отошла от этих собраний, дальнейшим шагом вперед было для нее изучение православной Церкви в ее реальной жизни, главным образом в монашестве. В 1906 г. она стала ездить по монастырям. Тогдашнее ее положение фрейлины Императрицы,

сопряженное с заведыванием несколькими благотворительными делами Государыни, благодаря чему она имела в Зимнем дворце свою канцелярию из двух комнат, ставило Юлию Николаевну в обществе в положение самостоятельного светского человека, почему и разъезды ее по России никого не удивляли. Она побывала во всех известных мужских и женских монастырях, даже отдаленных, на севере и юге России. В некоторых, как в Шамордине (около 15 км. от Оптиной Пустыни), она проживала по две-три недели, изучая все стороны монашеского быта, главным образом духовную жизнь. Ее привлекала особенно Оптина Пустынь, овеянная славой старцев. Однако, именно тут ей пришлось пережить некоторые разочарования.⁶

Во всех монастырях, куда народ стекался на богомолье, Юлия Николаевна особенно интересовалась настроением паломников. Не раз, одевшись крестьянкой, она смешивалась с толпой и вела беседы с простым народом. Под внешней верностью православию она отмечала иногда сектанские и даже совсем дикие представления. Это ее заинтересовало, и она перенесла свое внимание на секты. Юлии Николаевне удалось приблизиться к самым разнообразным сектанским кружкам; интересовали ее главным образом мистические секты - все разновидности хлыстовщины. Ей удалось проникнуть даже в хлыстовские «корабли». В Петербурге она дважды присутствовала на собраниях у знаменитой в то время хлыстовки Дарии Смирновой. На эти собрания она приходила переодевшись простолюдинкой, в сопровождении своей горничной и ее жениха, конюха императорской конюшни, рослого парня, обладавшего достаточной силой, чтобы в случае нужды, во-время и благополучно, вывести своих спутниц. Мир русских сектантов, носивших явный отпечаток отдаленных манихейских влияний, дал возможность Юлии Николаевне глубже понять те древние секты, которые она раньше изу-

⁶ Это неудивительно, ибо в те годы Оптина Пустынь жила уже былой славой. После плеяды великих старцев Леонида, Макария и, особенно, Амвросия, с их исключительным влиянием на весь строй Оптинской жизни, этот дух едва теплился в их преемнике, тихом и благом старце Иосифе. На беду, движение, возбужденное против него скитоначальником, иеромонахом Варсонофием, пожелавшим тоже фигурировать в качестве «старца», привело чуть ли не к расколу среди братии, коснувшемуся даже соседнего женского монастыря Шамордина, созданного старцем Амвросием и остававшегося на духовном попечении Оптиных старцев. Все это в такой мере стало предметом явного соблазна, что духовные власти удалили о. Варсонофия из Оптиной Пустыни куда-то в глушь, назначив настоятелем одного из заолустных монастырей. Последний оптинский старец, о. Нектарий, хотя и человек несомненно святой жизни, при котором большевики ликвидировали монастырь и разогнали монахов, был мало одаренной личностью. Он кончил свою жизнь в одной из окрестных деревень, в чьей-то избе, у приютивших его крестьян.

чала лишь теоретически. Специально она занялась изучением религиозно-философских течений в древнем христианстве, положивших основу дальнейшему сектанству. Древние гностики явились ей теперь в другом свете. Тогда она задумала грандиозный научный труд - проследить за два тысячелетия истории христианства разветвления дуалистических течений первых веков и их влияния на развитие мысли и богословских течений в разных церквях. Приступив к выполнению этого замысла, Юлия Николаевна начала с работы над древними гностиками.⁷

⁷ *Гностицизм* - совокупность религиозно-философских систем, которые появились в течение двух первых веков христианства и в которых основные факты и учение христианства, оторванные от исторической почвы, разработаны в смысле языческой мудрости. Хотя гностицизм, в отличие напр. от неоплатонизма, и признает христианские данные, но от подлинного христианства отличается языческим пониманием и обработкою этих данных и отрицательным отношением к историческим корням христианства в еврейской религии.

Владимир Соловьев отмечает, что « в основе этого религиозного движения лежит *кажущееся* примирение и воссоединение божества и мира, абсолютного и относительного бытия бесконечного и конечного. Гностицизм есть *кажущееся спасение*. Гностическое мировоззрение выгодно отличается от всей до-христианской мудрости присутствием в нем идеи определенного и единого целесообразного мирового процесса; но исход этого процесса во всех гностических системах лишен положительного содержания: он сводится, в сущности, к тому, что все остается на своем месте, никто ничего не приобретает. Жизнь мира основана только на хаотическом смещении разнородных элементов, и смысл мирового процесса состоит лишь в разделении этих элементов, в возвращении каждого в свою сферу. Мир не спасается; спасается, т. е. возвращается в область божественного, абсолютного бытия, только духовный элемент, присущий некоторым людям (пневматикам), изначала и по природе принадлежащим к высшей сфере. Он возвращается туда из мирового смещения цел и невредим, но без всякой добычи. Ничто из низшего в мире не возвышается, ничто темное не просветляется, плотское и душевное не одухотворяется. У гениальнейшего из гностиков, Валентина, есть зачатки лучшего мирозерцания, но оставшиеся без развития и влияния на общий характер системы. Наиболее трезвый философский ум между ними - Василид - отчетливо выражает и подчеркивает ту мысль, что стремление к возвышению и расширению своего бытия есть лишь причина зла и беспорядка, а цель мирового процесса и истинное благо всех существ состоит в том, чтобы каждое знало исключительно только себя и свою сферу, без всякого помышления и понятия о чем-нибудь высшем.

С этой основной ограниченностью гностицизма логически связаны и все прочие главные особенности этого учения. Вообще гностические идеи, несмотря на свою фактическую и мифологическую оболочку, по содержанию своему суть плод более аналитической, нежели синтетической работы ума. Гностики оставляют разделенным все то, что в христианстве (а отчасти и в неоплатонизме) является единым и соединенным. В наши дни, изучение гностицизма вступает, повидимому, в новую фазу. В ближайшем будущем можно ожидать серьезных успехов в этом направлении, которые, как надеются, приведут к полному пониманию учения гностиков. Дело в том, что до последнего времени исследования сильно усложнялись отсутствием

Работала она по первоисточникам. Ее библиотека пополнилась патристикой первых трех веков и всем, что было до этого времени написано в европейской литературе; все вместе составляло около 1000 томов. Плодом этой работы была книга « В поисках за божеством - очерки по истории гностицизма », занявшая у нее 5-6 лет и вышедшая в Петербурге в 1913 г. под тем же псевдонимом. Так как почти все время в течение дня у нее было заполнено обязанностями светской жизни, какую Юлия Николаевна вела в столице, то работала она ночами, обычно после полуночи, и спала в среднем 3-4 часа в сутки.

* * *

В эти годы, самыми интересными вечерами для Юлии Николаевны были религиозные собрания в доме графини Игнатъевой и Е. Г. Шварца, где собирались представители православного духовенства. Там она перезнакомилась со всеми русскими иерархами, подолгу и подчас откровенно беседуя с ними. Для нее эти вечера были только дополнением к тем впечатлениям, которые она вынесла из религиозно-философского общества. Туда собирались судить о Церкви интеллигенты, имевшие лишь поверхностные понятия о ней, здесь же, наоборот, на первом плане выступали представители высших церковных кругов.

У Шварца собрания носили характер непринужденной беседы церковных иерархов и духовенства с мирянами из высшего петербургского общества, большей частью правого направления. Посторонними посетителями были все главные синодские чиновники с обер-прокурором во главе, синодальные миссионеры (Скворцов, Айвазов и др.), а также многие выдающиеся священники - « передовые батюшки », пугавшие правое общество своим либерализмом. Со всей этой разнообразной публикой Юлия Николаевна входила в тесные сношения. Многие из них бывали у нее на дому. На этих собраниях состоялись ее первые публичные выступления. В одном из своих рефератов « Чаение языков » она говорила об античных мистериях, как прообразе христианских

подлинных текстов. Сведения об учении гностиков черпались главным образом из произведений авторов, полемизировавших с ними, которые приводили цитаты из их сочинений.

В 1946 г., на восточном берегу Нила, у подножия горы Гэбэль-эт-Тэриф, где жили первые христианские отшельники, была случайно найдена библиотека одной гностической общины конца III и начала IV века. Она состоит из 13 текстов, на коптском языке, написанных на папирусе, и содержит в себе целый ряд неизвестных текстов, которые, после тщательного изучения должны пролить новый свет на гностицизм в целом и на отдельные его разветвления.

тайнств; это были идеи, легшие в первую часть ее книги о гностиках.

Поражала Юлию Николаевну в этом кружке узость воззрений на Церковь, отождествлявшуюся с национальным чувством, при отсутствии широкого исторического понимания роли Церкви вообще и при полном игнорировании Западной Церкви. Юлия Николаевна, усвоившая уже идею Третьего Рима, но только в смысле продолжения и развития римской идеи, заложенной в Восточной Церкви, стала здесь все более понимать, что русский мессианизм отходит от широких путей мировой истории и впадает в узкий провинциализм. Однажды возгорелся спор по поводу появившейся тогда книги проф. Герье о св. Франциске Ассизском. Для большинства она явилась своего рода открытием неведомого мира. Доходило до того, что св. Франциска считали как бы случайным явлением в истории человечества:

— Ведь он попросту православный человек, случайно затесавшийся на Западе...

В один из вечеров, целый ряд выступавших ораторов горячо доказывал, что в Римской Церкви, как таковой, не может быть и не было святых, разве только за редкими и случайными исключениями. Это выводило из себя Юлию Николаевну, которая горячо спорила и, наконец, обратилась к присутствовавшему на собрании митрополиту Владимиру:

— Владыко, да скажите же вы им, что все это чепуха и невежество!

Митрополит Владимир смутился и стал говорить довольно туманно:

— Оно, конечно, святые-то у них были, но если внимательно присмотреться, так это все-таки не наши понятия о святости; вот, например, Августин у них чуть ли не величайший святой, а для нас он только блаженный...

Юлия Николаевна обиделась за св. Августина и стала горячо доказывать, что незнание его на Востоке объясняется просто невежеством. Вообще, она говорила резко т. к. привыкла к тому, что в этом обществе ей все позволялось.

В доме графини Игнатьевой собрания носили другой характер. Там миряне молчали или только задавали вопросы, а учительство принадлежало исключительно сонму иерархов. Они сидели отдельно за большим круглым столом, к которому подсаживалась только сама хозяйка дома да обер-прокурор синода. Остальные гости размещались кругом на почтительном расстоянии. Более свободная беседа начиналась во второй части вечера за чайным столом. Здесь Юлия Николаевна познакомилась с известными тогда иерархами, с Антонием Вольнским, Гермогеном

Саратовским и многими другими деятелями, вплоть до Никона Вологодского, пресловутого усмирителя Афонских монахов.⁸

Близкое знакомство с русскими иерархами пополняло знания Юлии Николаевны о русской Церкви. Изучение же ею быта во всех слоях русского религиозного общества пополнялось у нее всесторонним знанием церковного учения и его исторического развития.

Особенно сердечные, почти дружеские отношения сложились у Юлии Николаевны с тогдашним ректором Петербургской Духовной Академии епископом Анастасием (Александровым). На мирских собраниях он почти не бывал. Юлия Николаевна познакомилась с ним случайно. Она бывала часто у него в академии, и сам он бывал у нее, часами просиживал в ее кабинете, разбирая святоотеческие творения, которыми была полна библиотека. Они перечитывали тогда вместе многие места из «Отцов». Прекрасный эллинист, он помогал ей иногда при сличении греческих текстов. Епископ Анастасий много рассказывал Юлии Николаевне о церковном быте, язвы которого он ощущал. Он говорил о своей борьбе с протестантским влиянием в академическом преподавании догматики; рассказывал о своих трудах по обновлению русского монашества, поставившего пастырей русской Церкви, на самом же деле совершенно оторванного от истинного духа монашества, являвшегося, как он выразился, «костяком» русской Церкви.

Поведал он ей и о постигшей его неудаче в этой области. У него возникла смелая мысль отправить группу молодых иеромонахов на несколько месяцев к Бенедиктинцам в Монте Кассино и в другие католические монастыри для изучения быта и традиций западного ученого монашества. Епископ Анастасий сделал это предложение в синоде, но встретил резкий отпор: ему указали на то, что в католическом монастыре не будет соответственной постной пищи, а кроме того, что все эти молодые иеромонахи будут немедленно «собращены» в католичество. На этот последний довод епископ Анастасий резко возразил:

⁸ Здесь упомянуто глубоко драматическое событие в русском монастыре св. Пантелеймона на Афоне за несколько лет до первой мировой войны. Некоторые монахи, творя молитву Иисусову, стали утверждать будто Бог обитает в самом имени Иисуса. Эти т. наз. «имяславцы» стали распространять свое учение, захватившее значительную часть монастыря и начавшее постепенно шириться и в России. В самом же Афонском монастыре, споры, порожденные этим движением, доходили до такой остроты, что дело доходило чуть ли не до кровавых расправ. Чтобы пресечь это зло в корне, правительствующий синод в Петербурге принял энергичные меры: упорные сторонники нелепой ереси были посажены на присланный из России крейсер и силой удалены с Афонской горы. Потрясение, вызванное этим печальным событием, оставило по себе в монастыре очень болезненный след.

— Если православный человек не может близко подойти к католицизму без риска утратить православие, то грош цена такому православию!

Общение с высшими иерархами давало Юлии Николаевне возможность знакомиться и со внутренними течениями в русской Церкви, которые были провозвестниками современного «экуменического» движения. Она наблюдала попытки сблизить православие с англиканством, старокатоликами и другими оторванными от Римской Церкви течениями. В качестве гостыи в доме обер-прокурора, Юлии Николаевне довелось в числе немногих «посвященных» присутствовать на встрече православных иерархов с приехавшими в Петербург англиканскими епископами. Там же она была свидетельницей приема мариавитов. Эти польские сектанты вызывали большой интерес в русских церковных кругах, и высказывалось мнение, что надо их всеми мерами поддерживать в целях борьбы против Рима. На Юлию Николаевну эти сектанты произвели резко отрицательное впечатление, и она не без изумления смотрела, как с ними лобызались русские архиереи. Присутствовала Юлия Николаевна и на разных приемах, устраивавшихся в честь приехавших в Петербург несториан, принятых в лоно православной Церкви. Равным образом узнала она и всю историю сближения со старо-католичеством. Ратовал за это сближение довольно известный генерал А. А. Киреев, близкий друг семьи Данзас. Он приносил ей все, что писалось на тему о старокатоликах и подолгу вел с ней споры, стараясь убедить в блестящей будущности соединенных Церквей - православной и старокатолической.

Однако, эти доводы мало действовали на Юлию Николаевну. В ее душе, на этом фоне, происходило тогда медленное созидание собственных взглядов на историю Церквей. Для нее было ясно на основании исторических данных, что в самом центре истории Церкви стоит римская идея, а не отклонение от нее. Идею «третьего Рима» она принимала постольку, поскольку видела в ней не отклонение от Рима, а законное его продолжение в силу - как ей казалось тогда - падения римской идеи на Западе. Изучение всей европейской истории давало ей слишком ясно увидеть темные тени Римской Церкви, а к истории Русской Церкви, столь мало еще разработанной, она подходила с идеализацией, общей всему ее поколению, овсянной традицией славянофильства.

Между тем, близкое знакомство с русской Церковью показало Юлии Николаевне не менее ясно, что и тут свет и тени перемежаются в причудливом сочетании, при чем тени выступают ярче при некотором отсутствии внутреннего оправдания самой идеи. При всей сложности исторического

процесса, наложившего на Церковь, как на Западе, так и на Востоке, отпечаток человеческих страстей и немощей, все же ей чувствовалось, что на Западе сохранился какой-то смысл этого процесса, который на Востоке поблек. Другими словами, с внешней стороны, то есть в смысле принадлежности к определенной Церкви, Юлия Николаевна уже тогда чувствовала, что всей душой она могла бы принадлежать только к Римской Церкви, понимаемой в ее вселенском значении. Но порыва присоединиться к ней она еще не ощущала, просто потому, что мистическая сторона этой идеи от нее ускользала. У нее не было еще личного мистического опыта. Ее мировоззрение было слишком ярко окрашено интеллектуализмом. Римскую идею она воспринимала, как неоспоримый исторический факт, но ее религиозного значения она не понимала; для этого ее внутренняя религиозная жизнь была еще слишком слаба, и кроме того Юлия Николаевна наталкивалась на неразрешимые вопросы в христианской догматике.

Это была подлинная мука над вечным вопросом о происхождении зла. Иногда, анализируя себя, Юлия Николаевна приходила к выводу, что она могла бы принять целиком римское учение о Церкви, если бы ей было возможно согласиться с христианской метафизикой и ее понятиями о мировом зле и искушениях. Однако, предпосылку этого - божественность Христа и Его искупительную жертву - Юлия Николаевна тогда еще принять не могла. Поэтому-то, увлекаясь изучением древних гностиков, она искала у них ответа на мучивший ее вопрос о происхождении зла в мире.

Никто из русских мыслителей, подходивших в это время с разных сторон к проблемам, поставленным древними гностиками, не оказал на нее никакого влияния. Это можно сказать так же о Владимире Соловьеве, с которым Юлия Николаевна однажды встретилась совсем молодой, лет двадцати, хотя, казалось бы, она во многом приближалась к его миропониманию. В теократической концепции Соловьева ей чувствовался какой-то утилитаризм и влияние на него пантеизма еще до того, как она разобралась в пантеистической основе его философии уже научно. Кроме того, она почувствовала в этом пантеизме налет эротизма раньше, чем сумела сама себе его определить и оформить. Двойственность Соловьева она чувствовала до болезненности ярко.

Из других мыслителей этой эпохи, Юлии Николаевне пришлось быть в общении с Константином Леонтьевым, Розановым, кн. Сергеем Николаевичем Трубецким и многими другими. Первого она знала еще с детства, так как Леонтьев, старый сослуживец ее отца, постоянно бывал у них в доме. При всем таком обилии обмена мыслей и впечатлений, Юлия Николаевна чувствовала все более и более определенно, что

во всех сложившихся условиях жизни тогдашнего общества не хватало чего-то существенного и цельного, но чего именно, она еще не могла дать себе отчета с надлежащей ясностью.

* * *

В 1909 г., во время одной из поездок в Италию, у Юлии Николаевны явилось желание увидеть прием паломников у Папы. При ее связях, было нетрудно, через русского посланника при Ватикане, добиться частной аудиенции у св. Отца. Но ей хотелось другого, так как она думала: « О чем Папа будет со мной говорить? Не может же он говорить со мною серьезно! » Ей же хотелось посмотреть на прием паломников, посмотреть, как Папа говорит со своей паствой. Это ей быстро устроили, дали возможность попасть в числе других на общий прием.

Первое впечатление от внутренних покоев в Ватикане, от швейцарской гвардии, мундиров, элегантных монсиньоров, было скорее отрицательное; когда же паломников, человек около трехсот, стали расставлять в зале большим кругом, предложив стать на колени, это вызвало у нее даже досаду. Но когда в зал вошел св. Пий X и стал медленно обходить коленапреклоненных католиков, это чувство сразу рассеялось. Казалось, что исходит сияние от этой белой фигуры с венком серебристых волос и лучезарными голубыми глазами.

Некоторым, главным образом священникам, Папа говорил вполголоса несколько слов. Юлия Николаевна этого не удостоилась, но с каким-то особенным, почти неведомым чувством, она приложила к тонкой старческой руке. А когда св. Пий X, обойдя круг паломников, стал посреди залы, благословил всех и сказал краткое, ко всем обращенное слово, Юлии Николаевне показалось, что он обратился именно к ней. Возможно, что это же чувство было и у других присутствующих, но, может быть, никто во всем зале не воспринял с такой остротой особый смысл этих простых, сердечных слов. Св. Пий X говорил о том, что он благословляет то, что в каждом человеке есть хорошего и влечет его ко Христу. Странное чувство овладело Юлией Николаевной при этих словах. Ей представилось, что тут благословляется именно ее мучительное искание; она почувствовала первый раз в жизни, что получает благословение от того, кто действительно имеет особую власть благословлять. Встретив при выходе из Ватикана одного знакомого католика, Юлия Николаевна сказала ему:

— Не подумайте, что я была здесь простой зрительницей, я тоже чувствовала себя у Отца.

К этому сильному впечатлению, в ту же осень 1909 г., добавились

еще другие, полученные у гробниц святых Доминика и Франциска. В Ассизи Юлии Николаевне приснился страшно поразивший ее сон. Она увидела себя на перекрестке, около Santa Maria degli Angeli в своем придворном платье и, почувствовав несуразность своего одеяния, стала быстро его сбрасывать; снявши его, вдруг оказалась в одной рубашке, босая, с окровавленными ногами, точно прошла далекий путь. А тут, как на беду, приближалась огромная толпа. Ей хотелось бежать, скрыться, но израненные ноги отказывались служить. Тем временем подошла толпа, во главе которой шли св. Доминик и св. Франциск. Св. Доминик набросил на Юлию Николаевну свой плащ, и она пошла с ним легко, радостно, в каком-то озарении. Проснувшись, ей нетрудно было истолковать этот сон только что пережитыми впечатлениями. Однако, в глубинах подсознания зрела мысль, что жизненная мишура когда-нибудь будет сброшена, чтобы пойти, хоть с израненными ногами, по светлomu пути. И в то же время, в ожидании этого, у Юлии Николаевны укреплялось сознание, что долголетнее изучение патристики и богословия было только преддверием к чему-то такому, что человек достигает не путем усилий разума.

Впрочем, именно к этой области иррационального Юлия Николаевна относилась тогда с большой осторожностью и недоверием. Занятия оккультизмом и близкое знакомство с сектанской экзальтацией и со всякими видами нездоровой мистики, приучили ее не доверяться вообще мистике и видеть в ней прежде всего самовнушение. Это недоверие и было тогда непреодолимым препятствием для осознания христианской мистики во всей ее полноте. Юлия Николаевна твердо решила оставаться на незыблемой почве разума и холодного научного наблюдения. Между тем, разум подводил ее с другой стороны все к той же единой духовной реальности, потому что все более углублявшиеся занятия мировой историей давали ей яснее понять в ней роль Рима, и в особенности-христианского Рима. Слагавшаяся тогда у нее историческая концепция, сильнее всех пережитых впечатлений и духовных толчков, направляла ее мысль в русло христианства и Церкви. Даже в области мистики, которая внушала ей недоверие, приходилось признать, что лишь Церковь была регулирующим началом, умевшим распознавать крайности мистических увлечений. Особенно часто это приходило Юлии Николаевне в голову при наблюдении мистических экстазов в православной среде, где ослабло понимание руководящей роли Церкви. Близкая к Императрице Александре Федоровне, Юлия Николаевна с болью присматривалась к началу распутинской эпопеи. Много раз ей приходило в голову, что у такой несомненно чистой и религиозной души, как Александра Федоровна, мистика принимала болезненно-

экзальтированный характер именно потому, что она была лишена правильного церковного руководства.

* * *

К этому времени относятся многократные и долгие беседы Юлии Николаевны на тему о христианстве с Гарнаком и Дюшеном. Гарнак⁹ приглашал ее работать к себе и не раз уговаривал отказаться от любительских исследований и всецело посвятить себя истории Церкви. Юлия Николаевна глубоко ценила этого большого ученого, относившегося к ней так благожелательно, но все же, при всякой беседе с ним испытывала двоякое чувство. С одной стороны — безбрежная эрудиция, с другой — какая-то странная узость, отсутствие чего-то, что должно было бы быть самым главным. Ведь если христианство — реальность, то нельзя о нем судить со спокойной объективностью, как о любом философском учении. То христианство, которое было « победой, победившей мир », не могло быть только рассудочным и Юлии Николаевне представлялась слишком наглядно невозможность только этим путем найти решение мучительной проблемы зла.

Об этом вопросе Юлия Николаевна больше всего говорила с Дюшеном. Она встречалась с ним часто то в Париже, то в Риме. Беседовали они подолгу. Всякий раз Юлия Николаевна восхищалась изумительным сочетанием в нем ума, необъятной эрудиции с остроумием и почти насмешливым отношением к жизни. Юлия Николаевна с жаром доказывала, что готова принять христианство, на условии исключения его главных предпосылок. Она говорила ему, что христианство прекрасно стороной, обращенной к человечеству, но слабо и беспомощно стороной, обращенной к метафизическим проблемам. Однажды, после такой беседы, когда он отвечал ей со свойственной ему саркастической улыбкой, вдруг эта улыбка сменилась серьезным, почти вдохновенным и необычно ласковым взглядом. О. Дюшен встал, сделал движение рукой, точно погладил по голове свою собеседницу, и сказал:

— Эта головка наглоталась слишком многого, теперь ей нужно переварить все это. Никто не может сделать за вас эту работу. Нужно, чтобы все это утряслось, и тогда все станет вам ясно. Могу поручиться,

⁹ Адольф Гарнак (1851-1930) считается, после Щлейермахера, самым крупным протестантским богословом, возглавившим либеральный протестантизм; пользовался мировой известностью, был учителем целых поколений духовных лиц и профессоров; кроме своей специальности, имел большое влияние, как писатель, в вопросах духовной культуры вообще, а также и в социальных и политических вопросах.

что не пройдет и десятка лет, как вы достигнете полной ясности, поскольку таковая, вообще, возможна здесь на земле.

На этом они расстались. Это было в 1912 г. Предсказание о. Дюшена сбылось раньше десятилетнего срока. Сперва мысль Юлии Николаевны, уставшая от слишком напряженной работы, шла вперед медленно. У нее было чувство, точно край какой-то завесы поднялся, позволив уразуметь какую-то реальность истины, но из нее не истекали никакие практические выводы для направления собственной жизни. Юлии Николаевне казалось тогда, что она навсегда останется в положении человека, много познавшего, но не испытывающего потребности пережить познанное.

В декабре 1913 г., перелистывая только что вышедший из печати свой многолетний труд о гностиках, Юлия Николаевна вдруг осознала, что она духовно его переросла. Начало 1914 г. было периодом углубления ее в философские вопросы. Она уже настолько понимала содержание мировой истории, что погрузилась в искание философского смысла жизни. Несмотря на внутреннюю отчужденность от христианства, воспринятого только рассудочно, у Юлии Николаевны явилась впервые мысль об уходе в монастырь. Светская жизнь ей совершенно опротивела. Юлия Николаевна мечтала об уединенной отшельнической жизни, посвященной размышлению; жизнь же эта представлялась ей в виде строго — спартанского быта средневековых ученых монахов. Хорошо зная русские женские монастыри, она ясно видела большую разницу между этим монашеством и тем, о котором мечтала. В ней смутно зарождались планы какого-то смешанного мужского — женского ордена искателей истины. В этих странных планах сказывалось, конечно, прежде всего отсутствие настоящего христианского понятия о единении со Христом. Сама Юлия Николаевна анализировала тогда довольно плохо свои мечты, ощущая особенно остро во - первых - отвращение к обыденной жизни и житейским условностям, а затем уже - тягу к новому и необычному, что дало бы ей смысл существования. В сущности это был глухой и еще мало осознанный отклик души на какой-то призыв, звучавший в глубине подсознания.

* * *

В январе 1914 г., супруги Ладыженские,¹⁰ относившиеся очень

¹⁰ Митрофан Сергеевич Ладыженский - автор пользовавшихся тогда известностью книг «Сверхсознание», «Свет незримый» и др.; жена его, овдовев, окончила жизнь в монастыре.

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ДАНЗАС

в молодости.

дружелюбно к Юлии Николаевне, стали уговаривать ее поехать с ними на богомолье в Зосимову Пустынь (в 30 км. от Троице-Сергиевой Лавры), где они собирались отговорить у известного тогда старца Алексея.

Юлия Николаевна сначала отказывалась, так как у нее не было настроения говеть, но затем она решила воспользоваться случаем осмотреть еще один монастырь, дотоле ей неизвестный, и повидать еще одного старца. Поехали все вместе в конце января, перед Великим постом. Маленькая Зосимова Пустынь, уже сама по себе, производила чарующее впечатление разлитой в ней тишиной и внутренним миром. Радовало все кругом: чисто Нестеровский пейзаж русской равнины под белоснежным покровом снега с рядами березок, под которыми свободно резвились зайчики, безбоязненно смотревшие на людей.

Чтобы повидать о. Алексея, пришлось прождать целых два дня. Он проводил большую часть недели в полном затворе и только в пятницу и субботу выходил для приема исповедников. Паломников было много. Они десятками ждали очереди. Когда Юлия Николаевна очутилась наконец на исповеди перед о. Алексеем, ее поразили разбитый и жалкий вид старца, видимо уже переутомленного непрерывным выслушиванием исповеди. Дело шло уже к вечеру; он настолько устал, что не мог стоять у аналоя, а сидел в полном изнеможении. У Юлии Николаевны, на всех церковных службах, в ожидании очереди, не было никакого внутреннего подъема. И здесь тоже было скорее неприятное чувство; казалось, что ей собственно не о чем говорить с этим разбитым стариком, и надо поскорее покончить с чисто формальной исповедью.

После первых обычных вопросов, заданных ей каким-то безучастным голосом, о. Алексей вдруг спросил:

— Чем вы собственно занимаетесь?

Юлия Николаевна, упомянув вскользь о научной работе, сказала о своем отвращении к мирской жизни и о том, что ее в сущности тянет в монастырь, только веры не хватает.

Старец, казалось, слушал ее безучастно, но потом, вдруг подняв голову, сказал уже другим, твердым, внезапно окрепшим голосом:

— Нет, не то; подвиг предстоит другой...

Потом, продолжая смотреть на Юлию Николаевну или, вернее, через нее, как бы вглядываясь во что-то, вдруг прошептал:

— Крови, крови на тебе сколько...

Юлия Николаевна от неожиданности даже вздрогнула, отступила на шаг. Мелькнула мысль:

— Старик рехнулся!...

А он, все вглядываясь во что-то, для Юлии Николаевны незримое, продолжал:

— Вся ты в крови, с ног до головы, только кровь не твоя, чужая, ты - береженая...

Потом, повторяя про себя «береженая, береженая...», о. Алексей встал, близко подошел к Юлии Николаевне, стал крестить ее мелким частым крестом, приговаривая:

— Трудно будет, ой как трудно! Крепись, много предстоит, тяжелый путь, кровавый путь, Господь поддержит...

Речь старца переходила в почти неуловимый шопот. Юлия Николаевна стояла как в оцепенении и почти не заметила, как старец перестал обращаться к ней, прошептал что-то уже про себя и, наконец, замолк, опустившись в изнеможении на стул. Когда, после долгого молчания, Юлия Николаевна захотела спросить, что собственно он хотел ей сказать, она снова увидела перед собой изможденного, безучастного старика, слишком утомленного для какой бы то ни было беседы. Он как-будто и не понимал, о чем она спрашивает, точно уже забыл мимолетное, странное видение. Беседа закончилась обычным, почти машинальным выполнением формальности отпущения грехов. Неотразимое впечатление исповеди осталось связанным с той минутой, когда старец, видимо, прозревал что-то.

* * *

Как объяснить такое видение? Кто мог думать тогда, в январе 1914 г., о потоках крови и о страшном кровавом пути? Вернувшись в Петербург и погружившись в свои обычные занятия, Юлия Николаевна вспоминала об этом страшном видении, как о чем-то не относившемся к ней. В подлинности самого прозрения она не сомневалась; но, зная, что для мистического созерцания времени не существует, она предполагала что старец Алексей увидел что-то в прошлом или в далеком будущем, вероятно даже не связанное с ней, а с какой-то абстрактной личностью. При выработке своего мирозерцания, она то принимала, то отвергала идею переселения душ; в данном случае она подумала, что видение старца могло относиться к одному из ее прежних существований. В общем, выходило так, что свидание со старцем Алексеем только укрепило в ней склонность верить в переселение душ, над которой ей так часто приходилось задумываться при занятиях оккультизмом и на которую указывали гностики.

Оккультисты постоянно ей говорили, что она старый дух, уже много раз воплощавшийся; над таким «ясновидением», конечно, легко было посмеиваться. Видение же старца Алексея как казалось, было другого порядка, и склоняло Юлию Николаевну к верованию в ме-

тапсихоз, проводившейся и ее любимыми гностиками. В конечном итоге, свидание со старцем Алексеем имело последствием не приближение Юлии Николаевны к Церкви, а наоборот, к нецерковной мистике. Впоследствии, она не раз задумывалась над тем, что этот случай с ней объясняет многое в религиозной психологии русского народа, у которого преклонение перед несомненно святыми и благодатными старцами странно сочетается с еретическими представлениями и анархией религиозного чувства. Даже дар прозорливости может оказаться вредным, если он не заключен в твердые устои церковной дисциплины и ясно-выраженного учения. Но это Юлия Николаевна уяснила себе позже, ставши уже католичкой.

Когда началась война, Императрица сообщила Юлии Николаевне о назначении ее заведующей канцелярией склада в Зимнем Дворце. Однако Юлия Николаевна сразу же отказалась от этого назначения. Она решила провести войну на фронте и предложила свои услуги Красному Кресту. Не будучи сестрой милосердия и предпочитая мужскую работу, Юлия Николаевна приняла должность заведующего передовым складом Красного Креста. Как только был сформирован подвижной отряд № 1, она выехала с ним на фронт и два с половиной года оставалась при X армии.

Почти все время она передвигалась верхом, в мужской одежде. Это была нелегкая, почти солдатская жизнь, в которой не оставалось места не только для научной работы, но и, вообще, для каких-либо письменных занятий, кроме ведения отчетности. Тем не менее, несмотря на постоянное напряжение физических сил, духовная работа тоже не прекращалась, и много-много мыслей возникало при виде кровавой бойни, так ярко воплотившей теперь в глазах Юлии Николаевны весь ужас мирового страдания. По роду своей работы, она была постоянным зрителем происходившего на полях сражений; война развертывалась перед ней со всей ужасающей действительностью. Для философски настроенной мысли тут был обильный материал.

Летом 1915 г., X армия временно оттеснила немцев назад. Маленькая деревушка Сейнского уезда (Сувалкской губернии) четыре раза переходила из рук в руки и в конце концов была буквально снесена с лица земли. Еще дымились развалины, когда Юлия Николаевна проезжала верхом с группой своих людей, догоняя ушедшие вперед русские части. Был вечер. Туман и сумерки уже сгущались и смешивались с дымом пожара. Вдруг, среди страшных развалин и неубранных трупов, явилось как бы видение: огромное деревянное Распятие, каким-то чудом уцелевшее, высилось в полутьме, словно призрак. Юлия Николаевна приостановила коня и долго смотрела на этот символ страдания

и, в то же время, благословения. Ей вдруг показалось, что именно в эту минуту что-то открылось в ускользавшей от нее раньше тайне христианства, тайне страдания, непосильного для человечества, если бы не было Богочеловека, Который освятил страдание...

В сентябрьские дни 1915 г., во время эвакуации Вильны, германские самолеты непрерывно бомбардировали железнодорожные пути у вокзала. Юлия Николаевна распорядилась на этих путях разгрузкой только что поданных двух вагонов Красного Креста с перевязочным материалом, консервами и сахаром для раненых. К ней подбежал мальчик-еврей, голодный, изможденный, прося «сахарку». Юлия Николаевна запустила руку в мешок, вытащила горсть сахара и дала ребенку со словами: «уходи отсюда скорее». В ту же минуту раздался оглушительный взрыв бомбы, отбросивший ее на несколько шагов. Поднявшись, Юлия Николаевна увидела, что она вся, с ног до головы, залита кровью: у ног ее лежал мальчик, сжимавший в окровавленной руке сахар; голова его была начисто снесена с частью плеча. Кругом лежали другие убитые и раненые. Угол вагона был точно отрезан. А на Юлии Николаевне кровь текла ручьями, с кусками мозгов, но сама она была невредима. Тут вспомнились ей слова отца Алексея:

— Вся ты в крови, с ног до головы, только кровь не твоя, а чужая, ты - береженная...

Впрочем, в тот момент не было возможности все это размыслить, а лишь впоследствии Юлия Николаевна поняла, что старец видел не только эту сцену, но и многое другое, связанное с иными потоками крови и с иным «подвигом», где, действительно, нужна была особенная «помощь Господня»...

Такие впечатления не были поверхностными. В глубине души не прекращалась упорная и плодотворная работа, и более, чем где-либо, на полях сражений крепло сознание, что после войны возврат к так называемой «нормальной» жизни уже невозможен, что все пережитое и пережитое надо вложить в какое-то огромное дело, отдав ему остаток жизни. На что решиться? Что выбрать? Научный труд? Монастырь? Возникали смутные планы. Впрочем все они откладывались до конца войны. А пока - надо было работать под огнем. Игра со смертью продолжалась, но «береженная» действительно оставалась нетронутой. Санитары передового отряда Юлии Николаевны уверяли, что ни пули ни снаряды ее не берут.

* * *

Еще немного, и стало ясно, что решать самому что-либо о будущей жизни уже не приходится: все за всех решили события. В феврале

1917 г. Юлия Николаевна получила телеграмму о тяжелой болезни матери; она сейчас же выехала в Петроград, но по дороге ее застиг переворот. С трудом добралась до дому; нашла мать разбитую параличем. Вскоре можно было подвести итог полному разорению. О возвращении на фронт уже нечего было и думать. Пришлось ликвидировать квартиру, позаботиться о прокормлении пяти больных стариков, оставшихся теперь у нее на руках.

Юлия Николаевна поступила библиотекарем в Публичную библиотеку, а затем еще и профессором во 2-й Государственный университет; кроме того, брала, сколько хватало сил, переводную работу, лишь бы как-нибудь прокормить семью, которая переживала все ужасы холода, голода, разрухи и постоянных обысков.

Однако, несмотря на все это, интерес к церковным вопросам у Юлии Николаевны не ослабевал. Она возобновила знакомство с видными представителями православной Церкви и следила с любопытством за попыткой церковного «обновления» после восстановления патриаршества. Она видела как пытались возродить прилив религиозного чувства в массах, видела страшную разруху и раскол в православной церкви. Сама Юлия Николаевна чувствовала себя от нее отошедшей. Не раз ей вспоминались тогда слова о. Дюшена, доживавшего уже свои последние дни:

— Могу поручиться, что не пройдет и десяти лет, как вы достигнете полной ясности, поскольку таковая, вообще, возможна здесь на земле.

Да, теперь, понимание исторической роли Римской Церкви слилось у нее, наконец, с внутренним сознанием христианства. То, что Юлия Николаевна день ото дня наблюдала в православной Церкви, ярко свидетельствовало, в чем коренилась историческая ошибка, сказавшаяся в эти дни во внутреннем бессилии перед крушением внешних устоев. Оставалось сделать последний шаг: открыто признать себя дочерью единой Вселенской Церкви. Однако, этот решительный шаг пришлось отложить на два года, чтобы не причинить тяжелого горя умиравшей матери, очень приверженной к православию.¹¹ Мать Юлии Николаевны, после долгих страданий, скончалась 8 февраля 1920 г.

¹¹ Приверженность Евфросинии Эммануиловны Данзас к православной Церкви была несколько своеобразной. В своих воспоминаниях, Юлия Николаевна рассказала один характерный факт:

— Мне было одиннадцать лет. Меня готовили к Причастию. Причаститься надо было в Страстной Четверг. Так полагалось. Было заказано нарочито белое платье. Портниха к сроку запоздала. Хотя в доме имелись и другие платья, а Причащение можно было совершить и в Страстную Субботу, но решили ... отставить, отложить на год!

Затем последовал кратковременный арест Юлии Николаевны, а с лета 20-го года она стала готовиться к своему решительному шагу. Этот момент как раз совпал с устройством Дома Ученых (на Потемкинской, 9), где она с марта 1920 г. состояла заведующей. Там собирались лучшие представители ученого мира. Постоянных членов было около 30 человек, среди них - академики Павлов, Хвольсон, Кони, профессора Карсавин, Лапшин, Лосский, Лазаревский и др. Кроме того, приглашались гости. Каждый день имел свою специальность: по субботам собирались врачи; по средам бывали музыкальные собрания; по вторникам - религиозно-философские (официально они назывались «научно-философскими», так как слово «религиозные» было недопустимо в ученом учреждении). Сначала, в течение часа-полтора, кто-нибудь читал реферат; затем наступали прения, беседы. Академик Павлов прочел четыре лекции об условных рефлексах; Хвольсон посвятил шесть лекций объяснению теории Эйнштейна. Кони читал свои воспоминания. Вопросы политики были исключены на этих собраниях: члены слишком дорожили своими «вторниками», считали их лучем света в окружавшем их мраке, единственным проблеском духовной жизни в голодном, одичалом существовании. Беседы после этих собраний затягивались далеко за полночь; а так как после часа запрещалось выходить на улицу, то многие устраивались тут на ночевку - кто на стульях, кто на столах, а то просто на полу.

Знакомство Юлии Николаевны с о. Леонидом произошло летом 1920 г. в зале Дома ученых. Вот что она поведала в своих воспоминаниях об этом памятном дне:

«В один из таких «вторников» появился о. экзарх. Ввела его в «Дом ученых» Софья Ефимовна Рынкевич, юрист, приват-доцент университета, русская католичка. Он сразу произвел на всех потрясающее впечатление. Был выбран постоянным членом. Прочел 3-4 доклада; но особенное впечатление производил своими возражениями другим докладчикам и оппонентам (напр. Карсавину, священникам Боярскому, Пишулину и др.). Необычно ясно и твердо он устанавливал взгляды католической церкви на тот или другой философский вопрос; всегда в спорах с православными одерживал верх, но умел это делать без всякой, так сказать, обиды для своего оппонента, не нарушая мирного настроения и завоевывая благожелательное отношение собравшихся к католичеству».¹²

¹² В годовщину первого «вторника» был отпразднован «юбилей»; один из членов прочитал стихотворное приветствие, в котором в шутивно-дружеской форме перечислил всех членов. О. экзарху посвящены в нем следующие строки:

А вот, что написал о. Леонид митрополиту Андрею (1-8-21) о своем знакомстве с Юлией Николаевной:

« Большой популярностью пользуется у нас Юлия Николаевна Данзас: Исключительно русская патриотка, с огромным образованием, она считается в ученом мире выдающимся знатоком философов, в особенности Платона. Не менее знаменита она своим капитальным трудом о гностических сектах. В данное время она профессор французской и английской истории в университете имени Герцена, заведует инкунабулами¹³ в Публичной библиотеке и состоит председателем отделения « Дома ученых », где я состою членом (как видите, и я попал в число « ученых », т. к. в советском царстве « на безрыбьи и рак рыба »); мы с ней встретились, и Господь дал мне душу, в совершенстве приготовленную и ждавшую « человека », который опустил бы ее в живительный источник святой Вселенской Церкви. Но хотя я был только исполнителем воли Божией и сделался ее духовным отцом, среди православного духовенства с быстротой молнии распространился слух, что это я ее « соблазнил и увел ». Православное духовенство видело в ней твердый оплот Церкви и неутомимого деятеля на пользу православия; потеря ее является для них очень и очень чувствительной. На меня - ни в чем неповинного - сыплются анафемы и проклятия, но вместе с тем возрастает и моя известность, потому что стоустая молва все-таки верит, что я виновник ее присоединения ».

Знакомство с о. Леонидом произошло почти накануне присоединения Юлии Николаевны к Католичеству в церкви св. Екатерины. Эта встреча имела для нее решающее значение в выборе обряда

« Глубокий ум и строгий вид
Отец являет Леонид.
Ему ксендз Дейбнер вторит вслед
И богослов и правовед.
Дух католичества витает
В ученом доме уж давно,
Умами он овладевает
Ортодоксальности на зло ».

Хозяйке дома посвящены следующие строки:

« Но кто блещит очарованьем
И гностиков детальным знанием?
Кто так сверкает среди нас?
То - « Дева Мудрости » Данзас ».

¹³ Инкунабулы - первые книги, отпечатанные за время от изобретения книгопечатания до 1500 г.

при переходе в католичество. Ее медленная и долгая религиозная эволюция приводила ее целиком к признанию центрального значения Рима и к принятию западной формы христианства с ее сочетанием мистического созерцания и богословской мудрости, так как иностранное происхождение давало ей право перейти в латинский обряд. В своих беседах с отцом Леонидом, Юлия Николаевна все это ему объяснила, но он указал ей, что человеку русскому, если не по крови, то по национальности, надлежит избрать путь восточного обряда в виде жертвы, которую он приносит идее служения родине. Архиепископ Цепляк, со своей стороны, также убеждал Юлию Николаевну остаться в восточном обряде и помогать экзарху в его миссии. Уступая их доводам, Юлия Николаевна решилась на такое преломление своей воли, как на первую жертву великой идее соединения Церквей, которой она отныне посвящала свою жизнь. В этих мыслях она приняла католичество 3/16 ноября 1920 г. в церкви Св. Духа на Бармалеевой улице и, таким образом, определила свою дальнейшую судьбу. Имея перед собой человека с богословским образованием, экзарх потребовал от Юлии Николаевны «отречения» по подробной формуле, как это обязательно при переходе православных священников в католичество. С этого момента он стал смотреть на Юлию Николаевну не как на помощницу, а как на помощника, своего рода сослуживца в делах русской миссии.

Впоследствии, когда Юлия Николаевна рассказывала о. Леониду о том, как в поисках ответа на столь мучительный для нее вопрос о происхождении зла ее привлекало у гностиков мрачное пессимистическое учение Василида, построенное целиком на попытке разрешить проблему зла, они поняли друг друга именно на этой почве. О. Леонид, в свою очередь, рассказал Юлии Николаевне, что и он в юные годы увлекался буддизмом, с которым Василидианство весьма связано. Духовный путь Юлии Николаевны был ему вполне понятен, и это немало способствовало сближению этих двух столь разных, но духовно так одинаково редко-одаренных людей, которых как бы сама жизнь, каждого в отдельности и независимо друг-от-друга, удивительно подготовила, сблизила и соединила в одном общем служении делу соединения Церквей.

Цельная, пламенная, активная натура Юлии Николаевны не останавливалась на полпути. У нее явилась жажда подвига, который, как она предполагала, заключался в каком-нибудь монашеском начинании. Предсказание старца Алексея («Нет, не то; подвиг предстоит дру-

гой »...) она еще не поняла до конца, хотя оно уже частью исполнилось. Да и как было ей строить жизнь на предсказании даже прозорливого старца, которое тогда еще трудно было понять, когда она ясно чувствовала влечение к монашеской жизни? Словом, Юлия Николаевна решила не выжидать дальнейшего развития событий, а принять на себя возможно скорее иноческий подвиг. Найти подходящее решение было не так просто. Привыкшая сама все решать в соответствии с наличными средствами, Юлия Николаевна попросила о. Леонида основать монашескую общину. Мысль была, несомненно, хорошая сама-по-себе, тем более, что она же дала ему для начала и материальную возможность откликнуться на ее желание. С августа 1921 г., Юлия Николаевна, занимавшая до этого вместе с теткой две комнаты при « Доме ученых », где находились и остатки ее бывшего богатства, сняла квартиру на Петроградской стороне, в доме № 76-78 на углу Подрезовой улицы и Малого проспекта. Здесь она задумала поместить будущую общину. В этом же доме, этажом ниже, но по другой лестнице жил о. Леонид. Он переехал сюда к концу 1919 г. из общежития при церкви св. Екатерины. Он занимал небольшую, но совершенно отдельную квартиру, состоявшую из крохотной передней и двух комнат - кабинета и спальни. Рядом, на том же этаже, была квартира Капитолины Николаевны Подливахиной, ведавшей домашним хозяйством о. Леонида. Их квартиры не сообщались, но выходили на ту же площадку лестницы. С Подливахиной проживали две ее дочери: одна замужняя с ребенком, другая девица. Кроме Капитолины Николаевны, вся семья была православной. Все эти квартиры переделали после революции из прежних помещений для прислуги, составлявших раньше часть больших барских квартир с парадными лестницами и черными ходами на улицу. Дом этот был большой, имел много квартир и жильцов. Когда Юлия Николаевна приискивала квартиру для общины с тем, чтобы при ней можно было поместить и больную тетку, практичная Подливахина предложила ей комбинацию: община поместится в этом же доме этажом выше, а больную тетку она примет к себе со всей обстановкой. За это Юлия Николаевна обязалась отдавать ей треть жалованья и пайка, а также передать ей в собственность после смерти тетки ее имущество. По советским законам никому не разрешалось ничего оставлять по завещанию; оставшееся имущество жильца переходило после его смерти в собственность хозяина квартиры. Этим соглашением Юлия Николаевна давала Подливахиной право завладеть всем имуществом после смерти тетки.¹⁴ Свои вещи Юлия

¹⁴ Она скончалась 2-2-23 католичкой, к большой радости Юлии Николаевны и

Николаевна распределила между квартирами о. Леонида и Подливахиной: к первому попал старинный кабинет ее отца, ко второй два-шкафа (около 2000 томов) с ценными книгами, больше двадцати восточных ковров, столовое серебро и т. д.

Квартира Юлии Николаевны была в три комнаты. Одна побольше, около 10 кв. метров, служила приемной, две другие, совсем маленькие, спальнями. Кроме того была кухня и коридор, в конце которого, в маленькой полукруглой комнатке, помещалась молельня. Вместе с Юлией Николаевной поселилась Екатерина Александровна Башкова, служившая машинисткой в строительной конторе, простая, скромная, благочестивая душа. С этими двумя сестрами о. Леонид положил начало Общине Св. Духа, основанной им 1/14 сентября 1921 г. Юлия Николаевна приняла имя Иустины, в память Иустина Философа, творения которого явились для нее первым откровением христианской истины; Екатерина Башкова стала сестрой Евпраксией. Но мы будем и дальше называть их прежними именами, тем более, что при всей пользе, какую эти две женщины, составлявшие маленькую общину при о. Леониде, принесли его делу, все это было на очень короткое время и будущего не могло иметь в условиях « звериного быта », воцарившегося тогда на Руси. Одно время у о. Леонида была мысль объединить эту общину с Конгрегацией св. Семейства¹⁵ или связать с Московской

о. Леонида, которого старушка положительно боготворила, говоря о нем: « C'est un ange de prêtre ».

¹⁵ Сестричество св. Семейства было основано в Петрограде еще до революции, но существовало, конечно, тайно; после переворота оно начало работать открыто. Основательница его, Болеслава Магдалина Лямент, была полька, но с юных лет полюбила русский народ. Энергичная, святая, бескорыстная душа, она основала общину исключительно с целью служить русскому народу. Сразу же ее начинание зарекомендовало себя плодотворной педагогической деятельностью. Сестры в общине были все польки и, конечно, латинского обряда. Ввиду тяжелого положения в Петрограде, в 1919 г. братство разделилось: новициат был переведен в Житомир, часть сестер отправили в Польшу и только небольшая часть общины (5-6 сестер) оставалась на месте и заведывала небольшим детским приютом при Выборгском католическом кладбище под руководством самой пани Лямент.

Уже давно она намеревалась образовать женский восточный орден для развития аскетических идеалов среди русского общества и для расширения своей педагогической деятельности. О. Леонид высоко ценил ее личность и труды. « Как я ни боюсь поляков и всего польского, - написал он митр. Андрею (1-8-21), - однако пани Лямент - то редкое исключение, которое подтверждает правило ». Он всеми силами поддерживал ее начинание, и они вместе приступили к разработке устава будущего ордена. Вот что по словам о. Леонида полагалось в основу его. « Члены ордена должны помогать восточному клиру в его миссии не только в России, но и на всем Востоке. В орден могут поступать и монахини латинского обряда, если соглашаются

(Абрикосовской) общиной, выписав оттуда несколько сестер в Петроград, но эту мысль пришлось быстро оставить. Были еще некоторые лица, желавшие поступить в общину Св. Духа; однако прием их по разным причинам не мог состояться. Не последнюю роль в этом играл малый размер помещения. Комнаты Юлии Николаевны и Башковой были такие крохотные, что в них не помещалась даже кровать. Юлия Николаевна спала на диванчике, а ноги вытягивала на приставленный стул.

Община Св. Духа имела две задачи:

- 1) помогать развитию восточного обряда, прислуживая при церквях, заботясь о ризницах, свечах, украшении храмов, чистоте и т. п.;
- 2) воспитывать детей обоего пола до 12 лет в приходских школах и детей женского пола в различных школах, даже со средним и высшим образованием.

Сразу же о. Леонид ощутил пользу новоучрежденной общины. « Они дают, - свидетельствует он, - большую помощь в деле поддержания церковного благолепия и богослужения. Я уже не подаю сам себе кадило, не заправляю лампад, не исполняю зараз должность иерея, чтеца и хора, как это бывало раньше, а занимаюсь только моим прямым делом ». На сестре Башковой лежала обязанность прислуживать, убирать облачения. Юлия Николаевна была чтецом, пела на клиросе. Обе они убирали церковь; тут Юлия Николаевна, как обладавшая более

работать в духе ордена. Для тех из них, которым тяжело привыкнуть к восточному обряду, будет оставлен обряд латинский. Таким образом орден устраивается по масштабу ассумпционистов, но в обратном порядке: там орден западный с допущением иногда восточных членов, здесь же орден восточный с допущением западных ». - « Польза такого ордена была бы громадна, - писал он дальше, - потому что дух ордена абсолютно чужд всякой польщины и латиномании. Орден должен быть подчинен непосредственно Папе, а не местному ординариату, как до сих пор ». О. Леонид предполагал, что сможет поехать за границу вместе с пани Лямент в 1921 г.: сначала к митр. Андрею, а потом в Рим, но этого, к сожалению, не было возможности осуществить. Поэтому пани Лямент собиралась ехать одна, хотя он и старался отговорить ее от этой поездки, полагая, что без него ей едва ли чего можно будет добиться в Риме. « Бедная старушка боится, что если она этого не сделает, то ксендзы, настроенные к ней очень враждебно за ее благоволение к восточным, как-нибудь испортят ее дело (примите во внимание, что Около-Кулак - один из самых заклятых врагов ордена). Нельзя ли поэтому Вам написать генералу Ледоховскому в пользу пани Лямент и ее дела? Я направляю ее к нему, как к человеку, понимающему задачи восточной миссии. Быть может, при Вашем содействии, он примет ближе к сердцу идеи новых тружениц на ниве Господней ».

Пани Лямент было тогда 58 лет. Из всех ее сотрудниц наиболее выделялась Люция Чеховская, впоследствии немало пострадавшая от большевиков. С ней Ю. Н. Данзас особенно подружилась. Большевики уничтожили все начинание пани Лямент в России.

крепким здоровьем, могла делать больше: она заботилась о топке и чистке.

Как библиотекарь-заведующая отделением классической филологии в Публичной библиотеке, Юлия Николаевна должна была «бежать» туда сейчас же после обедни. Слово «бежать» надо понимать здесь буквально в отношении способа передвижения: редкие тогда трамваи были слишком дороги и набиты до отказа, а ходьбы от Подрезовой до библиотеки было не меньше 45 минут. После работы в библиотеке, Юлии Николаевне надо было спешить в университет имени Герцена, где она читала лекции по истории Западной Европы (еще час ходьбы!); естественно, что домой она возвращалась усталая.

Два раза в месяц ей бывало особенно тяжело, когда надо было получать и тащить на себе получаемый паек. Как научный работник, Юлия Николаевна была на привилегированном положении и получала: 15 фунтов черного хлеба (сразу на две недели), ведро грязной вонючей селедки в рассоле, несколько фунтов муки, бутылку подсолнечного или конопляного масла, полведра кислой капусты, 20 фунтов картофеля и разную мелочь вплоть до лакомств - коробку леденцов или какао. В общем набиралось около 60 фунтов; все, кроме ведра с селедками, укладывалось в один куль. Выдавалось это на Миллионной улице и приходилось тащить на себе, плохо одетой, в грязь и зимние морозы, через Неву по Троицкому мосту на Петербургскую сторону до Подрезовой. По сравнению с другими советскими обывателями, положение Юлии Николаевны, как научного работника, было действительно «привилегированным». Заработок и паек сестры Башковой были скромнее, но все же и они являлись по тем временам тоже немалым вкладом в жизнь общины.

Подливахина, ведшая хозяйство о. Леонида, оказалась теперь, по стечению обстоятельств, также и экономкой общины. Все приносимое поступало в ее распоряжение. По словам Юлии Николаевны, «львиная» доля шла ей и ее семейным; «лакомства» отдавались целиком ее внучке. Ограничиваясь сама исполнением легких хозяйственных работ, она заставляла сестер делать всю черную работу по дому: колоть дрова, разносить их по квартирам и относить в церковь на Бармалееву улицу, скалывать лед во дворе и на тротуаре перед домом и раз в месяц чистить помойную яму. Эти работы, обязательные тогда для всех квартирантов, две сестры проделывали за все три квартиры. О. Леонид, погруженный в свои дела, искренне не замечал неестественного положения, которое создавалось около него; Подливахина же спокойно главенствовала, присвоив себе исключительные права в

доме. Обе сестры молчали, сносили все без ропота и по монашескому смирению не жаловались.

Таков был главным образом тот нелегкий иноческий подвиг, который Юлия Николаевна приняла на себя. Возможно, что именно это было для нее самым тяжелым, если принять во внимание ее блестящее прошлое и то, чем она теперь, даже при наличии «звериных» условий, могла бы все-таки быть. Однако это было только началом, преддверием, подготовкой к тому подвигу, который ждал ее в будущем и о котором тот же старец Алексей ей сказал: «трудно будет, ой как трудно, ... много предстоит» ... В этой серенькой повседневности, где самое горькое для натуры Юлии Николаевны было, может быть, связано с характером Капитолины Подливахиной, бок о бок с Екатериной Башковой, к которой, при всех ее качествах, тоже нужно было приспособляться, «сестра Иустина» духовно горела день за днем в своей домашней обители св. Духа.

О. Леонид составил устав общины и собирался послать его с оказией на утверждение митрополиту Андрею, рассчитывая, что тот уже от себя предпримет в Риме дальнейшее. Другими словами, он открыл общину до утверждения устава, что противоречит каноническим правилам. О. Леонид, конечно, знал это, но считал, что они, «как христиане, находились тогда вне закона», а «*necessitas non habet legem*». 25 марта 1922 г. сестры приняли постриг, и это оформило их полное подчинение экзарху, который в силу принесенных ими обетов стал непосредственным руководителем общины. Начиная это дело, о. Леонид написал (1-8-21) митрополиту Андрею: «Пока я просто устрою общежитие вроде того, как Вы сначала устроили для наших студитов, а там, что Бог даст... Прошу Владыко, Ваших молитв для этого святого начинания. Мне самому придется руководить некоторое время нашими инокинями, а запас аскетизма у меня не велик!»

Через два года (1-7-23), оглядываясь на прошедшее, он же ему написал, сам находясь в тюрьме и думая о будущем Юлии Николаевны, как-бы найти выход из тупика, в котором очутилась вся их апостольская работа: «Выдающиеся качества необычайного, ясного ума и громадные знания в историко-богословском и философском направлении делают из нее редкую находку нашего времени «среди женского пола». К этому присоединяются душевные порывы к Богу, желание отдать себя безраздельно Его святой воле в тиши какой-нибудь обители. Моя община так и остановилась на двух сестрах, оставшихся теперь без руководителя. Развиваться общине было трудно. На четвертом этаже, в крохотной квартире, в условиях нашего невыносимого советского быта, под страхом постоянных обысков и притеснений, когда,

притом, монашеской жизни могли быть посвящены только вечерние часы. Старшей была сестра Иустина. Мне с большим трудом удавалось говорить им небольшие конференции, давать духовные упражнения, исповедывать их. Их различное воспитание, разность характеров и склонностей, делали то, что в общине не всегда царствовала любовь Христова. Жить я с ними, конечно, не мог, а опытной игуменьи, наблюдающей за каждым их шагом, - не было... В особенности тяжело было руководить сестрой Иустиной... Правда, она очень привязалась ко мне, подчинялась беспрекословно; все-таки для меня она была непосильным бременем. Выдающийся ум, холерический характер и высокие порывы ее сердца требовали и требуют опытного старца и руководителя: ее природная гордость должна быть сокрушена во прах... У меня теперь одна из самых главных задач - сохранить для Церкви эту личность и сделать из нее истинную невесту Христову... Если Господу было угодно, чтобы она через меня вошла в лоно св. Церкви, то на мне же лежит ответственность, чтобы этот цветок распустился среди нас и дал возможность многим услышать его благоухание... ».

Так думал тогда, не без основания, о. Леонид. Но заглянуть в будущее ему не было дано, а оно сложилось иначе, чем он мог предполагать. Господь Сам повел эту избранную душу тяжелым крестным путем, на котором « *сокрушив ее природную гордость* », по выражению о. Леонида, достиг, за сравнительно короткое время того, что отвечало Его Промыслу о ней. К концу этой трагической истории мы в этом убедимся...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
БИЧ БОЖИЙ

ГЛАВА I

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

После неудачной попытки уничтожить Церковь одним ударом, новая попытка большевиков привлечь духовенство на свою сторону и заставить работать в пользу советского правительства. - Протоиерей Иоанн Альбинский и священник Владимир Красницкий. - « *Исполкомдух* ». - Протоиерей Александр Введенский. - Изъятие церковных ценностей. - Епископ Антонин. - Послание Патриарха Тихона. - Послание митрополита Антония Храповицкого и его отголоски в России. - Суд над противившимися изъятию церковных ценностей. - Заключение Патриарха Тихона в Донском монастыре. - « Церковная революция ». - Агитация представителей новой церкви. - Что могло бы дать это движение католикам? - Разрушение религиозного мирозерцания: антирелигиозная пропаганда; падение нравов и духовной культуры вообще; большевицкое правосудие. - Церковный раскол. - Автокефальные церкви. - « Церковное возрождение » епископа Антонина .¹

Неудачная попытка большевиков в 1918-19 годах одним взмахом стереть с лица земли Церковь в России, в особенности же православную, показала им, что несмотря на свою видимую неустойчивость и упадок, православие пустило слишком глубокие корни в сердцах народа, так что сразу тут ничего не поделаешь. Поэтому в красной партии создалось два течения: одно стояло попрежнему за крутые репрессивные меры, другое же думало о том, как бы привлечь « попов » на свою сторону и заставить работать в пользу нового правительства. Это второе течение нашло отклик сначала в весьма небольшой группе протестантствующего православного духовенства, стремившегося реформировать православную Церковь на основах демократических и в пресвитерианском духе. Последнее легко объясняется антагонизмом между белым и черным духовенством к которому принадлежал епископат. На это движение откликнулись даже хорошие священники из молодых, видевшие, что епископат и после 1917 г. ничуть не переменялся, а остался таким же косным, как и прежде. Правда, эти монахи-епископы мужественно встречали смерть, но все-таки оставались прежними бюрократами и крайне неопытными администраторами. Они не сумели и теперь внушить своему клиру

¹ Содержание этой главы заимствовано *почти дословно* из писем о. Леонида, в которых он дает ряд ярких характеристик деятелей того времени и живых картин-зарисовок с натуры.

уважение к себе, поднять его дух, увлечь к более идейной и духовной работе и расширить умственный горизонт своих соратников на ниве Господней. Обессилив центральную патриаршую власть до смешного (патриарх во время своих объездов епархий может только давать архиереям « братские советы » и т. п.), сделав « святейшего » - « благословляющей » властью, они сами потеряли почву под ногами, лишив себя крепкого центрального авторитета, на которого могли бы опереться в нужную минуту. Выборное начало, проведенное на соборе, открыло широкий доступ вмешательству мирян в церковные дела и породило массу злоупотреблений и произвола. Большинство епископов, поставленных таким образом между двух огней - мирянами и духовенством, старалось вести двойственную политику, но чаще всего становясь на сторону мирян, ибо отуда они получали материальную поддержку. Нерадение в духовных консисториях, мелочность и стремление к внешним эффектам остались прежними. Деятельность епископов ограничивалась частными богослужениями и разъездами по разным церквам. Наиболее горячие и молодые головы из белого духовенства, предоставленные самим себе, пробовали пробивать новые пути, в большинстве случаев не всегда чисто православного направления. Общая исповедь, рискованные темы проповедей, неуместная экзальтация и полный произвол при совершении богослужения, - вот главные пути церковного обновления, по которым двинулось прогрессивное белое духовенство.

Всякое напоминание со стороны епископов, призыв к повиновению, часто встречало насмешку и неприязнь. Зараженное ультрадемократическими идеями, часто явно революционного и антихристианского характера, это духовенство ждало глубокой реформы и, думало даже об уничтожении епископата и устройстве коллегиального управления из пресвитеров. В корне это являлось последствием уже упомянутого антагонизма между белым клиром и черным.

Некоторые наиболее сметливые и практичные, поняв, что о восстановлении прежнего « доброго старого времени » не приходится и думать, круто повернули в сторону революции, объявляя себя друзьями народа и чуть ли не коммунистами, тогда как остальное православное духовенство лелеяло надежду на крушение большевиков. Первыми застрельщиками раскола были: протоиерей Иоанн Альбинский и священник Вл. Красницкий. Первый действовал осторожно и оглядываясь, последний - более открыто. В 1919 году, по случаю наступления на Петроград Юденича, разнесся слух, что все духовенство будет отправлено в концентрационные лагеря. Умеренная партия большевиков поспешила воспользоваться таким положением и предложи-

ла прогрессивному духовенству выразить свое политическое credo по отношению к советской власти. Произошло несколько собраний в Петроградском комиссариате юстиции, на последнее из которых был приглашен с совещательным голосом и я,² так как был хорошо знаком с целым рядом представителей прогрессивного духовенства. Благодаря мне соглашательские тенденции Красницкого и Альбинского потерпели полный крах и программа Красницкого на этот раз лопнула. Красницкий и Альбинский, в особенности первый, продолжая служить в комиссариате юстиции, сделались тайными эмиссарами большевиков, агитируя за Советскую власть и доказывая, что она не преследует Церкви, а только хочет ее отделения от государства и уничтожения в ней контрреволюционных элементов и движений. В последнем большевики с полным правом могли обвинить известную часть православного духовенства, проявлявшего себя резко против советской власти и иногда принимавшего открыто горячее участие в движениях Колчака, Деникина, Юденича и т. п. Но большинство прогрессивного духовенства было тогда еще против большевиков и даже самый ревностный предводитель и душа «живой церкви», молодой и талантливый оратор протоиерей Александр Введенский, только жил и дышал надеждой на момент, когда «белые» по трупам большевиков проложат себе дорогу в столицу России. Альбинский, увидев, что дело не выгорает, наружне утих и сделался снова смиренным лобызателем архиерейских десниц.

В 1920 г. на сцене появилась другая личность - на этот раз мирянин - некий Филиппов, бывший когда-то закадычным другом Гришки Распутина, а теперь перекрасившийся чуть ли не в коммуниста. Это был ловкий жулик, старавшийся служить и «нашим и вашим». Ему грезился особый пост какого-то большевицкого «оберкомиссара» по духовным делам. Большевикам он доказывал необходимость устроить контроль над епископами и духовенством и благотворить тем из них, которые сделаются послушным орудием властей. Перед духовенством он показывался полным желанием всеми мерами защитить и поддержать Церковь, насытить голодавших батюшек и их многочисленные семейства, позаботиться о церковном благолепии, избавить духовенство от произвола властей, тюрем, расстрелов и т. п. Некоторые умеренные большевики стали поддерживать его программу и при их благосклонном содействии он учредил исполнительный комитет по духовным делам всех культов, получивший сокращенное название «Исполкомдуха». К Филиппову потянулось уже не только прогрессивное духовенст-

² Т. е. отец Леонид.

во, но и всякое, и архиереи, и белый клир. В некоторых заседаниях принимали участие и представители других вероисповеданий. Так как эта комедия происходила в Москве, то я делегировал о. Владимира принять участие в заседаниях этого любопытного « синода » и даже сам приезжал в Москву, чтобы познакомиться с постановкой дела. Филиппов крайне заинтересовался мною, рассыпался в уверениях дружбы и преданности Унии и даже просил быть представителем и почетным председателем отделения « Исполкомдуха », которое он намеревался основать в Петрограде. На заседании он набросал проект помощи материальным нуждам церквей и духовенства. Предполагалось, что ввиду инертности духовных консисторий « Исполкомдух » сделается центром и живым источником епархиальной жизни, все обиженные и угнетенные батюшки найдут здесь свою поддержку, тут будут регулироваться и смягчаться все столкновения духовенства с властью и « Исполкомдух » будет перед светской властью своего рода *экспертом по духовным делам*. Перед нами постепенно разворачивалась хорошо знакомая старая синодская картина, только на большевицкой подкладке. Филиппов со вздохом сожаления намекнул на то, что советская власть, ввиду явной контр-революционности многих архиереев, не успокоится, пока не произведет коренной чистки в их рядах и не заменит их новым духовным правительством. Патриарх в разговоре со мной моментально понял, к чему клонится дело:

— Нам, - сказал он, - снова хотят посадить на шею обер-прокурора.

Приехав в Петербург, я, разумеется, развил среди православного духовенства самую широкую агитацию против « Исполкомдуха » и так как тогда наши отношения еще не были испорчены нелепой пропагандой латинского клира, то моему голосу вняли все. Приехав в Петроград для агитации, Филиппов встретил очень холодный прием и уехал, ничего существенного не добившись. Скоро он заврался, запутался в разных нечистых делах и был посажен в тюрьму, а затем расстрелян где-то в Поволжье.

Теперь началась третья фаза развития и подготовки раскола, в котором центральной фигурой явился А. Введенский. Блестящие успехи на проповеднической кафедре и на религиозных диспутах, где он своим огненным словом в конец разбивал атеистов, вскружили ему голову и послужили к его же гибели. Масса истеричных девок и баб, окружавшая его непроходимой стеной низкопоклонства, восторга и лести, заставила его возомнить о себе, как о новом пророке и реформаторе русской Церкви.³ Достиженные успехи

³ Мы приводим здесь отрывок из воспоминаний Ю. Н. Данзас о Введенском,

сделали его гораздо более покладистым по отношению к большевикам; боязнь лишиться обаяния и славы заставила его врать и двоедушничать и топить тех своих собратьев, которые могли с ним конкурировать в способностях и талантах. Он начинает сближаться с Красницким и Альбинским, подчиняет своему влиянию честного и открытого о. *Александра Боярского* и многих других прогрессивных батюшек. Ему нужна теперь шумиха, его душит неукротимое тщеславие. Он сходится с некоторыми большевиками, которые очень ловко начинают манипулировать им для своих целей. Когда осенью прошлого (1921) года Патриарх прислал свое послание о соблюдении однообразия при совершении богослужения, то на пастырском собрании петроградского клира Введенский стал во главе тех, которые открыто порицали Пат-

относящийся к тому времени, когда она стояла еще во главе Петроградского « Дома Ученых »:

« ...Нельзя расстаться с « Домом Ученых », не вспомнив посещения о. Александра Введенского, сыгравшего впоследствии такую роковую роль в развале православной Церкви.

Слава о Введенском пошла с 20-го года; считался он тогда столпом, как казалось, возрожденной, православной Церкви. Дар слова у него был большой, нельзя было этого отрицать; но уже тогда сказывались погубившие его самомнение и отвратительное окружение поклонниками.

Узнав об успехах « вторников », с участием представителей духовенства, Введенский выразил удивление, что его не приглашают; дал знать об этом Ю. Н. Данзас. Она стала совещаться с членами « дома », приглашать ли священника, к которому многие православные уже начали относиться отрицательно, особенно из-за женского окружения. Решили все-таки пригласить, так как ввиду выступления католиков, отказ видному православному иерею носил бы характер пристрастия, тем более, что сама « хозяйка дома » была католичкой; все же поставили Введенскому условием, чтобы он держал не митинговую речь (к которым имел склонность), а прочел реферат научно-богословского характера. Он дал знать (через посредника, священника Пищулина), что будет читать богословский трактат « о христианской любви ». На этот вечер, кроме отца Леонида, пригласили и других представителей католического духовенства послушать модного тогда оратора.

Надо сказать, что посещать « Дом Ученых » можно было лишь по особым приглашениям, так как только при соблюдении этого условия Ю. Н. Данзас могла устраивать собрания без присутствия представителя советской власти. Можно себе представить ужас Ю. Н. Данзас и ее помощницы (по управлению « Домом »), когда в назначенный « вторник », чуть ли не с пяти часов дня, начали ломиться в дверь толпы женщин, заявляя, что пришли слушать о. Александра. Все объяснения, что заседание закрытое, успеха не имели; они сослались на то, что о. Александр объявил им с амвона, что будет читать. По уставу « Дома » всякий выступающий оратор имел право пригласить только трех гостей, а тут валила целая толпа. Буквально уступая насилию, впустили до 40 человек. От остальных пришлось отгородиться, призвав на помощь швейцара и пригрозив милицией.

Наконец появился и сам о. Введенский и начал читать о христианской любви.

риарха и выражали бурный протест против его послания. Семя раскола было брошено на этот раз в « добрую землю », но всходы показались только при первых проявлениях катастрофического голода в Поволжье.

Потративши все деньги на войну и пропаганду коммунизма, уничтожив всякую производительность в стране и превратив российских граждан в одну сплошную шайку воров и казнокрадов, наше правительство возымело намерение набить свои карманы церковными драгоценностями. Предлог был великолепный: « Церковь всегда приходила на помощь голодающим своими драгоценностями, не щадя даже священных сосудов, люди мрут с голоду, давайте нам церковные драгоценности ». Поднялась сначала кампания в газетах, полились статьи всяких апостолов (вроде бывшего попа Галкина) и прочих коммунистических приспешников, обвиняющие Церковь в жестокосердии и, конечно, контр-революции, ибо проводилась та мысль, что Церковь потому не помогает и хладнокровно смотрит на массовую гибель народа, что надеется на уничтожение советской власти при помощи голода. Конечно ничего подобного не было. Духовенство стало с самого начала

Свой « богословский » трактат он построил чуть ли не всецело на Гюи де Мопассане; так и сыпал цитатами из него. Впечатление на поклонниц было потрясающее. Буря восторга! Возражать на этой почве, да и вообще возражать в присутствии поклонниц, не было возможности. Пришлось прибегнуть к хитрости. Объявили перерыв, не заявив (против обыкновения) о предстоящих прениях. Введенского увели в отдельную комнату « хозяйки », где проф. Лазаревский вместе с другими стали занимать его разговорами, пока Ю. Н. Данзас с помощницей старались выпроводить поклонниц. Это было нелегко; и слышать не хотели, бушевали: « мы всегда провожаем о. Александра ». А когда объявили, что он ушел, не поверили: « неправда, шапка тут, палка, калоши... » и стали сторожить у выходной двери. Пришлось незаметно попрятать его вещи и объявить, что « отец » ушел с другого хода. Тогда они кинулись его догонять, скатываясь кубарем по лестнице. В конце концов удалось всех выпроводить.

Когда все успокоилось, Ю. Н. Данзас пошла извлекать Введенского для прений. Было решено в тесном кругу показать ему, насколько его лекция была неуместной. Начались прения и Введенскому пришлось слышаться горьких истин. Экзарху, как католику, не хотелось резко нападать, и он ограничился несколькими словами о подмене христианской любви совершенно иными представлениями и понятиями. Но православные члены собрания не поцеремонились и один за другим возражали Введенскому в самой резкой форме. Провожая Введенского, Данзас не утерпела, чтобы не сказать ему: « Ну, о. Александр. и поклонницы же у вас! Думала разорвут меня на кючья. Невольно вспомнила я слова Апостола: бойся вдовиц, егда рассвирепют ». Введенский, немного смутившись, стал уверять, что его самого тяготит это восторженное поклонение: « Право не знаю, как от них избавиться ». Ушел он в полном разочаровании, даже раздражении; стал врагом « Дома », и больше его там не видали. Характерно, что он жаловался потом: « Даже принять не сумели меня с подобающим почетом. О. Леониду целовали руку, а мне - нет ».

производить сборы и деньгами и натурой и посылать голодающим Поволжья. Но это большевикам было не по нутру. Позволить Церкви самой творить дела христианского милосердия - значило поднять авторитет духовенства, что для наших теперешних земных владык и коммунистических царей было бы крайне невыгодно. Поэтому священникам стали запрещать делать сборы на голодающих и перестали принимать хлеб для передачи. Только нам удавалось посылать наши пожертвования, так как мы делали это совершенно помимо властей, направляя деньги и хлеб частным образом. Власти стали требовать, чтобы все пожертвования шли через правительственные учреждения, ибо иначе «попы займутся на почве помощи голодающим контр-революционной пропагандой». Бешеная агитация в газетах за «изъятие» церковных ценностей не могла, конечно, никого убедить в необходимости отдать их большевикам, так как все отлично понимали, что при отсутствии свободной прессы и при бесконтрольном распоряжении народным добром, эти ценности пойдут на совершенно иные цели, а голодные едва ли получают 5-10%. Там, где коммунисты пробовали силой грабить церкви, они иногда встречали вооруженный отпор. В некоторых местах пролилась кровь. Духовенство вначале держалось стойко, и патриарх разрешил одним из своих указов отдавать только разные пожертвованные вещи (лампады, подсвечники и т. п.).

В это время Введенский вдруг выступил на страницах петроградский «Правды» с целым рядом статей против того духовенства, которое отказывалось давать большевикам церковные ценности. Одни говорят, что его подкупило правительство, но я этого не думаю. Просто захотелось прославиться, разыграть из себя народного героя и святого, попасть в «фавор» к правительству и достичь влияния в церковном управлении. Конечно большевики стали носить его на руках. Скоро ему удалось составить целую группу прогрессивных священников (Красницкий, Боярский, Белков, Раевский, Воскресенский, Альбинский, дьякон Скобелев и др.) - всего 12 человек. Эти «12 апостолов» выпустили воззвание ко всему духовенству в самом высоком и патетическом стиле, взывая к своим братьям во Христе отдать церковное имущество голодающим, обещая, что правительство предоставит право контроля духовенству над расходованием церковных ценностей и позволит принимать участие в заседаниях «Помголо» (комитет помощи голодающим). Вся мерзость этой агитации заключается в том, что мы ничего не могли ответить, так как страницы коммунистических журналов были открыты только для сторонников Введенского и только они могли свободно читать лекции по этому поводу. Мы же могли лишь слушать и поминать «царя Давида и всю кротость его»... Трудно

даже приблизительно представить себе те клеветы, инсинуации и потоки грязи, которыми журналы обливали все «черносотенное» и «контр-революционное» духовенство, которое упорно не хотело почувствовать «кристально-чистым» порывам советского правительства. А между тем духовенство начало уже колебаться, так как большевики стали вопить о том, что «низы» духовенства, «священники-народники» идут уже навстречу благим начинаниям властей, а противятся только «князья церкви», монашествующее духовенство и их приспешники из среды старого черносотенного духовенства. Это «народное духовенство» было взято сейчас же под правительственную опеку: Введенский и его приспешники получили *carte blanche* на все, а народ, видя, что его пастыри представляют из себя «разделившееся царство», тоже заколебался, как в столицах, так и в провинции. Тогда правительство, уже уверенное в своей победе, выпустило декрет, которым приказывалось производить изъятие ценностей во всех церквях на том основании, что эти ценности – народное достояние и принадлежат государству. Конечно, народного мнения никто не спрашивал и все производилось теперь *manu armata et militari* (вооруженной силой). Народ же только втихомолку проклинает насильников, но уже не сопротивляется, потому что протестующих ждут аресты, тюрьмы и расстрелы. Грабеж устраивается самым бесстыдным образом. Если прихожане храма хотят оставить у себя сосуды и особенно чтимые иконы, то им предлагают выкупить их, но не просто бумажными деньгами или хлебом, а серебром и золотом. Некоторые приходы отказываются от выкупа на том основании, что большевики возьмут выкуп, а потом заберут и ценности. Такие примеры уже были. Мы тоже откупились за полфунта серебра. Взвешиваются ценности, а прихожане приносят по весу такое же количество золотых и серебряных вещей. В Москве заставляли при мне (в мае месяце 1922 г.) платить вдвое и втрое больше, чем весит церковная утварь. Иерархи попали в ужасное положение. Митрополит Венямин, храбро выступивший вначале против изъятия, увидев, что пробита брешь в рядах его клира, заколебался и повернул в другую сторону, боясь, что за сопротивление декрету будет страдать его клир, но в этом, как увидим впоследствии, он ошибся. Введенский нагло уверял всех, что действует с согласия митрополита, а сам в то же время терроризировал его так, что тот боялся принять против него крутые меры. Гады зашевелились повсюду. В особенности отличался Саратовский протоиерей Николай Русанов, ездивший по всей России для агитации об изъятии церковных ценностей.

В Москве начал действовать Епископ Антонин (тот самый, который в 1905 г. отказался помянуть государя «самодержавнейшим»),

за что подвергся опале); он настолько сошелся с большевиками, что они сделали его председателем Московского « Помгола ». Главным его помощником в Москве является протоиерей Калиновский, а потом присоединился некий епископ Леонид, отчего получается не раз курьезное смещение моего имени с одним из представителей новой схизмы. Этот последний из бывших офицеров, личность бездарная и порочная.

Патриарх, натура прямая и честная, стал действовать открыто и разослал повсюду послание против изъятия ценностей. К сожалению, составители послания написали его крайне бестолково с ничего не доказывающими ссылками на 73 правило Апостольского собора и на 10-ое Двукратного, причем трудно было понять, что можно отдавать и чего нельзя. Священники (большинство) поняли, как категорическое запрещение отдавать ценности, и противились изъятию. В то же самое время произошло событие еще больше осложнившее положение Патриарха и иерархии и давшее в руки большевиков важные козыри по обвинению духовенства в контр-революции.

Митрополиту Антонию Храповицкому с 16 эмигрировавшими из России православными епископами вздумалось составить в Сремских Карловцах собор, и на этом соборе первым постановлением было требование возвращения династии Романовых на русский престол (!) Конечно большевики подняли вопль, заарестовали многих ни в чем неповинных священников и церковников и набросились на Патриарха, что будто бы собор состоялся с его ведения и благословения и что патриархия всегда находилась в тайных сношениях с митрополитом Антонием и Карловцами, подкапывая советскую власть и возбуждая черносотенные элементы. Составилось даже представление, что действительный патриарх России - Храповицкий, а Тихон всего лишь « Зампат » (т. е. заместитель патриарха) и исполняет только приказания Антония. Этот последний якобы приказал противиться изъятию, чтобы голодом заставить капитулировать советскую власть. Конечно, все это сплошной вздор, но насколько патриархия чиста от обвинения в сношениях с Храповицким, сказать не берусь. Знаю только, что Патриарх в разговоре со мной (в феврале месяце 1922 г.) сильно порицал митрополита Антония за его заграничные послания, в которых между православием и самодержавием ставился знак равенства.

Большевики устроили в Москве два показательных процесса: один - против 54 священников и церковников, противившихся изъятию (закончился в первых числах мая 1922 г.), а второй - против Князей Церкви за сношение с Антонием (еще не начался). Конечно, первый процесс был только комедией суда: « Виновен ты уж тем, - говорит волк ягненку в басне Крылова, - что хочется мне кушать »...

На процессе 54-х экспертами по духовным делам были епископ Антонин, священник Калиновский, Ледновский и мой большой приятель профессор канонического права Н. Д. Кузнецов, с которым в 1918 г. я выступал с протестом против « Инструкции », объясняющей декрет об отделении церкви от государства. В числе других вопросов обвинителей был задан и такой: « Какой характер носит послание Патриарха Тихона об изъятии церковных ценностей? » Только проф. Кузнецов указал на то, что оно имеет в своем основании характер религиозный, так как дело шло о церковных святынях, но остальные заявили, что послание носит характер только административно-распорядительный (как будто нужно было обращать внимание на самый объект такого административного распоряжения). Своим заключением экспертиза вполне сознательно топила Патриарха (ибо Кузнецов предупреждал их не делать такой явной подлости). Большевикам этого только было и нужно: раз послание не религиозное, значит оно контрреволюционное, возбуждающее народ против властей.

Как ни нелеп такой « логический прыжок », но на суде большевистских Каиаф все логично, раз дело идет об удушении Церкви. Патриарх был объявлен под судом, а 12 священников были приговорены к расстрелу (впоследствии расстреляно только 5 или 6 из них), остальные - к более или менее тяжким наказаниям.

Когда уже оканчивался процесс, то 1 мая по нов. ст. (1922) Антонин в Московском Заиконоспасском монастыре отслужил торжественную литургию в честь « великого пролетарского праздника », причем на молебне пели: « Спаси Господи люди твоя и благослови достояние Твое, победы *советам* на сопротивные даруя »...

Рубикон был перейден и возникла « советская церковь »!... Венденский, Красницкий и Белков немедленно явились в Москву и вместе с Антонином и остальной сворой негодяев пришли к патриарху, требуя от него отречения от престола. Что происходило между ними и бедным маститым старцем - нам известно только из их же рассказов. По их словам, Патриарх Тихон, убедившись, что его положение, как подсудимого, может только поколебать Церковь, временно отказался от престола до созвания поместного собора, передал им патриаршую канцелярию и патриаршие дела, а своим временным заместителем выразил желание видеть либо митрополита Венямина, либо митрополита Ярославского Агафангела. Затем Патриарх был заключен под стражу в Московский Донской монастырь.

Антиканоничность такой церковной революции слишком бросается в глаза. Вся эта компания никем не была уполномочена; со стороны патриарха не было никаких свидетелей его отречения, а высшая церков-

ная власть, которая, по канонам Московского собора 1917-18 г. должна была на время « междуцарствия » принадлежать не какой-то кучке самозванных реформаторов, а священному синоду, не существовала фактически, так как все члены синода были или разогнаны большевиками или сидели по тюрьмам. Митрополит Агафангел прибыл из Ярославля в Москву, но не был допущен к управлению. Высшим же церковным управлением объявили себя епископ Антонин (председатель), епископ Леонид, Введенский, Калиновский, Белков и другие, заявляя, что будто бы сам патриарх передал им высшее церковное управление впредь до созвания поместного собора.

Однако нигде не было напечатано самого отречения и заявления патриарха; ему даже не было предоставлено возможности особым посланием уведомить об этом свою паству, как это требуется в таких случаях. Все было заранее подготовлено и « реформаторы » действовали в контакте с правительством, которое в роли *tertii gaudentis* (« третьяго радующегося ») с восторгом наблюдает теперь за развитием раскола.

В газетах воспеваются дифирамбы « живой », « прогрессивной », « народной », « аполитичной » Церкви. « Реформаторам » разрешено даже иметь свой орган « Живая Церковь ».

Когда Введенский, вернувшись в Петроград, попробовал представиться епархии, как член высшего церковного управления, то митрополит Венямин отлучил его, а также Красницкого и Белкова и запретил в священнослужении. Правительство на другой же день арестовало митрополита домашним арестом, а потом отправило в тюрьму, обвиняя его в том, что он возбуждает « гражданскую войну », восставая против воли народа и новой « пролетарской » Церкви. Переполох был страшный.⁴

Взявший управление епархией в свои руки епископ Алексей, - пер-

⁴ Вот еще одна зарисовка с натуры, сделанная той же Ю. Н. Данзас, наблюдавшей служение Александра Введенского в Петрограде в большой « Кавалергардской » церкви (на Захарьевской улице), вмещавшей до 10 тысяч человек. Введенский привлекал массу народа. Церковь в тот день была переполнена до отказа.

« ...Совершает обедню с собственными добавлениями и приемами. Признаки иступленности. Стоит на коленях перед царскими вратами и на коленях же входит : алтарь и зубами хватается за престол. Выносит жертвенник на середину храма и там среди прихожан совершает освящение Даров. Тут же причащается сам и предлагает причащаться другим. Приобщаются чуть ли не все. По бокам Введенского стоят двое служителей и подливают в чашу воды: один - вино, другой - воду. После низложения » патриарха Тихона, вернувшись из Москвы уже епископом и митрополитом, Введенский служил исключительно в ярко-красном облачении, все время ужбы не выпускал из рук трикирия. С ним в руках вышел говорить проповедь: Мой трикирий - это тот светоч, которым озарится весь мир... ».

вый викарный митрополита, человек очень хороший, из аристократической семьи, но плохой канонист и с не особенно сильной волей. Я бросился в Александро-Невскую лавру и пытался разоблачить Введенского и его авантюру (так как во время суда над 54-мя был в Москве), но к сожалению ничего не мог сделать. На другой день он ⁵ снял отлучение с Введенского и его приспешников. Введенский так терроризировал всех и вся, что епископ Алексей и другие хорошие священники говорили мне, что если вступают в соглашение с Введенским, то только по чисто оппортунистическим соображениям, чтобы спасти Церковь от разрухи, а священников от расстрелов и тюрем. В данный момент митрополит Венямин и 166 человек священников и церковников сидят на скамье подсудимых и над ними совершается та же комедия, что и в Москве: издевательствам и насмешкам нет конца.

Ясно, что старая Церковь, объявленная контр-революционной, будет терпеть всяческие преследования. Введенский хвастает по газетам, что большинство епископов уже с ними, но в провинции дело идет туго. Во всех епархиях идет борьба между старой и новой Церковью. Томская епархия уже целиком на стороне новой церкви. Подавляющее большинство белого духовенства и интеллигенции пока против Введенского, даже часть его фанатичных поклонниц отвернулась от него, как от Иуды предателя. Красницкий, вернувшись недавно из Москвы и пожелавший отслужить обедню в своей церкви, был освистан во время проповеди. Введенскому вдова расстрелянного философа протоиерея, Орнатского, запустила в голову камнем, так что тот две недели был болен. Из четырех Петроградских викарных епископов арестованы пока двое. Представители новой церкви агитируют, конечно, во всю. Их желание: «сделать Церковь аполитичной, приблизить к идеалам первобытного христианского общества и влить в нее новую жизнь».

Что принесет нам, католикам, это движение? Наши наивные латиняне, думающие все время по западному трафарету, рассчитывали, что теперь-то народ, оставшийся без пастырей и сбитый с толку, хлынет к католикам. Правда, раздаются об этом уже голоса, идет агитация в пользу присоединения к Унии, но думать о массовых переходах теперь нельзя. Католичество внушает еще такой непобедимый ужас, что народ хлынет скорее в разные секты, в особенности в старообрядчество, нежели к нам. Кроме того, в массах начинает проявляться особое, мистическое благоговение к Церкви, как преследуемой и раздираемой. Единственно на что можно рассчитывать - это на большее сближение с пра-

⁵ т. е. еп. Алексей.

вославными. Наконец-то и в Петрограде удалось мне сплотить вокруг себя небольшую пока (человек 25) группу интеллигентов-католиков и православных. Цель общества - сближение Церквей, а общая платформа - сближение на почве защиты веры против неверия. Появляются новые члены, которые попутно знакомятся с восточным католичеством и заходят в нашу церковь.

Наряду с этим идет страшная *антирелигиозная пропаганда*. Есть в Москве специальная « атеистическая книжная лавка », « атеистическая выставка », « атеистические курсы » для рабочих. Запрещается печатать книги « милитаристического, порнографического, спиритуалистического и мистического содержания ». Через границу не пропускают почтой (в обычном порядке) ввоза богословских произведений, а теперь даже не допускают ввоза Св. Писания. Недавно запрещено священникам всех вероисповеданий, как в церкви, так и у себя дома, учить детей, не достигших 18-тилетнего возраста. Запрещено детям до 18-тилетнего возраста прислуживать в церквях, петь и читать на клиросах. Религиозное образование могут давать детям моложе 18 лет только их родители. Разумеется мы не считаемся со всеми этими законами и продолжаем делать свое дело, но несчастные православные священники, в подавляющем большинстве, уступают. В каждом училище, институте, рабфаке и т. п., коммунистическая молодежь (« комсомол » - коммунистический союз молодежи) следит за тем, не обнаруживает ли лектор или профессор каких-либо спиритуалистических и идеалистических тенденций и, если таковые будут обнаружены, то профессора удаляют. Коммунист Бухарин написал учебник « Политическая грамота », которую обязаны изучать во всех высших учебных заведениях. Это - quasi - научное обоснование самого грубейшего материализма.

Взяточничество, бесстыдное, наглое воровство, грабеж, распутство, азартные игры достигают небывалых размеров. « *Les nouveaux riches* » нашей « коммунистической » республики, хамы, попавшие « из грязи в князи » швыряют сотнями миллионов и миллиардами, окружают себя неслыханной прежде роскошью, стоящей непомерных денег, так как НЭП,⁶ принеся товары, не облегчил денежных затруднений, и купить

⁶ НЭП - Новая Экономическая Политика - разрешение частной торговли и промышленности - попытка большевиков выбраться из финансового краха, как временное явление до утверждения коммунистической мощи и до полного проведения в жизнь коммунистических идей. Благодаря НЭП-у в России снова открылись магазины, гостиницы, рестораны, кафе; появилось электрическое освещение, извозчики и прочие атрибуты европейской культуры. С началом коллективизации, у

что-нибудь в магазинах пока еще для простого смертного трудно. Все опустелись. Даже многие аристократы и интеллигенты, найдя сытое место, так дорожат им, что способны на всякую подлость, лишь бы удержаться (всех пугают голодные ужасы 1918-1919 г.). Но так как у правительства хроническое финансовое недомогание, то попасть на советскую службу очень трудно: штаты сокращены до минимума. Безработных масса и потому, при все растущей дороговизне, растут грабежи и убийства. Правда, на наших улицах появилась теперь милиция, но она сама не лучше воров, входит с ними в стачку и покрывает их грабежи. Со страхом ждем амнистии, которая будет дана в ноябре по случаю пятилетнего существования РСФСР. Масса мерзавцев хлынет снова на улицы и затрещат обывательские замки... В особенности гибнут дети. Благодаря совместному обучению мальчиков и девочек, в приютах страшно развивается сифилис, которым болеют иногда дети 8-9 летнего возраста. Распутство в таких приютах принимает подчас формы самого болезненного полового извращения; в одном приюте схватили мальчика вампира десяти лет, который перегрыз сонную артерию четырехлетнего ребенка ипил из нее кровь...

Быть может, 25% из числа интеллигентных людей (конечно, верующих) поняли коммунистический террор, как гнев Божий за нашу теплохладность и пошлость, и потому выправились, опростились (в хорошем смысле слова) и делаются практикующими христианами, остальная же масса живет только своим днем и самыми пошлыми развлечениями: «огрубело сердце народа сего»!

Хамство постепенно проникает во все поры нашего существа. Это явление выражается иногда в самых безобразных формах, обнаруживающих всю подлость души вчерашнего раба, глумящегося сегодня над своим бывшим властителем. Так например, стерта прежняя надпись на памятнике Александра III (против Николаевского вокзала в Петрограде) и в гранит вбито такое «стихотворение»:

Мой сын и мой отец народом казнены,
А я стяжал удел посмертного беславия;
Стою здесь пугалом чугунным для страны
Навеки сбросившей ярмо самодержавия.

Затем следует надпись: «Последний самодержец всероссийский Александр III». Эти стихи принадлежат некоему коммунисту Демьяну

торговцев и частных предпринимателей, проявивших доверие новой экономической политике, было конфисковано их имущество и сами они сосланы.

Бедному, еще в 1917 г. бывшему обычным черносотенцем. Когда-то Керенский спрашивал: « Неужели мы только взбунтовавшиеся рабы? » К сожалению, ничего другого мы из себя не представляем.

Недавно была описана со всеми подробностями история расстрела всей царской семьи. Цинизм описания превосходит всякую меру. Становится стыдно за принадлежность к такому подлому народу. Самые подлые выходки « санкюлотов » французской революции бледнеют перед этой скотской грубостью и животным самодовольством, перед этой бесстыдной наглостью чувства, проявляющего открыто и спокойно все свое прежде скрытое мерзкое содержание. Внерелигиозной реакцией на этот кошмар пошлости и подлости является только ирония и сатира - оружие слабых - перелетающая из уст в уста и находящая себе приют на страницах сатирических журналов. В прежних аристократах и интеллигентах развивается дух шкурничества и подхалимства. Чтобы жить сносно и мало - мальски спокойно, приходится заискивать перед вчерашним дворником, поваром, лакеем, лавочником, кучером, прачкой, кухаркой и т. п., ибо « диктатура пролетариата » выдвигает их на первое место. Хаму же, конечно, приятно отомстить за прежнее, доволь полломаться над бывшим барином, взять с него взятку за какое-нибудь одолжение и т. п. Бывает, однако, что аристократ или интеллигент, стиснув зубы и подавив в себе все прежнее, начинает работать не покладая рук, делается « спецом » (специалистом в какой-нибудь области), становится нужным человеком для коммунистов, получает видный пост, личный иммунитет и гарантию свободной деятельности. Такой, сплошь и рядом, превращается в бездушного человека, исполненного только одним желанием - мстить хаму, и он мстит беспощадно...

Крестьянин, и в прежнее время отличавшийся плутовством и вороватостью, превратился теперь в хитрого, ловкого зверя, умеющего, когда нужно, прикинуться мертвым, замереть, спрятаться, а потом, когда нужно, выскочить из засады и схватить противника за горло. Тяжкие поборы правительства сделали его испуганным зверем, всегда дрожащим за свою участь, а постоянная спекуляция превратила его в бездушного торгаша и кулака.

Снова широко развивается пьянство. Хотя допущено к продаже только пиво и легкое вино, однако обыватели и крестьяне соревнуют друг с другом в производстве самогонки (крепкий спирт домашнего изготовления). За самогонку можно сделать все, достать все, купить человеческую душу...

Так как правосудие было буржуазным, то его превратили в « народно-революционное ». Это значит, что каждый гражданин, требующий справедливости, должен предстать перед несколькими (обычно

тремя) « пролетариями », из которых один или два с трудом умеют писать. Если истец интеллигент, то он уже заранее осужден, как бы ни было свято его дело. Судья иногда произносит приговор, просто руководясь « революционной совестью ». Убийство может быть оправдано « революционным энтузиазмом », кража - « борьбой классов »...

Такая тяжелая атмосфера нашей русской жизни развивает в нас два отрицательных качества: приспособляемость (до бесконечности) и беспринципность. Все сводится к тому, как бы просуществовать, как бы не замерзнуть от стужи в зимнее время, как бы одеть свое грешное тело, где бы добыть для этого (хотя бы при помощи воровства) денег. Выработалась уже терминология, по которой про занимающегося воровством казенного имущества или частного, к которому он приставлен в качестве правителя или распорядителя, говорят, что он « зарабатывает ». « Доходным местом » считается то, где можно много и безнаказанно красть. Так думают теперь все.

Только приняв во внимание этот « фон » российской действительности, можно понять ту необычайную легкость, с которой большевики расправились со старой Церковью, раздробив ее на мелкие кусочки. Лучшие силы страны или истреблены или эмигрировали за границу, и вот такой-то народ остался один, лицом к лицу с настоящими *анти-христианами*, бесовски жестокими и бесовски умными, непреклонно последовательными там, где дело идет об уничтожении христианской совести и искоренении религиозного чувства.

Духовенство, как мы все это знаем, не только теперь, но уже со времен Петра Великого, превратилось в холопов и рабов правительства и потому и теперь бессильно бороться, а все время ищет какой-нибудь точки опоры и, прежде всего, какой-нибудь власти. Коммунисты великолепно учли это обстоятельство и всю свою борьбу с православной Церковью построили на чувстве стадного страха и замешательства, в силу которого овцы бегут сами не зная куда, лишь бы только спастись от грозящей беды.

Однако не следует думать, что дело дошло до окончательного развала православной Церкви. Беспринципность и бесконечная пассивность нашего народа, то, что этот *раскол* не вызывает должной реакции, мало поражает народное сознание. Ужас происходящего мало понятен и не трогает до глубины души.

« Видно, - говорят православные, - пришло время и попам бésиться »... Не имея никакого понятия о Церкви, как о Мистическом Теле Христовом, они представляют себе все события, как какой-то досадный беспорядок, как грызню попов. Сравнительно очень мал процент мирян сознательных, приходящих в отчаяние от развивающихся событий.

Если это худо для торжества правды, то с другой стороны, при наличии такой русской психологической действительности, это очень удобно для борьбы с расколом. Пассивность и инертность народа не устранены, а только слегка задеты. Да и у самих реформаторов не хватает достаточно сил, чтобы произвести основательный сдвиг православной Церкви. Введенские, Красницкие, Альбинские, Калиновские, Антонины - все это не Лютеры, не Гуссы, не Аввакумы, а жидкокостная дрянь, выступившая в роли «апостолов» только потому, что это им разрешило правительство, заинтересованное в уничтожении таким путем прежней Церкви.

После съезда «Живой Церкви», показавшего истинную подкладку⁷ «реформы» (разрешение второбрачия для попов, женатые епископы, единая церковная касса, уничтожение монашества, уравнивание епископов со священниками и т. п.) и оскандалившего себя своим гнусным пристрастием к наградам и деньгам, епископ Антонин объявил, что он выходит из группы «Живая Церковь» и образовал свою группу «Церковного Возрождения», а некий Новиков образовал «Красную левую грушу»: «Союз древне-апостольских общин». Это еще не три раскола, а три противоположных течения в той части православной Церкви, которая признает ВЦУ (Высшее Церковное Управление). Пока это похоже на англиканскую Церковь с ее «высокой», «низкой» и «широкой» церквями. Все эти три течения имеют в ВЦУ своих представителей и «соуправляют» всей Церковью, постоянно грызя друг друга и стараясь дать ВЦУ доказательство своей преданности власти и готовности бороться с «автокефальными» церквями.

Эти автокефальные церкви являются отдельными организациями тех священников и епископов, которые не признают ВЦУ и держатся «тихоновской» Церкви, отвергая всякую реформу, клонящуюся к пересмотру не только дисциплинарных канонов и обрядов, но и догматов. Таких автокефальных церквей прежнего православного типа во всей России, в данное время, насчитывается около десяти. В Петрограде такого рода церковь организована усилиями энергичного протоиерея *Беляева* и насчитывает 38 приходов. Во главе этой петроградской автокефалии стоят два епископа: *Алексий* (сидит теперь в тюрьме) и *Николай* (не нужно его смешивать с петроградским архиепископом *Николаем*, представителем ВЦУ). Епископ *Алексий* - мой

⁷ Приводим здесь еще один отрывок из воспоминаний Ю. Н. Данзас:

«Экзарх, узнав о предстоящем бракосочетании одного из епископов, просил Данзас пойти в церковь на венчание. Происходило оно в Матфеевской церкви на Петроградской стороне. Невеста - смазливая, подкрашенная девица...».

хороший знакомый и не прочь сблизиться с католической Церковью. Однако, общего иерарха, который заменил бы для « автокефалистов » патриарха Тихона - нет, да большевики этого теперь и не позволят. Так что эти автокефалии, разбросанные по лицу всей России, соединены между собою только общностью протеста и идеи, но не иерархического управления. Каждый епископ отвечает только за свою епархию. В Москве такого рода автокефальные Церкви группируются около епископа Феодора (крайний консерватор с душком Антония Храповицкого). Но ввиду его резкости и узости взглядов, у некоторых священников « тихоновской Церкви » в Москве появилась идея создать свои автокефальные благочиния.

Сначала эти « автокефалии » терпели большие преследования, так как правительство желало создать из « Живой Церкви » государственную церковь, с помощью которой ей было бы легче проводить коммунистические идеи и распространять атеизм. Поэтому представители « Живой Церкви » были *personae gratae* у большевиков и по их доносам и проискам арестовывались все инакомыслящие (много, например, хороших священников, обвиненных « живоцерковниками » в контр-революции отправлено в ссылку в Пензу, Оренбург и другие города). Но затем правительство, увидя моральную гниль « Живой Церкви », перестало активно поддерживать ее, тем более, что в ней самой наметилось зарождение новых расколов. Теперь для правительства эти негодяи интересны только, как противовес « тихоновцам », как такой фактор, который все более разлагает веру и русскую православную Церковь. В этом смысле большевики всегда будут морально и материально (если нужно) поддерживать « живоцерковников », « обновленцев » и всяких сектантов. Крайняя левая большевиков в особенности проводит эту линию, так как не сочувствует организации государственной церкви, а только хочет, чтобы в православии было побольше сект и расколов, грызущихся друг с другом, а потому настаивает на предоставлении полной свободы для автокефалистов, чтобы еще больше увеличить грызню и разруху в православной Церкви.

Из этой мрази более или менее выгодно выделяется епископ Антонин, несмотря на свою видимую ненормальность. Он, по крайней мере, лишен алчности и корыстолюбия и хочет сохранить в Церкви дух аскетизма. От « Живой Церкви » он отделился 20 августа 1922 г., образовав сначала группу из 65 человек, назвавшую себя группой « *церковного возрождения* ». Меркантильность « Живой Церкви » ему претит, он не допускает мысли, чтобы были женатые епископы; второбрачие клириков и пересмотр брачного права подлежит, по его мнению, авторитету и компетенции поместного собора. « Нынешний уклад

церковной жизни, - говорит он, - только там подлежит повороту на старый лад, где в формах жизни произошло затмение идеи, там же, где последующая форма представляет идейное усовершенствование, прежние формы и каноны потеряли силу: и реставрации не подлежат ». Он обвиняет « Живую Церковь » еще и в том, что она замкнулась в своей « кастовости » и отгораживается от сотрудничества с народом. « Культ должен стать одухотвореннее и проще, верующие массы должны стоять ближе и активнее к церковным делам. Кропило, кадило и требник должны отойти на второй план и носитель их должен преобразиться в священника, нравственно возвышающегося над приходом, руководителя, наставника и друга ». Пока он сам предпринимает реформы литургического характера: читает тайные священнические молитвы вслух и все богослужение совершается у него на русском языке. Впечатления от его службы и проповедей разные: одни восхищаются им, другие же ругают его. Пока только выяснилось одно, что он хочет уничтожить группу « Живая Церковь » и делает это не разбираясь в средствах. Например, он называет представителей « Союза древне-апостольских обществ » своими « братьями », несмотря на их крайний протестантизм, но только для того, чтобы с их помощью свалить « живую церковь », о чем он говорит конфиденциально своим знакомым. Интересно то, что он верит в идейные стремления большевиков и является главным протагонистом в деле об изъятии церковных ценностей, наивно предполагая, что эти ценности действительно пойдут голодающим. Его кто-то « сильный » из большевицкой клики поддерживает, одобряет и хранит от напастей ГПУ.

Красницкий делает невероятные усилия, чтобы потопить « Церковное Возрождение » и для этого не брезгует ничем. В особенности он восстает против « автономии » и топит всех самостоятельных батюшек. Я думаю, что он просто уже окончательно порвал с религией и сделался коммунистом, и если сохраняет рясу, то только для того, чтобы уничтожить Церковь. Его связь с ГПУ прочно установлена, да и он сам не скрывает ее, открыто заявив на последнем благочинном собрании, что если какой батюшка попытается объявить автономию своего прихода, то такому будет очень « плохо ». « Обо всех автокефалистах, - сказал он, - донесите нам, а мы будем представлять их в ГПУ ». В результате такой политики все лучшее, что еще оставалось в православной Церкви либо уничтожено, либо сослано. Остались на местах « дрожащие » перед властями и готовые для сохранения своей шкуры продать самого Христа. Но и среди такого сброда все-таки еще не угасла вера. Есть еще попытки сопротивляться. Вот эти-то попытки и выражаются в « автокефалиях ». Советская власть дней пять тому назад

разослала по исполкомам тайный циркуляр, который мне удалось прочитать. В этом циркуляре запрещается исполкомам вмешиваться в религиозные дразги попов и мешать образованию отдельных автономных приходов. Очевидно правительство не поддерживает пока Красницкого и не намерено опираться ни на « Живую Церковь », ни на группу « Церковного Возрождения ». Что будет дальше - трудно себе представить. Большевики вообще живут только актуальной минутой, если можно так выразиться, и потому их политика отличается крайней порывистостью и невероятными скачками не только в религиозной, но и во всякой другой области.

Движение около нас усиливается. Если церкви распечатают и меня не упрячут в тюрьму и не выгонят за границу, то, думаю, что надо ожидать многого.

ГЛАВА II

ФАКТЫ, ИТОГИ И ВЫВОДЫ РОССИЙСКОГО ЭКЗАРХА

Больше трех лет митрополит Андрей лишен возможности отправиться в Рим для доклада. - Мученичество митрополита Андрея. - « Плохое, никак не Римское католичество! » - 16-ХП-1920 митрополит Андрей, наконец, в Риме: подтверждение его полномочий, утверждение Российского экзархата и Папское бреше о назначении о. Леонида Федорова экзархом. - Радость о. Леонида и русских католиков. - Неблагожелательное отношение к правам экзарха со стороны латинского клира. - Личные отношения о. Леонида с латинским духовенством. - Причины, мешавшие латинскому клиру взглянуть здраво на дело и заставлявшие его превратно освещать проповедь восточного католичества. - В чем о. Леонид видел залог успеха своего дела в будущем? - Почему православные, воссоединяясь с католической Церковью, переходят в латинский обряд? - Равноправие обоих обрядов. - Заключение о. Леонида: польский клир не может работать в деле воссоединения православия с католичеством. - Наглядный пример: « биритуализм » митрополита Эдуарда Роппа.

В начале октября 1917 г. митрополит Андрей прибыл, наконец, в родные пределы. Весть о том, что он едет домой, быстро распространилась в Галиции. Народ стекался издалека к полотну железной дороги и стоял на всем пути от Перемышля до Львова, только бы увидеть поезд, в котором ехал владыка. На станциях была давка; люди теснились, чтобы взглянуть на него. Митрополита официально приветствовал Эрцгерцог Вильгельм, выразивший ему от лица Императора Карла радость по поводу благополучного возвращения домой.

Да, владыка был, наконец, у себя после всего пережитого и выстраданного, но сколько перемен произошло здесь за минувшие годы, в каком виде он нашел все, начиная с митрополичьего дома! Покой его

были в беспорядке, научные коллекции частью разбросаны; немало духовенства исчезло совсем из епархии; многое, созданное годами, было уничтожено или повреждено. Страну опустошили проходившие армии. Галиция пережила первое наступление русских, потом отступление их после поражения на Дунайце. Затем началось опять новое наступление и за ним последовало второе отступление. Всюду остались следы прохождения войсковых частей. Митрополит Андрей хотел сразу же приняться за дело, чтобы залечить поскорее то, что было возможно, не ожидая конца войны.

Однако, поражение Центральных держав, следствием которого явилось распадение Австро - Венгрии, создало новое положение. Галицийские депутаты собрались в Львове на совет, чтобы по примеру чехов и хорватов решить вопрос о будущем своей страны. После совещаний 18 и 19 октября они провозгласили ее независимость. Государственную границу на Западе, они хотели иметь по реке Сану, с поляками, населявшими Западную Галицию, а на Востоке предполагали присоединить к себе украинскую часть Буковины. По просьбе Львовского Совета, в Восточную Галицию были переброшены украинские части. Когда во второй половине 1919 г. в Львов приехал маршал Пилсудский, митрополит Андрей пожелал говорить с ним. Маршал согласился его принять, но в последний момент митрополиту запретили выйти из дома. Впоследствии ему разрешили ходить по Львову, но без права выезда за городскую черту. Только в 1920 г. он стал пользоваться большей свободой. История мученичества митрополита Андрея еще не написана. Ей неизбежно займутся изучающие теперь вопрос о причтении его к лику блаженных. Можно себе представить, какой запутанный клубок придется распутать, чтобы выявить праведность этой души, уже так чтимую среди верующих и которую так ярко восприняла и задушевно выразила мать о. Леонида при посещении митрополитом « инкогнито » царского Петербурга: « смотря на него, думаешь - вот где Царство-то Божие »!

* * *

Все время гражданской войны и после нее митрополит Андрей был лишен возможности отправиться в Рим для доклада. Это поставило его в очень затруднительное положение. Он подвергался всевозможным нападениям; предметом их были, главным образом, его якобы незаконные действия в России. Связанный тайной, которой его обязал Папа св. Пий X, митрополит должен был в ответ на все только молчать. Это ставило в свою очередь в очень тяжелое положение экзарха о. Леонида,

и перед латинским клиром и перед правительством. Польские церковные власти тоже не хотели признать назначение епископа Боцяна (хиротонисанного митрополитом Андреем в киевском отеле «Континенталь») на Луцкую кафедру. Польская дипломатия не упускала случая дискредитировать митрополита Андрея, называя его ставленником Германии и отрицая наличие у него полномочий. Утверждали, что он превысил свои права, а настоящая его цель - сделаться патриархом украинской автокефальной Церкви.

1 июля 1918 г. о. Леонид написал из большевицкой тюрьмы митрополиту Андрею:

«Когда я получаю от Вас какое-нибудь известие, то прежде всего радуюсь тому, что Вы еще живы, что есть еще за кого держаться в моем абсолютном одиночестве. Через несколько дней пришло сведение, что «Polonia semper fidelis» снова не пустила Вас на митрополию, и передо мною вдруг встал во весь рост величайший облик св. Мефодия... Не печальтесь, что Вы не можете разделить моей участи - Ваши страдания неизмеримо превышают все те quasi - мучения, которые терплю я».

«Ненависть поляков против Вас не знает предела. Достаточно одного Вашего имени, чтобы погубить того, кто им пользуется»... (следует описание одного случая) - (6-14-1922).

Все-таки, в конце концов, польское правительство, разрешавшее польским епископам поездки в Европу, не могло не позволить и митрополиту Андрею отправиться в Рим. По пути туда, он взял в Вене у нотариуса Фукса оригиналы полномочий Папы св. Пия X и 16 декабря 1920 г. прибыл, наконец, в Рим. Папа Бенедикт XV принял его как исповедника, пострадавшего в ссылке и тюрьме. Митрополиту Андрею представилась теперь возможность дать отчет св. Отцу и доказать, что он действовал в силу тайных полномочий Папы св. Пия X. Был еще жив прелат Брессан, бывший личный секретарь Папы св. Пия X. Он прекрасно сохранил в памяти все подробности получения полномочий митрополитом Андреем; к тому же почерк Св. Отца и печать не вызывали сомнений в их подлинности. Из аудиенции, на которой митрополит Андрей представил Папе меморандум в 6 страниц, он вышел совершенно оправданным. Этим был положен конец распространявшимся до сих пор обвинениям. Папа признал действительность всех полномочий, данных Его предшественником митрополиту Андрею.

18 февраля 1921 г. владыка Андрей прочитал в Риме, в Восточном Институте, доклад о «Роли монашества в вопросе Унии». В нем он обрисовал перед избранными слушателями, в числе которых был один кардинал и несколько епископов, картину монашества в православии

и указал на помощь, какую могли бы оказать делу соединения Церквей западные ордена и конгрегации, устроив у себя ветви восточного обряда и став открыто и решительно на путь, предначертанный Папами Львом XIII и Бенедиктом XV, т. е. порвав решительно раз и навсегда с идеей открытой или скрытой латинизации России и русских. Всем своим авторитетом митрополит Андрей заклеил латинизацию, открыто назвав ее « плохим, никак не римским католичеством ».

Несколько дней спустя, 24 февраля, все действия митрополита Андрея были санкционированы официально. С некоторым ограничением, вызванным переменой, происшедшей в России, все полномочия, данные ему в свое время Папой св. Пием X, были подтверждены св. Отцом Бенедиктом XV. Вот текст бумаги об этом, адресованной митрополиту Андрею из Восточной Конгрегации (подлинник на итальянском языке):

Св. Конгрегация
по делам
Восточной Церкви.
Исх. № 5230/21

Рим, 24 февраля 1921 г.

Св. Отец, в аудиенции, данной Им 23 февраля 1921 г. нижеподписавшемуся Ассесору Св. Восточной Конгрегации, благоволил подтвердить Высокопреосвященнейшему Андрею Шептицкому, русинскому митрополиту Львовскому, все чрезвычайные полномочия, полученные им от Его предшественника, Св. Отца Пия X, на аудиенциях 18 и 22 февраля 1907 г., каковыми предусматривается развитие католической акции в России, однако, за исключением права назначать и хиротонисать епископов для этой обширной территории.

Кроме того, Его Святейшество подтвердил выбор и хиротонисание во Епископы для русинской Луцкой епархии Преосвященного Боцяна, совершенное тем же Высокопреосвященным Андреем Шептицким, а также назначение Его Высокоблагословения о. Леонида Федорова Российским Экзархом, пожаловав ему при этом титул Апостольского Протонотария. Согласно волеизъявлению Св. Отца, Высокопреосвященнейшему Андрею Шептицкому надлежит пользоваться подтвержденными ему правами крайне осмотрительно.

Пишущий эти строки, доводя об этом до сведения Высокопреосвященнейшего Андрея Шептицкого, пользуется случаем засвидетельствовать Ему свое совершенное уважение.

Исаия Пападопулос.

Ниже мы даем в переводе с латинского языка и текст Папского указа (бреве) о назначении о. Леонида Федорова Российским Экзархом:

ПАПА БЕНЕДИКТ XV

Возлюбленный сын мой, привет тебе и Апостольское благословение! Из обстоятельно изложенного мнения Ассессора Конгрегации по делам Восточной Церкви Мы узнали, что ты, законно назначенный Экзархом католиков славянского обряда в России, показал себя примером усердия в вере, похвальности в учении, рассудительности, благоразумия и других выдающихся качеств духа. Дабы отметить особую честь, подобающую значению твоего служения и засвидетельствовать тебе наше благоволение, настоящим посланием назначаем тебя и возвещаем силою нашего авторитета Апостольским Протонотарием *ad instar*. Посему мы даруем тебе все полномочия, права, привилегии, почести, прерогативы и индульты, которыми пользуются другие мужи Церкви в этом сане, особенно в силу Конституции о протонотариях, изданной 5 февраля 1905 г. нашим последним предшественником Папой Пием X, один печатный экземпляр которой мы велели тебе послать.

Далее мы устанавливаем, что официальное сообщение об этом почетном звании, дошедшее до тебя с запозданием, должно быть присоединено к актам Коллегии Протонотариев и предписываем, чтобы ты, прежде чем начать пользоваться этой привилегией, прочитал перед лицом твоего епископа, который должен заменить декана этой коллегии, исповедание веры согласно соответственным статьям, установленным Святейшим Престолом, и принес клятву верности соответственно формуле, которую мы также озаботились тебе доставить в печатном виде; наконец, чтобы ты тщательно соблюдал и все остальное, что мы повелели соблюдать в указанной конституции. Установленному здесь ничто не должно противоречить. Дано в Риме, в святом Петре, под перстнем Рыбака, 1 марта 1921 г. в седьмом году нашего Первосвятительского служения.

(Собственноручно) ПЕТР, КАРДИНАЛ ГАСПАРРИ, Государственный Секретарь.

Возлюбленному сыну ЛЕОНИДУ ФЕДОРОВУ,
католическому пресвитеру славянского обряда.¹

1

BENEDICTUS PP. XV

*Dilecte Fili, salutem et Apostolicam benedictionem. Ex amplissimo suffragio Ad-
sessoris Congregationis pro Ecclesia Orientali comperimus te, rite nominatum Exar-
cham (1) pro catholicis ritus slavonici in Russia, religionis studio, doctrinae laude,*

* * *

« Для Церкви наступают времена Диоклетиана. Это не гипербола, а факт... Слава Богу за все! Это достойное наказание священству за его лень, эгоизм и отсутствие любви к своей пастве. Наши овцы равнодушно смотрят на то, как церкви Божии подвергаются расхищению. Живу упованием на Бога и Ваши молитвы... Никогда не думал, что придется нести такой крест... ».

Так писал еще в конце 1918 г. о. Леонид митрополиту Андрею. Ему он говорил обо всем откровенно. О. Леонид был готов на мученичество, не строил себе никаких иллюзий, еще вступая на путь апостольства в Российской Империи. Однако, как видно из этих слов, последующая действительность превзошла самые пессимистические ожидания. Неопределенность его положения усугубляла тяжесть креста. О. Леонид ждал с нетерпением утверждения экзархата, официального признания своих канонических прав. А его все не было. Это вызывало горькое чувство, особенно от сознания, что митрополит Андрей сам связан по рукам и ногам и не может ничего предпринять. И вот, после столь безотрадного ожидания, пришла, наконец, давножданная радость!

В апреле 1921 г., о. Леонид получил письмо от митрополита Андрея, на французском языке, пересланное через Ковенского архиепископа

prudencia, consilio aliisque singularibus animi ingeniique ornamentis in exemplum commendari. Ut igitur sit singularis honor qui muneris tui amplitudini respondeat, et propensam erga te voluntatem Nostram testetur, his te litteris, auctoritate Nostra, Protonotarium Apostolicum ad instar participantium eligimus, facimus atque renuntiamus. Tibi proinde concedimus facultates omnes, iura, privilegia, honores, praerogativas atque indulta quibus alii ecclesiastici viri hac dignitate aucti utuntur, fruuntur, potissimum vi Constitutionis de Conlegio Protonotariorum a Decessore Nostro recentis memoriae Pio PP. X, die 5 mensis februarii anno 1905 editae, cuius Constitutionis exemplar, praelo impressum, ad te iussimus transmitti. Porro, dum statuimus, ut dignitatis huius in te conlatae notitia ad acta Conlegii Protonotariorum Apostolicorum ex officio transmittatur, praecipimus ut, priusquam concessionis eiusdem beneficio perfruaris, coram Antistite tuo, qui Decani eiusdem Conlegii vices in re geret, fidei professionem emittas iuxta articulos ab hac sancta Sede propositos, debitae fidelitatis iurisiurandi verba ex schemate concipias, quod, pariter per typos editum, tibi tradendum curavimus, denique omnia alia religiose serves quae per enunciatam Constitutionem servanda praescribuntur. Non obstantibus quibuscumque. Datum Romae, apud sanctum Petrum, sub annulo Piscatoris, die I mensis martii anno 1921, Pontificatus Nostri septimo.

(Manu propria) Petrus, Cardinalis GASPARRI, a Secretis Status (L ☩ S).
Dilecto Filio LEONIDAE FEODOROW, sacerdoti catholico ritus slavonici.

Франциска Каревича (бывшего профессора Петербургской католической Духовной Академии), одного из самых близких и верных друзей о. Леонида,² а через несколько дней и второе письмо от него же на русском языке через финляндское посольство. Из этих писем о. Леонид узнал о результате поездки митрополита Андрея в Рим!

« Вы понимаете, - написал о. Леонид в ответ на первое письмо, - что у меня нет слов, чтобы выразить ту светлую радость, которую я испытал при получении Вашего письма! После почти четырех лет, проведенных среди самой ужасающей жизненной обстановки и невыносимого состояния, пришлось, наконец, узнать, что не « вотще трудился », то дело, которому отдана вся жизнь, весь ум и сердце, не пропало. Слава Богу за все! Божественное Провидение, хранившее меня все это время, как малого ребенка, и избавившее не раз от смертной опасности, еще раз показало Свое благоволение к грешному и недостойному рабу своему. Несмотря на разъедающий меня подагрический ревматизм и малокровие, несмотря на общую слабость и все более седеющие волосы (отцу Леониду шел 42-й год), чувствую, что еще могу поработать для Господа, хотя, может быть, и не много... Все наши точно ожили и шлют Вам свои смиренные приветствия, исполненные любви, признательности и преданности, т. к. всем очевидно, что только Вашей неустанной энергии и Вашему воистине апостольскому рвению мы обязаны решительно всем ».

В ответ на второе письмо о. Леонид написал митрополиту Андрею (29-IV-1921):

« Радости и благодарности к Богу нет границ! Так много и так хорошо, что поневоле находит страх: не устроит ли сатана какой-нибудь новой пакости? Вы дадите мне разрешение на службу у себя дома - это уже само по себе хорошо (значит можно устроить престол?), но еще лучше то, что я, значит, нахожусь под Вашим непосредственным начальством. Времена так изменились, что это уже ничуть не портит дела (как это могло испортить в 1917 г.), а Вы для меня, после Бога, якорь спасения.

Но в особенности хорошо и чревато последствиями - это утверждение всех полномочий Пия! Это смертельный удар нашим фрязам,

² Вот, что сообщил о нем о. Леонид митр. Андрею:

« Мне весьма сильно помогает преосвященный Каревич, оставаясь все время истинным другом восточных. Посылками денег он в последние два года выручал меня из очень затруднительных обстоятельств и позволил мне заниматься своим делом, по крайней мере настолько, чтобы не тратить время на ломку барж и домов (с целью добыть себе дров) и не исполнять в кузнице обязанностей молотобойца ».

« Это, кажется, единственный серьезный друг нашего дела ».

портящим нам не мало, хотя у меня с ними прекрасные отношения. В числе явных врагов, однако, не действующих открыто, находится Иоанн Василевский, Игнатий Чаевский (Петроград), Зелинский, Ноешевский (Москва), в особенности последний. Преосвященный Иоанн Цепляк покровительствует мне и благоволит, хотя думает все-таки пофряжски. Искренние помощники - священники белоруссы, готовые хоть сейчас принять восточный обряд (Эдуард Юневич, Лукиан Хветько, Антоний Неманцевич), и отчасти литовцы (Михаил Бугенис). Это буквально «обращенные» к нашему образу мыслей, прозревшие на весь вред латинизации. Выжидательную политику ведет Будкевич, человек очень умный и поддающийся убеждению. Теперь он уже не говорит, что русское католичество «комедия», а старается сделать все возможное для развития идей унии, хотя, конечно, и для него уния - только неизбежное зло.

Утверждение экзархата произвело сильное впечатление - это гром среди ясного неба».

Теперь о. Леониду, как он полагал, недоставало только официального опубликования состоявшегося назначения в «*Acta Apostolicae Sedis*», чтобы получить возможность издавать правомочные акты, которые признавались бы и латинским клиром, и таким путем добиться согласования действий последнего с действиями Российского Экзарха. О присылке ему «*Acta Apostolicae Sedis*» он усиленно просил епископа Каревича, единственного, с которым он, по условиям того времени, мог свободно сноситься. В ожидании присылки, о. Леонид все же довел до сведения архиепископа Цепляка и главных представителей латинского духовенства об официальном утверждении Апостольским Престолом всех привилегий, данных в свое время секретно Папой Пием X митрополиту Андрею. Однако, они встретили его сообщение довольно холодно. О. Леониду заявили, что до опубликования этих привилегий, и в частности, «*Orientalium dignitas*», польское духовенство, с чистой совестью, считает себя свободным и впредь действовать попрежнему. Все доводы о. Леонида разбивались о три положения, которые оно выставляло самым категорическим образом:

1) «*Orientalium dignitas*» не относится к России, где положение латинского духовенства совершенно исключительное. Поэтому, православные, переходящие в католичество, принимаются в латинский обряд без разрешения Апостольского Престола и притом не только в тех случаях, когда они ставят это непременно условием, но и заявляют просто что предпочитают латинский обряд.

2) Запрещение переводить людей в латинский обряд относится толь-

ко к русским католикам, а не к православным, воссоединяющимся с католической Церковью.

3) Даже в том случае, если энциклика « *Orientalium dignitas* » действительно утверждена в том виде, как это значится в полномочиях, данных митрополиту Андрею, она может касаться не всей России, а только западных ее областей, так как перечисленные в ней епархии находятся в Западной России, и, следовательно, к Великодержавии энциклика не относится.

Вследствие этого, о. Леонид просил митрополита Андрея посодействовать скорейшему опубликованию « *Orientalium dignitas* » и авторитетному разъяснению следующих трех пунктов:

1) Энциклика эта относится ко всей России, как к государству и нации, к ее европейской и азиатской территории.

2) Энциклика имеет в виду не только привлечь православных русских в лоно католической Церкви, но и сохранить для нее восточный обряд во всей его чистоте.

3) Переходы в латинский обряд должны совершаться исключительно с разрешения Апостольского Престола, как бы часты они ни были; латинскому клиру, под страхом смертного греха (иначе не подействует!), должно быть вменено в обязанность всячески отговаривать присоединяющихся православных от перехода в латинский обряд.

Пойти здесь на компромисс о. Леонид не мог ни при каких условиях, так как это значило бы для него отречься от самого существенного в восточном католичестве, которому он отдал себя до конца. Польское же духовенство, за немногими исключениями, не то что не хотело, но и не могло, поступиться тут тем, что оно считало в силу исключительного положения в России, своим неотъемлемым правом. В этом было непримиримое с ним принципиальное расхождение, и о. Леонид считал, что устранить его можно только категорическим приказанием свыше. Однако, было бы неправильным вывести из этого заключение, что у о. Леонида, при обоснованном недоверии к латинскому клиру и даже вынужденной борьбе с ним, было сколько-нибудь неприязненное чувство, предубеждение и несправедливое отношение к отдельным его представителям. Точно так же и последние, при всей своей принципиальной непримиримости, в общем, не проявляли ни в отношении о. Леонида ни других русских католических священников ничего трудно совместимого со своим саном или же, просто, противоречившего христианской любви. Они поддерживали материально о. Алексея, устроив его жить на покое при храме св. Екатерины. О. Дейбнера они приняли викарным священником и обеспечили материально. Конечно, при этом нельзя закрывать глаза и на то, что принимавшие такую помощь, не

могли не считать их своими благодетелями и в силу этого становились « как бы » « недостижимы » для о. Леонида.

Вот что он пишет о своих личных отношениях с латинским духовенством (тут собраны выдержки из его нескольких писем к митрополиту Андрею):

« Со многими представителями латинского клира установились наилучшие отношения. Сам преосвященный Иоанн Цепляк сделался моим другом и покровителем. Никаких столкновений, несмотря на упорную тенденцию у некоторых к латинизации. Следуя во всем Вашим архипастырским указаниям, закрываю глаза на присоединение многих русских к латинскому обряду (около 80 человек). Я прихожу к убеждению, что всякое прямое противодействие таким переходам не достигает цели, потому что психологические причины, толкающие в латинский обряд, слишком велики и неотделимы. Такое присоединение нужно только затруднять, чтобы показать важность восточного обряда.

Отношение ко мне архиепископа Цепляка очень хорошее. Это милый, добрый, благочестивый человек, но, к сожалению, слабый, как покойный царь Николай; он готов слушать каждого, отдавая предпочтение последнему. Сам он отлично понимает необходимость иренического тона и любовного отношения к православным и произвел очень благоприятное впечатление на них, когда был приглашен на чай в день посвящения преосвященного Димитрия, епископа Омского. Но он не может дать отпор наседающим на него: Василевскому, Ходневичу и др., которые хотят не мира, а войны, и требуют крикливой пропаганды. Его отношение к восточному обряду благожелательное, но, конечно, не идет далее признания его неизбежным злом ».

* * *

В связи с этим о. Леонид обстоятельно излагает причины, мешающие латинскому клиру здраво взглянуть на дело и заставляющие его, в своих мнениях и докладах, превратно освещать работу восточной католической миссии в России:

« 1) Здешнее латинское духовенство распадается на три главные группы: ПОЛЬСКОЕ, ЛИТОВСКОЕ и БЕЛОРУССКОЕ. Последняя группа представляет из себя два течения: одно тянется ко всему польскому, другое стремится развивать свою белорусскую культуру. Представители всех этих трех групп одинаково не знают ни русского народа, ни его религиозных запросов, ни его психологии и одинаково худо владеют русским языком. Теперь они делают попытки подойти к нему поближе и овладеть лучше русским языком, но само собой разумеется,

что в два-три года нельзя возместить того, что не делалось в течение целых столетий. Различаются же эти группы тем, что поляки искренно презирают русский народ и глумятся над ним (хотя ненависти стало теперь гораздо меньше), белоруссы же искренно любят и сочувствуют. Если польский священник занимается проповедью католичества и делает это только по долгу апостольства (хотя есть, конечно, и тут отрядные исключения), то белорусс привносит еще элемент искренней любви, симпатии и неподдельного сочувствия: он болеет душой не только за то, что русские отделены от единства Вселенской Церкви (что есть и у поляка), но и страдает за то, что это именно его *кровные, дорогие ему великороссы* (чего у поляка нет).

Вследствие этого белорусс старается не только *понять* русскую душу (что ему гораздо легче, чем поляку), но и переболеть с нею все то, что она в себе носит и чем она болеет. Польский проповедник католичества основывает свои действия только на *рассудке и логике*, белорусс же может понять, что *для русского человека логика - это совершенно ненужный балласт и что он живет только настроением и эмоцией* (хорошо это или дурно - это другой вопрос). Понятно поэтому, что подход латинского клира к проповеди католичества среди русских, при таких условиях, всегда будет неудачен, он идет «вслепую», с той только разницей, что одна его часть спотыкается меньше другой и способна лучше прозреть и понять свои недостатки. Но в общем, слушать доклады и читать донесения латинского клира о состоянии русского католического дела, по крайней мере теперь, нельзя, так как это будут доклады совершенно некомпетентных лиц. То, что они сотни лет жили среди русского народа, ничего не говорит в их пользу, так как они жили среди народа, отгородившись от него *китайской стеной* и не имея ни малейшего представления об его психологических переживаниях, чаяниях, идеалах и о его религиозном быте (почему они так вели себя - тоже другой вопрос). Отсюда происходят такие оригинальные явления, что иностранные латинские священники, вроде Тондини и Пальмиери, мельком проехавшие по России, гораздо лучше понимали ее, чем те же поляки.

2) Если в настоящее время среди польского клира нет уже таких шовинистов, как раньше, и национальный вопрос не стоит в первой очереди, то остался все-таки, если можно так выразиться, *обрядовый шовинизм*, свойственный и весьма многим представителям западно-европейского клира. Здешний латинский клир (в особенности же польский) совершенно определенно заявляет, что чистота и полнота католического учения не отражается в восточном обряде, а только в латинском, что восточный обряд мертв и не пригоден к выражению

католической истины во всех оттенках и не позволяет развернуть все силы католической души. Такого рода шовинизм гораздо хуже *национального*, так как опирается уже не на материальное благо народа, а на его *высшие духовные проявления*, на его *вечные идеалы*. Конечно, подобного рода воззрения всецело покоятся на полном *невежестве и незнании нашего обряда*. Самое тяжелое в данном случае то, что они совершенно не считаются с намерениями Апостольского Престола. Некоторые из них, мера все на свой аршин, уверены, что и Апостольский Престол не имеет серьезного намерения сохранить восточный обряд, а только показывает вид, что хочет этого лишь лишь для того, чтобы притянуть православных в католическую Церковь.

3) Тот же дух национальной исключительности и привычка смешивать национальные и религиозные интересы заставляют их думать, что мы отстаиваем восточный обряд не ради блага Церкви, а ради наших национальных интересов.

4) Их смущает разнокалиберность, если можно так выразиться, нашего обряда, отсутствие в нем точно выработанных правил и рубрик, его археологичность и непрактичность в некоторых случаях.

5) Свою задачу - и это самое главное - они видят не в проповеди соединения Церквей, а в прозелитизме отдельных лиц. Они хотят захватить народ помимо духовенства, сблизиться же с самим православным клиром они не хотят и не умеют. Чувство горькой обиды за перенесенные страдания от этих якобы « жандармов в рясе » не позволяет им действовать с апостольским незлобием. Отсюда получается, что при встрече с православным священником они всегда настороже, весьма неискренни, слишком политичны, что при громадной, даже я бы сказал болезненной чувствительности православных, сейчас же бросается в глаза. Вести же апостольское дело, держа камень за пазухой, и постоянно боясь быть обманутым и скомпрометированным - нельзя.

6) Они уверены в том, что латинский обряд гораздо безопаснее, так как сразу вырывает неофита из атмосферы схизмы и полагает между ней и присоединившимся целую непроходимую пропасть, тогда как оставаясь в восточном обряде, неофит чувствует себя чем-то связанным со схизмою.

7) Наконец, они желают всех неофитов сразу же сделать самыми настоящими католиками, не понимая того, что требовать от вчерашнего диссидента чистого католического понимания и образа действий значит то же, что заставлять извозчицью лошадь брать призы на конских скачках ».

* * *

Высказав это со всей ясностью, о. Леонид излагает свой взгляд на проповедь русского католичества и объясняет, в чем он полагает залог ее успеха в будущем:

« 1) Сначала у нас является очень простое соображение: почти десять веков раскола вырыли страшную пропасть между православием и католической Церковью, особенно в России, где католики были и остаются национальными врагами. Захват Белоруссии и части обрусевших территорий по новому миру, (т. е. после первой мировой войны), возбудил бурю негодования. Все повторяют в один голос, что с новыми границами Россия никогда не согласится. Поэтому, начиная проповедовать католичество при таких условиях, мы должны внушить к себе доверие путем весьма долгого и терпеливого сожительства с православными, наглядно доказывая им, что мы не ополячились, не облатинились, но что мы были русскими, остаемся русскими и будем ими, что наши религиозно-бытовые традиции, неразрывно связанные с нашей историей, нам гарантированы Церковью настолько, что даже и думать нельзя об их уничтожении.

2) Мы не маленькие дети и прекрасно понимаем, что наш обряд нуждается в реформе, что во многих случаях он действительно непрактичен и устарел, что в нем чувствуется сильный недостаток в Евхаристическом культе и во внелитургических богослужениях, но, принимая во внимание все вышесказанное, нужно далеко отбросить самую мысль о возможности провести теперь же радикальную реформу нашего обряда, потому что таковая неукоснительно привела бы к обвинению нас в латинизации. Эту реформу можно вводить только исподволь, постепенно, и то при обязательном условии, что она будет совершаться не путем пересаживания на нашу почву латинских обрядовых форм и постановлений, как в Галиции, а путем нашей творческой работы. Мы прежде всего можем восстановить древние обряды (иногда менее громоздкие, чем теперешние) и из существующих устранить всякие синодские прицепки и привески. Мы можем эллинизировать обряд, но никак не латинизировать его. Потому-то мы так строго отмежеваемся от всего Галицийского в области обряда, где нет восточного творчества, а только грубая имитация латинства.

3) Затем мы думаем, что прозелитизм и обращение отдельных лиц мало поможет делу св. Соединения. Это не значит, что мы отказываемся приобретать приходящие к нам души. Наоборот, при случае, мы сами стараемся подражать великим « ловцам человеков », но не ставим этого главной целью проповеди русского католичества и, когда прихо-

дится нам выбирать между эфемерным успехом и приобретением новых душ с одной стороны и основными задачами нашей проповеди с другой, то мы не колеблясь жертвуем первыми для второй цели. Главной же нашей задачей мы считаем распространение и популяризацию самой идеи св. Соединения, распространение и популяризацию здоровых идей о католичестве и сближение с православным духовенством. Не положивши основания здания, строить нельзя; так, не осветивши российскийскую тьму настоящим пониманием католичества, нельзя и думать о крупных успехах. Путем прозелитизма можно приобрести, даже в латинский обряд, целые тысячи душ, но эти тысячи душ будут только новым препятствием между нами и теми десятками миллионов, которых мы должны привести в «единое стадо». Греция - тому печальный пример. Но латинское духовенство, к сожалению, этого не понимает. Следующий пример убедит в правильности моих доводов.

С самого начала моей деятельности мне удалось завязать самые дружеские отношения с виднейшими представителями петроградского клира, с митрополитом Веньямином, единоверческим епископом Симеоном и даже с самим Патриархом. Интерес к делу соединения возрос настолько, что мы уже думали о взаимных собраниях с этой целью. Но латинскому духовенству показалось, что *мы* работаем слишком вяло и мало и оно само «*взялось за работу*». Началась открытая и скрытая пропаганда. Открытая заключалась в том, что в зале собраний при св. Екатерине начали читать лекции по вопросам богословским, исторического и аскетического характера, часто с боевыми темами (непогрешимость Папы, Непорочное Зачатие, разделение Церквей и т. п.). Все это представлялось, как обучение русских католиков латинского обряда католической вере, при чем вход на эти собрания был свободный. Этот наивный шаг «хитрых ксендзов» был моментально расшифрован в православных кругах, тем более, что ярые русские католички зазывали на эти собрания своих православных знакомых и даже священников. Скрытая же пропаганда велась различными «девятками», которых латинские священники всячески подбадривали к такому образу действий. Каков же результат такого рода «работы»? Правда, по внешности, очень отрадный: присоединилось за один год больше ста человек, но зато мои дружественные отношения с православным клиром потерпели полное фиаско. Вся тяжесть обвинения легла на меня, я-де, мол, только «заговариваю зубы» словами о единении, тогда как ксендзы, пользуясь этим, *расхищают православное стадо*. Теперь идет в петроградских церквях и на церковных собраниях самая дикая травля католиков, причем я обрисован как «иезуит в рясе», «волк в овечьей шкуре» и «райский змий». Конечно, такая шумиха

сделала меня « знаменитостью », и в нашу церковку стал битком набиваться православный люд, из которого несколько душ уже присоединилось к нам, но все это меня не радует, так как достигнуто путем крушения моих отношений к православному духовенству. Я, конечно, не опускаю рук и стараюсь эти отношения наладить, но ведь гораздо легче разрушить, чем создать. Мое положение стало поэтому очень тяжелым.

Для соблюдения католического единства я должен был принять участие в лекциях при церкви св. Екатерины, где стараюсь читать на апологетические темы (« Инквизиция », « Цель, оправдывающая средства », « Святая Уния », « Необходимость видимой иерархии ») и таким образом волей-неволей дать повод к новым толкам о моем расхищении православного стада, при чем, конечно, нет недостатка в клеветах. Лекции Ю. Н. Данзас в том же зале тоже привлекают массу народа и иногда покрываются аплодисментами. До сих пор она прочитала: « Рим, как центр Вселенского Единения », « Варфоломеевская ночь », « Флорентийский собор », « О православии и католичестве » (в ответ на лекцию профессора Л. П. Карсавина, прочитанную им в Православном Богословском Институте). С. А. Лихарева прочитала здесь доклады: « О Мальтийском рыцарстве », « О благотворительной деятельности и св. Викентии де Поль », « О смысле русской иконописи », « О духе св. Игнатия и духовных упражнениях ».

Все же я поставил дело так, что руководитель этих собраний о. Павел Ходневич дорожит мною, как лектором, и соглашается на всякие темы, которые я предлагаю. Моя беседа на тему « Св. Уния » собрала такую массу народа (и католиков и православных), что большой зал, в котором происходило торжественное заседание нашего собора, был переполнен народом. Католики были в восхищении, а некоторые православные благодарили меня, главным образом, за мое примирительное и спокойное направление. Эти беседы необычайно подняли мой авторитет в глазах латинян, так что польские священники не рады, что « пустили козла в огород » (они особенно настаивали на том, чтобы я читал, надеясь привлечь этим больше публики, а епископ Цепляк в беседе с некоторыми своими поляками сказал, что « популярность о. Экзарха растет чрезвычайно »). Интересно, что хотя я резко говорил о латинизации и называл ее « безобразием » и « преступлением » и открыто высмеивал тех, которые приняли латинский обряд, считая, что они переходят в « чистое католичество », никто из католиков не возразил мне ни слова, а благодарности после беседы со стороны мирян не было конца! С тех пор каждое воскресенье на Бармалеевой бывает много латинян, приступающих к св. Причастию. Все это более и более

меня убеждает в том, что единственный способ борьбы с латинизацией - это образование нашего восточного клира. Латиняне кланяются мне теперь лишь потому, что среди их духовенства не только нет людей более меня образованных, но мало даже с таким образованием, как у меня. Нужно помнить латинскому духовенству, что Россия не Конго и не Замбези, не Китай и Япония, где нужно итти и проповедовать с крестом в руке, а страна с очень древней, в плоть и кровь вошедшей христианской культурой, в сущности своей вполне католической и искаженной только по форме и по своему применению на практике.

4) Все, что пишут в газетах и рассказывают очевидцы о «*страшной разрухе*» в церковной и моральной жизни русского народа, все это правда. Беспутство, воровство, спекуляция, жестокость, хамство и самый бессердечный эгоизм вышли наружу во всей своей бесстыдной наготе. В духовенстве обнаружилась полная беспомощность, бестолковость, отсутствие всякой дисциплины, самочинство в изобретении самых невероятных богослужебных обрядов, готовность итти на всякие компромиссы с советской властью и т. п. Иерархия может только с грехом пополам балансировать между различными течениями, кланяться мирянам, которые постепенно захватывают управление приходами в свои руки. Только отдельные крупные иерархи и священники, благодаря личному влиянию, могут еще быть *пастырями*. Ересь и секты делают большие успехи. Прибавьте к этому «*нажим*» советской власти, постоянные аресты и даже расстрелы епископов и священников, и вы получите картину, весьма близкую к *полному разложению православия*.³

³ Читая и здесь и в других местах строки о. Леонида о *Болезненном Процессе*, происходившем тогда в Русской Церкви, нельзя упускать из виду время, когда это писалось (в данном случае в середине июля 1921 г.). Возникновению самого процесса в результате потрясений, произведенных февральским переворотом и особенно большевицкой революцией, не приходится удивляться. Падение царской власти внезапно лишило Русскую Церковь защиты и помощи государственного аппарата, которыми она привыкла пользоваться и которые давали ей характер «казенного» православия, по выражению митрополита Андрея. Свобода и независимость, пришедшая на смену рухнувшим материальным устоям, открыла процесс, развивавшийся на глазах у о. Леонида и с которым ему самому приходилось серьезно считаться. «*Нажим*» большевицкой власти, который и ему пришлось испытать на себе (15 февр. 1917 г. - лишение Церкви всех ее привилегий в государстве; 24 дек. 1917 г. - запрещение преподавания Закона Божия в школах; 23 янв. 1918 г. - декрет об отделении Церкви от государства; 2 февр. 1918 г. - прекращение всякой материальной помощи; янв. 1919 г. - конфискация церквей; февр. 1922 г. - конфискация утвари), перешедший в открытое гонение на Церковь, в полное искоренение всех духовных основ жизни и попытка уничтожить «образ и подобие Божие» в человеке, дал этому

Вот эта-то картина и затуманивает глаза латинскому клиру, который думает, что православная Церковь уже гибнет и потому нечего с ней церемониться, а надо жать, давить и хватать. Глубочайшее заблуждение, лишний раз показывающее абсолютное незнание русской души и ее религиозной истории. Что русская Церковь неизлечимо больна, что она гибнет и в конце концов совершенно погибнет, в этом сомневаться нельзя, но это наступит еще очень и очень не скоро. Теперешний момент

процессу течение, тоже довольно ярко отраженное в повествовании о Леониде, день за днем переживавшего все это. Он наблюдал тогда, как в Русской Церкви действовали церковные элементы, сознательно и бессознательно вызывавшие церковную смуту и отступничество. При их явном содействии, безбожная власть, не останавливаясь ни перед чем, силилась сломить в Русской Церкви всякое сопротивление, чтобы иметь возможность отдать ее в полное потом распоряжение ГПУ для окончательной ликвидации.

Между тем, здоровые начала, продолжавшие несмотря на это существовать в Русской Церкви, олицетворенные в *Тихоновских* исповедниках, не дали сломить себя до конца. У Патриаршего православия хватило силы освободиться от навязанного при помощи ГПУ обновленчества и изжить его, выбросив представителей « Живой церкви » из среды православного духовенства. Мы смотрим теперь на этот болезненный процесс, как на законченный, ретроспективно, а не так, как о Леониде в 1922-23 годах, когда обновленчество было еще движущей силой в самой Русской Церкви. Поэтому написанное им о *Разложении православия* мы относим главным образом к действию в нем обновленчества, бывшего тогда гнойником в церковном организме. В болезненном процессе тех лет, о Леониде, как современник, наблюдал нагноение, образование и созревание этого гнойника в теле Русской Церкви. В наше же время, исследователи смотрят на описанную им картину уже в исторической перспективе, охватившей и прорыв гнойника и относительное оздоровление болевшего организма после того, как он выбросил из себя обновленчество, развившегося в результате довольно сложного послереволюционного процесса.

Дальнейшего развития церковных событий - стремления и даже усилий большевиков легализовать Русскую Церковь на приемлемых для советской власти условиях, согласованных с непрекращавшейся антицерковной коммунистической политикой, и участия в этом деле или сохраненных или просто уцелевших от почти поголовного истребления русских иерархов, другими словами, периода уже не « казенного », а « советского » православия (ведь проронил же не так давно советский « обер-прокурор » Карпов, при приеме одной иностранной делегации, отмеченные печатью многозначительные слова « *Наша Церковь* »!) - мы не касаемся. Если имеется уже достаточно общеизвестных фактов для суждения об этом по существу, то для исторического исследования вопроса нет еще в свободном пользовании необходимых материалов - документов и свидетельских показаний. Тут уже мы, как современники, находимся пока, в отношении этого нового процесса в таком же положении наблюдателей, в каком был в свое время о Леониде по отношению к обновленчеству. К тому же, дальнейшее развитие церковных дел в России не имеет прямого отношения к повести о Российском Экзархе и его проповеди восточного католичества.

нельзя даже назвать агонией; это только один из фазисов болезни, после которого организм как бы снова возрождается и некоторое время как бы живет обновленной жизнью. Перед нами проходят картины почти целиком выхваченные из Смутного времени. Вспомните, как Авраамий Палицын говорил в свое время, что *нечестие* дошло между русскими до последней степени, что народ своими злодеяниями заслужил гнев небесный. « Во всех сословиях, - говорит Бер (Буссов), - воцарились раздоры и несогласия; никто не доверял своему ближнему; цены товарам возросли неимоверно... ». Одним словом, знакомая нам, русским, картина. С точки зрения западной - это падение, с точки зрения восточной - это *только дурацкий бунт оголтелого народа*. Правда, всепривлекающий лозунг « грабь награбленное », гражданский брак, призыв к социальной мести и безудержная агитация против попов и Церкви отуманили головы настолько, что в 1918-1919 годах некоторым казалось, что все уже пропало, но скоро началось отрезвление. Благодаря преследованию, народ религиозно оживает и понимает, что они - *живые члены церкви* и что приход - это их дело. Конечно, часто, приходское строительство идет *протестантскими путями*, но все-таки приходы уже существуют, чего совершенно не было в царское время (были только ярлыки без содержимого). Волна религиозного мистицизма явно растет. Правда, *ереси и секты* собирают богатую жатву, но они еще слишком бессильны, чтобы пошатнуть православие. *Глумление над мощами*, от которого большевики ждали колоссальных успехов, оказалось лишь вспышкой отсыревшей ракеты. Правда, 75% « нетленных » мощей оказались только трухой, тем не менее соблазнившихся сравнительно очень мало. Все, в подавляющей массе народа, вызвало только непримиримую *ненависть к большевикам*. Кроме того народу стало ясно, что не все священники только царские слуги, не все обирали и жрецы, не все карьеристы и лизоблюды, но много еще есть и таких, которые служат ради Иисуса, а не ради куска хлеба. Теперь уже ходит крылатая фраза: « В наше время быть священником хорошо, но опасно »... Дух русского священства не иссяк еще настолько, чтобы не появлялись изумительные благочестивые и ревностные пастыри (как, например, священник Борисов в местечке Замостье, Новгородской губернии).

Все это говорит, что до гибели русской православной Церкви еще далеко, что Господу жаль несчастный народ и Он не хочет губить его окончательно. Латинский клир поражен пассивностью нашего народа, с которой он позволяет кучке негодяев осквернять величайшие святыни и из *этого заключает*, что у русского человека пропала вера. Конечно, это очень логично, но на практике выходит не так... Наш народ

именно и *страшен* этой своей безмерной пассивностью и косностью. Он будет терпеть до бесконечности, но в глубине души останется все-таки самим собой. Он пойдет на всякие компромиссы со своей совестью, потому что по своей распущенности не считает это отступничеством от веры. Конечно, иностранцу-католику понять это не только трудно, но прямо невозможно.

Но даже если мы допустим возможность *нескольких крупных расколов* в православной Церкви, то и тогда от этого нам будет не слаще, потому что все эти расколы объединятся против нас на *одной почве: общей ненависти к католичеству*. Силой и натиском здесь не возьмешь... Примите во внимание еще один крупнейший назревающий фактор. Хотя Московский Всероссийский Собор настолько урезал патриаршую власть, что *Святейший* патриаршествует, *но не управляет*, тем не менее он делается той центральной фигурой, вокруг которой сосредоточиваются идейные чаяния русских людей, так как Патриарх Тихон - это, так сказать, единственная не загаженная и не оплеванная точка русского народного самосознания, тот малый огонек, который мерцает в беспросветном мраке пошлости, низости и повального хамства. С ним будет почти то же, что было с Константинопольским патриархом после взятия Царьграда турками: он будет не только главой Русской Церкви, но носителем русских великодержавных идей и русской культуры. Поэтому при всех наших разговорах со священниками и на собраниях, в конечном итоге, нам ставят обычно (за редкими исключениями) два вопроса: БУДУТ ЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ ПРИ СОЕДИНЕНИИ ГАРАНТИРОВАННЫ ОТ ЛАТИНИЗАЦИИ И КАКОЙ РАНГ ЗАЙМЕТ ПАТРИАРХ В ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИИ?

Не активная пропаганда, не натиск миссионера необходимы в России, а сближение на почве обще-христианских интересов против растущего неверия и воинствующего коммунизма. На этой почве в 1918-1919 годах я достиг того, что католические и православные священники собрались вместе для борьбы против большевиков, когда те в своих преследованиях священников и Церкви переходили всякие границы. Мы вместе выступали в Петрограде и в Москве и подписывались на общих протестах. Православные, лишившись царской опеки, чувствовали себя, как дети на улице, потерявшие своих родителей, и за отсутствием полицейских не знали, как защищать себя от наседающего сектанства. Поэтому их страшно тронуло, что в такую тяжелую для них минуту те самые *католики*, которых они привыкли считать своими злейшими врагами, теперь помогают им и борются вместе с ними.

Но все эти мотивы непонятны *латинскому духовенству*. Оно ду-

мает, что подобное сочувствие со стороны православных - только военная хитрость, чтобы усыпить внимание католических миссионеров, что православный клир - это тигр, спрятавший на время свои когти и готовый при новых благоприятных условиях опять вонзить их в Тело св. Церкви. У латинского духовенства нет никакого чутья переживаемых нами событий и слишком истинно-апостольского духа. В русском народе они видят только кучку схизматиков, которую нужно распрогандировать и больше ничего...

5) Эту активную пропаганду они направляют в среду русской интеллигенции, которая, по их мнению, примет католичество только в латинском обряде. Это совершенно *ложное представление* опровергается прямыми фактами. Московская община в количестве 60-70 человек состоит сплошь из интеллигентов, из которых 1/3 с высшим образованием, в Петербургской общине (тоже 70-80 человек) интеллигентов больше половины. Некоторые латинские духовные лица уже начали понимать неприемлемость своего положения, что русская интеллигенция склоняется только к латинскому обряду, и формулируют эти переходы так: в латинский обряд переходят или интеллигенты, или по смешанным бракам, что совершенно верно.

* * *

Почему же переходят именно в латинский обряд? На это существует несколько причин.

1) Во многих городах имеются только латинские церкви и латинские священники, и поэтому другого выхода нет.

2) Подавляющее большинство никакого представления о католичестве восточного обряда не имело и до сих пор не имеет. Поэтому часто бывает, что присоединившийся начинает скучать в новой обстановке и вдруг с восторгом узнает, что он может быть католиком, не лишая себя родного быта.

3) Многие делают католиками из неверующих, никогда прежде не бывших в православных церквях и потому в этой латино-католической церкви, в которой нашли откровение веры, они видят свое духовное сокровище.

4) Многим православным ненормальность положения их Церкви опротивела до омерзения, так что и восточный обряд, напоминающий им их прежнее состояние, делается тоже невыносимым.

5) Некоторые (в особенности дамы) просто увлекаются внешностью: орган, открытый престол, чистенькие и вежливые бритые священники, белые платья на различных церемониях, цветы, изящные молитвен-

ники, краткие службы и т. п. Восточный обряд для таких - нечто *fi donec!*...

6) В латинский обряд стремятся лица смешанного происхождения, в жилах которых течет польская, литовская, французская или даже итальянская и немецкая кровь.

7) Наконец, причиной этому являются смешанные браки и почти всегда связанный с ними отъезд супругов за границу в латино-католическую среду.

Что же делать с такими категориями лиц?

Мы очень хорошо понимаем, что удержать их насильно в восточном обряде нельзя, но ставить им всякие препоны для этой цели - необходимо. Прежде всего необходимо прекратить самую практику приема в латинский обряд. Переходящий присоединяется к Единой Святой Церкви и остается в том обряде, в котором родился. Если он хочет молиться по латинским молитвенникам, ходить в латинские храмы, исповедоваться там и причащаться и совершать другие требы - этому помешать никто не может, ибо Церковь и вера - одна. Но официально таковой остается восточным и принадлежит к восточному приходу, хотя бы номинально. Если ему захочется повенчаться в латинской церкви, он должен только спросить на это разрешение у своего восточного настоятеля. Это необходимо для того, чтобы отнять от православных всякую возможность упрекать нас в латинизации. Раз дело будет поставлено так, то на упреки православных мы всегда можем ответить, что никто в латинский обряд, без прямого разрешения в отдельных случаях Святого Престола, не переводится, а если нашим восточным католикам нравится посещать латинские храмы, то мы этого запретить не можем, ибо было бы нелепо запрещать католику ходить в католические же храмы и молиться западным святым. Когда же накопится много таких католиков и потребуются открытие особого прихода, тогда, тем самым, они будут католиками латинского прихода».

« Оба обряда должны практиковаться совершенно равно, без малейшей тени предпочтения одного другому. Ибо раз католическая истина, как вселенская и вечная, не может быть выявлена в какой-либо определенной и внешней форме, то и латинский обряд, хотя он и обряд Первосвятителя, не может быть лучше другого обряда. Мне скажут, что он гарантирован от ошибок. Но Первосвятитель наблюдает не только за своим обрядом и хранит его от ошибок, но и за другими обрядами, - это его обязанность. Кроме того нельзя даже и говорить об обряде Первосвятителя, так как он пользуется обрядом поместной Римской Церкви. Конечно, эта поместная Церковь, в силу ее исключительного положения, есть мать и учительница всех Церквей, но только в том,

что касается католической истины, а не обрядности. Если мне скажут, что обряд выявляет внешним образом догму и самый дух Церкви, то я с этим не могу согласиться. Это было бы только в том случае, если бы обряд Римской Церкви был универсальным, приспособленным к духу и культуре всякой нации и всякого народа. На самом же деле этот обряд, как обряд Римский, не может быть обрядом вселенским. Тот факт, что им пользуются народы германские, англосаксонские и кельтские, как в Европе, так и в Америке, говорит только о том, что эти народы получили свою культуру от Рима и для них поэтому этот обряд вполне приемлем и удовлетворяет их духовные потребности. Если далее, тот же римский обряд удовлетворяет китайцев, индейцев, негров и т. д., то и это не говорит об его универсальности, а только о том, что языческие народы, не имевшие раньше христианской культуры, или совершенно некультурные, примут всякую новую форму, какова бы она ни была, так как они представляют из себя в этом отношении ту «*tabula rasa*», на которой можно написать, что угодно. Но восточные христиане представляют из себя нечто совершенно другое. Мы здесь видим 120-миллионную массу, имеющую за собою почти 2000-летнюю культуру, которая только потому остается христианской, что внешние литургические формы чисто-апостольского и святоотеческого происхождения вливали в нее постоянное христианское содержание, чего сами Пастыри после XII-XIV века уже не могли делать так, как следует. Для этой массы латинский обряд не универсален и потому абсолютно неприемлем. Раз же латинский обряд не универсален, то он не может быть отличительным знаком духа католической Церкви и потому не может быть предпочитаем восточному апостольскому и святоотеческому обряду, гораздо более древнему, нежели обряд латинский».⁴

⁴ Здесь в словах о. Леониды, высказанных не без горечи, многое принадлежит уже истории, которая пишется на наших глазах с такой быстротой, о которой он, наверно, не думал даже в захватившем его вихре революционных событий. Десятки лет, мелькнувших с тех пор, прошли и тут далеко не бесследно. Это, конечно, не значит, что и в наши дни совсем исключены более или менее единичные рецидивы, действующие разрушительно на строящемся здании церковного единства. За примерами не приходится ходить далеко, они у нас на глазах. Чтобы не быть голословным, можно указать на напечатанное в Риме и распространяемое самим автором *третье* издание его книги: Filippo Talvacchia. «*Rito Romano e Riti Orientali*» Edizione III – In vendita presso l'Autore. Via S. Croce in Gerusalemme, 46 – Roma.

На стр. 97-й, в XII главе «Гармония обрядов» § 2, озаглавлен: «Преимущества латинского обряда». Там имеются такие строки: «То положение, что перед Богом (!) миряне и духовенство восточного обряда, до епископов включительно, равноправны с мирянами, священниками и епископами латинского обряда (будем благодарны автору и за это!), не исключает возможности провести сравнение

« Вопрос относительно « прочности » латинского обряда является своего рода белкой в колесе, так как польские священники, указывающие на отпадение в схизму 1839 и 1875 годов и на отдельные случаи подобного рода, совершенно забывают, что тут виноваты они сами. Глубочайшим заблуждением было бы думать, что близость восточного обряда к схизме по своей внешности и религиозному укладу является причиной обратного отпадения. Причина коренится в том отношении к восточным католикам, которое всегда было и есть со стороны латинского клира, ибо и до сих пор, по меткому выражению принца Максимилиана, для латинян, восточный священник - это « *Priester zweiter Klasse* »... История Унии изобилует, можно сказать - насыщена, такого рода отношениями, в особенности же этим богата именно Уния, в которой, по местному выражению, (на этот раз польскому), виленский латинский каноник считал себя гораздо выше русского митрополита. Что же удивительного, если несчастный русский народ, находившийся под польским владычеством, видел, что католичество, которое он принял, служит только средством к ополячению. Он видел, как вся аристократия и интеллигенция потонули в польском море, как его вера по-прежнему, несмотря на католичество, считалась холопской, как его священники презирались и держались в черном теле, как его храмы были иногда жалкими лачугами в сравнении с латинскими костелами и т. п. Единственный руководитель этого народа - духовенство - видело, что оно только тогда приобретет равные права с латинским клиром, когда само потонет в латино-польском море.

юридического характера между римским обрядом и обрядами других Церквей; не говоря уже об его эстетических качествах и гармонии, обряд Римской Церкви является обрядом Церкви-Матери, являющейся главой мира, и потому этот обряд имеет каноническое преимущество над всеми обрядами ».

В авторе говорит вполне понятное национальное чувство итальянца, в котором для исповедуемой о. Леонидом вселенскости есть несомненно опасный уклон: желание придать поместной итальянской (Римской) Церкви, составляющей лишь незначительную часть Вселенской (католической) Церкви, значение и силу вселенскости и тем самым присвоить римскому обряду каноническое преимущество над восточным. Уклон этот, далеко не новый, в общем, под влиянием современных политических сдвигов, в настоящее время значительно ослабел. Говорить подобно процитированному автору, может только незнающий и непонимающий сокровищ восточного обряда, который только теперь, благодаря переводам, начинает раскрываться католическому Западу. Если говорить о сравнительной эстетичности и гармонии *существа* обрядов (т. е. независимо от умения сообщать им привлекательную форму и при помощи внешних эффектов воздействовать на молящиеся массы), то тут « восточникам » убеждать никого не приходится. Их обряд говорит сам за себя и не нуждается в защите.

Вот, где зарыта собака! Латинский клир и польское правительство не понимали того, что если от простого народа отнять интеллигенцию и держать в черном теле его духовенство, то это значит самым определенным образом толкать народ в схизму, что, к величайшему горю, случалось не раз. Те умные головы, которые и теперь не устают твердить, что восточный обряд нужен только для « деревни », не понимают того, что если не будет интеллигентных представителей, которые сумеют провести в эту деревню восточный обряд, облагородить его и поставить на должную высоту, то и для деревни не будет понятно, чем католичество выше схизмы.

В особенности православные наблюдают за тем, как латиняне относятся к восточным: признают ли нас равными себе, любят ли нас, помогают ли нам, нет ли у нас вражды между собою. Поэтому они торжествуют, когда видят *вторичное миропомазание обращенных латинянами* или знают об этом и безмерно удивляются и бывают тронуты, когда видят проявление нашего полного равенства с латинянами. В этом последнем особенно заслуживает внимания ласковое, отеческое и симпатичное отношение к нам высокопреосвященного архиепископа Иоанна Цепляка. Не раз он присутствовал на нашем богослужении, торжественно совершавшемся в латинских храмах, и даже служил тихую обедню в нашей церкви в этом году в светлое Христово Воскресение, а потом разговлялся у нас. Я с своей стороны твердо постановил не допускать в моем малом стаде тех отношений к латинянам, которые в Галиции доходят до геркулесовых столбов соблазна и потому не обращаю даже внимания на иногда совершенно явное душехватство со стороны латинского клира.

Теперь, со всей решительностью, в законодательство должен быть внесен акт о полнейшей равноправности всех одобренных св. Церковью обрядов и притом с указанием, что дерзающий учить или проповедовать обратное является преступником закона и подлежит отлучению от Церкви. Тогда *Urbi et Orbi* будет слишком понятно, что это не голос тех или иных Пап, а голос всей Церкви. Папские энциклики в счет итти не могут, потому что они обращают внимание только на отдельные случаи церковной практики и карают отдельные выступления частных лиц, а главное - совершенно не говорят о полном равноправии обрядов и таким образом не дают главной гарантии, которая требуется Востоком. До сих пор же православные в разговорах с нами ставят нас между Сциллою и Харибдою.

— Или ваш Папа, - говорят они, - настолько бессилен и лишен авторитета, что не может запретить латинизации, и тогда от соединения с католической Церковью не может быть никакой выгоды, или же

Папа только представляется и лицемерит, а в глубине души хочет латинизации, и тогда нам нужно бежать от него, как от оболыстителя.

Есть среди нас наивные люди, которые думают, что восточных можно олатинить незаметно, что, делая им « *una buona faccia* » (приятное выражение лица), можно привлечь их как дикарей на ловушку. Тщетные надежды. Нашим бедным « хитрым ксендзам » нужно всегда помнить, что православные « простодушные иереи » гораздо хитрее их и прошли в этом смысле такую школу, до которой слишком далеко воспитанникам наших полу-монастырских семинарий.

Здесь уместно сказать и несколько слов о способе « пропаганды ». Православное духовенство со страхом и злобою ждет теперь « натиска Рима », некоторые вопят, что он уже начался; некоторые же наши латинские священники предвкушают уже тот момент, когда понаедут сюда различные конгрегации и начнется « настоящее дело ». Да, работа конгрегаций необходима, и я сам хлопочу теперь всеми силами об основании особого ордена доминиканцев восточного обряда и об основании еще одного ордена Св. Семейства, но это не должно иметь широкой огласки и носить характер *атаки*. Конгрегации должны состояться из русских и белоруссов и тех, пожалуй, поляков и литовцев, которые настолько обрусели, что потеряли свой национальный облик или вполне идейно, (такие примеры уже есть), хотят работать в восточном обряде, чтобы, как они говорят, « загладить вину Польши перед униатами ». Они должны появиться не вдруг, не « налететь » из-за границы, а *незаметно и постепенно вырасти на русской почве*. Желателен только приезд руководителей, но и то в самом малом числе и с большим разбором. Надо помнить те исторические уроки, которые были даны латинским конгрегациям на Востоке. Если пришлось, после нескольких эфемерных успехов, остановиться перед каменной стеной слабых, бедных и угнетенных восточных патриархов, то много ли они своим « натиском » и « работой » сделают в России? Они только заставят русскую улитку окончательно спрятать свои рога, которые она благодаря нашему подходу начала уже немного показывать.

Но у нас есть еще одно « течение мысли », если можно так выразиться, среди латинских священников. Их поражает « адогматизм » русского человека. Западный, логический склад их ума не мирится с тем, что человек, называющий себя православным и даже кричащий о своем « истинном православии », вместе с тем верит в переселение душ, или считает таинства человеческой выдумкой, или вместе с Дарвином и Геккелем производит человеческий род от обезьяны и т. п. Им, одним словом, пришлось столкнуться с тем, что у самого ярого

православного своя догматика, часто весьма мало напоминающая не только « русское православие », но даже далекая от основных принципов христианства. Это поражает и приводит в полное отчаяние. Вывод таков: русского человека только тогда можно сделать католиком, когда он будет оторван от своего религиозного бытового прошлого, когда новая латинская форма сделает из него нового человека. Вот печальные мудрствования людей, которые хотят быть умнее св. Церкви. Когда мы указываем им, что тогда масса народа, т. е. 95% пропадет, нам безжалостно отвечают: и пусть пропадают.

Полнейшая неспособность понять русскую психологию и окружающую обстановку заставляет латинских священников видеть в нас людей косных и ленивых. Они удивляются, почему среди русских католиков так мало деятельности, нет конгрегаций, собраний, даже церковного хора (в Петрограде), совершенно забывают, что мы имеем дело со вчерашними православными, далеко еще не проникнутыми католической идеологией. У них имеются уже готовые кадры девинок, терциарок и интеллигентов, которые слушаются не только их малейшего слова, не только сами делают все возможное для ведения пропаганды, но еще дают им возможность жить спокойно и не заботиться о хлебе насущном ».

« В заключение считаю нужным повторить еще раз, что польский клир помогает нам материально и на столько, что без его поддержки мы не могли бы жить, однако он не может работать в деле св. Соединения. Зависимость в материальном отношении от латинского клира - вещь очень тяжелая, в особенности для возглавляющего русское католическое дело. Я должен быть от этого избавлен, что при моих более чем скромных потребностях не представляет особенных затруднений. Эта зависимость сильно связывает мне руки и не позволяет действовать самостоятельно.

По буллам Первосвятителей, они (латинский клир) могут быть только нашими помощниками. Поэтому необходимо, чтобы ко всем прочим правам нам было дано и то, что ведение дела, направление его в известном духе должно принадлежать исключительно нам. По слухам, в Люблине хотят устроить семинарию для восточных русских миссионеров. Если это так, то на нас свалится новая беда. Где угодно, но только не в Люблине или в каком-нибудь польском городе: всякое соприкосновение с Польшей - провал вполне гарантированный для нашего святого дела. Нужно постараться в корне пресечь эту нелепую затею, ибо если такой « миссионер » появится в России, то от него будут бегать как от чумы. Даже, если бы он не был поляком, достаточно

уже того, что он окончил курсы в польской семинарии. Пусть устраивают эту семинарию хоть на луне, но только не в Польше»!⁵

* * *

Если бы высказанное о. Леонидом о вреде, причиняемом польским клиром делу русского католичества нуждалось в новых доказательствах и подлежало проверке на практике, то выполнить такую задачу нельзя было успешнее, чем это сделало само польское духовенство. Начало положил митрополит Эдуард Ропп в Варшаве, куда он прибыл после освобождения из советской тюрьмы, состоявшегося по ходатайству Ватикана. На страницах печати он повел пропаганду в пользу двухъязыковой системы (*биритуализма*). Несмотря на всю ее несостоятельность, чтобы не сказать большего, четверть века тому назад в Польше на нее возлагались большие надежды. При помощи ее вся русская католическая акция перешла бы в руки польского духовенства. По существу этот план уничтожил бы многолетнее дело Папы св. Пия X и митрополита Андрея Шептицкого и прикончил бы одним ударом миссию Российского Экзархата. Во внимание к высокому иерархическому положению автора газеты и журналы предоставили ему свои страницы. Об его плане стали говорить и писать.

Естественно, что одним из первых откликнулся на этот проект о.

⁵ Высланный большевиками митрополит Ропп оказался в 1919 г. в Варшаве. Около него объединилась группа польского духовенства из России. Секретарем митрополита был прелат Антоний Около-Кулак, сделавший в это время много добра русским через посредство Польского Красного Креста. Группе митрополита Роппа казалось, что события в России благоприятствуют деятельности там польских миссионеров. Для этой цели было организовано Миссионерское Общество, главной задачей которого являлась подготовка миссионеров для России. Успех этого предприятия сулил бы им немало в смысле проникновения в Россию польской культуры вообще, в вместе с тем способствовал бы и ее политическому влиянию. Для подготовки миссионеров митрополит Ропп основал в 1922 г. в Люблине Миссионерский Институт. Дом с церковью и садом предоставил Люблинский епископ Мариан Фульман, тот самый, который, будучи священником и находясь на поселении в Нижнем Новгороде, принял там в 1896 г. о. Алексея Зерчанинова в католическую Церковь. В 1927 г., о. Диодор Колпинский, перешедший в юрисдикцию митрополита Роппа вскоре после своего вторичного воссоединения с католичеством, был им назначен преподавателем русского языка, литературы и истории в Миссионерском Институте. Однако, в том же году о. Диодор ушел из него, а в 1929 г. совсем покинул Польшу. С 1927 по 1931-й год в Варшаве издавался русский католический вестник «Китеж», который редактировали совместно о. Д. Колпинский и о. А. Около-Кулак. В 1933 г. Люблинский Институт был закрыт, а митр. Ропп скончался в Познани в 1939 г.

Леонид, против которого он был непосредственно направлен и чей авторитет он подрывал еще больше.

« Я немного не понимаю Ропша, - написал он митрополиту Андрею, с одной стороны он кажется за нас, а с другой - склонен слушать таких наших врагов, как например, Зелинский. Мне он кажется человеком не особенно глубоким, к тому же немецкое высокомерие не позволяет ему как следует оценить переживания русской души. Например, во время своего пребывания в Москве он повторял, что интеллигенция пойдет только в латинский обряд, а про экзархат отзывался, что это дело не прочное и, может быть, будет все уничтожено ».

« С непостижимой быстротой превратившись в сторонника всего польского, достопочтенный архипастырь начал усиленно проводить мысль, что для успеха русской миссии необходимо, чтобы священники были биритуальными, служа по латинскому и по восточному обряду. План очень прост: всякие недоразумения прекратятся, если во главе будет стоять один иерарх и один клир, совершающие богослужения и требы по обоим обрядам. Так что восточными или латинскими будут только самые храмовые здания, их утварь и священные предметы (облачения и книги). В « Bulletin Catholique de Pologne » (15 июня 1921 г., № 2-3) он поместил статью под заглавием « Les perspectives du Catholicisme en Russie » (« Перспективы католичества в России »), в которой, помимо тенденциозного освещения фактов, проводил идею своего несчастного биритуализма, защищал поляков от обвинения в шовинизме и, наконец, разразился таким перлом: « В этой акции в России, Польша, ее ближайшая соседка, которая знает лучше всех русскую психику, которая легче всего учит русский язык, должна, не отстраняя от этого поля и всякую другую добрую волю, сделать первые шаги ». Эта фраза сдобривалась оговоркой, что работать в России могут только те польские миссионеры, « которые хотели бы работать для славы Божией, без примеси политических и национальных целей, хотя бы только в качестве добавления », как-будто такие поляки, вообще, могут существовать. Через преосвященного Иоанна Цепляка я узнал, что предполагается завести миссионерскую семинарию в Люблине, ректором которой Ропш прочит Лозинского. Не удовлетвовавшись проектом, он отправился в Рим, где решил поставить вопрос ребром: или он слагает с себя управление Могилевской архиепархией, или же его проект принимается. Сам Ропш взялся проводить свой проект, совершенно игнорируя меня. Разумеется я сделал все возможное, чтобы провалить проект: писал к покойному Папе, кардиналу Burn и нунцию Ceretti. Наш московский католик Кузьмин-Караваев (сын знаменитого русского экономиста) написал по моей прось-

бе блестящую критику на статью Роппа и послал ее за границу. Ропп стал жаловаться преосвященному Иоанну Цепляку, что «кто-то ему в Риме мешает»... Наконец я узнал от Каревича, что проект лопнул, но теперь снова слышу, что Ропп отправился к новому Папе. Очевидно беспокойный старик попытается навязать св. Престолу свою дикую затею, потому прошу следить за ним. Что он явно наш враг, это вне сомнения. Преосвященный Иоанн передал мне, что недавно Ропп выразился о Вас таким образом, что Шептицкий, де, мой личный друг, но я не могу согласиться с его образом действий, так как он своим политиканством портит дело Церкви. Ненависть поляков против Вас не знает предела».

11 декабря 1921 г. Д. Кузьмин Караваев прочитал в Москве доклад на тему «Православная Церковь и католичество в России», в котором он сказал между прочим следующее:

«Монсеньор Ропп родился и вырос в России. По своему положению он имел друзей среди русских. Он был членом первой Государственной Думы. В начале революции он делил тюремное заключение со многими представителями русского священства. Тем тяжелее убеждаться в односторонности его наблюдений».

«Существующие в России польские церкви имели исключительное значение для католичества раньше, когда старое правительство не допускало восточного богослужения. Теперь положение переменялось. Восточное богослужение не встречает препятствий. Русский экзархат существует открыто, и в нем русское православное священство видит представительство Апостольского Престола. У экзархата есть связи и положение. Ему нужна помощь, о которой он не устает просить. Но мы думаем, что в видах этой помощи надо считаться с мнением самого экзархата, потому что, как бы хорошо ни знали русскую интеллигенцию поляки, русские люди, входящие в экзархат, знают ее все-таки лучше».

«Поляки сейчас представляются большинству русских людей, как граждане постороннего, далеко не дружественного государства. Польские приходы в связи с реэвакуацией пустеют и опираться на них для дела миссии невозможно».

«Мы ждем помощи с Запада, мы ждем людей лояльных и беспартийных, но таких, которым были бы близки и понятны настроения русских церковных кругов».

Почти одновременно, о. Глеб Верховский выступил на страницах «*Echos d'Orient*» (№ 127-128 за июль-декабрь 1922 г.) с обстоятельной статьей «*L'action catholique en Russie*», в которой доказал всю несостоятельность проекта митрополита Роппа, не оставив в нем буквально «камня на камне». Хотя статья о. Глеба и была напечатана как

его личное мнение, но все-таки, ее поместил серьезный французский журнал, специальностью которого были вопросы христианского Востока. Впрочем, отповедь французам митрополиту Роппу этим не ограничилась.⁶

В конечном итоге, от выступления митрополита Роппа и шума, поднятого вокруг его плана, сейчас не осталось почти ничего. История этого вопроса может интересовать лишь того, кто задумывается серьезно над ошибками прошлого. Впрочем, во всем этом есть одно обстоятельство, сыгравшее, в конце концов, положительную роль, которую автор пресловутого проекта в свое время вряд ли учитывал. Оружие, которое он употребил против митрополита Андрея Шептицкого и Российского Экзарха, оказалось в его руках своего рода *бумерангом*. Их оно не задело, а его самого, вместе с группой, которую он возглавлял, больно ударило. Итоги и выводы о. Леонида, собранные в настоящей главе приобрели от этого только большую силу. Чтобы не быть голословным, достаточно привести хотя бы два характерные отрывка дальнейших выступлений митрополита Роппа в *Civiltà Cattolica* (29.5.1920) и в «*La Croix*» (2.3.1922), оставшиеся, повидимому, неизвестными о. Леониду, т. к. о них он не упоминает никогда в своих письмах:

«Русскому, вообще, непонятна возможность разнообразных внешних форм в делах веры. Поэтому он считает греко-славянский обряд униатов - римской фальсификацией, не внушающей ему никакого доверия. С другой стороны, славянский обряд для культивированных русских, дружественно относящихся к прогрессу, мало привлекателен. Для них он является синонимом религии, поработенной государством, религии безжизненной, не имеющей цивилизирующего и морализирующего действия, с длинными и скучными службами, с Причащением в отвратительной форме (общая ложечка, которую запускают каждому в рот) и т. д. Одним словом, ничто его не привлекает в этом обряде, а многое отталкивает от него. Поэтому-то он и чувствует себя католиком, настоящим русским католиком, только приняв латинский обряд. С

⁶ Если оставить в стороне осторожный и даже дипломатичный подход к этому вопросу D. Servièrе-а («*L'esprit d'Union dans la liturgie et la piété*» в «*L'Union des Eglises*» № 3, декабрь, 1922 г.) и выраженное им нежелание высказаться в споре между митрополитами Роппом и Шептицким, все же за автором остается заслуга, что самый вопрос он понял правильно. Мировой престиж митрополита Андрея был слишком велик и его заслуги достаточно известны, чтобы не увидеть затею митрополита Роппа в настоящем свете. Charles Loiseau подверг ее более серьезному исследованию в статьях «*Saint-Siège, Pologne et Russie*» (в «*Revue Universelle*» за 15.VII.1922) и «*La politique des deux rites*» (в «*Revue des deux Mondes*» 15.XI.1921), из которых логически вытекает заключение о несостоятельности и даже нереальности намерений митрополита Роппа и о солидности и обоснованности архипастырской работы митрополита Андрея.

другой стороны, масса народа никогда не расстанется со своим обрядом. А из этого следует, что высшие классы могли бы принять латинский обряд, в то время, как народ оставался бы в восточном. Между тем, этого надо избежать любой ценой. Чтобы достичь этого, я вижу только одно средство: прежде всего разрушить китайскую стену, разделяющую оба обряда. Это значит, что каждый католический священник, призванный работать в России, должен без ограничений работать в обоих обрядах, согласно потребностям своего стада. Во-вторых, нужно избежать двух юрисдикций на одной и той же территории. Епископ или католический викарий должен иметь под своей властью всех католиков, к какому бы обряду они ни принадлежали». (« *Civiltà Cattolica* », 29.5.1920).

« Великий польский народ, искренне католический, пробывший больше столетия под русским игом и тем не менее не пропитавшийся ненавистью (если такая ненависть, действительно, существовала, то только со стороны русских чиновников и православного духовенства в прежней Польше, где некогда было католичество в славянской форме под названием унии; о ненависти же между русским и польским народом, или ненависти со стороны латинского клира, будучи правдивым, нельзя говорить), легче всех учит русский язык, быстрее всего приспосабливается к русской психологии. Поэтому, я спрашиваю себя, не призван ли Провидением прежде всего именно этот народ работать в винограднике Господнем в России, где жатва может быть очень обильной и где столь большая нужда в священниках. Когда я обращаюсь к истории, то нахожу, что Польша действительно была призвана нести христианскую цивилизацию и веру на Восток; ее блеск и упадок шли параллельно с большей или меньшей ревностью, которую она проявляла в этой провиденциальной миссии; то, что она не могла сделать в своей славе, она должна была выполнять в своем страдании: это доказывают сотни католических церквей, построенных поляками в России. Поэтому нужно помочь ей в том, чтобы она снова приняла на себя эту задачу для блага русского народа *и для своего собственного*. Таким образом, здесь в Польше, надо пробудить апостольский дух, найти и подготовить миссионеров »... и т. д и т. д. (« *La Croix* », 2.3.1922).

В упомянутом о. Леонидом журнале « *Bulletin Catholique de Po-logne* », (в том же номере), можно было, как он написал вл. Андрею, прочитать в обозрении печати еще и следующее, тоже весьма характерное заключение:

« Не подлежит сомнению, что дальновидные круги Римской курии отдают себе отчет в той важности, какую имеют хорошие отношения с Польшей, и в ее роли в Восточной Европе. Нужно, чтобы со стороны

Польши все было высказано определенно и ясно. Польское правительство и польская Церковь должны заговорить решительным образом, прямо и категорически ».

В сентябре 1921 г. в Варшаве состоялся католический съезд, на котором знакомый нам уже по Петербургу польский иезуит, о. Ян Урбан прочитал такую резолюцию:

« Итти с европейской культурой на Восток - вот задача Польши. Дать России то, что создало эту культуру, что стало ее душой - католичество; вот миссия Польской Церкви. Этой миссии изменили те, которые подписали Рижский договор ».

Какую именно форму принял бы этот поход с европейской культурой в Россию, имей в ней Польша те же возможности, что и в Восточной Галиции, сказать а priori, конечно, трудно. В самой же Польше ее поход на православных русских, начиная с конкордата с православной Церковью и кончая пресловутыми « ревиндикациями » - намерением латинского духовенства отобрать у православного населения 724 православных храма (это были, искони, православные храмы, во время Унии ставшие униатскими, а после уничтожения Унии - снова православными), имел для воссоединения Церквей такие последствия, какие можно, пожалуй, сравнивать только с IV Крестовым походом и взятием Константинополя крестоносцами в 1203 г. (Как известно, « ревиндикациям » помешало главным образом знаменитое выступление митрополита Андрея Шептицкого в печати против, как он выразился, « *нового насилия* »; ⁷ в результате целой кампании, гражданский суд отказал в иске польскому духовенству). Начавшийся « поход » побудил о. Диодора Колпинского, перед тем как покинуть Польшу в 1929 г., высказаться в письме к старому другу, Д. В. Философому, редактору варшавской русской газеты « За свободу »:

« Больно видеть, что безответственными в католическом, в христианском смысле политиканствующими элементами создается на рубеже России и Запада - на « креслах » многострадальных - новое средостение между католической церковью и русским православием. Неужели и так недовольно преград к соединению? »

За пределами Польши просто не знают еще всего, а то *ужаснулся бы католический мир*, ибо не католичество то, что там так часто перед православными демонстрируют...

Надо помнить, что здесь-то и таится корень той деморализации, которую вносило *антиправославное пользование православием в целях*

⁷ Архипастырское послание митр. Андрея по поводу преследования православного населения в Польше, напечатано в приложении в конце книги (8).

руссификации (хотя, конечно, теперь многое преувеличивается в этом) и которую вносит *антикатолическое пользование католичеством в целях колонизации...* »).

Это и было то « ПЛОХОЕ, НИКАК НЕ РИМСКОЕ КАТОЛИЧЕСТВО », о котором сказал свое слово в Риме митрополит Андрей и которое несет ответственность за свои *плохие дела* перед историей Вселенской Церкви. О. Леонид написал ему однажды под непосредственным впечатлением:

« Ни один поляк не должен переходить нашу границу. Я расписал Св. Отцу все *gesta diaboli per polonos*, которые происходят теперь в Польше, где польское правительство давит православную Церковь, сажает в тюрьмы православных, отказавшихся подписать конкордат, закабаляющий православную Церковь польскому правительству. Наиболее характерные статьи конкордата я послал Св. Отцу ».

« *Quo vadis, Polonia?* » Этот роковой вопрос многие, искренне любящие Польшу, не раз себе задавали в той насыщенной атмосфере, когда над ней быстро собирались, а потом угрожающе нависли темные тучи. *Бич Божий* был тогда занесен и над Польшей. Он ударил по ней на наших глазах. Недавняя действительность быстро стала достоянием истории. Ее вытеснили ужасы, пережитые несчастным населением Польши в годы ее страшного лихолетия, последствия которого долго и трудно изгладить.

Страница истории перевернулась. Уроки ее, особенно в наше время, забываются, к сожалению, слишком скоро. Приходится поэтому иногда их обновлять, чтобы избегать повторения старых ошибок.

* * *

Биритуализм митрополита Роппа провалился, ибо в Риме он не получил полномочия уничтожить дело, основание которому положил св. Пий X и исполнителем которого был митрополит Шептицкий.

ГЛАВА III

« ЗДЕСЬ ТЕРПЕНИЕ И ВЕРА СВЯТЫХ »

О. Иосиф Белоголовый и его письмо к Пале Пию XI. - Приглашение о. Экзарху прибыть на Могилевские торжества 13 мая 1922 г. - « Вернулась УНИЯ! » - Мысли о. Леонида о белорусском церковном движении. - Его молитва о соединении Церквей. - « Дьявольские опыты ». - Вторая поездка о. Леонида в Могилев. - Закрытие церкви на Бармалеевой улице. - Тайные богослужения « как в катакомбах ».

Еще в 1917 г. о. Леонид подружился с о. Иосифом Белоголовым, профессором канонического права в Петербургской католической Духовной Академии. Ему было тогда 35 лет. Обращала на себя внимание его изысканная интеллигентность, большой ум, разносторонняя образованность; в своей специальности он был совершенным знатоком. Отлично владея русским языком, он изучил и правильно понял психологию русского народа.

О. Иосиф принадлежал к тем интеллигентным кругам Белоруссии, целью которых была борьба за духовное возрождение и обновление их народа. Чуждый узкого национального шовинизма, он видел возрождение Белоруссии в ее проникновении католической культурой, но не польской, а национально-белорусской, развивавшейся когда-то на почве св. Унии. Русское католическое дело, его задачи и характер проповеди восточного католичества были очень близки его чуткому славянскому сердцу. О. Иосиф понимал все это по-восточному и сам был готов, если бы это потребовалось, принять восточный обряд. Неудивительно, что на этой почве он близко сошелся с о. Леонидом.

Митрополит Эдуард Ропп вполне доверял о. Иосифу и назначил его деканом (благочинным) в Могилев, с правами своего делегата. Однако, смелость и решительность, с которой о. Иосиф принялся за проведение церковных мероприятий, и борьба, которую он повел бескомпромиссно за дорогие ему идеалы, повели к тому, что он нажил себе много врагов. Устранить о. Иосифа в те времена им было негрудно. Достаточно было обвинить его в контр-революции. Большевицкие власти, действительно, быстро откликнулись на донос. О. Иосифа арестовали и посадили в тюрьму, где он просидел больше года под постоянной угрозой расстрела, перенес сыпной тиф и другие болезни. Просто чудом избежав смертной казни и выпущенный из тюрьмы в таком состоянии, что от него оставалась только жалкая тень - кости и кожа, он был вы-

нужден после этого скитаться четыре месяца почти без крова и пищи. От всего пережитого, его нервы совершенно расстроились, он потерял память и стал невращенником.

Однако, глубокая вера и железная воля помогли о. Иосифу воспрянуть духом и стать на ноги. Он вернулся в Могилев, сделался там снова деканом и быстро снискал себе уважение и любовь у своей паствы. Тем не менее его откровенно - белорусская политика продолжала вызывать к себе враждебное отношение, в особенности со стороны польского клира. В этом была главная причина неладов о. Иосифа с петроградской курией, видевшей в нем беспокойного и тщеславного человека.

О. Леонид хорошо знал своего друга. Обвинение его в тщеславии он считал сильно преувеличенным. О. Иосиф был по своей натуре своего рода « спортсменом », готовым всегда добиваться успеха во что бы то ни стало. Правда, при этом он был непрочь иной раз и немного похвастать. Слабыми сторонами его характера о. Леонид считал скорее резкость и раздражительность, несколько повышенное самолюбие и светскость с примесью тонкой, холодной иронии.

В начале мая 1922 г., О. Леонид встретился в Москве с о. Иосифом после долгой разлуки и в беседе с ним рассказал откровенно о своих затруднениях в проповеди и распространении русского католичества. О. Иосиф быстро вник в суть дела и написал письмо Папе Пию XI. В нем он ясно подчеркнул необходимость отстранить поляков от русского католического дела и передать его целиком в руки экзарха.¹ Это письмо настолько характерно для о. Иосифа и так хорошо выражает понимание им восточного католичества, что мы приводим его здесь в переводе дословно (подлинник на французском языке):

Могилев, 19-V-1922.

СВЯТЕЙШИЙ ОТЕЦ!

События последнего времени в России настолько подвинули вопрос воссоединения православных с католической Церковью, что я позволяю себе обратиться к Вашему Святейшеству с этим письмом, чтобы

¹ К этому же времени относятся два обстоятельные доклада, посланные о. Леонидом Папе Пию XI. Уведомленный о том, что его приезд в Рим считают крайне желательным и, в случае невозможности выехать теперь из России, требуют прислать хотя бы подробный отчет, адресованный самому Папе, о. Леонид написал ему дважды - 5 мая и 30 июля 1922 г. Он обрисовал подробно положение русского католического дела, указал на его бедственное состояние, изложил свои взгляды на текущие задачи и дальнейшее развитие и ясно резюмировал свои пожелания.

в мере моих сил поспособствовать тому великому делу, над осуществлением которого работали лучшие представители Святейшего Престола.

Родившись в Петербурге, я возвращался всегда в русской православной среде и изучал с большим интересом психологию и чувства этого родственного мне по крови народа. Может быть нет на свете другого народа, у которого религиозные чувства были в такой мере сплетены с его национальной жизнью и историческим прошлым, как у русского; для русского народа, его « православная вера » не что иное, как мистическое представление о национальной жизни и историческом прошлом.

Из этого можно вывести заключение, что для привлечения этого народа в лоно католической Церкви необходимы такие миссионеры, которые не только хорошо говорили бы по-русски, но и были способны делить с этим народом его жизнь, слившись вполне и безраздельно с его чувствами и надеждами, и которые не были бы ему ненавистны, ни по национальным соображениям, как поляки, ни в силу укоренившегося предубеждения, как иезуиты.² Задача эта не под силу иностранному миссионеру, в особенности поляку, вследствие чувства взаимного недоверия.

Помимо этого, атмосфера, в которой протекает жизнь Могилевской архиепархии, так отравлена отсутствием в ней точно определенных канонических актов, заменяемых произвольными действиями лиц, принадлежащих даже к наивысшей иерархии, что никакая миссионерская работа не может здесь развиваться методично, следуя твердо установленной и ясной идее. Так например, приходские книги для записей, даже заведенные после опубликования кодекса, совсем не согласованы с тем, что он предписывает. Назначения и переводы клириков делаются, не сообразуясь с предписанным в кодексе, а иногда и с явным нарушением его. Поляки произвольно вмешиваются в русские дела, не считаясь с проистекающими из этого вредными последствиями, и пытаются заниматься проповедью католичества в то время как их собственные приходы находятся в плачевном состоянии и в них отсутствует какая-либо приходская жизнь. Они или незнакомы со всеми энцикликами, постановлениями и традициями Святейшего Престола в отношении Востока вообще и России в частности, или же относятся к ним с пренебрежением.

Недавние попытки ввести биритуальную (двухъобрядовую) иерархию ясно показывают, что авторы этого странного проекта даже не подумали ни об его пагубных последствиях для русской миссии, ни просто об его канонической несостоятельности.

² К сожалению, в этих словах есть преувеличение.

Русская миссия может быть осуществлена только русскими католическими силами, хотя и малочисленными до настоящего времени, но происходящими из самого сердца России, плоть от плоти и кость от кости этого народа. Латинский клир может только оказывать помощь этим миссионерам, следуя их указаниям, но не предпринимая никогда ничего от себя *motu proprio*, (не действуя по собственному побуждению). Католическая Церковь, столь мощная благодаря единству своих действий, обладающая божественной благодатью, должна быть на высоте своего положения также и в этом вопросе. Вселенская, и в то же время применяющаяся к национальному характеру каждого народа, чтобы не быть ему чуждой, католическая Церковь должна показать себя дружественной и русскому сердцу, считаясь с тем, что для русского даже самый прекрасный поляк останется всегда поляком, т. е. человеком совершенно неприемлемым для русского религиозного сознания.

Вот почему, признавая свою ответственность перед св. Церковью, я осмеливаюсь открыто высказать Вашему Святейшеству то, что думаю о воссоединении православных с католической Церковью, считая, что не смею молчать в данный момент, когда от лояльного и правильного осведомления Святейшего Престола зависит весь успех католического дела в России.

Единственной практической мерой, чтобы обеспечить успех русской миссии, было бы во-первых: подтвердить энциклику « *Orientalium dignitas* » и соответственные акты Конгрегации Пропанды, т. е. обязанность всех православных, переходящих в католическое вероисповедание, сохранить восточный обряд, и не допускать перехода русских в латинский обряд, так, чтобы не существовало даже выражения « русский латинского обряда »; во-вторых - сосредоточить управление миссией в России исключительно в руках русского экзарха, утвержденного в его сане блаженнопочившим Папой Бенедиктом XV. Всякое иностранное вмешательство, особенно же польское, должно быть исключено, и без разрешения экзарха, *sub poena excommunicationis latae sententiae*, (т. е. под страхом отлучения церковным решением), никто да не смеет действовать иначе, хотя бы это и служило распространению католической веры в России. Только иностранные миссионеры, допущенные экзархом, как отвечающие этой цели, могут получить право участия в миссии, и только теми методами распространения веры, которые дозволены экзархом; только с его разрешения могут издаваться и употребляться в России книги и журналы. Очень важно, чтобы люди, методы и литература подлежали цензуре той единственной организации, которая может быть сведущей в этом деле.

Если Ваше святейшество благоволит признать мое осведомление

достойным Вашего благосклонного внимания и потребует более точных доказательств того, что я утверждаю, то я сочту себя счастливым удовлетворить этому требованию.

Позволяю себе обратить внимание Вашего Святейшества на спешность решения этого вопроса, так как:

- 1) Православные требуют и хотят услышать голос Святейшего Престола,
- 2) Польская пропаганда стала уже опасной и вредной, сея соблазн и утверждая недоверие к католицизму,
- 3) Открытие границы даст свободный доступ многочисленным польским и другим миссионерам, что совершенно погубит дело или приостановит его на многие годы.

* * *

Вскоре после московского свидания, о. Иосиф Белоголовый телеграфировал о. Леониду в Петроград, прося его непременно приехать в Могилев к 11 июня н. ст. Хотя железнодорожный билет и стоил тогда 15 миллионов рублей, о. Леонид немедленно собрался в дорогу и 11-го утром был уже на месте. Там он узнал, что 13 июня в Могилеве устраивается грандиозное празднество в честь св. Антония Падуанского, чудотворный образ которого находится в местном католическом соборе. О. Леонида встретили в Могилеве очень торжественно, как « униатского владыку ». Он отслужил две литургии в самом Могилеве и одну в местечке Софийск, в 25 км. от Могилева. Во время пребывания там о. Леониду пришлось много беседовать с представителями интеллигенции, и он сказал у них четыре проповеди.

Так как к 13-му июня в Могилев приходят из окрестных деревень крестные ходы, то вскоре в городе собралась толпа около двадцати тысяч человек с хоругвями и иконами и с пятью священниками. О. Иосиф сделал, кажется, все для того, чтобы пребывание о. Экзарха в Могилеве было обставлено как можно торжественнее. Повсюду подчеркивалось полное равенство восточного обряда с латинским. Как старший по сану и прелат Римской Церкви, Экзарх был центральной фигурой всех торжеств. Во время латинских богослужений он сидел на особом возвышении, благословлял фимиам, и латинские священники преклоняли перед ним колена, прося благословения, когда надо было выйти на проповедь. Удивление народа, увидевшего « православного попа », окруженного такими почестями, было немалым. Однако, когда все разъяснилось, удивление сменилось большой радостью:

— *Вернулась уния!*

Эта радостная весть переходила из уст в уста и пришлось по сердцу

как православным, так и католикам. Православное духовенство тоже оценило по достоинству это событие и выступило с разными « слухами » об о. Леониде:

— Он контр-революционер! (Это было тогда самым действительным средством, чтобы натравить на нежелательное лицо « государственную власть »):

— Он польский иезуит, присланный сюда для уловления православных через унию!

Все тут было, как выразился о. Леонид, « чин чином ». Однако ничто не могло ему помешать. Когда он служил вторую литургию 18 июня (в том году на этот день было перенесено празднование Тела Господня), то в церкви, переполненной до отказа, были почти одни православные. Это не укрылось, конечно, от православного епископа Варлаама,³ у которого в тот же день была в храме лишь небольшая группа старух и ребят. Возревновав о православии, епископ Варлаам предал анафеме всех посещавших « униатские богослужения ». Однако цели он этим путем не достиг. Еще на первой литургии о. Леонида, 13 июня, присутствовали два православные протоиерея и один диакон. На обеих его литургиях прислуживал православный псаломщик в стихаре, который одолжили для этого случая из православной же церкви. Оттуда были и певчие. Хором управлял славившийся в Могилеве православный регент Грайко. В Софийске, на богослужении о. Леонида, пели даже два православные хора, присутствовал один православный священник, а часы и Апостола читал ... православный диакон. По дороге в Могилев некоторые католические процессии проходили через православные деревни. Православный народ выходил католикам навстречу с хоругвями и крестами; население стлало по дороге полотно, выносило для благословения хлебы.

13 июня на Могилевском кладбище была торжественная служба, на которую все двинулись крестным ходом после литургии о. Леонида в соборе. О. Леонид присутствовал на богослужении в полном облачении и митре, при чем ему было устроено сидение « чуть ли не выше престола ». Наряду с католиками, тысячи православных заполнили кладбище. О. Александр Сак, настоятель в Фащевке, сказал по-белорусски проповедь на тему о Соединении Церквей. Он « говорил просто, захватывающе, трогательно, но, - по словам о. Леонида, - пожалуй уж слишком агитационно... ».

Интерес к церковному единству дошел до того, что 18 июня, после

³ Викарий Могилевского епископа Константина, которого большевики посадили в тюрьму вместе с несколькими священниками.

литургии, которую служил о. Леонид, к нему явилась депутация от местной православной интеллигенции, чтобы поблагодарить за службы и проповеди и попросить «осчастливить еще раз своим приездом и не забывать, что все жаждут скорейшего восстановления *унии*».

«Одним словом, - заметил по этому поводу сам о. Леонид, - колоссальное впечатление, громадный сдвиг: многие говорят, что они уже теперь стали снова *униатами*, так как *уния вернулась!*... Если бы хоть парочку наших образованных священников, как пошло бы святое дело!»!

Из латинских священников дали свое согласие на переход в восточный обряд о. Александр Сак, о. Антоний Ярмолович (прекрасный молодой священник, викарий о. Белоголового) и еще о. Концевич, литовец, человек «с совсем русской душой». О. Леонид указал им, что все они должны сплотиться около о. Белоголового, поддерживать его и приискивать новых ревнителей воссоединения православия с католичеством. О. Леонид решил непременно съездить еще раз в Могилев, рассчитывая, что о. Белоголовый соберет к тому времени вокруг себя ревнителей церковного единения из среды латинского духовенства. Тогда, думал он, можно будет всем вместе устроить совещание и решить, что делать дальше.

Так же около того времени некто Владимир Андреевич Голынский, настоящий белорусс, человек очень благочестивый и добрый, изъявил желание О. Леониду стать священником восточного обряда. Предлагал себя о. Леониду, тоже в качестве восточного священника, еще один русский, латинянин, настоятель костела, хорошо знавший психологию русского народа и понимавший особенный характер проповеди восточного католичества. Тем не менее, о. Леонид отнесся к этому священнику с осторожностью. Он считал, что из него выйдет полезный работник в деле соединения Церковей только при условии, если он попадет в хорошие руки.

Свои выводы из беседований с белоруссами о. Леонид изложил в письме к митрополиту Андрею, содержащем отчет о *могилевских днях*, знаменательных и для самого о. Леонида:

«Теперь Вашему Высокопреосвященству предстоит не малый подвиг. Нужно во что бы то ни стало назначить для белоруссов в России, находящихся в губерниях Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской и в других местах, какого-нибудь особенного *латинского* представителя, однако отнюдь не с титулом Апостольского викария, что страшно оскорбило бы православных, которые думают, что Апостольские викарии назначаются только для языческих стран. Нужно представить Св. Престолу крайнюю необходимость распорядиться ка-

толическую Церковь в России. Если раньше, при царском режиме, подобного рода расползчивание могло быть использовано царским правительством в целях распространения схизмы, то теперь этой опасности не существует. Конечно, поляки, чтобы не лишиться своего преобладания, продолжают доказывать, что католичество держится в России только благодаря им, но теперь это только смешно. Наоборот, попытки задуть нарастающее белорусское движение могут привести к весьма печальным результатам... Сам преосвященный Иоанн Цепляк сознает, что управление громадной архиепархией, своими размерами превышающей всю Западную Европу, непосильно для одного человека, и писал в Рим о разделении ее на отдельные епископства. Для белорусских католиков должен быть свой особенный епископ. Но это должен быть не только белорус по происхождению, но и по убеждению и по своим культурным стремлениям, а также и по своим безусловно дружественным отношениям к св. Унии, который прежде всего заботился бы о восточных, а потом уже о латинянинах, ибо успех нашей миссии всецело зависит от отношения к нам латинского клира. Единственным таким человеком является пока о. Белоголовый, и, если он не дорос до епископства, то необходимо во что бы то ни стало дать ему должность администратора белорусских епархий. Я думал сначала склонить его, чтобы он согласился быть Вашим восточным представителем в Белоруссии, но он справедливо указал мне на то, что латинское представительство гораздо важнее.

— Если я буду назначен восточным представителем митрополита Андрея, - сказал он, - то поляки сейчас же назначат другого представителя, который будет мне все портить и восстанавливать против меня население.

Поэтому восточное представительство нужно дать, как мне кажется, ему же только тогда, когда он будет совершенно независимым администратором Белоруссии, тем более, что духовенство, которое я видел на празднике св. Антония, просило меня ходатайствовать, чтобы преосвященный Иоанн Цепляк дал о. Белоголовому обширные делегатские полномочия. Епископ уже согласился на мои просьбы и обещал написать митрополиту Роппу, но, принимая во внимание его крайнюю нерешительность и слабость воли, нужно действовать помимо него и представить дело в Риме во всей его важности, добиваясь полной независимости белорусских епархий от Могилевской архиепархии. Кафедра Могилевского архиепископа должна быть перенесена в Петроград, где она всегда фактически и находилась, и должен быть совершенно уничтожен бессмысленный титул « Могилевской » архиепархии. Я постараюсь, конечно, чтобы белорусское духовенство само приняло в

этом участие и хлопотало в Риме; нужно было бы устроить и ходатайство, по возможности, всей белорусской интеллигенции, о чем я буду стараться в следующий приезд в Могилев... »).

Как видим, пережитое за эти дни в Могилеве, наваяло о. Леониду ряд мыслей о дальнейшем развитии его миссии и о том, что и как, шаг за шагом, для нее нужно было делать. Плодом могилевской поездки явилась и молитва о соединении Церквей, написанная о. Леонидом. Такая молитва, по его мнению, должна быть краткой, ясной и всем доступной, приемлемой как для католиков, так и для православных. Как внелитургическая, она должна быть написана высоким русским слогом, так как церковно-славянский язык стал понятен только немногим. Сообразуясь с этим, о. Леонид предложил митрополиту Андрею принять следующий текст, который в наши дни стал широко известен, как

МОЛИТВА О. ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА О СОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ

« Призри, милосердый Господи Иисусе, Спаситель наш, на молитвы и на воздыхания грешных и недостойных рабов Твоих, смиренно к Тебе принадлежающих, и соедини нас всех во единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Свет Твой незаходимый пролей в души наши. Истреби раздоры церковные, дай нам славить Тебя единым сердцем и едиными устами и да познают все, что мы верные ученики Твои и возлюбленные дети Твои. Владыко наш многомилостивый, скоро исполни обетование Твое, и да будут едино стадо Твое и един Пастырь в Церкви Твоей, и да будем достойно славить имя Твое святое всегда, ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь ».

* * *

Говоря об этих церковных торжествах и том движении к единству, какое они порождали в среде верующих, нельзя никак упускать из виду общий, поистине жуткий, мрачно-демонический фон, на котором описанные светлые события развивались. В том же Могилеве, о. Леонид был свидетелем, как на улице сжигались религиозные книги. Это был лишь небольшой « фрагмент » повального уничтожения богословских библиотек.

Не только весь правительственный аппарат в России был уже прочно в руках пособников сатаны, но были и случаи открытого преследования молящихся. Тёмными силами из множества явлений этого рода, упомянем здесь для примера одно, переданное Ю. Н. Данзас со слов ее духовника, доминиканского патера, а впоследствии епископа Амудрю, так

что достоверность его не подлежит сомнению.⁴ Одна набожная прихожанка жаловалась о. Амудрю, что ей мешает молиться нечто «непреодолимое». О. Амудрю дал ей для молитвы специально освященные четки. Через несколько дней она вернулась к нему и принесла эти четки совсем исковерканными; крест оказался скручен спиралью. Юлия Николаевна была тогда очень осторожна в суждениях о сверхъестественности разных «дьявольских опытов», как называл эти явления о. Леонид. Она высказала ему однажды, что тут большую роль играет собственное воображение, галлюцинации и т. п.

— Какая тут галлюцинация, — сказал он в ответ, — у нас в Каменецком монастыре после подобного «опыта» большой медный кувшин оказался втиснутым в другой, меньшего размера, что никакими человеческими силами нельзя было сделать!

Однажды, — это было вскоре после возвращения из Могилева, — уже под вечер, о. Леонид поднялся из своей квартиры к сестрам «Общины Св. Духа» для обычной беседы. Такие беседы происходили у них тогда каждый день и продолжались час-полтора. В этом месяце они были посвящены главным образом разъяснению текстов Ветхого Завета, их символическому и христианскому толкованию. О. Леонид раскрывал им, как ветхозаветный символизм преломляется в христианском сознании. Он особенно задерживался на книгах Бытия, книге Царств, на Пророках. О. Леонид знал их великолепно, говорил всегда без подготовки, цитируя тексты на память. Он не только знал эти книги, но и любил их. Говорил он всегда интересно, увлекательно, положительно переживая христианское толкование Ветхого Завета.

Этот раз Юлия Николаевна обратила внимание, что о. Леонид говорит как-то вяло, скучно. Видимо, он был не в ударе, словно чем-то расстроен. Как обыкновенно, о. Леонид сидел на стуле за столом, на который ставилось Распятие. Вдруг он вздрогнул, словно увидел что-то страшное, и замолчал. Сестры заметили, что о. Леонид смотрит влево от себя в угол. Лицо сразу побледнело, стало серо-зеленым, и весь он как-то осунулся. Сестры невольно тоже покосились на угол, но ничего не заметили. Сияясь скрыть свое состояние, о. Леонид, видимо со страшным усилием, пытался продолжить беседу. Однако слова его были лишены всякого содержания. Он говорил, опустив глаза, нагнув голову, точно боялся снова увидеть поразившее его. Продолжая и дальше говорить что-то бессвязное, о. Леонид стал исподлобья погля-

⁴ Этому вопросу посвящено свидетельство Ю. Н. Данзас: «Случай бесноватой одержимости» (Приложение 7).

дывать в угол. Потом он постепенно выпрямился, глубоко вздохнул. Повидимому, то, что его страшило, теперь оттуда исчезло.

Сестры были в недоумении. Башкова хотела было встать, помочь о. Леониду, думая, что ему нехорошо. Но он сделал в ответ на это повелительный жест, говоривший:

— Сидите спокойно!

Кое-как о. Леонид все же закончил беседу и затем ушел к себе. Тогда сестрам стало ясно, что он увидел нечто совсем необыкновенное, но не смели расспрашивать.

Через несколько дней, по окончании литургии в церкви на Бармалеевой, о. Леонид, выйдя в ризницу для разоблачения, сказал прислуживавшей ему Ю. Н. Данзас:

— Если бы иметь твердое убеждение, что Господь благословляет наше дело!

Затем, приоткрыв дверь в алтарь, он добавил, понизив голос до того, что его даже трудно было узнать:

— Тогда, у вас, в углу, я увидел *его*: серый столб, голова, глаза горят, смеется, показывает язык...

Семь лет спустя, вспоминая этот случай в самых трагических условиях, какие себе даже трудно представить, когда о. Леонид, мог думать, рассуждая по-человечески, что все рухнуло и весь труд его жизни как-будто ни к чему, он добавил к только что сказанному:

— Я понял тогда, что *он* над нами издевался, что наше дело обречено...

После «дьявольского опыта», о. Леонида стала тяготить мысль, что его работа, весь его труд, пропадет бесплодно. В 1922 г., узнав об отступничестве о. Сергия Соловьева, вернувшегося в православие,⁵ о. Леонид даже не выдержал, разрыдался и долго убивался, повторяя:

— Я не достоин, я ничего не могу сделать, меня одолевает дьявольская сила...

Мысль о человеческом ничтожестве, а главное - о своем собственном, терзала о. Леонида. С годами она делалась у него все тяжелее, усиливая непомерно его крестную ношу. Этому много способствовало разочарование почти во всех людях, которых он приближал к себе во имя общего дела. Чего только стоило ему разоблачение Сусалева в провокаторской деятельности!

⁵ Этот печальный факт изложен ниже в VII главе в кратком жизнеописании о. Сергия Соловьева в связи с его деятельностью, как последнего настоятеля русского католического прихода в Москве.

* * *

Недели через две после разговора с о. Леонидом в ризнице, Юлию Николаевну разбудил звонок во втором часу ночи. Она встала с постели и вышла открыть. В квартиру быстро вошла бледная, взволнованная Подливахина:

— Только что услышала стук в квартире о. Леонида, пошла туда.⁶ Вхожу и вижу: весь кабинет в полном беспорядке, о. Леонид лежит ничком на полу. Я не могу его поднять, идейте туда. Случилось что-то ужасное.

Обе бросились вместе вниз в квартиру о. Леонида. То, что увидела Юлия Николаевна в первой комнате, подтверждало слова Подливахиной. Все тут было, как говорится, вверх дном. На полу лежал неподвижно ничком, в глубоком обмороке, о. Леонид, совершенно одетый; видимо он еще не ложился. Его подняли общими усилиями, уложили в постель и стали приводить в чувство. Подливахиной представился случай применить свои медицинские познания. Она растирала о. Леонида спиртом, била его по ладоням. Понемногу он пришел в себя, но плохо сознавал, что с ним делается. Глаза были мутными, говорили о его полном изнеможении. Затем, почти сразу, он впал в тяжелый сон.

Юлия Николаевна оставила его спать и вернулась осмотреть кабинет. Там был полный хаос: иконы - сорваны со стен, сброшены со стола, раскиданы по полу. Четки о. Леонида - разорваны, рассыпаны по всей комнате. Большой медный крест (24 × 14 см.) с гравированным изображением Спасителя, свернутый какой-то сверхъестественной силой в спираль, тоже валялся на полу.

На другой день о. Леонид был сам не свой, но о происшедшем в ту ночь никому не сказал ни слова и впоследствии. На поправку креста и четок понадобилось несколько дней. Четки были из черного дерева и аметистов и потребовали тщательной переборки. Крест пришлось дать перековать. После этого его положили на стол, а четки повесили у изголовья кровати, не сказав ничего. Крест о. Леонид сохранил, но четки, которыми он раньше так дорожил, употребляя их только в торжественных случаях, вскоре получила в виде подарка одна его прихожанка.⁷

⁶ У К. Н. Подливахиной всегда был при себе ключ от квартиры о. Леонида, так как в отсутствие его она приходила заниматься уборкой.

⁷ Это была Степанида Свищерская, вдова городского, одна из самых строгих и ревностных русских католичек. В общине ее прозвали «деконкой».

В приведенных фактах тоже не приходится сомневаться. Достоверность их Юлия Николаевна подтвердила присягой. Через свидетельницу « дьявольских опытов », к подлинности которых она относилась с большой осторожностью, нам дано заглянуть здесь в ту « невидимую брань », которая шла не только в самом о. Леониде, но и вокруг него, оставляя даже, как в данном случае, вещественные доказательства, словно бесы и вправду взбесились. В этом была, несомненно, непосредственная реакция и на апостольскую деятельность о. Леонида и на процесс освящения, совершавшийся в его душе, который силам ада тоже не мог быть неприметен. Окружающие, конечно, ценили о. Леонида, поскольку были способны его понимать. Но « зверь из бездны » конечно, видел яснее на нем печать избранника. Нужно ли удивляться, что он воздвигал на него такую брань?

* * *

Вторую поездку в Могилев о. Леонид совершил не в сентябре, как сначала предполагал, а уже в ноябре. Он был там 14 ноября и торжественно праздновал память св. Иосафата. Он нашел хорошо подготовленной « Униальную почву » за протекшее время. Движение успело уже разростись настолько сильно, что не хватало только священников и собственной церкви, а для последней, конечно, и денег. Архиепископ Цепляк соглашался отдать белорусским униатам пустовавший латинский храм св. Антония, но для ремонта его и приведения в восточный вид требовалось по меньшей мере 100 миллиардов рублей. Где было их взять среди всеобщего обнищания? Тем не менее, о. Леонид находил необходимым постараться сделать здесь все, что возможно, так как сдвиг в Могилеве не мог не отразиться на всей Белоруссии. У митрополита Андрея не было пока кандидата, которому он мог бы доверить это дело. Поэтому о. Леонид просил его распространить временно полномочия Российского Экзарха и на Белоруссию, так как иначе там ему нельзя будет ничего предпринять для униального дела.

О. Александра Сака удалось устроить в Могилеве, но о. Леонид не возлагал на него много надежд.

« Прекрасный человек, но крайне неустойчивый, скоро загорается, но так же скоро потухает, терпения мало, иногда напоминает Дейбнера. Ему самому понятно, что дело нельзя так вести и хочется год-другой посидеть у иезуитов или у других монахов, чтобы научиться выдержке, но пока что он кидается из стороны в сторону ».

Так написал о нем о. Леонид владыке Андрею. Но самым замечательным из всего, что оказалось в Могилеве ко времени второго приезда

туда о. Леонида, было настроение уже упомянутого епископа Варлаама. Он больше не анафемствовал, жил теперь на покое и даже открыто заявил о своем сочувствии Унии. Лозунг ревнителям в Могилеве дан был такой:

— « Православие распалось - вернемся к нашей старой вере! »

Главным руководителем и душой униатского движения в Белоруссии остался декан о. Иосиф Белоголовый. Петроградская курия относилась к нему попрежнему недоброжелательно и с недоверием, считая белорусским сепаратистом.

* * *

В Петрограде о. Леонида ждали новые испытания. Причиной их на этот раз был не сам *зверь из бездны*, а его слуги. Вот, что они тут надумали сделать.

21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, была литургия в церкви на Бармалеевой улице. На другой день о. Леонид отслужил здесь еще раз обедню. Она была последней в этой церкви. После службы, Юлия Николаевна, по обыкновению, вернулась к себе домой на Подрезову и около девяти часов вышла из дому, направляясь на службу. На углу Малого проспекта она увидела о. Леонида между двумя милиционерами. Они вели его из дому, вероятно в участок. У Юлии Николаевны мелькнула мысль об аресте. Она быстро повернулась, обежала дом, одним из переулков вышла на Малый проспект и пошла этой группе навстречу. Юлия Николаевна посмотрела прямо в глаза о. Леониду. Взгляды их встретились. О. Леонид отвернулся от нее, как-будто от незнакомой, и словно про себя произнес вполголоса:

— Санктиссимум...

Юлия Николаевна поняла, что грозит обыск церкви, а значит возможно и осквернение, святотатство... надо спасти Св. Дары... Не раздумывая, она побежала на Бармалееву улицу. Ходьбы до церкви было всего несколько минут. Ключ от входной двери она всегда носила при себе, так как на ней лежала обязанность прибирать и отопливать церковь. Вбежав в подъезд и заперев за собой дверь, Юлия Николаевна кинулась в церковь.⁸ Терять времени было нельзя. Уже слышались удары милиционеров в дверь, а затем последовал взлом. Юлия Николаевна быстро вошла в алтарь через северные двери, положила земной поклон перед престолом, сорвала плат с аналоя, открыла дарохранильницу, вынула из нее ковчежец со св. Дарами, завернула его в анти-

⁸ См. схему в IX гл. I части.

минс, а антиминос - в плат, все вместе свернула, спрятала под платьем на груди и кинулась через южные двери в церковь. Милиционеры входили в нее, и Юлии Николаевне удалось в последний момент прощмыгнуть незамеченной за шкафом и спрятаться в квартире Дейбнера. Пройти из алтаря через ризницу она не могла, так как дверь оттуда была всегда заперта, и ключ от нее имел только о. Леонид.

В квартире Дейбнера не оказалось никого. Юлия Николаевна благополучно пронесла свою ношу и по черному ходу вышла во двор, а оттуда на улицу, выбежала за угол на Малый проспект и остановилась в недоумении.

— Что делать дальше?

Стала обдумывать:

— Куда нести? Куда скрыть? Нести к о. Леониду рискованно. У него можно ожидать обыска. Может быть пойти к другому католическому священнику и сдать ему св. Дары?

Все же Юлия Николаевна решила сначала пойти осторожно к о. Леониду взглянуть, что делается у них теперь на Подрезовой. Действовать надо было с большой осмотрительностью. Дом был полон жильцов, среди которых находилось немало коммунистов. Во дворе и вокруг дома постоянно шныряли соглядатаи.

Юлия Николаевна вошла осторожно во двор и увидела о. Леонида. Стоит бледный, взволнованный, видимо тоже не знает, что ему предпринять:

— Итти ли в церковь или ждать здесь Юлию Николаевну?

Его только что выпустили из участка, обязав подпиской о невыезде из города. Юлия Николаевна указала на грудь. О. Леонид понял ее, вздохнул облегченно, тут же перекрестился и сделал знак следовать за ним. Они молча поднялись на квартиру Юлии Николаевны. В приемной комнате о. Леонид принял от нее св. Дары, положил все принесенное на временный престол, стоявший в углу, и сказал:

— Понимаете ли вы, чего вы удостоились?

Тут же о. Леонид потренил св. Дары и потом долго молился.

* * *

« История » повторилась...

« Земные власти » опять опечатали Церковь Св. Духа на Бармалеевой улице... И опять не обратили внимания на то, что в церкви дверь за шкафом ведет в квартиру Дейбнера. Шкаф снова выполнил ту же роль - прикрыл дверь, и она осталась незамеченной и не опечатанной.

Однако теперь пришлось серьезно учесть радикальную перемену

власти. Шкаф придвинули вплотную к двери, так что прошмыгнуть за ним незаметно в квартиру, как это только что удалось Юлии Николаевне, нельзя было больше. Со стороны квартиры Дейбнера, дверь завалили старыми чемоданами и всякой домашней рухлядью. Предстояли две заботы: спасти от безбожных властей священные предметы, находившиеся еще в церкви и совершать богослужение в другом помещении. Квартира « католического попа » Дейбнера была под сильным подозрением и за него следили; хранить что-нибудь там было бы по меньшей мере неблагоразумным. Поэтому пришлось разработать целый план, куда, как и когда вынести и попрятать священные предметы.

Прежде всего, чтобы проникнуть в запечатанную церковь, нужно было сначала « разобрать », а потом снова « заделать » вход в нее из квартиры о. Дейбнера. В этом « криминальном » предприятии был широко использован спортивный характер Юлии Николаевны и ее физическая сила. Предметы выносили из церкви она и Мария Иосифовна Дейбнер. Постепенно их « порассовывали » у разных наименее « подозрительных приверженцев » католической веры. Часть предметов попрятали у Елены Михайловны Нефедьевой,⁹ а часть - у одной верной литовки с русской фамилией « Соловей ».¹⁰ Один « комплект » священных сосудов запрятали в дровах на кухне у Ю. Н. Данзас. В общем, почти все удалось вынести из церкви и припрятать так хорошо, что большевики ничего не нашли, несмотря на многократные обыски, произведенные у всех русских католиков.

Для служения решили обставить приемную комнату в квартире Ю. Н. Данзас, тем более, что митрополит Андрей уже дал разрешение о. Леониду служить у себя дома. В правом углу, рядом с окном, выходящим на Малый проспект устроили престол. (« он » появился во время вечерней беседы в левом углу, рядом с тем же окном). Там, перед св. Дарами, горела неугасимая лампада. Когда не было службы, престол загораживался ширмой, так что постороннему, входившему в комнату, ничего « подозрительного » не бросалось в глаза.

⁹ Е. М. Нефедьева, по происхождению немка из Риги, вдова русского офицера. Сестра ее была замужем за профессором Петербургского университета Бутлеровым. Лютеранка, она уже под старость, в конце 1921 г., перешла в католичество в церкви на Бармалеевой улице у о. Леонида. Он считал ее одной из лучших своих прихожанок. В то время, семья Бутлеровых поддерживала приход материально, и добрая старушка Нефедьева помогала всем, кому только могла.

¹⁰ Соловей была католичка, простая, честная женщина, глубоко преданная о. Леониду. Жила она со своей сестрой на Карповке, недалеко от Бармалеевой улицы. После опечатания церкви, о. Леонид дважды служил у нее обедню по воскресеньям. Тут было безопаснее, чем у Ю. Н. Данзас, и можно было пригласить посторонних.

Здесь находилась теперь « катакомбная » кафедра Российского Экзарха.¹¹ Сюда он приходил каждый вечер склониться коленопреклоненно перед престолом и оставался так иногда часами в молитве. Однажды он сказал Юлии Николаевне:

— Когда чувствуешь себя удрученным, величайшая радость, какую Господь может нам даровать, это позволить остаться так у престола: прижать к нему лоб, почувствовать здесь присутствие единственно Подлинного. Тогда не только мир овладевает душою, но исчезает ощущение тела, встает та единая действительность, которую не воспринимаешь чувственно ».

Сначала о. Леонид служил только « тихие » обедни, т. е. без пения. Посторонних на них не бывало. Под Рождество решили торжественно отслужить всенощную в квартире Ю. Н. Данзас. Предупредили об этом человек двадцать, верных прихожан о. Леонида. Собирались они для молитвы в дом, как настоящие заговорщики, по одиночке, входили разными подъездами. Расходились по всем домовым лестницам, проскальзывали мало по малу, проходя через разные квартиры. Сообщники у них имелись на всех этажах, благо дом был большой, квартир в нем было много. В итоге все пробралось незаметно в квартиру Данзас. Дверь им отворяли по условному звонку или стуку. Да, « история » повторялась, хотя и в гораздо более суровой форме. Тогда распоряжалась покойная Н. С. Ушакова, теперь - Ю. Н. Данзас. Обе они отдавали святому делу все, что только могли.

Первую всенощную пели едва слышно, боясь привлечь внимание соседей. Все сошло благополучно. Ободренные этим успехом, верующие стали собираться на службы Экзарха по воскресеньям и большим праздникам, принимая те же меры предосторожности. Эти тайные службы, « как в катакомбах », производили на всех молящихся незабываемое впечатление. Тем не менее, не избежали доноса. Сделали его, повидимому, « бдительные » соседи.

В Крещение, 6 января 1923 г., уже после Причастия, раздался резкий звонок, хорошо знакомый подневольным обывателям в советской России. Так звонит только полиция (хотя она и называлась милицией: но посещения ее в таких случаях бывали много хуже и неприятнее, чем полиции в царское время: не откроешь на звонок, взломают дверь).

Пришлось немедленно открыть. Вошли четыре представителя « советской власти »:

¹¹ Иногда о. Леонид служил на квартире у С. А. Лихаревой. У нее хранились оставленные о. Глебом Верховским богослужебные книги и сосуды (эти вещи тоже не попали в руки большевиков).

— Что тут происходит?

Скрыть невозможно: ладон, свечи, иконы, о. Леонид у престола в полном облачении... Юлия Николаевна ответила:

— Молимся, товарищ.

— Как так?

— Да имеем право, закона не нарушаем. Нас меньше двадцати человек, малолетних нет. Все по закону.

В то время « сборища » свыше двадцати человек уже запрещались; присутствие на богослужении малолетних считалось бы « совращением ». Все это строго каралось законом. В данном же случае закон был явно на стороне молящихся и их защищал. Представители власти это учли:

— Все это поповские хитрости!

Постояли немного, потоптались. Потом ушли, ворча и дальше и бормоча что-то о хитростях.

О. Леонид, стоявший все время у престола, даже ничего не заметил. Два-три человека из прихожан, видимо, испугались, перестали приходить. Службы эти, до последовавшего вскоре ареста о. Леонида (23 февраля 1923 г.), тем не менее продолжались. Чтобы прекратить их, власти применили уже другие меры, против которых сослаться на закон было нельзя.

ГЛАВА IV

« ДАНЫ БЫЛИ ЗВЕРЮ УСТА, ГОВОРЯЩИЕ ГОРДО И
БОГОХУЛЬНО, И ДАНО БЫЛО ЕМУ ВЕСТИ ВОЙНУ СО
СВЯТЫМИ И ПОБЕДИТЬ ИХ »

« Расписки » вместо « договора », запрещенного Ватиканом. - Памятная записка о. Леонида Петроградскому Исполкому. - Преследование католичества. - Протест католического духовенства перед центральной властью в Москве. - Открытая борьба большевизма с религией. - Меры, принятые о. Леонидом на случай ареста и его виды на будущее. - Вызов на суд в Москву по « делу архиепископа Цепляка ». - Отъезд католического духовенства из Петрограда. - Письмо о. Леонида митрополиту Андрею перед арестом. - Заключение священников в Бутырскую тюрьму и показательный судебный процесс. - Приговор: десять лет тюремного заключения. - Перевод о. Леонида в « Сокольниковский исправдом » для отбывания наказания.

5 декабря 1922 г. всех католических священников вызвали в местные исполкомы, где им предложили подписать « расписки », которыми правительство заменяло прежний « договор », отвергнутый св. Престолом. Вопрос о договоре был возбужден еще в 1918 г.; на основании его советская власть хотела тогда определить свое отношение к Церкви. Духовенство отказалось подписать договор, и этот вопрос так и остался открытым. Правда, в 1922 г. некоторые католические церкви, поддавшись давлению власти, все-же подписали договор с оговоркой: « впредь до разрешения Апостольского Престола »; другие же церкви, в том числе самые крупные приходы Петрограда, наоборот, решительно отказались его подписать, опираясь при этом на огромное большинство своих прихожан.

В мае 1922 г. советская власть предъявила категорическое требование: не подписавшим договор - подписать, а подписавшим условно - подписать безусловно. После долгих проволочек, духовенство добилося разрешения снестись предварительно со св. Престолом. Это было разрешено официально и при этом обещано, что до получения ответа не будет предъявлено никаких новых требований. Тем не менее, обещание исполнено не было, и с мая до августа духовенство переживало тревожные дни, опасаясь в любой момент арестов и запечатания храмов. Один раз о. Леонид даже думал, что не вернется домой из Смольного института, где находился тогда центр большевицкого управления.

Получив через Варшавского нунция ответ из Рима, запретивший подписывать договор, духовенство стало ждать решения своей участи.

Приблизительно через месяц, советская власть предложила подписать упомянутую выше « расписку ». Единственным ее преимуществом, по сравнению с прежним договором, была краткость, но по сути дела она осталась попрежнему явно антикатолической. Хотя многое неприемлемое в договоре было теперь устранено, однако, наиболее существенное, делавшее также прежний договор неприемлемым, в расписке осталось. Упорно проводилась та же идея, что с советской властью договариваются только миряне и только они являются хозяевами и распорядителями церквей, тогда как священнослужители - нанятые ими лица. Вследствие этого католический приход превращался в подобие протестантской общины, если не хуже, ибо по советским законам духовенство лишено прав юридического лица. Желая « демократизировать » все на свой лад, большевики нашли необходимым проделать это и с церковью, лишив ее « аристократического » влияния духовенства. В этом тоже должна была выразиться пресловутая « диктатура пролетариата ». Православную церковь они успели ослабить настолько, что отколовшиеся от нее группы носили уже явно протестантский характер: епископы были уравнены с пресвитерами в церковном управлении; миряне играли главную, а иногда и подавляющую роль; правительство могло распоряжаться в церквях по своему усмотрению.

Католикам указывалось, что и они должны тоже революционизироваться и « эмансипироваться » от Папы. Отказ от этого считался контрреволюцией. Власти обвиняли католиков в желании устроить в России, « государство в государстве ». Перемена правительства после революции при всей диаметральной противоположности воззрений и методов их проведения в жизнь, по отношению католической Церкви не изменила самого главного: и царское правительство и советская власть не могли примириться с ней, как с духовно - независимым учреждением. И те и другие требовали, чтобы Церковь шла за ними и делала то же, что и они. На православной Церкви это успело уже отразиться. В ней действовали группы, приспособившиеся к идеологии теперешней власти: заговорившие ее языком, начавшие, так сказать, устраиваться по ее масштабу и даже пользоваться ее административной терминологией (в ВЦУ - Высшем Церковном Управлении появились свои « завкомы », « завхозы » и т. п.).

Так как правительственная расписка была неприемлема для католического духовенства, то оно, собравшись под председательством архиепископа Цепляка, составило проект другой, приемлемой расписки, которую и представило властям. Через три недели правительство отвергло этот проект и категорически потребовало подписать первую расписку. Духовенство столь же категорически отказалось от этого. Тогда,

не взирая на энергичный протест духовенства, церкви были опечатаны, так что невозможно было совершать в них никаких служб. Этим началась кампания большевиков против католичества. Преследование стало развиваться совершенно открыто. Особенно остро они повели борьбу с католической идеей духовной независимости Церкви.

В виде протеста, о. Леонид подал заявление «заведующему столу регистрации обществ и союзов Исполкома Петроградского района». В исполкоме власти сняли окончательно маску. Председатель исполкома Иванов, посмотрел в упор на о. Леонида и вызывающе заявил ему, что теперь наступили «времена Юлиана Отступника». Он резко сказал, что за отказ подписать расписку может грозить и расстрел. О. Леонид, по собственному признанию, ответил на это не менее резко, что ни расстрелов, ни тюрем он не боится и смотрит на них, как на мученический венец.

— Вот посмотрите, товарищи, - воскликнул Иванов, обращаясь к трем стоявшим возле них коммунистам, - что делает католичество из простого русского человека. Какой фанатизм!

Затем он заявил о. Леониду, что постарается отправить его туда, где он имеет «вес и значение», намекая этим на высылку за границу. Кроме того Иванов пригрозил о. Леониду отдачей под суд, обещав год тюрьмы за то, что он учил Закону Божию детей моложе 18 лет и допускал их прислуживать в алтаре и петь на клиросе. Все это теперь строго запрещалось законом. До восемнадцатилетнего возраста, учить детей Закону Божию могли только родители, священники же не имели на это права ни в церкви, ни у себя на дому. О. Леонид заявил ему в ответ так же резко и прямо:

— Скорее приму смерть от руки насильников, нежели соглашусь подчиниться таким законам!

* * *

Прелат Будкевич, вместе с двумя представителями мирян, поехал для переговоров в Москву. Туда же отправился и о. Леонид и 10 декабря пошел вместе с ними в Кремль протестовать перед центральной властью в лице известного «пьяницы Красикова» и хлопотать о раскрытии запечатанных храмов.

Под непосредственным впечатлением виденного и слышанного, о. Леонид написал отчет митрополиту Андрею, в котором изложил ему нижеследующее:

«Метод, принятый советской властью для «проведения своих идей» представляет из себя сплошное насилие над совестью. Все прие-

мы царского режима кажутся теперь верхом свободы в сравнении с тем, что мы испытываем на самих себе. Под предлогом диктатуры пролетариата » они выдвигают такой лозунг: « Мы не можем дать свободы буржуям до тех пор, пока пролетариат не окреп и культурно не стал на ноги ». Таким образом, уничтожая свободу печати, они спасают пролетариат от буржуазного обмана, с которым пролетариат еще не может справиться собственными силами. Уничтожая богословскую литературу и тиранически стесняя всякую деятельность духовенства, большевики спасают этим пролетариат от « духовного гнета и обмана », иначе бедные рабочие не смогут сами преодолеть « религиозных суеверий и предрассудков ». Диктатура пролетариата, а, следовательно, вместе с тем и такая духовная тирания, будут продолжаться по их словам « лет сорок ». После этого периода времени, когда пролетариат сделается вполне сознательным и будет уже в силах вести культурную борьбу с буржуазией, снова будет полная свобода слова, печати и т. д. Поэтому все большевицкие законы, в которых громко возвещаются религиозные свободы, сталкиваясь с « диктатурой пролетариата », терпят крушение. Большевики не « преследуют Церковь », а только мешают ей распространять « контр-революцию », « ложь », « обман », « суеверия » и « портить » пролетарских детей, делать из них « смиренных рабов Божиих », а не гордых, никого не боящихся « сынов коммунизма ». Так как мощи и чудотворные иконы « слишком явные суеверия », то их нужно уничтожить. Чтобы пролетарская душа не размякла, не развилась « пустой поповской идеологией », не попала под « гипноз Церкви », запрещено печатать богословские, богослужебные, мистические и спиритуалистические книги. Но в особенности они налегают на детей, справедливо рассуждая, что в них будущее и от них зависит все. Постоянные глумления и издевательства над религией в присутствии детей - вещь самая обыкновенная.

Чтобы развратить юношество, организован « КОМСОМОЛ » (КОМмунистический СОюз МОЛодежи »). Разные удовольствия, театры, спорт, все рассчитано на то, чтобы из этих несчастных создать полузверей, совершенно лишенных какой бы то ни было спиритуалистической идеи.

Для того, чтобы развязать руки произволу в области религии и Церкви, в уголовном кодексе имеются два параграфа, в силу которых карается:

— (§ 119) « Использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям ». Таким образом, священник,

проповедующий против гражданского брака, атеистического воспитания детей и других насилий над религиозной совестью верующих, вытекающих из каких-либо антирелигиозных постановлений советской власти, может быть привлечен к суду, как бунтовщик и поджигатель.

— (§ 120) « Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды ». Следовательно, священник, открывающий мощи или чудотворную икону, тем самым уже карается как « обманщик », ибо советская власть непогрешимо учит, что мощи - это « мумифицированные тела », а чудотворные иконы - прямой обман.

Параграфами 121, 122 и 123-м создается также очень выгодная почва для того, чтобы по доносу какого-нибудь отступника, жалующегося, что священники его в чем-либо принуждают или за что-либо карают, наказать самого священника, как человека, присваивающего себе право юридического лица. По советскому законодательству (декрет об отделении Церкви от государства), священник, как таковой, не имеет прав юридического лица, но, как гражданин, он таковые имеет. Как же применяется этот закон?

Если с меня нужно что-либо взять, то меня рассматривают не как гражданина, а как священника: не дают никаких привилегий и дерут семь шкур. Священник не считается лицом, занимающимся какой-либо работой. Однако, когда дело идет о налогах, то оказывается, что он наравне с врачами и артистами занимается « вольным трудом », и потому должен платить гораздо больше « трудящегося ». Спрашивается, когда я являюсь гражданином перед советским законодательством? Когда я могу иметь какие-либо привилегии? Это трудная задача, разрешить которую никто не может...

Нас собираются взять, если не « мытьем », то « катанием ». Сначала ограбили все церкви под предлогом помощи голодающим, и вот теперь, когда мы превратились в нищих, не имеющих никаких золотых и серебряных вещей, на наши церкви накладывают такие колоссальные арендные платы, выплатить которые нет никакой возможности (например, на Храм Христа Спасителя в Москве наложено два триллиона). Примите во внимание, что ведь церковный приход, из одних только церковных доходов, должен содержать духовенство, заботиться о церковной утвари, одеждах, облачениях, свечах, дровах, ладане и пр. и, кроме того, ремонтировать церковь. А теперь прихожане всех церквей за малыми исключениями, представляют из себя только прилично одетых нищих. Конечно, в отношении арендной платы, все церкви отнесены к разряду торговых помещений.

Вот тактика наших властей к постепенному удушению Церкви. Пре-

дупреждайте св. Престол и всех, кого нужно, что все законы большевиков о свободе совести только бесстыдный обман, в особенности пусть не верят никаким их обещаниям, даже писанным, так как они подписут, что угодно и не будут ничего исполнять.

Те же из них, которых можно считать идейными коммунистами, представляют из себя слепых фанатиков, которых исправит только могила и для которых во имя идеи все средства хороши, даже самые ужасные. В особенности бесстыдны они в журналах, в которых совершенно определенно объявляют, что хотя новые церкви, вызванные ими к жизни, для них явление очень выгодное и гораздо менее опасное, чем прежняя « Тихоновская Церковь », однако же они должны расшатывать и эти церкви, так как их цель - уничтожить всякую религию. Новые церкви для них только « временное средство » до тех пор, пока они еще не покончили с « деревенской темнотой »; когда же « товарищи крестьяне » будут уже достаточно « просвещены », то полетят ко всем чертям и эти революционные церкви.

Такие журналы, как « Живая церковь » и « Соборный разум » допускаются только для того, чтобы вносить больше разложения в Церковь, ибо грызущиеся между собою не представляют опасности для коммунизма. Кроме того они понимают, что нельзя слишком грубо задеть религиозное чувство верующих. Они хотят вливать антирелигиозный яд постепенно и потому запрещают те атеистические журналы, которые это делают слишком « неудачно » (так например, запрещены за ругательства и дикие выходки журналы « Атеист » и « Наука и религия »). Теперь будет выходить новый журнал « Безбожник »).

Я готовлю целый отчет *ad usum privatum Summi Pontifici*, о котором будете знать Вы и самые преданные и близкие люди. Это будет уже не отчет о нашей миссии, а изложение тех причин, которые губят дело восточного католичества. Пускай за этот *memorandum* меня сгонят с места, но нужно, хотя бы в самой спокойной и почтительной форме показать, как иногда бывают огромны ошибки правящих кругов Церкви.

В связи с этими вопросами о. Леонид указывает митрополиту Андрею на необходимость, в силу целого ряда приводящихся обстоятельств, подчинить теперь Российский Экзархат непосредственно Св. Престолу. Вопрос о местном епископстве он считает тоже назревшим и находит, что он должен быть решен не позднее как через год-два. При этом снова и самым категорическим образом о. Леонид повторяет свое убеждение в том, что он « к епископству положительно не годен ».

« Провидение указывает мне другую дорогу, пишет о. Леонид: я оказался хорошим проповедником, апологетом и незаменимым, пока, специалистом по вопросам схизмы. Меня впоследствии нужно будет

освободить даже от душепастьрства и дать возможность работать языком на кафедре и пером у себя в комнате. Непреодолимая тяга к монашеству и уединению усиливается во мне настолько, что я думаю теперь не о студитах, а о камалдулах.¹ Даже в качестве проповедника и специалиста по вопросам схизмы я продержусь только до появления тех лиц, которые вполне смогут заменить меня на этом поприще, а потом буду усиленно проситься на покой, и надеюсь, что Вы, дорогой Отец души моей, пожалеете избитого душевно человека и не откажете ему в заслуженном покое. Мне ведь уже 42 года, и если продержусь в миру еще лет 5-6, то это будет чудо благодати Божией. Главное - во мне нет таланта воспитывать людей и привязывать их к себе, нет никакой охоты к делам административного характера, никакой начальнической выдержки, никакой любви к обществу »).

Так думал тогда о себе о. Леонид. Его личные стремления сводились к тому, чтобы использовать так или иначе свои силы и способности для дела, которому он посвятил свою жизнь. Высказал он это митрополиту Андрею у порога нового периода жизни, возможность которого он, хотя и смутно предчувствовал, но не мог предвидеть, что мученичество его будет столь длительным и именно такого характера, как оказалось впоследствии. Между тем все вокруг начало складываться теперь совсем по другому, чем можно было думать. Крест, данный о. Леониду состоял главным образом в том, что « другой повел его, куда он не хотел » (Ио. - 21, 18).

* * *

Сразу же по возвращении о. Леонида в Петроград, его потребовал к себе следователь Лопатинский, который уже успел опросить петроградских латинских священников. Все они обвинялись в контрреволюции и намерении свергнуть советскую власть при помощи священнической организации. Лопатинский указал о. Леониду на эти обвинения и предложил составить показание, на что тот, конечно, согласился

¹ КАМАЛДУЛЫ - ветвь ордена Бенедиктинцев, основанная в 1012 г. св. Ромальдом в Campo Maldolo откуда и название их Camalduli. Камалдулы ведут отшельнический образ жизни, руководствуясь общими положениями устава св. Бенедикта; они носят белую одежду. Их пустыни (скиты) состоят из отдельных домиков, окруженных садами и обнесенных вместе с церковью монастырской стеной. По соседству с пустыней находится самый монастырь, в котором живут братья и облаты, обслуживающие пустынь. При своем строго созерцательном образе жизни, камалдулы имеют за собой немалые заслуги в распространении веры, в науке и искусстве, в земледелии и лесоводстве. Из рядов этого ордена вышло много святых.

и тут же написал его в продолжение трех часов. Как и от всех остальных, следователь взял и с него подписку о невыезде из Петрограда.

Суда пришлось ждать больше трех месяцев; были даже слухи, что его совсем не будет. На случай ареста, о. Леонид разделил экзархат на две части, « впрямь до распоряжения митрополита Андрея »: временное управление экзархатом в отсутствие о. Леонида должно было перейти в Петрограде к о. Алексею и в Москве к о. Николаю Александрову. Сделал это о. Леонид с намерением отделить таким путем большую часть экзархата от о. Алексея. О. Леонид не считал его « на что-нибудь способным »; назначая о. Алексея, он хотел избежать нареканий со стороны латинян, что обошли « святого старца ». О. Епифания Акулова,² этого « чудного славного юношу », он назначил заместителем

² Иеромонах *Епифаний Акулов* был сыном петроградского лавочника. Он окончил реальное училище и православные богословские курсы, учрежденные уже при большевиках вместо Петроградской Духовной Академии. Ко времени революции ему было 18 лет; будучи мобилизован, он служил в красной армии; потом открыл мелочную лавочку, но дело у него не пошло, и он бросил его. Был он простой человек, набожный и чистой души, скромного поведения. Почувствовав призвание к монашеству, поступил в 1920 г. в Александро-Невскую Лавру, которая тогда еще существовала. Там его двадцати двух лет рукоположили в иеромонахи. Разграбленная большевиками лавра представляла картину полного разложения; дисциплина в монастыре рухнула совершенно. Старики или поуходили в затвор или вымерли; молодые же монахи совсем опустились. При поступлении в монастырь, о. Епифаний ничего об этом не знал. После рукоположения, монахи считали его уже равноправным; менее достойные стали даже посвящать его в секреты своих походов, высмеивая его набожность и душевную чистоту. Ошеломленный виденным и слышанным, о. Епифаний бежал из Лавры. С о. Леонидом он встретился совершенно случайно. Побывав в церкви на Бармалеевой, он пожелал познакомиться с ним ближе и летом 1922 г. перешел у него в католичество. О. Леонид был рад его появлению и написал о нем митрополиту Андрею: « Бесконечная милость Божия и тут не оставила нас, послала нам молодого иеромонаха Епифания. Попал он к нам в самый разгар борьбы за Церковь, но не испугался и не отступил. Протестантство и рационализм его не коснулись. Служит он прекрасно, недурно проповедует и вполне разделяет наши идеи: восточник чистой воды. Его старушка мать тоже приняла католичество ». О. Леонид и Ю. Н. Данзас занимались с ним славянским и латинским языком. О. Епифаний стал действительно усердным и преданным помощником о. Леонида.

После его ареста, о. Епифаний поселился в приемной комнате на квартире Ю. Н. Данзас, которой о. Леонид, уезжая на суд в Москву, поручил заботу об о. Епифании. В будние дни он служил тайно в маленькой молельне, в конце коридора (туда приходили только самые близкие люди), а кроме того, с разрешения каноника Пржежембеля, заместителя архиепископа Цепляка, и в латинской церкви св. Бонифация (на Петроградской стороне, недалеко от Бармалеевой улицы). В отсутствие о. Леонида, духовником о. Епифания (по его совету) был о. Болеслав Слоскан, который в марте 1923 г. перешел из церкви св. Екатерины в церковь св. Бонифация.

настоятеля церкви Св. Духа на Бармалеевой улице и сделал его на этом посту несменяемым, чтобы о. Алексей не мог распорядиться потом как-нибудь иначе.³ Кроме того он предписал ему не назначать о. Дейб-

³ В характере о. Алексея, при избытке « оригинальности », была склонность к независимости. Возможно, что это свойство развилось в нем под влиянием его тяжелого прошлого в православной Церкви, как результат гонений, которым он тогда подвергался. Однако, ставши католиком, он мало в чем изменился. О. Алексей не слушался ни митрополита Андрея, ни приказаний из Рима. Полномочия, данные ему оттуда в 1908 г., только усилили его « своеобразие ». При образовании экзархата, о. Алексею, уже « ветерану », было нелегко подчиниться авторитету о. Леонида, который был моложе его на 30 с лишним лет и не имел еще никакого « исповеднического стажа ». В душе, о. Алексей считал себя задетым назначением о. Леонида на пост экзарха. К нему он никогда не относился сердечно, хотя природное добродушие и помогало ему скрывать всякое проявление неприязни; до резкого обострения в личных отношениях с экзархом никогда не доходило. О. Леонид не забывая твердости, проявленной о. Алексеем при гонении на него в царские времена, не упускал случая выразить почтение, подобавшее его преклонному возрасту, и избегал, по возможности, всего, что могло бы дать ему неприятно почувствовать свое подчиненное положение. В своем отзыве, о. Леонид сам отдал должное о. Алексею: « Он вел себя скромно, подлостей мне никаких не делал и даже иногда был для меня лучшим помощником ».

Тем не менее, узнав о желании о. Алексея принять участие в русских торжественных богослужениях, происходивших каждое воскресенье в церкви св. Екатерины, о. Леонид все-таки счел нужным ему написать (4-XI-1922): « Я охотно согласился бы на это, но только под условием, если Вы обяжетесь соблюдать все богослужебные правила, изложенные в прилагаемом при сем уставе под заглавием « Литургия » (Прим.: этот устав был разработан предсоборной комиссией в 1917 г. и соблюдение заключенных в нем богослужебных правил было признано собором обязательным для русских католических священников восточного обряда). Вы знаете, что, исполняя предписание митрополита Андрея, я никогда не вмешиваюсь в то, как Вы служите, но эти богослужения совершаются с моего благословения и должны быть совершаемы лишь по тем правилам, которые предписываются мною. Худы ли или хороши эти правила, вопрос иной, но они абсолютно должны быть исполняемы теми, которые хотят принять участие в богослужениях, совершаемых с моего благословения... Вне этих богослужений, Вы, конечно, вольны следовать Вашей практике. Ссылка на то, что некоторые обычаи, употребляемые Вами при богослужении, имеют за собою историческую давность или видены Вами у тех или иных лиц, не имеют для меня абсолютно никакого значения. Я стремлюсь к строгому единообразию богослужения, чем и вызваны эти правила. С глубоким почтением Ваш сын во Христе и богомолец Экзарх Леонид ».

На присланном ему экземпляре устава, охватывающего 49 параграфов, о. Алексей написал свойственным ему тоном и стилем 24 критических возражения и закончил общим рассуждением, из которого мы приводим только начало и конец, воздерживаясь от остального, но и этого достаточно для характеристики о. Алексея и нелегкого испытания, какое представляло сотрудничество с ним для о. Леонида:

« Говорят, что Св. Отец, Верховный Глава и Начальник католической Церкви на земле, обладающий благодатью безошибочности при торжественном изложении

нера ни на какой ответственный пост и не пускать ни на какую миссию вне Петрограда; О. Дейбнеру он окончательно запретил выступать с докладами на конфессиональные темы.⁴

учения о вере и нравственности христианской, не издает декретов о церковном благоустройстве без совещания с курией, а наш господин Экзарх, вчера учившийся церковному уставу у своего предшественника по администрации, ныне едиполично и самолично предписывает старейшим себя священникам служить только по его указаниям... Ну и что же? Это современно: теперь в России командуют большей частью жидовские мальчишки...

Так как Церковь Христова основана главным образом на мучениках, то и русско-католическая Церковь должна быть основана на них же. Но русско-католическими мучениками были в новое время так называемые « русские униаты », начиная с гонений, воздвигнутых против них сначала Петром I (в Полоцке), Екатериной II (по присоединении части Польши), Николаем I (при ренегате Иосифе Сешашке) и кончая Александром II (при насильственном присоединении к русскому « православию » последних униатов (при ренегате Маркеле Попеле и его зяте Гомолицком); посему особенности богослужения при этих мучениках должны быть не искореняемы, а сохраненными, как обгаренные святою кровью, - и напрасно о. Экзарх так дорожит религиозными мелочами схизматической церкви мучителей, запрещая даже священникам говорить проповеди миссионерского направления, к разумлению заблудшихся ».

Письмо Экзарха о. Алексей тоже сопровождал пространное примечание. Начинается оно так: « Уроженец Петрограда, полутреческого и полукупеческого происхождения, о. Экзарх Леонид Федоров с ранней молодости отправился для окончательного образования в Западную Европу и там жил почти вплоть до самого своего экзаршества и русской общественно-церковной жизни знает очень мало, а с характером русского народа почти совсем незнаком. Сделавшись экзархом, он сначала руководствовался при богослужебной практике указаниями старейших опытных священников; но потом окружающие его женщины стали знакомить его с богослужебной практикой петербургских панов... » - (далее совсем нехорошо) - « ... посему богослужение Федорова посещают в большинстве случаев русские, так называемые « православные », которым нравится красивое на их вкус богослужение и его проповеди, в которых он избегает миссионерских тенденций, и потому смотрят на каплицу экзарха, как на обычную « православно » - русскую церковь, только с поминовением Римского Вселенского Патриарха Папы Римского, а переходить в католичество не думают, рассуждая между собою: зачем переходить? ведь это та же русская православная наша церковь, никакой разницы; а Папа нам не мешает: « нам, кто ни поп, тот батька », по русской пословице ».

Таков в этих строках о. Алексей, но это только отрывок из написанного им в ответ на простое и ясное обращение иерархического начальника, да еще в такой благожелательной форме. В эти жуткие годы, в своем преклонном возрасте, о. Алексей не только терял время на столь сомнительные литературные упражнения, но и пересылал их митрополиту Андрею, в архиве которого они обнаружены. Нужно признать, что историку миссии о. Леонида было бы трудно руководствоваться правилом: « *De mortuis aut bene, aut nihil* ». (Об умерших или говорить хорошее или молчать). Строго придерживаясь его, автору пришлось бы, пожалуй, совсем отказаться от написания этой книги.

Тем не менее, несмотря на крайне тяжелые условия и неизвестность будущего, положение католического дела в России, в конечном итоге, не могло не быть утешительным для о. Леонида. Гонение на Церковь встряхнуло многих православных. Великим постом (1923) ряд образованных лиц присоединился к католической Церкви. « Так что, - писал

Если искать причину перемены, происшедшей в о. Алексее, после некоторого периода времени, когда он даже « хорошо помогал » о. Леониду, то ключ к пониманию его теперешнего настроения дает слово *Прелат*, предшествующее его имени и фамилии в довольно замысловатом росчерке, которым он скрепил цитированные выше строки. Как в 1908 г. *Полномочия*, так теперь *Прелатура* имела на старика роковое влияние и выбила его из нормальной колеси. В этой прелатуре о. Леонид неповинен. По его словам, она является наглядным « примером латинской бесцеремонности с ним »: « Разве бы я согласился когда-нибудь просить ... о чем-либо подобном? Все это сделано без моего ведома. Устроил все это архиепископ Цепляк. Даже не хватило деликатности спросить о моем согласии... ».

Как прелат, в ответ на окончательное запрещение о. Дейбнеру говорить проповеди, о. Алексей написал « рапорт » Экзарху, с угрозой послать апелляцию в Рим, если запрещение проповеднической деятельности о. Дейбнеру останется в силе (он, видимо, решил миновать и митрополита Андрея, так как, согласно постановлению Петроградского собора, апеллировать на экзарха он должен был к нему). « До этой прелатуры, - заключает о. Леонид, - он вел себя скромно, а алые кантики (отличие прелата) затмили его рассудок, и он, как говорят, начал блажить » и притом настолько, что о. Леонид был вынужден устранить о. Алексея от должности заместителя Экзарха и назначить таковым о. Николая Александрова. Латинский администратор о. Пржекембель и новый настоятель церкви св. Екатерины поддержали о. Леонида. Благодаря этому он мог написать владыке Андрею, что « *Дейбнериада* приближается к концу ». Впрочем, благодаря развивавшемуся гонению на Церковь, дни ее и так были сочтены, но предвидеть тогда дальнейшее, по видимому, никому не было дано.

⁴ О. Иоанн Дейбнер, с августа 1920 г., числился викарным священником при храме св. Екатерины, где он исповедовал, проповедовал и вел канцелярские дела. Это привело его к решению порвать с восточным обрядом и перейти окончательно в латинский. О. Леонид не имел ничего против, так как видел в этом единственную возможность избавиться от о. Дейбнера и прекратить его вредное влияние на русское католическое дело. Он надеялся, что таким путем и сам о. Дейбнер обретет душевный покой и перестанет мучить и себя и других. Супруга его, Мария Иосифовна согласалась отказаться от своих прав и дать мужу « волюную ». Когда о. Дейбнер подал через архиепископа Цепляка прошение о переходе в латинский обряд, о. Леонид, со своей стороны, написал в Рим, чтобы там посодействовали этому и попросил митрополита Андрея: « Пожалуйста, ради Самого Создателя, не препятствуйте, а наоборот, помогите - пусть уходит. Это единственное средство избавить нашу миссию от вредного, больного человека. Я только боюсь, как бы он не передумал и не остался » (1-VIII-1921).

О. Дейбнер сбрил себе бороду, начал служить на опресноках, воздымал « Агнца » по латинскому обряду на слова « Святая святым » и допускал еще другие, как о. Леонид называл их, « латинские замашки » в восточной литургии. 10-I-1922

тогда о. Леонид, - если, что мало вероятно, меня оправдают, я уже буду иметь вокруг себя прекрасный апологетический кружок, ничуть не хуже московского ». Собрании при церкви св. Екатерины велись теперь главным образом восточными лекторами при деятельном участии Ю. Н. Данзас; « На долю латинян, - заметил о. Леонид, - остаются только самые невинные темы и мелодекламация ». Директивы епископа Шапталя, одобренные Восточной Конгрегацией, были для о. Леонида особенно большим утешением, так как, очевидно, « все это было сделано по мановению Ватикана » и в связи с тем, что он писал об этом Папе. Отдел о « схизме » и « схизматиках » почти дословно повторял

о. Леонид официально уведомил о. Будкевича, настоятеля церкви св. Екатерины, что о. Иоанн лишен им права проповеди и каких бы то ни было выступлений на общественно-религиозных собраниях. Только после того, как о. Дейбнер признал себя ответственным за свои выступления и дал присягу в том, что такие проступки не повторятся, о. Леонид снял с него запрещение. В частности, по его требованию, о. Дейбнер поклялся « Всемогущим Богом на Его святом Евангелии в том, что никогда не будет говорить грубо, резко, заносчиво, насмешливо и с иронией на Православную Церковь, ее учение и обряды, священнослужителей, про русских народных святых и про русские народные святыни; никогда не будет называть русских « схизматиками » и употреблять слово « схизма »; на проповедях и в общественных выступлениях, не будет призывать православных к переходу в лоно католической Церкви, а только выражать желание соединения Церквей, приглашая их содействовать этой цели делом и молитвой; никогда не будет затрагивать русское национальное чувство; не будет допускать критики действий и слов экзарха. « Наоборот, о. Дейбнер обязался и поклялся во всех своих проповедях и выступлениях « действовать с любовью и благоразумием, которые являются необходимым условием миссионерской деятельности и истинным украшением души всякого католического иерея ».

Тем не менее, уже 8-II-1923, препровождая циркуляр преосвященного Эммануила Шапталя, о. Леонид был вынужден сделать о. Дейбнеру, так легко и быстро « сменившему вехи », следующее увещание: « Вдумайтесь лучше и не соблазняйте окружающих постоянными и нелепыми выходками против восточного обряда. Вы - священник, и Господь взыщет с Вас за каждое праздно сказанное слово. То, что Вы говорили в последний понедельник ... тяжелым смертным грехом ляжет на Вашу совесть. Утверждая, что восточный обряд должен существовать только до времени, а потом все должны быть обращены в латинство, Вы блестяще подтверждаете, что все православные пасквили на св. Унию - сущая правда!... Понимаете ли Вы, наконец, какой вред Вы приносите святому делу?... Не примите, дорогой мой, этого письма за прещения и угрозы. Здесь только дружеский совет, которым я стараюсь обратить Ваше внимание на то печальное положение, которое Вы заняли теперь среди русских католиков... Господь да сохранит Вас ».

I-VII-1923, уже будучи в тюрьме, о. Леонид « лишил о. Дейбнера проповеди навсегда, так как соблазн дошел до Геркулесовых столпов » и послал его дело митрополиту Андрею, сказав от себя: « Если бы Вы только знали, сколько вреда он принес нашему делу, сколько соблазна... ».

мысли о. Леонида. О. Леонид велел распространить перевод этих директив на русский язык в большом количестве экземпляров.⁵

О. Уольш, представитель католической помощи голодающим в России, отнесся с самым теплым участием к русским католикам и обнаружил замечательное понимание русской миссии. Он ясно подошел к разрешению всей восточной проблемы. Это очень обрадовало о. Леонида, так как он увидел воочию, что его дело доступно пониманию «умов практических, видящих гораздо дальше своего носа и не увлекающихся временным, легким успехом».

* * *

Спустя три месяца после первого опроса у следователя Лопатинского, всех обвиняемых - архиепископа Цепляка, о. Экзарха, 13 приходских священников и одного несовершеннолетнего мирянина⁶ внезапно вызвали в Москву «по делу архиепископа Цепляка». В Петрограде не последовало арестов. Власти ограничились тем, что назначили обвиняемым срок, к которому они должны были прибыть в Москву. Их обязали даже купить железнодорожные билеты на собственный счет. Но ехать велено было всем вместе и в их распоряжение предоставили два вагона. Все петроградские католики собрались на вокзал провожать уезжавших. Получилась величественная и вместе с тем глубоко трогательная манифестация. Согласно указанию архиепископа Цепляка, переданному прихожанам через священников, на вокзале царил образцовый порядок. Верующие избегали всякого слова и жеста, которые могли бы вызвать вмешательство охраны, окружавшей провожавших. Не будь такого категорического приказа, настроение публики, по свидетельству очевидца, было таково, что в случае столкновения,

⁵ Читатель найдет полный текст этого замечательного документа в приложении (6). Все пометки сделаны самим экзархом.

⁶ Их имена: Прелаты А. Малецкий и К. Будкевич, ксендзы А. Василевский, П. Янукович, С. Эйсмонт, Э. Юневич, Т. Матулянис, Л. Хветько, И. Тройго, П. Ходневич, Д. Иванов, Ф. Рутковский, А. Проускетис и несовершеннолетний гражданин Я. Шагнас.

(Д. Иванов - не настоящая фамилия; звали его Доминик Адольфович Стылбинский. Его отец или дед, родом поляк, был сослан в Россию после польского восстания и принял там фамилию Иванов. По возвращении в Польшу о. Доминик фигурировал под фамилией Стылбинского). После их отъезда в Москву, в Петрограде остались лишь доминиканец о. Амудрю при французской церкви и о. Болеслав Слоскан, исполнявший должность настоятеля прихода св. Станислава (самая церковь была закрыта).

толпа « смела бы всю стражу и дело дошло бы до форменного боя ». Согласно желанию архиепископа, публика молча построилась на платформе. В то время как духовенство из окон вагонов благословляло верных, все провожавшие стали на колени и запели « *sub tuum patrocinium confugimus* » (« Под Твою милость прибегаем »). Под их пение тронулся поезд, и оно продолжалось, пока он не скрылся из виду.

По приезде в Москву, обвиняемых сперва поместили в одном из реквизированных больших особняков. Архиепископ Цепляк поселился при церкви св. Петра и Павла и оставался там до 10 марта. 4 марта все были у следователя, который объявил им, что следствие по делу закончено, и взял с них подписку о невыезде из Москвы. Он предупредил обвиняемых, что до суда пройдет дней десять, а потом они будут « по всей вероятности » арестованы. Его « предположения » оправдались: суд начался 13 марта; обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму и поместили в камере № 56, где было уже десять уголовных преступников. В соответствии с этим была и новая форма обхождения с арестованными священниками: с ними теперь говорили на « ты ». Совместным заключением с уголовным элементом, власти преследовали, повидимому, двойную цель: сделать политическим заключенным пребывание в тюрьме более тягостным и, кроме того, дать повод доносам, так как уголовные старались таким путем заслужить себе снисхождение.

В ожидании суда, о. Леонид использовал последние свободные дни, чтобы написать письмо митрополиту Андрею (7-III-1923):

« Нам грозят расстрелом, ссылкой и тюрьмой, но, кажется, в большинстве случаев дело обойдется высылкой за границу. Обвиняемся мы в том, что с 1918 года составляли незаконные священнические собрания, на которых принимали все меры для того, чтобы возбудить « религиозные предрассудки » народных масс и путем всяких проволочек, оттяжек и других препятствий не допускать подписания договора, всячески мешая при этом советской власти проводить в жизнь свои полезные реформы. Интересно, что обвинение, которое формулировал против нас следователь Лопатинский в Петрограде, в Москве теперь отменено и будет предъявлено какое-то другое. Заведующий пятым отделом комиссариата Юстиции Красиков (бешеный ненавистник Церкви и Бога), путем всяких подпольных и грязных махинаций, повел дело так, что сам архиепископ и мы все, якобы нарочно, не хотели открывать церквей, чтобы еще больше возбудить народ против правительства и тем произвести контрреволюционную агитацию.

Я думаю, что и меня ждет участь о. Владимира. Хотя, может быть, будет и хуже, ибо теперь пошла мода отсылать в самые отдаленные закоулки Сибири. К обычным обвинениям в контрреволюции при-

соединили еще обвинение (для архиепископа Цепляка и его клира) в « полонизации ». Я от этого обвинения чист, зато Чичерин сказал Уольшу, что, мол, экзарх действовал так же, как Патриарх Тихон, будируя народ против советской власти. Как видно из нашего « дела », мне кроме того вменяется в вину и то, что в 1918 году я организовал протесты православного и католического духовенства против антицерковных мероприятий советской власти. Если дело дойдет до расстрелов, то жертвой будет сам преосвященный Цепляк, Будкевич и еще кто-нибудь, а быть может и я, чего бы мне, каюсь Вам, очень хотелось. Я убежден, что если прольется наша кровь, и притом в возможно большем количестве, то это будет самый лучший *fundamentum Ecclesiae russicae catholicae*, иначе мы будем не жить, а прозябать среди нашего темного, беспросветного « советского » быта! Впрочем, не « якоже аз хочу »...

Спасибо, дорогой, милый Отец, за Ваше письмо! Наконец-то светлый, радостный луч, наконец-то струя чистого воздуха в мое исстрадавшееся сердце! Вспомнишь о Вас и снова хочется жить, получишь от Вас весточку - и снова хочется работать! Как хотелось бы обнять Ваши ноги, всю жизнь не знающие покоя, услышать дорогой голос, неумолчно вещающий Христову истину! »

* * *

« Суд » начался в среду 23 марта 1923 г. Происходил он в голубом зале бывшего Дворянского Соборания. Около подсудимых находилась стража - несколько солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Судеьей был Галкин, его помощниками - Немцев и Чельшев, прокурором - Николай Крыленко. Все названные лица заявили перед началом суда, что они коммунисты. Свидетели - сплошь коммунисты - были только со стороны обвинения. Защитниками по назначению суда были Бобрищев-Пушкин и Комодов. Положение их было нелегким: они сами находились под угрозой ареста и были лишены возможности вызвать свидетелей в защиту обвиняемых. Декан Зелинский, настоятель церкви св. Петра и Павла, был тоже арестован во время суда. Присутствовавший на процессе Francis Mac Cullagh ⁷ сравнил атмосферу, в которой происходило судебное разбирательство, с таковою же во времена Нерона. По его словам, этот суд был походом РСФСР ver-

⁷ Автор книги: « The bolshevic persecution of Christianity ». Лондон, 1924.

sus unam sanctam Catholicam et Apostolicam Ecclesiam, походом Антихриста против Церкви Христовой.⁸

Когда ксендзы, обвиненные в обучении религии малолетних и детей ниже восемнадцатилетнего возраста, ответили, что это их право и к этому их обязывает священническая совесть и божественный закон, то судья заявил: « Тут нет никакого закона выше советского и, если советский закон стоит в противоречии с каким - нибудь другим, то надо выбирать, за каким из двух следовать ». Совесть же подсудимых его не касается. О. Леонид пытался дважды вызвать обсуждение вопроса об обучении детей, но судья уклонился от спора на эту тему, указав ему, что таков закон; его нельзя подвергать критике, а нужно повиноваться.

Обвиняли подсудимых и в совершении богослужений в частных помещениях без разрешения советской власти, так как это противно декрету об отделении Церкви от государства.

22 марта начался допрос о. Леонида.

Крыленко: Пойдем дальше. Возьмем дело костелов в Петрограде. Подсудимый Федоров! Вы тоже отказались подписать договор?

О. Леонид: Так точно.

Кр.: Ваша церковь называется св. Бонифация?⁹

О. Л.: Нет, сошествия Св. Духа.

Кр.: Вы не отрицаете фактов, представленных в обвинительном акте?

О. Л.: Не отрицаю, поскольку они касаются моей личности.

Кр.: Вы отказались прийти на собрание прихожан, потому что ваша духовная власть не признает постановлений советской власти относительно церковного имущества?

⁸ По поводу помещенного ниже отчета о судебном процессе необходимо сделать одну оговорку. Стенографической записи в распоряжении автора не имеется и, по видимому, сделано не было. На суде делали заметки присутствовавшие там В. В. Балапов и Mac Cullagh. Последний опубликовал свои записи на английском языке. Естественно, что отчет, сделанный на основании таких записей, не может претендовать на абсолютную точность. Сделанные записи создают впечатление, что записывавшие обработали стилистически свои заметки впоследствии по памяти, поэтому, местами, они даже немного расходятся, хотя суть дела передают одинаково. Кое-где заметны и сделанные сокращения, нет дословной передачи. Видно, например, что слова о. Леонида переданы другим лицом; в них отсутствует вследствие этого яркость, свойственная всему написанному им. Несмотря на это, общее представление о происшедшем на суде, предлагаемый отчет дает все - таки верно, и каких либо искажений в нем не заметно.

⁹ Церковь св. Бонифация на Петербургской стороне, построенная на немецкие средства, до войны 1914 г. обслуживала немецкий католический приход в Петербурге.

О. Л.: Да, именно по этой причине.

Кр.: Вы не хотели присутствовать на собрании прихожан, где должна было обсуждаться редакция договора? Правда ли это?

О. Л.: Да, это правда.

Крыленко обратился с вопросом к о. Будкевичу, после чего опросил о. Леонида, бывал ли он на собраниях духовенства и сколько раз.

О. Л.: Был только на трех собраниях в 1919 г.

Кр.: Что делалось на этих собраниях?

О. Л.: На одном из них обсуждалась кодификация Церковного Канонического права, начатая при Пие X. На двух других выработывался проект договора, который можно было бы принять по окончании переговоров между советской властью и Апостольским Престолом.

Кр.: Значит, вы полагаете, что советские законы в их теперешней форме неприемлемы?

О. Л.: Да, законы, касающиеся церковного имущества неприемлемы, так как мы не смеем распоряжаться им без разрешения нашего духовного начальства.

Кр.: И теперь вы остаетесь при том же мнении?

О. Л.: Я останусь при нем до тех пор пока обе стороны не придут к соглашению.

Кр.: Вы считаете советскую власть только стороной?

О. Л.: Она является стороной, поскольку издает законы, касающиеся церковного имущества. Таково мое убеждение.

Кр.: Таким образом вы действовали в полном согласии со своим начальником, обвиняемым гражданином Цепляком?

О. Л.: Архиепископ Цепляк не является моим начальником.

Кр.: От кого же вы зависите?

О. Л.: Моим начальником является владыка Андрей Шептицкий, митрополит Галицкий.

Кр.: Где он живет?

О. Л.: Во Львове.

Кр.: (с удивлением) Что это за новость? Прошу объяснить нам.

О. Л.: Я тоже католик, но другого обряда, и разница заключается в различии обряда.

Кр.: Других разниц нет?

О. Л.: Нет.

Крыленко читает заявление о. Леонида.

Кр.: Это вы написали?

О. Л.: Пять лет я добивался того, чтобы правительство поняло нашу точку зрения. Я не получил никакого ответа.

Кр.: Да, действительно. И вы отказались подписать договор?

О. Л.: Да.

Кр.: Считаете ли вы закон для себя обязательным?

О. Л.: Я руководствуюсь советскими законами постольку, поскольку они не противоречат моей совести.

Кр.: Оставьте нас в покое с вашей совестью. Спрашиваю вас ясно, будете ли вы подчиняться советской власти или нет?

О. Л.: Если советское правительство будет от меня требовать того, чего не позволяет мне совесть, то я не могу этого исполнять. Что касается обучения детей Закону Божию, то католическая Церковь постановила, что детей надо учить религии независимо от постановлений правительственных властей по этому вопросу. Совесть выше закона. Закон, противоречащий совести, не может обязывать.

Кр.: И это действительно так?

Галкин: (раздраженно) Достаточно мы уже слышали о вашей совести. Что нам до этого. Ваша совесть нас не касается.

О. Л.: Но меня она очень касается.

После этого были допрошены другие обвиняемые. По вопросу о совершении литургии вне закрытых костелов, все ксендзы показали, что священные сосуды были их личной собственностью, подарком, полученным от прихожан.

Кр.: (обращаясь снова к о. Леониду) Совершали ли вы богослужения после закрытия костелов?

О. Л.: Да.

Кр.: Где?

О. Л.: У себя дома.

Кр.: Сколько было присутствующих?

О. Л.: От 20 до 25 человек.

Кр.: А какие сосуды вы употребляли?

О. Л.: Мои собственные.

Галкин: Где вы получили образование?

О. Л.: За границей. Пять лет провел в Папской коллегии в Ананьи, шестой год в Риме, седьмой в Фрейбурге, в Швейцарии.

Галкин: Когда вы получили священство?

О. Л.: В 1911 году.

Галкин: Вы православный?

О. Л.: Нет, я католик.

Галкин: Что означает слово греко-католик?

О. Леонид объяснил разницу между католиком и православным и указал, что восточный обряд существует в католической Церкви, как обряд греческий.

Крыленко: Вы русский?

О. ЛЕОНИД НА СУДЕ

(Фотография, увеличенная с группы обвиняемых на судебном процессе).

О. Л.: Да, я русский, уроженец Петербурга.

Кр.: К какому общественному классу вы принадлежите?

О. Л.: Я сын ремесленника, мои родители были рабочего класса.

Кр.: Каким образом вы могли получить высшее образование за границей?

О. Л.: Сперва я учился на собственные средства, а потом на средства митрополита Шептицкого.

В тот же день, в 11 часов вечера, суд допрашивал архиепископа Цепляка. Много времени заняло рассмотрение вопросов материального характера в связи с церковным имуществом. Архиепископ Цепляк упомянул о мнении архиепископа Роппа, считавшего условия, поставленные Церковью приемлемыми для советской власти.

Весь следующий день, 24 марта, был посвящен, главным образом, допросу архиепископа Цепляка. Во время допроса, Крыленко напомнил ему процессию из церкви св. Екатерины на Гороховую улицу после ареста митрополита Роппа 29-4-1919.¹⁰ Получив исчерпывающую информацию о каноническом праве Римской Церкви, Крыленко обратился к о. Леониду за справкой о православной церкви.

После этого, Крыленко перешел к чтению протеста против отделения Церкви от государства и, назвав имена о. Леонида и священника Кузнецова,¹¹ спросил тот ли это Кузнецов, который был приговорен к смертной казни. О. Леонид ответил ему утвердительно.

Кр.: За что его приговорили? За сопротивление?

О. Л.: Не знаю за что. Меня только попросили выработать вместе с ним проект протеста против распоряжений, предусматривавших исполнение декрета об отделении Церкви от государства.

Кр.: Кузнецов был под судом.

О. Л.: Я ничего не знаю об его дальнейших действиях. Я познакомился с ним в 1918 г. в связи с разработкой проекта против проведения в жизнь распоряжений, о которых шла речь. По поводу этого

¹⁰ Тогда, после торжественного богослужения, совершенного епископом Цепляком, верующие вышли из церкви и двинулись стройной колонной, вперед которой несли крест, к Александровскому парку и отсюда повернули к зданию ЧЕКИ на Гороховой улице № 2 (здание бывшего Градоначальства). Процессия произвела большое впечатление. Некоторые члены ЧЕКИ вышли на балкон и обещали народу, что архиепископ Ропп будет освобожден. Правда, ко времени возвращения процессии в храм св. Екатерины, там уже находились агенты Чеки для производства арестов. Кроме того, ночью было арестовано несколько ксендзов и членов приходских комитетов. Многих из них власти освободили 1 мая.

¹¹ Здесь упомянут друг о. Леонида, профессор канонического права Н. Д. Кузнецов.

декрета были совещания не только среди католиков, но и между католиками с одной стороны и православными и евреями - с другой стороны.

Кр.: Хорошо, отметим только то, что вы его знали.

Переходя к вопросу о совещаниях, Крыленко обратился ко всем подсудимым с вопросом, может ли кто-нибудь из них сообщить, привели ли эти совещания к какому-нибудь результату? Ответ дал о. Леонид:

— Я с этим соприкасался больше, чем кто-либо другой, и хорошо это помню. Когда мы получили распоряжение, в силу которого нам запрещалось крестить и венчать без предварительной регистрации в комиссариате, то мы поняли, что тут дело идет о покушении на наши священные права...

Кр.: Простите, а кому были посланы эти циркуляры?

О. Л.: Их переслали нам.

Кр.: Были ли эти распоряжения опубликованы?

О. Л.: Нет. Лично я был за образование общих католическо-православных комитетов. Почему их не удалось осуществить, этого я не знаю.

После этого было задано несколько вопросов о. Будкевичу. Процессу придавался чисто политический характер.

24 марта, архиепископ Цепляк сообщил, что от Апостольского Престола получено согласие на подписание договоров аренды церквей по форме, представленной Ватикану через советского посла Воровского в Риме. Красиков, возглавлявший V отделение в Наркомюсте (религия), заявил, что официально ему ничего неизвестно о том, что за три недели до начала процесса выражена готовность подписать договоры.

Крыленко снова обратился к о. Леониду, прося дать объяснение по поводу заявления, касающегося распоряжений власти об отделении Церкви от государства; заявление это находилось при деле в суде.

О. Л.: Пятое отделение Наркомюста просило архиепископа Роппа и меня выработать проект проведения декрета в жизнь. Мы очень обрадовались этому предложению. Я не раз говорил с Бонч-Бруевичем и Курским, которые уверяли меня в том, что никакое распоряжение по этому вопросу не будет опубликовано без предварительного соглашения с нами. Тем не менее пришлось убедиться, что свое слово они не сдержали. В результате, было опубликовано распоряжение, заключавшее в себе ряд противоречий. Это поставило нас в трудное положение. Мы не знали, чему следовать - декрету или распоряжению. На наши запросы не приходило ответа, пока, наконец, не началось дело о договорах. Разумеется, я протестовал против изъятия ценностей, потому что не имею права распоряжаться церковными вещами. Лично, я все же счи-

тал, что ценности должны быть выданы, однако не нарушая при этом неприкосновенности храмов.

Галкин: Когда вы стали католиком?

О. Л.: В 1902 году.

Галкин: Где вы родились?

О. Л.: В Петербурге.

Галкин: Вы сын ремесленника?

О. Л.: Да. Мой отец был поваром. Как человек дальновидный, он скопил 15.000 рублей, которые по его смерти получила моя мать. Она дала мне 1500 рублей, как мою часть наследства. На эти деньги я учился в течение многих лет.

Галкин: Вы принадлежали к поварской артели?

О. Л.: Да, это стоит у меня в паспорте.

Галкин: Московские повара имели автомобили, дома.

О. Л.: Возможно, но мы этого не имели. Может быть я и хотел бы иметь и дом и автомобиль, но я их не имел. Дед мой был крепостным.

Галкин: Вы стали католиком по убеждению?

О. Л.: Само собой разумеется.

После этого о. Леонид обратился к прокурору с просьбой сообщить ему, какие именно обвинения выдвигаются против него, чтобы он, не имея адвоката, мог сам защищаться.

Крыленко: Первые 13 обвиняемых, в том числе и вы, обвиняются в образовании тайной контрреволюционной организации, имевшей целью противодействовать проведению декрета об отделении Церкви от государства, использовать религиозные предрассудки, противодействовать декрету о национализации имущества храмов и передачи актов гражданского состояния в руки гражданской власти; внедрить в народ нерасположение к советской власти и противодействовать ее распоряжениям. Вы обвиняетесь по статьям 62, 119 и 121 Уголовного Кодекса.

О. Л.: Могу ли я просить присоединить к актам суда документ, свидетельствующий о том, что мы вместе с Кузнецовым старались объяснить, почему мы не можем принять в целом распоряжения, касающиеся декрета об отделении Церкви от государства. Хотел бы также, чтобы было включено и мое заявление. В нем указано, в какой мере требования в этих распоряжениях не согласованы друг с другом.

Кр.: Я против включения этих документов в акты суда.

Суд выносит постановление - отклонить просьбу о. Леонида.

О. Л.: В § 24 Уголовного Кодекса указывается, что огромное значение имеет момент психологический. В то же время, всякий раз, как мы ссылаемся на суде на наше священническое звание, нам отвечают:

« Нам нет дела до вашего священнического звания ». Я спрашиваю, согласуется ли это с § 24?

В ответ, Крыленко сослался на § 25, который говорит о непризнании какой бы то ни было Церкви.

О. Леонид просил прокурора выяснить, в чем, по мнению властей, разница между обучением детей в костелах и обучением в церковных школах. Однако, суд оставил его вопрос без ответа.

После допроса о. Будкевича был объявлен трехчасовой перерыв.

Крыленко начал свою обвинительную речь уже после шести часов вечера и заявил в ней, что « плюет на всякую религию ». Он подчеркнул, что наивысший трибунал суда должен стоять на страже революции и установленных ею законов. Суд должен подчеркнуть политическую сторону процесса, принимая во внимание утрату выборных прав служащими культа согласно § 65 Конституции. § 23 Конституции ограждает интересы трудящихся масс от тех групп, которые приносят вред республике советов и революции. В 1920 году трибунал осудил на смерть Кузнецова, вместе с которым обвиняемый Федоров написал свой протест. Крыленко назвал о. Леонида « изворотливым иезуитом » за то, что тот сказал: « советы признают разные спортивные организации, а не хотят признать Церкви ». Между тем, каждая организация, угрожающая конституции, отвечает по § 57 Уголовного Кодекса. Крыленко охарактеризовал поступки всех обвиняемых, как действия политические. А так как все обвиняемые были членами одной и той же организации - католической Церкви, то и преступления их определяются по §§ 63 и 119 Уголовного Кодекса и могут быть караемы смертью. Главной целью обвиняемых было ослабить действие советской власти и сделать невозможным проведение декретов в жизнь. Ими было организовано православно-католическое общество.

Крыленко направил главные обвинения против архиепископа Цепляка и о. Будкевича. После них он обрушился на Федорова, охарактеризовав его как « выдающегося человека », напоминающего о. Будкевича, но « превосходящего его смелостью и интеллигентностью ». « Федоров, - по его мнению, - действует открыто и его действия нельзя объяснить одним фанатизмом. Он создал проект общих собраний с православным духовенством, дал мысль согласовать действия всех этих контрреволюционных организаций против советской власти. Мы должны его обезвредить, это только охранительный метод. Суд должен покарать его не только за то, что он совершил, но и за то, что он был бы способен совершить ».

Крыленко, признав деятельность подсудимых контрреволюцион-

ной, потребовал для архиепископа Цепляка и ксендза Будкевича смертной казни, но не как мучеников за веру, а как верноподданных международного капитала, ибо « за веру в трудовой России не судят ». Для Хветько и Эйсмонта он также потребовал смертной казни; для о. Леонида, Ходневича и Юневича - по десяти лет тюремного заключения; для остальных священников - по пяти лет; для несовершеннолетнего Шарнаса - шесть месяцев. « Исполнение этих приговоров, - заявил он, - спасет советскую власть от контрреволюционных действий. Суровый приговор суда должен послужить для католического духовенства уроком, что законы карают тех, кто с ними не считается ». Присутствовавшие на суде коммунисты выразили одобрение этим словам прокурора.

В своей защитительной речи Комодов старался подчеркнуть религиозные мотивы конфликта и специфически - религиозную психологию обвиняемых: ведь это были собрания чисто духовных лиц, а отнюдь не контрреволюционеров. Речь Комодова вызвала аплодисменты в зале, после чего Крыленко предупредил, что удалит публику в случае повторения.

За Комодовым говорил Бобрищев-Пушкин, старавшийся доказать суду, что действия обвиняемых не были « контрреволюционными » в полном значении слова, тем более, что § 57 определяет контрреволюцию, как действия, направленные к свержению советской власти. Могут быть, конечно, разные степени противоправительственных действий, но контрреволюции, как таковой, дается только указанное определение. Весь материал и документы, использованные обвинением, ясно свидетельствуют о том, что со стороны обвиняемых не было никаких противоправительственных действий, а лишь намерение обратиться с просьбой к правительству. Поляки, в том числе и Будкевич, не могли желать свержения советской власти, давшей им возможность объединиться. Во всех выступлениях и собраниях духовенства не было решительно ничего контрреволюционного, их кампания была чисто идейной. Поэтому Бобрищев-Пушкин просил суд заменить смертную казнь высылкой или ссылкой.

После этого слово было предоставлено в порядке защиты о. Леониду. Он сделал хорошо, что взял ее в свои руки, так как, несмотря на то, что председатель суда все время прерывал его речь, ему все же удалось лучше разъяснить суть дела, чем адвокатам, защищавшим латинских священников. По отношению к о. Леониду, конечно, не могло быть речи о какой-либо « польской интриге », так как он был русским и не находился в юрисдикции архиепископа Цепляка. При крайне

неблагожелательном отношении польского правительства к митрополиту Шептицкому, уже самая личность иерархического начальника о. Леонида защищала его от всяких подозрений в отношении Польши.

Галкин: Слово в порядке защиты предоставляется подсудимому Федорову.

О. Л.: Вся моя жизнь была построена на двух элементах: на любви к Церкви, к которой я присоединился, и на любви к родине, которую я обожаю. Если для меня безразлично, присудят ли меня к десяти годам заключения или к расстрелу, то это не потому, что я фанатик. Часто приходится казнить невинного, чтобы не выпустить из рук виновного. С того времени, как я присоединился к католической Церкви, единственной задачей моей сделалось приблизить мою родину к той Церкви, которую я считаю истинной. При царском режиме я был два с половиною года в заключении в Тобольске. Один из подведомственных мне священников просидел три года в Суздальской тюрьме.

Галкин: Ближе к делу. Нам нет дела до того, как страдали католические священники.

О. Л.: Я хочу сказать, что правительство нас не понимало. Я с величайшим трудом доказывал, что русские католики - такие же католики, как и все; между тем, нам приходилось все время помнить про « Макара » с его « телятами ». Я был рад, когда в 1918 году митрополиту Роппу было прислано Бонч-Бруевичем приглашение нам участвовать в комиссии по пересмотру инструкции об отделении Церкви от государства. Если бы высказанные нами соображения при этих переговорах были приняты во внимание, то мы не сидели бы здесь в качестве подсудимых за составление тайной организации: к этой мысли не было бы и повода.

Галкин прерывает о. Леонида и просит не отвлекаться.

О. Л.: Тайной организации нет никакой. О наших совещаниях было известно и пятому отделу и Бонч-Бруевичу; говорить о какой-то тайной организации тут не приходится. Что противозаконное граждан прокурор видит в наших действиях? Мы работали вместе с правительством и, когда мы уже шли к разрешению вопроса, неожиданно-негаданно вышла эта непродуманная инструкция. Она явно противоречит декрету. Я не хочу критиковать действия власти. Но граждан прокурор вменяет мне в вину переговоры с православными и мою встречу с Кузнецовым. Совершенно верно, я был инициатором общего заявления о пересмотре инструкции, но мне не было дела до того, за что судился Кузнецов. Для меня Кузнецов не был избранником или каким-то инспириатором, а он только рядом со мной участвовал в выработке соображений по поводу инструкции...

(О. Леонид цитирует свое заявление по поводу инструкции и указывает на противоречия между декретом и некоторыми параграфами правительственных распоряжений).

Снова мы видим в инструкции признание религиозных обществ. Тогда, 4 января 1920 года, был подписан договор о моей церкви. Я прошу Верховный Суд принять во внимание, что инструкция требует каких-то 20 граждан РСФСР для заведывания имуществом церкви, не считаясь с их религиозной совестью. Если мы были против этих имущественных постановлений, то мы не руководствовались здесь какими-нибудь жреческими соображениями, а только законами нашей Церкви. Каноническое право является для нас предметом безусловно священным. Существование Римского Первосвященника есть догмат нашей католической веры. Послушание ему, как Викарию Христа на земле, для нас - безусловная обязанность. Поэтому вопрос стоял для нас принципиально, а не в смысле столкновения из-за материальных ценностей. Моя бедная паства, которой и осталось то всего около 80 человек, постоянно терпела материальную нужду. Какие же это сокровища должны были выйти из моих священнических рук? Нельзя все сводить к борьбе за ценности. Нужно же считаться с тем, что мне приходилось защищаться, когда возникла коллизия обязанностей.

Галкин: Как относилось к вам Временное Правительство?

О. Л.: При Временном Правительстве стало легче защищаться от вторжения государства в сферу наших чисто религиозных прав. Временное Правительство признало нас, но причисляло все время к департаменту иностранных исповеданий. Как верующий человек, я готов был считать, что освобождение Церкви, при отделении ее от государства, было провиденциальным. Вам же, как неверующим, это совершенно чуждо. Поэтому вы пошли дальше и дали место всяким комсомольским безобразиям...

Галкин: Что вы имеете в виду?

О. Л.: Антирелигиозные процессии, устроенные на Рождество Христово.

Галкин: (делает замечание) Правительства не критиковать и не отвлекаться.

О. Л.: Затем - эта противоречивая и неясная инструкция. Нам было непонятно, почему нельзя крестить, венчать до регистрации? Что до того правительству, будут ли люди венчаны в Церкви или не будут? Поэтому мы опять собрались с представителями православной Церкви, прося объяснить нам, как это и почему. Нам не было дано никаких объяснений. Теперь же дело поставлено уже так, что говорится: « не

рассуждать, а исполнять». Председатель пятого отдела Наркомюста, гражданин Красилов, заявил мне, что этот договор имеет временное значение, страна переживает боль и вы должны подчиниться. Я согласился и успокаивал своих прихожан на собрании. Если следовать утверждению Священного Писания, что всякая власть от Бога, то я, как католический священник, должен признать, что эта власть - тоже от Бога, может быть, она послана нам за грехи...

(в зале движение, смех)

Галкин: Вы думаете, что рабоче-крестьянская власть послана вам за грехи?

О. Л.: Да, это в области наших христианских воззрений. Власть - одно, а проповедь безбожия - другое. Я всегда выступал с критикой этого безбожия и доказывал его несостоятельность. Я часто выступал на собраниях в Петрограде; при этом политика была исключена, и не найдется такого человека, который мог бы обвинить меня в том, что в моих речах была хоть какая-нибудь тень политики. Что же касается учения детей, то понятие об учении входит в существо и понятие католического догмата. Мы перестанем исполнять наши священнические обязанности, если не будем учить. Как литургию я буду совершать всегда, так же и детей должен буду учить всегда. Советская же власть запрещает учить Закону Божию, а это для нас, граждане судьи, коллизия ужасающая. Я оставляю на совести прокурора, что мы хотим вколотить что-то в головы детей.

Крыленко: Довольно. Комедия.

О. Л.: Как угодно. Конечно, если вы нас считаете шарлатанами, жрецами, если вы скажете, что я ломаю комедию, то я лишен возможности защищаться, и мне остается только стать жертвой и больше ничего... Бонч-Бруевич сказал мне лично, что учить детей - это наше священное право, а Красилов сказал: вас будут хватать за это.

Галкин: Не говорите ничего такого, что не может быть подтверждено, это нужно было говорить на следствии, тогда мы вызвали бы на суд этих свидетелей, а теперь прошу вас держаться в рамках предоставленного вам права.

О. Л.: Хорошо. Что представляет из себя Церковь без учительства? Если, например, придут ко мне венчаться восемнадцатилетние и шестнадцатилетние молодые люди, как же я буду их венчать, не внушив им известных религиозных познаний? Разве вы сами не обучаете людей до 18 лет? Что же это будет за ребенок, не обучавшийся до 18 лет?

(В зале смех)

Галкин: Вы занимаетесь критикой законов советской власти.

О. Л.: Я объясняю вам нашу религиозную психологию. По конституции я могу проповедовать свои религиозные идеи, почему же я не могу этого делать по отношению к детям?

Галкин: Закон это карает, и вы даете не психологию, а рассудочные доказательства.

О. Л.: Мои объяснения поневоле рассудочны, не могу же я вынуть мое сердце и показать вам.

Галкин: А вот Аввакум проклинал от сердца.

О. Л.: Аввакумовых доводов у нас нет, слава Богу, потому что, если нам дают свободу совести, то нас не будут жечь на кострах...

Галкин останавливает о. Леонида.

О. Л.: Тогда позвольте подойти к объяснению нашего душевного состояния с другой стороны. Наша вера является единственным источником нашей религиозной жизни и побуждением к приобщению к ней других. Если коммунисту предпишут не преподавать своих коммунистических идей детям до 18 лет, согласится ли он на это? Почему же у нас отнимают этим законом возможность передать детям свое богопочитание?... Все издания по этим вопросам изгоняются и не допускаются в России.

Галкин: Вы пробовали их выписывать?

О. Л.: Да, я выписывал. Философские книги пропустили, а богословские оставили на границе.

Галкин: Это опять нужно было указать при следствии и можно было бы обжаловать. А теперь уже поздно.

О. Л.: Я заканчиваю. Наши обращения к правительству ничего контрреволюционного не имели. Я повторяю, что изъятие у меня прошло гладко. На обвинение, что мы будто бы не хотели дать церковное имущество для великой цели спасения голодающих, мы указываем на те 40 вагонов, которые прислал Папа Бенедикт XV, на те 12.0000 детей, которых питает и теперь Папа Пий XI.

Галкин: При чем тут Папа? Папа может помогать голодающим, и сопротивление может иметь место среди католиков. Ближе к делу.

О. Л.: Я приступаю к делу.

Галкин: Давно пора.

О. Л.: Тайного у меня ничего не было. Правительство знало все, и обвинять нас в каком-то участии в каких-то тайных организациях нельзя. Все недоразумения объясняются запутанным кругом идей, за которым мы вращаемся после противоречивых инструкций и из которых мы не могли найти выхода. Мы находимся в положении не виновных ни в контрреволюции, ни в тайных организациях. Тем более у

нас не было идеи о каком-либо сопротивлении советской власти. Больше ничего не имею сказать.

Во второй речи Крыленко сказал:

«Что такое революционная совесть, что такое революционное самосознание, всякий революционер знает. Наш кодекс мы признаем, но вносим в него изменения по требованиям жизни. Это все временно и кодекс имеет много дефектов.

Письмо Эдуарда Роппа к Будкевичу, где говорится о «борьбе с большевицкой заразой» прямо подходит под первую статью Конституции. Гражданин Федоров может с амвона говорить о Боге, об Илье Пророке. Но если он будет говорить малосознательным детям, что Илья Пророк съедет и тебя переедет, то мы этого не позволим.

На прямое требование закона о запрещении забивать голову детей, вы заявляете: «я буду». А мы говорим: «вот не позволим». Мы знаем, как на это реагировать. Карта ваша бита. Остается вам только нести свой крест».

Защитник Комодов заметил:

«Пусть суд рассудит. Борьба с большевицкой заразой в их (жест в сторону обвиняемых) понимании, есть борьба с атеизмом. Они с одинаковым основанием будут бороться с баптизмом, с магометанством и т. д. Сказать еще не значит доказать».

Защитник Бобрицев-Пушкин в последней короткой речи добавил:

«Если рассматривать католическую Церковь, как контрреволюционную организацию, имеющую центр вне России, то у вас есть средство на это - Варфоломеевская ночь».

Слово в порядке защиты было предоставлено и о. Леониду, но он ограничился только тем, что подвел всему краткий итог:

«Мне сказать больше нечего. Наши сердца наполнены не ненавистью, а скорбью - нас не могут понять. Свобода совести для нас не существует: это вывод из всего, что мы здесь слышали».

Галкин: Это ваш вывод?

О. Л.: Да, это мой вывод, и кроме тяжелого чувства для моего последнего слова ничего не остается.

Как того требовал Крыленко, суд приговорил о. Леонида к десяти годам тюремного заключения. До 21 апреля он просидел в Бутырской тюрьме, откуда его перевели в «Сокольнический исправдом». В сравнении с «Бутырками», «Сокольники» оказались ему прямо раем. Тюрьма находилась на окраине города и потому воздух был чистый. Кроме того, здесь не запирались тюремные камеры, и можно было ходить по коридору. Порядки в тюрьме были по сравнению с «Бутырками» просто патриархальные. Заключение разрешались сви-

дания через решетку в течение четверти часа, в присутствии надзирателя. За небольшую взятку (5-10 рублей) свидание можно было продлить еще на несколько минут. Не запрещалось и подойти к самой решетке. Посетители могли передавать заключенным пакеты и письма и получать от них письма; при этом можно было и пошептаться. Словом, в этой тюрьме царила относительная свобода. Надзиратель тюрьмы проявлял ко всему достаточно безразличия.

О. Леонид, конечно, использовал благоприятные условия прежде всего для того, чтобы снестись с митрополитом Андреем и сообщить ему подробно обо всем происшедшем за это короткое время, так насыщенное тягостным содержанием.

ГЛАВА V

КРАСНАЯ МОСКВА!

« КАК МНОГО ГОРЯ В ЭТОМ ЗВУКЕ ДЛЯ СЕРДЦА РУССКОГО
СЛИЛОСЬ, КАК МНОГО СКОРБИ В НЕМ ОТОЗВАЛОСЬ... »

Перемена, которую внесли последствия революции в характер Московской католической группы. - Роль Анны Ивановны Абрикосовой в новых начинаниях. - Владимир Владимирович Абрикосов - настоятель Московского католического прихода. - Круг его деятельности, арест и высылка за границу. - О. Николай Александров - второй Московский настоятель. - Абрикосовская община сестер терциарок ордена св. Доминика. - Наблюдения Ю. Н. Данзас и ее суждения о Московской общине. - Мнение о. Дмитрия Кузьмина-Караваева.

« Можно сказать, - пишет о. Филипп де Режиc в статье « Святая Екатерина Сиенская в Москве » (в журнале « Унитас » в Риме, № 3 за 1946 г.), - что если Экзарх Леонид Федоров - это Петербургский приход, то Московский приход - это мать Абрикосова ».

Можно тоже сказать, что автор приведенных строк, отождествив Российского Экзарха с петербургским приходом, не выразил глубокого понимания его миссии. Как мы видели, история этого прихода - явление настолько сложное, запутанное и мучительное, что знающему ее во всех подробностях вряд ли возможно отождествлять « Петербургский приход » вообще с какой-нибудь одной личностью. Петербург был местом болезненного зарождения восточного католичества, местом особо тесно связанным с духом митрополита Андрея, его вдохновителя и опоры, где он выполнил пророчески предначертанное ему Папой св. Пием X. « Петербургский приход » - это начало и завершение первого

крестного пути русского католичества. Пройдя его, « Восточный обряд » о. Леонида взшел на Голгофу - Соловки, где « Зверь из бездны » завершил свою долгую и упорную борьбу с избранником Божиим - Российским Экзархом.

Прямого отношения к этой борьбе католическая Москва не имела, хотя и заняла после революции, по масштабу того времени, немалое, но своеобразное место в миссии о. Леонида. Тут уже надо признать, что о. де Режиc не преувеличил, связав « Московский приход » с именем Анны Ивановны Абрикосовой, которая действительно играла в нем первостепенную роль, и по свойствам своей властной натуры, и по положению супруги настоятеля о. Владимира, находившегося под ее влиянием, и по своей принадлежности к именитому московскому купечеству, и, наконец, просто, как гостеприимная хозяйка квартиры, в которой, в конце концов, сосредоточились и приходская церковь, и община русских сестер-терциарок св. Доминика, и вообще все, что так или иначе было связано с католическим делом в Москве. Здесь, одним ударом, большевики все это разгромили, подвевнув аресту и заточению в тюрьмах всех связанных с домом Абрикосовых.

Один человек явно не поддался авторитету Анны Ивановны. Да он и не мог ей подчиниться, как в сиду своей исключительной одаренности, так и вследствие принадлежности к иному миру традиций и понятий, которому московский купеческий дух, даже в его мягкой, ослабленной и культурной форме, был по природе своей чужд и неприемлем. Это была « женщина с профилем Наполеона », все та же Ю. Н. Данзас, которую Анна Ивановна хотела было получить в свое распоряжение и подчинить в России и за границей авторитету семьи Абрикосовых. Намерение это осталось безуспешным, но побудило Юлию Николаевну насторожиться и занять положение наблюдателя. В воспоминаниях, записанных с ее слов князем П. М. Волконским, остались весьма ценные показания о московской общине. В свое время они были доставлены для прочтения митрополиту Андрею, который оценил их по достоинству и высказал кн. Волконскому мнение, что было бы хорошо, если бы Юлия Николаевна выразила письменно готовность подтвердить под присягой истинность того, о чем она говорит.¹ Юлия Николаевна, пересмотрев записанное князем Волконским,

¹ Посылая первую часть воспоминаний, записанных со слов Ю. Н. Данзас, князь Волконский отметил в письме к митрополиту Андрею, (11-9-1937), что « они представляют первостепенный интерес, и Ваше Высокопреосвященство их, конечно, оценит. В верности и точности сообщаемых фактов не может быть никакого сомнения ». 13 декабря 1937 г. он же написал ему об Ю. Н. Данзас: « автор, вообще,

уточнила некоторые выражения, кое-что добавила и, после того, как рукопись была окончательно переписана, дала заявление о готовности подтвердить под присягой все, ею засвидетельствованное. Митрополит Андрей сообщил после этого князю, что Ю. Н. Данзас « в своем письме дала письменно присягу в том, что точно описала правду ». Поблагодарив за присланные ему главы воспоминаний о московской общине, митрополит Андрей заметил по этому поводу в письме к князю Волконскому:

человек выдающийся, который оставит крупный след в истории русского католицизма...; ее свидетельства дополняют показания о. Федорова, и, наконец, она по духовному и умственному развитию была самым близким человеком к Экзарху и с 20-го по 23-ий год положительно делила с ним его работу. Поэтому всякое слово ее я считаю неоценимым документом ».

Сама Ю. Н. Данзас нашла нужным дать митрополиту Андрею несколько объяснений по поводу своих воспоминаний о московской общине. Она написала ему 22-10-1937 из Парижа: « Воспоминания, скорее неблагоприятного характера, которые у меня сохранились от соприкосновения с московской общиной, я не собиралась никогда доверять кому бы то ни было ... до того момента, пока кн. Волконский не попросил меня сообщить их ему, намереваясь представить Вашему Высокопреосвященству, но при условии не пользоваться ими ни в какой книге или другом произведении, предназначенном для предания гласности. Я не скрыла от него, что делаю это через силу, принимая на себя роль обличителя, будь то даже в секретном документе. Все же я дала себя убедить, что в этом мой долг, который я должна исполнить, так как в еще отдаленном будущем, когда будут изучать столь мучительную и запутанную историю католической Церкви в России, нужно будет сопоставить показания, переживших эти страшные годы.

Как преданная дочь Церкви, считаю, что служу ей, говоря правду, т. е. то, что я видела и чувствовала, в вопросе, где столь многое остается все еще темным. В частности, я полагаю, что мои воспоминания могут послужить разъяснению, с одной стороны, чисто отрицательного отношения петроградского и московского латинского клира к матери Абрикосовой и ее общине, с другой стороны - холода в отношениях между русскими католическими приходами Петрограда и Москвы и, наконец, непопулярности сестер этой общины среди заключенных в тех тюрьмах, где я находилась вместе с ними. Среди них были действительно религиозные души, но неправильное воспитание ослабляло их действие ».

5-11-1937, митрополит Андрей, поблагодарив Ю. Н. Данзас за доверие, оказанное в особенности тем, что она передала ему эту часть воспоминаний, и за искренность, с которой она рассказала все, чему была единственной свидетельницей, написал ей: « Вы сделали хорошее дело, отметив для истории факты действительно исторические, и я Вам искренно благодарен ».

В распоряжении автора было сохраненное кн. Волконским полное собрание сделанных им записей со слов Ю. Н. Данзас. Он его тщательно изучил, но пользовался им осмотнительно и привел из него о московской общине немного, так как в целом, в момент издания этой книги, ему еще рано быть опубликованным в качестве исторического документа.

« Должен признаться, что я и сам подозревал немного, что это именно так. Я был в Москве в 1917 г. и обратил внимание на следы этого чрезмерного самодержавия. Во всяком случае сестра Данзас может быть спокойна, так как она сделала хорошее дело. Да, хорошее и полезное дело ».

* * *

С квартирой Абрикосовых мы расстались еще в предвоенные годы, на страницах отчета о. Леонида об его четвертой поездке в Россию:

« Замкнувшись в своем тесном кружке, изолировавшись от народа, не имеющие ни малейшего понятия об его духе и потребностях, они похожи на изящные, чистенькие, фарфоровые статуетки, которыми дамы времен Людовика XV украшали свои воздушные этажерки ».

« Святость, святость », - повторяют они как попугаи. « Целью католичества является освящение людей, т. е. личная святость каждого отдельного члена католической Церкви. К этой-то святости своих членов должна прежде всего стремиться и русская миссия. Мы хотим, чтобы наши католики были святыми! Это наша цель! »

« Кто будет с этим спорить? Но вот Абрикосовы обвиняют нас в том, что мы, петербургские католики, мало понимаем, какие средства ведут к этой цели ».

Так формулировал тогда свои впечатления будущий Российский Экзарх, после целой недели, как он выразился, « настоящих диспутов с глазу на глаз » с супругами Абрикосовыми. В нескольких фразах он охватил здесь и понимание ими миссии, руководить которой они считали себя призванными, и то положительное, что они старались тогда делать для развития ее, и тот вред, который невольно проистекал из их дилетанства в отношении восточного обряда и работы о. Леонида в России. Все это дало повод Н. С. Ушаковой, сопровождавшей о. Леонида, заметить со свойственным ей юмором по поводу школы святости в Абрикосовском доме:

« Они или не дозрели или перезрели. Нужно их оставить в покое, чтобы не кусались ».

Естественно, что митрополит Андрей, осведомленный о деятельности супругов Абрикосовых, был недоволен их тесным контактом с польским духовенством и той борьбой, в какую они были втянуты в связи с поляками с петербургскими католиками, его духовным детищем, и без того столь хилым. В силу этого он не был к ним особенно расположен, что, в свою очередь, питало предубеждение Абрикосовых против владыки Андрея.

Февральский переворот с последовавшим за ним появлением в

Петрограде митрополита Андрея с полномочиями Папы св. Пия X и предстоявшее назначение о. Леонида Российским Экзархом смешали все карты и побудили всех имевших отношение к делу восточного католического обряда несколько изменить ориентацию. Время *диспутов* с о. Леонидом принадлежало уже, как-будто, далекому прошлому. Дело, доверенное ему Св. Римским Престолом принимало реальные формы - и поэтому нельзя было не только итти против него рука-об-руку с польским духовенством, но и по отношению к Экзарху стать на общие точки зрения с о. Зерчаниновым или о. Семяцким. Новое решение напрашивалось само собой, но для Владимира Владимировича оно было нелегким, ибо, как он сам засвидетельствовал (автор записал это с его слов), « восточный обряд не притягивал его, он не верил в него ». Тем не менее В. В. Абрикосов решил стать священником восточного обряда и попросил митрополита Андрея рукоположить его. Этим он брал на себя, в судьбах русской католической Церкви, роль, к которой не лежало его сердце. Он признался, что сам по себе не имел в виду принимать тогда сан священника. Его личные стремления были направлены за границу. Ему хотелось поступить на Западе в латинский монастырь, тогда как Анна Ивановна, по его словам, стала бы монахиней в каком-нибудь монастыре доминиканского ордена, к которому она принадлежала уже в качестве терциарки. О. Владимир утверждает, что мысль стать восточным священником ему внушил декан Зелинский, настоятель церкви св. Петра и Павла. Зелинского поддерживали ксендзы Вербицкий и Квятковский. Этому не приходится удивляться, так как они, учитывая неизбежность образования в Москве церковной католической группы восточного обряда, естественно могли надеяться использовать свое влияние на Абрикосовых, чтобы через них влиять и на Московский приход, во главе которого мог оказаться, в силу намерений митрополита Андрея, Владимир Владимирович. Эти священники и указали Абрикосовым на пребывание в Петрограде митрополита Андрея и посоветовали просить у него посвящения. Того же мнения был и духовник о. Владимира, француз о. Видаль. Можно думать, что далеко не последнюю роль сыграло и отношение к этому вопросу Анны Ивановны. Обет воздержания, который дали супруги, говорит во всяком случае о её сочувственном отношении и серьезном взгляде на дело, за которое собирался приняться Владимир Владимирович. Свойственный ей большой здравый смысл в житейских делах указал и на решение, какое они и приняли. Она сопровождала мужа в Петроград на посвящение и находилась при нем, пока шли заседания собора русского католического духовенства, на котором он, после посвящения, участвовал. Тут-то

она встретила впервые с митрополитом Андреем, после чего написала откровенно о своем впечатлении о нем:

« Это святой человек и в полном смысле слова церковный. Мы были на его счет в полном заблуждении ».

Вслед за этим Анна Ивановна признала, что о. Леонид « человек исключительно одаренный » (правда, говоря об этом, она тут же заметила, что и « о. Владимир не менее одарен, хотя в совсем другой области »; в какой именно, она не упомянула), обладает « редкими способностями миссионера », « замечательным талантом апологета », « глубоким знанием русского народа, с его духовными нуждами, запросами и надеждами » (однако, спустя месяц с небольшим, она же пишет о « таких знатоках России, как экзарх Леонид и о. Владимир »; разобраться же в этих знаниях и оценить их по достоинству, ей, типичной западнице, повидимому, было трудно). Не раз, как она сама говорит, ей пришлось вспомнить и Н. С. Ушакову. Анна Ивановна даже написала:

« Мы издевались над ней, но как она была в свое время права! »

Отношение Анны Ивановны к польскому духовенству изменилось коренным образом. Теперь она видит в нем только « враждебность и узкий провинциализм с врожденной ненавистью к восточному обряду, с упорным желанием сохранить руководящую роль в католической Церкви в России, со странной фантазией латинизировать русский народ, с упорным противодействием идее соединения Церквей и желанием образовать местную провинциальную русскопольскую церковь латинского обряда ».

В частности, Анна Ивановна находит, что Чаевский показал себя теперь « грубейшим шовинистом, тупым и мало интеллигентным; он сделал много зла с тех пор как русские католики образовали независимую группу. В этом, - пишет Анна Ивановна, - наша постоянная трагедия. Тайное решение поляков ясно, как день: восточный обряд - это временное зло (слова декана Зелинского), которое должно быть уничтожено; никакого соединения Церквей, но обращения отдельных душ и их полонизация. Это движение выявляет себя все больше... ».²

Анне Ивановне ясно, что « поляки делают все, чтобы помешать миссионерской работе в России и чтобы уничтожить ее ». Правда, от нее как-то ускользает при этом, что она ставит знак равенства между « русской миссией », которой противодействуют поляки (но далеко не

² Приведенные здесь и дальше цитаты и выражения в кавычках заимствованы из писем Анны Ивановны к княжне М. М. Волконской, Н. Розановой и о. Владимиру (после его высылки за границу).

все!), и своей личной деятельностью в Москве, с той, по выражению Ю. Н. Данзас, «самодержавной повадкой», которая встречала, может быть, слишком резкую критику со стороны поляков (и тоже далеко не всех), так что, в конце концов, немало недоразумений происходило и на личной почве. Нужно признать, что разносившиеся и одной и другой стороной сплетни и слухи служили немалым препятствием к воссоединению Церквей в том виде, как это рисовалось духовному взору Анны Ивановны. Главным врагом ее благих начинаний оказался никто другой как московский декан Зелинский, внушивший о. Владимиру мысль сделаться священником восточного обряда.

Анна Ивановна поставила себе вопрос, почему же поляки так поступают, для какой цели? Единственный по ее мнению ответ она формулировала письменно в трех пунктах:

1) Вековая, инстинктивная ненависть поляков ко всему русскому, их желание уничтожить красоту всего, что есть русского и действительно национального; наш обряд, который прекрасен, представляет собою возвышенную поэму русской души, должен быть уничтожен!

2) Любовь поляков к власти. Польша должна господствовать, поляки должны быть единственными представителями католичества в России. Польский клир охватывает настоящий страх, когда они видят, что наша миссия развивается. Они боятся, что Россия придет к нормальному и здоровому состоянию, т. е. что в ней будет одна господствующая Церковь, состоящая из русских католиков, сохраняющих свой обряд, и иностранная польская, образующая в ней лишь колонию с ее латинским обрядом. Такого аномального для них положения они не хотят допустить; стало быть, наша миссия должна быть уничтожена, и я должна засвидетельствовать, что они идут к этому с немалым успехом.

3) Третья причина чисто политическая и национальная. Сами же поляки признают, что могущественная и католическая Россия нежелательна. А мощной и независимой католическая Россия может быть только сохранив восточный обряд (отсюда и ненависть поляков к митрополиту Андрею Шептицкому и ко всему его делу)».

С большой вероятностью можно предположить, что эти мысли были еще в значительной мере чужды Анне Ивановне, когда она в 1913 г. вела *диспуты* с о. Леонидом, находясь на стороне латинского духовенства. В то же время, приведенные здесь «пункты» Анны Ивановны (заимствованные из ее первого послереволюционного письма к кн. М. М. Волконской) отражают достаточно ясно боевой характер, который приняло в ту пору ее мирозерцание. К сожалению, в нем *психологически* уже заключены элементы, отравлявшие взаимоотношения молодой московской общины с латинским католическим клиром. Все скон-

центрировалось постепенно вокруг Анны Ивановны с одной стороны и декана о. Зелинского - с другой. Разрядилась же московская атмосфера, как это ни печально признать, только после того, как обе стороны сошли со сцены.

Сильная, властная, самоуверенная, способная и на подлинный героизм, Анна Ивановна не останавливалась на полпути. Богу она служила по собственному разумению и если она с чем-нибудь, основательно или неосновательно, не могла согласиться, то поладить с ней, не подчинившись ее суждению, было нелегко. Однажды она дала в письме к мужу такой совет-указание:

« Кротость, мягкость, терпение, но упорно гнуть свое и стараться создать себе положение, главное, рассчитывая на сверхъестественное: святость, прежде всего, всегда и во всем ».

В этой фразе она сама охватила и запечатлела ту смесь понятий, которые лежали в основе ее побуждений и которые, естественно, не могли не вести к таким же смешанным результатам.

* * *

Ко времени рукоположения о. Владимира, в Москве было уже шесть сестер-терциарок св. Доминика. Начало третьему ордену русских доминиканок положила Наталия Розанова (« сама того не подозревая » по словам Анны Ивановны) еще в то время, когда она жила в Москве. В этом, как думала Анна Ивановна, был, может быть, главный смысл и значение приезда сюда ее близкой подруги. Чтобы удовлетворить свое стремление к духовной жизни, сестры-терциарки решили объединиться под покровительством Анны Ивановны, поселились у нее на квартире и, что вполне естественно, выбрали ее своей « старшей ». После рукоположения о. Владимира, эти сестры приняли на себя все заботы об организации прихода и об устройстве богослужебной жизни: пение, чтение, обслуживание храма и т. п. Группа московских католиков, объединявшаяся в Абрикосовском доме, за небольшими исключениями, стала вместе с ними следовать восточному обряду и образовала ядро будущего прихода. Таким образом, и община сестер и приход нашли себе приют в квартире Абрикосовых, жертвенно предоставленной хозяевами для русского католического дела. В одной комнате устроили домовую церковь (без иконостаса), которая могла вместить до пятидесяти человек. В другой поместился о. Владимир, ставший настоятелем прихода и духовником общины. Одну комнату оставила за собой Анна Ивановна; в ней же она помещала и больных сестер. Когда община возросла, и число заболеваний увеличилось, эта

комната, временами, представляла собою подобие лазарета. Еще две комнаты были отданы хозяевами под общежитие сестер. Ночью они спали вповалку на ковриках на полу; по утрам все тщательно убиралось, так что днем одна из этих комнат служила приемной, в которой по вечерам устраивались собеседования и читались лекции, а другая была классной и библиотекой, и в ней занимались сестры и прихожане.

Трудно даже представить себе, что мог бы предпринять экзарх в тогдашних условиях и при отсутствии всяких средств для устройства прихода в Москве, если бы Абрикосовы не дали для дела всего, что могли, и сами не отдались ему. Не будь их, кого экзарх мог бы послать в Москву? Назвать здесь имена Зерчанинова и Дейбнера или Трофима Семяцкого можно было бы только в шутку. Между тем нельзя закрывать глаза и на то, что даже более серьезные кандидаты, как напр. Диодор Колпинский и Глеб Верховский, тоже могли скомпрометировать в Москве молодое русское католичество. Первый, оказавшись впоследствии за границей, отпал в православие и был вторично воссоединен со Вселенской Церковью; второй же, попав в Киев, заключил непопозволительный брак. Эту грустную сторону дела нельзя обойти молчанием, чтобы оценить помощь, какую о. Владимир оказывал экзарху уже тем, что тот мог на него вполне положиться. В смысле строгости нравов дом Абрикосовых был действительно безупречным.

О. Владимиру пришлось нелегко на посту московского настоятеля; немало забот и хлопот, испытаний и трудностей разного рода легло на его слабые плечи. О. Леонид должен был кроме того серьезно считаться с отсутствием у о. Владимира богословского и философского образования. Во время своих частых наездов в Москву (в среднем раз в два месяца), что в условиях того времени было очень затруднительно, о. Леонид восполнял своими общественными выступлениями это слабое место своего настоятеля и сглаживал своим влиянием иные стороны его характера, о которых он однажды написал откровенно владыке Андрею, став при этом всецело на защиту о. Владимира:

«Его недостатки: резкость характера, скептицизм, заставляющий временами падать духом, ригоризм и слишком строгое отношение к латинянам».

«Вас смущает, может быть, его резкость, соблазняющая других, но это еще не такой большой недостаток; он скоро исчезнет. На нем отражаются церковно-политические события, вредно влияющие на его тонкие нервы».

О. Владимир научился служить, а в устройстве хора ему помог ксендз о. Вербицкий, хороший музыкант и знаток русского церковного

ления. По собственной инициативе, этот латинский священник, поляк, поставил церковный хор и разучил с ним всенощную и обедню. Сам о. Владимир, в отличие от о. Леонида, музыкальными способностями наделен не был. Среди сестер была одна, также весьма одаренная в этом смысле, Анна Спиридоновна Серебренникова, родом из Саратова, по профессии - сельская учительница. О. Дмитрий Кузьмин-Караваев думает, что она была из крестьянской семьи:

« Лицо у нее было чисто русское и притом с поразительно правильными чертами. Она была регентшей в хоре сестер и когда заводила тропари своим звучным голосом - надо помнить, что в нашем приходе было принято унисонное (по-русски - столповое) пение - Анну Спиридонову нельзя было не принять за старообрядческую головщицу. Если держаться этой терминологии, то Анна Спиридоновна была в общине не только головщицей, но и уставщицей. Каждый вечер она приходила к о. Владимиру с тем, чтобы составить службу на завтра. Типикон и богослужебные книги она, надо признаться, знала лучше нашего почтенного настоятеля, и я не раз любовался, когда мне приходилось вечером засиживаться у о. Владимира, с какой почтительной настойчивостью она его подводила к тому, что у нее было решено заранее ».

Из числа близких ему мирян, о. Владимир выбрал и подготовил к рукоположению инженера технолога Николая Александра. По представлению о. Леонида, епископ Цепляк посвятил его в начале 1922 г. Выбор о. Владимира был очень удачным, и о. Леонид мог вскоре сообщить владыке Андрею, что о. Николай стал « прекрасным священником ». Это сказало особенно ясно уже после высылки о. Владимира, когда « он стал его заместителем и вел московский приход не хуже о. Владимира ». О. Леонид засвидетельствовал, что « приход не только не распался, но еще более окреп и возматерел с каждым днем ». « Несмотря на отсутствие о. Владимира, - писал он, - дело ничуть не падает, обращения не прекращаются ».

До отъезда о. Владимира, после рукоположения о. Николая, ежедневно служились две обедни: раннюю служил о. Владимир для сестер, а позднюю - о. Николай для прихожан. На этих службах бывали и православные. После обедни, по воскресеньям и праздникам, устраивался « чай » (« агапа »). Чай, правда, как и полагалось тогда в советском государстве, был морковный, а хлеб и сахар прихожане приносили с собой. Во время чаепития шло собеседование, а после него бывало духовное чтение. Читала всегда сама Анна Ивановна, что-нибудь переводное из западной католической литературы, поучение или жития святых.

« Надо сказать, - вспоминает о былых днях о. Кузьмин-Караваев, - читала она с редким умением: спокойно, не повышая голоса, и в то же время весьма вразумительно. Чувствовалось, что она переживала и хотела, чтобы с ней переживали слушатели то, о чем идет речь ».

За духовным чтением присутствовали и сестры и прихожане. После чтения обсуждалось прочитанное и говорили о текущих приходских делах.

Раз-два в месяц устраивались по воскресеньям закрытые вечерние собрания исключительно для прихожан; на них тоже читались переводы из западной католической литературы и происходили собеседования.

Кроме того, тоже раз или два в месяц бывали открытые собрания, смешанного характера, и на них католики могли приглашать своих знакомых - не католиков. Тут читались доклады всеми желавшими, назависимо от вероисповедания, на разнообразные темы; не допускались только доклады политического содержания. О. Леонид, приезжая в Москву, выступал на открытых собраниях.³ После докладов допускались прения. Иногда приходили представители московской профессуры. Бывал тогда у Абрикосовых и Николай Бердяев. Раз как-то зашел композитор Гречанинов. Можно было встретит среди гостей и православных церковных деятелей из духовенства и мирян. Однажды о. Владимира посетил даже пресловутый епископ Варнава, ставленник Распутина.⁴

³ По поводу приездов о. Леонида нужно заметить, что поездка из Петербурга в Москву была в то время довольно сложным предприятием, требовавшим немалой затраты физических и душевных сил.хлопоты, чтобы достать билет, казались даже унижительными для человеческого достоинства; стоимость же билета - около трех миллионов рублей - была при всеобщем обнищании очень значительной.

⁴ Здесь упомянут бывший епископ Тобольский, своеобразная знаменитость последних дней царской России. Появления его в среде московских католиков, казалось бы, можно было меньше всего ожидать. Тем не менее он, видимо, искренне умилился от истовости богослужения в домовой церкви о. Владимира. Подняв руки, епископ Варнава воскликнул: « Вот так молились древние христиане! » Визит, который он нанес в сопровождении какого-то иеромонаха о. Владимиру, совпал с пребыванием в Москве о. Леонида. Уведомленный об этом, о. Леонид велел о. Владимиру немедленно отдать визит епископу Варнаве. О. Владимир побывал у него уже в день отъезда о. Леонида и о своем визите написал ему в Петроград: « Я был у Варнавы; ласков, любезен до крайности, полон сочувствия нашему делу единения, жаждет его расширения, готов содействовать, печалится, что мы так стеснены помещением, ругал православный развал, в особенности театральный характер богослужения. « Пересылая это сообщение владыке Андрею, о. Леонид приписал от себя: « Что сей сон значит ? » Вопрос этот, повидимому, так и остался без ответа; во всяком случае, упомянутое посещение епископа Варнавы не имело последствий.

Когда было решено устраивать « унияльные собрания » с ограниченным числом избранных участников, их перенесли с благословения патриарха Тихона на квартиру Абрикосовых (об этом уже говорилось в конце IV главы II части). У них состоялось третье собрание. Гостеприимные хозяева сделали все возможное, чтобы принять православных гостей с должным почетом. На третье собрание пришло около 20 священников и один мирянин. Был заслушан « Меморандум о соединении Церквей », написанный протоиереем Арсеньевым, настоятелем храма Христа Спасителя, « самым ученым и святым православным священником », как о нем тогда говорили. Один протоиерей, весьма расположенный к соединению Церквей, задал в этот вечер вопрос:

— Какое место займет наш патриарх в случае соединения с Римом?

Католики, присутствовавшие в этот вечер на собрании, вынесли впечатление, что у православных по отношению к Риму - чувство обиженного родственника; у них создалось ошибочное представление, что Рим только и хочет подчинить их себе и при этом еще как-то унижить.

На четвертом собрании о. Владимир сделал сообщение о Папе Венедикте XV, создавшее дружественную атмосферу. Православные спрашивали, признает ли католическая Церковь их таинства. Слабым местом католиков в отношении православных оказалось отсутствие нового авторитетного заявления из Рима, на которое можно было бы опереться в таком собеседовании. Приходилось ссылаться на уже устаревшие заявления, которые в современных условиях не только ничего ясно не говорили православному миру, но и вызывали с его стороны новые вопросы.

Самым значительным и интересным из всех было пятое собрание. На нем присутствовал цвет московского духовенства: 15 православных священников и кроме того 18 православных мирян, среди которых были такие представители русской интеллигенции, как профессора Чулков, Байков, Покровский, Громогласов, Сахаров, Которков, Кузнецов, бывший дипломат и губернатор Арсеньев, молодой князь Трубецкой, бывший губернатор князь Урусов, Рачинский, Полуэктов; были и студенты Духовной Академии. Все пришли в этот вечер послушать Российского Экзарха, выступившего с докладом на тему « Ты еси Петр ». Вот что о. Леонид написал об этом вечере митрополиту Андрею:

« В Москве, перед Великим Постом (1922), я читал в собрании избранных православных священников и мирян мой первый реферат на тему: « Ты еси Петр » (разбор только одного 18-го стиха XVI главы

Матфея). Среди мирян были самые настоящие церковники из среды бывшей правящей интеллигенции. Всего было 33 человека, заседание происходило в квартире о. Владимира. Дух любви и мира не покидал нас ни на минуту. Я читал три с половиной часа при напряженном внимании слушающих. Возражал мне только протоиерей Орлов, профессор по разбору иностранных вероисповеданий, и то до того слабо, что иногда становилось неловко и стыдно за него. Он сразу признал, что православная Церковь ничего не имеет против католического толкования, но что св. Апостол Петр - это только символ единства, при чем, как за единственный якорь спасения, уцепился за текст св. Киприана в его трактате «*De unitate Ecclesiae*». Остальные хранили гробовое молчание. Многие сердечно благодарили меня за реферат. Уже этот первый опыт спокойного разбора католической доктрины показал им их полную беспомощность. Скоро еду с новым рефератом «*О власти ключей*» (разбор 19-го стиха). Всеми высказывается горячее желание, чтобы подобные собрания происходили возможно чаще. Это первые проблески еще далекого единения... »).

Следующий доклад о. Леонида предполагался примерно через месяц. На шестом собрании в квартире Абрикосовых о. Кузьмин-Караваев говорил на тему: «*Учение о природе Церкви в системе русского мышления*». Из православных присутствовало 18 человек. Настроение православных мирян складывалось явно в пользу церковного единения. Некоторые из них высказали недовольство медленностью работы и ее чрезмерной научностью. Решено было устраивать впредь собрания двух видов: научные, согласно желанию духовенства, и популярные, чтобы удовлетворить мирян. Была выбрана комиссия из пяти лиц, которой поручили ведать этим делом. В нее вошли от православных: ректор Духовной Академии протоиерей профессор Орлов, настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Иоанн Арсеньев и бывший сенатор Арбузов; от католиков - о. Владимир и Кузьмин-Караваев. Было предусмотрено, что о. Экзарх, во время своих приездов в Москву, будет также участвовать в работах комиссии.

Однако, ни предположенный доклад о. Леонида «*О власти ключей*», ни вообще какое-либо «*соединительное собрание*», как их называли тогда, не могло уже состояться вследствие последовавшего ареста лучших представителей православного духовенства, в числе которых оказалось немало посетителей квартиры Абрикосовых. В апреле 1922 г. положение в Москве сделалось поистине мрачным. Интерес к «*соединительным собраниям*» от этого не пропал, но устраивать их стало уж очень опасным. Об этом о. Леонид сообщил митрополиту Андрею в следующих выражениях:

« В Москве нам принес много вреда арест православных священников; два самые выдающиеся - Орлов и Арсеньев сидят в тюрьме, так что мои богословские лекции о главенстве Апостола Петра пока что остановились. К о. Владимиру собираются только члены постоянной комиссии кружка, состоящего из нескольких священников и выдающихся русских интеллигентов. Они глубоко преданы делу соединения и в особенности восхищены тем, что могут говорить о католичестве без поляков, с чисто русскими людьми. Все они понимают необходимость возрождения морально опустившегося народа при помощи религии и сознают, что это может сделать только католическая Церковь. Единственный страх - потерять свою самобытность от вторжения в русский религиозный быт латино-польской культуры. « Надо, - говорят они, - чтобы Папа дал нам абсолютные гарантии сохранения нашего обряда и церковной культуры, чтобы Папа показал себя русским »!

О. Владимиру становилось все труднее и труднее. Чем дальше, тем все больше и больше ему приходилось разрываться. Все происходило у него на квартире. Собрания, посещения, разговоры отнимали у него много времени, и он сидел из-за этого почти безвыходно дома. Кроме того он был еще духовником и руководителем сестер, число которых в общине непрерывно росло. К концу 1921 г. было уже 15 сестер и кроме них терциарок, живших у себя дома. К такой напряженной работе о. Владимир не был подготовлен прежним образом жизни в покое и довольстве. Здоровье его заметно расстроилось, три раза он болел и кроме того сильно страдал сердцем. В течение трех последних лет его дважды арестовывали и при втором аресте продержали в тюрьме около месяца. Состояние его Анна Ивановна считала настолько серьезным, что в апреле 1922 г. она написала княжне Марии Волконской:

« Если о. Владимир умрет, что вполне возможно, так как он уже ни одной службы отслужить не может без крайнего утомления, то останется один о. Леонид; какое одиночество, какая пустота... ».

О. Владимир не умер, но одиночество и пустота, которой опасалась тогда Анна Ивановна все же ее не миновали. 17 августа, на рассвете, когда сестры начали петь утрению, о. Владимира снова арестовали. В последние две ночи по Москве прошел целый шквал арестов, которым подверглось до самидесяти профессоров и литераторов. Одновременно с о. Владимиром арестовали и Кузьмина-Караваева. Их продержали в

тюрьме около недели вместе с представителями интеллигенции, в числе которых оказалось немало членов «соединительных собраний». После краткого допроса, о. Владимира приговорили к «высшей мере наказания», заменив расстрел бессрочной высылкой за границу. Та же судьба постигла Кузьмина-Караваева и сотню выдающихся представителей русской интеллигенции. Среди них преобладали люди либерального и, вообще, левого направления. Всем им было разрешено выехать вместе с семьями и взять с собой из вещей, что они хотели, но книги и рукописи подлежали цензуре. Николай Александрович Бердяев выехал с женой, ее сестрой и их матерью; Борис Александрович Вышеславцев — с женой. Среди уезжавших было много детей. Как ни тяжело жилось тогда в Москве, но уезжавшие, в общем, приняли приговор без особого оптимизма. За границу их не тянуло; к русской эмиграции они относились критически. Некоторые (как, например, Кондратьев, человек левого направления) даже просили заменить им высылку за границу ссылкой в Сибирь. Это неудивительно, ибо высылаемые трогались в дальний путь без всяких средств; им разрешалось взять с собой денег лишь на дорогу. Они получили визированные германским правительством паспорта, как высланные за границу граждане РСФСР.

27 сентября, по новому стилю в канун праздника Воздвижения Креста, о. Владимир покинул навсегда родную Москву и направился в Петроград. Там он остановился у о. Леонида, пробыл у него два дня и имел с ним долгое собеседование. Воспользовавшись этой высылкой, о. Леонид назначил о. Владимира своим представителем в Риме. Он дал ему на этот счет ряд указаний. Ю. Н. Данзас была свидетельницей большой сердечности, с которой о. Леонид его принял и проводил. О. Владимир отслужил литургию у нее на квартире; она прислуживала, читала и пела. В его лице она впервые увидела одного из католических москвичей.

29 сентября о. Владимир сел на немецкий пароход, доставивший его в Штетин. Оттуда он отправился дальше, прибыл 2 октября в Берлин, а 6 октября был уже в Риме.⁵

⁵ Тут началась заграничная одиссея о. Владимира Абрикосова. Наличие крупных сумм в иностранных банках избавило его от материальных забот, во всяком случае на первое время, пока этот капитал у него не растаял. Немало испытаний всякого рода он встретил на своем жизненном пути. Много тяжелого за долгие годы изгнания пришлось на долю этого типичного москвича из именитого купечества Белокаменной. Пожалуй, самым трудным для него, и в то же время роковым, было остаться одному, без горячо любимой подруги жизни, без ее руководства, к которому он так привык и в котором нуждался. Правда, пока они переписывались, Анна

* * *

« Конечно, - писала Анна Ивановна княжне Марии Волконской, - отъезд о. Владимира - это удар для дела, и если бы это было на месяц, на два, но это минимум на три года... ».

Никто не учитывал в то время, что « зверь из бездны » воцарится на святой Руси на многие десятки лет и участникам Российской трагедии, тогда казалось что нужно как-то выдержать и продержаться « минимум три года »... Отсюда-то проистекала эта острая и слепая борьба латино-поляков и русских восточников за занятие позиций в *ближайшем* будущем. Но кто из них знал в те грозные дни, что *бич Божий*, ударивший по России, занесен уже и над Польшей и что скоро-скоро и ей придется дать ответ перед Богом?

Анна Ивановна нашла более разумным не « ломать спешно свою жизнь и отправляться неизвестно куда » подобно многим русским семействам, а оставаться у домашнего очага, терпеть и ждать лучших дней, положившись на волю Божию. Расстаться с о. Владимиром ей было, что и говорить, нелегко, но она понимала, что ему все-таки лучше покинуть Россию, в которой он, пожалуй, не долго бы выдержал. Не прошло и полугода, как она ему написала:

« Я должна сказать, что ежедневно благодарю Бога за то, что Он так чудесно и милостиво изъял Тебя отсюда ».

Ивановна не оставляла его своими советами и указаниями. Лейтмотивом их, конечно, была *святость*. Это слово фигурирует во всех эпитафиях, которыми она обыкновенно начинала свои письма-послания. « Помни, что Ты должен быть святым » - « Помни, кем Ты должен быть » - « Помни, что во что бы то ни стало Ты должен быть святым » - « Будь мужественный и радостный и молись как можно больше »... « Сосредоточиться, отдохнуть и несколько развиться внутренне, читать, приобрести знаний... Испить горькую чашу до дна и оставаться в центре. Очень дружить с иезуитами, они нам нужны, сейчас надо главным образом на них опираться и их перетянуть на свою сторону против поляков. Надо, чтобы они начали действовать в нашем смысле ». - « Очень и очень советую Тебе свести большую дружбу с иезуитами. Очаровать Дэрбины, Ледоховского... и как бы работать сейчас вместе с ними ». - « Повторяю еще раз: держи с иезуитами... » (далее вырезан целый отрывок) - « Важно, чтобы Тебя знали и для многих Ты можешь явиться необходимым апостолом, так как я уверена, что равного Тебе по Твоему опыту русских душ на Западе нет... ». Однако, начавшаяся было переписка вскоре трагически оборвалась. А потом так же трагически не стало дорогой о. Владимиру (« матушки Екатерины ») (доминиканское имя Анны Ивановны), светлую память которой он старался в течение последующей жизни увековечить, чем только мог.

На этом мы расстанемся с о. Владимиром, ограничившись сказанным, и не будем касаться его дальнейшей жизни в Европе, где он дожил свои последние дни в уединении и в воспоминаниях о прошлом.

« Что касается меня, - написала она княжне Волконской почти накануне отъезда о. Владимира за границу, - то я в полном смысле слова одна, с полуодетыми детьми, с разрывающимися на части сестрами, с юным, чудесным, святым, но таким молодым священником о. Николаем, который сам требует поддержки, с растерянными прихожанами, сама ожидая ареста, так как во время обыска забрали все наши уставы и правила... Мы здесь чувствуем себя щепками в руках Божиих, и куда нас унесет - не знаем, никаких планов, никаких предвидений, ничего... Надо жить чистыми актами веры, надежды, любви. А между тем дело идет, души присоединяются, община сестер растет, вместо шестнадцати нас уже ютится в трех комнатах восемнадцать, и за последнюю неделю к приходу присоединилось трое, а у о. экзарха, после двух иеромонахов, присоединяется какой-то ученый архимандрит ».

Сестры, действительно, день за днем, копошились, как муравьи в своем муравейнике; и работали, « разрываясь »... Одна из них давала уроки приходским детям, чтобы избавить их от посещения советских школ. В библиотеке сестры читали рукописные книги вместе с прихожанами, у которых по тогдашним условиям жизни в « красной » Москве или не было отдельной комнаты или же царивший в ней холод делал чтение невозможным. Почти все переводы католических авторов и переписка книг в нескольких экземплярах были сделаны самими сестрами. В общинной кухне кормили ежедневно до десятка буквально голодавших стариков и старух и кроме того давали обеды « бездомным » католикам, положение которых в Москве было тогда очень тяжелым. Сестры брали на себя и уход за больными прихожанами. К этому еще нужно добавить, что они же содержали своим трудом общину и на их полном попечении было около десятка детей, в том числе несколько сирот. Осенью 1922 г. стало особенно трудно, так как пять сестер было удалено со службы в государственном детском саду. Им поставили в вину, что они живут согласно религиозным убеждениям и, следовательно, по большевицким понятиям, их влияние на детей может быть вредным. Уволенные сестры были принуждены зарабатывать частными уроками и бегать целыми днями по городу, а вечерами делить с другими в общине физический труд.

Как ни жертвенна была такая жизнь, полная подвижничества, при условии, что все делалось не только по крайней нужде, захватившей тогда всех в тяжелой борьбе за существование, но главным образом, во имя высшей идеи, которой искренне хотели служить, - все же, подобные условия серьезно мешали монашеской жизни, к которой стремились многие из сестер. Наладить настоящее монашество, как *средство* для достижения *цели*, какую оно преследует, тут было нельзя, и естественно,

что общинная жизнь сестер не могла дать тех результатов, каких от нее в монастырских нормальных условиях можно было бы ожидать. Правда, сестры « разрывались », силясь делать все, что могли: утром и вечером читали свой доминиканский « официум »; положенное для этого время отдавали умной молитве и испытанию совести; уединившись в укромном уголке, практиковали « дисциплину » - т. е. самобичевание; - перед большими праздниками совершали сорокочасовое поклонение св. Дарам, повторявшееся периодически в особых случаях для предотвращения разных бед, грозивших общине (« Поставила сестер на 40 часов поклонения св. Дарам », - сообщила 23-Х-22 Анна Ивановна в письме к о. Владимиру); несли по очереди и ночное бдение перед св. Дарами. Однако, при самой доброй воле, ненормальные условия жизни, тяжело отражались на жизни сестричества. Кроме того, чтобы учесть это положение общины, нельзя упускать из виду отсутствие у них опыта, порядка, выработанного долголетней практикой, наличия уклада жизни, точно утвержденного монашеским уставом. Всего этого не могла заменить внешняя дисциплина, которую успешно насаждала и строго поддерживала в соответствии со своими взглядами на дело Анна Ивановна. Многое здесь отдавало импровизацией, исполнением взятой на себя роли. К сожалению, это приходится отнести прежде всего к той, которую сестры выбрали *старшей* и которая играла роль *настоятельницы*, усиленно стараясь быть их « *матушкой* ». Увы, суровый монашеский опыт, ей незнакомый, ясно говорит о том, что для этого мало одной доброй воли, здравого смысла и некоторой доли фантазии; чтобы стать *матушкой* - недостаточно быть по природе властной, даже « *самодержавной* ». Для руководства душами, да еще в таких исключительно трудных условиях, настоятельница должна иметь за собой *серьезную и длительную школу смирения, послушания, и самоотречения*. Переставить мебель в квартире, стать в новые отношения с любимым мужем, продолжая жить с ним бок о бок (хотя это и было тогда требованием условий жизни и дела), не значит еще возвыситься до *настоятельницы* - духовной *матери* сестер, ибо для этого необходимо самой быть духовно зрелой, настоящей *монахиней*. Чтобы обрести дар или просто способность работать над вверенными душами, нужно предварительно пройти немалый, нелегкий и для некоторых очень длительный и мучительный путь в монастыре. Мирским людям, судящим о незнакомой им духовной жизни по-мирски, это, конечно, может быть непонятно. Но все-таки, они могут согласиться хотя бы с тем, что и тут нельзя заменить личный опыт чтением хороших книг. Как увидим дальше, именно в этом было слабое место Анны Ивановны.

* * *

Изучением русских монастырей и сектанства, Юлия Николаевна Данзас была подготовлена к тому, чтобы выступить здесь в роли серьезного наблюдателя. Первые известия о московской общине стали доходить до нее уже ко времени ее перехода в католичество. От русских кругов она слышала только хорошее. Отношение же латинского духовенства было сдержанное; у нее даже создалось впечатление, что в латинских кругах при ней избегают говорить об общине. О. Леонид, бывая в Москве, всегда навещал Анну Ивановну. Он хвалил дисциплину, отмечал тишину, царившую в небольшом помещении, несмотря на присутствие в нем почти двух десятков сестер. Когда в Петербурге положили начало общине Св. Духа, о. Леонид просил прислать к нему сестру Хмелеву, чтобы наладить уставную жизнь, но Анна Ивановна отказала. Повидимому она была недовольна тем, что в Петрограде создается « параллельное дело », и с своей стороны выразила желание, чтобы Юлия Николаевна отправилась к ней в Москву. О. Леонид на это не реагировал и не сказал даже ничего Юлии Николаевне; она узнала об этом через Подливахино. Только раз о. Леонид как бы вскользь ей заметил:

— В сущности, может быть лучше было бы ехать на готовое дело...

Однако, осуществить это все равно было невозможно, даже при согласии Юлии Николаевны. У нее была на руках тетка, полуразбитая параличем; о. Леонид нуждался в ее помощи, а своим заработком и пайком она делилась с ним и общиной. В то же время Юлия Николаевна подчеркивает, что лично она, принципиально, не имела ровно ничего против переезда в Москву, и у нее не было никакого предубеждения против московской общины. Напротив, по всему, что ей приходилось слышать, она верила, что « жизнь там святая, полная духовного горения ». Летом 1921 г., когда ей предстояло воспользоваться двухнедельным отпуском, она сказала в разговоре о. Леониду, что было бы хорошо провести это время у Анны Ивановны и сделать там духовные упражнения, но он ей ответил:

— Нет, это не выйдет; Анна Ивановна хотела вас совсем заполучить, а так она не согласится.

У Юлии Николаевны, при ее любознательности, явилось желание узнать подробнее об общине, и она стала расспрашивать о. Леонида. Тогда она была уже его близкой сотрудницей, и он говорил с ней о делах откровеннее, чем в начале совместной работы. Из ответов о. Леонида Юлия Николаевна выяснила, что он знает об общине в сущнос-

ти только со слов Анны Ивановны, так как та не допускает его к прямому общению с сестрами.⁶

— И вообще, - сказал о. Леонид, - я в ее дела не вмешиваюсь, ведь она мне не подчинена.

Это удивило Юлию Николаевну.

— Как это может быть? Община восточного обряда и не подчинена экзарху?

О. Леонид немного смутился:

— Потому что они доминиканки и подчинены ордену.

— Разве у доминиканцев есть ветвь восточного обряда?

— Нет, но община была начата, как латинская, и только потом перешла в восточный обряд.

Юлия Николаевна продолжала и дальше настаивать:

— Кто же их канонически оформил? Кто собственно ими ведает? Доминиканец Амудрю? Может быть он имеет право визитатора?

— Нет, - ответил о. Леонид, - Амудрю тут не при чем, они прямо с Римом сносятся.⁷

Пытливый ум Юлии Николаевны был поставлен здесь перед вопросом, который она по свойствам своего характера не могла обойти. За дальнейшими разъяснениями она обратилась к о. Амудрю, но тот ей быстро и немного резко ответил:

— Я тут не при чем... я не знаю, чем они занимаются, а мать Абри-

⁶ 4-XI-1922 Анна Ивановна написала о. Владимиру: « Я сестер к о. Леониду не пустила, да и он сам понял (?), что этого не нужно и может выбить их из колеи (?) ».

⁷ Из переписки Анны Ивановны видно, что в Риме она сносилась тогда только с кн. М. М. Волконской и через ее посредство обращалась с личными просьбами к настоятелям ордена Доминиканцев. Вот примеры:

« Я прошу Вас очень, дорогой друг, все, что я напишу о наших сестрах, сообщить Père Henri Desgueyrons, если он еще жив, который принимал profession отца Владимира и мою 21 ноября 1913 года, а также и генералу нашего Ордена св. Доминика Rév. Père Theissling, который 19 февраля 1921 года, через митрополита Андрея дал отцу Владимиру право принимать в третий орден св. Доминика и управлять им. Попросите отца Генерала благословить работу сестер, которая вся идет на пользу св. Церкви и без которой, по свидетельству о. Владимира, миссия в Москве была бы невозможна » (18-III-1922).

« Дорогой друг, еще одна последняя просьба: дело в том, что 4 августа в день св. Доминика, Московская Доминиканская община празднует пятилетие своего существования и мне бы очень хотелось для одобрения (?) и поддержки сестер в их очень тяжелом подвиге получить для них благословение Генерала Доминиканского ордена. Может быть Вы бы прошли к нему и попросили бы для нас » (31-VII-1922).

косова не любит, чтобы вмешивались в ее дела, и так как никто меня на это не уполномочивал, то я и остерегаюсь этого.⁸

Еще больше удивило Юлию Николаевну то, что о. Леонид сообщил ей однажды по возвращении из Москвы:

— Анна Ивановна рада новому признаку божественной благодати, излившейся на ее начинания, а именно: у некоторых сестер начались экстазы; сестра сидит, спокойно разговаривает и затем тихо, тихо опускается на пол; все ее оставляют и потом ничего ей об этом не говорят.

Сам о. Леонид, правда, этого не видал и только передавал рассказанное ему Анной Ивановной. Юлия Николаевна читала как раз в то время сочинения св. Терезы (Испанской) и вдумывалась в ее поучения монашествующим. Все, что говорила в них эта святая, так мало подходило

⁸ Все же, в середине ноября 1922 г. о. Амудрю посетил Московскую общину, о чем Анна Ивановна сообщила 27-XI-22 о. Владимиру:

« На прошлой неделе нас посетил Амудрю, приехавший из Петрограда на несколько дней. Он, конечно, как полагается, ничего не знал о нас, между прочим возмущен экзархом (?), что о нас так мало говорят (!), а также возмущается на его общину (!), но все это делает очень хорошо (?); он вообще как-то необыкновенно нас понял и был очарователем. Сестры, повидимому, произвели на него хорошее впечатление, он бы хотел нас посещать и нами заняться, в смысле воспитания нас в доминиканском духе, он очень хорошо говорил о восточном обряде ».

Епископ Амудрю написал впоследствии, уже во Франции, очерк (« Les Dominicaines de rite slave de Moscou »), посвященный Московской общине. Об упомянутом посещении он говорит нижеследующее:

« В конце 1922 г. я посетил впервые доминиканскую общину матери Абрикосовой, отправившись в Москву по приглашению г. Лагранжа, делегата французского Красного Креста в России ». В нескольких строках он упоминает об обстановке, условиях жизни, хорошем впечатлении, которое произвели на него сестры, об авторитете, каким пользовалась Анна Ивановна; говорит он кратко, осторожно и касается всего довольно поверхностно. Свои впечатления он заканчивает так: « По их просьбе я написал Генералу Доминиканцев, о. Тисслингу, с которым был хорошо знаком, т. к. он около года жил у меня в Петербурге, чтобы исходатайствовать прием их общины в Орден. Ответ пришел быстро и был благоприятен их просьбе; это доставило им большую радость, т. к. они очень любили орден ». О своих следующих посещениях о. Амудрю упоминает лишь вскользь. Он вернулся в Москву в июне 1923 г. по приглашению д-ра Уольша. Заболев, был принужден остаться в Москве несколько месяцев, в течение которых имел не раз возможность сходить к сестрам или принять у себя Анну Ивановну. В дальнейшем рассказ еп. Амудрю повторяет краткое изложение, в сдержанном тоне, написанного об общине Новицкой. Чтобы правильно судить об этом весьма симпатичном авторе, нельзя упускать из виду, что Новицкая вошла терциаркой в Абрикосовскую общину из секты баптистов. Не удивительно, что иные стороны жизни и отношений не могли не показаться привлекательными лицу, прошедшему сектантскую школу, тогда как Юлию Николаевну, исследовавшую дух и особенности русского сектанства, они, напротив, отталкивали.

к тому, что она слышала теперь об общине, в особенности к рассказу об экстазах, поразившему ее больше всего. Св. Тереза решительно предостерегала молодых монахинь от экстазов. Будучи сама мистически высоко одаренной, она с удивительной трезвостью рассматривала их физиологическую основу, говоря, что если у молодых монахинь проявляется склонность к экстатическим моментам, то таких надо посылать на работу в сад или на огород, вообще, на свежий воздух.

Раз заинтересовавшись чем-нибудь, Юлия Николаевна не могла уже не довести своего исследования до конца. Личного опыта тут у нее, повидимому, не было или он был еще недостаточен для суждений в этой новой для нее области духовной жизни. Она делала здесь первые шаги и притом тоже в ненормальных и тяжелых условиях. Говорить на эту деликатную тему ни с о. Леонидом ни с о. Амудрю она не решилась и обратилась за разъяснением к женщине - своему другу и руководительнице, матери Мелании Яблонской,⁹ которой она очень доверяла. С ней Юлия Николаевна беседовала по этому вопросу « как на духу ». Ей было интересно услышать мнение Яблонской, которая в самых определенных выражениях осудила всякую склонность к экстазу у недоразвитых монахинь и разобрала патологическую основу таких явлений, считая их проявление отсутствием смирения, духовным грехом; в особенности она считала недопустимым культивирование публичных проявлений экстаза.¹⁰

⁹ Еще до революции, в Петербурге, на Васильевском острове, на 13-й линии, тайно обосновалась группа францисканок - филиал « *Missionaires de Marie* ». Они устроили мастерскую (шили белье). Сестер было сперва только три. Им, тоже тайно, в особенности от собственного мужа, (свободомыслящего радикала), покровительствовала жена французского посла Бомпара. Она обратилась по секрету к некоторым хорошим знакомым, в том числе к матери Ю. Н. Данзас, с просьбой поддержать мастерскую заказами. Отсюда и началось знакомство Юлии Николаевны с этими монахинями. После революции число сестер увеличилось до двадцати, и община стала быстро развиваться под руководством опытной и энергичной настоятельницы, матери Мелании Яблонской. Она работала наравне с сестрами, подавая им во всем пример. О. Леонид знал и очень уважал Яблонскую, считая ее образцовой настоятельницей и советовал Юлии Николаевне сойтись с ней поближе. Благодаря этому ей удалось познакомиться с жизнью и порядками в католическом монастыре. В лице матери Мелании, Юлия Николаевна нашла опытную наставницу в монашестве и во многом советовалась с ней, прибегая к ее руководству.

¹⁰ Много лет спустя, уже во Франции, в 1934 г., Юлия Николаевна имела случай снова затронуть этот вопрос в разговорах с настоятельницей и с наставницей послушниц доминиканского монастыря в *Frouille*. От обеих она, услышала то же самое. Ей сказали, что молодых монахинь надо успокаивать физической работой на воздухе и с такими явлениями бороться как с патологическим самовнушением.

На сказанном выше нет надобности задерживаться, ибо это должно быть понятно

* * *

· Вскоре после заключения о. Леонида в тюрьму, к Юлии Николаевне приехала присланная Анной Ивановной, как доверенное лицо, София Александровна Иванова, бывшая при ней на положении секретарши. Она была терциарка, но не жила при общине. Целью ее приезда в Петроград было ознакомиться с общиной Св. Духа. На Юлию Николаевну это произвело впечатление, будто у Анны Ивановны возникла мысль присоединить ее теперь к Московской общине. С. А. Иванова передала Юлии Николаевне приглашение при поездках в Москву, когда она будет навещать о. Леонида, останавливаться у них в общине. С. А. Иванова сообщила ей, что избрала Анну Ивановну своей руководительницей и является ее духовной дочерью. Юлия Николаевна не преминула возразить, что духовным наставником может быть только священник, но получила такой ответ:

— Это фальшивое понимание духовничества, так как дар духовничества принадлежит всякому лицу, облеченному благодатью, а таковым является Анна Ивановна!

В первый раз Юлия Николаевна поехала в Москву в июне 1922 г. и прямо с вокзала направилась на Пречистенский бульвар к Анне Ивановне. Та встретила ее ласково; тем не менее, первое впечатление от общины у Юлии Николаевны было неясное. В первом же разговоре с Анной Ивановной она услышала от нее, что Петроградская община Св. Духа не могла существовать далее, так как не имела от Бога той благодати, которая дана ее общине.¹¹ Слушая Анну Ивановну, Юлия Николаевна быстро пришла к заключению:

— Никогда не поступлю в эту общину.

На замечание Юлии Николаевны, что она любит латинский обряд, Анна Ивановна решительно возразила, что Бог ясно показал на развитии ее общины, чего Он хочет, какой обряд предпочтительнее; Юлия

всякому, кто более или менее знаком с духовной жизнью. Только незнанием и отсутствием серьезной подготовки можно объяснить ошибки, которые делала Анна Ивановна, допуская и поощряя подобные явления.

¹¹ Эту мысль Анна Ивановна однажды развила в письме к мужу:

« Иногда мне кажется, что то, о чем мы мечтали, это архаизмы, и остались православными только старики и отживающие сословия. Христос теперь в России хочет только отдельных жертв, идущих на полное заклание, вроде сестер. Так что мне кажется, теперь не время каких-то мер, а время только рыцарства и святости, а главное - жертвы и смирения. Послушание до крестной смерти и смирение - вот те две добродетели, которые я проповедую сестрам. Обедня и розарий - вот два средства победы, больше ничего не надо... ».

Николаевна сможет понять это только вступив в Московскую общину. Та ответила, что оказалась в восточной общине Св. Духа уступив настояниям о. Экзарха и епископа Цепляка, но в душе осталась латинянской и положительно не понимает, почему Бог должен предпочитать один обряд другому. На это Анна Ивановна стала возражать, что не даром, когда она переводит латинянок в восточный обряд, сестры именно в нем находят спасение, и Бог ясно показывает, что это - то и нужно, а тяготение к латинскому обряду - « просто снобизм »:

— Месса, месса! Одно слово это ненавистно! Люди говорят: пойдём на мессу, как пойдём на раут; считают, что это шикарно!

Юлия Николаевна холодно ответила:

— Меня трудно заподозрить в снобизме, в смешивании мессы с раутом; а человека вообще тянет туда, где он научен молиться. Для меня лично христианство стало понятно, озарило меня в римско - латинской форме, а восточный обряд явился для меня вопросом рассудка и целесообразности в смысле работы. Кто знает, может быть, тут говорит и мой латинский атавизм.

— Какой там атавизм, - резко сказала Анна Ивановна. Сестры Енткевич и Комаровская ¹² именно у меня узнали, что такое Церковь и что такое благодать.

Юлия Николаевна ничего не ответила и встала, чтобы уйти, так как ей хотелось спросить:

— Да поняли ли они здесь, что такое Церковь?

В следующие посещения, более близкое знакомство с порядками общины вызвало в Юлии Николаевне несколько неприятное впечатление. Обедала и завтракала она вместе с Анной Ивановной и обратила внимание, что сестры едят « какой-то гороховый кисель » (был Петров пост), тогда как Анна Ивановна не постилась (объяснила она это докторским предписанием вследствие болезни желудка). Прислуживающие сестры, подавая ей, становились на колени. Обстановка ее комнаты не походила на келью. Это была обычная спальная: большая постель, пуховики, взбитые подушки. Рядом с этим, сестры спали в общей комнате на полу; утром все убиралось, и комната превращалась в гостиную.

¹² Обе польки, католички от рождения. *Галина Енткевич* (ей было тогда 25 лет; она окончила естественное отделение высших женских курсов) отказалась выехать с родителями в Польшу и осталась в России, чтобы вымалывать ее спасение. *Мария Комаровская* (22 лет) посвятила себя работе в России, чтобы искупить взаимную ненависть России и Польши, как помеху соединению Церквей. Так по крайней мере написала о них Анна Ивановна в одном из своих писем к кн. М. М. Волконской.

В одно из воскресений Юлия Николаевна присутствовала на службе в домашней церкви общины. Все сестры были в форменных платьях - черная юбка, белая кофточка и черная короткая безрукавка, с непокрытой головой.¹³ Это показалось ей скорее похожим на женское учебное заведение, чем на монастырь, тем более, что многие молодые сестры были без чулок.

Юлия Николаевна обратила внимание, что Анна Ивановна во время службы не стоит с сестрами, а сидит в кресле в коридоре около двери в церковь. Присмотревшись ближе к быту общины, она убедилась, что Анна Ивановна вела жизнь, отдельную от сестер, и сама не подчинялась никакому уставу. Да и монашеского устава, по ее словам, у них в сущности не было, а имелось лишь « абсолютное, беспрекословное подчинение всякому велению настоятельницы, но без такого общего правила, которому сама настоятельница подчинялась бы наравне с остальными ». Юлия Николаевна невольно вспомнила, как мать Мелания Яблонская, разделявшая жизнь с сестрами, всем им подавала пример, даже мыла посуду наравне с ними. Тут, напротив, распределение времени у настоятельницы было совершенно свободно; она уходила на несколько часов, бывала у свекрови, делала покупки, визиты, как будто даже не считаясь несколько с распределением времени в общине. Положение сестер при ней напоминало скорее безропотных и неукоснительно преданных прислужниц. Особенно казались такими те из них, которые постоянно оставались в общине (не ходили на службу).

Среди совершенно необразованных, Юлия Николаевна нашла несколько хороших, смиренных, искренно верующих девушек. Особенно милое впечатление на нее произвела сестра-кухарка, Анна Кирилловна Давидюк (сестра Лукия), малограмотная, но хорошая, подлинно святая душа. Именно ее держали почему-то в « черном теле », говорили с ней повелительно, как в былое время с прислугой. Юлии Николаевне уда-

¹³ Новичка говорит в своем очерке о другой форменной одежде сестер (в 1923 г.): « Одеты они были (при отправлении в ссылку), как в церковь: в черных платьях, с белыми воротничками. Выглядели чисто, аккуратно, как всегда ». Она же, рассказывая о празднике Пасхи, который сестры встретили в том же году в тюрьме, незадолго до отправления в ссылку, отмечает, что « сестры оделись в свои лучшие белые платья ». В письме к о. Владимиру Анна Ивановна говорит: « Сестры носят кресты, это очень *красиво* и их хорошо выделяет » (4-ХІІ-22). - Эти кресты видел на них о. Амудрю. Вспоминая свое первое посещение общины, он упоминает, что сестры « носили на себе небольшой доминиканский крест, покрытый черной и белой эмалью ».

лось несколько раз заговорить с сестрой Лукией. Она нашла в ней « одну из чистых душ с настоящим монашеским призванием ».¹⁴

В общине строго соблюдалось молчание. Сестры его не нарушали, но Юлия Николаевна наблюдала, как они все время переговаривались по азбуке глухонемых. Ей казались забавными их длительные безмолвные разговоры с жестикующей. Возвращавшиеся со службы делились с подругами своими впечатлениями и новостями. Все они в большинстве были молодые девушки, некоторые довольно веселого характера. Однако в присутствии Анны Ивановны « все замирало, и на лицах изображался не только страх, но какое-то подобострастие ». « Опять, - говорит Юлия Николаевна, - невольно приходило на ум сравнение с общиной матери Яблонской, где сестры, наоборот, всегда спокойные, сдержанные, живущие внутренней жизнью, радостно оживлялись при виде начальницы; глядели на нее, как дочери на любимую мать, а не как ученицы на строгую учительницу ».

« ...Прихожане, человек двадцать, люди окружавшие Анну Ивановну, - по словам Юлии Николаевны, - вечно толпились в общине. Была непрерывная суতোлка, в которой сестры показывались с напускным безмолвием, со скрещенными на груди руками и с каким-то таинственным и торжественным видом ». Юлия Николаевна отмечает, что ей, « много изучавшей быт сектантов, бросалось в глаза сходство с духом и внешним обликом сектантской общины ».

О. Николай Александров просиживал долгие часы в своем рабочем кабинете настоятеля, принимая посетителей. По словам Юлии Нико-

¹⁴ Когда на праздник Покрова в 1922 г. все сестры, кроме одной, которая не могла ничего придумать, выбрали себе, по выражению Анны Ивановны, « девизы » (в числе их были очень высокие: « Потерять себя, чтобы обрести Христа », « На растерзание всем зверям, чтобы угождать Богу », « Все для других, ничего для себя », « Всегда и во всем и вся до конца », « Я вещь и раба старших » и т. п.), Анна Давидюк выразила свой « девиз » одним простым словом: « Слушаюсь ».

После разгрома Московской общины, ее выслали на три года в Тобольск, где она, по сообщению Л. Чеховской, была воспитательницей в детском приюте. Сестра Давидюк, по ее же словам, « обладала феноменальной памятью »; благодаря ей, сестры могли записать в своих тетрадах, под ее диктовку, доминиканскую службу, которую она знала наизусть. При отправке в Сибирь, у некоторых сестер эти тетради были отняты, но потом им удалось списать службу у тех сестер, у которых они уцелели при обыске.

По истечении срока высылки Анна Давидюк поселилась у себя на Украине в Ромнах. ГПУ старалось тем или иным путем закрыть местный храм. Прихожане боялись протестовать. Анна Давидюк мужественно ходила по домам и собирала подписи для протеста. ГПУ арестовало ее « за возбуждение масс на религиозной почве » и подвергло вторичной ссылке в Архангельскую губернию.

лаевны он держался перед Анной Ивановной как « запуганный школьник »; она « командовала им без церемонии ». Юлия Николаевна была свидетельницей, как она в недопускающей возражение форме приказала ему, вместо назначенного служения одному святому, отслужить другому. « Вопрос службы был у них запутанный. Службы являлись какой-то мешаниной западного, восточного и доминиканского обрядов. Так, вместо восточных святых, служили многочисленным святым ордена. Святому Доминику пели каждый день тропарь « Правило веры и образ кротости » (который полагается только святителям, а св. Доминик епископом не был). Всякая служба заканчивалась пением « *Salve Regina* », в русском переводе: « Радуйся Царице, милосердная Мати ». Каждый день сестры вместе с о. Николаем (« и тут настоятельница не было с ними ») читали розарий по западному образцу, но с заменой « *Ave Maria* » - русским « Богородице Дево ». - « Словом, - говорит Юлия Николаевна, - мешанина была такая, что привела в ужас ее, знавшую, как экзарх отстаивал чистоту восточного обряда ». Не было ничего « восточного » и в монашеских именах, которые Анна Ивановна давала сестрам. Тут у нее были: Имельда, Осанна, Магдалина (Мадлен), Тереза, Доминика, Мария-Вероника, Мария-Цецилия, Роза, Мария-Роза Лиманская, Екатерина Риччи, Екатерина Сиенская, Маргарита Венгерская, Гиацинта и т. д.

Однако, необходимо все-таки подчеркнуть еще раз, что виной всем внутренним бедам была тут не только неопытность и даже неспособность Анны Ивановны, о которой она же сама красноречиво свидетельствует со страниц своих писем (правда, в распоряжении автора только вырезки, предоставленные ему о. Владимиром), но и исключительно неблагоприятное влияние окружающей среды, в которой община думала было, по словам Анны Ивановны, « *стихийно расти* » под покровительством и защитой св. Доминика.

Как увидим дальше, последовавшая вскоре резкая перемена внешних условий заглушила в значительной мере нездоровые уклоны и на смену им вызвала к жизни здоровые начала, которые в общине были также заложены. Благодаря этому, в дальнейшем, на крестном пути Абрикосовских сестер, этот здоровый элемент возобладал над первыми, хотя отголоски и следы неправильного воспитания сказывались потом долгое время и выявлялись иной раз там, где их можно было меньше всего ожидать. Но об этом речь еще впереди.

* * *

Эту главу мы закончим тоже отрывком из предоставленных автору московских воспоминаний о. Дмитрия Кузьмина-Караваева, в которых он подводит итог своим впечатлениям:

« *На всех московских есть особый отпечаток* » - это наблюдение было сделано еще Грибоедовым и возражать против него не приходится. Различие двух средоточий, одного древнейшего *московского*, другого позднейшего *петербургского*, в течение всего девятнадцатого столетия отчетливо сказывалось и в истории русской литературы и в истории русской Церкви. Оно не могло не сказаться и еще будет долго сказываться и в истории русского католичества.

Успех московской общины и московского прихода, в известном смысле, был обусловлен в значительной мере этим московским средоточием и, в частности, тем обстоятельством, что и отец Владимир Абрикосов и матушка Анна Ивановна были москвичами до мозга костей, москвичами со всеми их достоинствами и недостатками.

Кроме того, в более глубоком смысле, московское католичество не могло не быть знаменательным, так как свидетельствовало о проникновении римской идеи в самую гущу древнерусского самосознания, но, в то же время, московский отпечаток, столь явственно сказавшийся в свойственном московской общине подходе к людям и к делу, не мог не быть значительным испытанием для петербуржцев. Для них, войти в этот малопривычный уклад, помириться с неожиданным и вместе с тем несомненным преимуществом московской настойчивости, которая могла казаться им узостью, и, в частности, позабыть о тех широких надеждах, которые легче зарождаются на берегах Невы, чем под сенью Ивана Великого, было более, чем не легко.

Нужно воистину удивляться тому редкому такту и внутренней сосредоточенности, которые позволяли покойному о. Экзарху удерживать равновесие между численно большим и, главное, внутренне сплоченным московским католичеством и, может быть, умственно более богатым, но зато разрозненным, разбросанным и метущимся петербургским »).

ГЛАВА VI

« КТО ИМЕЕТ МУДРОСТЬ, СОЧТИ ЧИСЛО ЗВЕРЯ, ИБО ЭТО
ЧИСЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ »

Заключение в Сокольнической тюрьме. - Отдых о. Леонида от тяжелой и ненормальной жизни на воле. - Спокойная работа в тюрьме и наблюдение отсюда за происходящим в России. - « Преддверие » к процессу Патриарха Тихона. - Ответ о. Леонида на новый призыв стать епископом. - Отзыв большевиков об о. Леониде и о восточном католичестве. - Последние сообщения, требования, завет и распоряжения о. Леонида из тюрьмы. - Четыре посещения Ю. Н. Данзас и ее намерение бежать за границу. - « Щекотливое поручение ». - Пятиминутное свидание Ю. Н. Данзас с о. Леонидом в Лефортовской тюрьме. - Новые условия заключения о. Леонида.

О. Леонид не скрыл от митрополита Андрея, что он молил Господа принять его жертву. В сущности, вся его самозащита свелась к обличению безбожного дела восставших антихристиан. Сам же он не шевельнулся, чтобы отвести руку палача, занесенную над его головой. Вопрос был только в том, нанесет ли она ему сразу смертельный удар или же возьмет мертвую хваткой, чтобы постепенно выжать все жизненные соки, подвергнув длительному мученичеству и постепенному умиранию.

О. Леонид не сделал и не сказал на суде ничего неблагоприятного, чтобы ускорить неизбежный конец, ибо это было равносильным вмешательству его воли в совет Провидения. Этим он поставил бы себя самовольно на тот путь, который его лично притягивал, но мог быть не тем, какой ему уготовал Господь. Нет, о. Леонид был далек от того, чтобы выбирать себе крест самому и по собственному почину взваливать его на свои плечи.

В силу этого о. Леонид выступил перед богоборцами на суде с кротким достоинством иерея, без слов говорившим, по примеру Учителя неправедному судье: « Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не дано было тебе свыше » (Ио. 19, 11).

Господь не хотел принять от о. Леонида простую краткую жертву. Он ждал от него много большего. Время сказать последнее слово: « свершилось! » еще не пришло для о. Леонида. Его земной путь был далеко не закончен. О. Леонид принял решение суда спокойно. Именно потому, что о. Леонид имел для этого большую благодать, ему не было

предопределено покидать наш мир преждевременно; напротив, одним своим присутствием в нем он должен был бороться со злом сверхприродным путем и длительным мученичеством искупать русский исторический грех, жертвой за который он удостоился быть. Последнее, впрочем, открылось о. Леониду много позже, уже на вершине его Голгофы.

Теперь же, на этом крестном пути, о. Леониду был нужен прежде всего отдых, как физический, так и душевный. Ему нужно было отдалиться от текущих дел, чтобы ориентироваться в происходившем и углубиться в понимание начавшегося великого похода на идею христианства. Такой отдых был ему предоставлен в Сокольнической тюрьме. Именно так принял о. Леонид тюремный режим, в котором отдых длился для него ровно столько, сколько положил Господь, ни больше ни меньше. О своей жизни о. Леонид написал откровенно владыке Андрею, не строя из себя « мученика » там, где он, по свойствам своей натуры, в действительности им еще не был. Он назвал свое тюремное заключение « quasi-мучением » и объяснил почему:

« Мы живем совершенно спокойно, в обстановке, с тюремной точки зрения, вполне приличной, выписываем газету, имеем книги и можем заниматься, а едим так, как на свободе и не думали есть.¹ Так что все наше мученичество сводится к лишению свободы, к необходимости жить в обществе воров и убийц и - самое главное - к лишению св. Евхаристии. Наша жизнь на воле была до того тяжела, ненормальна и ужасна, что тюрьма кажется нам тихим пристанищем и потому мы густо краснеем, когда читаем в случайно полученных польских газетах описания наших « мучений ». « Мученики » Сокольнического Исправдома - сытые, розовые физиономии, всегда довольные и веселые ».

Правда, не все заключенные были того же закала, что о. Леонид. Не все имели драгоценный дар Божий « быть всегда довольным ». Не все умели на каждом шагу, куда бы ни вел, твердить неизменно: « слава

¹ К концу 1922 г., когда начались первые аресты среди русских католиков, в Москве оставались еще четыре сестры Францисканки (терциарки), все польки. Они ютились в небольшой квартире, неподалеку от Сокольнической тюрьмы. Квартира их сделалась своего рода « главным штабом », куда обращались все заинтересованные судьбой восточных католиков. К ним стекались почти все пожертвования, главным образом продуктами. Однажды и Ю. Н. Данзас сдала здесь деньги, доставленные ей из Финляндии для о. Леонида. Сестры-францисканки готовили у себя пищу и безбоязненно разносили ее заключенным по тюрьмам. Душой этого начинания была сестра *Саломия*, отличавшаяся особым самоотвержением. В принятом на себя подвиге, она, по свидетельству Ю. Н. Данзас, « положительно горела перед Богом ». Имя ее должно быть особо отмеченным на этих страницах.

Богу за все!» Некоторым было очень трудно, и о. Леонид тоже этого не скрывал. «Бедный Эйсмонт сошел с ума». - «Франциск Рутковский явно тупеет и превращается в ребенка». О. Леонид относился с искренним сочувствием к «дорогому Юневичу»:

«Он, правда, мужественно переносит заключение, но его молодые нервы расшатываются, хотя благодать Божия, конечно, поддерживает его и не допускает до каких-либо проявлений малодушия».

Епископа Цепляка не было здесь. Его держали отдельно от священников в Бутырской тюрьме. Ходили слухи, что ему хотели поставить в вину еще какое-то дело, касающееся нелегальных сношений с иностранцами.

Самым серьезным для о. Леонида был вопрос, как служить обедню в тюремной обстановке. Он надеялся, что это все же удастся и облегчит положение заключенных, вошьет в них новые силы. Митрополит Андрей разрешил ему служить в самой простой обстановке; однако, и эти условия оказались невыполнимы, так как все сидели вместе в общей камере.

* * *

Первым делом о. Леонида в тюрьме было воспользоваться возможностью написать митрополиту Андрею, уведомляя его обо всем, чтобы «различные сенсационные сообщения большевицких газет и их заграничных подголосков не ввели в заблуждение»:

«Из советских газет, конечно, правды узнать нельзя; все тенденциозно перепутано и представлено в том виде, как это нужно для одурманивания несчастного народа.

Я хочу дать Вам представление о психологической и провиденциальной стороне процесса, сделавшей то, что он, как я думаю, послужит только к большему торжеству св. Церкви.

Уже самый внешний вид сделал многое. Среди латинских сутан и бритых лиц выделялась моя ряса и борода, вызывая всеобщее недоумение: что же это такое? Значит и такие католики бывают? Стоустая молва, через газеты, пронесла теперь в самые укромные уголки России отголоски процесса, а вместе с тем и рассказы о русской католической Церкви и об ее Экзархе. Это теперь уже неотъемлемый исторический факт. Так как я уже знал, что мы обречены заранее и что ни о какой справедливости на суде не может быть и речи, то постарался только с честью выйти из создавшегося положения. Мои резкие ответы и моя защитительная речь вызвали восхищение среди многих присутствовавших, в особенности же католиков-латинян. Некоторые говорили, что они целовали те места в газетах, в которых попадались мои слова.

Теперь уже всякие старания опорочить нас в глазах латинян, как каких-то полусхизматиков, будут тщетны, ибо самой яркой католической фигурой на суде был я (наиболее сильно говорили Хветько и Ходкевич, но все-таки не произвели такого впечатления). Фраза, сказанная мной в защитительной речи, что « хотя мы и подчиняемся советской власти вполне искренно, но смотрим на нее, как на наказание Божие за наши грехи », вызвала сенсацию и ходит по всей Москве. Все это я считаю в высокой степени провиденциальными поощрениями божественной Премудрости. Я только сожалею, что не подпал под смертный приговор и что мне не удалось разделить славной участи бедного, а отныне блаженного о. Будкевича.² Вы, дорогой Владыко, поймете меня, потому что сами постоянно молитесь Богу о ниспослании Вам мученической кончины. Но да будет воля Господня: придется снова тянуть нудную жизненную лямку!...

Затем, наш процесс « поставил все точки над *i* », показав, что ни о какой свободе совести в нашей Совдепии не может быть речи. Это почувствовали теперь все. Как в самом обвинительном акте, так и в речи прокурора Крыленко, уже была подчеркнута полная идентичность между атеистическими заданиями коммунистов и самого правительства. С сатанинской злобой, захлебываясь от бешенства, он кричал, что Церковь и советская власть - это антиподы и ужиться вместе они не могут. Всякая проповедь с церковной кафедры против атеизма есть уже « политическая контрреволюционная агитация », так как атеизм есть основа коммунизма. Когда же в моей речи, постоянно прерываемой, я, наконец, в упор спросил, обращаясь к прокурору: « что же будет с детьми, лишенными религиозного руководства, к восемнадцати годам? » - он только злорадно улыбнулся и с удовольствием стал потирать руки. Ничем не скрываемое сатанинское торжество! Красиков стоял за председательским столом и тоже злорадно смеялся. Поэтому, когда мне было предоставлено последнее слово, то я резко отказался, заявив, что считаю его ненужным ввиду того, что в России нет никакой свободы совести. Эту пилюлю они проглотили молча.

Выяснилось также их отношение к идее соединения Церквей: они боятся его, как черт ладана. Она представляется им только, как общий

² Ходатайства, поступавшие из за границы в пользу осужденных по делу епископа Цепляка были такого характера, что большевикам пришлось даже отсрочить исполнение судебного приговора. Опасаясь, что в силу настоятельных ходатайств они будут вынуждены смягчить приговор, вынесенный о. Будкевичу, большевики вывели его в Пасхальную ночь (приходившуюся в тот год по грегорианскому календарю на 31 марта) в подвал тюрьмы и там убили револьверными выстрелами.

политический фронт против большевизма. Мои десять лет тюрьмы я получил именно за это. Охарактеризовав меня как фанатика, идущего « на пролом » против советской власти, прокурор заявил, что « мой фанатизм » не может смягчить моей участи. « Это он, - закричал он, указывая на меня патетическим жестом, - собирал вместе православных и католиков для противодействия советской власти! Это он устраивал общий фронт против коммунизма! » Таким образом, прокурор выдвинул против меня то, чего не было и в самом обвинительном акте.

Что касается дела Будкевича,³ то и тут есть нечто, как мне кажется, провиденциальное. Конечно, никакой контрреволюции покойный не замыслил и замысливать не мог. Нам пришлось краснеть, когда на суде был прочитан меморандум Чичерина о преследованиях польским правительством православных и униатов в Польше, чем большевики всегда пользуются, как громоотводом, когда дело идет о преследовании католиков большевиками.

Нашим русским общинам приходится жить жизнью катакомб. Я предписал собираться в тесные кружки и совершать тайные молитвы, а также вести беседы. Отдал распоряжение учить родителей пространному катехизису, с тем, чтобы они сами учили детей, ибо священникам это запрещено, о чем совершенно открыто выразился суд. Наши в Петрограде держатся хорошо, а в Москве даже процветают (число присоединяющихся увеличивается). Интересно то, что присоединения здесь и в Петрограде увеличиваются по мере возрастания преследований Церкви! Явный знак благодати Господней!

В Сокольниках сидят два епископа: Борис Рыбинский и Ювеналий Калужский и с ними около 20 священников. Отношения у нас с ними самые лучшие. Я настроил моих латинян, и ни одного резкого слова не вылетает из их уст. Я постоянно спускаюсь к ним в первый этаж и они меня принимают как своего. В особенности епископ Борис склонен к соединению. Думаю, что удастся посеять не одну горсть добрых семян. И находясь в тюрьме, я могу кое-что делать и даже немного управлять экзархатом ». (25-4-1923).

В своем заключении, о. Леонид имел возможность действительно

³ О. Будкевич ожидал, что может быть арестован в любое время. Как и большая часть католического духовенства, он в то время редко ночевал дома и никогда не оставлял на квартире никаких документов. Однажды, зимой 1922 г., случилось так, что делали обыск как раз в том доме, где ночевал Будкевич. Самому ему удалось спрятаться, но его портфель с документами и тетрадкой, где были записаны протоколы собраний, секретарем которых он был, и фамилии участников, попали в руки чекистов.

следить за происходившим в России и во всем мире. Два обстоятельные доклада, которые он передал о. Эдмунду Уольшу, (представителю католической миссии помощи голодающим), для передачи в Рим, чтобы осведомить подробно св. Престол, являются, может быть, лучшими из всех написанных о. Леонидом. Тонкий, глубокий анализ, обоснованность высказанных суждений, обстоятельная документация, объясняющая и оправдывающая каждый шаг, сделанный о. Леонидом, каждое сказанное или написанное слово, блестящая форма изложения, все это еще ждет достойной оценки. Если в целом изложенное им имеет и в наши дни немалое значение для специального исследования зародыша и начального периода того строя, который вот уже столько лет, как утвердился в России, то о самом о. Леониде эти отчеты говорят еще больше. Они дают возможность не только до конца понять его мировоззрение, но также найти в них материал для изучения его апостольской работы в этот переходный период русской истории. Однако, как ни интересны эти страницы для возможного прославления Церковью о. Леонида, все же они не вмещаются в рамки нашей повести о нем. Мы можем здесь их только отметить, продолжая и дальше следить за каждым событием его трагического жития, которое теперь все быстрее и быстрее приближается к развязке.

* * *

« События идут очень быстрым темпом », - заметил однажды и сам о. Леонид. Он внимательно читал газеты, его навещали прихожане и близкие и приносили ему сведения о происходившем в мире. Пожалуй, правильнее было бы сказать, что о. Леонид умел удивительно извлекать суть дела из всего, что становилось его достоянием. Пережитый недавно процесс научил его самого очень многому. Он понял, что это было только преддверие к еще большему - процессу Патриарха Тихона. Собор « Живой церкви » был не более, как пробным шаром для будущего суда. О. Леонид легко уловил замысел антихристианского стратега, понял, куда и как « зверь из бездны » ведет свое дело, и ясно увидел, кто и что мешает ему. Психологически, это было довольно запутано. О. Леонид снова взялся за перо, чтобы поскорее обрисовать эту картину митрополиту Андрею:

« Необычайный взрыв возмущения во всем мире по поводу нашего процесса заставил большевиков остановиться. Не чувствуя под собой достаточно сильной почвы для осуждения Патриарха, большевики решили, чтобы его сначала дискредитировал собор и лишил сана. После

этого было бы уже легко судить патриарха гражданским судом просто как «Василия Белавина» (мирское имя и фамилия Патриарха), от которого якобы уже отвернулась православная Церковь, и, как Пилат, умыть руки перед народом. Была развита бешеная агитация, чтобы по городам и селам, по фабрикам и казармам, сам «народ» осудил Патриарха, как «контрреволюционера». Газетные столбцы скоро запестрели известиями, что либо какой-то сельский сход, либо приходское собрание, либо рабочие на фабрике и т. п. вынесли порицание Патриарху, требовали его отлучения от Церкви и даже гражданского суда над ним, как над государственным преступником, а не только как над святителем, нарушившим церковные каноны. Все это, конечно, одна сплошная комедия, бесстыдная инсценировка общественного мнения. Происходит это по указке ГПУ. Например, в село является представитель этого милого учреждения и дает понять трепещущему и загнанному настоятелю прихода, что он должен признать ВЦУ, иначе ему будет плохо... В подавляющем большинстве он добивается согласия иерея. Затем агент ГПУ внушает ему необходимость выразить открытое порицание Патриарху. Собирается церковное собрание, на котором агент, накричав всякой чепухи на Патриарха, требует «порицания». Кто не поднимет руки или осмелится возразить хоть что-либо, тот объявляется контрреволюционером. Бедные мужики, внутренне проклиная нахалов, не протестуют. Обычные крикуны из подонков крестьянства, ничего не имеющие за душой хулиганы, составляют на таких собраниях «глас народа». Иногда всю эту подлую агитацию ведет поп «живец» (т. е. принадлежащий к «Живой церкви»), опирающейся на агентов ГПУ, готовых, как прежде жандармы, сейчас же самым ощутительным способом доказать истинность нового церковного направления.

Ко времени моего отъезда в Москву на процесс, в Петрограде насчитывалось почти 50 автокефальных церковных общин, с храмами и причтом, подчинявшийся епископу Николаю (которого не надо смешивать с его антагонистом, архиепископом Николаем Петроградским, представителем «Живой церкви»); теперь этот последний на покое). Некоторые священники, сначала подчинившиеся ВЦУ, приходили к Николаю и калялись, прося принять их в число автокефалистов. Одним словом, «Живая церковь» затрещала в Петрограде по всем швам. «Живцы» завопили в ГПУ, посыпались ложные доносы на автокефалистов и в две недели все было кончено... Епископ Николай сослан в Хиву, а несколько десятков священников-автокефалистов были разсланы по разным местам или запрятаны в тюрьмы. Теперь, как я слышал, уцелело только 3-4 церкви. То же самое происходило повсюду,

причем не было границ самому грубому произволу. Например, иногда прихожане просто прогоняли попа « живца », который являлся к ним от имени ВЦУ, и требовал, чтобы храм и приход были переданы ему; тогда « живец » возвращался с милицией и « истина » торжествовала...

Чем ближе подходило дело к открытию собора, тем более наполнялись тюрьмы священниками, не пожелавшими продать свою совесть. Все это делалось для того, чтобы обезопасить собор от возможности появления на нем оппозиции. И теперь еще, например в Москве, тюрьмы набиты священниками и епископами, повинными только в том, что они не хотят признавать нового церковного строя. То же самое можно видеть и в провинции.

Самый собор был в одно и то же время и комедией и гнусным зрелищем, показавшим страшное моральное разложение этого духовенства. Собралось около 420 человек духовных и мирян, а среди них 52 епископа. Однако, несмотря на то, что ГПУ тщательно фильтровало выборы на собор, человек около пятидесяти, увидев в чем дело, покинуло собор и было в большинстве немедленно арестовано. Остальная банда в первую очередь занялась разбором дела о Патриархе. В один день был « единодушно » произнесен над ним приговор о лишении его сана и монашества и о возвращении в « первобытное состояние » (« гражданин Василий Белавин »).

Следующими « реформами », проведенными на соборе, были: введение нового стиля, признание за епископами права быть женатыми, разрешение вдовым священникам жениться и, наконец, торжественное восхваление советской власти, которая, якобы, на практике, более осуществляет идеалы христианства, нежели сама Церковь, которая де поклонилась не Христу, а « Рокфеллеру ». Самый махровый негодяй поп Красницкий, агент ГПУ, провокатор и предатель, получил сан « протопресвитера православной церкви », а Александр Введенский сделан « архиепископом Крутицким » (этот сан имел всегда великий викарий патриарха). Председателем собора была личность особенно гнусная: некий Петр Блинов, « митрополит всея Сибири », бывший протоиерей (женатый). Этот жулик перекрашивался во все цвета и служил то Временному Правительству, то Колчаку, то большевикам. Он вел сильную кампанию в пользу женатых епископов. Эти господа, с двумя десятками подобных себе шкурников и карьеристов, вели все дело. Дирижерская палочка находилась в руках Красницкого. Остальная братия представляла из себя забитую жалкую массу, готовую поклониться хоть деревянному болвану, ради своих « животов » и семей. Раблепство перед властью дошло до таких размеров, что к Ленину

была отправлена особо сочувственная телеграмма с пожеланием ему скорейшего выздоровления. Собор начался 29 мая и продолжался 5-6 дней. Соборная депутация отправилась потом к Патриарху, чтобы объявить ему приговор. Этот последний заявил, что он не помнит, чтобы давал свое согласие на собор и потому считает его незаконным сборищем и отказывается признать его действия правомерными. Как я слышал, под заявлением он подписался так: «Тихон, Патриарх Московский и всяя России». Ведь нельзя забывать, что от патриаршества он никогда не отказывался, а только временно устранился от него впрямь до решения законного собора. Опыт с собором большевикам очевидно не удался: народ относится к нему в подавляющем большинстве пассивно и враждебно, несмотря на то, что пока еще собор не предпринял никакой богослужбной реформы.

Предполагалось судить Патриарха сейчас же после собора, но ввиду слабого впечатления, произведенного этим сборищем подлецов и кретинов, суд был снова отложен. Стало ясно, что расстрелять Тихона не так-то легко. Вместе с тем большевики великолепно поняли, что «живцы» преданы им только до первой беды и перевернутся моментально при перемене правления, даже при простом ослаблении его. Все это вместе взятое заставило отложить процесс Патриарха Тихона на полгода. Патриарх попрежнему живет в Донском монастыре, получает массу подарков, выходит к народу и благословляет его.

Пока же большевики стараются эксплуатировать представителей «Живой церкви». Вместо обычного ВЦУ, они назвали свой «синедрион» так: «Высший Церковный Совет Российской Православной Церкви». Большевики заставили этот Церковный Совет написать письмо к Архиепископу Кентерберийскому, представляющее из себя верх бесстыдства и подхалимства перед властью. Таким образом, пока что, новая церковь будет моральным рупором большевиков, чтобы при ее помощи отклонить от себя всякие обвинения и преследования религии. Конечно, это только обычный, наглый прием, но при отсутствии свободы печати и слова, много дураков гипнотизируется подобными выступлениями. Нужно поэтому всемерно распространять за границей настоящие представления о нашей «религиозной свободе».

«Живая церковь», конечно, не имеет никаких корней в народе. Однако из этого нельзя заключить, что храмы «живцов» будут пустовать. Только наиболее сильные и энергичные люди будут выдерживать «катакомбную обстановку», при которой придется теперь служить тайно по квартирам, чердакам и подвалам. Немногие выдержат такой режим, при котором аресты, тюрьмы и ссылки будут обычным явле-

нием. И если будущие заседания собора, который снова откроется, кажется, осенью, оставит в покое обряд и общественно-религиозный быт, не произведя над ним никакой радикальной операции, то народ, в общей своей массе, свыкнется и с новым церковным строем. Если останется тот же храм, с теми же иконами, пением, диаконом и т. п., то чего же нужно больше для добрых 70% верующих?

На соборе новая « красная » или « живая » церковь была представлена тремя главными характерными группами:

- 1) собственно « Живая церковь », возглавляемая Красницким;
- 2) группа « Возрождения », возглавляемая Антонином;
- 3) « СОДАЦ » (« Союз Общин Древне-Апостольской Церкви »), которым руководит теперь Александр Введенский, вновь назначенный « Архиепископ Крутицкий ».

Когда-то игравший большую роль, вместе с Красницким, Иоанн Альбинский сошел совсем на нет и управляет какой-то епархией. Кроме этих трех групп есть еще несколько малых течений, но большого значения они не имеют. Возможно, что одно из этих течений - « Свободная трудовая церковь » в скором времени делается особой сектой. « Живцы » сначала хвалились, что на их соборе будут и представители православного Востока, но теперь что-то замолчали... » (16-V-1923).

Пребывание в тюрьме, в связи с пережитым недавно и происходившим в советской России, создало благоприятные условия и для того, чтобы мысленно углубиться в будущее русского католичества. О. Леонид верил в него, верил, что оно ведет к завершению русской истории вхождением России во Вселенскую Церковь. Он был убежден в конечном торжестве своей миссии, но от него было закрыто еще, в какой мере ее путь - крестный. Он не видел еще размеров той жертвы, какую предстояло принести как за вековое разделение так и за дело Единения. О. Леонид не мог тогда, конечно, учесть, что ему придется самому пережить и увидеть своими глазами, полное внешнее крушение той задачи, какую он в свое время принял на себя, и что это трагическое завершение дела его жизни совпадет как бы символически с его физической смертью. О. Леонид не предвосхищал еще всего значения того крестного пути, в конце которого он, подобно « пшеничному зерну, падшему на землю, должен был умереть, чтобы принести много плода »... Но, без сомнения, ему было ясно, что *любовь и правда Божию* положены в основу этого пути, на который он стал не колеблясь.

О. Леонид, несомненно, знал, что « народы даны в наследие Ему и пределы земли во владение Ему ». Он не мог сомневаться, что Господь, в свое время, поразит восставших « жезлом железным, сокрушит их,

как сосуд горшечника » (Пс. 2). Но когда это будет и как, о. Леонид не мог знать тогда, так же, как и мы все еще не знаем теперь. Он не мог в своих умозрениях предусмотреть всю глубину « тайны Вавилона », хотя он и не сомневался, что падет « Вавилон, великая блудница, жилище бесов и пристанище всякому нечистому духу, ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы » (Откр. 18, 2).

Но когда падет Вавилон, как? Это тайна, и все, пытавшиеся проникнуть в нее, не успевали в этом. О. Леонид видел из Сокольнической тюрьмы только начало многолетней трагедии, в оценке которой он не ошибался. О. Леонид верил, что восточное католичество, которому он учил свой народ, восторжествует, и что в нем лежит завершение его истории. Но когда это будет и как, он не знал. Откровения о том, чему на святой Руси « надлежит быть вскоре », о. Леониду не было дано, и всего пути, ведущего к этому, он не видел.

* * *

Думая (в человеческом плане) о дальнейшей судьбе восточного католичества, о. Леонид полагал, что в ближайшем будущем русским католикам будет нужен восточный епископ. Отсутствие его являлось их слабым местом. И в то же время о. Леонид сознавал, что принять на себя эту ответственность, при всей своей жертвенности, он не способен. Он старался оправдать себя в этом, приводя, как казалось, веские доводы. В тишине своего подневольного отдыха, он снова коснулся в письме к владыке Андрею этого больного вопроса, стараясь высказать ему со всей убедительностью то, чего не удалось выразить до сих пор:

« У меня, как я в этом убедился на практике, нет самых существенных свойств, необходимых епископу; у меня, к сожалению, нет духа отеческой любви к моим верным, мало духа молитвы, нет твердой и непреклонной воли проводить мои реформы, нет широкой инициативы, нет прозорливости и знания людей, умения не только « вести свою линию », но и внушать ее другим. У меня нет никакого организаторского таланта и любви к человеческому обществу. Про меня говорят совершенно справедливо: « он мученик, но не организатор », в том именно смысле, что я бесконечно вынослив и терпелив, но не умею заставить окружающих меня проникнуться моими идеями.

Как я благодарю Создателя, что Вы удержали тогда свою десницу и не возложили ее на меня. Дорогой Владыко, я не принадлежу, как Вы знаете, к тем лицемерно-скромным субъектам, которые, заявив с воплем и рыданием о своем недостоинстве, потом « смиренно » подставляют под омофор « выи свои ». Я человек здравого и сухого рассудка,

который заставляет меня серьезно относиться ко всякому делу, а в особенности к делу св. Церкви. Если я - хороший проповедник, обладаю детальным знанием Восточной Церкви, умею хорошо служить и ощущать дух нашего обряда, если я терпелив и умею гнуться во все стороны, если я развиваю иногда очень большую энергию, защищая Церковь, и не щажу на это сил и здоровья, - это еще не патент на епископство. Все это с успехом может делать любой священник. Вам скажут о моей любви, будут превозносить мою кротость и терпение, даже будут говорить о моем умении проникнуть в душу человеческую, но все это только мои отдельные усилия, *virtus ex necessitate*, усилия, которые не укладываются в мою сущность; все это только маска, надетая на время, чтобы выждать, пока не придет настоящий человек, которому я со вздохом облегчения смогу передать тяжелое бремя. Я строго проверил себя и пришел к убеждению, что «рожденный ползает, летать не может». Я усиленно старался копировать Вас, и у меня ничего не вышло; как говорится, у меня «не хватило пороху». Я не могу работать самостоятельно, я, может быть, идеальный исполнитель чужих поручений, но не творец; я овладел западной мыслью и ясностью, но дряблая восточная натура крепко засела во мне и не поддается никаким воздействиям. Келья, книга, спокойные стояния на клиросе и бесконечные службы, а прежде всего - одиночество и удаление от людей - вот та атмосфера, где я чувствую себя, как рыба в воде. Соединить же апостольскую жизнь с созерцательной, я не могу.

Самое тяжелое для меня - это люди. Я их люблю только потому, что этого хочет Господь, или вернее, стараюсь их любить, но мое сердце глухо... Жизнь, а тем более современная, для меня один сплошной кошмар. В эти тяжелые годы, я, разбитый и измученный, вместо того, чтобы лечь спать, садился иногда в кресло и в полной тишине просиживал 2-3 часа и наслаждался своим уединением. Я сознавал себя совершенно отрезанным от мира, ни о чем почти не думал и смотрел на лик Христа, озаренный тихим светом лампы. И так хотелось куда-нибудь уйти, исчезнуть навсегда, чтобы не слышать и не видеть всего окружающего, погрузиться в nirvanу небытия, заснуть тихим сном и более не просыпаться: «все суета и томление духа!» Какая страшная правда!...

Епископу, да и вообще всякому начальнику, нужно, как говорится у нас, «уметь постоять за себя», выработать в себе «определенную физиономию», иметь должную и приличествующую его сану осанку. Как я ни старался иногда «напускать на себя» начальственный тон и вид, но все это, как и всякое искусственное подражание природе, скоро улетучивалось, я не выдерживал до конца своей роли. Здесь надо одно

из двух: или родиться начальником (как, например, Вы, несмотря на свою мягкость), или выработать в себе начальника; у меня нет ни того, ни другого.

Для России в качестве епископа нужен теперь святой, исполненный *gravitate sacerdotali*, прозорливый, твердый, умеющий внушать к себе уважение. Вот почему, дорогой Владыко, не сердитесь на меня и не думайте, что я отказываюсь из-за малодушия. Протянуть несколько лет, в качестве экзарха, я еще кое-как сумею, но принять на себя такую громадную ответственность, т. е. быть первым восточным католическим епископом в России - это выше моих сил, да пока еще можно обойтись без епископа. Простите, что так много уделяю на этот раз внимания своей личности, но считаю это необходимым в виду серьезности положения.

Наконец, подумайте о том, кто же будет специалистом по католической апологетике в России? Куда попадут приготовленные мною труды? Потребность в книгах теперь колоссальная; я убедился по опыту, что 95% русского клира могут читать только русские книги. Скоро ли появятся молодые силы, которые будут в состоянии делать эту работу, требующую не только школьных знаний, но еще больше, опытности и длительной подготовки? А эта работа нужна теперь же, сейчас. Ведь сделавшись епископом, я буду принужден, волей-неволей, увеличить интенсивность моей молитвенной жизни и духовных подвигов и думать тогда о больших литературных трудах будет невозможно. Я не обладаю таким большим талантом, чтобы соединять и то и другое (ведь даже Вы не можете этого сделать!) ».

Как хорошо высказаны о. Леонидом в этих строках (здесь собраны в одно целое несколько отрывков из большого письма): и смиренная добросовестность, с которой он старается убедить митрополита Андрея, что у него нет нужных данных для того, к чему его Господь, повидимому, вовсе не призывал и что к тому же стало теперь, ввиду уже близкого конца, даже бесцельным; и та простота, с которой он толкует о том, что мог бы еще сделать на ниве Господней; и трогательное признание в том, что именно его влечет, в чем он находит радостный отдых от житейской суеты, от которой ему, усталому труженику, так хотелось бы подальше уйти.

Повод высказаться столь обстоятельно дал ему сам же владыка Андрей. Правда, он не принуждал о. Леонида к епископству, надеясь, что Господь укажет в свое время, как тут быть, чтобы в конце концов, решить этот вопрос. Но в то же время, на возражения о. Леонида, он отвечал лаконически: « *ut exarcha fiat episcopus* », ибо другого под-

ходящего кандидата митрополит Андрей, хорошо знавший и понимавший людей, тогда не находил.

Между тем, и владыка Андрей, в своем желании видеть о. Леонида епископом, и он сам, в своем отказе от епископского сана, были, повидимому, оба правы, каждый по-своему. Необходимость иметь экзарха в епископском сане о. Леонид хорошо понимал. Однако, он также чувствовал что может быть проповедником и мучеником, но не организатором и начальником. Двух последних даров у о. Леонида действительно не было в достаточной мере, чтобы с чистой совестью принять епископство. Его призванием было, надо думать, прежде всего - исповедничество.

Кроме того проповедник восточного католичества, в лице о. Леонида, должен был не только раскрыть, так сказать, изъяснительно, словом и делом, то, что нужно для обращения России и русских, но и показать на себе, страдательно, то, чего, ради этого обращения, нельзя никак допускать (независимо от того, исходит ли это просто от непонимания и недомыслия, близорукости плохих церковных политиков или же питается явно злой волей; практически это безразлично в отношении результатов, к которым то и другое приводит). Епископский сан, в силу положения, какое он дал бы о. Леониду в нормальных условиях, не позволил бы выявиться с такой отчетливостью противодействию, исходившему с разных сторон и в силу различных причин, как скромное протопресвитерство, которое, не умаляя огромной задачи Российского Экзарха, в то же время меньше его защищало. Кроме того, будь о. Леонид епископом, никогда не открылось бы с такой убедительностью, что он, действительно не искал ничего для себя, ни положения, ни выгоды, ни личного удовлетворения. Он был в праве сказать в 1922 г., что

« экзарху Российскому, протопресвитеру и протонотарию Апостольскому, приходилось в 1918-1919 годах голодать до того, что тряслись руки и колени, и приходится до сих пор рубить и колоть на дрова дома и барки, быть молотобойцем в кузнице, возить тачки и сани с мусором и поклажей, разрабатывать огороды и дежурить на них по ночам. Только милостью Божией могу я объяснить себе, что еще не умер или не приведен в полную негодность, несмотря на анемию и подагрический ревматизм, который грызет меня, как крыса старое дерево. Если бы не добрые души из среды моих прихожан и некоторых латинян, то я не знал бы даже во что мне одеться и обуться и как поддерживать церковную ризницу ».

Пределом личных желаний о. Леонида в земной жизни, по его-же словам, была тихая келья, спокойное стояние на клиросе и длинная

восточная служба ... одиночество ... во тьме тихий свет лампы у лика Христова. Но то, что жаждал на земле о. Леонид, было ему дано, *хотя и по - другому*, вкусить в последние дни земной жизни, когда он, своим подвигом « почти мученика », был уже весь освящен, когда ему самому открылось в нем « Царство небесное » и « Фаворское пламя » внутренне озарило его. Тогда и только тогда о. Леонид обрел право прошептать уже холодеющими устами, как и Господь на кресте: « свершилось ... » и уйти в покой, столь им желанный.

* * *

С приведенными выше суждениями о. Леонида о самом себе интересно сопоставить мнение большевиков о нем и об его деле. Крыленко с « сатанинской злобой » сказал по существу очень мало, охарактеризовав о. Леонида как фанатика, идущего « на пролом » против советской власти. Не возражая ничего на эти слова, так как читатели уже достаточно знакомы с экзархом, отметим только, что имеется и более глубокая и серьезная оценка большевиками « восточного католичества » о. Леонида. За это ценное свидетельство мы должны быть благодарны той же Ю. Н. Данзас.

В июне 1923 г. власти разрешили, наконец, при соблюдении известных условий, открыть латинские католические храмы, закрытые с прошлого декабря, и сняли с них печати. Однако, это разрешение не коснулось русской церкви на Бармалеевой улице. Все коллективные просьбы прихожан были оставлены без внимания, а делегацию от прихода представители власти просто отказались принять. Юлия Николаевна решила воспользоваться своим положением « научного работника » (она по-прежнему преподавала историю во 2-ом Университете и состояла библиотекарем-заведующим отделением классической филологии Публичной библиотеки) и отправилась в Смольный Институт к секретарю Петроградского совета, кажется Ларионову (впрочем, за фамилию его она не ручается, но помнит прекрасно, что это был « видный » коммунист). Юлия Николаевна обратилась именно к нему, так как знала, что руководящая роль в совете принадлежит секретарю. Он принял ее и у них завязался длительный разговор с глазу на глаз. Беседа продолжалась около двух часов и закончилась довольно откровенным признанием « сановного коммуниста ».

На вопрос Юлии Николаевны:

— Почему такая несправедливость? Ведь все католические церкви открыты, и только наша остается опечатанной! - последовал ответ:

— А потому, что Федоров слишком опасный человек!

Юлия Николаевна продолжала настаивать:

— Дело не в Федорове, а в церкви, на которую имеют право русские люди!

Тогда коммунистический вельможа стал говорить о всех католиках, как о польских агентах. Юлия Николаевна возразила:

— Тем более надо русским предоставить возможность ходить не в польский костел, а в русскую церковь.

Спор на эту тему продолжался и дальше, пока коммунист не высказал свою мысль до конца:

— Ополячится тысяча, ну десять тысяч человек. Это нам не страшно. А в подлую *федоровскую церковь пойдут миллионы*, пойдут в католическую интернациональную организацию! Не просите, вопрос решен: церковь будет ликвидирована.

Тут Юлия Николаевна подумала про себя:

— Какая трогательная аналогия по отношению к той же гонимой Бармалеевой церкви со стороны царского правительства; даже повторяются почти дословно выражения директоров Департамента Духовных дел Харузина и Менкина!

В конечном итоге, все, чего Юлии Николаевне удалось добиться в учреждении, для которого название « Пилатова контора » звучало бы слишком мягко, было обещание предупредить, когда будет назначена « ликвидация » церкви на Бармалеевой. Обещание было исполнено, и это дало возможность произвести благоговейными руками разоблачение алтаря, перед которым столько раз стоял о. Леонид, принося здесь бескровную Жертву, к которому столько раз, и до него и при нем, католики и православные возносили вместе свои молитвы, в результате чего немало русских душ пришло здесь к воссоединению со Вселенской Церковью.

Когда явились присланные для ликвидации советские молодцы, они позволили Ю. Н. Данзас и М. И. Дейбнер самим удалить алтарные святыни. Обе, со слезами на глазах, помолвившись в последний раз, пали ниц перед престолом, потом встали и стали снимать с него облачение. Все было убрано ими самими. Несмотря на сильную горечь, у обеих осталось чувство глубокого удовлетворения: дорогие святыни были спасены от кощунственного издевательства. Господь видел все это, видел их слезы... Более того, Он Сам тронул их сердца радостной надеждой, что когда пробьет час светлого Воссоединения - тогда получат свою награду все слезные молитвы и страдания стольких душ, « их же имена Ты, Господи, веши... ».

Большевикам достался только оголенный стол. Они со смехом потянули его за одну ножку и вытащили через царские ворота.

— Нашим еще пригодится...

Может быть он и до сих пор служит кому-нибудь в городе, утратившим имя св. Петра.

* * *

Сейчас же после посещения секретаря Петроградского совета, Юлия Николаевна записала по свежей памяти разговор с ним и переслала о. Леониду в тюрьму, а тот, через о. Уольша, сообщил его Папе и митрополиту Андрею, до которого, к сожалению, это письмо не дошло. Несколько позже, в следующем письме, о. Леонид вернулся к тому же вопросу:

« Большевики повторяют зады царского правительства, так как снова слышатся намеки на Польшу и « Унию », конечно, в самом скверном смысле этого слова. Призрак соединения Церквей страшит их не мало: они понимают, что католичество - это громадная сила, бороться с которой - не легко. С этой точки зрения мы всегда являемся одиозной величиной у теперешнего правительства и, если мы будем иметь успехи более или менее крупного характера, наше преследование неизбежно. Пользуясь недавно вышедшими распоряжениями правительства, я дал указания Уольшу, как нужно вести дело ».

Положение о. Уольша в России было в то время не легким. Если с русскими католиками, благодаря о. Леониду, его связывали чисто братские отношения, полные взаимного доверия, то о польских католиках нельзя было сказать того же; многое с их стороны оставляло желать лучшего. Повидимому, с его слов, о. Леонид написал митрополиту Андрею:

« Поляки затрудняют Уольшу работу на каждом шагу. Московский (польский) приход работает против него в союзе с польским представительством. Уольш усиленно просит меня полякам не верить и отмежеваться от них. Кажется, что « Полония » недовольна, что защита католичества ускользает из ее рук. Крупную роль играет несомненно Зелинский. Дело дошло до того, что я никогда уже не пересылаю моих писем через польские руки, ибо они вскрывались. Уольш даже формально засвидетельствовал вскрытие одного из моих писем. Я предупредил Ледоховского об опасности, которая угрожает Уольшу. Генерал благодарил меня и сказал, что поручил Уольшу заботиться о нас. Интриги доходят до такой степени, что бедный американец приходит в отчаяние. Между прочим поляки обвиняют его в какой-то « немецкой ориентации ». Уольш очень благодарил меня за мой отчет о последней стадии преследования Церкви большевиками, но подчеркнул, что я должен

писать только от себя, а не выступать от имени поляков, так как у меня с ними ничего общего быть не может.

Теперь мой авторитет сильно поднялся. Я очень рад, что Св. Отец считается с моим мнением. Уольш велел передать мне тоже, что в Ватикане считаются с моими взглядами о положении русской Церкви. Конечно, я в долгу не остаюсь, и информации летят в Рим: я разоблачаю тактику большевиков и объясняю церковные события.

Пусть на забывают, что у нас идет *настоящее преследование*, что мы находимся, как христиане, вне закона.

Что касается вопроса об обряде, то я продолжаю настаивать на своем, в той именно плоскости, в какой я понимаю этот вопрос. Ведь дело совсем не в том, кем фактически будет присоединенный диссидент: восточным или латинянином? Будет ли он посещать восточные или латинские храмы, но в том, как он будет воссоединен? Я требую, чтобы это воссоединение происходило не как вступление неопита в латинский обряд и подчинение его латинской иерархии, а как простой факт присоединения его к католической Церкви. Поэтому в тех местах, где есть восточная католическая Церковь, воссоединение должно совершаться только в ней, там же, где ее нет, могут воссоединять и латинские священники, как получившие на это право от экзарха. В таком случае они присоединяют неопита, предупреждая, что он присоединяется к Церкви, а не к обряду, но если хочет, то может посещать какие угодно церкви, и латинские и греческие, и армянские (где таковые находятся). Повторяю, что мы были бы смешны, если бы запрещали нашим обращенным ходить в латинские церкви и тянули их насильно в наши. Нам нужен только юридический акт перемены обряда, чтобы никто из православных не мог сказать, что хоть кто-нибудь без разрешения св. Престола был присоединен к католицизму в латинском обряде и переменял присоединением обряд на латинский. Вот, от чего я никогда не отступлю »!

Этот отрывок - последнее из всего сказанного Российским Экзархом о восточном обряде в его последнем письме к митрополиту Андрею (I-VII-1923). Таким образом, они невольно звучат, как его последний завет и последний призыв.⁴

⁴ Здесь уместно снова напомнить, что многое из слов Экзарха, приведенных во II главе этой части, так же как и высказанное в этих строках, принадлежит теперь уже к истории его миссии, бывшей в значительной части *борьбой за восточный обряд* в условиях *того времени*. Помимо *советской власти*, занимавшей в отношении восточного католицизма, как мы видели, в общем, ту же позицию, что и царское правительство, только в гораздо более радикальной форме, Экзарх имел против себя еще и *польско-латинское духовенство*, поддерживавшее свое господствующее положение

Нижеследующее сообщение о текущих делах и об отданном Экзархом распоряжении было такоже последним:

« Относительно экзархата, конечно, не могло быть речи об его фактическом разделении; он был разделен на два временных административных округа для чисто временных административных целей. Теперь я думаю покончить с этим делением, благодаря представившемуся случаю. Дело в том, что следствие по делу Дейбнера я поручил разобрать старику Алексею. Он же, желая спасти Дейбнера, так тенденциозно и неправильно изложил это дело, что дал мне теперь законное право сместить его с должности, а весь экзархат передать в ведение о. Николая Александрова, сделав о. Епифания его представителем в Петрограде. Эти « милые господа » не дают мне покоя даже в тюрьме и, кажется, поставили себе за правило вредить мне на каждом шагу ».

* * *

Все же, эти двое были лишь исключением; остальные « верные » о. Леонида не представляли столько затруднений, как они. Им тоже жилось не легко, но тем не менее, два раза в месяц, регулярно, кто-нибудь из петроградских прихожан о. Леонида отправлялся в Москву на свидание с ним. Навещала его несколько раз, проездом через Москву,

в России. По словам о. Леонида в последнем дошедшем до нас письме от 23-V-1926 (к епископу Каревичу), « всё зависит в нашей миссии от отношения к нам наших латинских коллег ». Вследствие этого он жаловался, что ему приходилось « обивать панские пороги » и « тратить 90% духовных сил на то, чтобы держаться между Сциллой и Харибдой ». Ненормальность положения Экзарха усугублялась еще тем, что его канонические права были основаны на секретных полномочиях, данных Папой св. Пием X митрополиту Шептицкому, которыми действие энциклики « *Orientalium dignitas* » распространялось на Россию. Самая же энциклика была составлена в таких выражениях, что наиболее важная 2-я статья допускала различное толкование. Поляки понимали энциклику иначе, чем митрополит Андрей и о. Леонид, и отказывались применять ее в России, где она сталкивалась с их правами, а ограничивали ее действие азиатским Востоком, где у них не было никаких интересов. Все это делало *восточную миссию* о. Леонида, от начала и до конца, борьбой на все 90%, отнимавшей и без того слабевшие его силы от прямой апостольской работы. Можно надеяться, что все это принадлежит теперь безвозвратному прошлому. В России Польша в тот момент сошла совершенно со сцены (из 410 церквей в 1917 г., при 8 епископах и 810 священниках в 1937 г. по данным « *Osservatore Romano* », оставалось всего 11 церквей при 10 священниках). Тем не менее, некоторые другие факторы, вызывавшие мучительную борьбу о. Леонида, к большому прискорбию не стали еще вполне предметом истории. От этого самая *борьба* для историка его миссии делается только более показательной. Она то и доказывает, что *восточный обряд*, как способ « уловления » или, как говорят даже, « совращения » душ в католичество,

С. А. Лихарева. К. Н. Подливахина тоже неоднократно приезжала к нему. Посещали его А. И. Абрикосова и А. И. Новицкая. Последняя написала об о. Леониде:

« Он всегда был спокоен, ясен, прост, но держал себя с достоинством; скорбел, когда доходили вести о том, что преследование восточных усиливается. Всегда был благодарен, когда его навещали.

Однажды, перед Пасхой, он попросил доставить ему свечей и березовый веник, чтобы попариться в бане ».

Конечно, среди других посещений, особенное значение имели свидания о. Леонида с Ю. Н. Данзас. Она приехала к нему четыре раза.

« Могу удостоверить, - пишет она, - что его настроение было еще спокойнее и радостнее, чем обыкновенно; о. Леонид говорил мне, что никогда еще он не чувствовал себя столь счастливым; доходило до того, что он обвинял себя в « эгоизме », потому что, как он говорил, слишком велико было его наслаждение этим великим покоем после стольких забот. О. Леонид переносил свое тюремное заключение с величайшим спокойствием и уверял, что « оно было отнюдь не так плохо, как об этом принято говорить ».

не был никем придуман и навязан о. Леониду, а был его призванием и предметом постоянной борьбы. Вне этой реальности нельзя даже понять настоятельность, повелительность всех его *desiderata*, принимающих подчас характер требований, *conditio sine qua non*, и показывающих наглядно, как, когда и с кем он боролся за свой идеал:

— « Вот, от чего я никогда не отступлю! »

Этот выкрик души апостола восточного обряда не остался вполне гласом вопиющего в пустыне. Через три года после смерти о. Леонида, в 1938 г., Папа Пий XI поставил всех верующих латинского обряда на Ближнем Востоке в зависимость от Восточной Конгрегации, благодаря чему « восточники » получили ведущее значение в своих областях. В каждой стране Ближнего Востока, параллельно с латинской церковной иерархией, была установлена восточная, с ее приходами и клиром, что дало возможность « восточникам » иметь свои восточные церкви.

Еще раньше, в 1929 г., было приступлено к изучению восточной кодификации. В распоряжении комиссии из четырех кардиналов находились две группы специалистов: ПЕРВАЯ, из 16 представителей Восточных Церквей и 4 советников Восточной Конгрегации, занималась редактированием проектов кодекса; ВТОРАЯ из 12 человек (русских представлял в ней протоиерей Александр Сипягин) - опубликованием источников восточного церковного права. Плодом их работы до 1958 г. явилось издание, в трех сериях, 38 томов этих источников (VI том - источники и VII том - избранные статьи - второй серии - посвящены русскому церковному праву).

Трудами первой группы, переименованной в 1935 г. в « Комиссию по редакции кодекса восточного церковного права (секретарем ее состоял известный юрист о. Акакий Кусса, Ассесор Восточной Конгрегации, после-Кардинал), опубликованы четыре первые части кодекса: о браке (в 1949 г.), о судопроизводстве (в 1950 г.), о монашестве (в 1952 г.), о восточном обряде (в 1958 г.). Четвертая часть содер-

На первое свидание Юлии Николаевне пришлось идти вместе с А. И. Абрикосовой, так что не было возможности поговорить с о. Леонидом более откровенно. Все же, когда А. И. Абрикосова отошла на минутку в сторону, ей удалось шепнуть несколько слов о. Леониду и сказать, что она не войдет в Абрикосовскую общину.

— Да, да, - ответил вдумчиво о. Леонид, - вам там не место. Юлии Николаевне послышалась в его тоне нотка осуждения, которого до этого он ей никогда не высказывал.

Положение Юлии Николаевны и Башковой, в особенности первой, после ареста о. Леонида стало невыносимым в осиротевшей общине. Сестры перестали теперь отдавать целиком свои заработки Подливахиной, и это вызывало неудовольствие как ее, так и ее семейных. Отношения приняли враждебный характер. Совместная работа стала, по словам Юлии Николаевны, невозможной и к тому же утратила всякий смысл. После ареста о. Леонида не нашлось никого, кто пожелал бы принять на себя руководство монахинями. Духовником Юлии Николаевны был доминиканец о. Амудрю.

жит, к сожалению, статью II-ую, фундаментального значения, в которой « требование » о. Леонида нашло себе такое прискорбное для Восточного Католичества выражение? Вопросы о кодексе просмотреть, согласуя их с постановлениями Собора Ват. II?:

§ 1 - *Baptizati acatholicis ritus orientalis, qui in catholicam Ecclesiam admittuntur, ritum quem maluerint amplecti possunt, optandum tamen ut ritum retineant.*

(Крещеные не католики восточного обряда, при приеме в католическую Церковь, могут избирать тот обряд, который им более предпочтителен; тем не менее желательно, чтобы они сохраняли свой обряд).

Легко представить себе, какое впечатление этот роковой параграф произвел бы на о. Леонида и как бы он реагировал на него. Правда, нужно оговориться, в свое время, он имел в виду главным образом частный случай: воссоединение Русской Церкви со Вселенской в острых и даже болезненных условиях, при тогдашнем господствующем положении Польской Церкви в России. В наши дни это отпало, и теперь вопрос ставится, так сказать, в общем виде - возвращение христиан не католиков к католическому единству. Именно так он рассматривался в феврале 1958 г. на чрезвычайной сессии греко-католического собора в Каире, созванного для решения ряда вопросов, касающихся Мелхитской Церкви (мелхитами, еще со времен Константинопольской Империи, в мусульманских арабских странах назывались католики восточного обряда, выходцы из Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов) в связи с предстоявшим 25 марта 1958 г. вступлением в силу упомянутой выше, недавно опубликованной последней части Восточного Кодекса. Помощник Мелхитского Патриарха, архиепископ Петр Медавар, сделал 14-3-58 на собрании греко-католического духовенства в Каире обстоятельное сообщение о работе собора (напечатанное в числе прочего материала по этому вопросу в № 16 журнала « Bulletin d'Orientations Oecuméniques » за 1958 г.), в котором он высказался об этом параграфе совершенно в духе о. Леонида:

Она воспользовалась следующей поездкой в Москву, чтобы обратиться за советом к Уольшу. О. Амудрю предупредил его о приезде Юлии Николаевны. Он принял ее с большим участием и отнесся очень сочувственно к создавшемуся положению. Вопрос о каноничности пострига ставился под сомнение; она не знала, как ей быть, что предпринять. О. Уольш разъяснил ей, что обет послушания, за отсутствием устава общины, мог быть принесен только лично экзарху, и потому канонически отпал после его заключения в тюрьму. Что же касается самого обета, то о. Уольш, облеченный для этого нужными полномочиями от имени св. Престола, освободил Юлию Николаевну от обета и сказал в заключение:

— Мой вам совет: не считайте себя ничем связанной. Бегите!

О. Уольш был хорошо осведомлен о положении в России и считал, что дальнейшая работа здесь невозможна. О. Амудрю написал в Доминиканский орден в Рим и попросил о принятии в него Юлии Николаевны. Благоприятный ответ пришел уже после ее ареста, и о. Амудрю удалось уведомить ее об этом, когда она уже сидела в тюрьме.

Второе свидание Юлии Николаевны с о. Леонидом произошло после

« После энциклики « *Orientalium Dignitas* » Льва XIII, опубликованной в 1864 г., в каноническом праве было принято вполне естественное правило, по которому каждый из христиан-некатоликов, возвращаясь в католическую Церковь, должен был сохранять свой обряд. Это справедливо и разумно. Между тем ни для кого не является тайной, что с этим правилом систематически и даже насильственно боролись сторонники латинизации, думающие, что можно быть католиком только принадлежа к латинскому обряду. Тем не менее, несмотря на все допуславшиеся повреждения и бесчисленные нарушения упомянутого правила, оно оставалось вписанным в законодательство Церкви и служило нам опорой, чтобы защищаться от вторжения в наши права. Однако новый кодекс отменил это столь справедливое, разумное и естественное правило предписанием, согласно которому всякий восточный христианин-некатолик, возвращаясь в католическую Церковь, может выбрать тот обряд, какой он желает (или, вернее, какой хотят ему дать).

Эту меру делает еще более угнетающей то обстоятельство, что она содержит в себе поистине недопустимое соотношение между католическими обрядами. Действительно, эта мера применяется только в ущерб восточному обряду и в пользу латинского; параграф 1-ой статьи 11-ой, предоставляющий свободу выбора обряда, имеет в виду лишь « некатоликов восточного обряда », желающих быть принятыми в католическую Церковь. Таким образом, как следствие, отсюда можно вывести, что протестанты, не будучи восточного обряда, не могут выбирать обряд, который они хотели бы принять, становясь католиками; они должны делаться латинянами. Почему такое вопиющее неравенство, такое нестерпимое пристрастие?

Распоряжение, содержащееся в параграфе 1-ом статьи 11-ой, является ударом по голове, нанесенным развитию и даже нахождению Восточной Церкви в католичестве. Вопрос этот слишком важен и слишком деликатен, чтобы я мог рассмотреть его теперь в нескольких фразах. Достаточно сказать вам, что, приняв наши

разговора с о. Уольшем и о. Амудрю. О. Леонид немало волновался тогда за ее судьбу. Юлия Николаевна передала ему все, что они ей сказали. О. Леонид с этим вполне согласился и дал такой же совет:

— Да, уезжайте отсюда и поступите в настоящий монастырь.

Он обещал, что и сам напишет о ней и в Рим и митрополиту Андрею, чтобы поддержать ходатайство о. Амудрю. О. Леонид успел это сделать, и его письмо об Ю. Н. Данзас сохранилось у митрополита Андрея.

Ко времени ее третьего посещения выяснилась уже возможность выехать за границу, если и не легальным путем, то тогда, в случае отказа в паспорте, нелегальным, т. е. бежать с подложным паспортом. Об устройстве легального отъезда хлопотал непосредственный начальник Юлии Николаевны, Андерсен, правительственный комиссар Публичной Библиотеки. «Бегство» же проектировали добрые друзья-латыши. Они хотели устроить ей возможность выехать из России, как члену латышской семьи, которая должна была вскоре отправиться из Саратова и в Петрограде забрать с собою в ее лице мнимую родственницу. Все уже было предусмотрено с соблюдением нужных мер предосторожности. На квартире одного верного человека Юлии Николаевна приготовила необходимое, чтобы совершенно изменить свою внешность:

возражения, Рим объяснил нам, что *новое правило было введено по желанию американских епископов и что оно не должно применяться на Востоке, где будут и дальше руководствоваться энцикликой «Orientalium Dignitas»*. Но и в Америке права Восточной Церкви должны быть теми же, какие даны латинской Церкви на Востоке. Не может допускаться никакое умаление прав обрядов.

Впрочем, живи еще о. Леонид в наши дни, он сделал бы, вероятно свои замечания по поводу Восточного Кодекса не только в этом вопросе. В силу своей миссии, он не мог бы отказаться никому в угоду от того, что для него являлось *conditio sine qua non* в восточном католичестве. Раз уж мы, исходя из этого принципа и следуя учению о. Леониды, должны были коснуться многих больных сторон восточного католичества, то было бы неправильным умолчать о том, что с Кодексом, вообще, не все обстоит благополучно, после того как этот вопрос перешел на страницы католической печати. Его отразил журнал французских иезуитов «Этюд» в заметке «Тревога среди католиков греческого обряда» (в номере от 15-IV-1958, стр. 391-394), начинающейся такими словами: «Опубликование кодекса канонического права для восточных Церквей, соединенных с Римским Престолом, вызывает тревогу, пределов и последствий которой еще нельзя измерить, но к которой было бы неосторожностью отнестись слишком легко (*à la légère*)». Нет надобности входить на этих страницах в подробности выпада автора этой заметки, скрывшего свое имя под инициалами Р. Р., поскольку они касаются местных дел Мелхитской Церкви. Мы ограничимся достойной отповедью, в чисто Федоровском духе, помощника Мелхитского Патриарха, уже цитированного архиепископа Петра Медавара, на упомянутую заметку, которую редактор журнала «Этюд», о. Роберт Рукерт, отказался напечатать, несмотря на то, что ответ архиепископа исправлял неправильности, допущенные автором заметки, плохо осведомленным в

старомодную шляпку, ярко синее платье, парик с локонами, легкий грим и т. п. Предполагалось, что она придет к этой приятельнице вечером, накануне дня, назначенного для отъезда, переночует у нее, а на другое утро выйдет из дому латышкой. Все было обдумано до мельчайших подробностей, и Юлия Николаевна имела основание надеяться, что ей удастся вырваться за границу. При третьем свидании о. Леонид считал ее уже находящейся на «отлете» и говорил с ней, как с уезжающей. Она передала ему, что сообщила о своем отъезде по секрету А. И. Абрикосовой, и та настаивала, чтобы за границей Юлия Николаевна поступила в полное распоряжение ее мужа, о. Владимира. О. Леонид ответил ей, не задумываясь:

— Нет, этого не делайте. Если о. Амудрю устроит вас к доминиканкам, идите к ним и больше никого не знайте.

Юлии Николаевне показалось, что говоря это, о. Леонид прекрасно понимал ее положение и указывал, что Абрикосовский путь - не для нее.

— ...«Подвиг предстоит другой»... «Много предстоит, тяжелый путь, кровавый путь»...

Видеть этот путь, подобно старцу Алексею, о. Леониду не было дано.

данном вопросе и, видимо, не понимающим всей его серьезности для восточного католичества.

После этого отказа, ответ архиепископа Петра опубликовал, по его просьбе, издающийся в Шевтони бенедиктинский журнал «ИРЕНИКОН» (Т. XXXI, III, за 1958 г., стр. 352-357), задача которого, как это отмечено во вступительных словах редакции, - «знакомить с правами восточных Церквей и защищать их». Оставляя в стороне первую часть ответа, касающуюся местных вопросов, мы приводим дословно заключительную часть, трактующую общие вопросы восточного католичества:

«А теперь уточним нижеследующее: среди препятствий, которые, согласно Вашей статье, якобы помешают нам воспользоваться правом протестовать, Вы говорите о постановлениях Ватиканского собора, признающих за Папой прямую и вселенскую юрисдикцию над всеми Церквями; отмечаете латинскую богословскую тенденцию считать, что юрисдикция епископов исходит непосредственно от Римского Первосвятителя; и, наконец, обращаете внимание на все большую и большую централизацию латинской Церкви вокруг Рима.

Никому из нас, досточтимый Отец мой, не приходит и в голову хоть минуту сомневаться в прямой и вселенской юрисдикции Папы; мы бы даже сказали, что если бы ее еще не было, то нужно было бы ее учредить; и мы даже полагаем, что при известных условиях у нее было бы чем пленить всякого, кто крещен. Но неужели Святой Дух оставил бы без равномерного распределения человеческую сторону исполнения такого юрисдикционного права в Церкви, которое пугает боо миллионов неримских христиан? В прошлом, во взаимоотношениях Запада-Востока, было немало такого, что оправдывает, даже в наши дни, ужас этих христиан, и нельзя их заставить от него отрешиться.

Все те, кто в римском католичестве работают в экуменическом движении над

В отличие от него, он был, по собственному признанию, « человек здравого и сухого рассудка »; дара « прозорливости » у него не было. И потому он не мог знать тогда, что дальнейший путь у них общий, только по-разному кончится... и что на этом пути им предстоит новая встреча... самая удивительная, какую ничье воображение не могло бы представить себе... и что Юлия Николаевна передаст « оттуда » его завещание - всему миру.

Последнее свое письмо к митрополиту Андрею о. Леонид закончил словами:

« Возможно, что скоро наша переписка прекратится, так как говорят о новых тюремных порядках ».

В этом он не ошибся. Юлии Николаевне было суждено узнать первой об этом.

* * *

В промежутке между третьей и четвертой (т. е. предпоследней и последней) поездкой в Москву, Юлию Николаевну вызвал к себе ксендз Пржежембель, администратор Могилевской епархии, уже ветхий

видимым соединением христиан, стараются теперь развить и уточнить богословские тезисы, касающиеся божественного права епископов, чтобы показать в них Христа. И нам кажется прискорбным, что Ваша статья, видимо, одобряет точку зрения, высказываемую теми латинскими богословами, которые хотели бы видеть всю власть в Церкви, присвоенной себе Римским Первосвященителем.

Такая точка зрения может дать основание предположить, что все славные Церкви, ведущие начало непосредственно от Апостолов, росшие, созревшие и приводившие ко Христу целые народы, - тогда как Римская Церковь только в исключительных случаях вмешивалась в их развитие всего лишь редкими актами, в которых это и высказывалось не прямо, а скорее не вполне ясно, - все эти Церкви Киприанов, Августинов, Василиев, Хризостомов, Афанасиев и Кириллов, являются теперь, так сказать, неподлинными (*bâtardes*) во Христе!

Нужно также заметить, что централизация администрации Восточного Патриархата не представляет собою вопроса догматического принципа; она - исторический феномен, случайный, касающийся только восточных Церквей. Но нельзя отказать нам в праве защищаться от напора той централизации, которая была установлена не для нас, которая не является для нас исторически естественной, которая была определенно отклонена в двухсторонних актах об унии и торжественными обещаниями Пап и которая ужасно вредит всякому усилию, делаемому с целью воссоединения отделенных христиан.

Поистине, кажется удивительным квалифицировать архаизмом и ошибкой положение, которое так согласуется со всем, что в наши дни является наиболее современным в борьбе за единство Церкви.

Таким образом, не мы запаздываем вследствие « архаизма ». Напротив, дух исключительной латинизации, в которой христианство жило в силу расширения Ислама, политико-религиозных разрывов в прошлом и других причин, становится

старик, очень достойный человек, пользовавшийся большим уважением. Он сказал Юлии Николаевне, что получил два сообщения об Абрикосовской общине, в которых указывалось на «недопустимые безобразия», в частности на «неприличные публичные экстазы». Юлии Николаевне запомнилось, что сестры московской общины были названы в этом донесении «позорными дочерьми Церкви». По слогу и выражениям в тексте у Юлии Николаевны создалось убеждение, что автором его мог быть только кто-нибудь из польских священников в Москве. О. Пржежембель сказал Юлии Николаевне, что хочет возложить на нее щекотливое поручение: так как она уже бывала у Абрикосовой, то он просит ее высказать письменно свои впечатления, а в следующую поездку в Москву – сделать личные наблюдения и навести справки об Общине. Несомненно, о. Пржежембель понимал людей и Юлию Николаевну не недооценивал. Лучшего выбора в поисках компетентного лица для столь *деликатного* поручения он, конечно, сделать не мог. Но все-таки Юлию Николаевну о. Пржежембель, видимо, не знал еще до конца и ошибся, остановив свой выбор на ней. Юлия Николаевна категорически отказалась, заявив, что у Анны Ивановны она

в наши дни узким для людей Запада, и всё среди них направляется к тому, чтобы снова найти Восточную Церковь. А она находится не только в книгах, памятниках; она – в том живом христианстве, от которого, как от закваски, вскисло человеческое тесто в 250 миллионов душ. Это-то апостольское христианство, его самого важного и законного предствителя в католичестве, олицетворяет тот «малый» греко-католический Патриарх, «выродок» («l'avorton») во Христе Иисусе.

Следовало бы не удивляться тому, что этот «крошечный» восточный Патриарх осмелился поднять голос с целью напомнить о правах и месте Востока и о торжественных обещаниях Верховного Первосвященителя охранять их, а скорее – благословлять Бога за то, что католичество снова нашло в своих недрах подлинно греческую Церковь, которая умеет реагировать, как таковая. Всеми своими историческими особенностями, касающимися совершения таинств и прочих священнодействий, права и еще других неримских творений, установлений или достижений, соединенными с верностью Примату св. Петра в его преемниках, она является элементом истины, жизни, доктринального прогресса католичества, способного привлекать к себе. Нужно понять, что эта дерзающая Церковь – отнюдь не существо, которым можно пренебрегать, и что нельзя безнаказанно обходить ее напоминания. Нужно перестать обращаться с ней *практически* как с чем-то только терпимым. Будучи последовательным, нужно наконец понять, что все православие судит о Риме и латинстве по тому, как поступают с нами.

«На всякого мудреца довольно простоты». В конечном итоге, хотел он выявить именно это или нет, но у о. Р.Р. оказалось на языке то, что у многих на Западе, в отношении Востока, к сожалению, все еще таится в уме. Нельзя не быть Р.Р.-у благодарным. Своей заметкой он помог вскрыться во-время злокачественному нарыву, который стал было опять назрывать.

Латинскому миру необходимо понять поскорее, что воссоединение восточных

была в качестве гостыи и поэтому рапорт такого рода носил бы в ее глазах характер доноса, на который она неспособна. Правда, ввиду высокого доверия, оказанного ей администратором Могилевской епархии, она не скрыла от него, что лично у нее впечатления об Абриковской общине скорее неблагоприятные, но вдаваться в подробности она не хотела. Как верная дочь Церкви, она позволила себе дать совет - назначить ревизию и командировать для этого духовное лицо, облеченное соответственными полномочиями. На это о. Пржежембель ответил, что и сам об этом подумывает, потому что боится, « как бы не вышло скандала ». Но он стеснен своим положением временного администратора, тем более, что архиепископ Цепляк не вмешивался в дела этой общины и не считал ее себе подчиненной.

— Просто и не знаю, как и кого можно было бы назначить. Поэтому-то я и хотел получить сначала предварительное донесение от вас, пани Иустина...

Но та снова отказалась от личного участия в этом деле, заметив, что пан администратор епархии, мог бы обратиться к доминиканцу о. Амудрю: на него, как доминиканца, естественнее всего возложить обязанность произвести ревизию. На это о. Пржежембель сказал откровенно:

— Я просил его уже несколько раз, но он и слышать не хочет, говорит, что это его не касается; никто с доминиканской стороны ему не поручал надзор за общиной.

И он прибавил, разводя руками:

— Никак не могу понять, в чем там дело... Кто же, все-таки, пани Иустина, будет отвечать за то, что там происходит? Мне же никто не поручал этой Общины.

Махнув рукой, он добавил:

— И я тоже не стану вмешиваться официально.

Естественно, что после этого разговора у Юлии Николаевны было желание сторониться дела Анны Ивановны, чтобы иметь право сказать со спокойной совестью: « не знаю ничего о том, что у них делается ». Когда она в четвертый раз приехала в Москву посетить о. Леонида, у

Церквей с Римской - мы взяли на себя смелость утверждать это в отношении русской Церкви - возможно только в форме *восточного католичества*, апостолом которого, неведомым или почти неведомым до сих пор Западу был о. Леонид Федоров, а адвокатом - сделался теперь Мелхитский Патриарх устами своего Помощника. От латинства зависит в значительной мере - приблизить или отдалить заветный час воссоединения или, даже, сделать его, человечески, невозможным.

(В качестве приложения X мы печатаем еще один отрывок из вышеупомянутого сообщения архиепископа Петра Медавара о месте, какое Восток должен занимать в католической Церкви и о том, какое ему отводит новый Восточный Кодекс).

нее был всего пятиминутный разговор с Абрикосовой. Она сообщила ей по секрету, что власти отказали в легальном паспорте и теперь она делает приготовления к бегству. Юлия Николаевна предложила свои услуги, если нужно исполнить за границей какое-нибудь поручение. Анна Ивановна только повторила свое указание, что Юлия Николаевна, выбравшись за границу, должна поступить в полное подчинение к о. Владимиру. В ответ на это Данзас промолчала. Не было у нее и желания говорить откровенно о чем-нибудь с сестрами.

Она привезла из Петрограда пакет для передачи о. Леониду. В общине прибавили еще продуктов, помидоров, свеклы и пр. Все это набили в мешок, вес которого достиг по меньшей мере кило двадцать пять. Юлия Николаевна взвалила его на себя и потащила в Сокольническую тюрьму о. Леониду. Добравшись до нее, стала в очередь. Мелькнула мысль:

— И тут очередь!...

После двухчасового стояния выяснилось, что все католическое духовенство, в том числе и о. Леонид, переведено в Лефортовскую тюрьму. Юлия Николаевна невольно подумала:

— А о переводе туда в общине еще ничего неизвестно!

Ничего не поделаешь! Пришлось тащиться еще два с половиной часа из Сокольнической в Лефортовскую тюрьму. Несмотря на середину сентября, день выдался, как нарочно, особенно жаркий. Свекла и помидоры, видимо, размякли совсем, и эти последние стали сочиться сквозь мешок красною струйкой. Все медленнее и медленнее плетется к тюрьме Юлия Николаевна. А мешок на спине, с каждым шагом, кажется ей все тяжелее. На тротуаре после нее остается красный след, точно она истекает кровью. Вся она вымазалась. Даже для советской обывательницы вид у Юлии Николаевны стал настолько ужасный, что уличные мальчишки улюлюкают ей вслед, а прохожие оглядывают ее с недоумением.

До тюрьмы Юлия Николаевна дотащилась буквально полуживая. Тюремное начальство отказало ей в свидании с о. Леонидом. Оказалось, что дни приема в Лефортовской тюрьме другие, чем в Сокольнической. К тому же было уже поздно, и так или иначе часы свиданий прошли. Ношу ее в конторе не хотели принять, так как «передачи» подлежали контролю. Однако, и здесь тоже не знали Юлию Николаевну. Мешок свой она незаметно оставила в конторе. Сама же пошла требовать разрешения повидаться с о. Леонидом. Хотела непременно проститься с ним перед отъездом, думая, что никогда больше не увидит его. Пустила в ход все средства, чтобы добиться своего. Все оказалось тщетным, но всесильная взятка, в конце концов, и здесь помогла.

Ей разрешили пятиминутное свидание с о. Леонидом. Его привели. Он остановился перед решеткой. Юлия Николаевна стала против него перед другой. Две решетки их разделяли. А между решетками шагал часовой. Оба были взволнованы. Столько хотелось сказать друг другу, а обстановка тут такая тяжелая... Драгоценные секунды бегут и бегут... О. Леонид и тут нашел, что сказать ей на прощание. Он назвал Юлию Николаевну в последний раз «своей верной сотрудницей»... и благословил ее на прощание. Юлия Николаевна благоговейно опустилась на колени. Окрик тюремного надзирателя быстро поставил ее опять на ноги. Российского экзарха увели обратно, а ее вытолкнули вон из тюрьмы.

* * *

До отхода поезда оставалось еще три с лишним часа. Юлия Николаевна поплелась на вокзал. Ей не хотелось идти ни в общину, ни куда бы то ни было. Хотелось остаться одной. До отхода поезда она просидела на ступеньках вокзала. Потом кое-как втиснулась в набитый народом вагон и простояла в коридоре до самого Петрограда. Когда приехала, было уже утро. Юлия Николаевна пошла на службу в Публичную Библиотеку прямо с вокзала. Начался еще один новый день советской «научной работницы».

Характер отдыха о. Леонида в «тихом пристанище» новой тюрьмы существенно изменился. В ней не было больше ничего «патриархального». Незадолго до перевода сюда, в прежней тюрьме произвели обыск у заключенных. У о. Леонида отобрали всю переписку, в числе прочего и сообщение Юлии Николаевны о разговоре с секретарем Петроградского совета. Свидания в новой тюрьме больше не допускались, переписка была запрещена. О. Леонида изолировали совершенно от внешнего мира. Он вошел в новый, внутренний и сокровенный период своей жизни. Существенная часть внешней стороны его миссии была уже позади. Он сказал свое последнее слово, оставил завет новым поколениям русских людей. Теперь он шел уже прямым путем к личной святости восхождением на Голгофу, которая должна была подтвердить его миссию свидетельством свыше и заслужить благодатную силу для тех, кто будет следовать его заветам.

ГЛАВА VII

« КТО ВЕДЕТ В ПЛЕН, ТОТ САМ ПОЙДЕТ В ПЛЕН, КТО МЕЧЕМ УБИВАЕТ, ТОМУ САМОМУ НАДЛЕЖИТ БЫТЬ УБИТУ МЕЧЕМ »

I - РАЗГРОМ В МОСКВЕ

Под Домокловым мечем: всякий момент - ожидание конца. - Роковой день: 12 ноября 1923 г. - Аресты, следствие, допросы, приговор, ссылка и каторга. - Оставшиеся в Москве.

Еще в 1922 г. Анна Ивановна поставила себе вопрос о том, что ждет московскую общину в ближайшем будущем. Свое предположение она высказала в письме о. Владимиру:

« В конце концов, мы живем очень комфортабельно, прекрасно питаемся, у нас великолепное помещение. Может быть нам суждено, как жертвам, испытать все до краев, что приходится переносить в России? » (23-X-22).

Неизвестность о завтрашнем дне, с течением времени, давала чувствовать себя все сильнее:

« Состояние хаоса, разрушения и невозможность жить и дышать здесь растет не по дням, а по часам; что с нами будет через неделю, я не знаю; каждый день удивляюсь, что мы на месте, что служится обедня; я гораздо более удивлена, что Коко (так Анна Ивановна называла иногда в письмах к мужу о. Николая) и я на свободе, чем обратному ». (11-XI-22)

Вскоре не осталось уже никакого сомнения в том, что именно должно принести и ей и общине ближайшее будущее:

« Я уверена, - говорит Анна Ивановна, - что нас только временно терпят, и медленно, но упорно, мы двигаемся к настоящему гонению ».

« Конечно, и нам не сдобровать, и только вопрос, сколько времени мы протянем ». (4-XII-22)

Тем не менее, эта медленная агония продлилась почти до конца 1923 г. В предвидении назревавших событий, у Анны Ивановны постепенно созрело решение, *что* нужно было делать и *как* готовиться к неизбежному. Правильно или нет, но в основу всего она поставила убеждение, что

« Христос хочет теперь в России только отдельных жертв, идущих

на полное заклятие вроде сестер (ее общины). Так что, - пишет она, - мне кажется, теперь не время каких-то мер, а время только рыцарства и святости, а главное - жертвы и смирения.

Послушание до крестной смерти и смирение - вот те две добродетели, которые я проповедую сестрам. Обедня и розарий - вот два средства победы, больше ничего не надо. Пламенная духовная жизнь, чистая вера и железная воля, т. е. любовь, ничего не требующая, но все отдающая ». (II-XI-22)

Вот наиболее существенное, что Анна Ивановна положила в основу того выжидательного состояния, в котором находилась община. Это была духовная боевая готовность в предвидении надвигавшегося на них. Все же, в полной покорности Божией воле, помимо которой ничего не « случается », Анна Ивановна, по своей натуре, оставалась неизменно активной.

« Вот, - говорит она, подводя итоги, - наш апостолат; наша борьба должна быть невидимой и наши победы также ».

Однако, и самой Анне Ивановне это давалось не легко. Ее боевая натура, направленная теперь почти исключительно на сверхприродную, невидимую брань, очень страдала. Правда, она смирялась, говорила: « Ну, ничего, горим на медленном огне, все хорошо... », но не скрывала своего внутреннего состояния:

« Я очень устаю, все мне надоело и, естественно, многое дала бы, чтобы быть на Твоем месте... (т. е. о. Владимира в Риме); в этой стране жить невозможно, просто дышать нечем ».

« В этой стране ... можно только умерщвляться, нести покаяние, страдать и умирать ».

Что делать? Этот вопрос был, вне всякого сомнения, очень серьезным, даже трагическим. Нельзя упускать из виду, что ей было всего сорок лет и своего мужа она очень любила. Тем не менее, ее решение было ясным и твердым:

« Оставить сестер, детей, приход, Коко, я не могу. Я в полном смысле их мать и единственная опора ».

Раз сказавши, Анна Ивановна не отказывается больше от того что решила. Она только уточняет, разъясняет свои слова. Когда о. Владимир позвал ее за границу (она хорошо поняла его намек; в одной открытке он выразил желание, чтобы она проводила туда его мать), Анна Ивановна возразила решительно:

« Мой отъезд из Москвы совершенно немислим. Я не могу оставить их при данном политическом положении ».

« У меня как-то рука не поднимается на заграничную поездку; ну как, как я их оставлю? На кого? В приходе одна Тамара (Сапожникова),

да и то с винтом в голове и требующая самого серьезного руководства. А в общине сестра Мария Роза (Вера Хмелева) с ее кегельной головой. А Коко? Ну как я его оставлю?»

«Коко такой простоватый ребенок; даже не понимаю, как он справится без совета и поддержки, если стряется какая-нибудь беда. Конечно, благодать все может, но она должна быть чрезвычайная».

«Коко, смеясь, ответил, что если я уеду, то он просто убежит, потому что фактически не знает, что без меня делать...».

«Они все же видят, что несмотря на мои недостатки, во мне есть здравый смысл».

Нет, Анна Ивановна, не колеблясь, твердо осталась стоять на посту в такое тяжелое время, когда каждую минуту, по ее словам, их ждал *разгром*. Это слово она употребила сама, добавив: «Ведь все удивляются, что мы еще существуем». Ей хорошо известно, что «Бог идеально все устраивает». Если она их покинет, то они «до известной степени» окажутся как «овцы без пастыря». Сознание долга и ответственности перед Богом, диктуют ей, что следует делать. В своем решении она непоколебима. Все видят и знают твердость Анны Ивановны и подчиняются ее авторитету. Но в отношении мужа - она осталась прежняя «Аня» (так подписаны ее письма к нему) и признается ему откровенно:

«Я естественно (ее) не люблю и она мне глубоко противна - вся эта компания, среди которой я живу и которую называю своими детьми, и я бы морально как сыр в масле каталась на Твоем месте, а Ты - обратно...».¹

«Я чувствую себя жутко чужой и одинокой в нашем приходе и даже с сестрами».

Анна Ивановна признается мужу, что при ее твердом решении оставаться, она находит в себе, и другие, на этот раз чисто естественные, но стоящие в противоречии с ним, побуждения.

«Во первых большое желание просто Тебя видеть и с Тобой обо всем потолковать, и не о деле и не для дела, а так обо всем; во - вторых - все большая жажда «бежать, бежать без оглядки»; моей природе все и все здесь невыносимы; какое блаженное время была моя инфлюэнца, когда я на законном основании никого не видела и как бы жила вне той компании, которая меня всегда окружает».

Высказывая в этих строках, то что у нее на сердце, Анна Ивановна вручает нам ключ к пониманию себя до конца. Ее откровенность - тоже

¹ Дальше в этом письме текст вырезан, т. к. чисто личное о. Владимир, естественно, не хотел делать достоянием третьих лиц.

героизм своего рода и за нее ее невозможно осудить, особенно поняв, как тяжела ей была, взятая на себя, и в такое исключительно трудное время, не легкая роль « пастыря », требующая истинной любви к своим « овцам ». Чем трагичнее становилось положение, тем больше оно требовало этой любви, и тем тягостнее было Анне Ивановне стоять на посту, который, не давая больше личного удовлетворения, все же заставлял ее поддерживать на высоте *святость* Абриксовского дома. Но идею поездки к мужу, утоление жажды « бежать, бежать без оглядки », все же она решительно отвергает. Анна Ивановна говорит об иных стремлениях, которые в ней берут перевес и которые она определяет такими словами:

« Мне все-таки хотелось бы жить только сверхъестественной жизнью и осуществлять до конца мой обет жертвы за священников и за Россию ».

Нельзя не признать, что начинание Анны Ивановны с московской общиной не вышло. У нее не было ни знания, ни опыта, ни *истинной любви*; которая отмечает подлинно призванных. Была роль, которую Анна Ивановна надумала, приняла на себя и добросовестно выполняла, как могла и умела. В то же время, желание жить « сверхъестественной жизнью » Господь действительно вложил в ее сердце, и сделал Он это, конечно, только для того, чтобы это желание исполнить. Но исполнить его Ему было угодно не так, как это, может быть, рисовалось воображению Анны Ивановны и отвечало стремлениям о. Владимира, а как это отвечало мыслям Божиим о ней. Она дала « обет жертвы », и Господь принял его. Но вид и характер жертвы Он Сам определил и подвел Анну Ивановну к ней, когда она созрела для этой жертвы настолько, что уже стала тяготиться положением « старшей » в общине. Как увидим из дальнейшего, она уже была подготовлена, чтобы принять от Господа именно такой крест и принести свою жертву, как это было угодно Ему для ее же вечного блага. Крестный путь Анны Ивановны стал для нее и « чистилищем » на земле, в котором ее своенравная и боевая натура смирилась и, очистившись, подлинно освятилась, надо думать, чтобы достичь совершенства и упокоиться со святыми в вечном блаженстве избранных душ. Героическое в натуре Анны Ивановны нашло себе в этой жертве и применение и оправдание. Весь путь ее в одиночном заключении, которому она подвергалась годами, остался овечьим тайной. Сохранились лишь более или менее достоверные, но отрывочные и краткие рассказы случайных свидетелей, дающие некоторое понятие об ее очистительном крестном пути и позволяющие судить о верности обету, которую она до конца сохранила. Но тут мы забегаем

вперед. Этому посвящено несколько слов в эпилоге. Вернемся к роковому ноябрю 1923 г., до которого дотянула московская община.

Когда, по замыслу Божию, все было готово, чтобы взять Анну Ивановну из домашней среды и - если не сразу и не совсем отделить, то во всяком случае - отдалить от ее духовных детей, час ее пробил. Он оказался роковым почти для всех, кто держался возле нее и был связан с нею.

Незадолго до последовавших арестов, при московском приходе возникла новая община - братьев-доминиканцев. Их было четверо, и один из них оказался предателем. Все они проходили тогда стаж испытываемых (кандидатов или «постулантов»). Некто Павел Шафиров, обращавший на себя внимание своим благочестием и необычайным усердием, оказался агентом ГПУ и даже играл роль провокатора. Благодаря ему, ГПУ было прекрасно осведомлено обо всем, происходившем в общине. 12, 13 и 16 ноября в Москве была произведена первая серия арестов. Домашнюю церковь Абрикосовых сразу закрыли и заняли большую часть квартиры. Арестовали Анну Ивановну, о. Николая, почти всех сестер, многих прихожан, среди них В. В. Балашова, бывшего редактора «Слова Истины», Доната Новицкого, двух кандидатов-доминиканцев, несколько мирских терциарок. Сестер обвинили в принадлежности к нелегальной общине, в содержании тоже нелегальной школы, в преподавании Закона Божия детям, в религиозной пропаганде среди несовершеннолетних. Всё это - обвинения, характеризующие, конечно, прежде всего самих обвинителей. В марте 1924 г. последовала вторая серия арестов; ГПУ арестовало тогда почти всех остальных сестер, оставшихся еще на свободе.

Следствие, длилось шесть месяцев, до середины мая 1924 г. Все это время главные обвиняемые сидели в одиночных камерах внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке, а прочие - в Московской Бутырской тюрьме. Лубянская тюрьма отличалась от других своей строгостью и тщательной изоляцией заключенных от внешнего мира. Здесь не разрешались прогулки, свидания, переписка, чтение; запрещалось иметь бумагу, письменный прибор, даже простой карандаш, нитки, иголки. Не допускалась никакая ручная работа. Заключенные должны были находиться в полном бездействии. В тюрьме царила мертвая тишина и гробовое молчание. Окна с железными решетками были так защищены железными экранами, что заключенные не могли видеть не только двора, но даже и кусочка неба. Всю ночь горел ослепительный электрический свет во всех камерах. Ночные допросы у следователей обстав-

лялись особой таинственностью. В тюрьме было довольно чисто и тепло и, собственно, ничему особенно унижительному заключенных не подвергали, но все условия жизни были так скомбинированы, что производили подавляющее и устрашающее действие на психику. Через короткое время, многие впадали в полубредовое состояние; случались нередко нервные припадки и умственные заболевания, так что большинство предпочитало сидеть в грязной Бутырской тюрьме. На Лубянке содержались «политические преступники», к числу которых ГПУ отнесло и арестованных русских католиков. Им условия этой тюрьмы были, конечно, не так страшны. Испытание, которому их здесь подвергали, становилось для них лишь своеобразным духовным подвигом. Тем не менее, выдерживать абсолютную изоляцию и им было не легко. Сидеть в камере вдвоем все-таки каждому легче.

Для верующего человека, особенное испытание представляли допросы. Следователи интересуются подробностями прошлой жизни не только самих заключенных, но и его родственников, друзей и знакомых. Говорить правду о себе самом не так уже трудно. Но говоря о других, даже и не желая этого, всегда возможно им повредить; одно упоминание чьей-либо фамилии может повести к аресту данного лица. В то же время, отказ назвать фамилию или рассказать о других угрожает опрашиваемому увеличением срока наказания.

Все заключенные сестры, конечно, прибегли сразу к молитве, как единственному средству для сохранения душевного равновесия. В тюремных условиях, богомыслие, как и, вообще, всякое умственное напряжение, очень трудно. Заключенные прибегали поэтому к самому простому: читали много раз подряд Богородичный розарий, отсчитывая молитвы, за отсутствием четок, по пальцам (все «принадлежности культа» отбирались при обысках и арестах), или же творили молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», соединяя ее с поясными и земными поклонами. Заученные наизусть тексты из псалмов или Евангелия помогали поддерживать молитвенное настроение. По вечерам все делали испытание совести.

Заключенные перестукивались через стену по водопроводным трубам, хотя это строго каралось. Мужчины мало считались с запрещением и перестукивались смело; сестры прибегали к этому реже. Благодаря перестукиванию узнавали, например, кто где сидит, был ли уже допрошен и т. д. Один из смелых москвичей выстукивал по трубам парового отопления даже целые тексты из Священного Писания.

Католики допрашивались тоже особенным образом, отдельно, но у одних и тех же следователей, которые нередко заводили с ними разговоры о религиозном и материалистическом мирозерцании, пытаются

склонить их к последнему. В этом сказывался не только интерес следователей к людям иных воззрений, но тут было и чисто практическое соображение - выяснить, насколько данное лицо, своим влиянием на окружающих, являлось опасным для советской среды. В соответствии с этим следователь определял меру изоляции, которой его надо было подвергнуть. Большею частью приговоры выносились не по фактической вине заключенных, каковой у католиков, вообще, не было, а в соответствии с такой психологической экспертизой. Допросы у чекистских следователей являлись поэтому новой формой исповедничества. При допросах сестрам предлагалось, например, освобождение, если они откажутся от принадлежности к ордену доминиканцев и от католичества восточного обряда; ценой отступничества, им давалась даже возможность приобрести себе более или менее завидное положение в советском государстве.

★ ★ ★

После четырех месяцев пребывания в полном одиночестве на Лубянке, Анну Ивановну перевели к концу следствия в Бутырскую тюрьму и посадили там в общую камеру с несколькими сестрами и другими посторонними женщинами. Всех их было тут до 40 человек. В этой камере Анна Ивановна впервые увидела сестер после ареста. Авторитет ее не был несколько ослаблен испытаниями протекших четырех месяцев. Сестры продолжали почитать в ней свою настоятельницу и, сколько было возможно, старались выражать свое почтение внешним образом. Они продолжали в тюрьме свои обычные духовные дела - читали вполголоса доминиканский «официум», Богородичные четки и совершали молитвенный чин «Крестного пути». Анна Ивановна давала им темы для богомыслия («медитации»). В праздничные дни они пели вполголоса обедню. Строго говоря, «восточного» во всем этом было немного, так что и латинянки, заключенные с ними, стали постепенно присоединяться к «практикам» московских сестер.

Шла уже вторая неделя Великого поста. Анна Ивановна сама провела с сестрами великопостные духовные упражнения на общую тему «О жертве Христовой». Как вывод и поучение она высказала им мысль, записанную впоследствии одной из свидетельниц:

«Вероятно, каждая из вас, возлюбив Господа и следуя за Ним, не раз в душе просила Христа дать ей возможность соучаствовать в Его страданиях. Так вот, этот момент теперь наступил. Теперь осуществляется ваше желание страдать ради Него».

Если слова Анны Ивановны переданы правильно, то нет основания сомневаться, что она выразила в них то, что сама выносила в сердце

за протекшие месяцы одиночного заключения. Они не могли не быть и для нее временем сильного духовного просветления. Призывая сестер следовать за ней на Крестном пути, началом которого было их заключение в тюрьму, Анна Ивановна делилась с ними тем горячим желанием приобщиться Страстям Христовым, которое назрело в ней во время ее одиночного пребывания в Люблинке.

Незадолго перед Пасхой 1924 г., почти всех сестер, вместе с Анной Ивановной, поместили в одной камере. Они усмотрели в этом особую милость Божию перед долгой разлукой и предстоявшими всем испытаниями и страданиями в ссылках и лагерях. Праздник Воскресения Христова они постарались отметить торжественностью, подобавшей этому великому дню. Сестры оделись в белые платья. В полночь они начали петь Пасхальную заутреню, и в Бутырской тюрьме зазвучало много раз повторенное «Христовое Воскресе». Не было у них в этот день недостатка и в праздничном угощении. Присланное им было разложено на столе, покрытом простыней для большей торжественности.

В день св. Екатерины Сиенской, 30 апреля, Анна Ивановна праздновала в тюрьме свои монашеские именины. В этот день сестры возобновили свои обеты.² А когда в середине мая они получили бумажки с приговорами, то все, не читая, отдали их Анне Ивановне, которая сама прочитала каждой из сестер ее приговор. Анну Ивановну присудили к десяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией; сестры получили от 3 до 10 лет тюрьмы, лагерей и ссылки.³

² Вот текст обета московских сестер, сообщенный автору о. Владимиром Абрикосовым: «В честь и славу Бога Всемогущего, Отца и Сына и Святого Духа, и всеблаженной Девы Марии и св. Доминика, мы, посвященные сестры Т.О.П.М.О. (Терциарки Ордена Проповедников Московской Общины) св. Доминика, отдаем в жертву Пресвятой Троице нашу жизнь до последней капли крови за спасение России и за священников. В чем да поможет нам Господь наш И. Х., Его Пресвятая Матерь, наш бл. Отец св. Доминик и все святые чина братьев Проповедников. Аминь».

³ На свободе остались только три сестры. Старшая из них, Татьяна Галкина, была так тяжело больна (страдала фибромой мозга), что ГПУ ее не арестовало и оставило при ней для ухода Александру Балашову (сестру В. В. Балашова). Кроме них не подверглась аресту последняя из поступивших в общину - Нюра Золкина. После арестов, ГПУ сейчас же закрыло квартиру общины. Трех оставшихся сестер переселили в одну комнату. Татьяна Галкина не теряла присутствия духа и, лежа в постели, объяснялась с представителями власти и отдавала распоряжения сестрам. Ей удалось отстоять права на некоторые общинные вещи и библиотеку. Благодаря ей, власти не забрали всего, что принадлежало общине. Оставшиеся вещи снесли к знакомым, чтобы впоследствии продать и вырученные деньги употребить на помощь сосланным сестрам. Церковные вещи отнесли в латинский костел Непорочного Зачатия Пресвятой Богородицы. Больная распоряжалась и устройством оставшихся

II - РАЗГРОМ В ПЕТРОГРАДЕ

Обыск и арест Ю. Н. Данзас. - Шесть месяцев в Лубянской тюрьме. - Приговор: десять лет тюремного заключения. - Путешествие этапным порядком в Иркутск. - В Иркутской мужской и женской тюрьме. - Отправление в ссылку на Соловки.

13 ноября 1923 г., накануне праздника св. Иосафата, в церкви св. Станислава на Торговой улице, о. Алексей Зерчанинов служил восточную литургию. Вечером, там же была латинская служба, во время которой ксендз Хомич сказал по-русски прекрасное слово об Унии. Затем все перешли в зал церковного дома, где Юлия Николаевна прочла « Исторический очерк о св. Иосафате ». После доклада и следовавшего за ним собеседования, у настоятеля о. Слоскана состоялся скромный ужин для духовенства, на котором, в числе трех приглашенных мирян, присутствовала и Юлия Николаевна. За столом она сидела рядом с о. Уссасом; он шепнул ей на ухо, что отъезд за границу предполагается в начале будущей недели. Казалось, что желанию Юлии Николаевны вырваться из советской России суждено наконец сбыться. Тревожного в ближайшем будущем, как-будто, не предвиделось ничего.

на ее попечении детей и оказанием помощи арестованным сестрам. Нюра Золкина успела приготовить им самое необходимое для ссылки. Каждая сестра получила большой полотняный мешок, который можно было носить через плечо, содержащий 3-4 смены белья, 2 платья, подушку, одеяло и немного продуктов.

Материальное положение сосланных было бы очень тяжелым (многие, вступая в общину, порывали с православными родными), если бы не подоспела « Папская миссия помощи голодающим ». Благодаря ей, сестра Галкина могла снабдить сосланных необходимым на дорогу и содержать общинских детей. Здоровье ее заметно ухудшалось, она очень страдала и сознательно готовилась к смерти. Скончалась она в феврале 1926 г., приняв все Таинства от латинского священника, посещавшего ее во время болезни и приобщавшего регулярно раз в неделю (приходить чаще он не мог из-за множества дел).

После ее смерти, старшей в Москве осталась Александра Балашова. Вскоре умерла ее сестра Валентина, мирская терциарка, жена сосланного о. Николая Александрова. Балашова вела переписку с сосланными сестрами, старалась помочь им. Ей удалось послать каждой молитвенник, Евангелие, Псалтирь и несколько духовных книг. Она сделала также немало и для оказания материальной помощи. Летом 1927 г. ее арестовали и присудили к трем годам ссылки на Соловки за организацию помощи ссыльным.

После нее осталась на свободе одна Нюра Золкина. Она разделила заботу о ссыльных с одной мирской терциаркой. 6 февраля 1931 г. обеих арестовали (одновременно со многими восточными и латинскими католиками) и приговорили к трем годам концентрационного лагеря в Сибири тоже за организацию помощи ссыльным.

С этой радостной вестью Юлия Николаевна вернулась домой. Мысли ее в этот вечер были очень далеки от того, что должен был принести завтрашний день. Однако, на другое утро сразу же пришлось насторожиться и вернуться к суровой советской действительности. Юлия Николаевна узнала об арестах в Москве. Происшедшее там 12 ноября не предвещало ничего хорошего и петербургским католикам. Юлия Николаевна и Башкова решили, что и им нужно ждать вскоре ареста. Вернувшись со службы, они принялись уничтожать все, что при обыске могло бы показаться подозрительным.

В 6 часов вечера, едва они успели сварить себе похлебку на ужин, как раздался звонок. Пришел один русский католик из числа бывших прихожан Бармалеевой церкви, служивший теперь в Гатчине на железной дороге. После ареста о. Леонида он скрывался и теперь зашел наведаться, предполагая, что все обстоит благополучно.

— Ну и плохое же время вы выбрали, — заметила ему Юлия Николаевна, — лучше уезжайте поскорее.

Но он был голоден и продрог. Его обогрели, дали поесть горячего супа и стали выпроваживать по добру и по здорову. Однако, когда открыли выходную дверь, увидели два штыка, преграждавшие путь, и услышали окрик:

— Выходить нельзя!

Пришедший сюда на разведку ожидал этого меньше всего. С ним чуть не сделался обморок, так что Юлия Николаевна дала ему для успокоения велерьяновых капель. Минут через десять явилось несколько милиционеров в сопровождении председателя домового комитета. Юлия Николаевна осведомилась, есть ли у них ордер. Последовал новый окрик:

— Тут не до разговоров, выстраивайтесь все, кто на квартире!

Непрошенный посетитель беспомощно сидел в кухне на дровах, в которых была попрятана церковная утварь. Представителей власти удалось убедить, что он зашел сюда только случайно; документы у него оказались в порядке, и его выпустили. После этого в квартире начался тщательный обыск. Он длился долго, но не дал никаких результатов. Дров в кухне не тронули, и священные сосуды остались на месте. Тем не менее, Юлии Николаевне объявили, что она арестована. Ей позволили взять с собою только самое необходимое (смену белья, мыло, гребенку и т. п.) и под стражей увели из дому. Пришлось, наконец, и ей оторваться от того, на что каждый человек на земле имеет, все-таки, право. Как ни жалки были сами по себе собранные здесь остатки ее красивого прошлого, все же в них было нечто личное, принадлежавшее ей, к чему она, как и всякий человек, была как-то привязана. Теперь

ее увели, оторвали и от этого дома, и никогда уже больше она не смогла сюда заглянуть. В тот же вечер арестовали и К. Н. Подливахину в ее квартире этажом ниже.

Через несколько дней, на допросе, Юлии Николаевне объявили, что властям известно доподлинно, что она является эмиссаром Рима и ведет с Папой личную переписку; ее спросили, где хранятся те письма, которые ей посылает Папа Римский. Всех католиков обвинили по 61-й статье Советского Уголовного Уложения за активное участие в организации, имевшей целью помогать международной буржуазии в борьбе против советской власти. На просьбу указать, к какой именно организации они принадлежали, давался ответ, что достаточно признавать Папу Главой Церкви, чтобы считать доказанным сотрудничество с буржуазией.

Юлию Николаевну продержали в доме предварительного заключения больше месяца. 20 декабря ее отправили в Москву на суд, который даже не состоялся. Она ехала туда вместе с пятью другими католиками - двумя униатскими священниками и тремя женщинами. Женщин поместили в вагоне вместе с одиннадцатью проститутками. В пути, при участии конвоя, на их глазах происходили самые гнусные оргии, которые только можно себе представить. Начальник конвоя сжалился, в конце концов, над католичками и перевел их в вагон к мужчинам, где униатские священники сидели в обществе нескольких уголовных преступников. В страшной тесноте, после почти трех дней пути, арестованные прибыли наконец 23-го утром в Москву.

С вокзала Юлию Николаевну отправили под конвоем в Новинскую женскую тюрьму. Тут ей сразу пришлось оказаться свидетельницей совсем необычной картины. В этот день в тюрьме что-то праздновалось, и арестованным женщинам позволили забавляться. Они устроили в тюремном коридоре бега. Около восьмидесяти совершенно голых женщин, с татуированными телами, носились по коридору и кончили тем, что устроили « шабаш ведьм » перед камерой политических заключенных, куда вели Юлию Николаевну. При входе в камеру ей бросилась в глаза молодая девушка, видимо из хорошей семьи, прижавшаяся в ужасе к старушке, как оказалось, игуменье одного из московских монастырей, которая закрывала ей лицо шалью, чтобы не дать ей видеть и слышать происходившего в коридоре.

В этой камере, переполненной до отказа, Юлия Николаевна провела ночь перед Рождеством. Чтобы укрыться для молитвы от посторонних взоров, она спряталась за « парашей », стала там на колени и мысленно перенеслась в Рим в собор св. Петра. В эти минуты, несмотря на жуткий контраст, ей было дано ощутить полное единение со всем христианским

миром, встречавшим теперь великий праздник Рождества Христова. Здесь Юлия Николаевна пробыла только два дня. 26 декабря ее перевели под конвоем двух вооруженных солдат в Лубянскую тюрьму, где она оказалась в одной камере с Лидией Чеховской. Юлия Николаевна была рада встретиться с ней, но совместная жизнь их длилась недолго. Через месяц Чеховскую увели, а Юлия Николаевна осталась одна в камере.

В ночь на 1-е января ее, наконец, вызвали на допрос. На столе следователя она увидела объемистую папку с надписью « Дело Абрикосовой, Сапожниковой и др. » Из этого Юлия Николаевна вывела заключение, что ее дело обобщали с ними, хотя никаких вопросов о московской общине ей не задали. Следователь спросил ее:

— Почему вас называют Иустиной?

— Потому, - ответила Юлия Николаевна, - что это мое монашеское имя.

— Кто же вас постригал?

— Экзарх, 25 марта 1922 г.

— Он не имел права вас постригать, - возразил следователь.

Это замечание неприятно поразило Юлию Николаевну. Она подумала:

— Значит кто-то сообщил ему... Сделать это могла или Подливахина или Анна Ивановна. Больше никто.

Следователю она ответила:

— Ну я с вами прав экзарха разбирать не стану; это уже из незнакомой вам области.

После нескольких общих вопросов о прошлом, о родителях и т. п., следователь намекнул Юлии Николаевне на запись ее разговора с секретарем Петроградского совета (который она переслала через Подливахину о. Леониду), попавшую в ГПУ вместе с прочей отобранной у о. Леонида перепиской:

— ... даже какие-то глупости писали ему про товарища секретаря Петроградского совета...

Юлия Николаевна промолчала, так как тут дело шло о « незаконной переписке » заключенного экзарха с его прихожанами и говорить об этом ей было нельзя, чтобы не навлечь на него кары. Следователь бросил эти слова мимоходом и, не получив ответа, не настаивал. Он сказал Юлии Николаевне:

— Вы человек слишком ученый, чтобы верить в Бога. Поэтому вашу принадлежность к Церкви я могу объяснить себе только политическими соображениями. Ну скажите сами, как можно согласовать религию с наукой?

Началась длинная дискуссия о доказательствах существования Бога. Длилась она не менее часа. В заключение следователь заметил Юлии Николаевне, что она сильный полемист и выразил желание продолжить собеседование в другой раз. Юлия Николаевна спросила его, в каком же преступлении ее обвиняют, раз никакой советский закон не запрещает верить в Бога и быть преданным Церкви. Следователь снова заметил, что об этом они тоже поговорят в другой раз и велел отвести Юлию Николаевну назад в камеру. После этого ее больше не допрашивали и не предъявляли никакого обвинения.

В Лубянской тюрьме, в полном одиночестве, без книг, бумаги и карандаша, Юлия Николаевна провела около шести месяцев. Она сделала себе четки из черной тесьмы, которую отпорол от юбки; крестик ей удалось смастерить из двух спичек, связанных той же тесьмой. В конце апреля ее перевели в Бутырскую тюрьму. Там она узнала, что в одной из камер сидит Анна Ивановна с московскими сестрами, а также и Чеховская со старушкой Нефедьевой. Юлия Николаевна попросила перевести и ее к церковницам, но ей отказали. Встретилась она с ними уже в так называемой «комнате душ», находившейся в подвальном помещении тюрьмы, куда собирали заключенных перед отправлением в ссылку. Тут же производилась последняя переключка и обыск.

Были в «комнате душ» еще и другие женщины, тоже ждавшие отправки в ссылку. Одна из них обвинялась в незаконной торговле: продала свое платье, чтобы купить хлеба; другая - в спекуляции: ее уличили в продаже на улице пирожков, которые она сама же пекла, чтобы как-нибудь добывать средства к жизни. Две девушки были обвинены в шпионаже; они танцевали на вечере, устроенном британским консулом. Были и обвиненные в сношениях с заграницей: они получали письма от родителей эмигрантов.

На другой день Юлии Николаевне вручили приговор, из которого она узнала, что участвовала в контрреволюционной организации, за что ее присудили заочно согласно ст. 61 к десяти годам тюремного заключения. Через два дня, вместе со всеми церковницами (кроме Подливахиной, которая почему-то не попала в ссылку; ее присудили к 10 годам, но наказание она отбывала в московском Лефортовском изоляторе, работая в тюремной больнице), ее отправили «этапным порядком» в Сибирь. Всех посадили вместе в арестантский вагон, присоединив к ним дюжину проституток последнего разряда, одна из которых была главарем шайки бандитов. Вагоны, в которых перевозили тогда заключенных от одного «этапа» до другого, назывались «Столыпинскими», по имени царского министра Петра Аркадьевича Столыпина, игравшего в свое время немалую роль и в жизни Петербургской

католической группы. Это были вагоны третьего класса, с отделениями, отгороженными от коридора решеткою. Конвойные находились в коридоре и оттуда наблюдали за заключенными. Хотя эти вагоны и были «Стольпинскими», но пользование ими теперь было иное, чем в «стольпинские» времена. Тогда в такие отделения помещали 6 человек; каждый арестант мог свободно вытянуться на скамейке, как в спальнях вагонов третьего класса; скамьи были в три яруса. Теперь скамьи соединялись вместе; заключенные могли на них устроиться лежа, а сидя - только согнувшись и с вытянутыми ногами. Благодаря этому, в отделение можно было вместить 12 человек, по четыре в каждом ярусе. Ехать в таком положении, от этапа до этапа, приходилось в среднем 2-3 дня, но иногда путь затягивался до пяти дней.

Этапом называлась перемена конвоя на промежуточных станциях. Между Москвой и Иркутском, местом назначения Юлии Николаевны, о чем ей сообщили в Перми, было пять этапов (Екатеринбург - Тюмень - Омск - Новосибирск - Красноярск), где обессиленных заключенных выводили из вагонов буквально в полуживом состоянии, выстраивали рядами по четыре и нагруженных багажом (если таковой имелся) вели под конвоем в местную городскую тюрьму. Тут они дожидались нового конвоя, который принимал партию и сопровождал до следующего этапа.

Арестованные ждали на этапах по 10-15 дней. Все это время их держали в каком-нибудь подвале, так как самые тюрьмы были тогда все переполнены. В пищу давали обыкновенно то, что оставалось от заключенных в тюрьме, если, вообще, что-нибудь оставалось. Однако, еще хуже голода была грязь, корой покрывавшая всех. Для политических заключенных особенно мучительным было тесное соприкосновение с подонками общества в лице уголовного элемента, от которого их никогда не отделяли. Помещали всех всегда вместе, по 40-50 человек, на пространстве 20-30 кв. метров. Вдоль стен были нары; согласно правилам, на каждого заключенного полагалось по три доски, но в действительности, из-за переполнения тюрем до отказа, с этим отнюдь не считались. Кому не хватало места на нарах, тот располагался под нарами на полу. Там обычно должны были искать себе место вновь прибывавшие.

На каждом этапе производилось четыре обыска: старым конвоем - перед сдачей заключенных в тюрьму; тюремной стражей - при приеме; ею же - перед выходом из тюрьмы; и, наконец, новым конвоем - при приеме партии заключенных. Конвойные обыскивали их под открытым небом, как придется, в грязи или на снегу; с дождем они не считались. Белье и прочие вещи приходилось убирать наспех, смятыми и грязными,

выслушивая брань и подвергаясь ударам прикладов, которыми конвойные торопили людей трогаться в путь. В общем, путешествие этапным порядком считалось самым тяжелым из всех ужасов, которым заключенных подвергали тогда в советской России. При воспоминании о них, пережившие эти мучения всегда удивлялись, как у них хватило на все это силы.

Начало этого путешествия было для Юлии Николаевны очень мучительным. Она села в вагон тяжело больная (страдала кровотечением), забилась в угол и не принимала участия в общей жизни вагона, только наблюдала за ней. Московские сестры сразу установили дружеские отношения с конвоирами; хором пели для них песни, делились лакомствами. Анну Ивановну они окружали заботами, хлопотали вокруг нее, приносили умываться, не допускали до общей уборки. К другим - выражали полное равнодушие, не только к Юлии Николаевне (к ней у них было особое отношение), но и к старушке Нефедьевой, которая заслуживала внимания к себе из-за преклонного возраста и нуждалась в помощи. Юлия Николаевна призналась, что это ее раздражало, от чего, конечно, она только проигрывала в глазах « благодатных сестер », как она их не без горечи называет в своих воспоминаниях. Анна Ивановна много говорила, отдавала время от времени распоряжения, которые иной раз тоже удивляли Юлию Николаевну. Так например, двум сестрам попало за то, что они, перепачкавшись, взяли щетку, чтобы почиститься:

— Как можно чиститься в воскресенье!

Вступить в разговор с сестрами ей удалось только после того, как группу разъединили. Анну Ивановну, Чеховскую и Нефедьеву оставили в Екатеринбурге. 15 сестер доехали с нею частью до Тюмени, частью до Новосибирска. Оттуда уже ехали втроем: Юлия Николаевна, Галина Енткевич и Елизавета Вахевич. В пути, состав заключенных все время менялся, так как их везли в разные места, но общее число людей в партии оставалось примерно тем же - около 400 человек. В те годы центральный Новосибирский этап пропускал каждое лето от 50 до 60 тысяч заключенных, но были года, когда это число доходило до ста тысяч. Зимой оно значительно уменьшалось, так как много людей замерзало в пути. В одну зиму смертность достигла 60%.

Юлии Николаевне особенно запомнился Омский этап. Тюрьма находилась в 11 км от вокзала. Прибывшей партии надо было пройти через весь город и идти еще 5-6 км. за городом, по нестерпимой жаре. На две подводы, сопровождавшие арестованных, погрузили только часть багажа и 5-6 совершенно изнеможенных женщин, которые не могли

больше двигаться. По дороге в тюрьму, с несколькими заключенными сделали солнечные удары; двое старух умерло.

На последнем перегоне, Омск-Иркутск, ехали в общем арестантском вагоне, мужчины и женщины вместе. Среди арестантов был один человек, интеллигентный, без всякого багажа, совершенно ободраный; один рукав у него совсем отпоролся, чуть держался. Бедняга жалобно оглядывал женщин, очевидно надеясь, что какая-нибудь придет ему на помощь. Никто не двигался. Юлия Николаевна предложила свои услуги, хотя шить она совсем не умела:

— Я вам кое-как сделаю, чтобы рукав только держался, а там найдется добрый человек, сделает по-настоящему.

Говоря это, она посматривала на Енткевич, которая шила прекрасно, но та, не отводя глаз, смотрела строго в окно. В конце концов, Юлии Николаевне все-таки удалось подшить рукав, и бедняга рассыпался в благодарностях.

Анна Ивановна, расставаясь с сестрами, назначила Енткевич старшей, хотя ей было всего 27 лет, а Вахевич — уже за сорок. Енткевич почему-то распространила свои права старшей и на Юлию Николаевну. На другой день она сделала ей выговор:

— Должна вам сказать, что вы нас вчера поставили в очень неловкое положение: вышили в воскресенье!

Так как никакие доводы не могли ее убедить, Юлия Николаевна посоветовала Енткевич прочесть притчу об овце, попавшей в яму, но услышала в ответ:

— Мне нечего читать Евангелие, я правила жизни знаю.

Все это, конечно, не могло никак сблизить Юлию Николаевну с Абрикосовскими сестрами.

* * *

Тюрьма в Иркутске, куда они попали, была рассчитана в свое время на 1000 заключенных. При большевиках в ней помещалось 5000, а нередко и больше. Женщины занимали четыре небольших дома, окруженных изгородью, в которых прежде находилась тюремная больница. Юлию Николаевну поместили одну в небольшой камере, размером в три квадратных метра. В соседней камере оказались вместе Енткевич и Вахевич. Остальной контингент составляли сплошь уголовные. Число их колебалось от 300 до 600 человек. Юлии Николаевне пришлось познакомиться здесь с одной женщиной, имевшей на совести 27 убийств; конечно, число это было ничтожным по сравнению с тем, что имели за собою матерые палачи ГПУ, но Юлию Николаевну все-таки поражало,

как она со смехом рассказывала о своих похождениях. Подавляющее же большинство женщин были просто воровки. Нравы в тюрьме были самые ужасающие. Заключенные дрались и даже убивали друг друга. Раз дело дошло до такого побоища, что стража не решилась войти в камеру, где около пятидесяти женщин билось не на жизнь, а на смерть. Тюремная администрация вызвала на помощь пожарную команду, которая стала поливать их через окна водой. Бой утих лишь тогда, когда вода дошла до колен. Среди пострадавших оказалось несколько скальпированных женщин; волосы у них были вырваны вместе с кожей.⁴ Самым ужасным было то, что многие из них имели при себе детей, не только новорожденных, но и подростков, до десятилетнего возраста; общее число детей среди заключенных достигало пятидесяти. Трудно даже представить себе, на что эти дети тут насмотрелись, чему научились. Юлия Николаевна была свидетельницей, как мамыши устроили « потешную » свадьбу: поженили для забавы четырехлетнего мальчика с девочкой такого же возраста.

За пищей (300 гр. хлеба, кислая капуста в воде или вареная крупа) нужно было ходить на кухню; воду - доставать самому из колодца. Вместо уборной - имела во дворе канавка. Все это находилось в разных углах пространства, отгороженного под женскую тюрьму. Пользоваться этими « удобствами » зимой, при морозе 30 и даже 50 градусов, было, что и говорить, нелегко.

Енткевич и Вахевич получали регулярно хорошие посылки и в общем, по тюремному масштабу, питались исключительно хорошо. Посты они соблюдали строго, но способ соблюдения их вызывал негодование заключенных. Сестры отказывались от конины, чтобы не оскоромиться, и в постные дни ели получаемые консервы и другие лакомства. По воскресеньям у них полагалось какао. Изготовление и вкушение его граничило со священнодействием. Юлии Николаевне

⁴ Впрочем, нельзя сказать, чтобы тюремная администрация оставляла заключенных совсем без всякого культурного попечения. Время от времени устраивались лекции. Юлия Николаевна присутствовала на одной из них, прочитанной какой-то женщиной на тему о происхождении человека. Лекторша объяснила « научно », что человек произошел « из воды, газов и болота » (дословно!). Слушательницы, в большинстве уголовные бабы из подонков человечества, запротестовали. Одна возразила:

— Что ты, что ты! Будто не знаем, как нас мать родила! Моя-то была не то, что я, порядочная женщина, по болотам не таскалась.

Другая заметила:

— А вот теперь знаем: это вот коммунисты, те от жаб, да из болота.

Раздался одобрительный хохот. Лекторша промолчала.

сначала показалось, что такое спокойное пользование лакомой пищей среди голодных было выражением бессердечия, но потом она убедилась, что тут придавалось большое значение тому, чтобы отметить праздник особым лакомством. Поэтому и делиться с другими было нельзя, (иначе могло самим не хватить), чтобы выполнить надуманную обязанность. Сестры никак не могли понять, почему Юлия Николаевна укладывалась для молитвы на койку и закрывалась одеялом. Они уверяли ее, что это нечто вроде отступничества, что нужно не таиться от неверных, а просто не обращать на них внимания. Юлия Николаевна указывала им, что, напротив, они своим поведением как бы сами вызывают кощунственное отношение к христианству. Но они этого никак не могли понять.

Первое время Юлия Николаевна работала в Губернской Инспекции мест заключений. Там требовалось срочно доставить отчет за пять лет. Губернский инспектор был полуграмотный человек, бывший уголовный. Дела у него были так запущены, что никто из его помощников не мог в них разобраться. Последовал приказ доставить в инспекцию кого-нибудь из заключенных «потолковее». Выбор пал на Юлию Николаевну, и ее стали отправлять туда на работу, под конвоем, совершенно так же, как других отправляли мыть полы или подметать улицы. Такие выходы из тюрьмы были связаны для Юлии Николаевны все же с некоторым ослаблением тюремного режима. Случалось, что конвойный окажется «добрым малым», и тогда она отпрашивалась у него зайти по пути в церковь. Дважды ей удалось благодаря этому причаститься. Раз она оказалась в церкви в праздник Тела Господня. В своем нищенском рубище она приняла участие в процессии вокруг церкви. Конвоир в это время прохладился в соседней пивной, где она его потом разыскала, и они вместе продолжили путь. Однажды у Юлии Николаевны была на пути любопытная встреча. Она увидела выходящего из собора архиерея в клобуке, под руку с женщиной.

— Кто это? - спросила она у своего конвоира, оказавшегося и на этот раз «добрым малым».

— Да это Владыка с Ее Преосвященством, должно из живцов, - ответил тот совершенно равнодушно.

Через несколько месяцев вышел приказ не назначать политических заключенных ни на какие работы и подвергать их самому строгому тюремному режиму. Тогда Юлию Николаевну перевели в мужскую тюрьму. В соседней камере оказались опять вместе Енткевич и Вахевич. Они и тут как-то устроились, и запрещение их не коснулось. Обе были даже на платной работе. Енткевич служила машинисткой в отделе

бухгалтерии. Так как никаких сумм на машинистку по штату не полагалось, то деньги списывались со счетов каких-то возчиков, труд которых заменяли бесплатной работой заключенных. Вахевич назначили учительницей по ликвидации неграмотности. На время ревизии, обеих убирали и временно скрывали, а потом опять ставили на прежнее место. Вахевич, страстная садоводка, выпросила себе цветочные семена, развела во дворе цветы, и при посещении начальства подносила красный букет. Злые языки распространяли по этому поводу сплетни, касавшиеся нравственности обеих сестер, но Юлия Николаевна категорически утверждает, что это было неверно; в этом отношении сестры были безупречны, как вообще все в московской общине, что, впрочем, не мешало им ладить с начальством и пользоваться его благосклонностью.

Режим в мужской тюрьме был, примерно, такой же, как и в Бутырской, с той только разницей, что здесь тюремная стража не питала никаких симпатий к советскому строю, разговаривала с заключенными и высказывала такие суждения, каких трудно было от нее ожидать. Заключенным разрешались прогулки во дворе группами по 10-15 человек; им было запрещено разговаривать, но стража смотрела и на это сквозь пальцы. В числе заключенных оказался последний из трех священников той латинской церкви, куда заходила Юлия Николаевна. Все трое были по очереди арестованы и попали в тюрьму за отказ дать подписку о том, что не будут учить детей закону Божию. Когда последний священник был арестован, то он захватил с собой пресуществленную Хостию для Юлии Николаевны и смог причастить ее во время прогулки во дворе. Это было ее третье и последнее Причастие в иркутской тюрьме.

По ночам агенты ГПУ уводили осужденных на расстрел. Тишину тюремной ночи нарушал тогда шум открываемых дверей, топот ног, крики ужаса шедших на смерть, их мольбы о пощаде или проклятия по адресу власти. Все заключенные в тюрьме жадно прислушивались. Одной ночью увели 52 человека, в том числе 6 женщин; у двух были на руках грудные младенцы. На вопрос Юлии Николаевны о судьбе этих детей, тюремщики сказали, что матери их взяли с собою. А когда она спросила, что случилось с ними потом, те только пожалы плечами.

* * *

Однажды вечером, в августе 1926 г., Юлию Николаевну и сестер отвели с вещами в тюремную канцелярию, где уже было собрано 29 мужчин, политических заключенных. Тут же ждала стража, чтобы

принять эту партию. Все говорило за то, что их ведут на расстрел. Юлия Николаевна осведомилась об этом у начальника тюрьмы, и тот, хотя и с некоторым колебанием, ответил утвердительно. Заключенные тронулись в путь. Около полуночи они прибыли в ГПУ. Там их сразу заперли, трех женщин поместили отдельно в маленькой комнате, а мужчин всех вместе в другой, побольше. Потом наступила тишина. Каждый, по-своему, готовился к смерти. Тем не менее ночь прошла спокойно. На другой день солдат принес миску супа и три ложки. Сказал, что хотя они и не числятся в списке тех, кому полагается пища, но все-таки он будет приносить им еду из солдатского котла. Из этого можно было вывести заключение, что расстрел назначен на следующую ночь. Стали опять готовиться к смерти. Однако и вторая ночь прошла спокойно, а за ней и все следующие в течение целой недели томительного ожидания смерти каждую минуту. Юлия Николаевна свидетельствует, что Вахевич и Енткевич держали себя очень достойно, были спокойны. Отношения между тремя обреченными, как казалось, на смерть, были совершенно сердечны. Все три жили молитвой и готовились достойно встретить смерть.

На девятый день вечером вызвали с вещами Юлию Николаевну и Енткевич. Куда? Зачем? Не говорят. Было положительно неизвестно, кто из них предназначен теперь на расстрел, а кто остается в живых. Расставание обеих неразлучных сестер было очень тяжелым. Обе плакали, делили наспех пожитки, которые были у них в общем мешке. Думали тогда, что расстаются навсегда. Юлия Николаевна, прощаясь, поцеловалась с Вахевич. Енткевич, как «старшая», завещала Вахевич, до последнего вздоха, по возможности, выполнять правила. И вдруг Юлия Николаевна услышала последнее указание:

— А главное не забудь, *по воскресеньям всегда какао...*

Действительно, иногда от трагического до смешного-один шаг. Юлия Николаевна увидела это на опыте, ибо, несмотря на всю трагичность положения, ее в этот момент разбирал смех.

— Ведь это не растерянность, - сказала она потом, шли на смерть сознательно, так, как дай Бог всякому. А сказало духовное руководство, где над духом преобладала буква, доводившая сестер положительно до какого-то сектантского изуверства.

Юлию Николаевну и Енткевич присоединили к семнадцати уже ожидавшим мужчинам, и всех вместе, без каких-либо объяснений, водворили обратно в тюрьму. На следующей неделе туда же вернули и всех остальных. Последние были убеждены, что первую партию уже расстреляли, и сами они ждали все время того же. Двое мужчин при этом почти совсем помешались.

В тюрьме вскоре все разъяснилось. Оказалось, что в Иркутске ожидали приезда делегации немецких рабочих, которых, после Москвы, знакомили теперь с Сибирью. В числе прочего, имели в виду показать им, как выглядят в советской России места заключения. Для приёма немецких рабочих в этой тюрьме были сделаны следующие приготовления:

а) Политических заключенных, которые все знали более или менее иностранные языки и вследствие этого могли сказать что-нибудь немцам, передать им записку и этим испортить все впечатление, удалили временно из тюрьмы.

б) ГПУ не доверяло и тюремной администрации, опасалось, что кто-нибудь предупредит заключенных, возьмется передать от них что-нибудь немцам. Самого начальника тюрьмы ввели в заблуждение; он тоже был убежден, что политических повели на расстрел.

в) В тюрьме устроили клуб, с книгами, шахматами, музыкальными инструментами. Кроме того обставили одну комнату, поставили кровати и пустили в нее несколько заключенных, чистых, пристойно одетых для этого случая.

* * *

В начале 1927 г. Юлия Николаевна заболела цынгой. Состояние ее быстро ухудшилось, и к концу года ее считали уже умиравшей. В этом не было ничего необычного, так как тогда все болели цынгой. Тем не менее, об ее болезни почему-то сообщили начальнику местного ГПУ, который пришел в тюрьму лично справиться об ее состоянии. Тут произошло нечто для Юлии Николаевны совсем непонятное. Начальник ГПУ стал присылать ей лекарства, продукты; питание ее в тюрьме тоже улучшилось; ей давали молоко, топили камеру и, если не было черезчур холодно, пускали гулять несколько часов; дали книги для чтения, бумаги и все, что нужно для писания. Юлия Николаевна могла объяснить такое отношение к себе только тем, что в свое время, занимаясь в Петербурге благотворительностью, она, может быть, оказала какую-нибудь помощь родным и близким этого начальника; но сам он не сказал ей ничего о побуждениях, которыми руководствовался.

Весной 1928 г. Юлии Николаевне стало известно, что ее отправят на Соловки. Власти решили собрать туда всех политических заключенных, чтобы разгрузить тюрьмы, в которых не хватало места для уголовных. Вахевич и Енткевич оставили на месте, так как скоро кончался срок их пятилетнего заключения. В начале мая Юлии Николаевне

пришлось начать новое путешествие этапным порядком. Начальник ГПУ и тут пришел на помощь и распорядился отправить ее с партией мужчин. Это дало ей возможность ехать в отделении вагона одной и как-то дышать. Путь оказался более долгим, чем в нормальных условиях жизни. На северном, прямом пути, в особенности в Перми, все места заключения были до того переполнены, что нельзя было принять больше ни одной партии. Поэтому транспорт, в котором ехала Юлия Николаевна, отправили окружным путем, через Казань-Москву-Петроград. В Москве ей довелось побывать опять в Бутырской тюрьме, а в Петрограде - в Большой тюрьме на Выборгской стороне. В свое время, будучи членом комитета покровительниц заключенных, Юлия Николаевна не раз посещала эту тюрьму. Сравнив свои наблюдения тогда и теперь, она могла сопоставить здесь прошлое и настоящее и спросить себя, какие меры были бы приняты ею при « царском режиме », если бы она нашла в этой тюрьме нечто подобное тому, что в ней оказалось теперь при советах. Она невольно вспомнила и о том, что делалось тогда, чтобы поднять моральный уровень заключенных!

В конце концов, в начале сентября, Юлия Николаевна прибыла в Кемь, на берегу Белого моря, откуда ее после двух-трех дней ожидания в очень тяжелых условиях, отправили с большой партией заключенных на Соловецкие острова.

III - ВОСХОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЭКЗАРХА НА ГОЛГОФУ

Освобождение о. Леонида. - Несколько дней в Москве. - О. Сергей Соловьев. - Поселение в Калуге. - О. Иоанн Павлович. - Новая деятельность о. Леонида. - Третья поездка в Могилев. - Арест и ссылка на Соловки.

В начале 1926 г., архиепископ Цепляк и 13 латинских священников, осужденных « по делу Цепляка » и приговоренных к разным срокам заключения, были освобождены из тюрьмы. Как выражаются советские юристы, их « обменяли на мясо », т. е. на группу каких-то иностранных коммунистов. О. Леонид остался в тюрьме.

Жена Максима Горького, Екатерина Павловна Пешкова, выступавшая от имени польского Красного Креста и сделавшая уже так много для облегчения участи политических заключенных и ссыльных, решила взять на себя ходатайство об освобождении о. Леонида. Она обратилась лично в ГПУ и указала на несправедливость по отношению к о. Леониду: из всех осужденных по тому же делу он один остался в

тюрьме. Прося за о. Леонида, она поручилась, что если власти поставят ему какие-нибудь условия для пребывания на свободе, то он их не нарушит.

ГПУ удовлетворило ходатайство Пешковой, выпустило о. Леонида из тюрьмы, но потребовало, чтобы он не занимался пропагандой. Свободу его ограничили так называемым «минус шесть», т. е. запрещением въезда в шесть главных городов (Петроград, Москву, Киев, Ростов, Харьков, Одессу, включая сюда и морские гавани). Освободили о. Леонида на Страстной неделе; Пасха в том году (1926) была 19 апреля. Как и в дни своей тобольской ссылки, о. Леонид получил «проходное свидетельство», на основании которого местные власти выдали ему удостоверение на жительство, которое он должен был возобновлять каждый месяц.

«Вся возможна суть у Бога, - написал он епископу Каревичу в первом и единственном письме, сохранившемся из этого периода жизни (23-V-1926), - выпустили, наконец, и меня..., выпустили, конечно, со скрежетом зубов».

Местом жительства о. Леонид выбрал Калугу. Там была латинская церковь, и о. Леонид знал настоятеля о. Иоанна Павловича, литовца. Познакомился он с ним во время судебного процесса, на который о. Иоанн приехал в Москву. Личность экзарха поразила его с первого взгляда, и он не раз посещал его в тюрьме, пока это позволялось. С другой стороны о. Иоанн произвел на о. Леонида очень хорошее впечатление, и он отнес его к числу «обращенных к нашему образу мыслей». Таковыми, кроме о. Иоанна Павловича, для о. Леонида были отцы: Эдуард Юневич, Лукьян Хветько, Анатолий Неманцевич, конечно, Иосиф Белоголовый. О. Леонид решил теперь ехать к о. Павловичу и прибегнуть под его покровительство, в котором он, после трех лет и двух месяцев тюрьмы, несомненно нуждался первое время. Кроме того, центральное положение Калуги, в каких-нибудь 150 км. от Москвы, было тоже благоприятно для сношений с уцелевшими остатками русского католичества.

Первые дни своей «мнимой свободы», как назвал ее о. Леонид, он провел в Москве. Московский приход, после разгрома 1923-1924 г., представлял печальную картину. То, что еще оставалось в Москве, было лишь тенью прихода. Тем не менее, эти последние из русских католиков (их было человек тридцать) оказались крепко спаянными и глубоко религиозными. Воглавлял их теперь о. Сергей Соловьев. Его приютил у себя о. Михаил Цакуль в церкви Божией Матери на Грузинах, где о. Сергей совершал литургию по восточному обряду на бо-

ковом престоле.⁵ Шла Страстная неделя, и о. Леонид мог провести ее опять со своими. Он читал 12 Евангелий, служил Пасхальную заутреню и литургию. После службы, в Светлое Воскресенье, все разговлялись в одной из ризниц, имевшей отдельный ход со двора. Эти дни, после тюрьмы, были большой радостью для о. Леонида и отрадой для его

⁵ Неожиданная встреча о. Сергия Соловьева в Ярославле с митрополитом Андреем, после его освобождения, конечно, не могла не оставить следа. С 1919 г. о. Сергей жил в Саратовской губернии, занимая там должность учителя. Постепенно он стал тяготиться своим положением и написал о. Леониду, что не в состоянии больше жить в «схиме». На Рождество 1920 г. в Москве состоялось его воссоединение с Римом. Оно явилось немалым событием в кругах русской интеллигенции. Под первым впечатлением, он, по словам о. Леонида, «горел, кипел, сверкал», очаровал московскую общину, читал свою книгу «Скала веры», но в то же время сблизился и с латинскими священниками, говорил о польской миссии в деле обращения России, о необходимости некоторой латинизации восточного обряда, чем немало смущал русских католиков. Видимо у него была тогда потребность много делать, а еще больше - говорить. О. Леонид обнаружил у него «полное незнание нравственного богословия и очень плохое знание Отцов» (хотя он и был профессором патристики). Перед православными он терялся, когда заходила речь о папской «непогрешимости». К тому же о. Соловьев не показывал и особой ревности в священническом служении. О. Леонид пришел к заключению, что его нельзя выпускать сразу на поле миссионерской деятельности, тем более, что московские ксендзы всячески завлекали о. Соловьева к себе и уже радовались, что этот «русский Ньюман и Маннинг» (по словам о. Немоевского), уйдет в латинский обряд.

Однако, вместо этого, на Фоминой неделе 1921 г., о. Соловьев уведомил запиской о. Владимира Абрикосова о том, что сила благодати Божией и молитвы преподающего Сергия вернули его в лоно православной Церкви. Некоторые даже приписали такую перемену решивиду психического расстройства, которым он страдал в молодости. Другие говорили об оскорбленном самолюбии, которое не нашло удовлетворения в новом положении. Бердяев высказался об отсутствии в Соловьеве вообще призвания к священству. Московские католики отметили, что о. Сергей путался в своих объяснениях: то говорил, что причиной его ухода является «непорядочность московской общины, жестокость и тирания о. Владимира», то благодарил ту же общину за «участливое, хорошее и отеческое отношение» к нему. Так же высказывался о. Сергей и о. Леониду, когда тот пришел навестить его в Румянцевском музее, где он служил. Разговор их длился два с половиной часа. О. Соловьев одевался тогда по-штатски, писал стихи и увлекался классической литературой. О. Леонида он уверил, что не вернулся в православие, а считает себя «запрещенным католическим священником».

«Нетрудно было, конечно, доказать этому большому младенцу всю вздорность его представлений, - написал об этом свидании о. Леонид. Ругал я его крепко, а он смиренно слушал. Оказывается, что он не находит в католичестве глубины православия и еще не разрешил себе окончательно вопрос о папской непогрешимости, о моменте Пресуществления и об отношении католической Церкви к русским святым. Свой переход он считает ложным шагом (*faux pas*) и важно заявляет, что призван распространять и углублять «идеи своего дяди». Впечатление он производит

совсем уже « малого стада ». Видеть о. Соловьева было тоже для него утешением, также как и сердечное отношение лично к нему и вообще к русским католикам местных представителей латинского духовенства. В этой перемене сказывалось отсутствие бывшего влияния декана Зеллинского с одной стороны и Анны Ивановны Абрикосовой - с другой.

жалкое. Кажется порой, что он действительно страдает от раздвоенности. Вернется он или не вернется - неизвестно, но одно ясно, что это человек негодный для серьезного дела. Меня он любит попрежнему и просил позволения писать мне письма, на что я ему весьма охотно дал согласие ».

К счастью, это « умопомрачение с отпадением », как выразился о. Леонид, оказалось кратковременным. Благодаря старанию и благотворному влиянию о. Михаила Цакуля, о. Сергей снова вернулся в лоно Церкви и даже сделался, по словам о. Леонида, повывавшего его в 1926 г. « вир католициссимус ». Он стал во главе уцелевших остатков прихода, собрав вокруг себя около тридцати прихожан, держащихся вместе и искренне верующих. Священнический подвиг о. Соловьева в это трагическое время был настолько героическим, что о. Леонид назвал его « замечательным человеком ».

Проезжая через Москву, С. А. Лихарева нашла о. Соловьева « в обстановке поистине исповедника ». - « Дома, - рассказывает она в своих воспоминаниях об этих днях, - недостаток во всем, нет даже самого необходимого. Жил он вместе со своим другом в Ваганьковском переулке. Семья - под Москвой. Служил он в Грузии, где был настоятелем о. Цакуль. Зимой во время богослужения замерзала не только вода, но и вино; приходилось перед Пресуществлением отогревать около кадила. Было Рождественское время... Верующих, да еще восточников, было мало; они же чтецы, певчие. Всюду, в самом костеле, можно было встретить шпионов. Беседовали мы у о. Сергея на дому; в другой мой приезд - в одной из небольших чайных. О. Сергей пока еще не трогали, так как он имел документы профессора и литератора. О. Сергию удалось побывать в Петрограде и подкрепить нас. У автора этих строк, уже жившего в св. Екатерине в комнате о. Зерчанинова после его изгнания (Прим.: С. А. Лихаревой, ради памяти о. Алексея и чтобы не дать сразу в руки большевиков комнату, где в период гонения о. Алексей служил литургию у окна, удалось получить ее для себя по ордеру жилищного отдела), было даже два собрания при его участии. Одно - в память двадцатипятилетия со дня смерти Вл. Соловьева; мы отдали тогда честь памяти философа и несуществовавшего уже « Религиозно-философского общества ». Другое собрание, на котором о. Сергей прочел превосходный доклад о восточном церковном круге, происходило в квартире о. Болеслава Слоскана, искренне преданного нашему делу ».

15-2-1931 ГПУ арестовало в Москве почти всех оставшихся еще на свободе русских католиков во главе с о. Сергием Соловьевым. Его обвинили в том, что он имел связь с епископом Пием Неве, иностранным подданным, от которого получал средства для помощи русским католикам и их семьям; не будучи зарегистрирован, как настоятель прихода (по малочисленности прихожан), он выполнял эти функции нелегально (служил литургию в частных квартирах, исповедовал, крестил - в числе других - трех взрослых евреек - и воссоединял православных с католической Церковью). Следствие по делу всех арестованных тянулось семь месяцев. О. Сергию будто бы предлагали свободу, если он вернется в православие. На втором

Сгущенная, ненормальная атмосфера, независимо от того, кто в ней был прав, кто неправ, теперь выветрилась совершенно. Конечно, и протекшие жуткие годы, и неизвестность будущего сделали тоже свое. Повидимому и о. Карл Лупикович, новый настоятель прихода св. Петра и Павла, и его викарий о. Юлиан Томашевич, были такого же более здравого направления.

« Все трое, - по словам о. Леонида, - оказались на высоте положения ».

« Ничего подобного, что мы испытывали во время « царствования » декана Зелинского, уже не существует. Надеюсь также, что и прелат Малецкий, с которым я подружился в тюрьме, будет для меня отцом и другом. Его личное, высокое благочестие гарантирует от каких-либо ненужных « истинно-католических выступлений ». Он не хочет быть « plus catholique que le Pape », (большим католиком, чем Римский Папа) ».

Читать эти слова тем отраднее, что и в тюрьме о. Леонид, по свидетельству посещавших его, немало страдал из-за отношений с поляками. Останавливаться на них теперь, после приведенных слов, нет надобности, ибо все это принадлежало уже печальному прошлому. Отметим только, что дурного чувства о. Леонид ни к кому не питал, хотя ненормальность положения Российского Экзарха в то время удручала его очень сильно. Слов нет, испытание о. Леонида было нелегким.

* * *

Вечером, в первый день Пасхи, о. Леонид покинул Москву. В Калуге, о. Иоанн Павлович принял его как родного. Поместил у себя до приискания подходящей квартиры и обставил жизнь о. Леонида со

или третьем месяце заключения он лишился рассудка; из тюрьмы его перевели в психиатрическую лечебницу ГПУ. Помимо исключительно тягостных моральных условий Лубянской тюрьмы, на о. Сергия действовало угнетающе то, что один из его любимых прихожан, которого он очень ценил, оказался тайным сотрудником ГПУ. Он понял это из допроса на следствии. Свой приговор - высылку на 10 лет в Среднюю Азию (Казакстан), о. Сергей получил в состоянии психического расстройства. О немедленном приведении приговора в исполнение не могло быть и речи. ГПУ соглашалось освободить о. Сергия под поручительство, « впредь до выздоровления ». Общество литераторов дало требуемое поручительство, но некому было взять о. Сергия на свое попечение из-за недостатка средств и страха стать за это самому жертвою ГПУ, так как всем была известна особая ненависть большевиков к русским католикам. В конце концов, когда помешательство о. Сергия Соловьева стало тихим, его выпустили на свободу. Таким он и остался; ясность мышления к нему не вернулась.

всем доступным в то время комфортом. Снабдил его и деньгами, чтобы привести в порядок затасканную по тюрьмам одежду.

« Этот человек, - пишет о нем о. Леонид, - под грубоватой внешностью хранит золотое сердце и отличается истинно апостольской прямо-той. Православные его уважают и любят, так как не видят в нем ни фанатизма, ни того несчастного « панства » которым страдает известная часть латино-польской братии ».

Здоровье о. Леонида стало заметно поправляться. Первой заботой его было собрать сведения о русских католиках. То, что он уже услышал в Москве и узнал здесь о своих верных, было крайне печально. 38 лучших прихожан сидело по тюрьмам и находилось в ссылках. Среди них были две пожилые женщины, 54 и 57 лет, к тому же еще и больные. Впрочем, ни о ком нельзя было сказать тогда, чтобы он отличался хорошим здоровьем. Почти все страдали цынгой, в особенности на Соловках и в Сибири, были случаи заболевания туберкулезом, анемией и т. под., вызванные ужасными условиями жизни.

« Но телесная немощь, - как писал об них о. Леонид, - с избытком покрывается божественной благодатью. Их редкие письма дышат такой ясностью духа, таким смирением перед волей Провидения, такой радостью за свои страдания во Христе, что мне остается только благодарить Бога и учиться у них христианской стойкости ».

Все они жили в « тюрьме народов » в самых неблагоприятных условиях, разбросанные по необъятному пространству, именовавшемуся некогда Российской Империей. Петроградские католики были теперь на Соловках, в Суздале, Тобольске, Иркутске, Березове и Нарымском крае. Все сидели только за то, что были католиками. Арестованному о. Зерчанинову объявили в ГПУ « коротко и ясно »:

— Раз вы католик, то значит и контрреволюционер!

О. Епифаний Акулов ездил по каким-то делам в Витебск и отсутствовал во время ареста Ю. Н. Данзас и Подливахиной. Вернувшись « домой », на Полозовую улицу, он нашел квартиру Ю. Н. Данзас запертой (после предварительного ограбления). Пошел справиться к родным Подливахиной, но те его к себе не пустили (вероятно, из предосторожности). Что было делать о. Епифанию? Куда деваться? Он быстро принял решение. Пошел в милицию и заявил, что и он русский католик, священник.

— Почему меня не арестуют? - спросил он.

— У нас нет ордера на арест.

Это показалось о. Епифанию несправедливым; он не пожелал быть исключением и настоял на аресте. Его арестовали и приговорили к десяти годам тюрьмы. Отправили этапным порядком в Александров-

ский изолятор (80 км. от Иркутска). По случайному стечению обстоятельств, он оказался попутчиком Юлии Николаевны: ехал с ней в одной партии...⁶

В Калуге о. Леонид завел знакомство с местным старообрядческим епископом и со многими православными священниками. У них и у букинистов он нашел старые славянские издания по литургике и, кроме того, мог отдаться своим излюбленным работам по богословию.

Служил о. Леонид в местной католической церкви. У о. Иоанна оказался отрезок парчи, из которой молодой портной Алексей Колчаков, из старообрядцев, ученик о. Леонида, « человек набожный и чистого сердца », сшил ему восточное облачение. Служил о. Леонид, по свидетельству о. Иоанна, с великим смирением духа и благоговением, строго выполняя все обрядовые требования. Его проповеди, всегда поучительные и доступные пониманию даже обывателей среднего круга, стали привлекать в церковь не только католиков, но и православных. Правда, сначала прихожане о. Иоанна (их было тогда в Калуге человек пятьдесят) были смущены невиданной до этого восточной службой в латинском храме. Однако, авторитетное слово настоятеля их вразумило. О. Леонид мог лишний раз убедиться, как в русской католической миссии, в те времена, все зависело от того или иного отношения латинского духовенства.

Сам о. Иоанн был постоянно в разъездах. В Калуге он не задерживался дольше недели в месяц. Ему приходилось обслуживать ряд приходов, лишенных настоятелей; некоторые из них выехали в Польшу или Литву, другие, арестованные, находились в тюрьмах и ссылках. Вследствие этого о. Иоанн должен был объезжать огромный район, охватывавший города: Тулу, Орел, Брянск, Вязьму, Ржев, Тверь, Кострому, Рыбинск, Смоленск. О. Леонид замечал его во время отсутствия, обслуживая в Калуге и католиков латинского обряда.

В те годы, антирелигиозная кампания коммунистов достигла исключительной остроты. О. Иоанн попросил о. Леонида изложить популярно основные вопросы вероучения и сказать несколько проповедей о вере

⁶ О. Епифаний был в тюрьме на хорошем счету, и через восемь лет его выпустили, даже без обычных ограничений свободы. Во время тюремного заключения он переписывался с матерью, убеждая ее оставаться твердой в исповедании католической веры. После освобождения о. Епифаний явился в Москве к епископу Неве. Тот послал его в Петроград, в распоряжение Апостольского администратора епископа Амудрю. Появлением его последний был поставлен в немалое затруднение, так как богослужение по восточному обряду тогда запрещалось, а на латинском языке о. Епифаний едва мог читать. Все же епископ Амудрю разрешил ему служить на Стекляном заводе в загородной латинской церкви.

и неверии, о причинах неверия, о человеке, душе, творении и т. д. О. Леонид охотно откликнулся на его желание и выказал при этом, как всегда, и огромную эрудицию и блестящий ораторский талант проповедника. Слушать его приходили в церковь представители интеллигенции - врачи, юристы, учителя. Среди слушателей бывали и православные священники, которые, в свою очередь, просили о. Леонида дать им текст его проповеди. Один из них, получив от о. Леонида его проповедь о неверии, выучил ее наизусть и повторил дословно у себя в церкви. После обедни, церковный староста поблагодарил его за прекрасное слово и сказал:

— Если бы вы, батюшка, говорили побольше таких проповедей, тогда народ не ходил бы в костел слушать отца Леонида. Чует мое сердце недоброе: этот иезуит переманивает слушателей на свою сторону.

Популярность о. Леонида в Калуге росла с каждым днем. Православное духовенство отдавало должное его личным качествам и образованности. Губернское общество настолько заинтересовалось о. Леонидом, что один местный деятель, очень влиятельный в интеллигентных кругах, попросил о. Иоанна познакомить его с о. Леонидом и устроить собеседование с ним. Желающие собрались у него на квартире. В числе приглашенных были: о. Анатолий Кобелев, окончивший Институт Восточных языков во Владивостоке и естественный факультет при Петербургском университете и одно время прикомандированный к русской миссии в Японии; молодой философ Архангельский, заинтересовавшийся теперь и религиозными вопросами. Выступление о. Леонида быстро поставило его оппонентов в положение слушателей, ждавших от него только объяснений на вопросы, которые ему задавались.

О. Леонида стали приглашать в лучшие дома в городе. Всюду его не только принимали с большим уважением, но и благодарили за внимание, оказанное посещением. Все ценили в нем замечательного проповедника и интересного собеседника. Располагал же к себе о. Леонид главным образом тем, что он никогда не говорил ничего против православия, никто не слышал от него слово «схизма», которое всегда звучит как-то оскорбительно для православного русского. Никто не мог сказать, что о. Леонид кого-нибудь «совращал», как православные называют иногда воссоединение с католичеством, что он побуждал кого-нибудь к такому переходу. А между тем, все, что делал и говорил о. Леонид, было проповедью чистого, восточного католичества. Все отдавали себе в этом отчет. Православные говорили о нем:

— Если ему удастся вот так побороть нашу неприязнь к католичеству, то он многого этим достигнет.

* * *

День за днем, тихо и спокойно, веянием Духа Божиего, развивалась апостольская деятельность о. Леонида в Калуге, словно направляемая здесь Самим Провидением, для продолжения великого дела Воссоединения Христиан, начатое с такими трудами в Петербурге и прерванное из-за его тюремного заключения на три с половиной года. Но и здесь, начатую столь успешно работу прервала его поездка опять в Могилев. Тамошний декан (благочинный) о. Иосиф Белоголовый, узнав об освобождении о. Леонида и об его жизни в Калуге, просил его приехать в Могилев, как и в былые времена, на праздник св. Антония Падуанского или же прислать к нему какого-нибудь священника восточного обряда. Кого мог послать вместо себя о. Леонид? В его распоряжении не было теперь решительно никого. Поэтому он решил отправиться туда сам.⁷

О. Павловичу казалось, что поездка о. Леонида не предвещает ничего доброго и кончится плохо. Уже деятельность его в Калуге достаточно обратила на себя внимание местного ГПУ, а тут – опять новая поездка, в самый центр Унии, столь ненавистной коммунистам, и притом вскоре после освобождения из тюрьмы. Тем не менее, о. Леонид обратился в местное ГПУ за разрешением на поездку, и просимое разрешение получил.

В Могилеве его опять встретили с тем же почетом, как « униатского владыку ». В Соборе св. Антония о. Леонид опять торжественно отслужил литургию. Опять на ней пел хор православных певчих и опять о. Леонид сказал народу прочувствованную проповедь. Церковь была переполнена главным образом потомками бывших униатов, но на богослужение пришли и православные, миряне и священники. О. Павлович заметил по поводу этого церковного торжества:

⁷ Когда именно состоялась эта (третья) поездка о. Леонида в Могилев, установить в точности трудно. Если предположить, что он поехал туда действительно к 13-му июню, то выходит, что о. Леонид, прибывший в Калугу в начале мая, пробыл там до отъезда в Могилев всего месяц с небольшим. Последнее представляется мало вероятным, так как вряд ли за такой короткий срок было возможно достичь указанных выше результатов. Между тем С. А. Лихарева, ссылаясь на письмо о. Иоанна Павловича, как-будто подтверждает сделанное предположение, говоря о приглашении о. Леонида к 13 июня н. ст. Но в то же время, в другом показании, она этому противоречит, вспоминая что « в июле, после нескольких месяцев (было еще тепло), он выехал в Могилев ». На основании этого, представляется наиболее вероятным, что о. Леонид, приглашенный в Могилев к 13-му июню, отправился туда позже, в июле или августе.

— О. Леонид делал свое дело в церкви, а местный обновленческий епископ свое - в ГПУ.

В результате, и о. Леонид и о. Белоголовый, оба, внезапно исчезли. В Калугу о. Леонид не вернулся, а в Могилеве его больше не было. Спустя много времени узнали, что оба они в Москве, сидят в Лубянской тюрьме. О. Белоголового где-то расстреляли якобы за « попытку побега », а о. Леонида отправили в октябре 1926 г. на три года в Соловецкий лагерь. Формальным поводом для его осуждения послужило то, что он выехал из Калуги по разрешению местного ГПУ, тогда как на это требовалось разрешение из Москвы. Кроме того, вся деятельность о. Леонида в Калуге была истолкована, как пропаганда, а он был выпущен на свободу под условием не заниматься ею. Е. П. Пешкова призналась, что и ей ГПУ это поставило в вину, и с тех пор она не могла уже больше, как бывало прежде, успешно хлопотать за русских католиков. Такое же объяснение причины ареста о. Леонида привез из своей поездки в Россию в 1926 г. епископ Михаил Дэрбиньи. На вопрос князя П. М. Волконского о судьбе экзарха, он сказал:

— Сослан на Соловки; сам виноват, так как поехал в Могилев, хотя и обязался не заниматься *пропагандой*.

По этому поводу следует все же заметить, что никому не известно в точности, какие именно условия были поставлены о. Леониду при освобождении из тюрьмы. Нет нигде никакого указания, из которого можно было бы вывести заключение, чего именно он обязался не делать, тогда как слово *пропаганда* охватывает весьма растяжимое понятие. Одно значение оно имеет у христианина и совсем другое - у сотрудника ГПУ.

В написанной им краткой характеристике о. Леонида, о. Иоанн Павлович отражает те чувства, которые в нем вызывала светлая личность экзарха. Этот беглый набросок, который мы здесь приводим, говорит и о впечатлении, какое о. Леонид производил в Калуге на окружающих:

« Он в совершенстве владел собою. Выработал в себе идеально-благородный характер. В его присутствии никто не позволил бы себе рассказать двусмысленный анекдот. Всякая верующая душа невольно искала его общества. Он бережно относился ко всему, что дорого русскому человеку: к церковному стилю, богослужебным обрядам, обычаям. В своих отношениях с православным духовенством, он высказывал всегда полное послушание церковной дисциплине и держал себя так, что ничто в нем не задевало других. Он надеялся скорее на обращение старообрядцев, чем православных. Он превосходно знал историю Церкви, изучил в совершенстве все касающееся богослужения и обря-

дов. Он мог дословно цитировать целые отрывки из исторических документов, мог облекать свои выражения в стиль оригиналов любого века. Его сердце горело любовью к соотечественникам ».

Этот отзыв преданного и доброго друга об о. Леониде - последнее из всего, что было о нем кем-либо сказано перед его отправлением на Соловки. Нужно ли поэтому удивляться, что вскоре после него туда же последовал и сам о. Иоанн Павлович. Впоследствии, его отправили с Соловков на поселение в Зырянский край, куда, как выразился однажды о. Леонид, « Макар телят не гонял », но откуда ему все же удалось благополучно выбраться и вернуться в Литву.

В конце упомянутого уже письма к епископу Каревичу, тоже своему большому и верному другу, о. Леонид просил его:

« Будьте добры сообщить все это моему дорогому владыке Андрею. Не решаюсь писать к нему сам, так как письмо пошло бы через польские руки и в него могли бы заглянуть... Если можете дать мне гарантию, что оно пойдет иным путем, то напишу. Пока же передайте моему дорогому Учителю и Отцу, что я, как всегда, предан ему без остатка и живу его молитвами ».

Вслед за этим, письмо содержит и последнее обращение о. Леонида к Верховному Первосвятителю:

« Хотелось бы мне также, чтобы было как-нибудь доведено до сведения Святейшего Отца, как глубоко я тронут его заботами о мне недостойном. Мне становится подчас стыдно за такое незаслуженное участие, и я только и думаю о том счастливом моменте, когда лично смогу пасть ниц к Его Апостольским стопам ».

Дожить до этого о. Леониду не было суждено.

ГЛАВА VIII

« И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО »

Соловецкие острова: их славное прошлое; место пыток и смерти в настоящем. - Контингент заключенных. - Организация каторжных лагерей. - Начальствующие лица из осужденных чекистов и уголовных преступников. - Каторжные работы. - Соловецкая тюрьма - « Секирка ». - Женщины на Соловках. - Продажа заключенных. - Секретные агенты ГПУ. - Первые русские католики на Соловках. - Разрешение пользоваться Германовской часовней. - Церковная жизнь. - Латинское духовенство. - Прибытие о. Леонида. - Его службы и проповеди. - Настроение русских католиков. - О. Патахий Емельянов на каторге. - Прибытие епископа Слоскана. - Тайное рукоположение Сергия Карпинского. - Прибытие Ю. Н. Данзас и ее первая встреча с о. Леонидом. - « Музей Соловецкого Общества краеведения ». - Последнее свидание Ю. Н. Данзас с о. Леонидом в антирелигиозной секции этого музея. - Ю. Н. Данзас в женской больнице. - Начало преследования « церковников ». - Повальный обыск у католического духовенства. - « Катакомбная жизнь ». - Высылка католиков на остров Анзер. - Литургии на камне в лесу и на чердаке. - Освобождение о. Леонида.

На Белом море, под Полярным кругом, в 400 км. от Архангельска и в 60 км. от западного берега моря, расположена группа Соловецких островов. Состоит она из большого Центрального острова (около 60 км. длины и 40 км. ширины), большой и малой Муксомьмы, большого и малого Зайчика, острова Анзера, самого северного и пустынного, и еще нескольких небольших островов. Все они покрыты вековыми хвойными лесами, среди которых много озер. Климат на Соловках, хотя и полярный, но смягченный теплым течением Гольфштрема, омывающего острова с севера.

Все время года, кроме летних месяцев, море сковано льдами, и острова совершенно отделены от всего мира. Пароходное сообщение возможно только в течение пяти с половиной месяцев, с 1 июня по 15 ноября, через небольшой, необорудованный порт Кемь на западном берегу Белого моря.

Соловецкая природа располагает к созерцательной жизни. Оторванность же островов от материка обеспечивала в древние времена и безопасность от всяких нашествий. В XIV веке, святые иноки Зосима, Савватий и Герман избрали большой Соловецкий остров, чтобы основать здесь первый монастырь. Число монахов стало быстро расти, и уже в XV столетии Соловецкие острова покрылись рядом обителей, сыгравших видную роль в истории России и, в частности, в духовном

развитии русского народа. « Соловки », как сокращенно их называли, дали на протяжении веков ряд угодников святой жизни и даже немало исторических лиц. Среди них особенно прославился в XVI веке московский митрополит Филипп, бесстрашно обличавший жестокость царя Ивана Грозного и поплатившийся за это своей жизнью.

Из Соловецких иноков был и известный своей реформаторской деятельностью патриарх Никон. Тем не менее, соловецкие монахи высказались против церковных реформ и решительно воспротивились нововведениям Никона. Они обращались не раз с челобитными к царю Алексею Михайловичу, но безуспешно. Однако эти неудачи не повлияли на упорство монахов, и произошло нечто совершенно неслыханное: Соловецкий монастырь оказался в войне с Москвой. Царские войска без малого десятков лет осаждали монастырь; в конце концов Кремль на центральном острове пал, и монахи жестоко поплатились за сопротивление. Между тем, в глазах народа, оно еще больше упрочило славу Соловков и дало монахам ореол мученичества за правду.

Соловецкая обитель, действительно, высоко почиталась в России и славилась своим строгим уставом. Много богомольцев посещало Соловки, и пожертвования притекали сюда широким потоком. Этот монастырь был одним из самых богатых в России: он обладал богатейшей церковной утварью; ризницы были полны дорогих облачений, шитых золотом и украшенных драгоценными камнями. Монастырское хозяйство стояло очень высоко и процветало, несмотря на суровость климата. Вековые леса эксплуатировались, в общем, очень умеренно, так что их красота и ценность не терпели от этого никакого ущерба. Здесь господствовало благополучие во всем до рокового октября 1917 г.

Сейчас же после захвата власти, большевики снарядили на Соловки несколько экспедиций для реквизиции монастырских богатств, объявленных теперь « собственностью народа ». Они разграбили самым бессовестным образом все, что было возможно. Многие из разворованного совсем не поступило в « народную » казну. Так например, золотые облачения с престолов и жертвенников пошли на обивку мебели и кроватей приятельниц чекистов. Мощи угодников монастыря были вынуты из склепов и сложены в кучу в главном соборе. Особо чтимые места - родники, колодцы, придорожные кресты, часовенки и т. п. - коммунисты осквернили циничными, кощунственными надписями и гнусными действиями. При этом было расстреляно немало стойких монахов, пытавшихся защищать родные святыни. Одним словом, здесь большевики показали себя тем, что они есть.

Покончив с ограблением монастыря, они приступили к ликвидации его обитателей. Настоятеля-архимандрита и несколько иеромонахов они

увезли на материк и там расстреляли. Остальным приказали покинуть острова и уехать. Многие подчинились, но группа престарелых монахов, в возрасте от 55 до 80 лет, заявила чекистам, что они прожили всю жизнь в этой обители, никуда отсюда не тронутся и сложат здесь свои кости. Они пали на колени, прося их всех расстрелять на монастырском кладбище. Поведение этих монахов произвело впечатление даже на чекистов, и они разрешили старикам доживать свой век на Соловецких островах в качестве «вольных монахов». В их пользовании осталась кладбищенская церковь. В 1925 г. на Соловках жило еще 63 вольных монаха.

* * *

После этого, под руководством чекистов, началась эксплуатация монастырских лесов. Для этого большевики использовали труд ссыльных, работавших в невероятных по своей бесчеловечности условиях, жестокость которых, кажется, превзошла все, что история знала до этого времени. Достаточно сказать, что больше 60% ссыльных не выдерживало соловецкой каторги и там умирало.

Беспощадная расправа, которую большевики начали с населением страны тотчас по окончании гражданской войны, обеспечила им на долгие годы необходимый контингент людей для производства каторжных работ. К контрреволюционерам, из которых черпался этот контингент, они причисляли всех, кого могли считать несогласными с ними, совершенно независимо от того, выявляли ли те какую-либо активность против советского строя или нет. Такими контрреволюционерами оказались прежде всего «бывшие люди» (кроме небольшого числа сумевших приспособиться к новой власти), т. е. дворяне, чиновники, полицейские, коммерсанты и т. д. с их семьями и детьми и, конечно, гонимое духовенство, а в первую очередь, как самое ненавистное, католическое.

Затем, с началом коллективного строительства, индустриализации, электрификации и других широких планов и замыслов, в той же категории контрреволюционеров и кандидатов на каторжные работы оказались ни в чем неповинные специалисты - ученые, инженеры, техники. Если неосуществимые и, часто, совсем бесполезные проекты не удавались, виновными оказывались техники: их обвиняли в саботаже и вредительстве. Устраивался показательный процесс, в результате которого суд выносил совершенно несправедливый приговор, осуждавший технический персонал на каторжные работы.

Позже, с началом коллективизации, в контрреволюционеры попали и крестьяне-земледельцы, менее всего ожидавшие этого. Большевицкий

режим принес им большое разочарование. Мечтой русского крестьянина всегда было увеличить свой земельный надел, получить землю « в вечность », как говорили в народе. Поэтому крестьянин был готов пойти за всяким, кто бы ни обещал ему осуществление заветного желания. Большевики, когда добивались власти, конечно обещали крестьянам землю, уверяли их, что они отберут ее у других и дадут им. Однако это длилось недолго. Землю они, действительно, отобрали, но сделали ее собственностью советского государства, а крестьян - работниками на государственной земле, исполнителями приказов полновластного хозяина, каковым становилась теперь советская власть.

Первыми пострадали от нее так называемые « кулаки », т. е. зажиточные крестьяне, а также и мелкие землевладельцы. Советская власть лишила их всего состояния и передала его в собственность еще более бедным крестьянам. « Кулаки » были тоже причислены к контрреволюционерам, арестованы и сосланы. После них советское правительство принялось за крестьян среднего достатка и в конце концов всех загнало в так называемые « колхозы », т. е. коллективные хозяйства. Колхозы контролировались коммунистическими ячейками, а эти последние руководились лицами, назначенными из центра, тогда как крестьяне являлись простыми работниками и получали вознаграждение за свой труд натурою. При этом, конечно, не было речи ни о справедливости, ни о желании обеспечить крестьян хоть сколько-нибудь сносными условиями жизни. Естественно, что такие меры вызывали в народе недовольство, и начались открытые возмущения, сопровождавшиеся кое-где убийствами коммунистов. Правительство прибегло к строгим карательным мерам: были случаи, что целые деревни сжигались, обстреливались и даже подвергались воздушным нападениям. В результате, опустошение захватило целые области, население которых или совершенно разорялось или ссылалось на каторжные работы. Делалось все это потому, что правительству нужен был хлеб, прежде всего для экспорта, чтобы иметь деньги, а затем для прокормления городов, фабрик и для красной армии. Крестьяне же не давали хлеба добровольно, так как взамен его не могли приобрести ничего; товаров, в которых они крайне нуждались, на рынке не было, а советские деньги имели тогда весьма неопределенную ценность. Советская власть нашла выход из трудного положения тем, что отобрала у крестьян землю, сделав их своими рабами. Для русского крестьянства настало в полном смысле слова время нового крепостного права, и притом в такой форме, какой не знала история ни одного из европейских народов.

Из этих источников и черпался главным образом контингент государственных « преступников » для пополнения концентрационных ла-

герей. Таким путем правительство могло располагать человеческим элементом для каторжных работ, практически, в неограниченном количестве. В описываемое время, число каторжан, эксплуатируемых советской властью, достигало, по подсчетам сведущих лиц, десяти миллионов человек. Все это были люди, которых ни в одной культурной стране нельзя было бы обвинить в каком-нибудь преступлении. К ним правительство добавляло еще и действительно преступный элемент в лице разных уголовных, беспризорных, число которых в условиях советского быта росло непрерывно.

* * *

После захвата власти большевиками, первые пять лет во главе управления каторжанами стояла ЧЕКА (Чрезвычайная Следственная Комиссия). Организатором и первым руководителем ее был известный чекист, поляк, Феликс Дзержинский. Свою деятельность он начал массовыми арестами. Тюрьмы, опустевшие было в начале революции, оказались вскоре переполненными в четыре-пять раз выше нормы, на которую они были когда-то рассчитаны. Потребовались экстренно новые помещения. С этой целью, вблизи больших городов и узловых станций железных дорог, правительство устроило концентрационные лагеря. Их было особенно много в северной части России, где можно было широко использовать каторжный труд на работах, не требовавших специальных знаний, по рытью каналов, по заготовке леса и т. п. Лесные разработки стали преобладающим способом применения каторжного труда, так как экспорт леса приносил советской власти большой доход.

Условия содержания заключенных в этих лагерях, в смысле размещения, питания, жестокости обращения и приемов принуждения к работе были совершенно бесчеловечными. По мере увеличения числа каторжан эта бесчеловечность только росла. Вблизи населенных пунктов нельзя было скрыть всех ужасов, творившихся в концентрационных лагерях. Население знало о них, и эти сведения распространялись не только в России, но и просачивались за границу. Когда большевики появились на мировых рынках с необыкновенно дешевым лесом, который они предлагали в любом количестве по ценам вне конкуренции, этим сведениям поверили и на страницах иностранной печати всюду заговорили о каторжном труде в Советской России. В результате этого Чека создала себе заслуженную репутацию. Между тем советская власть старалась тогда как-то считаться с культурным миром, чтобы добиться признания и достать денег, в которых она сильно нуждалась. Большевики легко нашли выход из неприятного положения, поспешив уни-

чтожить пресловутую ЧЕКУ и создав вместо нее ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление). Чтобы убедить наивных, было выпущено пространное сообщение, говорившее о том, что необходимость в репрессивных мерах в отношении сопротивлявшихся миновала, так как советская власть укрепилась в России и признана всеми за власть « государственную »; поэтому советское правительство якобы нашло своевременным изменить тактику управления и приемы борьбы с контрреволюцией. Конечно, это была явная ложь, но, кто хотел, мог принимать вид, что верит. На самом же деле изменилось только название; все осталось и дальше, как было, с той только разницей, что ОГПУ действовало еще в большем масштабе.

Затем, чтобы покрывать творившееся в лагерях непроницаемой тайной и сведениям об этом не давать проникать за границу, были упразднены открытые концентрационные лагеря, примыкавшие к населенным пунктам, и взамен их были устроены закрытые от всякого наблюдения. Для этой цели большевики использовали большие монастыри на севере России (Ярославль, Суздаль, Соловки и т. д.). Открытые же лагеря находились теперь в совершенно глухих местах, в лесах, тундрах, вообще, вдали от населенных мест. В 1923 г. Архангельский концентрационный лагерь переместили на Соловецкие острова, где ГПУ устроило в монастыре центральное управление всеми северными лагерями и своего рода лабораторию для производства карательных опытов. Географическое положение Соловецких островов благоприятствовало этим целям. Всякую попытку заключенных, даже после освобождения, распространить сведения об условиях, в которых производились каторжные работы, власти беспощадно карали. Чтобы скрывать правду о Соловках, ГПУ принимало особые меры:

1) По прибытии на Соловки, заключенные предупреждались администрацией лагеря, что им не советуется сообщать в своих письмах что-либо о жизни в ссылке; за нарушение этого, виновные наказывались продлением срока заключения на 1, 2 и 3 года.

2) Если отбывшие срок наказания, вернувшись на свободу, рассказывали родным и знакомым правду о жизни на Соловках, их, без всякого суда, возвращали обратно в лагерь.

3) Если в заграничной печати и попадались иной раз свидетельства бывших соловецких каторжан, которым удалось бежать из России, то они опровергались самими же каторжанами в Соловецкой газете. Мало кто в свободном мире задумывался тогда о том, какую ценность могло иметь вынужденное свидетельство в печати замученного соловецкого узника, при условии, что в советской России, вообще, не существует свободного слова.

Тем не менее, несмотря на все меры, советскому правительству не удалось скрыть от внешнего мира страшную правду о Соловках. Ряду лиц, побывавших там, удалось бежать за границу. Многие из них описали свои переживания и рассказали, что видели и узнали на каторге. Через посредство свободной печати это сделалось широким достоянием гласности. Книги генерала И. М. Зайцева, Чернавина, Солоневича, Ю. Н. Данзас поведали миру правду о том, что творилось на Соловках. Кроме того, немалому числу лиц, отбывавших там наказание, посчастливилось, как говорили тогда, быть « обмененными на мясо », т. е. на коммунистов, арестованных за преступные деяния в других государствах. Как ни странна, конечно, практика такого обмена, по ей мир тоже обязан весьма ценными сведениями.

* * *

Во всех рассказах о советской каторге прежде всего бросаются в глаза две особенности:

1) Весь средний административный и командный персонал в Соловецком концентрационном лагере набирался исключительно из ссыльных сотрудников ГПУ. Большинство из них были в прошлом активными чекистами.

2) На низшие должности (так называемых « десятников », т. е. начальников над десятью заключенными, наблюдавших за исполнением урочных работ) назначали просто уголовный элемент.

Активный чекист, вообще говоря, это - совершенно озверевшее существо, утратившее нравственно - человеческий облик. И вот, из этой и без того преступной категории людей само ГПУ исторгало еще особо квалифицированных преступников, которых находило нужным сослать на Соловки. Ссыльные чекисты отбывали там наказание за разные служебные преступления - злоупотребления, растраты, пьянство, разглашение тайны или за слишком уж энергичную деятельность в недрах самого ГПУ, другими словами за чересчур большое усердие в жестоких расправах. Эти-то изверги, отбывая наказание на Соловках, являлись там начальствующими лицами, и им вверялась судьба десятков тысяч политических заключенных, в большинстве своем ни в чем неповинных. В Соловецких лагерях не было ни одного вольнонаемного служащего из свободных граждан.

Осужденные чекисты, попав на командные должности, проявляли особую энергию в чекистской работе. Чтобы выслужиться перед своим начальством из центрального ГПУ, они изощрялись в изобретении приемов глумления и издевательства и способов принуждения заклю-

ченных к работам. Они хорошо знали, что их заслуги не останутся без внимания со стороны ГПУ и они получают за них досрочное освобождение. Каждый год приезжала на Соловки комиссия из центрального ГПУ и сокращала осужденным чекистам срок пребывания на каторге на 1, 2 и 3 года. Таким образом, чекист, приговоренный к десяти годам каторги, мог, ценой истязания заключенных, свести свое наказание к трем годам.

Из этой системы Центральное ГПУ в Москве извлекало двойную выгоду: во-первых, она ей не стоила ничего; во-вторых, если какое-нибудь особенное зверство, совершенное на Соловках, делалось известным и проникало в заграничную печать, ГПУ могло оправдать себя тем, что его совершили сами же арестанты, а оно тут не при чем. Ответственность падала всегда на местные власти. Когда во время страшной зимы 1929-30 г. около двадцати тысяч заключенных погибло в лагерях Белого моря от сыпного тифа и дезинтерии, на Соловки была отправлена следственная комиссия, сменившая местную администрацию и приговорившая к наказанию 17 человек, обвиненных в небрежности.¹

На практике, Соловецкая система приводила к следующему порядку: ГПУ давало директивы начальнику лагерей по выполнению каких-либо работ или по применению вновь изобретенной карательной системы. Тот, желая выслужиться, отдавал распоряжение подчиненным лицам уже в более строгом тоне, увеличивая размер работ и усиливая меры воздействия. Эти последние, из тех же соображений, давали своим подчиненным еще более строгие и решительные приказания, и так шло дальше, доходя до непосредственных исполнителей, десятников, в ведении которых находились рабочие-арестанты и которые требовали от них выполнения «суточного урока». Десятники, набранные из убийц и грабителей, не останавливались уже ни перед какими мерами воздействия, вплоть до истязаний, пыток и убийств. Делалось все это безнаказанно, так как жертвы Соловецкого лагеря не имели права жаловаться. Да и кому было жаловаться?

¹ Ю. Н. Данзас сама видела новые партии заключенных, которых пригоняли в лагерь, уже переполненный до отказа. Около десяти тысяч людей не имели тогда над собою того, что можно было бы назвать кровом. Люди, подобно диким зверям, ютились в зимнюю стужу во рвах, чуть-чуть посыпанных соломой и прикрытых сверху палаточным холстом. Она видела своими глазами в партиях заключенных полутолых и даже совсем голых людей, добрая половина которых была или босая или в лаптях; лохмотьями, мешками и тряпками они старались хоть как-нибудь прикрыть свое изможденное тело.

* * *

Первым, основным и всеобщим мучением на Соловках была теснота размещения и связанные с ней нечеловеческие условия жизни. Этому подвергались все заключенные. В лучшие времена, Соловецкий монастырь насчитывал до тысячи монахов вместе с так называемыми «трудниками», т. е. добровольными служащими из числа богомольцев, поступавших для работы в монастырь на определенные сроки. При советском строе, на Соловках было в среднем около 15.000 заключенных, но нередко число их превышало и 20.000. Главные здания, представлявшие из себя нечто целое, входили в монастырский Кремль, который в свою очередь был окружен массивной стеной. Этот Кремль и был той крепостью, за которой соловецкие монахи выдерживали когда-то осаду. Все монастырские здания, не исключая церквей и часовен, большевики обратили в казармы, где заключенные размещались на двух и трехъярусных нарах. Вне Кремля, вокруг небольшого Соловецкого рейда, были прежде гостиницы для богомольцев; теперь, в большей из них помещалась администрация Соловецкого лагеря; меньшая служила казармой для заключенных женщин.

Каторжане были разделены на роты, находившиеся под командой осужденных чекистов или, в крайнем случае, простых коммунистов, отбывавших здесь наказания за деяния, которых даже в советской России нельзя оставлять безнаказанными. Все они, как сказано выше, старались превзойти один другого в жестокости и грубости в обращении с заключенными. Обширное же поле деятельности, где им было легко отличиться, давала им господствовавшая на Соловках система секретного наблюдения и тайных доносов, благодаря которой администрация лагеря имела возможность следить буквально за каждым словом и шагом заключенных.

Никто из них не мог иметь при себе денег, а из вещей им не оставляли ничего, кроме одежды. Получавшим денежные переводы выдавались вместо денег особые денежные знаки местного ГПУ, на которые можно было купить кое-какие продукты в лагерных лавочках. Не получавшие никакой помощи были обречены, в полном смысле слова, на голод. На Соловках выдавалось то же продовольствие, что и в тюрьмах: каша, вареная кислая капуста с большим количеством воды, иногда соленая рыба или конина.

Два раза в день производилась поверка. После первой-утром, заключенные распределялись по партиям для производства очередных работ в течение данного дня. Назначались они большей частью на лесоразработки. Эти работы были на Соловках самыми тяжелыми, и на

них гибло больше всего народа. Рабочие нормы были всегда выше человеческих сил, особенно, если принять во внимание неопытность заключенных, не бывших раньше никогда дровосеками. Тем не менее назначенную им дневную норму - « урок » - они обязаны были выполнить, даже если бы работа затянулась на ночь. Напрасно старики и больные умоляли их пощадить; ударами прикладов их тоже заставляли итти разрабатывать лес. Многие умирали от изнеможения во время работы.

Кроме лесных разработок, на Соловках издавна были еще и рыбные промыслы. Однако к ним допускались только уголовные преступники, т. к. администрация лагеря опасалась, что политические заключенные используют здесь какую-нибудь возможность бежать. Поэтому все лодки находились под особенно тщательным наблюдением.²

До 1931 г. заключенным не выдавали никакой одежды на замену изношенной. Арестованные летом, они прибывали на Соловки в чем были тогда, и так и работали зимой по колена в снегу. Чтобы спастись от лесных работ, заключенные иногда отрубали себе пальцы. Так как число увечивавших себя стало быстро расти, то начальство приравнило их к сопротивляющимся и присуждало к расстрелу. Но были для них и более утонченные наказания. Ю. Н. Данзас рассказывает, как одного заключенного, отрубившего себе пальцы в утренние часы, привязали к срубленному стволу дерева и оставили так на дороге, приказав волочить этот ствол 15 км. до самого лагеря. Несчастный умер на полдороге.

Непослушание каралось на Соловках смертной казнью. За более легкие проступки применялись более легкие наказания. Зимой провинившихся сажали в ледяной карцер, где им запрещалось иметь при себе пальто или одеяло; питание составляла миска супа раз в два дня. Осенью, когда температура воды была близкой к нулю, наказанных заставляли погрузиться в море по горло и так оставаться в нем четверть часа, если не больше. Нельзя пересказать все ужасы пыток, какие изобретала на Соловках ничем не сдержанная фантазия озверевших людей.

² В те годы, когда советское правительство вывозило русский лес за границу по невероятно дешевым ценам, и в Америке поняли, каким способом оно разрабатывает лес, северо - американское правительство запретило ввоз продуктов каторжного труда из советской России в Соединенные Штаты. Ю. Н. Данзас, бывшая тогда на Соловках, вспоминает изумление даже соловчан, уже достаточно привыкших к системе лжи, положенной в основу советского строя, когда они прочитали в газете заявление министра Молотова о том, что в советской России никогда и нигде не применялся каторжный труд. В это самое время сотни тысяч каторжан изнемогали и гибли в ужасных условиях лесных разработок.

* * *

Высшее начальство в лагере пользовалось правом подвергать заключенных специальному наказанию - отправлению на определенный срок в « Секирку ». Это была Соловецкая лагерная тюрьма, получившая свое название от горы Секирной на большом Соловецком острове, в 11 км. от Кремля. Эта гора, единственная на Соловках, покрыта вековым лесом. На вершине ее возвышаются два храма, привлекавшие когда-то тысячи богомольцев. Они составляли одну и ту же постройку, будучи расположены один над другим, в два этажа; каждый этаж был отдельным храмом, с главным алтарем и двумя боковыми приделами. Большевики обратили эти храмы в самую жестокую тюрьму, какую только можно представить себе. Все, напоминавшее здесь о славном прошлом, было ими выломано и уничтожено. Иконопись на стенах они замазали и заштукатурили. В боковых алтарях были устроены особые карцеры, где происходили избиения строптивых и обезумевших от невыносимых тюремных условий. В верхнем этаже, на месте жертвенника, стояла огромная « параша » - большая кадка с положенной на нее доской для ног.

Как ни странно это звучит, но « Секирка » была *тюремью на каторге*. Соответственно этажам, она называлась верхним и нижним « штрафизолятором ». На верхнем этаже режим был суровее и в него заточали вновь прибывавших. По прошествии более или менее продолжительного времени, когда администрация каторжной тюрьмы убеждалась, что заключенный, по чекистской терминологии, уже « перевоспитан », другими словами, морально совершенно раздавлен, его переводили в нижний штрафизолятор. В верхнем штрафизоляторе заточенных подвергали непрекращавшейся пытке: заставляли полуголыми сидеть неподвижно. Им позволялось иметь лишь нательную рубаху и кальсоны. Все были босые и с непокрытой головой. На время заключения у них отбирались все вещи. У многих от рубах и кальсон оставались одни грязные лохмотья. В каменном, неотапливаемом здании громадной высоты, в холодную полярную зиму, этих несчастных мучили неподвижностью: они сидели на скамьях, держа руки на коленях и не смели шевелиться. Каждые три часа их водили по кругу, после чего заставляли снова садиться. Ночью, все они, вытянутые неподвижно один подле другого, должны были по команде поворачиваться одновременно на другой бок. В сутки им выдавался фунт черного хлеба, выпеченный из непросеянной муки, часто с примесью суррогатов, и два стакана грязной горячей воды. Если в обычном заточении на Соловках недостаток питания мог быть пополнен чем-нибудь со стороны (посылками,

покупкой), то здесь всякое подспорье было совершенно исключено. Штрафники изолятора, как состоявшие на карцерном положении, были лишены всего: они не могли ничего покупать; им не выдавали посылок, не передавали писем, не позволяли писать, что-либо читать. Здесь заживо погребали людей. Такое состояние продолжалось не одну-две недели, а месяцы, и иногда доходило до целого года. Из всех ужасов на Соловках, « Секирка » была самым нестерпимым. Туда отправляли людей тоже под конвоем. С Соловецких островов, вообще, убежать было некуда; однако, бывали случаи, что заключенные убегали из партии, отправлявшейся на « Секирку ». Бежали они в лес, чтобы убить там себя: или повеситься на дереве, или утопиться в озере. На это решались наказанные на целый год заключения и перед этой перспективой приведенные в отчаяние люди. Чтобы предупредить возможность бегства, партию заключенных сопровождал конвой, державший ружья наготове все 11 км. пути до « Секирки ».

В своих воспоминаниях, в правдивости которых нет основания сомневаться, один политический каторжанин, И. М. Зайцев, рассказал, как он, без всякой вины, попал на три месяца в эту тюрьму. Дело с ним было так. 1 сентября 1926 г., главный начальник всех органов административного и хозяйственного управления Соловецкими лагерями Эйхман, сильно выпивши, возвращался поздно ночью из Кремля. По дороге он заметил в лесу дымившийся костер в том месте, где несколько дней тому назад партия каторжан сжигала сучья. Он поднял тревогу, словно лесной пожар угрожал Соловкам, и даже вызвал из Кремля пожарную команду. На следующий день последовал грозный приказ, в котором говорилось о предотвращении им начинавшегося лесного пожара, вина в котором приписывалась небрежности лица, сжигавшего сучья. За эту-то вину И. М. Зайцев и был наказан заточением на три месяца в штрафизолятор, т. е. в « Секирку ». Вот, что он рассказал.

Через две недели после приказа, набралась партия штрафных в 15 человек. Их отправили в « Секирку » под конвоем. К вечеру они добрались до места назначения. Встретил их по прибытии и принял староста, тоже чекист, и повел на второй этаж описанного здания. Партию построили в холодном коридоре, обыскали и осмотрели принесенные вещи. Все, что у них было, тут же отобрали и приказали раздеться. Все остались в одном белье. Цементный пол был холоден как лед. Зайцев попросил разрешения сохранить носки на ногах. Ответом был грубый окрик: « Снимай. Не полагается! » Раздевание кончилось. Староста постучал болтом входной двери. Внутри заскрипел засов, и тяжелая входная дверь медленно отворилась. Пришедших втолкнули во внутрь верхнего штрафизолятора. Они остановились в оцепенении от картины,

открывшейся их глазам. Вправо и влево, вдоль стен громадного здания, а также и по середине, на голых деревянных нарах, заключенные сидели в два ряда, плотно прижавшись один к другому, босые, полуголые, в лохмотьях, бледные, с искаженными лицами. Некоторые из них походили уже на скелеты. Все были грязные, со всклокоченными волосами, смотрели мрачными, утомленными глазами, отражавшими глубокую печаль и даже сожаление к новичкам, которых ждала здесь та же участь.

Из дальнего левого угла, из отгороженной камеры, устроенной на месте прежнего бокового алтаря, раздавался пронзительный, душу раздирающий вопль и дикие выкрики по адресу советской власти и палачей ГПУ. Вопли и крики прерывались ударами по человеческому телу и руганью других голосов. Надзорные усмиряли здесь заключенного, который, от пережитых глумлений и истязаний, пришел в полное иступление. На него натянули смирительную рубашку, скрутили руки и связали ноги, так что он мог только биться головой о каменный пол.

Вправо на нарах была другая картина. Тут лежали, распластавшись, два тела. Это были эпилептики; с ними сделался припадок. Стоны, рыдания, крики, шум, избиения, отразились на их состоянии. Соседи силились придавить к нарам их руки и ноги, чтобы помешать биться в конвульсиях.

И. М. Зайцев рассказывает о двух послаблениях, допущенных за время его трехмесячного заключения, в виду особо суровой зимы:

а) Было разрешено согреться. Группы по четыре человека, сидя на нарах, плотно прижимались спинами друг к другу; наружную же часть тела они согревали, хлопая ладонями по плечам, бокам и ногам. Выработались даже приемы групповой гимнастики своего рода - все делалось по команде, и приемы выполнялись по счету. Выходило недурно. Повидимому, это было лучше, чем хлопать себя вразброд и этим беспокоить других.

б) Было улучшено питание. В « Секирке » тоже была медицинская помощь. Врач штрафизолятора, чтобы поддержать ослабевшие организмы, выпросил в Кремле присылку сюда тюленьего жира. Вообще, он применяется только для смазки машин. Заключенным выдавали в день по столовой ложке этого жира и, несмотря на противный запах и вкус, все с радостью его принимали.

Вечерние часы были для узников самыми мучительными. Мрачные, подавленные, они сидели молча в слабо - освещенном каземате, подавлявшем громадою бывшего храма. Люди тряслись от холода, и под церковными сводами отдавалось постукивание зубами.

На ночь выдавалась одежда, кому рваное пальто, кому пиджак, из

того, что было сдано на хранение. Большинство не могло сдать ничего и потому для спанья не получало тоже ничего. Редкая ночь в «секирке» проходила спокойно. Тишину нарушали сами же заключенные, приходившие в ненормальное состояние; обезумев, они поднимали крик, стучали, ругались. Бывали случаи, что доведенные до иступления кидались на стражников, а те их тут же пристреливали. Сколько человек в «секирке» сошло с ума, сколько умерло от полного истощения и от холода.

* * *

Все, что сказано до сих пор о Соловецкой каторге, касалось мужчин. Положение женщин на Соловках было еще более тягостным. В описываемое время их было там около тысячи на 15-20 тысяч мужчин. На свою беду, женщины пользовались некоторой свободой: им позволялось ходить в границах лагеря, и потому они были у всех на виду. Начальствующие лица выискивали себе среди них тех, которые им приходились по вкусу. Особенно сильному преследованию подвергались молодые и, в частности, монахини. Все женщины помещались в бывшей монастырской гостинице и спали на койках из трех досок, укрепленных на козлах. Так как коек на всех не хватало, особенно весной и осенью, когда прибывали новые партии заключенных, то многие спали на полу. Большие коридоры в обоих этажах гостиницы были покрыты ковром женских тел, плотно прижатых друг к другу. Вновь прибывавшие должны были ждать, когда освободится чья-нибудь койка. В нижнем этаже, камеры, были большие, на 50 коек, в верхнем - меньшие, на 25, 15 и 6. Расположены койки были так близко одна от другой, что между ними едва можно было пройти.

Заключенные женщины составляли батальон и подлежали военной дисциплине. В шесть часов утра делалась первая поверка для отправлявшихся на физические работы, а в восемь - для работавших в лагерных канцеляриях. Женщины выстраивались в коридоре в четыре ряда, комендантша проверяла ряды; потом приходил офицер из Кремля и здоровался по-военному. Если он находил, что ему не отвечают достаточно громко, то приказывал повторить ответ 10-15 раз и оставлял весь «батальон» стоять смирно в течение получаса и даже целого часа. Бывало, что женщин, в наказание, заставляли маршировать, отбивать шаг, делать повороты. Словом, над ними издевались, как только могли. Им было особенно тяжело, стоя в строю, выслушивать чтение очередного списка присужденных к смертной казни за неповиновение и другие проступки. В среднем производилось около ста расстрелов в месяц, а списки прочитывались раз-два в месяц. Иной раз молчание

женщин в строю прерывалось криком услышавшей в списке дорогое ей имя.

Однажды, когда в 1929 г. производилось массовое избиение заключенных офицеров царской армии, якобы в наказание за какой-то заговор, открытый ГПУ, расстрел состоялся вечером под окнами женского барака, при красноватом свете факелов и фонарей. Этим хотели произвести на женщин особенно сильное впечатление. 53 человека, со связанными за спиною руками, были поставлены на краю рва; их убивали револьверными выстрелами, после чего тела падали в ров. Потом было сделано несколько выстрелов по лежавшим во рву, чтобы добить еще шевелившихся. После этого рабочая группа быстро засыпала ров. Ю. Н. Данзас была свидетельницей того, что делалось в это время в женском бараке, слышала крики, стоны и истерические рыдания увидевших среди расстреливаемых братьев, мужей или просто дорогих им людей.

Обычно, женщин не посылали на лесные работы, кроме особых случаев; тогда их заставляли обрубать ветви и сдирать древесную кору. Самыми тяжелыми для женщин были работы на торфяном болоте, где они выделывали брикеты, сносили их на указанное место и складывали в пирамиды для сушки. Работа в болоте, без обуви и специальной одежды, была пыткой, которую здоровье женщин не выдерживало. Впоследствии пришлось даже отказаться от поголовного использования их для физической работы. На торфяные болота и в лес стали отправлять только признанных на медицинском осмотре годными для такого труда.

Кроме находившихся в главной казарме, 300-400 женщин было распределено по разным островам. Их положение было особенно тяжким. Большинство, до 60%, было преступным элементом; среди них было немало и совсем юных, в возрасте 16-18 лет, уже совершенно испорченных. Около 40% составляли политические заключенные; тут было немало дам и барышень из высшего общества, осужденных большей частью, якобы, за шпионаж. Абсурдность такого обвинения была очевидна; отправляли на каторгу, например, за письма, полученные из-за границы, за знакомство с иностранцами, за уроки, которые они им давали. Сюда же попадали родственницы и просто знакомые расстрелянных, жены священников, академиков и профессоров и, конечно, монахини. Ю. Н. Данзас видела на Соловках целые монастырские общины во главе с настоятельницами. Все порядочные женщины размещались обязательно вместе с проститутками и преступницами, чем, конечно, создавались для них особенно мучительные условия жизни.

Приходится воздержаться от описания мер насилия и принуждения,

применявшихся в отношении честных, молодых, красивых женщин, с целью совратить их, развратить и заставить удовлетворять страстям начальствующих лиц. Их доводили до того, что они покупали себе таким путем облегчение участи. «Только переживший ужасы Соловецкой каторги, с ее тухлой кониной и всеми лишениями и унижениями, поймет, каким соблазном было обещание земных благ!», - заметила по этому поводу Ю. Н. Данзас. Кажется, ничье вообожание не может зайти слишком далеко, представляя себе ужасы страшного острова пыток и смерти. В наших руках, в числе прочего материала, находится экземпляр книги И. М. Зайцева о Соловках со сделанными на полях ее пометками рукою Ю. Н. Данзас. Она внесла в нее несколько незначительных поправок в рассказанное автором о преследовании женщин; иные подробности ей были лучше известны, как принадлежавшей к женскому населению Соловков, но в общем, все рассказанное Зайцевым, она подтвердила, а местами даже усилила.⁸

* * *

Среди многих тысяч заключенных, несколько сот находилось в сравнительно благоприятных условиях. Это были прежде всего члены коммунистической партии, которым доверялись в лагере специальные функции; затем разные специалисты - врачи, инженеры, электротехники и т. п. и., наконец, канцелярские служащие. По характеру применения их труда, они не входили в состав рабочих команд и пользовались правом свободного хождения по лагерю. В них нуждались, и это создавало им несколько привилегированное положение. Тем не менее и они оставались на положении рабов, которых, в случае надобности, *продавали*. Как ни невероятно звучит это слово, но оно крепко вошло в обиход и употреблялось самими же заключенными. Дело в том, что тогда по всему северу России были раскинуты отдельные управления, ведавшие разными работами - лесными заготовками, рытьем

⁸ Вот дословно ее отзыв, заимствованный из письма кн. П. М. Волконскому (14-Х- год не указан, но по содержанию письма его можно отнести с большой достоверностью к 1934 г.): «Книга Зайцева написана очень верно в смысле фактов; жаль, что он слишком напустил реторики и этим ослабляет впечатление, а точность описанных им фактов удостоверяю вполне». - Характерно в том же письме замечание Ю. Н. Данзас о статье «Au pays des Sans-Dieu» («В стране безбожников»), напечатанной в журнале «Etudes» (№ 5 за 1934 г.) о мученичестве русского духовенства: «Многое, - говорит Ю. Н., - верно, но к сожалению есть преувеличения и идеализация. Досадно! Зачем добавлять, когда действительность и так ужасна и кошмарна? Сгущение красок только вредит делу».

каналов и т. п. Для этих работ требовались не только рабочие, но и специалисты. Являлся вопрос, как быть, если среди тысяч каторжан, присланных из центра, не находилось требуемых специалистов? Решали его обращением в Соловецкий Центральный лагерь, откуда, согласно требованию, ГПУ отпускало необходимых работников. В таких случаях совершался формальный акт продажи арестанта на известный срок. Контракт обязывал соответственное управление работами содержать и кормить специалиста и возлагал на него ответственность за побег. Что же касается оплаты труда, то 90% поступало в казну ГПУ и только 10% выдавалось заключенному на руки. Такая сделка была всегда выгодной ГПУ. Если же требуемого специалиста не было в распоряжении местного ГПУ, то сносились с Москвой, и Центральное ГПУ высылало, кого было нужно, из своих тюремных запасов, а то и просто производило новые аресты, чтобы добыть для продажи рабочую силу. Повод для этого всегда находился: к кому только в советской России нельзя применить обвинение в контрреволюции?

Нужно заметить, что подобные случаи продажи заключенных с Соловков на континентальные работы, к каким бы вопиющим актам несправедливости они ни приводили, все же скорее приветствовались каторжанами. Таким путем им давалась возможность покинуть злополучные острова. Нередко можно было услышать на Соловках радостный возглас какого-нибудь счетовода, инженера, химика:

— Уезжаю, продан в ... (Архангельск, Кемь или другое место), какое счастье!...

Уезжавший отнюдь не вырывался с каторги на свободу; он только переходил, или вернее - его переводили, на другое место, на такие же каторжные работы. Но у него было сознание, что Соловки все-таки он покидал!

* * *

Кроме специалистов, которыми пользовались и которых продавали, другую категорию привилегированных составляли менее симпатичные люди, старавшиеся заслужить благоволение начальства шпионажем за своими же товарищами по несчастью, нисколько не считаясь с тем, до какой степени был велик вред причиняемый ими. Система доносов была организована на Соловках так же хорошо, как и повсюду в советской России, где всякий шестой-седьмой человек является добровольным или подневольным доносчиком. На Соловках, в каждой комнате был таковой; само собой разумеется, так же и во всех лагерных учреждениях. «Секретного сотрудника», как их называют, в конце концов, всегда узнавали по тем привилегиям,

которыми он пользовался; они-то и выдавали его главным образом. Его сторонились, но предпринять что-нибудь против него опасались из страха ужасного возмездия, которое неминуемо ждало всякого, кто решился бы в той или иной форме поднять руку на секретного сотрудника. Ненависть к этой категории каторжан была так велика, что в некоторых случаях ею пользовались, чтобы из-за зависти набросить тень на человека, имевшего хорошее влияние на окружающих. Чтобы скомпрометировать такое лицо, достаточно было пустить слух, что оно принадлежит к числу секретных сотрудников. Многие, поверив, начинали его сторониться, и цель таким путем достигалась.

* * *

Еще в 1922 г. Российский Экзарх написал: « Вся наша несчастная родина обращена в громадную тюрьму, из которой выскользнуть очень трудно ». У побывавших же на Соловках сложилось другое изречение: « Соловки - это Советский Союз в миниатюре, а Советский Союз - это большой Соловецкий лагерь ». Суждение « соловчан » нельзя не признать компетентным, ибо они хорошо познали на горьком опыте и то и другое.

И на советской каторге и на советской свободе, повидимому, самым тяжелым была неуверенность в завтрашнем дне. Разница между свободой и каторгой была только в характере эксплуатации человеческого труда. На « свободе » - труд полупринудительный. « Свободный » советский гражданин был стиснут такими тяжелыми условиями жизни, что он для обеспечения своего полуголодного существования не мог не выполнять той работы, какую ему предугазывали « власть имущие ». На « каторге » же труд был чисто принудительный и в еще более тяжелых условиях. Строй же государственной жизни, и тут и там, основывался на одинаково безнравственных, чисто « звериных » принципах. На Соловках все это только было сконцентрировано в фокусе. В описываемое время они представляли собой самый характерный, но далеко не единственный образец советских карательных лагерей. Десятки подобных ему были раскинуты в северных краях советской России.

* * *

Знамя католичества на Соловках подняли русские. Первые католики здесь были восточники. Латиняне присоединились к ним позже. На Соловецких островах собрались сосланные сюда прежде других: о. Николай Александров, настоятель Московского прихода, Владимир

Васильевич Балашов, редактор « Слова Истины », и три сестры из Абрикосовской общины - Анна Спиридоновна Серебренникова, Тамара Аркадьевна Сапожникова и Александра Васильевна Балашова, одна из сестер В. В. Балашова (другая была замужем за о. Николаем Александровым). Немного позже к ним присоединились: редко унывавший человек, Сергей Григорьевич Карпинский, начавший перед войной духовное образование в латинской семинарии и вскоре прервавший его, тоже арестованный по делу русских католиков, якобы как член нелегальной антисоветской организации, хотя никаких сколько-нибудь серьезных улик против него не было если не считать перехода в ненавистный большевикам восточный обряд; затем старушка Елена Михайловна Нефедьева из Петербурга, ревностная прихожанка о. Леонида, переведенная им из лютеранства в католичество в Бармалеевой церкви, и еще одна сестра из той же московской общины - Елизавета Васильевна Вахевич. Первые прибывшие считались сначала политическими заключенными, как члены монархической партии, к которой, кстати сказать, никто из них никогда не принадлежал. После ряда перемещений, мужчин-католиков поместили летом 1925 г. на Центральном острове в Кремле, а женщин в уже знакомом нам женском бараке, и с этого времени они были зачислены, как контрреволюционеры.

Прево́й заботой русских католиков было организовать богослужение. В бараке это было невозможно, прежде всего потому, что они жили тогда вместе с другими заключенными. Православное духовенство имело разрешение лагерной администрации пользоваться для этой цели кладбищенской церковью, оставшейся в распоряжении вольных Соловецких монахов. Русские католики решили обратиться к властям за таким же разрешением. Осенью 1925 г., о. Николай посетил начальника административной части Васькова и попросил его об этом. Тот дал принципиальное согласие и посоветовал переговорить сначала с вольными монахами, которые были хозяевами церкви, не согласятся ли они дать возможность католикам совершать богослужение в притворе своего храма. Хотя такое решение мало устраивало католиков, которым хотелось получить для себя вблизи Кремля одну из часовен, занятых под учреждения, мастерские и квартиры - все же о. Николай вступил в переговоры с настоятелем кладбищенской церкви иеромонахом Агапитом. Тот показал себя в высшей степени милым и приветливым человеком и даже передал этот вопрос на обсуждение братии, но, тем не менее, после состоявшегося совещания, принес о. Николаю отрицательный ответ. Вскоре после этого, было решено предпринять новые шаги и просить предоставить для церковных служб Германовскую часовню, построенную на том месте, где по преданию жил и подвизался

св. Герман. Она находилась в 2 1/2 км. от Кремля, у самого моря, недалеко от шоссе, ведущего в Саватьево. О. Николай отправился просить об этом лично Васькова. Не без волнения он вошел в кабинет чекиста, не только решавшего судьбу заключенных, но и собственноручно расстреливавшего приговоренных к « высшей мере наказания ». Исход переговоров зависел всецело от его личных соображений. Однако, он принял его вежливо и внимательно выслушал просьбу католиков. Васьков дал согласие, но сказал, что позволяет посещать Германовскую часовню только по воскресеньям и большим праздникам, при чем каждый раз нужно обращаться к нему за особым разрешением для всей группы и представлять список для наложения резолюции. Первое разрешение Васьков выдал на Рождество 1925 г.

Накануне, мужчины католики пошли к часовне, занесенной со всех сторон глубоким снегом, и протоптали ногами дорожку шагов на сто. Часовня, расположенная здесь так живописно, оказалась для богослужений вполне подходящей. Длина ее была около пяти метров. Направо от входа, почти у самой стены, был небольшой колодезь, которым пользовались жившие здесь монахи-отшельники. Крышку колодца использовали для устройства престола. Для проскомидии, в качестве жертвенника мог служить подоконник с левой стороны. Налево от него был образ Богоматери. Еще левее его оставалось пустое место от висевшей здесь прежде иконы. Чтобы заполнить его, принесли из соседней часовни образ Божией Матери Одигитрии. Над устроенным престолом оказалось деревянное распятие, а вправо от него - образа св. Иоанна Богослова и св. Германа Соловецкого. В часовне было четыре окна; дверь была легкая, деревянная. Ее решили закрывать не на замок, а только засовом, чтобы дать возможность зайти сюда в свободную минуту проходившим заключенным которые пожелали бы отдохнуть немного душой; замок, все равно, сорвали бы, просто из любопытства.

У всех было сознание, что эта часовня - великая милость Божия. Однако, не имея антимиаса, о. Николай не решился служить литургию. На Рождество он отслужил только обедницу. С этого дня, каждое воскресенье и в большие праздники, русские католики посещали часовню. Перед уходом из Кремля, все вместе собирались у дежурного и оттуда, с его пометкой на документе подписанном Васьковым, направлялись в часовню. По правилам не разрешалось ходить совместно мужчинам и женщинам, но для католиков сделали в данном случае редкое исключение. Благодаря этому сестры имели возможность исповедоваться, если не в самой часовне, то, за недостатком времени, по дороге.

Благодаря переписке с оставшимися на свободе, русским католикам удалось узнать, что Св. Отец разрешил заключенным совершать литургию без антиминса, пользуясь обычным латинским « корпоралом » (белый плат, который простирается на престоле); нужно было только, во время литургии, соединиться молитвенно с тем угодником Божиим, мощи которого почивают в ближайшем католическом храме. Удалось достать немного вина, и в конце мая 1926 г. о. Николай начал совершать литургию. Приблизительно в то же время было получено разрешение посещать Германовскую часовню ежедневно. Несмотря на изнурительный трудовой день, о. Николай вставал неизменно около пяти часов утра и, запасшись просфорой и небольшой порцией вина, которое он заранее соединял с одной-двумя каплями воды, спешил в часовню с таким расчетом, чтобы после литургии успеть вернуться домой к завтраку и не опоздать на работу. То же делали и другие католики. Псаломщиком была сестра Серебrenникова хорошо знавшая службу. По субботам совершалось всенощное бдение. Все приступали ежедневно к Причастию. Хлеб для литургии выпекали сестры, целым хлебцем, из которого потом вырезывали просфорки. В июне 1926 г. появился тайно доставленный сюда антиминс. Священные сосуды сделал из простого металла один мастер-католик. В начале приход был очень беден утварью и облачениями. Было только одно красное; позже прислали из Москвы еще другое лиловое.⁴ Е. М. Нефедьевой прислали на Соловки ее светло-желтое подвенечное платье. Сестры сшили из него еще одно облачение; освятил его уже о. Леонид.

Летом 1926 г. на Соловки прибыл первый латинский священник, витебский декан о. Леонард Барановский. Узнав о его прибытии, предприимчивый Карпинский, в тот же день, с помощью добрых знакомых получил разрешение забирать его на день к себе в шестую роту, где условия, по сравнению с карантинной, были все-таки лучше. Отбыв карантин, о. Леонард поселился в одной комнате с русскими католиками. Здесь они положили начало нормальным и хорошим отношениям между латинниками и восточниками. Все мешавшее этому раньше, все болезненно разделявшее их и стоявшее между поляками и русскими на Соловках само собой исчезло. Они были теперь только братьями во Христе, носителями света Христова в окружавшей духовной тьме, так удивительно гармонизировавшей здесь с холодом и мраком полярных ночей. О. Леонард был человек с твердыми принципами, ревностный священник и бесстрашный исповедник. Вскоре о. Николай выхлопотал и ему разрешение ходить в Германовскую часовню. О. Леонард был

⁴ Автор держал его в руках в 1957 г. в Риме, где оно теперь хранится.

этим доволен, но долгое время не решался служить литургию в лагерных условиях, хотя католики-латиняне и просили его. В конце концов он все-же решился. Польки быстро принялись за работу и сшили ему из розового ситца все, что было нужно для латинской Мессы. Но он делал это неохотно, боясь смешения обрядов. Не решился о. Леонард употреблять и простой хлеб, а хотел непременно, чтобы выпекались облатки. Нашелся мастер, немец-католик, который взялся сделать прибор для изготовления облаток. Однако, прибор у него вышел неудачным: стенки были чересчур тонкие, и при печении облаток на сильном огне - тесто горело, а на слабом - работа затягивалась; для печения пользовались примусом. Впоследствии тот же немец смастерил более усовершенствованный прибор, а кроме того наладилась связь с оставшимися еще на свободе; вино и облатки стали получать от родственников, друзей и бывших прихожан.

Кроме восточных католиков, несколько латинян тоже добились разрешения ходить на богослужение в Германовскую часовню. В результате там скопился народ, и на церковные службы стал являться член лагерной администрации, чтобы не допускать в часовню лиц, не имевших специального разрешения. Сразу же стала заметна разница в отношении к часовне со стороны органов местной власти. Административная часть, т. е. орган, несший на Соловках полицейскую службу и имевший специальные указания и полномочия из центрального ГПУ, шел первое время навстречу католикам. Инспекционно-следственная часть - ИСО, - исполнявшая функции сысского характера, хотя и была подчинена начальнику административной части, но относилась к католикам явно враждебно, чинила им всякие препятствия и провоцировала их. Некоторые объясняли это тем, что агенты ИСО, вербовавшиеся из наказанных за злоупотребления сотрудников ГПУ, старались и на Соловках заниматься вымогательством и брать взятки с заключенных. С православным духовенством они были в то в время в добрых отношениях (1925-1929), так как получали от него регулярно довольно крупные подачки. Повидимому, агенты ИСО ожидали, что и католики, поняв сделанные намеки, будут снабжать их деньгами и продуктами. Но те не видели в этом надобности, надеясь на благосклонное отношение административной части, которое они объясняли указаниями Московского ГПУ.

В конце 1925 г. для католиков создались еще более благоприятные условия. Администрация, под непосредственным руководством начальника управления Эйхмана, стала на путь широкого развития производственных работ в лагере. О. Николай, служивший до этого сторожем, был призван теперь, как инженер, участвовать в совещаниях и работах

эксплуатационно-производственного отдела. Его назначили помощником заведующего электростанцией, учреждения, в котором были объединены все предприятия сильного и слабого тока. В этой должности ему приходилось делать доклады и давать объяснения чинам высшей лагерной администрации, а также помогать им в устройстве радио-приемников у них на квартирах и оказывать по своей специальности ряд личных услуг. Своими связями он широко пользовался для устройства приходских дел. Благодаря ему, каждый месяц возобновлялось разрешение на пользование часовней и позволялось получать вино. Через него же устранялись и чинившиеся католикам затруднения.

* * *

— Только бы не на Соловки!

Такова была в те годы первая мысль «свободного» советского гражданина, когда ГПУ внезапно его арестовывало и ввергало в тюрьму.

Мы не знаем, что именно подумал Российский экзарх, когда представители власти внезапно схватили его в Могилеве, но у нас сохранилась запись, сделанная им еще в начале 1926 г.:

— «Придется упражняться в похвальной добродетели терпения, такого же каторжного, тупого и невыносимого как тот наш российский кошмар, в котором мы мучаемся за грехи наши и наших отцов»!

Ссылка о. Леонида на Соловки была только новым шагом вперед в его Крестном пути. Он прибыл туда 26 октября 1926 г. Первым узнал об его прибытии о. Николай Александров и поспешил сообщить эту весть Карпинскому работавшему на лесопильном заводе. Тот поручил ему поскорее повидаться с о. Леонидом, проникнуть как-нибудь в карантинную роту, вход в которую был строжайше воспрещен посторонним. На Соловках уже знали о «преступлении» о. Леонида. В лагере прошла молва о том, как он снова приехал в Могилев из Калуги и всколыхнул там массу бывших униатов, которые сами напомнили ему о вере отцов и попросили прислать им униатского священника.

Не впервые о. Николай посылал Карпинского в трудно проходимые места; на этот счет у него выработался уже опыт, а были кое-где и особые секретные связи. Словом, он и на этот раз не обманул ожидания о. Николая. Через короткое время Карпинский был уже в знаменитой 13-й роте и там, в первой комнате, направо от входа, увидел экзарха, среди так называемой «шпаны» - мелкого уголовного элемента. Убогий вид о. Леонида в этой ужасной среде больно кольнул его сердце. Поражало усталое, обескровленное лицо о. Леонида. Он был одет в какой-то белый штатский пиджак. На голове у него была старомодная

узкая шляпа. В первый же момент встречи, Карпинский подумал с горечью:

— Экзарх в таком виде... С него сорвали одеяние священника и превратили во что-то жалкое-жалкое... Какая боль и какой срам... Бедный экзарх...

Карпинский подошел к нему, поцеловал руку. Чтобы утешить о. Леонида, он сказал, что, несмотря на соловецкие ужасы, им все-таки живется неплохо. Тут о. Николай, четыре сестры из Московской общины, Елена Михайловна Нефедьева. И Владимир Васильевич Балашов тоже здесь с ними. Все бывают каждый день у обедни и причащаются...

Лицо о. Леонида сразу же прояснилось. Он понял, какое облегчение посылает ему Господь в тех страданиях, какие его здесь ожидают. Он будет служить... Значит, ему тем самым обеспечен духовный отдых и утешение совершать Литургию и, таким образом, укреплять свой дух и ободрять других. О. Леонид вздохнул облегченно. Видно было, что его обрадовала встреча. Несмотря на большую, усталость, он был все-таки бодр.

Поскорее увести отсюда экзарха! Карпинскому действительно удалось быстро получить нелегальное разрешение на выход о. Леонида из карантинной роты в ту, где помещались католики. Там свои его сразу окружили любовью и сыновним вниманием, оказали «гостеприимство», чем только могли. Накормили, напоили горячим чаем, а главное - согрели душевным теплом. На другой день о. Леонида не отправили на работу, как это делали всегда с вновь прибывшими, так как все связи и возможности были пущены в ход, чтобы добиться этого исключения для о. Леонида. Свой первый день на Соловках Российский экзарх начал литургией, которую отслужил тут же в камере у католиков. Тогда, духовенство пользовалось еще в этом смысле известной свободой. О. Леонид провел здесь весь день и только вечером вернулся в карантинную роту, чтобы присутствовать на поверке. Так же как и первый день, о. Леонид провел и все остальные двухнедельного карантина, по окончании которого его устроили жить в этой же роте где были католики на Центральном острове, но в другой камере, вместе с православным духовенством. Кого только не было здесь! Больше сотни священников, двадцать епископов, среди них такие столпы православия, как архиепископ Илларион Троицкий,⁵ архиепископ Петр Зверев, епископ кн.

⁵ Опуская здесь указание на достоверные источники, из которых Ген.-Майору И. М. Зайцеву удалось получить приведенные ниже сведения, мы ограничимся

Жевахов, епископ Мануил Лемешевский и др. Очень скоро все поняли, какой просвещенный иерей и выдающийся представитель католической Церкви оказался в их среде. Епископ Мануил стал большим почитателем о. Леонида. Со всеми у него установились простые дружеские отношения. Были частые разговоры на богословские, исторические и другие темы. Православное духовенство собиралось в одной из камер на доклады. На них обыкновенно присутствовал и о. Леонид. Дважды он читал у них на темы: « О боговдохновенности книг Священного Писания » и об « Историчности Иисуса Христа ». Доклады имели большой успех.

Все свободное время о. Леонид проводил в чтении и писании. Он надеялся вывезти все это современем или как-нибудь переслать своим на свободу. Однако, труды его попадали обыкновенно в руки ГПУ при неожиданных обысках; чекисты их уносили, обещая вернуть при освобождении. Друзья прозвали о. Леонида « писателем ГПУ ». Однако, это его не останавливало; говорят, что он даже трудился еще напряженнее, надеясь, что, может быть, написанное им увидит когда-нибудь свет.

Ко времени прибытия на Соловки, здоровье о. Леонида было уже сильно надломлено. У него был порок сердца, он страдал ревматизмом,

рассказом о фактической стороне дела, приводя дословно отрывки из его книги о Соловках (стр. 86-87):

« Архиепископ Илларион был ближайшим советником Патриарха Тихона, его правая рука. Среди москвичей пользовался большой популярностью. За свою мужественную стойкость и неуступчивость в церковных делах Владыка Илларион был сослан на три года на Соловки.

Одно время на Соловках он работал в лесничестве вместе со мной: я был объезчиком, а он у меня лесным сторожем. Владыка Илларион был моим духовным отцом и искренним другом.

Однажды Архиепископ Илларион был экстренно увезен с Соловков на материк. Куда? Зачем? Конечно, никто не знал.

Прошло продолжительное время; архиепископа Иллариона снова привезли на Соловки. Через короткое время стало известно среди соловчан, что архиепископу Иллариону добавили срок заключения на Соловках еще на три года. За что? Никто не знал. Сам же Владыка говорил своим близким, что по новому делу, и больше ничего, так как за разглашение случившегося с ним он и получил добавление, - о чем и изложу кратко сейчас...

Архиепископа Иллариона увозили в Ярославский концентрационный лагерь, - куда приезжал для беседы с ним Тучков, особоуполномоченный ГПУ при Святейшем Синоде. Тучков предложил Иллариону следовать в отношении Советской власти политической линии, взятой митрополитом Сергием, а также предлагал подписать предназначенное для выпуска воззвание Святейшего Синода. Это то воззвание, которое было опубликовано 16/29 июля 1927 года за подписью Митрополита Сергия и других большевистствующих иерархов, направленное в адрес заграницы.

и немало мучений ему причинял ишиас. На медицинском осмотре его причислили к категории неспособных к физической работе. На него возложили обязанности дворника и сторожа; свою службу он нес исправно и ночью и днем. Польский священник Ильгин, проживший совместно с о. Леонидом два года на Соловках и впоследствии благополучно вернувшийся в Польшу, вспоминает о том, каким был тогда о. Леонид:

« Он отличался необыкновенной учтивостью и был, как говорится по-русски « простодушен » до безграничности. Был также исполнен смирения и простоты; мы встречали его то сторожем, стоящим на дежурстве, то дворником с метлой в руке, всегда полным улыбки и приветия. Никогда он ни от чего не унывал, не падал духом, а, видя других угнетенными, побуждал к терпению, утешая надеждою на лучшие времена.

Плавностью своей беседы и богатством ее содержания он возбуждал всеобщий интерес. В свободные от принудительного труда минуты мы все толпились вокруг него, и он увлекал нас своей добротой, простотой и сердечностью.

По отношению к самым близким, к сотрудникам по вертограду Господню еще во времена жизни на воле, он был истинным отцом и просто обожаем всеми.

Часто он общался и с православными русскими, как с интеллигенцией, так и с простонародьем. Можно думать, что не одну человеческую душу он повлек за собой к Богу.

Архиепископ Илларион непреклонно отстаивал свои взгляды на положение церкви в России при ее настоящем внутренне-политическом состоянии, и стойко отклонил все предложения Тучкова.

Признавая Иллариона наиболее сильным и серьезным борцом против разрушений церковной жизни в России, Тучков по доверию Центрального ГПУ дал указания администрации Ярославского лагеря ликвидировать Иллариона медицинским способом, или как-нибудь иначе, лишь бы не было никаких подозрений, а все сделано « шито-крыто ».

Будто бы, был применен какой-то яд. Но на крепкое, здоровое, богатырское телосложение Иллариона яд не подействовал...

Вскоре после неудачной попытки отравления отправили Иллариона обратно на Соловки. Когда Илларион написал о своем свидании с Тучковым своим друзьям, архипастырям в России, то ГПУ придралось к этому, обвинив в разглашении тайны и добавило ему три года Соловков ».

В примечании к этому сообщению, И. М. Зайцев говорит между прочим следующее:

« В июне прошлого, 1930 г., было газетное сообщение, что во время отправки с Соловков в ссылку, надо полагать в Зырянский край, где и я был, Архиепископ Илларион скоропостижно скончался ».

По отношению к нам, священникам латинского обряда, он ничем не обнаруживал никакой обособленности, всегда оставался сердечным, приветливым, полным смирения и Духа Божьего. Очень часто, как только представлялась к тому возможность, он затрагивал вопрос об Унии; будучи всесторонне образованным, он давал нам ценные указания и мысли относительно того, каким способом нам надлежит направлять это дело на благо Церкви ».

На Соловках, латинское духовенство относилось к о. Леониду с большим уважением и действительно отвечало любовью на его отношение к себе. Все ценили его высокие нравственные качества и выдающуюся ученость. Среди них он был всегда желанным, как милый и приятный сожитель по камере. Его считали «ходячей энциклопедией». Иногда просили неожиданно прочесть какой-нибудь доклад. О. Леонид обыкновенно осведомлялся, на какую тему его хотят слушать и сколько времени он может говорить. Темы были самого разнообразного характера, обычно в связи с вопросами, возникавшими время от времени в среде духовенства. По свидетельству слушателей, доклады о. Леонида были всегда очень интересны и содержательны. Он говорил на богословские и исторические темы, говорил об оккультизме, масонстве и т. п. Эти доклады отрывали о. Леонида от личных работ, которым он посвящал все свободное время. Но он никогда не отказывался. Бывало нередко, что аудитория о. Леонида слушала его с неослабным вниманием в продолжение одного-двух часов. Мрак и холод полярной ночи только сильнее выдвигали перед слушателями необычное дарование о. Леонида, действительно призванного быть и руководителем душ и учителем. К сожалению, он был лишен возможности поддерживать письменную связь со своей паствой, так как переписка в лагере была строго ограничена: заключенным позволялось писать только два письма ежемесячно. Позже это ограничение стало еще строже, и сношения с внешним миром сделались более трудными.

До 5 ноября 1928 г. о. Леонид служил ежедневно литургию, чаще всего у себя в камере, где он жил в обществе шести латинских священников, одним из которых и был о. Ильгин. Одновременно с ним служили еще двое; для этого они устраивали при помощи сундучка возвышение на постелях. По воскресеньям и праздникам служба совершалась в Германовской часовне. Впервые о. Леонид появился здесь по окончании двухнедельного карантина. Этот день был большой радостью для всех русских католиков. Кажется, больше всех радовалась тогда старушка Е. М. Нефедьева, так почитавшая о. Леонида. Он был первым серьезным духовником в ее жизни, и она не могла забыть, как он руководил ею после обращения. Свое служение в Германовской

часовне, о. Леонид начал, как Российский Экзарх, глубоко прочувствованным словом. С тех пор, за каждой литургией он не переставал поучать и утешать своих верных. Сказанные им слова не забылись. Через много лет они вспоминались и повторялись, как заветы Экзарха:

— Мы - жертва за схизму Востока, я не устану повторять это. С терпением мы должны нести крест свой...

— Мы здесь - удобрение для духовного возрождения России...

— Помните, что наши обеды на Соловках, может быть, единственные обеды русских католических священников, молящихся за Россию. Надо непременно стремиться отслужить хотя бы одну в день...

Германовская часовня стала местом общих « евхаристических радостей », как тогда говорили; люди отвлекались в ней от лагерной жизни и по-детски утешались возможностью братского единения. Летом, после воскресной обедни, они задерживались некоторое время всей семьей перед часовней. Им были дороги эти минуты на лоне дивного уголка северной русской природы. Тут же они съедали принесенный скромный завтрак и затем возвращались в душевной беседе « домой ». Германовская часовня и все связанное с нею поддерживало в душах сверхприродную жизнь, сохраняло душевное равновесие и психическое здоровье, а это являлось основным для заключенных в тяжелых условиях соловецкой повседневности. Посещавшие часовню, в свою очередь, служили моральной и духовной поддержкой для тех католиков, которым администрация лагеря не позволяла сюда приходить; разрешения выдавались только « церковникам », т. е. заключенным, несшим наказание за участие в церковной жизни.

В то время как в лагере царила духовная пустота, уныние и даже отчаяние, и многие заключенные поддавались разным соблазнам, католики-церковники вели в своем замкнутом кругу содержательную жизнь. Они были далеки от уныния, тоски и отчаяния и пользовались среди окружающих заслуженным уважением. Многие посторонние искренне завидовали и восхищались при виде того, как католики пользуются предоставленной им возможностью вести церковную жизнь. Наблюдая их, нельзя было не понять, какое место в жизни человека занимает религия, как она его окрыляет. На фоне соловецкого быта, это бросалось в глаза особенно ярко. В праздничные дни католики имели действительно праздничный вид. В их часовне, при всей ее бедности, была торжественная обстановка. Пользуясь знакомством с вольными монахами, у них даже удалось достать митру для отца Леонида. Однажды, когда латиняне служили Мессу с диаконом и иподиаконом, Российский Экзарх восседал в митре на « троне », водруженном в часовне. Как выглядел в действительности этот трон и все

остальное, - это уже, конечно, другой вопрос. Важно, что люди глубоко жили церковной жизнью и черпали из нее силы для перенесения своего заключения, со всеми его непомерными тяготами. В праздничные дни, иным даже казалось, что темные силы не могут не быть озадачены безмятежностью чистой радости церковников и должны непременно что-нибудь предпринять против них. Большею частью такие предчувствия сбывались. Но Господь помогал им или преодолевать временные затруднения или же принимать их в духе веры, как испытание.

* * *

Летом 1927 г. был доставлен на Соловки о. Патапий Емельянов. Он был одним из последних священников восточного обряда, оставшихся еще на советской воле. Ему пришлось пройти через полосу очень тяжелых моральных и материальных испытаний. Самым тяжелым для него было, пожалуй, сознание полной беспомощности, одиночества и оставленности в диком разгуле страшного произвола, который захватил его, мучил и кончил тем, что бросил на Соловецкие острова. Тут он оказался по крайней мере среди своих, встретил экзарха, вошел в среду русских католиков и стал делить с ними радости и печали. Ко времени его прибытия, легальная церковная жизнь была уже налажена. Все быстро полюбили о. Патапия; для совместной жизни у него был прекрасный характер, а руки у него были просто «золотые». Кроме того, он оказался хорошим портным. В 1928 г. о. Патапий отлично сшил белое облачение; трудился он над ним с особенным усердием и чисто детским увлечением. Его облачение оказалось самым красивым и употреблялось в праздничные дни. При своей физической силе и выносливости, о. Патапий приходил неоднократно на помощь своим менее сильным собратиям.

Однажды ему пришлось перенести операцию геморроя. Когда он лежал в лазарете, туда привели больного священника, поляка Феликса Любчинского, бывшего настоятеля на Украине, где он пережил много тяжелого. Однажды он поехал в другой приход для совершения треб, в его отсутствие бандиты напали на его дом и не только разграбили все имущество, но варварски поубивали одного за другим всех членов семьи и даже слугу. Отца его бандиты порезали на куски и бросили в колодезь вместе с другими убитыми. После этого ГПУ приговорило его, ни в чем неповинного, к 10 годам каторжной тюрьмы. В результате, от всех потрясений, о. Феликс заболел меланхолией, так что врачебная комиссия даже освободила его в лагере от тяжелых работ. Собратья, принимавшие в нем большое участие, не допускали его даже к легким

работам и делали все за него. Они же выхлопотали ему разрешение отправиться в Кремлевский лазарет, надеясь, что регулярный медицинский уход восстановит его силы. Между тем, в лазарете, здоровье о. Феликса стало с каждым днем ухудшаться. О. Патапий, принялся с большой любовью ухаживать за больным. Благодаря его стараниям, доктор, почему-то медливший с диагнозом, определил у о. Феликса воспаление передней части мозга. Санитар же считал о. Феликса симулянтом, обращался с ним грубо, отказывая в самых элементарных услугах. О. Патапий добился перевода в ту же палату, где лежал о. Феликс; благодаря этому он мог принять на себя весь уход за больным. О. Патапий был прекрасный рассказчик и собеседник. Своими разговорами он немало утешал о. Феликса, скрасив этим его последние дни. Видя, что конец его близится, о. Патапий напомнил об исповеди. Больной был глубоко тронут заботой о. Патапия и после исповеди целовал ему руки, не выпуская их из своих.

Когда он умер о. Патапий, зная, что покойника отнесут из палаты в мертвецкую, поспешил совершить обряд отпевания, который знал наизусть. Оставалось еще позаботиться о похоронах. Тут уже о. Патапий, находясь в лазарете, был бессилён что-нибудь предпринять. При всех своих способностях, о. Патапий, не умел быть «ходоком» по соловецким учреждениям. К счастью, как раз в этот день на Центральном острове оказался прибывший утром с Анзера, лучший лагерный «ходок» по официальным местам. Узнав о кончине о. Феликса, он сейчас же пробрался нелегально в лазарет. Фельдшер, его хороший знакомый, провел его к покойнику, а заведующий мертвецкой, за хороший подарок, пообещал сделать зависящее от него, чтобы обставить похороны достойным образом и не бросить раздетое тело, как это обычно делалось, в общую яму. Заказал у «казенного гробовщика», как его называли, пристойный гроб. Между тем, чтобы устроить похороны, ему нужно было во что бы то ни стало остаться в Кремле и не быть отправленным на другой день обратно на остров Анзер. Он не нашел другого выхода, как упросить сделать себе операцию. При помощи того же фельдшера, получил разрешение врача лечь в лазарет тоже для операции геморроя, в которой, кстати сказать, не было никакой необходимости: на его беду, операция оказалась не только мучительной, но и неудачной, так что пришлось подвергнуться еще и второй, чтобы исправить последствия первой. Однако, благодаря этому, смог добиться чего хотел для похорон о. Феликса. Администрация разрешила ему достать нужные вещи, и одеть покойника. О. Патапий сшил для него из полотенца священническую столу (латинскую епитрахиль) и химическим карандашом нарисовал на ней кресты. На лице умершего словно

застыла улыбка. Его друзьям казалось, что он благодарит его за заботы, а прежде всего за исповедь, отпевание и столу. Оба они собственноручно забили крышку гроба.

Представившаяся возможность отдать последний долг умершему брату доставила большую радость о. Патапию, ибо на Соловках было нелегко похоронить умершего не только по-христиански, но и просто по-человечески.

Выписавшись из лазарета после операции, - Карпинский смог побывать у могилы о. Феликса и помолиться там еще раз о душе любимого друга.

* * *

26 декабря 1926 г. экзарх тайно посвятил в Германовской часовне Сергея Карпинского в иподиаконы. Еще в 1922 г. он сказал ему, что рукоположение в священники состоится при первой возможности его. Когда в 1927 г. в Могилеве арестовали епископа Болеслава Слоскана, соловецкие узники, хорошо знакомые с маневрами ГПУ, стали ожидать прибытия владыки на Соловки. О. Леонид велел Карпинскому готовиться к посвящению и достать для этого все необходимое. В 1927 г. его надежды на приезд владыки Болеслава не оправдались. Не раз он посматривал с берега на ту сторону моря, откуда соловецкий пароход мог привести ему величайший дар Божий - благодать священства. Но увы, наступила зима, прекратилась навигация, а владыка оставался на материке: его отправили в другой лагерь.

Наступила весна, как вдруг, когда всякая надежда на приезд владыки Болеслава казалась утраченной, между лагерными католиками пронеслась весть:

— Епископ Слоскан на Соловках!

Оказалось, что зимой владыка простудил ногу и заболел ишиасом, и врачи направили его для лечения в Соловецкий лазарет, лучше оборудованный, чем госпиталь других северных лагерей. Карпинского не нужно было торопить; он сам поспешил сейчас же пробраться, конечно, нелегально, к больному владыке. Тот принял его очень радушно, не подозревая, что говорит со своим будущим первым сыном. Вслед за Карпинским, владыку навестил и экзарх. Как только тот поправился, о. Леонид обратился к нему с просьбой о посвящении Карпинского. Владыка согласился. Епископ Нева⁶ прислал с верным человеком специальное благословение и разрешение на рукоположение.

⁶ О. ПИЙ ЕВГЕНИЙ НЕВЕ, французский ассумпционист, прибыл в Россию из Болгарии, где он до этого работал; долгое время был настоятелем в Юзовке (те-

В конце августа Сергей Карпинский начал десятидневную духовную подготовку к посвящению. Решено было совершить все в будни, ранним утром и в полной тайне, не говоря об этом даже католическим священникам. Надеялись таким путем избежать случайных посетителей в часовне. Были приняты и меры предосторожности, чтобы в роте не только члены администрации, но и латинские священники не обратили внимания на их ранний выход из Кремля. 5 сентября 1928 г., « с трепетом и волнением », как свидетельствует один из участников этого памятного шествия, они, словно какие-то заговорщики, вышли из лагеря в начале пятого часа утра и направились в германовскую часовню. В этот день было назначено посвящение Карпинского в диаконы. На чин посвящения были приглашены: каноник Тройго, который, в качестве профессора литургии дал владыке нужные указания, как совершить обряд посвящения и был диаконом во время самого последования; затем, кроме экзарха, о. Николай Александров, В. В. Балашов и сестры доминиканки. Богослужение прошло совершенно спокойно, без всяких помех. Присутствующих охватило совсем особенное чувство. Позже, они говорили, что в то утро они погрузились в духовную атмосферу катакомб. В убогой Германовской часовенке, на простой скаме-

пери Сталино, близ Макеевки), где жило тогда много французских рабочих. Когда в 1921 г., о. Иоани Видаль, настоятель церкви St Louis des Français в Москве, был выслан после трехмесячного заключения в тюрьме, его заменил о. Неве. Французское посольство взяло церковь под свою защиту и спасло ее от закрытия. Сделавшись посольским священником, о. Неве стал пользоваться дипломатической неприкосновенностью. Зная в совершенстве русский язык, он мог обслуживать также оставшихся в Москве русских католиков. В частности, он помог о. Сергию Соловьеву заменить настоятеля о. Николая Александрова. Ему обязан своим присоединением к католической Церкви епископ Варфоломей (арестованный большевиками; он умер в тюрьме в 1935 г.), чьим духовником он был после его обращения. Через него же о. Сергей Соловьев смог отправить в Рим часть рукописи Влад. Соловьева о теократии, которая хранится теперь в Ватиканской библиотеке.

О. Неве был одним из четырех хиротонисанных епископом Дэрбиньи в 1926 г. и стал тогда администратором в Москве. Советская власть могла устранить его лишь косвенным путем: за о. Неве шпионили и арестовывали русских, имевших с ним какие-либо отношения. Тем не менее, несмотря на все трудности, которые чинило ГПУ, епископу Неве удалось сделать немало для русских католиков. Он заботился с большой любовью об их нуждах, всегда шел им навстречу во всех церковных и личных делах и был для них единственной моральной опорой в то исключительно тяжелое время.

В июле 1936 г. епископ Неве должен был выехать для хирургической операции во Францию. Хотя власти и обещали ему, что разрешат после этого вернуться в Москву, но обратной визы он не получил. Епископ Неве умер в Париже 17 октября 1946 г.

ечке вместо кресла, сидел тогда молодой епископ, тоже в секретной обстановке недавно призванный тайно к высокому служению в гонимой Церкви.⁷ Владыка Болеслав служил без митры и без посоха: недостававшие ему внешние знаки епископской власти восполняли в глазах присутствовавших сиявшее внутренним светом лицо и высокое духовное совершенство подвижника-исповедника. Вся часовня в этот тихий утренний час казалась таинственно овеянной особым ароматом благодати, охватившей молящихся.

Еще более глубокое и торжественное настроение было через два дня, 7 сентября, при рукоположении Сергия Карпинского в священники. Он не мог удержаться от тихих радостных слез, когда владыка Болеслав возложил на него руку и произнес: « Accipe Spiritum Sanctum » (« Прими Духа Святого ») а вслед за ним и другие священники-страдальцы за Церковь тоже коснулись его головы. « Знаю, - сказал новопосвященный, - что такие минуты не повторятся больше в моей жизни ». Ему было радостно служить затем литургию вместе с посвятившим его епископом. После обедни, когда он разоблачился и остался в подряснике, к нему подошел владыка Болеслав, и стал по латинскому обычаю на колени прося благословения. О. Сергей заколебался. Однако владыка Болеслав так посмотрел на него, что он быстро, хотя и трепетно, поднял руку и благословил своего величайшего благодетеля. Потом к нему подошел Российский Экзарх и смиренно склонил голову, прося благословения. « Разве можно забыть такие минуты? », - сказал впоследствии о. Сергей, вспоминая пережитое в это памятное утро.

О. Леонид строго приказал не делать никому даже намеков на то, что Сергей Карпинский стал священником. Об этом сообщили только его сожителю по камере, архимандриту Шио Ботманишвили, в присутствии которого ему предстояло теперь тайно служить литургию.⁸

⁷ Епископ Слоскан был одним из четырех тайно хиротонисанных в Москве 10-го мая 1926 г. епископом Дэрбинья, который незадолго перед этим был тоже тайно посвящен в епископы.

⁸ В своем исследовании, кн. П. М. Волконский допустил досадную ошибку. Одно лицо передало ему, будто бы со слов епископа Слоскана, что тот, прибыв на Соловки, сообщил о. Леониду по поручению епископа Михаила Дэрбинья об упразднении им экзархата и об увольнении его от должности Российского Экзарха. В письме от 8-8-1936, кн. Волконский поделился этим сообщением с митрополитом Андреем и передал этот рассказ якобы от лица епископа Слоскана в следующих выражениях:

« На меня выпала тяжелая обязанность по поручению епископа Дэрбинья передать экзарху Федорову, что российский экзархат упразднен и что он, Федоров, от должности уволен.

* * *

Юлия Николаевна Данзас, после четырехмесячного путешествия этапным порядком, прибыла, наконец, 11-го сентября на Соловецкие острова. Доставили ее сюда с большой партией «уголовниц». За отсутствием места в женском бараке, всех вновь прибывших поместили в коридоре. Юлия Николаевна была в очень тяжелом состоянии от разрушительного действия цынги, так что за нее заступились даже уголовницы. Видя, что Юлию Николаевну оставили совершенно больной среди них, они потребовали, чтобы ее устроили поудобнее вместе с другими церковницами, благо у тех в шестиместной комнате была еще одна свободная койка.

Небольшая камера церковниц считалась в женском бараке как бы привилегированной. В ней жили тогда знакомая нам Елена Михайловна Нефедьева из Петербурга, духовная дочь о. Леонида, и еще четыре сестры из Абрикосовской общины. Одна из них, Анна Серебrenникова, была назначена Анной Ивановной старшей и играла роль настоятельницы. Она заведывала амбулаторией, что тоже давало ей некоторые

Федоров опустил голову и долго молчал. Потом спросил:

— И что же, это навсегда?

— Нет, - ответил я, - временно.

— Ну, тогда еще не все потеряно.

Разговор этот произошел в сентябре 1928 г. во дворе главной тюрьмы на Соловецких островах ».

То же самое лицо, ссылаясь на слова другого, не менее авторитетного, чем епископ Слоскан, лица, передало кн. Волконскому еще другое сообщение, которое тот тоже включил в свой архив и которое распространилось потом в копиях, будто бы епископ Слоскан, по приезде в Рим с Соловецкой каторги, просил Папу Пия XI устранить от дел епископа Дэрбиньи (тогда Ректора Восточного Института и Председателя комиссии Pro Russia) «как человека вредного, нежелательного для дела»; по словам этого лица, произведенная анкета «повидимому коснулась и дела упразднения экзархата, о чем было поручено епископу Слоскану передать экзарху ».

Если первое сообщение можно еще назвать плодом печального недоразумения, то второе является уже чистым вымыслом и по выражению епископа Слоскана («не соответствует действительности») (да и психологически оно невозможно уже потому, что со времени приезда епископа Слоскана в Рим, в Великую Среду 1935 г., и до отъезда епископа из Рима якобы для «тяжелой операции», через день-два после Рождества 1935 г., Дэрбиньи был его духовником).

Епископ Дэрбиньи письменно удостоверил, что не давал подобного поручения епископу Слоскану, а епископ Слоскан сообщил, что память его совершенно не сохранила того, чтобы он получал и передавал подобное поручение и рассказывал кому-либо об этом. В беседе на эту тему с автором он сказал дословно следующее:

«Когда я пересматриваю теперь копии документов из архива кн. П. М. Волконского, относящиеся к вопросу об упразднении экзархата, то я воспринимаю эти

права. Кроме того, она оказывала помощь и заболевшим в семьях лагерного начальства, на их квартирах, вследствие чего у нее был пропуск для хождения по всему лагерю. Этим она широко пользовалась, чтобы помогать, чем только могла, католическим священникам, которые ее очень ценили. Другая сестра, Тамара Сапожникова, занимала должность «старосты»; это делало ее маленьким начальством, и создавало немного привилегированное положение среди остальных женщин; у нее тоже был пропуск для хождения повсюду.

С этими двумя сестрами отношения Юлии Николаевны не наладились: их понятия о проведении в жизнь Евангельских истин совершенно расходились с ее собственными.

В Серебrenниковой был слишком замечен неприятный ей - как она его называла - дух «самодержавной повадки» Анны Ивановны; Юлии Николаевне даже казалось, что Серебrenникова старалась подражать своей настоятельнице и ждала, что вновь прибывшая, присоединившись к группе церковниц, признает над собой ее духовный авторитет, как «старшей». Юлию Николаевну это, естественно, только раздражало, что опять-таки не способствовало расположению к ней этих сестер.

сообщения, как совершенно для меня новые и незнакомые. С экзархом я прожил вместе с августа 1928 до лета 1929 г. (было время, когда мы жили в одной комнате), и у меня при этом никогда не было в мыслях, что передо мною уволенный от должности экзарх. Напротив, я считал его всегда правомочным. Так например, я совершил на Соловках 5 и 7 сентября, рукоположения в дьяконы и в священники только по представлению о. Леонида Федорова, как экзарха; сам же не проявил никакой инициативы в этом вопросе».

Вышесказанное находится в полном соответствии со следующими словами, заимствованными из выданной епископом Слосканом грамоты об этом рукоположении:

«... a Reverendissimo Domino FEDOROV, Leonida, Ecclesiae Catholicae in Russia ritus byzantino-slavici Exarcha, legitime approbatum, ad Nos dimissum Nobisque personaliter a Reverendissimo Exarcha, in insulam Solovki pro fide relegato, praesentatum ad sacrum PRESBYTERATUS ordinem iuxta Sanctae Romanae Ecclesiae ritum in Domino promovisse...».

В послании Папы Пия XI от 2 февраля 1930 г. к кардиналу Помпили по поводу преследования христиан в России (черновик которого составил епископ Дэрбинь) имеются такие слова:

«... нашего представителя для восточного обряда католического экзарха Леонида Федорова...».

Так же называет его и «*Osservatore Romano*» в сообщении о смерти, следовавшей 7 марта 1935 г.

Еще более убедительной является следующая выдержка из письма одного из заключенных на Соловках, написанного митрополиту Андрею после освобождения:

При отсутствии же взаимной симпатии, которая была бы возможна только при условии одинакового восторженного отношения с ее стороны к Анне Ивановне, на каждом шагу создавалось немало такого, что делало ей пребывание в камере церковниц мало приятным.

Напротив, две другие сестры были Юлии Николаевне очень симпатичны. По ее словам, Елизавета Вахевич, лет около сорока, была прекрасная, простая душа, правда, без особого образования, наивно верующая, но в своей детской вере очень стойкая. Юлия Николаевна сошлась еще лучше с четвертой представительницей московской общины, Александрой Васильевной Балашовой (сестрой В. В. Балашова), уже пожилой, совершенно седой женщиной, кроткой, безропотной и бессловесной. Она работала уборщицей при амбулатории женского корпуса, и это делало ее вдвойне подчиненной Серебренниковой - и по лагерной линии и в силу бывшей принадлежности к московской общине. Именно эта сторона нелегкой жизни Балашовой вызвала заслуженное признание со стороны Юлии Николаевны, которая оценила ее очень высоко, считая ее «прекрасной, покорной, святой душой». Тем не менее, симпатия, установившаяся было у Данзас к этим двум сестрам, в общем, мало чему помогла. Было ясно, что она не подходит к московским церковницам. С ее приездом, строй их жизни как-то нарушился, а вместе с ним и та «московская дисциплина», на которой он держался и здесь. На приходится удивляться, что через две недели

«... Только в 1930 году мы узнали (на Соловках) что по разным соображениям изъяты из Вашей юрисдикции, но вместо с тем получили авторитетное указание от еп. Неве, что в литургических практиках нам надлежит поминать на ектениях и на великом входе Вас и благолюбивого Экзарха Леонида».

Косвенным доказательством того, что сведения, заимствованные кн. Волконским, могли быть только продуктом недоразумения, является отрывок из письма самого князя митр. Андрею (6-VII-1934): «Я виделся с о. Пием Неве. Вот, что он сообщил: Епископ Михаил Дэрбиньи передал ему, подписанное самим Папой письмо, которым он (Неве) назначается главой всех католиков латинского и восточного обрядов в России. Распоряжение мотивировалось необходимостью оградить католическое духовенство от обвинений, что оно находится в сношениях с начальством, проживающим за границей. При этом говорилось в самых теплых выражениях об экзархе и рекомендовалось относиться к нему с наибольшим вниманием и оказывать ему во всем поддержку. Епископ Пий обещал мне выслать копию с этого письма, как только он вернется в Москву; он ждет только советской визы для возвращения в Россню. Епископ Пий лично не видал экзарха, даже не был с ним знаком, так как до своего назначения в Москву, он проживал на юге России, а когда прибыл в Москву, экзарх уже находился в заточении».

Надо признать, что все это было бы вряд ли возможным, если бы епископ Дэрбиньи действительно упразднил экзархат и отставил о. Леонида от должности.

Юлию Николаевну перевели снова в общую камеру; условия жизни были там несравненно тяжелее, но зато исчез неприятный для нее, как она выразилась, « нравственный гнет ».

От сестер-церковниц Юлия Николаевна узнала, что о. Леонид находится на Соловках уже второй год. Известие это было для нее совсем неожиданным. При осуждении о. Леонида на 10 лет не было речи о Соловках; об его досрочном освобождении и вторичном осуждении Юлия Николаевна ничего не знала; к ней, в Иркутскую тюрьму, не доходило никаких слухов об нем. Естественно, что Юлии Николаевне очень хотелось новидаться с о. Леонидом и поговорить с ним после стольких лет тяжелых испытаний. Самым простым, как ей казалось, было встретиться после службы в Германовской часовне, но хотя сестра Серебренникова имела право выбирать заключенных, сопровождавших ее на богослужение - за все время, до 5 декабря 1928 г., пока богослужения в часовне еще разрешались, она дала возможность Юлии Николаевне присутствовать на службе о. Леонида всего только один раз.

Когда Данзас увидела его наконец, ее поразил скверный вид о. Леонида. Видимо его мучил ревматизм, болели распухшие ноги, походка была несвободная. Общее состояние о. Леонида показалось ей тогда плачевным. После обедни им удалось перекинуться всего несколькими словами, так как надо было спешить, чтобы во-время вернуться в барак. Успели только сговориться устроить как-нибудь встречу в такой обстановке, где можно было бы поговорить свободно. О. Леонид был, видимо, тоже поражен болезненным видом Юлии Николаевны. Несколько раз он повторил: « Бедная моя, бедная! »...

— Зато дух бодр! - прибавил о. Леонид. - Слава Богу, вижу, что тут ничего не сломлено... Дай Бог всякому так!

Юлии Николаевне послышалась в его голосе какая-то горечь. Видно было, что на его душе тоже наболело немало.

* * *

Прошло почти два месяца, пока Юлии Николаевне удалось устроить свидание. На медицинском осмотре ее причислили к категории заключенных, неспособных к физической работе и пригодных к ручной в лагерных мастерских; последняя, для образованных лиц, заменялась канцелярской работой или уходом за больными в госпитале. Цынга привела Юлию Николаевну в очень жалкое состояние; ноги ее буквально отказывались служить. Каждые шесть месяцев производилось пересвидетельствование, но так как состояние не улучшалось, то ее нельзя было привлечь к физическому труду в лагере. Для начала Юлию

Николаевну определили для канцелярской работы и назначили счетоводом и библиотекарем при учреждении, носившем громкое название «Музей Соловецкого общества краеведения». Это был просто склад вещей, уцелевших от большевицкого разгрома в первые годы революции. Все было свалено в Благовещенской церкви, бывшей в свое время церковью архимандрита при его покаях. Теперь они были отданы под музей. Туда натаскали чучел разных птиц, всяких ракушек, камешков и т. п. Церковь обратили в антирелигиозную секцию этого музея. Там были сложены вповалку, на поругание, священные сосуды, иконы, ризы. На видном месте лежали какие-то обгорелые кости; значились они по списку мощами Зосимы и Савватия. Правда, среди заключенных шла молва, что монахи успели скрыть настоящие мощи, а эти кости не принадлежали святым. Ценных вещей тут не было никаких; все они были давно растасканы и вывезены. Но именно поэтому более выделялось подвижничество иноков в славном прошлом Соловецкого монастыря; здесь был и большой серый камень с вырезанной надписью - «сей камень служил изголовьем св. игумена Филиппа»), и его домотканые, убогие холщевые ризы, и оловянная чаша и другие такие же или деревянные сосуды. Устроители антирелигиозной секции собрали здесь « всю эту дрянь », как они выражались, для просвещения заключенных, которых приводили партиями в 50-60 человек и заставляли слушать соответствующие лекции.⁹ Однако, в действительности музей производил на просвещаемых впечатление, совершенно обратное тому, какое хотели создать устроители.

Устраивал музей и заведывал им « *отъявленный негодяй* »¹⁰ - некий Виноградов, бывший воспитанник Костромской Духовной Семинарии, служивший затем « охранником » в полиции и, после революции, перекинувшийся к большевикам, перед которыми он усердствовал, стараясь доказать « во всю » свою антирелигиозность. Специально же « религиозно-просветительной частью » ведал « *еще худший негодяй* », ¹⁰

⁹ Юлия Николаевна записала и здесь образец такой лекции: « Откуда праздники взялись ». Лектор: « Земля сначала была огненная, потом стала остывать, вода полилась на сушу и потом пошла зелень. А всякие жрецы и патриархи`объявили народу, что было чудо... Вот праздник Покрова... Что это значит? Да только то, что земля была под снежным покровом... ». Лектор не мог, конечно, учесть присутствия Юлии Николаевны среди слушателей. А та спросила его наивно: « Ведь это из Константинополя? ». - Лектор: « Ну, конечно, это там все эти глупости и выдумали ». - Юлия Николаевна снова с вопросом: « А как же, вот мои родители были в Константинополе, да зимой; говорили, что там и снегу-то не бывает? ». Лектор ей ничего не ответил.

¹⁰ Автор заимствовал эту квалификацию дословно у Ю. Н. Данзас по тому, что

Иванов, бывший послушник Почаевской Лавры, а при большевиках - видный член «Союза воинствующих безбожников». В Соловки он был сослан за какое то уголовное преступление. На вид - маленький дегенерат, почти карлик, он, «для вящего посмеяния» всего церковного, ходил с косичкой и в каком-то подряснике, и этим особенно приправлял свои непристойные издевательства над церковью и религиозными чувствами верующих. Заключенные называли его «кусочком сволочи».

Так вот в эту компанию каторжных горилл и определили на службу Юлию Николаевну, сделав ее счетоводом «Музея Соловецкого общества краеведения». Сперва каторжные шефы указали ей, что она должна привести в порядок каталог чучел, камешков и прочих музейных предметов. Немного позже Виноградов сказал, что ей придется также давать объяснения «экскурсантам». Этим термином он называл группы голодных, ободранных заключенных, приводившихся сюда под конвоем. Юлия Николаевна сразу заявила, что если она будет давать объяснения, то только по части рыб, птиц и прочего, но «к грязной антирелигиозной работе никакого касательства иметь не будет».

— Ну, мы это еще посмотрим, - заметил ей Виноградов.

— Я сижу по церковному делу, - ответила Юлия Николаевна, - убеждений я своих не скрываю, и никто не может заставить меня действовать против того, во имя чего я сижу.

Виноградов, ухмыляясь, возразил:

— Я сам тут отсидел три года главным образом потому, что когда то был семинаристом. Ну, да я не дурак.

— А я предпочитаю числиться в категории дураков, - сказала в свою очередь Юлия Николаевна. Последнее слово и здесь осталось за ней. Дальнейших последствий это пока не имело, так как счетовод был им действительно нужен: учета предметам не велось, и добрая половина была расхищена или пошла на топливо. Юлия Николаевна принялась за составление описи. На первых порах она даже и не заглядывала в оскверненную церковь; однако позже, присмотревшись, заинтересова-

во всех своих воспоминаниях она лишь дважды употребила бранное слово и только в отношении этих лиц. Даже самого начальника лагеря, латыша, называвшего себя «Зориным», одного из самых жестоких чекистов, по вине которого в зиму 1929-30 г. погибли многие тысячи заключенных (чуть ли не 20!), она именует просто «извергом», что, конечно, звучит безобиднее. Но в отношении этих двух типов, безразличность Юлии Николаевны, видимо, превозмогла ее обычную сдержанность, и она дала волю «великому, могучему» русскому языку. Помнится, И. А. Бунин, тоже искавший в подобном случае подходящего выражения, не выходящего из эстетических границ, прошипел однажды: «каторжная горилла»...

лась ею и в особенности посетителями. Оказалось, что многие из несчастных « экскурсантов » подчинялись приказу идти в музей единственно с целью поклониться святыням, выставленным на поругание. Тут ей пришла мысль помогать некоторым: они отставали от руководителя и тихо пробирались к оскверненным мощам, чтобы к ним приложиться. Юлия Николаевна потихоньку указывала им на камень-изголовье митрополита Филиппа, и они благоговейно к нему прикладывались. « Не мало горьких слез капнуло на этот камень », — заметила Юлия Николаевна. Виноградов видел, что она присоединяется иногда к « экскурсантам » и допускал это, воображая, что Юлия Николаевна тоже начала « просвещаться ». Иванов же оказался пронизательнее и всегда отгонял Юлию Николаевну, когда замечал ее появление.

Тем не менее доступ в оскверненную церковь был открыт Юлии Николаевне во всякое время. Под предлогом осмотра музея ей представилась возможность повидаться тут с некоторыми друзьями и единомышленниками. Свидание с о. Леонидом она тоже задумала устроить в этой же обстановке. О. Леонид подал заявление о желании осмотреть музей, получил разрешение и попал туда в январе 1929 г. под конвоем комсомольца, приставленного к « просветительной части », но в душе непримиримого врага советской власти. Это был некто Дмитрий Шепчиневский, славный двадцатилетний парень; все звали его Дымкой.¹¹ С Юлией Николаевной он успел уже хорошо познакомиться. По ее указаниям, Дымка привел о. Леонида для антирелигиозной « обработки » в музей и тотчас же « смылся ». Юлия Николаевна осталась вдвоем с о. Леонидом в бывшем алтаре оскверненной церкви. Тут произошла их последняя встреча. Было три часа дня.

* * *

О. Леонид пришел изможденный, в тулупе, в огромных валенках, едва согревавших его больные распухшие ноги. Видно было, что его душевное состояние очень тяжелое. Вспоминая годы их совместной работы, он с сокрушением заговорил о своем недостоинстве.

— Я не сумел выполнить возложенной на меня миссии. На моих трудах не было благословения, и, следовательно, я не сумел его заслужить.

¹¹ Зимой 1929-30 г. он был разоблачен и, как « тайный враг », расстрелян. О нем и об расстреле упоминает в своих воспоминаниях Борис Солоневич, называя его « юный рыцарь без страха и упрека ». « Молодежь и ГПУ », изд. « Голоса России », 1937 г., стр. 327-332).

О. Леонид вспомнил случай « дьявольского явления » летом 1922 г., во время беседы в квартире у Юлии Николаевны, и сказал ей:

— Я понял тогда, что « он » над нами издевался, что наше дело обречено...

Юлия Николаевна стала успокаивать о. Леонида, доказывая, что лично он не может себя в чем либо упрекнуть, разве только в излишней доверчивости к людям. Воспоминания потекли. Они начали перебирать имена всех, окружавших экзарха в его деятельности. Юлия Николаевна впервые рассказала кое что из наболевшего в ней насчет Подливахиной и убедилась, что многого о. Леонид совершенно не знал и не замечал. Ей было невыразимо тяжело видеть, как он страдает, переживая прошлое. Положив локти на оскверненный престол, экзарх плакал и говорил:

— Да ведь виноват-то все-таки я. Ответственность лежала на мне, а не на ком-либо другом. Мои молитвы были неугодны Богу...

Тут у Юлии Николаевны мелькнула мысль, как успокоить о. Леонида. Она вытащила из угла холщевые ризы митрополита Филиппа и, положив их к нему на колени, сказала:

— Ведь и он, надо думать, считал себя в чем-то виновным. В Отрочем монастыре, перед смертью, он, наверно, все припоминал, что упустил что-то, не доделал чего-то, и, может быть, плакал о том, что усилия его и молитвы не доходили до Бога. А ведь именно он был одним из тех камней, на которых держится донине русское христианство. Отец Леонид, мне ли вам указывать, что ваши страдания - венец вашего подвига и залог нашего будущего?

Российский экзарх стал целовать эту ризу. Потом, успокоившись, он заговорил о том, что залог возрождения русской Церкви - в ее страдании. Он говорил долго об этом таинственном ее предопределении. Юлия Николаевна невольно пожалела, что никто кроме нее не внимает здесь вдохновенным словам о. Леонида. Она бывала на многих его проповедях, знала и ценила его по достоинству, как редкого оратора, но тут должна была признать, что никогда не слышала от него таких сильных, глубоких слов о значении Церкви в мире, об уязвляемом Мистическом Теле Христовом, о том, что только в этих язвах воспринимается нами глубинно страшная и вечная истина Христова учения. Упомянув о так называемом « мессианизме » России, столь уродливо искаженном у славянофилов, о. Леонид сказал:

— Мало еще кто понял, что мессианизм России - именно в ее страдании. Поэтому вся история русской Церкви сложилась так страшно, так нелепо, что тут имеется какая-то тайна искупления. Может быть вклад русской Церкви в сокровища Церкви Вселенской и заключается именно в том, что она только через страдание, а не через победы, по

казывает свою принадлежность к Мистическому Телу Христову.¹² Для нас, « победа, победившая мир » - это крест, вознесенный над миром, не для поклонения ему, а для распятия на нем...

После этого о. Леонид стал говорить спокойно, но с каким-то внутренним горением:

— Конечно, это распятие надо понимать не только в смысле физических страданий, но гораздо глубже: - в нравственных страданиях и даже в мучительных сомнениях.

О. Леонид встал, подошел к камню-изголовью митрополита Филиппа и сказал:

— И на этом камне были не только светлые видения, но и страшные, мучительные; и не только радостные слезы лились на него, а также и горькие.

Юлия Николаевна слушала, боясь нарушить эту изумительную беседу его как бы с самим собою. Где было теперь то раздвоение времен духовной борьбы за внутреннюю цельность, когда этот « кто-то » в Босанской Каменице, и позднее в Петрограде, искушал молодого иеромонаха Леонтия, доводя его до состояния двойственности, частью покоившейся на остатках еще неизжитой до конца пантеистической философии? А где были былые искания Юлии Николаевны, силившейся своим умом постичь тайну страдания в мире? О. Леонид был теперь сама духовная цельность, преодолевшая, изжившая стоицизм до конца. « Он » не имел больше доступа в его внутренний мир, весь освященный, преображенный, в котором утвердилось « царство Божие », все озарившее немерцающим светом. О. Леониду оно было открыто здесь с совершенной ясностью в окружавшей его полярной тьме. А Юлия Николаевна, бывшая гордость которой была действительно стерта Самим Богом во прах, созерцала у камня-изголовья св. Филиппа ту тайну страдания, которую пыталась сама, без Него разрешить. О. Леонид раскрывал ее перед ней на вершине своей Голгофы, здесь в осквернен-

¹² Говоря о принадлежности к Мистическому Телу Христову, которую русская Церковь выявляет через страдание, о. Леонид имел несомненно в виду то подлинное русское православие, унаследованное от первых веков христианства, которое питало веру глубоко религиозных русских людей и спасало Россию духовно. На этом православии, согласно с основными католическими принципами и догматами, несомненно почивало благоволение Божие. Такие православные, искренние, набожные, горячо преданные Христу, хотя и не принимали участия во внешних проявлениях католической церковной жизни вследствие печального и независевшего от них стечения исторических обстоятельств и в этом смысле не принадлежавшие к католической Церкви, тем не менее подлежали освящающему действию благодати, исходящей, силою Св. Духа, от Христа, как Главы единой, истинной и нераздельной, т. е. Вселенской или Католической Церкви.

ном алтаре, у престола, среди Соловецких святынь, сюда сброшенных. Не для них ли, не для их ли встречи Господь попустил это, чтобы отметить ту вершину, на которую Он их, каждого своим путем, возвел и поставил здесь рядом, чтобы опять развести и повести дальше к той цели, к которой Российский Экзарх был уже совсем близко?

О. Леонид подошел опять к Юлии Николаевне.

— У вас были тяжелые минуты? - спросил он.

— Да, отец, но именно те тяжелые минуты, о которых вы знаете, те тяжелые часы сомнения и горечи, которые бывали у меня в Петрограде, сейчас как-то улетучились. Уже с приезда в Иркутск какое-то большое внутреннее спокойствие и ясность овладели мною.

О. Леонид пристально посмотрел на нее, медленно перекрестил и сказал:

— Это хорошо, Господь вас поддерживает, но если наступит минута, когда вы не будете чувствовать этой поддержки, - не бойтесь: может быть помощь Божия именно глубже всего действует тогда, когда мы ощущаем его гнев.

Беседа этих двух « конгениальных » душ, ревниво избранных Богом для Себя Одного, продолжалась еще некоторое время. Дальше, содержание ее даже трудно передать словами. Измученная душа о. Леонида, на которую Господь возложил так много, даже в эти тяжелые минуты сомнения, сознавала ясно свое состояние просветления перед Богом, как несокрушимую и непререкаемую реальность, заключенную где-то в самой сокровенной глубине души, защищенной от всех житейских бурь, куда « он » не имел доступа; это « царство Божие », утвердившееся в о. Леониде, было для « него » непроницаемой тайной, за которой он мог наблюдать лишь на почтительном отдалении, бессильный постичь ее сущность. Все, что « он » воздвигал против о. Леонида, обернулось теперь против « него »-же. « Он » должен был признать свое поражение. Игра « зверя из бездны » была здесь проиграна на чисто.

В этой неизреченной беседе двух, имевших « сердце горе », они утратили представление о времени, не чувствуя холода в промерзшем полуразрушенном алтаре и не замечая, что они уже в темноте. Внутреннее тепло грело их, и в обоих сиял один и тот же таинственный Свет... Болезненным призывом обратно в страшный мир Соловков прозвучал голос Дымки, пробравшегося в церковь, чтобы напомнить им, где они.

— Гм, пора итти-то в казармы, не опоздать бы к вечерней поверке.

Тут только Юлия Николаевна сообразила, что они не успели даже поговорить о разных материальных, житейских вопросах. Она забыла

спросить о. Леонида, как он обставлен, в чем у него особенная нужда. Все земное, преходящее, в те минуты было забыто.

Да, действительно, пришло время расстаться. Медлить было нельзя. Юлия Николаевна попросила - в последний раз! - благословения Российского Экзарха. Он благословил ее, она, став на колени, приложилась к благословившей руке. Юлия Николаевна не думала тогда, что здесь на земле они больше не встретятся, что она его увидит еще только раз мельком и что это прощание теперь-навсегда.

* * *

Через несколько месяцев, Юлию Николаевну обвинили в саботаже за то, что она старалась охранять « музейные предметы » от поругания и отказывалась давать антирелигиозные объяснения « экскурсантам ». В наказание за религиозную пропаганду, ее перевели, как « неисправимую », на остров Анзер, где были исключительно тяжелые условия жизни. Вскоре туда же отправили и о. Леонида, но там не было уже никакой возможности устроить свидание; даже Юлия Николаевна не могла изобрести ничего. На Анзере она тяжело заболела, и благодаря ходатайству нескольких заключенных ее вернули обратно на главный остров и поместили в больницу. Привезли ее туда уже без сознания и считали умирающей. Из-за отсутствия лекарств и питания, ей нельзя было оказать никакой помощи. Больным давали два раза в день по миске супа, а самым слабым - по 200 гр. молока каждые два дня. Как умирающую, Юлию Николаевну оставили в покое; это было единственное, что для нее можно было сделать, и она очень дорожила этим.¹⁸

¹⁸ В своих суждениях и заключениях, даже самый возвышенный человек, как бы он ни стремился быть объективным и справедливым, не может совсем отрешиться от личной окраски того, о чем говорит. Исследователю человеческих документов приходится с этим особенно считаться при изучении свидетельских показаний о людях, с которыми данное лицо сталкивалось и которые его явно привлекали или, наоборот, почему-либо отталкивали. Никто в своих суждениях не возвысился еще до божественной Справедливости, которой открыто все сокровенное в человеке. Наше снисхождение к слабости ближнего всегда остается или односторонним, или недостаточным или чрезмерным. Женщины, в силу их особенных свойств, больше грешат в этом смысле. Рассудочная натура Ю. Н. Данзас, при всех ее личных качествах, не была исключением. Так например, на всем, что она рассказывает об Абрикосовской общине, в Москве и в местах ссылки и заключений, остается неизбежный отпечаток врожденной беспристрастности строгого наблюдателя и исключительной ясности ума, которому иной раз было трудно примириться с духовной посредственностью и в самых основных понятиях духовной жизни. Тем не менее, несмотря на оговорки и осторожность автора в подходе к некоторым деликатным

В комнате, рассчитанной в нормальных условиях на двух больных, было свалено около двадцати, в числе их только что родившие женщины с грудными младенцами. В коридоре люди тоже лежали вповалку на полу, и проходившие с трудом пробирались через них. Смертность была, конечно, громадная. По утрам подбирали умерших за ночь, раздевали мертвые тела до нага, открывали рот, чтобы удостовериться, нет ли золотых зубов и коронок, а если находили, то немедленно вырывали. После этого, покойника волокли в мертвецкую в конце коридора, а оттуда в сарай. Когда приезжала тележка (зимой - сани), тела складывали не нее как тюки и отвозили, чтобы свалить в общую яму. Только в редких случаях родственникам или близким удавалось получить тело умершего, одеть его и закопать в отведенном для этого месте, но, конечно, без церковной молитвы.

вопросам, есть факты, мимо которых все-таки трудно пройти, не погрешив против объективности картины, являющейся предметом его изучения.

Юлия Николаевна, больная цынгой, голодала, умирала от истощения, считалась « неисправимой », в то время как московские сестры были на хорошем счету у начальства, а питание их было так организовано, что позволяло даже соблюдать целый « ритуал »: обязательное какао по воскресеньям, пироги по праздникам, рыбные консервы и другие « лакомства » по постным дням и т. п. (далее цитируются дословно показания Ю. Н. Данзас, истинность которых она подтвердила письменной присягой; о себе самой она говорит здесь в третьем лице), « среди голодной толпы », с негодованием говорившей об огромных « передачах », получаемых сестрами еженедельно из Москвы. Среди заключенных была некая Романовская, « очень интеллигентная женщина, полу-полька по отцу, крещеная католичкой ». « Романовская страдала острым малокровием и нуждалась в усиленном питании; Сапожникова с обычной « сладкой » улыбкой заявила ей, что они (сестры) могут уступить ей свою казенную порцию, так как в ней не нуждаются (порцию тухлой конины и пшена на воде!). Романовская при свидетелях резко сказала: « Знаю, что вы не нуждаетесь в казенной порции, ведь вы обедаетесь всем тем, что посылается для всех нас католиков, а вы все забираете только себе, потому что в Москве сидят все ваши люди. Если вы мне сунете вашу миску с казенной порцией, я вам ее вылью на голову. Мы все помирам с голоду, а вы живете себе московскими купчихами ». Кругом хохотали, улюлюкали. Сцена была нестерпимо тяжелой. - К сожалению в этих словах Романовской было много горькой правды. Когда в 32-м году Данзас очутилась у Пешковой, она подняла вопрос о том, что ни одна из католичек не получала посылку через Красный Крест, кроме Абрикосовских сестер. На это Пешкова, возмущенная, ответила: она много, много раз пыталась получить от оставшихся в Москве представительниц общины список заключенных католичек, чтобы распределять поровну все получаемое из-за границы, но никогда не могла получить не только списка, но даже отдельных имен, кроме Абрикосовских сестер. Пешкова добавила: « Об вас (Данзас) были сведения, что вы умерли ... Посылая Абрикосовским, я рассчитывала, что они будут делиться, хотя здесь на мои запросы неизменно отвечали, что никаких других католичек, кроме Абрикосовских нет ».

Ближайшей соседкой Юлии Николаевны оказалась одна несчастная девушка, некая Смык, полька, еще совсем молодая. Она была из числа уголовниц. Подхваченная вихрем революции, Смык стала беспризорной и докатилась постепенно до самого дна, сделавшись проституткой. Юлия Николаевна познакомилась с ней на Анзере, где Смык, в числе прочих, выбивалась из сил в совершенно невозможных условиях. Однажды Смык подсмотрела, что у Юлии Николаевны есть четки; это были те самые, которые она сделала в Лубянской тюрьме; ей удалось спасти их от всех обысков и сохранить. Смык, увидев четки, начала издеваться и кощунствовать. Однако, под влиянием того, что ей говорила Юлия Николаевна, она к концу постепенно изменилась, стала иначе относиться к молитве. С течением времени, Смык сблизилась с Юлией Николаевной, привязалась к ней и кончила тем, что звала ее « мамой ». В больницу Смык привезли умирающей от скоротечной чахотки. Нравственное состояние ее было еще хуже физического; несколько раз она подверглась самому грубому изнасилованию. Юлия Николаевна попыталась было приготовить ее к смерти. Однако, вначале говорить с ней о религии оказалось невозможным; каждый раз Смык принималась кощунствовать самыми ужасными словами. Душа ее казалась уже безнадежно озлобленной и заплеванной злыми людьми. Сама Юлия Николаевна была в те дни в очень тяжелом состоянии; у нее отнялись ноги, и она могла только ползать. Температура упала до 34°, и от слабости Юлия Николаевна едва говорила. Тем не менее, она сколько могла, наблюдала за Смык. Однажды она заметила в ее душе словно искру, которую, как ей казалось, можно было раздуть. Действительно, по мере угасания жизни, душа бедной девушки стала удивительным образом просветляться. Накануне смерти она пыталась уже молиться. Смык перезабыла знакомые ей с детства молитвы, даже « Отче наш », и помнила, да и то смутно, только розарий. Юлия Николаевна надела ей свои четки на шею, и бедняжка, уже холодевшими губами, прикладывалась к самодельному черному крестику.

В ночь на 24 ноября, день св. Екатерины, помощница начальницы санитарной части, коммунистка, праздновала свои именины (!). По этому случаю в больнице, в большой комнате, рядом с той, где лежали вповалку и умирали больные, она устроила именной « банкет ». В течение целого дня делались приготовления; шагая через лежавших на полу женщин, проносили яства, пироги, вина, водку и т. п. Когда вечером стали собираться гости, начальство и врачи, Юлия Николаевна подползла к двери, умоляя как-нибудь облегчить страдания умиравшей Смык, успокоить ее хотя бы инъекцией морфия. Однако ей не удалось добиться никакой помощи:

— Сейчас некогда... Все равно дохнет, чего там возиться!

В соседней комнате шло празднество: пели песни, потом пошел дикий рев, завершившийся пьяной пляской, от которой сотрясалось ветхое здание. В комнатах больных все тряслось и звенело. Смык кричала от страха в предсмертном бреду; ей казалось, что происходит землетрясение, что начался Страшный Суд. Юлия Николаевна подползла к ней, взяла на руки, поскольку позволяли ее слабые силы, и, прижимая к себе, пыталась хотя бы смягчить тряску. В этой кошмарной обстановке, под рев пьяных голосов, довершилось просветление души, готовившейся отлететь к Богу. Смык почти не могла уже говорить. Судорожно цепляясь за самодельный крестик Юлии Николаевны, она силилась читать Богородичный розарий. Юлия Николаевна ей помогала, нашептывая на ухо первую часть *Ave Maria*, а умиравшая, все более слабым шопотом, отвечала вторую. Последнее дыхание ее замерло на этих словах:

— *Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis... nunc et in hora... mortis nostrae...*¹⁴

Юлия Николаевна закрыла умершей глаза, сложила руки, перевив их своими черными четками, и до утра читала, какие только помнила, молитвы по усопшим. А рядом продолжалась пьяная оргия...

К утру начали выносить обессиленных участников каторжного банкета, шагая через больных, умиравших и мертвых. Затем, как обычно, пришли санитары за трупами. Юлия Николаевна сняла свои четки с холодных рук усопшей, отползла в угол и отвернулась, чтобы не видеть обычного надругательства над мертвым телом.

Кошмар этой больницы длился для Юлии Николаевны около двух месяцев. Несмотря на совершенно безнадежное состояние и полное отсутствие какого-либо ухода, ее крепкий организм дал знать себя еще раз и пересилил болезнь. Юлию Николаевну выписали из больницы, вернули в женский барак и через несколько дней послали работать по статистике в управление лагеря.

* * *

Естественно, что общие старания католической группы, пользовавшейся всеми возможными средствами чтобы улучшить положение и поднять дух, как восточников, так и латинян, очень не нравилось лагерному ГПУ, желавшему видеть повсюду только придушенных и растерянных заключенных, дрожащих за свое настоящее и думающих

¹⁴ Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас теперь и в час нашей смерти.

со страхом о будущем. Католики же жили прежде всего настоящим днем, а будущее предавали в руки Божии. Смысл своей жизни католики видели в страдании, которое они приносили в жертву Тому, Кто его посылал. Агентам ГПУ стало ясно, что позиция, занятая в лагере католиками, только укрепляет их религиозное сознание. При таком положении не было никакой надежды сломить их морально и использовать для своих целей. Правда, время от времени ГПУ провоцировало заключенных католиков; они всегда были окружены приставленными к ним секретными агентами. Тем не менее ГПУ не удавалось их ни в чем уличить; не к чему было придираться; в разговорах с посторонними они были более чем осторожны, хорошо зная, что всякое сказанное слово может быть всегда передано ГПУ. Такой неприступностью католиков ГПУ было недовольно и все время вело с ними глухую борьбу. Трудно сказать, к чему бы она, в конце концов привела, если бы продолжала развиваться таким же темпом. Крупный чекист Паукер, к которому поступали все материалы о церковниках, заявил однажды в разговоре к одним католиком:

— В течение последних трех лет мы внимательно изучали всех вас и знаем малейшую деталь вашей жизни.

Таким путем они несомненно хотели нащупать слабую сторону каждого из католиков в отдельности,¹⁵ чтобы после этого перейти на режим притеснений. 5 - го декабря 1928 г. ГПУ закрыло часовню, якобы в наказание за состоявшиеся в ней посвящения¹⁶ и неумеренное пользование ею. Просьба католиков отменить запрещение не имела успеха, но им было все-таки сказано, что они могут продолжать молиться в своих камерах. Для священников эта перемена была как будто незначительной, но верующие, в том числе и сестры, от нее весьма пострадали, так как присутствовать на богослужении в камерах они не могли. Создалось немало затруднений с исповедью и Причастием. С разрешения

¹⁵ Как рискованно было при этих условиях доверять другим, подтверждает случай с ксендзом Матулянисом. Осенью 1931 г. на командировку Троицкую прибыл заключенный Тадеуш Ходыняк, по его словам арестованный, за ревностное отношение к церковным делам и преданность католическому духовенству. Ксендз-каноник Матулянис, идеальный во всех отношениях священник, сочувствуя Ходыняку, решил перед праздником Пасхи не только исповедовать его, но и причастить. Сделал он это так конспиративно, что даже его ближайший друг, с которым он обычно делился секретами, не догадался об этом. Тем не менее, в июле 1932 г., после ареста всей католической группы, при допросе ксендза Матуляниса выяснилось, что этот факт был известен допрашивавшему его следователю. Впрочем, еще до ареста, многим католикам стало ясно, какую роль играет при них Ходыняк.

¹⁶ Только через два месяца епископ Слоскан открыл католикам тайну состоявшегося рукоположения. Между тем, ГПУ узнало об этом, повидимому, уже раньше.

эксарха, восточные священники относили рано утром в условленное место Причастие для сестер в бумажных пакетиках. Сестра Серебренникова выходила обыкновенно навстречу. Вернувшись в камеру, она давала по пакету каждой сестре. После молитвы, не касаясь руками св. Даров, они причащались. Юлия Николаевна узнала об этом лишь спустя много лет за границей. Понятна нотка горечи, с которой она восприняла этот факт:

« Никогда они этой радостью не поделились с другими обездоленными католичками, которые об этом даже не слыхали! Если бы не было такого узкого, коллективного эгоизма, основанного на чувстве какого-то « благодатного избранничества », сколько можно было бы сделать, хотя бы в пределах того же корпуса, для католичек, погибавших без духовной пищи »!

19 января 1929 г. для католиков настал в полном смысле слова период « катакомбной » жизни. У православного духовенства в этот день был сделан довольно поверхностный обыск, но в трех комнатах, где жили католические священники, он продолжался до половины третьего ночи. С самого начала стало ясным решение начальства отобрать у священников все религиозные книги и церковную утварь, чтобы положить конец богослужению и нанести решительный удар религиозной жизни на Соловках. Однако, несмотря на все старания агентов ГПУ во время обыска, священники, хотя и застигнутые врасплох, тоже проявили немало изобретательности, чтобы общими усилиями сохранить хотя бы часть своих книг и необходимое для совершения литургии. После обыска оказалось, что удалось это спасти; сохранилось в неприкосновенности и несколько бутылок вина и немало богословских и религиозных книг, обеспечивших возможность продолжать духовное чтение.

Следующей мерой лагерного начальства был перевод всех священников из этой роты, где они помещались в маленьких камерах, в другую, общую роту, где в одном большом помещении находилось несколько сот заключенных, в том числе уголовных и политических. Служить там было невозможно. В прежней роте остались только владыка Болеслав, о. Сергей Карпинский и В. В. Балашов. Они проводили своих друзей в новую роту, и, когда вернулись домой, было уже около трех часов ночи. По предложению владыки, решено было сейчас же слушать литургию...

Католикам пришлось уйти в « катакомбы ». Православное духовенство, несмотря на запрещение посещать церковь вольных соловецких монахов, все-таки продолжало и дальше ходить к ним. « Катакомбы » предназначались лишь для католиков. Каждый из них должен был

заботиться сам о себе и найти выход из положения. Лучше всех устроился о. Патапий Емельянов. Он был ночным сторожем при музее, устроенном в храме, и благодаря этому мог совершать литургию в самой церкви во время дежурства. О. Николай Александров, занимавший в управлении лагеря пост инженера, старался служить время от времени ночью в том учреждении, где днем работали инженеры. Из секретных мест, которыми, применяясь к обстоятельствам, католические священники пользовались для богослужения, можно упомянуть для примера: канцелярию льбно-мебельной мастерской, комнату при дезинфекционной камере, мельницу, подвал машинного отделения и т. п.

Для католического духовенства настало действительно тяжелое время. Не говоря уже о духовных лишениях, им приходилось жить в постоянном шуме, на виду у всех и под непрерывным наблюдением. Даже читать духовную книгу им нужно было с большой осторожностью. Самой изнурительной работой, которой их тогда подвергали, была, как с горькой иронией называли ее заключенные, *вридло*, что значит: временно исполняющий должность лошади. Заключенных употребляли вместо упряжных лошадей, и они возили тяжелые грузы на расстояния до 10 км.

Через десять дней после повального обыска, владыку Болеслава перевели с Центрального острова на остров Анзер. ГПУ не решилось назначить его, вместе с остальными католиками, на тяжелые работы, но зато послало туда, где заключенные легко заболели и быстро умирали. Вся библиотека владыки состояла тогда из одного томика Родригеза на французском языке, которым друзья успели снабдить его перед отправлением из Кремля. По прибытии на новое место, владыку назначили сторожем.

На Пасху 1929 г. лагерное начальство разрешило евреям и православным праздновать этот день по обрядам их веры. Католики просили разрешить им то же самое, и, сверх всякого ожидания, администрация удовлетворила их просьбу. Пасхальную заутреню и обедню о. Экзарх служил вместе с о. Николаем Александровым в часовне Филипповского собора в присутствии одного из командиров лагерных рот в качестве наблюдателя. Однако, вскоре после Пасхи, положение католиков еще больше ухудшилось. Отцов Леонида, Патапия и еще нескольких священников перевели в 13-ю роту, самую ужасную из всех, и притом без права выходить из нее в свободное время. В этой роте о. Леонид заболел и был отправлен в лагерный лазарет.

В начале июня 1929 г., всех остальных, кроме Балашова, собрали в 12-й роте и, продержав там несколько дней, 9 июня отправили тоже на остров Анзер. От порта Ребальды, на Центральном острове, туда

переправлялись обыкновенно на лодках; в этот день было бурно, и заключенные прибыли на Анзер только 11 июня в 11 часов вечера. Тут местные власти производили обыск вещей. Создалось опасное положение, так как священники везли с собой богослужебные книги, утварь и облачение. Они приписывали буквально чуду, что все это, и притом у всех поголовно, осталось совершенно нетронутым.

После первых дней жизни в очень тяжелых условиях, священников неожиданно перевели туда, где уже находился владыка Болеслав. Из них образовали как бы небольшую колонию. Хотя они и пользовались в границах ее некоторой свободой, но жить здесь им было все-таки нелегко. Главные работы были лесные: они рубили лес, волочили стволы, пилили дрова, втаскивали на берег прибитые бурей бревна. Особенно тяжелыми были земляные работы: их принуждали рыть землянки для вновь прибывающих каторжан и ямы для свалки трупов в глинистой почве, промерзлой и усеянной камнями.

Католики оказались совершенно изолированными от остальной массы заключенных. Повидимому, лагерное начальство решило провести эту меру, чтобы лишить священников возможности влиять на других каторжан, а также и для того, чтобы держать их по возможности в неведении о происходящем на Соловках. Власти хорошо знали, что за границей интересуются судьбой католических священников, и рано или поздно их придется выпустить из Советской России. Изоляция же была настолько строгой, что остальным католикам только редко и с большим трудом удавалось общаться со своим духовенством, прибегая для этого к разным уловкам и хитростям.

23 священника находились теперь скученными в комнате 4-3 метров длины и около 2 метров ширины. Часть спала на полу, а часть на нарах, на высоте около метра от пола, « совсем как селедки в боченке », по выражению одного из обитателей священнической комнаты на Анзере. Молиться они решили в лесу, в густых березовых зарослях, которые начинались у самой постройки. На Анзере довольно много камней. После долгих поисков они нашли наконец для себя подходящий. Чтобы приспособить его для совершения литургии, нужно было приподнять один бок, но этому мешал другой камень, лежавший перед большим. Обсудив положение, решили приподнять бок большого, перетащив меньший влево, чтобы пользоваться им как жертвенником при восточном богослужении. Все принялись усердно за работу, но не будь тут о. Патапия, отличавшегося большой физической силой и сноровкой в работе, им вряд ли удалось бы справиться с меньшим камнем, прочно засевшим в своем углублении и не желавшим никак его покидать. Обильный пот, которым обливался о. Патапий, показал

наглядно всю меру старания, какое он проявил. Делая эти приготовления, приходилось быть осторожным и не забывать, что « катакомбы » находятся тоже на Анзере. На каждом шагу нужно было остерегаться нежелательных наблюдателей, которым такая работа не могла не показаться загадочной. Тем не менее, все сошло хорошо. Кончив работать, священники остались стоять здесь некоторое время, смотря на камни и наслаждаясь тем дивным уголком Божьего мира, который их здесь приютил. Мысленно они уже предвкушали, как будет хорошо вознести и на Анзере святую Жертву к Престолу Всевышнего! Все же, служить на камне они решались только в тихую погоду; при ветре это было рискованно.

Одному из них особенно запомнилась такая лесная служба на камне. Вот, что он об ней рассказал:

« Во время литургии, на ветви березки, свешивавшиеся над самым камнем, несколько раз садились какие-то птички. Они спокойно садились, чирикали и опять улетали. Перед самым Пресуществлением, одна птичка устроилась на ветке совсем подле меня. Так она и сидела, чирикающая. Но лишь только я начал произносить великие слова таинства св. Евхаристии, как птичка внезапно умолкла и стала пристально глядеть на престол. После Пресуществления, она вспорхнула и улетела. Конечно, все это, может быть, не более, как фантазия, но тем не менее я нередко вспоминаю эту милую птичку ».

Вскоре, одному священнику пришла новая мысль - служить литургию в самом бараке под крышею. Сопряжено это было с большим неудобством: на чердаке нельзя было выпрямиться во весь рост и приходилось всю службу стоять на коленях. Так и делали: ставили перед собой на полу несколько чемоданов, покрывали салфеткой, зажигали стеариновую свечку и служили коленопреклоненно, не двигаясь. Немало священников приходило сюда каждый день. Главное затруднение было теперь в недостатке вина. С Центрального острова на Анзер удалось перевезти небольшое количество. Доставить вино на Центральный остров было нетрудно; для этого прибегали к помощи вольных соловецких монахов. Гораздо труднее было переправить оттуда вино на Анзер из-за обыска, которого можно было всегда ожидать на пристанях. Только незначительная часть вина достигала места назначения благополучно, большая часть пропадала в пути.

Не оставалось ничего другого, как строжайшим образом соблюдать экономию. Священники устроили настоящий диспут, чтобы решить, какой минимум вина допустим в этих условиях для совершения литургии. Установили: 6-8 капель вина при одной капле воды. Тем не менее, даже при такой экономии, вскоре наступил кризис и явилась

опасность, что литургии прекратятся из-за недостатка вина. Один из священников сообщил вычитанный им рецепт, как, в случае нужды, можно готовить церковное вино из изюма. Тогда священники стали добывать его всеми возможными способами: - выписывать и покупать. Получавшийся изюм поступал в распоряжение священнической коммуны для изготовления вина, в дополнение к тому, которое, хотя и с трудом, но все-таки сюда проникало. Как лагерная администрация ни боролась с священниками, устраивая у них систематически повальные обыски, помешать служению литургии она не смогла. Власти знали об этом и один из соловецких следователей, констатируя их бессилие, однажды сказал: « Где ксендз - там и обедня ». Он был прав. Католические священники доказали это в самых невозможных условиях на Соловецкой каторге.

* * *

О. Леонид прибыл на Анзер в июле, когда жизнь священников успела уже как-то наладиться. Он не оставлял и здесь своих литературных работ, оправдывая неизменно свое прозвище: « писателя ГПУ ». На этом острове он тоже был верен себе; но не изменили себе и те, которые при обысках отбирали у него все написанное и уносили с собой.

10 августа 1929 г. кончился срок трехлетнего заключения о. Леонида. Во время, когда было запрещено совершать богослужение, администрация лагеря конфисковала у русских католиков три комплекта облачений: их первое - красное, потом фиолетовое, присланное из Москвы, и белое, самое красивое, сшитое отцом Патапием. Перед отправлением о. Леонида с Соловков, инспекционно-следственный отдел вручил ему эти облачения. Он взял с собой только белое, а два других оставил у одного священника, жившего в это время в Кремле. Тот хранил их некоторое время у себя, а потом нашел возможность передать обратно тем, у кого они были отобраны.

ГЛАВА IX

« ЧЕСТНА ПРЕД ГОСПОДОМ СМЕРТЬ ПРЕПОДОБНЫХ ЕГО »

После освобождения с Соловков - ссылка о. Леонида в Пинегу. - Арест его в 1931 г. и полгода заключения в Архангельской тюрьме. - Ссылка в Котлас осенью 1931 г. - Освобождение о. Леонида и переезд в Вятку в январе 1934 г. - Последний год земной жизни о. Леонида в доме Калинина. - Смерть о. Леонида 7 марта 1935 г.

Итак, пришло, наконец, время, когда о. Леонид должен был отделиться и от тех последних дорогих ему русских католиков, с которыми он был связан на Соловках. Юлия Николаевна видела из окна Анзерского женского барака, как его вели мимо с вещами. « Значит, подумала она, - его отправляют куда-то ». Но о. Леонид не смотрел в ее сторону, и не было никакой возможности привлечь его внимание, чтобы хоть взглядами встретиться с ним на прощание.¹

О. Леонид отправлялся теперь в ссылку. С Соловков его перевезли сначала в Кемь, а оттуда отправили на поселение в небольшую деревню на расстоянии 1 км. от Пинеги. По близости от него оказался, тоже на поселении, другой соловчанин, польский священник Викентий Ильгин. Они часто виделись, и о. Леонид был все это время, до 1931 г., его духовником. О. Ильгину мы обязаны ценными сведениями о жизни о. Леонида в Пинеге.

Он поселился в доме у одного крестьянина, снимая комнату совместно с православным иеромонахом о. Парфением Кругликовым. Бывая в Пинеге, о. Леонид часто заходил к жившему там отставному полковнику царской армии. Однажды он с радостью сообщил о. Викентию, что полковник, на смертном одре воссоединился с католической Церковью, исповедовался у него и приобщился св. Таин. Примеру его последовала вся семья, жена и взрослые дети; всех их о. Леонид присоединил к католичеству.

Нередко навещал о. Леонид и местного православного протоиерея

¹ Первая зима после отъезда о. Леонида (1929-30) была на Соловках особенно тяжелой. В 13-ой роте на Центральном острове, где о. Леонид находился перед отправлением в больницу, в нормальных условиях помещалось до 150 человек; Соловецкая администрация держала там, тоже « нормально », до 500. В эту же зиму она загнала в 13-ую роту около 2000. На всей группе Соловецких островов, нормально, можно было разместить до 6000 человек. В этом году на Соловки втиснули 26000, и которых от одного только сыпного тифа умерло 8000 человек.

и пользовался в Пинеге его церковной библиотекой. Он много беседовал с этим старичком, который отзывался об о. Леониде с большим уважением, как о « человеке науки и непоколебимого благородства и простоты ». С протоиереем познакомился и о. Викентий. После высылки о. Леонида из Пинеги, протоиерей очень грустил и сказал однажды о. Викентию:

— Подобные люди, полные ревности и Духа Божьего, весьма нежелательны не только для большевицких, но и для православных духовных властей, ибо этот рьяный человек, о. Леонид, может внести большое потрясение в православную церковь.

О себе же самом пинежский протоиерей откровенно признался:

— Если бы о. Леонид остался дольше здесь посреди нас, то очень сомневаюсь, был ли бы я в состоянии удерживать своих овец в православии, ибо и мои верования немало поколеблены.

О. Леонид не скрывал от о. Викентия, что власти не раз оказывали на него давление, чтобы склонить на свою сторону, подчинить себе, пытались его соблазнить, побуждая изменить отношение к советскому строю. Этого, впрочем, мало кто из пострадавших « церковников » избег в те годы. Особенное внимание власть обращала, конечно, на духовенство, и в частности, на некоторых священников. К числу таких, по словам о. Викентия, принадлежал о. Леонид, оказавшийся « в этом отношении несокрушимым ». « Большевицкие сатрапы, - говорит он, - отлично знали, что в его лице они имеют дело с необычайным воином Христовым. Если они и не применяли к нему особенных притеснений в целях наискорейшего устранения с жизненного поприща, а задерживали его под своим попечительным крылом даже тогда, когда он закончил свой срок и мог уже избавиться от одиночного заключения, то имелось при этом единственно и исключительно в виду полное его истощение, а потом смерть ».

Иеромонах Парфений, « заклятый враг » митрополита Сергия и горячий сторонник Патриарха Тихона, назвал однажды о. Леонида, в разговоре с о. Викентием, « пламенным борцом в деле обращения православных »:

— Это, сказал он, - католический волк, который может погубить всю православную овчарню!

Но выражаясь таким образом, в тоже время, говоря об о. Леониде как человеке, о. Парфений, не находил слов для восхваления его необычайной мудрости, находчивости, приветливости, смирения, сочувствия горю и нужде ближнего. О. Парфений не раз имел случай наблюдать, как о. Леонид, получая в ссылке материальное вспомоществование от католиков, всегда делился с окружающими всем, что имел, распра-

шивая, при этом кто в чем нуждается. Всем было хорошо известно, что он нередко делился последним куском. О. Викентий помнил, также, что одет о. Леонид был всегда более чем скромно. Он не заботился о своем внешнем виде; заплаты на его одежде служили тому доказательством.

Кроме того, о. Викентий отметил особый оттенок сердечности о. Леонида, выразившийся в его гостеприимстве; для всех окружающих он был всегда в неизменно хорошем настроении, ласков и весел. Слабостью о. Леонида был хороший чай, он любил его. Бывало, как только о. Викентий к нему приходил, он его обязательно потчевал чаем. Он сам готовил его, приговаривая, что такого чая, как у него, у других нет, потому что у него чай «с петушком» (о. Леонид, заваривая чай, покрывал чайник крышкой в виде петуха). Добрый о. Викентий признается, что чай был действительно замечательно вкусный, и гости шли его с большим удовольствием.

Крестьян-католиков в окрестных деревнях не было. Но это не мешало о. Леониду навещать к православным. В свободное время он нередко засиживался у них и беседовал с людьми старшего поколения. В духовных беседах он поучал крестьян о Церкви вообще и в особенности о католической. Все его хорошо знали, даже дети, бывшие под неусыпным оком учителя-коммуниста. Всякий шел охотно к о. Леониду, чтобы посоветоваться с ним о своих делах. К нему прибегали не только для разрешения разных житейских, но даже и спортивных вопросов. Серьезной темой разговоров было отношение к советской власти. Все находили у о. Леонида совет, уместный и никого никогда не обидевший. «Каждому он умел дать нужный совет, - свидетельствует о. Викентий, - ибо о. Леонид обладал дарами Св. Духа, данными ему от Бога». Нечего и говорить, что о. Леонид широко пользовался теперь своим правом свободно переписываться. Таким путем он поддерживал связь, с кем только мог. «А письма его, - по словам о. Викентия, - были обильны содержанием, исполнены простоты и Духа Божия».

Хозяин, у которого о. Леонид прожил почти два года близ Пинеги, вспоминал потом о. Леонида, как необыкновенного человека, подчеркивая, что таких людей, с таким добрым характером и настроением, «в обычное время очень редко найти». Он открыл о. Викентию и другую слабость о. Леонида, которую тот впрочем и сам знал со времени совместной жизни в Соловецком лагере. Мы приводим здесь дословно его слова, чтобы сохранить задушевный оттенок рассказа:

«Очень он любил баню, но баню русскую, неизвестную нам здесь в Польше, как и на Западе, а именно: в очень накаленной бане производится род бичевания при помощи орудия из березовых прутьев, так

называемого «веника»; и вот приснопамятный о. Леонид очень любил сказанным орудием «попариться» и «попарить» товарища по купанию».

В Пинеге, здоровье о. Леонида, и так уже надломленное, совершенно расстроилось; он вынужден был часто обращаться к врачу. В этом отношении ему посчастливилось, так как врач в Пинежской амбулатории был тоже политический ссыльный, и он оказывал политическим больше внимания и сочувствия, чем вольные врачи. Однако, недуги и немощи не влияли на внутреннее состояние о. Леонида; он оставался неизменно все в том же ровном и ласковом настроении, был полон энергии и жизни. «Физические недомогания не могли его сломить, - говорит о. Викентий, - ибо он был полон духа Христова».

По закону, о. Леонид, как политический ссыльный, не подлежал отправке на принудительные работы. Однако, это не мешало пинежскому ГПУ заставлять о. Леонида грузить дрова, рыть канавы. Раз как-то о. Леонид отказался работать. Надо думать, здоровье его было совсем плохо и физическим силам подошел тогда, действительно, конец. За неповиновение властям о. Леонида тут же арестовали и увезли в одном платье в Архангельскую тюрьму, где он оказался в ужасных условиях, даже без подушки и одеяла. Там о. Леонида продержали полгода, пока не пришло, наконец, разъяснение местным властям из Москвы, что они не имеют права принуждать ссыльных к работам. О. Леонида выпустили из тюрьмы и отправили на новое трехлетие в ссылку в Котлас, Вологодской губернии.

Осенью 1931 г. он поселился здесь в деревушке Полтаве, в 15 км. от Котласа, в крестьянской избе. Хозяева, старик со старухой, дали ему у себя угол, где за занавеской у о. Леонида была кровать, стол и табуретка. О приготовлении пищи заботилась хозяйка; она ставила в печку чугунок с продуктами которые ей давал о. Леонид. Под Котласом, как и раньше под Пинегаю, о. Леонид служил литургию. В Котласе он причащал многих ссыльных поляков, здоровых и больных. Одна католичка, Екатерина Новицкая, была сестрой милосердия в больнице и в пересыльных бараках. При ее содействии, о. Леониду удавалось под разными предлогами проникать туда и приносить полякам св. Дары.

В Котласе о. Леонида посетил о. Епифаний Акулов. Сделал он это по указанию епископа Пия Неве, пославшего его к экзарху передать ему лично в руки материальную помощь и осведомиться об его состоянии.

После освобождения из тюрьмы, с весны 1932 г., о. Леонид начал регулярно переписываться с о. Викентием Ильгиным, которого тем временем перевели из Пинеги вместе с иеромонахом Парфением куда-то

в маленькую, захолустную деревню. О. Викентий получал от него два письма в месяц; он вспомнил об этом в следующих словах:

« Письма его были для меня истинной духовной пищей в изгнании, придавали мне бодрости и силы в перенесении всяких тягот и невзгод повседневной жизни ».

В Котласе, при все обострявшемся ревматизме, гастрите, подагре, ишиасе, астме, состояние о. Леонида настолько ухудшилось, что в конце 1933 г. власти пустили его на свободу, ограничив ее запрещением проживать в двенадцати городах (« минус 12 »).

* * *

О. Леонид выбрал себе местом жительства город Вятку. Туда он прибыл прямо из Котласа в первых числах января 1934 г. Со станции о. Леонид пришел в дом заведующего железнодорожным складом Андрея Семеновича Калинина. Привел его туда знакомый Калинина, с которым о. Леонид, повидимому, только что познакомился, и сказал ему, что Леониду Ивановичу Федорову было трудно жить в Котласе, и он хотел бы поселиться здесь у него. Дом был его собственный, но сам Калинин имел в нем только одну комнату, в которой жил с женой и тремя детьми. Он не отказался принять о. Леонида, « так как », - говорил он, - « в комнате было еще немного свободного места около окна в углу ». ГПУ разрешило о. Леониду поселиться в доме Калинина. О. Леонид предложил платить ему 10 рублей в месяц за койку с услугами. И он и жена согласились и обязались оказывать ему все услуги, какие только будет возможно.

Калинин сообщил позже, что он старался как можно лучше ходить за о. Леонидом. Ему казалось, что о. Леонид был доволен; то же самое говорили и окружающие. Раз или два о. Леонид чувствовал себя плохо, но опасного в этом еще не было ничего. Доктор Молчанов никогда не отказывался сделать, что мог, чтобы притти ему на помощь.

Так, тихо и кротко, день за днем, о. Леонид жил у этих добрых людей, пока силы его совсем не оставили. Резкая перемена произошла в его состоянии только в начале марта 1935 г., за два-три дня до кончины. О. Леонид не мог больше есть хлеб, который его хозяйка выпекали, не мог пить чай, который когда-то любил. Питался он одним теплым молоком с сухарями. До последнего момента он был в полном сознании. Собирался даже переехать из Вятки в Смоленск или Ярославль. Запасы его подходили к концу, и он не хотел их возобновлять. Сказал об этом Калинину:

— Не буду больше ничего покупать, так как трудно будет везти с собою.

О. Леонид надеялся, что дня через четыре ему станет легче, силы вернуться. Свое недомогание он объяснял влиянием дурной погоды на мучивший его ревматизм. Он заметил по этому поводу:

— В сырую погоду я чувствую себя хуже.

В феврале он все кашлял, не мог никак избавиться от этого кашля. В последние дни доктор Молчанов заходил к нему несколько раз. О. Леонид его очень благодарил за внимание, но по своему обыкновению не жаловался ни на что. Доктор тоже ему ничего не сказал, когда наведлся последний раз в шесть часов вечера. Он прописал три рецепта: один на лекарство, а два других - на анализы. Уходя, он все же предупредил жену Калинина, что Леонид Иванович недолго протянет.

В ночь на седьмое марта о. Леонид поел немного сухарей, но не имел больше силы подняться с постели. Седьмого марта, в одиннадцать часов, он попросил дать ему теплого молока. Выпив стакан, он сказал:

— Теперь я посплю по меньшей мере часа два.

После этого о. Леонид лежал неподвижно. Калинин в этот день был свободен. Он предложил о. Леониду купить вина «Кагор», думая, что оно может его подкрепить. О. Леонид ответил:

— Это мне не к чему.

Жена Калинина топила печь, сам же он стоял подле кровати о. Леонида. А тот продолжал лежать так же спокойно и с открытыми глазами. Жена собиралась идти в город и справилась у о. Леонида, не нужно ли чего-нибудь и ему. Но он все смотрел перед собой и ничего не ответил. Руки его покоились на груди, правая поверх левой. Калинин отошел от постели, и жена подозвала его:

— Уж не умирает ли он?

Калинин поглядел внимательно на о. Леонида и обратил внимание, что тот не моргает больше веками. Вся семья собралась теперь у постели. Калинин снова обратился к о. Леониду:

— Скажи мне, пожалуйста, что нам следует делать? Тебе плохо?

Но о. Леонид опять не ответил и, по словам Калинина, лежал в постели так, словно конец его близился. А они все стояли подле него и смотрели.

О. Леонид продолжал лежать неподвижно, с открытыми глазами и не моргая. Остановилось дыхание. Калинины это сразу заметили. Потом лицо стало бледнеть. Все точно ждали чего-то, стоя у мертвого о. Леонида. Так и простояли, не прикасаясь к нему до второго часа дня. Не знали, что делать. На случай смерти о. Леонид ничего не сказал. Кого им теперь нужно уведомить?

Да, сомнений не было, о. Леонид, действительно, умер. Калинины его омыли и бережно одели в чистое платье. В комнату зашел навеститься кое-кто из соседей.

Дети приоткрыли дверь на улицу. В нее влетел голубь, сделал три круга над телом о. Леонида и вылетел опять в ту же открытую дверь.

Калинин оставил тело о. Леонида у себя в доме, не желая отдавать в мертвецкую при городской больнице.

10 марта, после того как были выполнены все законные формальности, в 8 часов вечера, когда уже стало темнеть, семья Андрея Ивановича Калинина похоронила тело Российского Экзарха, протопресвитера о. Леонида.

Свой рассказ « касательно Леонида Ивановича Федорова », адресованный Красному Кресту, Калинин закончил словами:

— Мы похоронили его, сделав все, что в таких случаях полагается.

О. Епифаний Акулов, приехавший вскоре опять его навестить, не застал о. Леонида больше в живых.²

В марте 1935 г. епископ Пий Неве прислал в Вятку Александру Васильевну Балашову. Она привезла с собою провизии, и лекарств для о. Леонида. Но и она не застала его больше в живых. Повидалась она и с Калининым, выслушала рассказ о так поразившем его случае с голубем и привезла записанное им для Красного Креста епископу Пию, который переслал это известие в Рим. Там его перевели на итальянский язык, но русский подлинник затерялся потом где-то в бумагах.³

Молва об о. Леониде стала расти, и к могиле умершего праведника начал стекаться народ. Что случилось с нею впоследствии, нам неизвестно.

² В августе 1937 г. он был вновь арестован и сослан неизвестно куда.

³ Независимо от приведенного здесь показания Калинина, митрополит Андрей получил сообщение о залетевшем голубе через о. Слипия (впоследствии епископа и заместителя митрополита Андрея на кафедре Митрополита Львовского и Галицкого). В своем письме от 14-6-1937, он передал его кн. П. М. Волконскому в следующих выражениях: « Рассказывают, что после его смерти, в присутствии нескольких местных крестьян, молившихся у гроба, в окно влетел голубь и сделал три круга над его головой, что было, естественно, принято за своего рода чудо ».

ЭПИЛОГ

1 - Дальнейшая судьба Студитов

После ухода русской армии, студиты принялись за восстановление Скниливского монастыря. Затишье, которое настало у них, было лишь на короткое время. Вспыхнувшая в ноябре 1918 г. польско-украинская война оказалась роковой для Студитов. Во время боев в окрестностях Львова Скнилив сгорел до тла. От монастыря остался один только домик.

Митрополит Андрей мог приютить бездомных монахов, число которых достигало до шестидесяти, лишь у себя в Униове, в своей летней резиденции. Условия размещения были там самые неблагоприятные, какие себе только можно представить. Дом, был мал и совершенно непригоден для жизни монахов. Однако, несмотря на это, число студитов продолжало непрерывно расти. Мало того, что монахи были стеснены до отказа, - они нашли еще возможным поместить у себя школу для сорока военных сирот, которых обучали разным ремеслам. Сначала, надеясь на лучшее, студиты смотрели на Униов, как на временное пристанище, но потом пришлось, примирившись со всеми неудобствами, остаться в нем окончательно. Восстановить Скнилив не удалось, и монастырскую землю продали.

Еще в 1918 г. митрополит Андрей купил довольно большой земельный участок в Зарванице (вблизи Березани, недалеко от Тарнополя), вполне пригодный для устройства монастыря. Там построили вокруг деревянной церкви ряд домиков по 4 кельи в каждом. Частично студиты могли занять Зарваницу уже в 1921 г.

В том же году к этим двум монастырям прибавился третий, в самом Львове, на окраине города.

В 1921 г. митрополит Андрей основал в Якторове, близ Унива, первый студитский женский монастырь, который содержал ясли и приют для 30 детей (до семилетнего возраста). Еще два женских монастыря были открыты в 1939-41 годах, вблизи Львова и в самом Львове.

К началу второй мировой войны орден студитов насчитывал 196 человек, из которых было 19 иеромонахов, 11 иеродиаконов, 41 мантийный монах, 82 рясофорных, 43 послушника.

Вторая мировая война не только принесла Студитам еще большие потрясения, нежели первая, но и завершилась для них роковым образом. Через каких-нибудь десять дней после начала войны началась советская оккупация. Несколько монахов сразу же скрылось, не-

которые ушли к родным, другие перебрались в Германию, или тайно, или вместе с эвакуируемым немецким населением.

В декабре 1939 г. все монастырское имущество - здания, земли, скот - подверглось конфискации. Оставшимся монахам не осталось ничего другого, как рассеяться. 10 иеромонахов ушло на приходы; каждый взял с собою одного-двух монахов. В Униове около двадцати человек остались работать в ткацкой мастерской и на кожевенном заводе. Директорами и служащими оказались всюду евреи, но они не относились враждебно к религии и позволяли монахам, в остававшееся от работы свободное время, исполнять и монашеские обязанности. В Униове были оставлены два монаха, один в качестве настоятеля, другой - как помощник. Приют для сирот перешел в советские руки, и сироты из него рассеялись. Оба монастыря в Львове постигла та же судьба: монахи вынуждены были уйти из них поголовно. В Зарванице устроили колхоз, но несколько монахов осталось на положении работников. Церковь решили было снести, но не успели.

22 июня 1941 г. Германия начала поход против советской России и этим положила конец большевицкой оккупации, длившейся 22 месяца. В июле вся Галиция была уже занята войсками генерала Рунштедта. Германская оккупация не оставила в стране и тени даже той автономии, которую правительство СССР предоставляло в какой то мере советским республикам. Но в то же время немцы не препятствовали студитам налаживать монастырскую жизнь. Крестьянские советы этому тоже не противились. В конечном итоге, в 1941 г. удалось всюду восстановить все, как было до вторжения большевиков. Затруднение было только с иеромонахами; их трудно было снять с приходов, так как заменить было нечем. Для монахов же, устроившихся в это время работать на стороне, некоторый соблазн представляли частные заработки, которых теперь приходилось лишиться, возвращаясь к себе в монастырь. Студиты, в виду военного положения в стране не решались принимать кандидатов на послушнический искус из опасения, что власти станут их привлекать к принудительным работам. Но все же они приняли 6 человек.

Постепенно удалось восстановить и ремесленные школы и сиротский дом. Строили даже более или менее радужные планы на будущее.

1944-й год разбил все их надежды. 28 июля красная армия заняла Перемышль. В октябре под властью большевиков находилась вся Галиция. Все остановилось, если не навсегда, то на долгое время. В Галиции, с студитами было быстро покончено. Страница их недолгой истории перевернулась трагически.

2 - Последние годы митрополита Андрея

В 1922 г., закончив дела в Риме, митрополит Андрей предпринял большое путешествие по европейским столицам, надеясь добиться в них того, что могло бы изменить участь несчастной Галиции. Апрель и май он провел последовательно в Брюсселе, Амстердаме, Париже и Лондоне, а оттуда поехал в Соединенные Штаты, где прожил три-четыре месяца; в Канаде он был в июле. В марте 1922 г. митрополит Андрей посетил украинские колонии в Бразилии и Аргентине и оттуда вернулся в Нью-Йорк, где стал ждать получения визы. В марте 1923 г. он был снова в Париже и, закончив дела, отправился в Рим. Отсюда, после новой поездки в Бельгию, он вернулся в сентябре в Львов. Тотчас же польское правительство подвергло его аресту и интернировало в крепости Познань. Трудно сказать, что ждало бы его дальше, если бы не вмешательство епископа Ратти (будущего Папы Пия XI), тогдашнего Нунция в Польше. В начале 1924 г. польские власти освободили митрополита Андрея, и он смог вернуться к себе на Львовскую кафедру.

Еще в молодости митрополит Андрей жаждал мученичества. По свидетельству о. Леонида, он постоянно молил Бога о ниспослании ему «мученической кончины». Его героический дух трудно мирился с обыденностью, с серой посредственностью. Бог услышал молитвы митрополита Андрея, но послал ему просимое мученичество, как и о. Леониду, тоже не в том виде, как он предполагал.

Митрополит Андрей был всегда «человеком страдания». Это дано было понять о. Леониду на самой заре его жизни, в первый же приезд в Львов, когда он оказался однажды, поздним вечером, случайным свидетелем молитвы митрополита Андрея, узнав его в темноте, при свете лампы, в безмолвной фигуре гиганта, распростертого на полу перед св. Дарами. О. Леонид увидел в этот вечер воочию, что значит возносить свои скорби Богу, Им же ниспосланные, и этим приносить себя Ему в жертву. Озарение свыше, показавшее это о. Леониду, раскрыло ему в тот памятный вечер, так сказать, «лейт-мотив» подвижничества владыки Андрея. С годами, после первой мировой войны, этот мотив выражался в жизни митрополита все более и более ярко.

Мы оставляем в стороне все, что ему и за себя, и за вверенную паству пришлось выстрадать в новообразованном польском государстве. На этом неизменно темном фоне росло физическое недомогание владыки Андрея, принявшее в последние годы жизни характер нелегкого испытания. Уже в 1926 г. стали сказываться последствия скарлатины, пе-

ренесенной им в начале 1884 г. и усложнившейся тогда воспалением суставов и заражением крови. Ревматизм правой руки лишил владыку даже возможности писать. Он диктовал свои письма и подписывал их левой рукой, стараясь как-нибудь приписать от себя хоть несколько слов. В 1928 г. это прошло, и он снова стал писать нормально обычным почерком. В 1931 г. ревматизм возобновился в более сильной форме, и болезнь оставила владыку только в июне 1937 г., после чего наступило улучшение, продолжавшееся до июня 1943 г. Тогда болезнь овладела им окончательно и больше уже не покидала его.

Насколько позволяли силы, митрополит служил литургию во время периодов болезни сидя, в сослужении священника, который совершал проскомидию. В общем, пятнадцать последних лет митрополит провел в кресле. В хорошую погоду его выносили в сад на кресле-носилках, чтобы он мог дышать свежим воздухом; ноги его были плотно завернуты одеялом, как это видно на снимках. У митрополита делалось не раз воспаление вен, ноги были постоянно опухшими. Его нужно было класть в постель и даже помогать поворачиваться. Он нуждался в помощи для самых элементарных житейских потребностей. Свое немощное состояние он переносил очень терпеливо, с полным смирением. В преданных людях у митрополита Андрея не было никогда недостатка, и до последней минуты ему был обеспечен нужный уход. Все время он оставался в полном обладании своих умственных способностей, а также зрения, слуха и речи. Но к пище он был так равнодушен, что многие не раз задавали себе вопрос, сохранился ли у него вкус.

Митрополит нередко болел гриппом, после которого поправлялся, и болезнь проходила бесследно. В октябре 1944 г. он заболел снова гриппом, который на этот раз оказался для него роковым. Сначала он как-будто поправился, но потом почувствовал себя плохо и слег окончательно. Начались разные осложнения, которые у него тоже бывали не раз, но теперь сердце стало заметно сдавать, и положение сделалось очень серьезным. Врач находился при больном безотлучно. Пришлось пригласить и сиделок. Частью это были сестры св. Викентия (их бельгийский монастырь основал восточные ветви в Львове и в Станиславове), частью - васильянки, тоже работавшие в местной больнице.

Всем стало ясно, что конец уже близок. Митрополит Андрей перестал говорить и даже не отвечал на вопросы, но сознания при этом не терял и отдавал себе отчет во всем, что делалось около него. Он как бы вошел в совершенный покой и молчание.

Брат митрополита, о. Климент, приходил каждое утро во время литургии причащать владыку Андрея.

28 октября у постели больного собрались почти все наличные в Львове священники. В 12 часов дня состояние митрополита резко ухудшилось и его отсоборовали.

В ночь с 28-го на 29-е митрополит Андрей говорил, словно в экстазе, о Страшном Суде и милосердии Божиим. Говорил он твердым голосом, не шевелясь и не раскрывая глаз.

30 октября утром врач сообщил, что ночью произошло нечто совсем необычное. Пульс у владыки совершенно исчез, и врач решил было, что все уже кончено. Однако, через полчаса, пульс снова стал почти нормальным. Это дало надежду на возможность выздоровления, не оставлявшую всех в течение двух следующих дней. Однако, 31 октября вечером стало ясно, что митрополит Андрей умирает.

1 ноября, когда все сидели за обеденным столом, а врач, дежурившие сестры и один из братьев-студитов приготавливали инъекцию, слуга пришел в столовую сообщить, что владыка кончается. Вошедшие к нему в комнату застали его уже с откинутой головой. Митрополит Андрей умер. Было без четверти два.

Не стало Владыки, великого пастыря восточного стада Христова Вселенской Церкви, возглавлявшего в своей епархии 1267 приходов. За сорок лет, при всей своей ревности, ему удалось посетить каждый приход всего лишь один раз.

До следующего утра, тело митрополита Андрея осталось лежать в домово́й церкви, в нижнем этаже митрополичьего дома, вмещавшей до пятидесяти человек.

2 ноября, в 5 часов утра, тело почившего перенесли торжественно в собор против митрополичьего дома, где оно оставалось открытым до воскресенья 5 ноября. Непредвиденная задержка с погребением произошла оттого, что не могли найти гроба по росту митрополита Андрея.

Только в ночь с 4-го на 5-е его положили в простой дубовый гроб. У всех было, естественно, опасение, что за это время тело сильно разложится. Однако, не было никаких признаков тления, ни малейшего запаха.

К гробу блаженнопочившего стекался непрерывно народ. В собор заходили даже советские солдаты.

Погребение состоялось 5 ноября, после полудня. Оно было действительно совершено с подобавшей торжественностью. Литургию служил митр. Кир Иосиф. Погребальное шествие растянулось на целый километр. В нем участвовало 5 епископов и 150 священников в облачении, 70 семинаристов, кроме 130-ти, певших в хоре. За гробом шел о. Климент Шептицкий с группой васильян. Обращало на себя внимание то, что ни один польский епископ не пришел отдать последний долг митро-

политу Андрею. Погребальное слово сказал владыка Иосиф Слипий, заместитель митрополита Андрея на кафедре Митрополита Львовского и Галицкого.

Погребальная процессия прошла по городу и вернулась в собор, в склепе которого поставили гроб. Ряд последовавших вскоре чудесных событий, исцелений и т. п., показал силу молитвенного предстательства владыки Андрея и явился указанием свыше. В 1955 г. начат установленный Церковью процесс о причтении митрополита Андрея Шептицкого к лику блаженных.

3 - *Участь о. Климента Шептицкого*

После смерти митрополита Андрея, игумен Климент стал архимандритом Студитов назначенный Митрополитом Иосифом. После этого он был арестован 1947 г. Большевики предъявили о. Клименту обвинение в том, что он укрывал в своем монастыре партизан, борющихся с советской властью. Они интернировали его сначала во Владимире на Клязьме, где он оставался долгое время. Потом его судили, сперва в Киеве, а затем в Полтаве. По всей вероятности о. Климент был присужден к пожизненному заключению или, во всяком случае, на такой длительный срок, который при его преклонном возрасте и слабом здоровье отнимал всякую надежду увидеть снова свободу. Умер он, между 1950 и 1952 годом.

По словам одного лица, бывшего с ним вместе в тюрьме и вернувшегося после освобождения домой, о. Климент сохранял полную ясность мышления. У него сделалась катаракта (помутнение хрусталика глаза), что почти совсем лишило его возможности читать. Из-за сырости в помещении, он страдал сильным отеком ног. К тому же, он однажды упал и повредил себе ногу.

В заключении о. Климент обращал на себя общее внимание своим хорошим, всегда ровным настроением, даже веселостью нрава. Он никогда не жаловался на дурное обращение и не выражал недовольства на что-либо.

4 - *Крестный путь Анны Ивановны Абрикосовой*

Осужденная на десять лет тюремного заключения, Анна Ивановна была отправлена вместе с другими сестрами Московской общины этапным порядком в Сибирь. Все ехали вместе до Екатеринбурга. Отсюда ее направили с Лидией Чеховской, сестрой-миссионеркой Св. Семейства, в Челябинск, но там их не приняли из-за переполнения тюрьмы

МИТРОПОЛИТ АНДРЕЙ ШЕПТИЦЬКИЙ

МИТРОПОЛИТ АНДРЕЙ ШЕПТИЦКИЙ

и отослали обратно в Екатеринбург. В конце концов для обеих нашлось тюремное пристанище в городе Тобольске, в Западной Сибири. Их поместили в женском отделении местной тюрьмы (« Исправительного дома »), где Анна Ивановна просидела около пяти лет. Первые шесть месяцев она была в общей камере с Чеховской, пока ту не освободили, как польскую гражданку и заложницу, назначенную на обмен на заключенных в Польше. На обратном пути через Москву она рассказала о пережитом еще остававшимся там сестрам, а по возвращении в Польшу написала о. Владимиру Абрикосову по поручению Анны Ивановны и потом еще в нескольких дальнейших письмах отвечала ему на его вопросы о судьбе отдельных сестер Московской общины и русских католиков.

Вскоре после прибытия в Тобольск, Анна Ивановна начала страдать фурункулами на ноге, но потом эта болезнь прошла у нее бесследно. В общей камере, где она сидела вместе с Чеховской, находились женщины, осужденные за уголовные преступления. Это было, конечно, нелегким испытанием, особенно из-за невероятного шума, который они производили, не говоря уже о темах их разговоров, которые тоже нельзя было не слышать. В общем, Анна Ивановна относилась к этому спокойнее, чем Чеховская. Постепенно ей удалось даже установить с уголовницами кое-какие отношения, так что те по-своему полюбили Анну Ивановну и начали поддаваться ее моральному влиянию. Помогло этому то, что ей было поручено заниматься с этими женщинами « ликвидацией неграмотности ». В ответ на ее доброе к ним отношение, уголовницы принимали на себя исполнение работы и обязанностей, причитавшихся на долю Анны Ивановны, а также убирали за неё, стирали ей белье. На этом они не остановились. Видя, что Анна Ивановна лишена в тюрьме даже тех небольших льгот, которыми они пользовались, уголовницы вступились однажды за нее, запротестовали и потребовали у администрации уравнивания Анны Ивановны в правах с ними. Результатом их вмешательства было то, что Анну Ивановну изолировали и перевели в одиночную камеру. С тех пор, все последующие годы ее заключения протекли « в одиночке », что для нее было, пожалуй, лучше и больше отвечало ее духовному состоянию.

Камера Анны Ивановны была всегда чисто прибрана, стол накрыт белым; на столе и над кроватью были постоянно живые и засушенные цветы и листья. Их доставляли ей те уголовницы, с которыми прежде она занималась. Они работали в тюремном саду и на огороде и оттуда присылали Анне Ивановне весной и летом ветвей и цветов для украшения камеры.

В Тобольск, как и в другие места заключения, приезжали время от

времени ревизоры из Московского ГПУ. Они обходили помещения заключенных. Необычный вид камеры Анны Ивановны, да и ее самой, исполненной ясного спокойствия, с некоторым оттенком свойственной ей торжественности, вызывал обычно их удивление. Один из таких посетителей, выходя из ее камеры, даже заметил:

— Видимо в этой тюрьме живется неплохо, если сидящие здесь женщины похожи больше на придворных дам, чем на заключенных!

Анне Ивановне разрешалось иметь у себя светские книги и газеты; духовные книги запрещались. Первые два года (1924-1926) она могла переписываться довольно свободно и пользовалась этим правом, чтобы поддерживать связь с рассеянными сестрами Московской общины. По сведениям от о. де Режис, у о. Владимира имеются ее письма, относящиеся к этому времени. Впоследствии, с усилением строгости тюремного режима, переписку ограничили 3-4 письмами в год, которые могли быть только чисто делового характера, чтобы сообщать близким о своих материальных нуждах.

* * *

В конце 1929 г., после шестилетнего пребывания в Тобольской тюрьме, Анну Ивановну перевели в Ярославский политический изолятор. В былые времена город Тобольск был известен, как место политических ссылок; старинная же тюрьма в Ярославле на Волге, во времена царской России, перевидала в своих камерах немало политических заключенных. Она имела даже свои традиции, свою неписанную историю, « предание », которое сидевшие там « поколения » передавали друг другу. Советская власть, конечно, не изменила былую репутацию Ярославской тюрьмы, как места заключения наибольшей строгости, где осужденные были совершенно изолированы, и один от другого, и от внешнего мира. Данное ими название этой тюрьме - « политический изолятор » - вполне соответствовало ее особому назначению, главным образом для отбывания наказаний на долгие сроки.

Ярославская тюрьма состоит из отдельных каменных зданий, обнесенных высокой стеной. Внутри есть несколько дворов, служащих местом прогулки заключенных, каждой партии обособленно, в положенные часы. Большинство сидит « в одиночках », но есть камеры для 2-3 человек. Днем и ночью все камеры заперты. И вот, в то время как в концентрационных лагерях осужденные изнемогают от непосильного каторжного труда, в изоляторах они же изнывают от полного бездействия.

В Ярославском изоляторе переписка была ограничена особенно строго. Позволялось писать 2-3 раза в год кому-нибудь из ближайших

родственников, но и на это требовалось особое разрешение центрального ГПУ. Заключение подавал туда заявление, указывая лицо, с которым он хотел бы переписываться, а московское ГПУ наводило о нем справки и, в соответствии с этим, разрешало или отказывало. Точно так же далеко не всякий имел право оказывать помощь заключенному деньгами, продовольствием или одеждой. Только кто-нибудь из ближайших родственников мог выхлопотать себе разрешение. Продовольственная посылка, отправленная в Ярославский изолятор без предварительного разрешения, попала бы « в общий котел » или была бы отослана обратно.

За все время своего пребывания в Ярославле, Анна Ивановна никому не писала. С одной стороны, это было благоразумно, чтобы не подвергать опасности близких, а с другой - в этом не было надобности, так как она пользовалась регулярной помощью через жену Максима Горького, Екатерину Павловну Пешкову, возглавлявшую « Политический Красный Крест ». Е. П. Пешкова принимала посредничество для оказания помощи любому заключенному от всякого лица, кто бы ни пожелал послать что-нибудь. Вследствие этого помощь теряла личный характер и шла от учреждения, которым она руководила. В то же время у нее имелась возможность быть осведомленной о судьбе заключенных. Жертвователям она могла сообщать, что Анна Ивановна жива, находится по-прежнему в Ярославле, и посылки доходят до нее.

Анна Ивановна сидела и здесь в одиночной камере, и тюремная администрация лично к ней относилась далеко не плохо. Ей предлагали, если она хочет, перейти в большую камеру, на 2-3 человека, но Анна Ивановна отказывалась, предпочитая свое одиночество еще и потому, что в соседях по камере всегда можно заподозрить лиц, специально подосланных ГПУ. Одновременно с ней, в том же изоляторе, сидела сестра ее общины Анастасия Васильевна Селенкова, тоже осужденная на 10 лет. Им обоим очень хотелось быть вместе, но этого власти никак не позволяли. В течение шести лет совместного пребывания в тюрьме, им ни разу не удалось встретиться даже на прогулке.

Гулять заключенным разрешалось полтора часа в день. Их выпускали на разные дворы группами, строго подобранными, за исключением тех, которым, для более строгой изоляции, разрешались только одиночные прогулки. Анна Ивановна и сестра Селенкова гуляли всегда на разных дворах и в разное время.

Самым тяжелым испытанием для Анны Ивановны была здесь, конечно, невозможность причащаться. Если в концентрационных лагерях, где заключенные могли передвигаться более или менее свободно, священники, при наличии у них хлеба и вина и всего, что требовалось

для служения литургии, находили все-таки возможность как-то устраиваться и совершать ее нелегально, а кроме того через доверенных лиц, доставлять Причастие заключенным, чему мы видели немало примеров на Соловках, то в Ярославском изоляторе и, вообще, в советских тюрьмах это было невозможно.

Однако, исповедоваться Анна Ивановна все же могла. В тюрьме сидело несколько католических священников. Исповедь совершалась на ходу, во время прогулки, так что надзирателю ничего не было заметно. Духовником Анны Ивановны был о. Феофил Скальский, с которым она гуляла в одной партии. После своего освобождения, бывшим результатом обмена заключенных, последовавшего в 1932 г., проездом через Москву, он рассказал там об Анне Ивановне, а потом, в 1937 г. написал о. Владимиру Абрикосову письмо из Луцка, где он тогда находился. Мы приводим из него несколько отрывков почти дословно, сохранив орфографию подлинника:

« До моего прибытия в Ярославль ксендзы не исповедывали, не имея « апробаты ». Я же, будучи в Киеве на границе Могилевской епархии, еще от покойного арх. Цепляка получил юрисдикцию на неограниченное время с правом уполномачивать и других священников, и все мы стали исповедываться между собою и Анна Ивановна стала каждые две недели исповедываться у меня на прогулке.

Жили мы через стенку, и хотя не изучали тюремного телеграфа, но как-нибудь перестукивались и через стеной вентилятор могли что-нибудь друг другу сообщать. Кроме того ежедневно по полтора часа выводили нас в одной партии на прогулку. Кроме меня в той же прогулочной партии было выводимых еще три католических священника. И вот нас четыре ксендза и матушка составляли единомыслящую группу.

Другим довериться было трудно. Это был народ весьма пестрый, часто сменяющийся; среди них были и откровенные коммунисты и секретные сотрудники тюремного начальства. Помимо того, Анна Ивановна старалась быть для всех приветливой. Случались изучающие английский язык и Анна Ивановна добрую половину прогулки посвящала урокам этого языка, обращаясь через это с элементом ей чуждым и прямо отвратительным.

В нашей прогулочной партии бывали и другие женщины, исходящие из интеллигентной русской среды, но они своими воззрениями, своей откровенностью о своем безнравственном поведении и связях в прошлом Анну Ивановну прямо отталкивали от себя.

Из Тобольска Анну Ивановну переслали в Ярославский политизолятор из-за того, что ее там женщины, которых ей было поручено

обучать грамоте, стали прямо обожать, а комсомолку, тоже к ним при- ставленную, - пренебрегать.

Некоторые из ОГПУ подходили к Анне Ивановне с предложениями, или более верно, с испытаниями, не откажется ли она от своих като- лических убеждений. Анна Ивановна бывала в своих ответах беспо- щадной для себя и стойкой в утверждениях, о непоколебимой истине только католической Церкви.

Могу свидетельствовать, что эта достойная мученица воззрений ка- толических, всегда стойкая и ровная в терпении, с благодати Господней пользовалась совершенным обладанием духа, мирилась со своей горькой участью в пример другим, даже нам священникам. Я ее не попомню нарекающей, пригнетенной.

В камере она много молилась, имела Священное Писание и литур- гические некоторые книженки. В особенности любила покаянный кан- он и практику духовного Причастия. Я ей переписал несколько молитв из « бреверия », которые ей нравились; она их каждый день читала. Выписывала газету советскую и интересовалась политикой и жизнью своего несчастного отечества. Издавали коммунисты газеты и на иностран- ных языках, она имела английскую и может быть немецкую. Читала тоже книги из библиотеки.

Сознавшись передо мной, что ей делается на груди опухоль, я на- стоял, что она пошла к врачу, так как тот смекнул, что это рак, и отпра- вил ее в Москву в лазарет. К отъезду она имела возможность пригото- виться и поэтому в первую очередь призналась своей душой, попросив меня выслушать исповедь ее за всю жизнь. Это было весной и летом 1932 г.

После высылки Анны Ивановны на операцию, на ее место перевели в нашу партию Селенкову А. Васильевну. С этой я пробыл месяцев три. Это другой был уже тип, хотя очень набожная, но трудноватая в сожителстве. Она, Вас, Отец, тоже обожествляла ».

В своем письме о. Скальский умолчал об одной, характеризующей его доброту подробности, которая стала известна в Москве. За долгие годы у Анны Ивановны износилось белье. Через Польский Красный Крест о. Скальский был обеспечен более регулярным снабжением одежды, чем она, и мог делиться с ней кое-чем. Анна Ивановна пере- шивала это для себя. Вообще, она очень следила за своей внешностью, имела всегда по отзыву свидетелей:

« чистый, эстетичный и даже торжественный вид. Одета она была в черном платье с белым воротничком и белыми нарукавчиками; сама их стирала в камере или в бане ».

Ю. Н. Данзас, бывшая в свое время « придворной дамой », выгля-

дела в Иркутской тюрьме и, особенно, на Соловках совсем иначе. Но у каждого свой путь, и на нем свои испытания, которые тоже переносятся не всеми одинаково.

* * *

Раковая опухоль, о которой упоминает в своем письме о. Скальский, образовалась у Анны Ивановны в конце 1931 г., на девятом году заключения. Потребовалась операция, для которой ее отправили в июле 1932 г. в Бутырскую тюремную больницу. Об ее прибытии туда было известно епископу Неве, но все его попытки добиться свидания с ней перед операцией остались тщетными. Анне Ивановне вырезали левую грудь и часть мышц спины и бока. Операция прошла благополучно, но после нее Анна Ивановна перестала владеть левой рукой и стала таким образом инвалидом. Поэтому ГПУ согласилось выпустить ее на свободу. Освобождение выхлопотала ей Е. П. Пешкова в виду тяжелой болезни и близкого уже конца десятилетнего заключения. 13 августа Анну Ивановну удивили сообщением, что она может покинуть тюрьму. Ей дали, конечно, « минус 12 », но разрешили остаться в Москве десять дней для устройства дел перед отъездом. Место жительства она могла выбрать по своему усмотрению, могла жить там на частной квартире, но раз в неделю должна была являться для поверки в местное ГПУ. Анна Ивановна остановила свой выбор на Костроме, тоже на Волге, недалеко от Ярославля и не очень далеко от Москвы.

14 августа она оказалась на улице, за воротами Бутырской тюрьмы. Было утро. Она направилась прямо во французскую церковь и застала там мессу. Среди молящихся оказалось несколько знакомых, но те ее не узнали. После службы Анна Ивановна встретилась в церкви с епископом Неве. До этого они были незнакомы, и вот, что он сообщил об этом первом свидании о. Владимиру (через епископа Дэрбиньи, который переслал его письмо епископу Шапталю для вручения адресату):

« ... Эта подлинная исповедница весьма мужественна: перед душой такого закала чувствуешь себя совсем малым. Выглядит она все еще плохо; пользуется одной правой рукой, так как левой она больше не владеет... ».

Из церкви Анна Ивановна отправилась к Е. П. Пешковой и просидела у нее несколько часов. Чтобы найти ей приют, Пешкова вызвала к себе одну из знакомых Анны Ивановны, и та ее забрала к себе. Лицо, видевшее тогда Анну Ивановну, определило ее настроение такими словами: « Вся она сила, а в то же время и кротость ».

По истечении десятидневного срока, Анна Ивановна покинула Москву и в сопровождении сестры Раисы Александровны Крыловой

отправилась в Кострому. Состояние ее здоровья требовало постоянной помощи близкого человека. Время от времени ей нужно было советоваться с врачом-специалистом, и ГПУ разрешало ей для этой цели поездки в Москву на две недели. Это давало Анне Ивановне возможность бывать на церковных службах и причащаться. В Костроме давно уже не было католической церкви.

По поводу одного из посещений Анны Ивановны, ее двоюродная сестра (Августа Николаевна Иноева, рожденная Абрикосова) написала в Париж своей двоюродной сестре:

« Недавно у нас была Аня. Она чувствует себя хорошо. Так приятно было ее видеть. Она все такая же, почти не изменилась; так же говорит, такой же тон, и изредка ирония, как прежде ».

Анна Ивановна пользовалась также этими поездками в Москву, чтобы через посредство верных людей пересылать письма за границу. О. Филип де Режис (в своей статье в журнале « Unitas » - № 3 за 1946 г.) говорит об ее письмах, относящихся к 1932-1933 г.:

« Несколько писем, оставшихся после нее от этой эпохи, которые она смогла отправить надежным путем при каждой поездке в Москву, показывают душу, охваченную более чем когда-либо божественной мистерией, верную до конца своему идеалу и хранящую любовь к своим сестрам. Но есть нечто еще более отрешенное, более очищенное. Чувствуется, что в ней совершилась работа, заходящая в самую глубину; кажется, что она принадлежит земле только наполовину; душа ее уже обитает на небе, она думает, чувствует и реагирует по-небесному ».¹

* * *

Последнее письмо Анны Ивановны было написано в Москве 4 июля

¹ Переписки этой, как и писем Анны Ивановны из тюрьмы, когда это еще допускалось, (1924-1926), в распоряжении автора не было, и он узнал о них из статьи о. де Режиса. Прочитал ли он их сам прежде чем формулировать приведенный вывод, автору неизвестно. Вся статья его, в общих выражениях и в довольно слащавом тоне, не носит характера личного исследования, а скорее написана с чужих слов. Нетрудно установить и источники, какие ему были предоставлены. В заключительных словах, сравнивая Анну Ивановну со св. Екатериной Сиенской, он как бы предвосхищает ее беатификацию.

Такой подход к действующим лицам в повести о Российском Экзархе чужд ее автору. В своем исследовании он старался быть прежде всего строго объективным. Да и надежда на причтение Церковью о. Леонида Федорова к лику блаженных высказана не им, а митрополитом Андреем, и не в силу своих впечатлений и личного отношения, а на основании ряда чудесных явлений, совершенных по его молитвенному предстательству, как явствует из полученных сообщений.

1933 г. В этот приезд, у нее была встреча, последствий которой, вероятно, она даже не ожидала, благодаря своему опыту и знакомству с советским режимом. В Москве жила тогда ее хорошая знакомая, полька-католичка Камилла Крушельницкая, женщина лет сорока, довольно образованная. В комнате у себя она приютила двух молодых русских девушек, сестер, Ольгу и Тамару. Последняя перешла в католичество только год тому назад. Крушельницкая сблизилась с группой студенток-комсомолок, разочаровавшихся в материализме и, вообще, в прививаемом им атеизму. Вследствие этого они ощущали душевную пустоту и не находили ответа ни на один вопрос, поднимавшийся в их сознании. В сущности, их духовное состояние было началом пробуждавшегося интереса к религии. Представительницы этой группы студенток собирались время от времени у Камиллы Крушельницкой и живших у нее молодых сестер.

Вскоре их « приют » оказался под секретным наблюдением всевидящего ока ГПУ. Что именно дало повод к этому, осталось невыясненным. Ктонибудь из посетителей мог по неосторожности проболтаться, но могла находиться среди этих комсомолок и подосланная осведомительница. Факт, что неожиданно, в ночь с 27 на 28 июля, после обыска, произведенного в комнате Крушельницкой, сама она и Ольга были арестованы. Через несколько дней та же судьба постигла Тамару, у которой нашли запрещенную книгу Нилуса « Протоколы Сионских мудрецов ». Дал ей ее некий рабочий Соловьев, проживавший в том же доме. Вскоре после этого и он был арестован и сослан. Все комсомолки, собиравшиеся у Крушельницкой, тоже попали одна за другой в руки всемогущего ГПУ. Арестовали даже одного еврея, недавно крестившегося в Краснодаре и приезжавшего в Москву учиться музыке; вся вина его была только в том, что и он пару раз посетил эти собрания.

Во время последнего пребывания Анны Ивановны в Москве, Крушельницкая попросила ее поговорить отдельно с двумя студентками из числа разочаровавшихся комсомолок. Те приходили для религиозных бесед в комнату Анны Ивановны. 5 августа ГПУ арестовало ее в Костроме. Началось новое следствие, в результате которого Анну Ивановну обвинили во « внедрении разлагающих влияний в среду коммунистической молодежи ». Вскоре после этого ее судили и снова отправили на 5 лет в Ярославский политический изолятор, где она и просидела почти до своей смерти.

Волна арестов, продолжая расти, захватила последовательно: в том же году, 15 августа, в Рязани сестру бывшей Московской общины Софию Эйсмонт (она уже пробыла 3 года в ссылке в Обдорске, северном рыбацком поселке у Ледовитого океана), подругу детства Крушельниц-

кой (С. Эйсмонт перешла в католичество за год до ареста и в общине пробыла всего 3 месяца; ей было тогда 20 лет); 22 августа арестовали Веру Цветкову (пробывшую уже 3 года в ссылке в Черном, Тобольской области, в Западной Сибири), бывшую в то время на каникулах у родителей в Сычевке, Смоленского округа; в ночь с 8 на 9 октября арестовали Елизавету Вахевич (пробывшую 5 лет в Иркутском изоляторе), Раису Крылевскую (пробывшую 3 года в Тобольске), Веру Хмелеву (пробывшую 3 года в поселке Мужы, в тундре, в 150-200 км. от Обдорска).

Тем временем состояние здоровья Анны Ивановны все ухудшалось. Зимой она болела гриппом, после которого очень ослабела. С выздоровлением слабость не проходила, а продолжала усиливаться. В 1935 г. раковая опухоль перекинулась на лицо. Незадолго до смерти Анну Ивановну перевезли опять в московскую тюремную больницу, где она и скончалась 23 июня 1936 г. Вскрытие показало у нее рак во всех органах, тогда как грудные железы, где он появился первоначально, оказались теперь не затронутыми.

Тела умерших, скончавшихся в Бутырской тюрьме, родственникам не выдавали. Хоронили их неизвестно где, в общих могилах, которые потом сравнивали с землей. Тела же некоторых более известных политических заключенных сжигались в крематории. Именно так начальство распорядилось с телом Анны Ивановны. Кремация была 27 июля. Есть что-то символическое в этой « жертве всеожожения », завершившей жизненный путь героической души, ставшей под конец в полном смысле слова « странницей » в этом мире.

На своем пути исповедничества и апостольства, Анна Ивановна прошла через очистительный огонь многих жертв, какие ей последовательно посылал Господь. Уделом ее на крестном пути восхождения к горным обителям была потеря богатства и связанного с ним положения в обществе; утрата любимого мужа вскоре после того, как они принесли обет воздержания; разгром дела, которому она себя отдала; лишение свободы и возможности общения с родными и близкими; полное внешнее одиночество в подавляющих человеческое достоинство условиях советской тюрьмы; отсутствие церковных служб, таинств и даже христианского погребения.

Натура Анны Ивановны была волевая, своенравная. Однако, колебаний на крестном пути у нее не было. Она была всегда бодрой, ровной и спокойной в своей готовности страдать еще многие годы. К облегчению своей участи она не стремилась. Анна Ивановна много молилась и жила в живом общении с Богом. Не только сама она шла твердой поступью по крестному пути, но и других укрепляла, в первую очередь,

конечно, сестер своей общины, вливая в них дух жертвенности ради Христа. И те, кому была дана власть над ней на земле, не вызывали в ней озлобления, хотя « звериный лик » она, несомненно, видела в них ясно. Умирая, она могла сказать с полным убеждением: « Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа? » И потому нет основания сомневаться, что душа Анны Ивановны Абрикосовой была уже в сонме вечно блаженных, когда вольные и невольные приспешники сатаны распорядились сожжением в крематории ее останков.

5 - Освобождение Ю. Н. Данзас, ее жизнь и смерть за границей

В начале 1931 г. поднялся вопрос об упразднении Соловецкого лагеря, как слишком дорого стоявшего. Оказалось, что расходы, которые он вызывал, далеко не покрывались доходом от каторжного труда заключенных. Правительство решило перевести их на материк, а на Соловках оставить только несколько сот каторжан, признанных совершенно неисправимыми или особенно опасными для советского государства. Несмотря на это, на Соловки продолжали еще некоторое время попрежнему присылать бесчисленные партии новых осужденных, до лета 1931 г. когда началась действительно эвакуация заключенных с островов. Большую часть направили с Соловков в новые лагеря, расположенные вдоль линии проектированного канала, который должен был соединить Белое море с Балтийским. Как раз тогда там приступили к работам. В первую очередь туда отправили землекопов и дровосеков. За ними последовали сперва специалисты, а затем канцелярские служащие, в числе которых оказалась и Юлия Николаевна Данзас, назначенная на работу в отделе статистики. Ее партия покинула Соловки в конце сентября. Плохая погода сделала морской переход очень тяжелым. В Кеми она пробыла всего несколько часов в ожидании посадки на поезд. Всю партию набили до отказа в вагон, в котором она прибыла через два дня на станцию Медвежья Гора, к северу от Онежского озера.

Тут уже кипела работа. Вдоль полотна Мурманской железной дороги, в том месте, где она подходит к Онежскому озеру, строились бараки, чтобы разместить управление канала и администрацию. На Медвежьей Горе должны были поселиться инженеры и директора, ведавшие работами, и присланные сюда из Москвы высшие служащие. Для них имелся уже хорошо оборудованный деревянный дом. Осужденных же поместили большей частью в палаточном лагере, где они оставались зимой и при морозах ниже 30°.

Для женщин имелся большой полутемный ангар с одним только окном и нарами в два яруса вдоль стен и посередине. Сюда втиснули

больше 400 женщин. Они дрожали от холода на ледяных нарах или жались друг к другу возле маленькой печки, предназначенной для отопления открытого всем ветрам огромного помещения. Три четверти жительниц ангара составили уличные женщины. Вокруг ангара, как голодные волки, начали бродить стаи мужчин. Женщины пользовались в этом лагере большей свободой, чем на Соловецких островах. Они могли ходить по всему огороженному проволокой лагерю, в котором сидело свыше 30.000 мужчин. По вечерам и всю ночь в ангар втаскивали и сваливали на нары десятки пьяных женщин, которые протрезвлялись после своих походов или рядом с другими, непричастными к их развлечениям, или над их головой.

Канцелярия, где Юлия Николаевна должна была работать, находилась на расстоянии около 1 км. от лагеря. Путь туда зимою был нелегким, временами глубина снега доходила до пояса. Возвращение в лагерь было особенно трудным. Работа в канцеляриях затягивалась иногда до 11 часов вечера. В полной темноте канцеляристки шли буквально вслепую, почти наугад. Чтобы не заблудиться, они медленно продвигались гуськом, крепко держась друг за друга. Вследствие этого нередко случалось, что вся вереница проваливалась одновременно в занесенный снегом овраг. При одном из падений, Юлия Николаевна повредила себе руку - вывихнула запястье. Этот несчастный случай еще больше усложнил ее жизнь, так как не было никакой медицинской помощи. Она сама, как умела, делала себе перевязку, чтобы сделать запястье неподвижным. Лишившись теперь, в довершение всех бед, возможности пользоваться рукой, Юлия Николаевна невольно сравнивала свои условия жизни с бытом дикарей или положением Робинзона Крузо на необитаемом острове. Достаточно сказать, что за водой нужно было бегать почти за 200 м. от ангара; остальные « удобства » тоже были в этом же роде.

В награду за « сверхчеловеческий » труд, как она сама его назвала, Юлии Николаевне и еще трем служащим, в виде исключения, разрешили не возвращаться по вечерам обратно на ночевку в ангар, а устраиваться спать в канцелярии, где они работали днем. На ночь, все убиралось со столов и « канцеляристки » ложились на них, как были, одетыми. Утром, когда приходили из лагеря остальные служащие, комната приводилась в порядок, и рабочий день начинался. Такая привилегия была « неслыханной милостью » начальства, которой несчастные женщины, по словам Юлии Николаевны, « с радостью наслаждались », чувствуя себя избавленными от отвратительного ангара, кишевшего во мраке, смраде и грязи пьяными распутными женщинами.

Работа по статистике дала Юлии Николаевне возможность узнать

из бумаг, проходивших через ее руки (с начала осени 1931 г. и до января 1932 г.), что сооружение канала в этих условиях стоило около 300.000 человеческих жизней. Люди гибли как мухи на каторжных работах в лесах, без всякого жилья, без медицинской помощи, а нередко и без пищи и даже без питьевой воды. В некоторых местах вода была удалена на 2-3 км. от места работ. Одним словом, смертность была такова, что ГПУ едва успевало пополнять непрерывно таявшую рабочую силу новыми партиями осужденных.

В указанное выше число 300.000 не включены погибшие из числа каторжан, проданных управлению Мурманской железной дороги и другим учреждениям, ведавшим эксплуатацией лесов. На основании секретных документов, с которыми Юлии Николаевне пришлось ознакомиться, она утверждает, что было около десяти случаев продажи рабочей силы партиями от 1200 до 2000 человек. По контракту, продавец обязывался доставить партию заключенных такой-то численности, франко такая-то станция назначения. Покупатель же обязывался снабжать рабочую силу продовольствием по норме не ниже положенной в концентрационных лагерях, а также и одеждой. У Юлии Николаевны не было никаких сведений о том, что происходило дальше с проданными на работы.

* * *

В январе 1932 г., в один особенно морозный день, когда было 35° ниже нуля, Юлии Николаевне сообщили в канцелярии, что она свободна. Ее освободили досрочно; срок десятилетнего заключения кончался 14 ноября 1933 г. (арестовали ее вечером 14 ноября 1923 г.). Известие это пришло совсем неожиданно. Освобождение давало ей право уйти немедленно из лагеря, куда угодно, но как и куда - об этом ей нужно было самой позаботиться. Одежда Юлии Николаевны была буквально в лохмотьях. В кармане оставалось мелочи не больше того, сколько надо на булку.

Юлия Николаевна попросила разрешения остаться в лагере еще 2-3 дня. Ей нужно было для начала обеспечить себя ночлегом, пока не удастся приискать убежище где-нибудь поблизости лагеря. В конце концов, одна добрая женщина пустила ее в свою хижину. Затем надо было приискать какой-нибудь труд, чтобы заработать на железнодорожный билет. Но и это тоже устроилось. Юлию Николаевну приняли помощницей счетовода для ликвидации товарного склада на станции. Когда у нее появились деньги на билет, возник самый серьезный вопрос: куда ехать? Где быть *свободной*, раз, (как она в этом сразу же убедилась), вся Россия превратилась в огромную советскую тюрьму, в которой

удел *свободных* граждан мало чем отличался от рабства бесчисленного множества заключенных.

Оказалось, что досрочное освобождение последовало по ходатайству Максима Горького, который где-то « нажал ». Юлия Николаевна была ему и раньше хорошо знакома как писательница и профессор университета, и он ценил ее. Ей представился даже случай встретиться с ним однажды на Соловках, куда власти послали « совесть СССР », как тогда называли Горького, лично все осмотреть и сказать, правда или нет то, что начали говорить и писать за границей о Соловках.²

О приезде Максима Горького было дано знать заранее. Заключенных подготовили к встрече с ним. Лагерным учреждениям было приказано показать работу, которая там выполняется. Когда в одно прекрасное утро на Соловки прибыл Максим Горький, то заволновался весь остров. Доверие к нему у всех было полное. Он мог ходить без охраны, мог останавливать любого заключенного и беседовать с ним. Горький внимательно выслушивал, расспрашивал, сочувствовал, записывал в книжку, обещал помочь. Велико было удивление и возмущение заключенных, когда они потом прочитали в « Известиях » большую статью Горького, озаглавленную « Соловки », в которой он дал лестную оценку деятельности ГПУ и его детищу - « Соловецкому исправительно-трудовому концлагерю ».³

Но Юлии Николаевне Горький действительно пришел на помощь. Ходатайство его жены, Е. П. Пешковой, в отношении Юлии Николаевны было бы недостаточным. Горький помог ей и после освобождения литературной работой - дал какой-то перевод. Юлия Николаевна решила хлопотать через него о разрешении выехать за границу, ибо только таким путем можно было освободиться из той огромной тюрьмы, которую теперь представляла собою Россия. Хоть как-нибудь примириться с этим режимом и бытом и приспособиться к нему было непосилам Юлии Николаевны. Притягивало ее в этом мире и могло удовлетворить только монашество. Приняв постриг от экзарха (12-2-1923), она посвятила себя целиком Богу; в мыслях своих, в молитвах, в общении с Богом, она всегда называла себя монахиней, сестрой Иустиной. Ей было дорого сознание своей принадлежности Богу, из рук Которого она все принимала; это служило ей большим утешением и поддерживало

² Много шума наделала появившаяся в Англии, в тридцатых годах, книга « Остров пыток и смерти », в которой подробно описывался быт соловецких заключенных, приводились точные сведения о каторжных работах, сообщались фамилии начальников, описывались пытки и т. д.

³ Эти сведения заимствованы из « Парижского Вестника » от 12 августа 1944 г. (№ 112).

на крестном пути. Правда, в свое время ей разъяснили, что постриг не был каноническим, но она находила, что сути дела, ее отношения, как монахини, к Богу, это не меняло. Юлия Николаевна считала, что решающим моментом в ее положении являлась высота ее побуждения в принесении обетов и верность, с какой она их соблюдала все это время. Поэтому, по ее убеждению, Церковь не могла считать ее больше мирянкой. Тем не менее, француз-доминиканец о. Амудрю, которого мы уже встречали в этой повести, разъяснил ей, что канонически она теперь « ни рыба, ни мясо » (« *Ni chair, ni poisson* »): не мирянка, но и не монахиня. По возвращении Юлии Николаевны с каторги, он же, уже как епископ (его хиротонисал епископ Пий Неве, один из четырех, хиротонисанных 10 мая 1926 г. епископом Дэрбиньи), принял Юлию Николаевну терциаркой в доминиканский орден, дав ей при этом имя Екатерины. Он же сообщил ей в свое время, что орден принял ее кандидаткой. Юлия Николаевна знала, что доминиканцы - орден богословов и проповедников. Мечтая о монашестве, Юлия Николаевна надеялась, что в доминиканском женском монастыре, при строгом затворе, она сможет отдаться интенсивной духовной жизни в сладостном одиночестве. Перед ее умственным взором тоже не раз вставал образ св. Екатерины Сиенской. Это еще больше влекло Юлию Николаевну за границу, где она не только могла стать свободной, но и использовать эту свободу для служения Богу.

В Берлине проживал теперь ее брат Яков Николаевич. Он хотел вырвать сестру из советского ада. Единственной возможностью было « выкупить » (как тогда говорили) Юлию Николаевну. Нужно было внести советскому представителю в данной стране определенную сумму, за которую власти в России выпускали выкупленного за границу. Якову Николаевичу Данзас, ценою долгих усилий и материальных жертв, удалось освободить сестру (это обошлось ему по тогдашнему курсу около 20.000 фр. франков, что составляло, во всяком случае для него, огромную сумму). Однако, чтобы довести начатое им до успешного конца, Юлии Николаевне была нужна помощь и в России. Рассчитывая на Максима Горького, она написала ему, прося об « аудиенции », чтобы переговорить с ним лично. Так как на ее письмо не пришло никакого ответа, то она обратилась за советом и содействием к жене Горького, Е. П. Пешковой. Та сказала ей, что все зависит от приставленного к ее мужу чекиста Кузьминского. По ее словам, ни одно письмо не доходило до Горького, не пройдя через его цензуру, и никто не мог быть допущен к Горькому помимо того же Кузьминского. А с ним нужно было держать себя очень осторожно и действовать « политично ». Тем не менее, Пешкова решила сделать попытку и при случае « замолвить

слово » за Юлию Николаевну. Однажды, выбрав подходящий момент, она сказала мимоходом Кузьминскому:

— У вас должно быть письмо от приятельницы мужа, гражданки Данзас; она просит о свидании, хорошо бы устроить...

Через несколько дней Юлия Николаевна получила приглашение явиться к Горькому в таком-то часу. Она явилась. Горький занимал подаренный ему особняк Рябушинских. Получал миллион рублей жалованья в год. В квартире все оставалось нетронутым - паркет, ковры, зеркала, картины, позолота, мебель, амфилада комнат -, словно хозяева только что покинули свой дом. Вопиющий контраст с тем миром, из которого только что вышла Юлия Николаевна! Повидимому, « совести СССР » это не претило.

Юлию Николаевну довели до кабинета Горького. Тут сидел, как сторожевой пес, чекист Кузьминский.

— Сейчас доложу.

Доложил, попросил Юлию Николаевну войти и сам вошел вслед за ней. Горького она застала за большим письменным столом. Направо и налево от него лежали кипы бумаг. Он принял ее радушно, как старую знакомую. Предложил сесть, указав на стул рядом с собою. Кузьминский тоже уселся.

Горький начал разговор с извинения, что завален срочной работой и не может уделить сейчас Юлии Николаевне достаточно времени, а хотел бы переговорить с ней об одном переводе, который он приготовит к следующему разу. Просмотрев свою записную книжку, он назначил Юлии Николаевне свидание в среду.

— В среду мне неудобно, - вмешался Кузьминский без всяких стеснений.

— Ну что же делать, - возразил Горький, - у меня нет другого свободного дня, а работа для Юлии Николаевны важная.

— Хорошо, - сказал Кузьминский, - я пришло Тихонова вместо себя.

Этого-то Горький и добивался. Как выяснилось впоследствии, он потому и выбрал среду, что Кузьминский был в этот день не свободен.

Когда Юлия Николаевна пришла в среду, у двери Горького ее встретил Тихонов. Повторилась та же церемония приема, с той только разницей, что теперь против Горького уселся Тихонов. После нескольких приветственных фраз, Горький, как бы спохватившись, обратился к нему:

— Сейчас же надобно съездить в редакцию, доставить поправку для срочной статьи. Пожалуйста, съездите и отвезите. Сейчас предупреду по телефону.

Тихонову, не столь твердому на этом посту, как Кузьминский, пришлось удалиться. Только он вышел, Горький вздохнул с облегчением: — Ну, теперь мы можем поговорить с вами...

Отъезд Юлии Николаевны за границу устроился. Несколько месяцев перед отъездом она прослужила в Москве в конторе при одном крупном гараже. В числе « директоров » был рабочий-коммунист, ничего в деле не понимавший. Он любил выпить; к Юлии Николаевне относился с уважением и доверием, особенно, когда бывал выпивши. В такие минуты, если случалось остаться с ней вдвоем в канцелярии, « директор » откровенничал: критиковал начальство, рассказывал о непорядках и воровстве и даже говорил о возможности восстания против советской власти!

* * *

Пребывание Юлии Николаевны в Москве, после освобождения, носило сначала конспиративный характер. Ее приютила у себя, тоже секретно, Е. П. Пешкова. Как раз тогда ей удалось добиться освобождения из тюрьмы большого друга Юлии Николаевны, Екатерины Константиновны Гильдебрандт,⁴ за которую она не раз заступалась. Когда

⁴ Е. К. Гильдебрандт происходила из дворянской помещичьей семьи. Второго ее мужа, командира броненосца « Андрей Первозванный », матросы убили в Гельсинфорсе; он был одной из первых жертв революции. Е. К. была женщина сильного характера и высоких нравственных качеств. Потеряв мужа, она осталась в России и жила в Петрограде, отдавшись воспитанию приемной дочери. Детей у нее не было ни от первого, ни от второго брака. У второго мужа оказалась незаконная дочь, прижитая от служанки и родившаяся незадолго до свадьбы. Узнав об этом, она настояла, чтобы муж усыновил девочку. Она взяла ее в дом и так полюбила, что все считали Е. К. родной матерью этого ребенка. В 1920 г. Гильдебрандт приняла католичество по латинскому обряду при церкви св. Екатерины. Свою дочь она тоже перевела в католичество. После этого она сделалась terciаркой-францисканкой. Познакомившись с о. Леонидом, стала его духовной дочерью. Девочка ее обращала на себя внимание своей религиозностью, хотя многие и переоценивали чисто детскую набожность. О. Алексей Зерчанинов находил в ней даже особые признаки святости.

Осенью 1922 г., незадолго до своего ареста, о. Леонид благословил Гильдебрандт открыть в Петрограде русское сестричество по образцу латино-польской « Конференции (по-русски: содружества) св. Викентия », в которой он уже раньше разрешил сотрудничать русским католикам. Русское сестричество открылось при церкви Св. Духа (на Бармалеевой ул.), тогда уже опечатанной, и было поставлено под особое покровительство св. Анастасии (Узорешительницы). Члены сестричества - тогда их было пять - собирались по квартирам, из осторожности - каждый раз на другой. Учредительное собрание состоялось на квартире Ю. Н. Данзас, но ни она, ни Башкова, по разъяснению о. экзарха, как монахини, не могли стать членами сестричества.

Члены сестричества обслуживали церковь св. Бонифация, где по воскресеньям

Юлию Николаевну, благодаря «нажиму» Горького, освободили досрочно, Пешкова отправилась в ГПУ хлопотать об освобождении Гильдебрандт, так как обе они были осуждены на тот же срок и по одному делу. Видный член ГПУ, с которым она говорила, согласился вполне с ее доводами:

— Уж если освободили такую сволочь, как Данзас, то Гильдебрандт и подавно можно!

Тогда же было решено выпустить Гильдебрандт на свободу из тюремной больницы, где она находилась. Пешковой удалось выхлопотать, для больной назначение ее в высылку не в дальние края, а в город Липецк (Тамбовской губернии), где у Гильдебрандт были дальние родственники.

Юлия Николаевна, узнав о состоявшемся освобождении Гильдебрандт, захотела повидаться с нею хоть мельком. Та, в свою очередь, узнав от Пешковой, посетившей ее в тюремной больнице, что Юлия Николаевна в Москве, тоже выразила горячее желание встретиться с ней. Однако, устроить это свидание было не только трудно, но и опасно вследствие дурной политической репутации Юлии Николаевны. Тем не менее, Пешкова все же рискнула. В тот день, когда был назначен переезд Гильдебрандт из тюрьмы на вокзал, Пешкова взялась сама ее

служил тогда о. Елифаный, убирала, стирали церковное белье, навещали больных, читали им св. Писание; когда нужно было, приглашали священника для исповеди и Причастия, принимали на себя заботу о похоронах и о заупокойных службах: помогали бедным, снабжая продуктами, лекарствами, одеждой; приготавливали детей к Причастию; вели духовные беседы с подростками; читали доклады на историко-религиозные темы и занимались с кружком православных, готовившихся к воссоединению со Вселенской Церковью. Средства сестричества, не считая одной полученной ими посылки «АРА», составлялись исключительно из сборов, произведенных во время заседаний и пожертвований вещами. О начавшейся деятельности сестричества о. Леонид написал митрополиту Андрею уже из тюрьмы: «Вот, Вам, Владыко, живая картина с натуры. И всю эту работу проделали за какие-нибудь три с половиною месяца пять почти нищих женщин, из которых только одна присоединилась к Церкви три года тому назад (Гильдебрандт), а остальные полтора года, год и даже 3-4 месяца... Да, души, способные к работе у нас есть!».

Все это послужило причиной ареста Гильдебрандт вскоре после Юлии Николаевны. Так же, как и она, Гильдебрандт получила 10 лет тюрьмы. В 1932 г. она находилась в Ярославском изоляторе: о ее пребывании там говорит о. Скальский. Тюремного режима Гильдебрандт не могла выдержать, здоровье ее совершенно расстроилось, ноги почти совсем отнялись, так что она только обременяла тюремные больницы. В тюрьме ей пришлось пережить большое горе. После ее ареста, приемная дочь осталась беспризорной, попала в комсомольскую среду и кончила тем, что сделалась яркой коммунисткой. Когда девочке минуло 14 лет, она отреклась от приемной матери и написала ей в тюрьму, что не желает ее больше знать.

проводить. Она поехала в тюрьму в своем автомобиле, предварительно запрятав в него Юлию Николаевну. К тюрьме они подъехали как раз в тот момент, когда больную выводили под-руки из ворот. Пешкова быстро подвела Гильдебрандт к своей машине и отворила дверцу. Подруги обнялись, перекинулись несколькими словами и простились, сказав: « Слава Богу за все! » После этого Пешкова услала свой автомобиль с Юлией Николаевной домой, а сама села с Гильдебрандт на казенную машину и поехала с ней на вокзал.

Кроме Гильдебрандт, Юлии Николаевне хотелось повидать еще сестру Башкову из петроградской Общины Св. Духа. Та тоже подверглась аресту, но только три года спустя после Юлии Николаевны. Ее присудили к трем годам тюремного заключения, а затем сослали на жительство в г. Брянск. Там ей удалось пристроиться к католической церкви и прислуживать латинскому священнику. Все эти годы она провела в крайней нужде и, по собственным словам, « безумно голодала ». Юлия Николаевна не скрывала, что при свидании обе они пролили « немало слез », « вспоминая прожитые вместе тяжелые времена и гнет Подливахиной ». На прощание, Башкова, без всяких слов, показала свою сердечность одним фактом, который произвел на ее подругу сильное впечатление. При аресте в 1923 г., Юлия Николаевна передала Башковой свои золотые часы, которые носила на черном ремне, скрывавшем золото (заменить их простыми металлическими не было возможности, так как в продаже не было тогда никаких часов). И вот оказалось, что несмотря на все пережитое: тюрьму, голодовку, при отсутствии надежды еще когда-нибудь встретиться в этом мире, Башкова все время бережно хранила часики Юлии Николаевны и теперь, при этом свидании, торжественно вернула их ей. Это было последнее, оставшееся у Юлии Николаевны от бывшего богатства и красивого прошлого.

* * *

В 1914 г. Юлия Николаевна списалась с проф. Гарнаком о приезде осенью в Берлин для совместной работы в *Kirchenväterkommission*, издававшей интересовавший Юлию Николаевну полный перевод Оригена. Война помешала их встрече. Спустя 20 лет, она оказалась снова в хорошо ей знакомом Берлине. Гарнака в живых больше не было. Перед Юлией Николаевной стояли теперь иные вопросы. Она прибыла сюда странницей из другого мира, который здесь представляли себе с трудом. Встретил ее в Берлине родной брат, который ее « выкупил ». Мало что оставалось от изящной, стройной, все еще прекрасной собою, темпераментной тридцатипятилетней барышни-спортсмена, какой она была

в начале войны. Глазам Якова Николаевича предстала его сестра, около 50-ти лет, сильно изменившаяся за это время. Это была пожилая женщина, склонная к полноте, что было особенно заметно при ее небольшом росте. Вся внешность Юлии Николаевны говорила о том, что она пережила и откуда вырвалась. Однако, несмотря на все, ею владела только одна мысль, ради которой она находилась теперь за границей. Остальное в ее сознании было подчинено этому. Здесь, где Церковь свободна, она стремилась поскорее посвятить себя ей, хотела отдать в монашестве свои знания, опыт, все - Богу. Немедленно по приезде, Юлия Николаевна отправилась во французское посольство и обратилась там к *aumônier* (духовнику), доминиканцу о. Менн. Она попросила его написать в Рим и выяснить, что ей следует делать, куда ехать. Выслушав рассказ Юлии Николаевны, о. Менн согласился исполнить ее просьбу, но попросил предварительно изложить письменно пережитое за годы изгнания и пребывания на советской каторге.

Юлия Николаевна села за работу и через два дня было готово то, что потребовал о. Менн. Этот отчет, почти целиком, послужил основанием изданного ею впоследствии очерка «*Bagne rouge*» («Красная каторга»). Недели через две, о. Менн получил ответ из Рима от настоятелей доминиканского ордена с указанием, что Юлии Николаевне надлежит отправиться во французский монастырь в *Prouille*, где ее согласны принять.

Явился новый вопрос, как и на какие средства добраться до места назначения. Для этого нужны были не только деньги, но и виза во Францию. В качестве документа Юлия Николаевна имела советский паспорт, вызвавший подозрительное к ней отношение. А вскоре ей пришлось не без горечи убедиться, что если бы она «приехала сюда с капиталом денежным, а не духовным, то отношение к ней было бы иное». Увы, не она первая испытала это на себе, не она была и последней. «Заграница» смотрела на нее теперь другими глазами, чем это бывало прежде во времена царской России. Однако брат Яков и тут пришел ей на помощь. Несмотря на уже понесенные расходы, он все же нашел возможность одеть ее, снабдить необходимым на дорогу и оплатить проезд. Оставалось только получить визу, но это оказалось самым трудным. Французское консульство потребовало от Юлии Николаевны предъявить удостоверение, что она действительно едет во Францию по чьему-то приглашению и что это лицо принимает на себя ее содержание и гарантирует благонадежность. По совету о. Менна, Юлия Николаевна написала приорше Прульского монастыря и попросила удовлетворить требованию консульства. Та немедленно ответила, но ограничилась указанием, что если *Mlle Danzas* действительно желает

ознакомиться с монашеской жизнью, то она готова предоставить ей эту возможность. Консул, прочитав ее письмо, отказал Юлии Николаевне в визе.

Создавалось, как-будто, безвыходное положение, стоившее Юлии Николаевне многих горьких минут. Ведь та свобода, о которой она годами мечтала на каторге, была для нее равнозначной возможности оказаться в католическом мире, как в духовной отчизне. То, что Юлия Николаевна мечтала ей дать, заняв в ней заслуженное место, начинало казаться совсем ненужным этой отчизне, выражавшей как-будто полное равнодушие, когда она стояла, наконец, свободной у самого порога и стучала в закрытую дверь.

Яков Николаевич снова принялся за дело. Его усилиями удалось добиться формального «приглашения» и «*garantie d'entretien*» от проживавших в Париже родственников. На основании этого консул согласился дать Юлии Николаевне кратковременную визу - на 6 недель!

★ ★ ★

В Prouille Юлию Николаевну приняли ласково, но встретили с некоторым недоумением, если не разочарованием. Настоятельница сказала Юлии Николаевне, что действительно, в 1923 г., она получила распоряжение принять сестру Данзас для ее монашеского оформления, имея в виду в дальнейшем основание доминиканского монастыря в России.⁵ Они ждали ее приезда, но потом получили известие, что сестра Данзас арестована и сидит в тюрьме, а впоследствии, что она умерла мученицей на каторге. И вот с тех пор, молясь о пополнении монастыря (чахнувшего от недостатка новых поступлений), они взывали к сестре Данзас, считая, что она стала «прославленной мученицей». Разочарование прулльских матерей нетрудно понять: после стольких лет молитвенного общения с «прославленной мученицей» и, как они надеялись, их небесной покровительницей и заступницей, от которой ожидалось, что она приведет в Prouille молодых монахинь, сама сестра Данзас пополнила их своим появлением и притом в весьма земном образе мученной, старой и ненужной им женщины, с которой они, по совести,

⁵ В 1923 г., соглашаясь с намерением Юлии Николаевны уехать за границу, о. Леонид рекомендовал митрополиту Андрею дать ей там хорошую монашескую подготовку, основательно ознакомить с монастырским уставом, а затем, когда это окажется возможным, вернуть обратно в Россию для устройства современного женского католического монастыря, приспособив доминиканский устав к русским условиям жизни.

не знали, что делать. Не оставалось, конечно, ничего другого, как принять ее с братской любовью, хотя бы уже потому, что Юлии Николаевне просто некуда было деться.

Тем не менее, ласковый прием не мог никак искупить то разочарование, с которым Юлии Николаевне пришлось встретиться здесь и которое только усугубило трагичность (как ей казалось тогда), ее положения. Юлия Николаевна не только не нашла тут никакой умственной работы, которой жаждала, но оказалось, что таковая запрещена. Строгое соблюдение монастырского расписания занимало 5-6 часов в день. Все остальное время посвящалось рукоделию и обычным женским работам по хозяйству, непременно совместно, по группам. Одиночество, к которому она так стремилась, было совершенно исключено в этой монастырской среде.

Говорить о том, что строгость режима (к тому же условная и относительная) могла быть трудной человеку, прошедшему стаж советских тюрем и каторги на Соловках и Беломорском канале, конечно, не приходится. С этой точки зрения, практиковавшаяся в Прулле суровость жизни была для нее не более, как игрой в суровость. Но для профессора университета и бывлой собеседницы Дюшена и Гарнака (и даже Максима Горького), постоянное пребывание в обществе старых дев, кристальночистых, но с совершенно детским кругозором, в полной отрезанности от духовной жизни мира оказалось невыносимой пыткой: не было тут ни газет, ни новых книг, хотя бы религиозных. Единственной интеллектуальной пищей являлось чтение в столовой во время еды (« Но что там читалось! » - вырвалось однажды у Юлии Николаевны при воспоминании об этих днях). Впоследствии, в разговоре с доминиканцами о прулльском монастыре, она выяснила, что на него смотрят, как на пережиток прошлого, что все изменится, когда вымрет поколение этих старых доминиканок.

Однако, такое объяснение не могло не вызвать в уме Юлии Николаевны новый вопрос: ее-то, зачем же было направлять к ним? Или не вникли в ее положение или хотели просто отделаться от нее, дав ей убежище? Да и сами прулльские матери, как ни далеки они были от того мира, в котором продолжал витать дух Юлии Николаевны со всеми задачами, которые теперь раскрывались ее уму, тоже недоумевали, почему нельзя было лучше использовать ее знания и способности. У них могли цениться только хорошие рукодельницы, а как раз в женских рукоделиях Юлия Николаевна ничего не смыслила. Она так плохо владела иглой, что ее приспособили к плетению соломы для шляп. В этом только и состояла ее работа за все пять месяцев пребывания в монастыре. Правда, она как-то успела написать очерк о советских тюрь-

мах и переслать его князю П. М. Волконскому, с которым встретилась и подружилась в Париже. Абсолютное отсутствие умственной жизни оказалось для Юлии Николаевны настолько ужасным, что на свое пребывание в монастыре она стала смотреть как на духовное самоубийство. Вот что она написала князю Волконскому в первом же письме из Prouille:

« Здесь мне совершенно нечего делать, так как кроме богослужений нет никаких занятий мало-мальски умственных: только женское рукоделие, к которому я приспособлена ровно столько же, сколько и Вы! К счастью начальство премилое, само смеется над этим недоразумением и ищет из него выхода ».

Когда в июле 1934 г. главный настоятель ордена доминиканцев посетил Пруль, приорша указала ему на положение вновь прибывшей русской монахини. Однако поговорить им пришлось только вскользь, так как посещение настоятеля было первым и относительно кратким: он пробыл в монастыре всего три часа. Ему чуть ли не насильно представили Юлию Николаевну.

Вот ее впечатление в очередном письме к Князю Волконскому: « Новая беда: он (генерал) промчался как метеор, по просьбе духовника с трудом уделил мне две минуты, при чем заявил, что собственно говоря, ничего обо мне не знает (даже о моих русских злоключениях!) ».

Юлия Николаевна написала из монастыря письмо епископу Слоскану, прося устроить ей перевод в другой доминиканский монастырь более активного типа.⁶ « Я знаю, что он меня крепко любит! » - заметила она по этому поводу в письме к кн. Волконскому. Однако, в своем ответе епископ Слоскан не только не пошел навстречу ее желанию, но решительно возразил против намерения Юлии Николаевны. Он потребовал от нее « работы на русской ниве », указав, что она *вообще* не создана для монастырской жизни. Письмо это заставило Юлию Николаевну задуматься и взглянуть на свое положение под новым углом. По поводу « русской нивы » она сразу согласилась, добавив: « это - именно то, чего я жажду »! « Епископ Слоскан - несомненно святой, и потому его указание для меня особенно ценно. Он только ошибается, говоря о невозможности

⁶ Освобожденный 29 октября 1930 г. с правом выбрать себе самому место жительства, епископ Слоскан отправился с Соловков в Могилев, где вскоре был опять арестован. Пройдя через ряд тюрем и допросов, был приговорен к трехлетней ссылке в Сибирь. Его переводили с места на место в самых ужасных условиях и в конце концов, после многих мытарств, передали 22 января 1933 г. на пограничной станции латышским властям. Понадобилась бы целая книга, чтобы передать хотя бы вкратце все выстраданное им в советском аду.

для меня монастырской жизни *вообще* : он знал меня хорошо, но давно, и не знает, какие глубокие изменения в моем характере произвело долготное заключение, четырехлетняя одиночная камера и т. д., не говоря уже о презрении к людям. Я вполне искренно желала ухода из мира, и ясно вижу, что могла бы быть вполне удовлетворенной монашеской жизнью, если бы в ней было хоть немного одиночества и поменьше хозяйственной суетни. Но, повидимому, это к лучшему, что под видом « созерцательной » жизни я попала в обстановку нестерпимо-суетливого бабьего хозяйства, и ни секунды не могла загипнотизировать себя уверенением, что Богу или людям нужно мое духовное самоубийство в виде приспособления к такой нелепой обстановке. Сознание мое могло поэтому более ясно услышать призыв к настоящему моему пути ».

Нам кажется, что епископ Слоскан, и сам прошедший за минувшие годы, так сказать, « нерукотворный » духовный стаж, в данном случае не ошибался, ибо видел яснее, чем сама Юлия Николаевна, то, что было от нее тогда еще скрыто. Ведь в сущности, ее измученная душа искала в монашестве « тихого пристанища » в « житейском море, воздвигаемом напасти бурей »; она хотела уйти от мира, от этой страшной, пережитой ею, « напасти », чтобы, при наличии известных условий (ею самою поставленных!) найти себе удовлетворение в монашестве, которое она, в конечном итоге, понимала как одиночество, благоприятствующее умственной деятельности. Монашество же, с его средствами умерщвления « ветхого человека », подвигом самоотречения в « послушании », чтобы утвердиться в смирении, другими словами, чтобы понять правильное отношение к « Начальнику Жизни » (говоря русским церковно-молитвенным языком) и потом поддерживать это отношение, - не является конечной целью, а лишь средством, ведущим к цели единения с Богом и дать Ему « сотворить обитель » в душе, творя дела любви, и таким образом спасать другие души и мир. Путь этот, по существу такой ясный и простой и для всех одинаковый, в применении к отдельным лицам разветвляется в соответствии с бесчисленными разновидностями человеческих душ.

Юлия Николаевна прошла уже в этой науке « высшую школу » специально для того, к чему ее годами готовил Сам Господь, этот несравненный Божественный Педагог. После этого ей было бы просто смешно поступать куда-нибудь в начальное училище. Это было бы немного похоже на то, как если бы, скажем, творца « Братьев Карамазовых » вздумали учить грамоте, чтобы приготовить на место писца в какой-нибудь канцелярии. Тонко выразил эту мысль епископ Дэрбиньи в своем ответе (из Ниццы, 27 июля 1934 г.) на письмо к нему Юлии Николаевны:

« Сестра моя, да, вот уже годы, что я молюсь о Вас, благодаря Бога за все удивительные дары благодати, до самого дикого и злого из всех гонений включительно, которые Он уже долгое время расточает Вашей душе... Я знал о принесении Вами себя в жертву Богу и о том, как Он отвечал Вам на это посылаемыми испытаниями ».

Весь крестный путь Юлии Николаевны был благодатным путем очищения, освящения и соединения ее души с Богом. Господь употребил сильные средства, чтобы достигнуть великого за короткое время. Теперь же, в течение того десятка лет жизни, который у нее еще оставался в этом мире, ей нужно было в совершенной « денежной бедности » исполнить ту задачу, для которой она, не в пример прочим русским католикам, была « выкуплена из советского ада ». Что же касается одиночества, к которому Юлия Николаевна, по-человечески, не могла не тяготеть, то она скоро нашла его не в монастырском затворе, а в человеческой толпе духовно слепых, глухих, бессовестных и тупых людей (последние ее, видимо, особенно удручали!). Бескомпромиссная, прямая и последовательная до конца, она не могла, не умела (и не хотела!) приспособляться, или подлаживаться, как другие. Уделом ее было гореть жертвенным огнем - страдать и терпеть. В частности, эти свойства натуры сказывались и в отношении ее к московской общине тех же доминиканок. Это тоже отметил епископ Слоскан в письме к автору по поводу прочитанных им показаний Юлии Николаевны:

« Нельзя ничего возразить против фактов; все переданные ею факты безусловно так и были в действительности. Но вывод слишком строгий: в ее оценке нет отметок на тройку (удовлетворительно), все или на пятерку или на двойку. О. Экзарх вышел во всем на пятерку, сестры-монахини - на двойку ».

Тут, однако, нельзя упускать из виду, что строгость Юлии Николаевны в отношении сущности дела, принципа, начиналась всегда с нее же самой. Эта строгость была в духовном взоре строго-научного наблюдателя - историка, философа, метафизика. Немоощь человеческую она не судила. Дух милосердного самарянина в ней не оскудевал никогда. Будучи сама физически здоровой, сильной и выносливой, она не отнеслась презрительно ни к одному немощному, но всякому старалась помочь, чем только могла. Будучи освященной и чистой духовно, она не отстранилась брезгливо от проститутки Смык, но стала ей « матерью » во Христе, сию вернуть Богу погибавшую, искалеченную людьми душу, которую та и отдала Ему у нее на руках с « Ave Maria » на холодевших устах.

Но в отношении, если можно так выразиться, « монастырского монашества » Юлии Николаевны, владыка Слоскан, несомненно, был

прав. Особенно теперь, « после глубоких изменений в ее характере », оно было не для Юлии Николаевны и она была не для него. Вскоре она и сама поняла, почему Господь, чтобы помочь ей найти тот путь, который Он ей предуготовил, направил ее именно в Пруль. В « идеальном » - по ее понятиям - монастыре она могла бы себя потерять. Здесь же « антитеза » вела ее к « тезе », удержав от « духовного самоубийства ». Вот несколько отрывков из ее прулльских писем к князю Волконскому (31 июля - 5 августа 1934 г.):

« Я чувствую призыв Господень, чувствую, что прогневила Его, ища покоя, а за последние дни твердо знаю, что мне надлежит сделать... Говорю это Вам сейчас для того, чтобы объяснить мое душевное настроение: сколько бы мне не пришлось еще пострадать, мой путь теперь мне ясен, - путь, осмысливающий всю мою жизнь и все пережитое с юных лет. Я сейчас в том состоянии *уверенности* в своем деле, когда всякие затруднения кажутся легко преодолимыми. Главное - выбраться отсюда, так как, сидя здесь, я беспомощна, как птица в клетке, в этом затворе не только от внешнего мира, но даже от церкви. Ведь мы в церковь не ходим, службы не видим, только слушаем издали через двойную решетку и густую черную занавеску. Каково мне, посвятившей себя издавна Святой Чаше, никогда ее не видеть хоть издали!

Практические возможности: никаких, кроме великой жажды отдать свою жизнь. Владеем только платьем, в котором выйду из здешней ограды. Рада бы пойти пешком, но в наше полицейское время это немислимо. Имею в виде документа советский паспорт, вызывающий подозрительное ко мне отношение!

И вот, несмотря на все эти невозможности, я, нищая старуха, все-таки убеждена, что дойду до конца пути, потому что этот путь предугазан. Какая великая радостная вещь вера! Как не жаждать жизнь и душу отдать, чтобы другим людям открыть эту радость веры!

Без всякого ложного стыда могу сказать, что я могла бы быть использованной в размере, превышающем расходы на мое скромное монашеское содержание, хотя бы благодаря возможности писать на нескольких языках и глубокому знанию русской Церкви.

Может быть меня можно было бы пока пристроить на роль церковной сторожихи или уборщицы до выяснения возможности использования на умственной работе. Лишь бы иметь кров и черствую корку хлеба, все остальное - ненужная роскошь. А обслуживать церковь и алтарь было бы для меня величайшей радостью и гордостью.

Здешний духовник, очень почтенный и мудрый и относящийся ко мне с сердечной чуткостью, все время строго напоминает мне притчу о талантах и поощряет всякую мою попытку выбраться из создавше-

гося положения, считая, что я несомненно призываюсь на какое-то дело.

Решила доказать Вам и Татьяне Дмитриевне, какими *близкими* друзьями я Вас считаю, и посылаю Вам то, что было мною записано 25 июля, после такого душевного переживания, о котором распространяться не буду. Вам будет яснее, в каком именно направлении работает сейчас моя мысль, моя душа. Я вовсе не думаю увидеть своими глазами то, что я здесь записала: дай Бог только высказаться, бросить семя, а взойдет оно, конечно, не на моем веку.⁷

Вы-то меня понимаете оба! Да пошлет Господь Вам и Т. Д. светлую радость за тот свет и тепло, которое Вы мне даете... Бегу на кухню чистить овощи... Душевно преданная и признательная Вам выше всяких слов, Ваша любящая сестра во Христе...».

Вскоре после посещения доминиканского генерала, настоятельница сказала Юлии Николаевне, чтобы она написала ему, изложив положение, в каком она оказалась, и спросить, неужели у них в ордене не найдется возможности как-нибудь использовать ее способности на службе Церкви. На ее письмо пришел краткий ответ: генерал поручил «сестру Иустину» о. Дюмону в Лилле. Для него-то она была тогда чистой находкой! Он не замедлил и сам прибыть в Пулуль и забрать ее в Лилль для работы в Centre dominicain d'Etudes russes (дорогу туда оплатил монастырь; на его же средства снабдили Юлию Николаевну и необходимой одеждой). Вспоминая происшедшее с ней в те памятные и нелегкие дни, она записала 31.12.1937 в Париже:

«И вот, бывшая сестра Иустина превратилась в Mademoiselle Danzas, принужденную думать даже о шляпке, платье и прочих давно забытых вещах...

Она лично ничего не изменила, с ее стороны никакого отхода не было; она продолжает считать себя монахиней и надеется, что хотя в Церкви ее положение только доминиканки-терциарки (т. е. полуми-

⁷ Автор читал все ею написанное. Юлия Николаевна пережила тогда сильный мистический момент, в котором ей было дано ощутить и воспринять душевно то духовное, что, нормально, не воспринимается чувствами. Это дало ей немалое утешение, укрепившее в сознании, что работа ее может принести в будущем ценный плод. Однако, будущего она не могла видеть и узнать, какой именно будет ее личная миссия на закате земной жизни. Оценив ее правильно по существу, Юлия Николаевна дала некоторую волю фантазии. С кем этого не бывало, прежде всего для того, чтобы, допущенной ошибкой воспитать себя в совершенной «трезвости». Поэтому автор не останавливается на подробностях, для которых не хватило бы места в этом кратком заключительном очерке.

рянки), но в глазах Божиих она является монахиней, т. к. полагает, что не изменила раз данным обещаниям »).

Несомненно, Юлия Николаевна права в том, о чем говорит в этих строках: в глазах Божиих она была монахиней, ибо сам Господь внедрил монашество в ее сердце, где и был запечатлен неписанный устав ее личного иночества. Данным обещаниям она, действительно, не изменила, ни тогда, ни когда-либо вообще до конца своих дней.

* * *

Работа Юлии Николаевны в « ИСТИНЕ » - доминиканском центре изучения России - началась осенью 1935 г.⁸ Используя отчет, составленный ею в Берлине по указанию о. Менна, Юлия Николаевна написала свои воспоминания узницы в стране Советов в виде очерка под заглавием « *Vagne rouge* » (« Красная каторга »). « Истина » издала его как 1-ый выпуск своих сборников и представила читателям автора в следующих вступительных словах:

« Рассказ, который будет прочитан здесь, написан женщиной высокой культуры, прекрасно знающей СССР, ибо она там жила, страдала и занимала разные должности в советской администрации. На этом основании он заслуживает особого внимания.

В то время как искусная пропаганда старается создать в массах мнение, что в советской России свобода совести не насилуется никаким преследованием, этот волнующий рассказ, несущий в самом себе неоспоримый знак подлинности, является наилучшим из всех возражений.

От себя добавим, что автор нам лично известен и мы несем полную ответственность за его абсолютную правдивость.

⁸ Центр « ИСТИНА » был образован группой отцов-доминиканцев восточного обряда во главе с о. Христофором Дюмоном для изучения вопросов, связанных с Россией, с точки зрения моральной и религиозной. Это изучение преследовало апостольские цели двоякого рода: 1) содействовать победе веры над марксистским материализмом и 2) продвигать столь желательное возвращение православия к католическому единству. Органом этого центра был с 1934 по 1950 г. (с перерывом во время войны) трехмесячный журнал « *Russie et chrétienté* », документированные статьи которого давали точную и живую информацию о религиозном прошлом России и следили за современными событиями, развивавшимися в СССР и имевшими большое значение для христианского будущего русского народа. Кроме этого, « ИСТИНА » издавала время от времени сборники, содержавшие статьи и документы, значение и размер которых выходило из рамок журнала. С 1948 г. этот центр издает ежемесечный бюллетень « *vers l'Unité chrétienne* », а с 1956 г. - трехмесячный журнал « *Istina* », посвященный более широким проблемам современного экumenизма.

Да просветят эти страницы те здравые умы, которым грозит опасность быть введенными в заблуждение ложною пропагандой ».

Такова была трибуна, на которую о. Дюмон поставил свою новую сотрудницу. На очерк Юлии Николаевны обратили внимание, и он сделал большое дело. Еще до конца 1935 г. вышел из печати английский перевод, за которым последовали и другие. Одновременно с этим очерком Юлия Николаевна написала на ту же тему произведение более личного характера - « Письма из тюрьмы », но отказалась от мысли их издавать:

« Мне просто жутко выставлять так частицу моей души, - сказала она кн. Волконскому; - пусть лежат они неизданными до моей смерти. Я их не уничтожу, но издавать не хочу ».

Следующим крупным произведением Юлии Николаевны был « Религиозный путь русского сознания », составивший 2-ю книгу сборника « Истины ». В ней Юлия Николаевна подвела в сжатой форме итоги своего многолетнего и всестороннего изучения России и ее духовного прошлого. Она начинает повествование Крещением Руси и доводит его до послереволюционной церковной смуты, которая прошла перед нами в очерках-отчетах о. Леонида и которой сама она посвятила впоследствии дополнительную главу. Юлия Николаевна отмечает тот факт, что конец русского цезарепапизма, совпавший с падением царской власти, вопреки ожиданиям, не внес никакой перемены в религиозном сознании русских. Обострившееся у них национальное чувство и религиозное гонение усилили их приверженность к православной Церкви, отождествляемую с этим чувством. С другой стороны, тема о соединении Церквей, охватившая теперь русских мыслителей, трактуется ими как союз разветвлений христианства, противопоставленного римско-католической Церкви. Господствующие православные мыслители выражают при этом идеи, мало отвечающие учению православной Церкви, как его излагали богословы, имевшие на то право. Православная же Церковь молчит, лишенная центральной власти, достаточно авторитетной для того, чтобы высказать решение, обязательное для всех верных.

Юлия Николаевна также обращает внимание на огромную массу русского народа, стоящего некоторым образом позади интеллигентов и обессилевшей русской Церкви. В течение долгих веков русский народ жил собственной традицией, которая была и чуждой философским умозрениям интеллигентов и мало послушной велениям пастырей Церкви (раскол, сектанство, оторвавшее массу народа от русской Церкви в послениконовское время, когда монастыри оказались в открытой борьбе с Москвой и царские войска десяток лет осаждали Соловки,

с которыми после « победы » расправились беспощадно). Перед Юлией Николаевной вырисовываются таким образом три течения русской духовности, представленные официальной церковной властью, богословствующими интеллигентами и народной традицией. На протяжении веков они временами то сливались и смешивались, то расходились, доходя до взаимной борьбы, и подразделялись до бесконечности. Поэтому, чтобы понять религиозное устроение России, нужно подняться к истокам русского прошлого и подвергнуть анализу те элементы, которыми оно питалось. Этот-то анализ и составляет содержание восьми глав ее книги (византийско-славянская христианизация; национальная церковь; « Третий Рим »); великий разрыв (раскол); синодальная церковь и светское общество; народная духовность; национальная философия; светское богословие).⁹

⁹ Этому вопросу Юлия Николаевна посвятила специальный очерк в последнем номере « *Russie et chrétienté* » за 1935 г. В нем она говорит о выходявшем тогда в Париже журнале « ПУТЬ », органе русской религиозно-философской академии. Разобрав помещенные в нем статьи, Ю. Н. пришла к обоснованному выводу, что собранная здесь группа русских интеллигентов, в подавляющем большинстве, может лишь в незначительной мере считаться выразителями традиционной православной мысли. В то же время она указала на опасность, какую принятое ими направление представляет для русского православия. Один из входивших в состав этой группы, Николай Бердяев (что бы ни писали теперь об его апостольских заслугах во внецерковном христианстве), к которому суждения Ю. Н. относятся, пожалуй, больше всего, не остался в долгу, и напечатал на страницах того же « Пути » (№ 51 за 1936 г.) рецензию на ее « Религиозный путь русского сознания ». Конечно, Бердяев должен был признать, что « у нее есть и верные мысли ».

« Верно, - говорит он, - что католичество у нас плохо знали и были к нему несправедливы. Г-жа Данзас совершенно справедливо обличает рабью и постыдную зависимость православной церкви от государства и крайнюю национализацию церковного сознания, ослабление идеи вселенскости. Верно и то, что обрядовые, ритуализм играли слишком большую роль в Московский период, который г-жа Данзас ошибочно (почему?) считает самым важным в истории русской церкви ».

« Написана книга умно и с внешним знанием предмета, но она очень тенденциозна и дает неверную картину, в ней искажена общая перспектива в угоду идеям автора. Автор - русская католичка, претерпевшая страдания на Соловках за свои религиозные убеждения, и вся книга проникнута специфическим духом русского католичества с его миссионерскими целями ».

« Точка зрения г-жи Данзас слишком провинциально-русско-католическая » (Мы бы скорее сказали, что она слишком церковно-вселенская для провинциально-национального устроения).

Русское же православие, по мнению Бердяева, « сложно по своему внешнему составу, в нем есть несколько элементов - монашеско-аскетический, византийский по происхождению, космический, обращенный к освящению и просветлению твари, с которым связана и народная религиозность и софиология религиозной интеллигенции, и историсофско-эсхатологический, обращенный к исканию царства Божьего.

Конечно, резюмируя тысячелетнее прошлое России, Юлия Николаевна могла очертить в сотне с небольшим страниц своей книги лишь главные моменты развития русской мысли. Многие этапы ее длинного пути сквозь столетия остались у нее совсем незатронутыми. Она не останавливалась и на деталях идеологических столкновений, не каса-

Г-жа Данзас не разбирается в этих элементах » (Послушать Бердяева, выходит, что и святые Отцы тоже плохо разбирались в православии).

« Русскую религиозную философию г-жа Данзас не понимает, ей совершенно чужда ее *проблематика*. С точки зрения своего *консервативного католичества* она вообще не допускает новой проблематики в религиозном сознании... Не допускает возможности никакого другого богословствования, кроме католического или протестантского. В оригинальной русской мысли конца XIX и начала XX в. г-жа Данзас видит гностицизм, в чем она сходится с обвинениями *обскурантских православных кругов* » (Все в этих цитатах подчеркнуто автором).

Проблематика Бердяева и других таких же « оригинальных мыслителей », конечно, чужда строго научному и церковному мышлению Ю. Н. В их богословствовании она ясно различает все более настойчивое проникновение в русское религиозное сознание отнюдь не оригинальных идей, заимствованных у модернизма, у либерального протестантизма и соединенных с богословским умствованием, проистекающим из славянофильства, мессианских мечтаний и отдаленного влияния гностиков. Все эти идеи ей давно были известны, и в них она хорошо разбиралась. Она правильно отмечает, что гегелевская диалектика, перенесенная в свое время на русскую почву, породила формулу, по которой Святая Русь была тезой и в отношении которой латинский мир оказался антитезой, тогда как синтеза следует ожидать в будущем, когда русская душа станет оплодотворять мысли человечества. Ю. Н. отметила, что русская религиозная философия ориентируется на это туманное будущее, вовлекая в него и богословские доктрины, не имеющие ничего общего с распыляемыми понятиями светских философов. Удивительно, как Бердяев, в своей внецерковности, потому ли что не заметил или не хотел заметить, прошел без внимания мимо одного ценного указания Ю. Н., имевшего прямое к нему отношение:

« Русское религиозное сознание должно поставить себе ясно вопрос о том, что же такое для него Церковь - абстракция или живая реальность. Только решив этот вопрос, оно сможет найти утраченные им подлинные традиции и восстановить ясное осознание вечных истин ».

Бердяев был и остался до смерти внецерковным мыслителем. Строго-церковный голос Ю. Н. показался ему исходившим « от иностранца », « чуждым », « со стороны », « издалека ». Говорят, что Бердяев помог многим, блуждавшим вне Церкви, подойти к принципам христианства, проникнуться ими. Многие были ему благодарны, сделались своеобразно верующими. Он много писал, печатал. Его переводили, книги его хорошо продавались. Однако, всем этим нисколько не ослабляется сила суждения Ю. Н. о тех, кто не хочет или не может познать и признать живую реальность Церкви Христовой.

В связи с этим небезинтересно отметить недавний отзыв о Н. А. Бердяеве, принадлежащий Л. Сабаневу и напечатанный в « РУССКОЙ МЫСЛИ » (№ 1318 от 17.I.59). Повидимому Л. Сабанев хорошо знал и понимал Бердяева. Его отношение к нему проникнуто личной симпатией, а « Воспоминания и мысли » о нем написаны

лась отдельных суждений, не имевших длительного влияния на развитие русской мысли. Тем не менее, ей все-таки удалось охватить его всесторонне и в достаточной мере, чтобы дать ответ на поставленный ею вопрос - действительно ли русское религиозное сознание относится непримиримо к воссоединению церквей? Из очерченной ею картины видно, что распря Востока и Запада, перенесенная на русскую почву и питавшаяся политическими мотивами, создала умонастроение, которое может казаться враждебным всякому сближению с Римом. Тем не менее, в этой картине остается характерным, что в оформлении русского религиозного партикуляризма догматические расхождения не имели никакого значения. В настоящее время бывшие политические факторы принадлежат уже давно минувшему прошлому. Поэтому возможность сближения России с Римом она рассматривает с точки зрения психологической, считая ее теперь решающей.¹⁰

Юлия Николаевна находит сильно преувеличенным опасение, что оппозицию умонастроения труднее преодолеть, чем ту, которая обосо-

очень мягко. В них высказан ряд суждений, которые нельзя не признать очень разумными:

« Н. А. Бердяев, как религиозный мыслитель, формально не выходил из лона христианства, даже более узко: из лона православия. Но стиль его религиозного мироощущения трудно признать христианским и православным: в нем скорее ощущается некий *демонический элемент*. - « Его культ свободы и личности ... совершенно не укладывается в христианское учение о смирении и покорности воле Божией. Напротив, тут чувствуется дух самоутверждения и независимости - комплекс сатанических элементов, дух гордости и независимости. И именно этот дух, повидимому, привлекал к нему симпатии довольно широких человеческих масс. » - « ... Идеи Бердяева никак не сопрягаются с тем, что мы привыкли понимать под христианским вероучением ». - « Бердяев не примиряется с тем, что человек - *раб Божий*. Он не желает быть рабом. Тут он, повидимому, невольно повторяет по своему адресу древнюю легенду об отпадении Сатаны от Бога вследствие *гордыни*. Христианское смирение ему органически чуждо и более того - враждебно. Бог и человек - равноправные творцы и, по его мнению, - *человек может творить вещи, неведомые и самому Богу*. Все эти тезисы Бердяев возвещает без всяких даже попыток к доказательствам, так что создается впечатление, что у него с Богом очень интимная близость и дружеские отношения. Он прямо изрекает истины, ему открытые кем? Конечно, только не Духом Святым! ». - « ...Лейтмотив его мыслей - скорее демонический, нежели христианский... » - « ... Примеров расхождения Бердяева с христианством достаточно, чтобы считать его не только еретиком, но и вовсе не христианином ».

Таково в кратком изложении Л. Сабанеева существо того духа « новой проблематики (!) в религиозном сознании », который выступил на страницах « Пути » против « консервативного католичества » Ю. Н. Данзас и « обскурантизма православных кругов ».

¹⁰ На это у того же Бердяева есть готовый ответ, и он смело относит его к произведению Ю. Н.:

вана разумными доводами, тем более, что оппозиция умонастроения у русских, как она это ясно показала в своем труде, не представляла никогда постоянной величины, а менялась на протяжении веков. В русском умонастроении – как в народном мистицизме, так и в христианской философии интеллигентов, всегда выявлялось стремление к христианскому единству, к универсализму. Даже в ту эпоху, когда русский партикуляризм поддерживался империалистической мечтой о « третьем Риме », он был все же доступен влияниям, шедшим с Запада, хотя и протестантского характера. В них русский партикуляризм находил свое сродство с Западом. Недоверие и даже неприязнь возбуждала в нем только Римская Церковь. Ему казалось, что он видит в ней искажение универсализма христианского духа. Тут Юлии Николаевне бросается в глаза стена непонимания, отделяющая русский партикуляризм от римской вселенскости. Разрушить ее можно, по ее мнению, только показав русскому сознанию то, что оставалось ему всегда неизвестным: мистическую жизнь Церкви с ее святыми. Знакомство же с ними, в свою очередь, покажет русскому партикуляризму всю необоснованность его обвинений Римской Церкви в рационализме и сухости.

Юлия Николаевна отдавала себе, конечно, отчет в том, что путь, ведущий к единству, долог и что на нем немало затруднений всякого рода. Она хорошо понимала, что вековые предубеждения нельзя преодолеть в несколько лет. Она не ждала крупных успехов в эпоху потрясения, захватившего до глубины израненую русскую душу и не дающего ей спокойно сосредоточиться. Оглядываясь на пройденный ею самую путь от рационализма к Вселенской Церкви, Юлия Николаевна была вправе сказать, что лояльное изучение подлинного предания Восточной Церкви способно очистить русское сознание и от лежащих на ней продуктов невежества и от произвольных добавлений. Очистившись таким образом, оно должно будет неизбежно найти утерянный им путь к единству Церкви:

— свойственным ему стремлением к универсализму, не угасавшим никогда и в худшие дни национального эгоизма;

— мистическим учением, теплившимся в русских монастырях, который в своих основах соответствует западному мистицизму;

« Книжку можно прочесть с интересом, но нужно все время иметь в виду цель, какую поставил себе автор, - пропаганду для России католичества, как единospасяющей силы. Впрочем, уверяет он, - нужно сказать, что цель эта настолько безнадежна и настолько не соответствует нашей эпохе, что она не представляет никакой опасности ».

— восстановлением Евхаристического культа, способного укрепить ощущение реальности и ясное созерцание тайны Церкви.

* * *

Упомянутые труды Юлии Николаевны создавались на фоне ее повседневной журнальной работы, в которую она с момента прибытия в Лилль, по собственным словам, ушла « по горло ». Мы не намерены давать здесь полного обозрения этой стороны ее литературной деятельности. Как ни полезна была эта работа для своего времени, хотя и не оправдывала назначение Юлии Николаевны в распоряжение о. Дюмона, - но она говорит больше всего об ее работоспособности, добросовестности, огромной эрудиции, духовной культуре, являясь показателем того, что ее личность могла дать в нормальных, свободных условиях для творчества. Поэтому мы касаемся здесь этой работы только вскользь, поскольку ею заполнены четыре года последних лет ее жизни. То, что приводится ниже, отнюдь не исчерпывает период литературной деятельности Юлии Николаевны во Франции.

Прежде всего ей пришлось заниматься « документацией » по самым разнообразным вопросам. « Материалов столько, что в них утопаю », - воскликнула она однажды. Сначала это была « колоссальная работа » о советской школе. После этого, наспех, за каких-нибудь десять дней, ей пришлось написать по особому заказу целую книжку об условиях труда в СССР. Потом - опять 5-6 мелких статей и до 20 запросов на разные темы, в числе которых оказался « вопросник » о Павла Майе об о. Леониде Федорове. Юлия Николаевна ответила (« конечно, наспех! ») на большинство его вопросов и копию послала кн. П. М. Волконскому. О. Майе, был одним из первых заинтересовавшихся личностью о. Леонида, правильно понявший и оценивший его на фоне ошибок печального прошлого, своим обращением к Юлии Николаевне положил начало ее рассказам и воспоминаниям о Российском Экзархе и о днях их совместной работы. Юлия Николаевна стала на этот путь неохотно и как бы через силу, ибо ей было еще слишком тяжело возвращаться к былым дням общих страданий.

« Вы поймете, что у меня голова пошла кругом », - заметила она (в одном из писем к кн. Волконскому), подхваченная вихрем этой разнообразной работы.

В середине октября 1935 г. Юлия Николаевна закончила большую статью об « Умонастроении молодежи в стране советов » (« La mentalité de la jeunesse au pays des Soviets ») для « Russie et chrétienté ». Потом, для забавы, она выбрала из советского « Крокодила » серию

карикатур на советскую школу, перевела тексты и озаглавила все это « *Ecole soviétique peinte par elle-même* ».

В конце октября Юлия Николаевна побывала в Страсбурге, куда ее командировали для прочтения нескольких докладов о соединении Церквей. Сначала она отказывалась, но потом пришлось согласиться. « Может быть с Божьей помощью принесу какую-нибудь пользу нашему святому делу », - написала она князю. Все прошло очень удачно. Юлия Николаевна имела кроме того собеседование со студентками о женском равноправии и его результатах. Эти выступления были началом ее деятельности за границей в качестве лекторши.

Затем пошли снова ее статьи, одна за другой: « О безработице в стране советов » (« *Le chômage au pays des Soviets* »), « Элементы русской духовности », (« *Les éléments de la spiritualité russe* »), рецензия на историю России П. Н. И Милокова.

Тем временем кн. Волконский закончил собирание материалов по истории русского католичества и вернулся из последней (четвертой) поездки в Львов. Он работал теперь над приведением в порядок материала для собственного архива. Юлия Николаевна была в курсе дела, знала о том, что у князя имеются копии отчетов о. Леонида митрополиту Андрею. Она попросила его прислать некоторые для прочтения, в частности те, где говорится о ней (« *Моя личная просьба!* »). Это было примерно через год после кончины о. Леонида. Юлию Николаевну потянуло вернуться мысленно к дням их совместной работы в Петрограде, узнать теперь, как и что говорил тогда о. Леонид лично о ней; захотелось взглянуть своими глазами на то, как он выражал на этих страницах свое отношение к ней. Читая их, Юлия Николаевна могла убедиться, что оба они хорошо понимали и умели ценить друг друга (мы приводили выше отрывки из этих отчетов). Отношение Юлии Николаевны к о. Леониду было для ее характера совершенно исключительным. Пожалуй, это был единственный случай в ее жизни такого жертвенного подчинения кому-либо. В лице о. Леонида перед ней был носитель идеи, которой она отдалась. Она его почитала и верила миссии, которую он был призван исполнить.

После этого мысленного соприкосновения с прошлым, Юлия Николаевна снова ушла с головой в работу. Написанная ею статья о « Софии » Булгакова для « *Revue des Sciences Théologiques* » понравилась редакции, и Юлию Николаевну попросили сделать ее еще более пространной. « А обычная работа все накапливается, восклицает она, - и просто отчаяние берет от невозможности приготовить все к сроку ». Затем следуют тем же неослабевающим темпом новые документации о советской высшей школе, об искусстве и литературе в СССР. В начале

1936 г. Юлия Николаевна сдает в « *Russie et chrétienté* » статью о положении русской Церкви после революции (напечатанную в № 2 за 1936 г.), являющуюся продолжением « *Itinéraire religieux de la conscience russe* ». За нею следуют статьи о митрополите Антонии (для того же журнала), опять о « Софии » Булгакова (последняя - для « *Revue Philosophique* »).

В письме к кн. Волконскому Юлия Николаевна отмечает, что « *Russie et chrétienté* » « усиленно читается и комментируется »:

« Приходится быть сугубо осторожным с каждым словом устным и письменным. Вот при этих условиях надо избегать в « *Russie et chrétienté* » всякого напоминания о неприятных вещах »... « Сейчас начинается маленький сдвиг, стали устраиваться на Франсуа-Жерар собрания вкупе с православными и как-будто что-то начинает налаживаться в смысле возможности мирных разговоров на темы о том, что у нас есть общего »... « Православные, с которыми мы сейчас разговариваем, принадлежат к числу тех, которые начинают, наконец, видеть развал своей церкви, хотя еще и не понимают, в чем дело ».

Как тогда « сугубо осторожно » ставились иные вопросы, показывает наглядно один эпизод, рассказанный Юлией Николаевной. Брат кн. П. М. Волконского принес о. Дюмону его статью об экзархе. Она не подошла, не только по объему, но и потому, что касалась:

« по необходимости тех болезненных вопросов о борьбе с латинством, которых нам именно надо избегать, чтобы не поднимать старых споров. О. Дюмон боится, что статья могла бы вызвать нежелательные реакции в той русской среде, к которой мы ныне подходим с полной осторожностью, но я, - заканчивает Юлия Николаевна, обращаясь к князю, - предпочитаю говорить с Вами откровенно, как с другом и борцом за общее дело ».

В декабре 1936 г. состоялся переезд Юлии Николаевны вместе с доминиканским центром из Лилля в Париж. Дело, несомненно, много выиграло от нахождения их в столице Франции. Лично для Юлии Николаевны переезд в Париж имел большое значение, хотя бы в силу возможности работать совместно с кн. Волконским. Он же мог воспользоваться присутствием Юлии Николаевны в Париже, чтобы пополнить собранный им архив свидетельскими показаниями Юлии Николаевны. Ее сотрудничество явилось для князя завершением его многолетнего труда.

Кн. Волконский писал теперь под диктовку Юлии Николаевны, она просматривала написанное им, вносила в него некоторые поправки. В августе-сентябре он записал с ее слов воспоминания об экзархе, об « Абрикосовской общине » (со всеми оговорками, изложенными в на-

чале 5-й главы III части) и о многом другом - о людях того времени и о разных делах, которые находились в поле ее зрения и были прямо или косвенно связаны с миссией о. Леонида. Копии сделанных записей кн. Волконский посылал митрополиту Андрею. Владыка, получив первые записи, написал (18-9-37):

« ... Благодарю Вас очень искренне за Вашу новую посылку, меня глубоко обрадовавшую. Эти воспоминания Ю. Н. Данзас полны огромного интереса. Благоволите поблагодарить ее от меня ».

В тот же день он обратился и к Юлии Николаевне с особым письмом, в котором лично выразил ей признательность « от всего сердца »:

« Подробности, которые Вы даете, - заметил он в этом письме, - весьма драгоценны для памяти того, о ком мы надеемся, что его будут почитать и состоится причтение его Святейшим Отцом к лику блаженных. Радость читать их была так велика, что, поблагодарив Вас через князя, я пишу еще это письмо, чтобы повторить свою благодарность обращением лично к Вам »...

Юлия Николаевна ответила (4-10-37) на обращение к ней митрополита Андрея следующими строками:

« столь благосклонное внимание, которым Вам угодно было почтить меня, так меня тронуло, что я не умею выразить это словами. В моей памяти так живо запечатлелась радость, с какой досточтимый экзарх принимал каждую доходившую до него строчку, начертанную Вашей рукой. Эти знаки Вашей благосклонности соединяются у меня еще и с его священной памятью. Я не сумела бы доказать свою благодарность иначе, как предоставив себя целиком в распоряжение кн. Волконского, чтобы передать ему подробности, сохранившиеся в моей памяти, которые могли бы послужить делу беатификации, предпринятой под покровительством Вашего отеческого попечения ».

Месяц спустя митрополит Андрей снова написал князю:

« У меня опять основание выразить Вам мою искреннюю благодарность. Вторая часть воспоминаний Ю. Н. Данзас - великолепный вклад в культ или, скорее, в почитание, которым мы окружаем память экзарха. Это свидетельствует также о большой работе, которую Вы исполняете ».

Всё было закончено к началу 1938 г. личными воспоминаниями - « Духовный путь Ю. Н. Данзас ». Оставленный ею материал в архиве кн. Волконского прекрасно дополняет статья, написанная двумя годами раньше - « Католики в России » (« Les catholiques en Russie ») и напечатанная в последнем номере « Russie et chrétienté » за 1936 г. В ней Юлия Николаевна говорит о том, что представлял собою католический элемент в православной России, его начинания и какова была его участь. Свою статью она закончила такими словами:

« Еще далек час пробуждения русской католической Церкви... Но он придет в свое время; смогло бы только великое дело соединения освободиться от национальных раздоров, так искажавших его идеал и обливавших кровью его прошлое »!

Митрополит Андрей, конечно, обратил внимание на Юлию Николаевну, которую знал уже раньше по письмам о. Леонида, и правильно ее оценил. При своем особо отеческом отношении ко всем тем, с кем так или иначе была связана его русская деятельность, он не мог обойти вопрос и о ее материальной стороне жизни. С большой деликатностью владыка коснулся этого в письме к князю, и тот ответил ему откровенно, обрисовав теперешнее положение Юлии Николаевны. Проведенная с нею работа сблизила их еще больше. Со свойственной ему чуткостью, князю нетрудно было увидеть иные «больные места» в жизни Юлии Николаевны. Конечно, она и сама знала лучше других, что времени она не теряла, и делала все, что было в ее силах. Однако, несмотря на удовлетворение и даже на утешение, какое это сознание могло приносить, а вместе с ним и одобрение тех, чье суждение имело в ее глазах ценность, у нее в душе от всего этого оставалась некоторая горечь. Кн. Волконский не мог этого не замечать, да и Юлия Николаевна, несомненно, была с ним откровенна. Несмотря на жизнь, казавшуюся по внешности светской, она продолжала считать себя, как и прежде, монахиней. Постриг, совершенный экзархом, был дорог ей не только потому, что связывался в ее воспоминаниях с его святой личностью, но и как один из самых сильных и решающих моментов в ее жизни. Князь называл ее «сестрой Иустиной».

Между тем, с переходом Юлии Николаевны в распоряжение о. Дюмона, как это отметил князь Волконский в письме к митрополиту Андрею, «ее положение монахини стало сразу довольно фальшивым: одетая в обычное платье, обедая на кухне отдельно от отцов, она оказалась в положении «старой девотки», каких много, проживающих около церкви. А с переездом в Париж, фальшивость еще увеличилась: в Лилле сестра Иустина хоть проживала в одном доме с монахами, было хоть наружное подобие, если не монашества, то близости к нему; а в Париже она живет в отдельном от отцов доме, на квартире с другой особой, работающей при редакции. И вот, бывшая сестра Иустина превратилась в *Mademoiselle* Данзас... Но лично она ничего не изменила, и только усилилось в ней страстное желание уйти в одиночество, остаться наедине с Богом, перед лицом Которого она является, по ее убеждению, монахиней; и она надеется, что в глазах Вашего Высокопреосвященства она до смерти останется таковой.

Что касается поставленного Вами вопроса об ее материальном положении, то дело обстоит так: за свое содержание (квартиру, стол и пр.) она вносит свой литературный и научный труд, не получая за него денежного вознаграждения; а те деньги, которые она получает за свои статьи в других изданиях, поступают в общую кассу. Следовательно, она в сущности всегда без гроша (я иногда делюсь с ней своими). Если Вашему Высокопреосвященству будет угодно помочь ее служению, Вы сделаете доброе дело. Сестра Иустина меня об этом не просила ».

Владыка Андрей, несмотря на то, что его состояние в польском государстве приносило лишь небольшую часть того дохода, какой он имел в нормальных условиях в Австро-Венгрии, а к тому же еще и стесненный запрещением переводить польскую валюту за границу, находил все же возможность приходить своим верным на помощь. Юлии Николаевне он тоже помог. Он не мог отказать себе в том, чтобы не быть и в отношении к ней все тем же владыкой Андреем, каким его знали и любили, близкие ему духовно, русские.

* * *

Перед самой войной Юлия Николаевна отправилась в Англию, чтобы принять участие в устраивавшейся в Кембридже « русской неделе ». Это была так называемая « летняя школа » - курсы, посвященные русским делам, на которых читались доклады (на английском языке). Устраивал их о. иезуит Джон Райдер. В 1939 г. на них, в числе прочих, присутствовали о. Дмитрий Кузьмин-Караваев и о. Павел Майе. Юлия Николаевна выступала докладчицей и после общего разъезда задержалась еще на некоторое время в Англии. Ее встреча с о. Дмитрием была первой после того, как они расстались 29 сентября 1922 г. в Петрограде на набережной Васильевского острова (около здания Морского Корпуса), перед посадкой на пароход в день его высылки за границу. Тогда они долго стояли на набережной и беседовали. В Париже они не видались, так как о. Дмитрий жил тогда в Бельгии. Теперь, в Англии, он отметил в Юлии Николаевне, по сравнению с прошлым, некоторое преобладание политики над церковностью. Ему даже показалось, что ее своеобразный монархический патриотизм как бы застилает в ней внутреннюю ценность католичества. В ее настроении выражалась и романтическая преданность Императрице Александре Федоровне, которая была так добра к ней. К большевизму она относилась совершенно непримиримо. Всякая форма компромисса была ей по существу неприемлема. Микробы, распространенные коммунизмом в духовной сфере и, вообще, заразу марксизма, она ощущала очень

остро. В Лондоне обсуждалась тогда софиология Булгакова. Юлия Николаевна утверждала, что именно он был автором программы русской социал-демократической партии. Хотя его прошлое оставило на нем менее заметный след, чем, например, на Бердяеве, тем не менее Юлия Николаевна восставала против Булгакова, так как его идеология не укладывалась в рамки ее духовных понятий.

Временный уклон, не укrywшийся от тонкого взгляда о. Дмитрия, несомненно замечала в себе и сама Юлия Николаевна, и притом не только как естественную и живую реакцию на все пережитое в России, но и как следствие теперешней журнальной работы и ненормального положения у доминиканцев в окружении о. Дюмона. Да и литературная работа Юлии Николаевны, ограниченная статьями не позволяла свободно развиваться ее дарованию и дать то, что она могла принести, как вклад, католичеству. С классическим монашеством у нее дело не вышло; владыка Болеслав Слоскан был прав. Однако, эта внешняя неудача не меняла ничего по существу в неослабевавшей устремленности Юлии Николаевны к иноческому житию. И годы ее, и особенное призвание, и внешние условия, и среда, давали теперь этому стремлению характер искания какой-нибудь реально-осуществимой формы отшельничества, соединенного с индивидуальной, независимой и свободной работой. Но, как это часто случается в жизни, имелся еще один повод, побуждавший Юлию Николаевну опять искать чего-то другого. Это была как раз та « особа », о которой упоминает в своем письме кн. Волконский, с которой она жила вместе на одной квартире и которая была причиной больших неприятностей для Юлии Николаевны.

Ей не приходилось раздумывать о том, куда ехать. Рим, Вечный Город, был конечной целью ее стремлений с момента открытия туда свободного пути из « советского ада ». Наличие у нее французского паспорта, вместо советского, значительно упрощало теперь вопрос переезда. Давнишняя мечта могла сбыться:

— Я родилась в Афинах, мечтой моей было всегда - кончить жизнь в Риме!

Так говорила не раз Юлия Николаевна. В Риме у нее был верный друг Владимир Владимирович Юрьев, знакомство с которым относится к 1904-5 г., к тем временам, которые кажутся в наши дни сказочными. Ему было тогда 20 лет, Юлии Николаевне - 24. Он только что окончил Александровский лицей и был очень дружен с Яковом Николаевичем, братом Юлии Николаевны. Оба они служили тогда в Государственной Канцелярии. Года через три Юрьев перешел в Министерство Иностранных Дел; дипломатическая карьера забросила его

в свое время в Рим. Яков Николаевич сказал как-то Юрьеву, что ему следовало бы познакомиться с его сестрой:

— Ведь у вас обоих общие мысли!

Оба изучали тогда оккультные науки, их интересовал Папюс. И обоим это не давало ответа на то, что они смутно искали. Вспоминая те годы и свое отношение к Юлии Николаевне, свою великую любовь к ней, Юрьев сказал пишущему эти строки:

— Это была... великая дружба... С собой она была хороша... Спортсмен... Ее лошадь стояла на нашей казенной даче в Петергофе. Но в моем отношении к ней никогда не было и тени того, что могло бы относиться... к ее женскому существу. Да это было бы совсем невозможно; для меня она была всегда... как бы... сверхчеловеком...

Юлия Николаевна написала Юрьеву о своем намерении переехать в Рим. Он предложил ей в ответ, что мог: поселиться у него на первое время, пока она не устроится лучше. Юлия Николаевна собрала денег на дорогу и поехала в Рим почти что ни с чем. В Париже осталась ее толстая папка со статьями, которые она начала писать для французской энциклопедии. Юрьев собирался, конечно, встретить Юлию Николаевну на вокзале и привезти домой на такси. Но для этого нужно было достать денег. Самым простым решением ему показалось - вырвать две золотые коронки и продать их. Сосед его, кстати сказать, не имевший никакого отношения к медицине, согласился помочь и извлек, как сумел, обе коронки. И все-таки, встретить Юлию Николаевну на вокзале Юрьеву не пришлось. Как было условлено, он ждал Юлию Николаевну в 6 часов вечера, но она, не предупредив, приехала другим поездом. На Термини взяла такси и сама за него заплатила. В квартиру Юрьева она вошла около полудня, застав его за устройством комнаты, служившей ему кабинетом и теперь предназначенной ей.

Поселившись у своего верного друга, Юлия Николаевна должна была примириться с целой сворой самых разнообразных собак, которых Юрьев собрал у себя и с которыми делил свою одинокую жизнь. Они лежали у него на кровати, ели с ним за столом. Воздух в комнатах выдавал их присутствие.

— Вы не выдержали бы того, что я выдерживаю у него - такую нечистоплотность! - сказала однажды Юлия Николаевна Римме Никитичне Брайловской, художнице, вдове известного русского художника Браиловского, связавшего свое имя с русским католичеством в Риме. Римма Никитична была одной из первых, с кем Юлия Николаевна стала делить свои римские досуги.

Вот ее первое письмо оттуда кн. Волконскому:

« Пишу под непосредственным впечатлением только что виденной

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ДАНЗАС

Снимок, сделанный любителем в Ленинграде после ее возвращения с восьмилетней каторги и ссылки и переданный ею в 1934 г. в Париже кн. П. М. Волконскому.

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ДАНЗАС

В последние годы своей жизни.

чудной сцены благословения народа Святейшим Отцом с лоджии *Sta. Maria Maggiore*. Я была на площади среди десятков тысяч народа и с благоговением приняла это благословение, точно оно предназначалось мне. Да укрепит оно меня на трудном пути.

Для осуществления моей мечты об отшельничестве пока еще ничего не сделала, так как надо сперва подумать о неотложном, а именно о каком-нибудь заработке... Видела владыку Александра (Евреинова). Он был очень, даже необычайно любезен, но к вопросу о работе для меня отнесся совершенно пессимистически. Обещал хоть подумать, кому меня рекомендовать. Вероятно, на этом дело и кончится... ».

Отцу Филипу де Режи, тогдашнему ректору « Руссикума », не понадобилось много времени, чтобы оценить исключительное дарование и ум Юлии Николаевны. Он пригласил ее читать лекции. Происходили они в большой комнате, где жила Римма Никитична. Однажды, когда Юлия Николаевна говорила о русской душе, сравнивая ее с европейской, она высказала что-то, что было понято (установить точно, спустя почти двадцать лет, сказанное ею тогда, при отсутствии стенографической записи, очень трудно) как утверждение, что у русского человека, вообще, мало души. Произошло замешательство. Присутствовавший на лекции Вячеслав Иванов заявил Юлии Николаевне, что не позволяет ей так выражаться в присутствии своих учеников. Среди слушателей преобладали православные. После лекции, В. Иванов подошел к лекторше; они об'яснились, причем выяснилось, что Юлия Николаевна отнюдь не имела в виду выразить пренебрежительное отношение к русским.

По словам Риммы Никитичны, некоторые « не влюбились » Юлию Николаевну и настроились против нее. О. Сипягин даже сказал Римме Никитичне, что у Юлии Николаевны « невозможный характер » и что она « не выдержит общения с ней ». Однако, Римма Никитична этого не нашла. Напротив, она сказала по поводу этого замечания:

— Теперь, при воспоминании о ней, меня мучит сознание, что я ее недостаточно понимала. Правда, « личной доброты », если можно так выразиться, в Юлии Николаевне не чувствовалось. Она была слишком преисполнена горечи.

В Риме Юлия Николаевна ходила с палкой. Платье у нее было « полумонашеское » (« *Ni chair, ni poisson!* »). Лицо ее стало буквально копией Наполеона I и говорило о силе личности. Выражение его, как заметила Римма Никитична, было не просто серьезным: оно казалось всегда напряженным. Руки ее были совершенно мужскими; форма их, « выражение » - (Римма Никитична уловила это с наблюдательностью артиста-художника) « были чисто мужскими ».

— « Наполеон! » - таково было впечатление о Юлии Николаевне знавших ее в Риме.

У Юрьева она пробыла тоже « сто дней ».

В « Руссикуме » состоялись только первые лекции Юлии Николаевны. Она читала их немало и в других местах. Одна из таких лекций привела Юлию Николаевну к удивительной встрече и знакомству с синьорой Лагомарсино, представительницей высшего итальянского общества, которой было суждено стать ее последним и, может быть, самым большим другом. Синьоре Лагомарсино дано было понять и оценить Юлию Николаевну, повидимому, лучше, чем протоиерею Сипягину. Незадолго до войны, Don Giovanni Rosso попросил ее перевести брошюру Юлии Николаевны « *Vagne rouge* » для итальянского журнала « *La Festa* ». Синьора перевела ее, и журнал напечатал очерк Юлии Николаевны, как статью. Собственно, эта работа и была началом знакомства синьоры Лагомарсино с неизвестным ей автором, трагическая судьба которого произвела на нее уже тогда сильное впечатление. В феврале 1940 г. она прочитала в римской газете сообщение, что Юлия Николаевна Данзас, автор « *Vagne rouge* », будет читать лекцию в монастырском зале на *via Nomentana*. Послушать Юлию Николаевну собралось человек пятьдесят. Она говорила по-французски. После лекции произвели сбор, но это дало ничтожную сумму (то же повторялось и на других лекциях; существенной материальной поддержки от этого Юлия Николаевна не имела). Синьоре Лагомарсино хотелось познакомиться с Юлией Николаевной. Она подошла к ней и сказала, что молится о том, чтобы ее страдания пошли во благо и спасение душ.

Дочери синьоры попросили мать познакомить их с Юлией Николаевной, имевшей в их глазах ореол мученицы за веру. Чтобы устроить свидание, синьора прибегла к посредничеству Риммы Никитичны. К концу своих « ста дней » у Юрьева, Юлия Николаевна собиралась переезжать в монастырь на *via Pineta Sacchetti*, где ей предоставили комнату в нижнем этаже. Мебели там еще не было, и синьора Лагомарсино поспешила доставить ей стол, стул и лампу. Только Юлия Николаевна успела устроиться и свыкнуться с новой обстановкой, как в мае 1940 г. вспыхнула война. Монастырь обратился в лазарет для раненых, и Юлии Николаевне пришлось оставить его. Синьора Лагомарсино нашла ей комнату на *via Napoleone III*. Квартирохозяин был мясник; его мебель, домашнее хозяйство, весь стиль дома, носили отпечаток того социального круга, к которому он принадлежал. У него на квартире Юлия Николаевна принялась писать (на русском языке) свой главный апологетический труд « Католическое Богопознание и марксист-

ское безбожие », тему которого ей дал Кардинал Тиссеран. В сущности, эту книгу она писала по его заказу.¹¹

Юлия Николаевна отдалась работе, подводившей итоги ее духовного пути и бросавшей на русскую почву семена, которым, как она чувствовала, будет суждено взойти уже не на ее веку. Писала она, по словам Риммы Никитичны, не жалея себя. Работа заметно ее утомляла, брала много сил, которые начали постепенно сдавать. Одновременно с этим трудом, Юлия Николаевна писала на французском языке роман об

¹¹ В виду невозможности охватить здесь, хотя бы в кратких словах, богатое содержание книги, мы ограничимся подробным оглавлением.

Глава 1. - Вступление: марксизм и его антирелигиозная философия (Богопознание и атеизм. Религия, наука и « пролетарский атеизм ». Марксизм, как попытка создания полной научно-философской антирелигиозной системы. Внутренние противоречия марксизма. Корни марксизма: слияние в нем разных умственных течений XIX-го века. Его философская несостоятельность. Его практическая неудача).

Глава 2. - Человек и его душа (Самосознание человеческой души. Духовная и умственная жизнь человека. Разум, творчество, свободная воля, как свидетельства о высшем начале, одухотворяющем человека. Самосознание человеческой личности и достоверность религиозного опыта).

Глава 3. - Душа и тело (Психическая жизнь человека по современным научным данным. Нервно-мозговая система и ее роль. Отличия между человеческой и животной психикой. Проблемы человеческого организма. Человеческое « Я »).

Глава 4. - Религиозное сознание (Естественное Богопознание и религиозное сознание. Древние и новые формы атеизма. Вопрос о происхождении религиозного сознания, смена гипотез по этому вопросу, их несостоятельность. Прогресс и регресс в религиозном сознании. Переход от личного религиозного сознания к общественному культу).

Глава 5. - Религиозные культы и их социальное значение (Несостоятельность марксистского учения о классовой сущности религии. Объединение людей общностью религиозного культа и переход от связи кровной к связи духовной. Религиозное начало гражданского сознания. Отражение гражданского быта на внешних формах культа. Влияние расселения и метизации. Пантеизм, политеизм и антропоморфизм; переживание под их формами монотеистических идей. Главные древние религии. Идея Рока. Таинства и синкретизм).

Глава 6. - Христианство (Библия и мессианизм. Историческая обстановка появления христианства: « исполнение времен ». Личность Христа и христологические споры. Новый Завет. Сущность Откровения).

Глава 7. - Христианская Церковь (Христианство перед лицом древнего мира. Внутренняя жизнь Церкви и закрепление ее учения. Церковь и Государство. Монашество. Наследие Рима и новая Европа. Натиск Ислама. Церковь и феодализм. Христианское средневековье. Новые бури и новое лицо мира. Церковь и период новой истории. Церковь и современное общество).

Глава 8. - Церковь и мировая культура. (Церковь и народное образование. Христианская философия и христианское искусство. Организация высших школ. Расцвет науки под сенью Церкви. Христианские ученые новейшего времени. Разбор некоторых случаев, приводимых в доказательство якобы враждебного отношения Церкви к науке).

Глава 9. - Заключение: мироздание в свете христианского Богопознания (Божественное творчество и мировые законы. - Вселенная. - Жизнь на земле и ее эволюция. - Человек и его призвание).

Императрице Александре Федоровне, озаглавленный « *L'Impératrice tragique* ». Mondadori крупный итальянский издатель в Милано, озаботился переводом. Книга эта дала Юлии Николаевне некоторый гонорар, но дохода не принесла, так как продажа шла плохо. Получала она и другие предложения чисто литературного характера, но отказывалась, не желая брать на себя слишком много работы, боясь переутомиться.

Мысль об отшельничестве не оставляла ее. Юлия Николаевна съездила однажды к трапписткам в Гротта-Феррата, справиться, нельзя ли ей жить у них при монастыре. Однако это не привело ни к чему, может быть вследствие ее преклонного возраста. Она даже не осталась у них ночевать и в тот же день вернулась домой.

Вместо этого, в 1941 г., Юлия Николаевна переехала в первоклассный пансион к испанским сестрам на *via Palestra*. Там она прожила свои два последние года. У нее была комната с полным пансионом, и это освободило ее от всяких забот. При пансионе имелась домовая церковь, так что Юлия Николаевна могла бывать ежедневно на мессе и причащаться. Эту жизнь обеспечил ей кардинал Тиссеран, от которого она получала сверх того и деньги для личных расходов. Он относился к Юлии Николаевне с большим вниманием; когда нужно было ездить в типографию для корректур, он предоставлял ей свой автомобиль. А она передала ему те самодельные четки, с которыми прошла свой крестный путь по советским тюрьмам и каторгам.

Юлия Николаевна была глубоко признательна за все добро и внимание, какое ей оказывали. Синьора Лагомарсино заботилась о том, чтобы у нее всегда были цветы, которые она так любила. Юлия Николаевна ела с видимым удовольствием все, что ей подавали; долгое время она была лишена хорошей пищи. А главное - ей самой не нужно было думать ни о каких житейских делах, ни о чем беспокоиться. Она любила принимать душ по утрам. Это освежало ее после рабочих ночей. Этот изысканный уголок наша бедная « странница » получила в ответ на мечты об отшельничестве. Тут ей был представлен заслуженный отдых от всех забот перед уходом из мира, в котором она так много страдала. С трогательной признательностью Юлия Николаевна показывала Риме Никитичне удобства, которыми была окружена теперь, благодаря доброте и вниманию к ней Кардинала. Она говорила не раз:

— « Тут я не проживу долго! Чувствую это по ночам, когда работаю и курю. Увидите, что я умру ночью во время работы ».

В этом Юлия Николаевна ошибалась, но сердце у нее стало, действительно, слабо. Она обратилась к врачу; тот прописал ей лечение. Синьоре Лагомарсино Юлия Николаевна сказала, что оно только вредит ей.

Побывала она за несколько месяцев до смерти и у окулиста. Однажды синьора увидела у нее тщательно завязанный пакетик сахара. Юлии Николаевне пришлось от него отказаться, так она чувствовала, что сахар ей вреден. Она и не подозревала, что страдает диабетом.

У Юлии Николаевны было издавна большое желание, и она высказала его однажды синьоре Лагомарсино, - удостоиться аудиенции у Святейшего Отца и передать ему то, что ей поручили сказать заключенные, умиравшие в советских лагерях. Синьора Лагомарсино устроила ей личную аудиенцию. Юлия Николаевна говорила с Наместником Христа, могла сказать Ему, что заключенные католики умирали на советской каторге за Церковь. Папа Пий XII велел Юлии Николаевне изложить ему письменно все, что она сделала в своей жизни для Церкви. Она написала и передала, кому ей было указано.

Свою последнюю книгу она успела закончить. На обложке стоит год издания: 1941. Книга носит ее имя: Ю. Данзас; в скобках под ним поставлен старый литературный псевдоним - Юрий Николаев, под которым были изданы в Петербурге ее первые книги - « Запросы мысли » и « В поисках за Божеством ».

* * *

8 апреля, в Страстной Четверг 1942 г., после утреннего завтрака, Юлия Николаевна вышла из дому и направилась к вокзалу Термини. Она, конечно, не подозревала, чем кончится эта последняя в ее жизни прогулка. Внезапно она почувствовала резкую головную боль и присела на скамью в сквере около *Sta. Maria degli Angeli*. Юлии Николаевне сделалось дурно, и она начала терять сознание. В этот момент случайно проходила мимо одна знакомая синьоры Лагомарсино, которая подошла к ней и заговорила. Юлия Николаевна успела показать записку с адресом пансиона, дав этим понять, что хочет домой, а не в больницу. Когда подъехали к дому, она была без чувств, так что пришлось внести ее на руках. С постели Юлия Николаевна больше не встала. Доктор ручался, что она не чувствует ничего. Агония длилась пять дней. Синьора Лагомарсино не отходила от нее. Говорят, у нее вырвались однажды слова:

— Добьюсь того, что она будет канонизована!

Кардинал Тиссеран приезжал дважды и сидел у постели умиравшей.

11 апреля, на второй день Пасхи, приехал Юрьев поздравить Юлию Николаевну с праздником. Сестра сказала, что она нездорова и ее нельзя видеть. На следующий день ему дали тот же ответ. Тогда он обратился к настоятельнице, и та объяснила, что с Юлией Николаевной.

По просьбе Юрьева она отвела его в ее комнату. Он подошел к постели, наклонился, поднял веки. Юлия Николаевна была все еще жива, но глаза ее не реагировали. Юрьев обратился к ней, спросил, слышит ли она. Попросил дать знаком понять, если слышит. Ответа не последовало, и Юрьев убедился, что Юлия Николаевна действительно без сознания. Он справился, делал ли врач анализ. Сестры спохватились, вставили катетр. Сделанный анализ показал сильный диабет.

На следующий день, в среду на Святой неделе, 13 апреля 1942 г., когда Церковь празднует память св. мученика Иустина (философа), Юлии Николаевны не стало. Через два года ушел из этого мира и ее брат Яков Николаевич.

* * *

22 мая 1942 г., княжна Мария Михайловна Волконская, проживавшая неизменно в Риме и только накануне узнавшая о смерти Юлии Николаевны, сообщила об этом в письме брату Петру Михайловичу. Краткое сообщение она закончила такими словами:

« Деловые люди ее ценили, вероятно, за ум и работоспособность. Остальные, какой бы ни были окраски, направления, не симпатизировали ей. Не могли разобрать ».

Римма Никитична Браиловская не была из числа « остальных ». Она считает, что Юлия Николаевна была не просто талантлива.

« Нет, - сказала она, - Юлия Николаевна была *гениальна*. Меня мучит сознание, что я недостаточно ее понимала. Когда ей нужно было устроиться жить в городе, я занимала большую комнату в Руссикуме. Она даже как-будто сердясь, сказала мне: « Уже в России я так много сделала для католичества, что эту комнату обязаны были дать мне, а не вам! » И знаете, - сказала Римма Никитична, - теперь я жалею, что не уступила ей тогда свою комнату ».

Эти слова были словно цветком, положенным рукою художницы на могилу умершего друга.

* * *

— Мы оба искали в молодости, - сказал В. В. Юрьев в заключение нашего второго, долгого разговора в 1956 г. Она нашла раньше меня. Через два года после ее смерти и я пришел к католичеству по глубокому убеждению. Она мне очень много помогла во время наших римских бесед. При этом она никогда не уговаривала меня стать католиком. Она только сказала, что у меня концепция совсем католическая. Уверен, что она радовалась моему воссоединению со Вселенской Церковью и помогала мне свыше.

Когда семидесятилетний Юрьев (только что оправившийся от тяжелого повреждения, нанесенного ему налетевшим на него мотоциклистом говорил о своей « великой любви », о той, которую он почитал как « сверхчеловека », его, горевшие внутренним огоньком живые глаза, пристально смотревшие на собеседника, сделались влажными.

* * *

Слушая рассказ синьоры Лагомарсино об ее знакомстве с Ю. Н. Данзас и их так удивительно наладившихся отношениях, автор задал ей вопрос, который он уже не раз ставил, когда хотел точно уяснить себе духовные свойства интересовавшего его человека:

— Читала ли Юлия Николаевна « Повесть об одной душе » св. Терезы имени Младенца Иисуса? Говорила ли она вам что-нибудь по этому поводу?

— О да, читала. Она сказала мне, что мало найдется на свете людей, которые поймут до конца всю глубину творения этой великой святой.

6 - Ссылка и смерть о. Алексея Зерчанинова

В 1921 г. о. Алексей праздновал пятидесятилетие своего священства (ему было тогда 73 года) и служил литургию на главном престоле церкви св. Екатерины в присутствии епископа Цепляка. Проповедь сказал о. Леонид, призывая всех к любви в духе св. ап. Иоанна.

Глубокая старость не защитила о. Алексея от гонения, обрушившегося на духовенство. Впервые ему пришлось отведать советских тюрем, когда начались аресты священников. Его продержали в тюрьме около месяца, после чего отпустили без всяких последствий. По мнению о. Урбана, тут, кажется, было недоразумение: о. Алексея « взяли за поляка ». На недоуменный вопрос, в чем, собственно, его обвиняют, о. Алексею дали в ГПУ ясный ответ:

— Раз вы католик, то значит и контр-революционер!

В июне 1924 г. о. Алексей был арестован вторично (ему было уже 76 лет). Его судили и присудили к трем годам ссылки в Сибирь. После недолгого пребывания в Екатеринбурге, о. Алексея перевели на жительство в город Тобольск. Там он, по своему обыкновению, принялся за писание писем, направляя их главным образом в Львов, где проживал его старый друг о. Трофим Семяцкий. Но сохранились и письма, обращенные к « Экцелленции » - митрополиту Андрею, которого о. Алексей для « отвода глаз » называл иной раз « милый мой доктор »,

ибо, жалуется он, « все заграничные письма перечитывают на тамо-
жне » (!):

« Меня за сношения (хотя невинные) с заграницей чуть не отпра-
вили было к белым медведям, тюленям и моржам. Приходится быть
крайне осторожным. Я пока остался на прежнем месте ».

По его подсчетам, от начала ссылки и до конца 1926 г. « не менее
десяти (...) заграничных корреспонденций перехватили и, конечно,
уничтожили ».

« При сем прилагаю почтовую квитанцию и другую, на которую не
получил никакого ответа, и посему посылаю их Вам для удостоверения ».

Протекшие годы мало в чем изменили престарелого о. Алексея, и
и стиль его остался все тем же. « Своеобразие » выразалось у него,
конечно, свободнее в переписке с о. Семяцким. Видно, что ему было
больше всего по душе беседовать писменно с этим другом, высказывать
ему свои соображения, вспоминать прошлое и делиться текущими
злключениями, которые он продолжал принимать неизменно стои-
чески.

« Любезный Трофим Иванович, слава Иисусу Христу », пишет о.
Алексей, обращаясь к нему. О. Экзарха он называет непринужденно на
языке того времени « товарищ Федоров »:

« К товарищу Федорову (после долгих тщетных поисков его адреса
я находился в безызвестности об его состоянии) написал я наконец в
посте письмо; но ответа на него не получил. Станный он человек:
никак не могу привлечь его на свою сторону; хотя, бывало, делал для
него все возможное ».

Впоследствии до о. Алексея дошли сведения, что « Федорова осво-
бодили для проживания в Калуге »; однако, как он узнал, это длилось
недолго:

« Федоров, после освобождения, в Калуге что-то накуралесил; снова
арестовали и сослали на Соловки. Вообще ему не везет... Вот, что зна-
чит: поспешишь, людей насмешишь. Покойница Ушакова ябедничала
на меня в Риме, что я ничего не делаю, но оказалось, что мои планы
были вернее. Ведь не даром же сказал Господь: « Будьте мудры как
змеи и чисты как голуби ». Моя каплица на Полозовой улице, основан-
ная среди окружающих бурь, стояла крепко, а как Ушакова с Дейбнером
украли ее у меня благодаря оплошности покойного епископа Цепляка -
ее живо закрыли, да вышло так глупо, что директор департамента
иностранных исповеданий Менкин в глаза сказал Дейбнеру: « Что вы
наделали, смотрите, старик при каких обстоятельствах дело устроил и
вел хорошо; даже наши чиновники к нему ходили; а вы шагу не успели
шагнуть и все испортили »... А Федоров не образумился этим и тоже

пошло. Но у меня на первом плане - Промысел Божий; если так случилось, значит так нужно. Да, я теперь часто вспоминаю поговорку Иоанна Златоуста: « Слава Богу за все ».

« Минувшее проходит предо мною... », - мог сказать о себе 78 - летний старец, руки которого продолжали тем не менее бодро писать.

« После прошлогодней тюремной отсидки (с 8 апреля по 11 мая), составил я четвероевангелие, соединивши в одно все Евангелия и присоединив к нему часть Деяний Апостолов и краткую историю (конечно, с комментариями в католическом духе) для укрепления русских католиков и знакомых православных в христианстве, и кроме того написал « Размышления при чтении Библии » и некоторые другие подобного рода статьи. Таких сочинений разослано и роздано около двадцати ».

В письмах-беседах с « любезным Трофимом Ивановичем » заключено немало характерных штрихов о ссыльном житье-бытье о. Алексея в Тобольске:

« Здесь мне пришлось жестоко разочароваться в местных католиках, которые не имеют никакого понятия о церковных обрядах, кроме латинского, и никакой проповеди не желают слышать, кроме польской; и несмотря на мои старания найти себе квартиру в католическом доме, не пустили меня ни в один, и только милосердный Бог, сжалившись надо мною, указал мне якобы совершенно случайно квартиру у бывшей царской « камерфрейлин » Паулины Карловны Можанс - лютеранки, расположенной, впрочем, к католичеству, которая оказалась для меня лучше всех местных католичек, особенно во время моей прошлогодней засидки в местной тюрьме, где я просидел весь пасхальный месяц по прицепке к какому-то польскому делу, о котором я и доселе не имею никакого понятия (посажен был в Великий Четверг, а освобожден 11 мая).

На мое несчастье, после первой здешней обедни, какая-то польская панна, увидав красные кантики на моей сутане, провозгласила на весь польский народ, что я не ксендз, а подсланный коммунистами « красный » или « обновленческий » поп, для совращения поляков в « обновленческую веру » (нечто среднее между древне-русскими жидовствующими и « протестантами » с внешностью « православия »), и хотели запереть от меня костел; и только, когда я показал одному из главных синдиков, несколько понимающему по-латыни, свой прелатский документ, присланный мне от Св. Престола, не сделали этого.

Тем не менее в костел на мое богослужение в большинстве не ходят (в первый день Пасхи пришло около 20-25 человек с несколькими русскими включительно, в Рождество - 3 женщины и т. д.), никаких расхо-

дов на богослужение на себя не принимают (вино я покупаю на свой счет, а свечи присылают мне из Петрограда мои бывшие прихожане), костел не отапливают и посему мне пришлось служить по зимам (за исключением 3-4 воскресных дней) в самые жестокие морозы (которые здесь иногда доходят до 40-45° P.) в промерзлом костеле. В Крещение, например, до такой степени озябли руки, что едва отогрел их в своей квартире около горячего чая.

Из всех католических домов только около 5-10 кое-как примирились с нашим обрядом, так что мне здесь все-таки удалось трех младенцев окрестить и четырех умерших отпевать. Я делаю все возможное для привлечения к богослужению местных католиков. Например, в первый день Пасхи пел на трех языках « Господи помилуй », « Христос Воскресе » и первый стих Евангелия Иоанна (по-гречески, по-латыни и по-церковно-славянски), конечно, наизусть, что, правда, не нравилось присутствующим, хотя после все-таки не ходили на богослужение (правда, в первый раз потому, что из-за пьянства сакристана, он же сторож и звонарь, служили без звона, как и в следующее воскресенье). Вот каковы дела ».

Нетрудно представить себе, во что обратился здесь « восточный обряд » о. Алексея, предоставленный его собственному усмотрению. Тем не менее, для нескольких лиц, присутствие его в те годы в Тобольске, где не осталось ни одного католического священника, оказалось действительно даром « Промысла Божия ». Это были прежде всего сестры Абрикосовской общины, отбывавшие ссылку в районе Тобольска. Некоторые из них жили недалеко и им удавалось иногда выпросить себе разрешение съездить в город по какой-нибудь уважительной причине - полечить зубы или, вообще, обратиться к врачу. Бывая в Тобольске, сестры исповедовались и приобщались у о. Алексея. Вероятно, они же получали у него те духовные произведения которые о. Алексей рассылал « по разным местам для укрепления в христианстве ».

« Религиозная активность » 78-летнего о. Алексея конечно, не укрылась от внимания зоркого ГПУ, которое решило удалить его из Тобольска и направить туда, где природа и климат могли ускорить умирание и без того ослабевшего старческого организма. Однако, как он повествует о том Трофиму Ивановичу, немощи его сами за себя постояли и защитили от неприятного вмешательства ГПУ:

« 28 мая (1926 г.) объявлена мне новая ссылка - в город Обдорск, поближе к Ледовитому океану; плыть приказано было на другой день, и я, немного побарахтавшись, принужден был собираться; но на другой день случилось такое обстоятельство, что я не мог ехать на север. После сего я провалялся две недели в постели. Потребовали явиться к местно-

му начальнику хоть на постели. Явился, только не на постели, а на извозчике: четыре рубля проездил. Дали отсрочку до 4 августа. Но доктор опять дал свидетельство, что мне нельзя ехать далее на север. Оставили... ».

О. Алексей до конца своих дней мужественно нес доставшийся ему в удел нелегкий крест исповедника. Жаль только, что он писал из Тобольска любезному Трофиму Ивановичу нехорошие вещи. Оказавшись в архиве русского католичества, они оставили неприятный след, который невольно лег пятном на самого о. Алексея. Даже если бы сообщения его и были правдивыми, лучше было бы об этих якобы « фактах » совсем умолчать. Между тем, вот, что он пишет:

« Воспитанники о. Федорова оказались неудачными: один, кажется, вписался в партию, предварительно обворовав своего руководителя, готовившего его в священники (?); а другая, сосланная в Иркутск, по сведениям наших (?), держит себя неприлично, несмотря на свой аристократизм и блестящее образование... ».

« Одна его монашенка здесь в Сибири тоже куралесит (?), другая - московская и самая главная (?) - вышла замуж за коммуниста... Она ожидала меня, чтобы повенчать их ».

Оставим в стороне случай с « самой главной московской монашкой », о котором автору решительно ничего неизвестно; нигде, при тщательном исследовании, он не нашел никакого следа этого факта, который, а priori, конечно, нельзя было считать совсем невозможным в не нормальных условиях того времени. В отношении же « монашенки о. Леонида » сквозит черезчур ясный намек на Ю. Н. Данзас, как образованную аристократку, отбывавшей тюремное заключение в Иркутском изоляторе. Подобное обвинение - « по сведениям наших » - остается на иерейской совести о. Алексея. Этому подлинному исповеднику, при всей его природной доброте и благодушии, *благородство* в обычном понятии этого слова, было, повидимому, в некоторой степени, чуждо. Это-то и являлось причиной многого в первые дни русского католичества в Петербурге, о чем приходится глубоко сожалеть, что бы ни думал о том сам о. Алексей.

* * *

По отбытии срока высылки его водворили на жительство в г. Смоленске, где он уже 84-летним старцем старался возглавлять местный приход. Оттуда ему удалось перебраться в родные края, в Нижний Новгород, переименованный в « Горький ». 5 ноября 1934 г. епископ Неве сообщил, что встретился несколько дней перед тем в сакристии

(ризнице) с сыном о. Алексея (один из его сыновей проживал тогда в Горьком и в 1933 г. подвергся аресту; другой, по сведениям о. Урбана, священствовал в тогдашней Польше, на Вольни). От него он узнал, что о. Алексей Зарчанинов умер год тому назад, т. е. в 1933 г. Ему было тогда 86 лет.

7 - Несколько слов об о. Трофиме Семячком

Этот русский странник, склонный, по отзыву о. Леонида, к цыганской, бродяжнической жизни, сочетавшейся у него « с удивительным легкомыслием и оригинальностью », перекочевал из Львова (куда ему адресовал свои письма о. Зерчанинов) в Прагу. Тут он устроился жить подле о. Глеба Верховского, бывшего тогда настоятелем русского католического прихода. В то время в числе студентов юридического факультета проживал в Праге Владимир Длусский, присоединившийся у о. Глеба к католичеству. (Впоследствии, по окончании семинарии св. Василия в Лилле, он был рукоположен в священники и возглавлял в западном Берлине русский католический приход). После своих наблюдений над о. Трофимом, о. Длусский выразил даже сомнение, учился ли он вообще когда-нибудь в семинарии; по поводу же его священства высказал предположение, что его, вероятно, рукоположили где-нибудь « на скорую руку ». Тем не менее, при всей своей природной простоте и примитивности, о. Семяцкий был очень « себе на уме » и в житейских делах проявлял незаурядную хитрость. О. Длусский находит великолепным его изображение у Ремизова в « Современных Записках » (кн. XXVII за 1926 г., стр. 101-157). Описанное им происходило действительно в Праге, на квартире о. Глеба. О. Семяцкому было тогда уже под 70 лет.

Питался он своеобразно и в то же время экономно. В колбасной ему давали даром жирную воду, в которой варились окорока. У него она играла роль супа. Иногда он вносил в свое меню разнообразие, заменяя суп борщом. Для приготовления последнего служили свиные хвостики, достававшиеся ему также даром в колбасной. Накопив таким образом денег, о. Семяцкий решил предпринять путешествие в Австралию на Евхаристический Конгресс. Для этой цели он приобрел по случаю у одной вдовы лиловое бархатное платье, из которого сшил себе « замечательную », по словам о. Длусского, рясу. Поверх нее надел позолоченный крест. В таком виде « любезный Трофим Иванович » оказался в Австралии, при спуске с парохода по мосткам, перед объективами фотографов, которые, естественно, не могли не обратить на него внимания. Не зная ни слова по-английски, он отвечал на все

вопросы лиц, надеявшихся получить от него интервью: « Праг... Праг... » На другой день в местных газетах и иллюстрированных изданиях появился портрет о. Семяцкого с надписью: « Bishop of Prague ». (Se non è vero, è ben trovato!) (Пражеский Епископ!).

Пожив еще немного в Европе, о. Трофим Семяцкий перебрался в Южную Америку и по имеющимся сведениям умер там православным. Бог ему Судья!

8 - О. Глеб Верховский в городе Праге

Говоря о нем, нельзя не вспомнить характеристики, данной когда-то экзархом:

« Как систематический работник никуда не годен... Умеет заводить знакомства и привлекать людей, хотя и тут нет достаточной выдержки... Его может увлечь только та работа, которая ему нравится. Может быть хорошим монахом, исповедовать, руководить духовными упражнениями, разъезжать с легкими поручениями, но больше ничего... Нуждается в укреплении нервов, строгом надзоре и воспитании... ».

О. Глеб был высокого роста, носил рясу с наперстным крестом, на голове - лиловую скуфью; небольшая борода была подстрижена, как он говорил, *à la Innocent X*. Все в его внешности говорило о принадлежности к восточному обряду. Несомненно, о. Глеб был человеком весьма одаренным, прекрасным портретистом, иконописцем, легко и быстро писавшим стихи, прекрасно знавшим несколько языков, особенно латинский, на котором мог говорить совершенно свободно. Он был настроен мистически, был убежденным католиком « восточного благочестия ». К сожалению, « восточность » о. Глеба имела нехороший оттенок, доведивший его до ненависти к латинянам и ко всему латинскому. В этом отношении играл роль не только чуждый о. Глебу юридически-канонический порядок латинян, но и, если можно так выразиться, их порядок мышления. О. Глеб, несмотря на священнический сан, оставался внутренне свободным художником и всякое стеснение извне клеймил латинством. Он был непримирим к нему и в личных отношениях. В Праге занимался тогда русским делом прекрасный латинский священник и человек во всех отношениях безупречный, большой друг русских, о. Франциск Пегушко. Он был преподавателем латинского языка в гимназии и жил вместе со своей старой сестрой. Все попытки о. Франциска поддерживать дружеский контакт в общем деле с о. Глебом разбились о непримиримость последнего.

Если уж отгораживаться так воинственно от латинян, как это делал о. Глеб, то тогда, казалось бы, необходимо было противопоставить

латинству внутреннюю силу своего личного восточного благочестия, не смущаясь даже теми сторонами его, которые в условиях Западной Европы могли бы казаться крайностями. Однако, этого-то восточного аскетизма у о. Глеба было недостаточно. Правда, он был глубоко, даже пламенно верующим человеком, но нападая на латинян, он не компенсировал этого систематичным развитием собственной самоотрешенности. Будучи исключительно интересным собеседником, о. Глеб совершенно разочаровал бы того, кто стал бы искать у него глубоких духовных познаний и подлинного аскетизма. Сидеть часами в табачном дыму за пивом и беседовать несколько часов подряд на разные, даже религиозные темы, было еще слишком мало, чтобы показать на себе пример восточного благочестия и отрешенности от мира. Засиживаясь поздно по вечерам, о. Глеб с трудом вставал в положенный час, вынужден был торопиться и едва поспевал к литургии; случалось нередко, что он приходил с опозданием, несмотря на такси, к которому прибегал в таких случаях.

Много народа перебивало на квартире, которую о. Глеб занимал в старом дворце, принадлежавшем графам Коловрат. У него были в Праге русские друзья: Георгий Сергеевич Масленников (бывший московский лицеист, тогда студент русского юридического факультета), профессор политической экономии Киевского Университета Одарченко - один из православных, посещавших его очень часто), Евстафий Васильевич Ольдекоп (шведского происхождения, бывший паж и офицер Семёновского полка, впоследствии уездный предводитель дворянства в Минской губернии; по его словам, на руках его предка умер шведский король Густав-Адольф). Евстафий Васильевич даже восторгался одно время о. Глебом, но потом отошел от него и, в конце концов, совсем разошелся с ним, якобы из-за того, что ему претил « стихийный беспорядок », царивший у о. Глеба. Нужно сказать, что дух художника в о. Глебе действительно позволял себе многое в этом отношении. Когда кто-нибудь приходил неожиданно, о. Глеб имел обыкновение сметать одним движением руки все, что лежало в этот момент на столе, прямо в ящик, где был поистине неопикуемый хаос, составленный из самых разнообразных предметов. Говоря о беспорядке в квартире о. Глеба, нужно учитывать и то, что он очень много курил и поэтому пепел, в довершение к прочему, был у него разбросан повсюду. Но склонности к злоупотреблению спиртными напитками у о. Глеба не было, если даже иной раз он и переходил границу умеренности, подобавшей его сану.

Больших выступлений о. Глеб, видимо, сознательно избегал, несмотря на скопление в Праге немалого числа русских и украинских

студентов, доходившего до 4-5 тысяч человек. Он ограничил свою деятельность главным образом небольшим кружком молодежи, около десяти человек, в котором участвовал и будущий священник Владимир Длусский, упомянутый выше. По его словам, о. Глеб излагал очень живо и интересно учение католической Церкви. В частности на него производил тогда впечатление celibat о. Глеба. Как это ни странно, но этим о. Глеб - восточник привлек симпатии о. Длусского к западному аскетизму. Позже он узнал, что жена о. Глеба с двумя детьми проживала в Югославии.¹²

Восточные службы о. Глеба посещались довольно слабо, хотя у него и пел хороший студенческий хор. О. Длусский удивился тогда, какой слабый отзвук встречала католическая идея в умах русской эмиграции. Бывало, что русские студенты, ставши католиками, потом покидали Церковь так же спокойно, как перед этим входили в нее. Собственно говоря, это свидетельствует о том, что они, присоединяясь к католицизму, не делались католиками до конца, не имея глубоких религиозных убеждений.

Вспоминая свою жизнь в предреволюционном Петрограде, о. Глеб говорил, что его хотели познакомить с Императрицей при посредстве покровительствовавшей ему княжны Грузинской, бывавшей при дворе. Надеялись, что о. Глеб оттеснит Распутина и, став на его место, окажет оздоравливающее влияние на царскую семью. Как ни казалась, может быть, заманчивой эта наивная попытка спасти династию, вытеснив Распутина, при помощи о. Глеба, но она имела одно слабое место, обрекавшее ее на неудачу: Распутин умел останавливать кровь у Наследника, а о. Глеб вряд ли обладал этой способностью.¹³

¹² Мы уже говорили о женитьбе о. Глеба в Киеве, причинившей в свое время немало горя о. Леониду. Он написал тогда владыке Андрею: « Мне приходится огорчить Ваше отеческое сердце тяжелой новостью. Несчастный о. Глеб, все время проживавший в Киевской губернии, спутался с какой-то русской католичкой. Наш стоеросовый болван развесил уши (Прим.: когда оказавшийся тут же о. Николай Толстой уверил его, что он может заключить с ней брак (*testimonium conscientiae*), брак был заключен). Теперь несчастный, сознав свою бездонную глупость, поехал с женой и ребенком за границу хлопотать о своем разрешении... Чем окончилась эта авантюра, не знаю; вижу только, что « многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие... » (6-4-1922).

¹³ От рождения, Наследник страдал гемофилией - пониженной свертываемостью крови. Императрица знала об его болезни, но долгое время ее скрывала. Эта хроническая болезнь была наследственной (дегенеративной), свойственной всему Саксен-Кобурготскому дому. Королева Виктория, дочь Саксен-Кобурготской принцессы, вышла замуж за двоюродного брата и этим усилила наследственность: ее внучки и дочери почти все передали эту болезнь своим сыновьям.

Под благотворным влиянием о. Леонида, о. Глеб, вероятно, сохранил бы лучше рамки священнического достоинства. На беду, подле него не было «восточной личности», равной по силе о. Леониду. Предоставленный самому себе, чуждавшийся латинян, о. Глеб отдался инстинктам свободного художника, который, с переездом в Америку, взял в нем, кажется, окончательно перевес над священником.

До некоторой степени, о. Глеб был не только жертвой выпавшей на его долю самостоятельности - свобода оказалась для него черезчур большим соблазном, но и, вообще, своего времени, или, лучше сказать, безвременья, которое не могло не коснуться и представителей русского католицизма. В о. Глебе не было внутренней силы, чтобы возвыситься, подобно о. Леониду, ясностью героического духа над смутой русского лихолетия, и он, в конце концов, стал косвенной жертвой тех исторических катастроф, через которые ему пришлось неизбежно пройти.

И ему, как и многим тогда, были даны благие порывы, но совершить он не смог до конца ничего. Пример о. Глеба говорит о том, что со стороны не следует удивляться странностям многих русских католиков, как мирян, так и духовенства. Их нужно понять и не судить слишком строго, ставя их вне событий того времени, которое наложило на них свой отпечаток. О. Владимир Длусский нашел в католицизме истинную Церковь и церковный порядок, которого он искал в студенческие годы. Оглядываясь теперь назад, он заметил по этому поводу в одном из своих писем к автору (23-12-1956):

«Когда задумываешься над судьбой русского католицизма и жалкой действительностью, то невольно бросается в глаза и величие этой идеи и наша убогость. Какое ничтожное число русских смогло открыть глаза на чудо католической Церкви и затем принять на себя, со смирением, крест повседневного, незаметного подвижничества».

Многим русским католикам, да и иностранцам, принимавшим идеалистически восточный обряд, хотелось тогда больше играть роль, нежели работать в поте лица на ниве Господней. В нищете и унижении которые были уделом почти всей русской эмиграции, нужно было вымалывать у Бога великую благодать смирения и дара мириться даже с явной несправедливостью. Крест изгнания и крест русского католика-восточника за границей соответствовал кресту советских тюрем и ссылок, даже если тут и не доходило до явных пыток которым там подвергали. Создать новое религиозное движение зарубежом тогда было трудно. Слишком уж все мысли эмигрантов были направлены на удовлетворение самых необходимых потребностей жизни. Многие думали о возвращении в скором времени на родину. Фантазия рисовала им условия в которых это станет возможным, и даже роль, какую они будут при

этом играть, и большинству казалось, что восточное католичество окажется для них в будущей России тяжелым, если и не просто непосильным бременем. На это они не решались идти. Но Российский Экзарх и это как-то предвидел, оставив русским людям в назидание такие слова:

« Только те, которые делаются католиками восточного обряда, являются настоящим семенем будущего единения. Они несут тяжелый подвиг под градом насмешек и укоризн, как со стороны православных, так и со стороны своих братьев латинян, но мало по малу, *самым своим существованием*, открывают русским людям глаза на вселенский дух католической Церкви ».

Теперь худшее уже позади. Справедливость требует сказать, что идеалистически настроенные иностранцы, принимавшие восточный обряд, хотя и не достигли прямой цели, которая казалась им столь близкой, легкой и заманчивой, все же много помогли своим русским братьям-восточникам.

И о. Глеб Верховский тут тоже кое-что посеял своим, говоря вообще, слишком крайне непримиримым, но психологически все-же понятным и потому простительным отношением к латинскому обряду.

9 - *Краткие сведения о судьбе остальных русских католических священников после конца экзархата.*

а) *О. Патапий Емельянов:*

Сведения о нем крайне скудны. Известно достоверно, что в 1930 г. он все еще находился на Троицкой командировке на острове Анзере. Одно время были слухи, что он умер на Соловках. Однако, епископ Неве сообщил, что о. Патапий освобожден с каторги и находится на севере России на сравнительно легких работах. В начале 1957 г. о. Патапий скончался на станции Подвойцы Мурманской железной дороги. Ему было тогда неполных 48 лет.

б) *О. Иоанн Дейбнер:*

Он был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму в Москве в то время, когда там находились арестованные католики-москвичи. О. Дейбнера поместили в камере № 21, где он оказался по соседству с ними. Присудили его к 10 годам заключения и отправили в Суздальскую тюрьму. Он отбывал наказание в так называемом Владимирском изоляторе. Материально о. Дейбнер находился, по сравнению с другими, которым помогали родные, в самых тяжелых условиях. Он

пользовался только помощью Красного Креста. Семья не могла ему ничего посылать из-за бедственного положения, в котором сама находилась.

В 1936 г. о. Иоанн погиб от руки не « казенного » убийцы, выполнявшего социальное задание по уничтожению представителей ненавистного класса « сознательных обманщиков, шарлатанов и контр-революционеров », каковыми, по выражению о. Леонида, были тогда в глазах большевиков все священники, а простого, « аполитичного » любителя этого дела, « частника », если можно так выразиться, пользуясь изповской терминологией, « работавшего » с сравнительно невинной целью грабежа. Он зарезал о. Иоанна в Весьегонске, Тверской губернии, где тот находился на поселении после тюрьмы. Может быть убийца польстился на смену белья, которую предполагал снять с « католического попа » Дейбнера, или ему пришлось кстати что-либо другое из его убогой одежды.

Семья о. Дейбнера находилась в то время в Сибири.

в) *О. Николай Толстой*

После Киева, где общение о. Николая с о. Глебом Верховским оставило отмеченный нами печальный след, он дал знать о себе 15 января 1925 г. из Одессы. В письме он назвал себя « вдовцом » и упомянул о своем 58-летнем возрасте. 35 лет он был уже священником и 30 лет католиком. Предполагают, что вскоре после этого письма о. Николай Толстой умер в Одессе.

I – СТРАНИЧКИ ИЗ ЖИЗНИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИЦЫ И ЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА И ЭПИЛОГ ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ПОВЕСТИ
О КНЯГИНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Автор использовал запись о смерти кн. Е. Г. Волконской, сделанную 15/27 февраля 1897 г. по просьбе о. Тонидина ее дочерью Марией Михайловной, и записку « по поводу некоторых обстоятельств, связанных с кончиной кн. Е. Г. Волконской », составленную, по поручению того же отца, кн. С. М. Волконским в марте 1897 г.

Все это длилось одну только неделю.

В пятницу, 7/20 февраля 1897 г. княгиня Елизавета Григорьевна Волконская вышла последний раз из дому. Вернувшись, она слегла в постель и больше уже не вставала. В тот же вечер у нее открылось воспаление легкого. Она говорила не раз своим детям:

— Я не доживу до глубокой старости.

Два года тому назад она как-то сказала врачу:

— Вот увидите: первая моя серьезная болезнь будет смертельной.

Поэтому, как только она поняла серьезность своего положения, ей сразу стало ясно, что она не поправится. Уже в понедельник она сказала тому же врачу:

— Пожалуйста, сделайте все, что вы находите нужным, но я прекрасно знаю, что все ваши усилия не приведут ни к чему.

Тут же княгиня взяла с него слово, что он не повторит этого детям.

В ночь со среды на четверг доктор признал состояние больной безнадежным. Она очень сильно страдала.

В четверг утром старый князь послал за духовником княгини, доминиканцем о. Лагранжем, священником при католической церкви св. Екатерины на Невском проспекте. Елизавету Григорьевну несказанно обрадовала мысль, что муж дал ей этим возможность причаститься открыто, в присутствии всей семьи.

Было уже около полудня, когда она приобщилась св. Тайн. В эти минуты, выражение ее больших, широко раскрытых глаз было прекрасным. В них отражалась духовная сила, радость, торжество. После Причастия, она рассказала мужу, что произошло полгода назад, когда умирал ее брат. Выходя от него, православный священник задержал на мгновение чашу со св. Дарами на ее голове и сказал:

— В час вашей смерти, да пошлет вам Господь друга, который сделал бы для вас то же, что вы сделали для вашего брата.

Священника вызвала к брату она, и брат ей сказал:

— Этой радостью я обязан тебе.

Рассказывая об этом, княгиня говорила с усилием. Хрипение, вырывавшееся из груди, заглушало звук ее голоса, но последние слова:

— ... И я нашла теперь в тебе этого друга...

она произнесла совсем внятно. Голос ее звучал при этом торжественно. Своей радостью она выражала благодарность старому князю.

Княжне Марии княгиня поручила написать одной приятельнице и сообщить ей, что она приобщилась в присутствии всей семьи. Другой приятельнице, посетившей ее сейчас же после Причастия, княгиня сказала:

— Как неожиданно приходит к нам безмерная радость!

Видя, что Мария Михайловна в слезах, она обратилась к ней:

— Ты плачешь потому, что представила себе впервые возможность моей смерти. Но подумай лучше о том, что то же самое было бы позже, умри я не теперь, а лет через двадцать.

В этот день ее боли немного утихли. О. Лагранжу княгиня призналась, что накануне они были ужасны.

В пятницу, весь день, она много говорила. Казалось, что мысли теснятся у нее в голове, а общая слабость не позволяет сохранить про себя то, что возбуждает ум. В ее словах чередовались и политические вопросы того времени, и свобода совести, и безразличие общества, когда необходимо оказать помощь ближнему...

Около двух часов дня, сидевшая при ней Мария Михайловна, разобрала отрывистые слова, дававшие понять, какие мысли занимали в эти минуты княгиню:

— ... протестанты... католики... Вселенская Церковь...

Кто-то из семьи появился в дверях с телеграммой в руках: в ней было благословение Святейшего Отца. Старый князь лично передал содержание ее Елизавете Григорьевне. Лицо ее показало, как она этим довольна. Она произнесла слабым голосом:

— Как Он добр!

Временами княгиня говорила по-итальянски. Это был язык ее ранней молодости. Перед ее мысленным взором проходили картины так хорошо знакомой Италии:

— *I contadini preparano un tanto bello fieno.*

Исключительная любовь княгини к природе сказалась и тут. Временами ее речь принимала шутливый тон. Когда ей дали выпить старого токайского вина, она улыбнулась:

— *Ce tonai est à se toquer!*

Елизавета Григорьевна велела передвинуть кровать так, чтобы видеть висевшую в гостиной большую картину Христа в Гефсиманском саду. Княгиню перенесли сюда накануне. Время от времени она смотрела на картину и улыбалась. Состояние радости не покидало ее. Даже в последний день, когда она временами впадала в забытие, легкий бред ее был тоже веселым. Бессознательно, веселие, ее наполнявшее, выливалось наружу, так велика была, в глубине души, радость, озарявшая все существо.

Как-то раз, уже не сидя, а лежа в постели, совсем ослабевшая, но все с той же неизменной улыбкой, княгиня подняла руки над головой и повела ими, изображая движения и ритм тарантеллы. При этом она смотрела на сидевшего у постели старшего сына. И взгляд ее, и радостная улыбка, и вся поза, были исполнены такого искреннего, заражающего веселия, что сын не мог удержаться от смеха, глядя на мать.

Все это время княгиня была даже как-то по-детски послушна. Когда ее просили принять лекарство, она покорно отвечала:

— Да, если хотите... Да, как хотите...

Около полуночи о. Лагранж преподал ей таинство Елеосвящения. Елизавета Григорьевна была в полном сознании, повторяла за ним слова молитв, которые тот читал, и следила за его движениями взглядом, исполненным глубокого благоговения. После этого она провела еще шесть часов в мире и радости. Можно было ясно разобрать каждое слово, когда княгиня прошептала:

— И что находят в этом такого страшно-ужасного?

Старый князь наклонился к жене и спросил:

— Тебе хорошо?

Она быстро сказала в ответ:

— Еще бы!

Когда стал приближаться конец, умиравшая замевелила руками. Сергей Михайлович спросил свою мать:

— Ты чувствуешь беспокойство?

Она ответила с улыбкой, сделав ударение на первом слове:

— Руки мои беспокойны...

Дыхание Елизаветы Григорьевны становилось заметно короче, а лицо просветлялось все больше и больше. Ровно в шесть часов, с первым ударом колокола, зазвонившего к утрени, она вошла в вечный покой. Долго еще на лице умершей держалась улыбка. Она сразу как-то помолодела. Всех поражала ее удивительная красота. Смотревшие на нее в гробу проникались чувством, что смерть княгини Волконской была торжеством ее жизни.

Отец Лагранж сказал откровенно о том, что его поразило больше всего:

— На своем веку я перевидал немало прекрасных смертей, спокойных, светлых, когда души уходили из этого мира в совершенной покорности воле Божией. Но такую радостную, даже *веселую* смерть я здесь увидел впервые...

Князь Сергей Волконский мог с полным основанием сказать по этому поводу:

— Из всего прекрасного, что мама нам подарила, самым прекрасным была ее смерть!

* * *

В газете «Русь» Владимир Соловьев напечатал написанный им некролог княгини Волконской. Его краткость и недоговоренность объясняются цензурными условиями того времени, до манифеста о веротерпимости.

« 15-го февраля скончалась русская женщина редкой силы ума и сердечной прямоты, вечно пламеневшая духом в искании высшей правды. Княгиня Елизавета Григорьевна Волконская, возрадив и прекрасно воспитав большую семью, не сочла своего дела окончанным и с изумительной энергией стала служить тому, в чем признала окончательную цель жизни. В пожилых годах овладела она латинским и греческим языками, чтобы изучить церковную историю по источникам. Изданные ею труды по этому предмету, посвященные идее христианского единения, признаются серьезными и теми, которые не согласны с ее мыслями. Нравственная личность княгини - ее неугасающий энтузиазм ко всему светлому и прекрасному, ее горячий патриотизм, необычайная цельность и прямота ее характера, - навсегда останется в душе знавших ее. С отзывчивостью женского сердца, увлекаясь идеальными интересами, она служила им с истинным мужеством.

Вечная память той, которую снедала ревность по вечном доме Божиим! »

* * *

Сейчас же после Елеосвящения, когда о. Лагранж собирался уже уходить, старый князь задержал его, чтобы выяснить, не находит ли он нужным, как католический священник, поставить какие-нибудь условия, касающиеся погребения, и дать в этом смысле необходимые указания. Ответ, который дал на это духовник Елизаветы Григорьевны, был очень простой:

— Я исполнил здесь все, что велит Церковь. И больная исполнила

свой долг перед Богом. Остальное зависит теперь от вашего желания - хоронить ли ее по католическому или по православному обряду. Если вы остановитесь на последнем, я все-таки буду приходить раз в день молиться у гроба покойной. У нас на этот счет уже сложился обычай. Ваш случай не первый, и мы поступаем всегда так.

После смерти княгини, на семейном совете было решено совершить отпевание и погребение по православному обряду, так как умершая принадлежала к православной семье. Казалось, что отношение о. Лагранжа к этому вопросу благоприятствует такому решению. Кроме того, семья Елизаветы Григорьевны находила, что это оправдывается и отношением самой покойной к обрядовой стороне религии. Она не придавала существенного значения обрядовым различиям между православием и католичеством и с этой точки зрения никогда не подчеркивала своей принадлежности к католичеству. Обрядовая нетерпимость была совершенно чужда Елизавете Григорьевне.

В газеты дали объявление о том, что у гроба покойной княгини будут служить три панихиды - в 2, 5 и 8 часов, без упоминания об обряде. Этим делалось отступление от принятого тогда у православных обычая - служить в день две панихиды. Для заупокойных служб пригласили о. Алексея Колоколова из Георгиевской общины. Князь поставил его в известность о принадлежности Елизаветы Григорьевны к католической Церкви:

— Вы знаете, батюшка, что покойная скончалась в католичестве? Это не затруднит вас совершать службы?

— Нисколько, - ответил о. Алексей. Мы можем молиться за нее и отпевать.

— Должен предупредить вас, что о. Лагранж, напутствовавший покойную, будет тоже служить панихиду в пять часов.

— Это ничего, мы только сослужить не можем, а порознь молиться - сколько угодно.

В течение дня семья приняла решение и о месте отпевания.

Остановились на Сергиевском соборе на Литейной улице, как ближайшем к дому покойной. Так как на отпевание в какой-нибудь некладбищенской церкви требовалось особое разрешение Петербургского митрополита, то князь Александр Михайлович отправился по поручению отца к высокопреосвященному Палладию передать прошение о выдаче такого разрешения в установленном порядке. При этом он не скрыл от него принадлежности покойной княгини к католической Церкви. В ответ на это владыка заметил, что исповедание княгини не было явным, официально о нем ничего не известно, и духовное начальство не имело никаких документальных данных по этому предмету. Он

упомянул и о доходивших до него городских слухах, по которым выходило, что покойная княгиня была не только католичкой, но и принадлежала еще к секте радстокистов и пашковцев.

— Таким образом, - заключил владыка, - в глазах духовного начальства для суждения по этому вопросу, единственными данными являются только неточные и разноречивые изустные показания.

На другой день, князь Михаил Сергеевич отправился с Александром Михайловичем к Петербургскому митрополиту. Когда в разговоре с ним он коснулся городских слухов о княгине Волконской, митрополит выразил в отношении их полнейшее равнодушие, считая их до того нелепыми, что по его мнению не было даже надобности на них реагировать. Отношение же его к просьбе князя было вполне благожелательным. Он получил от митрополита просимое разрешение. На прошении владыка написал собственноручно:

— « Разрешаю, если не встретится никаких препятствий ».

Князь Александр Михайлович осведомился:

— Что следует понимать под словом *препятствия*?

Митрополит ответил:

— Это обычная формула, имеющая в виду полицейские меры, которые принимаются иногда в санитарных целях, например, если покойный умер от заразной болезни, и т. п.

Вопрос о месте погребения был оставлен открытым, так как Елизавета Григорьевна не выразила никакого желания, а семья не хотела торопиться с этим решением. Поэтому решили поставить гроб временно в каком-нибудь склепе или в часовне одной из городских церквей. Самой подходящей казалась часовня при Знаменской церкви (против Николаевского вокзала). Чтобы упростить перенесение тела, было решено совершить отпевание тоже в Знаменской церкви. 16-го февраля написали и подали новое прошение на имя митрополита. Однако, на этот раз Александр Михайлович вернулся от него без просимого разрешения. Владыка поручил ему передать отцу, что утром выяснились некоторые обстоятельства, в силу которых он несколько затрудняется теперь возобновить данное разрешение и просит самого князя Михаила Сергеевича приехать к нему лично в восемь часов вечера.

На свидании выяснилось, что к митрополиту приезжал чиновник из святейшего синода и от имени обер-прокурора предостерег его « от чрезмерной широты взглядов и излишней терпимости в разрешении этого вопроса ». Он указывал ему на исключительное положение покойной, на могущий произойти отсюда соблазн. В городе пошли уже разные толки. В числе прочего, вызывает возбуждение и объявление о третьей панихиде.

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА ВОЛКОНСКАЯ

на смертном ложе.

— Зачем вы напечатали в объявлении о смерти об этой третьей панихиде? - спросил митрополит князя Волконского.

Тот ответил ему:

— Я не видел причины не напечатать; напротив мне казалось неудобным не напечатать о ней.

— Да ведь эта гласность придает делу официальный характер, это объявление приобретает значение документа.

— Дело духовного начальства - принять газетное объявление за документ. Я же считал своей обязанностью объявить. Самый факт панихиды может быть сочтен в данном случае за документ никак не в большей мере, чем когда над протестантом служат православные панихиды, чему мы видим в Петербурге примеры на каждом шагу.

С этим митрополит согласился и, видимо, сожалел лишь об огласке в печати. На его вопрос, имеется ли какой-нибудь документ, удостоверяющий переход покойной княгини в католичество, Михаил Сергеевич спросил в свою очередь:

— А что вы называете *документом*, Владыко?

— Ну, письменный акт отречения или донос бывшего духовника.

— В данном случае единственным документом является моя совесть.

Затянувшийся разговор кончился тем, что митрополит сверх всякого ожидания вручил князю его прошение, лежавшее тут же на столе и еще до его прихода снабженное подписанным им разрешением. Однако, прощаясь, митрополит попросил князя передать о. Алексею Колоколову, чтобы тот пришел к нему на другой день утром для получения необходимых указаний.

Вечером были разосланы в газеты и на другой день, 17-го, появились в них объявления о том, что вынос тела Елизаветы Григорьевны Волконской состоится 18-го февраля в Знаменскую церковь. Между тем, в четыре часа, о. Алексей Колоколов, вернувшись от митрополита, пригласил по телефону сыновей Елизаветы Григорьевны приехать к нему. Он сообщил им, что обстоятельства дела теперь изменились, или вернее, изменился взгляд на дело. Поэтому он попросил присутствовавших членов семьи от лица митрополита не пользоваться данным им разрешением и не отпевать княгиню в Знаменской церкви, а совершить погребение по католическому обряду, иначе митрополиту придется идти за это под суд.

Князь Михаил Сергеевич узнал о происшедшей перемене в восемь часов вечера. О. Лагранж смог притти только к десяти часам. Тем не менее он взялся устроить все к следующему утру, так чтобы вынос тела состоялся в назначенный час. В течение ночи предупредили об этом певчих Екатерининской церкви, живших в разных концах города,

разослали в газеты новые объявления и в самой церкви сделали необходимые приготовления. Благодаря этому весь погребальный чин мог состояться в церкви св. Екатерины.

В упомянутой беседе с князем Волконским, митрополит Петербургский дал понять, что погребение Елизаветы Григорьевны на церковной земле в ограде православного храма вызвало бы затруднения со стороны духовного начальства. Князь высказал тогда намерение перевезти тело в майорат Фалль, около Ревеля, принадлежавший его племяннику, где среди парка было семейное кладбище.

— И прекрасно, - сказал на это митрополит, - поезжайте туда, там они терпимее.

Тогда князь Волконский обратился к Рижскому архиепископу Арсению с просьбой разрешить внести тело в Фалльскую домовую церковь и перед погребением отслужить в ней заупокойную литургию. На эту просьбу архиепископ Арсений ответил отказом.

6 марта тело княгини Волконской было перевезено со станции железной дороги прямо на кладбище и там предано земле. При могилах, в парке, находилась часовня. Это дало возможность внести в нее на время панихиды русскую праведницу, недопущенную русским духовным начальством под сень православного храма за то, что она, воссоединившись со Вселенскою Церковью, стала подлинно православной.

* * *

Конечно, можно сказать, к чему была вся «затея» князей Волконских с православным погребением русской католички? Не знали они того «казенного» в синодальном православии, с которым порвала княгиня Елизавета Григорьевна? Или хотели они православным обрядом замаскировать ее тайное, по условиям того времени, и столь опасное по последствиям, воссоединение с католической Церковью? Или думали они, что дивный восточный обряд погребения с его проникновенными напевами, «надгробным рыданием» и «вечной памятью», будет утешением осиротевшей семье, хоронившей мать-католичку? Тем не менее, изложенных здесь фактов все это нисколько не меняет.

После смерти жены князь Михаил Сергеевич переселился в Рим, где прожил вместе с дочерью почти безвыездно до самой смерти. Из его сыновей, кроме Григория Михайловича, умершего от туберкулеза еще в России до революции, только Владимир Михайлович, бывший Товарищ Председателя 4-й Государственной Думы и Товарищ Министра Внутренних Дел, который умер православным на юге Франции, все остальные - Сергей Михайлович (писатель-эстет, бывший

Директор Императорских театров), Петр Михайлович собравший в эмиграции, при содействии митрополита Андрея, архив о русском католическом экзархате), Александр Михайлович (ставший священником, автор книги « Католичество и священное предание Востока », умерший в Риме ночью после того, как он в течение дня, совместно с протоиереем А. Сипягиным, закончил просмотр ее последней главы) -, так же как и дочь Мария Михайловна, присоединились к католической Церкви и скончались вне пределов России.

II - ПИСЬМО ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ВЛАДЫКЕ ШТРОСМАЙЕРУ
ЕПИСКОПУ БОСАНСКОМУ И СРЕМСКОМУ,
АПОСТОЛЬСКОМУ ВИКАРИЮ В СЕРБИИ

Владимир Соловьев дважды посетил Дьяково, небольшой город в Славонии, где было местопребывание католического епископа. Тогда эту кафедру занимал известный епископ Штросмайер, носивший титул епископа Босаноского и Сремского и бывший Апостольским Викарием в Сербии. Жителей в Дьякове в те времена было всего около 4000. Все же их город, со своим величественным кафедральным собором, епископской семинарией и женским монастырем, был важным культурно-католическим центром. Окрестные жители занимались виноделием, в городе шла оживленная торговля.

Первый раз Соловьев был в Дьякове осенью 1886 г., когда там находились хорватские национальные деятели - Войнович и Рачкий, первый председатель Югославянской Академии в Загребе, большой друг владыки Штросмайера. Перед приездом в Дьяково, Соловьев останавливался у него в Загребе. Второй раз он приехал сюда два года спустя, на Рождество 1888 г., и провел праздники с епископом Штросмайером и его окружением. Здоровье Соловьева тогда уже начало сдавать, и его хорватские друзья обратили внимание, что он заметно ослабел со времени первого приезда. Соловьев соблюдал и у них свой обычный режим - не ел мяса и не пил вина. В крае, где процветало виноделие, последнее бросалось в глаза.

В первый свой приезд, Владимир Соловьев привез с собой памятную записку о соединении Церквей в форме письма, обращенного к епископу Штросмайеру. В Дьякове его записка была напечатана в десяти экземплярах. Три из них епископ Штросмайер послал Серафиму Ванутелли, Апостольскому Нунцию в Вене, из которых два он от себя доставил Папе Льву XIII и кардиналу Рамполло, три взял Коста Вой-

нович для своих друзей и четыре были посланы в Петербург Владимиру Соловьеву. (В 1908 г. французский оригинал этого письма был опубликован Е. Л. Радловым в I томе «Собрания писем Владимира Соловьева», стр. 183-193).

Письмо Соловьева епископ Штросмайер переслал 12 октября 1886 г. Нунцию Ванутелли вместе со своим письмом, во второй части которого (первая касается местных церковных дел) он говорит о Владимире Соловьеве нижеследующее:

« ... Второе дело, о котором мне нужно переговорить с Вами, это - весьма важное и Божие дело соединения православной Церкви с Римско-католической. Несомненно, Вашему Высокопреосвященству уже известно, что Владимир Соловьев с некоторого времени находится в Загребе, где печатается его более обстоятельный труд, в 3 томах, об единстве Церкви. В Рогичах, как и здесь в Дьякове, Соловьев посетил меня. Предметом наших бесед было снова, как и всегда, соединение Церквей. Недавно он передал мне письмо, которое я дал отпечатать в 10 экземплярах. Три экземпляра я посылаю Вашему Высокопреосвященству, из которых два можно было бы, несомненно, отправить в Рим. Соловьев - это искренняя, благочестивая и, действительно, святая душа. Его мнение, как и многих среди нас, в том числе и меня, что было бы хорошо, чтобы продвинуть этот вопрос, если бы Его Святейшество, по случаю Своего славного юбилея, коснулся этого вопроса с целью устранить опасение, существующее у православных, как бы это соединение не повредило их автономии и всем другим правам и привилегиям, освященным вековым обычаем, тогда как совершенно естественно и несомненно, что эта автономия, эти права и привилегии, были бы, напротив, санкционированы святым Соединением и вновь обрели бы свою первоначальную способность приносить добрые плоды ».

С 10 по 20 апреля 1888 г. епископ Штросмайер был с хорватскими паломниками в Риме, где он представил их Папе 14 апреля. В тот год праздновался пятидесятилетний юбилей рукоположения Льва XIII в священники. Предполагалось, что Владимир Соловьев встретится тогда в Риме с епископом Штросмайером. Однако, его там не оказалось, так как он отложил свой приезд до начала мая. Поэтому, не дожидаясь его, епископ Штросмайер написал обстоятельную записку Святейшему Отцу и представил ее через посредство кардинала Рамполло. В этой записке он уведомил, что этой весной прибудет в Рим Владимир Соловьев, « человек в такой же мере ученый, как и благочестивый, который много хлопочет о деле соединения Церквей ». Поэтому он просил кардинала Рамполло устроить Соловьеву аудиенцию у Святейшего Отца, чтобы тот мог получить его благословение на свою деятельность.

* * *

Загреб, 9/21 сентября 1886 г.

Ваше Преосвященство!

Провидение, воля Верховного Первосвятителя и Ваши личные заслуги сделали Вас подлинным посредником между Святейшим Престолом, которому по божественному праву принадлежат ключи будущей судьбы мира, и славянской расой, которая, по всей вероятности, призвана осуществить предначертанное ей. Не удовольствовавшись ни тем, что Вы много способствовали возрождению славной хорватской нации, ни тем, что Вы остаетесь для нее как бы живым оплотом ее независимости, Вы приняли близко к сердцу и высшие интересы других славянских народов, большинство которых, во главе с Россией, держится в достойном сожаления отдалении от великого католического единства. Ваше великодушное сердце раскрылось Востоку, всегда много обещающему для будущего, а Ваш светлый ум дал Вам увидеть, что главное препятствие к осуществлению этого будущего состоит в тысячелетнем недоразумении, продолжающем разобщать две великие половины христианского мира, лишая их этим взаимной поддержки. Поэтому, опираясь на несокрушимую скалу Церкви, при покровительстве и поощрении, исходящих от благосклонной мудрости Римского Первосвятителя (которого древнее предсказание отметило в ряду Пап наименованием «*lumen in coelo*»), Вы использовали свои дарования и свое замечательное красноречие для того, чтобы послужить Божьему делу Соединения Церквей.

Благодаря Бога за то, что Он вверил такое дело такому ходатаю я позволяю себе, Владыко, высказать Вам некоторые суждения по поводу обстоятельств, благоприятствующих желанному решению занимающего Вас великого вопроса, при чем прошу Вас использовать эту памятную записку согласно своему усмотрению.

* * *

Восточная Церковь никогда не устанавливала, в качестве *обязательного догмата*, никакого учения, противного католической истине, и не требовала веры в него. Догматические определения первых семи Вселенских Соборов образуют совокупность вероучительных истин, не подлежащих сомнению и незыблемых, всегда и всюду признаваемых

Восточной Церковью *в их целостности*. Все, что вне этого, можно оспаривать, и оно может рассматриваться только как частное богословское учение той или другой богословской школы, того или другого богослова, более или менее ценимого, но не обладающего никогда авторитетом непогрешимого вероучительства.

Решения некоторых поместных соборов (после разделения Церквей) и некоторые катехизисы (как, например, Петра Могилы Киевского или Филарета Московского), несмотря на заслуженное признание, которым они пользуются, никогда не получали высшей и окончательной санкции от православной Церкви, которая могла бы претворить их учение в догмат веры только с помощью непогрешимого Вселенского Собора, что совершенно невозможно при теперешней ее изолированности. Таким образом выходит, что наша Церковь не обладает никакой вероучительной книгой в том смысле, какой придается этому термину католиками или даже протестантами. Сорок лет тому назад один немецкий протестант опубликовал под названием «*Libri symbolici Ecclesiae Orientalis*» (которое он впоследствии изменил, озаглавив: «*Monumenta fidei Ecclesiae Orientalis*») собрание документов очень неодинаковой ценности, из разных эпох, и в числе прочего определенно еретическое произведение (Восточное исповедание *Ἀνατολικῆς ὁμολόγησις* Кирилла Лукариса, знаменитого патриарха, склонного к кальвинизму). Сборник М. Киммеля, конечно, не является ни в какой мере авторитетным в церковном смысле, и у нас с ним знакомы лишь специалисты. Приблизительно одновременно с ним наше правительство опубликовало (на греческом, древне-славянском и современном русском языке) свод церковных законов, озаглавленный «Книга правил», который, кроме дисциплинарных канонов Апостолов, Соборов и нескольких чтимых Отцов Вселенской Церкви, содержит еще и истины православной веры, а именно - сформулированные в обоих символах веры (Никейском и Константинопольском) и в трех определениях (ἄρθοι) четвертого, шестого и седьмого Вселенского Собора. Совершенно очевидно, что этот официальный свод нашей Церкви не содержит в себе ничего ошибочного и никакого антикатолического начала.¹

Не приходится оспаривать тот факт, что мнения наших восточных богословов, более или менее противоположные католической истине,

¹ В своде церковных законов, бывших в силе в России до начала XX века (так называемой «Кормчей книге») было несколько нелепых выдумок, проистекавших из византийской ненависти к католицизму. Однако, именно вследствие этих выдумок, русские власти нашли нужным отменить в церковной практике пользование прежней «Кормчей книгой» и заменить ее новой «Книгой правил».

вообще, не провозглашены ими и не приняты верующими в качестве *обязательных и непогрешимых догматов* или наравне с решениями Вселенских Соборов; поэтому совершенно очевидно, что, по справедливости, нельзя делать Восточную Церковь, в целом, ответственной за антикатолические учения наших богословов, которым она никогда не давала своей окончательной санкции.

Различение между учением богословской школы и учением Церкви, часть которой составляет эта школа, применимо в некоторой степени и к самому католицизму. Достаточно привести здесь только один общеизвестный пример, что веками вся богословская школа томистов и весь орден доминиканцев нападали на божественную истину Непорочного Зачатия Пресвятой Богородицы или, во всяком случае, не хотели признать эту истину, утверждая, что Она причастна к первородному греху. Однако, кто осмелился бы сделать всю католическую Церковь ответственной за эту ошибку богословов, к тому же весьма чтимых, но выразивших в этом вопросе только свое личное мнение?

Отсюда ясно, что необходимое различие между учением Церкви, как таковым, и учением богословской школы или отдельных богословов очень благоприятствует делу соединения Церквей. Действительно, так как *догматы нашей Церкви* сводятся к постановлениям Вселенских Соборов, то они вследствие этого вполне *православные и католические*, тогда как учения богословов, противоречащие католицизму, отнюдь не являются догматами, установленными Церковью. Таким образом мы находимся в единении с католицизмом, ибо сами же признаем их как абсолютную и незыблемую истину, тогда как ошибки, отделяющие нас от католического единства, представляют собой всего лишь мнения, не имеющие за собой никакого высшего авторитета даже в глазах самих авторов, ответственных за свои суждения.

Что же касается совокупности верующих Восточной Церкви, то их нельзя обвинить ни в какой определенной ошибке, так как их вера ни в чем не отличается от католической, кроме незнания ими некоторых вероучительных определений, сделанных на Западе после отделения и касающихся главным образом подлинного характера и атрибутов высшей церковной власти. Такое незнание тем более извинительно, что этот пункт католического учения был окончательно определен и разъяснен самой же Западной Церковью только в совсем недавнее время, на последнем Ватиканском Соборе.

К тому же не следует забывать, ибо в этом очень важное и благоприятное обстоятельство для дела Воссоединения, что внутри Восточной Церкви не имеется никакого соглашения, никакого единства взглядов в отношении католической Церкви. Так как на Востоке, после разде-

ления Церквей, не было (а по мнению наших лучших богословов и не может быть) никакого Вселенского Собора, то выходит, что причину этого разделения не обсуждала та единственная компетентная инстанция, которую мы могли бы признать таковой в данном деле. Таким образом, наша схизма, для нас же самих, существует только *de facto*, но никак не « *de jure* ». « *Adhuc sub iudice lis est* ».²

При таком положении вопроса, не приходится удивляться чрезвычайному разнообразию различных и противоречивых мнений, которых придерживаются русские и греческие богословы в том, что касается католичества. В то время как некоторые писатели, (к счастью весьма малочисленные), доходят до утверждения, что католичество находится не только вне истинной Церкви, но и христианства вообще, другие лица, более компетентные и авторитетные (как например, весьма почитаемый теперешний Киевский митрополит Платон), заявляют публично, что Западная и Восточная Церкви - две сестры-близнецы, разделенные только недоразумениями.³

Между этими двумя крайними взглядами, в нашей богословской литературе представлены все возможные оттенки положительных и отрицательных точек зрения, антипатии и симпатии в отношении Западной Церкви.⁴

² Как известно, на Флорентийском соборе, Исидор, митрополит всея Руси, принял Унию с Римом. По приезде в Москву (где находился уже действительный центр русского государства и Церкви), он провозгласил состоявшуюся Унию в Успенском соборе. Как повествует летописец, бояре и народ слушали молча. Встал только Великий Князь Василий и заявил, что он никогда не примет Унии; он угрозил митрополиту смещением и заключением в тюрьму. Исидор бежал в Италию, где умер кардиналом Римской Церкви. Спустя несколько лет, племянники Великого Князя восстали против него, захватили в плен и выкололи ему глаза. Когда он впоследствии вернулся к власти, народ дал ему прозвище « Темного », с которым он и вошел в историю (Василий Темный).

³ Проповедь в этом смысле митрополит Платон сказал в 1884 г. в одной из католических церквей, находившихся в его епархии. Верующие обоих вероисповеданий, сбегавшись толпой, восприняли с живой радостью слова мира и любви, вложенные христианскими чувствами в уста этого старца, которому было тогда за восемьдесят лет. Нетерпимые же элементы в России и в Польше были встревожены и постарались всеми средствами аннулировать благоприятное действие этого события.

⁴ Неопределенность положения, которое наша Церковь занимает в отношении католичества, делает, может быть, еще более очевидным следующий факт: лица, заявляющие общественно, что они считают « новые » католические догматы законным развитием православного учения, могут оставаться в полном единении с Восточной Церковью. Я могу констатировать этот факт на основании личного опыта.

Кроме разницы в мнениях между отдельными богословами есть еще резкая противоположность в свойственной русской и греческой Церкви (в собственном смысле слова) манере трактовать католиков. В то время как греки, словно в насмешку над собственной попыткой Унии, соблюдают нелепый и кощунственный обычай перекрещивать западных христиан, желающих войти в общение с ними (не делая разницы между католиками и протестантами), в России, напротив, признается не только действительным крещение всех западных христиан, но, в отношении католической Церкви, также и действительность всех других таинств, преподанных ею, особенно же таинства Священства, вследствие чего католические епископы и священники принимаются у нас в своем сане. Еще замечательнее то, что в 1889 г., когда русины-униаты были принуждены *войти в общение* с господствующей Церковью в России, *у этого народа* не потребовали никакого отречения от его католической веры. Все это дает нам право вывести заключение, что Русская Церковь признает в Западной не только действительность благодати, но также и отсутствие какого бы то ни было догматического заблуждения и ереси в католическом учении. И если в то же время находятся писатели, именующие себя православными, с которыми соглашается часть клира, и воспроизводящие старинные обличения еретиков, заявляя при этом, что католичество не что другое, как антихристианство и т. д., то в этом-одно из многочисленных противоречий, являющихся, в конечном итоге, большим преимуществом для дела воссоединения. Действительно, стоит только признать наличие всех этих противоречий, как они сами собой образуют тот внутренний «*stimulus*», который должен побудить нас разъяснить как следует этот вопрос и постараться его разрешить. Когда ненормальное состояние наших религиозных и церковных отношений серьезно привлечет к себе внимание общества, тогда нужно будет что-нибудь предпринять, чтобы выйти из него. И так как с уверенностью можно сказать, что у нас в этом отношении больше незнания, чем дурной воли, то будет достаточно осветить эту проблему чистым лучем истины и знания, чтобы тем самым решить ее уже *в принципе*.

Что же касается *практического решения*, то нужно признать очень благоприятным то обстоятельство, что Восточная Церковь, и в частности Русская, никогда не входила в состав Западного Патриархата, так что единообразная централизация церковной власти, развившаяся в границах латинской Церкви, по справедливости, не может быть нам навязана во всей своей силе. Теперешнее устройство католической Церкви определяется до известной степени тем печальным фактом, что восточная схизма в течение веков ограничивала католическую акцию *одним только латинским патриархатом*, в котором Вселенская церковь должна

была своим единством возместить утраченное ею в полноте вселенство. « *Sed pereunta causa tollitur effectus* ». Когда будет восстановлено бывшее единство, католическая Церковь, оставаясь *всегда Римской* благодаря центру своего единства, в своей совокупности не будет больше латинской и западной, *каковой она является в данное время*, вследствие единообразия своей организации и своего устройства (несмотря на терпимость к разным обрядам, занимающим в ней лишь совершенно второстепенное место). « *Romana* » есть лишь название центра, существующего неизменно и одинакового для всего, что его окружает; « *Latina* » означает лишь половину, большой сектор круга, который не должен никогда поглотить целый круг. Римская, но не латинская церковь, является « *mater et magistra omnium ecclesiarum* ». Римский Архиерей, но отнюдь не Западный Патриарх, говорит безошибочно « *ex cathedra* ». И не надо забывать, что было время, когда Римский архиерей говорил по-гречески.

У нас много людей, которые хотели бы единства, но боятся быть латинизированными. Поэтому им надо дать уверенность в том, что если Восточная Церковь вернется к католическому единству и признает за Святейшим Престолом власть, которую Господу нашему было угодно установить в лице св. Петра для сохранения единства, сплоченности и законного развития всего христианства, то она сохранит не только свой обряд (что само собой разумеется), но также и всю автономию в организации и управлении, которой Восток обладал до разделения Церквей. Чтобы коснуться в частности еще одного пункта, скажем, что высокое положение, всегда принадлежавшее в Восточной Церкви Императору (и принадлежащее теперь в России власти православного Императора), должно остаться без изменения.

Резюмируя вышесказанное, существенную основу соединения Церквей можно определить двумя пунктами:

1) Различением между частными мнениями наших богословов, которые могут быть ошибочными, антикатолическими и еретическими, и верой *Восточной Церкви* в ее совокупности, остающейся *православной и католической*.

2) Различением между авторитетом Папы, как преемника св. Петра, « *pastor et magister infallibilis Ecclesiae universalis* », и его административной властью как Западного Патриарха, различением, гарантирующим *автономию* Восточной Церкви, *без чего, по-человечески говоря, воссоединение было бы невозможным*.

Мне не приходится настаивать на этом последнем пункте. У меня полное доверие к традиционной мудрости (с божественной помощью)

Римской Церкви, к возвышенному разуму и к особым качествам теперешнего великого Верховного Первосвятителя. Для нас тут дело идет не о правах, которые следует защищать, а об отеческой любви, которую нужно принять.

К тому же, соединение Церквей оказалось бы в одинаковой мере выгодным обеим сторонам. Рим приобрел бы благочестивый и одушевленный религиозной идеей народ, приобрел бы в нем верного и мощного защитника. Россия, держащая в своих руках, волею Божией, судьбу Востока, не только освободилась бы от невольного греха схизмы, но и « *eo ipso* » стала бы еще свободной, чтобы выполнить свое великое вселенское призвание - объединить вокруг себя все славянские народы и положить начало новой, действительно христианской цивилизации, т. е. объединяющей отличительные признаки истины и многообразной свободы в высшем принципе Любви, охватывающей все в единстве и распределяющей всем полноту блага единства.

Представляя на Ваше усмотрение несколько изложенных соображений о предмете, столь близком Вашему сердцу, прошу Вас принять уверение в моем глубочайшем почитании и восхищении, с которыми я, Владыко, остаюсь всегда Вашим преданным сыном и слугою.

Др. Владимир Соловьев

III - « РИМ И РОССИЯ »

ИЗ СТАТЬИ О. ВАН КАЛУНА В ЖУРНАЛЕ

« *Revue des deux Mondes* » (14-XII-1894)

О. Герард Ван Калун был Бенедиктинцем из аббатства Маредсу в Бельгии. Назначение его префектом Бенедиктинского коллежа св. Анзельма в Риме, в правление Папы Льва XIII, открыло ему путь к изучению религиозной жизни Востока. Лев XIII призвал его участвовать в качестве консультанта в комиссии по воссоединению отделенных от Рима Церквей.

В 1894 г. посетил Рим, вскоре после своего обращения, Фердинанд Брюнетьер, редактор журнала « *Revue des deux Mondes* ». В разговоре с Государственным Секретарем кардиналом Рамполлой, относившимся к России очень сочувственно, он попросил указать ему лицо, которое могло бы ознакомить его читателей с вопросами Унии. Выбор кардинала остановился на о. Ван Калуне, бывшем в то время главным прокуратором Бейроновской конгрегации. Совместно с варнавитом Тон-

дини, домиканцем Ванутелли, священником восточного обряда Франсом и о. Николаем Толстым, бывшим как раз тогда в Риме, о. Герард Ван Калун занимался распространением идей Льва XIII о соединении Церквей. В неоднократных беседах на эту тему, Папа доверил ему свои заветные мысли. Отвечая желанию г. Брюнетьера, Он уполномочил теперь о. Ван Калуна изложить эти идеи для широкой огласки, что тот и сделал, написав статью «РИМ и РОССИЯ». Она была передана г. Брюнетьеру и напечатана в его журнале в номере от 14 декабря 1894 г.

Последовавшая за этим командировка о. Ван Калуна в Бразилию, с поручением восстановить жизнеспособность бразильской конгрегации Бенедиктинцев, и ряд должностей, которые ему пришлось последовательно там занимать, прервали на долгое время его занятия религиозными проблемами христианского Востока. Подорванное здоровье вследствие усиленных трудов побудило о. Ван Калуна уйти 62-х лет на покой и поселиться для восстановления здоровья в Антибе, на Юге Франции. Тут, в 1923 г., он смог вернуться к прежней деятельности, к которой с неизменной любовью лежало его сердце. На этот раз она связалась всецело с Россией. О. Ван Калун стал в этом деле ближайшим сотрудником епископа Ницкого, проявившего тогда широкую инициативу в оказании духовной помощи русской эмиграции. В его епархии издавался в 1926-28 годах бюллетень «Union dans l'Eglise», в котором о. Ван Калун в 1927 г. (№ 6, стр. 157) перепечатал свою статью «РИМ и РОССИЯ» из «Revue des deux Mondes». Ниже мы приводим выдержки из нее.

О. Герард Ван Калун скончался в Антибе 16 января 1932 г.

* * *

Смерть Императора Александра III, за которой последовало вступление на престол нового монарха, привлекла к России взоры всего мира. Поэтому и нам кажется теперь уместным заговорить о России. Если немало писателей с крупными именами уже отдались глубоким политическим размышлениям о Российской Империи и об общем мире в Европе, то это нисколько не мешает другим заняться в связи с этим прежде всего религиозным вопросом в России. Для ее будущего это, действительно, кардинальный вопрос. Но он не менее важен и с точки зрения соединения Церквей. Соединение Русской Церкви с Римом, центром католического православия, отнюдь не является невозможным. Хотя на этом пути и лежит немало препятствий, но они, может быть, не столь непреодолимы, как это мы привыкли себе представлять. В дальнейшем мы постараемся это доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Миссионеры из Константинополя привели эту великую и благородную славянскую нацию к православной и католической вере за столетие с лишним до окончательного разрыва между Константинопольским патриархатом и Римским Престолом. Константинополь, тогда еще римско-католический, дал России истинную веру вместе с греческим богослужением. В то время как Константинополь, при своем прискорбном отделении от Рима, выдвигал против него накопившиеся за 7-8 веков воспоминания о расовом антагонизме и соперничестве, Россия, напротив, едва выйдя из язычества, была непричастна к этому недовольству Римом. И вовлечена она была, в это разделение можно сказать, без ее ведома.

Крестовые походы усилили еще больше неприязнь между греками и латинянами. Созданная крестоносцами, несмотря на запрещение Папы, Латинская Империя, несомненно не могла быть отнесена к числу незначительных оснований к недовольствию, мешавшему впоследствии окончательному примирению обеих Церквей.

Русские же, подпав вскоре после этого под монгольское иго, оказались на некоторое время оторванными от цивилизованного мира и в силу этого не были ни в какой мере замешаны в эти ссоры. Пробудившись же, как нация, Россия показала себя ревностно-христианской, католической и православной, как это было и раньше во времена ее единения с Римом. Неудовольствия в отношении Рима у русских не было. У них было лишь вековое предубеждение, привитое греками.

В XV веке состоялся Флорентийский собор. Россия приняла участие в великой Унии, заключенной тогда между Восточной и Западной Церковью. Акт об Унии был подписан Киевским митрополитом Исидором. Его возвели в сан кардинала, и он скончался в Риме после происшедшего прискорбного отделения. Впрочем, оно НЕ БЫЛО НИКОГДА ОФИЦИАЛЬНЫМ.

После нового периода политических смут, Россия нашла своего преобразователя в лице Петра Великого. Пожелав Петр Великий протянуть руку Главе католической Церкви, к которой его народ принадлежал во времена своего обращения в христианство, он заключил бы с Папой конкордат, каковым Церковь освятила бы его права, как христианского монарха, защитника и верного сына Церкви. Никогда она не отказывала христианским князьям в законном влиянии на внешнее управление Церковью в их государствах. Этим выражалась признательность за защиту, которую они оказывали Церкви. То же самое,

что делалось в этом направлении в течение всего Средневековья на Западе, было бы сделано и для России. Тогда, ради благоденствия русского народа, в лице царя Петра увидели бы нового Карла Великого, который начал бы работать с участием Главы единой Церкви, единственной восходящей без перерыва к Иисусу Христу, как для религиозного и морального блага своего народа, так и для собственного земного благополучия.

СРЕДСТВА, ВЕДУЩИЕ К СОЕДИНЕНИЮ: АВТОНОМИЯ, СОХРАНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И БОГОСЛУЖЕБНЫХ ОБЫЧАЕВ

От указанных принципов, перейдем теперь к практической стороне вопроса. Если не только желательно, но и необходимо, чтобы все христиане были объединены под одним и тем же Главой, Наместником Иисуса Христа, то нужно найти и практические пути, чтобы притти к этому, несмотря на многочисленные препятствия.

Для того, чтобы соединить Церкви восточного обряда с Римом, необходимо прежде всего сохранить их автономию. Издавна восточные Патриархаты пользовались этой автономией, и Рим твердо решил обеспечить им эту привилегию. Никогда Верховный Первосвященитель не возымел бы намерения управлять ими, как Он с самого начала делал это на Западе. Писменные акты доказывают, что Святейший Престол готов даже усилить режим привилегий для восточных Церквей.

Все, пришедшие к соединению с Римом, сохраняют свой обряд, иерархию, вековые обычаи. От них потребуются только признать верховное возглавление Церкви Тем, кому Иисус Христос сказал: « Паси овец Моих ».

Что касается Восточных Церквей, уже соединенных с Римом, то тут дело обстоит точно так же. Рим оставляет неприкосновенными не только их обряды и обычаи, но и свободный выбор епископов и Патриарха. Верховный Первосвященитель утверждает только его одного, и через него все прочие епископы являются связанными с Престолом св. Петра. Это - принцип, которому в будущем Святейший Престол не изменит.

На какой же основе могло бы осуществиться Соединение России с Римом?

В России нет больше Патриарха. При существующем положении, нужно было бы повести переговоры либо о восстановлении Московского Патриарха, утверждаемого Святейшим Престолом, либо о при-

знании синодального управления Русской Церковью, что тоже не встретило бы никаких коренных затруднений. Последний способ был бы, пожалуй, даже более практичным, так как дал бы возможность ничего не менять в существующем положении. Вместо права утверждать Патриарха, Святейший Престол мог бы в таком случае оставить за собой утверждение членов Святейшего Синода по представлению Императора. Таким путем Святейший Синод был бы введен в общение с Апостольским Престолом. Этого было бы достаточно, чтобы связать с ним все епископские кафедры, подведомственные Святейшему Синоду. Этим было бы восстановлено Единение, столь желательное, как для России, так и для Римской Церкви.

Однако, нам, может быть, скажут: даже, если предположить, что русское правительство относится благоприятно к перспективе Соединения с Апостольским Престолом, то как привести к нему Русскую Церковь, в своем большинстве все еще исполненную вековых предубеждений против Рима?

Тут уже, несомненно, будет уместным вспомнить слова Господа нашего: « Человекам это невозможно, Богу же все возможно ». В Своих милосердных и всемогущих руках Он держит сердца тех, кто управляет народами. Не приближаемся ли мы уже к тому часу, когда люди, занимающие в России высокое положение и управляющие русской политикой, благодаря лучшему знакомству с историей Церкви, обнаружат больше склонности дать русским подданным, желающим состоять под верховной юрисдикцией Апостольского Престола, право открыто признавать духовное управление Римского Папы, оставаясь в то же время в богослужебном смысле вполне русскими? Много мирян, священников и, може быть, даже несколько епископов, высказались бы немедленно за соединение с Римом, если бы они знали наверно, что правительство не будет этому препятствовать. Таким образом могло бы образоваться национальное движение к церковному миру. Если бы, мало по малу, настало просветление, рассеялись предубеждения и значительная часть Русской Церкви высказалась за Соединение, то это послужило бы правительству достаточным указанием взять на себя почин в этом деле. Тогда, при помощи конкордата, оно могло бы окончательно урегулировать свои отношения с Римом.

Однако, предварительным условием всякого соединения является доверие. Русские хотят сохранить автономию своей Церкви и полную неприкосновенность своего богослужения. Веротерпимость правительства, о которой мы только что упомянули, дала бы РУССКИМ возможность увидеть воочию, что КАТОЛИКИ русского обряда, живя среди них, СОХРАНЯЮТ И АВТОНОМИЮ И СВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ одинаково с теми, которые еще не соединены с Римом.

IV - ИЗ ПЕРЕПИСКИ МИТРОПОЛИТА АНДРЕЯ ШЕПТИЦКОГО

1 - ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АНТОНИУ, ЕПИСКОПУ ЖИТОМИРСКОМУ.

(Копия с черновика, рукою митрополита Андрея; письмо это повез в Житомир о. Алексей Зерчанинов).

Львов, 1 июля 1907 г.

Простите, Ваше Преосвященство, что доселе не мог ответить на Ваше последнее письмо. До моего сведения дошло, что Вы были во Львове во время моего отсутствия, были, конечно, и у меня. Из перечитывания Ваших писем я убедился, что мы с Вашим Преосвященством ходим по разным территориям, перегороженным высоким забором и не знакомы хорошо с условиями, в которые поставлен каждый из нас. Меня, между прочим, поразило то, что Вы совершенно не знакомы с действительно католическими взглядами на дело вечного спасения и с действительной жизнью католиков. Очевидно, Ваши сведения об этом почерпнуты либо из протестантских источников, либо из сочинений предубежденных против Церкви людей, либо, наконец, из переиначенных русскою цензурой переводов католических сочинений.

В грехопадении прародителей Господь предвидел то, что не все люди пожелают итти сознательно по дурной дороге погибели, но многие пожелают искать и спасительного пути. А так как все остальные при указании этого пути не лишены средств ко спасению, если они того возжелают, то Господь, подав прародителям надежду на это спасение, постоянно очищал этот путь через ветхозаветных патриархов, пророков и других праведных мужей и жен до тех пор пока, наконец, Он не послал на землю Своего Возлюбленного Сына *да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный*. Но так как ветхозаветные виноградары не усрамились этого Сына, но убили Его, то Господь разгневался на них и предал их злой смерти, а виноградник отдал другим виноградарям, поставивши главою нового строения Камень, отвергнутый ветхозаветными строителями. Этим камнем был Христос. Но так как Он не мог, по предвидению Промысла Божия о людях, находиться среди них лично до скончания века, то вместо Себя он поставил новый камень, который должен был заменить Его на земле, да еще с таким обетованием, что ничто не в состоянии поколебать основанного на нем здания, « когда, - по выражению св. Иоанна Златоуста, - восстанет на него вселенная ». Таким образом ветхозаветное обетование, что семя

жены сотрет главу змия, исполнилось буквально. От жены произошли патриархи, пророк Моисей и первосвященники. Из поколения патриархов произошел царский род, а от Моисея - первосвященнический; оба эти рода были родоначальниками Богоматери, от которой бессеменно произошел Христос. От Него духовно произошло новое семя первосвященников по чину Мельхиседекову, которые по Вознесении Христа, начиная со св. Петра, стали во главу угла Христова здания. Так единодушно утверждают св. Отцы, особенно Ириней, Златоуст, Августин, Иероним, Кирилл Александрийский, Иларий, Максим Исповедник, Федор Студит и др. Наша вера одинакова с православною, но только развилась при других условиях, чем последняя. В этом Вы можете убедиться, если прочитаете основы ее в подлиннике, а не в искажениях; тогда Вы сами увидите, что Вы, благодаря казенному цензурному режиму, неосновательно пугающемуся им же созданных католических призраков, идете по ложному пути, указанному Вам этим режимом. Укажу на ближайший для обоих нас пример. Ваши епископы, как говорят, завалены разными *неприятными* делами между народом и духовенством; у меня же почти вовсе их нет. Главные дела наши касаются прежде всего большего и большего совершенства людей, которые и без того стоят на довольно солидной высоте религиозно-нравственного совершенства. Пожалуйте и поживите дольше среди наших католиков и Вы увидите, что они сильно напоминают действительных, а не ложных детей Отца Небесного. А что в русской литературе говорят о « гнилом » Западе, то к западным католикам вовсе не относится.

2 - ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ СМОЛЕНСКОМУ

(Копия с черновика, рукою митрополита Андрея; письмо это послано через о. Алексея Зерчанинова, который доставил его лично епископу Петру).

Львов, 1 июля 1907 г.

Епископу Петру Смоленскому.

Господь наш Иисус Христос, как Всемогущий Кормчий, ведет Свой церковный корабль по бурному морю житейских треволнений Своими премудрыми путями так искусно и благонадежно, что даже сами находящиеся в сем корабле невольно удивляются этому обстоятельству и желают участвовать в этом богомудром плавании, о чем сделано нам уже несколько заявлений. Но всего радостнее для нашего смирения то обстоятельство, что Вы, как просвещенный и преосвященный па-

стырь по ревности ко спасению себя и вверенных Вашему Преосвященству Христовых овец, по внушению Святого Духа, поняли сие и расположены к принятию участия в этом благомудром плавании.

Но так как я не осведомлен вполне о мыслях Вашего Преосвященства в этом отношении, то письмо сие посылаю через свое доверенное лицо православно-русского происхождения, которое путем обширной начитанности при помощи Божией достигло сего корабля *самостоятельно* без пособия всякого человеческого участия. С ним Вы можете беседовать обо всем том, о чем Вы желали бы переговорить со мною.

Поручая Вам себя для святых молитв, с полным уважением к Вашему Преосвященству и с совершенною христианскою любовью

Адрей, митрополит Галицкий, архиепископ Львовский.

3 - СТАРООБРЯДЧЕСКОМУ ЕПИСКОПУ ИННОКЕНТИЮ

(Копия с черновика, рукою митрополита Андрея; даты на нем не имеется, но черновик письма написан на том же листке, что и письмо к епископу Антонию Житомирскому - 1-VII-1907).

Старообрядческому епископу Иннокентию.

До моего сведения дошло, что Вы очень дельный, просвещенный и благочестивый человек, а я очень люблю таковых. При этом я всем сердцем русский православный, но только не из тех, которые повинуются светским людям в делах церковных; ибо пастыри, по слову Божию, должны управлять овцами, а не наоборот. Посему, признавая верховную церковную власть, установленную Господом нашим Иисусом Христом, я усердно стараюсь отстоять права древнегреческой православной церкви, бывшей до несчастного разделения Церквей. Притом и верховный наш Пастырь Пий X очень любит древнегреческую церковь и защищает ее от посторонних нападений. А так как Ваша старообрядческая церковь не имеет в существе дела никаких ересей и обряды ее существовали до отделения ее от Великороссийской церкви, то по моему мнению не может быть существенно серьезных препятствий для устроения наших взаимных отношений. Как любитель церковной древности, я имею у себя множество снимков с ее памятников и нахожу, что в России возник в XVII столетии раздор из-за церковных обрядов единственно потому, что приходившие в разное время в Россию греческие сектанты под видом православных иерархов сообщали ложь вместо истины и сеяли раздор вместо научения путям спасительным.

Обстоятельства современной церковной жизни показывают, что

среди разных православных церквей всего мира с течением времени возникло много местных обычаев, не вредящих единству мира и любви во имя Божие. Но это началось не вчера и не третьего дня, но с самого основания Христовой Церкви, которая как евангельская *наседка* собирает под свои крылья и белых, и черных, и желтых цыплят, чтобы согреть их теплотой своей любви, лишь бы они сами любили ее и стекались на ее зов. Посему повторяю, что для приведения к единому Христову стаду старообрядческих чад, возникших по благоволению католической державы, требуется лишь одна любовь к Вселенской Церкви, распространяемой и укрепляемой благодатью Божией на удивление всех ее врагов. Как любящая мать, она иногда отделяет от себя непокорных чад, но никогда не проклинает их и всегда ожидает их возвращения в лоно своей любви.

Я слышал, что русская церковь при воссоединении старообрядцев вашей партии не утверждает священнослужителей в их санах. Это очень естественно, она не имеет на это власти при своем отделении от Матери всех Церквей, по доводам святых епископов Иринея Лионского и Киприана Карфагенского. Но Вселенская Церковь, по данной ей благодати утвердившая некогда на Цареградском престоле неблагодарного Фотия после его вполне незаконного постановления, без всяких препятствий может утвердить соединенное с нею старообрядческое священство, которое по многим доводам несравненно законнее Фотиева Патриаршества.

Да осенит благодать Божия умы и сердца Ваши. Шлю Вам дружеский и братский привет!

4 - ПИСЬМО К В. Е. МАКАРОВУ ⁵

(Копия с черновика, написанного рукой Леонида Федорова).

Милостивый Государь!

Вы сами не можете понять, какую радость мне принесло Ваше письмо. Кто ищет Царства Божия и правды его, стоит на верном пути и может всегда надеяться на помощь Отца Небесного. Ваше стремление сохранить Церковь неповрежденной, свободной от всякого рабства светской власти - стремление святое, дело Божией благодати, ведущей

⁵ Письмо это является ответом митрополита Андрея на нижеследующее, адресованное ему письмо В. Е. Макарова:

15 ноября 1909 г.

Г. Богородск, Московской губернии.

Ваше Высокопреосвященство,

К Вам обращается старообрядец, приемлющий Белокриницкую иерархию, состоящий преподавателем частного средне-учебного заведения на фабриках Богородско-Глуховской мануфактуры Морозова. Работая в главных старообрядческих церковно-общественных организациях, находящихся в Москве, состоя постоянным сотрудником старообрядческих органов печати, я, как и многие другие, начинаю чувствовать некоторое разочарование в старообрядчестве, которое, благодаря невежеству и неорганизованности народной массы, - последствиям печального прошлого, а с другой стороны своекорыстию и политиканству руководящих (купеческих) кругов, идущих на поводу русского правительства, все более и более опутывается сетями « князя мира сего », и если так пойдет дело и далее, то, получив некоторые довольно призрачного характера « льготы », старообрядчество за эту « чевичинную похлебку » лишится духовного первородства, обезличится, попав в « вавилонский плен » бюрократии и кучки почти не верующей плутократии. Независимые и честные элементы в старообрядчестве, дающие себе ясный отчет в происходящем, отчаянно борются с этим роковым тлетворным течением, но старообрядчеству все же, видимо приходить конец. И взоры некоторых невольно начинают обращаться с завистью и удивлением к Риму, веками сквозь тернии пронесшему знамя Церкви, как « царства не от мира сего ».

Мне было бы очень желательно ознакомиться с литературой *на русском языке* по вопросам, составляющим предмет разногласия между Востоком и Западом, а потому я покорно просил бы, если возможно, выслать мне таковую, или же указать, где и что можно достать для ознакомления.

С совершенным уважением к Вашему Высокопреосвященству

В. Е. Макаров.

Вас незримыми путями к своей цели. Мне делается всегда так больно, когда я смотрю на старообрядческие общины. Столько силы, столько чисто христианского духа пропадает даром, или в бесплодной борьбе с государственной церковью, или же в не менее бесплодном буквоедстве, мешающем Вашим лучшим церковникам просто и ясно взглянуть на дело. Консервативное начало, лежащее в основе Вашей Церкви, вместо того, чтобы действительно явиться охраняющим принципом, переходит в застой, а при первой встрече с культурой и прогрессом превращается, как это ни странно, в самый чистый протестантизм. Вы сами глубоко чувствуете эти недостатки и знаете их, знаете также, что все они легко устранимы при помощи духовной власти, имеющей свои полномочия от Бога. Это - единственный путь, потому что основные истины христианского учения, таинства и священство Вы сохраняете неповрежденными, следуя преданию древней Вселенской Церкви. Вам остается только усвоить учение Церкви во всей ее полноте, и тогда Вы увидите, что все так называемые спорные пункты являются только одной цепью недоразумений, возникших на политически-национальной почве по вине византийского абсолютизма и бюрократизма. Все книжки, какие только существуют на русском языке по спорным вопросам будут Вам высланы в скором времени. К ним я прибавлю еще несколько на малороссийском, чтобы хотя вкратце дать Вам представление о позитивном учении Вселенской Церкви.

Господь Спаситель и Пресвятая Богородица да поддержат Вас на избранном пути и вдохнут Вам силы для неутомимого искания правды вечной, еже есть Иисус Христос!

Бог мира да будет с Вами!

Сердечно преданный
(рукой митрополита): † Митрополит Андрей

5 - ПИСЬМО К АРСЕНИЮ МОРОЗОВУ

(Копия с черновика, написанного рукою Леонида Федорова. Рукою митрополита Андрея приписано:

« В день св. Великомученика Димитрия 1909.
(8.XI.909) »

Милостивый Государь!

Тот, кому Вы телеграфировали в январе месяце относительно Г-на Сусалева, не мог ответить Вам до сих пор по особым обстоятельствам. Теперь он извещает Вас, что г. Сусалев *принят в сущем сане*. Наша Церковь признает за рукоположениями старообрядцев *полную кано-*

ническую силу, т. е. признает старообрядческих дьяконов, священников и епископов действительными дьяконами, священниками и епископами. Мы не признаем, что дьякон, священник и епископ могут быть лишены преподанной им при хиротонии благодати. Следовательно, митрополит Амвросий, хотя бы даже и находился под патриаршим запрещением, тем не менее не мог быть лишен дара благодати, который от него не мог бы отнять даже Вселенский Собор. Поэтому все посвященные митрополитом Амвросием являются действительными епископами и священниками. Пишущему эти строки очень приятно видеть, что Вы, милостивый Государь, интересуетесь этим вопросом и, оставив печальные предрассудки, разделяющие Восток и Запад, стремитесь поближе познакомиться с учением нашей Церкви. Мы думаем не без основания, что именно старообрядческая церковь, живо сохранившая принцип необходимости духовного авторитета и полной церковной независимости от светской власти, стоит к нам гораздо ближе, чем это можно было бы думать. Любовь к старине и чистоте церковного обряда достойна всякого уважения и похвалы со стороны каждого дорожающего священными преданиями Христовой Церкви. Если Вы еще более пожелаете познакомиться с нами, то Вы увидите, что в нашей Церкви Вы найдете тот же дух Христа, который одушевляет Вас в долгой и тяжелой борьбе с земными началами и властями.

Мы были бы весьма рады, если бы, навещая Белую Криницу, Вы пожелали бы посетить нас во Львове. Вас будут несомненно интересовать древности наших церквей и музеев, в которых, как и в наших церковных книгах, Вы найдете несколько общих черт, сближающих нас со старообрядцами не только по духу, но и по форме. Несмотря на тяжелое (в тексте перечеркнуто слово « польское ») иго, много повредившее чистоте нашего обряда, мы сохранили, все-таки, кое-что в более древней и чистой форме, нежели в православной церкви.

Покажем же, Милостивый Государь, всему христианскому миру, что нам дорог завет Христа о любви между Его учениками, покажем же, что если мы еще отделены друг от друга, то по крайней мере стремимся уничтожить это пагубное разделение, растрavляющее святые раны нашего Божественного Спасителя! Тогда в день Страшного Суда мы дерзновенно встанем пред престолом Божиим с надеждой услышать от Господа Иисуса: « Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся! »

Сердечно приветствуя Вас, возношу к престолу Всевышнего мои недостойные молитвы за Вас и за Ваших единоверцев: да укрепит Господь стопы Ваша на путь любви и мира!

С чувством глубокого уважения и радости

Андрей

Рукой митрополита приписано:

« Арсению Морозову
Богородск, Россия »

V - СТАТЬИ ЭКЗАРХА О. ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА, НАПЕЧАТАННЫЕ В « СЛОВЕ ИСТИНЫ »

Эти статьи печатаются с копии, снятой князем П. М. Волконским в Львове в архиве митрополита Андрея. После октябрьской революции, когда нормальное почтовое сообщение с заграницей было прервано, « Слово Истины », так же как и письма о. Леонида, доставлялось ему из Петербурга с оказией, нелегально.

1 - « ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО » (из № 57 за сентябрь 1917 г.). По поводу « Основ для соединения », предложенных православным протоиереем о. А. Устиньским (в « Слове Истины » № 55-56).

Отрадно было прочитать в последнем номере « Слова Истины » призыв к единению о. протоиерея Александра Устиньского. Отрадно не только потому, что подобный призыв исходит от представителя русской, господствующей Церкви, но и потому, что он выражен ясно, определенно, в форме условий, на основании которых святое дело могло бы стать совершившимся фактом.

Таких условий о. протоиерей ставит десять. Они сводятся к тому, что Церкви православная и католическая возглавляются видимым Первосвященником - епископом Римским, к которому могут апеллировать, как к высшей инстанции, православные епископы и обращаться к нему за советом. Обряд православной Церкви, ее догматы и каноническое право остаются неприкосновенными. Союз обеих Церквей должен основываться на христианской любви, быть « союзом мира », а не подчинением одной Церкви другой.

Всякому, знакомому с историей католической Церкви, ясно, что почти все условия, поставленные о. протоиереем, не только вполне приемлемы, но уже давно приняты различными народностями православного Востока в форме различных « уний », т. е. соединений с католической Церковью на основе сохранения соединившимися своих « литургических, административных и дисциплинарных порядков ». У нас в России, таковым соединением была так называемая Брестская Уния в 1596 году, последователи которой остались теперь в восточной

части Галиции и северо-восточной части Венгрии. Те же самые основы легли в основу и нашей русской православно-кафолической Церкви, называемой так именно потому, что « православие », т. е. чистота веры, является необходимым дополнением « кафоличности », т. е. вселенскости веры, для которой не существуют и не являются препятствием разности литургического, административного и канонического характера отдельных, поместных церквей.

Следовательно для грядущего святого единения из 10 условий, предложенных о. Протоиереем, вполне приемлемы 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 условие; что же касается до 1 и 10, то принять их *безусловно, в той форме, в какой они выражены*, - мы не можем.

Первое условие гласит, что « Римские католики и восточные православные христиане остаются *всецело*, каждые, при своих догматических верованиях и при своих литургических, административных и дисциплинарных порядках ».

Если бы св. Церковь была *человеческим учреждением*, то конечно и это условие не представляло бы никаких затруднений. *Люди* могут исказить даже догматы Богооткровенной религии. Поэтому нет никакой гарантии для того, чтобы только в одном каком-либо обществе людей « догматические верования » сохранялись в полной чистоте и неприкосновенности. Отсюда ясно, что ни православное общество, ни кафолическое не могли бы претендовать на исключительную чистоту своего догматического учения и принуждать взаимно к принятию его. Но, как веруем мы, католики, и, как надеемся, верует и сам о. протоиерей Устиньский, Церковь есть учреждение *Божественное*, святое, « столп и утверждение истины » (I Тим. 3, 15), в ней « едина вера » (Ефес. 4, 5), она не имеет « скверны или порока, или нечто от таких » (Ефес. 5, 25-27), так как ее Глава - Господь Иисус Христос. Следовательно, если два общества, православное и кафолическое - действительно исповедуют различные, *прямо противоположные догматы*, держатся различных « догматических верований », то их соединение немислимо до тех пор, пока « едина вера » не будет достоянием того и другого.

Отец протоиерей согласен признать Верховным Первосвященником всей Церкви - римского епископа. На каких основаниях это может быть сделано, если теперешним догматическим верованием господствующей русской церкви, как равно и всех православных церквей Востока, является *полное отрицание главенства св. Петра*. В силу чего же православные признают Папу Верховным Первосвященником и будут апеллировать к нему на решение синода? По человеческим соображениям? Потому только, что ходом всемирной истории Папа Римский был - как это утверждают протестанты - выдвинут на первое

место в церковной иерархии? Тогда, при различных догматических воззрениях той и другой Церкви, получится невыносимый компромисс, с которым не может мириться христианская совесть. Кафолическая часть Церкви будет признавать Папу преемником св. ап. Петра, Наместником Христа на земле, т. е. таким человеком, таким епископом, которого *Сам Бог сделал видимым Главой Церкви*, а православные будут считать того же самого Папу только главным иерархом всего христианского мира, сделавшимся таковым только в силу особо благоприятных для него исторических условий. Мало того, догматическое основание папского главенства, при *всецелом* сохранении в данном случае православными своего догматического верования, т. е. того, что ап. Петр не был главой Апостолов и что Римский епископ не наследовал эту власть от ап. Петра по *божественному установлению*, будет непрестанным источником всяких раздоров и недоразумений. Вопрос этот имеет в церковной практике слишком жизненное значение, чтобы его можно было не касаться или как-нибудь обойти. В самом деле, если Папа Римский может принимать апелляции православных епископов, то его решения будут считаться окончательными, как это имело место во время арианских и монофизитских споров. (См.: Церковная история Эрмия Созомена, СПб. 1850, стр. 179. - Церковная история Сократа Схоластика, СПб. 1850, стр. 141, 144, 382-3. - Церковная история Феодорита еп. Кипрского, СПб. 1852, стр. 304, 323-325. - Ср. Деяния Вселенских Соборов, том 3-4).

Что же будет происходить во время этих апелляций? Когда дело будет касаться недоразумений чисто литургического и дисциплинарного характера, Папа будет постановлять свое решение, применяясь к восточному каноническому праву и восточной литургике. В этом случае разности Церквей ничуть не мешают делу единения. Но если Папе придется принимать и апелляции по делам *догматического характера и смешанного*, т. е. такого, в котором догматы играют ту или другую роль? Как *кафолик*, Папа не может уже применяться к православной догматике и вынести решение, согласное с « догматическими воззрениями » православных. Следовательно, он вынесет только чисто кафолическое решение дела, с чисто кафолической точки зрения. Как будет тогда принято православными такое решение? Конечно, будет отвергнуто, как *несогласное с их догматикой*. Во что же тогда обратится право апелляции к Папе?

Св. Киприан говорит, что Господу, « чтобы показать единство (Церкви), угодно было с одного же и предначать это единство » (Творения священномученика Киприана, еп. Карфагенского, книга II, стр. 143). Отсюда следует, что единство Церкви *угодно Богу*. Значит, не

только соображения человеческой мудрости говорят нам, что без единого Верховного Первосвященника Церковь не может быть единой, но и ясно выраженная *воля Божия*. Эта воля хочет, чтобы единство Церкви исходило от ап. Петра и его преемника - римского епископа. Не естественно ли, что, для сохранения этого центра для всей христианской Церкви, Господь *должен был* наделить ап. Петра и его преемников на римской кафедре особыми преимуществами и всегда помогать им быть центробежной силой всего христианского мира? Воля Божия, чтобы существовала единая Церковь с центром единства - Римом, могла быть поэтому только определенным Богооткровенным догматом, не зависящим от каких бы то ни было исторических, *временных* условий, ибо Церковь земная будет существовать до «скончания века» (Мат. 28, 20).

Все многочисленные изречения св. Отцов о главенстве и власти Римского епископа и Римской Церкви основываются только на догматическом факте главенства ап. Петра над остальными апостолами, установленного самим Иисусом Христом. Так например, для св. Никифора, патриарха Константинопольского, без римлян «учение, проявляющееся в Церкви, издревле узаконенное каноническими установлениями и священными обычаями, никогда не может получить одобрения или быть принято к исполнению, так как они получили жребий начальствовать в священстве и им поручено это достоинство от первоверховных Апостолов» (Творения, стр. 188, § 17). Св. Петра он называет не иначе, как: «первейший из учеников», «основание и утверждение Церкви» (там же, стр. 171, § 17), «опора Церкви» (стр. 238), «основание и утверждение нашей веры» (стр. 208). Почему для св. Максима Исповедника «быть вне общения с Римской кафедрой значит то же, что быть вне Вселенской Церкви» (*Maximi Confessoris opera omnia* Migne P. G. XCI, 1860 г., стр. 143-144). Потому что, как говорит он, «все концы вселенной и повсюду находящиеся правоверные люди Божии взирают, как на солнце вечного света, на святейшую Римскую Церковь, на ее исповедание и веру» (там же, стр. 138), .. «которую по обещанию Самого Спасителя никогда не одолеют врата ада» (Там же, стр. 139).

Почему св. Федор Студит называет Папу «архипастырем поднебесной Церкви» (Творения, том I, стр. 221), «главою всех глав» (там же, стр. 219), «высшим настоятелем» (стр. 42, т. II)? Потому что для него Папа есть «камень веры, на котором воздвигнута кафолическая Церковь» (там же, том II, стр. 41), а Римская кафедра - тот «верховный престол, на котором Христос положил ключи веры» (там же, стр. 179). Излишне добавлять, что так же смотрели на свою власть и

сами Римские епископы, в особенности же св. Лев Великий и св. Григорий Великий, почитаемые святыми в православной Церкви.

Если к первому условию о. протоиерея Устиньского сделать небольшую добавку, а именно, - что православные остаются при своих « догматических верованиях, установленных на семи вселенских соборах », тогда дело принимает иной вид. Это будет значить, что православные не должны при вступлении в лоно католической Церкви отречься от *действительного православного учения*, а только от систем своих протестантствующих ученых и богословов, а также и от инсинуаций византийских логоматов, для которых квасной хлеб и борода дороже церковного единства. Не будем много говорить о старом споре относительно исхождения Святого Духа от Отца и Сына. Если православные богословы примут вместо формулы « *filioque* » - « *per filium* » и сверх того пожелают, наконец, положить руку на сердце, сказать, что и та и другая формула одинаково не объясняют нам тайны исхождения Духа Святого, то бесполезные пререкания исчезнут.

Десятое условие протоиерея Устиньского выражено так: « Отношения между Церквями Римской и Российской остаются отношениями союза, а не подчинения, во исполнение заповеди апостольской, повелевающей « *блжсти единение духа в союзе мира* » (Ефес. 4, 3).

Из того, что мы сказали относительно первого условия, ясно наше отношение и к десятому.

Союз христианских Церквей не политическая комбинация, основанная на принципе « *do ut des* », но - союз божественный, скрепленный единством веры и одухотворенный любовью. Следовательно и *необходимое подчинение* велениям Божиим, исходящему из центра христианского единства - Рима - не только не нарушает « *единения духа в союзе мира* », но наоборот укрепляет его. Как Апостолы, *подчиняясь* Христу, ничего от этого не теряли, так и каждая Церковь, - Российская или какая-нибудь другая - подчиняясь Наместнику Христа, не потеряет своей свободы, а наоборот, раз навсегда избавится от засилия светской власти, которая то в лице царей и правительств, то в лице мирян, душила и будет душить в Церкви всякую попытку к совершенству и свободному самоопределению.

Небольшой размер журнала не позволяет нам, к сожалению, высказать всех тех мыслей, на которые наводит благодатный почин о. протоиерея Устиньского. Мы обращаемся поэтому к о. протоиерею с горячей просьбой продолжать и далее развивать свои идеи относительно возможности соединения Церквей. В особенности хотелось бы точнее

узнать его мнение о том, как, по его мнению, *подчинение* верховному Первосвященнику нарушает « единение духа в союзе мира »)?

Зкзарх русской католической Церкви протопресвитер
Леонид Федоров

2 - НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ НОВОГО ПАПСКОГО УКАЗА (Бенедикта XV об Институте для изучения восточных вопросов - из № 61-63 за январь-март 1918 г.).

Принимая непосредственно в свое ведение дела Восточной католической Церкви, Папа Бенедикт XV решил не останавливаться только на простом упорядочении наших церковных дел, но хочет дать новой Конгрегации Восточной Церкви совершенно особый оттенок и характер. Он хочет сделать ее работу перманентным созиданием церковного единения. Для этой цели он учреждает при ней « Институт для изучения восточных вопросов » (*Institutum studiis rerum orientalium probehendis*), чтобы работа самой Конгрегации была, как выражается Папа, « легче исполнимой » и « более плодотворной ». Дело - чреватое последствиями: новое доказательство жизненной мощи св. Церкви и ее никогда не ослабевающей любви к покинувшим ее и блуждающим « далече » от нее чадам.

С самого 1054 года до наших дней призывы Римских епископов к восточным отделившимся церквам проходят красной чертой через всю среднюю и новую историю. Папы обращаются к патриархам и митрополитам греческого, армянского, сирийского и славянского Востока, молят византийских и русских царей помочь церковному единению, побуждают королей и князей Запада содействовать всячески тому же, действуют по завету Апостола: « Проповедуй слово, настой благовременно и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением » (2 Тим. 4, 2).

Как же откликнулись на эти призывы восточные христиане? Так как главную роль на Востоке играла Византия, то от нее нужно было ждать ответа. Духовенство Византии отвечало либо глухим молчанием, либо насмешками, либо проклятиями (исключения - крайне редки). Византийские императоры только « ловили момент », как бы поймать Рим на удочку унии и использовать святую идею для чисто политических выгод, а потом, по миновании надобности, снова поворачивались спиной к ненавистным « франкам ». « Кажется невероятным, - говорит византолог Гельцер, - с какой тонкостью они (византийские императоры) все снова пробовали этот маневр по отношению к добродушным

западноевропейцам и всякий раз находили веривших им, хотя они до Флорентийского собора никогда почти не думали серьезно об унии: это было по большей части лживое притворство из соображений политической целесообразности» (Очерки по истории Византии под редакцией и с предисловием В. Н. Бенешевича. СПб. 1912 г., вып. I, стр. 132-3).

Мы, русские, к сожалению, усвоили себе и эту византийскую «традицию», особенно ловко использованную Даниилом Романовичем и Иоанном Грозным. Даже Брестская Уния появилась только тогда, когда русской юго-западной церкви угрожал полный развал. О Риме вспомнили только тогда, когда уже некуда было деваться, когда среди массы мирян стали раздаваться голоса: «Если не исправится в церкви беззаконие, то в конец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в безмятежном покое» (Макарий: «История русской церкви», т. IX, изд. 2, СПб. 1900 г., стр. 523). И только несколько лет тому назад впервые прозвучал с Востока.

(В единственном сохранившемся экземпляре копии, сделанной князем П. М. Волконским здесь недостает целой страницы. Поиски ее в архиве князя остались безуспешными, так же как попытка автора найти этот номер «Слова Истины» в пяти русских библиотеках в Париже, Риме и Шевтони. Даже там, где имеются полные комплекты «Слова Истины», номера, вышедшие после революции, в них отсутствуют).

. - забыв все оплевания и заушения (А сколько было их от одной России только в XIX и XX столетии. Вспомнить только воссоединение униатов «любовью» в 1839 и 1857 годах, травлю «упорствующих», планомерную деморализацию католического клира и т. д. и т. д.) - первый протягивает руку примирения. Основанием Института Папа хочет содействовать *наитеснейшему соприкосновению православного и католического духовенства*, ибо только таким путем те и другие научатся понимать друг друга, главным же образом православные, которые на деле принуждены будут убедиться, как бессовестно исказили католическое учение их протестантские, старокатолические и англиканские «друзья».

Несмотря на сознание своей полной догматической правоты, Рим - что делает ему величайшую честь - всегда помнил, что часть вины за разделение падает и на него. Он понимал, что обвинения греков, направ-

ленные против латинян, не всегда были несправедливы, что западные христиане, к сожалению, сделали немало для того, чтобы их имя проносилось на Востоке с проклятием на устах. Мы видим целый ряд Римских епископов, выступающих на защиту греков против своих же латинян. Великий Папа Григорий VII призывал всех сжалиться над Византией и проповедовал Крестовый поход, прежде всего *для спасения Византийской империи*. А кому, как не Риму обязана Византия последними славными днями своей героической борьбы с турками? Когда западно-европейские близорукие политики равнодушно смотрели на гибель очага восточно-европейской культуры, Папы проповедовали Крестовый поход для спасения Византии против турок, а когда турки уже осадили Константинополь - только кучка папских рыцарей во главе с кардиналом Исидором прибыла на помощь изнемогавшей империи. Сбывались вещие слова св. Василия Великого, обращенные к западным епископам: « Ибо знаю, что никогда не забудете нас, как и мать не забудет исчадий чрева своего... » (Творения. Письмо к Итальянским и Гальским епископам - 235, стр. 180 часть 7, изд. 3, Москва 1891-92).

Да, Рим никогда не забывал восточных христиан. Правда, не все Папы относились к ним одинаково, не всегда на кафедре святого Петра восседали люди, подобные Григорию VII, Иннокентию III, Евгению IV, Клименту VIII, Бенедикту XIV, Григорию XIII, Льву XIII и наконец Пию X, но дело Божие все-таки творилось, хотя тихо и незримо. Чтобы одолеть косность восточного клира, Рим давно уже делал усилия, чтобы одолеть *косность клира латинского и размягчить его сердце по отношению к восточным христианам*. Дело было трудное, так как на дороге стояло *взаимное непонимание и незнание*. Поэтому уже на Лионском соборе возникает широкий проект смягчения греко-латинских отношений. Этот проект, по поручению Папы Григория X, был составлен генералом доминиканского ордена Гумбертом де Романис. С резкой откровенностью и прямоотой Гумберт указывает Папе, что психологическими причинами отчуждения и ненависти греков к латинянам является « *тираническое преследование греков латинскими князьями словом и делом, ибо они называли их собаками, таскали за бороды и делали много подобных вещей* ». (*Mansi-Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. XXIV, Veneta 1780, pag. 125, pars 2, cap. XI*). « Отсюда ясно, - продолжает он, - что до раскола могло довести греков отчаяние ». Гумберт полагает, что латиняне должны сделать все попытки для умиротворения греков, которых он уподобляет израненному в пути разбойниками, мимо которого прошли священник и левит (там же, стр. 127, гл. XV). Соединение Церквей - *обязанность Папы* (там же, стр. 128, гл. XVI). Какие же практические меры предлагает Гумберт

для реализации единения? Главным образом он настаивает на изучении христианского Востока латинским клиром; требует знания греческого языка, тогда уже едва знакомого римской курии, требует, чтобы повсюду имелись сочинения греческих богословов, акты соборов Востока, исторические записи; настаивает в особенности на оживлении сношений с Востоком, более частой посылке легатов, на переводе католических сочинений на греческий язык и т. п. (там же, стр. 128, гл. XVII).

Вот, что писали и о чем говорили на Западе еще в XIII столетии накануне Лионского собора. Уже тогда было признано, что ядро разделения составляет отчужденность и непонимание друг друга. Вот этого-то наш Восток, к сожалению, не понимает и до сих пор. Как тогда восточные столько смеялись над западными «варварами» и проклинали их, так и теперь. Видоизменились только насмешки и проклятия, сделавшись более «научными» и менее резкими. Кто на Востоке звал к тому же греков, к чему Гумберт звал латинян? А ведь последние могли бы развернуть перед Византией такой же, если не больший свиток ее прегрешений по отношению к Западу и тем ненавистным ей «франкам», кровь которых она лила как воду при всяком удобном случае.

Программа Гумберта, хотя медленно, но проводилась в исполнение. На Западе появился целый ряд ученых (Гоар, Губерт, Монфоко, Май, Питра, Нилис и др.), упорно трудившихся над всесторонним освещением христианского Востока для своих соотечественников. Возникли даже особые учреждения для Востока, как напр.: в Риме коллегия св. Афанасия (прежний восточный отдел при Пропаганде) и монашеские ордена, ставившие целью большее сближение Запада с Востоком. Но только теперь программа Гумберта нашла, кажется, свое почти полное осуществление, если не количественно, то качественно.

Святой Отец указывает, что новый Институт предназначается прежде всего для тех *латинских священников*, которые захотели бы работать на христианском Востоке. Институт даст им возможность хорошо подготовиться к служению, изучить язык страны, проникнуться по возможности ее религиозным духом, изучить богословие той или другой восточной церкви, ее литургику, историю и каноническое право. Конечно, всего этого нельзя пройти в два года, но все-таки можно за это время сильно приблизиться к пониманию духовного облика восточных христиан, оценить и полюбить его.

Широко раскрываются двери Института и для православных. Вместо того, чтобы шататься по Берлинам, Тюбингенам, Лейпцигам и другим протестантским «очагам» «религиозного просвещения» или вернее - затемнения, гораздо лучше будет в центре католического

христианства, в живом и искреннем общении с живыми людьми, сердечно поделиться мучительными вопросами.

Как отнесутся представители теперешней Русской Патриаршей Церкви к этому новому призыву Папы Бенедикта?

Некоторые уже «отнесли» и «отписались», когда в печать только проникли слухи об основании Папой Конгрегации для Восточной Церкви. «Всероссийский Церковно-Общественный Вестник» сразу поднял тревогу (см. №№ 151, 158, 162), указывая на то, что «Рим готовится» (заглавие первой статьи). Затем посыпались, как горох, все те же прежние пошлые, гнилые словеса о папском властолюбии и римской пропаганде. Один из авторов утешает своих читателей тем, что «мы», как говорит он, «как бы унаследовали старинную вражду Востока к римскому Западу и как бы впитали эту вражду в нашу душу. К Риму, к римским доктринам, к римским традициям и обычаям у нас непреодолимое отвращение» (№ 162 - «Соединение церквей»). Итак успокойся, народ православный на этом и продолжай твое «прежнее тихое житие». Когда же совесть будет мучить тебя, то признай, что соединение Церквей «в принципе» - намерение благое и «желательное, но «не для настоящего времени»... (там же). Правда, под одной из этих статей красуются инициалы так хорошо нам знакомые - «С. Т.» (№ 158 - «Великое искушение») и так много объясняющие. Это все тот же громитель кафоликов - С. Троицкий, не стеснявшийся издавать во славу синодского православия подложную речь епископа Штросмайера на Ватиканском соборе («Правда православия», вып. 2, Петр. 1915, стр. 59-81), подделывать и искажать тексты св. Отцов («В защиту православной веры», Петр. 1915, стр. 102, 67-68 и др.), даже обвинять ап. Петра во властолюбии (там же, стр. 36-37). - (Интересен выпад Троицкого против Экзарха Федорова. Троицкий «кстати» замечает, что экзарх недавно «требовал от Временного Правительства передачи униатам чуть ли не Зимнего дворца»). Конечно, ничего подобного не было, и замечание имеет целью только бросить тень на якобы неумеренные аппетиты униатов. Что делать: застарелая привычка. Сколько заработал С. Т., когда при помощи басень об «иезуитах» натравливал предрержащие власти царского режима на русских католиков. Эх, прошли золотые времена. Кто теперь обратит внимание на такое «истинно-русское» усердие!... Кто вознаградит за него?... Но ведь не он один исчерпывает «славную плеяду» подобных ревнителей «чистоты православия», он только продукт своей среды, которая воспитывала таких Троицких целыми сотнями...

К счастью начинают раздаваться и другие голоса. Революция всколыхнула самые глубины русского духа: становится невыносимым жить

в атмосфере разъединения и вражды. Многие начинают уже понимать, что только единство христианского мира может дать прочную гарантию для нормального развития человечества. « В европейской, а вместе и русской трагедии, - пишет Булгаков (« Утро России » № 268), - раз-вертывающейся перед нашими глазами, не осуществляется ли ныне то зло, которое было посеяно тысячу лет тому назад в те недобрые дни, когда назревала последняя распря константинопольского и римского престола »? Святая правда. Страшная братоубийственная бойня, но в тысячу раз ужаснее религиозный раздор, когда Божественный Миротворец, Христос, служит камнем « преткновения и соблазна », когда из-за распрей христиан, « имя Божие хулится у язычников » (Римл. 2, 24), когда неверующие, в ответ на вразумление христианина, с иронией спрашивают его: « В какой же из церквей настоящий Христос?... » Из этого разъединения - все зло: разная вера во Христа, разное понимание обязанностей к Богу и ближним, к государству, семье; разное понимание жизненных задач, разная взаимоуничтожающая культура и отсюда - бесконечная распря и разящий « меч »... Если сознание этого зла будет проникать все глубже в русское общество, тогда только оно поймет, что не властолюбие и не фанатизм заставляют Римских Пап и католическую Церковь так неотступно, так до назойливости настойчиво стремиться к осуществлению церковного единения. Весь католический мир мучается над решением этой проблемы. В захолустьях Франции, Испании, Италии, Бельгии - крестьяне, простые женщины, малые дети молятся об обращении каких-то, совершенно неведомых им, греков и русских, жертвуют на нужды восточных католиков, дают своим детям имена Иосафата, Виссариона, Афанасия, как бы желая воздать честь великим борцам за единство Церкви, целые общества и братства ставят своей целью молиться за соединение Церквей.

Выйдем же и мы из нашего пассивного состояния, двинемся навстречу Западу. Не будем говорить, что соединение Церквей - « несвоевременно », а « силою » (Мат. 11, 12) добудем себе у Господа эту благодать. Вымолим, выплачем ее, не дадим « сна очам » нашим « и веждам » нашим « дремания » (Псал. 131, 4), пока весь христианский мир не превратится в одно великое стадо под одним Пастырем.

Л. Ф.

VI - ЦИРКУЛЯР ПРЕОСВЯЩЕННОГО ЭММАНУИЛА ШАПТАЛЯ, АССИСТЕНТА АРХИЕПИСКОПА ПАРИЖСКОГО ПО СНО- ШЕНИЯМ С ИНОСТРАНЦАМИ.

Директивы, данные им в декабре 1922 г. епархиальным священникам по поводу перехода православных русских в католическую Церковь.

Все пометки красным сделаны Экзархом о. Леонидом Федоровым.

Все возрастающее число русских заявляет о желании перейти в католическую Церковь.

Если те священники, к которым они обращаются, не отдают себе отчета в важном значении обряда, к которому должен принадлежать новообращенный католик, они рискуют вызвать серьезный раздор между католичеством и нашими разъединенными братьями и вновь расстроить на неопределенное время дело соединения Церквей.

Всякое служебное дело латинского священника, подрывающее авторитет славянского обряда, возбуждает в русской душе чувство оскорбления, остроту которого мы едва ли можем себе представить, и при том находится в формальном противоречии с указаниями и постановлениями римских Конгрегаций и Верховных наших Архипастырей.

I

Русские чувства по вопросу обряда

Большинство русских людей настолько привязано к своему обряду и религиозному быту, что видит в нем часть своего национального достоинства. Для большинства русских беженцев эти обряды и бытовые черты остаются как бы символом разрушенной родины, знаменем, вокруг которого они теснятся. Для широких масс этих эмигрантов православная вера является святыней и оплотом национального единства, вокруг которого должны сплотиться все, остающиеся верными старой России.

С точки зрения людей, настроенных подобным образом, принятие католичества с переходом в латинский обряд равносильно измене, отречению от своей народности именно в ту минуту, когда она наиболее нуждается в дружной работе всех своих частей. « При этих условиях, - так рассуждают эти люди, - принять католичество значит быть отрезанным ломтем, сделаться неспособным к участию в жизни своей страны ».

Русские знают католичество только в латинском обряде и потому

полагают, что для того, чтобы быть католиком, нужно быть латинянином, а чтобы быть истинно русским человеком, надо быть православным. Они не знают о существовании католического славянского обряда, совершенно тождественного с тем, к которому они привязаны столь глубоким и вполне понятным и заслуженным чувством.

Другим источником недоразумений и трений является необходимость для русских эмигрантов и для голодающего населения России прибегать к католической благотворительной помощи. При виде совершающихся обращений в католичество, русские заявляют, что мы в этом деле помощи движимы только стремлением купить православные души, заманивая в католичество посулами материальной выгоды.

Подобные жалобы раздавались не раз из среды русских эмигрантов во Франции. Конечно, они лишены всякого серьезного основания; однако нам необходимо знать об этом наболевшем месте русской души, уязвление которого являлось бы досадной неловкостью и недостатком христианской любви. Возможно впрочем, что в некоторых единичных случаях к нам обращаются и заговаривают о переходе в католичество ради участия в материальных выгодах и без внутреннего религиозного убеждения.

Крайне важно поэтому, чтобы священники, выслушивающие подобные заявления, относились бы к ним с большой осторожностью и принимали в Церковь только лиц, тщательно испытанных и надлежащим образом усвоивших наше догматическое и нравственное учение. Священникам надлежит особенно озаботиться о ясности учения, когда им приходится иметь дело с душами, склонными к некоторой туманности и неопределенности.

Легко понять также, что нельзя оказывать никакого давления в вероисповедном вопросе на детей, посещающих наши католические учебные заведения. Лучше всего заранее установить тот духовный режим, которому будут следовать эти дети: в режим этот обыкновенно входит религиозное обучение и воспитание совершенно такое же, как и получаемое остальными воспитанниками-католиками.

Другим поводом к раздражению является наш способ выражения для обозначения православных русских. Наименование *схизматиков*, в приложении к ним, и *схизмы* для обозначения их разрыва с католической Церковью кажутся для них оскорбительными и глубоко обидными.

Поэтому Папа Лев XIII во всех своих актах избегал этих слов, употребляя наименование « разъединенных братьев » или « диссидентов ».

Папа Бенедикт XIV безбоязненно пользовался обычным для них наименованием « православных ».

Итак было бы весьма полезно и согласно с духом христианской любви, предписанным в отношении их Верховными Первосвященниками, воздерживаться от всяких терминов, обидных для этих несчастных, уже столько потерпевших.

Может, однако, случиться, что кое-кто из числа этих новообращенных эмигрантов пожелает принять именно латинский обряд: они воображают, что это единственный обряд, действительно признанный Церковью; других притягивают некоторые особенности культа, свойственные только этому обряду. Для них латинский обряд является, по их выражению, «полным католичеством». Другие, наконец, предпочитают перейти в латинскую церковь за неимением священников своего обряда.

Необходимо просвещать таких верных и направлять их образ мысли. Латинский обряд отнюдь не является ни единственным обрядом, ни «полным» обрядом. Католичество не есть ни латинское, ни греческое, ни славянское явление: оно охватывает все эти обособленные черты и превышает их всех, основываясь на данных истинной веры.

Латинские церкви, ныне посещаемые русскими для принятия святых таинств, для молитвенных упражнений и дел благочестия - могут пока удовлетворять их духовные потребности впредь до создания церкви славянского обряда как в России, так и во Франции и других местах. Час этот еще не настал, кроме первых зачатков в Петрограде, Москве и Константинополе. Но наступит и он когда-нибудь, *и подготавливать это следует с неусытной заботливостью.*

Ввиду сказанного мы напоминаем всем священникам, заинтересованным в деле возвращения русских душ в лоно католической Церкви, что долгом их является внушать всем новообращенным, в особенности тем, кто склонен это забыть, что они принадлежат к обряду, заслуживающему особо благоговейного почитания, как по происхождению своему, так и по собственному своему величию и блеску, и что в этом обряде, по правилам церковным, им надлежало бы оставаться закрепленными, если бы у них оказалась уже в настоящее время церковь своего обряда. Там они нашли бы родное свое достояние, и явили бы своим соотечественникам пример верности вековым традициям. Такой образ действий, как сейчас покажем, установлен самой Церковью вполне определенно и ясно.

II

Вот краткая сводка «Инструкций и правил», преподанных Святейшим Престолом для сношений с диссидентами восточного обряда и преимущественно с желающими вернуться в католическую Церковь.

Быть может многие полагают, что латинизация восточников отвергнута только Папой Львом XIII и его преемниками. Дело обстоит совсем не так, и документы, запрещающие подобную латинизацию, относятся к глубокой древности. Раньше, чем привести сокращенные из них выдержки, отметим, что *Кодекс* в своем каноне 98 (§§ 2 и 3) лишь резюмирует старинное уже установление.

1 - В *Руководстве миссионерам в восточных странах* (*Monita ad Missionarios in partibus Orientalibus*), составленном Пропагандой в 1669 г., читаем: « Миссионеры на Востоке должны тщательно отделять предметы веры от церковной обрядности, проводя различие между догматами, в которые надо верить, и церковным строем, которому надо подчиняться. Вера должна быть общей в той и другой Церкви: Восточной и Западной... Но церковные правила и обряды могут быть различными в каждой Церкви: такая разница в обрядах вполне согласуется с единством веры...

... Таким образом, когда дело идет о возвращении греков к единству католической Церкви, миссионерам необходимо заявлять ясно и открыто, что греческие обряды не порицаются и не изменяются Римской Церковью; и что, больше того, они большей частью одобряются и утверждаются высочайшим образом.

Миссионеры должны понимать, что Верховные Первосвятители всегда настаивали в самых определенных выражениях на сохранении обрядовых особенностей Восточной Церкви в полной их неприкосновенной чистоте ».

2 - В конституции миссионерам, посылаемым на Восток (*Ad missionarios per Orientem deputatos*), начинающейся словами « *Allatae sunt* », Бенедикт XIV в 1775 г. постановляет следующее:

« ...§ 18... Прилагая все меры к тому, чтобы с корнем вырвать заблуждения, в которые впали восточники, Верховные Первосвященники однако особенно заботились о сохранении в неприкосновенности учения, исповедуемого ими (восточными) еще до схизмы, и почерпаемого ими из их литургий и древних глубокопочитаемых обрядов. Никогда Верховные Первосвятители не требовали от них, принимая их в католичество, отречения от их родного обряда и восприятия обряда латинского. Подобное требование повлекло бы за собой уничтожение Восточной Церкви и обрядов греческих и восточных, что совершенно противно действиям и намерениям Святейшего Престола ».

« § 19 ... Из сказанного следуют три вывода. Во-первых, миссионер, трудящийся над делом возвращения к церковному единению восточных схизматиков, должен прилагать все усилия только к устранению заблуждений, унаследованных ими от предков и противоречащих католи-

ческой вере. Затем, он должен избегать всякого оскорбления или искажения обряда, исповедуемого новообращенными, что всегда было чуждо действиям Апостольского Престола. Наконец, миссионер обязан совершенно воздерживаться от всего того, что могло бы восточного схизматика побудить принять латинский обряд; его роль сводится только к тому, чтобы привести его к католической вере, но отнюдь не к внушению ему (необходимости) латинского обряда.

« § 21. ... Тот миссионер, который, вопреки указанному запрещению, убеждал бы схизматика, грека или восточного, воспринять латинский обряд, рискует таким образом действий принести делу весьма серьезный ущерб (*gravissima detrimenta*) ».

3 - В Сборнике (*Collectanea*) Пропаганды изд. 1907 г. (№ 1663, стр. 207) некий восточный миссионер в 1885 г. запрашивал, имеет ли он право в силу обычных своих полномочий, принимать в католичество схизматиков, жительствоющих в пределах его миссионерского округа. Ему дается 1-го июня 1885 г. ответ: - « утвердительный, с тем, что означенные схизматики должны приниматься в обряд восточный, а не в латинский, кроме случаев особого на то разрешения Святейшего Престола ».

4 - В энциклике « *Praeclara* » от 20 июня 1894 г. Лев XIII обращается с призывом к восточным диссидентам и, приглашая их к единению с Римской Церковью, говорит по существу то же самое, что и Бенедикт XIV:

« Движимые любовью Божественною и заботою об общем спасении, а отнюдь не человеческими побуждениями, Мы желаем примирения и единения с Церковью; Мы желаем единения полного и совершенного, и такое единение является ничем иным, как соглашением в догматах, которых мы держимся, и взаимным обменом братской любовью.

« Истинное единение между христианами заключается в том, что учредил и чего хотел Создатель Церкви Иисус Христос: оно заключается в единстве веры и правления. Никакого сомнения не может быть в том, что ни мы, ни наши преемники не отменим ничего из вашего канонического права, ни из привилегий ваших патриархов, ни из обрядовых обычаев каждой Церкви. Святейший Престол и в помыслах своих и в действиях всегда был и будет расположен к всяческой щедрости в уступках во всем, что касается традиций и нравов, свойственных каждому народу ».

Нельзя не подчеркнуть значения этого торжественного обещания. Можно ли после всего этого думать, будто всякий имеет право побуждать новообращенных принять латинский обряд?

5 - В конституции « *Orientalium dignitas* », обнародованной Львом XIII 30 октября 1894 г. сказано:

« XI. Если какая-либо община, или семья, или отдельное лицо, бывши ранее диссидентами, возвращается к католическому единению, и если при принятии их (в Церковь) ставилось условием прикрепление к латинскому обряду, то это самое лицо, или семья, или община остаются в латинском обряде, но с правом возвращения во всякое время к своему родному обряду. Если же такого условия не было поставлено, и только отсутствие восточного священника заставило прибегнуть к священникам латинским, то надлежит вернуться к родному обряду, как только появление восточных священников сделает это возможным ».

6 - Последними документами, касающимися этого вопроса, являются Конституция « *Tradita ab antiquis* » от 14 сентября 1912 г., разрешающая верным причащаться по любому обряду, и канон 98 в Кодексе.

В первом из этих документов, запрещается перемена обряда без разрешения Апостольского Престола, но тут имеются в виду католики, а не переходящие в католичество.

В Кодексе канон 98 § 2 запрещает духовным лицам внушать решение переменить обряд: « Клирики никоим образом да не дерзают привлекать как латинян в восточный обряд, так и восточных в латинский » (*clerici nullo modo inducere praesumant sive latinos ad orientalem, sive orientales ad latinum ritum assumandum*).

Правило это применяется и к диссидентам, возвращающимся к единению, и к верным католикам.

Действительно, как это видно из ссылок, приведенных в официальных изданиях, этот параграф подтверждает закон, изданный Папою Бенедиктом XIV в Конституции « *Allatae sunt* » № 21. Мы уже видели, что этот текст *касается новообращенных* и налагает вполне определенное обязательство на священника, принимающего таковых в католическую Церковь.

Общее заключение: священники, принимающие православных в католическую Церковь, обязаны воздерживаться от всего, *похожего на латинизацию*; они должны, наоборот, заявлять нашим братьям, возвращающимся к церковному единению, что только в случае отсутствия священников и церквей их родного обряда, Церковь разрешает прибегать к обряду латинскому.

Эммануил (Шапталъ),
Епископ Исионский,
Ассистент Его Высокопреосвященства
Кардинала Дюбуа.

VII - СЛУЧАЙ ОДЕРЖИМОСТИ БЕСОМ.

(Свидетельство Ю. Н. Данзас)

В октябре 1923 г. я была в Петрограде. Официально я числилась тогда заведующей отделом (бывшей Императорской) Публичной Библиотеки. Тайно я была католической монахиней.

Я получила отчаянное письмо от одной дамы, с которой сделался нервный припадок. Ее поместили в доме для душевнобольных, находящемся в окрестностях Петрограда в так называемой «Больнице одиннадцатого километра», одном из наиболее крупных учреждений этого рода в России, издавна хорошо известном. На больнице сильно отразился хаос и общая нужда того времени. Эта дама написала мне, прося притти ей на помощь, так как питание в больнице было недостаточным. Кроме того, нужно было помочь ей выйти из больницы; от совместной жизни с умалишенными болезнь ее могла только ухудшиться. Я решила отправиться в больницу сама, чтобы посмотреть, что можно сделать для этой несчастной.

Я была немного знакома со старшим врачом, которого видела несколько раз в Публичной Библиотеке. Поэтому, по приходе в больницу я обратилась прямо к нему. Он принял меня очень любезно и предложил провести к больной, которую мне хотелось повидать. Мы отправились вместе в женское отделение. Доктор предупредил меня, что придется пройти через палату, в которой находится теперь много больных. Чтобы не возбуждать их, с ними не следует говорить. В данный момент все они спокойны. Их поместили в эту палату на несколько часов, чтобы произвести в их комнатах кое-какой ремонт - привести в порядок отопление, поправить водопровод и т. п. По дороге мы говорили об ужасающей бедности, парализующей все усилия медицинского персонала. Недостаток ощущался во всем, здания разрушались. Доктор рассказал мне, с каким трудом ему удается доставать самое необходимое. Я упоминаю нарочно эти подробности, чтобы показать, что мы говорили тогда о чем угодно, но только не о больных, так что я не была решительно ничем подготовлена к картине, которая представилась моим глазам.

— Теперь, - сказал доктор, - мы войдем в палату, где находятся больные. Быстро пройдите ее в направлении двери в левом углу противоположной стены. Я иду вслед за вами.

Говоря это, он открыл дверь в палату и посторонился, чтобы дать

МИТГОЛОЛИТ АНДРЕЙ ШЕПТИЦКИЙ

мне пройти. В этот момент мы услышали ужасающий крик с другой стороны, из-за закрытой двери, как раз против той, через которую мы вошли. Дверь резко открылась, и в палату бросилась молодая девушка, с криком, или вернее, с рычанием, в котором не было ничего человеческого. Тем не менее в этом рычании ясно слышалось слово:

— Крест, крест...

Дико вопя, девушка, повидимому, намеревалась броситься на меня, но тут же упала на землю и начала биться в страшных конвульсиях, с пеной у рта. Руки и ноги ее были так вытянуты, точно кто-то силится их оторвать. Доктор схватил меня за руку и потянул назад, чтобы вывести из палаты. Потом, закрыв дверь, он быстро спросил:

— Есть на вас крест?

На мне был, действительно, крест: маленькое Распятие на четках. Четки были освящены в Риме, я ими особенно дорожила и носила на себе под платьем. В этот день я надела поверх шерстяного платья осеннее пальто, застегнутое на все пуговицы (температура была ниже нуля). Поэтому никто не мог никак заподозрить, что на мне четки с Распятием. Тем не менее, на вопрос доктора я ответила простым - да.

— Ах, мне следовало предупредить вас. Ведь она чувствует крест за две комнаты.

Потом, попросив меня подождать, он быстро вышел к больной и закрыл за собой дверь. Оттуда доносились и дальше страшные крики. Потом они ослабели и перешли в хрип. С бедной больной старались справиться и унести ее поскорее. Доктор вернулся лишь спустя четверть часа, очень бледный и заметно взволнованный. Вот, что он мне рассказал:

— Этой девушке всего семнадцать лет. Она комсомолка - член союза коммунистической молодежи, но из порядочной семьи. Родители ее - рабочие. Как это полагается в комсомоле, она несколько раз участвовала в кощунственных представлениях и процессиях. Однажды она играла роль Божьей Матери в гнусной кощунственной пьесе. На следующий день она впала в меланхолию, начала избегать товарищей, некоторое время дико молчала. Вскоре к этому присоединились сильные припадки и постоянное возбуждение, выражавшееся потоками богохульства, которое она извергала. В таком состоянии ее поместили к нам в больницу. Здесь она уже больше трех месяцев. Временами у нее бывают периоды полного молчания, которое длится несколько дней; тогда она спит тяжелым, изнуряющим сном. Потом, когда возбуждение возобновляется, эта несчастная часами изрыгает страшные богохульства.

Доктор сказал, что никогда в жизни он не слышал такого неве-

роютного богохульства, с таким бешенством, упорством и испорченным воображением. Ужасное возбуждение больной кончается иногда припадками, подобными тому, которому я только что была свидетельницей. Несчастная катается тогда по земле, вся скрюченная и тело ее бьется в страшных конвульсиях. Иногда, в этих конвульсиях, тело ее подбрасывается над полом на высоту целого метра. Как-то раз, в таком состоянии, ее отбросило к окну. Своей головой она разбила стекла и глубоко порезала себя. Оказалось, что причиной припадка была форма окна: оконные рамы напомнили больной крест. Пришлось перевести ее в комнату с круглым окном. Она чувствует на расстоянии всякую вещь, имеющую отношение к религиозному культу, но особенное бешенство в ней возбуждает крест.

В день моего посещения, больная находилась в спокойном периоде. Она дремала в комнате, выходящей в небольшой коридор, который сообщается с упомянутой выше палатой. В тот момент, когда доктор, с другой стороны, открыл дверь, в которую мы собирались войти, больная вскочила с постели, пробежала по коридору и раскрыла из него дверь в палату. Нужно заметить, что ширина палаты между дверями - около двадцати метров. Бросившись в палату, больная свалилась на пол в двух-трех метрах от двери, через которую она вошла, так что ее отделяло расстояние в 17-18 метров от противоположной двери, где я находилась.

К сказанному могу добавить, что я не раз имела случай наблюдать припадки эпилепсии. Поэтому я могу утверждать, что припадок конвульсий у этой несчастной отнюдь не походил на эпилептический. Она упала на пол лицом вниз, с ногами, согнутыми вверх. В то время, когда она билась головой об пол, тело ее изгибалось от подергивания сухожилий, как-будто кто-то выкручивал их, силясь вырвать. Не только не было признака ооченелости, но, напротив, все тело казалось разбитым, словно у нее не было позвоночника. В этих ужасных конвульсиях, на лице не было видно ничего, кроме пары вытаращенных глаз и широко раскрытого рта, который испускал душу раздирающие крики.

Я спросила доктора, много ли у него больных этого рода, так как в городе говорили тогда, что среди молодежи, на вербованной в антирелигиозные группы, было немало случаев сумасшествия. Он ответил мне, что, действительно, к нему часто приводили молодых людей, страдавших серьезными нервными припадками, и что во многих случаях нервные потрясения были вызваны болезненным возбуждением, причиной которого являлось осквернение святынь или участие в кощунственных процессиях. Среди них были случаи религиозного или богохульного помешательства, случаи меланхолии, болезненного упадка

сил и т. д. Но никогда еще ему не приходилось иметь дело с таким буйным случаем, симптомами которого он был положительно поставлен в тупик. По его мнению, эта девушка не была сумасшедшей, но истерической. В то же время, припадки ее нельзя было подвести под известные истерические явления, и сила их приводила его в полное замешательство. Тогда я спросила доктора, какому лечению подвергали эту несчастную.

— Конечно, - сказал он, - ей дают разные успокаивающие, снотворные средства и т. п.

И он стал жаловаться, как трудно доставать теперь нужные лекарства, как недостаточен уход за больными при невозможности находить хороших сиделок. Я его перебила:

— А не думаете ли вы, доктор, что ваша больная нуждается просто в изгнании беса?

Старый врач взглянул мне прямо в лицо, а затем провел рукой по своим седым волосам.

— Видите ли, всю жизнь я посвятил позитивной науке. Никогда я не допускал ничего другого. Однако, с некоторого времени... я чувствую, что сбит с толку. И тут я склоняюсь к вашему мнению...

В этот момент нас прервали, и нельзя было продолжить нашу беседу. Я вышла из больницы с твердым намерением приехать сюда еще раз, чтобы понаблюдать как следует эту больную. Спустя три недели я была арестована, и это мне помешало, так что не удалось больше повидать ни больную, ни старого доктора.

VIII - АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО АНДРЕЯ

МИТРОПОЛИТА ЛЬВОВСКОГО И ГАЛИЦКОГО.

по поводу преследования православного населения в Польше
и уничтожения православных церквей.

Послание митрополита Андрея было конфисковано, и распространение его запрещено польским правительством. В конечном итоге, это только способствовало более широкой огласке, особенно за границей. Его напечатал ряд газет и журналов, начиная с « La Croix » (28-VII-1938). « La vie Intellectuelle » (10-XI-1938) сопровождала его вступление, в котором сказано между прочим:

« К протесту великого католического епископа Львовского мы присоединяем и наш протест во всей мере, в какой, против православных в Польше, действительно совершались несправедливости, и они по-

двергались преследованиям. Слишком больно думать, что в то время, когда столь многие из нас должны с опасностью для жизни исповедывать свою веру, меры преследования могли коснуться наших христианских братьев, хотя в настоящее время и отделенных от нас, но воссоединения с которыми до полного единомыслия с ними мы горячо желаем и на которое сильно надеемся ».

В то время как « *Ilustrowany Kurier Codzienny* » (16-VIII-1938) назвал известия иностранной печати о разрушении православных храмов « шуткой » и « ложью », другие польские газеты оправдали произведенные насилия над православным населением. « *Kurier Wilenski* », « *Czas* », « *Slowo* » и др., так же как ряд украинских и русских газет, напечатавших сообщения о разрушении храмов, были конфискованы, и вторые издания, выпущенные после конфискации, оказались с пустыми местами на месте запрещенных цензурой известий.

Печатаемый ниже текст послания переведен с французского экземпляра, пересланного лично митрополитом Андреем кн. П. М. Волконскому. Стилистически и в некоторых деталях он немного расходится с переводом, опубликованным в « *La Croix* ».

* * *

АНДРЕЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЬВОВСКИЙ И ГАЛИЦКИЙ,

Преосвященным Епископам, Высокопреподобным членам Капитулов и Клиру Галицкой провинции.

Мир вам о Господе и благодать Всевышнего!

Столь тревожные события, взволновавшие в эти последние месяцы Холмщину, побуждают меня принять на себя общественную защиту наших братьев, страдающих от гонения, православных на Воляни, в Холмщине, Подлясье, Полесье, и призвать вас снискать им с небес милосердие Божие молитвой и покаянием!

Сотня церквей разрушена и уничтожена, многие закрыты, а некоторые сожжены неизвестными злоумышленниками. В закрытых церквях запрещено богослужение, как в самих церквях, так и вне их. Среди уничтоженных церквей есть очень ценные памятники древней церковной архитектуры. Нередко уничтожались и предметы религиозного культа. Людей заставляли, часто насильем, переходить в католичество латинского обряда. Священников, которых неимущий народ содержал подаянными и которые исполняли свои пастырские обязанности по приказанию духовного начальства, насильственно удаляли и карали

высокими денежными штрафами и тюрьмой. Невинных людей часто убивали и изгоняли из сел. Там запрещено даже обучать Закону Божию и проповедывать на родном языке.

Православная Церковь покрылась трауром. Вне границ государства, православные Церкви призывают к молитве и посту, чтобы вымолить у Небес прекращение религиозных гонений.

Все православное население Польши охвачено беспокойством. Население Холмщины оскорблено в своих самых святых и благородных чувствах. И все восточные христиане, находящиеся в единении с католической Церковью, страдают от удара, нанесенного самому делу церковного единения.

Все это было сделано в тот самый момент, когда правительство предложило Сейму ратификацию договора, заключенного между Апостольским Престолом и Польским государством относительно имущества бывшей Униатской Церкви. Вследствие совпадения во времени этих обстоятельств, инициаторы и организаторы разрушения церковей сбрасывают всю гнусность происшедшего на Апостольский Престол. События в Холмщине уничтожают в душах наших братьев-православных, не находящихся в единении с нами, самую идею возможности воссоединиться, они показывают им католическую Церковь, как враждебную и опасную православному народу. В глазах нескольких миллионов жителей Польши, Апостольский Престол был представлен в качестве соучастника, виновного в разрушении церковей. Между восточной и католической Церковью разверзается новая пропасть.

Кому следует приписать эти вещественные и моральные развалины? Кто осмелился в католическом государстве, на глазах Нунция, представителя Святейшего Престола, на глазах многочисленного католического епископата, нанести столь страшный удар католической Церкви? Кто осмелился, вопреки интересам государства, попирая ногами традицию маршала Иосифа Пилсудского, совершить столь беспримерное дело?

Выполнить его могли только по наущению тайных врагов католической Церкви и христианства. Такое дело не принесло никому пользы, кроме врагов Церкви. Задача их была нетрудной, когда они причиняли вред части католической Церкви и народу, принадлежащему к ней. Тогда им можно было выступить под тем предлогом, что они уничтожают якобы врагов государства. Уничтожали же они католическую Церковь при молчаливом согласии и даже радостном одобрении многих католиков. Мы и не обращались к нашим братьям латинского обряда с просьбой о помощи. Они могли отказать нам в ней, считая нас неloyальными гражданами, несмотря на очевидные доказательства, что в действительности это вовсе не так.

Заклятые тайные враги христианства не могут открыто нападать в Польше на католиков, так как последние слишком сильны. Поэтому им приходится свои удары маскировать. Они действуют окольными путями, посредством других, однако и тогда их можно узнать по цели, которую они преследуют.

Ободренные успехом, они осмелились своим последним выступлением нанести страшный удар ни в чем неповинным крестьянам и духовенству Холмщины, которых нельзя уже было никак обвинить в не-лояльности к государству. Свой удар они не могли оправдать никаким упреком, который можно было бы сделать этому народу. Они поражают его, пользуясь лозунгами патриотического характера, как например, « исправим исторические несправедливости! », « уничтожим следы порабощения! », и побуждают не сознающих этого католиков к нехристианским поступкам. Этот удар они нанесли ни в чем неповинным православным и нанесли его так искусно, что одновременно он пришелся и по католической Церкви. Этим, однако, они себя выдали, показав, что в действительности они - враги католической Церкви, враги христианства!

Мы должны воспринять с болью все страдания наших братьев и должны заклеить антихристианские постулки.

Разрушение церквей там, где церковь необходима народу, запрещение совершать богослужение, наказания, налагаемые за молитвы - все это мы должны считать актами религиозного преследования.

Увы! Мы вынуждены признать триумфом врагов Церкви - масонов - моральный удар, нанесенный ими самой идее Соединения Церквей, авторитету католической Церкви и Апостольского Престола.

Мы обязаны протестовать против попытки набросить прискорбную тень сомнения, будто Апостольский Престол оправдывает этот поход против православной Церкви. Мы должны также протестовать и против того, что хотят оправдать холмские события и политическую борьбу с украинским народом интересами католической Церкви. В данное время католики, может быть, введены в заблуждение. Среди них есть много таких, которые не отдают себе отчета в том, что произошло в Холмщине. Но то, что произошло - есть и останется для Польши грозным *memento*.

Как для гонимых, так и для нас является утешением, что Господь в Своей справедливости видит наши страдания. Судьбы народов в руках Божиих. Из страданий несчастного народа Господь сумеет дать возрасти его подлинному непреходящему благу и славе и победе католической Церкви.

† Митрополит Андрей

В Пидлуте, в праздник славного Пророка Илии, 20 июля ст. ст. 1938 г.

IX - МЕСТО, КОТОРОЕ ВОСТОК ДОЛЖЕН ЗАНИМАТЬ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, И ТО, КАКОЕ ЕМУ ОТВОДИТ НОВЫЙ ВОСТОЧНЫЙ КОДЕКС.

Отрывок из сообщения, сделанного Помощником Мелхитского Патриарха архиепископом Петром Медаваром о греко-католическом соборе, состоявшемся в феврале 1958 г. в Каире, и напечатанного в католическом журнале « *Bulletin d'orientations oecuméniques* » № 16 за 1958 г.).

... Позвольте мне остановиться на этом пункте подробнее, так как некоторые его плохо поняли или же исказили.

В настоящее время в мире имеется свыше 460 миллионов католиков, из которых восточного обряда - всего десятков миллионов. С другой стороны, насчитывается свыше 250 миллионов православных восточного обряда, в огромном большинстве - византийского. В числе прочих имеется 10-12 миллионов коптов и эфиопов, от 3 до 4 миллионов армян, не больше миллиона сирийских якобитов и несториан. Предусматривается воссоединение всех этих христиан, чтобы согласно воле Господа нашего Иисуса Христа образовать единую Церковь, в тот час, который определило Его Провидение. Помимо сверхприродного средства молитвы, интеллектуального средства изучения, наш долг приготовить и психологически путь этому воссоединению, расчистить его, устранив всевозможные препятствия, загромождающие его или преграждающие. Такими препятствиями являются в особенности взаимные предубеждения, непонимания, недоразумения. Лучшее средство доказать доброе расположение и чистоту намерения католической Церкви - показать наглядно христианам, как Рим намерен организовать воссоединенную Церковь, какое место в ней он намерен дать Востоку.

Создавать такое место - нет надобности, оно установлено более, чем тысячелетней традицией, постановлениями Вселенских Соборов, двухсторонними соглашениями, заключенными между двумя частями христианства, торжественными обещаниями Верховных Первосвященников, обещаниями данными нам в письменной форме по случаю кодификации восточного права, начатой в 1929-1930 г. г., и официальными заявлениями, которые кардинал, председатель комиссии по кодификации, повторил нашему Патриарху, заверив его, что когда православные увидят новый кодекс, они, не задумываясь, воскликнут: « Это наш закон, это голос наших Отцов! » Место Востока в католической Церкви одно из самых почетных, ибо она смотрит на восточных апостольских патриархов как на уполномоченных, вместе с Римским

Папой и после Него - Его совершенно особый личный авторитет не оспаривается нами ни в какой мере - и, считает, что им вменены заботы по управлению церковью и признает за ними первый ранг непосредственно за Верховным Первосвятителем, без посредников. Такое признание первого ранга в старшинстве не является целью само по себе; оно только вытекает из того места, какое восточные Патриархи занимают в иерархии Вселенской Церкви.

Между тем, вместо того, чтобы показать православному миру то место, на которое они имеют право в единой Церкви, новое каноническое право, обнародованное *motu proprio* « *Cleri Sanctitati* » представляет ему умаленных Патриархов, за которыми, правда, согласны признать некоторые привилегии чисто исторического порядка, но самые важные из них подлежат еще предварительному разрешению или последующему утверждению. При такой системе взглядов на институт Патриархов, было естественно назначить им очень отдаленное место от Папы. Какой же ранг в церковной иерархии новое каноническое право оставило этим высоко достойным представителям подлинного апостольского христианства, стоявшим во главе тех крещеных, которые первыми носили наименование « христиан » и в Антиохии, вместе со св. Игнатием, первыми произнесли слово « кафолический », этим преемникам Отцов Церкви и Исповедников, потомкам мучеников, претерпевшим и продолжающим до сих пор терпеть все виды преследований и унижений ради имени Христова и Его Креста, возглавлявшим Матери-Церкви, распространявшим свет христианства во всем мире задолго до основания коллегии кардиналов, этим живым эмблемам кафолического единства веры и морали в необходимом многообразии обычаев, дисциплины или обрядов, этим представителям христианского сопротивления, сохранившим наличие христианства в земле Ислама? Так вот. Совершенно не считаясь со всем этим наследием святости и чести, ни со всем тем, что они представляли собою в прошлом, ни со всей той надеждой, какой они являются для будущего, новое каноническое право определяет их ранг не только позади 72 кардиналов, но и позади сотни апостольских легатов, которые могут быть и простыми священниками, а иной раз даже - после простых епископов латинского обряда! Почему? Просто потому, что они находятся в унии с Римом! В то время, как отделенные Церкви пользуются всеми почестями, которые им полагаются и которые необходимы, чтобы их поддерживать и защищать интересы верных на ставшем мусульманским Востоке, католические Патриархи подвергаются все больше и больше « *capitis diminutio* », чем все сильнее умалется их роль в Церкви и в церковных общинах. Таким путем думают осуществить единение христиан!

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

1866-1949.

Князь Петр Михайлович Волконский за работой в Львове (1935) в своей комнате в доме митрополита Андрея.

Ах, эта забота о христианской унии! Как по разному ее ощущают! Позвольте передать вам слова, сказанные мне однажды нашим высококочтимым Патриархом: « Каждый год, - сказал он, - когда я чувствую приближение моления об единстве Церкви (19-25 января), я испытываю в себе самом чувство стыда, констатируя, что наше непонимание побуждает нас читать устные молитвы и слушать красивые речи, призывающие к соединению Церквей, тогда как практически мы допускаем действия, способные вырыть между ними все более и более глубокие рвы! »

Те, у кого нет в крови вышеописанной традиции, кто не связан тысячью уз с 250-ю миллионами православных, не чувствуют, как мы, огромное затруднение, причиняемое таким законодательством делу восточных христиан, ни нового глубокого рва, какой оно вырывает между ними и католической Церковью. Но мы, католики греко-мелхиты, мы не можем не реагировать. Этой реакции мы дали явное выражение на нашем соборе. Я цитирую здесь еще раз слово Его Блаженства Патриарха, сказанное на литургии 9 февраля:

« Мы изучили с большой тщательностью этот предмет, не потому, что он касается нашей смиренной и недолговечной особы и нашей малочисленной церковной общины, но вследствие того общего и постоянного интереса, какой он представляет для святой Кафолической и Апостольской Церкви. Эта Христова Церковь должна фактически, а не только теоретически, охватывать видимым образом всех христиан без какого-либо различия, из которых около 250-и миллионов принадлежат к апостольской восточной традиции. В этом - высший интерес христианского единства, интерес, отрешенный от всякого земного и временного стремления, интерес захватывающий, способный вызвать энтузиазм всякого христианского сердца! Между тем, эта высшая забота собирания воедино христианства требует, чтобы мы признали то важное место, какое апостольские Патриархи Востока должны занять в объединенной Церкви и которое должно быть дано им по праву ».

« Изучению этого вопроса мы отдались в духе веры, любви и уважения, которым следует всегда руководствоваться, когда рассматриваются церковные дела; мы отдались ему с полным доверием, какое имеем к Святейшему Отцу всех христиан, Верховному Первосвятителю Пию XII, Папе Римскому, примат и вселенскую юрисдикцию которого мы исповедуем всем сердцем. Таким образом, мы являемся, с одной стороны, восточными христианами, тесно связанными с нашими традициями, с нашими обычаями, с нашей Восточной Церковью, которая была первой в распространении христианства в мире, а с другой стороны, мы католики, прочно соединенные с Престолом Римского Пер-

восвятителя, относящиеся с абсолютнейшим доверием к обещаниям и Его и Его предшественников, столько раз расточавшимися, начиная с Флорентийского собора и до наших дней. И невозможно представить себе, чтобы факт нашей унии с Римом являлся причиной нашего умаления. Мы верим, что божественное Провидение, выявляющее, согласно ап. Павлу, свое Всемогущество, избирая немощные средства для совершения великих дел, дало в удел нашей Церкви быть естественной связью между христианским Востоком и христианским Западом. Несмотря на всю нашу слабость, мы хотим быть верными этой явной и существенно важной задаче, хотим работать для нее с искренним желанием ее выполнить. А когда мы замечаем нечто, чем бы оно ни было, не согласующееся с целью такого призвания, тогда нам не позволено хранить молчание: наша ответственность требует, чтобы мы обратили внимание на необходимость внести изменение».

И действительно, мы представили Его Святейшеству Папе соборное письмо, доставленное Ему особым уполномоченным, Его Преосвященством Владыкой Хакимом Галилейским, который специально с этой целью отправился в Рим. Все, что мы можем сегодня сказать, это то, что Папа действительно общий Отец, что, обращаясь к Нему, находят справедливость; Он не только принял наши просьбы с симпатией и поддержал их, но и наши возражения рассматриваются в благоприятных условиях. Поэтому будем с доверием ждать результата.

Однако, в то время, как мы переживали эту внутреннюю драму, что происходило вокруг нас как раз в продолжение сессии собора? Мне стыдно, и я сожалею, что должен сказать это: католические священники, долг которых помогать друг-другу или чья задача здесь работать «*in auxilio orientalium*», ходили по домам греко-католиков, говоря им, что их иерархия намеревается стать схизматической! Они говорили им, что греко-мелхитские епископы переносят в область Церкви дух противозападной независимости мусульманских государств. ... Пользуясь всяким поводом они уверяли всюду, что представители греко-католической иерархии, действуя из гордости - *superbia graecorum* - и руководимые узостью во взглядах (*par la «petitesse d'esprit»*) их Патриарха, вместо того, чтобы заниматься теперешним тяжелым положением христиан на Востоке, волнуются только из-за жалкого вопроса о местничестве, стремясь пропустить своего маленького Патриарха вперед, выше представителей Папы». ...

(Под общим подзаголовком «Кампания клеветы», арх. Петр приводит ряд наблюдений и фактов, подчеркивая, что это - не слухи, а материал, собранный им лично во время объезда епархии).

« Да простит им Бог!

Однако, хорошо, чтобы весь мир знал, что мы трудились не только для малой греко-мелхитской церковной общины, но и для всей Восточной Церкви и в конечном итоге для Вселенской Церкви. Наше умонастроение и наше чувство утверждают нас в убеждении, что мы не составляем особой группы, но что существует только одна Вселенская Церковь, к которой мы принадлежим от самого начала и что для нее мы должны работать ». ...

« Будем питать доверие к нашему Святейшему Отцу Папе, будем сыновне к Нему прибегать, как мы это сделали на соборе; но только, пожалуйста, не будем большими католиками, чем Он сам. Раз мы любим Его, то будем следовать Его примеру: Он принял отечески наши возражения (*nos réclamations*), благосклонно обещав нам изучить их. Хотя и осведомленный точно о предмете упомянутых возражений, он не поторопился с суждением и осуждением, не сказал нам, что в нас схизматический дух... Высокие лица в Риме, находящиеся в постоянном контакте с Его Святейшеством, не только ободрили нас, но и просили продолжить наше изучение, чтобы помочь им найти наилучшее решение намеченных проблем. Поэтому, еще раз: любовь, справедливость, благоразумие ».

* * *

Как ни печальны последствия, связанные с опубликованием последнего тома Восточного Кодекса, все же они преходящи. « Страшен сон, да милостив Бог ».

Слов нет, прав греко-мелхитский Патриарх, как носитель традиций древнего восточно-кафолического христианства, когда он, при ясно выраженной верности примату Вселенского Первосвященителя, считает себя, в теперешних сношениях с Римом ответственным за будущее воссоединение с ним восточных Церквей. Тем не менее этот кодекс, как бы ни были неудачны иные статьи в нем, не может влиять непосредственно на судьбу русской Церкви в смысле возможности или невозможности вхождения ее в единое вселенское стадо под одним Пастырем.

Хоть и темна теперь ночь на русском христианском Востоке, но, когда пробьет заветный час освобождения русской Церкви от мирских властей, какими бы они ни были, вопрос о ранге Патриарха Московского и всея Руси и о месте и правах русской поместной Церкви во Вселенской будет решаться не буквами кодекса. В этом можно быть совершенно уверенным.

Тогда не будет умаляться латинством и ранг, пусть маленького, но

героического греко-мелхитского Патриарха. Времена и сроки в руках Божиих, а мысли Его - не наши мысли, и наши пути - не Его пути (ср. Ис. 55, 8). Весь христианский мир смотрит теперь с доверием и надеждой на нового Наместника Господа Иисуса Христа - Папу Иоанна XXIII, восшедшего на Престол св. Петра. Сам Господь укажет Ему Свои пути, чтобы повести все христианское стадо к единству, и никакое латинство, более католическое, чем сама «кафоличность», не преградит пути восточному католичеству, намеченному Папой св. Пием X и кир Андреем Шептицким и которому до конца отдал свою жизнь мученик-исповедник о. Леонид Федоров.

Благоприятным знаменем времени является несомненно то обстоятельство, что иные, все еще острые, вопросы, ошибки и недоразумения вышли теперь на страницы католической печати. Это верный показатель того, что сами препятствия уже значительно ослабели, а стремление к единству усилилось. Прямое, открытое и честное обсуждение в только что указанном духе *любви-справедливости-осмотрительности*, неизбежно ведущем к взаимному пониманию, ускорит их устранение и поможет создать *психологически* благоприятную атмосферу, чтобы умы и сердца оказались на высоте святого, Божьего дела, когда пробьет назначенный Провидением час воссоединения с Римом отделенных от него восточных христиан.

X - AUDIATUR ET ALTERA PARS

(Послушаем и другую сторону!),
(Как они думают, что они чувствуют).

Заканчивая этим очерком отдел приложений к труду: «Леонид Федоров», мы даем место голосу православного, В. Михайленко, прозвучавшему впервые в Львове в 1930 г. на страницах украинского католического журнала «Поступ», где его статья была напечатана (№ 4-5, стр. 117-127) под заглавием «Два светлых луча в темной ночи». У него мы находим живое свидетельство одной из пострадавших православных душ, *de profundis* воззвавшей к вселенской совести католического мира. Подкупающая мягкость, с которой В. Михайленко трактует этот вопрос, не умаляет нисколько мужественной прямоты и искренности его изложения.

В силу этого его статья, как редко какой человеческий документ, способна раскрыть правду невидящим, привлечь внимание отвернувшихся, тронуть сердца безразличных, а главное - сказать, как они, *altera pars*, думают, что они чувствуют, как отражаются на них иные

роковые ошибки, как много вредят святому делу, которое должно было бы быть, особенно в наши дни, выше всякого дела: « Да будет едино стадо и един Пастырь ».

Нужно иметь в виду, что статья В. Михайленко напечатана после начавшегося процесса о « ревиндикациях » за 8 лет до последовавшего за ними « церковного погрома », о котором говорит напечатанное выше послание митрополита Андрея Шептицкого.

Чтобы не усложнять вопроса, автор воздержался от некоторых замечаний, которые напрашиваются иной раз и которые читатели-католики не преминут сами сделать; входить в это здесь ему казалось ненужным. Посредством этой статьи он хотел лишь показать, как именно *они* думают и что *они* чувствуют иной раз.

I

Вот уже тринадцать лет (П. Р.: а теперь увы, прошло уже почти 50 лет!), как печальный мрак застилает широкие просторы бывшей Российской Империи. Прошло уже тринадцать лет с тех пор, как международная банда бессовестных преступников, укоренившись в Кремле Московских Царей, властвует над шестой частью Вселенной и тиранствует над многомиллионным населением разных народов и разных религий, разрушая его материальные и моральные блага. Эти красные властодержцы шестой части Вселенной, одни во имя отвлеченного идеала, другие в силу эгоистических стремлений и инстинктов, иные, наконец, как служители тщательно скрываемого таинственного культа сатаны, привели ещё недавно богатую и цветущую страну к страшному разорению. Они посеяли в ней ненависть, социальную и национальную борьбу, уничтожили домашние очаги и все традиции, распространили ужасное распутство, во время голода довели людей до людоедства, повели дьявольский поход против Церкви и всякой религии, против всякой веры и всякого обряда. Закрытие и разрушение огромного числа храмов и других молитвенных домов всех исповеданий, превращение многочисленных мест культа в кинематографы, клубы, танцевальные залы, общественные дома и т. д., расхищение церковного имущества, осквернение мощей и наиболее священных для всякого христианина предметов, расстрел, пытка и ссылка десятков тысяч священников и других служителей алтаря, высланных в страшные тюрьмы Соловков и Сибири, утонченные мучения - всего этого кажется ещё мало красным бандитам, антихристовым властодержцам. Они не только уничтожают религию, не только разоряют и разрушают церкви и предметы культа, не только мучают и убивают священников, но силят-

ся еще пробудить во всех слоях общества, а главным образом среди молодежи, дикую ненависть к Церкви и к Богу; они вводят ужасные, кощунственные и антирелигиозные обычаи, особенно на Рождество и на Пасху, силой заставляют участвовать в них молодежь, обязывают учителей проповедовать атеизм и ненависть к Церкви, сознательно распространяют разврат и деморализацию всех видов, преимущественно среди молодежи. В конечном итоге, они распространяют неверие и, разрушая религию на всей обширной советской территории, в то же время, укореняют в ней сатанинский культ борьбы против Церкви и вытекающий отсюда культ плоти, наслаждения земными благами и распутства. Этот дьявольский посев не преминет принести вскоре свои страшные плоды. Уже теперь, как это показывают всевозможные анкеты, произведенные среди молодежи, не остается больше 10-20% детей школьного возраста и подростков, исповедующих религию. Среди этой молодежи распространяется с ужасной быстротой моральное зло всех видов: безбожие, цинизм, употребление наркотиков, самоубийства, венерические болезни. Бездомные дети, « беспризорные », образуют банды, составляющие мощную армию бандитов, убийц и разбойников.⁶ Вообще, трудно даже представить себе, что выйдет из молодежи, растущей теперь в совдепии; растет эта молодежь большей частью без веры, закона и морали и без какой бы то ни было цели жизни, подчиненной разуму или какому-нибудь идеалу. Только божественная Премудрость и Провидение могут вырвать у сатаны миллионы душ этих несчастных детей. Темная ночь застилает огромную территорию советов. Но несмотря на это мы не перестаем верить божественным словам Того, Кто создал Церковь Свою: « Врата ада не одолеют ее ».

Однако, эта, наводящая уныние ночь властвует не только на советских равнинах. С глубочайшей скорбью мы должны сказать, что не все в политико-религиозной жизни страны, в которой мы находимся ныне (т. е. в Польше) обстоит наилучшим образом. Вышло ведь так, что народ, считавший себя всегда самым христианским, наиболее католическим, народ, устами своих наилучших сынов провозглашавший себя блюстителем высшей христианской миссии (Унии), после того как он восстановил свою независимость, повел против своих же славянских братьев, не соединенных с ним христиан восточного обряда, политику, которую трудно назвать христианской. Ясно, что мы говорим здесь не о всем народе в целом, а только об одной части его. Тем не менее при-

⁶ Впоследствии, когда массы беспризорных приняли уже угрожающий характер, советское правительство ликвидировало их, применив для этого самые радикальные меры. (В СССР ходили слухи, что их переловили и перетравили газами).

скорбно, что именно эта часть народа, дающая повод нашей критике, подчеркивает больше всех свой католический характер и часто имеет даже притязание быть единственной католической партией среди различных политических группировок нашей страны. В то же время, политика некоторых других группировок, как например тех, чьим органом является «*Kurjer Wilenski*», много разумнее в отношении не соединенных с Римом, нежели поведение считающих себя архикатолическими. Мы упоминаем об этом лишь между прочим. Самым печальным и трагическим в той политике, которой мы только что коснулись, несомненно является дело, называемое «ревиндикациями», направленное против православных церквей и монастырей. Как писал об этом не так давно профессор о. Стефанович, «авторы этого проекта и их соотечественники не отдают себе отчета в том, что это предприятие вызывает ужасающий призрак и что оно станет сигналом к новым распрямам не только между украинским и польским народом, но также и между всеми народами Восточной Европы; помимо этого они роют глубокую пропасть между католической и восточной Церковью» («Дило - 1930, № 52»). Мы не сомневаемся в том, что среди сторонников «ревиндикации» православных церквей есть люди, искренне считающие эту ревиндикацию чем-то хорошим, справедливым, выгодным для их отечества, для латинского клира и даже для католической Церкви. К нашему великому изумлению, на стороне этих лиц оказался человек, казалось бы, столь симпатичный Востоку и в частности России, как митрополит Ропп, которого нельзя заподозрить в грубых и низких намерениях. Конечно, идея «ревиндикаций» родилась в мозгах некоторой части польского клира, как под влиянием былых традиций польских национальных восстаний и революций и приплетенных к ним старых легенд, так и живо еще сохранившегося чувства обид и несправедливостей, причиненных их народу русским правительством, и мысли о национальном реванше; наконец, и в силу упорной, предвзятой идеи, что польская нация якобы является «глашатаем высшей цивилизации» на Востоке, который, согласно этой фантастической концепции, остается все еще погруженным в варварство и язычество. Еще совсем недавно, мы имели случай читать в статье одного заслуженного польского публициста, которого считают очень хорошим католиком, М. Л. Радзейовского, напечатанной в католической газете «*Polska*» (1929, № 189), что с 1830 г., «начало господствовать темное и мрачное русское варварство и ничем неприкрытый возврат к язычеству» на территории и в областях, отнятых Россией у Польши, т. е. в Подолии, на Волыни, в Киевской области, в Белоруссии и т. д. Под влиянием таких мыслей, выражений и рассуждений, одинаково далеких, как от действительно-

сти, так и от христианской морали, а также и от намерений Святейшего Отца, Папы Пия XI, нередко заявлявшего о своей любви к Востоку, как находящемуся в единении с Римом, так и отделенному от него, эти герои «высшей цивилизации» вздумали отобрать у «диких» и у «язычников» украинцев и белоруссов Почаевскую Лавру и целый ряд других монастырей и почти половину всех православных церквей, находящихся в теперешнем польском государстве. Между тем, любопытно отметить, что никто из этих «ревиндикастов» наверно не подумал «ревиндицировать» протестантские храмы в Данциге, Познани, Померании и т. д., которые несомненно были когда-то латинскими католическими храмами, по той простой причине, что они принадлежат «культурным» протестантам, которых Англия, Америка и Германия могли бы взять под свою защиту. Однако вернемся к нашему вопросу. Люди, выдвинувшие пресловутую идею «ревиндикаций», конечно ни на минуту не обратили внимания на важность вопроса о церковном соединении, которое между тем, по словам отца-иезуита профессора Швейгля, составляет предмет горячих забот Святейшего Отца. Они забыли многозначительные слова Папы: «Не будем давать повода верующим латинского обряда предполагать, что восточных христиан можно оторвать от их богослужения, привилегий и прав». Они не захотели последовать примеру Верховного Первосвященителя, который «любит Восток с многообразием его племен и обрядов, как Восток в единении с Римом, ибо он с ним в общении, так и отделенный Восток, потому что он от него отделен и вследствие этого нуждается в особом участии; того Папы, который старается всеми возможными средствами дать западным католикам ознакомиться с христианским Востоком и привить им уважение и любовь к нему; того Папы, который еще в 1918 г., как визитатор в Польше, как владыка Ахилл Ратти, просил Бенедикта XV позволить ему отправиться в Советскую Россию, «чтобы работать там для не соединенных братьев или, если понадобится, то и умереть за них». (О. Швейгл, «Папа Пий XI и Восточные Церкви» в журнале «Die katholischen Missionen» - 1929, № 7 - июль, стр. 209, 213). Какая глубокая разница между этим отношением Папы, исполненным такой искренней любви к Востоку, не соединенному с Римом, и тем презрением, с которым бесчестят православных украинцев и белоруссов и обходятся с ними как с «варварами» и «язычниками», у которых можно спокойно отнять то, что им наиболее свято.

Нужно ли удивляться тому, что вследствие столь оскорбительного презрения к украинскому и великорусскому населению православного вероисповедания в так называемых «кресах» с одной стороны и вследствие ревиндикационных судебных процессов - с другой, среди пра-

вославных распространилось не только неологоприятное предубеждение в отношении всего, что является католическим, но и, что еще печальнее, даже чувство ненависти к католикам, на которых смотрят теперь как на « величайших врагов ». Те самые, которые были некогда среди православных наибольшими сторонниками сближения между православием и католичеством, теперь, под влиянием « ревиндикаций », фигурирующих уже перед судебными трибуналами, и, вообще, под влиянием общего отношения к православным, как якобы « варварам » и « язычникам » - я говорю об этом с большой горечью и с самым прискорбным чувством - или отказываются от своих прежних симпатий к католической Церкви и к католической жизни, отрекаясь таким образом от того, что питало их самые дорогие и заветные мечты о соединении православной Церкви с католической, или же впадают в отчаяние.

Те же из православных, которые, не взирая ни на что, сохранили дружественное отношение к соединению православия с католической Церковью, стали в глазах остальных православных изменниками, авантюристами и т. п. Так например, когда Михаил Зызыкин, профессор православного богословского факультета в Варшаве, решился в августе 1929 г. принять участие в унияльном съезде в Праге, он вызвал этим общее возмущение среди православных. Довольно влиятельная русская газета « За Свободу » напечатала тогда целый ряд язвительных статей и очень разких замечаний против М. Зызыкина за его участие (как выражались тогда) в « католическом конгрессе », а православный Синод (в Польше) выразил общественное порицание, опубликовав таковое официально в русской и польской печати, и потребовал формального раскаяния с его стороны и т. д. В то же время православные епископы, даже Глава православной Церкви в Польше, Его Блаженство митрополит Дионисий, принимали живейшее участие в протестантских конгрессах, где они молились совместно и действовали заодно не только с лютеранами и кальвинистами, но также и с баптистами, квакерами и другими сектами, даже с либеральными протестантами (интерпретирующими Воскресение Христово как простой символ и принимающими еще другие идеи этого рода). Мы напоминаем об этом не для того, чтобы упрекать и критиковать православных епископов и богословов, так как нам понятно их душевное состояние, но с целью спокойно констатировать этот факт. « Грустно, очень грустно, - сказал мне по этому поводу один пожилой православный священник, очень почтенный и весьма уважаемый, как мною, так и всюду в православной среде, - да, грустно, что мы сходимся с протестантами, даже с квакерами и баптистами, и не можем найти общего языка с теми, кто нам бесконечно ближе, у кого законная иерархия и таинства и от кого нас отделяет столь малое. Еще

печальнее то, что они обращаются с нами хуже, чем с протестантами, мусульманами или евреями... »).

Чтобы ознакомиться с теперешним душевным состоянием лучшей часим православных (в Польше), очень интересно прочитать в газете за « За Свободу » (№ 294-296, 1929) статью протоиерея Терентия Теодоровича « Вокруг жгучего вопроса » и его же - приложение к статье, озаглавленной « Ответ на ответ архиепископа Роппа » (там же, № 320). Отец Теодорович, самый заслуженный и почитаемый член православного клира в Польше, пользуется большой популярностью и очень влиятелен в православных кругах. Он - священнослужитель искренне преданный интересам Церкви (как таковой, если можно так выразиться); не раз он проявлял благородную смелость в манере держать себя и нередко это причиняло ему серьезные неприятности. Когда-то он был большим сторонником сближения православной Церкви с католической и в 1924 г. прочитал на эту тему действительно интересный и ценный доклад об « Усилии всех христиан к взаимному сближению ». Его статья « Вокруг жгучего вопроса » начинается воспоминанием, посвященным чувствам симпатии к католицизму, его прежней работе с целью взаимного церковного сближения и т. д. Но тотчас же он добавляет, что в настоящее время (т. е. после « ревиндикативных процессов » и ряда других подобных фактов) он не мог бы занять позицию подобную той, кака у него была во время доклада 1924 г., так как, - говорит он, - « все с тех пор изменилось ». Эта статья полна горьких и искренних сетований и скорби христианина, украшенного священством, который понимает важность и необходимость церковного соединения или воссоединения и который в то же время видит, что последние нити, при помощи которых можно было бы соединить отделенный Восток с католическим Западом, или лопаются и рвутся в то время как мы беспомощно смотрим на это, или же разрезаются столь почтенными лицами, как митрополит Э. Ропп. Отвечая владыке митрополиту Роппу, о. Теодорович приводит некоторые отклики, вызванные статьей « Вокруг жгучего вопроса » и выраженные ему в многочисленных письмах из Вольни, Подлесья, Белоруссии, Румынии, Франции, Италии и т. д., одним словом, понемногу отовсюду, где обосновалась русская и украинская эмиграция. Эти отклики православных, вызванные статьей о. Теодоровича и в то же время этим проклятым делом « ревиндикаций » и раздающиеся теперь отовсюду, весьма печальны для дела Унии... « Одна мысль мне не понравилась в Вашей статье, - пишет один из вольнских корреспондентов о. Теодоровича; это - мысль о возможности итти дальше по пути соединения Церквей; на этом нельзя задерживаться даже в мыслях, это нечто совсем нежелательное ». -

« Я думаю по этому поводу, что не может быть никакой Унии между православием и католичеством... » - « Соединение невозможно и не надо даже о нем говорить... » и т. д. На один и тот же лад звонят все колокола в разных городах и в разных странах. И правда, разве можно ожидать другого отношения со стороны православного мира с того момента, как два миллиона православных находятся под угрозой потерять свои церкви в « процессах о ревиндикациях », когда польские католические журналы третируют православие как язычество?

К тому же мы полагаем, что столь тяжелое впечатление, имевшее такие же тяжелые последствия, было вызвано не столько ревиндикативными процессами и другими фактами этого рода, сколько общим молчанием прочих католиков. Когда некоторые польские католики латинского обряда, под еще живым влиянием старых национальных легенд из времен польских восстаний, подогретым воспоминаниями о совершенных несправедливостях и поправленных правах, предпринимали шаги для « ревиндикации » православных церквей, многие православные ожидали, что другие польские католики, свободные от этих миазм, так же как и католики не-поляки, не зачарованные националистическими польскими чувствами, вмешаются в это дело и помогут найти выход из положения, начавшегося столь злополучно. Однако, единственным ответом оказалось общее молчание. Никто не избилчил во лжи, ничей голос не прозвучал на другой лад. Мы говорим здесь о печати, или официально католической или католического направления, так как некоторые более или менее либеральные круги, хотя и польские, как например представленные газетами « Kurjer Wilenski », « Przyjaciół Ludu » и т. д., реагировали совершенно иначе.

Даже те, которые столько писали и говорили о своей любви к православным с Востока, из России и т. д., как амеийские отцы-унионисты, издающие тем не менее свой « Иреникон », или отцы-доминиканцы, отцы-иезуиты или восточные отцы - бенедиктинцы, все они не вымолвили ни одного слова по поводу « ревиндикаций », так что общее молчание всех унионистов дало повод некоторым православным, искренним друзьям Унии, посетовать на то, что для всех этих отцов, будь они бенедиктинцы, иезуиты или доминиканцы восточного обряда, « их любовь к Востоку годна лишь на то, чтобы слагать высокопарные фразы, назначение которых пускать пыль в глаза людям », а « якобы приверженность к восточному обряду - всего лишь один маскарад », тогда как их акция продиктована « частью соображениями политического порядка, частью же желанием западных людей поискать себе новую забаву ». Все это - горькие и явно несправедливые жалобы, но, чтобы понять их, нужно принять во внимание глубоко пессимистичес-

кое состояние умов этих людей, которых дело « ревиндикаций » погрузило в самое мрачное отчаяние, к тому же еще и усиленное молчанием прочих католиков.

Правда, на эту тему заговорил один католический священник русской национальности, о. Диодор Колпинский. В « Открытом письме », обращенном к г. Философому, редактору уже названной газеты « За Свободу », он энергично протестовал против « антикатолической эксплуатации католичества в пользу полонизации ». « Самое скверное в этом деле, - сказал он, - это то, что таким образом роют пропасть между Церквями; это злосчастное дело, смею утверждать, творилось часто сознательно. В Польше повторяют слишком часто, что на этих пресловутых « кресах » нужно поскорее построить барьер « *antemurale christianitatis* » и т. д.) между варварской Россией и Западом. По этому поводу высказываются поистине ужасные пожелания - чтобы большевизм еще продлился в России! » (« За Свободу » - № 281, 1929). Уже раньше, на страницах русского католического журнала « Китеж », который о. Колпинский редактировал совместно с о. Около-Кулак, наш автор выразил убеждение, что « каждый искренний католик, не желающий примешивать понятие духовного блага Церкви, которое ему дороже жизни, к местным интересам, присутствует при таких экспериментах как при великом грехе и кровавой беде... ». Другой раз, в том же « Китеже » (1929, № 1-3), о. Колпинский написал, как « невыразимо мучительно видеть, что лица, с точки зрения христианской и католической - безответственные, воздвигли из политических соображений стену между католической и русской православной церковью (он говорит « русской », но мы бы сказали « русской и русинской » или, что то же, украинской), словно и без этого еще недостаточно помех делу унии »...

Однако, голос о. Колпинского, несмотря на его мужественный и энергичный оттенок, подлинный энтузиазм и глубокую искренность, имел лишь слабый отзвук. Его отношение постарались объяснить « русским шовинизмом », так как о. Колпинский настоящий русский, рожденный и воспитанный в православии и присоединившийся лишь впоследствии к католической Церкви. Сказали, что это голос русского, для которого Россия дороже, чем католическая Церковь - хотя это было совершенно необоснованно - и в доказательство приводили некоторые не вполне удачные выражения о. Колпинского.

« За пределами Польши, - писал он в своем письме к Философому - не знают еще всего, а то ужаснулся бы католический мир, ибо не католичество то, что там так часто перед православными демонстрируют ». (« За Свободу » - 1929, № 281). Кажется, о. Колпинский пытался осве-

домить Запад и в западных католических изданиях разъяснить положение, но, увы, безуспешно! Западные католические журналы и газеты хранили молчание и хранят его еще до сих пор. Даже «Иреникон», все же столь руссофильский, упорно обходит молчанием «ревиндикации» и еще другие дела. Среди всеобщего молчания, слово о Колпинском осталось, нужно полагать, гласом вопиющего в пустыне. Мало по малу у многих вытекло отсюда убеждение, что весь католический мир поддерживает отобрание православных церквей в польском государстве. Не только православные, украинцы, белоруссы, русские, но и поляки-либералы высказали слова горьких упреков и обвинений по поводу «ревиндикаций», направленные против всей католической Церкви и даже против Апостольского Престола. Так например, в Львове, одна польская газета «Przyjaciel Ludu», обсуждая и решительно осуждая с точки зрения национальных польских интересов образ действий, касающийся «ревиндикаций» православных церквей, дошла до того, что привела слова Юлия Словацкого: «О Польша! В Риме твоя гибель!»

Таким образом, атмосфера стала исключительно напряженной. Мы не знаем, было ли это сознательно или бессознательно, но во всяком случае не подлежит сомнению, что делу унии был этим нанесен один из самых страшных ударов, какие только знает история Церкви. Понадобятся, несомненно, десятки лет, а может быть даже века, чтобы рана, нанесенная «ревиндикациями», зарубцевалась совершенно. Разве только божественная благодать излечит чудесным образом эту рану. Свою надежду мы возлагаем исключительно на нее.

Ибо окружает нас сплошная ночь. Там, по ту сторону Збруча, в СССР, царит страшное, сатанинское преследование веры, Церкви, клира, верующих, идет деморализация и развращение юношества. Здесь, с этой стороны границы, непонимание, выраженное в отношении одной из самых серьезных и значительных задач христианского мира, непонимание абсолютной необходимости соединения Церквей, хотя бы даже только для того, чтобы противопоставить мощную христианскую силу пропаганде антихриста, направленной рукою ставшей красной Москвы против всего мира. Неспособность вникнуть в это и понять такой простой факт, что отниманием церквей уничтожается вера и что в душах верующих, лишенных владения ими, подготавливается путь разрушительной пропаганды антихристианства. Одним словом, со всех сторон окружает нас темная ночь.

2.

Среди густого мрака, бушующего шторма, вызванного ненавистью и мщением, бурного моря социальных, национальных и личных вожделений и разорвавших оковы страстей, засияли два ярких, светоносных луча.

С высоты Апостольского Престола раздался голос, исполненный любви к восточным народам, страдающим теперь под властью красных слуг сатаны. « До глубины сердца тронули нас мучения и страшные кощунственные преступления, повторяющиеся и растущие изо дня в день, против Бога и против всех душ, столь дорогих нашему сердцу, несчастного населения России... » Этими словами начал Святейший Отец Свое знаменитое письмо, обращенное к Высокопреосвященнейшему Кардиналу Помпили, документ огромной исторической важности, от 2 февраля 1930 г., по поводу религиозных гонений в России. Это письмо всем известно. Нет надобности повторять его или цитировать здесь целиком. Впечатление и влияние, произведенные этим письмом были огромны. Христиане разных обрядов и разных вероисповеданий, национальностей и народов, в ответ на это письмо, объединились в общей молитве о народах, страдающих в России. Письмо Святейшего Отца произвело на многих православных особенно сильное впечатление.

« Великая, поражающая радость! » - написал под впечатлением этого письма выдающийся русский публицист, сотрудник газеты « За Свободу », М. А. Кирьяков, много занимавшийся религиозными и моральными проблемами, бывший друг Льва Толстого и Лескова и принадлежащий теперь к элите русской эмиграции. - « Я крещен и воспитан в православной вере, - сказал он, - и с детства привык слышать, что православная вера имеет жестокого и неумолимого врага и что этот враг - католичество. Между католичеством и православием ведется веками долгая борьба, в которой обе стороны не останавливались перед самыми жестокими средствами, чтобы одержать победу... Но вот теперь все это начинает казаться ничтожным и незначительным в сравнении с теперешним положением нашего несчастного отечества... Большевики силятся стереть в народной душе все следы религиозного чувства. Упорно, систематически и чудовищно, как дикие звери, они угашают дух. Самое драгоценное народное благо, души детей, они растлевают, отравляют и поражают ударами своих грязных сапог. И вот, в такой трудный момент, когда наше истощенное отечество видит к себе со всех сторон одно равнодушие, презрение и даже ненависть, в этот момент!!! раздается внятный, ясный, опреленный голос, полный

братской любви и искреннего христианского милосердия. Этот голос донесся до нашего слуха с высоты Первосвятительского трона... Не правда ли, какая радость? Огромная, светлейшая? Вместо безразличия скептического иностранца и вместо неприязни, встретить сочувствие и любовь... После открытой ссоры, первые лучи Унии! Теперь, в столь мучительную эпоху, нас освещают проблески света! И это в то время, когда безразличные говорят, пусть живет людоедство, лишь бы развивалась торговля! В то время, когда имеющие подобие сострадания утверждают, что сначала нужно установить, были ли действительно в России случаи каннибализма... Как раз в этот момент глава католической Церкви ясно и решительно вступает за русский народ, таким ужасным образом пораженный. Скажем опять: разве это не дает повода к радости? Скептики и люди, привыкшие искать в глубине грандиозной борьбы материалистические мотивы, эгоистические интересы, скажут, пожалуй, что письмо Папы Пия XI тоже было вызвано... политическими расчетами... Однако, я лично думаю, что с таким же правом можно видеть в нем те побуждения, какие руководили милосердным самарянином в Евангелии... Когда я смотрю на красивые облачка, белоснежные, розоватые, багровые или слегка окрашенные блестящим золотом, как они плывут в солнечном свете, я не могу не любоваться дивным отражением божественного солнца. Когда мне говорят, что в действительности это лишь печальное зрелище, ибо эти светлые облака всего только холодный, сырой и темный пар, я убежденно доказываю, что видимая красота - не воображение, не обман, что в красоте природы заключена подлинная правда, запечатленная навсегда в моем сердце, что бы ни говорили люди о природе паров. Точно так же, в письме Главы католической Церкви, я вижу исходящую от Бога правду и красоту и не могу удержаться от того, чтобы не приветствовать ее и не выразить ей благоговейного почитания» (« За Свободу » - 1930, № 50).⁷

Голос М. А. Кирьякова не был единственным. Еще интереснее и еще характернее отклик М. К. (К. Н.-?) Николаева, бывшего киевского адвоката, в настоящее время юрисконсульта православного синода в Варшаве. Он был напечатан в « Воскресном чтении », официальном органе православной митрополичьей кафедры в Варшаве, вы-

⁷ Все цитаты, приведенные в этой статье, и отрывки из « За Свободу », « Воскресного чтения », из написанного И. Перетрухиным, так же как и отзывы об интервью митрополита Андрея даны в переводе обратно на русский язык. Если и удалось при этом сохранить в точности оттенки мыслей цитированных авторов в их русском оригинале, то, конечно, высказанное ими не может быть воспроизведено дословно в таком двойном переводе.

ходящем под редакцией самого Высокопреосвященнейшего митрополита Дионисия.

« Папа Пий XI, - пишет Николаев (в « Воскресном чтении » - 1930, № 11), - всей силой своего авторитета ... осудил богоборческую власть большевиков. Он признал, что это правительство причинило в России огромное зло Церкви Христовой и что поправить его возможно лишь посредством вселенской молитвы. Россия, в огромном большинстве, страна православная..., и этот ущерб причинен в России главным образом православной Церкви. Глава католической Церкви, торжественно, перед всем миром, признал, что православная Церковь - дело Духа Божьего, которое, когда ему причиняется ущерб, просит и требует вмешательства моральной реакции, чтобы поправить его. Важно перечислить последствия этой констатации, особенно, когда налицо поход государственного атеизма в советской России, который, очевидно, продолжит свои усилия в нападении на религию. В этот исторический час, разделение Церквей теряет совершенно свое внутреннее и внешнее значение перед лицом грозного врага, в особенности, если принять во внимание, что атеизм советской власти располагает всеми средствами религиозного и морального влияния. Общая борьба против богоборческих насилий большевиков, вот - современная задача Церкви Христовой, задача, исключаяющая возможность какой бы то ни было внутренней борьбы между Церквями; кто увековечит или усилит борьбу между поместными церквями, тот поведет борьбу не против той или другой церкви, но пойдет заодно с теми, кто нападает на Бога и будет бороться против Христа ».

Оба процитированные органа русской печати, « За Свободу » и « Воскресное чтение », не только не были прокатолическими или благонаклонными к католичеству, но, совершенно наоборот, в том, как они держали себя, у них было предубеждение против всего, что было католическим, особенно, в последнее время, вследствие « ревиндикации » храмов и других подобных фактов. Однако, письмо Святейшего Отца, полное искреннего сочувствия и любви к столь безутешному Востоку, тронуло до глубины души многих православных, даже тех из них, которые питали предубеждение против Апостольского Престола и не были к нему благосклонно настроены. Это выявилось даже в тех органах печати, которые еще недавно метали громы и молнии против проф. Зызыкина вследствие его прокатоличества. Теперь в них появляются статьи, полные искренней благодарности, восхищения и почтительного отношения к Апостольскому Престолу.

К несчастью, далеко не все поняли, как следует, письмо Святейшего Отца. Не все прониклись искренним и высоко христианским выраже-

РУССКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННИКИ И КЛИР

Рим, 30-X-1930

Сидящие: А. Дейбнер, А. Сипягин - А. Евреинов, вл. П. Бучис, С. Веригин, С. Грум Грзймайло, кн. А. Волконский. Во втором ряду: Д. Кузмин-Караваев, Зеденов, Арсеньев, Цебриков, В. Длусский, Н. Братко. В третьем ряду: Ф. Подзяво, М. Зданинсквич, Агагиан, К. Найлович.

нием столь благородных чувств, которым Святейший Отец Пий XI дал доказательство своим письмом и всей своей деятельностью. Даже среди католиков, стоящих совсем далеко (или, по крайней мере, державших себя до этого времени вдалеке) от дела « ревиндикаций », нашлись такие (да и вправду ли они католики?), которые так объяснили письмо Святейшего Отца по поводу религиозных гонений в России и так представили исполнение призыва Святейшего Отца к сочувствию и молитве « за все души, столь дорогого Нашему сердцу несчастного населения России », что они не пропустили даже этого случая, чтобы не лягнуть и не пихнуть « государственное » православие, схизматиков, правящие круги прежней России, недостаток культуры у москалей и т. д... Свои низменные выражения они поместили рядом с величественными и столь благородными, полными любви словами Святейшего Отца, в виде приложения и « комментария » к его письму.

Когда находятся католики, так « понимающие » и объясняющие, то что же удивляться, если не все православные показали себя исполненными доверия к таким искренним словам Святейшего Отца, тем более, что к недостатку доверия и неприязни в отношении католичества они были вызваны и попыткой отнять у них церкви и монастыри, и почти полным молчанием по этому поводу со стороны прочих католиков, даже тех, которые до этого считались искренне благожелательными к несоединенному с Римом Востоку.

Но вот, при всеобщем молчании, под нависшей черной тучей взаимного недоверия, предубеждений и с одной и с другой стороны, ненависти друг к другу, духа мщениия и злопамятства, раздался мощный и пламенный голос истинно христианского Пастыря. Это был голос человека, « чей светлый разум и подлинно христианская совесть поняли и почувствовали всю ложность предлогов, на которые ссылались вооружившиеся ими, простирая свои лицемерные руки, чтобы похитить православные церкви, голос человека, понявшего нехристианский смысл их дела ». Так высказался православный писатель и миссионер И. Перетрухин в своем отчете о знаменитом интервью Высокопреосвященнейшего митрополита Андрея (Шептицкого) по поводу « ревиндикации » церквей.

Это интервью представляет собою подлинный триумф высокой христианской любви над все еще живыми воспоминаниями о злобе, какую питали друг к другу, и об ущербе, какой наносили друг другу, над предубеждением и ненавистью, над духом зла и мщениия. Это триумф *католической* идеи единства, одержанный над схизмой, над ссорой, над « отделением » и над неприязнью. Это - целительный бальзам, пролитый на раны, нанесенные два-три века назад, а теперь - растрав-

ленные неосторожными руками людей, для которых католичество, Церковь, вера - являются не высшими ценностями и целями, но удобными средствами для достижения совсем других целей.

Голос Его Высокопреосвященства митрополита Андрея - акт большой исторической важности. Может быть, впервые один из самых великих прелатов католической Церкви, не словом, а делом, в наиболее трудный момент православно-церковной и религиозной жизни, выступает таким образом перед православными, как подлинный знаменосец христианской любви, согласия и прощения. В истории отношений между католической Церковью и не соединенным с нею Востоком, слова Высокопреосвященнейшего митрополита Андрея по поводу пресловутых « ревиндикаций » должны быть записаны золотыми буквами.

Впечатление и влияние, произведенные этими словами митрополита на православных, были огромны. Вот что сказал один православный, старый искренний сторонник Унии, о впечатлении, произведенном на него интервью Его Высокопреосвященства: « Лишь только я увидел в газете заголовок - интервью митрополита о деле « ревиндикаций », сердце у меня сильно забилося и я был глубоко взволнован... И правда, что собирался сказать *наш* митрополит? Разве я не читал еще совсем недавно удивительные слова такого старца, как митрополит Ропп, которого я лично любил и уважал, слова столь далекие от всего, что я представлял себе возможным услышать от него? Не иду ли я и тут навстречу новому разочарованию? Неужели митрополит Шептицкий действительно возвысится над общим уровнем? Руки у меня стали дрожать... Наконец, я смог читать... И вот, мое сердце исполнилось великой, торжественной, светлой радостью. Нет, мое ожидание не оказалось обманутым. Первый шаг был только что сделан. Мост успокоения и примирения через неприступный и непроходимый поток был переброшен! Греко-католический митрополит показал « ante oculos », что ответственность за « ревиндикации » падает не на католическую Церковь, но на те личности, которые плохо понимают католичество. Итак, путь к унии не закрыт. Слава Богу! »

Интервью митрополита Андрея произвело не меньшее впечатление и на тех православных, которые не только относятся неблагоприятно к Унии, но и исполнены предубеждения к униатскому католичеству. « Русский голос », орган москвофилов, т. е. галицийских русофилов, выходящий под редакцией одного православного, бывшего католика, дававший нередко на своих страницах место нелояльным выпадам против греко-католических епископов, напечатал в № 10 заметку, озаглавленную: « В защиту христианства », в которой говорится: « Все православные, как находящиеся в единении с Римом посредством Унии,

так и не соединенные с ним, принимают к сведению слова митрополита Андрея с чувством самого глубокого морального удовлетворения. Не обращая на этот раз внимания на многочисленные вопросы, отделяющие нас от митрополита Андрея, мы, его политические противники, констатируем с удовлетворением, что он действительно оказал большую услугу христианству ».

Орган православной митрополии в Варшаве, « Воскресное чтение », никогда не выражавший симпатии к католичеству, также высказался с большим уважением, вниманием и благодарностью об интервью митрополита Андрея. В № 7 этого журнала (от 16 февраля 1930 г.), в отделе « Хроника печати » находится статья за подписью « Vox » (говорят, что под этим псевдонимом скрывается лицо, занимающее высокое положение в православной Церкви), доказывающая « огромную важность заявлений, содержащихся в интервью главы галицийской униатской Церкви ». Прочитав полный текст интервью, « Vox » добавляет: « мы считаем, что даже для полного новичка в дипломатической диалектике, будет очевидным, до какой степени важно высказанное униатским митрополитом ». В своих дальнейших статьях (№№ 9 и 11), тот же автор разбирает с большим вниманием интервью митрополита Андрея, так же как и многочисленные и разнообразные отклики, вызванные этим интервью в печати разных направлений. Наконец, в № 11 « Воскресного чтения » находится длинная статья М. (К.?) Николаева, озаглавленная « Когда же? » и разбирающая это интервью вкратце. В своей статье М. Николаев прежде всего подчеркивает « всю исключительную важность » заявлений митрополита Андрея Шептицкого по поводу « ревиндикаций ». Он подчеркивает, что позиция, занятая митрополитом Андреем совершенно сходится « с теперешней линией поведения Римской политики » (которая выявилась и в письме Папы о религиозных преследованиях в России) и с римской « уравнищенностью ». Ответы митрополита Андрея на поставленные журналистом вопросы, по мнению М. Николаева, это - « золотые слова ». Он восторгается их ясностью и прямоотой, их « изяществом » и « характером, исполненным возвышенного достоинства ». Как говорит М. Николаев, в ответах митрополита Андрея чувствуется мнение « опытного политика, князя Церкви в западном значении слова, который, посредством настоящего умеет связывать прошлое с будущим ». М. Николаев обращает также внимание на правильность и справедливость юридических доводов, выдвинутых митрополитом Андреем. « Униатский митрополит, - говорит он, - указывает и польскому католическому епископату, как ему выбраться из затруднительного положения. Правда, созерцание « римской уравнищенности и размеренности » и в то же время, как в дан-

ном случае, беспокойной польской активности, позволяет бросить взгляд на внутреннее разделение в недрах католической Церкви; это разделение выступает теперь в таком важном вопросе, как позиция, какую следует занять в отношении православия, за защиту которого, как и вообще, за защиту всех церквей и всех вероисповеданий принялся теперь весь цивилизованный мир. Прочитав внимательно интервью митрополита Андрея, М. Николаев, по крайней мере, не допустил той ошибки, которую делают не только многие православные, но и многочисленные более или менее либеральные поляки, считающие себя тем не менее католиками и приписывающие всей Церкви, как таковой, ответственность за позицию, занятую польским клиром в отношении православных. Как раз наоборот, М. Николаев, пользующийся у нас большим моральным авторитетом, под влиянием митрополита Андрея, правильно оценив его голос, как одного из выдающихся католических епископов нашего времени, сумел отличить акцию занимающихся « ре-виндикацией » от деятельности всей католической Церкви и благодаря этому различению он не выдвинул против нее несправедливых обвинений. Важность этого факта тем более значительна, что статья М. Николаева появилась в органе православной митрополии, редактируемом лично главой православной Церкви в Польше.

Второй орган православной митрополии, выходящий на украинском языке и озаглавленный « Духовни сияч », не редактируется митрополитом; вообще говоря, он враждебен католичеству и выявляет сильную протестантскую тенденцию. Тем не менее, в отношении интервью митрополита Андрея и этот орган нашел не менее лестные выражения, чем « Воскресное чтение » и « Русский голос ». В № 4 « Духовного Сияча » (от 14 февраля 1930 г.) появилась специальная статья, принадлежащая перу миссионера Волынской православной епархии, Иосифа Перетрухина (русского происхождения), посвященная целиком интервью митрополита Андрея. Она озаглавлена: « Голос, раздавшийся очень кстати » и говорит об Его Высокопреосвященстве униатском митрополите Андрее Шептицком, « иерархе высшей культуры..., человеке, одаренном ясным умом и истинно христианской совестью », который « открыто и без обиняков заявил перед всем миром, что странная мысль отобрать православные церкви - не христианское дело и уже вследствие одного этого она не может быть никак оправдана ». Остановившись на содержании интервью митрополита Андрея и добавив к нему « несколько мыслей об оплошности, проявленной латинским духовенством в судебных процессах и не достигающей цели ни с точки зрения государственной пользы ни в отношении морали, Перетрухин делает следующее заключение: если суд утвердит эти решения, лишив народ его храмов, то

этим посеют в народной душе семена большевизма и сектанства. Нравственность от этого несомненно ослабеет и в народе родится ненависть в отношении тех, кто отнял у него его собственность. Разве эту цель преследует латинское (там говорят « римское ») католическое духовенство? Вот почему мы считаем, что голос митрополита Андрея Шептицкого прозвучал очень кстати, а слова его, исполненные мудрости, следовало бы заучить наизусть сторонникам « ревиндикаций ».

Нет надобности приводить здесь все высказанное православными, как отклик на высокую и подлинно христианскую позицию, занятую митрополитом Андреем. Его интервью имело благоприятное действие не только на друзей и сторонников Унии тем, что глубоко тронуло их души, но и на настроенных предубежденно и недружелюбно в отношении католичества. Интервью митрополита Андрея Шептицкого и письмо Святейшего Отца, появившиеся почти одновременно, заставили даже некоторых из них изменить свое отношение к католической Церкви, побудив к мягкости, к справедливым суждениям, к уважению, к благодарности и даже к мыслям, которые им были до этого чужды, о необходимости церковного сближения и о действительном единении, которое охватило бы всех христиан. Мы считаем, что в этой атмосфере взаимной и всеобщей ненависти - национальной, социальной и личной, в атмосфере соперничества и нападок, подогретой делом « ревиндикации » церковей, действие, достигнутое письмом Святейшего Отца и интервью митрополита Андрея, следует рассматривать, как важный успех, даже более важный, чем мы были в праве надеяться. Чтобы закончить и дополнить картину, произведенную на православных впечатлением интервью Высокопреосвященнейшего митрополита Андрея, нужно было бы упомянуть и официальные слова благодарности, обращенные к митрополиту с высоты парламентской трибуны варшавского сейма депутатом Хруцким от имени всего православного населения пограничных областей Польского государства: « С глубоким удовлетворением мы, православные, приветствуем заявления главы греко-католической Церкви, митрополита Шептицкого, который, руководясь принципами христианской любви и исторической справедливости, взял под защиту веру наших отцов и, помня (ибо он помнит!) о прежних страданиях этого населения, хотел предохранить его от новой попытки насилия, боясь, как бы он вместе со своими церквями не утратил и христианской веры ». (Речь, произнесенная в Сейме 7 февраля 1920 г. по поводу прений о бюджете министерства культов и народного образования).

Голос митрополита Шептицкого вызвал отклики и свидетельства симпатии также и со стороны греко-католиков. Мы отмечаем здесь

многозначительную статью за подписью: « Греко-католический священник » и озаглавленную: « Судебные процессы, чтобы овладеть православными церквями » (в Львовском « Диле » - 1930, №№ 38 и 39; сообщение о ней имеется в уже цитированной статье Voh-a в « Воскресном чтении »), так же как и мнение одного из наиболее заслуженных священников этого клира, отца-профессора Стефановича (см. его статью « По поводу ревиндикаций украинских православных церквей » в « Диле », №№ 52 и 53).

Наконец, что тоже имеет свой вес и значение, интервью митрополита Андрея Шептицкого заставило заговорить почти всю польскую печать и большое число польских газет должно было признать справедливость взглядов, выраженных высшим иерархом. К сожалению, глубоко христианский и истинно католический голос митрополита и его мысль, всегда занятая благом католической Церкви и абсолютной необходимостью церковного Соединения, были поняты меньше всего в польской печати. Но если католическая печать показала достаточно непонимания, то, напротив, в некоторых католических кругах Польши голос митрополита Андрея встретил некоторую симпатию, и нашлись даже поляки-католики, которые обратились к митрополиту со словами благодарности за мысли, развитые им в своем интервью.

Во всяком случае, мы можем сказать, что мощный голос Его Высокопреосвященства Владьки Андрея Шептицкого встретил всюду большой отклик и что он представляет собою, действительно, нечто подобное светлomu лучу в теперешней ночи, и мы надеемся, что этот луч - предвозвестник близкой победы света над мраком.

« Мы надеемся, что Экзарх находится на пути к прославлению через беатификацию. Конечно, еще слишком рано говорить об этом; но мнение, сложившееся у всех нас об его святости, усиленное ореолом страдания и смерти, повидимому, подтверждает наши надежды. С другой стороны, как русский католик, как Экзарх, как умерший в большевицких руках, нам кажется, что он поставлен в центре внимания всей Церкви. Вот почему я не сомневаюсь, что многие отнесутся к этому так же, как и я, и обаяние нашего дорогого усопшего будет все больше и больше расти ».

(Из письма митрополита Андрея Шептицкого к князю П. М. Волконскому от 4 мая 1935 г.).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Странички из жизни старого Петербурга: СМЕРТЬ ПРАВЕДНИЦЫ И ЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ (Последняя глава и эпилог из ненаписанной повести о княгине Елизавете Григорьевне Волконской).
2. Письмо ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА Его Преосвященству Владыке ШТРОС-МАЙЕРУ, епископу Босанскому и Сремскому, Апостольскому Викарию в Сербии.
3. «РИМ И РОССИЯ» (Из статьи о Ван Калуна в «Revue des Deux Mondes», 14.12.1894).
4. Из переписки митрополита АНДРЕЯ ШЕПТИЦКОГО: письма Преосвященному Антонию, Епископу Житомирскому; Преосвященному Петру, епископу Смоленскому; старообрядческому Епископу Иннокентию; Арсению Морозову; В. Е. Макарову.
5. Статьи Экзарха ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА, напечатанные в «Слове Истины»:
а) «Да будут все едино» (из № 57 за сентябрь 1917 г.); б) «Несколько мыслей по поводу нового Папского указа» (из № 61-63 за январь 1918 г.).
6. Циркуляр Преосвященного Эммануила Шапталя, Ассистента Архиепископа Парижского по сношениям о иностранцами (Директивы, данные им в декабре 1922 г. епархиальным священникам по поводу перехода православных русских в католическую Церковь).
7. Случай одержимости бесом (Свидетельство Ю. Н. Данзас).
8. Архипастырское послание Высокопреосвященнейшего АНДРЕЯ, Митрополита Львовского и Галицкого по поводу преследования православного населения в Польше и уничтожения православных церквей.
9. Место, какое Восток должен занимать в католической Церкви, и то, какое ему отводит новый Восточный Кодекс (Отрывок из сообщения, сделанного Помощником Мелхитского Патриарха архиепископом Петром Медаваром о греко-католическом соборе в Каире, состоявшемся в феврале 1958 г.).
10. *Audiat et altera pars*: как они думают, что они чувствуют (статья православного В. Михайленко в украинском католическом журнале «Поступ», № 4-5 за 1930 г.).